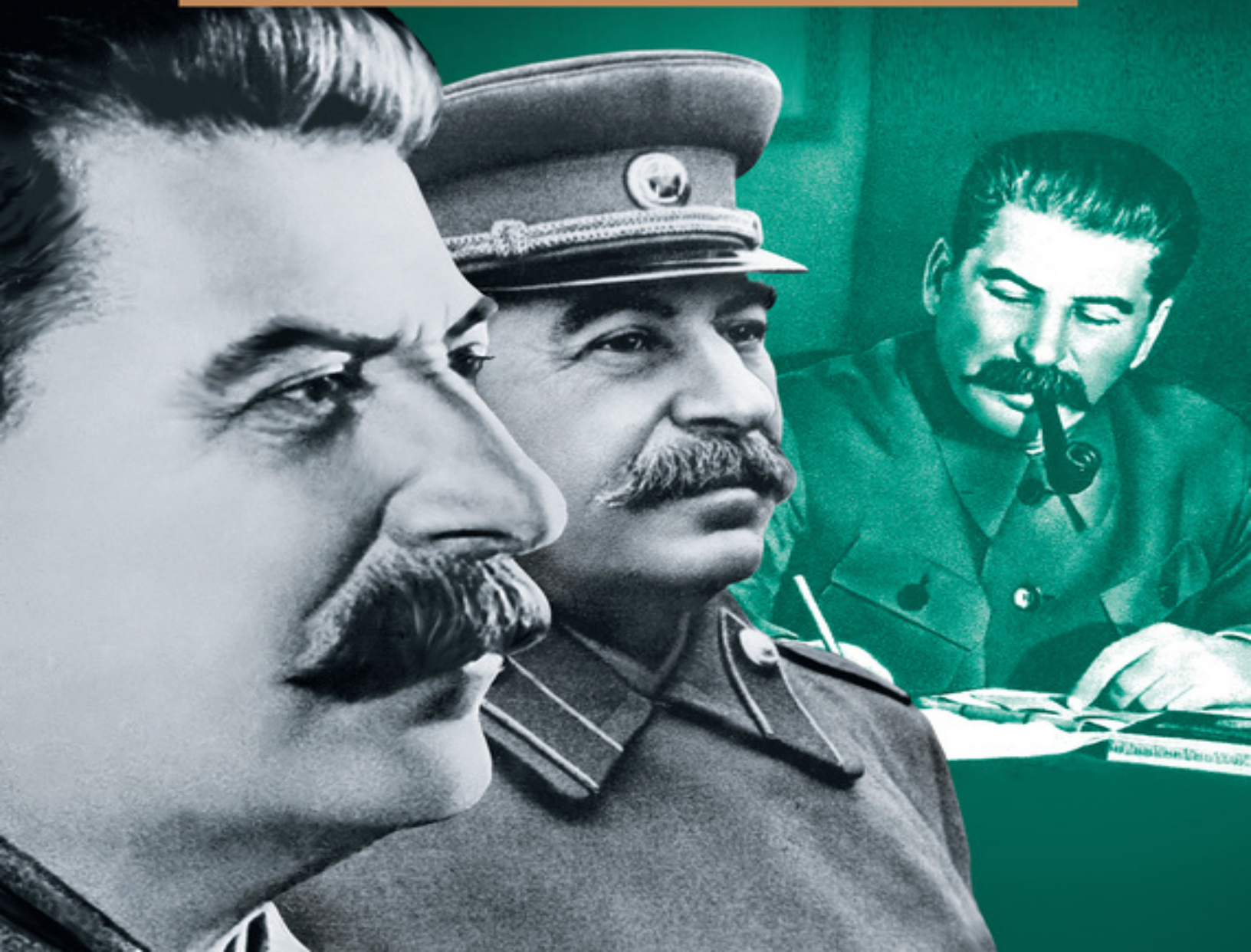
БОРИС ИЛИЗАРОВ

ИОСИФ СТАЛИН

В ЛИЧИНАХ И МАСКАХ ЧЕЛОВЕКА, ВОЖДЯ, УЧЕНОГО

Annotation

Иосиф Сталин – человек, во многом определивший историю России и всего мира в XX столетии. Николай Марр – создатель «нового учения о языке» или яфетидологии.

О чем задумывались оба этих человека, глядя на мир каждый со своей точки зрения? Ответ на этот и другие вопросы раскрывает в своих исследованиях доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института российской истории РАН Борис Илизаров. Под одной обложкой издаются две книги: «Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма» и «Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных». В первой книге автор представляет читателям моральный, интеллектуальный и физический облик И. В. Сталина, а вместе с героями второй книги пытается раскрыть то глубокое значение для человечества, которое таит в себе язык.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

- Борис Семенович Илизаров
  -
  - Предисловие
  - Книга первая
    - Предисловие к первому изданию
    - «Пролог», он же «эпилог»
      -
      - О роли любви и ненависти, бесстрастия и беспристрастности в историческом исследовании
      - Историософия
      - Несколько соображений о миграции общечеловеческих идей и о роли таланта в социальной инженерии
      - О двойственном характере мобилизационных, «вечных» идей
    - Раздел I. Портрет героя
      - Глава 1

- Историческое портретирование как метод
- Первая опорная точка портрета – Сталин и Бог
- Вторая точка – «Учитель из Тифлиса»
- Третья точка – «увы, увы! И что же видим мы?»
- Четвертая точка – гештальт врага
- Пятая точка – рисунки Сталина на полях «Истории» Дмитрия Иловайского
- Шестая точка портрета – «подвесить Брюханова за яйца». – И. Ст.»

- Глава 2
- Глава 3
  - На фоне библиотеки
  - На фоне архива и посмертной суеты
  - На фоне семейных и соседских пристрастий
  - «Человек-государство» или «творец»
- Глава 4
  - Теория души
  - Романтические блестки повести о Кобе
  - Первоэлементы души
  - От «Великого Моурави» до «Великого Сталина»
- Глава 5
  - Что есть любовь?
  - Мать и дитя
  - Грех семинариста?
  - Лидия Перепрыгина – малолетняя любовница «Оськи Корявого»
  - 1917: любовь и Октябрьская революция. Аллилуева
  - Надежда Аллилуева и Софья Андреевна Толстая
  - «Еврейский» след в биографии вождя
  - Сексуальная подоплека «дела Енукидзе»
- Раздел II. Потаенные «диалоги» Сталина с классиками художественной литературы
  - Глава 1
    - Наедине с собой, или сексуальность воображения
    - Анатоль Франс и Сталин «О стыдливости»

        - Сталин в поисках сексуального в поэзии и прозе Максима Горького
        - Читая Салтыкова-Щедрина
        - Щедрин, Франс и Сталин «О старости»
    - Глава 2
        - «Ха-ха» графу Толстому от товарища Сталина
        - «Народ» Льва Толстого
        - Самодовольство аристократии
        - Формула исчисления нравственности революционера
        - И снова женщина
        - Тюрьма как зеркало Российского государства
        - От «Учителя из Назарета» к «Учителю из Тифлиса»
    - Глава 3
        -
        - «Неуместное собрание»
        - Церковь, государство, социализм. Рим и Москва. Запад и Восток
        - «Из бесед и поучений старца Зосимы»
        - Рай
        - «Верующие бабы», или спасенные из ада
        - Ад
        - Вождь против писателя
    - Заключение
    - Философия возвращения
    - Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина
        - 1. История и проблема морали
        - 2. Моральный закон есть закон выбора
        - 3. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения
        - 4. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом
        - 5. Культ мертвой личности и его угасание
- Книга вторая
    - Глава 1

-
- Lingua Adamica
  -
  - Вавилонское столпотворение, или библейская версия происхождения языков-наций
  - Четыре исследования упомянем особо
  - Судьба как схождение и расхождение биографий. Посмертие
- Глава 2
  - «Автобиография» Марра с моими комментариями
  - «…Картина рыцарских времен с одним воином на ристалище». Палеонтология речи
  - Магия «нового учения о языке». Яфетидология
  - Стадиальная теория развития языка и мышления. Ручная речь
  - Языковед и революция
  - «Речевая революция»
- Глава 3
  -
  - Левиафаны Кавказа
  - «Некто в барсовой шкуре»
  - Герои афревразии Тристан и Исольда, или нулевые тысячелетия истории человечества
  - Так и неразгаданная тайна четырех элементов
- Глава 4
  -
  - Сталин о нации и языке
  - Общемировой язык и универсальный алфавит
  - Любимый сталинский академик «на посту бойца научно-культурного фронта»
  - О том, как Сталин осваивал азы яфетидологии
  - Борьба живого и мертвого
- Глава 5
  - Почему Сталин занялся проблемами языкознания? Мнения
  - Берия – Чикобава – Сталин: мотивации
  - Сталин – Чикобава

        - Загадки яфетической пирамиды
        - Сталин: «язык – материя духа»
        - Лингвистический «заговор» Сталина
    - Глава 6
        - Замысел и драматургия дискуссии
        - Сталин, академик И. Мещанинов и другие участники дискуссии
        - На пике дискуссии
    - Глава 7
        - Концепция
        - Первый сталинский удар по «новому учению о языке»
        - Второй удар по «новому учению о языке»
        - Третий удар
        - Четвертый сокрушающий удар
    - Глава 8
        - Резонансы
        - Почетный академик отвечает на вопросы аспирантки Е. Крашенинниковой
        - «Язык-мышление» или «мышление и язык»? Ответ Сталина и ответ Марра
        - Тайна символа. «Философия символических форм»
    - Глава 9
        - «Ответ тов. Санжееву», или о языке «от папы и мамы»
        - Расистские и нацистские интерпретации происхождения языка и нации
        - Похвальное слово жесту
        - Ответ Сталина на вопросы студента Холопова
    - Глава 10
        - Между утверждением и крахом «сталинского учения о языке»
        - Язык-мышление или мышление и язык?
        - Вместо заключения: о понимании
- Иллюстрации
    - Иллюстрации к книге «Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии

сталинизма»
        - Иллюстрации к книге «Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32

- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69

- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106

- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143

- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180

- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217

- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245
- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254

- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291

- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328

- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362
- 363
- 364
- 365

- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401
- 402

- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413
- 414
- 415
- 416
- 417
- 418
- 419
- 420
- 421
- 422
- 423
- 424
- 425
- 426
- 427
- 428
- 429
- 430
- 431
- 432
- 433
- 434
- 435
- 436
- 437
- 438
- 439

- 440
- 441
- 442
- 443
- 444
- 445
- 446
- 447
- 448
- 449
- 450
- 451
- 452
- 453
- 454
- 455
- 456
- 457
- 458
- 459
- 460
- 461
- 462
- 463
- 464
- 465
- 466
- 467
- 468
- 469
- 470
- 471
- 472
- 473
- 474
- 475
- 476

- 477
- 478
- 479
- 480
- 481
- 482
- 483
- 484
- 485
- 486
- 487
- 488
- 489
- 490
- 491
- 492
- 493
- 494
- 495
- 496
- 497
- 498
- 499
- 500
- 501
- 502
- 503
- 504
- 505
- 506
- 507
- 508
- 509
- 510
- 511
- 512
- 513

- 514
- 515
- 516
- 517
- 518
- 519
- 520
- 521
- 522
- 523
- 524
- 525
- 526
- 527
- 528
- 529
- 530
- 531
- 532
- 533
- 534
- 535
- 536
- 537
- 538
- 539
- 540
- 541
- 542
- 543
- 544
- 545
- 546
- 547
- 548
- 549
- 550

- 551
- 552
- 553
- 554
- 555
- 556
- 557
- 558
- 559
- 560
- 561
- 562
- 563
- 564
- 565
- 566
- 567
- 568
- 569
- 570
- 571
- 572
- 573
- 574
- 575
- 576
- 577
- 578
- 579
- 580
- 581
- 582
- 583
- 584
- 585
- 586
- 587

- 588
- 589
- 590
- 591
- 592
- 593
- 594
- 595
- 596
- 597
- 598
- 599
- 600
- 601
- 602
- 603
- 604
- 605
- 606
- 607
- 608
- 609
- 610
- 611
- 612
- 613
- 614
- 615
- 616
- 617
- 618
- 619
- 620
- 621
- 622
- 623
- 624

- 625
- 626
- 627
- 628
- 629
- 630
- 631
- 632
- 633
- 634
- 635
- 636
- 637
- 638
- 639
- 640
- 641
- 642
- 643
- 644
- 645
- 646
- 647
- 648
- 649
- 650
- 651
- 652
- 653
- 654
- 655
- 656
- 657
- 658
- 659
- 660
- 661

- 662
- 663
- 664
- 665
- 666
- 667
- 668
- 669
- 670
- 671
- 672
- 673
- 674
- 675
- 676
- 677
- 678
- 679
- 680
- 681
- 682
- 683
- 684
- 685
- 686
- 687
- 688
- 689
- 690
- 691
- 692
- 693
- 694
- 695
- 696
- 697
- 698

- 699
- 700
- 701
- 702
- 703
- 704
- 705
- 706
- 707
- 708
- 709
- 710
- 711
- 712
- 713
- 714
- 715
- 716
- 717
- 718
- 719
- 720
- 721
- 722
- 723
- 724
- 725
- 726
- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735

- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744
- 745
- 746
- 747
- 748
- 749
- 750
- 751
- 752
- 753
- 754
- 755
- 756
- 757
- 758
- 759
- 760
- 761
- 762
- 763
- 764
- 765
- 766
- 767
- 768
- 769
- 770
- 771
- 772

- 773
- 774
- 775
- 776
- 777
- 778
- 779
- 780
- 781
- 782
- 783
- 784
- 785
- 786
- 787
- 788
- 789
- 790
- 791
- 792
- 793
- 794
- 795
- 796
- 797
- 798
- 799
- 800
- 801
- 802
- 803
- 804
- 805
- 806
- 807
- 808
- 809

- 810
- 811
- 812
- 813
- 814
- 815
- 816
- 817
- 818
- 819
- 820
- 821
- 822
- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844
- 845
- 846

- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854
- 855
- 856
- 857
- 858
- 859
- 860
- 861
- 862
- 863
- 864
- 865
- 866
- 867
- 868
- 869
- 870
- 871
- 872
- 873
- 874
- 875
- 876
- 877
- 878
- 879
- 880
- 881
- 882
- 883

- 884
- 885
- 886
- 887
- 888
- 889
- 890
- 891
- 892
- 893
- 894
- 895
- 896
- 897
- 898
- 899
- 900
- 901
- 902
- 903
- 904
- 905
- 906
- 907
- 908
- 909
- 910
- 911
- 912
- 913
- 914
- 915
- 916
- 917
- 918
- 919
- 920

- 921
- 922
- 923
- 924
- 925
- 926
- 927
- 928
- 929
- 930
- 931
- 932
- 933
- 934
- 935
- 936
- 937
- 938
- 939
- 940
- 941
- 942
- 943
- 944
- 945
- 946
- 947
- 948
- 949
- 950
- 951
- 952
- 953
- 954
- 955
- 956
- 957

- 958
- 959
- 960
- 961
- 962
- 963
- 964
- 965
- 966
- 967
- 968
- 969
- 970
- 971
- 972
- 973
- 974
- 975
- 976
- 977
- 978
- 979
- 980
- 981
- 982
- 983
- 984
- 985
- 986
- 987
- 988
- 989
- 990
- 991
- 992
- 993
- 994

- 995
- 996
- 997
- 998
- 999
- 1000
- 1001
- 1002
- 1003
- 1004
- 1005
- 1006
- 1007
- 1008
- 1009
- 1010
- 1011
- 1012
- 1013
- 1014
- 1015
- 1016
- 1017
- 1018
- 1019
- 1020
- 1021
- 1022
- 1023
- 1024
- 1025
- 1026
- 1027
- 1028
- 1029
- 1030
- 1031

- 1032
- 1033
- 1034
- 1035
- 1036
- 1037
- 1038
- 1039
- 1040
- 1041
- 1042
- 1043
- 1044
- 1045
- 1046
- 1047
- 1048
- 1049
- 1050
- 1051
- 1052
- 1053
- 1054
- 1055
- 1056
- 1057
- 1058
- 1059
- 1060
- 1061
- 1062
- 1063
- 1064
- 1065
- 1066
- 1067
- 1068

- 1069
- 1070
- 1071
- 1072
- 1073
- 1074
- 1075
- 1076
- 1077
- 1078
- 1079
- 1080
- 1081
- 1082
- 1083
- 1084
- 1085
- 1086
- 1087
- 1088
- 1089
- 1090
- 1091
- 1092
- 1093
- 1094
- 1095
- 1096
- 1097
- 1098
- 1099
- 1100
- 1101
- 1102
- 1103
- 1104
- 1105

- 1106
- 1107
- 1108
- 1109
- 1110
- 1111
- 1112
- 1113
- 1114
- 1115
- 1116
- 1117
- 1118
- 1119
- 1120
- 1121
- 1122
- 1123
- 1124
- 1125
- 1126
- 1127
- 1128
- 1129
- 1130
- 1131
- 1132
- 1133
- 1134
- 1135
- 1136
- 1137
- 1138
- 1139
- 1140
- 1141
- 1142

- 1143
- 1144
- 1145
- 1146
- 1147
- 1148
- 1149
- 1150
- 1151
- 1152
- 1153
- 1154
- 1155
- 1156
- 1157
- 1158
- 1159
- 1160
- 1161
- 1162
- 1163
- 1164
- 1165
- 1166
- 1167
- 1168
- 1169
- 1170
- 1171
- 1172
- 1173
- 1174
- 1175
- 1176
- 1177
- 1178
- 1179

- 1180
- 1181
- 1182
- 1183
- 1184
- 1185
- 1186
- 1187
- 1188
- 1189
- 1190
- 1191
- 1192
- 1193
- 1194
- 1195
- 1196
- 1197
- 1198
- 1199
- 1200
- 1201
- 1202
- 1203
- 1204
- 1205
- 1206
- 1207
- 1208
- 1209
- 1210
- 1211
- 1212
- 1213
- 1214
- 1215
- 1216

- 1217
- 1218
- 1219
- 1220
- 1221
- 1222
- 1223
- 1224
- 1225
- 1226
- 1227
- 1228
- 1229
- 1230
- 1231
- 1232
- 1233
- 1234
- 1235
- 1236
- 1237
- 1238
- 1239
- 1240
- 1241
- 1242
- 1243
- 1244
- 1245
- 1246
- 1247
- 1248
- 1249
- 1250
- 1251
- 1252
- 1253

- 1254
- 1255
- 1256
- 1257
- 1258
- 1259
- 1260
- 1261
- 1262
- 1263
- 1264
- 1265
- 1266
- 1267
- 1268
- 1269
- 1270
- 1271
- 1272
- 1273
- 1274
- 1275
- 1276
- 1277
- 1278
- 1279
- 1280
- 1281
- 1282
- 1283
- 1284
- 1285
- 1286
- 1287
- 1288
- 1289
- 1290

- 1291
- 1292
- 1293
- 1294
- 1295
- 1296
- 1297
- 1298
- 1299
- 1300
- 1301
- 1302
- 1303
- 1304
- 1305
- 1306
- 1307
- 1308
- 1309
- 1310
- 1311
- 1312
- 1313
- 1314
- 1315
- 1316
- 1317
- 1318
- 1319
- 1320
- 1321
- 1322
- 1323
- 1324
- 1325
- 1326
- 1327

- 1328
- 1329
- 1330
- 1331
- 1332
- 1333
- 1334
- 1335
- 1336
- 1337
- 1338
- 1339
- 1340
- 1341
- 1342
- 1343
- 1344
- 1345
- 1346
- 1347
- 1348
- 1349
- 1350
- 1351
- 1352
- 1353
- 1354
- 1355
- 1356
- 1357
- 1358
- 1359
- 1360
- 1361
- 1362
- 1363
- 1364

- 1365
- 1366
- 1367
- 1368
- 1369
- 1370
- 1371
- 1372
- 1373

Борис Семенович Илизаров
Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого

© Илизаров Б. С.
© Институт российской истории РАН
© ООО Издательство АСТ

Предисловие

Под одной обложкой издаются две книги: «Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма» и «Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных». Я благодарен судьбе и издательству за то, что еще при жизни увижу обновленное издание. Обновленное не в том смысле, что пересмотрел взгляды на сталинскую эпоху и историю России XX века. Несмотря на то что через обе книги проходит один и тот же герой, в них рассматриваются взаимосвязанные, но разные проблемы. В первой книге анализируются скрытые душевные и моральные изломы сталинской натуры как части его биографии; вторая книга в большей степени посвящена истории интеллекта, причем в той области, в которой Сталин считал себя первым из наипервейших, то есть в области национального вопроса, языка и связанных с ними политических и культурологических проблем. Но и первая, и вторая книги не только о Сталине, его эпохе и людях, на жизнь и судьбу которых он повлиял, они о всех нас (включая Сталина, конечно), вынужденных с момента рождения и до момента смерти стоять перед выбором добра или зла. Государственный деятель, как любой человек, родившейся на Земле, не свободен от этого судьбоносного и для себя, и для страны выбора. Мне кажется, что это новый, точнее – основательно забытый аспект для современной исторической науки. Сразу после выхода в свет первой книги в 2002 г. я стал получать различные отклики. Но и положительные, и отрицательные рецензии за редким исключением[1] были поверхностны, а потому – малопродуктивны, и только в последние годы я познакомился с мнениями, касающимися самого существа поднимаемых в книге вопросов.

Патриарх современной русской литературы Даниил Гранин в одном из интервью поделился такими соображениями:

«(Корреспондент) – Как в нескольких словах вы можете охарактеризовать личность Сталина?

– Знаете, у меня в этом плане разные были периоды: до и после XX съезда, где разоблачили все жестокости Сталина и особенно “Ленинградское дело”, с которым немного столкнулся, но потом

убедился, что все тут гораздо сложнее. В каком смысле? Ну, вот хотя бы в том, что Иосиф Виссарионович очень любил и знал литературу, много читал… Есть замечательные исследования на этот счет, в частности, историк Борис Илизаров изучал пометы, сделанные Сталиным на полях книг…

– …красным карандашом?

– Нет, разноцветными. Все эти надписи: “Так его!”, “Куда ж податься?”, “Неужели и это тоже?”, “Это ужасно!”, “Выдержим” – примечательны тем, что отражают неподдельное чувство читателя. Тут нет никакой показухи, ничего, рассчитанного на публику (кстати, эту читательскую реакцию хорошо показал в “Евгении Онегине” Пушкин).

Так вот, судя по тому, как Илизаров описывает сталинские пометы на “Воскресении” Толстого, на “Братьях Карамазовых” Достоевского, на произведениях Анатоля Франса и так далее, вождь был не просто книгочеем, а вдумчивым читателем, который все как-то усваивал, переживал, хотя на него это не действовало.

– Злодеем он все-таки был?

– Ну, объяснение это слишком простое – налицо невообразимая, чудовищная извращенность. Понимаете, Толстой, Достоевский – это же величайшие гуманисты, человековеды, никто лучше их о проблемах совести и добра не писал, но вот на Кобе это никак не сказывалось. Облагораживающее влияние литературы, искусства, о котором мы так любим рассуждать, здесь заканчивалось – он приезжал в свой кремлевский кабинет…

– …и напрочь забывал Толстого и Достоевского…

– …и подписывал расстрельные списки на сотни человек, причем не абстрактных, а тех, которых знал, с кем дружил».

А вот прямо противоположное мнение Юрия Емельянова, журналиста, не поленившегося написать толстую книжку, посвященную «разоблачениям» антисталинистских высказываний, начиная с Троцкого, Хрущева, Горбачева, многих известных российских и зарубежных историков, публицистов XX века, апофеозом которых стала, как утверждает автор, моя книга:

«Пожалуй, наиболее ярким примером морального и интеллектуального падения антисталиниста стала книга Бориса Илизарова “Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива”. Спору нет, Илизаров заведомо взялся за трудное дело:

попытаться истолковать характер Сталина и раскрыть его мысли, разбирая пометки, которые тот оставлял на полях книг. Однако к книгам из сталинской библиотеки был допущен человек, явно не способный понять ни смысл сталинских пометок, ни содержание произведений, которые комментировал Сталин.

Сообщая, что он пять лет бился над расшифровкой помет Сталина на нескольких десятках книг, Илизаров лишь расписался в своей интеллектуальной беспомощности….

Но возможно, что Илизаров кое-чего добился бы в своих трудах, если бы не его позиция. Провозгласив принцип “эмоционально высвеченной научной истории”, Илизаров с первой же страницы книги не скрывает своей ненависти к Сталину», и т. д., и т. п.

Читатель сам может судить о том, что в писаниях Емельянова правда, а что завистливая пропагандистская чепуха. Хочу также обратить внимание на то, что я опирался не только на многочисленные сталинские пометы, но и на ранее неизвестные материалы из личного архива Сталина и документы других архивов.

Если книга «Тайная жизнь И. В. Сталина» выходит очередным, фактически седьмым изданием и я вижу ее наконец-то завершенной, то книгу «Почетный академик И. В. Сталин «за» и «против» академика Н. Я. Марра» я все еще не считаю законченной. Любое историческое сочинение должно оканчиваться открытым финалом, но совсем не для того, чтобы идущий вслед коллега-историк подхватил начатый разговор. Н. Карамзин не следовал за древнерусскими летописцами или историками XVIII в., С. Соловьев не продолжил «Историю» Н. Карамзина, а В. Ключевский – сочинения С. Соловьева и т. д. Каждый историк создает свой мир, свой образ прошлого, поверх образа, созданного предшественниками, иногда грандиозный и завораживающий, а нередко убогий и мало кому интересный. Но ни в том, ни в другом случаях они не перечеркивали предшественников – они всегда рядом и отдельно. Только читатель решает, кто и как надолго останется в числе писателей истории на будущее. Поэтому я стараюсь прислушиваться к его мнению и тогда, когда книга еще лежит в рукописи, и в особенности тогда, когда ее тираж разошелся. Читатель всегда прав. Только благодаря ему книги Карамзина, Соловьева, Костомарова и еще некоторых отечественных авторов до сих пор живы, т. е. читаются и переживаются людьми, а сотни имен и тысячи

исторических сочинений, особенно советской эпохи, канули в безвестность. Так что читатель всегда прав… Нет… не всегда. Не прав в том случае, когда выступает в роли доносчика.

Тот, кто помнит советскую жизнь и политическую терминологию, сразу смекнет, к кому обращается цитируемый ниже автор и зачем. Вот как бойко доносит на меня и моих коллег, на коллектив академического журнала, на академический исследовательский институт, наконец, на Академию наук в целом один из рецензентов второй книги: «Вызывает неподдельное удивление тот факт, что как во времена Марра, так и сегодня яфетидология находит свое пристанище в Академии наук. Об этом свидетельствуют не только гриф «Российская академия наук. Институт российской истории» и положение автора книги. Важнее другое: на обороте титульного листа не просто указаны рецензенты, но и выражается «искренняя благодарность коллегам, взявшим на себя труд прочитать эту книгу в рукописи», это семь ученых, из которых шестеро – доктора исторических наук, ведущие научные сотрудники ИРИ РАН. Символично, что они дали санкцию на издание книги после того, как публикации в журнале «Новая и новейшая история» (орган РАН и Института всеобщей истории РАН) удостоились серьезной критики; таким образом, Б. С. Илизаров не только не изменил своим методам, но и получил, как видим, полную поддержку ведущего центра РАН в области отечественной истории»[2].

После такого «аргумента» все остальные замечания критика перестали что-либо значить. Но благодаря ему и другим, более серьезным и уравновешенным рецензентам удалось исправить много неточностей[3]. Как жаль, что даже в начале XXI в. в новой России околонаучные круги не гнушаются стилем доносительства.

Январь 2015 г.

Книга первая
Тайная жизнь Сталина
По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма
Рецензенты: доктор исторических наук В. С. Лельчук, доктор исторических наук А. П. Ненароков
Издание шестое

Памяти отца посвящаю

Но очнулись, пошатнулись,
Переполнились испугом,
Чашу, ядом налитую, приподняли над землей
И сказали: – Пей, проклятый,
неразбавленную участь,
не хотим небесной правды,
легче нам земная ложь.

Иосиф Сталин

(перевод с грузинского Ф. Чуева)

Человек иль злобный бес
В душу, как в карман, залез,
Наплевал там и нагадил,
Все испортил, все разладил
И, хихикая, исчез.
Дурачок, ты всем нам верь, —

Шепчет самый гнусный зверь, —
Хоть блевотину на блюде
Поднесут с поклоном люди,
Ешь и зубы им не щерь.

Федор Сологуб

Я перед вами ничего не утаю: меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито в мерзость.

Федор Достоевский

(из подготовительных материалов к роману «Бесы»)

Каждый из нас, человеческих существ, есть один из бесчисленных экспериментов…

Зигмунд Фрейд.

Леонардо да Винчи. Воспоминание детства

Предисловие к первому изданию

Перед вами первая часть давно задуманной книги о душевном, интеллектуальном и физическом облике И. В. Сталина, человека, во многом определившего историю России и всего мира в XX веке. Практически все, что здесь изложено, написано на основании новых или малоизвестных источников.

Хочу предупредить – в книге читатель встретится с незнакомым Сталиным. Кому привычен давно сложившийся положительный или резко негативный образ этого человека, лучше книгу не открывать, чтобы не тревожить душу сомнениями. В то же время я совершенно не стремился занять как бы «третью», среднюю позицию, когда, «с одной стороны», мой герой «то-то и то-то делал и мыслил положительное», а «с другой – то-то и то-то… отрицательное». Я рассматриваю фигуру Сталина без «священного» трепета и не менее «освященного» ернического пренебрежения. Для меня Сталин, недавно по историческим меркам сошедший с мировой арены, – старший современник, с которым я ныне знаком пусть и опосредованно, через источники и документы, но гораздо основательнее, чем если бы это произошло непосредственно при знакомстве, в реальной жизни.

Теперь я знаю – Сталин был гораздо проще, приземленнее, а иногда, как человек, воспитанный в определенной среде и действовавший при определенных исторических условиях, – вульгарнее, примитивнее, глупее, коварнее и злее, чем об этом повествовали мало что знавшие, а главное – мало что смевшие и желавшие знать его соратники и современники и некоторые мои современники, сталинские апологеты. В то же время это была натура гораздо более сложная, противоречивая, разносторонняя и незаурядная, чем о нем пишут другие наши современники, пережившие «культ личности», его разоблачение и настороженно отслеживающие каждую попытку его исторической реабилитации. Более основательно познакомившись с некоторыми ранее скрытыми сторонами сталинской натуры, эту настороженность считаю вполне оправданной. Убежден – к Сталину, к сталинизму как явлению всемирно-исторического масштаба следует относиться чрезвычайно серьезно, не менее серьезно, чем к Гитлеру и нацизму. Так же серьезно, как к Сталину относились все

знаменитые его современники – от Троцкого и Черчилля до Рузвельта и того же Гитлера.

О Сталине написано огромное количество работ. Помимо широко известных, разноплановых монографий и исследований Л. Троцкого, А. Авторханова, Д. Волкогонова, Р. Такера, Р. Слассера, Д. Ранкур-Лаферриера, А. Антонова-Овсеенко, Р. Медведева, Э. Радзинского, Е. Громова, Н. Яковлева, М. Вайскопфа, ежегодно выходят десятки менее значительных книг и у нас, и в особенности за рубежом. «Сталиниана», начавшаяся с середины 20-х годов XX столетия, сейчас насчитывает многие сотни, даже тысячи работ и документальных публикаций самого различного жанра и качества. Сама по себе литература о Сталине давно должна была бы стать темой самостоятельного историографического исследования. Чтобы не увязнуть в ней, я решил не выделять специального историографического раздела, так как работы, вышедшие о Сталине при его жизни, рассматриваю в качестве важнейших источников, раскрывающих процесс формирования историософии сталинизма. Все, что выходило при его жизни в стране, и большую часть того, что издавалось за рубежом, он лично контролировал и часто выступал как соавтор и вдохновитель своих «биографий» и исследований о себе. Заслуживающие доверия работы, вышедшие после его смерти, цитируются в соответствующих местах.

Ясно, что в условиях столь мощного потока публикаций и эмоционального противостояния не просто найти точный аспект в раскрытии личности Сталина, отстаивать собственный взгляд на результаты его интеллектуальной и душевной деятельности. Но я и не претендую на открытие «объективной», беспристрастной и безоговорочно приемлемой для всех истины. Первоначально научная «истина» всегда очень личностна и эмоционально субъективна, поскольку она принадлежит только тому, перед кем раскрылась, или тому, кто ее обнаружил. И лишь в том случае, если кто-то помимо первооткрывателя принимает ее, истина объективизируется, то есть становится истиной для многих, может быть, для очень многих, но никогда – для всех. На каждый закон, даже физический закон Ньютона, найдется свой ниспровергатель, свой Эйнштейн, а на него – еще кто-то, опровергающий и дополняющий казалось бы незыблемые постулаты. Тем более если речь идет об истине в исторической науке, где безраздельно господствует мнение. Однако, даже будучи

относительной, истина (как и истинное мнение) таит в себе огромные и очень конкретные силы.

* * *

На протяжении 1998–2002 годов в научных и научно-популярных изданиях, в периодических изданиях России и за рубежом я публиковал отдельные разделы и фрагменты этой работы. Не все они вошли в книгу. Однако то, что ранее было опубликовано, а теперь вошло в книгу, было в значительной степени переработано, расширено и уточнено.

Многим своим коллегам я благодарен за товарищескую критику, облегчившую постановку основных идей. В первую очередь я вспоминаю ныне покойных Ю. С. Борисова и В. П. Дмитренко, несколько лет назад поддержавших общее направление этого исследования. Особая благодарность А. Н. Сахарову, одобрившему в начале работы ее «сталинскую» и историософскую направленность. Без ценнейших консультаций бывшего заведующего библиотекой ИМЭЛ при ЦК КПСС, а ныне коллеги по Центру истории отечественной культуры Института российской истории РАН Ю. П. Шарапова работа выглядела бы намного беднее. Я благодарю коллег, взявших на себя труд прочесть книгу в рукописи и высказавших о ней свое мнение: Т. Ю. Красовицкую, А. В. Голубева, Ю. А. Тихонова, В. А. Невежина, В. Д. Есакова, А. Е. Иванова, А. П. Богданова. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить немецкого исследователя Дитриха Байрау.

Много лет я работаю в читальном зале Российского государственного архива социально-политической истории (РГА СПИ). Благодарю работников архива за постоянные и ценнейшие консультации. Хочу выразить благодарность М. В. Страхову, чьи уникальные знания о фондах архива не раз облегчали поиск необходимой информации.

На протяжении 2000 года в журнале «Новая и новейшая история» публиковались обширные фрагменты монографии. Инициатива этих публикаций принадлежала главному редактору журнала Г. Н. Севостьянову, которому я особенно благодарен за столь действенную поддержку. Считаю своим долгом поблагодарить и сотрудницу журнала

Г. Г. Акимову, осуществившую значительную редакторскую работу над текстами статей. В переводах текстов, напечатанных на грузинском языке, неоценимую помощь оказал Нугзар Шария.

Без двух близких людей, неизменно поддерживавших меня, эта работа вряд ли бы состоялась. Это – историк и архивист А. В. Доронин и С. Е. Кочетова – моя жена и самый строгий критик.

2002 г.

«Пролог», он же «эпилог»

Почему «пролог», а не – «введение»?

Именно с «пролога» начинается эта «Книга в книге». В центре обеих книг – Сталин, но в одной из них он конкретный, живой человек, а в центре другой – историческая личность. Я не берусь судить о том, где заканчивается одна книга и начинается другая.

«Введение» в современном историческом труде – это традиционная форма заявления автора о намерениях, а главное – представление доказательств своего профессионального трудолюбия. Еще со времен Средних веков в западноевропейской гуманитарной науке сложились обязательные формы ученических и школярских трудов, без зачета которых не принимали в цех мастеров. В советское время такие работы сознательно превратили в формальный канон гуманитарного сословия, вне зависимости от того, принадлежит ли труд ученику, подмастерью или мастеру. Все ходили в школярах, все были учениками очередного вождя, как величайшего «Мастера». Сталин первым назвал себя «мастером», «мастером от революции»[4].

В этой книге «Пролог» – нечто вроде сеней в деревенском доме. Это переход совместно с читателем из открытого, по существу, космического пространства всеобщей жизни в обособленный, суженный мир одного общества, одной семьи, одного человека, переход, который уже отделяет нас от внешнего и бесконечно открытого, но еще только таит в себе возможность проникновения внутрь, в интимную глубину. Примерно этим же целям служил пролог в античном театре и в театре времен Шекспира. Проводя зрителя через пролог, автор отсекал его от повседневно текущего и вталкивал в мир объясняющихся символов. Поскольку на земле только «через человека есть выход в иной мир»[5], постольку «пролог» таит в себе возможность такого совместного с автором перехода. В наше время классический «пролог» почти повсеместно заменен занавесом, который, конечно же, использовал и театр времен Сталина. Но в театр Михаила Булгакова, так же как в театр Шекспира или Мольера, естественнее было проникнуть, переступив именно «пролог». Через «пролог» Булгаков пытался войти в сталинский мир. В 1939 году, когда могущество вождя достигло, казалось бы, немыслимых высот, Сталин прочитал о себе

пьесу Булгакова «Батум», начинавшуюся таким «прологом»: встреча «накоротке» с товарищем в зале Тифлисской духовной семинарии в 1898 году. Сталину около девятнадцати лет, но вся его судьба как отпечаток на ладони: «Понимаешь, пошел купить папирос, возвращаюсь на эту церемонию, и под самыми колоннами цыганка встречается. «Дай погадаю, дай погадаю!» Прямо не пропускает в дверь. Ну, я согласился. Очень хорошо гадает. Все, оказывается, исполнится, как я задумал. Решительно сбудется все! Путешествовать, говорит, будешь много. А в конце даже комплимент сказала – большой ты будешь человек! Безусловно стоит заплатить рубль»[6]. Здесь пролог – не предчувствие и не предсказание (чего уж там предсказывать, на дворе 1939 год!), а мгновенное сжатие несколькими фразами начала и конца судьбы «мастера от революции», «пастыря народов». Среди первоначальных булгаковских названий пьесы о Сталине были: «Мастер» и «Пастырь».

Пьеса «Батум» была запрещена лично Сталиным не только к постановке, но и к публикации. Но на другую пьесу Булгакова, «Дни Турбиных», он ходил пятнадцать раз, и, конечно, неспроста. Наверняка и Сталин посматривал на свою страну так же, как втайне любимый им мхатовский драматург и гениальный писатель смотрел на театральную сцену с зарождающимся в его душе спектаклем. Он видел эту сцену как бы сверху и со стороны, на которой, однако, даже давно убиенные или никогда не существовавшие лица внезапно самовоскрешаются и действуют помимо воли постановщика.

Лион Фейхтвангер, талантливо слепивший из эмоциональных археологических обломков и такой же ветоши целую галерею героев для собственного исторического театра, в том числе зыбкий лик Сталина образца 1937 года, не мог не отметить особое бездушное великолепие советского театра. «Сценические картины отличаются такой законченностью, какой мне нигде до сих пор не приходилось видеть, – писал он, – декорации, там, где это уместно, например, в опере или некоторых исторических пьесах, поражают своим расточительным великолепием». И все же, несмотря на масштабность и расточительность сталинского театра, «драмы у него нет» – жестко констатировал Фейхтвангер[7]. И это в то самое время, когда на подмостках Колонного зала Дома Союзов разыгрывалась очередная фантазийная драма под периодическим названием «Дело врагов

народа», в которой сам Фейхтвангер, в соответствии с замыслом Сталина, играл роль зачарованного гостя и заморского очевидца. Хотя до приезда в Москву предшествующий политический процесс над Зиновьевым и Каменевым представлялся ему «какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством»[8]. Многие говорят о Сталине, в том числе наш известный драматург Эдвард Радзинский, как о ярком режиссере собственного политического театра и потому, как мне кажется, искренне ценившем талантливых мастеров лицедейства[9]. Все же Сталин как драматург и постановщик не так уж интересен. Все его политические спектакли кустарны и говорят о наивной, хотя и безудержной сценической фантазии автора. Но как актер, сыгравший с десяток уникальных ролей исторических героев, он будет не скоро превзойден на мировой политической сцене. В лицедействе он хорошо разбирался. И как истинный актер, он дико завидовал своим партнерам по сцене, в особенности Л. Д. Троцкому. В 1927 году Сталин завистливо и издевательски бросил в партийный «зрительный зал»: «Я думаю, что Троцкий не заслуживает такого большого внимания. (Голос с места: «Правильно!») Тем более что он напоминает больше актера, чем героя, а смешивать актера с героем нельзя ни в коем случае»[10].

Основная тема этой (и, дай бог, будущей) книги – подлинный образ героя, поверх которого – лики, маски и исторические личины И. В. Сталина как важнейшие составные части его авторской историософии. И все же, все же – история не театр и люди в ней не актеры!

Когда занавес падает, это значит, что главный герой, даже очень могущественный, бесповоротно мертв и возврат на ту же сцену, в том же исполнительском составе, в тот же зрительный зал и в ту же эпоху невозможен. И это несмотря на шумные рукоплескания современников и даже потомков, переходящие в овации, перекрывающие вопли и стоны. Невозможен, несмотря на здравицы и скандирования «бис!», то есть – «повторить!». Ах, как Сталин, один из главных героев, взобравшихся на сцену XX века, все это любил при жизни! И какое же это счастье, что как бы талантливо исторические герои ни лицедействовали, жизнь постоянно их обманывала – история никогда не будет театром, страна – сценой, а ее люди, сколько с ними ни репетируй, – талантливыми статистами. Прав замечательный философ Кьеркегор, считавший, что в жизни каждого из нас на каждом шагу

подстерегают все новые и новые повторения, то есть воспоминания, позволяющие предвкушать будущее[11]. Но это в раскрытой жизни, в свершающемся, но еще не в свершенном, в личной судьбе, в начатом, но незавершенном труде и во всем том, что еще напряженно ожидает будущего. А человеческая история не предусматривает повторения, как и черновиков. Там все в первый и все в последний раз и – навеки.

Но так же как в городе или деревне мы не только входим, но и выходим из дома через те же самые двери подъезда или одни и те же сени, то и выскользнуть из сталинской эпохи, из его внутреннего мира можно также через «Пролог». Тому, кто не хочет себя затруднять кажущимся длительным переходом, советую сразу же открыть первую страницу первой главы. Дочитав книгу, можно будет выйти через тот же «Пролог», на символически возвратной стороне которого, как и положено в театре, загорается табличка: «Выход здесь», а в классической драме крупно отпечатано – «Эпилог». Но никому не запрещен вход и выход даже через «окно» или сквозь «стены» – многие начинают читать книгу чужой жизни там, где она сама раскроется перед ними или куда упрется пытливый глаз, нетерпеливо ищущий ответы на все и сразу.

Поэтому здесь «Пролог» – всего лишь момент перехода: за нами – настоящее с его открытым будущим, впереди – прошлое, навсегда вечное повторение.

О роли любви и ненависти, бесстрастия и беспристрастности в историческом исследовании

Вторую половину своей сознательной жизни Сталин думал о себе как об исторической личности исполинских масштабов. Анри Барбюс, мастер метафорической прозы, совершенно искренне писал о нем в 1935 году: «Во весь свой рост он возвышается над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это – самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире»[12]. И хотя еще не прогрохотала Вторая мировая война, после которой его странная фигура нависла уже не только над Европой и Азией, но и над всем остальным миром, Барбюс здесь во всем прав. До сих пор Сталин – один из самых знаменитых и в то же время один из самых

неизведанных (именно так – «неизведанных») государственных деятелей в мире.

Не только Барбюс, но и большинство современников воспринимали Сталина как «гиганта», даже те, кто испытывал одновременно и ужас, и омерзение. Почти пятьдесят лет спустя после его смерти, когда страх, восхищение или ненависть притупились и перестали опьянять разум и душу, наступила пора разобраться и в масштабах, и в чувствах. Для современного российского историка, за плечами которого строгая школа эмпиризма, взращенного на скудной почве сталинизма и его поздних модификациях, разговор о человеческом, о чувствах может показаться, по крайней мере, странным.

В исторической науке вялая бесстрастность так же губительна, как и отсутствие беспристрастия. Бесстрастность и беспристрастие – очень разные чувства, а их путают. Я человек и, будучи абсолютно беспристрастным по отношению к другому человеку, могу и должен испытывать как минимум несколько душевных состояний: любить, ненавидеть, быть равнодушным. Разумеется, взвешенное равнодушие – малопродуктивное чувство. В исторической науке, как и в любой другой, часто доминируют любопытство, профессиональный интерес и изощренное ремесло. Исторические труды, написанные из планового или системного интереса к своему объекту, обычно вызывают встречный интерес у коллег по специализации или у товарищей по цеху. Конечно же, ценность таких трудов неоспорима, так как во всем мире именно они пополняют многовековой объем профессионального знания. Но когда Николай Карамзин писал о своем герое Иване IV, его в первую очередь раздирали чувства историографа, открывшего эволюцию человека в зверя, а не взвешенное любопытство стороннего наблюдателя иной эпохи. Когда древнекитайский историк Сыма Цянь с невыразимой печалью так поведал об удачливом, жесточайшем императоре Цинь Шихуанди, что, внимая ему спустя тысячелетия, и сейчас задыхаешься в тех же рвах, в которых живьем закапывали ученых мужей Поднебесной. Когда греко-римлянин Арриан, горячась, рассказывал о делах и днях македонского царя Александра Великого, жившего за несколько столетий до историка, когда Светоний и Тацит со сдержанным гневом писали о канувших в Лету ритуально-развратных древнеримских императорах, Теодор Моммзен с расчетливым

восхищением – о «совершеннейшем» Цезаре, Сергей Соловьев – о Петре I, евангелист Матфей с тоской и надеждой – о неразделенной трагедии Иисуса из Назарета, всеми ими овладевали такие же страстные и противоречивые чувства, какие испытывали при жизни их столь разные герои.

Нас, россиян, европейцы часто упрекают в инфантильной эмоциональности, которая, как им кажется, особенно проявляется в языке, в слове, в интонации. В свою очередь, многие россияне считают преувеличенно эмоциональным способ выражения чувств кавказца или жителя юга России. Я не думаю, что Лион Фейхтвангер, не понимавший по-русски, был прав, когда утверждал, что русский язык «звучит несколько странно, преувеличенно, как будто основным тоном его является превосходная степень»[13]. Каждый народ, как и отдельный человек, в определенные периоды своей истории переживает такие мгновения, когда только чувства способны и спасти, и подстегнуть косный разум или наоборот – довести его до безумия. Недаром Фейхтвангер бросает тот же упрек в излишней «страстности» не только россиянам сталинской эпохи, но уже большинству своих западных коллег – интеллигентов, которые с негодованием узнавали о московских процессах и репрессиях.

Советская эпоха, как никакая другая в истории России, насыщена людскими эмоциями. Каждая печатная или письменная строчка, каждая звуковая дорожка, каждая фотография и кинопленка – это застывшая навек эмоция. Ко мне не сразу пришло понимание, что перводвигателем этой эпохальной эмоциональности, ее источником было не спонтанное «воодушевление народных масс, строивших социализм», не их внутреннее душевное напряжение, а конкретные большевистские вожди. При них (Ленине, Троцком, Сталине и других) накал положительных и отрицательных эмоций, радости и злобы, ненависти и любви достиг в общественной жизни невиданного напряжения. Дольше всех – целых три десятилетия – личность Сталина была источником и фокусом такого напряжения, явственно ощущаемого и в наше время.

Приступая к работе над этой книгой, я вначале ничего, кроме любопытства, не испытывал. Перечитывал опубликованные произведения Сталина, преодолевая их сухой, почти хрусткий стиль, и любопытство стало сменяться скукой и раздражением. Особенно раздражали тексты официальных биографий Сталина и его катехизиса:

«История ВКП(б). Краткий курс» – лживая история, убого преувеличенная биография. Однако, знакомясь с архивными документами, с работами его соратников и политических врагов, я в какой-то момент понял, что стал любоваться и даже восхищаться своим героем. Ничего удивительного нет в том, что когда о ком-то очень долго думаешь, он начинает иногда сниться по ночам. Я и теперь в любой момент могу мысленно вызвать его образ и начать непонятно как происходящий молчаливый диалог. В этом диалоге есть оттенки как бы обоюдной заинтересованности. Ведь любой человек способен общаться не только с живым непосредственно, но и с отсутствующим, и с мертвым. Однако на очередном этапе произошел новый перелом.

Я понял, что меня завораживала не сама фигура Сталина, а те тайны, которыми она окутана. Не политические, не семейные, не архивные, а самые главные тайны. Это – тайна абсолютной земной власти, тайна интеллекта этой власти и особенно тайна ее души. Мне показалось, что постепенно я начал некоторые из этих тайн постигать. И тогда стал раскрываться человек в неразрывном единстве души, разума и внешнего облика. Сущность разума – интеллект, сущность души – эмоция, а в единстве с плотью – человек как подобие Божие. Это то единство, в котором нет главного и второстепенного, основного звена и вспомогательных, нет четко выраженной иерархии и приоритетов. Это – то подлинно человеческое единство, в котором мельчайшая деталь, чуть заметная вибрация души есть знак вселенского, а очевидная простота исторического факта многомерна до бесконечности. «Не упрости!» – слова, которые я бы вывесил перед входом в храм науки, чуть ниже слов: «Не лги и не лукавь!»

Мне уже не казалось странным, что этого человека, без сомнения, многие не только смертельно боялись, но и искренне любили при его жизни. А многие и посмертно еще долгое время будут искренне восхищаться или безгранично, болезненно ненавидеть. Еще большее число людей о нем узнает только в школе на уроке истории, а затем без необходимости (дай-то бог!) не вспомнит, занимаясь повседневными трудами. Но того, кто вообразит, что призван постигать сотворенный этим человеком мир, спускаясь шаг за шагом в глубины сталинизма, постигнет участь Данте. Скоро исполнится семьсот лет с тех пор, как знаменитый итальянец обрек самого себя, свой дух и образ на вековые блуждания с очередными поколениями разноязычных читателей в

пространстве адских теней и божественных сфер. И непонятно – завидовать ли этой участи или страшиться ее как вечного наказания за дерзость проникновения за скинию незнаемого? Но я больше полагаюсь на справедливость марксистского толкования акта естественного отчуждения творца от плодов его творчества, тем более если они взращены на достоверных исторических фактах, а не только порождены его напряженным художественным сознанием.

В этой книге представлен весь спектр чувств. Но я пытался сделать все, чтобы не перейти опасную грань, за которой страстность вырождается в картонную патетику, а неравнодушие – в художественное присюсюкивание. В качестве камертона, для более точной настройки на специфическую тональность душевных струн моего героя, на их восприятие, я предлагаю слова, написанные собственной рукой Сталина, той самой, прикасаясь к которой у его ставленника венгра М. Ракоши возникало ощущение, что он пожимает «стеклянную перчатку, под которой скрывается бронированная рука»[14]. Сталин карандашом написал в 1935 году на полях XVIII тома третьего издания собрания сочинений В. И. Ленина по малозначимому поводу дореволюционной внутрипартийной борьбы: «Мягко забитый, злобно зацелованный»[15]. Был ли Сталин автором этой сентенции, или он у кого-то ее позаимствовал, в данном случае не имеет большого значения. Впрочем, очень похоже на то, что именно он автор столь емкой эмоциональной конструкции. Во встречном и перекрестном столкновении смыслов этих четырех слов вспыхивает такая невероятно мощная, эмоционально чувственная энергия, которой, как я надеюсь, должно с избытком хватить на освещение самых дальних лабиринтов сталинской души и интеллекта. Вряд ли эмоционально тусклый человек способен **так** выразить чье-то отношение к кому-то, а тем более **так** вообразить отношение к себе или свое – к другому. Именно поэтому я с первой строки этой книги настаиваю и буду настаивать до ее последней точки на правомерности и необходимости не только институциональной, биографической и интеллектуальной, но и эмоционально высвеченной научной истории.

Историософия

Книга посвящена философии истории сталинизма. Точнее – историософским взглядам Сталина. Все остальное служит скорее в качестве фона. Правда, такого фона, который многим может справедливо показаться богаче и интересней описываемого объекта. Здесь же приводятся наиболее важные источники, из которых Сталин черпал историософские и научные идеи и конструкции или литературные и исторические образы и личины. Особый разговор о том, как он в эти личины вживался и как он их в себе культивировал.

Как термин «историософия», так и комплекс проблем, связанных с философией истории, вряд ли можно отнести только к строго научным. Термин «философия истории» ввел лукавый, но мудрый Вольтер. Он сам себя испробовал в качестве историка и написал по-французски изящную книгу о шведском Карле XII. Ему надоели труды историков, которые больше напоминали лавки старьевщиков, – масса фактов, пересыпанных словами, но мало мысли и вдохновения. А мы добавим: такого вдохновения, которое бы из мертвых фактов возрождало неповторимый исторический «Образ».

Вольтер был великий философ и интеллектуал и потому справедливо полагал, что историю надо не только описывать и переписывать, но о ней надо еще и размышлять. Но в научном или, точнее, в философском смысле основы историософии были заложены Кантом и Гегелем. В советское время, особенно в период правления Иосифа Виссарионовича Сталина, размышления об истории, то есть историософия была разрешена исключительно в рамках «исторического материализма». Этот плод сталинской мысли как «единственно верное учение» сыграл двоякую роль. С одной стороны, начисто отбил вкус к теоретическому мышлению у способных на это профессионалов, что привело к резкому снижению интеллектуального уровня научных исторических и философских работ в СССР. Сам же Сталин уже в молодые годы отлично знал из работ Г. В. Плеханова, что существует особый раздел науки, именуемый «философия истории»[16]. С другой стороны, «инъекции» сталинского исторического материализма, введенные в массовое общественное сознание через школу, вуз, печать, литературу, театр, кино, пропагандистский аппарат и т. д., представляли собой смесь не самых примитивных на то время догматов о «движущих силах истории», «общественно-экономических формациях», о классах, их борьбе и др. Самое же главное – он «объяснял» для в массе своей

малообразованных и интеллектуально неразвитых людей советское бытие и быт, то есть **настоящее**, как закономерный результат, как блестящий апофеоз всего **прошлого** развития человечества и рисовал контуры пусть призрачного, но «прекрасного» **будущего**. В 1938 году Сталин, читая книгу заново «обласканного» им Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», подчеркнул в ней и особо пометил на полях крестиком: «*Будущее* способен предвидеть только тот, кто понял *прошедшее*»[17]. К этому времени у него не оставалось сомнений в своих исключительных пророческих способностях, умноженных на силу «марксистско-ленинской» теории и базирующихся на знании истории. В своих выступлениях Сталин любил повторять: «Чтобы руководить, надо предвидеть». В его любимом детище – «Кратком курсе» – не единожды отмечается пророческое предназначение социальной теории. «Сила марксистско-ленинской теории, – говорится там, – состоит в том, что она дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий, предвидеть ход событий и распознать не только то, как и куда разворачиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем»[18]. Эти слова, которые с тех пор бесконечное количество раз почти неизменно повторялись в различных партийных документах до конца советской эпохи, содержат прямую претензию генерального идеолога партии на владение пророческим даром. В российскую действительность XX века Сталин ввел фигуру древнейшей библейской истории – фигуру пророка. Научная и пропагандистская литература советского времени была полна ритуальными трудами типа опуса Г. Васильева «Ленин и Сталин о роли научного предвидения»[19]. А первоначальной причиной была невероятная с точки зрения здравого смысла и «логики» развития исторического процесса удача государственного переворота в октябре 1917 года и сокрушительная победа большевиков в Гражданской войне. Пророческая настойчивость Ленина, предсказывавшего успех восстания, его и Троцкого одержимость на фоне осторожного скептицизма ведущих ленинских апостолов, включая Сталина, а главное – политическая одержимость ленинцев и их вера в возможность глобального социального переустройства планеты породили в России культ новых пророков. Ленин, по словам Троцкого, подметил в себе пророческий дар еще в

1910 году, называя его «антиципацией», то есть предвосхищением. Сталин в 1924 году объявил Ленина ясновидцем: «В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их как на ладони»[20]. При первой же возможности культ ясновидца и пророка Сталин оформил на себя и государственно укрепил. Иван Товстуха, Карл Радек, Клим Ворошилов, Лаврентий Берия, Анри Барбюс, Николай Бухарин, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Эмиль Людвиг, Лион Фейхтвангер, Ромен Роллан, Жан-Ришар Блок, Михаил Калинин, Емельян Ярославский, Сергей Киров, Вячеслав Молотов, Анастас Микоян, Григорий Орджоникидзе, Андрей Жданов, Петр Поспелов, Всеволод Вишневский, Алексей Толстой, Михаил Булгаков, Георгий Леонидзе, Константинэ Гамсахурдия и масса других, кто бездарно, а кто и талантливо, кто по необходимости, но большинство с радостной готовностью брали на себя роль новых евангелистов. Только единицы, например Андре Жид, обманывали его ожидания, да и то не совсем. Возможно, один Лев Троцкий всю жизнь был к нему трезво беспощаден.

Сталинская потребность быть причастным к образному ряду библейской истории была настолько велика и сейчас так очевидна всякому, кто пытается войти в его идейно-пропагандистский, а главное, в его душевный и интеллектуальный миры, что настоятельно диктует нам постоянно находиться на ее орбите. Так что здесь, в этой книге, элементы библейской образности и терминологии – настоятельная необходимость, а не художественный прием и не дань новомодным обскурантистским увлечениям.

На вершине могущества Сталину всерьез чудилось, что ему открылась вторая после Бога, самая великая тайна бытия – будущий ход истории человечества. Если Маркс и Энгельс пытались, как и многие до них, опираясь на свое понимание прошлого, это будущее предсказать, Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и другие большевики попытались практически реализовать марксистское предсказание, то Сталин пошел дальше всех – попытался надолго предопределить историю своей страны и в значительной степени всего мира.

Именно для этого Сталин как мог, на свой лад выстроил единообразную историческую ретроспективу и насильственно, как

тавро, «выжег» ее в мозгах своих подданных. Многие до сих пор благодарны ему именно за этот указанный им смысл существования, страдания и умирания на Земле. И не просто на Земле, а в стране, называемой СССР-Россия. В советское время в подполье и в подсознание были загнаны все другие историософские модели, включая «идеалистические» (философские), национальные, религиозные, естественно-научные, мифологические, мистические.

Трудно судить о том, многие ли советские люди безоговорочно принимали эти догматы в качестве путеводной звезды, но то, что с конца 1930-х годов все граждане от школьников до их родителей в той или иной форме знали их суть, не подлежит сомнению. Лучшим доказательством этого служит заложенная в 1930-х годах унитарная сталинистская историософия, в малоизмененном виде господствующая в наших умах, учебниках и книгах до сих пор. А вот перспектива и в особенности та ее часть, где положено было видеть то самое «будущее», растаяла, как знаменитый марксистский призрак коммунизма. Пока упразднена и должность государственного пророка России.

* * *

Первыми профессиональными историософами были гадалки и прорицатели, во все времена извлекавшие немало преимуществ из своей профессии. Именно им принадлежит знаменитая формулировка – обещание: расскажу, что есть, что было и что будет. Да что там гадалки и прорицатели, любой человек сам себе историософ. Человек живет, но когда у него возникает возможность отвлечься от мыслей о хлебе насущном, он, чуть более пристально вглядываясь в окружающее, интуитивно ищет его истоки в известном ему прошлом и так же неосознанно строит предположения о грядущем. Так же естественно, как дышим, все мы, охраняя свою целостность в мире и непрерывность своего бытия, живем сразу в трех временах, даже не очень задумываясь над этим. Для достижения же ощущения непрерывности жизни и бытия ничего особенного не требуется, кроме одного – быть человеком, а это, как говорил Ф. Ницше, – то же самое, что быть животным с долгой памятью. Мыслить историософски – это значит, плывя в рутинном

потоке жизни естественным образом, непроизвольно сплетать в своем сознании нити трех времен. Вряд ли надо особо подчеркивать то, что связи эти могут быть как причудливо фантастичны, так и по возможности обоснованными, то есть рациональными и даже научными. И там, и тут – везде проявляются свойства одной и той же трансвременной человеческой природы. Конечно, все это справедливо, только если не принимать во внимание вполне очевидную разницу качества научного и обыденного восприятия жизни как истории.

Талантливый советский психолог и философ С. Л. Рубинштейн, заслуженно получивший в 1942 году за свои труды Сталинскую премию, а в 1947–1948 годах затравленный как «безродный космополит», писал: «Время жизни (человека. – *Б. И.*) объективно определяется лишь как время истории»[21]. Действительно, из истории отдельных жизней складывается история государства, общества, народов. В процессе поиска смысла жизни одного-единственного человека можно надеяться набрести на проблеск смысла истории всего человечества. Тем более если это история жизни человека, вылепившего по своему образу и подобию огромнейшую Советскую мировую державу. Более тридцати лет, с 1922 по 1953 год, его жизнь была жизнью многомиллионного, многонационального государства и сателлитов. Но почему все же именно он? Ради кого или чего неимоверные жертвы, страдания, несбывшиеся мечты? Зачем, кому это было нужно? Какой был смысл в этой пережитой эпохе и наших в ней переживаниях?

Я, конечно же, не знаю ответов на эти и многие другие поставленные в книге вопросы. Но я позволю себе напомнить об одном простом житейском приеме, к которому издревле прибегают дети, женщины, а иногда и суровые мужи, – поделись с близким своими сомнениями и страхами, обсуди, казалось бы, неразрешимые вопросы. И ответ придет, но не в форме прямого откровения или отпущения грехов, а как разрядка, как катарсис, как освобождение от груза прошлого в процессе его припоминания, совместного переживания и осознания. Я убежден – именно в этом главная, очистительная функция истории как науки.

Конечно, гораздо проще лукаво спекулировать на примитивных «теориях» заговоров или, например, на представлениях об особой мистической роли России и ее народа, избранного Богом, но в

советское время отринувшего его и в наказание преданного врагу, этому очередному «бичу Божьему». Все эти и подобные им «объяснения» – самая обычная идеологическая пена, которую поднимает даже небольшой социальный шторм в России в любые времена. Теодор Моммзен по схожему поводу, но для германских условий бросил: «История – та же Библия, и если она, подобно Библии, не может помешать тому, чтобы глупцы понимали ее ложно и чтобы дьявол ссылался на нее при случае, то и она, подобно Библии же, будет в состоянии вынести и то и другое и все компенсировать»[22]. Не посчитаем и мы для себя зазорным присоединиться к «тевтонскому» оптимизму, заложенному в книге, которая в СССР была подписана в печать буквально накануне войны с Германией, в мае 1941 года.

Теодор Моммзен, как и Лев Толстой, во второй половине XIX века модернизировавший библейский тезис о божественном промысле, говорил о людях типа Цезаря или Наполеона как об «орудиях Господних»[23]. Правда, Моммзен признавал право на яркую индивидуальность и на огромную личную свободу очередного «орудия», в то время как Толстой историческую личность низвел до роли божественной марионетки и кривляки. Как известно, Г. В. Плеханов в работе «О роли личности в истории», по-марксистски «отобрав» у Бога роль «кукловода», отдал ее абстрактным социальным и экономическим силам, которые то диктуют свою волю великой личности, то сами подчиняются ей, продолжая при этом дергать ее же за неосязаемые нити и рычаги. Николай Бердяев, всю жизнь перемалывавший в себе марксистскую историческую доктрину, в конце жизни устало бросил: «Самая свобода в истории превращается в рок»[24].

Все эти и подобные им попытки разобраться с вопросами «свободы и необходимости» в истории в гегельянском, марксистском, ницшеанском или бердяевском духе слишком абстрактны, слишком отдалены от каждого из нас, слишком рассудочны. Нет, все гораздо проще и одновременно – сложнее. Проще потому, что ответ не надо искать очень далеко. Ответ здесь, и его знает каждый, и для этого совсем не обязательно писать ученые труды. Сложнее – потому что не каждый соотечественник способен признаться, что знает этот ответ и всегда его знал. Он содержится в издревле неразрывной для подавляющего большинства россиян связке: власть – это свобода,

свобода – это власть. И глубинно понимая это, многие, если не большинство, безотносительно к тому, к какой они принадлежат национальности или вере, стремятся ухватить хотя бы микроскопическую толику власти, сводя все ее разнообразие к власти государственной. Но главный приз получают единицы, а чаще – единственный. И не имеет никакого значения, получает ли он эту абсолютно свободную власть по наследству или как дар судьбы и обстоятельств, или дорывается до нее собственными усилиями.

Может быть, именно поэтому в течение всей тысячелетней истории в России наиболее дефицитной были государственная власть и личная свобода, и одно без другого никогда не существовало. Ни деньги, ни имущество, ни особенный талант, ни даже любовь, ни что другое не были так притягательны, как власть и обретаемая с ней свобода. Тот, кто добивается у нас особо густой концентрации личной власти, только в силу одного этого становится желанным господином и кумиром большинства народа, у которого он эту власть, а с ней и свободу забрал. И если на мгновение согласиться с тем, что нас кто-то наказывает свыше, то уж никак не за неверие в Бога, за бытовой атеизм. Современное человечество в большинстве своем формально относится к любой религиозной обрядовости, а вера в душе – это личное дело каждого. Нет, мы несем вполне земное и человеческое наказание как раз за безграничную веру и яростное поклонение двуликому кумиру – власти и ее свободе. Точнее, много столетий мы сами себя за этот соблазн наказываем. По справедливости наказываем за то, что с каждым новым поколением очередному кумиру приносятся все более отягощенные кровью жертвы. Сталин пока последний в этом ряду. Впрочем, и все те, кто пришел за ним – не без крови.

Пресловутая легенда, которую эксплуатировал и поддерживал Сталин, об особой тяге россиян к самодержавной власти, к культу личности есть лишь иносказательное толкование повального поклонения кумиру властной свободы. И как бы ни стенали под игом этого кумира и ни проклинали его, находясь под пятой, многие даже там мечтают быть на его месте или хотя бы получить от него милостыню – «ярлык» на правление или на прокорм. Так что как только представится случай, с радостью принимают власть и свободу раба-надсмотрщика (чиновник одна из его разновидностей) над государственными рабами – над своими братьями и сестрами. Не

случайно же все революции и перевороты в России приводили лишь к обновлению кумирни и ее обслуживающего персонала. Поэтому Сталин, может быть, всего лишь один из нас, просто более способный, более волевой, более удачливый, более циничный и коварный… В то же время в каждом из нас сидит (может быть, теперь уже и от рождения) «бацилла» сталинизма, не осязаемая до поры, до появления благоприятных для ее развития обстоятельств. Это не утверждения, это вопросы, на которые каждый волен отвечать так, как ему подсказывает внутренний судья.

И эту мысль, то есть о реальном воздействии на общество идейной «бациллы», как и многое в этой книге, не я высказываю первый. В далеком 1905 году Сталин в одной из заметок цитировал выступление Плеханова на II съезде партии (а Плеханов, в свою очередь, процитировал Ленина) о необходимости внесения «революционной бациллы» в «бессознательную массу»[25]. Но после успешного заражения революционной «бациллой» еще более успешным оказался опыт заражения нашего общества «бациллой» сталинизма, для которой в XX веке сложились удивительно благоприятные обстоятельства. Мне очень бы хотелось рассмотреть морфологию этой бациллы именно в Сталине, в ком она получила высшее развитие.

* * *

Попытка объяснить настоящее, исходя из знаний о прошлом, с надеждой предвосхитить будущее так или иначе всегда присутствует в любом историческом исследовании. Чаще всего явно это не декларируется. Именно в труде историка историософия начинает приобретать атрибуты научности. Но границы между житейской обыденностью, научным историческим исследованием и философским осмыслением исторического времени чрезвычайно зыбки и неопределенны и часто перекрывают друг друга. В каждой научной концепции всегда присутствует весомая толика фантазии и мифа, из каждого исторического мифа можно извлечь целые пригоршни рациональных зерен. Многое зависит от расстановки акцентов, и, как всегда, если речь заходит о человеческом, почти все зависит от таланта. Поэтому от века в сознании каждого человека, будь он ученым или

обывателем, как и в общественном сознании, причудливо переплетены элементы научного, обыденного, мифологичного…

Так что, выделив в заголовке этой книги слово «историософия», я имел в виду одновременно как упорядоченную научную систему взглядов на исторический процесс, так и обычную общечеловеческую мешанину представлений о прошлом и настоящем, сообща служащих в качестве строительных материалов для конструирования «моделей» будущего. Именно в этом смысле здесь говорится об **историософии** сталинизма. Поскольку герой книги – Сталин, то ему, как и всякому человеку, родившемуся в определенной социальной обстановке, чему-то учившемуся, что-то читавшему и размышлявшему о своей проживаемой жизни, а тем более размышлявшему о судьбах огромной страны, которой он так долго распоряжался, не откажем в способности мыслить историософски.

Я предлагаю читателю сообща бросить взгляд из сегодняшнего дня на то, как Сталин и люди, к идеям которых он в той или иной степени был причастен, изображали известный им отрезок исторического прошлого своей страны и других народов и сочетали его со своим настоящим и будущим.

Все это тем более интересно, если учесть то, что марксистская доктрина, ставшая одним из отправных пунктов (но не единственным!) теории и практики сталинизма, как никакая другая, пронизана историзмом. Понимая это, Бердяев (чье имя ныне на слуху почти так же, как в недавнем прошлом было имя Маркса) посчитал даже, что «самое большое прельщение и рабство человека связано с историей»[26].

Мы не сможем обойти и вопрос о том, во что превратилась философия истории марксизма и ее российских последователей в результате сталинского переосмысления. Какие новые компоненты и откуда были в нее внесены, а какие части бестрепетно изъяты? Здесь же с неизбежностью встает вопрос и об интеллектуальных способностях, идейных истоках и особенностях мышления Сталина, о его внутреннем духовном мире, находящемся в неразрывной связи с внешним обликом. Отсюда неизбежный вход в его философию жизни. На вопрос же – что есть сталинизм? – отвечает вся книга в целом.

Разумеется, все обозначенные вопросы историософии сталинизма не удастся разрешить в рамках одной книги. Поэтому здесь главное

внимание уделяется биографии Сталина: как истории личности и его личной истории (автобиографии). Таким образом, я рассматриваю ее одновременно с двух точек зрения: с моей, исследовательской, авторской, и с точки зрения самого Сталина. Я считаю, что с автобиографии и с истории личности начинается любое историософское осмысление бытия. В последующем я хотел бы рассказать о тех образах, личинах и масках исторических деятелей и героев различных эпох, в которых время от времени жил Сталин. Возможно, тогда же удастся рассмотреть и собственно историософию сталинизма: взгляды Сталина на историю большевистской партии, революции, историю России, всемирную историю и их воплощение в учебную и научную литературу.

И все же некоторые внешние элементы историософии сталинизма как особенной социальной конструкции считаю нужным предварительно обозначить. Тем более что сам термин «сталинизм» был введен еще при жизни вождя его ближайшими соратниками в качестве высшей характеристики философии эпохи.

Несколько соображений о миграции общечеловеческих идей и о роли таланта в социальной инженерии

Кажется, именно К. Маркс утверждал, что люди в процессе общения и деятельности обмениваются самыми разнообразными продуктами своего труда. Не только теми, которые они произвели в сфере материального производства (то есть товаром), но и словами, мыслями, информацией, то есть идеями. Сам факт «производства», обмена, присвоения, купли, воровства и т. д. идей в наше время настолько очевиден, что не требует особых доказательств. Но точно так же, как при производстве машин и механизмов, возникших как материальное воплощение технических идей, происходит постоянное совершенствование этих механизмов, так случается и с социальными идеями. Однажды, озарив своим завораживающим светом чье-то сознание, идея, овладевая умами людей, стремится через них воплотиться в историческую реальность. Конечно, не идея сама по себе, а люди, открывшие или присвоившие себе эту идею, воплощают ее в жизнь. Вне зависимости от того, становится ли она воплощением плана социального преобразования или нет, ее, передаваемую из

поколения в поколение, из одной цивилизации в другую, преобразуемую, обогащаемую или вырождающуюся, все же неуклонно стремятся вновь и вновь воплотить в историческую реальность. Так, общество, однажды случайным образом открыв или сознательно произведя, затем уже сообща пестует «общечеловеческие» или «вечные» идеи, и в первую очередь в сфере организации общественной жизни.

Пока человечество существует, его будет мучить воистину вечная идея конструирования и обустройства наилучшего «государственного дома». Человечество обречено на вечный соблазн, на вечный поиск наиболее «совершенного», «разумного», «свободного», «незыблемого», «самого могучего», «демократичного», «справедливого», «богатого» и т. д. общественного устройства вообще и государственного в частности. Из идеалов, из представлений о наилучшем общественном устройстве выросли все формы политической борьбы – от парламентской и реформаторской до диктаторской и революционной. Или чего стоит, например, роль идеи, ведущей к консолидации, к сплочению общества или к его сбалансированности.

Достижению, допустим, сплоченности служат самые неожиданные и часто противоположные цели. Например, один и тот же народ может сплотиться как для завоевания своей независимости, отстаивания свободы, сохранения целостности своего государства, так и для достижения господства над другими народами или их уничтожения. Цели прямо противоположны, так же противоположны и исторические «вызовы», а механизм сплочения один и тот же – мобилизующая агрессивная общественная реакция. Конрад Лоренц, один из крупнейших психологов и философов XX века, с блеском доказал: агрессия – та сила, которая и разрушает, и строит, и защищает[27].

Состояние агрессии в доцивилизационный период истории человечества, точно так же как и в животном мире, могло быть вызвано спонтанной коллективной реакцией. Но сейчас чаще всего это состояние искусственно разжигают (или, наоборот, гасят) издавна сложившиеся в каждом обществе специализированные институты. Одну из ведущих и долговременных ролей здесь играет национальная историческая наука. Как бы это ни казалось на первый взгляд чрезмерным, за каждым солдатом современной регулярной армии, идущим в бой, за каждым боевиком-партизаном, за каждым

политическим террористом и бескорыстным революционером маячит фигура кабинетного ученого-историка. Война между народами готовится, начинается, поддерживается, завершается и вновь готовится на страницах ученых книг, журналов и школьных учебников истории. В них даются объяснения и оправдания всему и вся, которые, если задуматься, по своей доказательности столь же весомы, как пули, летящие с противостоящих сторон. Историческая наука, заряженная агрессией, после очередной войны вновь множит ее вне зависимости от того, кто – «мы» или «они» потерпели поражение или победили. Сталин (как и Гитлер) не только всю жизнь с явным удовольствием штудировал исторические сочинения, но и сам выступил в качестве генератора историософских «патриотических» доктрин, открыв для себя колоссальную агрессивно мобилизующую роль исторической науки, этой эмоциональной сердцевины любого тоталитарного механизма.

Конечно, не Сталин первым взял на вооружение и подчинил своим политическим интересам историческую науку, но он был первым в новейшей истории, кто попытался полностью ее монополизировать, переписать (и не раз!) в сознании многочисленных и с очень разной исторической судьбой народов СССР и народов «социалистического» лагеря.

* * *

Задолго до Октябрьской революции некоторые русские марксисты, в особенности А. Богданов, а за ним и другие, плодотворно размышляли о роли идей в общественном развитии. (Сталин перечитал с десяток изданий одной только богдановской «Политэкономии».) Эта «идеалистическая» струя русского марксизма публицистично опровергалась, а на самом деле поддерживалась не кем-нибудь, а его идейным противником В. Лениным еще в далеком 1894 году, в хорошо знакомой многим советским гражданам работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов». Ленин относился к распространенному у нас типу полемистов, которые незаметно для себя (а иногда и умышленно) усваивают чужие мысли и делают их своими именно в борьбе, в полемике, продолжая при этом плевать в

сторону противника. До революции по ряду причин это произведение Ленина оставалось малоизвестным. В 1923 году его переиздали массовым тиражом с предисловием Л. Каменева. Свой по-большевистски замечательный текст Каменев завершил наиболее значимой итоговой цитатой из той же работы Ленина: «…когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят **идею** научного социализма, **идею** исторической роли русского рабочего, когда эти **идеи** получат широкое распространение… тогда русский рабочий… поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» (выделено мной. – *Б. И.*). Под этой фразой подписался бы любой представитель так не любимого Лениным философского «идеализма» – от Платона до Гегеля и далее… Сталин дважды отчеркнул эту цитату вертикальными и горизонтальными линиями и дополнительно выделил скобками[28]. Тогда она ему (как и мне ныне) явно пришлась по душе.

Конечно, сами по себе люди – как толпа, как масса, как класс или слой – никогда не могут соорганизоваться, даже если они находятся в плену притягательных и даже обольстительных идей или доктрин. Без агрессивной силы авторитета, таланта вождя, лидера, героя и его сподвижников (по-ленински – «партии») здесь не обойтись.

Часто увлекаясь предметом своих занятий, а иногда и из чисто конъюнктурных или националистических соображений, историк раздувает до невероятных размеров значение того или иного национального политика, государственного деятеля, военачальника. На самом же деле выдающийся государственный деятель – явление столь же редкое, как и выдающийся ученый, литератор, мыслитель, живописец, шахматист. Политическое творчество имеет ту же самую природу, что и творчество в искусстве или науке. Творчество в высшем его проявлении – это воплощение в реальность особо насыщенной достоверными знаниями фантазии мощного ума. В политическом творчестве, как и в любом другом, присутствуют десятки градаций и множество степеней. Крупный талант, а тем более гений, – редчайший случай в политической истории не только одного государства, но и человечества в целом. Как же не ошибиться, как убедиться в том, что перед нами государственный гений, значительный политический талант?

У большинства политиков основная часть жизни уходит на то, чтобы добиться или дождаться власти, затем на то, чтобы удержаться в ней. Совсем немногие обладают волей и умением для того, чтобы без плачевных последствий для себя и особенно для общества что-то изменить и усовершенствовать или распознать и сохранить полезное в существующем порядке вещей. И уж совсем редко мы встречаем в истории людей, в которых сочетаются мощная воля, глубокий конструктивный ум с даром государственного творчества. Такие деятели, вне зависимости от того, что принесли они своим и окружающим народам, оставляют неизгладимый след в истории человечества. Так или иначе, они определяют ее ход.

Отвечать на вопрос, был ли Сталин гениальным политическим и государственным деятелем или посредственной авторитарной личностью, силой обстоятельств дорвавшейся до абсолютной власти в гигантской стране, как будто не наша задача. Но по возможности ответить все же придется, так как интеллектуальная деятельность Сталина, частью которой была его историософия, имела откровенно прагматический и прикладной характер. Сталинская историософия – это не только некоторая система исторических взглядов и изменчивых мнений вождя, то есть идеология, но и их воплощение в реальной политике и государственном строительстве. В чем, в чем, а здесь сила воздействия идеологии и практики сталинизма на российское общество до сих пор явственно ощутима.

По критерию воздействия на ход мировой истории XX века Сталин, без сомнения, вошел в группу крупнейших политических деятелей мира. Но многие выдающиеся политические деятели обладали еще одним необходимейшим талантом – даром конструирования и воплощения в жизнь своего долгосрочного «проекта» общественного устройства. Как правило, такими способностями обладали талантливейшие, иногда даже гениальные «социальные инженеры». Каждый из них был неповторим и оригинален в своем государственном и общественном строительстве. Их творческий радикализм, их подлинная **революционность** приводили к созданию новой и чрезвычайно устойчивой общественной **традиции**. Чем более удачной и новаторской была навязанная обществу социальная конструкция, тем более длительное время «проект» развивался в рамках этой конструкции, превращая ее в историческую традицию. После

исчерпания всех возможностей традиции, заложенной выдающимся политиком, обществу необходим новый импульс. Дальнейшая его судьба зависит от того, в какое время появится, насколько талантлив и удачлив будет новый исторический герой, радикальный реформатор, революционер. От установленной радикальным путем длительной традиции – к преодолению уже одряхлевшей, иссохшей традиции с помощью очередной революции – таков ход маятника часов человеческой истории. Троцкий, который был не только революционером-практиком, но и талантливым историком, справедливо подметил: «Что потеряно в традиции, то выиграно в размахе революции»[29].

Исторический герой при благоприятных обстоятельствах может играть не только роль движущей пружины революции (то есть разрушителя старого), но и главного проектировщика и строителя нового общества. Чаще же всего эти роли разделены, что и создает иллюзию, будто «каждая революция пожирает своих детей». На самом же деле – это новая популяция «детей» пожирает своих родителей-революционеров, в свою очередь кроваво расчистивших им историческое пространство.

Однако вместо подлинного государственного таланта человечество легко принимает за него подражателя, имитатора, эпигона. Политическое и государственное эпигонство так же бесплодно, как и всякое другое, но в своей бесплодности оно еще и крайне опасно для общества, так как подавляет подлинно творческие силы, паразитирует на них и тем самым тормозит общественное развитие, что ведет к загниванию и разложению. Еще опаснее такой «реформатор» и «революционер», который больше напоминает безумного вивисектора, по собственной прихоти кромсающего и уродующего живое общественное тело.

Все это не просто малоуловимые оттенки некоторых типов государственных деятелей. Здесь я хочу более резко подчеркнуть то, что граница между истинным новаторством в области социальной инженерии, эпигонством и безумной авантюрой все же достаточно ощутима для историка. Эту границу определяют три традиционных показателя: цели, средства, результат. Особенно – результат. Не позволим себе свести проблему к банальности типа обсуждения прекраснодушного вопроса – оправдывает ли цель средства? Для тех,

кто прикоснулся к реальной власти, этот вопрос уже не актуален, а для того, кто властью вполне овладел, ответ однозначен – оправдывает, еще как оправдывает.

В сохранившейся части сталинской библиотеки я не нашел книги Никколо Макиавелли «Князь», хотя многие утверждают, что он ее штудировал. В этом утверждении сквозит неприкрытый намек – циник Макиавелли дает соблазнительные рекомендации достижения государственной власти столь же циничному государственному деятелю и тем развращает его. Еще в сталинскую эпоху нас всех приучили: знание «преступного» знания есть преступление. И сейчас многие продолжают считать, что сам факт ознакомления с какой-либо идеей уличает человека как ее сторонника. На самом же деле важно лишь то, как он понял и что вынес из этой книги, но это как раз и неизвестно. Можно подумать, что до Макиавелли люди ничего не знали о реальных механизмах достижения и укрепления неограниченной личной власти. Да о механизмах власти «князя мира сего» буквально вопят все мировые религии, историография, философия, литература и практически вся человеческая культура, абстрактно уличая, но применительно к своему, национальному, оправдывая его. Двойственность оценки объективно заложена в самой природе государственной власти, в обособлении части человечества в собственном государстве от всего человечества.

* * *

Римская империя, одна из величайших и длительно существовавших, выдвинула очень много способных государственных деятелей. Но тех, благодаря которым империя в самые критические времена приобретала новые качества и тем самым, трансформируясь, развивалась по восходящей, можно перечислить по пальцам. Чтобы не слишком сильно отклоняться от основной темы повествования, опустим республиканский период, более богатый политическими героями. А вот в императорском периоде можно назвать всего несколько имен действительно выдающихся деятелей, которые не только заботились о расширении империи или поддерживали ее устойчивое существование, но и в критические времена безжалостно

разрушали старые и закладывали новые социальные основы для обеспечения последующего мощного импульса развития. Это Юлий Цезарь с Октавианом Августом (середина I в. до н. э.), затем – Константин Великий (первая половина IV в. н. э.). Между Августом и Константином лежат почти четыре сотни лет, на протяжении которых, конечно же, происходили значительные социальные изменения: войны, народные движения, реформы, периоды относительного подъема и упадка. Но все эти изменения протекали в рамках заложенной Цезарем и Августом насильственным, революционным путем, ценой гражданских войн и большой крови очень живучей социальной парадигмы «цезаризма» («принципата», «военной монархии»), которая и стала **традицией.** Сменившая ее парадигма теократической империи как христианской монархии, заложенная Константином Великим, просуществовала в форме традиции почти тысячу лет, до самого падения Византии. Неисчислимо количество христианских монархов, пытавшихся ее воспроизводить, включая австрийских и русских. Не отставали от них с учетом своих религиозных и национальных особенностей арабские халифы и турецкие султаны.

Другой пример – империя Наполеона Бонапарта. Будучи очень талантливым полководцем и разносторонним для своего времени человеком, он тем не менее был всего лишь блестящим политическим эпигоном и эклектиком. Что-то заимствовал из государственных идей Древнего Рима (законодательство и др.), что-то из идей Карла Великого (территориально-иерархическую организацию империи), что-то сохранил и даже развил из идей Великой французской революции (ее антифеодальную направленность), а что-то – из монархической, консервативной Европы (атрибуты наследственной монархии и т. д.). Академик Е. Тарле, чей «мягко забитый» талант внимательным к историку вождем так и не смог полностью раскрыться, свел разговор о своем любимом герое, о Наполеоне («завоевателе и государственном человеке»), к «объективной» роли «хирурга истории»[30]. Тарле, как и многие до и после него, считал возможным высоко оценивать историческую личность и восхищаться ею не по созидательной и конструктивной, а по ее разрушительной силе. Эта древнейшая эпическая и историографическая традиция оправдывала и поддерживала разрушительные инстинкты и иллюзии у творчески несостоятельных государственных деятелей и вождей. Но разве кто-

нибудь скажет доброе слово в адрес строителя, развалившего старый дом, но не способного положить даже краеугольный камень в основание нового жилища?

Несмотря на очевидную романтичность наполеоновской эпохи, она была скоротечна, унесла в могилу сотни тысяч человек, но не дала того мощного импульса, которого должно было бы хватить всей Европе или хотя бы Франции на два-три столетия. Несмотря на все усилия эпигонов, от Наполеона III до Гитлера, идея единой Европы-империи как **иерархии** подчиненных одному правителю территорий-государств и народов оказалась мертворожденной. Впрочем, последний – Гитлер – был эпигоном не только Наполеона и Карла Великого, но и Ленина, Муссолини и во многом – Сталина. Политическому эпигону никогда не суждено основать «тысячелетний рейх».

Я, разумеется, не делаю никакого открытия, указывая на Петра Великого как на выдающегося реформатора и преобразователя России. Убежден, что влияние его социальной парадигмы российское общество ощущало, по крайней мере, до 1917 года. Сошлюсь на мнение одного из мудрейших российских историков XIX века, Сергея Соловьева, который считал, что отмена крепостного права в 1861 году, последующие реформы и вообще все положительные начинания XVIII–XIX веков полностью находились в русле петровских преобразований[31]. Кстати говоря, он ценил Петра I не только как «западника», но как государственного гения, пытавшегося сочетать и Запад и Восток и сумевшего тем самым развить, а не просто сохранить промежуточную самобытность России. Конечно, тезис С. Соловьева не абсолютен. Как известно, в петровском времени много было случайного, наивного, хаотичного, иррационально-жестокого и попросту бессмысленного, но важен сам принцип оценки масштаба личности. Это – длительная плодотворность развития общества в рамках заданной парадигмы-традиции.

Впрочем, даже значительные современные мыслители, с легкой руки Отто Шпенглера, по-немецки основательно переварившего некоторые идеи Николая Данилевского и Константина Леонтьева, считают петровское вживление элементов западноевропейской цивилизации в ткань незрелой российской культуры делом малопродуктивным и даже опасным. Например, фон Вригт, глубокий знаток русской философской и этической мысли, утверждает (и не

только он), что результатом петровских реформ стало не глубинное преобразование всего российского общества, а всего лишь его верхушечный «псевдоморфизм»[32], приведший к тяжелейшему социальному уродству. «История России не полностью синхронизируется с историей Европы, – пишет он. – Модернизация в России не была результатом органичного совершенствования снизу – скорее попытками навязать ее сверху незрелому обществу. Первая была сделана Петром I. Он пожелал пересадить в свою страну знания и практический опыт, обеспеченные наукой и нарождающейся технологией. Можно назвать петровские реформы “модернизацией без просвещения”. В качестве опытной реформации общества это было преждевременно. Это привело к тому, что названо Шпенглером историческими “псевдоморфозами”… Взгляд на историю России от Петра до Ленина как на псевдоморфоз преждевременной западнизации кажется мне в основном корректным»[33].

В этой и подобных мыслях чувствуется привкус европоцентристского высокомерия, которому вряд ли найдем оправдание. Обратим внимание на ряд вполне успешных модернизаций в такой азиатской стране, как Япония, или в наши дни в Китае, Индии, Бразилии и др. Каждое общество, не желающее впасть в ничтожное состояние, время от времени и по необходимости проходит стадии технической модернизации и культурного заимствования. Только руководители одного общества это делают вовремя и творчески, то есть талантливо, а другие – убого и подражательно. Здесь важно не только то, как происходит заимствование, но и то, что отбирается в качестве образцов. На стадиях революционной ломки и созидания удачность подбора тех или иных конструкций в первую очередь зависит от «социального инженера» и его соратников. С библейских времен человечество склонно преувеличивать роль «объективного» фактора в собственном историческом развитии, что позволяет психологически снять с себя большую часть ответственности и вины за неумение организовать и организоваться, за неоправданно пролитую кровь, за создание адских условий существования на благодатной земле для себе подобных и даже для близких.

* * *

На каком-то этапе Сталин сравнивал себя с Петром Великим, читал С. Соловьева, Н. Карамзина, почитывал научную и художественную литературу о Карле Великом, Кромвеле, Наполеоне, Цезаре, Иване Грозном, Чингисхане и других исторических героях, любил историческую драму, оперу и кино. При жизни он постоянно примерял на себя масштаб мировой истории. Но он хорошо понимал, от чего зависит объективная оценка государственного деятеля. Он не раз высказывался в том смысле, что «слова и легенды проходят, а дела остаются»[34]. В 1934 году Сталин заявил Герберту Уэллсу: «Конечно, только история сможет показать, насколько значителен тот или иной крупный деятель…»[35]. Совершенно верно – оценка зависит от остающихся потомкам «дел», от исторической судьбы детища государственного деятеля. И вот развал в 1991 году СССР, не протянувшего и сорока лет после смерти своего «проектировщика и инженера», как будто бы предопределил оценку сталинского социального проекта, его эффективность для народов бывшей мировой державы. И все же для окончательных выводов на сей счет время все еще не наступило. Никто не может исключить возможность того, что России (и некоторым бывшим советским республикам) в той или иной форме еще предстоит пережить второе издание сталинизма. Несмотря на всю ее бессмысленность, такая попытка наверняка опять будет многого стоить, но хочется надеяться, что жертва не будет очень велика, а ее последствия так плачевны для страны, какой была, например, попытка воскресить бонапартизм во Франции Наполеоном III. Афористичному Марксу принадлежит замечательное наблюдение. Напомню его не по современному переводу, а по не очень совершенному дореволюционному изданию, которое Сталин читал с карандашом в руке: «Гегель заметил где-то (на самом деле у Гегеля этого нет. – *Б. И.*), что все великие всемирно-исторические события и лица появляются в истории, так сказать, два раза. Он забыл прибавить: в первый раз как трагедия, а второй раз как фарс»[36]. Эта фраза была направлена как раз в адрес двух Наполеонов – дяди и племянника. Очень хочется надеется, что историческое правило Маркса на этот раз в России не сработает. Но иного отношения к эпохе сталинизма и ее последствиям как к очередной волне раз за разом переживаемой во всевозрастающих масштабах национальной трагедии я предложить не могу.

О двойственном характере мобилизационных, «вечных» идей

Итак, все те идеи, которые рождаются и вращаются в социальной сфере, сами по себе не плохи и не хороши, как не плохи и не хороши любые изобретения человеческого ума. Одна и та же машина может быть использована и для рытья котлована под фундамент нового жилого дома, и для рытья окопа, из которого будет вестись стрельба по этому же дому. То же самое можно сказать относительно универсальных форм общественной мобилизации, стержневых, «вечных» идей человечества, с помощью которых на протяжении тысячелетий мировой истории цементируются или рассыпаются в прах самые разнообразные общества. Это тоталитаризм, социализм и национализм. Конечно, можно назвать и другие, но мы сейчас говорим только об этих. Все они, несмотря на очевидную новизну терминологии, на самом деле имеют древнейшие истоки и насквозь пронизывали все мыслимые общественно-экономические формации, любые глобальные или замкнутые цивилизации, культурно-исторические типы. Они переживались и совершенствовались всеми народами мира в различные периоды их развития.

Понятия «нация», «национализм» появились в первой половине XIX века; термин «социализм» вошел в европейские языки примерно тогда же. Понятие «тотальность» стало впервые разрабатываться фашистскими идеологами в 20–40-х годах XX века. Один из «отцов» испанского фашизма, Ледесма Рамос, утверждал, что «тотальная государственность» – это «сплав народа и государства». Это самое краткое и самое точное определение тоталитаризма. Слова «тотальная» война, «тотальная» мобилизация нации, насколько мне известно, впервые стали использоваться геббельсовской пропагандой в фашистской Германии в конце войны. Хотя «тоталитаризм» как социальное явление, характерное главным образом для истории XX века, фундаментально рассмотрено Ханной Арендт, а затем другими авторами уже после Второй мировой войны[37].

Несмотря на позднее происхождение терминов, явления, ими обозначенные, столь же древни, как и само человечество. Я не склонен смешивать «идею», ее бытование и процесс ее воплощения. Нельзя смешивать идею с социальными конструктами типа «нация»,

«национальное государство», «тоталитарное государство», «социализм» или «демократия». В то время как социальные конструкты могут расцветать и гибнуть, быть вообще нежизнеспособными, устаревать, гнить и медленно разлагаться, идеи, даже на первый взгляд нелепые и экзотические, бесконечно развиваются и совершенствуются человечеством.

Не случайно еще Маркс и Энгельс находили истоки идей социализма в «первобытном коммунизме», в античности и раннем христианстве, в трудах средневековых утопистов и современных им мыслителей. Я же попытаюсь несколькими штрихами показать, что и социализм, и тоталитаризм, и национализм – это такие формы социальной организации, к которым человечество всегда обращалось и вечно будет обращаться, сочетая их на практике в разных пропорциях, постоянно совершенствуя их через религию, науку и фантазии мечтателей. Как и отдельный человек, общество чаще всего наиболее активно в экстремальных ситуациях.

* * *

С тотальностью, с тоталитаризмом, то есть с поголовной мобилизацией всех членов социума, мы встречаемся в истории каждый раз, как только та или иная человеческая общность оказывается в экстремальных условиях. И часто именно высочайшая степень государственной мобилизации спасает ее от неизбежной гибели. Поэтому есть все основания говорить, что тоталитаризм – это крайняя форма всеобщей мобилизации в условиях, когда ставится под сомнение само существование государства и социума.

Такая всеобщая мобилизация от стариков и инвалидов до детей и женщин, полное слияние государства и общества – не столь уж редкое явление в истории человечества. Так, например, древние греки – афиняне – смогли сорганизоваться в V веке до н. э. в тотальное сообщество для отпора намного превосходящих их по экономическим возможностям и по численности персам. Одной из самых ярких иллюстраций такой всеобщей мобилизации может служить рассказ Геродота о том, как вся афинская община, жившая по законам рабовладельческой демократии, до единого человека, включая рабов

разных национальностей, покинула полис и села на корабли. Все вдруг ощутили себя гражданами, и все были полны решимости дать коллективный отпор врагу.

Однако эта форма крайней, исключительной мобилизации общества, возникающая как реакция на экстремальные условия и по этой причине по необходимости влекущая за собой в той или иной степени тотальный контроль над каждым членом общества и всеми сферами общественной жизни, при определенных условиях может законсервироваться. Вне зависимости от формы правления, будь то режим личной власти или режим демократии, в обществе искусственно поддерживается чрезвычайно высокий уровень от мобилизованности и агрессивности. Тогда оно становится крайне опасным для соседей, а внутри общества для части своих же членов, для всякого рода диссидентов («предателей», «врагов народа»), плохо поддающихся тотальному психозу и государственному нивелированию.

Нечто подобное произошло с Афинским союзом, который после разгрома персов из оборонительной фазы стремительно перешел в фазу наступательной агрессии. Это, как известно, в конечном счете привело к затяжной войне со Спартой и к упадку всей Эллады.

В XII веке н. э. небольшая, этнически разнородная группа кочевников Центральной Азии – татаро-монголы, организовавшаяся в целях самосохранения в тотальное сообщество (орду) для отпора многочисленным степным врагам, в чрезвычайно короткий срок использовала эту форму уже для порабощения огромной части Евразийского континента. Здесь, как и во всех подобных случаях, в наличии были все те компоненты тоталитаризма, которые называют современные исследователи[38]: унитарная идеология (идея мирового господства в его раннесредневековом варианте), массовое народное движение и жестокий диктаторский репрессивный режим Чингисхана («Бич народов»!), установивший тотальный контроль над обществом и личностью в обширном государстве – орде.

Конечно, между Афинским союзом с его рабовладельческой демократией и раннефеодальной кочевнической империей чингисидов существовали колоссальные различия. Но они такого же примерно свойства, как разница между тоталитарными режимами нацистской Германии или фашистской Италии и маодзэдуновским режимом в Китае или полпотовским – в Камбодже. Эта разница не мешает

современным исследователям объединять их одной характеристикой – тоталитаризм.

Отвлекаясь от других не менее ярких иллюстраций, заимствованных из древней и средневековой истории, отметим, что элементы тоталитаризма легко обнаружим в жизни всех тех европейских государств, которые были непосредственно вовлечены еще в Первую мировую войну. Особенно сильно они проявились в Германии в конце войны и в большевистской России в период Гражданской войны.

Правда, тогда предпочитали говорить не о тотальной мобилизации нации, а о «милитаризации» жизни общества для достижения победы. Эта разница в терминах сути не меняет, а лишь справедливо указывает на то, что любая постоянная, а тем более массовая армия организована по тоталитарному принципу – полное подчинение личности авторитарному командующему и его иерархии для достижения общей агрессивной цели, то есть победы. Здесь также должна присутствовать общность идеологии, хотя бы в форме официального патриотизма или религии.

Вообще же и в мирное время любая армия даже в самом демократическом обществе по необходимости несет в себе ген тоталитаризма. Исключений нет. Это же, но еще в большей степени относится к любой тюремной, пенитенциарной, полицейской системе, включая, разумеется, и тайную полицию. Не случайно именно армия, тюрьма и полиция со всеми их разновидностями составляют ударную силу всех тоталитарных государств. Но в странах, где демократия имеет твердую почву и длительную традицию, такие же, по сути, тоталитарные структуры используются для ее же защиты извне и изнутри. Так что тоталитаризм при определенных условиях является спасительной формой самосохранения, а порождаемые им институты всего лишь нейтральные инструменты. В каких целях они будут использованы, зависит от того, в чьих они руках.

Во время Первой мировой войны по армейской модели были организованы почти все жизненно важные государственные институты, и особенно жестко в тех воюющих странах, где ограниченность ресурсов была наиболее ощутима. Опыт, пережитый в начале XX века Германией и Советской Россией, показал, сколь сильна и жизнестойка становится нация или ее часть (называвшаяся тогда большевиками

пролетариатом и крестьянством), если они организованы по тоталитарному принципу. Большевистские лидеры, хорошо знавшие предвоенную и военную Германию, откровенно говорили о заимствовании идей «милитаризации» народного хозяйства и всей жизни в период Гражданской войны именно из Германии. Как известно, наиболее горячим поклонником идей милитаризации и военного коммунизма в Советской России, вплоть до формирования «трудовых армий» мирного времени, был Лев Троцкий. Не без одобрения Ленина во время Гражданской войны появились и первые трудовые лагеря для «врагов народа».

Таким образом, тоталитаризм возникает как ответная мобилизационная реакция общества на экстремальные условия, которые для различных государств могут иметь диаметрально противоположные исторические причины и последствия. После устранения этих причин общество по возможности возвращается в исходное состояние, но, как показывает история, далеко не всегда. Например, в отличие от разгромленной Германии, где мобилизационный тоталитаризм, вызванный войной, на короткий срок сменился пусть слабым, но демократическим строем Веймарской республики, в России и в мирное время, после окончания Гражданской войны, он остался доминирующей формой общественной жизни. Более того, агрессивный тоталитаризм в России оказался соединен с идеями социализма, которые внедрялись в общественную жизнь тоталитарными же методами. Из этой смеси и родился военный коммунизм как первичный питательный «бульон» для саморазвития «бациллы» сталинизма.

* * *

Хочу напомнить, что идеи социализма, то есть идеи общественной поддержки и государственного патроната над отдельным конкретным членом общества или целыми слоями, имеют чрезвычайно древние корни в истории человечества. Их можно обнаружить даже в элементах государственной патронатной политики стран Древнего Востока. Наиболее же отчетливо «социалистические» мотивы, которые зачастую неотличимы от мотивов еще одной стержневой общечеловеческой идеи

– демократии, улавливаются в политической жизни античных демократий (равное для свободных избирательное право, государственная помощь малоимущим, возможность участвовать в государственном управлении, организация общественных работ, элементы общественного образования, общественные культурные и религиозные мероприятия и т. д.). Все это элементы социализма, получившие дальнейшее развитие в христианстве, а затем во всем ходе исторического развития европейских государств и США. Не вызывает сомнения, что социалистические идеи сами по себе являлись ответной реакцией на извечно присутствующие в любых обществах экономическое, политическое, этническое, половое, возрастное, интеллектуальное, физическое и другие виды неравенств. Социалистические идеи и социалистические формы общественной жизни также сродни формам мобилизационным. Их особо настойчиво начинают конструировать и проводить в жизнь тогда, когда социальная напряженность достигает такого накала, что обществу угрожает опасность взорваться изнутри.

Идея социальной взаимопомощи и связанное с ней определенное общественное нивелирование сами по себе крайне необходимы для нормального развития. В любом обществе и во все времена постоянно происходит корректировка между бедными и богатыми, между властью и личностью, между малыми и большими народами и т. д. Формы таких социальных корректировок могут быть самыми различными – от национальных и религиозных обычаев до восстаний масс или национальных движений. Но в Советской России навязанные силой тоталитарно организованного государства социалистические идеи второй половины XIX века очень быстро превратились в инструменты дикого, варварского закрепощения тоталитарной властью всех классов, групп и слоев населения. В 1922 году на XI съезде партии Ленин очень ясно сформулировал авторскую заявку на свой социальный проект: «Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха, и даже неизвестно – работала ли она. Но не в том было дело, а в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук

вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано. И поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству»[39]. Оставим на совести автора определение «государство пролетарского типа». Тем не менее так называемое Советское государство действительно есть изобретение, которое сделал и внедрил Ленин и его ближайшие соратники. И как в каждом изобретении, в нем соседствовали элементы творчества, случайных удач и неслучайных неудач. И как каждое изобретение, оно могло быть использовано, по крайней мере, двояко. Сталин, безраздельно завладев новым типом «государственной машины» (ленинский термин, вокруг которого развернулась дискуссия на том же съезде), не только совершенствовал ее до конца своей жизни, но и оснастил ее дополнительными агрегатами. И вновь зададимся вопросом: каков же результат? Результат однозначен – ленинско-сталинская конструкция не выдержала испытание временем и элементарной человеческой моралью.

Конечно, не только рабочих захватила идея конструирования нового государства и нового общественного устройства. В первую очередь она захватила романтиков разных стран из различных социальных слоев. Тех самых романтиков, для которых новизна идеи и возможности, которые она открывает в практической, социальной сфере, значат больше, чем любые материальные блага, классовые или национальные предрассудки. Как известно, идейные революционеры-романтики, а большевики первой волны именно таковыми и были, обладают мощной агрессивной душевной силой. В 1925 году Сталин несколькими карандашами подчеркнул, обозначил скобками эту ленинскую фразу, тем самым особо выделил ее для себя. Тогда он искал идейные основания для конструирования экономики нового типа как базового элемента для «построения социализма» в отдельно взятой России. Сбоку, на полях, синим карандашом приписал: «Соц. промышленность (аналогия)»[40]. Он, конечно же, чувствовал себя социальным инженером и был им на практике, в жизни.

Социалистические принципы, соединенные с тоталитарным государственным устройством, действительно привели к рождению нового, неведомого до того общественного строя. Уровень

бюрократического контроля, зависимости личности от государства и его правителя достиг неведомых в истории размеров. Поскольку все было сосредоточено в руках государства и исходило от него, то степень человеческой несвободы стала приближаться в сталинской России к несвободе раба в Римской империи. Недаром Лион Фейхтвангер, великолепно знавший древнюю историю, публично провел такую аналогию: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях»[41].

Так, социалистические идеи, имеющие чрезвычайно важное положительное, подлинно демократическое значение для любых обществ, в условиях советского тоталитаризма, «скрестившись» с ним, выродились в свою противоположность, отнимая у человека не только политическую, но и экономическую, а за ними и духовную свободу.

Как известно, социалистические идеи, развиваемые марксизмом, были встречены с энтузиазмом не только в России и Германии, но и в большинстве стран Европы и Азии. Притягательность этих идей была в значительной степени связана с концепцией интернационализма, которая в перспективе должна была привести к единству человечества. Речь шла не только об идее равенства народов, которая сама по себе в эпоху колониальных империй для многих очень привлекательна, но и о слиянии всего человечества в единую семью, в единую расу и единое сообщество. Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан человечеством еще с усвоением интернациональных идей мировых религий. Но, разрушая этнические и национальные преграды и расширяя ареалы человеческой общности, они способствовали установлению более жестких, конфессиональных границ.

Марксов «пролетарский» интернационализм – младший брат космополитизма европейских гуманистов и отличался от него одним – «подлинный» интернационализм возможен только после победы мировой социалистической пролетарской революции, которая, как предполагалось, сметет все национальные и религиозные перегородки.

Однако, осуществляя под социалистическими лозунгами революцию в отдельно взятой, но многонациональной России, большевики бессознательно, объективно направились в прямо противоположном направлении – в сторону национально-имперского социализма. Хочу подчеркнуть, поворот этот произошел не летом 1924 года, когда Сталин, Бухарин и их соратники провозгласили программу

построения социализма в одной, отдельно взятой стране (это скорее символизировало осознанную реализацию национально-социалистической идеи), а в октябре 1917 года. Именно первое поколение большевиков, и в первую очередь Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, как теоретики и практики социалистической революции в России заложили, не желая этого, фундамент невиданного прежде первого тоталитарного национально-социалистического государства. Сталин же осознанно и на свой лад продолжил и завершил постройку. Троцкий первым увидел опасности «национально ограниченного социализма» и даже заговорил о формировании теории советского «национал-социализма»[42], то есть сталинизма, но свою причастность к закладке его фундамента никогда не признавал.

Для большинства сторонних наблюдателей демократического толка идейная близость советского и фашистских режимов была очевидна уже тогда, когда они совместно укоренились на земном шаре. В 1936 году в процессе интервью американский журналист Рой Говард спросил Сталина: «Вы признаете, что коммунистическое общество в СССР еще не построено. Построен государственный социализм. Фашизм в Италии и национал-социализм в Германии утверждают, что ими достигнуты сходные результаты. Не является ли общей чертой для всех названных государств нарушение свободы личности и другие лишения в интересах государства?» Сталин, который часто был находчивым полемистом, в этом случае вяло отвечал общими фразами, типа того, что: «Выражение “государственный социализм” неточное», что под эти термином понимают такой порядок, когда вся собственность в руках государства. А в СССР есть и государственная и «общенародная», то есть «кооперативно-колхозная», собственность, а в фашистских странах большая часть собственности в руках капитала и т. д.[43] Сейчас для нас важнее не ответная реакция вождя. Важно то, что Сталин, безусловно, знал о таком сближении во многих человеческих умах коммунизма и фашизма на общей почве «национального социализма», и знал не только из книг врага – Троцкого. И он сам, хотя бы мысленно, внутренним взором не мог не проводить подобные сравнения, хотя бы в целях более убедительных опровержений. Впрочем, будет время, когда он не только найдет много общего у себя и своих нацистских соперников в борьбе за мировое

господство, но и возьмет в свой идеологический арсенал часть оружия, выпавшего из рук им же поверженного врага.

* * *

Следует учесть, что все три мобилизационных социальных компонента сошлись в стране с ярким историческим своеобразием. И дело не только в том, что при всей географической грандиозности экономическая и культурная база предреволюционной России была примитивной, а против мощнейшего инструментария тоталитарного социализма не было выработано соответствующего общественного, а тем более личностного иммунитета. Гораздо существенней то, что идеи национального социализма внедрялись в многонациональном государстве. Для того чтобы эта мысль стала понятней, рассмотрим также, в какой исторической среде и контексте чаще всего оживает такое явление, как национализм.

Если не шарахаться от столь иногда необходимых абстракций, то национализм можно определить как псевдоиндивидуализацию коллективного. Иначе говоря, это приписывание всей этнической, языковой или культурной общности качественных черт характера, которые могут быть присущи (и то относительно) только конкретному человеку, но никогда не являются общими свойствами социума. Так же как тоталитаризм и социализм, национализм в своих первоначальных импульсах возникает как защитная, агрессивно-мобилизационная реакция социума на угрозу этнического или культурного растворения, порабощения или уничтожения. В основе любой формы национализма лежат завышенная самооценка обезличенных качеств представителей данного сообщества и заниженная оценка членов других сообществ. Символами национальной самобытности могут выступать любые приписываемые качественные признаки и свойства, якобы отличающие данное сообщество от любого другого.

О древнейшей укорененности национализма в общечеловеческую ткань свидетельствует известная формула Б. Ф. Поршнева: «мы» и «они»[44]. С нее начались процессы деления, интеграции и смешивания в новые, более высокоорганизованные сообщества первобытных человеческих стад. Даже сама история, как история человека, началась

с того, что все люди противопоставили себя природе, животному миру, с того, что вызрел агрессивный «общечеловеческий шовинизм». Благодаря ему люди выделились из природного мира, осознав, что обладают душой, разумом, способностью творить, трудиться и господствовать.

В основе национализма как мобилизационного общественного фактора тоже лежит идея исключительности, но не общечеловеческой, а псевдовидовой. Моей, и только моей, нации якобы природно присущи черты яркой индивидуальности, редких положительных особенностей и уже только поэтому имеющей право на особые привилегии и преимущества. Любая так называемая «национальная идея» есть не что иное, как претензия на такие преимущества.

В качестве примера можно указать на ярчайший символ «национальной идеи», который сформировался в Древней Иудее – «Богом избранный народ». Именно она позволила сохраниться евреям как народу, несмотря на высокую социальную активность, рассеяние, преследования и малочисленность. Однако эта же самая идея национальной исключительности в своем крайнем развитии и в определенных условиях вырождается и из средства самосохранения превращается в очередное орудие агрессии и господства. Недаром еще Ленин вполне разумно предлагал качественно различать национализм большой и малой нации. Именно он говорил о национализме малой нации как защитной реакции на агрессивный национализм большой. Но дело, конечно, не в численности, а в направленности. Мы и сегодня видим, как в различных уголках земного шара лидеры даже не очень многочисленных этнических групп могут при определенных условиях развернуть мобилизационные свойства национализма в сторону агрессии. А когда подобное происходит с большой нацией, начинается катастрофа, ведущая к геноциду.

Христианство (как и мусульманство) «лишает» евреев божественной привилегии. Христос сказал: «Нет ни эллина, ни иудея…» Если бы в Евангелии не было этой фразы, то христианство (как и мусульманство, Мухаммед был хорошо знаком с иудаизмом и христианством) вряд ли бы утвердилось так широко на земле, как сейчас. Тогда всем христианским народам пришлось бы признать привилегированное пред Богом (а значит, и перед ними) положение иудеев, о чем недвусмысленно говорится в Ветхом Завете. В этом

случае весь христианский мир представлял бы собой фантастическую иерархию народов, организованную по степени «близости» к божеству или по времени принятия единобожия.

Благодаря христианству (и мусульманству тоже) национальная идея иудаизма стала интернациональной, всечеловеческой. Но в официальном русском православии XIX века и в связанной с ним общественно-политической мысли отчетливо зазвучала сходная с древним иудаизмом нота национально-религиозной исключительности. Как и многие подметившие это, Николай Бердяев писал: «Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного»[45]. После 1801 года, хотя весь Кавказ и Грузия еще не были полностью включены в состав России, царское правительство сумело подчинить грузинскую церковь Священному Синоду[46]. Сталин, как известно, был учеником православного училища и православной духовной семинарии, где ему, грузину, десять лет проповедовали, в том числе и русские священники, русскую версию православия. О том, какие изломы прошли по его национальному самосознанию и как они проявились в зрелом сталинизме, мы не раз еще будем говорить.

Нечто подобное гипотетической иерархии иудео-христианских народов можно обнаружить во многих многонациональных колониальных империях давнего и недалекого прошлого, где господствующая нация обосновывала свое право на верховенство особым покровительством высших сил, а в наше время как бы особыми, присущими только ей нравственными, интеллектуальными и физическими качествами. Это могут быть воинская доблесть, трудолюбие, высокий интеллект, особая душевность, доверчивость, организованность или милая расхлябанность, рациональность или бесшабашная расточительность, терпеливость, то есть все, что угодно. Нацистские идеологи утверждали, например, что только представители германской расы умеют держать корпус при ходьбе по-настоящему прямо. В таких случаях «враг, – пишет К. Лоренц, – или его чучело может быть выбран почти произвольно и, подобно находящимся под угрозой ценностям, может быть конкретным или абстрактным. “Эти” евреи, боши, гунны, эксплуататоры, тираны и т. д. годятся точно так же, как мировой капитализм, большевизм, фашизм, империализм и многие

другие “измы”»[47]. Во всех колониальных империях Нового времени с помощью подобных нехитрых идеологических бирок тщательно выстраивалась своя иерархия народов и рас. Вернее, она ими оправдывалась.

Нечто подобное происходило и в Российской империи. Формирование русского национального самосознания, нации, впитавшей в себя различные этнические элементы, началось как мобилизационная реакция на татаро-монгольское иго и как защитная реакция на западный религиозный и культурный «вызов». Однако после избавления от ига «поганых», с началом формирования многонациональной империи, идея национальной исключительности, выросшая из уверенности в религиозной исключительности и нараставшей военной мощи, стала доминирующей. Владимир Соловьев, вслед за отцом, как никто другой глубинно обдумывавший исторические судьбы России, открыто и беспощадно писал: «Признавая себя единственным христианским народом и государством, а всех прочих считая “погаными нехристями”, наши предки, сами не подозревая того, отреклись от самой сущности христианства, то есть от его интернационального “универсализма”. Тогда же, – продолжает мыслитель, – началось “национальное самообожание”, которое привело “к окончательному заключению, что Россия есть единственная христианская благочестивая страна”»[48].

Еще до революции в России сложилась, как и в любой многонациональной империи, своя иерархия народов. В этих условиях строительство тоталитарными методами национального социализма неизбежно должно было не разрушить, а, напротив, укрепить и ужесточить на новых идейных основах эту иерархию, которая уже несколько столетий формировалась как «традиция». Сталин еще в юности усвоил негативную сторону этой традиции, но затем сознательно использовал ее в борьбе за власть и задолго до войны с Германией творчески «развивал» ее в качестве главной движущей силы всей своей политики. Попробуем показать, как идея национально-религиозной исключительности была трансформирована Сталиным в идею национально-социалистическую.

* * *

Можно подумать, что в конце концов мы пришли к фаталистическому, гегельянско-марксистскому взгляду на историю, в которой господствуют силы, мало подвластные человеку. Это совершенно не так. Напротив, те формы социальной мобилизации, о которых мы говорим, не могут кристаллизоваться сами по себе, но могут быть сознательно использованы или так же сознательно не использованы политическими лидерами – вождями человечества. Они могут быть ими изощренно усовершенствованы или, наоборот, применены в самых древних, грубо-примитивных формах. И чем больше у лидера власти, чем больше у него воли к этой власти (проще говоря, силы), тем большей свободой исторического выбора он обладает. Но, как известно, беспредельная свобода даже сверхвыдающейся личности чревата полной несвободой всех членов общества. Диалектика общественного развития коварна и прихотлива и далека от закономерностей ровно настолько, насколько в ней начинают господствовать человеческий дух и воля. Демократические общества с сильными устоявшимися традициями исторически себя тем и оправдали, что в большей степени живут по законам внутреннего развития, а не по прихоти очередного властного кумира, который может оказаться на поверку бездарем или еще хуже – социальным садистом и вивисектором.

Отцы-основатели, политические гении или олигархи – не важно кто, но обладающие реальной властью, могут раскрутить маховики или установить сильнейшие ограничители на развертывание тех или иных механизмов тоталитарного, социалистического, националистического, демократического, авторитарного или иного свойства. Сталин был одним из тех, кто умел раскручивать до невероятных скоростей нужные ему маховики, а при необходимости и притормаживать их. И здесь неумолимо встает неразрешимая проблема взаимоотношения государства и личности, государственной власти и человеческой морали.

Ни Моммзен, ни С. Соловьев, ни Тацит и Ариан, ни другие современные и древние историки не знали, как быть, как вывести за скобки, например, проскрипционные списки, широко применявшиеся «блестящим» Августом, санкционировавшим массовые убийства рядовыми гражданами своих же соотечественников, политических противников диктатора? Как быть с бессмысленно жестокими

поступками перепившегося «солнечноликого» юноши Александра Македонского, сжегшего Персеполь с жителями и заколовшего лучшего друга? Как забыть, как затушевать не то что страницы, а целые главы истории Петра I, которые он собственноручно вписал массовыми казнями, фантастическими пытками и смертельным мучительством родного сына, гораздо менее порочного, чем отец? А вот Сталин, кажется, собственной, единственно здоровой правой рукой никого не пытал, все его дети умирали не по его вине, а сомнения в отношении причин смерти второй жены – всего лишь молва. Но не домыслы и не молва – прекрасно налаженная машина невиданного государственного террора у этого, без всякого сомнения, неординарного социального инженера. Ну а чем его «проект» порочнее проекта изобретателя водородной бомбы (А. Сахаров), или динамита (А. Нобель), или меча и лука (автор неизвестен)?

Как быть? Можно, конечно, вслед за сонмом достопочтеннейших историков лукаво убрать с глаз долой, скрыть в тени их без преувеличения великих деяний многочисленные моральные извращения «совершеннейших» исторических героев, сославшись все же на некоторую несовершенность человеческой натуры вообще. А можно поступить и по-другому. Например, вслед за некоторыми идеологами русского старообрядчества, вслед за Л. Толстым, Н. Бердяевым, С. Франком и другими искреннейшими христианскими мыслителями, за атеистическими теоретиками анархизма М. Бакуниным и П. Кропоткиным, вслед за К. Марксом и, конечно, вслед за Христом искать и находить неизлечимый порок в самом государственном общежитии человечества. С убежденностью исстрадавшейся души Бердяев писал: «Мы тут имеем дело с мировым принципом, с явлением мирового значения. Из Евангелия следует, что царствует всегда “князь мира сего”, что он становится во главе государств и империй. Но “князь мира сего” не есть нейтральное лицо, помещенное в нейтральную зону между царством Божиим и царством дьявола, это есть лицо в высшей степени агрессивное и наступательное, всегда посягающее на свободу духа и на сферу царства Божия».

Обозначив государство, причем любое государство, всегда и везде исключительно сферой интересов дьявола, Бердяев говорит о неизбежности грехопадения человека, включенного (а по собственной ли воле? – *Б. И.*) в темную сферу государственности. «Произошел

радикальный разрыв между моралью личной, особенно моралью евангельской, христианской, и моралью государственной, – продолжает Бердяев, – моралью царства, моралью практики “князя мира сего”. То, что почиталось безнравственным для личности, почиталось вполне нравственным для государства. Государство всегда пользовалось дурными средствами, шпионажем, ложью, насилием, убийством, различия тут бывали лишь в степени… Никто не мог никогда толком объяснить и оправдать, почему несомненные пороки и грехи для личности – гордость, самомнение, эгоизм, корыстолюбие, ненависть, кровожадность и насильничество, ложь и коварство – оказываются добродетелями и доблестью для государства и нации. Это есть самая большая ложь мировой истории»[49]. Он прав. И я не знаю, что здесь можно возразить, разве только задать вопрос: где выход, как человечеству (или хотя бы нам) жить дальше? С ответа на этот вопрос начинается очередной тур очередного бега по кругу, на завершающем этапе которого вас (новое поколение) встретит очередной «добрый человек» с теми же вопросами, а точнее – единственным вопросом: «Что есть истина?» Как бы вновь не перепутать очень реального «божественного Кесаря» с Богом, которого, возможно, и нет? Скоро ваш черед, господа!

Многие поколения историков столетиями будут разбираться с очередной грандиозной «ложью» мировой истории, в том, как она набухала в период столь же грандиозного сталинского строительства «социализма» в СССР. По словам В. Молотова и А. Голованова, Сталин в 1943 году как-то с горечью бросил: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее!»[50] Простим несостоявшемуся поэту жалостливое отношение к своей посмертной судьбе, правда, не лишенное исторического оптимизма. Но и возразим его тени – люди от века засыпают трупы прахом, то есть «мусором», а иначе – беда. Трупы, конечно, не воскресают, но грозят разложением. Ведь как будто именно по этому поводу сетовал вами признанный пророк и классик: «Традиция всех умерших поколений как кошмар тяготеет над мозгом живущих»[51]. Для нас это повторение, эта традиция-кошмар есть традиция сталинизма, возникшая задолго до того, как родился одноименный герой. Передо мной лежит корявый дореволюционный перевод процитированной книги Маркса из вашей, вождь, библиотеки,

и я достоверно вижу, что вы читали эти строки, как всегда, с карандашом в руке. Томас Карлейль, бесшумно открывший новую эпоху мировой историографии, заметил по поводу ухода со сцены очередного исторического героя: «Кто не знает, что человек смертен, но ведь иногда бывает и так, что со смертью человека безвозвратно рушатся созданные волшебные чары, а саму волшебницу вихрь уносит куда-то далеко-далеко, в бесконечность. И вместе с нею навсегда исчезают и подземные духи, не оставив после себя ничего, кроме запаха серы»[52]. Но одинаково ли справедливо сказанное и для волшебницы-француженки, и для чародейки-россиянки? Здесь, пожалуй, я все же решусь отстаивать приоритет национальных особенностей.

И еще – не вы ли, генералиссимус, были при жизни одновременно отцом, любовником и сыном той самой дамы, которую призываете ныне обустроить вашу могилу? Тогда же, при жизни ваш враг, ваш «кровник» – Лев Троцкий, которому по вашему приказу разрубили топором (ледорубом) череп, предупреждал, шагая в свою могилу: «Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря»[53]. Как известно, настоящий враг никогда не лжет.

Расскажем беспристрастно о том, как выглядел Сталин-человек, какие были его внутренние, интеллектуальные и духовные миры и как, опираясь на них, он пытался заложить на века вперед новую государственную историософскую традицию России.

Раздел I. Портрет героя

Глава 1
Опорные точки портрета

Историческое портретирование как метод

Историческое портретирование – это метод особого исторического жанра. Портрет может изображать не только лицо и фигуру человека, но и лик эпохи, и даже суть исторического явления. Не важно, **что** изображается историком, а важно то, **как** это изображается. Точно так же, как и в живописном ремесле метод исторического «живописания» не терпит чистой хронологии. Историческое портретирование имеет прямое отношение к теории «гештальта» (образа). В XX веке это немецкое слово вошло в арсенал науки, характеризуя человеческую способность образного мировосприятия. Человек способен разом охватить достаточный минимум черт видимого, чтобы в первом приближении понять то, что перед ним находится. Его глаза и мозг в несколько мгновений фиксируют отдельные, так называемые «реперные», «опорные» точки на видимом. Так формируется эскиз, первичный каркас будущего полнокровного и даже одухотворенного образа.

С позиции компоновки материала во времени, то есть с точки зрения композиции или конструкции, исторические труды можно условно разделить на три вида.

Первые – хронологические исследования, сравнительно последовательно описывающие события по порядку – от ранних к более поздним. Считается, что этот метод наиболее соответствует объективной логике исторического развития, что это и есть подлинный метод исторической реконструкции, воссоздания прошлого. Но обычно «неумолимая» и «очевидная» логика хода истории попросту навязывается материалу как часть творческого замысла, то есть субъективной конструкции историка.

Историк, убежденный в способности достичь таким кратчайшим путем объективной исторической истины, напоминает алхимика,

обещающего преобразовать свинец в золото. В наличии вполне реальный исходный материал и вполне осязаемая цель. Вопрос лишь в том, чтобы найти единственно верный путь преобразования исходного материала фактов в драгоценное сокровище истории. Но мало кто решится признать, что здесь важна не столько видимая хроника и кажущаяся логика развития событий, сколько работа по преобразованию обыденной, житейской реальности фактов в особую, новую историческую реальность. В этом суть творчества историка. Подлинный историк – творец новой реальности, «хронист» – всего лишь имитатор. Кого пугает слишком сильное ударение на слове «творец», включающее в себя необходимую дозу субъективизма, тот может заменить его на слово «первооткрыватель». Историк – первооткрыватель особой исторической реальности. И пусть нас не вводит в заблуждение известный факт, что с имитации, с обучения начинается любое творчество. Такой этап необходим, но во всем мире целые когорты исследователей топчутся на этом пороге, за которым – подлинное «пространство истории».

Второй вид – ретроспективные труды, где события начинают излагать от момента фиксируемого состояния, а затем разворачивают логику развития вспять, к их истоку. Это специфический исторический жанр, применявшийся главным образом некоторыми представителями французской школы «Анналов» (Марк Блок). У нас мастерами ретроспективного метода были Юрий Тынянов и Натан Эйдельман.

Третий и наиболее привлекательный для меня способ исследования проблемы и он же способ организации материала – это метод исторического портретирования, который сродни ремеслу уличного рисовальщика. Историк на глазах читателя воздымает из небытия исторический «образ». Напомним, не только образ человека, но и любого исторического явления. От первых «опорных» точек к штрихам, от прорисовок к эскизу, от него к фону и к выписыванию деталей, а с их помощью к трактовке всего образа. Здесь тоже есть своя хронология. Но не столько хроника **развития** образа, сколько хронология **раскрытия** образа, то есть его становление и научное воплощение в новую, современную реальность. В этом мне видится суть метода. Пусть этот метод таит для историка гораздо больше ловушек и опасностей, чем любой другой, но и преимуществ у него

немало. Главное – свободное перемещение во времени жизненного пространства своего героя (объекта).

Как известно, Алексей Толстой – талантливый сталинский писатель, оказавший гораздо более сильное влияние на людей своей эпохи, чем любой крупный историк, – был признанным мастером исторического портрета. В его галерее портреты всех тех исторических персонажей, мантии которых время от времени примерял к себе наш герой. Это портреты Петра I, Ивана Грозного, Ленина и… самого Сталина. В самый разгар работы над любимыми историческими образами он писал о своем понимании метода: «Портрет героя должен проявиться из самого движения… Портрет возникает из строчек, между строчками, между словами, возникает постепенно, и читатель уже сам представляет его себе без всякого описания…»[54] Не будем впадать в подражательство, что, как известно, губительно. Но как принцип, как некий методологический вектор примем эту мысль во внимание.

Недавно было осуществлено очень своеобразное издание. Под одной обложкой опубликовали два исторических портрета одного лица – Ивана Грозного. Один портрет принадлежит перу известнейшего историка России XX века академика С. Ф. Платонова. Другой – не менее известного академика Р. Ю. Виппера[55]. Классический труд Платонова написан в ключе «биохроники», статично: все, что известно о герое от рождения к смерти. Виппер, ломая хронологию, набросал портрет Ивана на скупом фоне XVI века, выделяя в нем только самое существенное и прослеживая посмертную судьбу образа царя. Два подхода, два жанра, один объект – два результата.

Виппер не образец, несмотря на замечательный накал чувств, до сих пор осязаемый при чтении книги. Поэтому для нас она могла бы остаться обычной историографической сигнатурой, галочкой на полях будущего портрета Сталина. Если бы не одно обстоятельство: Сталин читал книги Виппера с упоением. К сожалению, в современном архиве вождя именно этой книги нет. Вполне возможно, что ее первое издание 1922 года с критическими замечаниями Сталина все еще где-то находится. Во всяком случае, советские переиздания «Ивана Грозного» (второе вышло в 1942 г. (Ташкент), третье – в 1944 г. (М.-Л.) несут на себе следы подработок в духе сталинского «марксизма». Зато три книги Виппера: «Древняя Европа и Восток», «История Греции в классическую эпоху. IX–IV вв. до Р. Х.» (обе изданы в Москве в 1916 г.)

и «Очерки истории Римской империи» 1908 года испещрены сталинской рукой. Без всяких скидок Виппера можно назвать любимым историком Сталина. Отметим, что еще за десять лет до выхода «Ивана Грозного» Виппер рисует портрет Древнего Рима, являя читателю суть его империалистического существования. Сталин как волшебной сказкой был зачарован этой научной монографией.

На суд читателя представлена попытка первого наброска интеллектуального и духовного образа Сталина. Я не претендую на точное соответствие мертвому оригиналу. Не претендую и на безукоризненно выстроенное объяснение феномена сталинизма. Не претендую, даже с учетом меткого замечания Льва Троцкого: «Историческое объяснение не есть, однако, оправдание»[56]. Я хотел бы, прежде всего, понять образ мыслей и характер чувств человека, носившего псевдоним «Сталин». Может быть, поняв его исторически вчерашнего, мы кое-что поймем и в себе сегодняшних.

* * *

Историческое портретирование Сталина дело, с одной стороны, не такое уж ремесленно сложное, а с другой – почти непосильное. В течение всей своей длинной (и биологически, и политически) жизни он, оглядываясь на будущие поколения, целенаправленно упаковывал свое прошлое и настоящее в тысячи вполне благопристойных, отретушированных, отлакированных и словесно стерилизованных оболочек: фотографии, кинохроники, биографии, сочинения… Даже инициированные им беспрецедентные в мировой истории репрессии он облекал в оболочки «документированных» и «доказательных» судебных процессов, смешивал в одну кучу реальных уголовников с миллионами невиновных. Вскрыть такого рода оболочки не так уж трудно. Рецепт известен. Так и хочется заявить: снимая их, мы, без сомнения, доберемся до подлинного Сталина. Достаточно только «вышелушить» его образ из этих заскорузлых оболочек и пелен. Но не будем наивны, «подлинного» Сталина, как и Чезаре Борджиа, Ивана IV, Чингисхана и других личностей прошлого, в историческом пространстве нет. А есть нечто иное.

Любой профессиональный историк знает много больше о своем герое, чем он сам знал о себе. Исследователь видит его на фоне эпохи, страны, семьи, вещей, документов, других людей, различных идей и мнений. Но для портретируемого «фон» – это не сцена, по которой он, разгуливая, жестикулирует и делает заявления. «Фон» – это его жизнь, это воздух и свет его времени, это его органическое целое, которое можно понять и почувствовать только изнутри, то есть живя в этой эпохе, в этом времени, в этой среде. Причем живя, не зная того, что ждет завтра или даже через мгновение. Историк же всегда обитает в будущем своего персонажа, смотрит на него со стороны и поэтому может сразу видеть его **судьбу** и все его дела, как гадалка на ладони, от начала и до конца. У живого человека «судьбы» нет и быть не может, так как его жизнь – это не божественный план и не диспозиция, а творческое деяние его свободной воли. Но смерть ставит точку, и все, что свершилось в жизни, есть судьба.

Сталин как рационально мыслящий, живой человек не верил и не мог верить в судьбу. Замечательный диалог состоялся между ним и известным немецким прозаиком Эмилем Людвигом, публиковавшим в 1930-х годах документальные портреты исторических деятелей эпохи. «А верите ли Вы в судьбу?» – спросил прозаик. На что Сталин ответил: «Нет, не верю. Большевики, марксисты в судьбу не верят. Само понятие судьбы, понятие «шикзаля» – предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей». Но профессионал, который неосознанно смотрел на героя иначе, не унимался: «Значит, тот факт, что Вы не погибли, является случайностью?» Сталин: «Имеются и внутренние и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб. Но совершенно независимо от этого на моем месте мог быть другой, ибо кто-то должен был здесь сидеть. “Судьба” – это нечто незакономерное, нечто мистическое. В мистику я не верю. Конечно, были причины того, что опасности прошли мимо меня… Так называемая судьба тут ни при чем»[57]. Сталин был абсолютно прав, но до того момента, пока не умер.

В позиции каждой стороны, у героя и его исследователя, свои преимущества и свои неисправимые изъяны. Так, исследователь с полным знанием дела, прописывая детали «фона» и детали портрета на этом фоне, не может знать даже того, что творилось, например, в душе

и голове портретируемого Иосифа Виссарионовича Сталина 5 марта 1953 года в 21 час 47 минут, то есть за три минуты до последнего удара сердца. Что он чувствовал и думал, и был ли он способен чувствовать и думать в тот момент, когда приподнял в последний раз левую, не разгибавшуюся в локте руку с вытянутым вверх перстом, то ли угрожая, то ли призывая кого-то? Историк никогда не сможет узнать ни об этих минутах, ни о тысячах других минут и мгновений внутренней, иначе – подлинной жизни своего героя. Так что выписать подлинный образ Сталина, как и любого другого исторического персонажа, вряд ли когда удастся. Если гипотетически предположить, что такую задачу можно разрешить, не прибегая к неизбежным домысливаниям, то историк смело может взять на себя божественную функцию воскрешения словом. Однако, как и во всех правилах, здесь могут быть некоторые исключения.

Источников, непосредственно отражающих скрытую интеллектуальную и духовную жизнь человека, почти нет. Лишь прерывающимся пунктиром обозначают некоторые внутренние процессы черновые и подготовительные материалы людей, привыкших излагать свои мысли на письме. Сюда же примыкают зафиксированные спонтанные комментарии и высказывания, как бы проговорки. Здесь же – пристрастия и предпочтения, выбор людей, авторов книг, выбор идей, художественных и исторических образов. Многое, конечно, зависит от темперамента и способности понимания. Но именно здесь историк может надеяться заглянуть за кулису души.

Сталин читал чрезвычайно много и очень много комментировал прочитанное. Читал не только как высший государственный и партийный чиновник читает документы. Он читал еще и как главный редактор, и как главный политический и духовный цензор огромной державы. Он читал и как обычный заинтересованный, но к тому же еще и как страстный человек, тут же комментируя для себя или других книгу, статью, рукопись учебника, романа или киносценария. Это небольшие, но все же лазейки, которые могут помочь проникнуть за непроницаемую завесу сталинской души.

Первая опорная точка портрета – Сталин и Бог

Наметим первые опорные точки будущего портрета. На противоположных сторонах незапятнанного, еще чистого исторического полотна поставим соответствующие знаки. На полюсе «+» набросаем первые штрихи того, как он видел себя (и физически, и психологически), а на полюсе «-» – как его видели другие в разное время, но со стороны. Не моя идея эта игра с полюсами – Сталина. Как и в электрическом поле, эти условные знаки не несут в себе по отдельности никакой нагрузки, но соединенные вместе приобретают исключительное значение. Недаром, находясь уже ближе к концу жизни, он поставил сам себе в особую заслугу умение учитывать эти самые плюсы и минусы. Совсем не случайно в последнем издании «Краткой биографии» появилась такая характеристика: «Сталин мудр, нетороплив в решении сложных политических вопросов, там, где требуется всесторонний учет всех плюсов и минусов»[58]. Казалось бы, речь идет об элементарной взвешенности, необходимой любому человеку при принятии серьезных решений. На самом же деле здесь все сложней.

Как и всех людей от века, его мучил смысл жизни, который по существу сводится к вере или неверию в Бога. Как и для многих, вера и неверие в Бога для него упирались в дилемму разума и чувства. Как и многие, в Новое время он считал, что его мысли о Боге и представления о нем порождены исключительно человеческим, то есть его же собственным, иллюзорным сознанием.

Как-то он зачитался фрагментами неоконченной книги Анатоля Франса «Последние страницы. Диалоги под розой», которая была издана в СССР до войны. Диалоги были посвящены различным темам. На текстах трех диалогов, «О Боге», «Из диалога о стыдливости» и «Диалог о старости», Сталин сделал отметки, а также оставил много развернутых замечаний. Подчеркнул их названия и в оглавлении книги. Все три диалога имеют особое значение для нашего обозрения душевного и интеллектуального мира вождя.

В диалоге «О Боге» Франс устами одного из героев книги заявлял, а Сталин отмечал:

> «…**если бог существует, его бесконечность прекратилась с того мгновения, как он создал мир**…»[59]

Замечание вполне здравое, если предположить, что Бог создал мир конечным, а это спорно. И другую шутливую мысль писателя, развивающую идею «смерти» Бога, Сталин пометил, соглашаясь:

«Необходимо признать, что его бесконечность причиняла ему неудобства; например, не позволяла ему передвигаться с одного места на другое, так как он был вездесущ»[60].

Согласился Сталин и с мнением составителей и редакторов книги, что Франсу лучше всего удается критика религиозных представлений о Боге, о творении мира и критика тех моральных запретов, которые Бог наложил на людей. Поддерживая взятый писателем шутливый тон, Сталин вслед за ним отмечал и увлеченно комментировал размышления о разнице в единобожии христиан и многобожии древних греков:

> «Единый бог, если он заблуждается, составляет несчастье верящих в него народов. Если даже он мудр, то мудрость его одного сорта, подходящая к одному только сорту людей.
>
> Боги Греции разнообразием своих характеров лучше подходили к разнообразию человеческих умов. Эти боги, не соглашаясь между собою ни в чем, жили, однако, во взаимной гармонии. В троянскую войну одни стояли за греков, другие за троянцев. Этим они научили греков мыслить широко и терпимо»[61].

По поводу религиозного либерализма древних греков Сталин на полях аккуратненько написал: *«Греки хорошо устроились!»*

«Что же касается бога христиан, – рассуждал Франс далее, – то у него от иудейского происхождения осталась ужасающая жестокость и крайняя мелочность во многих отношениях».

Сталин с пониманием подчеркнул и эти строки, а затем с насмешкой написал на полях: «*Анатоль порядочный антисемит…*»[62] А по поводу замечания Франса о том, что у иудейского Бога есть «ужасный недостаток: **он буквоед**», Сталин согласно хохотнул: «*Ха-ха!*» Известно, что по каким-то своим потаенным причинам Сталин всю жизнь особенно не любил евреев и греков, чьи религиозные идеи легли в основу православия. Впрочем, он так же относился к полякам-католикам и армянам.

Глаз Сталина зацепился за рассуждения Франса о взглядах деистов и за реплику Шарля Бодлера об «истинном боге», который может быть скрыт даже в негритянских идолах.

> «…Бог деистов – совсем не один. Каждый создает его по своей идее и созерцает в нем самого себя. Его присутствие не замечается».

По поводу трудности узнать истинного бога среди множества богов Анатоль Франс повторяет анекдот, вкратце рассказанный им в другом месте, в этюде о Бодлере:

> «Бодлер, будучи в гостях у Теофиля Готье, увидел, что его приятель Шарль Асселино взял в руки отвратительного маленького идола, вырезанного негром в Конго из куска фигового дерева: фигура человеческая, голова в два раза больше туловища, разрез рта до ушей и две темные дыры вместо глаз. Асселино воскликнул:
>
> – Какая отвратительная фигура!
>
> – Осторожнее, – сказал ему Бодлер. – А что, если это окажется истинным богом?»

Издатели сборника Франса достаточно произвольно скомпоновали его выписки и высказывания о взглядах людей и народов на сущность истинного Бога. В целях большей ясности я позволил себе чуть-чуть перегруппировать тексты. К предыдущим положениям тематически примыкают выписки писателя из воспоминаний о религиозных взглядах Наполеона Бонапарта. Когда Франс процитировал генерала Гуро, Сталин с удовлетворением отметил:

«Если бы ему нужно было выбирать для себя религию, Наполеон избрал бы обожание солнца, которое все оплодотворяет и является настоящим богом земли».

Сталин не только подчеркнул эту фразу, а дополнительно обвел карандашом слово «солнца», а на полях написал: *«Хорошо!»*[63]

«В четырех репликах, – указывали составители книги, – Анатоль Франс касается спорного вопроса **о влиянии религии на жизнь людей**:

> “Судя по тем сильным чувствам, которые внушает нам христианство, можно было бы подумать, что вы эту религию считаете продуктом сверхъестественного откровения, имеющего целью изменить людей. Успокойтесь. Созданная людьми религия не больше изменяет их, чем платье изменяет тело. Религия может уродовать человека, как платье может уродовать тело”».

Сталин прокомментировал на полях: *«Ха!! Вот и разберись!..»*[64]

Франс подводил общий итог рассуждениям о христианском Боге как о химере, как о порождении человеческой фантазии: «**Люди подчиняются своим собственным выдумкам**. Они сами создают богов и повинуются им».

> «Мысли, которые мы приписываем ему, исходят от нас самих; мы бы их имели, если бы и не приписывали их ему. И не стали бы от этого лучше».

Сталин синим карандашом подчеркнул первое предложение первого фрагмента, а рядом написал: *«Известная истина!»* – и двумя вертикальными линиями на полях отметил второй тезис.

Еще до Франса Сталин не раз должен был сталкиваться с подобными мыслями, высказанными Марксом или Энгельсом, а может быть – Фейербахом.

Как и многие, он чаще гнал от себя мысли о религии, о вере. Но, как и у всех, бывали в жизни минуты, когда эти мысли все же прорывались в сознание и тревожили его. Он с усмешкой отгонял их. Франс написал:

> «Христианство есть возвращение к самому первобытному варварству: идея искупления…» (фраза обрывается. – *Б. И.*).

Бывший ученик православной семинарии Иосиф Джугашвили на правом поле трижды отчеркнул этот обрывок фразы, а на поле слева насмешливо черкнул: «*Так его!!!*»[65]

Составители книги написали: «…Анатоль Франс указывает, **что религия не имеет влияния на мораль**». И это замечание полностью

совпало с мнением вождя. Следующий отрывок, подкрепляющий этот тезис, Сталин также отметил:

> «В одном и том же месте и в одно и то же время могут существовать несколько религий, но мораль бывает всегда одна. Либаний, Юлиан, св. Григорий, Иоанн Златоуст – все имели одну и ту же мораль».

Далее Франс поясняет, что вне зависимости от религии у всех народов и людей одинаковые принципы и одинаковые предрассудки, так как «мораль устанавливается законами». Это, конечно, спорный тезис, во всяком случае, для приверженцев той или иной конфессии. Но для человека, который мог о себе сказать подобно французскому Людовику XIV («король-солнце»): «Государство – это я», не требовались какие-либо иные доказательства того, что мораль легко устанавливается законами правителя. При этом совершенно очевидно то колоссальное влияние, которое действительно оказывает на моральный климат в обществе такой «человек-государство».

> Но вот Франс переходит к рассмотрению вопроса о реальности бытия Бога: «Верить в бога и не верить – разница невелика. **Ибо те, которые верят в бога, не постигают его.** Они говорят, что бог – все. Быть всем – все равно что быть ничем».

Радость совместного открытия истины захлестнула Сталина. Мало того что он много раз отчеркнул и подчеркнул этот текст, он еще и приписал на полях свой вывод: «*Следов. не знают, не видят. Его для них нет*». Иначе говоря, получается, что для Сталина Бога нет не потому, что его нет вообще, а потому, что он неосязаем. Не замечая того, он оставляет для себя как бы маленькую психологическую лазейку – может быть, Бог есть, но он просто невидим и непостижим. Именно эту мысль о непостижимости человеческим умом божества Иосифу на каждом богословском занятии внушали преподаватели Тифлисской духовной семинарии.

Как и для многих людей XIX–XX веков, иудео-христианский Бог для Сталина умер еще в юности, когда он ступил на стезю марксизма. Умер в его **душе**, но это не значит, что он исчез из его вечно

сомневающегося **разума** и был вычеркнут из сознания и памяти. Минуя этапы внутренней эволюции, отметим сейчас только то, что он уже в зрелые годы обозначил для себя в качестве базовой точки опоры. Такой «опорой» стала идея аннигиляции, взаимного уничтожения при соприкосновении разума и чувства, превращение в «ничто» положительных и отрицательных жизненных полюсов.

«**Бог – перекресток всех человеческих противоречий**», – сделал вывод Франс. Сталин согласно подчеркнул его и направил две стрелки. Одну к тезису Франса: «…**существование бога есть истина, подсказанная чувством**. Это заключение не покажется удивительным для тех, которые полагают, что человек создан для того, чтобы чувствовать, а не познавать. **Каждый раз, как его разум приходит в столкновение с чувством, разум оказывается побежденным**». Второй стрелкой закольцевал уже эти два тезиса, а сбоку, слегка ерничая, приписал: *«Куды ж податься!»*

Затем откликнулся на насмешливое замечание Франса громогласным *«ха-ха!»* по такому поводу:

> «Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена».

И наконец, от того же тезиса о Боге как перекрестке всех противоречий направил третью стрелку к собственному пониманию сути противоречия: *«Разум – чувства»*. А уже от этого вывода направил еще одну, четвертую карандашную стрелку к нижнему полю страницы, где подвел окончательный итог: *«Неужели и это тоже* *?! Это ужасно!»*[66] Плюс-минус обведены кружком так, как символически обозначают в физике электрические заряды. «Ужасно!» – значит, несмотря на все насмешки и ерничанье, его устрашил этот абсолютный ноль? Из этой записи видно, что мысль о «ничтожестве» того бытия, где разум уничтожается чувством и – наоборот, приходит к нему далеко не в первый и не в последний раз. Что же его так устрашило? Похоже, разгадка находится все в той же книге Франса. На одной из страниц он заявил: «Большая разница – думать, что смерть приведет нас к разгневанному богу или вернет в небытие, из которого мы вышли.

Как вы это понимаете? **Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада»**[67] (выделено мной. – *Б. И.)*. Последнюю фразу Сталин отчеркнул на полях. И его можно понять: ад – это все же существование, и не самое безнадежное. Небытие – абсолютное, безвозвратное Ничто, и оно – «ужасно».

Я думаю, я убежден, что здесь, как на дне сказочного океана, спрятана разгадка самой глубокой тайны сталинской души. Это тайна безграничной внутренней свободы, которой он почти достиг, став беспрецедентно неограниченным властителем. Точнее, он стал неограниченным властителем, когда понял, что чувства, благодаря которым спонтанно рождается в душе человека Бог (совесть, сострадание и т. д.), рационально уничтожаются критическим разумом, но и он, в свою очередь, уничтожается чувствами (Богом). Не будем упрощать – перед нами не знакомый материализм и тем более не гуманизм в его крайних проявлениях, когда человек не просто приравнивается к Богу, а, порождая его, возвышается над ним. Пока выскажу только в качестве догадки, что как в молодости, так и в зрелые годы, всю жизнь Сталина грызли сомнения: а не является ли Бог такой же реальностью, как и человек? Он всячески избегал открытых высказываний на этот счет, но категорически запрещал выписывать в свою личную библиотеку атеистическую литературу, брезгливо называя ее «антирелигиозной макулатурой»[68]. По правде сказать, она почти вся была низкопробной. Но и к церкви как организации он, став властителем, относился с холодным прагматизмом. Со времен семинарского детства он знал истинную цену многим земным пастырям.

Сталин, страшась своей же собственной мысли, демонстрирует рисунком свое понимание полной свободы. Это свобода от любых последствий своих поступков, чем бы они ни порождались – его разумом (человеческим) или его чувствами (божественным). Сталкиваясь в реальности, они взаимно уничтожаются, как электрические заряды. Поэтому незачем и не на кого оглядываться: ни на Бога, ни на человечество. Абсолютно свободен! От добра и зла, от чувства вины за то и другое. Все, что он делал, вся его жизнь была посвящена достижению, а затем удержанию абсолютной личной свободы. Конечно, не все так прямолинейно и просто.

Полностью освободиться от чувства вины и раскаяний, как и любому человеку, ему не удастся никогда. Так же как освободиться от Бога. И тому мы найдем немало отчетливых свидетельств.

В августе 1942 года в разговоре с Черчиллем, который напомнил о Гражданской войне, Сталин, вздохнув, ответил: «Все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу». Тогда он бессознательно соврал Черчиллю, как постоянно врал не только другим, но и самому себе. Не дожидаясь конца войны, он уже в 1944 году вновь вернулся к затеянному еще в 1930-х годах грандиозному плану перекраивания истории, то есть того самого «принадлежащего Богу прошлого». Он сам и большинство советских историков упорно продолжали переписывать заново все обозримое прошлое – от его собственной биографии и до всемирной истории. Став правителем, он во всем – и в прошлом, и в настоящем – чувствовал себя абсолютно свободным и господствовал и там и тут безраздельно, при этом не до конца отрицая присутствие Бога. Возможно, в его мире Бог был необходим для полноценного ощущения истинного масштаба своего земного могущества?

Очень хочется указать на Ницше как на сталинский первоисточник с его знаменитым высказыванием о сверхчеловеке, шагнувшем по ту сторону добра и зла. Но среди книг с пометами Сталина произведений Ницше я пока не обнаружил. Дуновение же ницшеанства вполне ощутимо[69]. Впрочем, пусть косвенные, но неоспоримые признаки его знакомства с ницшеанством мне все же удалось отыскать. Выступая на XIII конференции РКП(б) в январе 1924 года, Сталин так характеризовал Троцкого: «Ошибка Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями…»[70] Как всегда, он обвинял врагов в том, чем был грешен сам.

Пройдут годы, и уже после кровавой Отечественной войны рука Сталина вновь потянется начертать похожую анаграмму. Сталин читает книгу Г. Александрова «Философские предшественники марксизма». На одной из страниц автор излагает философскую систему Фихте, в которой решается диалектическое противоречие между «Я» и «не-Я». По Фихте, как результат разрешения этого противоречия в сознании, как диалектический синтез рождается человеческая личность.

Точно так же, как на страницах книги Анатоля Франса, Сталин и здесь вновь взрывается аккуратной надписью и знакомым рисунком на

полях: *«Это же чудесно!.. “Я” и “не-Я”. Это же* *!»*[71], то есть – ноль, ничто. И если в книге Франса он написал: «Это ужасно!», то здесь он уже восхищен: «Это же чудесно!»

* * *

Родные, находясь слишком близко, как правило, плохо понимают рядом живущего человека. Нет дистанции, а потому не разобрать – что крупно, а что мелко и пустяково. Дочь Сталина Светлана Аллилуева, повзрослев, резко отдалилась от отца, когда поняла, что он был «монстром»[72]. Но возникшая дистанция, кажется, позволила и ей подметить в отце некую фундаментальную точку. Будучи уже немолодой, она неожиданно призналась: «…вся жизнь моего отца возникла передо мною, как отречение от Разума и Добра во имя честолюбия, как полное отдание себя во власть зла»[73].

Впрочем, дело может быть не в отдаленности дочери от отца и появившейся у нее в связи с этим ретроспективе. Были годы, когда дочь была чуть ли не единственным человеком, кому Сталин позволял брать книги из домашней библиотеки в Кремле. На некоторых из них сохранились сделанные детским почерком карандашные каракули, так похожие на отцовские буквы: «Сета», «Светланка», или следы подготовки к экзаменам в вузе. Может быть, ей, уже студентке, попались книга Франса или другие книги с характерными пометами? Даже если это и так, дочь все же до конца не поняла отца. Несмотря на то что он был темпераментным и страстным человеком, его отношение к категориям типа добро, зло, разум, чувство было сугубо рассудочным. И конечно, он никогда не делал сознательного выбора «зла». Да и кто в принципе способен сделать такого рода выбор? Даже Дьявол выбрал зло как добро для себя и присных.

Скорее всего, Сталин с какого-то момента жизни оказался душевно пустым, или, что то же, душевно омертвел, и потому делал все так, как считал нужным, невзирая на мораль. Хотя разумом холодно и рационально осознавал, где моральный плюс, а где – минус. Душевная смерть никого не настигает сразу, от рождения. Нам еще предстоит констатировать моменты его душевного умирания, а затем и признаки разложения. Верил ли он сам в наличие души и в ее бессмертие?

Скорее всего, да, но как-то по-особому, не церковно. В книге Франса подчеркнул: «**Душа, по взгляду Наполеона, состоит из флюидов, которые после смерти возвращаются “в эфир и поглощаются другими мозгами**”»[74]. Вслед за Наполеоном он пытался «закольцевать» жизнь и смерть души в механическом круговороте бессмертия, как в физике закольцован закон сохранения материи. Когда останки сталинской души окончательно в нем истлели, он, как ницшеанский герой, действительно оказался за гранью…

„Люди подчиняются своим собственным выдумкам. Они сами создают богов и повинуются им. Нет более властного господина, чем тот, которого мы сами изобрели, нет более жестокого тирана, чем тот, которого носят в самих себе".

Еще отрывок с перечислением упреков, делаемых христианству:

„Церковь, основанная на гибельных иллюзиях, в течение восемнадцати веков держала под спудом науку и красоту и заставила пролить потоки крови.

„Она омрачила гений принявших ее народов.

„Христианство есть возвращение к самому первобытному варварству: идея искупления...

„Отвергается даже личная ответственность: за преступление должно быть взято возмездие, все равно от кого.

„Это нас возвращает к обычаям дикарей.

„Основа христианства ужасна по своей жестокости.

„В евангелиях этого нет, но у Павла"....

Один из собеседников прерывает:

„Не говорите дурно о Павле. За него стоят все: католики, протестанты, евреи и позитивисты".

Тем не менее, Анатоль Франс указывает, что религия не имеет влияния на мораль.

„Христианство не имеет своей собственной морали ни для войны, ни для мира. Христианство заимствует свою нравственность от исповедующих его народов и, как хамелеон, принимает окраску почвы, на которой оно расположилось".

Другой отрывок:

„В одном и том же месте и в одно и то же время могут существовать несколько религий, но мораль бывает всегда одна. Либаний, Юлиан, св. Григорий, Иоанн Златоуст—все имели одну и ту же мораль.

„В настоящее время евреи, протестанты, католики имеют одинаковые принципы и те же самые предрассудки. Мораль устанавливается законами. Она более императивна, чем религии".

Касательно спасения:

„Каждый желает спастись. Как вы объясняете, что получила преобладание наиболее азартная и трудная метода спасения?

Пометы Сталина на книге А. Франса «Последние страницы. Диалоги под розой». Петербург, б. г. изд.

„То же самое происходит с играми. Легкие игры пренебрегаются. Любят трудные игры, как бридж, или азартные, как баккара".

О существовании бога:

„— Верить в бога и не верить—разница невелика. Ибо те, которые верят в бога, не постигают его. Они говорят, что бог—все. Быть всем—все равно, что быть ничем.

„— Но они ему приписывают волю, мысли, намерения, касательно управления миром, роль судьи, налагающего ужасные наказания. Это много.

„— Мысли, которые мы приписываем ему, исходят от нас самих; мы бы их имели, если бы и не приписывали их ему. И не стали бы от этого лучше".

В заключение приведем несколько отрывочных мыслей:

„...Заключение, к которому мы приходим: существование бога есть истина, подсказанная чувством. Это заключение не покажется удивительным для тех, которые полагают, что человек создан для того, чтобы чувствовать, а не познавать. Каждый раз, как его разум приходит в столкновение с чувством, разум оказывается побежденным".

„Воздают благодарность богу за то, что он создал этот мир, и воздают ему славу за то, что он создал другой мир, совершенно отличный, где вся неправда этого мира будет исправлена".

„Бог—перекресток всех человеческих противоречий".

„Бессилие бога бесконечно".

Сравнение текстов, подвергавшихся многократной переделке и исправлению, показывает, как терпеливо и упорно работал Анатоль Франс. Окружив себя многочисленными и точными выписками, набросками разрозненных мыслей и схваченных на лету внушений, он приступал к работе, переделывая одно и то же место два-три раза, иногда до восьми раз, возвращаясь к нему часто после продолжительных промежутков времени.

По крайней мере, так он работал в последние годы. Потребность в тщательном документировании он, повидимому, имел всегда. Об этом свидетельствуют материалы, относящиеся к роману „Боги жаждут".

личные состояния сознания, то, сравнивая их, Фихте видит, как одно из них уже просто своим наличием ограничивает другое, хотя оба вместе они составляют действующее сознание. Третье положение фиксирует противоречие «я» и «не-я» в сознании. Вся дальнейшая система усложняющихся категорий, тезисов, антитезисов, синтезов выводится из трех указанных решающих основоположений.

Фихте считал все эти соображения своим величайшим открытием. С точки зрения Фихте, многие мыслители и в прошлом были «на волосок» от этих «истин», но случайно их не открыли. Автор же «Наукоучения» это открытие осуществил, сделавшись, по его собственным словам, «изобретателем системы» и «наукоучителем человечества», давшим последнему «окончательную систему» интеллектуального созерцания.

Таковы кратко идеи Фихте, развитые им в основных его сочинениях.

В изложенных взглядах Фихте резко выделяются две мысли: во-первых, стремление философа уничтожить непоследовательность учения Канта, преодолеть его колебания в сторону материализма, сделать крайне субъективно-идеалистические выводы, растворить весь мир в сознании человека, во-вторых, стремление представить индивидуальное сознание, мышление, как находящееся в непрестанном восходящем диалектическом развитии ко все более сложным формам мысли, развитии, совершающемся через борьбу понятий, через противоречие уже достигнутых форм сознания с только еще нарождающимися, более высокими формами, через разрешение этих противоречий сознания.

Фихте определял свою философию — наукоучение, как вполне естественную, положительную историю человеческого духа. Он придавал большое значение *истории познания* и *истории культуры* для создания совершенной, истинной философии. В учении об историческом восходящем развитии человеческой мысли, о ее движении ко все более сложным формам через преодоление противоречий — большая научная заслуга Фихте, как выдающегося диалектика-идеалиста. Маркс и Энгельс видели в учении Фихте гораздо более богатое явление философского развития, чем все прежние виды субъективного идеализма. Огромная роль, по Фихте,

Пометы Сталина на книге Г. Александрова «Философские предшественники марксизма». Политиздат, 1940

 – такова первая опорная точка будущего портрета. Вторую опорную точку обозначим его самым любимым эпитетом – «УЧИТЕЛЬ».

Вторая точка – «Учитель из Тифлиса»

Работая с архивом и библиотекой Сталина, я наткнулся на редкое издание пьесы Алексея Толстого «Иван Грозный». На одной из страниц сталинской рукой написано: «Учитель». Невольно мелькнула мысль – Сталин называет деспота Грозного своим учителем… Однако вскоре стало ясно – поторопился. За этой сталинской пометой стоит нечто большее, чем прямое указание на средневекового кровавого царя как на учителя. Да и помета выглядит не совсем обычно. В свое время так же поторопился драматург Эдвард Радзинский, заявивший в телевизионном выступлении о том, что Сталин называл Грозного учителем. Вскоре об этом, как о достоверном факте, стали рассказывать школьникам учителя истории. На самом же деле к Ивану Грозному эта помета Сталина не имеет никакого отношения.

Во-первых, в книге много других сталинских надписей, как на обложках, так и на странице со списком действующих в драме лиц, не имеющих никакого отношения к Грозному. Слово «учитель» повторяется несколько раз в окружении десятков других помет и причудливых карандашных обводов, отражающих разнообразие присущей Сталину моторики. В руки Сталина пьеса попала в самый разгар второго года войны, скорее всего летом-осенью 1942 года. Толстой начал над ней работать в октябре 1941 года, а издана она была на правах рукописи уже в июне 1942 года. Книга вышла тиражом всего 200 экземпляров.

Как известно, военная обстановка летом-осенью 1942 года была очень тяжелой. Наверное, поэтому написанные Сталиным слова звучат как заклинания, обращенные к самому себе, а возможно, и к кому-то только ему тогда известному: *«Выдержим», «Не могу? = Помогу!», «Я помогу».* В другом месте напоминает сам себе: *«Поговорить с*

Шапошн.» (Шапошников – начальник Генштаба. – *Б. И.), «Нитроглиц. (ериновый) завод»* и др., а вперемежку – какие-то цифры, «скрипичные» ключи и много раз: *«Учитель»,* а к нему снизу ведет росчерк в виде заглавной прописной буквы «Г»[75]. Последнее совсем уже непонятно – почему такое странное сочетание?

Во-вторых, когда просмотрел наудачу еще с десяток других книг из библиотеки Сталина, то убедился, что на очень многих из них есть подобные записи. Поэтому я внимательнейшим образом изучил всю сохранившуюся часть сталинской библиотеки с точки зрения характера надписей. И вновь чуть не попал в ту же ловушку, что и раньше, обнаружив сначала на полях нескольких книг Ленина знакомые слова, а затем на одной из книг Троцкого тот же намек в виде прописной буквы «Г»[76]. То, что Сталин мог считать своими идейными учителями Ленина, Троцкого и Грозного одновременно, как бы особенно не противоречило всему тому, что несет в себе для нас современный образ Сталина. «Прогрессивный» опричный царь, «Гениальный Вождь», «Иудушка Троцкий» уже давно причудливо совмещаются в нашем сознании благодаря «учительскому» гению Сталина и отечественным преподавателям истории. Но когда такие же надписи я увидел и на других книгах, не имеющих никакого отношения ни к вождям, ни к царям, ни к особым эпохам и изданных к тому же задолго до того, как Сталин хотя бы в мыслях посмел себя отождествлять с царем Иваном, пришлось отказаться от слишком прямолинейных аналогий. Отношение Сталина к некоторым своим царственным предшественникам и историческим героям было совсем не таким простым, как это сейчас нам рисуется с легкой руки литераторов и журналистов.

Присутствуя на заседаниях, работая в кабинете над документами или читая книгу на даче, Сталин, как и всякий человек, время от времени отвлекался от окружающего и в задумчивости машинально что-то писал или чертил на том, что у него было под рукой. Если это было на заседаниях правительства или Политбюро, то он, по давней генсековской привычке, что-то помечал на память себе в блокнот. Соратники, подозрительные, как и сам вождь, а главное, до крайности запуганные им, думали, что он что-то фиксирует на их счет. Наверное, иногда так и было.

Об особенностях сталинской памяти пишут многие. В большинстве своем (чаще – военачальники) отмечают феноменальную способность Сталина запоминать детали, имена, цифры. Возможно, что, как у большинства занимающихся умственным трудом людей, она у него была очень избирательна. Наверняка он сам способствовал распространению завышенной оценки своих мнемонических способностей. Он хорошо знал, что историческая традиция приписывает уникальную память древнеримскому императору Гаю Цезарю, Наполеону Бонапарту, Петру I и целому ряду других исторических личностей. Отсюда истоки легенды и о феноменальной сталинской памяти. Но те, кто знал его особенно близко и оставил свои воспоминания, в частности Молотов, Хрущев, Микоян, отмечают странности памяти вождя, особенно в послевоенный период. С одной стороны, он был явно забывчив и мог в один момент запамятовать фамилию собеседника, своего старого соратника. Однажды он забыл фамилию Булганина в его присутствии[77]. В то же время, когда это ему очень было надо, вспоминал события многолетней давности. Вот как эту особенность отметил, например, Микоян: «В последние годы жизни память Сталина сильно ослабла – раньше у него была очень хорошая память, поэтому я удивился, что он запомнил это предложение Молотова (повысить цены на хлеб. – *Б. И.*), высказанное им в моем присутствии Сталину в конце 1946 г. или в начале 1947 г., то есть шесть лет тому назад»[78].

В 1923 году, когда ему было всего 43 года, он в первый раз пожаловался врачам на сильное ослабление памяти. А это еще самое начало его государственной карьеры. Позже эта жалоба повторялась. Учитывая недостатки памяти, а также огромный поток информации, который он замыкал на себя, доведя идею централизации управления государством до полного абсурда, ему приходилось многое фиксировать «на память» в особом блокноте или тетради. В тех самых, которые, как считают некоторые современные исследователи, бесследно исчезли из кабинета Сталина в Кремле сразу после его смерти[79]. На самом же деле они до сих пор хранятся в архиве Сталина, хотя, возможно, и не все.

А. Н. ТОЛСТОЙ

ИВАН ГРОЗНЫЙ

«ИСКУССТВО»

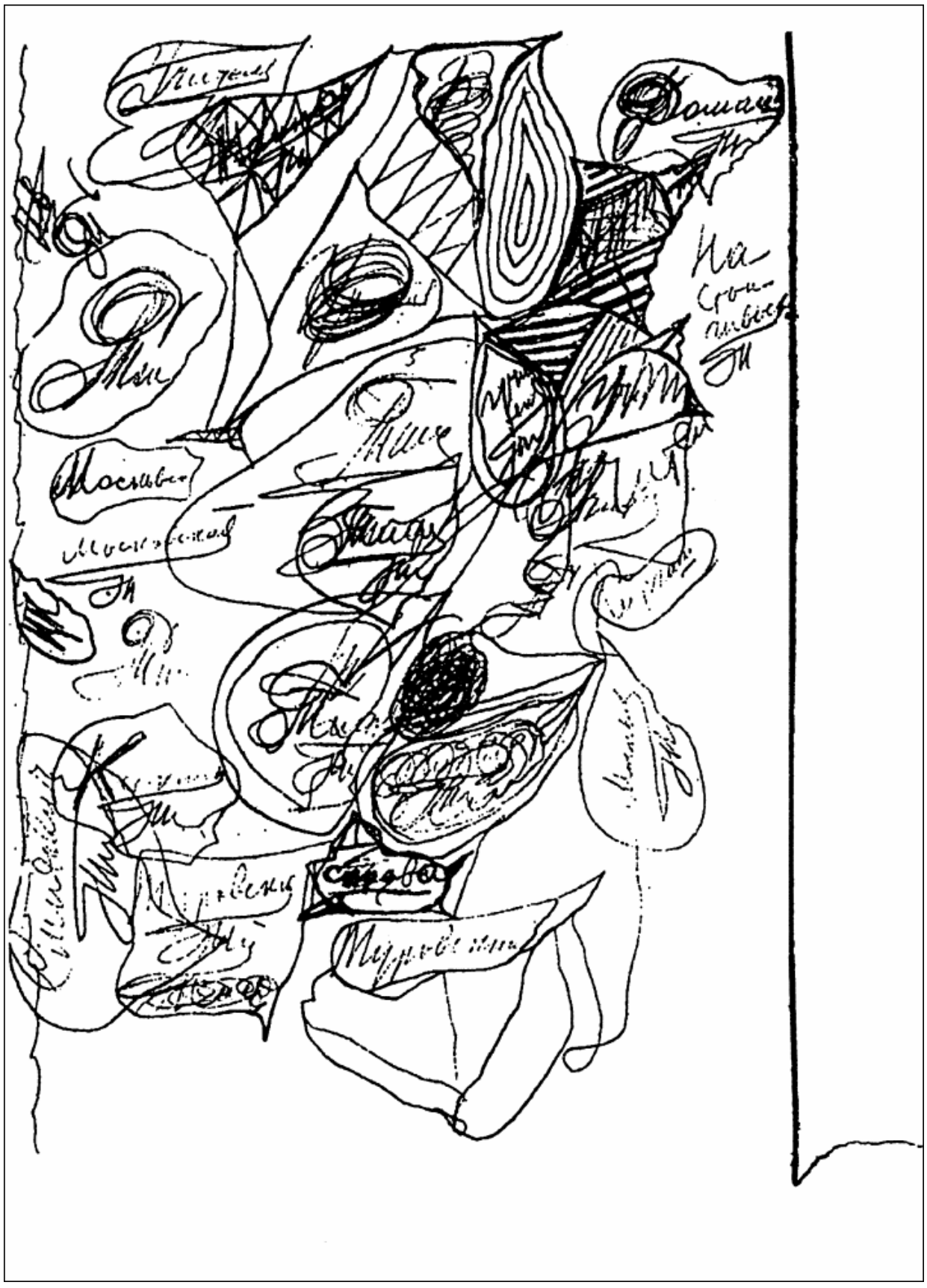
Автографы Сталина на книге А. Толстого «Иван Грозный». Изд-во «Искусство», 1940

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Царь Иван Грозный.
Князь Михайла Репнин.
Князь Дмитрий Оболенский Овчина.
Князь Андрей Михайлович Курбский.
Михаил Иванович Воротынский, Петр Иванович Шуйский } воеводы.
Поп Сильвестр — *духовник Ивана Грозного.*
Филипп — *игумен Соловецкого монастыря.*
Княгиня Ефросинья Ивановна Старицкая.
Князь Владимир Андреевич Старицкий — *ее сын.*
Князь Ухтомский.
Марья Темрюковна — *черкесская княжна, жена Ивана Грозного.*
Михаил и Николай Темрюковичи — *братья княжны Марьи.*
Малюта Бельский-Скуратов, Федор Басманов, Василий Грязной, *сотник* } *опричники.*
Висковатов, Новосильцев } *дьяки.*
Блаженный Василий.

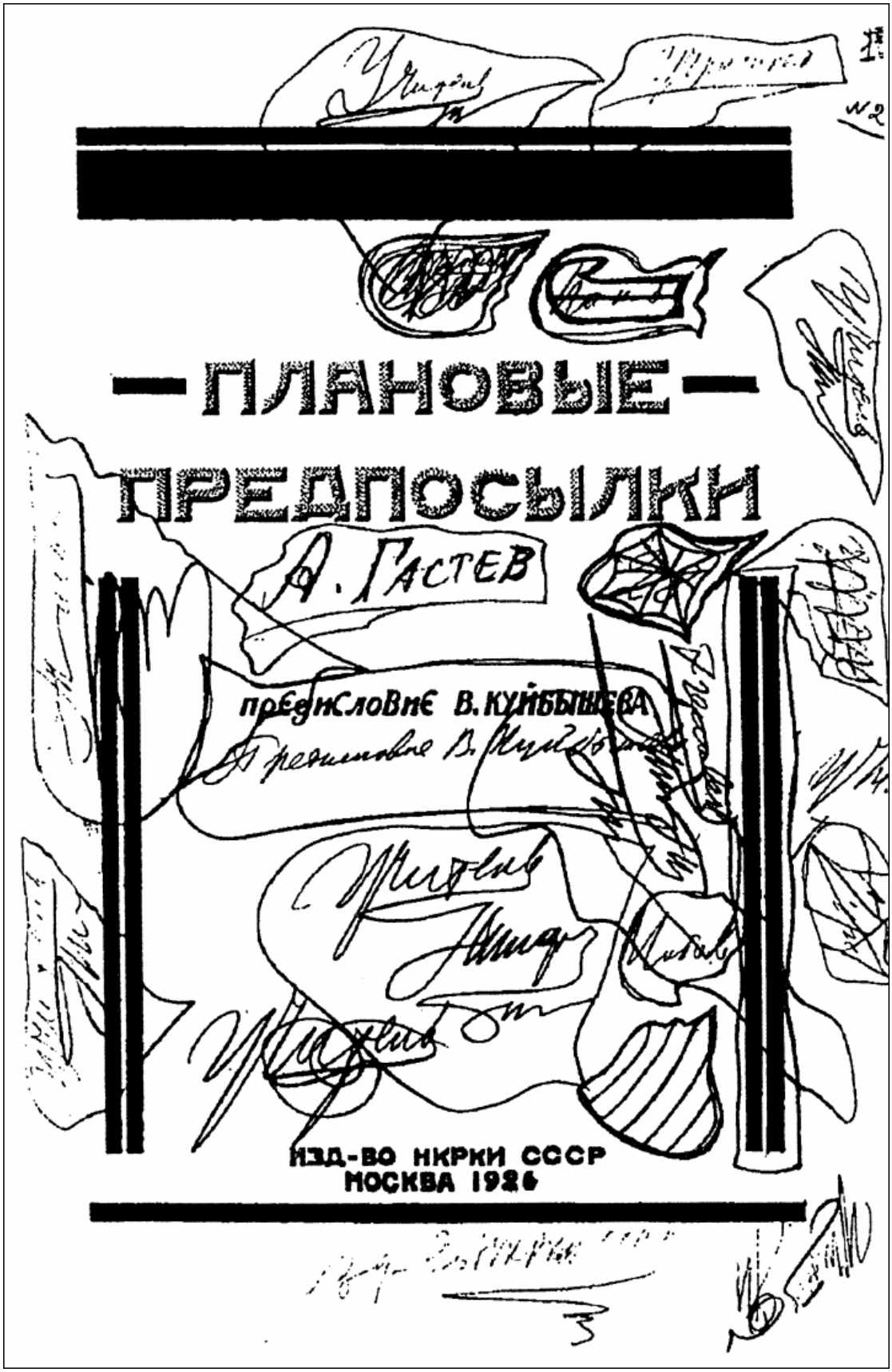
Но помимо записей «на память», в этих блокнотах, на отдельных листах бумаги (они также сохранились) и, совершенно достоверно, на обложках читанных им книг он часто бессознательно рисовал привычные карандашные обводы, а внутри их писал почти одни и те же слова и аббревиатуры. Чаще всего это были те самые, бегло написанные с большой буквы слова: «Учитель», «Учительствовать», соединенные снизу уже знакомым нам единым росчерком с каким-то сокращенным, может быть, именем или названием «*Тр*», *«ТИФ*…». Иногда, но уже в более кратком виде эти сочетания встречаются и на полях книг, заменяя знак *NB*.

Интересное наблюдение на этот счет содержится в книге воспоминаний А. Бармина: «На партийных мероприятиях и деловых совещаниях он обычно молча слушает, курит трубку или папиросу. Слушая, рисует бессмысленные узоры на листе своего блокнота. Два личных секретаря Сталина, Поскребышев и Двинский, однажды писали в “Правде”, что иногда в таких случаях Сталин пишет в своем блокноте: “Ленин – учитель – друг”. Они утверждали: “В конце рабочего дня мы находили у него на столе листки бумаги с этими словами”. Нельзя исключить, – замечает Бармин, – что Сталин сам инспирирует подобные рекламные трюки, но это совсем не значит, что нам следует верить в его сентиментальность»[80].

Я отыскал эту статью секретарей Сталина, приуроченную к его шестидесятилетию. Примечательно озаглавив ее «Учитель и друг человечества», они действительно писали: «О Ленине он (Сталин. – *Б. И.*) думает всегда, и даже тогда, когда мысли его погружены в проблемы, подлежащие разрешению, рука его машинально, автоматически чертит на листке бумаги “Ленин – учитель… друг…” Как часто после рабочего дня уносили мы с его стола исчерченные этими словами вдоль и поперек листочки»[81].

Бармин прав, Сталин, скорее всего, рационально использовал свой въедливый синдром, действительно сознательно оставляя для секретарей исписанные бумажки. Но в надписях на книгах упоминания имени Ленина нет, а вот любимое словечко «Учитель» мы встречаем несколько раз на вклеенной карте и на последней обложке учебника С. Г. Лозинского «История Древнего мира. Греция и Рим» (Пг., 1923), на обложках книги Н. Н. Попова «Мелкобуржуазные антисоветские

партии» (М., 1924), на странноватой брошюре А. Львова «Кинематографическая язва излечима» (М., 1924)[82]. Особенно красиво он расписался на обложке непрочитанной им книги А. Гастева «Плановые предпосылки» (М., 1926), на макете учебника «История Древнего мира. Т. 1», подготовленного в 1937 году коллективом авторов. Даже на полях книги французского генерала Эрра «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем» (1925 г.), пробуя перо, написал, а затем перечеркнул обводами все то же – «Учитель»[83]. Нет нужды продолжать перечислять другие книги. Отметим только, что хронологически они охватывают почти весь период сталинского правления, не имеют почти никакого отношения к смыслу напечатанного в книге и, скорее всего, через моторику сталинской руки отражают его глубинную психологическую установку.

ПЛАНОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

А. ГАСТЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ В. КУЙБЫШЕВА

ИЗД-ВО НКРКИ СССР
МОСКВА 1926

Автографы Сталина на книге А. Гастева «Плановые предпосылки». Изд-во НКРКИ СССР, 1921

Учитель сродни проповеднику. Если бы Сталин закончил духовную семинарию, то у него было бы две дороги: принять посвящение в духовный сан или стать школьным учителем. И в том и другом случае он должен был проповедовать и учительствовать. Так и не став православным проповедником, он всю жизнь с упоением учил, поучал, вдалбливал. Недаром на многочисленных съездах и конференциях, на собраниях ударников труда, передовых колхозников, выпускников военных училищ и т. д. кинокамера и фотоаппарат запечатлевали его в поучающей аудиторию позе (а с ней и всю страну) – с наклонившимся вперед туловищем и с поднятым вверх или направленным на аудиторию указательным пальцем правой руки.

Я не задавался целью специально проанализировать статистику употребления в сталинской пропаганде слов «учитель», «учение». Но всякий, кто хоть чуть-чуть помнит его эпоху или знаком с ней по печатным источникам, прекрасно знает, по отношению к кому и как часто употреблялся этот эпитет. Пропагандистские клише «вождь и учитель», «учитель народов», «гениальное учение» употреблялись в первую очередь по отношению к самому Сталину. Но иногда первое из них употреблялось и по отношению к Ленину. Совершенно замечательный намек на разгадку пристрастия Сталина к слову «учитель» дает, как мне представляется, его «Краткая биография».

Во втором (и последнем) издании биографии, тщательно отредактированной самим Сталиным[84], в первый раз говорится под 1902 годом, что «батумские рабочие уже тогда называли (его. – *Б. И.*) учителем рабочих»[85]. Сталину – 23 года. Но затем уже «учителем и другом», «учителем и воспитателем» Сталина называется Ленин. И так до самой смерти последнего в 1924 году[86]. Как известно, вождь не страдал ложной скромностью и поэтому собственной рукой вставил во второе издание: «…Сталин – выдающийся ученик Ленина»[87]. Ленин умер, и «биография» цитирует странный опус Сталина, написанный в стиле церковной гомилетики, особого рода ритмической прозы, им самим вставленный во второе издание: «Помните, любите, изучайте Ильича, нашего учителя, нашего вождя»[88]. Необычно и в то же время как-то очень знакомо звучит призыв «любить» того, которого именуют

«учителем». Затем уже только к Сталину применимы все эти и другие превосходные эпитеты с ключевыми понятиями типа «учитель миллионных масс», «учитель народов»[89].

В истории человечества «Учителями» народов называли не очень многих, главным образом пророков, и в особенности первенствующего из них – Иисуса из Назарета. Согласно евангельской традиции Иисуса, как только он приступил в 33 года к своей проповеднической деятельности, стали именовать «Учителем» («реббе» на древнееврейском языке) простых людей. Затем он прошел обряд посвящения у Иоанна Предтечи, как Сталин у Ленина. Надеюсь, мне простится столь кощунственное сравнение, но оно лежит на поверхности. Так же как «Учитель из Назарета», будучи во времени вторым после Иоанна Крестителя, стал в силу своей божественной благодати первенствующим, так и «Учитель из Тифлиса» возвысил себя над всеми, в том числе и над своим великим предшественником. Та самая таинственная аббревиатура, о которой говорилось раньше: «*Т», «Тиф…»,* в ряде сталинских помет вполне отчетливо расшифровывается как «*Тифлис».* Ныне всем нам известен только один «Учитель из Тифлиса».

Такова вторая опорная точка будущего сталинского портрета.

Третья точка – «увы, увы! И что же видим мы?»

Всю жизнь человек меняется, оставаясь самим собой. Но и оставаясь собой, изменяться можно по-разному. Можно резко менять «плюс» на «минус» или всю жизнь подниматься на огромную интеллектуальную высоту и одновременно – падать в духовную пропасть. Человек не знает пределов ни в разломах своей собственной сущности, ни в перепаде высот: вместе с Моисеем или Христом можно бесконечно подниматься к вершинам «Синая» и «Нагорной проповеди» или в паре с дьяволом низвергаться в гипнотически завораживающую бездну. Причем и в том и другом случае человек и на земле может испытывать несказанную радость всего лишь от ощущения свободы выбора. От того выбора, который мы делаем каждое мгновение своего бытия. Мы свободны в выборе, но никто и никогда не даст нам свободы не выбирать. И как бы человек, возгордившись, ни старался вскарабкаться выше Бога или пасть ниже дьявола, – тщетно. Два

полюса бесконечно удалены, а мы обречены метаться между ними в меру своего разума и ярости чувств. Житейское большинство обычно совершает слабые колебательные и хаотичные движения то в сторону «плюса», то в сторону «минуса». Но никому и никогда не удалось еще вырваться в ницшеанское «ничто», оставив за своей спиной и божественное, и дьявольское. Того же, кто пытается это сделать, поражают интеллектуальные и духовные видения и галлюцинации. На протяжении своей генсековской жизни Сталин испытывал множество подобных галлюцинаций. Вот одна из них.

Перед войной, в 1939 году, вышла очередным отдельным изданием книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», которую Сталин в который раз трижды перечитал с карандашами различных цветов в руке. На чистых листах в конце книги и на внутренней стороне последней обложки изложил не столько размышления по поводу книги, сколько свои затаенные мысли. Одна из страниц выглядит так:

«*1) слабость*
2) лень
3) ***глупость***
единственное*, что может быть*
названо ***пороком****.*
Все остальное – при отсутствии
вышесказанного – составляет,
несомненно, ***добродетель****.*
NB! Если человек
1) силен (духовно)
2) деятелен
3) умен (или способен) -
– то он хороший, независимый
от любых иных “пороков”.

(1) и (3) дают = (2)
Увы, увы!
И что же видим мы?
……»

Оказывается, Сталин задавался классически житейским вопросом: «Что значит быть хорошим человеком?» Оказывается, он между шестьдесят первым и шестьдесят третьим годами жизни задавался

классически богословским вопросом: «А кто он, добродетельный человек?» И отвечал сам себе по-юношески задорно: слабость, лень, глупость – это признаки порока, а добродетельный, хороший человек – духовно сильный, деятельный, умный. Как думал он о себе сам и как об этом твердили окружающие, именно последние три качества были представлены в характере вождя с избытком. Поэтому здесь «вождь и учитель» для себя и под собственный образ разработал удобненькую формулу «добродетельного», «хорошего» человека. Оказывается, если ты: «1) слабый» и «3) глупый», значит – «2) ленивый». Если же ты: «1) сильный» и «3) умный», значит – «2) деятельный». Первая триада – это формула «порока», вторая – «добродетели». Перед нами простенькое, как бы математическое решение тысячелетних задачек, стоящих перед человечеством. А как же жестокость, коварство, предательство, ложь, растление, убийство?.. Все эти качества, без сомнения, требуют высокой активности от человека, то есть – **деятельности** и, конечно же, недюжинного **ума** и наличия **силы**. И всегда ли слабый человек порочен и глуп?

Две последние, «романсные» строчки: «Увы, увы! И что же видим мы?…» – скорее всего обращены к себе же. Подтрунивал сильный духом, умный и деятельный вождь над рудиментами своих **слабостей**, небольшой **ленью** и в чем-то малозначительным и **глупостью**. «Увы, увы…» – все же не Бог и не дьявол, а человек.

Четвертая точка – гештальт врага

Этот рисунок я обнаружил среди разрозненных бумаг, которые собирали секретари Сталина на столах после очередных заседаний в Кремле.

Рисовать друг на друга дружеские, и не всегда дружеские, шаржи любили многие члены сталинского ареопага в 1920–1930-х годах. Особенно отличались в этом отношении Николай Бухарин и Валериан Межлаук. Клим Ворошилов даже взял себе за правило собирать рисунки коллег у себя в домашнем архиве. Об этом было известно всем членам Политбюро. Поэтому, когда НКВД уничтожал очередную жертву, у которой находили листки с такими шаржами, Лаврентий Берия лично отправлял их на просмотр Сталину, а Ворошилову в архив. В настоящее время в архиве Ворошилова хранится более пятисот

подобных рисунков[90]. Но о том, что и Сталин увлекался подобным творчеством, мало кто знал. Правда, дочь в своих воспоминаниях писала о том, что Сталин хорошо рисовал. Об этом увлечении будущего вождя вспоминали его соученики по духовной семинарии. Например, он нарисовал поразивший их портрет Шота Руставели. О том, что у Сталина был талант рисовальщика, вспоминал в конце жизни и В. Молотов. Сейчас у нас есть возможность убедиться в этом самим.

На одном из листков, обнаруженных мной в архиве Сталина, наверху есть пометы: «Личный архив. Дело 215», а внизу: «Среди бумаг за 1923 г.»[91]. Это год, когда Ленин был еще жив, но временами уже почти невменяем. Против Троцкого сплотились все члены Политбюро, и каждый думал, что он если и не вожак правящей стаи, то, по крайней мере, ровня остальным. Сталин уже тогда начинает думать иначе, но пока ни малейшим движением не выдает себя. В лидеры рвется Григорий Зиновьев. Впервые после Ленина именно он должен сделать основной политический доклад на XII съезде партии, который соберется в апреле 1923 года. Значит, все происходит накануне, на заседании Политбюро, на котором предварительно обсуждаются и согласовываются, как дважды записал перьевой ручкой на листке Сталин: «Тезисы т. Зиновьева». Пока Зиновьев докладывает, Сталин быстрыми, точными штрихами, тонким пером, коричневатыми железистыми чернилами набрасывает портрет. Потом, уже не спеша, тем же пером помечает основные соображения выступавших по поводу тезисов: Калинина, Дзержинского, Сокольникова, Хинчука. Одновременно, по давно устоявшейся привычке, машинально чертит обводы, «скрипичные ключи», какие-то цифры и любимый росчерк-метку «*Тиф…*». А профиль головы «Зиновьева», оставляя за собой завихрения, стремительно рвется от верхней кромки листа вниз, парит с устремленным вперед носом и бородкой, с еще более ускоряющей парение залысиной и дьявольски заостренными резко назад, к затылку, «свинячьими» ушами. В полете завораживает следящего за ним своим большим, хитроумно-злым, внимательнейшим глазом. Скупой и точный по подлинному сталинскому чувству портрет. Это образ, «гештальт» опаснейшего врага – «двурушника». Между 1923 и 1936 годами, то есть тем последним годом, в котором Зиновьев будет казнен, пройдет целых тринадцать лет, но такое впечатление, что казнь предрешена, хотя сам Сталин, возможно, еще не осознает этого.

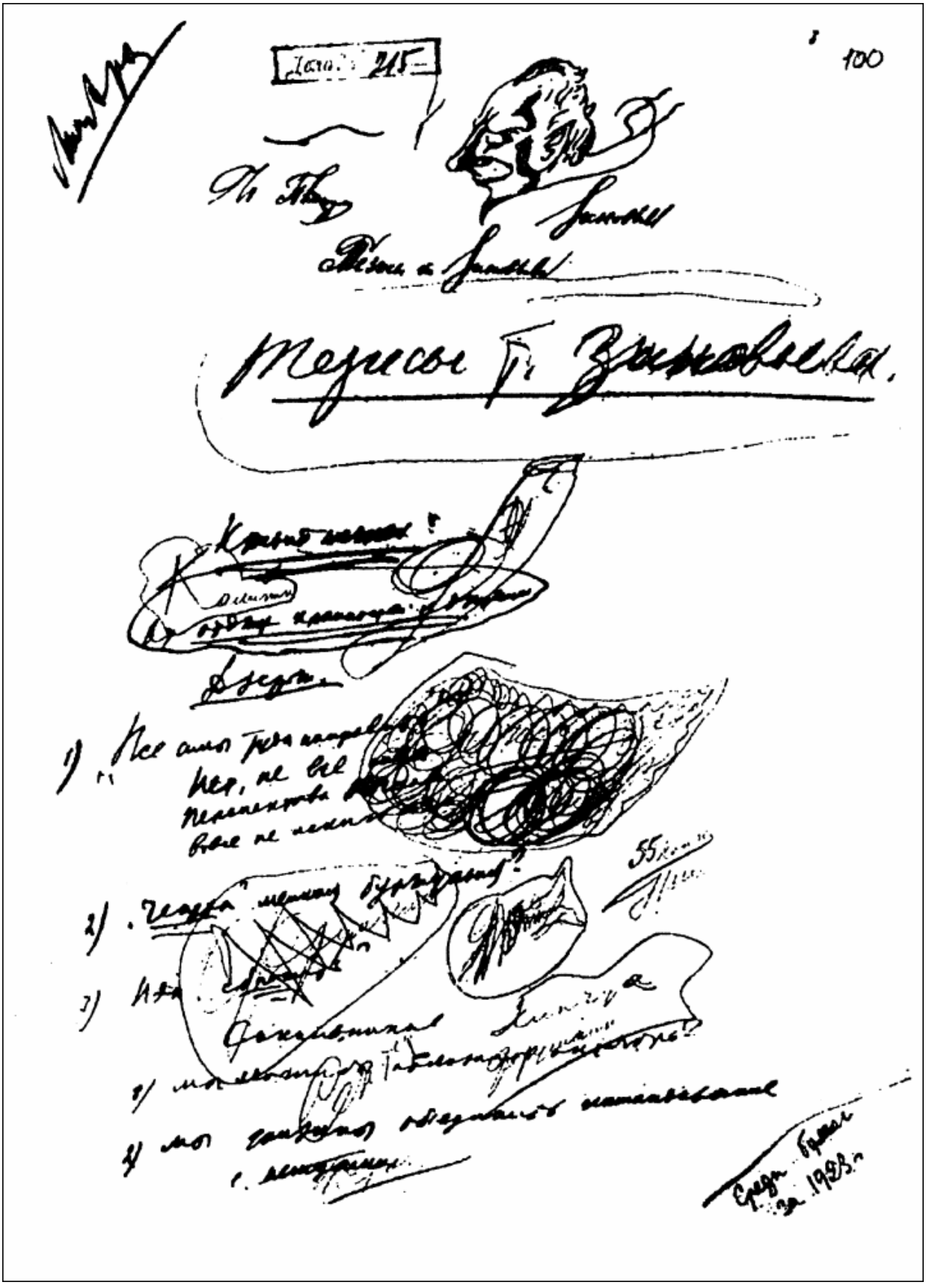
Однако это не портрет Зиновьева. У сталинского врага № 2 было широкое, мясистое, безусое и безбородое лицо и не очень выразительные глаза. Он был умным человеком и хорошим оратором, но в нем не было энергии полета, которой буквально заряжен рисунок. Такой энергией обладал враг № 1 – Лев Троцкий. Вот здесь уже явно большее сходство: клинышек волос, висящий на кончике подбородка, крупный нос, сливающийся с линией усов, и пронизывающий до костей взор. Посмотрите на его фотографии времен революции или рисунки Юрия Анненкова, вы убедитесь, что в рисунке Сталина злой дух Троцкого ухвачен. Сталин завистливо возненавидел его с первого мгновения их первой встречи в 1906 году и не забывал о своей ненависти до последнего дня, навязывая эту злобу окружающим – и даже нам. О том, что у него с Троцким была не просто политическая борьба, а личная, глубинная ненависть, он не стеснялся признаваться публично. В интервью Эмиля Людвига есть такой эпизод. На заявления Сталина о том, что высланного за рубеж Троцкого все давно забыли, писатель уточнил:

«**Людвиг.** Совсем забыли?

Сталин. Вспоминают иногда – со злобой.

Людвиг. Все со злобой?

Сталин. Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью»[92].

«Портрет “Зиновьева”». Автограф Сталина. Из архива И. В. Сталина

Зиновьев

Каменев

Бухарин

Троцкий

И все же на рисунке не Троцкий. У него даже к старости не было таких глубоких залысин, и он на людях почти никогда не снимал пенсне или очки.

В 1923 году у Сталина был верный союзник против всех старых членов ленинского ЦК – Николай Бухарин. Я читал письма Бухарина этих лет Сталину, в которых тот брал тон советчика – Старика (Ленина) по отношению к младшему коллеге. Сталин терпел и слушался, пока занимался низложением Троцкого, Каменева, Зиновьева. Потом, в 1928 году, то же произошло и с Бухариным. Тогда Бухарин и назвал генсека: «Чингисхан с телефоном». Но еще раньше Сталин дал и ему убийственную характеристику: «Помесь лисы со свиньей». Говорят, у

«мягкого как воск Бухарчика» (Ленин) были большие, прозрачные, как у ангела, глаза. Но на последних фотографиях и на съемках со смертного процесса в профиле Бухарина легко заметить отблеск сталинского рисунка. Генеральный прокурор СССР Андрей Вышинский в своей заключительной речи сознательно воспроизвел эту сталинскую характеристику, добавив немножко злобы и от себя: «Проклятая помесь лисы со свиньей». Думаю, что предсмертное оскорбление было вложено в его уста мстительным вождем.

На рисунке изображен Бухарин. И все же перед нами собирательный образ врага, такой, каким он привиделся Сталину.

Пятая точка – рисунки Сталина на полях «Истории» Дмитрия Иловайского

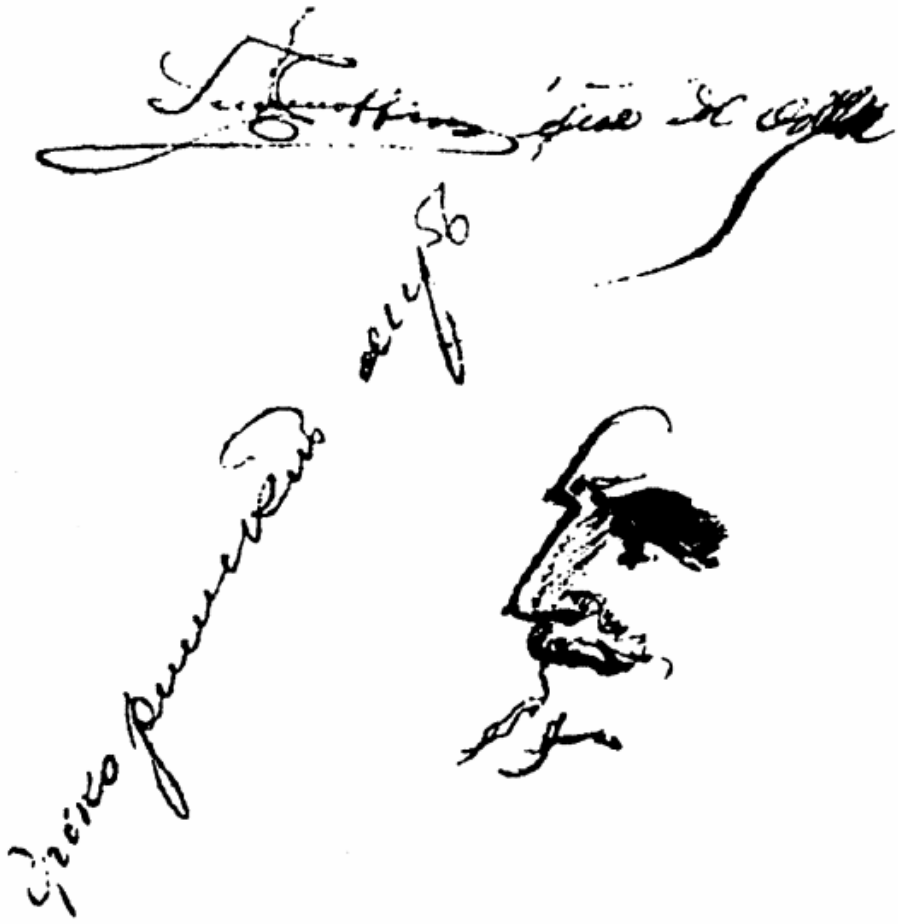
Историк Дмитрий Иванович Иловайский не был автором каких-либо глубоких исторических концепций, но был трудолюбив, писал свои сочинения легко и увлекательно, да так, что нередко увлекался и сам. Он родился в 1832 году, в то время, когда еще был жив Пушкин, а умер при Советской власти в 1920 году. В последние тридцать лет XIX века он был одним из самых популярных официозных историков, так как придерживался монархистских убеждений, был ярым антинорманистом, но, в свою очередь, выдвинул идею сближения Древней Руси с гуннами. Поскольку именно он был автором десятки раз переиздававшихся учебников по всеобщей и русской истории для средней школы, то многие образованные люди, чьи школьные годы пришлись на 70–90-е годы позапрошлого века, были искренне убеждены (например, поэт Николай Гумилёв) в мощной «гуннической» составляющей нашей истории.

В Тифлисской духовной семинарии, в которой учился Сталин в 90-е годы того же XIX столетия, гражданскую историю преподавали, скорее всего, по учебникам Иловайского. Но точно об этом неизвестно. Однако в советское время, в середине 1930-х годов, когда Сталин инициировал широкомасштабную работу по подготовке унифицированных учебников истории в неовеликодержавном, а точнее – в сталинистском духе, он лично углубился в изучение некоторых дореволюционных изданий. Среди тех книг, на которых сохранились пометы Сталина, есть и «Средняя история. Курс старшего возраста.

Составил Д. Иловайский. Издание пятое, с сокращениями. М., 1874». Книга эта интересна не только тем, что на ней сохранился редкий штамп «Лицей цесаревича Николая», или тем, что она содержит многочисленные пометы и даже нелицеприятные оценки вождя. Например, на последней странице он крупно витиеватым подчерком написал: «*Много неверного в этой истории X.X.X.! Дурак Иловайский!..*» Книга интересна тем, что на ее страницах сохранилось несколько рисунков Сталина, сделанных пером, чернилами в том же стиле, что и портрет «Зиновьева».

Три намеченных пером профиля мужественных, усатых и бородатых красавцев остались на последних листах учебника по соседству с оглавлением и картой Европы IX века. Неясно, чем были навеяны эти образы, но очень может быть, что именно так представил себе Сталин средневековых венгров, австрийцев и испанцев. Если это «венгры», то, скорее всего, периода правления прославленного короля Матвея Корвина. К этой догадке подталкивает не только определенное типологическое сходство, но и то, что на одной из страниц учебника, где идет рассказ о деяниях Матвея Корвина, Сталин написал тем же пером по-венгерски: «*Ma'tya's uta'n ninesigarza'g!*»[93] Он сделал обратный перевод (с русского языка на венгерский) мадьярской поговорки: «После Матвея нет более справедливости». Конечно, Сталин не знал венгерского языка, как он не знал немецкого, французского или латыни. Но и на всех этих языках он оставил небольшие пометы на других книгах, переписывая их из примечаний, сверясь со словарями или спрашивая знающих языки людей. Впрочем, эту старинную поговорку он мог заучить, общаясь с венграми на фронтах Гражданской войны или по делам Коминтерна. Но важнее другое – Сталин воспринимал историю «по-школьному», через образ, будь то литературный образ или рисунок, киноизображение. Новые школьные учебники истории, выпущенные перед войной, содержали обезличенный и выхолощенный текст, но в то же время – большое количество иллюстраций и фотографий, что было редкостью в массовых учебниках дореволюционной поры. Сталин лично следил за идейным содержанием и техническим качеством этих иллюстраций. О том, что история была для него как нечто вроде серии «комиксов» на советский лад, говорят обильные иллюстрации в сталинских школьных учебниках, потоки безвкусных живописных полотен на батальные и

исторические сюжеты в выставочных залах и музеях и особое пристрастие вождя к фильмам той же тематики. Даже самые талантливые произведения кинематографистов, даже гениальные фильмы Сергея Эйзенштейна об Иване Грозном и Александре Невском – это с научной точки зрения всего лишь иллюстрации наивного видения вождя образов князей и царей, вождей и врагов, народа и героев и т. д. Но без этих псевдоисторических, идеализированных, как и сталинские рисунки, образов невозможно нарисовать исторический портрет самого Сталина.

Рисунки и надписи Сталина пером на страницах учебника Д. Иловайского «Средняя история». Москва, 1874

Рисунки и надписи Сталина пером на страницах учебника Д. Иловайского «Средняя история». Москва, 1874

Шестая точка портрета – «подвесить Брюханова за яйца». – И. Ст.»

Н. П. Брюханов был руководителем второго-третьего калибров в советском правительстве. Занимал посты: в 1921–1926 годах – нарком продовольствия РСФСР и СССР, затем, до 1930 года, – наркомфин СССР. Хорошее, умное было лицо у человека – с приподнятыми бровями и потому с чуть насильственно приоткрытым, мягким взглядом, с обвислыми усами и небольшой бородкой. Весной-летом 1930 года положение с экономикой и финансами в стране стало катастрофическим. Виновником, конечно же, был министр финансов, а не политика горячечной индустриализации и коллективизации. Но в целом 1930 год был годом очередных сталинских триумфов и «великих переломов». Поэтому нередки были минуты и даже часы, когда Сталин и его окружавшие смеялись, шутили, над кем-то подтрунивали. Даже над Самим иногда. Правда, он с детства был тяжело, страшно обидчив и насмерть злопамятен. Но во время частых пирушек аккуратному, по-кавказски щеголеватому наркомпроду А. И. Микояну временами подкладывали на стул, под зад, зрелый сочный помидор. И… по-детски смеялись. Подвыпившему, а потому осоловевшему М. И. Калинину сыпали в рюмку соль и перец. Или более зло шутили над пьяным в зюзю Поскребышевым или над очередным гостем, одуревшим от счастья общения с вождями. Заводилой был Сталин, который, по-моржовьи задирая усатую голову, громко и от души хохотал. Рассказывают, что в расстреле Зиновьева участвовал один из сталинских секретарей и личных домоуправителей – К. Паукер. А потом Паукер шутейно изображал в приемной генсека, как Зиновьева буквально тащили на руках к месту казни и при этом он повизгивал: «Позовите товарища Сталина!» Рассказ вызвал взрыв гомерического хохота, и в первую очередь вождя. А Паукера вскоре самого расстреляли.

Сталин вообще любил временами смех, шутки, улыбки, здравицы и карнавалы по-советски – демонстрации трудящихся и народные гулянья. Несмотря на уродливую ногу, любил поплясать. По радио, после сообщения об очередном процессе и кровавом приговоре, обязательно запускалась пластинка с камаринской или гопаком[94]. Анри Барбюс в книге «Сталин» счел нужным поделиться зарисовкой с натуры: «Он смеется как ребенок. Когда в Московском Большом театре

шло торжественное заседание, которым был ознаменован юбилей Горького, то во время перерыва, в салонах, расположенных за бывшей императорской или великокняжеской ложей, собрались руководящие деятели. Какой адский шум они там подняли! Какой хохот! Там были Сталин, Орджоникидзе, Рыков, Бубнов, Молотов, Ворошилов, Каганович, Пятницкий. Они рассказывали эпизоды времен Гражданской войны, припоминали забавные случаи: “Помнишь, как ты свалился с лошади?” – “Да, вот проклятая кобыла! Не знаю, что с ней случилось…” Гомерический хохот, юношеская жизнерадостность, мощное веселье, сотрясающее царскую драпировку в салонах, – короткая, свежая разрядка великих бурлаков реконструкции»[95]. Вскоре трое из семерых смешливых «бурлаков» были убиты, а один покончил с собой.

Вот и этот непристойный рисунок явно отражает игривое настроение вождя, которое у него случилось 5 марта 1930 года, о чем есть соответствующая помета на обороте листа[96]. Рисунок образно иллюстрирует наказание, которое «дали» Брюханову, до исправления положения с финансами. Брюханов изображен обнаженным и подвешенным за половые органы на веревке, переброшенной через блок с противовесом. Внизу, под рисунком, Сталин аккуратно, печатными буквами написал: «Наркомфин СССР на Второй день испытания». К рисунку приложена записка, также написанная рукой Сталина:

«*Членам П. Б.*

За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержат, утопить его в реке.

И. Ст.»[97].

И рисунок, и записка сохранились в архивном фонде одного из молодых тогда сталинских фаворитов Г. М. Маленкова. Из его фонда эти документы были изъяты в 1973 году и переданы в архив Сталина. В левом углу листа проставлено: «О. П.», что, возможно, обозначает «особая папка», то есть особо засекреченный архив ЦК КПСС.

Конечно, ко всему этому сюжету можно отнестись как к грубой мужиковатой шутке одуревшего от напряженной работы Генерального

секретаря партии и его товарищей, но есть в ней несколько невнятных намеков и скрытых смысловых пластов.

Лицо подвешенного довольно точно передает характерный «удивленный» взгляд Брюханова. Это говорит не только о цепкой и точной зрительной памяти Сталина, но и о его умении ухватить и передать в рисунке главную портретную черту образа, уловить его «гештальт». Но противоестественная поза подвешенного и блок с противовесом, используемый в качестве виселицы, – откуда они?

Известно, что Сталин в юности наблюдал публичную казнь через повешение, читал о таких казнях художественные отчеты любимых им грузинских писателей Ильи Чавчавадзе и Александра Казбеги. На национальных окраинах Российской империи показательные казни при большом скоплении туземцев практиковались вплоть до революции. Во время революции и Гражданской войны публичные изуверские казни и расправы устраивали и белые, и красные, и зеленые, и националисты всех мастей. Есть свидетельства о том, что в 1918 году в Царицыне по личному распоряжению Сталина затопили в Волге баржу, трюмы которой были набиты пленными. Во время Отечественной войны Сталин вслед за Гитлером возобновил публичные казни. Если немцы устраивали публичные повешения партизан, то наши на отбитых у врага территориях творили расправу над изменниками. Говорят, после войны Сталин хотел начать процедуру «окончательного решения еврейского вопроса» публичными расстрелами осужденных по «делу врачей» на Красной площади. Так что между шуткой, слухами и реальностью дистанция могла быть минимальной.

Н.П. Брюханов

Рисунок, автограф Сталина. Из архива

О.П. Письмо № 85

За все полезные
и будущие труда
Праведный Фрол
зовет Лавра;
вспомнит Лавр
Господь, спасет
и, и, и, и, и, и, и
Последуй, Лавр за
Господом, чтобы
ему в тень

И. С.

К рисунку приложена записка, также написанная рукою Сталина

Но я думаю, что этот рисунок воскрешает отголосок далекого сталинского детства. Хорошо известно, что, подрастая, мальчишки проявляют особую, сладострастную, а потому садистскую жестокость. Пробуждающиеся охотничьи и бойцовские инстинкты, первые волны сексуальности находят выходы в самых причудливых и даже диких формах. Чаще всего в виде мучения растений, животных, а иногда и себе подобных. Вздыбленная поза подвешенного Брюханова, конечности, напоминающие когтистые лапы, по-звериному напряженная спина не оставляют сомнений, что образцом послужила сцена повешения кота в далеком Гори, где родился и провел детство Сосело (Осечка) Сталин. Сцену подобной казни кота Сосело мог наблюдать или сам участвовать в ней, определяя эффект «на Второй день испытания». Но не будем восклицать: «Наконец-то! Вот он, психоаналитический исток жестокости тирана!» Пусть каждый покопается в своем детстве и отыщет там образы убиенных птичек, котят, лягушек, бабочек, муравьев, червяков, мух… Таким косвенным способом ребенок неизбежно и необходимо учится понимать, что есть смерть, мучительство и убийство жизни. Другого способа обучения природа не дала. И в подавляющем большинстве своем взрослый человек, поняв это в детстве, уже никогда не переходит некую допустимую черту в уничтожении живого. Но при благоприятных обстоятельствах, особенно на войне и во время разрух, маленький садист вновь воскресает в душе многих, испытывая счастье и радость в страшном существовании через мучительство и убийство. Та власть, которая была у Сталина, давала ему возможность упиваться этой радостью и счастьем в любое время. Отсюда и его любовь к известным многочисленным «шуткам» и психологическим играм с помеченными жертвами.

…А Брюханова вскоре и в самом деле «подвесили». За связи с оппозицией 18 октября 1930 года он был снят с поста наркома финансов и назначен зампредом Мособлисполкома. Сталинский рисунок был сделан всего за семь месяцев до отставки. В 1938 году Брюханов был репрессирован. Точный способ казни неизвестен.

* * *

От первых опорных точек перейдем к более детальным проработкам портрета. Начнем с физического облика изображаемого, настойчиво украшающего самого себя и украшаемого мощнейшими средствами массовой пропаганды, скрывающими от большинства людских глаз тяжелые физические и даже психические недуги.

Глава 2
Болезни, смерть и «бессмертие»

Для оценки каждого человека есть как минимум два взгляда и несколько мер. Одна мера у любящего, другая – у безразличного, третья – у близкого, четвертая – у врага. Но и любовь, и ненависть, и безразличие имеют тысячи оттенков: любить можно в страхе, а ненавидеть – измучившись в любви… Из этих бесконечно перемешивающихся человеческих измерений выплавляется, – нет, не средневзвешенная и как будто истинная оценка человека («Что есть истина?»), а причудливо-изменчивый действительный человеческий образ. Даже если оригинал давно мертв и распался, его образ живет своей жизнью. Тем более если речь идет о внешности: о лице, фигуре, о выражении глаз… Все это так изменчиво-текуче и так многозначно для каждого из нас. Но прах и тлен тоже претендуют на толику бессмертия. Особенно если этот прах принадлежал человеку, всеми силами стремившемуся себя обессмертить. А у него в руках была мощь и сила полумира. Попытаемся добавить еще несколько штрихов и новых точек к портрету героя, где на одном полюсе – внешность, болезнь и смерть, то есть тлен, а на другом – страстное желание все это внешнее и тленное обессмертить, на худой конец – увековечить.

Сначала два взгляда на тело человека, которое двое впервые увидели обнаженным, причем на смертном одре. Слово врачу, присутствовавшему при кончине Сталина: «Сталин лежал грузный, он оказался коротким и толстоватым, лицо было перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее…»[98] А вот взгляд дочери Светланы Аллилуевой через несколько минут после кончины, впервые понявшей, как и всякий из нас, что значит смерть родителя, что значит быть «плоть от плоти»: «Принесли носилки, положили на них тело. Впервые увидела отца нагим, – красивое тело, совсем не дряхлое, не стариковское»[99].

При его жизни большинство советских людей считали Сталина красивым. Приятным и даже очаровательным в общении признавали его многие мировые государственные деятели: Черчилль, Рузвельт, де Голль; известные писатели и журналисты: Барбюс, Роллан, Фейхтвангер, Уэллс и другие. Свое впечатление о первой встрече со Сталиным его антипод Троцкий выразил так: «Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное»[100]. В. Молотов не раз повторял: «… Сталин красивый был. Женщины должны были увлекаться им. Он имел успех». На людей попроще он производил сокрушительное впечатление. Одна из героинь Отечественной войны, снайпер, лично убившая несколько сотен немцев и спокойно наблюдавшая в оптический прицел все подробности своего выстрела, во время награждения была вызвана на прием к «самому». Увидев его, бедная воительница обомлела, упала на колени и поцеловала ему руку. Вождь от души хохотал.

Всеволод Иванов, опубликовавший в расстрельном 1937 году исторический очерк под названием «Красная площадь», в качестве наглядной простоты и величия «любимейшего вождя» описал такой эпизод. 7 ноября 1935 года на гостевую трибуну Мавзолея пригласили 71-летнюю ткачиху Е. Каванину. После демонстрации старушка решила прогуляться по Кремлю: «Мимо идет С. Орджоникидзе. Старуха к нему: дескать, была на трибунах, манифестациям порадовалась, а вот от товарища Сталина была далеко, очки даже надела, хотела рассмотреть – не разглядела: “Умирать ведь мне скоро, неужели не увижу?” Орджоникидзе усмехнулся:

– Не умрешь.

Возле входа, у ворот, догоняет старуху машина. Из машины выходит Сталин. Старуха всплеснула руками, побежала к нему навстречу:

– Ой, кого я повидала!

Сталин улыбнулся и сказал:

– Добро какое. Самый обыкновенный человек.

Старуха разрыдалась:

– Ты наш мудрый, ты наш великий… повидала-таки… теперь и помирать можно мне.

Сталин сказал:

– Зачем вам помирать? Пусть другие помирают, а вы поработайте»[101].

От людей он всю жизнь ждал не просто поклонения, а искренней любви. Упрек в неискренности, сформулированный им как принцип «двурушничества», относившийся главным образом к подавленным оппозиционерам – мужчинам, был равнозначен упреку в нелюбви к нему, «любимейшему вождю». Все эти бухарины, рыковы, каменевы и иже с ними перед своим концом делали вид, что смирились и что искренне «любят» его. Большинство предсмертных выступлений и прошений на его имя – об этом. Но он был очень чуток к таким вещам и за неискренность карал беспощадно. При этом свои подлинные чувства тщательно скрывал.

Ему очень нравилось, когда простые люди теряли рассудок от восторга при виде вождя. Возможно, последний раз он прошелся пешком, пусть и под бдительным присмотром охраны, из здания ЦК в Кремль 16 ноября 1931 года, когда была совершена попытка покушения некоего английского разведчика русского происхождения. Было ли оно в действительности, или это очередная инсценировка, которые он так любил ставить, – сказать трудно. Донесение ОГПУ об этом инциденте он лично направил членам Политбюро. Тогда они решительно потребовали: «Пешие хождения т. Сталину по Москве надо прекратить»[102]. После этого были уже все более редкие «явления» народу на собраниях, на манифестациях или во время спонтанного единения вождя и масс. Дочь с ужасом описывает один из его таких спонтанных выходов в народ, когда узнавшая его толпа возликовала и ринулась к нему, а он был явственно опьянен ее восторгом.

О его специфическом природном обаянии говорит и то, что, несмотря на слабое здоровье и физические недостатки, он никогда не имел проблем с женщинами, даже в ссылках. Чем конкретно Сталин страдал до революции, об этом он, естественно, не распространялся. В годы ссылок и революционной деятельности, будучи чрезвычайно бедным, болезненным, неряшливо одетым и неприятным при общении в быту, Сталин тем не менее обладал мощным мужским обаянием и не упускал случая, чтобы завести любовницу. Женщины особенно чувствительны к необычному, к индивидуальности. Благообразный, аккуратный и усидчивый Вячеслав Молотов (оппозиционеры называли его «каменной задницей») до конца своей бесконечно долгой жизни

помнил, что в ссылке косматый Иосиф отбил у него любимую девушку Марусю. Нечего и говорить о том, что позже власть, от которой столь крепко пахло кровью, прибавила к его обаянию элемент ритуального поклонения, всеобщего обожания. И здесь уже не только женское, но и мужское население, чуя «подлинного» вожака, влилось в огромную массу искренних поклонников. Чаще всего, но не всегда люди трезвели в тюрьме, лагере или в подвале у стенки. Лучшее средство от похмелья – собственная кровь. Я убежден, что кумиры человечества всегда вырастают на смеси огромного личного обаяния и безграничной жестокости. Страх – источник «**о-божания**». А страх, замешенный на обожании, в сталинском обществе все активнее вытеснял все иные элементы его атмосферы.

Глядящему со стороны, то есть иностранцу, это было видно невооруженным глазом. Эмиль Людвиг позволил себе поделиться впечатлениями на сей счет с самим вождем. «Мне кажется, – сказал он, – что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти. Мне хотелось бы знать, какое **душевное состояние** создается у Вас лично (выделено мной. – *Б. И.*) при сознании, что в интересах укрепления власти надо внушать страх. Ведь в общении с Вашими товарищами, с Вашими друзьями Вы действуете совсем иными методами, не методами внушения боязни, а населению внушаете страх.

Сталин. Вы ошибаетесь. Впрочем, Ваша ошибка – ошибка многих. Неужели Вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно»[103]. Очень даже возможно, и не только 14 лет, а много дольше – десятилетиями. Людвиг ошибся в другом – в 1931 году он еще не мог предположить, что Сталин через год-другой будет внушать не меньший, а намного больший страх даже своим ближайшим соратникам. И в то же время не меньшее, чем у простого народа, «о-божание».

* * *

Внешность Сталина действительно была незаурядной, причудливо сочетая в себе восточные – кавказские – и среднеевропейские черты. Профессионально наблюдательный советский дипломат и разведчик, а позже невозвращенец А. Бармин писал: «Он не похож ни на европейца, ни на азиата, но представляет собой какую-то смесь этих двух типов»[104]. Вопреки распространенному мнению, Сталин по российским меркам конца XIX – начала XX века не был уж очень маленького роста. После 60 лет фигура Сталина стала медленно оплывать, но до конца жизни он весил около 70 килограммов при росте 170 сантиметров[105]. Правда, он очень не любил, когда в непосредственном окружении находились люди выше его ростом. Говорят, когда его фотографировали, он, если была возможность, становился на ступеньку выше других. Когда в 1930 году его запечатлели на трибуне Мавзолея рядом с долговязым Максимом Горьким, которому он едва доставал своей головой с фуражкой до плеча, то эти кадры при жизни Сталина больше не показывали народу. И это несмотря на то, что он всячески демонстрировал свою близость к пролетарскому писателю. На двойном фотопортрете Сталина и Горького, снятых на фоне книжных полок, помещенном в «Краткой биографии», заметна легкая неестественность – то ли Горький сполз чуть ниже с дивана, то ли Сталин подложил под себя стопку книг, но два героя разного масштаба сидят строго на одной линии, вдумчиво глядя друг другу в глаза.

Сталину явно нравилось, когда маршалы и охранники, советские герои и героини были дородны, с выразительными открытыми лицами, ясноглазы и светловолосы. Все это ему нравилось точно так же, как и жгучему брюнету, малорослому Наполеону и нервическому темноволосому Гитлеру. Впрочем, на Кавказе, как и у многих восточных народов, независимо ни от чего, издревле питают слабость к рыжим и ясноглазым. Рыжий ребенок в семье – вестник благополучия и счастья. Как известно, у дочери Сталина Светланы в детстве волосы были темного золота. Тогда он ее очень любил.

Сталин лично тщательно отбирал свои фотопортреты для подарков и публикаций. По всей стране за ними следила цензура. Вообще, изобразительный ряд имел для него огромное значение с психологической и пропагандистской точек зрения. Когда во второй половине 30-х годов он приступил к редактированию школьных

учебников по истории для младших классов, то особое внимание уделил портретам. Причем как своим, так и соратников. От фотографов он требовал, чтобы они не снимали его слишком близко; с детства на его лице сохранились следы от оспы. Переболел он ею в возрасте семи лет[106] и с тех пор рассматривал ее последствия как свой серьезный физический недостаток. Отмечают, что только незадолго до смерти его лицо необычно порозовело. Произошло это под влиянием гипертонической болезни. Большую часть жизни у него был землистый цвет лица, на фоне которого слабо виднелись буроватые следы от оспы на нижней части лба, на щеках, на носу, на подбородке. Над правой бровью и под левым глазом – две довольно заметные родинки. Такие же следы от оспы были и на непропорционально толстой шее. Может быть, отсюда особое пристрастие Сталина к наглухо застегнутому воротнику полувоенного френча и к стоячим воротникам «николаевских» военных мундиров послевоенного времени? Шея казалась особенно сильно развитой по сравнению с узкими плечами и заостренной в подбородке и затылке головой. После вскрытия выяснилось, что у него был маленький мозг (1341 г), а левое полушарие, ответственное за логический процесс, больше правого, курирующего эмоциональную жизнь человека. Как и у Ленина, его мозг покрывала «твердая мозговая оболочка, местами сращенная с костями черепа»[107].

Впервые я увидел собственными глазами посмертный слепок с лица и головы Сталина в середине 1970-х годов прошлого века в его музее в Гори. Бросился в глаза этот самый заостренный подбородок и под тщательно зачесанными после смерти волосами удлиненный в затылке маленький череп. Точь-в-точь такой же, как под зализанными длинными волосами череп Ивана Грозного в одноименном фильме Сергея Эйзенштейна.

Покатый лоб, низко очерченный жесткими с ранней сединой волосами, карие с желтизной глаза, не самый крупный «кавказский» нос, полоса широких усов, которые были явно ему к лицу, – таков схематичный, но достаточно реалистический лицевой портрет вождя, ставший почти неизменным с начала 1930-х годов. До этого времени он искал «свое» лицо, периодически менял прически и чаще зачесывал волосы направо, делая тщательный левый пробор. Одна из последних таких фотографий была опубликована в сборнике, посвященном 50-

летию со дня рождения. Там он похож на пожилого интеллигентного рабочего или мастерового, подстриженного и приглаженного накануне церковного праздника[108]. С моей точки зрения, такая прическа была ему больше к лицу, но под головным убором она быстро нарушалась. Открытый же от волос лоб и слегка откинутая назад голова делали лицо более устремленным, «мудрым и прозорливым». Добавим к портрету немного эмоциональной окраски.

Без всяких имиджмейкеров он так хорошо изучил свой лик, что умел его «делать» так, как «делают» свое лицо актеры. И как у всякого хорошего актера, у него была богатейшая палитра проявлений эмоций: от мягких, женственных до звериных. И еще он умел держать паузу. Поэт, литератор и очень непростого склада человек К. Чуковский 22 апреля 1936 года присутствовал на съезде советских писателей. Сидел в шестом или седьмом ряду и поэтому все хорошо видел. На следующий день Чуковский в своем дневнике записал: «Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое…» У него «прелестная улыбка», – зачарованно пишет Чуковский[109]. И она действительно у него хороша. Вот он выходит под свет юпитеров кинохроники после бессонной рабочей ночи. Он поднимает голову вверх, его брови приподняты, они разметаны, на лицо льются потоки света, и оно действительно как-то женственно озаряется изнутри. Пауза. Утомленные бессонницей глаза чуть прикрываются от слепящего света, но не верхними, а нижними веками. Так делают кинозвезды перед камерой или взрослеющие девочки, когда чувствуют на себе заинтересованный мужской взгляд. Это вождь может быть и не до конца осознанно кокетничает перед своим народом, перед целым миром. Но сколько настроений, а главное, обстоятельств, столько у него подлинных лиц, масок и личин.

На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 году Н. И. Ежов с восторгом рассказал о том, как Сталин, поучая Г. Ягоду придерживаться «троцкистско-зиновьевской» версии убийства Кирова, рявкнул в телефонную трубку: «Смотрите, морду набьем»[110]. Своему другу и соратнику наркому К. Е. Ворошилову в марте 1929 года, то есть лет за двадцать до того, как он объявит его английским «шпионом», Сталин весело написал: «Мировой вождь, едри его мать. Читал твой доклад –

попало всем, мать их туда»[111]. Нередко смачно матерился, даже в присутствии дочери.

Всех интонаций, все множество сталинских масок и личин нам не возродить и не описать.

* * *

Для целей массовой пропаганды он предпочитал использовать не фотографии, даже отретушированные, и кинохронику, а художественные портреты и скульптуры. Очень быстро выработался канонический, улучшенный облик вождя, который до сих пор многие путают с его реальным портретом. Советские мастера изобразительных искусств очень быстро сообразили, что можно убрать или добавить к портрету, чтобы разные народы СССР легко признали в нем свой идеал «друга, отца и учителя». В этом отношении большой опыт был накоплен еще с царских времен. Приведу фрагмент разговора, который произошел в 1926 году между Сталиным, его женой Надеждой Аллилуевой и скульптором Марией Рындзюнской: «На пожелание Надежды Сергеевны увидеть портрет очень похожим я сказала, что работаю это не для семьи, а для народа. Если какая-либо часть будет больше или меньше, то и я на это иду. “Вот, например, у Вас (Сталина. – *Б. И.*) подбородок имеет линию уходящую, а я Вам сделаю его вперед, и так все остальное. Ведь не секрет, что мы жили с Вами при царе – помните, как народ, проходя мимо портрета царя, искал, хотел видеть и понять по изображению, – почему он царь, но тогда он был по наследству, а теперь же я хочу, чтобы публика, проходя мимо моего изображения, поняла, – почему Вы один из наших главков”. “Вы совершенно правы”, – сказал Сталин»[112]. Именно таким, с выдвинутым вперед подбородком, с чистым отвесным лбом, увенчанным зачесанными назад волосами, с чуть откинутой головой, с хорошо сбитой, лишенной сутулости фигурой, видели люди своего вождя изо дня в день в газетах, на фасадах домов, на плакатах, в художественных кинофильмах, на постаментах привокзальных площадей. В жизни он, конечно, лишь напоминал своих бесчисленных нестареющих двойников. Фейхтвангер сразу подметил то, во что даже часть наших современников не очень верит: «На портретах Сталин

производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав, в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен»[113].

Многие отмечают, что Сталин предпочитал гражданским ботинкам мягкие сапоги, поскольку, мол, он был кавказцем, а там сапоги в виде кожаного чулка без каблука издревле носят горцы. Действительно, в таком сапоге удобно ходить по опасным горным тропам, чувствуя подошвой каждый камешек, или на гладкой сцене несколько минут танцевать лезгинку. Но на паркете кремлевских кабинетов и в залах дипломатических приемов даже человек со здоровыми ногами много в кожаных чулках не проходит. На фотографиях и на кадрах кинохроники Сталин запечатлен в обычных армейских сапогах на каблуках, но иногда с несколько укороченными, на казачий манер, голенищами. Когда он надевал маршальский мундир – то под него хорошо разношенные ботинки. Френч цвета хаки, полы которого полностью скрывают бедра, такого же цвета, вправленные в сапоги брюки – обычная довоенная форма вождя. Хотя простонародная гражданская одежда того времени (рубашка навыпуск, длиннополая, почти до колен, куртка и картуз) шла, как мне кажется, ему больше. Очень не любил шляпы, галстуки, пиджаки, которые иногда носил в молодости и по необходимости в зрелые годы. Печатать фотографии в «интеллигентской» одежде он не разрешал и самолично вычищал их из публикаций. Усвоенный им военизированный стиль одежды – это тоже результат длительных поисков. По существу, он вернулся к моде времен Первой мировой и Гражданской войн. Тогда похожим образом одевались многие комиссары Временного правительства, в том числе премьер Керенский, а после них Ленин, Троцкий, Радек и другие. «Это скорее намек на военную форму, – писал Барбюс, – упрощенная одежда простого солдата: куртка защитного цвета, сапоги, штаны. Вы стараетесь вспомнить, видели ли вы его одетым иначе? – Нет. Разве только летом, когда он одет в белое полотно»[114]. На голове округлая «сталинка» – особого покроя фуражка. Эта одежда была не только ритуально непритязательна и скромна, но и функционально ему необходима.

Дело в том, что его телосложению было свойственно несколько анатомических особенностей. Чтобы не быть голословным, приведу свидетельства людей, обладавших особым профессиональным

взглядом. Это рассказы уже упоминавшейся женщины-скульптура М. Д. Рындзюнской, врача-курортолога И. А. Валединского и академика А. Л. Мясникова, присутствовавшего при кончине Сталина и на вскрытии труппа.

Профессиональный скульптор Мария Рындзюнская благодаря личному знакомству с Надеждой Аллилуевой одна из первых получила возможность запечатлеть вождя с натуры. Первый раз она увидела Сталина в здании ЦК в конце лета 1926 года. Затем Сталин вместе с женой посетил ее в мастерской на улице Воровского. Удивительно передана атмосфера сталинских «покоев» в ЦК: «Первое, что меня поразило в этом учреждении, поразительная чистота и какая-то молчаливая скупость, если можно так выразиться. Скупость слова, скупость движений, ничего лишнего»[115]. Рындзюнскую так испугала эта «скупость», что при повторной встрече она решилась сказать об этом Сталину: «“…я была так взволнована визитом к Вам в ЦК, что была немного смущена”. Товарищ Сталин рассмеялся: “Небось струсили, испугались?” – “Не струсила, а просто бежала сломя голову, так показалось жутко у Вас”. – “Я очень, очень доволен, так и надо”, – сказал он, добродушно улыбаясь»[116]. Это всего лишь 1926 год, а ЦК (как и Кремль) уже превращен «простым и теплым» Сталиным в мавзолей власти. В его специфически «скупой» атмосфере живет и работает, казалось бы, совсем обычный человек. По определению Троцкого – «самая выдающаяся», но все же «посредственность». Вновь предоставим слово зоркой женщине, явно очарованной Сталиным, но остающейся профессионалом-скульптором.

«Меня встретил человек **среднего роста**, с очень широкими плечами, крепко **стоящий на двух ногах**. Это, может быть, дико слушается, но это, например, для меня как скульптора очень важно. Повторяю, среднего роста, **на двух ногах** крепко стоящего человека. И точно вылитая из одного металла с торсом, сильно развитой шеей голова, со спокойным твердым лицом… Сила, до отказа поражающая и захватывающая, с крепко сидящей головой, которая не представляешь себе, чтобы могла повернуть направо и налево, **только прямо и только вперед**»[117] (все выделено мной. – *Б. И.*).

За исключением широких плеч (ее обманули ватные подкладки кителя) замечание скульптора чрезвычайно точно отражает характерную особенность облика Сталина. Фотографии и кадры

кинохроники наглядно передают странную «двуногость» Сталина. Казалось бы, что здесь такого, весь человеческий род двуног? Но вглядитесь, например, в довоенную фотографию, помещенную в его «Краткой биографии». Он «двуного» стоит на палубе крейсера «Червона Украина»[118]. Или просмотрите кадры кинохроники. Вот он идет по кремлевскому двору с группой соратников. У Сталина странная походка – две ноги как бы самостоятельно несут слегка наклоненное вперед малоподвижное туловище, с неестественно торчащей из кармана пальто левой рукой. Левая нога заметно отбрасывается в сторону. Вот он в 1945 году поднимается по лестнице Мавзолея, чтобы принять Парад Победы. Он как-то чересчур прямо и подчеркнуто твердо ставит на нее свои ступни. Когда в процессе движения ему надо повернуть, он это делает не как большинство людей, последовательно поворачиваясь головой, шеей, затем корпусом, а по-армейски, всем телом сразу. Хотя в армии никогда не служил. Так что действительно создается впечатление, что он движется «только прямо и только вперед».

Все эти особенности связаны с тем, что у Сталина был широковатый для мужчины таз (отсюда длинные полы френча), его мучили сильные мышечные боли, периодически сковывавшие движения, у него были непропорционально длинные и узкие ступни ног, а главное, сросшиеся пальцы на левой ноге. Из-за всего этого – и особенности походки. О его физическом недостатке издавна ходило множество слухов. Источниками этих слухов были, возможно, близкие (в том числе и женщины) или архивисты и врачи. Скорее всего, врачи, имевшие доступ к телу и медицинским картам.

Мне рассказывали, что еще до войны в народе бродили разговоры о том, что у кремлевского правителя сросшиеся на ноге пальцы – признак сатанинского копытца. Недаром булгаковский Воланд, окруженный членами своего куда более симпатичного «политбюро», просит Маргариту растереть покалеченную при изгнании с небес левую ногу. Не будем приумножать мифы – у Сталина не было рудиментов копыта, и тем более десница Господа даже в гневе не касалась его. Просто это был не самый тяжелый среди человеческого рода врожденный анатомический недостаток. Врачи посоветовали носить в сапогах вполне обычные для многих супинаторы. За границей СССР о ноге вождя узнали тогда же, еще до войны[119], и, скорее всего, от врачей или из дореволюционного протокола полицейского осмотра[120].

В архиве Сталина сохранились копии полицейских документов за 1904 год с описанием особых примет. Среди них значится: «На левой ноге 2-й и 3-й пальцы сросшиеся»[121]. В России даже многие родные и близкие соратники ни о чем не догадывались.

Сталин любил бывать на море, но публичных морских купаний избегал. Даже дочь, как уже говорилось, впервые увидела его обнаженным только мертвым. По поводу этой злосчастной ноги поэт Ф. Чуев задавал вопросы и В. Молотову, и бывшему охраннику, а затем коменданту Большого театра А. Рыбину. И тот, и другой заявляли, что ни о чем таком не знают. Впрочем, Чуев, задавая вопрос, как это нередко с ним случается в публикациях интереснейших бесед, сознательно «передернул». Рыбин, по его словам, вспоминал: «Иногда Сталин, закатав свои брюки с лампасами, ходил босиком по воде. Я и спросил А. Рыбина, было ли у Сталина на ноге шесть пальцев, о чем прочитал в одном “демократическом” издании в разгар перестройки. Рыбин даже опешил: “Если б было, мы бы, наверное, сразу обратили внимание…”»[122]

На самом деле речь шла не о шести пальцах, что действительно не заметить было трудно, а о сросшихся пальцах, что не так уж бросается в глаза. И никакие «демократы» здесь ни при чем. Кремлевские врачи обо всем этом и много еще о чем достоверно знали уже в середине 20-х годов. В медицинской карте своего пациента они записали: «Сращивание пальцев левой ноги»[123]. Знали и за границей те, кому это было интересно. Не все было в порядке и с пальцами правой ноги. Первые два пальца были неестественно разогнуты со сморщенными утолщенными ногтями бурого цвета[124]. Одна из многочисленных умильных легенд, связанных с особой скромностью Сталина в быту и одежде и, в частности, с его склонностью изнашивать обувь до последней крайности, до дыр на подошве, легко объясняется нежеланием разнашивать больными ногами новые сапоги. К тому же по понятным причинам вряд ли ему угрожала опасность промочить или обморозить на улице ноги даже в худых сапогах или ботинках.

Помимо указанных, у Сталина было еще несколько серьезных физических недостатков. Один из них скрыть было практически невозможно – это плохо разгибавшаяся в плече и локте левая рука. Происхождение его объясняли по-разному, и похоже, что вождь был заинтересован в таком разнобое. Одни утверждали, что рука искалечена

в результате ранения, которое он получил во время дерзкого нападения с группой боевиков в Тифлисе на банковский экипаж. Но более распространенная версия, которую он сам изложил второй жене Надежде Аллилуевой в 1917 году[125], а через несколько лет и кремлевским врачам и которую усвоили некоторые его соратники, заключалась в том, что он якобы в шестилетнем возрасте попал под колеса фаэтона. В результате ранения на локте образовалось нагноение, которое привело к ограничению движения руки[126]. Злые же языки утверждали, что ребенку руку повредил в пьяном угаре отец. Но, скорее всего, все эти версии далеки от реальности.

Воспоминания врачей, истории болезней и смерти Сталина многое проясняют не только в причинах пристрастного отношения вождя к медицинским светилам, но и, как мне кажется, проливают дополнительный свет на его внутренний мир и даже на внешний облик, казалось бы, и без того хорошо известный миллионам людей XX века.

Всю жизнь с раннего детства и до последних дней Сталин много и нередко очень тяжело болел. В архиве Сталина хранится часть медицинских карт, выписки из историй болезни (в том числе и из последней), результаты различных анализов, обследований и вскрытия трупа. Картина вырисовывается не полностью, так как практически нет данных о военных годах. Есть сведения, что зимой 1943 года у него случился инсульт. Совпал ли он с событиями Сталинградского сражения, неизвестно, но страна не подозревала о том, что в течение какого-то времени народ побеждал без своего главнокомандующего. Думаю, что по этой причине медицинские карты за военный период до сих пор засекречены. В открытых материалах первая запись относится к 25 марта 1921 года, когда ему сделали операцию по поводу аппендицита[127], последняя – акт патологоанатомического вскрытия, датированный почему-то июлем 1953 года[128]. Все, что происходило с его здоровьем до 1921 года, было записано со слов самого Сталина или было обнаружено в результате объективных обследований. Позже были найдены полицейские архивные материалы с описаниями анатомических особенностей молодого революционера, с которыми я также ознакомился.

Так, кремлевские врачи зафиксировали, что у сорокалетнего пациента увеличено сердце и что он перенес в детстве малярию[129]. Когда это произошло точно, неизвестно. В феврале 1909 года, в ссылке,

в вятской земской больнице Сталин перенес возвратный тиф[130], а в 1915 году, опять же в ссылке в Сибири, в Туруханском крае, – суставной ревматизм, который периодически обострялся, чередуясь с острыми вспышками ангины и гриппа[131]. Первый раз тифом он заболел еще в младенческом возрасте. Говорят, что от тифа тоже в младенческом возрасте умер его старший (второй) брат Георгий[132]. Как известно, тиф – это остроинфекционное заболевание, в мирное время возникает только там, где отсутствует элементарная гигиена, то есть в обстановке полного обнищания. В царской России, как и сейчас, значительные районы Кавказа и Закавказья находились в таком состоянии. Впрочем, как и в Советском Союзе. Отметим, что у людей, перенесших тиф, появляются язвы на стенках желудка.

Туберкулезом Сталин заболел еще до революции. Им часто болеют целыми семьями. Говорили, что первая жена Сталина Екатерина Сванидзе умерла или от тифа, или от скоротечного туберкулеза. Возможно, что Сталин заболел туберкулезом в одной из ссылок. Известно, что сосланный в Туруханский край, в приполярную деревню Курейка, он первое время поселился в одной комнате с Я. М. Свердловым. Но вскоре они рассорились и разъехались. По одной из версий, причиной тому стало нежелание Сталина готовить пищу и мыть по очереди посуду. У Свердлова, как и у многих сосланных революционеров, была открытая форма туберкулеза, от которой он вскоре после революции умер. Так что дело, видимо, было не только в сталинской барственности и нечистоплотности, а в боязни вновь заразиться. Была и другая, еще более серьезная причина их несогласия, о чем мы еще расскажем. А на Сталина, как об этом написал с его слов А. Барбюс, сухие сильные сибирские морозы подействовали благоприятно и привели к резкому улучшению здоровья[133]. Во всяком случае, в 1926 году у Сталина был зафиксирован застарелый, но уже не активный туберкулез.

Как показало посмертное вскрытие, в правом легком произошли сильные патологические изменения, а его верхушка оказалась плотно припаяна к плевре. На фонограммах с записью голоса Сталина отчетливо слышно его тяжелое, неполное дыхание. Возможно, что в какой-то степени и по этой причине Сталин даже на трибуне говорил очень тихо и без микрофона старался не выступать. В последние

месяцы жизни его стала мучить такая сильная одышка, что он, заядлый курильщик, отказался от этой привычки.

Но если тиф и туберкулез – остроинфекционные заболевания, то суставной ревматизм (согласно современной медицинской терминологии – ревматоидный артрит) – это распространенное хроническое заболевание, которое чаще всего начинается в детстве и в подростковом возрасте, но развивается постепенно и заметным для окружающих становится в зрелые годы. В 1904 году, когда ему было 25 лет, полицейские отметили в качестве «особой приметы: движение левой руки ограничено вследствие устарелого вывиха»[134]. Причина указана скорее всего с его слов. Если бы у него действительно была заметная травма руки с дореволюционных времен, то о ней знали бы многие из тех, кто был с ним тогда знаком. В том числе Микоян, который впервые увидел Сталина в 1919 году, а узнал о его проблемах с рукой только в 1923 году, в том самом, когда Сталин первый раз обратился по этому поводу к кремлевским врачам. В старости Микоян рассказал о таком эпизоде: «Сталин вышел из кабинета с перевязанной рукой. Я это увидел впервые и, естественно, спросил, что с ним. “Рука болит, особенно весной. **Ревматизм, видимо** (выделено мной. – *Б. И.*). Потом проходит”. На вопрос, почему он не лечится, ответил: “А что врачи сделают?” У него было скептическое отношение к врачам и курортам. До этого он один раз отдыхал в Нальчике, в небольшом домике, без врачебного надзора»[135].

С легкой руки Микояна и по рекомендации врачей, к которым он все же обратился, Сталин начиная с 1923 года регулярно ездил на солнечные курорты Крыма и Кавказа, где проводил не менее одного, а то и двух месяцев в году и лечился главным образом минеральными ваннами. Кроме военных лет он будет ездить на эти курорты постоянно, не только из желания отдохнуть от государственных дел, а по необходимости. Однако лечение и курорты не приведут к радикальным улучшениям здоровья. Болезнь медленно прогрессировала. В 1926 году кремлевские врачи фиксируют уже не только боли в мелких суставах рук и ног, а отмечают, что наблюдается небольшая атрофия мышц левого предплечья. Жалобы на общую усталость, на боль в пальцах левой руки и на новую напасть – изнурительный понос (диарея). И все это на фоне необыкновенной политической активности.

В конце того же 1926 года собирается врачебный консилиум, который выносит следующее, уже более определенное заключение – болезнь Эрба[136]. Наступил 1927 год. Сталин на пороге главного политического триумфа – полного разгрома своих основных врагов, бывших соратников Ленина. А врачи вновь фиксируют приступ хронической ангины, считая ее причиной обострения ревматических явлений, и ставят дополнительный диагноз: «Миальгия и артрит левой верхней конечности»[137]. Здесь необходимо пояснить, что это за болезни: Эрба, миальгия и артрит.

Ревматоидный артрит знаком, к сожалению, многим. Как утверждает современная Медицинская энциклопедия, это «системное воспалительное заболевание соединительной ткани с преимущественным поражением суставов». Больные обычно жалуются на боль в суставах и скованность в движениях по утрам. Отметим, что при этом отмечается деформация пораженных суставов вплоть до их подвывихов и частичных разрушений (анкилозов и контрактур)[138]. Так что левая рука была, скорее всего, поражена болезнью, а не травмирована в результате ранения. Фаэтон в детстве мог быть реальностью, но, наверное, без каких-либо серьезных последствий.

Несмотря на все усилия врачей, ванны с минеральной водой и курорты, рука все более теряла подвижность и постепенно слабела. Ее суставы распухали и краснели, Сталин чувствовал постоянный хруст в коленях, в области лопатки и в шее при повороте головы. К 1928 году левая рука Сталина была уже в два раза слабее правой, и он с трудом поднимал ею что-нибудь тяжелее трубки или папиросы. Как уже говорилось, его мучили боли в мышцах – миальгия или ее разновидность – мышечная дистрофия в форме болезни Эрба[139]. Это генетическое заболевание передается по наследству при условии, что оба родителя сразу являются носителями мутантного гена. Первые ее признаки начинают проявляться в подростковом возрасте[140].

О том, что болезнь Эрба наследственная, врачи узнали достоверно только в наше время после становления генетики. Не могу не отметить, что как судьба отомстила Наполеону поражением в войне с Англией за его пренебрежение к изобретенному паровому двигателю, Гитлеру – за недоверие к ядерным исследованиям, так она отомстила и Сталину за его мракобесие по отношению к генетике. Всем им судьба ловко и

расчетливо расставляла ловушки. Правда, она это делала часто слишком поздно.

* * *

Трое суток, с первых часов ночи 2 марта и до 21 часа 50 минут 5 марта 1953 года, смерть в прямом смысле слова душила Сталина. Дочь наблюдала агонию: «Отец умирал страшно и трудно… Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все нервные центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центр дыхания, и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последний час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах»[141].

Смерть и обстановка, ей сопутствовавшая, почти сразу же стали обрастать домыслами и слухами. Причиной этих слухов был не только он сам, умерший в самый разгар затеянного им же «дела врачей-убийц», как бы самым страшным образом намекая своей смертью на реальность «врачебно-сионистского заговора». Были и другие причины.

Еще в 1932 году по инициативе М. Горького и при поддержке Сталина было решено создать специальное научное учреждение – Институт экспериментальной медицины (ВИЭМ), перед которым поставили задачу поиска способов продления человеческой жизни[142]. Накануне этого решения, летом 1931 года, смертельно больной туберкулезом Горький встретился со Сталиным и, рассказав ему о книге видного английского философа Бертрана Рассела «Научное предвидение», увлек его надеждой продления жизни с помощью медицины. Затем опубликовал большую статью в «Правде», где он рассуждал о том, как уберечь людей от старения и преждевременной смерти. За его статьей последовала серия публикаций ученых и врачей на ту же тему. Как всегда в таких случаях, это означало, что и тема и статьи, получили благословение сверху. Институт, здание которого начали лихорадочно строить под Москвой, в Серебряном Бору, возглавили личные врачи Сталина профессора Б. С. Преображенский и

А. Д. Сперанский. В качестве ведущего специалиста был приглашен с Украины профессор А. А. Богомолец, который в 1938 году опубликовал книгу под соблазнительным названием «Продление жизни». В Киеве был открыт филиал института. (Горький предлагал открыть шесть таких филиалов, в том числе и на Шпицбергене.) ВИЭМ оснастили лучшим по тем временам оборудованием, и он был укомплектован лучшими специалистами. В 1944 году на базе института развернули Академию медицинских наук.

Давали ли специалисты института какие-либо рекомендации лично для Сталина или Горького и других – неизвестно. Накануне войны в зарубежной печати появились сообщения о создании Богомольцем «сыворотки молодости», благодаря которой якобы Калинин и Сталин продлевают свою жизнь[143]. Во всяком случае, среди важнейших учреждений, которые срочно эвакуировали в первые месяцы войны из Киева в Уфу, был институт Богомольца. В самом конце войны вышло новое издание, уже массовым тиражом, книги «Продление жизни», а сам автор был награжден орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда», удостоен звания Героя Социалистического Труда. После войны продолжали циркулировать слухи и печататься популярные труды о медицинских возможностях бесконечного продления жизни. В сталинской библиотеке до сих пор находится несколько десятков книг по медицине, в первую очередь по неврологии, по проблемам старости, продления жизни и курортологии.

После войны появилась и новая тематика, связанная с дружественным коммунистическим Китаем. Я очень хорошо помню разговоры о том, что древнекитайские медики будто бы давно открыли эликсир молодости или продления жизни и что, судя по всему, «наш вождь и учитель» будет жить очень долго. Слухи эти, без всякого сомнения, поддерживались тайной полицией. Но то, что Сталин после войны, по совету Поскребышева, постоянно принимал какие-то капли, которые держал в аптечке, – это достоверный факт. Скорее всего, это было общеукрепляющее средство, нечто вроде экстракта женьшеня. Но, пожалуй, важней – личностная специфика сталинской пропаганды, к которой был непосредственно причастен и цвет советской интеллигенции.

На протяжении нескольких десятилетий, из года в год, изо дня в день, через печать, радио, кино, на всевозможных торжествах,

партийных форумах и государственных мероприятиях, на обычных, почти семейных ночных посиделках с ближним политическим кругом на сталинской даче, – везде нескончаемым потоком лилось славословие. Главными пунктами этого славословия были пожелания вождю «здравия» и «вечной жизни». К нему, как к древнеегипетскому фараону, как к земному воплощению божества, взывали в песнях, стихах и обращениях не только в дни юбилеев, но повседневно и даже ежечасно. Впрочем, так же часто обращались с ритуальными пожеланиями здравия царю православные священники по всей дореволюционной России.

Вот только одна микроскопическая капля из этого потока. Прославленный полярник и мужественный человек И. Д. Папанин послал приветствие к очередному юбилею: «Вы бессмертны, наш любимый вождь. Живите еще трижды по столько, сколько вы прожили до сих пор!» Это еще (или уже!) 1929 год. Сталин на вершине власти всего лишь пять лет.

Чем более беспощадно он вырубал человеческий «лес» и особенно молодую партийную «поросль», чем больше летело «щепок» от этих порубок («Лес рубят – щепки летят», – любил приговаривать он в разгар репрессий), тем больше ему самому хотелось жить, и жить как можно дольше. Знаменитый фантаст и мудрый утопист Герберт Уэллс, повидавший на своем веку почти всех великих государственных деятелей, с англосаксонской сдержанностью отнесся к восторгу А. Бубнова, сталинского наркома просвещения и одного из немногих неотстраненных старых большевиков. Встретившись с ним в 1934 году, Уэллс написал: «Бубнов и Сталин последние из оставшихся в живых вождей, которые участвовали в фанатической борьбе в момент революции, и он сказал, что они оба собираются прожить 100 лет, чтобы увидеть, наконец, плоды русского процветания»[144]. Бубнов не прожил и пяти лет после этой встречи, так как был расстрелян. В 1935 году Анри Барбюс в панегирике «Сталин» восторженно всхлипнул: «В этой великой стране… ученые начинают действительно воскрешать мертвых и спасать живых кровью трупов…»[145] Не знаю, как это по-французски, но в русском переводе это прозвучало страшновато.

* * *

Все эти высказывания, статьи, книги о продлении жизни и правительственные решения появлялись на фоне постоянно муссировавшихся сообщений о раскрытии заговоров с целью покушения на жизнь отдельных членов Политбюро и особенно товарища Сталина. Сердобольный и якобы оппозиционно настроенный Горький направил Сталину записку, прочитав в марте 1935 года первый циркуляр о «причинах» падения Авеля Енукидзе:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Не так поражает поведение Енукидзе, как постыдно равнодушное отношение партийцев к этому поведению. О том, что старик тесно окружен дворянками, меньшевичками и вообще говенными мухами – давно знали и говорили даже беспартийные… Чем ближе к войне – тем более усиленно будут мерзавцы всех мастей стараться убить Вас, дабы обезглавить Союз. Это – естественно, ибо враги хорошо видят: заменить Вас – некем… Берегите себя. Мировая – всемирная – ненависть к Вам всех подлецов и мерзавцев говорит Вам о Вашей величине, о значительности Вашей работы так же красноречиво и убедительно, как горячая любовь всех честных, искренних революционеров…»[146]

Мало кто знал и знает до сих пор, что уж в чем в чем, а в физическом и душевном здоровье Сталин действительно нуждался всю жизнь. И особенно в эти роковые для советских людей 1930–1950-е годы. Даже дочь, когда вспоминала об отце, пользовалась скорее сведениями, почерпнутыми из разговоров и слухов: «Здоровье отца было, в общем, очень крепким. В 73 года сильный склероз и повышенное кровяное давление вызвали удар, но сердце, легкие, печень были в отличном состоянии. Он говорил, что в молодости у него был туберкулез, плохое пищеварение, что он рано потерял зубы, часто болела рука, покалеченная в детстве. Но, в общем, он был здоров. Сибирские сухие морозы оказались нетрудными для южанина, и во второй половине жизни его здоровье только окрепло. Неврастеником его никак нельзя было назвать; скорее ему был свойственен сильный самоконтроль»[147]. Почти все здесь не так, кроме замечаний о самоконтроле, туберкулезе и пищеварении.

* * *

Никто не обратил пока должного внимания на то, что «дело» Бухарина одновременно является первым делом «врачей-убийц» и вообще – «отравителей». С Бухариным судили трех виднейших медицинских светил того времени: Д. Д. Плетнева, Л. Г. Левина и И. Н. Казакова, как организаторов под прикрытием медицины покушений на Сталина, убийства А. М. Горького, его сына А. Пешкова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева и других. Самого близкого до определенного времени сталинского соратника-палача Г. Ягоду судили на процессе Н. Бухарина тоже как «отравителя». Это тем более примечательно, что Ягода по своей первоначальной профессии был фармацевтом. По специфически «врачебному» признаку 1938 год довольно тесно связан с 1953 годом. Какова причина, откуда у Сталина эта упорная, почти маниакальная тенденция втянуть в очередной кровавый круговорот репрессий именно людей врачебной профессии? Даже вполне очевидная еврейская «проблема» не все до конца объясняет. Для того чтобы иметь предлог ввергнуть одну из древнейших российских наций в пучину нового геноцида, можно было использовать почти любой отряд советской интеллигенции. Наконец, можно было обойтись вообще без всяких серьезных предлогов, как он это сделал по отношению к калмыкам, чеченцам, балкарцам и другим. Но почему именно врачи?

Известно, что Сталин большую часть своей «кремлевской» жизни боялся быть отравленным. Можно, конечно, все свалить на патологическую подозрительность «отца народов». Но у сталинских страхов были и вполне реальные причины. Массовые репрессии, особенно захватившие высшие эшелоны власти, должны же были привести хоть к какой-то попытке сопротивления. Сталин только по этой причине уж должен был быть всегда в нервном напряжении и настороже. В то же время он, без сомнения, сам был одним из инициаторов создания в недрах ОГПУ-НКВД специальной токсикологической лаборатории. Об истинной роли этой лаборатории в политической игре сталинской (и не только ее) эпохи не скоро станет все до конца известно. Но уже то, что о ней рассказал П. Судоплатов, один из руководителей НКВД-МГБ того времени, – вполне весомая причина для того, чтобы судить о том, что Сталин действительно возродил средневековую роль ядов и отрав в современной истории. Сотрудники этой лаборатории «привлекались для приведения в

исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению правительства в 1937–1947 годах и в 1950 году, используя для этого яды»[148]. Так что политические убийства с помощью ядов у нас еще с тех пор стали обычным делом. Недаром Троцкий постоянно сравнивал Сталина с известнейшими в средневековой истории отравителями – Чезаре Борджиа и герцогом Сфорца. С древнейших времен известно, что профессиональные отравители больше всего боятся быть отравленными.

По свидетельству того же Троцкого, если в первые генсековские годы Сталину, как и всем членам правительства, приносили еду из столовой Совнаркома, то через несколько лет он из страха отравления стал требовать, чтобы готовили пищу дома[149]. Тогда же он перестал покупать лекарства в кремлевской аптеке на свое имя[150]. Скорее всего, эти требования совпали по времени с подозрительными затяжными расстройствами кишечника, которые его стали периодически мучить по крайней мере с 1926 года.

Сталин был очень эмоциональным и, видимо, нервным человеком, но прекрасно умеющим держать себя в руках. Эта бросающаяся всем в глаза и сознательно подчеркиваемая внешняя неторопливость и сдержанность создавали в глазах окружающих «впечатление о человеке какой-то удивительной стабильности и уверенной силы»[151]. И это противоречие между нервным внутренним состоянием и подавляющей его волей било наотмашь по физическому и душевному здоровью вождя.

Еще в 1923 году он впервые пожаловался на то, что забывает имена, когда устает. В то же время бывают иногда головокружения[152]. Раз Сталин счел нужным сообщить об этом врачам, значит, процесс зашел уже так далеко, что самостоятельно он уже не мог с ним справиться. Отметим, что это происходит в самом начале еще почти тайной борьбы с так называемой троцкистской оппозицией. Позже врачи подтвердили, что это была «неврастения»[153]. Неврастения – заболевание, входящее в группу болезней, объединенных общим названием – неврозы[154]. «Неврастения проявляется повышенной раздражительностью, возбудимостью и утратой самообладания в сочетании с утомляемостью, слезливостью, чувством бессилия. В начале болезни возникают жалобы на трудность или невозможность продолжительной умственной работы в связи с рассеянностью,

забывчивостью и отвлекаемостью. Для этого периода характерна нетерпеливость, неусидчивость, а также связанная с ними невозможность заниматься каким-нибудь одним делом. На этом фоне легко возникает подавленное настроение. При неврастении отмечаются вегетативные и соматические нарушения (см. Астенический синдром), принимаемые больными за симптомы соматической болезни. Как и при астеническом синдроме, при неврастении расстройство выражено слабее в утренние часы, то есть после отдыха, и значительно усиливается к вечеру, а также после физических и психических нагрузок»[155]. Практически все те признаки, которые зафиксировали врачи у Сталина, классически соответствуют клинической картине. Здесь и переутомление, и калейдоскопическое переключение с одного мероприятия на другое, и в то же время – подавленное состояние в конце рабочего дня. Для Сталина это вторая половина ночи, когда он с соратниками, а фактически – единолично принимал важнейшие государственные решения.

Видимо, в той или иной форме неврастения не оставляла его никогда. Почти все близко наблюдавшие его пишут о том, что дома Сталин мог сутками угрюмо молчать, грубо обрывая любые попытки вступить с ним в контакт. И до революции, и в октябре 1917 года, и во время Гражданской войны описаны случаи, когда он внезапно надолго исчезал или уединялся, никак не реагируя на окружающее. Чаще всего это происходило в критических ситуациях. Наиболее известен его срыв в первые дни после нападения Германии на Советский Союз, когда, как говорят, он «исчез» на даче на несколько дней. Впрочем, у каждого бывают в жизни моменты слабости, требующие уединения.

Диагноз – неврастения – был подтвержден в 1929 и в 1930 годах. Приступы неврастении, вне всякого сомнения, указывают на то, что у Сталина действительно были какие-то проблемы с психикой. Патологическая подозрительность Сталина общеизвестна.

В свете этого уже по-другому выглядит получившая широкую огласку история, связанная с крупнейшим отечественным психиатром и невропатологом академиком В. М. Бехтеревым. Не исключено, что он действительно был отравлен по приказанию Сталина после того, как побывал у него в декабре 1927 года и дал поспешное заключение – паранойя. Вождь, возможно, проявил излишнюю доверчивость, согласившись принять Бехтерева, искренне беспокоясь о своей памяти,

мучаясь нарастающей нервозностью, бессонницей и преследующими его страхами. Видимо, старый профессор подзабыл, что не всякому пациенту нужно ставить диагноз. Да и вряд ли он был безошибочный.

Скорее всего, так же не случайно, что профессор Валединский, написавший свои воспоминания к 70-летию вождя, то есть в 1949 году (скорее всего, на основании сохранившихся у него курортных медицинских карт или дневниковых записей), нарочито подчеркнул, что проведенное в Сочи летом 1927 года обследование «…показало, что организм Сталина вполне здоровый, обращало внимание его бодрое настроение, внимательный живой взгляд»[156]. Иначе говоря, он подчеркнул хорошее, по его мнению, психическое состояние пациента. Летом 1928 года (после смерти Бехтерева) Валединский пригласил к Сталину для участия в консилиуме двух крупнейших специалистов: невропатолога В. М. Верзилова и терапевта А. В. Щуровского[157]. Результаты их обследований неизвестны, но это говорит о том, что пациента Валединского продолжали мучить все те же болезни. Вот их основной набор: общая усталость и переутомление, боли в плече и пальцах левой руки, особенно при тряске на автомобиле, бессонница, частые инфекции (стрептококковые ангины с температурой 39–40 градусов), а самое главное, изнуряющие поносы, которые становятся постоянными спутниками жизни генерального секретаря.

Еще со времен ранения и болезней Ленина для лечения и консультаций кремлевских владык приглашали европейских светил медицины. В медицинской карте Сталина есть заключения нескольких таких специалистов. Возвращаясь домой, они, видимо, тоже многое рассказывали, а некоторые начинали болтать до отъезда. Не случайно поэтому на страницах советской печати время от времени появлялись всевозможные опровержения. Одно из таких личных опровержений вождя появилось в «Правде» 3 апреля 1932 года. Сталин, приближаясь к своему 70-летию, скорее всего, из чувства злорадной насмешки решил перепечатать в собрании сочинений это опровержение пятнадцатилетней давности. Привожу полный текст:

«Ответ на письмо председателя телеграфного агентства “Ассошиэйтед пресс” Г. Ричардсона.

Г-ну Ричардсону.

Ложные слухи о моей болезни распространяются в буржуазной печати не впервые. Есть, очевидно, люди, заинтересованные в том,

чтобы я заболел всерьез и надолго, если не хуже. Может быть, это и не совсем деликатно, но у меня нет, к сожалению, данных, могущих порадовать этих господ. Как это ни печально, а против фактов ничего не поделаешь: я вполне здоров. Что касается г. Цондека, он может заняться здоровьем других товарищей, для чего он и приглашен в СССР.

И. Сталин»[158].

Обострения так называемого «гастроэнтероколита» странным образом совпадают с периодами осложнения внутренней или внешней политической ситуации. Кремлевские медицинские светила того времени вынуждены были дать ему ряд простых, но, как и для многих нервных и перегруженных работой людей, почти невыполнимых рекомендаций. Они предложили урегулировать образ жизни – своевременно принимать пищу, не превращать ночь в день и вовремя ложиться спать. Меньше пить и меньше курить, делать себе два выходных дня, ежегодно ездить на курорты[159].

Изменить режим дня он не мог, так как был ярко выраженной «совой» и пик активности приходился как раз на ночные часы. При нем все руководящие работники и в первую очередь члены Политбюро выработали в себе «совиные» навыки. Бросить пить было тоже не просто. Помимо того что он, как кавказец, любил застолье, грузинские вина и напитки покрепче, ночные пиры с ближним кругом носили еще и ритуально-политический характер. Во время их решались важнейшие государственные дела и нередко судьбы сидящих за столом подпаиваемых им людей. На курорты он, конечно, ездил, но они приносили лишь временное улучшение. Неизвестно, когда именно, но подозрение, что проблемы с желудком могут быть связаны с возможными покушениями через лечащих врачей, закралось в его сознание, видимо, с конца 1920– начала 1930-х годов. Возможно, поэтому он периодически менял своих врачей. Но все равно некоторые из них слишком многое знали о тайных делах и его реальных физических и психических недомоганиях.

В 1934–1936 годах одним из постоянных лечащих врачей Сталина был терапевт М. Г. Шнейдерович. После 1953 года, отсидев в тюрьме, Шнейдерович вспоминал, как его пациент до войны любил иногда «пошутить». Сталин как-то спросил врача: «Доктор, скажите, только

говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание меня отравить?» Растерянный врач молчал. Тогда Сталин сокрушенно замечал: «Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете, но у меня есть враги, которые способны это сделать…»[160] Профессор Валединский, лечивший Сталина от мышечных болей и ангин с промежутками в 1926–1931 годы, а затем в 1936–1940 годах, вспоминал, что 5 января 1937 года во время застолья по случаю очередного выздоровления Сталин «говорил об успехах советской медицины и тут же сообщил нам, что среди врачей есть и враги народа: “О чем вы скоро узнаете”»[161]. Этот разговор состоялся накануне процесса Бухарина.

Вскоре после самоубийства в 1932 году жены он так основательно «законспирировался» в Кремле и на дачах, его пища и покои так тщательно охранялись, что единственно, кого он мог тогда реально заподозрить в покушении на него в связи с упорными расстройствами кишечника, были, конечно, врачи и соратники. Первый «врачебно-бухаринский» процесс 1938 года, как известно, закончился расстрелами и приговорами к длительному заключению. Среди прочих расстреляли профессоров И. Н. Казакова и Л. Г. Левина и к десяти годам приговорили профессора Д. Д. Плетнева. А когда наступила война, среди тех важнейших государственных «преступников», кого расстреляли без приговора суда в первый ее месяц в Орловской тюрьме (М. Спиридонова, Х. Раковский и другие), был и профессор Плетнев. Еще накануне ареста он говорил своим близким и ученикам, что считает себя обреченным, так как «слишком много знает»[162].

Хорошо осведомленные известные эмигрантские деятели Н. Вольский (Валентинов) и В. Суварин в 1953 году опубликовали работу, в которой, называя Сталина московским Калигулой, сообщили, что и Плетнев и Левин поплатились жизнью за подтверждение диагноза – паранойя[163]. Н. Валентинов в 1954 году в письме Б. Николаевскому рассказал, что в 1937 году заместитель В. Молотова Валериан Межлаук передал в Париж через своего брата Ивана обширные материалы, свидетельствующие о паранойе Сталина. По его словам, за это Ежов, сменивший Ягоду, собственноручно застрелил В. Межлаука. Николаевский в достоверность переданных материалов не поверил и считал, что все это свидетельствовало об «идеологической» подготовке к попытке свержения Сталина, которая началась еще накануне убийства

Кирова[164]. До сих пор достоверных документальных свидетельств о паранойе Сталина, как в этом, так и в случае с Бехтеревым, пока не обнаружено. Однако приводимые здесь новые данные о здоровье Сталина говорят, что врачебная «проблема» действительно очень волновала Сталина и что совершенно не случайно, не по велению извращенной фантазии параноидального диктатора в процесс 1938 года были вовлечены врачи и «фармацевт» Ягода. Не исключено, что именно всемогущий глава НКВД провоцировал тесно с ним сотрудничавших врачей на установление рокового диагноза. Если представить на мгновение, что Ягода, понимая шаткость своего положения, мог действительно готовить устранение Сталина (а если не готовил, то это тем более удивительно!), то лучшего предлога, чем душевная болезнь вождя, трудно было придумать. Всем сразу же все стало ясно. И никто бы не стал на защиту вождя-параноика. Главное – легко бы объяснялась причина массовых репрессий и других злодеяний Сталина, а сам Ягода из палача мог превратиться в спасителя Отечества. (Нечто подобное после смерти Сталина предполагал сделать Берия. Фактически вариант этой же версии, но сильно ослабленный провел в жизнь Хрущев на XX съезде партии.) Не исключено, что в этой игре Ягода мог отводить важные роли членам Политбюро Межлауку и Чубарю, а главное – Бухарину, с которым постоянно поддерживал хорошие отношения. Бухарин же мог об этом даже не догадываться. В своей предсмертной записке Бухарин написал: «Коба, зачем тебе была нужна моя жизнь?» Сталин всю жизнь ее хранил на даче, в ящике письменного стола, под старой газетой. Но все это лишь предположения.

Существует масса свидетельств того, что Сталин особенно опасался руководителей советской тайной полиции. В узком кругу он не раз говорил, что Ежов, сменивший Ягоду, прослушивает его телефонные разговоры и собирает на него досье. В последние годы, как единодушно считали Хрущев, Микоян, Молотов и другие, он очень опасался Берии, который якобы тоже собирал материалы, и, как недавно установили в результате реконструкции кремлевского кабинета Сталина, спецслужбы действительно прослушивали вождя. Так что это могли быть вполне реальные опасения.

А четко выраженной душевной болезни у Сталина все же не было. Но у него был «букет» из физиологических и невротических заболеваний.

Война принесла Сталину дополнительные нервные потрясения. Когда я впервые прочитал в воспоминаниях Микояна о событиях, произошедших с Верховным Главнокомандующим во время его единственной поездки на фронт в 1942 году, мне показалось, что старый партийный царедворец, в конце жизни крепко обиженный на своего владыку, пытается посмертно его унизить. Вот что он рассказал: «…Сам Сталин не очень храброго десятка.

Ведь это невозможное дело: Верховный Главнокомандующий ни разу не выезжал на фронт!.. Зная, что это выглядит неприлично, однажды, когда немцы уже отступили от Москвы, поехал по Минскому шоссе, поскольку оно использовалось нашими войсками и мин там уже не было. Хотел, видимо, чтобы по армии прошел слух о том, что Сталин выезжал на фронт. Однако не доехал до фронта, может быть, около пятидесяти или семидесяти километров. В условленном месте его встречали генералы (не помню кто, вроде Еременко). Конечно, отсоветовали ехать дальше – поняли по его вопросу, какой совет он хотел услышать. Да и ответственность никто не хотел брать на себя или вызвать неудовольствие его. Такой трус оказался, что опозорился на глазах у генералов, офицеров и солдат охраны. Захотел по большой нужде (может, тоже от страха? – не знаю) и спросил, не может ли быть заминирована местность в кустах, возле дороги? Конечно, никто не захотел давать такой гарантии. Тогда Верховный Главнокомандующий на глазах у всех спустил брюки и сделал свое дело прямо на асфальте. На этом “знакомство с фронтом” было завершено, и он уехал обратно в Москву»[165].

Судя по приведенному эпизоду, Микоян, как и другие соратники, видимо, не знали о частых расстройствах желудка вождя. В самом этом факте нет ничего особенного. Именно у внешне сильных, волевых людей нервы или физиология дают самые неожиданные сбои. Троцкий, по свидетельству его жены Наталии Седовой, в самые ответственные периоды своей жизни, в начале Гражданской войны и в момент открытой схватки со сталинистами за власть в 1925 году страдал от острейших приступов кишечного колита и перемежающейся лихорадки[166]. Зиновьев перед расстрелом рыдал и валялся в ногах у своих палачей. Об этом публично рассказал Сталину один из них, начальник его личной охраны Паукер. Рыков и Бухарин рыдали в 1938 году, когда их вызвали из тюремной камеры на заседание ЦК. Маршал

Жуков, который недрожащей рукой отправлял на смерть дивизии, армии и целые фронты людей, разрыдался в присутствии членов Политбюро в ответ на упреки Сталина. Было это в первый или во второй день войны. При случае могли всплакнуть и другие известные советские генералы.

Суровые государственные мужи рыдают или страдают расстройством желудка, в том числе и на нервной почве, гораздо чаще, чем это принято думать. Жизнь Наполеона на острове Эльба и Гитлера в последние годы войны недвусмысленно свидетельствует об этом. Вообще же история знает тому бесчисленные примеры. Денис Смит, исследователь жизни Муссолини, пишет о том, что дуче «упорно поддерживал миф о своем крепком здоровье». На самом же деле его постоянно мучили желудочные колики, приступы которых обострялись в периоды наиболее острых политических ситуаций. Временами его мучила кровавая рвота, он вынужден был сесть на строжайшую диету и предпочитал есть в одиночестве[167].

Есть и другие факты, говорящие о том, что Сталин в повседневной жизни мог быть трусом, но – все же смелым трусом. Даже Троцкий однажды снисходительно написал: «Сталин лично не трус». Сталина по нескольку раз в году изводили инфекционные болезни. После вскрытия обнаружилось, что у него были еще и спайки в области кишечника. Они тоже могли давать ощущения внутреннего напряжения и постоянного дискомфорта. Болезни подстегивали подозрительность. Подозрительность обостряла приступы неврастении. Все чаще преследовали мысли о возможных покушениях и смерти. Все более он опасался за свою жизнь и за власть. И этот страх сублимировался в невероятную, холодную, сверхчеловеческую жестокость, которая в свою очередь быстро привела к окончательной душевной омертвелости. Именно поэтому он не боялся быть жестоким и не стеснялся им прослыть. Он даже очень хотел этого. В «Краткой биографии» ни разу не говорится, что Сталин добр или великодушен, зато несколько раз подчеркивается, что он нетерпим и беспощаден к врагам. Он не боялся, как выразился Н. С. Хрущев, быть «государственным убийцей». Но за это бесстрашие Сталин вновь расплачивался изматывавшими душу и тело хроническими болезнями. Так в очередной раз в истории России накручивался мощнейший виток огосударствленного зла.

Как часто историки забывают, что внутренние состояния человеческой души и тела являются неразрывной частью «внешнего» мира. И чем более значимое место занимает человек в этом внешнем мире, тем мощнее внутренний мир (включая физиологию) человека воздействует на него. Дизентерия и смертельное расстройство желудка, которое случилось накануне последнего похода Александра Великого в Индию, изменили весь ход мировой истории. В роковой неудаче в битве при Ватерлоо Наполеон винил не только стечение обстоятельств, но и поразивший его грипп. Как теперь выясняется, исходя из состояния здоровья, Сталин мог бы умереть за много лет до 1953 года и даже – до 1937 года. Тогда история СССР и современной России, конечно же, была бы другой. Другой была бы вся мировая история. Но никто не в состоянии ответить на вопрос – почему? Почему он умер именно в «свой» день, час, минуту, а не раньше и не позже? Почему? Нет ответа.

* * *

Несмотря на то что медицинских данных о здоровье Сталина в период войны пока практически нет, воспоминания людей из окружения и близко его знавших военачальников говорят о том, что война еще сильнее обострила все проблемы. К ним добавились невралгические боли не только в области левой руки, но и в левой части нижней челюсти, и опять грипп с простудами и кашлем, ангины. Особенно тяжелыми были для него послевоенные 1946–1947 годы. В этот период у Сталина несколько раз начинались катастрофические расстройства желудка с позывами по 14–20 раз за день при очень высокой температуре. На этот раз был назван еще один диагноз – хроническая дизентерия. А к уже имевшимся болезням прибавился хронический гепатит (опять инфекционное заболевание!), атеросклероз, миодистрофия сердца. Наблюдавший его в Гаграх врач Кипшидзе настоятельно рекомендовал молочно-растительную диету, мясо лишь в умеренных количествах, а из спиртного только легкое столовое вино не более 100–150 граммов в сутки[168]. Как человек, хорошо знавший своего пациента, он понимал, что полный запрет на спиртное невозможен. Тем более что Сталин, когда не было обострений, любил обильно и разнообразно поесть и пил в больших

количествах шампанское и коньяк. И все же, возможно, с этого времени Сталин завел специальную рюмку, которая была наполовину залита прозрачным стеклом и которая вмещала в себя не более глотка, хотя окружающим казалось, что она полна. Но других он заставлял пить, как и прежде, доводя некоторых уже не молодых соратников до глухого отчаяния, а некоторых до желанного бесчувствия. Не обращая внимания на запреты врачей, время от времени крепко выпивал и сам.

Несмотря на то что расстройства давно стали привычными, а явных признаков отравления врачи не находили, Сталин упорно подозревал окружающих, виновных в плачевном состоянии своего желудка. Поскольку круг лиц, допущенных к нему, был крайне ограничен, а вся обслуга и охрана находилась под особым контролем, он не переставал подозревать и некоторых своих ближайших соратников. Тем более что они почти все были моложе его. В первые дни войны, когда он, как говорят, струсил и растерялся, они посмели проявить самостоятельность, а главное – еще с довоенных времен и с его подачи действительно рассматривали себя в качестве наследников. В первую очередь это были Молотов и находившийся с ним в доверительных отношениях Микоян. Сразу после войны Сталин, угнетенный болезнями, стал заявлять, что собирается на пенсию, и демонстративно назвал Молотова в качестве своего прямого наследника. Последним, кто цитировался еще в первом издании «Краткой биографии» вождя (1939 г.), был Молотов. Второе, дополненное и переработанное издание (1947 г.) уже заканчивается обширной цитатой из доклада Молотова от 7 ноября 1945 года. Сталин собственноручно убрал целый аккорд заключительных славословий в свой адрес, которые следовали за этой не менее велеречивой цитатой[169]. Всем стало ясно, что она как бы символизировала некую политическую эстафетную палочку. Но уже в 1948 году Сталин, несколько физически окрепнув, так же демонстративно начал отодвигать Молотова и так же демонстративно стал искать замену Микояну. Свои подозрения он ясно не формулировал, но то, что он им якобы уже давно не доверяет, не скрывал. У Молотова и Микояна это вызывало возмущенное недоумение. В конце жизни оба вспоминали целый ряд эпизодов, связанных с этими сталинскими подозрениями. Расскажем об одном из них.

Еще до войны, до начала массовых репрессий, Микоян, курировавший всю пищевую промышленность в СССР, присылал по-дружески домой Сталину грузинские и крымские вина. «Но с началом репрессий и усилившейся мнительностью Сталина, – пишет Микоян, – я перестал это делать. Когда же появился Берия, то он стал присылать Сталину разные сорта вин. А пили мы их все вместе. В последние годы, когда мнительность Сталина резко возросла, он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берии: “Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино?” Я всегда говорил, хорошее вино или плохое – нарочно пил бокал до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее – ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот он нас и проверял»[170].

Как известно, после XIX съезда Молотов и Микоян не были допущены в новый высший партийный орган – Бюро Президиума ЦК. Незадолго до смерти Сталин перестал их приглашать на свои ночные посиделки, намекая, что они американские «шпионы» и т. д. Многое говорит о том, что он готовил новый грандиозный процесс по типу процесса 1938 года, причем со сходной расстановкой фигур: вместо Бухарина, Томского и Рыкова – Молотов, Ворошилов и Микоян, вместо Ягоды, возможно, – Абакумов. Так же как в 30-х годах, он заранее очищал свое ближайшее окружение – убрал долголетнего личного секретаря Поскребышева, посадил за решетку верного сторожевого пса, начальника личной охраны генерала Власика. Сторонники версии заговора против Сталина (Авторханов, Радзинский и др.) считают, что все это происходило вследствие дальновидных происков Берии. Но для таких предположений нет никаких оснований. Сталин просто-напросто повторял, даже в деталях, схему 1937–1938 годов, когда накануне «великой чистки» был почти заново обновлен руководящий состав личного секретариата вождя и его охраны. Сталин прекрасно понимал, что и Поскребышев, и Власик, и другие люди из личного окружения слишком многое знают о его истинных взаимоотношениях с будущими фигурантами процесса и даже невольно могут стать опасными. Да и

время подошло для очередной «смены караула». Она имела странную закономерность – десятилетний ритм. Пик репрессий приходился обычно на очередной революционный юбилей: 1937, 1947, а впереди страну ждал 1957 год. В 1953 году начинался очередной забег на новую вершину. Сталин вершил судьбы страны ритмично и планово. А вот Берия вряд ли был заинтересован в устранении хорошо ему знакомых в окружении Сталина людей и наверняка многим ему обязанных.

Так же как в 1938 году, но в больших масштабах и в несколько иной последовательности, в процесс вовлекалась целая группа врачей, причем главным образом лечивших его, Сталина. Многие из этих врачей выступали в 1938 году с обличительными статьями, хотя и были учениками казненных тогда профессоров. Пока это новое дело «убийц в белых халатах» разворачивалось на фоне борьбы с «космополитизмом», что придавало ему особо зловещий «сионистский» (то есть антисемитский) фон, здоровье Сталина между 1948 и 1953 годами было все в том же неустойчивом состоянии. Вопреки широко распространенному мнению, согласно которому Сталин в последние годы жизни якобы совсем не обращался к врачам, он по крайней мере шесть раз приглашал к себе медиков. Приглашал главным образом по поводу простуды, гриппа и вновь – понос, рвота, температура… Последний раз его осматривал врач в связи с заболеванием фарингитом в середине апреля 1952 года[171]. Были и еще вызовы врачей до 2 марта 1953 года, но документы, свидетельствующие об этом, не доступны, хотя информация о болезни проникла в зарубежную печать тогда же.

Конечно, вряд ли в эти годы его оставляла надежда на реальную помощь медицины, не только в достижении бессмертия, но и в способах продления жизни без ставших обычными мучений. Как выяснилось, он много болел всю жизнь и волей-неволей должен был привыкнуть к своим тяжелым хроническим недугам. Но и о скорой смерти он явно не задумывался, а готовил страну к очередной масштабной дыбе. Но наш мир устроен так, что всему приходит свой срок. Он умер в тот момент, когда подготовил очередную удавку своему рабски покорному, пресмыкающемуся советскому народу.

* * *

К умирающему Сталину вызвали лучших специалистов из тех, кто остался на свободе. И конечно, ни одного еврея. Вокруг последних часов жизни Сталина клубится множество различных легенд и домыслов. Для того чтобы всерьез все их рассмотреть, нужна специальная книга. Вот один пример. Соратники якобы сознательно оставили Сталина лежать почти сутки без врачебной помощи. Хрущев вполне разумно объяснил это тем, что вечером 1 марта, когда они по вызову охраны приехали первый раз на дачу, увидели лежащего на диване храпящего вождя, который к тому же перед этим обмочился, то решили, что он накануне «перебрал». Хрущев рассказал, что в ночь на 1 марта, провожая их после кино и длительного обеда, Сталин добродушно ткнул его в живот и назвал «Микитой». Это было явным признаком небольшого подпития вождя. А Хрущев эти нюансы научился различать с молодых лет. Поэтому причин для особых беспокойств не было, и, чтобы не ставить его в неловкое положение, они уехали. Через несколько часов их вызвали снова[172]. Совершенно очевидно, что никаких сознательных враждебных действий с их стороны не было, да и быть не могло. Тем более что Сталин в последние годы жизни особенно приблизил к себе Хрущева, о чем до конца жизни не мог забыть (и простить Сталину) Молотов. И эта благосклонность вождя имела особый, далекоидущий смысл. Совсем не случайно именно Хрущев после смерти Сталина занял высший партийный пост.

То же самое можно сказать о версии возможного отравления Сталина. На вакантные роли отравителей обычно выдвигают две фигуры: Берию (его людей в охране Сталина)[173] и таинственную еврейку, якобы родственницу Кагановича, как будто бы жену или давнюю любовницу Сталина, которая была у него в спальне в роковую ночь на 1 марта 1953 года. Почти наверняка все эти версии беспочвенны. Что касается Берии, то никакого влияния на обслугу и охрану Сталина он не имел и иметь не мог. Как не имели до него Менжинский, Ягода, Ежов. Начальник охраны и все службы всегда непосредственно подчинялись вождю. Тем более что Сталин во все времена, а в последние годы особенно, ко всем без исключения относился с крайним недоверием. И даже, как показывает эпизод с вином, рассказанный Микояном, держал под подозрением своего ближайшего подручного – Берию. А вот кремлевских врачей Берия

курировал. И оказать на них давление действительно мог. Особенно на фоне борьбы с «космополитизмом». «Дело врачей» 1953 года, судя по всему, тоже возникло совсем не на пустом месте.

Еще в начале 1952 года, видимо, изнуренный очередными приступами хронических болезней, Сталин вновь вызывает к себе одного из кремлевских медицинских светил – профессора В. Н. Виноградова. Осмотрев пациента, врач пришел к выводу, что организм Сталина полностью изношен. Он сделал категорическое заключение, что пациент должен совершенно отойти от дел и заниматься своим здоровьем. Говорят, что Сталин, выслушав Виноградова, пришел в бешенство и приказал Берии разобраться с ним. Он, видимо, опять заподозрил врачей-«космополитов» в попытке таким путем устранить его от власти. Виноградова арестовали, но не сразу. Через некоторое время после визита к вождю профессор почему-то решил поделиться в своей клинике с коллегами (не по наущению ли Берии?) о том, что у Сталина уже было несколько опасных гипертонических кризов. Вот тогда и арестовали. Так началось знаменитое «дело врачей», о ходе которого Сталин требовал регулярных докладов от Берии, которого, как позже считали некоторые соратники Сталина, он подозревал в причастности к интриге. Как уже говорилось, Берия курировал Кремлевскую больницу.

Как ни странно, версия о тайной, третьей жене Сталина имеет некоторые основания. Но только в том смысле, что она у него, возможно, была. Если же всерьез подозревать кого-то в преднамеренном устранении Сталина, то это помимо членов охраны и людей из обслуги могла быть только Валентина Истомина – «сестра-хозяйка», последние восемнадцать лет прислуживавшая за сталинским столом и разделявшая с ним постель. Почему-то никто не задавался вопросом: где она, офицер МГБ, была в ночь, когда со Сталиным случился удар? Все это вопросы, на которые вряд ли когда будет получен ответ. Но об отношениях Сталина с женщинами и о том, что для него значили любовь, женская привязанность, подробнее расскажем в одной из следующих глав.

* * *

Хрущев, который, как и Светлана Аллилуева, присутствовал при кончине Сталина, также рассказывал, что он в какой-то момент поднял вверх руку, но совсем не с угрозой, как это поняла дочь, а показал на висевшую над его головой репродукцию из журнала «Огонек», на которой была изображена девочка, кормящая из рожка козлика. Хрущев его понял так: вот и он, Сталин, сейчас такой же беспомощный, как этот козленок[174]. У Сталина была полностью парализована правая сторона тела, в том числе и правая часть лица, а его пытались напоить чем-то укрепляющим. Чтобы не подавился, вынули вставные зубы – так он одряхлел. А чтобы уничтожить запах мочи и освежить тело, обтирали ароматным уксусом. Но и от этого полутрупа исходил такой страх, что член консилиума профессор П. Е. Лукомский корчился, прикасаясь к его руке. Берия, по словам Хрущева, даже был вынужден прикрикнуть на него: «Вы врач, так берите как следует»[175].

Уже почти перед самым концом он вновь чуть не спровоцировал опаснейшую ситуацию для окружавших его ложе врачей. А. Л. Мясников (ученик казненного Д. Д. Плетнева) вспоминал: «Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью: эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило, – как его объяснить?

Для поддержки кровяного давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и в догадках. Дежурил от ЦК Н. А. Булганин. Я заметил, что он на нас посматривает подозрительно и, пожалуй, враждебно. Он блестел маршальскими звездами на погонах, лицо одутловато, клок волос вперед, бородка – немножко похож на какого-то царя Романова или, может, на генерала периода Русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: “Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?” Я ответил: “Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера, в связи с гипертонией и инсультом”. “Возможно? – передразнил он неприязненно. – А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, – прибавил он с оттенком угрозы, – а то у вас все сосудистые да сосудистые, а главное-то и про…” (Он явно хотел сказать – провороните или прошляпите, но спохватился и закончил: “Пропустите”.)»[176]

Вскрытие, которое провели на следующий день, подтвердило, что у Сталина был обширнейший инсульт головного мозга (зона разрушения в левом полушарии достигала 6×2,5 см), а кровавая рвота была результатом кровоизлияний в желудке. Может быть, это были отдаленные последствия перенесенного еще в молодости тифа?

Как известно, труп Сталина набальзамировали. Условия бальзамирования требовали, чтобы не разрушались многие органы и кровеносная система. Поэтому вскрытие было проведено не полностью. Через несколько месяцев законсервированный труп выставили в Мавзолее. Так на восемь лет, до 1961 года, ему было «продлено» земное пребывание. Затем, после XXI съезда, то, что осталось от труппа, зарыли у Кремлевской стены. Если бы сподвижники Сталина были действительно причастны к его смерти, то они должны были бы в тот момент полностью уничтожить труп и тем самым окончательно похоронить тайну смерти вождя, а не закапывать его в землю.

Никаких признаков «тайны» в смерти Сталина не прослеживается. Для того чтобы окончательно снять этот вопрос, достаточно будет провести эксгумацию останков вождя. И это рано или поздно придется сделать. Современные медицинские криминалистические методы позволили обнаружить наличие ртути в останках Ивана Грозного (она входила в состав лекарств того времени от сифилиса) и мышьяка в волосах Наполеона. Пока же все сталинские смертные «тайны» легко объясняются его болезнями. Это самая правдоподобная версия.

Если взглянуть на всю жизнь Сталина разом, с точки зрения религиозной морали, то можно сделать вывод – не случайно, что уже при жизни его грызли изнутри тяжелые душевные и физические недуги. Его последние мучительные дни и часы были последним земным наказанием. Похоже, что так думала и дочь. Вопрос только в том – достаточным ли наказанием? Но поверить в этот вывод почти невозможно. Сколько совершенно невинных людей, даже младенцев страдают гораздо более тяжкими и более мучительными недугами. Нет, подлинное наказание «государственному убийце» в чем-то другом.

* * *

Расставив первые ориентиры, нанеся первые штрихи портрета вождя, приступим к прорисовке более подробных и сложных деталей его душевного и интеллектуального мира. Обозначим теперь фон, без которого невозможна дальнейшая трактовка образа. В качестве фона изберем его библиотеку и архив.

Глава 3
Профиль на фоне библиотеки, архива и посмертной суеты

На фоне библиотеки

Если экземпляр книги не нов, то он говорит не только о том, что в книге написано автором. Она немало может сказать и о том, кто ее читал и что при этом думал, а иногда и что при этом делал. Дома у меня есть старинные старообрядческие книги из библиотеки бабки по матери. Их листы закапаны воском от свечей, зажигавшихся во время молитв и ночных бдений. На страницах масса помет, сделанных разными почерками за прошедшие три столетия. И отец, родом с Кавказа, чьи лучшие годы пришлись на эпоху сталинщины, всю жизнь собирал и вновь терял несколько прекрасных библиотек. В советскую эпоху единственным накоплением, за которое не преследовали, была библиотека.

За библиотеку же из недозволенных книг не только сажали, но и расстреливали. Инициатива в этом вопросе почти целиком принадлежала Сталину. Как в Древнем Китае или средневековой Европе за книгу могли заживо сжечь, так в стране победившего социализма только за хранение книги, принадлежавшей перу «врага народа» и других «идейных» врагов, стирали в лагерную пыль. В этом смысле не были в полной безопасности даже члены ЦК и даже члены Политбюро.

Возможно, после прихода Гитлера к власти, то есть после 1933 года, а скорее всего, накануне известных переговоров о мире и дружбе с фашистской Германией (1939 г.), была переведена и издана для членов советской правящей «элиты» книга фюрера «Моя борьба». Конечно, ее прочитал и Сталин и оставил на ней любопытные пометы. В фонде номинального главы государства М. И. Калинина также сохранился экземпляр этой книги. Хороший перевод, очень толковые и взвешенные

комментарии, отличная и по современным меркам полиграфия. Обложка светло-горчичного цвета с изящной черной свастикой в верхнем левом углу. Выходных данных нет, но не исключено, что ее отпечатали тогда же по-дружески в Германии. Калинин прочитал книгу всю, оставил несколько десятков значительных, сдержанных помет, обнаруживающих его неподдельный интерес. Но на первом листе книги написал: «Многосложно, бессодержательно… для мелких лавочников…» и т. д. Он написал то, что было принято в свете тогдашней советской пропаганды. Боялся «всесоюзный староста» и не читать (вождь приказал!) и читать так, как хотелось, – проверят и могут истолковать не так, а жена сидит в лагере[177].

Никто пока не подсчитал конкретно – сколько? Но за годы Советской власти, наверное, десятки тысяч наименований книг было сожжено, запрещено и содержалось в «спецхранах». Этот своеобразный «ГУЛАГ» для книг и вообще для любой «вредной» печатной продукции (добавим – и для архивов тоже) стал формироваться еще в правление Ленина по инициативе таких просвещенных личностей, как Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский… Но Сталин придал этому явлению особый размах, организованность и систематичность. Впрочем, как и всему тому, к чему он так или иначе был причастен. Помимо других головокружительных успехов, он сумел добиться того, что к середине 1930-х годов единственным свободным читателем в стране стал он сам. И этой свободой он пользовался с размахом и с большим толком.

Уже упоминавшийся молодой советский дипломат Александр Бармин, в 1930-х годах близко наблюдавший Сталина, поскольку был знаком с членами его семьи и окружения, а потому накануне войны ставший невозвращенцем, вспоминал об этих годах: «С каждой почтой из Москвы для руководства, секретарей партячейки и библиотекарей стали поступать списки книг, которые должны быть немедленно сожжены. Это были книги, в которых упоминались теоретики марксизма и другие публицисты, которые считались скомпрометированными прошедшим процессом. Поскольку практически перво-, второ– и третьеразрядные фигуры за последние пятнадцать лет уже были изобличены в какой-нибудь ереси, я с изумлением подумал, что у нас останется на полках библиотек! Достаточно было предисловия Бухарина, Радека или Преображенского

к любой классической работе – и она летела в печку! В таком темпе, – подумал я, – мы сожжем больше книг, чем нацисты, и определенно больше марксистской литературы. Что и случилось на самом деле. Огромное число книг было сожжено только потому, что их редактировал недавно изгнанный из страны известный советский библиофил Рязанов, основатель Института Маркса – Ленина. Первые издания сочинений Ленина, вышедшие под редакцией Каменева и содержащие положительные отзывы о сегодняшних “предателях”, были изъяты из обращения.

Сталин лично почистил и переиздал единственный том его “сочинений” – компиляция статей и речей – прежние издания были потихоньку изъяты из магазинов и библиотек»[178].

Бармин ошибается – Д. Б. Рязанова не высылали из СССР. Был сослан в Поволжье, а затем расстрелян. Не точен он и в отношении сочинений Сталина. До выхода в 1946 году первого тома собрания сочинений (при жизни Сталина вышло тринадцать томов и три тома подготовили к печати) он выпустил десятка два сборников и отдельных брошюр со статьями, докладами и текстами выступлений. Большинство из них с правками автора сохранилось. Сам Сталин наибольшее внимание уделял трем сборникам статей и речей: «На путях к Октябрю», который до 1932 года выдержал в разных вариантах три издания, а потом был изъят. И – не менее знаменитому, чем краткий курс «Истории ВКП(б)», сборнику работ «Вопросы ленинизма». С 1931 года, когда вышло первое издание, и до одиннадцатого в 1947 году сборник постоянно редактировался. Несколькими изданиями выходил сборник «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Все остальное в реплике Бармина чистая правда. Списки подлежащих изъятию книг составлялись вплоть до последнего дня существования СССР.

Сталин правил и изымал не только чужие книги, но и собственные произведения. Пришлось это делать потому, что в ранних изданиях он положительно оценивал, оправдывал и защищал одних против других своих недолгих союзников – Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова… Даже «вечного» врага Троцкого он в 1918 году как-то неосторожно высоко оценил за октябрь 1917 года. Когда же последний текстуально его уличил в предательстве идеи мировой революции и в переходе в

1924 году на позиции «национального социализма»[179], пришлось Сталину вычищать собственные издания и на этот счет.

Устраивая чистки в общественных и личных библиотеках вместе с их владельцами, вытравливая имена и факты со страниц книг, он тем не менее очень бережно относился к своей личной библиотеке. Книги всех репрессированных, причем не только деятелей первого ряда, но и их учеников и приверженцев, Сталин тщательно собирал, читал и хранил. Зачем? Как выяснилось, он был абсолютным прагматиком. В равной степени использовал и плюсы, и минусы. В процессе государственного строительства, широко расточая человеческий материал, в то же время старался рационально использовать его физические и интеллектуальные возможности. Бывшие большевистские вожди, лидеры и просто интеллектуалы мало годились в качестве обычной лагерной рабсилы. Но их интеллектуальная мощь по возможности использовалась Сталиным до последнего предела, как при жизни, так и в особенности накануне расстрела, и конечно же – после. Не случайно его самый старый и преданный соратник В. М. Молотов несколько раз возвращался в своих мыслях о прошлом к проблеме утилизации интеллекта врагов: «Сталин, в общем, умел использовать и троцкистов, и правых, но когда потребовалось, тут уж, конечно, полетели щепки… Но не использовать таких лиц – тоже неправильно. А вот до каких пор можно использовать, тут можно и ошибиться: либо слишком рано с ними разделаться, либо слишком поздно»[180]. Какой молодец Вячеслав Михайлович – в старости вытащил потайной ключик к пониманию феномена сталинизма! Точнее, к источнику его интеллектуальной силы. Похоже, что и сам Сталин бахвалился своей «хозяйственной» хваткой. Фейхтвангеру явно был подсказан такой пассаж: «Великий организатор Сталин… великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает… Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное»[181].

«Трогательный» гений Сталина (гений – без кавычек!) заключался в безошибочном определении того момента, когда враг становился бесполезным. Не опасным, а именно бесполезным. Потому что даже из

потенциально опасного врага он умел извлекать пользу. Например, Н. Бухарин и К. Радек, последние три-четыре года отстраненные от серьезных государственных дел, активнейшим образом работали в конкурсной комиссии по оценке новых школьных и вузовских учебников по мировой и российской истории. Образованные и талантливые люди, они сделали все, что могли, для усиления каркаса историософии сталинизма. Участвовали в литературном погроме «школы» М. Н. Покровского, а Бухарин корпел над «сталинской» конституцией. Радек блистал в коминтерновской журналистике. Многие, находясь под следствием в тюрьме, творчески сочиняли расстрельные показания на самих себя и даже (как Радек) писали сценарии судебных процессов над самими собой. А до этого и часто после умерщвления «двурушников и шпионов» (Сталин отлично чувствовал интонационную музыку русского языка, отсюда зловеще шипящие звуки двух его любимых словечек) штудировал их произведения с цветными карандашами в руках. Помимо уже упомянутых, вот перечень имен врагов и их пособников, чьи книги несут на себе следы его вдумчивой работы: Г. Сафаров, Э. Квиринг, Ф. Ксенофонтов, Г. Евдокимов, А. Бубнов, Ян Стен, И. Стуков, В. Сорин, С. Семковский и другие. В большинстве своем это публицистические работы по истории партии, замешенные на личных ощущениях. На некоторых из книг есть дарственные надписи авторов, так как почти все они поначалу были активными членами антитроцкистской кампании. На обложках и страницах других книг – комментарий самого Сталина. Заинтересованный и резко враждебный по отношению к Троцкому. Так на книжке Квиринга «Ленин, заговорщичество, Октябрь», вышедшей в разгар борьбы в 1924 году, начертал сам себе простым карандашиком: «*Сказать Молотову что Тр.* (Троцкий. – *Б. И.*) *налгал на Ильича на счет путей возстания*»[182]. Квиринг критиковал книгу Троцкого о Ленине. Но на некоторых книгах самого Троцкого есть пометы, свидетельствующие о полном единодушии с врагом.

* * *

Сталин был заядлым библиофилом. В дореволюционные годы, в период подполья, ссылок и бродяжьей жизни профессионального

революционера, у него было мало возможностей систематически читать, а главное, хранить книги. Но все, кто с ним встречался в этот период жизни, отмечают его постоянно растущую начитанность. В своих ранних работах, газетных и журнальных статьях, опубликованных на грузинском, а затем на русском языках, он цитирует не только марксистских классиков, но и зарубежных философов и историков довольно широкого спектра, правда, опубликованных на тех же двух доступных ему языках.

Из дореволюционных работ Сталина особенное внимание заслуживает довольно большое произведение, показывающее знакомство 25-лет него автора с основами марксистской доктрины, ее первоисточниками и умение работать с литературой в выбранном русле. В первую очередь это относится к публиковавшейся в Тифлисе на грузинском языке в 1906–1907 годах серии статей под общим названием «Анархизм или социализм?». Двенадцатью годами раньше признанный мэтр от марксизма Г. В. Плеханов опубликовал брошюру с похожим названием «Анархизм и социализм». В этих статьях Сталин Плеханова не упоминает, но он уже явно усвоил и его трактовку «оппортунизма» Бернштейна и так называемый «монистический» подход к истории природы и общества. Книги Плеханова вновь войдут в круг научных интересов Сталина в конце 1930-х годов. В 1938 году одновременно с кратким курсом «Истории ВКП(б)» будет переиздано одно из лучших произведений Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В библиотеке Сталина сохранился экземпляр этого издания с пометами.

В статьях Сталин обнаруживает знание некоторых трудов Маркса и Энгельса, цитирует Кропоткина, Бернштейна, Каутского, Виктора Консидерана (последователя Фурье), упоминает Прудона, Спенсера, Дарвина и Кювье, а также ссылается на книги французских историков и мемуаристов: Поля Луи «История социализма во Франции», А. Арну «Народная история Парижской коммуны», Лиссагарэ «История Парижской коммуны»[183]. Очень важный момент: в работе «Анархизм или социализм?» Сталин впервые формулирует свое понимание основ диалектики и исторического материализма. Почти через тридцать лет он вновь изложит свой взгляд на эти проблемы, которые будут вынуждены «усваивать» миллионы подданных. Это произойдет после 1938 года, когда выйдут в свет не только краткий курс «Истории

ВКП(б)», но и официальная биография Сталина, новые школьные и вузовские учебники по истории, в подготовке которых он примет самое непосредственное участие.

Список авторов, которых он упоминает, несколько настораживает. Скорее всего, первоисточники он читал только те, что были опубликованы на русском и грузинском языках. Недаром же молодой Сталин конкретно ссылается лишь на страницы книг русских переводов французских историков, Каутского и русскоязычного Кропоткина. К этому времени многие ключевые работы Маркса, Энгельса, Прудона и даже Эдуарда Бернштейна были переведены на русский язык. Многое было переведено и на грузинский язык. Вспомним, что грузины в социал-демократическом движении по численности занимали второе-третье места после русских и евреев, особенно в меньшевистском крыле. А это были высокообразованные люди.

Еще одна любопытная деталь – в этой работе юный Сталин, наверное, впервые приводит автобиографический факт. Как Маркс в «Капитале» рисует образ некоего портного для иллюстраций своих политэкономических изысканий, так и Сталин использует образ своего покойного отца-сапожника. Объясняя читателю, каким образом мелкобуржуазное сознание трансформируется в социалистическое, Сталин, не называя имени, на нескольких страницах описывает его судьбу: работал в крохотной собственной мастерской, но разорился. Пытаясь скопить денег для открытия нового дела, поступил на работу на обувную фабрику Адельханова в Тифлисе. Но скоро понял, что никаких перспектив для открытия собственного дела не имеет, в результате чего сознание Виссариона Ивановича Джугашвили (именно так, в русской транскрипции «Иванович» будет писаться в будущих биографиях вождя отчество родителя) из мелкобуржуазного трансформируется в пролетарское и наш добрейший сапожник «вскоре приобщается к социалистическим идеям…»[184]

Оставим на совести автора картину эволюции сознания отца, который, по слухам, был убит в пьяной драке. Важнее другое – уже в молодые годы Сталин усвоил и внушал другим: «…за изменением материального положения сапожника в конце концов последовало изменение его сознания». «Сознание» для него уже было прямо производно от материального положения человека. На этом постулате, вытекающем из притчи о сапожнике, будет вскоре основана вся

официальная философия жизни российского общества XX века. Несмотря на наивность иллюстрации, она верно передает главный постулат «материалистического понимания истории» и теоретической основы социализма.

Не обращаясь прямо к услугам психоаналитика, отметим, что использование образа покойного отца, который, как говорят, жестоко обращался при жизни и с ним, и с матерью, указывает, что Сталин, как всякий человек, рано оставшийся без родителя, идеализировал его, правда, в духе новой «материалистической» веры.

Через много-много лет, когда Сталину официально исполнилось уже 73 года и он стал седым, отяжелевшим, с хриплым дыханием, Министерство иностранных дел СССР переслало ему подарок. Польская женщина Я. Моравская написала письмо, а к посланию приложила книгу Э. Лиссагарэ «История Парижской коммуны» объемом более пятисот страниц, изданную в Санкт-Петербурге в очень далеком 1906 году[185]. Пакет пришел 11 января 1953 года. Жить ему оставалось чуть более полутора месяцев. Но и в эти дни, как вспоминают видевшие его, он был все еще активен и продолжал пусть не так, как прежде, но все еще много читать.

Накануне XIX съезда партии (1952 г.) он вызвал к себе на дачу подающего надежды молодого партийного функционера Д. Т. Шепилова. Позже Шепилов вспоминал: «…на столе лежала груда книг, журналов и газет. Сталин молча прохаживался около стола, затем вдруг повернулся, подошел довольно близко ко мне, посмотрел прямо в глаза и спросил: “Вы любите читать художественную литературу? Сколько в день можете прочитать страниц, никогда не считали?” Я опешил – никогда не ожидал такого вопроса. Сталин улыбнулся и сам ответил на поставленный вопрос: “Нам ежедневно приходится сталкиваться с самыми различными проблемами, и мы должны быть готовы правильно их решать. А чтобы правильно решать, надо много читать, в том числе художественную литературу. Вот, например, Владимир Ильич читал в день по 600 страниц и мне советовал. Я стараюсь читать четыреста, и вам советую. Наша работа этого настоятельно требует”»[186]. О такого рода похвальбе вождя, характерной для любознательных, но малообразованных людей, вспоминают многие. Другим он называл цифру в 500 страниц[187]. Ясно, что он хотел казаться и запомниться окружающим как человек с колоссальным интеллектуальным багажом.

Скорее всего, книга Лиссагарэ, это послание из молодости, не успело попасть к нему в руки, или он счел нужным оставить его без внимания, как всегда насторожившись, когда речь заходила о его дореволюционной биографии. Но как символична жизнь! У многих начало и конец жизни озарены одним и тем же светом. Но мы этого не осознаем.

* * *

Есть свидетельства, что Сталин понимал и мог изъясняться на армянском, азербайджанском и осетинском языках. Кроме русского, других европейских языков Сталин не знал. И видимо, очень из-за этого переживал. Пытался изучать немецкий, когда был за границей[188]. В ссылке в Туруханском крае брался за изучение только что изобретенного эсперанто. Предполагалось, что это язык будущего мирового Интернационала[189]. Симптоматично, что в годы своего правления он всех эсперантистов беспощадно преследовал. И не только из-за постигшей его неудачи. После войны он, как известно, вплотную занялся вопросами языкознания. Нам еще придется рассказывать о его специфических научных увлечениях. Но истинную цель сталинского языкознания обозначим уже сейчас. «Не зря Сталин занялся вопросами языкознания, – заметил Молотов. – Он считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, главным языком межнационального общения станет язык Пушкина и Ленина…»[190] Отметим, что речь идет не о мировой революции, а о победе «системы», вершиной которой должен был стать сталинский СССР. Личная неудача с освоением иностранных языков стала косвенным фактором глобальной державной политики.

До революции Сталин, видимо, самостоятельно пытался изучать английский. Ничего из всего этого не вышло. Еще в духовном училище, а затем в семинарии усвоил зачатки латыни, греческого и русского церковного языка. Последнее обстоятельство облегчило усвоение русского литературного языка, но сказалось на характере его стилистики. Следы неудовлетворенной тяги к иностранным языкам встречаются на страницах книг из его библиотек сплошь и рядом. Помет нет только на эсперанто. Красивым, ровным почерком писал на

полях известные латинские изречения, правда, не всегда относящиеся к смыслу читаемого. С удовольствием их отмечал, если встречались в тексте. Например, в работе Маркса «Критика Готской программы» обвел волнистой линией заключительную фразу: «Dixi et salvavi animan meam» («Сказал и спас душу»)[191]. Второе издание книги Г. Александрова «Философские предшественники марксизма» (1940 г.), обреченного им в 1947 году на погром и поругание, собственноручно изукрасил цитатами и комментариями к ним: «“Многознание не научает быть умным”. Гераклит. Т. е. учись, а не дилетантствуй впустую», «Марксизм – не догма, а руководство к действию. Ленин», «Свобода лежит по ту сторону материального производства (К. Маркс)». Переводил на немецкий или английский языки отдельные слова или имена собственные. И не всегда поймешь, знал ли он на самом деле, как они пишутся на родных языках, или, не жалея времени, специально рылся в справочниках? Например, все в той же книге Александрова (и не только в ней) под гравированным портретом Гольбаха воспроизвел русскую надпись по-английски: «Pol Henri Holbach»[192]. Судя по неточностям, написал так, как казалось правильным. Очень часто отмечал непонятные или редкие русские и иноязычные слова. В задумчивости он вообще любил черкать карандашом и ручкой. Часто машинально, но иногда, как выясняется, с глубоким подтекстом.

Сам он не переводил с европейских языков, а многие русские слова, заимствованные из других языков, требовали пояснений. Обращаться за помощью «выдающемуся» специалисту в области языкознания было, видимо, не желательно. Только на Ближней даче в Кунцеве в его библиотеке скопилось к концу жизни почти с десяток толковых словарей иностранных слов. Среди них два словаря иностранных слов дореволюционного издания Ф. Павленкова, «Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов» Н. Дубровского, вышедший в Москве в 1905 году 21-м изданием, два словаря, составленные Бурдоном и Михельсоном и изданные соответственно в 1899 и 1907 годах, и др.[193] Так что всю жизнь он не чурался черновой и подготовительной работы.

В молодости, в силу политической деятельности на Кавказе, он не только занимался организацией демонстраций, забастовок, стычек с полицией, ограблений банков для пополнения партийной кассы, но и

устной агитацией и пропагандой марксизма, а также обустройством типографий, изданием газет и листовок, распространением печатной продукции. В 1889–1901 годах небольшая комнатка при Тифлисской обсерватории, где он работал согласно его официальной биографии «вычислителем-наблюдателем»[194], а по мнению современных биографов – ночным сторожем, была превращена в склад нелегальной литературы[195]. Это, конечно, не библиотека, но привычка иметь под рукой книги, причем сразу несколько экземпляров одного наименования, сохранилась на всю жизнь. Наиболее значимые для него произведения он возил с собой, и их могло быть сразу два-три экземпляра. Все их он по нескольку раз перечитывал с карандашом в руке. Совершенно очевидно, что, даже если бы он захотел все же собрать значительную библиотеку, жизненные обстоятельства того времени не позволили бы этого сделать. И тем не менее ему удалось сохранить, вплоть до головокружительного взлета своей политической карьеры в 1922 году, несколько марксистских книжек и, возможно, некоторые брошюры Ленина, а главное, довольно полный комплект большевистского легального журнала «Просвещение» за 1911–1914 годы. Отдельные номера именно этого журнала он хранил всю жизнь в нескольких экземплярах. И это не случайно. В журнале публиковались все видные большевистские публицисты: Ленин, Зиновьев, Каменев, Покровский, Стеклов и другие. Публиковались еще неизвестные тогда русскому читателю произведения Маркса и Энгельса, Бебеля, Меринга, Каутского и даже идейных противников большевизма типа Павла Аксельрода и многих других. Скорее всего, этот журнал был главным источником для его политического самообразования на тот момент.

Официальная биография, которую он сам правил и дописывал, в вопросе о круге чтения молодого Сталина и его интеллектуальных упражнениях откровенно привирает. В ней утверждается, что еще в 1893–1898 годах, то есть между 15 и 19 годами жизни, «Сталин много и упорно работает над собой. Он изучает “Капитал” Маркса, “Манифест коммунистической партии” и другие работы Маркса и Энгельса, знакомится с произведениями Ленина, направленными против народничества, “легального марксизма” и “экономизма”. Уже тогда работы Ленина произвели глубокое впечатление на Сталина. “Я во что бы то ни стало должен увидеть его”, – сказал Сталин, прочтя работу Тулина (Ленина)…»[196]. Так сказано в последнем издании его

официальной биографии. Конечно же, она умалчивает о том, что в ссылке, у Полярного круга, когда умер один из сосланных товарищей (И. Ф. Дубровинский), Сталин, нарушая традиции, единолично завладел библиотекой покойного, чем вызвал негодование своих коллег. Они же, напротив, охотно делились с ним. Я. М. Свердлов дал ему обширную монографию француза А. Олара «Политическая история французской революции»[197]. Для новых поколений русских революционеров французская революция была если не образцом, то, уж во всяком случае, учебным «пособием». Для Сталина тоже. Но очень быстро в качестве пособия он использовал совсем другие стороны революции – уроки ее победоносных войн против всей Европы, феномен Наполеона (и Кромвеля), борьбу с «врагами народа», механизм организации массовых психозов. Без всякого сомнения, в революции его волновали ожесточенная борьба, гражданские и внешние войны, непримиримое противоборство. Поэтому революционная тема плавно перетекала в военную и наоборот.

В этом своеобразном ряду находится и книга Зиновьева «Война и кризис социализма» о национальных революциях и национальных войнах, о войнах освободительных и войнах наступательных, захватнических. То, что Сталин потом говорил и писал о войнах справедливых и не справедливых, во многом перекликается с мыслями Зиновьева. Сюда же нужно отнести курс лекций талантливейшего историка Н. Лукина (Н. Антонова), уничтоженного Сталиным в самом конце 1930-х годов, – «Из истории революционных армий», а также воспоминания Бисмарка и Людендорфа, военно-исторические монографии Г. Леера и А. Свечина. Даже изучая такие, казалось бы, специфические издания середины XIX века, как «Артиллерийский журнал», он в первую очередь обращал внимание на статьи по истории войн и истории оружия.

Псевдоним Тулин Ленин наиболее часто употреблял именно в публикациях тоненького партийного журнальчика «Просвещение». Да и первое знакомство со всеми этими уже политически громкими именами теоретиков революции и их произведениями – по большей части из того же источника. Но необходима поправка – человек «огромной теоретической мощи», как говорилось о Сталине в официальной биографии, чей профиль на транспарантах и плакатах наплывал на лики великих предшественников – Маркса, Энгельса, Ленина, так и не смог

освоить целиком в течение всей своей длинной жизни главную книгу марксизма – «Капитал». В библиотеке Сталина сохранилось несколько томов различных изданий этого фундаментального произведения, вышедших в СССР в 1920-х и 1930-х годах. Но, судя по пометам, есть веские основания полагать, что он так и не продвинулся в освоении этого труда далее нескольких, главным образом вводных и заключительных разделов. И в той же юношеской статье «Анархизм или социализм?» упоминается лишь «Послесловие» к «Капиталу». Теорию прибавочной стоимости он усваивал, что называется, из «вторых рук», из книг интерпретаторов марксизма, которые присутствуют там же.

Другие работы Маркса и Энгельса, усвоить которые было проще, он, по своему обыкновению, читал и перечитывал в течение своей генсековской жизни не один раз. Здесь и несколько изданий «Анти-Дюринга», и «Немецкая идеология», «Гражданская война во Франции», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», собрание так называемых «Исторических работ» Маркса и другие.

В журнале «Просвещение» в 1913 году было опубликовано и первое заметное произведение самого Сталина на русском языке – «Марксизм и национальный вопрос»[198]. Писал он ее в Вене в конце 1912 – начале 1913 года под наблюдением Ленина. Вопреки мнению Троцкого и многих, писавших о Сталине после XX съезда КПСС, Ленин всю жизнь (за исключением нескольких предсмертных месяцев) протежировал «чудесному грузину». Благодаря Ленину Сталин еще до революции сделал довольно успешную партийную карьеру: был кооптирован в состав ЦК, стал делегатом нескольких заграничных съездов партии, руководил вместе с другими видными деятелями РСДРП(б) центральными партийными изданиями, в том числе «Правдой». Наконец, именно благодаря Ленину Сталин занял высший административный пост в партии. Ленин явно любил и поощрял Сталина. Так, в момент работы Сталина над брошюрой «Марксизм и национальный вопрос» Ленин, преувеличивая, писал М. Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»[199].

* * *

Революция не принесла оседлости в его жизнь. Во время Гражданской войны, нередко выполняя роль доверенного лица Ленина, Сталин колесил по всей стране и фронтам, не имея постоянного пристанища. Даже в столице постоянная жилая комната появилась у него только в середине Гражданской войны. Но и в это время он находил возможность читать и собирать книги. Какие из сохранившихся изданий сталинских библиотек относятся к этому времени, сейчас установить трудно. На основании того, что есть в современных архивах и библиотеках, можно предположить, что он продолжал читать и собирать произведения Ленина, Маркса, Энгельса, Р. Люксембург, Каутского, а также других теоретиков и публицистов: Зиновьева, Троцкого, Бухарина, Богданова… Часть книг, относящихся к этому периоду, можно отделить от остальных произведений будущих врагов не только по году публикации, но и на основании той доброжелательной интонации, которая до сих пор сквозит через сохранившиеся на их страницах пометы. Реальный круг его интеллектуальных интересов, конечно же, был шире. Судя по выходившим в то время статьям самого Сталина, сюда входили и произведения видных деятелей европейской социал-демократии, а также публицистические и художественные произведения на русском языке.

Но, как народный комиссар по делам национальностей, отчетливых следов своей деятельности по национальному вопросу среди сохранившихся читанных им книг он не оставил. Однако из текстов докладов, которые Сталин делал на различных форумах как нарком, вытекает, что он вместе со своим немногочисленным аппаратом прорабатывал большую литературу по национальным проблемам.

Но постепенно, по мере того как Сталин превращался в могущественного Генерального секретаря ЦК РКП(б) и появившейся в связи с этим возможностью вести оседлую жизнь, он стал обрастать различными библиотеками. Да и положение обязывало. Мы как-то подзабыли, что в те годы, как никогда раньше, а тем более позже, политическая борьба в России была тесно связана с борьбой интеллектуальной. В этой борьбе оперировали отвлеченнейшими философскими идеями и понятиями, политэкономическими терминами, данными из мировой и российской истории. Журналистика и вообще литературная и научная работа были формой политической жизни

большевистских вождей, а не делом лакействующего партийного или государственного аппарата. Для многих большевистских лидеров знание отечественной и мировой литературной классики, поэзии и музыки было так же естественным, как знание нескольких европейских языков. Только Ленин был глух к художественной литературе и поэзии. Все вожди имели зачастую огромные личные библиотеки и архивы, основа которых была заложена еще в эмиграции. Чего, например, стоят дошедшие до нашего времени библиотеки Ленина или Троцкого? О книжных собраниях других вождей приходится судить по косвенным данным. Вместе с людьми в «расход» отправлялись и их личные библиотеки.

Все политические деятели первого ряда были людьми европейски образованными. Из них лишь Сталин так и остался недоучкой-семинаристом. Но он упорно, всю свою жизнь восполнял пробелы в образовании и культуре, не только находя время для учебы в официальных партийных заведениях, но и читая, читая, читая… И об этом можно судить не только на основании воспоминаний современников, часто вызывающих законные сомнения. Почти все воспоминания, написанные в СССР при его жизни, явно льстили, преувеличивали или, не желая того, выбалтывали «лишнее». Он терпеть не мог мемуаристов, особенно из близких родственников. Многих он посадил или уничтожил только за то, что они, как он выражался, «знали слишком много, – и болтали слишком много». Воспоминания о Сталине и эпохе, написанные за рубежом или после его смерти в России, чаще более взвешены, но и они не без вранья. Более надежные свидетели – книги его библиотек.

Совершенно достоверно – Ленин был для него главным теоретическим источником. Проистекало это не только потому, что он использовал Ленина, его партийную публицистику в качестве основного идеологического оружия в борьбе с различными оппозициями. С нажимом убеждая других и себя, что он по праву является его духовным наследником, Сталин вынужден был постоянно погружаться в ленинские тексты. Не все он безусловно принимал. Редко, но на страницах ленинских работ можно встретить критические замечания Сталина как в адрес Маркса, так и Энгельса. Но в целом ленинское наследие было для него источником, из которого он черпал целые блоки своих вечно меняющихся политически конъюнктурных

доктрин. Здесь, конечно, соблазнительно вновь сослаться на церковное воспитание с его библейской догматикой. Но методы церковного догматизма мало чем отличаются от принципов талмудизма, на котором в юности воспитывались его главные политические оппоненты. Ничем не отличался от Сталина в этом отношении Григорий Зиновьев, написавший в том же догматично-цитатническом духе книгу «Ленинизм» и издавший ее в 1926 году. Книга антитроцкистская, но Сталин использовал ее против самого Зиновьева. При случае жонглировали цитатами и гораздо более одаренные Каменев и Бухарин. Троцкий, которому в принципе такой стиль идейного существования претил, вынужден был прибегать к нему, обращаясь к авторитету Ленина.

Сталин всю кремлевскую жизнь собирал произведения Ленина. Получив власть, он разыскивал и собирал у себя как дореволюционные и прижизненные издания Ленина (в том числе редчайшие), так и их последующие переиздания. Как обычно, держа под рукой несколько экземпляров, читал и перечитывал с карандашом в руке: «Детскую болезнь “левизны” в коммунизме», «Что такое друзья народа…», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Две тактики», «Государство и революция», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм как новейший этап капитализма» и т. д. Все четыре издания собраний сочинений Ленина, причем в различных «заводах», читаны им не единожды. Правда, не на всех томах остались пометы, но те произведения, которые его чем-то волновали, испещрены вдоль и поперек.

* * *

В конце 1920-х – начале 1930-х годов у него было по крайней мере две библиотеки. Одна в Кремле, в рабочем кабинете, другая – на подмосковной даче, в Зубалове. На даче Сталин жил с 1919 по 1932 год. Там же находились не только семья, но и родственники по первому браку, а также родня второй жены Надежды Аллилуевой. До самоубийства жены самая большая библиотека была здесь, на даче. По свидетельству дочери, в ее комплектовании принимала участие и мать. Кроме родителей и детей, никто этих книг не касался, впрочем, как и

книг других собраний. Специального помещения для библиотеки не было. Она располагалась в обширной столовой. С. Аллилуева пишет: «Отец приходил обедать и, проходя мимо моей комнаты по коридору, еще в пальто, обычно громко звал – “Хозяйка!” Я бросала уроки и неслась к нему в столовую – большую комнату, где все стены были заставлены книжными шкафами и стоял огромный резной старинный буфет с маминими чашками, а над столиком со свежими журналами и газетами висел ее большой портрет…»[200]

Судьба этой библиотеки не совсем ясна. Хотя дача вскоре пришла в упадок, книги, кажется, никуда не вывозили до 1943 года, когда отец приказал закрыть дачу, на которой младший сын устраивал попойки. После смерти отца С. Аллилуева сообщала, что книги из дачи в Зубалове находятся в библиотеке кремлевской квартиры Сталина.

В первой половине 1930-х годов в Кремле у Сталина было две библиотеки. Одна в рабочем кабинете, самая старая, которая просуществовала до его смерти. Кабинет и библиотеку хорошо описал известный авиаконструктор А. Яковлев. Его воспоминания относятся к весне 1939 года. «Первое впечатление от кабинета Сталина врезалось в мою память на всю жизнь. Признаться, я был как-то разочарован, меня поразила его исключительная простота и скромность. Большая комната со сводчатым потолком выходила тремя окнами на кремлевский двор. Белые, гладкие стены снизу, в рост человека, облицованы светлой дубовой панелью. Справа, в углу, как войдешь, – витрина с посмертной маской Ленина. Налево – большие стоячие часы в футляре черного дерева с инкрустацией. Через весь кабинет постлана ковровая дорожка к письменному столу. Над письменным столом – портрет В. И. Ленина, выступающего с трибуны, работы художника Герасимова.

На письменном столе – книги и бумаги… За столом – кресло, слева от него столик с телефонами разного цвета, справа, в простенке между окнами – черный кожаный диван и стеклянный книжный шкаф. Я заметил некоторые книги: собрание сочинений Ленина, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Большая Советская Энциклопедия…

Из кабинета была раскрыта дверь в другую комнату, стены которой, как я заметил, сплошь увешаны географическими картами, а посередине стоял огромный глобус»[201]. Это была комната отдыха, куда

мало кто приглашался из посторонних. Похожие описания кабинета оставили Г. К. Жуков и В. М. Молотов.

Другая библиотека располагалась, как уже говорилось, в кремлевской квартире, которую оборудовали в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым. Когда-то это был просто коридор с отходившими от него, по словам дочери, унылыми комнатами. Предполагалось, что главный чиновник страны сможет попадать в эту квартиру прямо из своего кремлевского кабинета, который находился на втором этаже этого же здания. Но Сталин приходил на квартиру только обедать, а вечером уезжал на Ближнюю дачу. К моменту смерти Сталина эта библиотека насчитывала не менее 20 тысяч томов, которые находились в дубовых шкафах. Похоже, что Сталин сам был инициатором ее систематического комплектования. Летом 1926 года, видимо, предварительно хорошо продумав, он написал своим помощникам на двух узких полосках линованной бумаги:

«Мой совет (и просьба).

_____

1) Склассифицировать

==========

книги не по авторам,

==========

а по вопросам:

==========

а) философия;
б) психология;
в) социология;
г) политэкономия;
д) финансы;
е) промышленность;
ж) сельское хозяйство;
з) кооперация;
и) русская история;
к) история зарубежных стран;
л) дипломатия;
м) внешняя и внутр. торговля;
н) военное дело;
о) национ. вопрос;

п) съезды и конференции (а также резолюции), партийные, коминтерновские и иные (без декретов и кодексов законов);
р) положение рабочих;
с) положение крестьян;
т) комсомол (все, что имеется в отдельных изданиях о комсомоле);
у) история револ. в других странах;
==========ф) о 1905 годе;
х) о февральск. рев. 1917 г.;
ц) об октябрьск рев. 1917;
ч) о Ленине и ленинизме;
ш) История РКП…;
щ) о дискуссиях в РКП (статьи, брошюры etc);
(второй листок. – *Б. И.*):
==========
щ[1)] профсоюзы;
щ[2)] беллетристика;
щ[3)] художест. критика;
щ[4)] журналы политические;
щ[5)] журналы естественно-научные;
щ[6)] словари всякие;
щ[7)] мемуары.
==========
2) Из этой классифи-
==========
кации изъять книги:
==========
а) Ленина (отдельно)
б) Маркса (-)
в) Энгельса (-)
г) Каутского (-)
д) Плеханова (-)
е) Троцкого (-)
ж) Бухарина (-)
з) Зиновьева (-)
и) Каменева (-)
к) Лафарга (-)
л) Р. Люксембург (-)

м) Радека (-)
3) Все остальное склас-
_____
сифицировать по
_____
авторам (исключив
_____
из классификации и
отложив в сторону:
учебники всякие, мелкие
_____
журналы, антирелиги-
_____
озную макулатуру и т. п.)
29 V – 25 г.»[202].

Помимо того что этот список иллюстрирует широту интеллектуальных интересов вождя и его умение систематически мыслить, обращает на себя внимание особый интерес к персоналиям. Помимо основоположников марксизма, в этот список включены большевистские авторы первого ряда и деятели международного социал-демократического движения. Ленин – на первом месте. Похоже, что классификация отражает иерархию политических и интеллектуальных предпочтений вождя. Почти все авторы представлены в современном архиве-библиотеке Сталина книгами, несущими на себе его пометы. Нет помет только на книгах Лафарга. Но в его выступлениях и статьях 1920–1950-х годов ссылки на Лафарга встречаются часто.

В 1957 году библиотеку Сталина принимал на хранение Ю. Шарапов – заведующий библиотекой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Позже он вспоминал: «В Кремле бросился в глаза высокий шведский шкаф с выдвижными полками, весь набитый книгами и брошюрами с закладками. Это была эмигрантская, белогвардейская литература и сочинения оппозиционеров, тех, кого Сталин считал своими идейными противниками и просто врагами»[203]. Часть книжных шкафов из кремлевской библиотеки Сталина до сих пор стоит в одном из помещений «Российской государственной

общественно-политической библиотеки» (бывшей библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В более ранние годы в Кремле у Сталина были и другие жилища. Самую первую кремлевскую комнату он получил по личному распоряжению Ленина. Затем было у него жилище в здании, которое стояло на месте теперешнего Дворца съездов. Здесь он жил в одной квартире с Молотовым. В 1923 году было у него жилье и в двухэтажном, отдельно стоящем флигеле в Кремле[204]. Этот флигель и его обитателя описал А. Барбюс, не раз встречавшийся до своей смерти в 1935 году со Сталиным: «Поднимаемся по лестнице в квартиру, где на окнах висят льняные белые занавески. За этими тремя окнами живет Сталин.

Маленькая передняя. В глаза вам бросается большая солдатская шинель и фуражка, висящие на стене. Три комнаты и столовая. Обстановка скромна, как во второразрядном – приличном – отеле. Столовая – овальной формы. Обед подается из ресторана или приготовленный работницей. В капиталистических странах средней руки чиновник поморщился бы, увидя такую квартиру, и не удовлетворился бы таким меню. В одной из комнат играет маленький мальчик. Старший сын, Яшка, спит ночью в столовой, на диване, который превращается в постель. Младший сын спит в небольшой нише, вроде алькова, тоже выходящей в столовую.

Окончив обед, хозяин этой квартиры курит трубку, сидя в кресле, возле окна»[205]. Места для библиотеки в такой квартире было явно маловато.

После 1922 года специальный кабинет был у Сталина и в здании ЦК ВКП(б) на бывшей площади Ногина. Скорее всего, у него и там были книги, но об этом пока ничего не известно.

Ближняя дача в Кунцеве (Волынское) – это любимое жилье. До 1933 года на месте дачи был пустырь. Сначала на нем построили дом из дешевого и потому широко используемого фибролистового материала. Затем там же возвели одноэтажный кирпичный дом по проекту известного сталинского архитектора Мержанова. В этом доме проводились заседания с ближайшими соратниками, принимали иностранных гостей, устраивали банкеты. Здесь Сталин жил один. После войны, в 1948 году, дача была перестроена. Появился второй этаж, где никто никогда не жил и где располагался большой банкетный

зал. Сам хозяин всегда обитал внизу и чаще в одной комнате. «Она служила ему всем, – пишет С. Аллилуева. – На диване он спал (ему стелили там постель), на столике возле стояли телефоны, необходимые для работы, большой обеденный стол был завален бумагами, газетами, книгами. Здесь же, на краешке, ему накрывали поесть, если никого не было больше»[206]. Конечно же, была и отдельная спальня, где, как говорят, рядом с деревянной кроватью стоял большой книжный шкаф[207].

Кроме этих комнат, на первом этаже дачи был еще один банкетный зал с роялем, куда приглашали по ночам членов Политбюро, а также несколько детских комнат и бильярдная. Со временем хозяин приказал все детские комнаты объединить в одну, куда велел внести диван, постелить ковер и поставить стол, как в других жилых комнатах. Там же стоял еще один книжный шкаф.

В фойе первого этажа по всем стенам были развешаны карты. Работать с картами Сталин любил еще со времен Гражданской войны не меньше, чем с книгами. Молотов вспоминал: «…он очень карты любил географические, вот здесь Азия была, Европа, все карты. Здесь мы топтались подолгу… Как бы Северный Ледовитый океан, сибирские реки, богатства Сибири использовать – этим он очень интересовался, особенно устьем Оби… Как бы там построить порт…»[208] В архивном фонде Сталина сейчас собрано почти двести самых различных карт: военных, географических, политико-экономических, исторических, относящихся к различным частям света, территориям СССР, отдельным республикам и регионам. На большинстве из них есть пометы, сделанные рукой Сталина. И в книге, не важно, относилась ли она к современности или к глубокой древности, если в ней имелись карты, он обязательно что-нибудь отмечал цветными мягкими карандашами.

Во время войны, в 1941 году, точно так же, как Ближняя дача, было оборудовано для вождя жилище в Куйбышеве, куда предполагался переезд правительства после сдачи немцам столицы. Туда перевезли библиотеку из кремлевской квартиры, а Ближнюю дачу заминировали. Во время войны даже его бомбоубежище в Кремле было оборудовано по тому же принципу, что и дача. Был у него свой кабинет с книгами и картами в бомбоубежище Генерального штаба. Всю войну библиотека из кремлевской квартиры находилась в Куйбышеве.

К концу жизни Сталин был охвачен зудом перестройки своего старого жилища и строительством новых дач. На Ближней даче помимо перестройки старого дома он приказал возвести отдельный деревянный флигель-склад, наполовину врытый в землю. В нем были сооружены стеллажи из нестроганых сосновых досок, на которых и расположилась большая часть книг его библиотеки, насчитывавшей несколько тысяч томов. Видевший эту библиотеку Ю. П. Шарапов вспоминал: «Там находилась литература, которую он стал собирать еще в 20-е годы. В первую очередь это были книги по гражданской истории, истории войн, различные варианты уставов Красной армии, а также художественная литература»[209].

При демонстративной нетребовательности к бытовому комфорту, Сталин, как древнеримские императоры, обожал строить новые виллы. (Не случайно история императорского Рима его так сильно волновала.) У него было три дачи на Кавказе. Одна в Сочи, в районе серных источников Мацесты. Другая дача в Абхазии – высоко в горах по дороге на Гагру. По замыслу, она напоминала «Орлиное гнездо» Гитлера в Альпах. И еще один дом на берегу Черного моря в районе Зеленого мыса на территории огромного парка. Помимо дач на Кавказе была дача и в Крыму. Везде, судя по всему, Сталин обустраивал свои жилища по все той же привычной схеме с обязательными диванами, коврами, бильярдом, магнитолой (или другими музыкальными устройствами) и библиотекой. В отличие от книг, патефонные пластинки с итальянскими певцами, русскими оперными ариями, грузинскими, украинскими и русскими народными песнями, с записями любимого им Хора имени Пятницкого он заказывал не только в СССР, но и за границей[210]. Согласно описи имущества дачи, сделанной после смерти Сталина, в его коллекции было девяносто три грампластинки оперной музыки, восемь пластинок балетной музыки, пятьсот семь пластинок русских и украинских песен[211]. Прямо на пластинках Сталин писал: «хорошая», «очень хорошая», «плохая», «пустое», «дрянь», «не годится»[212]. Судьба пластинок из сталинских фонотек неизвестна. Возможно, они до сих пор находятся на бывшей даче вождя.

У Сталина был небольшой, но приятный и, возможно, поставленный еще в семинарии голос. Во время застолий он вместе с партийными товарищами особенно душевно исполнял русские народные и белогвардейские песни. Если бы Троцкий об этом узнал в

то время, когда начал писать биографию Сталина (конец 30-х годов), то он, без сомнения, обыграл бы это как прямое доказательство контрреволюционного перерождения сталинизма. Впрочем, Троцкий был человеком тонкого ума, а Молотов рассказал о песенных пристрастиях спустя почти три десятилетия после смерти вождя. Нечего и напоминать, что за исполнение белогвардейского песенного фольклора обычными смертными даже в очень узком кругу осуждение по статье – контрреволюционная агитация и пропаганда – было бы обеспечено. До конца жизни Сталин любил публично исполнять церковные распевы, разумеется, во время застолий.

В Подмосковье у него было еще несколько вилл. До того как в подмосковных Горках был организован музей Ленина, он, выселив оттуда Крупскую, на короткое время расположился сам. Под одну из дач была также приспособлена старинная барская усадьба «Липки» на двухсотом километре Дмитровского шоссе (Дальняя дача). Еще одна – новый дом, построенный перед войной в Семеновском (Средняя дача). И там оборудовалось все точно так же, как в Кунцеве.

Что случилось с содержимым этих дач и с книгами, сейчас установить трудно. На Кавказе обстановка сталинских усадеб стала растаскиваться в первый же год после смерти хозяина. Известно также, что сразу после смерти Сталина вся обстановка Ближней дачи, включая и библиотеку, была перевезена на склады МГБ по приказу Берии. Он был назначен членом комиссии по сохранению наследия вождя. Дом передали под детский санаторий. После расстрела Берии обстановка на Ближней даче была восстановлена со слов бывшей обслуги вождя. Предполагалось, что там будет мемориальный музей, который должен был открыться в сентябре 1953 года[213]. Музей был готов к открытию 13 февраля 1956 года. Думали, что первыми посетителями будут делегаты XX съезда партии, но по известным причинам, в связи с «разоблачением» на съезде культа личности, открытие музея не состоялось. Судьба музея решалась на самом высшем политическом и государственном уровне. В феврале того же года музей посетили Л. И. Брежнев и Е. А. Фурцева вместе с руководящими работниками ЦК. Походили, посмотрели и ничего не решили. Затем Н. С. Хрущев поручил разобраться с судьбой музея Д. Т. Шепилову. Музей-дача Шепилову понравилась, навеяла сентиментальные воспоминания о хозяине. Шепилов был умным и достаточно образованным человеком.

После посещения квартиры он поговорил с Хрущевым, и музей, передав в Управление делами ЦК, законсервировали.

Пока мы задержались в 1956 году, у нас есть возможность «пройтись» по комнатам дачи Сталина, незримо следуя за Шепиловым и директором музея А. Я. Казаковым, который был его гидом[214].

Открыв дверь, входим в обширный вестибюль. Перед нами вешалка. На ней висят личные вещи вождя: бекеша на лисьем меху, драповое коричневое пальто, армейское пальто на котиковом меху. Напомним, что командование Советской армии запрещало надевать военнослужащим под мундир или шинель утепляющие неуставные вещи. Генералиссимус сделал себе исключение, чтобы зимой не замерзать на трибуне Мавзолея. На вешалке висят меховая шапка-ушанка, фетровая коричневая шляпа и разного рода военные фуражки. Внизу стоят старые мягкие подшитые валенки, которые заменяли стареющему вождю теплые домашние тапочки. Напомним – весь вестибюль увешан географическими картами с пометами Сталина.

Проходим далее в дом. К концу жизни хозяина на первом этаже дома было пять комнат, а на втором – две для гостей. На первом этаже у Сталина было три обжитых помещения, по которым он постоянно перемещался, видимо в целях безопасности. С той же целью дом был оборудован специальными датчиками, которые сигнализировали охране о местонахождении хозяина. Если он рано возвращался из Кремля, то обычно работал до 5 часов утра, а затем спал до 11–12 часов дня, а иногда и позже. Все помещения в доме, включая стены и потолки, были отделаны ценными породами дерева, а мебель была тяжеловесного официально-имперского стиля.

В первом помещении, которое находилось направо от вестибюля, в самом конце коридора, первоначально были спальня и библиотека. В 1951 году Сталин приказал библиотеку убрать и сломать перегородку. Эта комната стала «резервной», но Сталин в ней не работал, хотя там поставили письменный стол, сервант, зеркальный гардероб красного дерева, в котором висели костюмы и опять любимые фуражки.

Вернемся в коридор и пройдем во второе помещение, где Сталин чаще всего работал, пил чай, обедал. В центре его стоит обеденный стол, а вокруг – шесть стульев, обитых голубым репсом. Стол завален газетами и книгами, которые Сталин просматривал по утрам. Теперь перейдем в малую столовую, где в дальнем левом углу жарко пылает

камин, в центре стоит обеденный стол, а справа – широкий диван. В малой столовой был еще один круглый стол, на котором стояли четыре телефонных аппарата. Слева – связь с МГБ, в центре – телефон ВЧ, справа кремлевская вертушка и отдельно – красный аппарат с двузначными номерами членов Политбюро. Это помещение наиболее обжито. Оно соединяется с закрытой восточной верандой, где Сталин работал летом и зимой. Там тоже стоит стол, на котором лежат книги и журналы.

Заглянем теперь в большой зал, который до 1948 года служил вождю рабочим кабинетом. В нем проводились заседания Политбюро, во время войны собирались члены ГКО. Здесь же он праздновал свое 70-летие и здесь же на большом «турецком» диване умер. На диване лежат два легких стеганых одеяла и три подушки, помнящие старческое сталинское тело. Директор музея обращает наше внимание на лежащую на специальной подставке гипсовую маску вождя, снятую 6 марта 1953 года скульптором Манизером. Здесь же стоят пять траурных венков от центральных организаций страны. На противоположной стене зала висят две вышитые шелком картины, подаренные китайской делегацией: изображения тигра и орла. Раньше в этом помещении висели портреты Горького, Маяковского, Шолохова, Бедного и других. Одно время висело в этой комнате и фото «Ленин и Сталин в Горках». Но в 1951–1952 годах Сталин приказал все это снять и повесить репродукцию с картины А. Яр-Кравченко «А. Горький читает 11 октября 1931 г. товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку “Девушка и смерть”». Ту самую сказку, по поводу которой Сталин написал на томике с произведениями писателя фразу, ставшую ныне сакраментальной: «Эта штука посильнее Фауста Гете». Образцом для этой картины послужила неудачная фотография, сделанная в тот же день. Но об этом подробнее расскажем в следующих главах. Другие репродукции с картин и фотографий, изображавших детей и животных, о которых вспоминали С. Аллилуева и Н. Хрущев, работники музея, видимо, не вернули на прежнее место. Здесь же стоял рояль знаменитой марки «Стэнвей», на котором музицировал А. Жданов. Но после его смерти рояль перенесли в спальную комнату. Вместо него поставили радиолу зарубежной марки «Виктор», и здесь же на столе лежали пластинки. Переходим в спальную, но ее директор музея описывает

стеснительно-скупо, привлекая внимание лишь к книжному шкафу, где находится небольшая часть дачной библиотеки вождя.

* * *

После XX съезда, с подачи тогдашнего главного партийного идеолога М. Суслова и министра культуры Е. Фурцевой, от сохранения мемориала Сталина окончательно отказались. Все, что было связано с именем Сталина и его эпохой, стало сознательно уничтожаться и скрываться.

Точно так же, как Сталин уничтожал подлинные свидетельства о своих великих революционных соратниках, уже его совсем не великие соратники принялись выскабливать память о нем самом. Не только сносились бесчисленные и безобразные гипсовые бюсты, бетонные, гранитные и мраморные монументы, вырубались талантливо сделанные флорентийские мозаики и золоченые смальты. Переименовывались бесчисленные колхозы, заводы, населенные пункты. Самое же главное – тщательно скрывались документы и другие источники, проливавшие свет на личность Сталина, на его духовный и интеллектуальный мир. Происходит это вплоть до нашего времени, то есть через почти пятьдесят лет после его смерти. Историк знает – для того чтобы общество изжило какое-нибудь тяжелое социальное явление, оно должно быть осмыслено обществом же с самых различных позиций и оценок. А для этого должен быть сдернут покров «тайны», и в первую очередь с архивов. Но кто слушает историка, а тем более в России и в особенности в XXI веке? Читатель должен учитывать, что в обобщенный образ российского историка намертво впаян образ и самого Сталина как главного идеолога философии истории России XX века. Именно поэтому сталинизм, пусть и в других обличьях, еще не умер. Как и бонапартизм во Франции, сталинизм в России полностью не умрет никогда. По последним сведениям, музей-дача Сталина в законсервированном виде все еще ждет своего часа.

* * *

Дочь Сталина Светлана Аллилуева, судя по ее воспоминаниям, любила в Сталине отца, но ненавидела в нем тирана. Ровно через два года, в день смерти – 5 марта 1955 года, видимо, понимая, что квартира и кабинет в Кремле не будут сохранены в неизменном виде, как не будет и музея на Ближней даче, она написала письмо члену Президиума ЦК КПСС Н. Булганину:

«Уважаемый Николай Александрович!

Разрешите обратиться к Вам с просьбой, которая заключается в следующем: на квартире моего отца в Кремле осталась большая библиотека. Ее начала собирать моя мать Н. С. Аллилуева, она пополнялась в предвоенные и послевоенные годы и насчитывает много сотен томов, главным образом, художественной и исторической литературы. Какова судьба этой библиотеки сейчас – я не знаю, так как уже давно не была на прежней квартире (весной 1953 года мне рекомендовали там не бывать и пропуск в Кремль отобрали).

Я бы очень просила Вас, если Правительство сочтет это возможным, передать мне часть этой библиотеки. Она колоссальна, в ней много книг, не интересующих меня, но если бы мне было разрешено отобрать самой часть книг, я была бы глубоко Вам благодарна. Меня интересуют книги по истории, а также русская и переводная беллетристика, библиотеку эту я хорошо знаю, так как всегда раньше ею пользовалась.

Светлана Аллилуева

5. III.1955»[215].

О письме было доложено Хрущеву, оно было разослано всем членам партийного ареопага и отправлено 10 марта без ответа в архив (Сталина!). Такова была практикуемая и ныне форма хамоватого отказа.

До 1956 года библиотека и на Ближней даче все еще находилась в неизменном виде. Но в феврале того года директор Государственной публичной библиотеки им. Ленина П. Богачев сделал немыслимый в сталинское время шаг. Он отправил письмо в ЦК КПСС с просьбой вернуть принадлежавшие ГБЛ книги, находящиеся «в библиотеке И. В. Сталина… взятые по абонементу в прошлые годы». При этом прилагался список на трех листах, содержавший 72 наименования[216]. К концу лета выяснилось, что на 62 книгах есть пометы Сталина. Поэтому было принято разумное решение: книги с пометами отправить

в ИМЛ, возместив их ГБЛ аналогичными экземплярами из библиотеки института. Помимо словарей, о которых говорилось выше, и нескольких курсов географии, в этом списке значились книги как древних, так и новых историков: Геродота, Ксенофонта, П. Виноградова, Р. Виппера, И. Бельяминова, Д. Иловайского, К. А. Иванова, Гереро, Н. Кареева, а главное – двенадцать томов «Истории государства Российского» Карамзина и второе издание шеститомной «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (СПб., 1896). Здесь же значились: «История русской армии и флота» (т. 5), «Очерки истории естествознания в отрывках и подлинных работах д-ра Ф. Даннемана» (СПб., 1897), «Мемуары князя Бисмарка» (Мысли и воспоминания) (СПб., 1899). И еще с десяток номеров «Вестника иностранной литературы» за 1894 год, «Литературные записки» за 1922 год, «Научное обозрение» за 1894 год, «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина» (Вып. 3. М., 1934) с материалами о Пушкине, П. В. Анненкове, И. С. Тургеневе и А. В. Сухово-Кобылине. Два дореволюционных выпуска книги А. Богданова «Краткий курс экономической науки», роман В. И. Крыжановской (Рочестер) «Паутина» (СПб., 1908), книга Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество» (Тбилиси, 1939, на грузинском языке) и др.

Позже, после XX съезда, часть книг из библиотек Сталина (в кремлевской квартире и на Ближней даче) были переданы в библиотеку Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Туда поступило только пять с половиной тысяч из более чем двадцати пяти тысяч томов. Это были книги со штампом библиотеки Сталина и его замечаниями на полях и подчеркиваниями в тексте. Затем те книги, на которых были обнаружены пометы (около четырехсот экземпляров), в 1963 году передали в Центральный партийный архив (ныне РГА СПИ). В библиотеке ИМЛ остались книги с дарственными надписями авторов и со штампами «Библиотека И. В. Сталина»[217]. Остальные книги без помет, надписей и штампов были переданы в различные публичные библиотеки, но главным образом в ГБЛ. Удивительное дело! Из шестидесяти двух книг, на которых, как доподлинно известно, были «подчеркивания отдельных предложений… которые по своему характеру являются выводом к вышесказанному» или имели сталинские «замечания на полях»[218], в РГА СПИ мне удалось обнаружить только одну. Это – «История русской армии и флота», т. 5,

1912 года издания. Библиотечный шифр ГБЛ на ее обложке и в списке, представленном Богачевым, совпадают. Куда исчезли остальные книги из этого списка, неизвестно. Особенно жаль, что мы не знаем сейчас, как Сталин воспринимал труды таких историков, как Карамзин и Соловьев. Будем надеяться, что они еще обнаружатся.

Помимо этих таинственно исчезнувших книг, уже сейчас известно, что некоторые экземпляры с пометами Сталина находятся в частных руках. В. Молотов показывал своему мемуаристу Ф. Чуеву книгу с пометами вождя. Известный наш историк и мыслитель М. Гефтер показывал Р. и Ж. Медведевым первый том собрания сочинений Бисмарка, подготовленный к изданию в 1940 году. Вводная статья была испещрена пометами Сталина[219]. Есть и другие свидетельства о нахождении в частных руках книг с его пометами. С уверенностью можно говорить о том, что значительное количество не изданных по разным причинам рукописей книг, киносценариев, книг, присланных на различные конкурсы с пометами, замечаниями и отзывами Сталина, находятся в настоящее время в государственных архивах, в фондах различных советских организаций и в особенности в личных фондах деятелей советской культуры и науки и ждут исследователя.

Значительную научную ценность представляют дошедшие до нас в неизменном виде знаменитые собрания книг по-разному знаменитых людей: библиотеки Вольтера, Дидро, Линкольна, Ленина и других. Книга веками может сохранять тепло (а иногда и грязь) прикасавшихся к ней рук и уж тем более – пометы и другие, часто неожиданные маргиналии. У книги, как и у всего того, к чему прикасалась рука человека, часто таинственная и особая жизнь. В то же время по недомыслию уникальные библиотеки раскассируются. То же произошло и со сталинскими библиотеками. Их раскассировали вопреки протестам специалистов. Хорошо еще, что сотрудники библиотеки ИМЛ сочли возможным составить общий каталог сохранившейся части библиотеки[220]. С этим предварительно составленным каталогом и с этой частью до сих пор не разобранной библиотеки Сталина я продолжаю работать.

На фоне архива и посмертной суеты

Некоторая часть книг (в том числе переводных в машинописном виде), художественных и партийных журналов с маргиналиями из сталинского кремлевского кабинета разделила судьбу личного архивного фонда вождя. Он до недавнего времени был сосредоточен в двух местах. Открытый для всех с развалом СССР и КПСС Центральный партийный архив (ныне РГА СПИ) хранит у себя фонд 558, где были соединены материалы, относящиеся к деятельности Сталина как главы партии и правительства, воспоминания и труды о нем, документы, относящиеся к членам семьи, приветствия в связи с юбилеями, материалы, связанные с его болезнью и смертью. Там же в качестве самостоятельного раздела сосредоточена и часть книг с пометами[221]. В бывшем Музее Октябрьской революции хранятся подарки вождю, в свое время составлявшие особые экспозиции. Но наиболее ценная часть архива (личный архив Сталин и его помощники стали собирать еще в 1922 году в кремлевском кабинете) находилась после его смерти сначала в так называемой «особой папке» Генерального секретаря ЦК КПСС, которая после 1991 года перевоплотилась в Архив Президента РФ. Только в 1999 году сталинский фонд из Архива Президента РФ вместе с книгами и журналами частично был передан в Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). По какому принципу отбирались дела и книги из Архива Президента, а главное, на каком основании часть из них там до сих пор находится и практически доступна лишь для «избранных», непонятно. Будучи президентом, Б. Н. Ельцин дважды отдавал распоряжение о передаче архива Сталина. Похоже, что его же собственная администрация эти распоряжения саботировала. В 1999 году из 1703 дел 300 остались засекречены. Это дела, касающиеся переговоров с фашистской Германией накануне войны, материалы «дела врачей», «Катыньское дело», «Корейская война» и другие. Доступная сейчас часть архива несет на себе и другие следы откровенных изъятий[222].

История архива Сталина еще в большей степени, чем история его библиотек, полна неясностей. В ночь с 4 на 5 марта 1953 года, когда Сталин еще дышал, на заседании Бюро Президиума ЦК было принято решение: «Поручить т.т. Маленкову Г. М., Берии Л. П., Хрущеву Н. С. принять меры к тому, чтобы документы и бумаги товарища Сталина, как действующие, так и архивные, были приведены в должный

порядок»[223]. Скрывалась ли за этой формулировкой обычная практика того времени, когда после смерти крупного деятеля его архив и квартира опечатывались и охранялись, а их дальнейшей судьбой занималась специальная правительственная комиссия, или же здесь бывшие соратники проявили особую заинтересованность и осторожность, сказать трудно. Делала ли что-нибудь комиссия реально, просматривала ли бумаги или только опечатала сейфы, столы и шкафы – неизвестно. В любом случае мера эта вполне логична и разумна, в том числе и с точки зрения бюрократической преемственности руководства. Впрочем, 5 марта уже для организации похорон была создана еще одна комиссия во главе с Хрущевым, но в ином, расширенном составе[224].

Как уже говорилось, все имущество Ближней дачи (включая документы и книги) было вывезено людьми из любимого ведомства Берии и по его распоряжению на вполне законных основаниях. И хотя на тот момент он давно не был министром госбезопасности (эту должность занимал С. Д. Игнатьев), он действовал как член правительственной комиссии и, без сомнения, с согласия двух других ее членов. Почти наверняка то же самое было проделано и с документами, хранившимися в кремлевском кабинете. Однако если вывоз имущества Ближней дачи не остался без внимания многих, в том числе и С. Аллилуевой, то вывоз документов из кремлевской квартиры, кабинета и других дач был «замечен» только в апреле того же года. Маленков, Берия, Хрущев лишь по должности, как члены правительства, возглавили комиссию. Естественно, что конкретную работу должны были выполнять приданные комиссии люди из Института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Когда в апреле они явились в Кремль, то выяснилось, что шкафы и сейфы с документами и деньгами (Сталин занимал с десяток оплачиваемых государственных должностей) пусты. После этого поползли слухи, обраставшие легендами, о якобы сознательном уничтожении части архива Сталина сначала Берией, а затем Хрущевым.

Особенно упорно говорят об исчезновении многочисленных конвертов, которые многие видели у Сталина на даче и на квартире. Такие конверты действительно были, но, скорее всего, в них содержались тексты официальных правительственных и партийных постановлений, которые Сталин обязан был подписывать согласно своим должностям. Как вспоминал Молотов, Сталин часто ленился

просматривать эти бумаги, и они скапливались в нераспечатанных конвертах у него сотнями до тех пор, пока кто-нибудь из приближенных членов правительства не обращал его внимания на тот или иной государственный акт. Тогда Сталин вытаскивал его из кучи бумаг, внимательно изучал и, если не имел вопросов, подписывал. Естественно, что после его смерти все эти конверты с документами были переданы в соответствующие учреждения.

До 1957 года никто ни тайно, ни явно не поднимал вопрос об уничтожении части архива Сталина. Не предъявлялись какие-либо обвинения и на суде по «делу Берии», хотя именно на него легко было бы свалить вину за исчезновение части архива вождя, если бы в этом возникла надобность у Хрущева и других. Между прочим, на суде шла речь и об архивах, но об архивах ЦК КП(б) Азербайджана, которые Берия тайно держал у себя в течение 20 лет[225]. Отметим: хранил, не уничтожил.

Берия сидел в бункере МВО, а руководителям комиссии по наследию, Маленкову и Хрущеву, Президиум ЦК поручил 18 сентября 1953 года сделать «сообщение о материалах архива Иосифа Виссарионовича Сталина на заседании Президиума ЦК КПСС 3 декабря 1953 г.»[226]. Неизвестно, чем занималась комиссия до конца апреля 1955 года. Скорее всего, ничем, но 28-го числа на очередном заседании Президиума ЦК было решено вновь пересмотреть состав комиссии и включить в нее помимо Хрущева (председатель) и Маленкова новых членов: Булганина, Кагановича, Молотова, Поспелова и Суслова[227]. Вполне очевидно, что кого-то из членов Президиума проблема архива особенно волновала. Это был Молотов.

Комиссия в том составе, как она была сформирована весной 1955 года, ни разу не собиралась. Молотов спустя много лет вспоминал, что в 1957 году, когда его изгоняли из партийных и государственных органов на пленуме ЦК, он пытался предъявить претензии Хрущеву. «– Орали, орали. Я говорил не о нем, но о его руководстве специально, теперь не вспомнить все, что было сказано до этого, в том числе и насчет того, что в 1953 году назначена комиссия по архиву Сталина, председатель – Хрущев, я – член комиссии. Сейчас (1970 г. – *Б. И.*) с 1957 года ни разу не собирались мы, члены комиссии, Микоян там был, еще кто-то. Архив Сталина нам, комиссии, поручен. Вот видите, как ведет себя Хрущев», – возмущался Молотов[228]. Память его кое в чем

подвела – до 1955 года он в комиссию не входил, не значился в ней и Микоян.

Почему Молотова спустя десятилетия волновала судьба архива Сталина? Почему до сих пор подогреваются слухи о чистках, проводившихся в нем? Причин таких три, и они очень традиционны для посмертной судьбы диктаторов. Во-первых, это проблема наследника, а значит, возможного завещания, во-вторых – проблема компромата на ближайших соратников, в-третьих – «тайна» смерти.

Завещания почти наверняка не было, так как существовал не доведенный до конца «проект» Сталина «коллективного руководства» страной. Я уже упоминал о том, что и Ленин в начале своей болезни пытался организовать такое «коллективное» руководство под своим протекторатом. Сталин в конце жизни тоже пытался решить похожую задачу. Отсюда и реорганизация Политбюро после XIX съезда, расширение Президиума ЦК за счет малозначимых фигур, который по типу ленинского «Рабкрина» должен был присматривать за Бюро Президиума ЦК. Главное же – это оттеснение Молотова как наиболее вероятной кандидатуры на роль нового верховного вождя. И даже в этом Сталин шел по стопам Ленина, который лично инициировал оттеснение Троцкого с тех же позиций. Но еще древние говорили, что подобное рождает подобное. Через несколько месяцев после смерти Сталина (как и после смерти Ленина) от коллективного руководства осталась лишь словесная шелуха. Позже еще одну и столь же неудачную попытку заменить себя незаменимого многоголовым органом предпринял в Югославии И. Тито. А вот Дэн Сяопину в коммунистическом Китае идея личного «протектората» удалась. Так что и древняя мудрость оказывается не абсолютной. Лишний раз подтверждается – человек в сфере человеческого может сделать все, были бы талант и воля.

То, что Сталин постоянно собирал у себя в личном архиве компрометирующие материалы на руководящие кадры, не подлежит никому сомнению. И прямых и косвенных свидетельств на этот счет более чем достаточно. Да иначе и быть не могло. На доносе и компромате держалась вся сталинская система власти. Знали об этом и все люди ближнего круга. О ничтожном содержании этого «компромата» говорят те глупейшие, но зловещие пассажи, которые Сталин позволял себе по отношению к Ворошилову, Молотову,

Микояну, а еще раньше – обвинения в адрес Вознесенского, Кузнецова и других. Конечно, дело было не в реальном наличии или в достоверности этого компромата, а в желании вождя дать ход очередному «делу». Поскольку ничего действительно порочащего на членов «ближнего круга», включая Берию, Хрущева, Ворошилова или Молотова, не было (за исключением интимных сексуальных дел), то вряд ли кто-нибудь из них испытывал какие-либо страхи и стремился непременно сразу же после смерти Сталина эти материалы найти и уничтожить. Другое дело – документы, свидетельствовавшие о причастности к массовым репрессиям и убийствам. Но и они, как теперь выяснилось, прекрасно сохранились. Тот, кто знает принципы действия советско-российской государственной администрации, тот согласится со мной, что рано или поздно на каком-нибудь из ее бесчисленных этажей все тайные материалы обязательно найдутся.

* * *

До начала перестройки о судьбе сталинского архива в открытой печати сведений не было. Затем появились биографии Сталина, написанные Дмитрием Волкогоновым и Эдвардом Радзинским, с широким использованием материалов Президентского архива, где внезапно «обнаружился» фонд Сталина. Люди, считавшие себя оплотами борьбы за демократию, просто интеллигентами, ни разу даже не поставили вопрос о сомнительности самой системы «избранных» и «доверенных». Если учесть, что генерал Волкогонов после августовских событий 1991 года в течение нескольких лет возглавлял комиссию Верховного совета РФ по передаче архивов КПСС и КГБ СССР в государственные архивы РФ, одной из задач которой было открытие этих самых архивов для науки и общественности, то его позиция в отношении Архива Президента и фонда Сталина мне до сих пор остается непонятна и чужда. Работая в этой комиссии, я близко наблюдал, как легко генерал лавировал между различными мнениями.

Несмотря на то что часть архива Сталина оставалась «засекреченной», на страницах журнала «Источник», издаваемого при поддержке Администрации Президента РФ, опубликовано много интереснейших документов из сталинского и других фондов.

Совершенно очевидно, что дело здесь не в защите государственных интересов, а в корыстной монополии группы чиновников на государственную информацию. По тем же причинам там до сих пор застряла часть книг сталинской библиотеки. Под предлогом засекреченности книги застряли, скорее всего, в так называемой «Коллекции». А между тем еще в начале 1990-х годов в своей монографии Волкогонов процитировал некоторые страницы гитлеровской «Майн кампф», отмеченные карандашом Сталина, и упомянул перевод книги Конрада Гейдена «История национал-социализма в Германии», вышедшей в Цюрихе в 1934 году. Книга Гейдена – одно из самых ранних и ярких описаний становления национал-социализма в Германии – была издана в 1935 году отделом пропаганды ВКП(б). Недавно она частично была переиздана в России. Эти и другие книги по истории и практике национал-социализма, проштудированные Сталиным, как и многое другое, пока скрывают в государственных архивах.

Неизвестно, что происходило со сталинским архивом в годы правления Хрущева. Правда, появлялись глухие обвинения его в том, что фонд Сталина был «почищен», как и другие архивы страны, на предмет уничтожения следов деятельности самого Хрущева в годы репрессий. Однако доказательств чистки именно сталинского архива пока нет.

В марте 1966 года американский журнал «Лайф» опубликовал фотоснимок документа «Особого отдела Департамента полиции» царской России о Сталине[229]. Там же, в США в 1967 году, Стэндфордский университет опубликовал на русском языке три книги, как бы 14, 15 и 16-й тома собрания сочинений Сталина. Такие тома действительно были подготовлены ИМЛ, но не успели выйти в печать до смерти вождя. Сейчас они находятся в его архиве[230]. Американские исследователи на свой страх и риск выбрали из советских официальных изданий тексты сталинских выступлений и другие опубликованные документы и издали их как «продолжение» собрания сочинений. Уже говорилось, что при жизни Сталина в свет вышло только тринадцать томов, охватывающих довоенный период. В 1997 году в России изданы так называемые 15-й и 16-й тома сочинений Сталина под редакцией Р. Косолапова[231]. Но это фальсифицированная версия макетов подлинных 14-го и 16-го томов сочинений, содержащих материалы

военного и послевоенного времени. Давно пора в целях науки издать недостающие тома и другие сталинские писания и речения. Подготовленный ИМЛ 14-й том включал произведения 1934–1940 годов, в 15-й и в последний, 16-й том вошли работы военного и послевоенного времени. Фальшивкой оказался и документ «Особого отдела Департамента полиции».

Сейчас стало известно, что научно-техническая обработка архива Сталина была осуществлена только в 1977–1978 годах. И тогда же была проведена пересистематизация документов фонда, выделены комплексы, как считали работники, архива ЦК КПСС, не имевшие прямого отношения к работе аппарата ЦК. Сама постановка этого вопроса порочна. Известно, что Сталин был всем – и партийным, и государственным, и военным, и дипломатическим, и научным, и т. д., и т. п. деятелем. Если следовать этой логике, весь фонд Сталина надо было раскассировать полностью.

Специалисты из архива ЦК, нарушая так называемый «принцип недробимости архивного фонда», передали в другие хранилища дела губернских жандармских управлений за 1873–1915 годы, дела Юго-Западного фронта за 1918–1920 годы, документы Секретариата НК РКИ за 1918–1922 годы и Секретариата Наркомнаца за 1920–1923 годы. Тогда же были переданы в Партархив ИМЛ по распоряжению К. У. Черненко дореволюционные и печатные издания, такие как «Искра», «Брдзола», «Листок борьбы пролетариата», подшивки газет «Правда», «Рабочий и солдат», «Рабочий путь» и другие. Всего – 29 наименований печатных изданий, в которых Сталин так или иначе принимал участие. Я убежден, что на многих из этих документов остались сталинские пометы, что делает их особо ценными. В результате опрометчивых действий партийных функционеров и архивистов вряд ли удастся установить точно, какие из печатных изданий принадлежали лично Сталину и с какого времени, а какие из них он получил уже в советское время и из каких источников.

Тогда же был передан в ГПБ (бывшую Ленинку) роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», издания 1837 года. Издание, конечно, редкое, прижизненное. Но и не единичное. Сталин любил поэзию всю жизнь. Сам писал в юности хорошие стихи, которые публиковал великий грузинский поэт Илья Чавчавадзе. Они даже вошли в грузинский учебник «Родной язык», изданный в 1912 году[232]. Позже

Сталин оказывал протекцию многим поэтам (как и большинство других большевистских вождей «ленинского» набора) и немало их загубил, понимая силу поэтической речи, умноженную на сатиру и сарказм.

Почему Сталин держал у себя под рукой документы наркоматов, которые он возглавлял, и периодические издания, в которых сотрудничал, понять можно, если учесть, что он сам принимал участие в работе по написанию собственной официальной биографии и изданию сборников и собраний сочинений. Наверняка мелькала мысль и о будущем мемориале. Уже во время 70-летнего юбилея настойчиво предлагалось открыть музей Сталина[233]. А вот как он использовал материалы жандармских управлений – понять сложнее. Скорее всего, это был источник поиска опытных «специалистов» или же источник шантажа своих бывших и настоящих соратников, а может быть, он лично занимался поиском и уничтожением компрометирующего его материала? Возможно, все вместе. Еще до революции в партийных кругах циркулировали слухи о его провокаторской деятельности, о связях с полицией. Вполне естественно, что в годы борьбы с оппозициями эти слухи усилились и время от времени до сих пор оживают на страницах различных изданий. Особенно упорно эту версию разрабатывают Э. Радзинский и Ф. Волков[234]. Но ни ими, ни другими ничего доказательного обнаружено не было и, скорее всего, не будет.

Во вновь поступившей в РГА СПИ в 1999 году части архива Сталина, наряду с разнообразной документацией, характеризующей партийную, государственную и военную деятельность, содержится также его обширнейшая переписка, биографические материалы, фотографии и фотоснимки, материалы членов семьи, прижизненные публикации о самом Сталине. Но нас в первую очередь интересуют документы, дающие представление не о работе Сталина-бюрократа, хитроумного интригана, организатора террора, политических процессов и идеологических кампаний, военного и дипломатического деятеля, то есть опять-таки бюрократа, пусть и в специфических областях, а источники, характеризующие его внутреннюю духовную и интеллектуальную деятельность. Для этого мы войдем не только в архив, но и в его круг чтения. Войдем через все это в систему его истинных (то есть потаенных) интересов, взглядов и мнений и

сопоставим их с официально провозглашенными догмами и установками, предназначенными для всеобщего усвоения.

Войдем, читая его глазами книги, журналы и некоторые документы, следя за движением его непропорционально крупной кисти руки, заламывающей «на память» сразу несколько страниц книги, как радушный кавказец за праздничным столом заламывает угол вкуснейшего лаваша. Наблюдая жесткую хватку пальцев, зажавших граненый толстоватый цветной карандаш и подчеркивающих слово за словом целые абзацы, а часто и страницу за страницей целые главы. Наконец, расшифровывая его замечания, написанные на полях, на отдельных листочках или поперек всей страницы: учебника, научного исследования, романа или журнальной статьи, посвященных древней и новой мировой истории, истории России, истории партии, истории философии, истории войн и военного дела, проблемам языкознания, полит экономии, преподавания истории в школе или проблемам биологии, литературы, драматургии, дипломатии и т. д. Всего и не перечислить. На протяжении всей своей жизни он с бесстрашием дилетанта и безнаказанностью диктатора вторгался практически во все сферы духовной и интеллектуальной жизни общества, принуждая его усваивать собственную систему взглядов, предрассудки, фобии. Впрочем, мы уже давно начали проникать в истинную картину мира вождя – через все эти источники. Последуем далее.

* * *

В кремлевский период своей жизни Сталин был человеком аккуратным и чистоплотным. Но в жизни случается всякое. На некоторых сохранившихся книгах есть следы от случайно пролитого чая или от горячего подстаканника. В задумчивости чистил трубку – на страницах желтые никотиновые пятна, а между ними пепел от осыпавшейся папиросы. Я, наверное, последний, кто на такие мелочи обратил внимание. Соприкасаешься с ушедшей жизнью и видишь ее частицы. Как пепел.

Помимо того что он по-хозяйски писал, подчеркивал и загибал страницы, не задумываясь над тем, принадлежит ли книга ему лично или получена из публичной библиотеки по абонементу, он делал еще

сотни бумажных закладок. Чаще всего полоски резались из розоватой или белой писчей бумаги, но иногда, как и всякий много читающий человек, он использовал то, что было под рукой, – оторванный угол газеты или листок перекидного календаря. Благодаря этим случайностям, можно установить конкретную дату, когда он размышлял над той или иной страницей. К сожалению, и здесь сталкиваешься с неудачным внедрением в ткань прошлого руки архивиста. Наводя «порядок», кто-то распрямлял загнутые углы страниц, желая облегчить труд исследователя, вставлял свои закладки в местах, где есть сталинский текст. Пока и то и другое еще можно отличить. Но лет через пять-десять все разгладится и одинаково выцветет.

Сталинские библиотеки пополнялись не совсем обычными способами. Главным из них была система заказов, которые через секретарей или даже охранников[235] он направлял в различные библиотеки, причем как в государственные публичные, так и в партийные и ведомственные. Многое он получал прямо из издательств или от авторов в подарок. Все книги фиксировались в специальных годовых реестрах, которые хранятся ныне в РГА СПИ. Многие книги из библиотек возвращались, но не все. Восемьдесят процентов книг, где есть пометы Сталина, а иногда развернутые рукописные вставки, вопросы и комментарии, – это книги из публичных и специальных библиотек. В свою очередь, они пополнялись из самых разных источников. Поэтому многие книги несут отпечаток судьбы не только самой книги, но и владельца. Вот только один штрих, точнее – кровавая царапина.

Л. Б. Каменев был человеком, не лишенным не только публицистического, но и литературного таланта. К 1932 году, будучи битым-перебитым оппозиционером и уже предчувствуя могильный холод, он публично заявил о своем уходе из большой политики и погрузился в давно задуманный научный труд о Н. Г. Чернышевском. Можно только удивляться этим людям, сохранявшим способность думать и трудиться в то время, когда вокруг рушится ими же установленный мир. В мае 1933 года Каменев сдал свою книгу в печать. В том же году она вышла в свет тиражом сорок тысяч экземпляров, в «Серии биографий. Жизнь замечательных людей. Выпуск XIII». Тринадцать – число, как известно, несчастливое. Каменев был арестован и больше до расстрела на свободу не вышел. Успел ли автор

подержать экземпляр своей книги в руках – сейчас неизвестно. Но Сталин эту книгу затребовал и получил, видимо, авторский экземпляр. Доставили ее вождю прямиком из «Книгохранилища УСОГУГБ Н.К.В.Д.», штамп которого до сих пор красуется на обложке[236]. Видимо, в других хранилищах книги было уже не найти. Не исключено, что этот экземпляр попал в НКВД вместе с автором и его библиотекой. Во всяком случае, архивы Каменева и Зиновьева были изъяты тогда же[237].

С именем Каменева связано еще и так называемое «Кремлевское дело». Мне кажется, правильнее было бы его назвать по аналогии с «делом врачей» – «делом библиотекарей». На июньском (1935 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был заслушан доклад секретаря ЦК Н. И. Ежова «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище А. Енукидзе». Ежов заявил, что при попустительстве Енукидзе Каменев организовал на территории Кремля целую сеть террористических групп с целью убить Сталина. Люди, попавшие в число «заговорщиков», были главным образом близкими и дальними родственниками видных и менее известных оппозиционеров и многие библиотекари кремлевских и московских библиотек. Помимо самого Каменева, его родного брата (иллюстратора книг), бывшей жены брата – работницы правительственной библиотеки в Кремле, еще двух родственников и младшего сына Л. Троцкого – Сергея, были осуждены на различные сроки заключения с десяток других работников той же правительственной библиотеки, а также библиотеки ЦИК СССР, библиотеки Комакадемии, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, библиотеки Всесоюзной академии легкой индустрии. Всего 18 человек[238]. Сталин периодически убирал и работников своих библиотек, раздражаясь навязываемой ими систематизацией его книг. Он сам предпочитал расставлять их так, как это было ему удобней и привычней. При этом не последнюю роль играло, видимо, и его особо доверительное отношение к книге.

И все же мы ведем речь не столько о книге, сколько о читателе и о человеке, много писавшем. О человеке, чье имя, спустя почти пятьдесят лет после его смерти, вызывает в любом, живущем на территории того, что когда-то называлось СССР, чувство тревожного замешательства. Это чувство сродни чувству религиозного человека, когда он ощущает присутствие не только Бога, но и дьявола.

На фоне семейных и соседских пристрастий

Как известно, «книга – лучший подарок». Может быть, Сталин был автором столь навязчиво популярного лозунга советской эпохи? Не знаю. Но особое отношение к книге выразилось, в частности, в том, что когда он что-то дарил своим близким или уважаемым людям (на то короткое время, пока он их «уважал»), то это была книга. Чаще всего книга, написанная им самим. В РГА СПИ, где была собрана большая часть книг с автографами и пометами из разных библиотек вождя, есть с десяток изданий, подаренных им в разное время разным людям, иногда с дарственными надписями, а иногда и с чем-то особенным. Эти книги не остались у адресатов, а были возвращены или прежними владельцами, или стараниями людей бериевского ведомства, или так и не были вручены по каким-то особым соображениям хозяина. Чаще всего подарки были многозначительны, а иногда и не без элемента дидактики и нравоучения.

В 1922–1924 годах, в то самое благословенное для него время, когда он был назначен на высший административный пост в партии, а вторая молоденькая жена Надежда Аллилуева родила ему второго, явно желанного сына Василия, он сделал несколько подарков и одновременно сам же их получил. Жене он преподнес томик с произведениями Ленина. Ближайший его друг и прилежный исполнитель замыслов Молотов подарил ему свое сочинение «Ленин и партия за время революции», нацарапав марким почерком на титуле: «Дорогому товарищу Сталину. На память о совместной работе 16/IV В. Молотов. 1924 г.». А прославленный пролетарский поэт Демьян Бедный, живший по-соседски со Сталиным в Кремле в огромной и, как говорили, роскошно обставленной квартире, подарил в 1922 году давно разыскиваемые генсеком «Протоколы Объединенного съезда Российской социалистической рабочей партии». Поэт написал на подарке, приуроченном ко дню рождения соседа: «Сталину – Д. Бедный с крепкой любовью. 22/XII 22. Москва. Кремль»[239]. Любовь, по сталинским меркам, действительно будет достаточно долгой, хотя и претерпит различные эволюции. Во всяком случае, почти до самой смерти Сталина на его Ближней даче висел портрет Бедного. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда в 1925 году Сталин издал свой первый, довольно слабый сборник статей «На путях к Октябрю»,

выбранных из различных дореволюционных изданий, он по-кавказски сделал «алаверды» – ответный дар поэту, на котором тонким пером красиво написал: «Дорогому другу Демьяну от автора. 20/I-25»[240]. Кажется, это пока единственное документальное свидетельство того, что Сталин, находясь на подъеме к личной диктатуре, кого-то искренне назвал своим другом. Но душевный порыв, очевидно, был задавлен в зародыше. Книга так никогда и не попала по назначению, а автор спустя какое-то время густо затушевал посвящение красными чернилами. Но прочитать посвящение все же можно.

Обычай дарить близким людям подарки так же естествен, как и обычай отмечать семейные даты. Таким был подарок старшему сыну Якову. На обложке книги Б. Андреева «Завоевание природы», выпущенной Государственным издательством в 1927 году, написано карандашом удивительно четким, твердым и без всякого преувеличения красивым почерком: «Яша! Прочти-ка эту книжку обязательно. И. Ст.»[241]. Книга была подарена, скорее всего, к двадцатилетию сына, в 1928 году. Под подписью полукруглая, режущая черта, тем же карандашом. Если вспомнить сложные отношения отца и старшего сына, о чем много и с горечью пишет его любимица – дочь Светлана, то становится понятной эта колючая, понукающая частица «ка». Других помет в книге нет, а это странно. Почти все прочитанное Сталиным исчерчено цветными карандашами и ручками, в полном смысле этого слова, вдоль и поперек. Только в описи имущества Ближней дачи значится 127 столь любимых им мягких карандашей. Поскольку я видел большую часть того, что сегодня сохранилось от библиотек Сталина, я уверен – книга Андреева, вышедшая в популярной серии «Книжная полка рабочего», была Сталиным внимательнейшим образом просмотрена до конца. Чем же она его могла привлечь? Не только тем, что просто и очень грамотно давала сведения не очень подготовленному читателю из истории физики, воздухоплавания, радио, антропологии, истории техники, энергетики и т. д. Все это, без сомнения, было интересно для человека, который не успел получить элементарных технических знаний даже в рамках обычной школы. Правда, в духовном училище, а затем в семинарии преподавали арифметику и математику, которые он, по словам дочери, любил. Но технических знаний у него не было вообще. Поэтому он напитывался знаниями везде, где можно. Любой источник, даже, казалось бы, самый

примитивный, был для него приемлем. В этом отношении он не был каким-то особым исключением. Первая половина XX века с ее страшными социальными потрясениями и войнами породила во всех странах развитого мира огромный слой недоучек, дилетантов, но часто не глупых и даже чрезвычайно талантливых людей. Это были очень разные люди, достаточно сказать, что такой замечательный поэт и публицист, как Илья Эренбург, формально не имел даже законченного среднего образования. Довольно скромное образование имел и величайший гений XX века А. Эйнштейн. По свидетельству одного из лучших биографов Гитлера, В. Мазера, будущий фюрер Германии был очень начитанным человеком, хотя дальше гимназии не продвинулся[242]. Лишь во время войны, под влиянием вполне естественной пропаганды, сложилась легенда о тупом невежестве вождей Третьего рейха и других проигравших стран. Такое же и совершенно несправедливое мнение стало господствовать и после смерти Сталина. А оно не имеет под собой никаких оснований. Гораздо страшнее то, что все эти фюреры, дуче и вожди, будучи неглупыми людьми, усвоившими пусть и поверхностно, но обширные знания, были начисто лишены всяких моральных и этических устоев. Может быть, как раз гипертрофированный интеллект выжрал у них человеческую душу? Ту самую божественную душу, которой, насмехаясь, страшился Сталин. Но не забудем, что величайшая книга говорит о дьяволе как о много знающем и даже мудром враге человечества. Недаром же дьявол решился помериться силами с Творцом.

Живой ум, не угасающая, а, наоборот, возрастающая с каждым годом, несмотря на многочисленные болезни, любознательность, явное удовольствие, которое он получал от жизни как победитель всех своих реальных и мнимых врагов, безграничность открывающихся политических и жизненных перспектив порождали новый прилив уверенности в своих гениальных способностях. Знания Сталина становились все более обширными и универсальными. Здесь начинал срабатывать эффект лидерства, вождизма.

Интеллектуальный и духовный миры человека никогда не совпадают. В то же время они удивительно пластичны, никогда не бывают неизменны. На протяжении жизни их объем и накал могут резко возрастать и расширяться и столь же резко сокращаться и даже

падать. Наследственные способности, генетика – это лишь предпосылки. Если они есть, в дальнейшем многое определяют среда и собственная воля человека. Способности у Сталина явно были. Став, благодаря своему политическому таланту, единственным вождем, сверхдиктатором, он сознательно, а чаще интуитивно действовал сразу в двух направлениях – постоянно повышал свой интеллектуальный уровень и, используя механизмы репрессий, резко снижал его во всех сферах общественной жизни. В первую очередь это затронуло правящую и интеллектуальную элиты.

Когда начались первые грандиозные стройки в Москве, он давал архитекторам указания и принимал нередко, казалось, фантастичные, а на самом деле грамотные решения. По свидетельству Альберта Шпеера, талантливого фашистского архитектора и руководителя военной промышленности Германии, Гитлер в период сближения с Москвой, как юноша, обижался на Сталина, считая, что тот подворовывает его архитектурные идеи[243]. Очень может быть, что так оно и было. Но не забудем, что первые планы реконструкции Москвы и монументальные проекты начали осуществляться тогда, когда Гитлер еще только-только дотягивался до власти в Германии.

Без личного сталинского одобрения не принимался ни один проект станции метро. Сталин принимал решения и по проектированию водных каналов, железных дорог и гидроплотин, решения о выпуске тех или иных видов вооружения, издания книг и учебников, строительстве новейших заводов и т. д. И это были не формальные решения, многие из которых принимает любой глава государства. Талантливейшие конструкторы в своих воспоминаниях в один голос отмечают, что он поражал своих собеседников тонким пониманием конструктивных особенностей тех или иных машин.

В годы Второй мировой войны Сталин, так же как и Гитлер, принял на себя верховное командование. Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский и другие военачальники, которым не было смысла врать после смерти и развенчания диктатора, в один голос отмечали умение Сталина быстро учиться. Хорошо известно, что именно он принимал все стратегические решения в ходе войны.

Поэтому в «Краткой биографии» Сталин с соавторами вправе был о себе написать: «Круг вопросов, занимающих внимание Сталина, необъятен: сложнейшие вопросы теории марксизма-ленинизма – и

школьные учебники для детей; проблемы внешней политики Советского Союза – и повседневная забота о благоустройстве пролетарской столицы; создание Великого северного морского пути – и осушение болот Колхиды; проблемы развития советской литературы и искусства – и редактирование устава колхозной жизни, и, наконец, решение сложнейших вопросов теории и практики военного искусства»[244]. Отметим, что не только разработка теории марксизма и успехи в войне вошли в список важнейших деяний вождя, но, что для нас особенно примечательно, – работа над школьными учебниками. А учебники эти были по истории.

Но никто из тех, с кем он близко сталкивался, не обмолвился о том, какие именно оригинальные предложения внес Сталин по военным планам или по строительству, как обогатил философскую и историческую концепции и т. д. Да, он обладал способностью точно оценить чужую мысль. Но творческой потенции в нем не было. Даже его известные «научные» работы по национальному вопросу, по политэкономии и языкознанию ничтожны по своей базе и выводам. Достаточно сказать, что в основе его изысканий по языкознанию лежат несколько статей из одного тома БСЭ, посвященных яфетической концепции Н. Марра, двух небольших отдельных работ академика и нескольких цитат из классиков марксизма.

Не способный к подлинному творчеству, он, не подозревая того, был одним из первых экзистенциалистов-практиков. Никто иной, а именно Сталин сделал открытие, что если поставить человека, особенно талантливого, на грань жизни и смерти, он сможет совершать творческие и трудовые подвиги. И сотни тысяч творцов прошли через бериевские «шарашки», лагеря, тюрьмы, «чистки» и действительно создали советскую, а точнее, сталинскую науку, технику и даже культуру. В годы сталинщины практически все население СССР было поставлено на грань. Отсюда бешеные темпы строительства «социализма» и даже успехи в войне.

Если в гуманитарных науках Сталин, без сомнения, считал себя глубоким знатоком и даже гением, технические и точные науки были ему менее близки и понятны. Во всяком случае, среди книг с пометами Сталина почти нет изданий по точным наукам. С известной натяжкой сюда можно отнести несколько книг по артиллерийскому вооружению европейских стран и технический обзор военно-морских сил

предвоенной Японии. Книга Андреева исключение. Судя по всему, в руки ему она попала не случайно. Его, без сомнения, особенно заинтересовали две проблемы – это социальная роль машины (нового «раба» по терминологии автора) в капиталистическом и новом социалистическом обществах и… детектор лжи. Ознакомившись с принципом его действия, он, конечно же, понял, что для него он не нужен, даже вреден. Именно в эти годы его любимым обвинением, выдвигаемым против «врагов народа», было обвинение в неискренности, фальшивой лести, обмане. Что касается лести, то она и сейчас видна невооруженным глазом, если прочитать стенограммы выступлений на съездах партии Каменева и особенно Зиновьева, да и других видных деятелей разных групп оппозиций. Как и во все времена, лесть вымогалась страхом. Но обмана не было – уже не было борьбы за лидерство и никогда не было предательства национальных интересов, шпионажа и другой страшной чепухи. Может быть, Сталин поверил в действенность детектора лжи и поэтому отверг его. У него могло быть выбито из рук самое любимое «политическое» оружие – собственные признания жертв, а точнее, самооговоры, сделанные под влиянием пыток, избиений, запугивания. До конца советской эпохи детектор лжи, впервые изобретенный в России, оставался запрещенным орудием дознания и был предметом публичных насмешек.

* * *

Сталин был очень любознательным человеком и хотел видеть ту же любознательность в своих детях. В книге Б. Андреева нет его столь обычных помет, комментариев и подчеркиваний не только потому, что это подарок, а потому, что это еще 1928 год. Он уже достиг вершины власти, но на этой вершине он хотя и господствует, но пока еще не полностью освоился со своим одиночеством. В то же время для нелюбимого 20-летнего сына он в 1928 году был, конечно, отцом, но уже Сталиным. Много ли найдется людей, которые бы подписывали свои обращения к чадам и домочадцам официальным росчерком и к тому же псевдонимом?

Отношение ко второму, младшему сыну было иное, хотя и здесь он подписался так же. На переводе военно-фантастической книги

немецкого аса майора Гельдерса «Воздушная война 1936 года», изданной Государственным военным издательством в 1932 году, все так же размашисто и наискосок пером начертал: «Ваське Красному от И. Сталина. На память. 24/III 34 г. Москва»[245]. Отец явно подталкивал сына, которому исполнилось 12 лет, к карьере военного летчика, возлагая большие надежды на очень динамичного (в отличие от старшего) младшего сына. Василий станет летчиком, но утешением стареющему отцу никогда не будет. А пока грубоватое «Ваське» и «На память» звучат вполне по-человечески, по-отцовски тепло.

Шесть лет спустя, когда отец превратит в кровавое месиво не только то, что тогда называлось «оппозициями», но и их вождей, когда репрессированных станут считать не на сотни тысяч, а на миллионы, и он будет искать среди известных исторических персонажей себе подобного, но не сможет его найти, Сталин сделает еще два подарка своим младшим детям. И на этот раз подарки со «смыслом».

В 1938 году после многолетних усилий целого коллектива авторов, можно даже сказать всего пропагандистского аппарата партии, после многочисленных редактур, в том числе и самого Сталина, вышла в свет воистину всемирно известная работа «История ВКП(б). Краткий курс». Сталин так сжился с ее текстом, так его отточил на свой лад, что убедил себя, что он может претендовать на авторство. Других «убедить» было легче. Поэтому в официальной «Биографии» так и указано: «В 1938 году вышла в свет книга “История ВКП(б). Краткий курс”, написанная товарищем Сталиным и одобренная комиссией ЦК ВКП(б)»[246]. Первые ее издания вышли большими тиражами и несколькими заводами. Разумеется, самым простым и дешевым было массовое издание в картонном переплете. Но одновременно «Краткий курс» издали и в более дорогих переплетах и большими, чем обычно, форматами. В архиве Сталина сохранились как первые, так и промежуточные варианты, а также те экземпляры «Краткого курса», которые вышли в свет. Особое, возможно, подарочное издание вышло в парчовом темно-малиновом переплете (царский цвет!), отпечатанное на дорогой мелованной бумаге, красивым крупным шрифтом. Не знаю, были ли еще другие подобные экземпляры, а если были, то кому они достались, но на первом листе «малинового» издания, что хранится в архиве, размашисто написано любимым красным, очень мягким карандашом: «Васе от Сталина».

Конечно, подарок есть подарок, и дело дарителя, как оформить его своему сыну. Но обратим внимание на то, что эта специфическая книга была подарена 18-летнему юноше с примитивно-дидактическим смыслом. Многочисленные свидетели отмечают, что Сталин был человеком в высшей степени скрытным. Даже очень близкие к нему люди никогда не были допущены к его душевным движениям, а тем более к сомнениям и колебаниям. И его вторая жена Надежда, которую, как утверждают все их знавшие, он, без сомнения, любил, не была допущена к его глубинным политическим замыслам. Совсем не пользовались доверием его родственники. Не доверял даже детям, когда те подросли. И Валеньке Истоминой, то ли внебрачной жене, то ли официальной наложнице, которая появляется у него после Надежды Аллилуевой, никаких своих серьезных помыслов и размышлений не доверял. Но книге он доверял многое, может быть, справедливо полагая, что вряд ли кто посмеет ее открыть без ведома хозяина. И пока он был жив, мир жил по его законам.

Если он действительно был одинок, особенно после смерти жены и уничтожения не только всех своих бывших товарищей, но и самых близких людей, то, видимо, книга в какой-то степени заменяла ему друзей и поверенных. Почти ни в одном из изданий, а их только в РГА СПИ на сегодняшний день не менее 500, не так уж много есть такого, что говорило бы о его нарочитости или о том, что он заранее рисуется перед будущими потомками и исследователями его жизни. Нет, он действительно работал с книгой, часто искренно жил тем, что там находил. Но в подарке Василию содержится отчетливое желание показать сыну, как надо читать и ценить при этом «творчество» отца, как «положено» работать с книгой. Малиновый экземпляр «Краткого курса» весь разлинован разноцветными мягкими карандашами, как бы под линейку, разрисован различными и тоже разноцветными стрелками и кружками: красный, фиолетовый, синий, зеленый, простой и сиреневый карандаши. Здесь представлен весь тот спектр цветов, которым он обычно пользовался, прочитывая, как он сам утверждал, несколько сот страниц в день. В этом издании нет только следов чернил и так называемого химического карандаша. В других случаях он часто пользовался и этим, в том числе и перьевой ручкой. Вопреки расхожему мнению, цвет карандаша не играл особой роли и не придавал пометам какую-то особую значимость. Точнее – различными карандашами

Сталин пользовался не столько для того, чтобы что-то резче выделить, сколько для того, чтобы не запутаться самому. Он был трудолюбивым чтецом, и, как уже говорилось, у него была редкая привычка читать особо значимые книги несколько раз. Похоже, что цвет карандаша позволял ему сразу видеть, в какой из очередных заходов он размышляет над текстом и что ему думалось раньше.

В подарке сыну все несколько иначе, особенно в первых главах. Красным карандашом он подчеркнул все, что относится к Ленину и большевикам, сиреневым (черным он пользовался редко) текст, характеризующий Мартова, меньшевиков и вообще всяческих оппозиционеров, то есть врагов. Вот как это выглядит в одном из абзацев: «Формулировка Ленина говорила, что членом партии может быть всякий, кто признает программу партии, поддерживает партию в материальном отношении и состоит членом одной из ее организаций», – подчеркнуто красным карандашом. А следующая фраза: «Формулировка же Мартова, считая признание программы и материальную поддержку партии необходимыми условиями членства в партии, не считала, однако, участие в одной из организаций партии условием членства в партии…» – сиреневым карандашом[247]. Напрашивается мысль, лежащая на поверхности: похоже, он с детства делил весь мир на две несоединимые половины, как в Евангелии. Видимо, и сыну хотел внушить этими цветовыми сигнатурами «правильное» прочтение и толкование этого воистину сакрального текста. Забегая вперед, отметим, что «Краткий курс» был создан из исторической пустоты, из одной лишь мысленной конструкции. Но благодаря особой силе «автора» эта пустота, эта дикая конструкция способна была творить полнокровную (буквально!) историческую реальность. Основы конструкции «Краткого курса» до сих пор громоздятся в умах тех, кто жил и учился на территории СССР, и даже тех, кто учится сейчас в России и во многих странах СНГ. Но эта тема требует особого и более подробного разговора.

В том же 1938 году он подарил, возможно, такой же сигнальный экземпляр «Краткого курса» и 12-летней дочери Светлане. Надписал и его, велел прочитать. У дочери не хватило на это терпения, так ей было скучно. Отец разъярился – он хотел, чтобы она стала историком, еще лучше – историком партии[248]. Повзрослев, С. Аллилуева действительно закончила исторический факультет.

* * *

Перед нами в 1938 году уже не отец, а Вождь и Учитель, даже для дочери, даже для младшего сына. Он хотел оставить Василию и своим потомкам в назидание пример того, как именно Вождь работал с книгой. Как должно эту книгу понимать, как «отделить в ней главное от второстепенного» (любимое выражение кремлевского философа!). Отец народов, гениальный Вождь и Учитель, легендарно бдящий по ночам в своем кремлевском кабинете и думающий обо всем человечестве сразу, не поленился расчертить подарок Василию – книгу в триста страниц до самого конца, постепенно теряя представление о смысле задуманного. Чрезвычайно занятый государственный муж, видимо, затратил не один час своего драгоценного времени, разрисовывая различными карандашами текст, обводя кружками даты, которые, как он считал, надо сыну запомнить (так он делал всегда и для себя). Выделял тем же красным карандашом номера пунктов в выводах. Такие номера он особенно любил ставить как в своих рукописях и книгах, так и в опубликованных текстах других авторов. Эта любовь к пунктам придавала его речам и письму особую дидактическую убедительность, а мыслям, даже самым плоским, осязаемую весомость.

В этом странноватом рисовании видно и другое. Он заранее как бы предвосхищал «академические» издания своих произведений. К этому времени он терпеливо проработал много похожих печатных изданий – подготовительных и черновых трудов Ленина, Маркса и Энгельса. В них графическим образом передавались различного рода рукописные пометы на полях или в самом тексте книг и рукописей. И вот профессиональный редактор дал полную волю своему неодолимому пристрастию. Его привычка выправлять, редактировать и корректировать написанное и напечатанное была так же органична, как стремление к безраздельному господству, к интеллектуальному первенству или к «учительству». В сущности, и его политическая карьера началась как карьера редактора. Редактируя различные большевистские издания на Кавказе и в Центральной России, в частности и «Правду» в 1917 году, он с легкостью включился в работу Секретариата и Оргбюро ЦК после назначения на пост Генерального секретаря. Ведь Ленин и единогласно его поддержавшие члены Политбюро справедливо полагали, что Сталин как Генеральный

секретарь партии возьмет на себя всю бумажную, бюрократическую, организаторскую работу в партии. А эта работа, по существу, редакторская, так как связана с подготовкой различных партийных документов, циркуляров, с перепиской и т. п. Этим они надеялись развязать себе руки для революционной, теоретической и «вождистской» работы. Преследовались и другие, чисто политические цели.

Ленин при слабеющем здоровье предполагал, что Сталин станет его доверенным лицом, будет вроде местоблюстителя при своенравном партийном ареопаге. Троцкого он первоначально устраивал, так как тот видел в Сталине преходящую фигуру на период болезни Ленина. Противников Троцкого – Каменева, Зиновьева, Бухарина и других – устраивали в Сталине его нелюбовь к Троцкому и готовность вместе с ними оттеснить партийного «чужака» с первых позиций. Отсюда постоянные разговоры о «коллективном руководстве». Они особенно усилились после смерти Ленина. (Как позже после смерти Сталина.) Но в действительности никто этого не хотел. Как известно, все просчитались. И не в последнюю очередь потому, что Сталин искренно любил «бумажную» работу, постоянно совершенствуя и стягивая на себя все нити всеобъемлющего партийно-государственного аппарата. Постепенно он стал превращаться в «человека-государство».

«Человек-государство» или «творец»

«Человек-государство» – явление уникальное в истории. Многие сильные личности ставили перед собой цель добиться абсолютного личного господства, а значит, абсолютной личной свободы от общества. Но практически никому, даже самым известным диктаторам, этого не удавалось. Все они так или иначе были ставленниками каких-нибудь сил: военных, политических, клерикальных, либо бюрократии, капитала, олигархии или охлократии и т. д. В этих случаях правитель олицетворял какую-либо из сил или целую группу сил, действуя в той или иной степени в их интересах. Но «человек-государство» создает такую политическую систему, при которой ему подчинены не только базовые институты общества. Воле одного человека подчинена вся материальная, духовная и культурная сферы, им полностью порабощен государственный или партийно-государственный (церковно-

государственный) аппарат. Не человек является ставленником аппарата, волей или неволей выражая его интересы. Наоборот, вождь, диктатор, император, президент, король, генеральный секретарь, как бы он ни назывался, полностью подчиняет его себе террором, интригой, интеллектом, духовным и моральным растлением – всеми возможными средствами. Человек, добившийся всего этого, приобретает не просто власть над страной, ее институтами и ресурсами, но и контроль над всеми людьми этой страны от младенца до старца. Его власть настолько безгранична, что он может свободно вмешиваться не только в текущие события, но и изменять в общественном сознании, по своему усмотрению, прошлое, то есть историю, и выстраивать по собственному плану будущее. И это не метафора. Это реальный результат деятельности Сталина.

Если бы в мире не было других государств, кроме СССР, или если бы Сталин добился мирового господства, то история человечества впервые стала бы при нем управляема. Сталин доказал на практике, в рамках одной страны, возможность управляемой, то есть планово-предсказуемой и инженерно-сконструированной, жизни человечества. Сталин доказал на практике возможность «конца истории» как непредсказуемого спонтанного процесса, в котором участвуют миллиардные массы и колоссальные социальные силы. Он доказал (пусть всего лишь на одно, по историческим меркам, мгновение), что воля одного далеко не гениального человека может их себе подчинить. Он же доказал, что никаких моральных и этических запретов в социальной инженерии нет. Все эти, вместе взятые, доказательства и есть «сталинизм».

Хорошо бы разобраться в том, что за общество было им сконструировано на практике и какие при этом избирались исторические модели и образцы, а что было воистину новаторским?

* * *

Троцкий был глубоко не прав, рисуя Сталина как ставленника новой партийной бюрократии, по существу нового эксплуататорского класса. Только однажды, в 1923–1924 годах, то есть на очень короткое время, Сталина поддержал партийно-государственный аппарат. Но уже

тогда, с хорошим знанием дела, писал Ленин в своем «Завещании»: «… Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть…»[249] Поэтому, за вычетом одного-двух первых лет, все последующие годы Сталин по праву чувствовал себя владыкой. Литературно одаренная и очень искренняя дочь, вкус к истории которой привил отец, почти безошибочно определила хронологию сталинизма. «Двадцать семь лет – с 1926 по 1953 – было временем, – писала она, – которое историки называют “периодом сталинизма” в СССР, временем единоличного деспотизма, кровавого террора, экономических трудностей, жесточайшей войны и идеологической реакции»[250]. Если быть уж совсем точным – сразу же после смерти Ленина все последующие годы Сталин уничтожал, усмирял, перекраивал и подчинял себе лично самым жесточайшим образом в первую очередь именно госпартаппарат. Разве не были те же вожди оппозиции крупнейшими партийно-государственными чиновниками? Впрочем, то же самое он делал и со всеми другими слоями общества и своими близкими «соратниками».

Не Молотов, Каганович, Жданов, Маленков, Берия или Хрущев и иже с ними выпестовали в своей среде «Вождя» и держали его на своих плечах, а, напротив, он их всех выдвигал и «задвигал» по своему усмотрению. Все они рабски, даже с любовью ему служили и смертельно боялись всю жизнь. Конечно, они, как и большинство нашего народа, были рабами нового Навуходоносора. Рабами не только в социальном смысле (беспощадно эксплуатировал, в любое время мог направить на смерть и мучения!), но и духовно.

При всей своей проницательности и уме Лев Троцкий и Милован Джилас безнадежно ошибались, объясняя феномен возвышения Сталина поддержкой его обуржуазившейся контрреволюционной бюрократией, то есть «новым классом». Здесь сказалось привычное марксистское клише – искать скрытые классовые и групповые силы и интересы в любом историческом явлении. Феномен Сталина – это принципиально иное. Напротив, с помощью миллионов подсобников, помощников и слуг он по собственному усмотрению проектировал и перестраивал всю страну, не раз меняя «генеральные планы». Бухарин, сыгравший при хитроумном Улиссе-Сталине роль политического троянского коня, с глуповатой растерянностью говорил о своем недавнем друге Кобе: «Он с ума сошел. Он думает, что все может, что

он один все удержит, что все другие только мешают»[251]. Несмотря ни на что, ни на свои болезни и стрессы, Сталин прекрасно все взвешивал и неплохо рассчитывал. Ему действительно все только мешали, и он доказал, что способен удержать все один. И удерживал – тридцать лет! Казалось бы, имея абсолютную свободу, безграничные ресурсы и огромный для смертного запас времени, он сможет в полную силу проявить свои творческие способности. Ан нет!

* * *

Вопреки его же официальному мнению, ставшему обязательным для всех жителей СССР на все времена, не содержание часто определяло для него форму. Форма выражения была более значима, как для многих людей с Востока интонация важнее смысла сказанного. Восток мудр – чаще это действительно так. Поэтому его официальные выступления обычно интонационно бесцветны. Это сделано нарочито. В них мало искренности и реальной правды, но много поучений. (Опять «учительство»!) Интонация может сыграть коварную шутку и выдать. Также интонационно бесцветно большинство его опубликованных статей и докладов. Но когда он взрывался не тостом, а яростью, в его интонации появлялись гремуче шипящие звуки. Тогда грузинский акцент не только не мешал, а придавал его речи особо зловещий оттенок. Эта интонация чувствуется не только на фонограммах и пластинках с его голосом, но и на письме. Конечно же, не случайно в официальном собрании сочинений опубликована масса клокочущих злобой и нетерпимостью писем, заметок, реплик. Стенограммы его выступлений, особенно на закрытых собраниях, где давались до глупости примитивные объяснения причин очередных смертоубийств, благоговейно хранят гробовую тишину зала, боящегося пропустить хотя бы одно слово, неумолимо несущее кому-то смерть.

Его искаженный внутренний мир хорошо иллюстрируют две внешние детали. После войны, когда ушли в прошлое все страхи за страну, за власть, за себя и он вновь чувствовал себя пусть одиноко, но и свободно, на стенах подмосковной дачи были развешаны журнальные репродукции с фотографий детей: мальчик на лыжах, девочка с козленком… Дочь пишет в своих мемуарах об этом с возмущенным

недоумением. Ведь стены его жилища могли украшать шедевры мирового искусства. В то же время, как уже говорилось, одну из стен большой столовой на даче украшали два ярких вышитых шелком панно, подаренные китайской делегацией[252]. На одном был изображен огненно-рыжий рычащий тигр. Согласно китайской традиции, этот зверь символизирует императора, его мощь и бесстрашие. На другом был изображен орел, сидящий на дереве, олицетворяющий дальновидность и величие. Многие отмечали сходство Сталина в минуты гнева с тигром или пантерой. Опубликованы даже соответствующие фотографии. Он знал об этом сходстве, и оно ему, видимо, нравилось. Впрочем, сходство с гривастым львом подмечали и в Троцком. Отсюда же и принятое им русское личное имя. А Гитлер, в традициях «нордического» мифа, соотносил себя с лютым волком. Воистину – каждому свое!

Репродукции же с фотографий говорят не столько о безвкусных художественных пристрастиях хозяина, сколько о том, что он получал положительные эмоции не от живого искусства, а от копии в квадрате… Конечно же, он был законченным формалистом во всем, что касалось творчества. И государственного, и политического, и научного. Отсюда вечно голодная, разоренная до последней крайности страна, превращенная в огромный концентрационный лагерь, объявляется долгожданным раем для трудящегося человека. И все, кто на «свободе», да и в лагерях, должны неукоснительно повторять эту формальность. Пока не поверят. Пропаганда заявляет, что в стране самая полная в мире демократия и самая честная политическая система. И в это не веря верят – формально. Наука – нежнейшая материя, из которой вырастает одновременно и атомный гриб, и грибок антибиотика. Но Сталин смело и расчетливо вторгается в эту нежнейшую ткань. Формализм раз и навсегда застывших схем учебников для начальной, средней и высшей школ. Формализм партийных собраний, «стихийных» митингов трудящихся и хорошо отрежиссированных красочных демонстраций. Формализм судебных процессов, формализм «реалистического» искусства во всех его проявлениях. Даже его ближайшие соратники большую часть жизни проводили в придуманном им и иже с ним формальном убогом мире. Единственный, кто от начала и до конца был подлинным, живым и абсолютно свободным творцом этого мира, был только он – Сталин.

Глава 4
Душа Кобы подлинного

Теория души

Не только внешнее: физический облик, физиология и анатомия, то есть плоть человека, имеет свою неповторимую историю, а в ней пики – периоды физической активности и благополучия и периоды упадка. Свою историю и прихотливый путь развития имеет интеллект, то есть разум человека. В результате еще более сложной, еще более богатой истории складывается каждая человеческая душа – психика. При всем при этом человек суть неразъемное триединство. Так же как в христианской Троице или во фрейдистской стратификации, человек есть сгусток трех эманаций Единого – «Я», «сверх Я» и «Оно»: разум, душа, тело. И это не случайно, ведь самый Генеральный Конструктор смоделировал человека по своему образу и подобию. В XX веке ученый мир эмпирически открыл в человеке это восхитительное подобие.

История человека – это не только история частицы общества, социума. История человека – это история его существования и развития как триединства: вместе с младенческим телом одновременно рождаются тени разума и блестки эмоций, которые имеют собственную историю. Пик физической зрелости редко у кого совпадает с пиком интеллектуальной активности и одновременно – с полнотой душевной жизни. Хорошо известно, что физический упадок, болезни и даже страдания нередко стимулируют душевные силы, а у некоторых обостряют интеллект. Но еще чаще – интеллектуальный и душевный инфантилизм, даже деградация и распад могут процветать в здоровом и прекрасном теле. В отличие от божественной, человеческая «троица», как и все конечное, постижима и относительно доступна научному исследованию.

Зрелая душа человека – это сложная мифологема или симбиоз мифологем. Она творит, и в ней развиваются те духовные существа (гештальты), те душу формирующие образы, вне которых человеческая психика не может полноценно существовать. Чаще всего образы зарождаются как бы случайно и спонтанно через воспитание, образование и самообразование. Они всегда внедряются извне, со стороны общества, и почти всегда находят путь в еще незамутненную и

непорочную душу. Те из них, которым удается душу «прельстить», сливаются с ней, как сперматозоид с яйцеклеткой, порождая новое духовно-полноценное существо. Некоторые из нас очень любвеобильны, и поэтому ходят с вечно «беременной» душой. По-настоящему же цельных натур, раз и навсегда верных избранному душевному образу, крайне мало, точно так же, как и в жизни внешней маловато людей-однолюбов. В то же время душа-одиночка, совсем не оплодотворяемая со стороны сильными образами, скудна и первобытна, как юродивая бобылиха, живущая на выселках. Только зрелая душа способна достаточно успешно пройти сложные этапы социализации личности.

Приглянувшийся чужой образ, раз укоренившись в душе, сливается с ней, постепенно развиваясь в базовый элемент личностной психики, и, никогда больше в ней не умирая, погружается в подсознание. Очень часто один образ живет рядом с другими образами – так же глубоко укоренившимися. Но рядом с подлинными, органичными могут процветать фальшивые личины и лики. Человек неискренний и лицемерный ими буквально нашпигован, и для того, чтобы его распознать (не обмануться!), не требуется много времени. Лицемер, как и плохой актер, не органичен, он не живет в образе, а управляет им со стороны с помощью расчетливого интеллекта. Поэтому люди умные лицемерят и играют не свои роли более убедительно, чем глупцы. Впрочем, каждый человек в определенных жизненных ситуациях хоть в чем-то, но лицемерит.

Иногда укоренившиеся образы переплетаются друг с другом; бывает и такое – безуспешно соперничают («сложная натура»). Поэтому в нужную минуту так легко каждый из нас интуитивно воспроизводит отдельные душевные черты своего идеализированного отца или обремененной житейскими заботами матери, поскольку получает их как дар по наследству. Или в результате сложной душевной работы усваивает отдельные черты любимого с юности литературного героя – «Овода», а может быть, холодноватых – Печорина, Андрея Болконского или иного героя «нашего» и не нашего времени. Для кого-то это может быть народный мститель дворянин Дубровский или абрек Коба, авантюрист Великий Моурави, а если представится случай – беспощадный Тамерлан или юродствовавший во власти Иван Грозный и даже пророк. Может быть, в определенные минуты кому-то были

ближе элементы душевной оболочки дворового товарища или школьной подруги. Или же – невыразительно мычащего бескорыстно доброго дяди Вани – соседа по лестничной площадке или одноименного чеховского героя. У каждого душа – это свой, исключительно неповторимый сплав наследуемых и приобретенных образов, у каждого своя неповторимая психогалерея.

Как в тысячах зеркал, мы отражаемся во внутреннем взоре окружающих, которые интуитивно «считывают» часть нашей сущности, но и мы, в свою очередь, интегрируем в себя массу реальных, исторических и вымышленных образов. Чаще – непроизвольно, на уровне глубокого подсознания. Только в детском и юношеском возрасте мы подражаем или копируем кого-то более откровенно и сознательно. Мы ведь еще только учимся Быть. Душа (психика), даже в значительно большей степени, чем тело и интеллект, научаема и воспитуема через синтез образов. Такой синтез возможен, только если он протекает в поле сильнейших эмоций и переживаний. Период этот обычно связан с полосой влюбленностей, особенно сильных душевных переживаний и поисков, романтических срывов, непредсказуемых «безумных» поступков. Но именно так человек становится «душевным», а в особых случаях и – «духовным» в широком, а не конфессиональном смысле этого слова. И так же как интеллект, душа может обладать выдающимися или недостаточными для подобного синтеза врожденными способностями, но все ее способности могут быть направлены как во благо, так и во зло. Принцип свободы воли распространяется не только на физический и интеллектуальный миры, но и на духовный мир человека.

* * *

У молодого Сталина была эмоционально богатая, хотя, возможно, и не очень сложная душевная жизнь. Но по мере восхождения на пик единоличный власти, у него все меньше и меньше оставалось пространства для естественной душевной жизни, все чаще он прибегал к лицемерию, то есть к бездушной, хотя, может быть, и яркой игре в том или ином обличье.

Есть категория людей, для которых упрощенная, юношеская, романтическая форма переноса на себя части чужой сущности остается и в зрелые годы важнейшим элементом повседневной жизни. У них отсутствует совсем или недоразвит личностный душевный «тигель», в котором все приходящие извне образы рано или поздно переплавляются без заметного остатка в собственную индивидуальность, в самость, в гештальт. Поселившиеся в их душах образы, личины, маски продолжают жить самостоятельной жизнью, попеременно вызываемые на подиум сознания внешними причинами и мотивами. И на тот момент, пока эта внешняя причина сохраняется, сущность литературного «Кобы» или исторического «Ленина», или «Троцкого», или нафантазированного деда «Ивановича» будет сущностью Сталина. Они будут развиваться в нем, не сливаемые с ним воедино.

Вначале был мягкий, женственный и капризный шалун, «маменькин сынок» Сосело (Осечка). Затем в Горийском духовном училище объявился будущий «добрый Пастырь». Сам еще подросток Сосо (Ося), обретший нового Отца, сын Христов, но уже в силу грядущего духовного сана – потенциальный отец сирых и обиженных. А юный «Коба» возник на протесте и на самоутверждении. На протесте против империи, несущей Грузии зло, на протесте против собственной судьбы, предрекавшей скромную карьеру сельского священника или учителя, и на самоутверждении Иосифа в качестве борца с национальным и социальным неравенством как вселенским злом. Меняются обстоятельства, и тогда на сцену выходит иной персонаж, чтобы прожить свой срок. Он отодвигает на время все другие образы с тем, чтобы со временем самому уйти за кулису души, уступив место старым знакомым или новой душевной привязанности. На протяжении жизни Сталина Коба, как и другие персонажи, будет самовоскрешаться вновь и вновь, когда обстоятельства потребуют возврата к истокам революционной судьбы, к кавказским друзьям и врагам, к народам юга и юго-востока империи. Когда анархиствующая кавказская импульсивность, прихотливая игра настроений и личностных оценок потребуют хотя бы временного выхода из стального волевого зажима вождя. В такие периоды ностальгии по себе наиболее подлинному он иногда будет воскресать за хлебосольным сталинским столом в образе задушевного грузина Кобы, или на экране кинотеатра в образе яростно влюбленного горца-пастуха в фильме «Свинарка и пастух» (артист

Зельдин), или в образе реального сержанта-грузина Кантарии, водрузившего флаг в Берлине над Рейхстагом. Он может воскреснуть в образе исторического Георгия Саакадзе или – верховного цензора, редактирующего древнейшую историю Грузии и Армении. И каждый раз это будут всего лишь различные эманации все того же романтика «Кобы». Но назавтра, или через годы, или даже через миг – в зависимости от жизненного сценария или в соответствии с заранее продуманной им же сценой – он уже сфокусирован в совершенно другом образе.

В течение жизни количество сосуществующих сталинских образов только возрастает. Весь этот душевный хоровод для окружающих и современников не всегда заметен, а если и замечается, то его механизм и последовательность остаются непонятны и потому кажутся парадоксальными. Сегодня он Коба, завтра Иванов, послезавтра Ленин, царь Петр или сам Господь… Иногда в одном и том же образе он находится годами. Иногда параллельно с этим образом он включен в целый ряд других, с прямо противоположными эмоциональными и этическими зарядами. А где же Джугашвили? Где Сталин? Где наш уникальный исторический герой?

Не будем торопиться. Сначала рассмотрим хотя бы то, что в нем все же было первично-подлинным, а затем (скорее всего, в следующей книге) – как сложились основные сталинские личины, среди которых были особенно значимы по-своему понятые образы исторических героев. Тогда и рассмотрим, каким он видел себя в истории, как он прожил в различных образах и оболочках, то есть воссоздадим историю сталинской души, по возможности отвлекаясь от ее связей с телом. Сейчас же поговорим о Кобе подлинном.

* * *

Почему-то никто не замечает того, что Сталин был необыкновенно романтической натурой. Не только романтиком в юности, когда у него, как и у большинства нормальных людей, молодая кровь и отсутствие сомнений переполняют жизнь, какая бы она ни была. Он был романтиком до последнего своего вздоха. А это состояние души, столь милое российскому интеллигенту как XIX, так и XX века,

столкнувшись с грубой прозой жизни, может обернуться и так и эдак. В этом случае многое зависит от силы захваченности души доминирующим образом или комплексом образов в сочетании с реальными жизненными условиями. Романтическое состояние души может стать источником потрясающих открытий в природе, в обществе, в себе самом, в других. Талант всегда романтичен. Только романтик может ставить перед собой цели, для достижения которых нет и как будто не предвидится реальных условий. Истинному романтическому герою кто-то помогает как бы исподволь. Так незримо помогали боги Олимпа наивным героям Древней Эллады. И как у него, у прирожденного романтика, все получается легко, как бы невзначай. Но никто не догадывается о том, через какие сомнения и страхи приходится ему пройти. Сомнения погребены глубоко внутри, а для всех остальных, как хрипел на отрогах Кавказа один из самых романтических бардов конца XX века: «Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там…»

Любая революция делается романтиками, тем более революция социальная. Но идти впереди, быть вождем и вести всех за собой, не проявляя откровенного страха, можно и в бездну. Сталин был прирожденным романтиком.

В юности он – прилежный семинарист и нежный сентиментальный поэт. В традициях восточной поэзии пишет о соловьях и розе, риторически признается в любви к «малой» родине и очень назидательно адресует все это своим сверстникам. Вот образчик его юношеских поэтических утех:

…Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:

«Цвети, о Грузия моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы учебою, друзья,
Прославьте Родину свою»[253].

Неизвестно, продолжал ли он «грешить» и в зрелые годы писанием стихов, но, без сомнения, как большинство романтичных людей, не имеющих серьезного поэтического дара, он остался на всю жизнь ценителем поэзии, художественной литературы, знатоком стиля.

Впоследствии Сталин стеснялся своих стихов и чаще возражал против их перепечатки услужливыми издательствами. Но в помпезном юбилейном сборнике «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения», контрольный экземпляр которого сохранился в его библиотеке, Кобе-поэту, ценителю грузинской поэзии и фольклора, посвящено несколько страниц. В частности, говорилось: «Сосо очень хорошо знал грузинских писателей. Очень любил Шота Руставели, Важа Пшавела.

О его любви к поэзии говорит тот малоизвестный факт, что товарищ Сталин писал очень хорошие стихи. Эти стихи печатались в газете “Иверия” в 1895 году за подписью “Сосело”.

В одном из этих стихов он писал:

И знай, – кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.
(Перевод с грузинского А. Канчели)

Так писал шестнадцатилетний юноша, уверенный в том, что настанут другие дни, когда “кто был ничем, тот станет всем”.

Стихи молодого Сталина очень ценились передовой грузинской интеллигенцией, одно из его стихотворений было перепечатано в юбилейном сборнике, посвященном писателю Рафаэлю Эристави»[254].

Ничего удивительного нет в том, что взрослеющий мальчик с тонкой поэтической душой, поющий в церковном хоре славу Духу Господню, постепенно, по мере взросления в жестоких социальных условиях, становился драчуном, грубияном, нищим неряхой, наивным революционным романтиком и, может быть, даже «распутником». В общем-то обычная эволюция будущего российского разночинца второй половины XIX века. Конечно же, только романтик может вступить в одну из самых тогда маленьких по численности и влиянию на Кавказе революционных групп – в РСДРП. И все лучшие годы отдать нелегальной работе, тюрьмам и ссылкам. Он не один такой идеалист.

Все радикальные партии России того времени состоят из подобных людей. Но он революционный романтик определенного свойства. Джугашвили – революционер с ущемленным национальным достоинством. С юности для него национальное и социальное угнетение были понятиями неразрывными. Отсюда – годами накапливавшаяся зависть, а с ней и злость, порождающие желание любым путем изменить ситуацию. Угнетателями были русские, олицетворявшие неправедную силу Российской империи. Угнетателями были и грузины – те, что принадлежали к высшим и богатым классам и сословиям, служившие, как думали многие, в том числе и Сталин, верой и правдой интересам империи. С первых сознательных шагов все социальные проблемы он воспринимал на фоне национальных. Многонациональная Российская империя в XIX, XX веках и Россия в подкатившем XXI веке наводнена такими людьми. Россия удивительная страна, в которой представители всех наций, даже господствующей русской, считают себя хоть в чем-то национально обделенными.

О Сталине при жизни официально слагали романтические легенды, особенно любили печатать «сказы», живописали его «образ» в художественной литературе, на театральной сцене, кино и, конечно, в поэзии. Сталин, как натура романтическая и поэтическая, сам при случае, как мы уже не раз видели, с удовольствием прибегавший к выразительному речевому обороту или эмоциональному образу, весьма благосклонно относился к тем, кто умело использовал средства языка и искусства для описания истории его жизни и деяний, толковал его мысли и изречения. Охотников и своих и зарубежных была масса, но лишь немногие были допущены к подобному творчеству, а еще меньше смогли опубликовать свои произведения. В современном архиве Сталина хранится множество неопубликованных и увидевших свет документальных, художественных, научно-популярных, драматических, поэтических произведений, живописующих в основном дореволюционный период жизни вождя или его деяния в эпоху Гражданской войны. Невозможно перечислить всех: от крупнейших писателей и ученых до сельских учителей. Как правило, он лично давал санкцию на привлечение того или иного известного деятеля. Иногда длительное время, используя различные уловки и ухищрения, напористо добивался от признанных во всем мире мастеров своих жизнеописаний. Но бесконтрольного процесса не терпел, спонтанные

попытки беспощадно пресекал, даже если мотивы были сугубо раболепными. В 1938 году, накануне очередного, 60-летнего юбилея, получило широкую огласку его письмо в издательство «Детская литература», подготовившего к печати книгу рассказов о его детстве. «Я решительно против, – писал он, – издания “Рассказов о детстве Сталина”. Книжка изобилует массой фактических поверхностей (так в тексте. – *Б. И.*), искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, “добросовестные” брехуны), подхалимы.

Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить (так в тексте. – *Б. И.*) в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория “героев” и “толпы” есть не большевистская, а эсеровская теория.

Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры.

Народ делает героев – отвечают эсерам большевики!

Всякая такая книжка будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

16 февраля 1938 г. И. СТАЛИН»[255].

Такими уловками он создавал себе репутацию скромника, невинно зацелованного народными массами. Но все это – чистой воды ханжество, сквозь которое проглядывает вполне очевидная цель – контролировать каждую печатную букву своей биографии. И такого контроля с начала 30-х годов и до конца жизни он не упускал ни на минуту. Он прочитывал, почти всегда с карандашом в руке, практически все новые биографические тексты и тем более документы, которые публиковались не только в центральных газетах и журналах, но и в республиканских органах, и в изданиях для детей. Право на публикацию любых материалов о вожде и даже на ознакомление с ними он давал сам или с его санкции – работники, лично к нему приближенные: Товстуха, Мехлис, Двинский, Таль, Поскребышев. В середине 30-х годов на самом высоком уровне были приняты решения, закрывающие доступ к материалам коммунистических вождей: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Даже один из ближайших сподвижников

Сталина, Ем. Ярославский, вынужден был в июле 1938 года униженно просить Лаврентия Берию предоставить ему перевод статьи «Анархизм или социализм?» для будущей книги о хозяине. Но Берия не посмел этого сделать и направил письмо из Тифлиса на имя Поскребышева. Он писал: «Тов. Ем. Ярославский обратился с просьбой прислать ему русский перевод статей товарища Сталина “Анархизм или социализм?”, предполагая воспользоваться им для своей работы об анархизме. (На самом деле Ярославский собирался писать о Сталине. – *Б. И.*)

Зная, что работы товарища Сталина периода большевистского подполья могут быть опубликованы как целиком, так и частично только по решению ЦК ВКП(б) с ведома и личного согласия товарища Сталина Ем. Ярославскому.

Ввиду того, что тов. Ярославский несколько раз повторял свою просьбу о посылке материалов, я поручил дирекции Тбилисского филиала ИМЭЛ заново отредактировать русский перевод статей товарища Сталина.

Пересылая Вам эти статьи товарища Сталина, прошу доложить товарищу Сталину о просьбе Ем. Ярославского и результат сообщить тов. Ярославскому.

Секретарь ЦК ВКП(б) Грузии

Л. Берия»[256].

* * *

Начиная с 1929 года каждый новый десятилетний юбилей вождя (точнее, его канун) поднимал на новую высоту санкционированный им вал восхвалений и публикаций. Этому валу восхвалений предшествовал тот самый вал репрессий, пик которого падал на каждый десятилетний юбилей Октября. Чем больше десятилетий ему даровала жизнь, тем больше жизней он отбирал у других. Он вообще любил все процессы раскачивать волнообразно и раскручивать их по восходящей «спирали». Поскольку К. Маркс утверждал, что исторический прогресс объективно, независимо от воли людей развивается «по спирали», то Сталин волевыми импульсами, используя партийно-государственный

аппарат и всю державную мощь, задавал эту двойную конфигурацию движения. Но эта «спираль» была у него своя, особенная.

О том, что революция есть очистительная «буря», твердили еще во времена его романтической молодости все радикальные деятели, от умеренных и до крайних. Позже во многих своих генсековских речах Сталин развивал мысль о периодически вздымающихся «волнах революции» и «истории», говорил об их «приливах и отливах»[257]. Но, будучи в политике «практиком» (любимое самоопределение 20-х годов), он не собирался ждать и не ждал, когда скрытые социальные силы стихийно и бесконтрольно содрогнутся и вознесутся в очередной спиральный вал. В том людском водовороте, в котором он властвовал (этот водоворот даже в 20-х годах далеко перехлестывал границы СССР), Сталин примерно каждые десять лет исподволь, но очень целенаправленно подготавливал очередной вал социальной агрессии: государственных убийств, внешних войн, глобальных социальных преобразований, перемалывавших людские судьбы, сопровождавшихся волнами злобно-веселого страха, истеричного покаяния, поклонения и вновь – ненависти… Завершались же они валом неистовых оваций и кликов. Как подлинный романтик, не спеша (а на самом деле стремительно, если мерить по человеческим меркам), этот «мастер революции» творил из подручного материала, доставшегося ему от Ленина и его сподвижников, свою личную сталинскую «вселенную». Там, в этой «вселенной», было все возможно. Там воплощались в реальную жизнь многие, казалось бы, абстрактные философские и экономические идеи Маркса, политические и государственные задумки Троцкого, Богданова, Бухарина, Ленина, Ивана Грозного, Гитлера и других исторических героев помельче или подревнее. Сталин не только сам как государственный деятель был творчески раскован и с каждым годом все более бесконтролен в своих поступках. При его поддержке создавалась атмосфера особой свободы «творчества масс», но, разумеется, в тех областях, где требовался особенно стремительный прорыв. А это в первую очередь в сфере производительности труда, в экономическом освоении новых территорий, залежей ископаемых, в области разработки и освоения новых видов оружия, техники, военного искусства, в формах волеизлияний любви и преданности к нему и ненависти к врагам, в разведке и контрразведке, в системе ГУЛАГа и т. д. Таким образом, основные душевные чувства романтика – зуд

первооткрывателя и хмель творца, захлестнувшие его еще в юности, не исчезали в нем никогда. Вопрос только в том, насколько жизнестоек плод, зачатый во хмелю, если даже это хмель первооткрывательства.

Романтические блестки повести о Кобе

Одним из тех биографов, к кому Сталин относился благосклонно, был средней руки грузинский поэт и литератор Георгий Леонидзе. Писал и печатался он сначала только в Грузии. В первой половине 30-х годов входил в литературную группу символистов «Голубые роги», в которой ведущее положение занимали Паоло Яшвили и Тициан Табидзе – цвет грузинской (да и мировой!) поэзии XX века. Вскоре соратники Леонидзе погибли, хотя, как и многие, написали о Сталине хвалебные поэтические гимны. Они были слишком талантливы, а вот талант средней руки часто более живуч. В 1940 году в Тбилиси вышла книга Леонидзе «Георгий Саакадзе», посвященная одному из любимых Сталиным грузинских исторических героев начала XVII века. В 1948 году Сталин прочитал с карандашом в руке киносценарий того же автора на ту же тему, но не одобрил его. На книге и киносценарии о Саакадзе он оставил свои пометы, которые говорят об иронично-благосклонном отношении вождя к творчеству поэта, но слабого сценариста[258].

Годом раньше, в 1939 году, в Тбилиси вышла поэтическая эпопея Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». Все эти вещи находились в сталинской библиотеке. Больше того, вскоре после войны, в 1947 году, в Москве была роскошно издана эпопея Леонидзе о детстве и отрочестве вождя в переложении русского поэта Николая Тихонова, искреннего ценителя и знатока грузинской поэзии и культуры. Без сомнения, и автор, и переводчик, и редакторы издания хорошо поработали над дозволенной мемуарной литературой и в поэтизированной форме передали всемирно-историческое значение рождения младенца Сосело и обстоятельства возмужания Coco (уменьшительно-ласкательные от Иосиф – Осечка, Ося). Не только в этой части работы, но и в дальнейшем мы при случае будем прибегать к крепко сбитому поэтическому тексту Леонидзе-Тихонова, относясь к нему как к своеобразному историческому источнику, поскольку поэма явно была одобрена самим вождем. За эти и другие героико-поэтические

произведения грузинский академик Г. Леонидзе трижды награждался Сталинской премией: в 1941, 1950, 1952 годах. Поэт любил прибавлять к своей фамилии гордое: «орденоносец».

Возвращаясь к характеристике молодого Сталина как начинающего романтика и революционера, толчком для которого послужило государственно-унижаемое национальное достоинство подданных, процитируем текст, который мог быть написан со слов самого Сталина или тех, кто с ним учился в православном Горийском училище и сам был участником похожей сцены:

Это школа? Нет, темница
Для души и для ума их.
……
На детей урод жестокий
Смотрит, глазки злобно сузив:
– Ты – грузин?
– Да!
– Очень жалко!
Твоя родина зовется
Как, скажи?
– Зовется – Грузия!
– Врешь! Как Грузия?
Говори: Российская империя!
Говори: Российская империя!
Говори: Российская империя!
Империя!
– Грузия ж?!
– Была когда-то…
Тебя в карцер нужно голый,
Ты же олух,
Тебе б камень бить щербатый…
И с тоской глядит ребенок:
– Вот учитель —
так мучитель!
……
Запрещен язык грузинский,
Уличным наименован,
Горе тем, неосторожным,

Кто шепнет родное слово.
Говорят, чтоб не попасться,
Все на пальцах – под немого[259].

Очевидно, русский язык он действительно первоначально вынужден был осваивать в училище «из-под палки», что безошибочно угадал Троцкий еще в середине 30-х годов. То, что он с обидой вспоминал о запрещении грузинского языка как о проявлении русификаторской политики в семинарии, упоминают мемуаристы. О насильственной русификации Грузии говорится в многочисленных изданиях, школьных и вузовских учебниках истории, первые варианты которых он лично редактировал. В учебнике «История СССР. Россия в XIX веке», неоднократно переиздававшемся в 30–50-х годах под редакцией одного из официальных историографов сталинской эпохи М. В. Нечкиной, совсем не случайно отмечалось: «После 1801 г. в целях дальнейшей русификации Грузии и централизации всего аппарата управления было решено подчинить духовенство и все церковные имущества синоду и экзархату (округ православной церкви, формируемый в Грузии царским правительством)»[260]. Так что, видимо, с детства Российская империя была для него империей неправедной и русской. И именно против таковой был первоначально направлен его протест.

Остаточные следы антиимперско-русской направленности прослеживаются буквально во всем его не только раннем творчестве, но и в зрелые годы в официальной пропаганде, в исторических трудах, в официально одобренных произведениях разного жанра. Анри Барбюс воспроизвел ее со свойственным французу темпераментом: «Управлять другими национальностями, как, например, грузинами, для царя означало – угнетать их. Можно сказать, что в те времена кавказские народности пользовались только одним правом – правом быть судимыми. Они имели лишь одну свободу – свободу стонать, да и то только по-русски. При таком порядке вещей в колонии, попросту прицепленной к территории господствующей русской национальности, естественно возникало националистическое движение с конечной целью освобождения Грузии»[261]. Казалось бы, все ясно, но жизнь, как известно, сложнее, чем представления о ней.

В мае 1937 года некто, представившийся ленинградцем Иваном Сергеевичем Книжником-Ветровым, известный в свое время журналист, в 1917–1918 годах сотрудничавший с редакцией газеты «Правда» и печатавшийся в журнале «Молодая гвардия», прислал Сталину или, точнее, Товстухе письмо и большую статью. Он обращал внимание на ряд серьезных ошибок и умолчаний в официальных биографиях и биографических материалах о вожде, в частности в ряде газетных публикаций и в учебнике «История СССР» для 3–4-х классов, только что вышедшем под редакцией профессора А. В. Шестакова. Но дело было не только в ошибках и неточностях, а в скудости сведений о детских и юношеских годах жизни вождя. Книжник-Ветров обнаружил интересные сведения в двухнедельном журнале «Духовный вестник Грузинского экзархата», выходившем с 1891 года под редакцией ректора Тифлисской духовной семинарии, и в ежегоднике «Кавказский календарь», издававшемся в Тифлисе с 1845 года. В «Кавказском календаре» за те годы, в какие учился Сталин в духовном училище, было указано, что там преподавали одновременно и грузинские, и русские учителя-богословы. Они вели занятия вместе со старшими семинаристами и преподавали не только русский и церковно-славянский языки с первого по четвертый классы, но и грузинский и греческий языки. Помимо богословия преподавали чистописание (отсюда и красивый сталинский почерк), арифметику, географию, а также славянское церковное пение, русское, грузинское и имеретинское церковное пение. Большую часть предметов вел Михаил Иванович Имуридзе, «который очень придирался к тов. Сталину». В духовной семинарии прибавился латинский язык (долгое время не было учителя), а также преподавалась русская словесность (все годы обучения), логика и психология, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, космография. В старших классах, в 5-м и 6-м (последнем), обучение проводилось четырьмя кафедрами: «Основное догматическое и православное богословие», «Гомилетика, литургия и практическое руководство для пастырей церкви», «Библейская история, общая церковная история и история русской церкви», «Обличительное богословие и история и обличение русского раскола». Судя по дальнейшим сталинским пристрастиям, не только руководство для пастырей, гомилетика, но и обличительное богословие оказали влияние на его полемические приемы и политические привычки. Там же он

получил и первые уроки нетерпимости к «раскольникам» и всевозможным уклонистам от «генеральной линии» православия, то есть к еретикам. Кроме русского, других современных европейских языков в семинарии не изучали вообще. В старших классах действительно преподавали большей частью русские учителя.

Примечательно, что по гражданской и церковной истории, по логике у Иосифа были посредственные отметки, хотя в целом до пятого класса семинарии он учился хорошо. Таким образом, и в училище, и в семинарии учили и грузинскому, и русскому языкам, но разговорным официально считался русский. При поступлении в училище был предусмотрен подготовительный класс, где грузинских детей в течение одного или двух лет специально обучали русскому языку[262]. Обучение началось, когда Сталину было уже около одиннадцати лет, и, видимо, поэтому он так никогда и не смог избавиться от сильного грузинского акцента, но уже ко времени окончания училища научился сносно писать по-русски.

Обучение было платным. Вокруг вопроса о том, кто платил за обучение будущего вождя, в литературе высказывались самые невероятные предположения, вплоть до намеков на предосудительные заработки матери Иосифа, которая нанималась убирать в богатых домах. Архивные источники говорят, что, действительно, за неуплату мальчика на первом году обучения хотели исключить из училища. Отец даже забрал его оттуда домой помогать по сапожному делу. Но мать добилась от духовного начальства не только освобождения от платы (40 рублей в год), но и небольшой стипендии для сына – 3 рубля в месяц. Так продолжалось до окончания училища, а затем до пятого класса семинарии в Тифлисе, когда Кобе стукнул двадцать первый год. По официальным документам, не перевели его в выпускной шестой класс по очень обыденной причине. В разрядном списке Тифлисской духовной семинарии за 1898–1899 учебный год говорится: «V класс, 1-е отделение… Увольняется из семинарии за неявку на экзамены по неизвестной причине Джугашвили Иосиф»[263]. Позже на допросах полицейским он отвечал, что его исключили за неуплату, а товарищам по партии, советскому народу и своим биографам – за успешную революционную деятельность. У меня же есть основания для предположений о том, что истинная причина могла лежать в сфере любовных и сексуальных увлечений уже вполне зрелого семинариста.

Позже остановлюсь на этом подробней. Во всяком случае, о его связях с женщинами до первой женитьбы в 1903 году, то есть на 25-м году жизни, ничего не было известно. Но невозможно поверить в то, что молодой темпераментный кавказец, у которого и в более зрелые годы была масса весьма бурных увлечений, не завел до женитьбы хотя бы одну интрижку.

Тифлисская духовная семинария (как и другие семинарии страны) воспитала целую плеяду активнейших революционеров. О некоторых из них, соратниках Сталина, мы еще будем упоминать. Но не забудем, что она же, то есть церковь, воспитала и самого страшного своего гонителя за всю тысячелетнюю историю русского православия – более разрушительного гонителя христианства, чем все «иноверцы», вместе взятые, в том числе татары и монголы. И это, конечно же, было не случайно.

Спустя много лет он все еще со злостью вспоминал те унижения и издевательства, которые ему пришлось пережить в «пансионе», а фактически в казарме-монастыре для мальчиков. В одном из самых откровенных интервью, данном немецкому писателю Эмилю Людвигу в 1931 году, на вопрос: «Что Вас толкнуло на оппозиционность? Быть может, плохое обращение со стороны родителей?», Сталин довольно холодно ответил: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались они со мной совсем не плохо». Далее произнес небольшую, но страстную обличительную речь: «Другое дело православная духовная семинария, где я учился тогда. Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма, как действительно революционного учения». На это Людвиг, лучше многих современников догадывавшийся о подлинных силах, двигавших сталинской натурой, спросил: «Но разве Вы не признаете положительных качеств иезуитов?» – «Да, у них есть систематичность, настойчивость в работе для осуществления дурных целей. Но основной их метод – это слежка, шпионаж, залезание в душу, издевательство, – что может быть в этом положительного? Например, слежка в пансионате: в 9 часов звонок к чаю, уходим в столовую, а когда возвращаемся к себе в комнаты, оказывается, что уже за это время обыскали и перепотрошили все наши вещевые ящики… Что может быть в этом положительного?»[264] Понятно, что речь идет не об

иезуитах, а о православных наставниках, использовавших «иезуитские» методы. Смею заверить читателя, что и в сталинские, и в более поздние времена те же самые (буквально!) издевательства практиковались не только в советских тюрьмах (знаменитый «шмон»), но и в армейских казармах, в пионерских лагерях, в студенческих и стройотрядовских общежитиях. Здесь я опять выступаю как свидетель.

* * *

У подпольщика Джугашвили было несколько десятков псевдонимов, но три из них (в разных модификациях) сопровождали его всю жизнь. Происхождение и символическое значение самого известного – Сталин от слова «сталь» – прочнейшего рукотворного материала, обладающего одновременно особой твердостью и гибкостью, не нуждается в дополнительных пояснениях для человека, владеющего русским языком. На Кавказе стальной, булатный клинок пользовался особым, почти ритуальным поклонением. Сам Сталин в 1934 году подтвердил, что для него псевдоним ассоциируется именно со сталью. Причем подчеркивал, что не он сам избрал этот псевдоним, а его ему дали «товарищи в 1911 или, кажется, в 1910 году. Они считали, – не без кокетства говорил Сталин, – что имя это ко мне подходит»[265]. Два других псевдонима – грузинское имя Коба и русская как будто бы фамилия Иванов, а может быть, отчество – Иванович, как это ни странно, требуют пояснений. Речь идет не столько о происхождении, сколько о таящихся в них, казалось бы, прямо противоположных смыслах.

Для большинства партийных соратников Сталина псевдонимы служили скорее удобными ярлыками. Они облегчали нелегальную жизнь, скрывали социальное и национальное происхождение, позволяли богатым или знатным родственникам сохранять свой статус. Но для некоторых революционеров псевдоним нес еще дополнительную, идейную, программирующую функцию. С его помощью человек ощущал себя продолжателем начатого героем дела или наследником его умственных и душевных свойств. Он как бы брал на себя обязательство играть в своей жизни схожую роль. Как известно, близкий дореволюционный соратник Сталина Л. Б. Розенфельд,

живший в те же годы в Тифлисе, печатавшийся в тех же, что и Сталин, большевистских газетах под псевдонимом Юрий[266] и входивший, как и он, в Кавказское союзное бюро РСДРП, а затем ставший одним из одиознейших его врагов, избрал себе тогда же новый псевдоним Каменев. Избрал он его, скорее всего, не только из-за исключительной твердости этого предмета и как бы претендуя на особые свойства своего характера, но и намекая на твердокаменную верность марксистским идеям. «Каменев» – это русская калька евангельского имени апостола Симона-Петра. «Петр» переводится с древнегреческого – «камень», «скала». Похоже, что Розенфельд-Каменев вживался в образ первого апостола. Не ясно только – апостола Маркса или апостола-ленинца? Троцкий (Бронштейн), сам избравший славянский псевдоним и неплохо осведомленный на этот счет, рассуждал примерно так же: «С этого времени (1912 год. – *Б. И.*) кавказец усваивает русский псевдоним *Сталин*, производя его от *стали*. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались “твердыми”, а меньшевики “мягкими”. Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков “твердокаменными”. Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме *Каменев*, – по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, – с усмешкой отмечал Троцкий, – что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру»[267].

* * *

В числе первых любимых литературных персонажей Сталина в поэтической эпопее Леонидзе наряду с разбойником Како (из произведения И. Чавчавадзе «Како-разбойник») упоминается и имя абрека Кобы. Како запомнился ему, но не оставил заметного следа в биографии Сталина, а Коба стал его первой и важнейшей духовной оболочкой.

У меня создалось впечатление, что биографы Сталина, даже самые скрупулезные, ни разу не удосужились внимательно прочитать

произведение грузинского литератора второй половины XIX века Александра Казбеги «Отцеубийца». На протяжении десятилетий механически переписывают друг у друга: Коба – имя одного из героев этого произведения, борца за социальную справедливость. Так-то это так, но, взяв себе в 1903 году псевдоним Коба, Джугашвили, который еще не был Сталиным, совершил как бы акт инициации. А может быть, даже символического каннибализма. Коба стал одним из первых в длинной череде героев, философию жизни которого Сталин любовно культивировал в себе до самого конца.

Коба для Иосифа не просто имя приглянувшегося ему литературного героя. Это был характер человека, действовавшего в контексте истории Грузии, недавно включенной в состав Российской империи. И как любили говорить специалисты в области открытого Сталиным «социалистического реализма» по поводу любого яркого литературного героя – это был характер, отразивший «типические черты» своего времени и своей географии. Сталин, без сомнения, нашел в этом характере качества и взгляды ему созвучные и близкие. В период его могущества вся страна знала этот грузинский псевдоним, но только очень близкие товарищи, помнившие его еще дореволюционного, смели так к нему обращаться, и то в особых случаях. Два дня, 21–22 июля 1935 года, длилось торжественное заседание Тифлисского горкома партии, на котором Л. П. Берия делал доклад о дореволюционной деятельности Сталина в Закавказье. После этого конференция приняла резолюцию и обратилась с письмом к Сталину: «ЦК ВКП(б) – ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. ДОРОГОЙ КОБА!»[268] И Бухарин, как мы помним, обратился к Сталину накануне расстрела: «Коба…» Бухарина не стало, но Коба продолжал жить в Сталине вплоть до самого его конца. К его 70-летию, в 1948–1950 годах, в Тбилиси одновременно вышли на грузинском языке пятитомное собрание сочинений Казбеги и его же избранные произведения в двух томах, на русском.

Александр Казбеги – ярко выраженный романтический писатель, которого один восторженный поэт-современник назвал «грузинским Гомером». Судя по портретам, это был благородного вида бородатый человек. Происходил он из знатного рода. Его дед вместе с царем Ираклием II содействовал включению Грузии в состав империи. За это получил в управление целую область и офицерский чин. Его отец при

умножил заслуги деда, сохранил за собой «вотчину» и получил еще более высокий чин. Александру досталось большое феодальное наследство, но по стопам предков он не пошел. Пытался учиться в столицах, писал стихи, делал переводы произведений Грибоедова, Шекспира. Судя по литературным приемам, любил Вальтера Скотта, Виктора Гюго и Фенимора Купера. Во время пребывания в России заразился идеей «хождения в народ». Вернувшись в Грузию в 1870 году, раздал свою землю крестьянам и ушел «в народ» с учетом кавказской специфики – семь лет пастушествовал. Затем поселился в Тифлисе и написал с десяток пьес и повестей. В 1893 году, когда Сталину исполнилось 15 лет, Казбеги умер в нищете и одиночестве[269]. При жизни его довольно охотно публиковал в своей газете «Иверия» Илья Чавчавадзе, тот самый, который печатал стихи юного Иосифа. Не исключено, что, прочитав в газете возвышенный некролог, написанный Чавчавадзе («Душа каждого грузина отныне качает его колыбель…»), Сталин увлекся произведениями Казбеги, как до этого увлекался произведениями самого Чавчавадзе. Очень похоже на то, что именно под их влиянием, как он сам сообщил своим поздним биографам: «Пятнадцатилетний Сталин становится революционером»[270]. Эта фраза вписана на том основании, что он сам впервые произнес ее в 1931 году в интервью, которое дал Эмилю Людвигу[271]. На самом же деле он в 15 лет просто начинает воображать себя народным мстителем, борцом за справедливость и вести себя соответственно в училище, а затем в семинарии. Многие мальчишки в этом возрасте фрондируют и думают о себе нечто подобное. Тем не менее «народный мститель», как мы помним, благополучно, с отличием оканчивает духовное училище и перебирается в семинарию, из которой он опять-таки не уходит добровольно по идейным соображениям. Его оттуда исключают лишь в мае 1899 года, на 21-м году жизни, якобы за неявку на переводные экзамены из пятого в шестой класс. Никаких других осязаемых следов его революционной деятельности, а главное – творчества до этого времени, кроме инспирированных им лично упоминаний в «биографиях» и в поздних воспоминаниях мемуаристов, нет. Впрочем, в ранних биографических материалах 1926–1927 годов, которые он так же самолично просматривал и дополнял, говорится, что революционной деятельностью он стал заниматься с 17 лет, а руководить марксистскими кружками – лет с двадцати[272].

* * *

Ухватив основную идею русских народовольцев о примате «народа» над обществом, личностью и государством, Казбеги повернул ее в свое национальное, грузинское русло. В его произведениях бушуют шекспировские страсти с отчетливым грузинским акцентом. В них много слепящих красок, высокопарных сердечных речей, грохота выстрелов и горных бурь, крови, любви, предательства, ненависти, благородства… В целом это была литература, которая стремилась вырваться из состояния литературного лубка, но навеки застыла в нем, как застыла живопись великого Пиросмани на жестяных вывесках кабачков и лавочек дореволюционного Тифлиса. Для Сталина же это была родная и очень близкая по духу, цвету, запаху и вкусу среда, наивная среда «народного романа». Она была и навек осталась основным позитивным пластом, заложенным в его еще юной личности, после первичной и очень ломкой домашней, вторичной, негативной средой – семинарской. Идеи и мысли Маркса, Энгельса, Бакунина, Кропоткина, Плеханова, Троцкого, Каутского, других идеологов и даже Ленина были значительно позже. Еще позже были Петр I, Александр Невский, Иван Грозный, Чингисхан, Наполеон, Тамерлан, Гитлер, Цезарь… Но изначально, каждый раз всю силу их образного влияния ощущал на себе именно народный мститель, анархиствующий герой Коба, жестокой мужественностью которого прикрывал свою нежную душу мальчик Сосело и унижаемый бедностью и произволом православный семинарист Иосиф Джугашвили. Сталин начинается с Кобы. Пора познакомиться.

* * *

Коба не главный герой повести, и он совсем не «отцеубийца». В большинстве произведений Казбеги главный герой – женщина. В повести нежная страстная Нуну не только центральная фигура, но и якобы убийца своего по-шекспировски несчастного отца. А Коба – это отчаянно смелый, удачливый абрек, друг и побратим любимого мужчины Нуну – Иаго. Но к Нуну пылает нечистой страстью богатый и коварный Гиргола, который обманным путем выдает ее замуж за своего

брата. Затем он превращает Нуну в свою наложницу, совершая смертный грех кровосмешения… В таком духе на протяжении десятков страниц идет кровавая борьба любви и благородства с похотью и предательством. Конец по-шекспировски величественен: все, кроме Кобы, погибают, оклеветанные герои очищаются, страшные грешники успевают перед смертью покаяться.

Современному читателю, вкусившему горькую сладость прозы Бунина, Бабеля, Булгакова, Борхеса или других волшебников языка и смыслов, читать все это скучно. Почти все современники Сталина, начинающие вожди российской социал-демократии, воспитывались на совершенно иных, более высоких литературных образцах. Ну и что? Пусть так, но у нелитературного Кобы, у Иосифа явно сильнее билось сердце, когда он читал: «Коба и Гиргола сошлись. Разгорелась борьба. Оба были сильные и ловко увертывались друг от друга.

Гиргола старался оттеснить Кобу к пропасти и столкнуть его туда. Коба понял этот коварный замысел, напряг все силы и свалил Гирголу. Он выхватил кинжал и занес его над врагом. Тогда один из людей Гирголы подскочил сзади, ударил прикладом ружья по занесенной руке, и Коба выронил кинжал. Гиргола воспользовался этим и вскочил на ноги. Между тем Коба быстро схватил левой рукой упавший кинжал и двинулся на того, кто помешал ему в единоборстве с Гирголой. Тот отступил и нацелился из ружья. Коба ловко подскочил к нему и, оттолкнув левой рукой дуло ружья, изо всех сил вонзил ему в грудь кинжал по самую рукоять».

Если мы и не уследили за тем, какая рука и в каком порядке была задействована героем, – не беда! Главное – порыв битвы. Читаем дальше: «Он (Коба. – *Б. И.*) вернулся на место боя, где лежал с искаженным лицом поверженный убитый враг.

– Зачем ты напал на меня, зачем заставил пролить свою кровь, несчастный? – с презрением глянул на него Коба.

И только теперь вспомнил он о своей любимой. Марине лежала в глубоком обмороке. В жаркой схватке Коба этого не заметил.

Он кинулся к ней.

– И женщин стали убивать! – Он думал, что она ранена. – Какое настало время! – горько воскликнул он. – Лучше смерть, чем такая позорная жизнь!

Марине пришла в себя… Она крепко обняла его, и в эту минуту ей казалось, что все беды уже миновали и нет больше горя на земле. Она целовала его, ласкала, вся замирая от счастья»[273].

Торжествующая плотская любовь героя-победителя рядом с еще теплым трупом поверженного врага не такая уж большая редкость в мировой литературе. А возмущенная фраза литературного Кобы: «И женщин стали убивать!» – не может не вызвать благодарное уважение к герою, чья эпоха была отнесена автором на период жесточайшей борьбы России с чеченцами и дагестанцами и их лидером Шамилем. Но не будем торопиться – двойная мораль свойственна народам Кавказа так же, как и всем другим народам Востока и Запада. Женщин всегда убивали, били и мучили из ревности, из жадности и просто так – из садистской жестокости. В годы коллективизации Михаил Шолохов послал несколько личных писем Сталину с описаниями изощренных пыток, совершаемых «уполномоченными» мужиками над своими односельчанками. В одном из них он возопил: «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти», перечислял один за другим примеры: «В Вешенском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, поджигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма? Опять подожгу!” В том же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос» и т. д.[274]

В романе Казбеги есть сцена, когда влюбленный злодей и насильник беспощадно хлещет любимую женщину нагайкой: «Обтянутое платье лопнуло под ударом, и кровь хлынула из раны. Нуну подставила горсть и плеснула кровью в лицо Гирголе.

– Безбожник, пей мою кровь»[275].

В конце повести автор, как мог, покарал «безбожника» Гирголу за невинную жертву. А Коба, который стал Сталиным, убил и растерзал судьбы сразу десятков тысяч женщин из семей «врагов народа», а еще больше – не имевших к ним никакого отношения.

В 1938 году Лаврентий Берия, в чем-то схожий по внутреннему складу с Гирголой, арестовал жену Эрнеста Бедии – фальсификатора, приложившего руку к оформлению легенды о дореволюционных подвигах вождя. Говорят, что Нина Чичуя, жена Бедии, была мегрельской княжной с независимым характером и острым языком. Она, возможно, пострадала за то, что без опаски говорила о муже как об одном из истинных авторов книги о вожде. О последних ее минутах

рассказывают: «В камеру после допросов ее приводили истерзанную, в крови. Допрашивал Берия лично. Начинал с одного и того же вопроса:

– Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?

Узница неизменно отвечала:

– Эрик, мой муж.

И получала очередную порцию побоев.

Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную бронзой стеклянную чернильницу и бросила в мучителя. Берия выхватил пистолет…»[276] Так ли это было на самом деле или не совсем, теперь установить трудно. Но в сходстве литературного и реального рисунка чувств, при описании внутренне близких ситуаций сомневаться не приходится. Нам еще не раз придется убедиться в том, что в сталинскую эпоху, как ни в какую другую, мифологическая, литературная и реальная жизнь намертво смыкалась.

Литературный Коба был решителен и жесток, но отчаянно смел и благороден, как индейцы Ф. Купера. Вообще, все кавказцы Казбеги как-то подозрительно похожи на литературных индейцев. Но есть в жестокости горцев и свой оттенок. Устами одного из героев повести Казбеги процитировал расхожую региональную мудрость: «…не грех убить человека, если он недруг твой, но нужно ответ за это держать»[277]. «Не грех убить человека, если он недруг…» Мог ли знать сентиментальный Казбеги, что один из его юных романтичных читателей лет через двадцать пять – тридцать претворит эти слова в государственную политику мировой державы? Не мог он знать и того, что Кобе-Сталину ни перед кем не нужно будет держать ответ.

* * *

Хорошо известно, что Сталин с легкой руки Ленина прослыл большевистским специалистом по национальному вопросу. И после смерти Ленина национальная тема была самой главной в его государственной политике, в быту, в интригах и даже там, где, казалось бы, ей не место – в любви его дочери и сыновей, в их детях, а его внуках. И это, конечно же, не случайно. Россия, став империей, всю историю была перенапряжена национальными проблемами.

Пока московские князья выживали под гнетом татарского ига, «собирали» русские земли в условиях «вызова» с Востока, это было делом внутренним, почти семейным. Хотя уже и на этом этапе «отрабатывались» определенные национально-мобилизационные формы жизни. Иван Грозный, покорив восточные татарские ханства, сумел это сделать, использовав достаточно эффективные и оригинальные механизмы средневекового тоталитаризма (один из которых – опричнина), изобретенные, судя по всему, им лично. Но его социальный «проект» оказался нежизнестойким. И только после длительного периода Смуты, этого средневекового варианта современной гражданской войны и иностранной военной интервенции, началась самая продолжительная эпоха экспансии Российской империи по всем азимутам: на Восток, Запад, Юг и даже – Крайний Север. После присоединения земель на Востоке, с присоединением земель на Западе страна приобрела еще одну, прямо противоположную линию напряжения. С этого времени уже не Россия находилась между Востоком и Западом, как между молотом и наковальней. На Востоке и Западе находились ее колонии, за преумножение и сохранение которых она борется последние пятьсот лет. А завоевав Юг, в частности Кавказ, российские императоры, не подозревая того, получили еще и национальный «ящик» Пандоры.

Даже христианские народы Кавказа, даже «добровольно» присоединенные в 1801 году грузины испытывали смешанное чувство страха, неприязни и обиженности по отношению к православным казакам, русским солдатам, чиновникам, «белому царю» и к своим соотечественникам, ставленникам имперской администрации. Явно в реальной жизни Казбеги подсмотрел вот эту сцену или услышал о ней рассказ:

«Они ясно различили приближавшихся солдат…

– Караульные! – прошептал Коба и достал из чехла ружье.

– Дайте и мне ружье, уложу хотя бы одного из них, а там будь что будет! – попросил Иаго. Он едва стоял на ногах, но зов свободы, ненависть к несправедливости и страх перед нечеловеческими муками удесятерили его силы»[278].

А вот как православные грузины-крестьяне оценивали казаков: «… являются туда казаки, хватают баранов, хотят их резать…

– Нет безбожнее их никого на свете! – заметил кто-то из слушавших.

– А мой милый не стерпел, избил казака…

– Дай ему бог здоровья! – воскликнули все»[279].

В 1921 году, еще в бытность наркомом по делам национальностей и хорошо зная о роли казачества в колониальных войнах на Кавказе и во время Гражданской войны, Сталин на X съезде партии говорил: «… старое государство, помещики и капиталисты оставили в наследство такие загнанные народности, как киргизы, чеченцы, осетины, земли которых служили для колонизации со стороны казачьих и кулацких элементов России. Эти народности были обречены на неимоверные страдания и вымирание»[280].

Не менее достоверны действия и реакция другой, российской стороны глазами Казбеги-Кобы-Иосифа:

«– Одно слово, басурманы! – добавил длинноусый ефрейтор.

– Думаю про себя, – продолжал рассказчик, – я вам покажу… Да и свернул в один двор. Смотрю, разгуливают по двору индюки. Я зацепил одного палкой. На лай собачий вышла баба, бросилась ко мне, лопочет что-то на своем языке… рассвирепела баба и хватила меня палкой. Ох ты, чертово отродье, – думаю. – Ну, смотри теперь, что будет, – и шлеп на землю, растянулся, будто дух вон… Сбежался народ, окружили меня, а я лежу не дышу. Думают, убила меня баба, сердятся на нее… Страшно им – за убийство ответ будут держать строгий. Вот открыл я глаза да и хвать одного мужика, который ближе стоял… Пойдем к начальнику ответ держать! А он побледнел весь, упрашивает меня отпустить его. Долго упрашивает, а потом дали мне трех индеек да семь кур, и тут только оставил я их в покое…

– Молодец! – одобрили остальные»[281].

Не только в казачьей и солдатской среде, но даже среди просвещенных социал-демократов, даже в среде интернационально настроенных революционеров было заниженное отношение к народам восточных и южных национальных окраин России, к народам ее колоний. В последнем издании биографии Сталина приводится известная ленинская характеристика горцев Кавказа как народов, «стоявших» до прихода «русского капитализма» «в стороне от истории»[282]. Немалое число просвещенных европейцев того времени, в свою очередь, считали, что вся Россия, в том числе и русский народ, –

обочина истории. Очень скоро один из тех, кто, по ленинскому определению, стоял «в стороне от истории», не без его помощи окажется вместе со своей страной в ее мировом эпицентре.

* * *

Когда революционеры разных направлений в один голос говорили о стравливании российскими властями издревле живущих недружно народов Кавказа, Сталин это знал не понаслышке. Вооруженные столкновения на Кавказе продолжались весь XIX и весь XX век. О Чечне и Шамиле помнили всегда. Сталин тоже. Во времена его правления и именно с его подачи официальная довоенная оценка движения Шамиля поддерживалась Сталиным в духе любимого им Казбеги.

В сталинской библиотеке, в той ее части, что хранится ныне в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшей библиотеке ИМЭЛ), я обнаружил экземпляр известного школьного учебника «Краткий курс истории СССР» под редакцией профессора А. В. Шестакова. Он был подарен Сталиным своей дочери в 1937 году, когда после нескольких лет подготовительной работы учебник наконец вышел в свет. Об этом свидетельствует дарственная надпись дочери-школьнице: «Светлане Сталиной от И. Сталина. 30.VIII.37». В архиве Сталина и архивах различных отделов ЦК сохранились многочисленные подготовительные и промежуточные варианты этого учебника. На некоторых сохранилась разнообразная правка, вставки и реплики, сделанные самим вождем. Цитирую главку о Шамиле:

«Горцев объединил талантливый и энергичный Шамиль. Он родился в Дагестане и с детства отличался храбростью и решительностью.

Шамиль, сильный, смелый и ловкий, прекрасно ездил на коне, без промаха стрелял из ружья, был неутомимым пловцом и бегуном… Шамиль стал умелым правителем и талантливым полководцем.

Он создал большое государство горцев. Во главе отдельных областей стояли начальники, которые назначались Шамилем из самых умных и храбрых горцев. Каждый горец обязан был учиться военному

искусству – стрельбе в цель, рубке шашкой, езде верхом, чтобы уметь с оружием в руках защищать свою родину от врагов…

Шамиль заманивал отряды русских войск далеко в горы. Обратную дорогу горцы заваливали камнями и срубленными деревьями. Из засады горцы уничтожали русские отряды…

25 лет героически боролись горцы Северного Кавказа под руководством Шамиля. Но они не могли победить огромную армию Николая I».

В упоминавшемся уже вузовском учебнике под редакцией М. В. Нечкиной, в его первой редакции, вышедшей до войны, оценка Шамиля была сходной. По известным причинам во время войны оценка движения под руководством Шамиля изменилась Сталиным на прямо противоположную. В последней редакции, также подготовленной при его жизни, говорилось, что движение инспирировалось Англией и Турцией и «создало фанатичных врагов России, слепых исполнителей воли своего главы – имама»[283]. Сталин еще во время войны, как всегда, коварно и кроваво попытался разрубить чеченский узел, изгнав с родных мест целый народ, но, как выяснилось в наше время, под грубым «рубцом» тлела социальная гангрена. Дело в том, что Сталин был таким «хирургом», который сам был заражен бациллой национализма, правда, к тому времени претерпевшей в его душе несколько радикальных мутаций. А агрессивный имперский национализм только усиливает мобилизационный национализм регионов. И тогда встает вопрос: кто кого? Победителю достается в наследство повышенная национальная агрессивность собственного стана.

* * *

Казбеги перенес приключения своих героев как раз в эту героизированную эпоху Шамиля, которую в конце XIX века многие грузины воспринимали совсем не так, как в начале столетия:

«…подошел поближе и стал слушать. Оказалось, что составляется ополчение для войны против чеченцев, участникам сулились всяческие милости государя императора и неисчислимые награды на небесах за защиту веры.

Народ слушал молча. Многие бывали раньше в Чечне, знали тамошние нравы и обычаи, знали о трудных дорогах, о девственных непроходимых лесах и понимали, на какое опасное дело их зовут.

Наконец выступил вперед пожилой мохевец[284], снял шапку и сказал:

– Мы знаем, ваша милость, что надо служить царю-государю… прежде у нас не было таких непосильных повинностей, но и то мы не ропщем… Теперь же мы просим вас: освободите нас от похода против соседей, ничего худого они нам не делают. Не надо натравливать нас друг на друга, иначе мы вырежем друг друга и не будет у вас верных людей в нашей стране…

– Враги царя – также и ваши враги, и вы должны, как приказывает наместник царя, идти против Чечни.

– Хорошо, мы пойдем…»[285]

Но именно в свободолюбивой Чечне собирались скрыться герои повести, и именно туда ушел грузин Коба, когда все его друзья погибли. Запомним это.

Не менее напряженными, чем с русскими, были отношения у Кобы и его земляков с другими народами Кавказа. Злые языки время от времени заявляли, что отец Сталина был по национальности не грузином, а пришедшим из других краев осетином. Отец действительно был не местным, не горийцем, но говорить о том, что он не был грузином, нет никаких оснований. Сталин лично добавил в один из первых вариантов своей официальной биографии, подготовленной в 1927 году редакцией «Энциклопедического словаря русского библиографического общества Гранат», текст о происхождении отца из сельской грузинской глубинки из деревни с певучим названием Диди-Лило[286]. Другое дело, что неизвестно, откуда там появился дед Сталина и какой он был национальности? Вряд ли сам Сталин знал это. По некоторым сведениям, дед «Иван» был туда сослан или за то, что был абреком (разбойником), или участником антиправительственного движения.

Впрочем, проблема происхождения, как и проблема «чистоты» национальности, тем более в России, темна, как «вода во облацах». А вот малюсенькая хибарка под земляной кровлей, которую арендовали в Гори молодожены Кеке и Бесо Джугашвили, действительно

принадлежала осетину Кипшидзе, жившему за стеной. Их дети дружили.

Однако те, кто распускал слухи об осетинских корнях вождя, отлично знали о давней неприязни между двумя народами. Для Казбеги и его Кобы тоже было непреложной истиной, что равнинные черкесы вроде бы ничего, не самые плохие люди, а ближайшие соседи-осетины – коварны и ненадежны. В повести позже выясняется, что труп, рядом с которым Коба целовался со своей любимой, принадлежал не просто коварному человеку, а врагу-осетину. «Тогда же и убил я осетина! – сказал Коба». Он напомнил об этом другу с гордостью. А другой, еще более коварный «осетин, который встретил их с распростертыми объятиями», предает властям Кобу и его друзей за тридцать туманов и офицерский чин. Но деньги не приносят предателю счастья. Так же как Иуда Искариот, он погибает позорной смертью, успев признаться в финале: «Я предал товарищей и достоин такой смерти!.. Я погубил вас!»[287]

* * *

Кобе, будущему Сталину, не могла не запомниться такая ошеломительная угроза героя в адрес врага: «О-о! Попадись он мне когда-нибудь в руки, будет его рвать первым материнским молоком!»[288]

Известно, что Сталин прекрасно владел всем арсеналом русской матерщины. Он его усваивал в рабочих кварталах закавказских городов, на нефтяных промыслах интернационального Баку и особенно успешно в тюрьмах и ссылках. Став властителем, он не стеснялся материться в любом обществе, особенно когда собирались соратники, матерился в присутствии дочери-подростка. За долгие века все народы империи отлично стали понимать эмоциональный плеск этого специфического языка, его угроз и намерений. Фактический же конкретный смысл угроз давным-давно стерт и загнан глубоко в подсознание. Но в этой угрозе одного из героев повести, несмотря на ее очевидную фантастичность, поражает беспощадная конкретность. Помнил ли о ней Сталин, когда приказывал следователям по «делу врачей» и другим делам: «Бить, бить и бить, пока не признаются!»? Впрочем, об этом не хочется не

только писать, даже думать. Он ведь тоже когда-то пил молоко матери. Не оно ли закипело у него кровавой пеной на губах в смертные минуты?

* * *

Здесь я заслуживаю того, чтобы меня обвинили в субъективизме. Это ведь я, а никто иной, пересказал содержание и выбрал наиболее впечатлившие меня фрагменты повести. Сейчас нет никаких доказательств для утверждения – именно эти сцены и эти оценки привлекли внимание Сталина, отложились в его подсознании и управляли оттуда его эмоциями и даже поведением. Ничего этого доказать нельзя. Но есть неоспоримые доказательства того, что Сталин это произведение любил, хорошо знал, как и другие повести Казбеги, а главное, откликался на имя Коба. Своего первенца сына он назвал Яков, что в грузинском уменьшительно-ласкательном варианте и звучит как Коба (от Якоба – Яшенька, Яшка). Значит, ему нравилось играть роль литературного Кобы, быть его воплощением в жизни. Я же добросовестно старался не упустить ни одной заметной черты литературного героя.

* * *

Официальная оценка Кобы Казбеги не могла не эволюционировать вместе с эволюцией национальной политики Сталина. Но сам Сталин-Коба не имел права на переоценку. В одном из томов первого издания Большой Советской Энциклопедии, вышедшего в 1937 году, упоминается Казбеги как автор, который «в лирических патриархальных тонах… изображал патриархальную жизнь горских племен»[289]. Специально о Кобе тогда не говорилось еще ничего. Но во втором издании БСЭ, вышедшем в 1953 году, о Казбеги и его Кобе говорится уже четко: «Коба – один из партийных псевдонимов Сталина. За подписью Коба печатались статьи И. В. Сталина в газете “Ахали цховреба” (см. “Новая жизнь”)»[290]. Высоко оценивая творчество Казбеги, авторы энциклопедии сочли необходимым указать: «…

писатель не создал ни одного положительного образа русского человека, представителя демократических кругов. Ошибка К. заключалась в том, что он не понял реакционного, мнимо национального характера движения Шамиля и мюридизма, идеализировал, приукрашивал это движение»[291].

Так решительно разошлись пути Кобы-литературного и Кобы-исторического. Один – абрек – до сих пор борется в Чечне против наследников империи, другой – генералиссимус – до сих пор защищает от него эту империю железом и кровью. Коба против Кобы. Но на все времена останется у них вот это общее, с невероятным чувством выраженное их наивным духовным «отцом» Александром Казбеги:

«Кровь моя и сейчас остается прежней: это – смесь воды горного ручья с искрами, исторгнутыми ударом железа о кремневую скалу. Кто так взращен, – всегда видит белое белым, а черное – черным; свое чувствует своим, а чужое – чужим»[292]. Может быть, именно здесь истоки того слепящего двухполюсного мира, которые увели стареющего Кобу в «ничто»?

Первоэлементы души

Как ни старайся, подлинную душу вытравить невозможно. Человек рождается не только в своем историческом времени и в своей стране (родине), но и в определенной национальной, культурной и социальной среде. Не человек делает выбор места, времени и обстоятельств своего рождения, а Бог или Случай. И в этом выборе нет ни заслуги, ни вины того, кого мать с отцом зачали, не зная того, «кого Бог даст», и тем «принудили» неведомого им дитя человеческое родиться в свой час и в своем месте. Но если не по своей воле мы являемся на свет, то почему же тогда никому из людей не удается навсегда отрешиться от истоков? Да потому, что там, в моменте рождения, в детстве и в юности, самое начало пробуждения души и разума, возмужания тела. Там начало нашей личной истории, укоренение ее в истории общечеловеческой. Мы словно семя, летящее по ветру, где упало – там и родился. И конечно же, до времени краше и лучше своей борозды, камня или пустоши нет ничего на свете. Первые впечатления, навыки и привычки, вкусы, любимые и нелюбимые запахи и звуки – все эти инстинкты и автоматизмы, как некое подобие первоэлементов, остаются на всю

жизнь. Как потом, в зрелые годы, ни ломай, как ни воспитывай себя, как ни укореняйся на новом, более благоприятном жизненном поле, первооснова все та же. А все потому, что именно они, эти навыки и вкусы, составляют первичное, а потому подлинное содержание души. Правда, даже эту неистребимую часть души все же можно умертвить или парализовать, а затем облечь в различные личины, маски и одежды. Но это уже совсем иное, неподлинное; это уже область душевного лицедейства.

В мемуарной и научной литературе давно утвердилось мнение о том, что Сталин после революции и в особенности после того, как завладел Кремлем, все больше отдалялся от своих грузинских корней, все больше превращался в «русского» националиста и даже шовиниста. Такое мнение складывалось под влиянием нескольких факторов. Во-первых, он сам, еще до революции, в особенности после нее, очень часто употреблял в своих публичных выступлениях и статьях формулу самоидентификации: «Мы – русские…» Эту формулу он буквально эксплуатировал в период Второй мировой войны во время переговоров и в переписке с руководителями стран антигитлеровской коалиции. С другой стороны, мемуаристы и исследователи, начиная со Светланы Аллилуевой, отмечают, как само собой разумеющееся, что с годами Сталин все более забывал грузинский язык, причем настолько, что не только не писал по-грузински, но и читал и говорил уже с трудом на родном языке. Приемный сын Сталина Артем Сергеев в начале 90-х годов XX века вспоминал: «Я помню, как он однажды сидел и синим карандашом писал ей (матери. – *Б. И.*) письмо. Одна из родственниц Надежды Сергеевны говорит: “Иосиф, вы грузин, вы пишете письмо матери, конечно, по-грузински?” Знаете, что он ответил: “Какой я теперь грузин, когда собственной матери два часа не могу написать письма. Каждое слово должен вспоминать, как пишется”»[293]. Поскольку это воспоминание относится к тому времени, когда мать Сталина была еще жива, то выходит, что и проблемы с грузинским языком как будто начались у Сталина где-то в середине 30-х годов. Так ли все было, как вспоминал Артем Сергеев, но все же Сталин писал матери по-грузински все послереволюционные годы, вплоть до ее кончины, то есть почти до своих шестидесяти лет. В настоящее время сохранилось двадцать девять таких записок[294].

Светлана Аллилуева также пишет о том, что Сталин к концу жизни не только почти забыл грузинский язык, но что важнее – в его характере еще в 30-х годах произошли разительные перемены. Она вспоминает: «Вообще же, грузинское не культивировалось у нас в доме – отец совершенно обрусел.

Да и вообще, в те годы “национальный вопрос” как-то не волновал людей – больше интересовались общечеловеческими качествами. Брат мой Василий как-то сказал мне в те дни: “А знаешь, наш отец *раньше* (выделено. – *С. А.*) был грузином”. Мне было лет 6, и я не знала, что это такое быть грузином, а он пояснил: “Они ходили в черкесках и резали всех кинжалами”. Вот и все, что мы знали тогда о своих национальных корнях. Отец безумно сердился, когда приезжали товарищи из Грузии и, как это принято – без этого грузинам невозможно! – привозили с собою щедрые дары: вино, виноград, фрукты. Все это присылалось к нам в дом и, под проклятия отца, отсылалось обратно…»[295]. Это воспоминание интересно в нескольких аспектах. Во-первых, лишний раз демонстрирует то, что дети до определенного возраста «не имеют» национальности и даже не испытывают потребности в национальной самоидентификации. Во-вторых, в многонациональных семьях определяющее значение для детей имеет культурная и социальная среда, а уже затем, в сознательном возрасте, начинает сказываться влияние семьи. В-третьих, Сталин, живя и господствуя в русской культуре и в русской среде, на каком-то еще сравнительно раннем этапе своей государственной карьеры не мог не подавлять и не маскировать в себе и в своих близких следы грузинской культуры и воспитания. Причем признаки такого подавления проявились задолго до Великой Отечественной войны и начала кампании по борьбе с «безродным космополитизмом». Но такое вынужденное и заданное внешними обстоятельствами подавление национальной самоидентификации могло быть только искусственным, а значит, притворным. Маленький штрих – через несколько лет подросший Василий Сталин напишет в своих первых официальных документах национальность: «грузин», хотя грузинским языком не владел и в детстве в Грузии почти не бывал, а Светлана Аллилуева останется «русской», как и мать, родившаяся в Грузии и долгое время там жившая. Анкетные пристрастия детей (пятый пункт) вряд ли могли пройти мимо внимания отца.

Аллилуева пишет: «…он любил Россию, он полюбил Сибирь, с ее суровыми красотами и молчаливыми грубыми людьми, он терпеть не мог “феодальных” почестей, оказываемых ему грузинами. Он вспомнил Грузию, лишь когда постарел»[296]. Не знаю, что имеет в виду Аллилуева, когда утверждает, что он вспомнил Грузию лишь в старости. Может быть, очередную и самую страшную послевоенную чистку компартии Грузии и так называемое «мегрельское дело»? Смею утверждать, вопреки мнению дочери, – он никогда не забывал, что он грузин, «инородец», выросший в империи, давившей все «инородческое». Другое дело, к каким практическим результатам в его жизни и в его политике приводила эта память о первоистоках?

После того как он покинул весной 1899 года духовную семинарию, еще почти десять лет, до 1907 года, Сталин писал и публиковал свои статьи, листовки и брошюры только на грузинском языке. Вопреки распространенному мнению, ни одна из его дореволюционных работ не была оригинальной и даже – самостоятельной. Его знаний русского языка, марксистской теории и терминологии хватало только на то, чтобы выступать в качестве переводчика и интерпретатора изданных по-русски социал-демократических произведений. Примерно в том же качестве выступали и многие другие грузинские революционеры из различных политических лагерей. А еще раньше русские социал-демократы во главе с Г. В. Плехановым выступали в той же ученически-просветительской роли, усваивая, а затем транслируя западноевропейский марксизм в русскую среду.

Когда Сталину исполнилось 28–29 лет, он первый раз решился публиковаться по-русски. Неизвестно, сам ли он писал свои первые статьи на русском языке, или все же на каком-то этапе прибегал к чужой помощи? Конечно, даже родной язык, на котором начал думать, говорить и писать и который был основным до вполне зрелого, почти 30-летнего возраста, можно на протяжении последующих сорока лет постепенно подзабыть, но все же не настолько, чтобы признать единственным родным языком русский. Впрочем, в архиве Сталина и в его библиотеке есть немало свидетельств того, что он не только не забыл язык и грузинское письмо, но и до конца жизни находился внутри грузинской культуры и ее истории. Мне кажется, что и думать он иногда продолжал на грузинском. Правда, интерес к родной культуре

и истории был у него свой, какой-то особенный, таким же особенным был в его душе и мир Грузии.

* * *

Судя по интервью с Эмилем Людвигом, последние два года в семинарии Кобу грызли сомнения в правильности выбранного для него матерью жизненного пути. В то же время трудно поверить, что он тогда же, сразу и безоговорочно отверг православие и принял марксизм не только юной душой, но и разумом. В подобном резком повороте нет ничего особенного. В раннем возрасте многим свойственно, отвергая и отбрасывая одно, тут же обращаться к прямо противоположному. Сплошь и рядом люди не только в мгновение ока перевоплощаются из «савлов» в «павлы», но и наоборот. В конце концов, и сам Маркс, будучи сыном еврея-протестанта, широко пользовался евангельским языком и образностью в своих публицистических и философских сочинениях атеистического и антиклерикального характера. Но в данном случае нас интересует не столько проблема влияния тех или иных культурных или идейных наслоений, что само по себе важно, сколько проблема выбора. Так ли уж сразу, без переходных мостиков, Коба ступил на стезю марксизма, и только ли это учение на всю будущую жизнь осталось его путеводной звездой? К сожалению, в нашем распоряжении нет прямых источников, позволяющих судить о резкой идейной и душевной эволюции Кобы последних лет пребывания в семинарии. Но о них все же можно составить представление по опубликованным произведениям молодого Сталина.

В 80–90-х годах XIX века на Кавказе, в Грузии (как и в России в целом), наиболее заметны были следующие политические течения: национальные, либеральные и социалистические. Последние распадались на три самых сильных направления: народническое, анархистское, социал-демократическое. Почему Коба выбрал последнее? И был ли здесь действительно сознательный выбор или же – простое стечение жизненных обстоятельств, влияние личных знакомств, следование за молодежной политической модой того времени?

Только в 1935 году Лаврентий Берия в «своей» книге с прямой подачи Сталина впервые опубликовал на русском языке фрагменты дореволюционных произведений Кобы, первоначально публиковавшихся анонимно. Все ли процитированные в брошюре тексты принадлежат перу начинающего вождя, для меня до сих пор остается неясным. Позже, в конце 30-х годов, отдельные письма, листовки и заметки раннего периода печатались в центральных периодических изданиях. Еще в 1924 году встал вопрос об издании собраний сочинений нового лидера партии. Но странное дело, создается впечатление, что Сталин всячески оттягивал решение этого вопроса. Все предвоенные годы шла вялая подготовка к изданию собрания сочинений Сталина. Война опять затормозила этот процесс. Работники ИМЭЛ не раз напоминали ему о необходимости активизировать публикационную работу. Сталин отмахивался от этих напоминаний. Только в конце 1944 года работа активизировалась, и с 1946 года начали выходить первые тома сочинений. В них наконец-то были полностью опубликованы переведенные на русский язык дореволюционные произведения Кобы. Но в этих текстах, особенно в первом и втором томах, много загадочного.

В те далекие дореволюционные годы из соображений конспирации очень часто не указывалось подлинное авторство. У многих перепечатанных в первом томе статей, воззваний, листовок нет даже подписей псевдонимами. В конечном счете спустя десятилетия их авторство определил сам Сталин. Сначала работники ИМЭЛ (в том числе Грузинского филиала) выявляли и переводили на русский язык тексты. Затем копии подлинников и переводы передавались Сталину, который окончательно решал, какие из них оставить за собой. Процесс этот затянулся на долгие годы, а публикаторы бомбардировали записками помощников вождя и его самого. Даже в декабре 1944 года директор ИМЭЛ В. С. Кружков вынужден был напоминать, что тридцать три произведения, включенные в макет первого тома, идентифицированы только «на основании изучения содержания и стиля, а также основываясь на мемуарные и архивные материалы (так в документе. – *Б. И.*). Окончательное решение вопроса о включении этих произведений в сочинения представляется на решение товарища Сталина»[297].

И действительно, Сталин несколько раз все просмотрел, кое-что исправил в переводах текстов, в том числе сличил с грузинскими первоисточниками и сам определил авторство. Насколько мне известно, протестов по поводу авторства не было. С 1935 по 1946 год были уничтожены почти все главные свидетели кавказского периода жизни вождя, начиная с Авеля Енукидзе и Буду Мдивани. Остальные умерли своей смертью или были насмерть запуганы, как Филипп Махарадзе, или раболепствовали, как Михаил Калинин, Сергей Аллилуев и другие. После войны живых свидетелей практически не осталось.

Из макетов первых томов сочинений собственной рукой Сталина исключены многие тексты, в основном листовки, даже подписанные его известными псевдонимами. О причинах такой операции можно только догадываться. Скорее всего, эти публикации были слишком мелковаты для признанного мыслителя и вождя «всех времен и народов». В то же время среди оставленных Сталиным за собой статей и заметок есть такие, принадлежность которых перу Кобы у меня вызывает сомнение[298]. Если учесть, что большая часть из них не имеет подлинников или других достоверных атрибутов, это позволяет поставить вопрос о возможной фальсификации части ранних статей и писем и о присвоении чужого авторства. Но это особая проблема, ждущая специального рассмотрения. Вообще, все собрание сочинений Сталина требует особого текстуального и источниковедческого анализа. Дело в том, что не только публикаторы, но и сам Сталин вносили изменения в первоначальный текст, а в ряде случаев даже вмешивались в структуру публикации. Так произошло с известной работой молодого Сталина «Анархизм или социализм?». Сталин до конца жизни то ли редактировал, то ли что-то обдумывал, читая разрозненные фрагменты с карандашом в руке. Экземпляр этой статьи с правкой и макет первого тома сочинений были обнаружены на даче после смерти Кобы. Несмотря на то что правка в той или иной степени затронула многие ранние произведения, Сталин сам выкинул из проектов двух предисловий к первому тому сочинений (редакционного и авторского) все упоминания о правке текстов[299]. Учитывая все это, дадим общую характеристику раннего публицистического наследия Кобы, опираясь на те произведения, авторство которых почти не вызывает сомнений.

Настораживает, что не сохранилось ни одного произведения, написанного до 1901 года (Кобе 23 года), и нет даже свидетельств о них

самого автора. Правда, в предисловии к первому тому издатели утверждали: «До недавнего времени не разысканы архив Кавказского союзного комитета РСДРП и отдельные издания закавказских большевистских организаций, в которых печатались произведения И. В. Сталина. В частности, до сих пор не найдены произведения: “Программа занятий в марксистских рабочих кружках” (1898 г.) и “Кредо” (1904 г.)»[300]. Это заявление, мягко говоря, не точно. Архив Кавказского союзного комитета к моменту издания сочинений был давно обнаружен. Не исключено, что архив сохранился не полностью, но непонятно все же – зачем было сообщать о том, что его документов нет вообще? Может быть, потому, что из документов архива становилось ясным, какую значительную роль играл тогда в кавказских делах Л. Б. Каменев? В январе 1945 года заведующий «кабинетом Сталина» в ИМЭЛ В. Д. Мочалов делился своими сомнениями по поводу авторства многих выявленных статей и, в частности, писал: «Кроме того, в сохранившемся в архиве протоколе заседания Кавказского Союзного комитета от 30 января 1905 г. сказано: “Тов. Юр.[ий] является ответственным по редактированию изданий Союза, особенно на русском языке”. Юрий – это, по-видимому, Каменев, **не ему ли принадлежат названные выше статьи, написанные, должно быть, вначале по-русски** (выделено мной. – *Б. И.*), для русского издания “Борьбы пролетариата”?»[301] Если Каменев редактировал русский вариант «Борьбы пролетариата», то Сталин по возвращении из очередной ссылки в январе 1904 года параллельно делал то же самое по отношению к ее грузинскому эквиваленту «Пролетариатис Бродзола». Вскоре газета с тождественным содержанием и под руководством единой редакции, куда помимо Сталина и Каменева входили А. Г. Цулукидзе, С. Г. Шаумян и другие, стала выходить не только на русском и грузинском, но и на армянском языках[302]. Не исключено, что среди анонимных статей, опубликованных на грузинском языке, были и работы, написанные по-русски Каменевым или кем-то еще, но переведенные или переложенные на грузинский язык Кобой. Позже Сталин включил их в свои сочинения без каких-либо оговорок. Кроме того, анализ ранних работ Кобы не оставляет сомнений в том, что он до революции, особенно в начале публицистической деятельности, чаще всего был лишь ретранслятором, перекладывавшим с русского языка на грузинский те идеи, которые появлялись в социал-демократической

печати. Но при этом он, конечно, с каждым годом все больше вносил и что-то свое. Коба умел и любил учиться.

В начале 1945 года директор ИМЭЛ В. С. Кружков, отчитываясь перед вождем, в частности, писал: «Среди них (документов архива Кавказского союзного комитета. – *Б. И.*) оказались рукописи нескольких статей товарища Сталина, черновики протоколов съездов Союзного комитета, но не было работы товарища Сталина под названием “Кредо”»[303]. Сталинские архивисты не нашли и «Программу» занятий в марксистских кружках. Обратим внимание: кроме «Программы», Сталин не смог ничего больше припомнить из того, что он опубликовал или написал до 1901 года. Трудно поверить, что юноша, склонный к поэтическому мировосприятию, к романтизму и проповедованию в семинарских и рабочих кружках, а значит, склонный и к публицистическому творчеству, до 23 лет не пытался как-то оформить свои мысли. Хорошо было бы также понять, в атмосфере каких идей и проблем эти самые мысли зарождались? Если верить официальным и неофициальным биографам, в том числе современным, в 1901 году сразу, как из головы Минервы, пред всем миром явился сложившийся зрелый марксист и убежденный социал-демократ. Единственными источниками на сей счет, широко используемыми современными исследователями, являются мемуары, собранные главным образом в период сталинского могущества. Понятно, что они или рисуют благостную, но совершенно искаженную картину в духе официальной биографии, или просто молчат[304]. Думаю все же, что кое-какую информацию на сей счет можно извлечь из опубликованных ранних произведений самого Кобы, тем более что стареющий Сталин предпослал им собственноручно написанное предуведомление, в котором предостерегал читателей: «Чтобы понять и должным образом оценить эти произведения, следует рассматривать их как произведения молодого марксиста, еще не оформившегося в законченного марксиста-ленинца, понятно поэтому, что в этих произведениях сохранились следы некоторых ставших потом устаревшими положений старых марксистов, которые были преодолены впоследствии нашей партией»[305]. Но дело не только в том, что Коба конца XIX и первых лет века XX, конечно же, не мог предвидеть того, что российские социал-демократы вскоре расколются по отношению к аграрному вопросу и крестьянству, по отношению к характеру будущей

российской революции, а он сам в 20-х годах схлестнется с Троцким на почве авторства идеи перманентной революции. Дело в том, что Коба не был рожден ни теоретиком, ни идеологом. Сам Сталин в том же предисловии свои ранние произведения характеризовал подчеркнуто скромно, позволяя тем не менее другим захлебываться от восторга по поводу каждого его напечатанного в молодые годы слова. Несмотря на то что он уже давно был официально признанным «гением всех времен и народов», он демонстративно отстраненно оценивал молодого Кобу лишь как одного из «практиков-большевиков». Все в том же предисловии 1946 года он признавал, что до революции не придавал большого значения теоретическим вопросам: «…мы, практики, – отмечал он, – не вникали в это дело (в теорию перманентной революции. – *Б. И.*) и не понимали его великого значения ввиду нашей недостаточной теоретической подготовленности, а также ввиду свойственной практикам беззаботности насчет теоретических вопросов»[306]. Здесь Сталин в очередной раз пококетничал, как он не раз кокетничал перед слушателями и читателями, а позже ерничал во время дискуссий с Троцким и оппозиционерами 20-х годов, противопоставляя себя и своих соратников, руководящих «строительством» социализма, то есть «практиков», болтунам-оппозиционерам, то есть «теоретикам». И действительно, лишь к моменту подавления «правой» оппозиции и разрыва союза с Н. Бухариным (то есть к 1928 г.) Сталин окончательно уверовал в свои выдающиеся теоретические способности. Видимо, не для одного Бухарина, но и для Троцкого и многих других стала полной неожиданностью в тот момент претензия Сталина на роль главного партийного мыслителя. Только в канун 50-летнего юбилея в 1929 году он был окончательно и бесповоротно официально признан выдающимся марксистом.

* * *

Возможно, что самые ранние заметки (и, конечно, мысли) молодого семинариста, задумывавшегося о своей судьбе и судьбе своего народа, были все же не очень марксистскими и социал-демократическими. Во-первых, в Грузии социал-демократов в эти годы

практически не было. Не было даже переведенных на грузинский язык произведений классиков марксизма. Сохранилось предание о том, что семинаристы-кружковцы по очереди, включая Джугашвили, тайком вручную переписывали «Капитал» Маркса с единственного на весь Тбилиси экземпляра книги. Во-вторых, представители всех без исключения течений, в том числе и будущие социал-демократы, не могли не оказаться под влиянием идей грузинского национального освобождения и культурного возрождения. Ведь не случайно Иосиф понес свои первые стихи, проникнутые «гражданским пафосом», к Илье Чавчавадзе, возглавлявшему патриотическое движение за возрождение грузинской национальной культуры и литературы. Да и герои произведений Казбеги были борцами за национальное достоинство. Иначе и быть не могло. По мере того как человек взрослеет, по мере того как он все больше врастает в действительность, он начинает определять то, что является его и не его, то, на что ему позволено претендовать по праву рождения и наследования, и то, на что он претендовать не должен или не может. И тогда выясняется, что у него нет ничего или почти ничего из того, чем обладают живущие рядом с ним богатые или просто благополучные люди. Выясняется также, что люди разных национальностей, живущие на родной земле, по какой-то причине имеют преимущества или, наоборот, лишены вполне очевидных прав. И тогда у человека остается только одно достояние – ощущение владения «своим», национальным: историей, культурой, языком, небом, горами… Недаром говорят: национализм – прибежище порабощенных. Национальная самоидентификация означает перенесение внутрь себя, в свою духовную и интеллектуальную жизнь комплекса национальной (или многонациональной) культуры, главной составляющей которой является история. Здесь многое определяют семья, религия, школа, историческая наука, искусство, общественные настроения, политические партии. Все это наполняет национально окрашенным содержанием то, что мы определили как личную «историософию». История угнетаемой Грузии как часть истории Российской империи объясняла причины личного унижения и обездоленности. Ранние произведения Кобы пронизаны национальным чувством даже тогда, когда он полемизирует с дворянскими, буржуазными и иными националистами. Не только его поздняя брошюра «Марксизм и

национальный вопрос», но и вся ранняя публицистика в той или иной степени посвящена национальной теме и Российской империи как темницы народов. Вот, например, с каким эмоциональным запалом он писал об этом в одной из ранних статей (декабрь 1901 г.): «Стонут угнетенные нации и вероисповедания в России, в том числе гонимые со своей родины и оскорбленные в своих чувствах поляки, финны, права и свободы которых, дарованные им историей, самодержавие нагло растоптало. Стонут постоянно преследуемые и оскорбленные евреи, лишенные даже тех жалких прав, которыми пользуются остальные российские подданные, – права жить везде, права учиться в школах, права служить и т. д. Стонут грузины, армяне и другие нации, лишенные права иметь свои школы, работать в государственных учреждениях, вынужденные подчиняться той позорной и угнетающей политике **русификации** (выделено Сталиным. – *Б. И.*), которую с таким рвением проводит самодержавие.

Стонут многие миллионы русских сектантов… Стонут… но всех угнетаемых, всех преследуемых российским самодержавием не перечислить… Угнетенные нации России не могут даже и думать о том, чтобы своими собственными силами освободить себя, пока против них стоит не только русское правительство, но даже русский народ, еще не осознавший, что их общий враг – самодержавие»[307].

«Русификация» – это ключевое слово, материальную силу которого он явно ощущал на себе в училище, на улицах Гори и Тифлиса и особенно в семинарии. Эта та политика, из-за которой грузинские дети в училище чувствовали себя «неполноценными». Из-за этой политики в семинарии время от времени вспыхивали бунты и даже убивали преподавателей и священнослужителей. Одно из таких убийств произошло как раз накануне поступления Сосо в семинарию.

Коба, еще будучи семинаристом, довольно быстро понял, что не все грузины, по разным причинам, сопротивляются русификации. Мало кто сейчас помнит, что первая теоретическая работа Сталина, целиком посвященная национальному вопросу, была им опубликована еще в 1904 году. Она называлась «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?». Это первая значительная работа Кобы, в которой национальный вопрос рассматривается с позиций социального релятивизма, или, как стали говорить позже, «диалектически». В ней нет ничего особо оригинального. Коба просто интерпретирует для

грузинского читателя программу РСДРП по национальному вопросу, но в этой интерпретации уже есть все: раздумчивая интонация библейского Екклезиаста, образный авторский язык, простота логических заключений, подкупающая малоискушенного читателя. В старости Сталин с особым удовольствием ее перечитывал.

«Все изменяется… Изменяется общественная жизнь, и вместе с нею изменяется и “национальный вопрос”. В разные времена различные классы выступают на арену борьбы, и каждый класс по-своему понимает “национальный вопрос”…

Существовал, например, у нас так называемый **дворянский “национальный вопрос”**, когда – после “присоединения Грузии к России” – грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которое оно имело при грузинских царях… Это был **феодально-монархический “национализм”**»[308]. В этом тексте все самое значимое выделено самим Кобой. И кавычки по поводу добровольного присоединения Грузии – его же. Формула добровольного присоединения к России тех или иных национальных окраин будет вновь возрождена и станет употребляться без всяких кавычек лет через тридцать пять – сорок в послевоенных учебниках. Эта ранняя статья Кобы и проекты новых учебников истории будут одновременно прочитаны Сталиным в Кремле с карандашом в руке. Но пока молодой Коба клеймит грузинское дворянство, его «феодально-монархический «национализм». Этот вид национализма очень быстро сошел на нет, так как дворянство раскололось и одна его часть пошла на службу империи и получила тем самым желанные привилегии. «Другая же, более слабая группа грузинского дворянства, – писал недавний семинарист, – подружилась с грузинскими епископами и архимандритами и, таким образом, укрыла гонимый жизнью “национализм” под крылышко клерикализма. Эта группа с большим увлечением занимается восстановлением разрушенных грузинских церквей (это называется главной статьей ее программы!) – “памятников былого величия” – и благоговейно ждет чуда, призванного осуществить ее **крепостническо-монархические** “желания”. Таким образом, феодально-монархический национализм в последние минуты своей жизни принял клерикальную форму».

Отметим насмешливый тон будущего Сталина по отношению к недавним духовным наставникам, а также по поводу сохранения

памятников прошлого своей родины. Став «русским», он, как и многие его соратники, санкционировал массовое уничтожение памятников старины, в том числе православных церквей и монастырей по всему СССР. Но не только исторические памятники будут разрушены при прямом попустительстве бывшего семинариста. Массовым репрессиям будет подвергнута и значительная часть православного духовенства. Еще задолго до этого, в 1908 году, Коба написал злобную заметку против земляков из меньшевистского лагеря, которые потребовали наказания для убийц церковного главы, экзарха Грузии. С нескрываемой неприязнью он, обвинив меньшевиков в «бесстыдстве», писал: «Мы имеем в виду оценку убийства идейного поработителя обездоленных, так называемого экзарха…»[309] Почти наверняка еще в бытность свою в стенах семинарии Иосиф не раз целовал во время праздничных богослужений наперсный крест и руку своему высшему духовному пастырю.

По мнению Кобы, после гибели дворянского национализма народился грузинский буржуазный национализм. Мотивы его появления были вполне очевидны – молодая грузинская буржуазия испытывает конкуренцию с «иностранными» капиталистами и поэтому «начала лепетать о **независимой Грузии**». Грузинская буржуазия пытается перетянуть на свою сторону грузинский пролетариат, призывая его к «патриотизму». Далее он интерпретирует национальную программу РСДРП, противопоставляя ее грузинским «федералистам», пытавшимся организовать социал-демократическое движение по примеру еврейского Бунда.

В конечном счете получалось так, что «национальное» для молодого Кобы – это иносказательное выражение материальных интересов того или иного класса и ничего более. Богатые в разных вариантах разыгрывают национальную «карту» против бедных. И не существует никакой национальной общности бедных и богатых – даже в образе единого национального «духа». Услышав от оппонентов знакомое слово «дух», Коба писал, посмеиваясь:

«Но что такое этот национальный дух и его свойства? Наука устами диалектического материализма давно доказала, что никакого “национального духа” не существует и существовать не может. Опроверг ли кто-нибудь этот взгляд диалектического материализма? История говорит нам, что никто не опроверг… И если это так, если

никакого национального духа не существует, – то само собой ясно, что всякая защита того, что не существует, является логической глупостью, которая неизбежно повлечет за собой соответствующие исторические (нежелательные) последствия»[310].

* * *

Романтичной и экспрессивной натуре Кобы социал-демократические идеи импонировали не только декларируемым балансом между национальным и интернациональным, но и его агрессивной наступательной стратегией и тактикой. Среди целого ряда причин, приведших Кобу в стан большевистской фракции РСДРП, без сомнения, одной из главных был устойчивый курс на восстание, на вооруженную борьбу за власть. Сталин никогда не скрывал, хотя и не очень бахвалился по поводу того, что он до революции участвовал в подготовке вооруженных выступлений путем добывания денег, оружия и организации боевых отрядов. И хотя на прямой вопрос Эмиля Людвига об этом он уклонился от такого же прямого ответа, сейчас стало достоверно известно о его прямой причастности к организации отрядов боевиков в Грузии и в Азербайджане в период революционных выступлений 1905–1906 годов[311]. Иначе говоря, именно в большевистском стане он мог реализовать не только чувства национального и социального протеста, но и с оружием в руках, подобно литературному Кобе, стать профессиональным бойцом за попранную справедливость. Физический калека, он вряд ли лично участвовал в военных эксцессах. Но участвовать в их подготовке, участвовать, так сказать, теоретически вполне мог. Напомню, что именно в большевистском крыле РСДРП, возглавляемом Лениным, последний ставил вопрос о создании партийного ядра из профессиональных революционеров. Именно за это меньшевики справедливо обвиняли большевиков в бланкизме, хотя у нас в России такая «профессия» появилась еще во времена народовольцев. Положение профессионального революционера освобождало Кобу от необходимости учиться гражданской профессии, обустраиваться в обычной жизни и постоянно искать заработки. Он становился как бы подлинным былинным абреком, но в новых исторических условиях и с

еще более благородной внутренней и внешней мотивацией. Таким образом, партийная работа по организации тайных «кружков» единомышленников, так напоминавшая организационную и пропагандистскую работу первых христианских апостолов, была не только полна романтики и опасностей, но и предполагала реальные действия, то есть вооруженную борьбу. В профессии революционера сошлись сразу все те качества, которые так ценил зреющий вождь: личная свобода и возможность лидировать, романтика, тайна, проповедь, оружие и кровь, хитрость и изворотливость по отношению к врагу, жертвенность собой, которая вызывала опасливое восхищение непосвященных. Не случайно позже, в 30-х годах, он сравнит партию и ее членов с воинами духовного христианского ордена меченосцев, умевших соединять несоединимое во имя одной цели: меч и крест, ненависть и любовь, свою и чужую кровь. Но все это имело смысл и значение только в том случае, если давало силу и власть над людьми, над «массой».

Слово «масса» – в смысле «люди», «народы» – сплошь и рядом мелькает во всех произведениях молодого Кобы и зрелого Сталина. Уже в анонимном репортаже «К гражданам. Да здравствует красное знамя!» (1905 г.), авторство которого Сталин также оставил за собой, он многотысячную «толпу из армян, грузин, татар и русских», собравшихся в ограде Ванкского собора, обволок этим магическим словом новой, революционной эпохи: «Масса аплодирует ораторам. Распространяются наши листовки… Масса принимает их нарасхват. Настроение массы поднимается. Назло правительству она решает собраться на другой день в ограде того же собора, чтобы еще раз “поклясться любить друг друга”… Масса разбивается на группы и обсуждает содержание прокламаций… Настроение массы подымается. Она решает демонстративно пройти около Сионского собора и мечети… Масса приводит в исполнение свое решение. Настроение массы подымается все выше и выше». И вот апофеоз. Над массой и на руках массы возносится знаменосец с красным знаменем. “Да здравствует красное знамя!” – отвечает масса… “Клянемся!” – отвечает масса на призыв бороться с царизмом»[312].

Это видение «массы», начинающей буквально на глазах жить собственной жизнью, и себя, как ее повелителя, возбуждающего ее, а затем через нее возбуждающего и себя, всю жизнь будет преследовать

Сталина. И еще один знакомый «субъект» сталинской политической психологии обнаруживается в раннем творчестве будущего вождя.

Все в том же 1905 году в статье без подписи, названной «Буржуазия ставит ловушку», Коба, возможно, впервые употребляет знаменитые словечки: «враг народа»[313]. Конечно, это не его изобретение. Тогда он вслед за Лениным и другими большевистскими публицистами так обозвал представителей «либеральной буржуазии». Но придет время, и это зловещее словосочетание, заимствованное из истории Великой французской революции, войдет в обыденный язык советских людей XX века. В повседневность войдет еще одна знаменитейшая сталинская формула об обострении классовой борьбы в обществе по мере продвижения к социализму. Оказывается, первоначальный вариант этой формулы сложился у Кобы задолго до того, как он всерьез задумался о ее применении в своей практической политике. «Раз и навсегда зарубите себе на носу, либеральствующие товарищи, – обращался он в адрес меньшевиков в 1907 году, – что чем более сознательно борется пролетариат, тем более контрреволюционной становится буржуазия. Таково наше объяснение»[314].

Несмотря на то что кличку Коба он использовал в своей повседневной подпольной жизни несколько раньше, первый раз подписал статью этим псевдонимом только в июле 1906 года. Статья называлась «Маркс и Энгельс о восстании». И это не случайно. Иосиф вспомнил об этом воинственном литературном персонаже и его имени в связи с вооруженными выступлениями против царской власти, захлестнувшими страну. Это была совершенно особая заметка, посвященная тому же вопросу, что и знаменитая работа Ленина «Уроки восстания». Вышедший одновременно с этой заметкой в отдельной брошюре сталинский комментарий «Современный момент и объединительный съезд рабочей партии» еще в большей степени затрагивал вопросы вооруженной борьбы. Не важно, что из этих работ становится совершенно ясно – Коба лишь понаслышке, из вторых или третьих рук, узнает о теоретических разногласиях в германской социал-демократии. Важнее то, что он, полемизируя с заграничными и местными меньшевиками, которые говорили: «Рано взялись за оружие», ссылаясь на Маркса и Энгельса, повторил вслед за Лениным «уроки» Декабрьского вооруженного восстания. Оказывается, главная

причина поражения, по Сталину, в том, что не хватало оружия и не было хорошо обученных боевиков. Здесь уже Коба проявляет большую самостоятельность и не только перелицовывает на грузинский язык то, что писали по-русски заграничные лидеры. В отличие от Троцкого, он, никогда не возглавлявший и даже не участвовавший лично ни в одной боевой операции (слухи об участии в вооруженном ограблении банка не в счет), с большим апломбом рассуждает о проблемах организации восстания и вооружении. Почему самодержавие устояло? – риторически спрашивает Коба меньшевика-оппонента. Оказывается: «Прежде всего потому, что у народа не было либо было слишком мало оружия, – как бы вы сознательны ни были, голыми руками против пуль не устоять!.. В уличных боях народ – герой, но если его не ведут вооруженные братья и не показывают примера, то он может превратиться в толпу». И только в последнюю очередь Коба назвал в ряду причин поражения – разрозненность выступлений и слабую организацию восстания[315]. Впрочем, и эта статья всего лишь комментарий к документам IV «Объединительного» съезда РСДРП, опубликованным в той же брошюре.

Надеялся ли Коба, как и другие знакомые ему революционеры, оказаться когда-нибудь в числе победителей самодержавия? Рассчитывал ли он дожить до победного часа и воспользоваться плодами победы? После 1905–1906 годов революционное движение резко пошло на спад. Сталину было уже около 30 лет. Чем дольше шло время, тем все меньше оставалось надежд на скорую победу революции. Спад революционного движения, сибирские ссылки, побеги, нелегальная бродячая жизнь, туберкулез, тиф и другие болезни порождали, и не у него одного, чувство усталости и раздражения. Особое раздражение вызывали мелкие бесконечные склоки, временные альянсы и новые раздоры в руководящих заграничных кругах «теоретиков». Но путь профессионального революционера уже был окончательно выбран, и как ему, наверное, тогда казалось, вся его дальнейшая судьба уже была предопределена. Что же его могло ждать, на что он мог рассчитывать в будущем, какова была перспектива?

Сталин редко кого поминал добрым словом, даже после чьей-либо смерти. Курил фимиам перед тенью Ленина, публично скорбел по убитому Кирову, тяжело переживал самоубийство Надежды Аллилуевой. Можно назвать еще два-три имени, которые Сталин лично

поминал за гробом добром. Но одним из первых в этом ряду был малоизвестный молодой грузинский революционер Г. П. Телия. Они были почти ровесники. Выйдя из низов, Телия выучил русский язык и самостоятельно освоил марксистские азы. Так же как Сталин, он участвовал в пропаганде марксизма в грузинской среде. Умер Телия в мае 1907 года от туберкулеза. Его мирная смерть почему-то произвела особо большое впечатление на Кобу. Мне показалось, что в короткой судьбе соратника он вдруг увидел тогда свою скорую судьбу, и душа его затрепетала. Надгробное слово «Памяти тов. Телия» – яркое публицистическое произведение раннего Кобы. В нем он мобилизовал все то лучшее, чему его учили наставники в духовной семинарии. Даже зачин этой заметки построен «от обратного», то есть по классическим правилам надгробного слова.

«Чрезмерное восхваление умерших товарищей вошло в обычай в наших партийных кругах. Замалчивание слабых сторон и преувеличение положительных – характерная особенность нынешних некрологов. Это, конечно, неразумный обычай. Мы не хотим следовать этому обычаю. Мы хотим сказать о тов. Г. Телия только правду, мы хотим познакомить читателя с Телия, каким он был в действительности. И вот действительность говорит нам, что тов. Г. Телия как передовой рабочий и как партийный работник был до конца безупречным и неоценимым для партии человеком. Все то, что больше всего характеризует социал-демократическую партию: жажда знаний, независимость, неуклонное движение вперед, стойкость, трудолюбие, нравственная сила – все это сочеталось в лице тов. Телия. Телия воплощал в себе лучшие черты пролетариев. Это не преувеличение. Нам это покажет сейчас его краткая биография.

Тов. Телия не принадлежал к числу “ученых”. Он самоучкой одолел грамоту и стал сознательным». Далее автор кратко изложил основные вехи жизни почившего героя. Это Телия поднял однажды красное знамя над толпой демонстрантов, это за ним гналась по пятам полиция, это он организовал в Батуми подпольную типографию, его, как и Кобу, арестовывали, сажали в Кутаисскую тюрьму, и он, как и Коба, заболел в тюрьме туберкулезом. Но его беспокоило лишь одно – «праздное сидение и бездействие». Он словами Кобы вопрошал: «“Когда же я дождусь того дня, когда по-своему развернусь на просторе, снова увижу народную массу, прильну к ее груди и стану

служить ей", – вот о чем мечтал запертый в тюрьме товарищ». Телия, как и Сталин, так же успешно совершал побеги, да и вся его жизнь, описанная в некрологе, почти зеркально отражала крестный путь революционера Кобы. Телия, как и Коба, не только бежал из тюрьмы, вел подпольную жизнь профессионального революционера, но вместе с ним ездил в 1905 году на партийный съезд в Таммерфорс. И только здесь Коба сообщает читателю, что друг-то чуть ли не до конца своих дней был меньшевиком, правда, мало похожим на других представителей враждебного крыла. «В это время в партии происходил раскол, – писал Сталин. – Тов. Телия тогда примыкал к меньшевикам, но он вовсе не походил на тех "казенных" меньшевиков, которые меньшевизм считают "кораном", себя правоверными, а большевиков – гяурами. Телия не походил и на тех "передовых" рабочих, которые считают себя "социал-демократами от рождения"… Характерным свойством Телия было именно то, что он отрицал фракционный фанатизм, всем своим существом презирал слепое подражание и до всего хотел дойти своим умом». Услужливые редакторы ИМЭЛ предложили Сталину заменить слово «гяур» (неверный, собака) на что-то более привычное и благозвучное для русского слуха, но Сталин с ними не согласился.

Мы так привыкли, что именно большевики, Ленин, Сталин, Зиновьев и другие воплощали в себе крайнюю нетерпимость, что странно и непривычно читать теперь рассуждения Кобы о вреде политического фанатизма. В заслугу соратнику-меньшевику Сталин поставил (что бы вы думали?), оказывается, то, что он с увлечением читал книги, как Мартова, так и Ленина. «Надо было видеть исхудавшего, пожелтевшего Телия, который, настойчиво корпя над книгами, с улыбкой говорил: как я вижу, решить, быть ли большевиком или меньшевиком, не так-то легко; пока не изучу эти книги, до тех пор мой меньшевизм построен на песке». И лишь после этого он заявил: «Я, товарищи, большевик; как мне кажется, тот, кто не большевик, несомненно, изменяет революционному духу марксизма». «Только теперь, – продолжал Коба, – он начал серьезную литературную деятельность. Во время своей болезни он написал: "Что нам нужно" (см. "Ахали цховреба"), "Старые и новые мертвецы" (ответ Арч. Джорджадзе), "Анархизм и социал-демократия", "Почему нас называют бланкистами" и другие». К этой фразе добавлена сноска: «Последние

две брошюры не могли быть напечатаны, так как были захвачены полицией во время обыска». Сноска принадлежит Сталину. Речь, возможно, идет об обыске в редакции газеты «Ахали цховреба», где заправлял Коба и куда Телия, может быть, передал свои работы. Удивительно, однако, то, что в то же самое время и в той же газете Коба начинает публиковать серию статей из отдельных разделов своей первой книги или брошюры под очень схожим названием, что и брошюра Телии, – «Анархизм или социализм?». Да и упоминавшаяся ранее яркая заметка «Маркс и Энгельс о восстании» была опубликована в то же самое время и в той же газете, что и первые фрагменты брошюры. А ведь эта работа не столько говорила об уроках восстания, сколько была направлена против меньшевиков, обвинявших большевиков в **бланкизме**. Как могло получиться, что два хорошо знающих друг друга человека, работающие в одной партийной организации и даже печатающиеся в одной газете, пишут в одно и то же время, на одни и те же темы, в том числе обширный теоретический трактат об анархизме и социал-демократии, и не боятся недоразумений? Впрочем, по словам того же Кобы, Телия в последние месяцы был уже так плох, что общался с другом при помощи переписки. Настораживает и то, что сталинская брошюра сейчас имеет две редакции, так как после закрытия газеты Коба еще два раза возобновлял ее публикацию в других изданиях. Но ни в одном из вариантов работа так и не была завершена. И совсем уж странно, что вождь уже в зрелые годы никак не мог сообразить, какая же редакция основная и в какой последовательности следует печатать отдельные статьи этой работы в собственном собрании сочинений. «Анархизм или социализм?» – первая и, по существу, единственная работа Сталина, посвященная теории диалектического и исторического материализма, которая еще несколько раз будет перерабатываться, а затем войдет в качестве теоретической главы в «Краткий курс истории ВКП(б)». Даже после Великой Отечественной войны она переиздавалась отдельной брошюрой.

Завершая некролог, Сталин писал: «Такова картина короткой, но полной бурь жизни тов. Телия.

Изумительные способности, неиссякаемая энергия, независимость и апостольский дар – вот что характеризует тов. Телия»[316].

«Апостольский дар»! Ну, никак не мог Коба вытравить в себе не только национальное, но и семинарское восприятие мира.

Давно стало общим местом заявление о глубоком антисемитизме Сталина. Проблема, требующая отдельного и очень серьезного рассмотрения. У меня сейчас создается впечатление, что, как и многое другое в душевной и интеллектуальной жизни вождя, «еврейский вопрос» – действительно очень важная составляющая его жизни и практической политики – развивался в его внутреннем мире как бы циклически. И первый такой «цикл» завершился ко времени V Лондонского съезда партии, собравшегося весной 1907 года. Вернувшись на Кавказ, Коба поделился своими наблюдениями и впечатлениями в статье «Записки делегата».

Среди жителей Гори во времена детства Сосо евреев практически не было. Преобладали армяне и грузины. Даже русских было немного. Но мальчик, воспитываемый набожной матерью, а затем в духовном училище, вторым после имени Христа, конечно же, должен был услышать имя предателя Иуды и имя народа, кричавшего во времена царя Ирода: «Распни, распни Его… и пусть кровь Его будет на нас и детях наших». После того как Иосиф перебрался в Тифлис, «еврейский вопрос» он уже воспринимал не только в трактовке духовных наставников и истории церкви, но и на практике, в жизни. Еврейская община Тифлиса была в те времена одной из самых древних и довольно многочисленных на Кавказе. В повседневной жизни Иосиф привык видеть в местных евреях мелких торговцев и ремесленников, имеющих низкий социальный статус. И в этом смысле всех «инородцев» Грузии, включая армян, азербайджанцев (до революции их называли «татарами»), он воспринимал как нации, равно с грузинами угнетаемые русским самодержавием. По мере втягивания в политическую борьбу для него становилась все ощутимее не только социальная, но и национальная составляющая. Среди российских социал-демократов разных течений русские, евреи и грузины составляли абсолютное большинство. Но внутри этого течения национальный состав был далеко не одинаков. При желании за политическими пристрастиями можно было легко обнаружить национальный мотив. Сталин, примкнув к большевикам, которые на самом-то деле длительное время были в РСДРП в меньшинстве, все чаще выступал не только против меньшевиков-грузин, но и против меньшевиков-евреев и бундовцев. И

еще один немаловажный факт, который, как я думаю, оказал негативное влияние на отношение Сталина к евреям в то дореволюционное время. Именно на Лондонском съезде он увидел и услышал блистающего Л. Д. Троцкого. Коба тоже выступал, но говорил кратко, невыразительно и затрагивал малозначимые вопросы. Обстоятельства политической борьбы и личная зависть породили первые приступы антисемитизма Кобы Ивановича. Этот гибридный псевдоним он сознательно избрал во время работы съезда и потом подписался им под газетным отчетом. В отчете, написанном уже по-русски, Коба Иванович впервые публично обозвал Троцкого («красивая ненужность») и также впервые использовал статистику съезда для анализа национального состава и для далекоидущих политических выводов. Позже национальный состав съездов и руководящих партийных органов будет им отслеживаться с неизменным вниманием.

«Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей, – делился своими впечатлениями Иванович. – Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев). Далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром»[317]. Не будем очень сильно придираться к шутливой интонации. Делегаты съезда, как и сам автор, явно в доброжелательном тоне обсуждали национально-политический состав съезда. Но затем Коба Иванович переносит вопрос в более широкую область классово-национального состава населения России. И тогда он уже без всякой ссылки на статистику заявляет, что в большевистской партии потому преобладают русские, что они представляют истинно пролетарские промышленные районы империи. Меньшевики же, среди которых преобладают евреи и грузины, представляют районы «мелкого производства». Коба, конечно же, просто повторил самоутешительные доводы, которые приводили своим последователям большевистские лидеры, терпящие поражение на съезде. Но то, что истинные пролетарии – это большевики и русские, а меньшевики и евреи – это мелкие торгаши, примазывающиеся к

революции, он крепко усвоил на будущие времена. Он также повторил, причем с откровенным удовольствием, ядовитое замечание Розы Люксембург в адрес Бунда, которая, в отличие от Алексинского, сама была еврейкой по национальности: «Тов. Роза Люксембург художественно-метко охарактеризовала эту политику Бунда, сказав, что политика Бунда не есть политика зрелой политической организации, влияющей на массы, что это – политика торгашей, вечно высматривающих и вечно выжидающих с надеждой: авось завтра сахар подешевеет»[318]. Так «еврейский вопрос» сравнительно плавно вошел в повседневную жизнь новоявленного Навуходоносора.

В Кобе Ивановиче уже было все то, что потом обнаружилось и развилось в зрелом Сталине. Но те первичные мнения, взгляды и пристрастия, которые выработал в себе провинциальный грузинский революционер-пропагандист, стали приобретать сосем иное качество, когда он завладел абсолютной государственной властью.

От «Великого Моурави» до «Великого Сталина»

Состав ленинского руководства российским государством был более интернациональным, чем за всю предыдущую историю. Так или иначе, в нем было представлено большинство национальностей, проживавших в России. Самым видным партийно-государственным деятелем, кровно связанным с Кавказом, был грузин Джугашвили (Сталин). Он был членом высшего политического органа – Политбюро ЦК РКП(б), а также стал одним из первых народных комиссаров советского правительства. То, что впервые в истории России был создан специальный государственный орган, Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил нарком-грузин, также было не случайно. После того как Сталин завладел единоличной властью, до конца войны он продолжал соблюдать в руководстве определенный национальный баланс, стараясь избегать обвинений в землячестве, одновременно шумно демонстрируя приверженность и к «интернационализму», и к «великорусскому» шовинизму. Политика Сталина, со всеми ее разновидностями, была в высшей степени конъюнктурна и демагогична. Но с середины 30-х годов, благодаря его личной поддержке, все более заметную роль во властных структурах стали играть кавказцы – грузин Серго Орджоникидзе, армянин Анастас

Микоян. Главным же действующим «лицом кавказской национальности» в сталинском руководстве был, конечно, мегрел Лаврентий Берия. С середины 30-х годов и до самой смерти Кобы Берия был не только его «глазами и ушами», не только организатором и исполнителем его самых тайных замыслов. Судя по той особой доверительности, которая возникла между ними со времени совместной работы над фальсификацией истории большевистских организаций Закавказья, Берия стал для Сталина особенно близким лицом. Конечно, как и со всеми другими близкими людьми, Сталин играл и судьбой Берия, то приближая, то отдаляя его, то поручая самые важные и тайные дела, то демонстрируя недоверие и отчуждение. Стиль отношения Сталина к политически близким людям – это особая тема. Длительное время у Сталина было несколько человек, которые пользовались его особым расположением. Это русские Молотов, Маленков, еврей Каганович и грузин Берия. По разным причинам другие члены Политбюро, включая Кирова и особенно Орджоникидзе, пользовались гораздо меньшим расположением вождя и, похоже, именно поэтому так рано расстались с жизнью. Я думаю, что Сталин, как многие, воспитанные в атмосфере обостренного отношения к национальной проблеме, постоянно подсчитывал соотношение национального с другими факторами в каждом приближенном человеке. Привычка тщательно взвешивать национальный фактор в повседневной, а значит, и в политической жизни была воспитана в нем еще со времен кавказской юности и подпольной молодости.

Но с середины 30-х годов не только люди с Кавказа все чаще стали появляться в различных партийных и государственных учреждениях, в ближайшем окружении Кобы, на даче, в быту, в карательных органах. Культура Кавказа, в особенности Грузии, в том числе литература, музыкальный фольклор все в больших масштабах стали проникать в общероссийскую культуру. Любимые с юности писатели и поэты вождя переводились на русский язык и издавались массовыми тиражами. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих неизменный интерес стареющего Кобы к Кавказу, к своей родине.

В сохранившейся части сталинской библиотеки я нашел несколько десятков книг на грузинском языке и много переводной литературы с дарственными надписями авторов, переводчиков, составителей. Среди них, например, грузинский перевод «Божественной комедии» Данте

Алигьери, несколько изданий поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», книга Т. Амиранашвили «История грузинского искусства (Т. 1. Тбилиси, 1944), И. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа» (Т. 2. Тбилиси, 1937), работы по кавказоведению и языкознанию Н. Марра, А. Чикобава, художественные произведения К. Гамсахурдиа, Г. Леонидзе и другие. В библиотеке вождя находится сейчас и экземпляр книги Шота Руставели на русском языке, изданный в 1937 году, с дарственной надписью Светланы Аллилуевой своему брату: «Милому Васе в день рождения, Светлуха. 4 марта 1944. Примечание: Этот фолиант предназначен для создания уюта, лежа на столе»[319]. Действительно, эта громоздкая книга в тяжелом переводе Пантелеймона Петренко и с портретом Руставели, нафантазированным Сергеем Кобуладзе, предназначена больше «для создания уюта», чем для чтения. Не знаю, знал ли Сталин о существовании дореволюционного и очень удачного перевода поэмы К. Бальмонта, но то, что он лично инициировал работу над текстами средневекового персидско-грузинского памятника литературы, это очевидно. Напомню, что еще в семинарии он зачитывался романтической поэзией Руставели и даже сам нарисовал его воображаемый портрет. Светлана Аллилуева утверждает, что отец любил иногда рассуждать о достоинствах русского перевода поэмы[320].

В библиотеке Сталина есть также сборник повестей и рассказов Ильи Чавчавадзе, который был издан на русском языке в 1937 году с предисловием В. Гольцева. Автор предисловия сослался, конечно, на доклад-брошюру Л. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» (издание 1935 г.), в которой Чавчавадзе характеризовался как основатель «феодально-прогрессивного» политического направления[321]. Гольцев первым высказал предположение, что Чавчавадзе (член Государственного совета царской России), возможно, был убит в 1907 году по распоряжению царской охранки за свои антиимперские антирусские настроения. Позже в БСЭ и в справочниках уже без всяких сомнений утверждалось, что он был тайно убит охранкой, хотя на самом деле писатель был известным карточным игроком, бретером и очень вспыльчивым человеком. Поэтому подлинные мотивы убийства первого светского наставника Кобы, скорее всего, имели мало общего с поздней официальной версией. Хотя в целом Чавчавадзе был скорее национал-либералом, он

очень откровенно высказывал свои националистические взгляды, причем не только позволял себе традиционные для многих грузинских националистов антиармянские выпады, но в литературных произведениях допускал выпады антирусского характера. Предисловие Гольцева помогало русскому читателю относиться к ним с пониманием. «Что же касается национализма Ильи Чавчавадзе, – писал он, – его нельзя оценить по достоинству, если не вспомнить, что при царском режиме революционный и демократический национализм являлся средством самозащиты маленьких угнетаемых народов, что, в частности, Илье Чавчавадзе и его соратникам приходилось вести борьбу против реакционных публицистов вроде Каткова, цинично предлагавших грузинам перенести свои национальные знамена в цирк, против кавказских попечителей вроде Янковского, изгонявшего грузинский язык даже из программ начальных школ, против тбилисских экзархов, проклинавших с высоты амвона грузинский народ»[322].

Чавчавадзе действительно значительный грузинский писатель, но первые переводы его произведений на русский язык уже в советское время не очень удачны. Приведу небольшой отрывок из его повести «Записки проезжего. От Владикавказа до Тифлиса», в котором одновременно пародируются лермонтовский «Герой нашего времени», Гоголь с его образом России, как «птицы-тройки», и художники-передвижники с их чувствительными портретами русского мужика-труженика.

«Удивительно! Как прекрасно тупое лицо этого ямщика на картинах русских художников, – этого самого ямщика с толстой шеей, ленивой, распущенной повадкой и какими-то скотскими, нечеловеческими движениями! Настолько хорош портрет, настолько – даже с виду – отвратительна действительность!..

– Кто изобрел этот возок? – спросил меня француз, указывая пальцем на почтовый возок, на котором неуклюже дремал еще не очухавшийся от сна ямщик.

– Русские, – ответил я.

– Да, пожалуй, ни один народ не станет его у них оспаривать!

– Что поделаешь? Вся Россия так ездит»[323].

Как мы помним, перевод вышел в 1937 году. Оставалось десять лет до начала эпохи борьбы «с безродным космополитизмом» и

инспирированных Сталиным заявлений на весь мир о русском приоритете в большинстве областей мировой науки и техники.

* * *

На всех упомянутых книгах из библиотеки Сталина, имеющих отношение к Грузии, нет видимых следов размышлений вождя. Но зато они в изобилии встречаются на других изданиях, художественных и научных произведениях, хранящихся ныне в его архиве. Помимо переписки и официальных документов, там есть три группы источников, характеризующие его личное отношение к Грузии в период своего могущества. Одна группа – это публикации произведений самого Сталина на грузинском языке, как дореволюционные, так и советского времени. Помимо тех, о которых уже шла речь в связи с изданием первых томов сочинений, упомяну брошюру на грузинском языке (1905 г. издания) «Вскользь о партийных разногласиях». На ее обложке Сталин собственноручно начертал значительно позже: «Составлено И. Сталиным»[324]. В сборник статей «Об основных вопросах борьбы компартии Грузии», изданный в Тбилиси в 1934 году, включены работы как дореволюционного периода, так и более поздние тексты[325]. Эта публикация предшествовала докладу и брошюре Берии и, возможно, послужила для нее теоретическим подспорьем. На страницах этого сборника есть замечания Сталина на грузинском языке, главным образом грамматического характера.

Вторая группа источников, находящихся в архиве Сталина, – это художественные произведения и киносценарии на тему истории Грузии. Третья группа – научные книги и статьи по истории и культуре Грузии и народов Кавказа. Последние две группы опубликованы как на русском, так и на грузинском языках. На всех них есть более существенные пометы Сталина также на двух языках, которые он делал до начала 50-х годов, то есть фактически вплоть до своей кончины.

В истории Грузии, как и в истории любого народа, есть разные персонажи: благородные герои и негодяи, сильные духом подвижники и приспособленцы, тупые исполнители чужой злой воли… Все как у всех. По-детски идеализируя своих родителей и предков, человечество ищет в них опору во всем, даже в заведомо сомнительном с точки

зрения обычной морали. Потомки всегда оправдают предков, которые в целях ли защиты отечества, восстановления его целостности или независимости, то есть в целях «высших» национальных интересов, прибегают ко лжи и коварству, используют в борьбе измену и неблагодарность. Но если в интересах «народа» это делали «они», наши отцы и деды, то и «нам», их наследникам и потомкам, можно и должно делать то же. А поскольку у других народов есть свои авторитетные предки, которые им «завещали» то же самое, но по отношению к своим ближним и дальним соседям, то на земле, на поле боя идут сражения не только между живыми потомками, но и между тенями предков, «подхлестывающих» их эмоциональными бичами. Попробуем понять, почему Сталин избрал в качестве официального героя Древней Грузии Георгия Саакадзе, чье поведение с точки зрения общечеловеческой морали было далеко не безупречным. При этом оставим для специалистов споры о реальном историческом лице, жившем в Грузии в самом конце XVI – начале XVII века.

В истории Грузии было множество исторических деятелей, издревле пользовавшихся огромным уважением и удостоенных благодарной памяти потомков. Например, особой любовью пользуются три властителя Грузии XII века: Давид Строитель, Георгий III и царица Тамара. При них страна достигла наивысшего расцвета, а территория Грузии включала в себя части теперешних Армении и Азербайджана. Они отражали нашествия турок-сельджуков, достигли больших успехов в экономике и культуре. Но Сталин, возможно еще с юности, избрал в качестве образца исторического героя не их, а военачальника-авантюриста, потомственного «моурави». Так называли воеводу, административное лицо, управлявшее небольшой территорией феодального государства. В конце XVI – начале XVII века Грузия стала яблоком раздора для двух могущественных соседних мусульманских государств – Персии и Турции. Поучаствовав в различных феодальных войнах, Саакадзе в 1612 году вместе с дружиной перешел на службу к известному персидскому завоевателю и государственному деятелю шаху Аббасу I. Там он зарекомендовал себя в качестве талантливого полководца и верного сатрапа. В 1623 году шах поручил ему вместе с группой других военачальников возглавить поход на Грузию, которую раздирали феодальные междоусобицы и которой пытались овладеть турки. Оказавшись на родине, Саакадзе в 1625 году изменил персам и

вместе с грузинским царем Теймуразом I разбил собственные войска, выделенные ему шахом. Но вскоре он рассорился и с грузинским царем, был разгромлен соотечественниками и поэтому бежал под защиту своих бывших врагов в Турцию, где через несколько лет был убит. Судьба Саакадзе довольно обычна для того времени, когда отважные авантюристы, наемники и конкистадоры из различных стран Европы и Азии с легкостью переходили от одного правителя к другому. Вспомним хотя бы русского князя Андрея Курбского. В грузинской исторической и литературной традиции образ «Великого Моурави» очень быстро приобрел черты защитника угнетенного отечества, хитроумно использовавшего одних своих врагов против других. Возможно, именно этим образ Георгия Саакадзе и привлек к себе Иосифа Джугашвили еще в юности.

В сентябре 1938 года Сталин получил в подарок книгу от Анны Антоновской – писательницы, специализировавшейся на исторических романах. По традиции того времени подарок был предназначен «вдохновителю нашей героической эпохи Иосифу Виссарионовичу Сталину». При этом она сочла нужным добавить: «С глубоким уважением и любовью, автор». Книга называлась «Диди Моурави. Исторический роман (Грузия XVI–XVII вв.)». Она вышла в издательстве «Заря Востока» в 1937 году. Книга была написана и напечатана по-русски, хотя издана в Грузии и ее грузинское название было напечатано русскими буквами. У меня нет сведений, позволяющих утверждать, что это был личный заказ вождя, но книжка явно пришлась по душе Сталину, и он ее прочитал всю, от корки до корки, включая словарь-комментарий. Книга написана талантливо, читается легко, несмотря на обилие персонажей, грузинских, тюркских, персидских слов и выражений. Конечно, автору помогали грузинские историки, о чем есть соответствующее указание. Переводчиком стихов и составителем комментариев выступил Борис Черный. Как всегда, даже когда читал с увлечением, Сталин отмечал карандашом неточности и, как он считал, допущенные автором ошибки. Так, он везде, где встретил, обвел карандашами разных цветов и поставил вопросительные знаки рядом со словами «чурек» и «аул». Судя по контексту, счел неуместным вкладывать тюркские слова в уста средневековых грузин, принадлежавших к индоевропейской (или, как тогда говорили, яфетической) языковой группе. Ему почему-то не

понравилась и поэтическая оценка расстояния, отделявшего русское царство времен Бориса Годунова от Грузии: «Далеко очень русский царь сидит, сто восемьдесят **солнц** взойдет, пока к нам помощь доберется…» Слово «солнц» он подчеркнул и поставил рядом знак вопроса. Но зато он взял себе на заметку такую вот историческую справку, выписанную автором из научного издания:

> «Географическая обособленность кавказских племен и народностей в условиях средневековой замкнутости хозяйства способствовала образованию изолированных друг от друга поселений, которые, при наличии различных религиозных воззрений, нередко считали ближних и дальних соседей своими непримиримыми врагами»[326].

С не меньшим интересом, чем сам роман, Коба изучил приложенный грузинско-русский словарь, отметив с десяток незнакомых старинных грузинских и тюркских слов. Он отметил имя легендарного царя Грузии IV века до н. э. Парнаоза, слова: «салтхуцеси» – министр двора, «Самцхе-Саатабаго» – юго-западная часть Грузии, «Светицховели» – название Мцхетского собора, «Тархан – по-татарски – вольная» и т. д.[327] Как всегда, он пользовался случаем, чтобы пополнить и освежить свои знания, в том числе и знание грузинского языка.

В 1940 году выходит вторая часть романа, и вновь Сталин прочитывает ее с различными карандашами в руке. Замечания все те же. Значит, он не счел нужным сообщить о них в свое время автору[328]. Роман Сталину явно все больше нравится. Еще бы, исторический персонаж выглядел в романе как былинный богатырь, защитник бедных и угнетенных, был справедлив даже к врагам, его окружали предатели и негодяи, а все его сомнительные поступки, оказывается, содержали в себе тайный умысел помочь несчастной родине. Об одном из эпизодов хочется сказать особо. Шах, отправляя Великого Моурави походом на Грузию, оставляет у себя заложником его сына Паата. Саакадзе знает, что сыну не жить, если он изменит Аббасу. Об этом догадывается и Паат. Тем не менее Великий Моурави поднимает восстание, громит персов, а взамен получает от шаха голову сына. Так демонстрировалась любовь героя к родине, которая сильнее всяческих родственных

привязанностей. Хотя на самом-то деле литературный Саакадзе жертвовал жизнью сына ради приобретения собственного царства. Конечно, ни писательница, ни вождь не могли предположить, что через год после выхода второй книги сын «Великого» Сталина Яша окажется в немецком плену и как бы повторит судьбу сына Великого Моурави. Как и Паат, Яков, невольно давший отцу возможность продемонстрировать готовность жертвовать в войне даже жизнью своего единокровного сына, пропадет в немецком плену бессмысленно и бесполезно.

* * *

Сталин попытался материализовать любимого исторического героя своей юности и поэтому решил поведать о нем и его деяниях всему СССР. После выхода второй части романа, видимо, был объявлен конкурс на лучший сценарий для фильма. Коба выступил в качестве верховного арбитра. В архиве Сталина сохранились два литературных сценария и его записка о них[329]. Один сценарий написан в соавторстве Анной Антоновской и Борисом Черным, по мотивам уже опубликованного романа, а другой – грузинским писателем-«орденоносцем» Георгием Леонидзе. Сталин внимательно прочитал оба сценария. Произведение Леонидзе ему явно не понравилось. И действительно, герои будущего фильма чересчур напыщенны, в сценарии нет кинематографической динамики. Текст раздражал Сталина неточностью исторических и бытовых деталей, нечеткими диалогами, неясно выраженными авторскими мыслями. Как человек, с детства восхищавшийся профессиональными кулачными бойцами, он сразу же подметил неточность в такой сцене: «Гиви схватил турка одной рукой за руку, и глаза его на мгновение встретились с глазами противника. Он ловко нанес **ему удар под локоть**. Турок выпустил из руки кисть Гиви и упал. Дочь Гуриели с восторгом следит за **борьбой** из окна». Сталин, отметив эту неточность в тексте, сбоку приписал: «*В борьбе нельзя* ***бить***»[330]. Проявил он осведомленность и в истории оружия. Автор написал: «Османы подбираются к Горийской крепости подкопом, закладывают **мины** и взрывают». Сталин комментирует: «*Мин не было тогда*». И хотя

Сталин действительно изучал литературу по истории войн и оружия, ошибается здесь Верховный Главнокомандующий СССР. Минами тогда называли любой заряд пороха, заложенный в подкоп, под укрепление. За несколько десятилетий до описываемых событий стена Казанского кремля была взорвана такой миной по приказу Ивана Грозного. Леонидзе вообще не повезло с Горийской крепостью. Явно желая угодить вождю, он заставляет своего героя совершить стремительный бросок на ее защиту. Но поздно, перед ним возникает «Горийская крепость, полуразрушенная, наполовину выгоревшая». Сталин рассмеялся: «*Ха-ха-ха…*»[331] Ему ли было не знать, все детство лазавшему по ее развалинам, что во времена шаха Аббаса она стояла нерушимо. Впрочем, достоверных сведений на сей счет нет.

В нескольких местах на полях сценария Сталин написал: «*Глупо!», «Глупая сцена».* Вот одна из сцен, не понравившихся Кобе:

«Саакадзе:

– **Что ты будешь делать, если меня убьют?**

– Этого не будет!

Саакадзе:

– **А если случится?**

– **Я убью** того, кто убьет тебя!

Саакадзе улыбнулся»[332].

Если учесть, что Великий Моурави ведет диалог с собственной женой, то в подобных случаях горская романтическая душа ждет от нее, по крайней мере, жертвы собственной жизнью, а не ответной кровной мести, что более подобает родственнику-мужчине. В общем, этот сценарий Сталину не понравился.

Сценарий Антоновской и Черного действительно много лучше, авторы хорошо знакомы со спецификой кинематографического построения образов, да и русским языком они владеют профессиональнее. Главное же, они уловили потребность вождя в романтическом восприятии истории родины и ее былинных героев. Это становится очевидным буквально с первого кадра и с первых титров:

«Из затемнения. Надпись: “1609”.

Цифры заполняют экран. За ними фоном видны повисшие над пропастью замки. Клубятся облака. Над замками парит одинокий орел. Быстрый наплыв.

Надпись:

Князья все больше раздробляли Грузию на отдельные княжества. Их беспрерывные междоусобные войны расшатывали устои царства. От произвола князей страдали крепостные крестьяне, ремесленный люд, азнауры-дворяне. Турция и Иран, пользуясь внутренним положением Грузии, стремились окончательно поработить страну. В эту эпоху бурь и потрясений на борьбу с князьями и внешними поработителями за объединение Грузии в единое государство обнажил свой меч Георгий Саакадзе»[333].

Здесь изложена обычная для периода расцвета историософии сталинизма концепция раздробленного распрями государства, которое ценой титанических кровавых действий некоего вождя объединяется им на погибель внутренним и внешним врагам. Ни для кого не было секретом то, что эта концепция служила средством для проведения аналогий с историей сталинской России периода борьбы с оппозициями. Фильм о Саакадзе, который вышел на экраны в те же послевоенные годы, когда появилась первая серия «Ивана Грозного», должен был доказать, что не только в России, но и в Грузии был исторический прототип «Великого Сталина». Однако литературный сценарий действительно написан хорошо, лучше даже, чем роман. Он создает атмосферу мрачноватой рыцарской романтики, переливается блеском драгоценных камней и металлов, удивляет хитроумием подземных ходов и интриг, освещен всполохами сабельных сеч. Кстати, Коба, конечно, не мог пропустить неточность – в сценарии говорится, что грузины рубились «шашками», то есть было использовано русское слово тюркского происхождения. Сталин везде исправил «шашки» на «сабли»[334]. Вообще, вопреки обычаю, замечаний по тексту мало, и это несмотря на то, что читал он сценарий чрезвычайно внимательно. Как это нередко бывает, авторы по ходу изложения в одном месте сами запутались в том, о ком у них идет речь: о турецком или о персидском посольстве? Безошибочный глаз профессионального редактора тут же заметил сбой, а рука Сталина внесла нужные исправления[335].

Мне особенно понравилась заключительная сцена, отсылающая эмоциональную память и воображение зрителя к первым кадрам фильма:

«Стремительно закружился двухэтажный хоровод. Гремит лекури, и барабанный ритм пляски переходит в ритм конского бега.

И уже все дружинники и ополченцы с копьями наперевес устремляются вдаль.

Впереди мчится Саакадзе с обнаженным мечом. Его взор устремлен на вершины, где, сливаясь с облаками, повисли над бездной многобашенные княжеские замки.

Заполняя весь экран, клубятся облака над замками; над ними парит одинокий орел»[336]. Сцена, достойная аналогии с «Песней о Нибелунгах».

Прочитав сценарии, Сталин написал краткий отзыв:

«Т-щу Большакову,

копии **Леонидзе**, копии Антоновской и **Черному**.

Я получил на днях два сценария на тему «Георгий Саакадзе». Один – Антоновской и Черного, другой – Леонидзе.

По-моему, сценарий Леонидзе неудачен. Он беден в художественном отношении. Он несколько примитивен с точки зрения выбора и использования исторического материала.

Сценарий Антоновской и Черного свободен от подобных недостатков. Но у него имеется другой недостаток, он кончается победой, апофеозом политики Саакадзе и самого Саакадзе. Но такой финал, как известно, не соответствует исторической действительности и создает ложное представление о прошлом Грузии. На самом деле, как повествует история, политика Саакадзе, хотя и прогрессивна с точки зрения будущей перспективы Грузии, потерпела поражение (а сам Саакадзе погиб), так как Грузия времен Саакадзе еще не успела созреть для такой политики, то есть для ее объединения в одно государство путем утверждения царского абсолютизма и ликвидации власти князей. Причина ясна: князья и феодализм оказались более сильными, а царь и дворянство – более слабыми, чем предполагал Саакадзе. Саакадзе чувствовал эту внутреннюю слабость Грузии и вознамерился перекрыть ее (так в тексте. – *Б. И.*) привлечением к делу внешней (иностранной) силы. Но сила внешнего фактора не могла компенсировать внутреннюю слабость страны. Так оно и произошло, как известно. В обстановке этих неразрешимых противоречий политика Саакадзе должна была потерпеть – и действительно потерпела – поражение.

Я думаю, что эта историческая правда должна быть восстановлена в сценарии Антоновской и Черного. И если она будет восстановлена,

сценарий Антоновской и Черного можно будет квалифицировать как одно из лучших произведений советской кинематографии.

11. X.48.

И. Сталин»[337].

Во время войны, точнее, во второй ее половине, Сталин читал произведения Константинэ Симоновича Гамсахурдиа – признанного мэтра грузинской художественной литературы. Член Грузинской академии наук, он писал на родном языке большие романы о преобразованиях в деревне, перевел на грузинский «Божественную комедию» Данте. Но больше всего Гамсахурдиа прославился писаниями исторических произведений. Два романа – «Десница великого мастера» на русском языке и первый том романа «Давид Строитель» на грузинском языке – находятся ныне в сталинской библиотеке-архиве.

В Грузии роман «Десница великого мастера» вышел в 1939 году и, скорее всего, после одобрения Сталиным, в 1944 году был издан на русском языке для всесоюзного читателя. Возможно, именно поэтому замечаний и помет Сталина на русском издании практически нет. Роман же «Давид Строитель», кажется, так и не был переведен при жизни вождя, хотя первый том вышел в Тбилиси в 1942 году. Сталин сделал на нем много замечаний на грузинском и русском языках. Писатель закончил этот роман-эпопею в четырех томах только в 1958 году, то есть после смерти сановного цензора.

Действие романа «Десница великого мастера» разворачивается во времена царя Георгия I, правившего в начале XI века. Именно в его время был возведен в древней столице Грузии, в городе Мцхета, соборный храм Светицховели, в архитектуре которого впервые нашли отражение национальные черты. Согласно историческим источникам, храм был возведен под руководством выдающегося царского зодчего Фарсмана Перса. Попав в плен к грузинам, он принял христианство и построил несколько архитектурных шедевров. По воле писателя храм Светицховели строит подмастерье Перса, грузин Константинэ Арсакидзе. По мнению писателя, именно его рука – «десница великого мастера» – высечена в камне на фронтоне храма. Сталин перечитал весь русский вариант романа и только в самом конце сделал одно

замечание. Царь Георгий из рода Багратидов перед смертью жалуется на непонимание со стороны соотечественников: «Грузии я отдал отрочество свое и юность, но грузины звали меня «абхазом», а абхазцы – «лазутчиком картлинцев», – меня, Багратиона, лаза»[338]. Лазы – наименование одного из родственных племен, но Сталин, видимо, был недоволен самоидентификацией царя. Подчеркнув название племени, он напротив этой фразы поставил знак вопроса. Этническое происхождение царского рода Багратидов, выходцев из Турции, неясно. Некоторые исследователи, помимо грузинских, ищут армянские, иудейские или персидские корни. Для Сталина этот вопрос решался однозначно.

Как уже говорилось, в XII веке при царе Давиде Строителе феодальная Грузия достигла пика своего могущества. Именно этому царю и его эпохе и была посвящена еще одна историческая эпопея Гамсахурдиа. Несмотря на войну и перегруженность делами верховного командования, Сталин находит время для чтения, правки и злых комментариев в адрес автора этого исторического романа. Текст буквально испещрен замечаниями грамматического и стилистического характера, написанными разными карандашами. Это лишний раз подтверждает, что Коба и к старости свободно читал по-грузински и хорошо чувствовал стилистику языка автора-грузина. Особенный поток замечаний вызвала глава, в которой автор предложил свою трактовку исторической эпохи времен Давида Строителя. Сталин испещрил все ее страницы по-русски и по-грузински, наставив массу знаков вопроса, многочисленных крестов и реплик типа: «*Глупость*», «*Че-пу-ха*», «*Тэк-с*», «*Неправда*», «*Ха-ха-ха*», «*Напротив*» и т. д.[339] Мне неизвестно, довели ли до сведения автора все эти замечания вождя?

* * *

Примерно в то же военное время Сталин с интересом познакомился с учебником для старших классов национальной школы «История Грузии. С древнейших времен до начала XIX века». Учебник, изданный в 1943 году на грузинском языке, был написан группой ведущих историков и вышел под редакцией академика С. Джанашия. То, что Сталин читал учебник именно во время войны, косвенно

подтверждает надпись, сделанная его рукой на последних чистых листах книги:

«3000 тонн икры

60

180,000 пудов»[340].

В СССР во все времена икра осетровых и лососевых рыб была равноценна золотому запасу страны, но особое значение она приобрела именно во время войны. Возможно, поэтому маршал Сталин лично вел учет ее добычи и запасов, так же как он в это же время вел учет вооружениям и боеприпасам.

Сталин почему-то особенно интересовался генеалогией царского грузинского рода. Во всяком случае, он тщательным образом изучил генеалогическое древо Багратидов, помещенное в качестве приложения к учебнику. Обвел карандашом имена наиболее выдающихся его представителей, начиная с Георгия II и кончая последним правителем независимой Грузии Ираклием II. Как всегда, с большим вниманием изучил схематические карты, наглядно показывающие расширение границ и сфер влияния феодального Грузинского государства в период его наибольшей экспансии. Обвел цветными карандашами названия городов и княжеств не только центральной части собственно Грузии, но и расположенные на территории греческой Колхиды, Северной Армении, Абхазии и Кавказской Албании. Параллельно с обычным, ставшим уже автоматическим редактированием текста отмечал для себя на грузинском языке наиболее интересные или спорные места.

Как это ни странно, но древнейшую историю Грузии и грузинского народа Сталин, видимо, и в зрелые годы знал не очень хорошо. Возможно, она еще недостаточно была изучена серьезными профессионалами-историками. Перед войной история и культура Древней Грузии стали изучаться очень интенсивно. Сталин восполнял свои пробелы в знаниях обычным для себя способом: читал и рецензировал художественную литературу, школьные учебники, энциклопедии и научно-популярные работы.

Рассказывая о первых этапах истории грузинского народа, авторы учебника не могли пройти мимо истории государств Урарту и Ассирии. В главе, посвященной этим государствам, наряду с грамматической правкой грузинского текста Сталин подчеркнул утверждение авторов о том, что в IX веке до н. э. Урарту было основано хеттско-субарскими

племенами[341]. В учебнике проводилась мысль, что Урарту – это детище хеттско-субарских племен мусков и тубалов, которые и были прямыми предками современных грузин. Об армянах и других кавказских племенах не было упоминаний вообще. В то же время знаменитые уже тогда на весь мир клинописные урартские таблички и бронзовые крылатые сфинксы, чьи фотоизображения также помещены в учебнике, были отнесены к «халдейской», то есть к ассирийской, культуре. Сталин подчеркнул имена урартского царя Менуа и его сына Аргишти, подчеркнул и название причерноморского племени киммерийцев, совершивших набег на Урарту, причем тут же написал перевод: «*Кимерийцы – Кимры*»[342]. Здесь он обнаружил знакомство с яфетической теорией академика Марра.

Также внимательно вождь прочитал раздел, описывающий территорию Грузии в античные времена. Отметил названия греческих колоний Фазис, Диоскурия и других городов. В конце раздела, через всю страницу размашисто, как резолюцию, написал по-русски: «*Почему авторы умалчивают о том, что Митридат и Понтийское государство были правителем и государством греческим?*»[343]

Особое внимание уделил начальным этапам становления Грузинского (Иберийского) государства. Авторы учебника использовали традиционную полулегендарную схему, согласно которой иберийский царь Парсман I, родом из Парфии, приходился родным братом царю Понта Митридату, которого тот и посадил на трон. Сталин отметил эти моменты, очень похожие на обстоятельства призвания норманнского Рюрика и его братьев на правление в русские Новгород и Киев. В разделе о распространении христианства в Грузии подчеркнул текст и написал на полях по-грузински: «*Рабыня Нина Каппадокийская ознакомила жену царя Мириана с христианством*»[344]. Возможно, он предлагал добавить в текст учебника канонический факт, хорошо ему знакомый из уроков в духовной семинарии. Вообще же главку о христианстве в Грузии Сталин редактировал наиболее основательно. Вычеркнул несколько сомнительных строк, а в том месте, где авторы говорили о прогрессивном значении принятия христианства для феодальной Грузии, добавил, что в первую очередь оно способствовало «*отмене рабовладения*»[345].

Уже в эти годы он считал себя большим знатоком в области происхождения и истории языка и письменности. Там, где авторы

изложили свою версию происхождения грузинской письменности и ее развития в эпоху правления царицы Тамары, на полях он поставил вопрос на русском языке: «*Когда переходят* ***от иероглифической письменности к фонетической****?»*[346]

С карандашами в руке Сталин прочитал еще несколько разделов учебника. В основном они были посвящены оборонительным войнам Грузии против нашествий Тамерлана, турок, персов. В этих разделах замечания незначительные. Добравшись до XIV–XV веков, Сталин, возможно, потерял интерес к учебнику или его отвлекли государственные дела. Как уже говорилось, тщательно изучил генеалогическое приложение, помещенное в конце книги.

*** * ***

Очередной пик интереса к истории Грузии наступил в 1950–1952 годах. Сталину уже за 70 лет, но он все так же уверенно начинает раскачивать очередную псевдонаучную, а на самом деле злобно-пропагандистскую волну. Меняется лишь тематика. К старости его все больше интересовали собственные истоки. Если в зрелые годы он занимался переписыванием своей личной биографии, истории партии, России, был инициатором пересмотра всемирной истории, то на склоне лет его умственный мир все больше занимала история родной Грузии. Особое внимание он уделял истокам, началу, то есть происхождению грузинского народа и государства, а заодно как бы и собственным, личным истокам. Впрочем, он никогда не забывал, кто он и откуда родом. Я думаю, что знаменитая кампания против так называемой «яфетической теории» академика Марра и его школы была первоначально вызвана не только желанием разделаться с монополизировавшим советское языкознание однобоким научным направлением и утвердить самого себя в звании великого ученого. Невзлюбив Марра за почти не скрываемый научный снобизм и высокомерие даже по отношению к нему, Вождю и Учителю, он к тому же не принял марровскую трактовку происхождения языка и культуры именно грузин. Марр сближал происхождение языка и культуры различных кавказских народов. В частности, он искал и находил единство в истоках армянской и грузинской филологии. Марр был

академиком с дореволюционным стажем, возглавлял с 1919 года и до самой смерти в 1934 году Академию истории материальной культуры. Он был одним из тех, кто открыл на территории Армении в районе озер Ван, Гарни и Варнак древнейшие памятники Урарту. Сохранилось письмо Марра Сталину, в котором чувствуется менторская интонация. До войны Коба не мешал утверждаться «культику» Марра в языкознании и кавказоведении. Но с годами он уже сам все более безапелляционно судил, критиковал, насмехался над выводами и предположениями маститых ученых. Искал скрытый злой умысел или сознательное умалчивание за каждой строкой научного исторического труда, посвященного Грузии и Кавказу. Окружающие, зная его особую подозрительность, старались услужить и, проявляя «бдительность», инициативно сигнализировали вождю обо всем настораживающем.

* * *

Сталин любил Грузию, но это совсем не предполагает, что он особенно любил грузин, как и вообще людей. Любовь к Грузии была иносказательным выражением любви к себе. **Самолюбование**, нарциссизм – неотъемлемое свойство истинного националиста. Почти каждый год он ездил в Грузию отдыхать, наслаждаться ее природой, климатом, солнцем, кухней, воздухом. Дочь пишет, что последний раз отец приехал на родину летом 1951 года. «Он отдыхал, и я видела, как он наслаждался сладким воздухом Грузии, ветерком с Куры, пробегавшей рядом с Ликанским дворцом, где он останавливался… Ему было уже семьдесят два года, но он очень бодро ходил своей стремительной походкой по парку, а за ним, отдуваясь, ковыляли толстые генералы охраны… Завтракал и обедал он, – как всегда летом, – в саду, где-нибудь под деревом. Он просил ловить в Куре свежую рыбу, вспоминал грузинские названия рыб и наслаждался воспоминаниями»[347]. Коба всегда любил Грузию, но «терпеть не мог “феодальных” почестей, оказываемых ему грузинами»[348]. Он не верил в искренность даже своих соотечественников. А более тяжкого греха, чем фальшь по отношению к нему, для него не существовало.

О том, что историю своей маленькой горной родины он рассматривал всего лишь как предысторию своей грандиозной личной

судьбы, хорошо иллюстрирует уже цитировавшаяся поэма Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». В «Прологе» поэмы кратко пересказывается древнейшая история Грузии, в ее уже знакомом нам варианте. Вот как там говорится о древнейших пращурах грузин:

Здесь пришельцы очаг положили,
Что из края далекого хеттов
Принеслись на мерановых крыльях,
В боевые кольчуги одеты.

Шли в потоках кровавых по плечи,
В ураганах, сметавших полки их,
За плечами у них – Междуречье
И Галисия, Каппадокия.

……

Былое в прахе, травы свесились…
Мечи разбиты, стяги брошены…
О, сколько здесь, под сенью персиков,
Азийских, римских орд положено!

Все также гроздей сок желтеет,
Кура вскипает пеной заново
Над Искандера сном, Помпея,
Сном диадоха, Чингисхана[349].

Я не имею возможности процитировать весь исторический пролог поэмы, переведенной, напомню, в 1947 году. Но любому, даже не очень искушенному в истории читателю становится ясно, что от древних хеттов до Великого Сталина был пусть длинный, но прямой путь. И в победах над знаменитейшими врагами его предков есть частица и его победы, а значит, сияния славы.

Глава 5
Женщины Кобы

Что есть любовь?

Вначале не собирался писать ни об амурных похождениях Сталина, ни о его взаимоотношениях с женщинами. Конечно, я, как и многие, не лишен естественного любопытства и с интересом читал у различных авторов о его первой и второй женах и о дочери Светлане. О других женских персонажах биографии Сталина известно совсем мало или, как выясняется, ничего не известно. Впрочем, сплетни, тем более если они облечены в интригующую форму, занимают свое и вполне почетное место в мировой историографии. Классический пример – книга древнеримского историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей», наполненная интереснейшими сплетнями об интимной жизни римских правителей. Сплетня, словно абордажный мостик, злорадно заброшенный пиратствующим историком или обывателем на борт настигнутого наконец-то гигантского корабля-призрака. Но только глупец может рассчитывать на то, что впереди его ждет легкая победа и все глухие интимные тайны, как затхлые трюмы, будут беспрепятственно вскрыты. Как правило, здесь ожидает множество сознательно расставленных ловушек, искусно замазанных пятен, а главное – масса грязи. Современная околоисторическая литература почти сплошь принадлежит перу обыкновенных литературных сплетников. Сплетен о личной жизни Сталина циркулирует сейчас в несколько раз больше, чем о жизни всех двенадцати римских цезарей, вместе взятых.

Итак, тему: Коба, Сталин, женщины, любовь – я сначала как бы вывел за скобки. Но так же неожиданно, как это иногда бывает во время археологических раскопок, нечаянные важные находки в местах, казалось бы, исхоженных и не раз разворошенных предшественниками, изменили мое отношение к этим сюжетам. Они вдруг предстали в качестве существенных для глубинного промера сталинской души.

* * *

Как бы ни была интересна каждая женская судьба сама по себе, для целей нашего исследования более значима совместная судьба «Ее»

– женщины и «Его» – Сталина. Интересен самый момент перекрещивания судеб и порождаемая этим перекрещиванием душевная энергия, ее вспышка, распад. Ни одна женщина, вторгнувшаяся в душевную жизнь мужчины, не может затем быть произвольно им изгнана или затушевана. Часто, хотя и не всегда, именно образ близкой когда-то женщины начинает исполнять роль совести. Для многих образ умершей матери, жены или бросившей любовницы становится зеркалом для души, свое образной внутридушевной иконой, к которой в определенную минуту обращаются всем существом. Не случайно в христианском пантеоне образ заступницы Девы Марии ближе именно страждущему.

Не секрет и то, что отношение человека к противоположному полу вообще есть одно из главных проявлений его глубинных душевных сил и свойств. Отношение мужчины к женщине: матери, любовнице, жене, дочери, бабке, теще, к случайной знакомой, коллеге по работе и т. д., пусть мимолетное и платоническое, – это физическое проявление одного и того же трудно фиксируемого, но очень осязаемого душевного чувства. Во всех перечисленных возрастных, родовых и социальных символах женственности прослеживается единое для любого мужчины отношение к породившему его самого и порождающему от него началу. К тому же Сталин был кавказцем, а там особенно обладание женщиной есть высочайший жизненный приз. Случайно или нет, но в большинстве своем женщины, с которыми он сравнительно надолго связывал свою жизнь, были очень молодыми, даже не вышедшими из отроческого возраста. Любил ли их Коба и что для него было любовью?

Природа нас устроила так, что человек никогда не видит самого себя. О другом (или другой) мы судим, прямо и непосредственно наблюдая, слушая, общаясь, контактируя в разных формах, вплоть до телесного прикосновения. Как результат – получаем очень стабильный, объемный и в то же время бесконечно изменчивый, текучий образ «другого». Но о себе, о собственном образе мы имеем возможность судить лишь опосредованно и лишь через него – «другого». Помимо того что мы не видим себя как целое, объемно, разом всю свою фигуру, мы, что важнее, никогда не видим своего живого, подлинного лица. В лучшем случае мы видим только его напряженное отражение в зеркале, на фото– и кинопленке, то есть собственную легенду о себе, свою «личину». Так все мы, добросовестно занимаясь самообманом,

пытаемся «ваять» собственный образ. На самом же деле подлинный, органичный, развивающийся образ видят и оценивают только другие, причем «видят» его на границе сознания. Так психология личности, психология индивидуализации личности перетекает в психологию ее социализации, то есть ее включения в клеточную ткань общества. Михаил Бахтин, всю жизнь постигавший тайну образа «другого», в черновиках записал: «Простая формула: Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого. Но за этой простотой необходимо вскрыть необычайную сложность взаимоотношений участников… этого события»[350].

Для мужчины огромное значение имеет то, как его воспринимает и оценивает женщина, каким она его видит. Та самая женщина, которая всегда единственная, но в единстве своем многолика. Воспринимает ли она его как желанного, а если отвергает, то в каком обличье – матери, жены, дочери, любовницы, продавщицы, одноклассницы, соратницы по революционной борьбе, соседки по дому?.. Если же принимает или отвергает, то за что и какого? За что можно полюбить малоперспективного, с надменным прищуром глаз начетчика-семинариста, будущего сельского священника? Или мужчину со многими физическими недостатками, совсем не красавца, не имеющего серьезного образования, профессии, денег, положения? Как воспринимает очень молодая, совершенно неразвитая, неграмотная девушка-подросток, выросшая в Восточной Сибири, у полярного круга, в таежной енисейской деревушке, уже зрелого мужчину, невыразительно «рубящего» коротенькие фразы с грузинским акцентом, сильно отличающегося внешностью и повадками от привычного облика деревенского мужика-добытчика славянского или финно-угорского типа? Или как видит недавняя столичная гимназистка своего уже стареющего мужа, с еще большими физическими недугами (прихрамывающего, с плохо гнущейся рукой), которого даже незнакомые с ним женщины в один голос признают за необыкновенного красавца и гения, почти за человека-бога. Можно ли полюбить в этом «боге» человека, от которого не то что с любовью рожать, но которого смертельно опасно просто завлекать обычной женственной кокетливостью, естественной расчетливостью, необходимо раздражающим подзадориванием? Известно, что ум, власть, деньги, положение, надежность избранника – это самые

распространенные и вполне необходимые предпосылки для стабильной женской любви. Но когда в человеке чего-то уж слишком, чего-то чересчур, когда ум перехлестывает в злобную и жесткую горячечность, граничащую с безумием, а надежность – в манию или когда власть деперсонифицируется настолько, что от человека и мужчины остается только символ, «живой портрет», то может ли идти речь о любви к нему, символу и портрету? Что должно происходить в душе женщины, тем более очень молодой и неопытной или, напротив, пережившей своего первого мужа и уже нарожавшей от него детей, что должно происходить в их душах в тот момент, когда их судьба пересекается с судьбой такого человека-бога? Что в ней берет верх: благодарность, страх, благоговение, усиленная сексуальность – далилово торжество женской силы?

О том, способен ли был сам Сталин любить, по отношению к кому и в каких формах его любовь проявлялась, не писал, кажется, никто. Только дочь вспоминала: «…его ласку, его любовь и нежность ко мне в детстве я никогда не забуду. Он мало с кем был так нежен, как со мной, – должно быть, когда-то он очень любил маму. Еще любил и уважал свою мать»[351]. И действительно, в его письмах к матери, второй жене и дочери проскальзывают известные человечные, любовные нотки. Разумеется, здесь речь идет не о трудноуловимом метафизическом или религиозном понятии «любви», а о любви мужской, одновременно и плотской, и отвлеченно-романтической, и спонтанно-душевной, и рационально обузданной. Но именно из этой любовной «смеси» и состоит немалая часть потаенной человеческой души.

Со времен семинаристской юности и до самой смерти было в Кобе что-то особо притягательное. Совершенно ясно, что женщины не искали в нем и не могли найти каких-либо особых физических или выдающихся интеллектуальных достоинств. Тем более в те времена, когда он скитался по тюрьмам и ссылкам или скрывался на нелегальных квартирах. Все его материальное благополучие многие предреволюционные годы заключалось в длиннополом демисезонном пальто, ярко-красном шарфе, по преданию, связанном еще матушкой Кеке, и фетровой шляпе. На некоторых сибирских фотографиях он предстает в этом «пижонском» и неуместном по климатическим условиям обличье. У него не было своего постоянного жилья, денег,

профессии, будущего. Его интеллектуальный багаж был также незначителен. Покинув семинарию, он нигде больше не учился. Он практически не занимался и самообразованием, столь обычным для большинства революционеров, а тем более для ссыльных поселенцев. В ссылках он почти ничего не писал и не овладел никаким ремеслом, если не считать охоту и рыбалку. Так за что же, до появления в «большой» власти, женщины могли ценить этого странного человека? Похоже, именно за «странность», то есть за те особые, незримо излучаемые душевные свойства, которые ценятся всеми женщинами мира выше материальных, интеллектуальных или физических достоинств. Он был в их глазах бескорыстным «страдальцем», борцом и поэтому вызывал **«со-чувствие»**. А сочувствование – самый верный и надежный путь к женскому сердцу и телу. Даже самая опытная и искушенная женщина, которую не прельстишь умом, остроумием или богатством, не всегда устоит перед гордым, притесняемым, нищим, смелым и пусть косноязычным, но **страстным** проповедником. Сочувствие, вызываемое не убогостью и беззащитностью, а страстностью и жертвенностью – перед такой «приманкой» не устоит и еще только созревающая женская душа. Она сама может выступить в качестве активной, роковой искусительницы, отвечающей на призыв. При этом «проповедь», ее суть и смысл вторичны, важен он, взывающий. Не обладай женщина способностью «со-чувствия», то есть способностью откликаться, сопереживать мужчине, история лишилась бы тысяч пламенных революционеров, не признанных в свое время гениев, великих полководцев. Да что там говорить – семья до тех пор семья, пока женщина сочувствует мужу как мать, даже если он старше ее на несколько десятков лет. Так что женское сочувствие – высший и незаменимый эликсир любви. При условии, что он, избранник, действительно испытывает нужду в этом эликсире.

Сам же Коба, как и миллионы других мужчин, ценил в женщине в первую очередь молодость, материнское, родовое, сексуальное. О чувствах предпочитал не говорить, – «это для баб…»[352].

Мать и дитя

Сохранилось редкое свидетельство о раннем детстве вождя. Будучи в последней приполярной ссылке в деревне Курейке в 1914–

1916 годах, Сталин в присутствии охранника рассказывал местным детям о себе: «…был капризный, иногда плакал, жилось плохо»[353]. Мальчик Сосело был болезнен, капризен и оберегаем от жестокого отца матерью, которая в свою очередь нуждалась в сыновней защите. Однажды, когда отец в очередной раз избивал мать, сын бросил в него нож. Отец с криком погнался за ним, но мальчика спрятали соседи[354]. Конечно, его капризность и конфликты с отцом могли иметь обычный возрастной характер. Однако агрессивное поведение отца и еще более агрессивное ответное поведение сына, скорее всего, были связаны с матерью, любовь которой они не сумели поделить. Дом и вся обстановка жизни были угнетающе нищенскими. В крохотной лачуге (едва ли десять шагов в длину), в ее единственной комнате стояли «стол, четыре некрашеных табуретки, кровать, сундук, ящик для хлеба, буфетик, самовар…»[355]. Будучи в Гори много лет назад, я видел этот дом, если не ошибаюсь, с земляным или кирпичным полом и дерновой крышей. Уже тогда мне было неясно, где же здесь пространство для ребенка, где он играл, спал. Спал с родителями на одной-единственной кровати-тахте? Даже на полу там не было места. Неожиданное пояснение дали все те же услужливые авторы юбилейного жизнеописания вождя. Оказывается, малолетний Сталин спал в подвале, который к тому же имел отдельный вход с улицы и не был соединен с горницей: «В нижнее, подвальное, помещение ведут семь ступенек: ступеньки идут винтом, полуповоротом. Совершенно прокопченный темный свод подвала, стены, обмазанные простой глиной. Свет сюда проникает лишь через верхушки окон, находящиеся на уровне панели… Подвал – низкий, темный. Здесь стояла колыбель Сталина. В середине, подпирая балки потолка, стоит кривой столб. Три ниши, где хранились материалы: кожи, дратва, шила, инструменты отца, запасы продуктов на зиму и разные домашние вещи. В стене, совершенно черной от копоти, очаг. Стоит единственная поцарапанная, некрашеная табуретка…»[356] В этом описании поражает не столько нищета и убогость жизненной обстановки, столь обычной и для царской, да и Советской России, сколько холодность и даже жестокость родителей, отселявших младенца от матери на всю долгую ночь. Ясно, что, взрослея, сын вряд ли мог мириться с таким насильственным отторжением от дневного света, воздуха и от матери. Скорее всего, она все чаще брала его к себе в постель, тем самым оттесняя отца и

вынужденно отдаляя от себя супруга. Положение усугублялось еще тем, что вместе с ними в доме жили два ученика отца по сапожному делу. Когда Сосело было около пяти лет, я предполагаю, что именно из-за тесноты и семейных неурядиц родители решили подыскать другое жилье. С тех пор они начали кочевать по Гори[357]. Кончилось все это тем, что отец после долгих запоев и бешеных драк с матерью, сыном, с соседями уехал в Тифлис и больше в семью не вернулся. Сосо тогда было около 11 лет.

Об отце Сталин никогда никому не рассказывал, хотя в полицейских анкетах указывал, что он умер только в 1909 году, то есть когда Кобе шел тридцатый или тридцать первый год[358]. Был ли отец на его свадьбе, общался ли с внуком, знал ли о революционной деятельности Кобы, не женился ли сам второй раз? Ничего не известно, неизвестно даже, как он умер и где похоронен. Светлана Аллилуева считает, что он был убит в драке. Вызывают большие сомнения подлинность недавно обнаруженной могилы и тем более фотографии Виссариона Джугашвили.

А Сосо, похоже, лет до пятнадцати, то есть до отъезда в Тифлисскую духовную семинарию, поневоле разделял одно ложе с матерью. Речь идет о том, что столетиями, как в нищей крестьянской России, так и на некоторых южных окраинах империи, дети спали бок о бок на одном ложе с родителями, которые здесь же рожали, болели и умирали, вблизи с ними, растущими и мужающими. Мать же Сталина не только внешне выглядела как монашка, но, скорее всего, после ухода мужа, когда ей было лет 26–28, действительно провела все дальнейшие годы своей 77-летней жизни в аскетическом одиночестве. Говорят, что она была очень набожна и поэтому часто общалась с местными священниками, от которых получала действенную помощь.

Мать родилась в крестьянской семье Глахи Геловани, где было еще двое сыновей. О своих дядьях Сталин никогда не вспоминал, и их судьба толком неизвестна. У матери были густые каштановые волосы, большие темные глаза и рыжие веснушки. Поскольку ее собственная мать Мелания умерла рано, она с юности умела много трудиться и самостоятельно поддерживать существование. Но женских навыков гармоничной супружеской жизни, видимо, получить от нее не успела. Как и для многих одиноких женщин, сын стал центром ее мира и забот. Именно по ее настоянию и с помощью местных священников он попал

в духовное училище, а затем в семинарию. Когда в 1902 году он в первый раз был арестован и с непривычки сильно напугался, именно к ней он посылал умоляющие о помощи записки, и именно она, и опять не без помощи настоятеля местной церкви, вызволила его. Да так, что он даже не был судим.

Несмотря на свою бедность, мать находила возможность присылать ему в Сибирь продуктовые посылки и даже иногда баловать бутылкой замечательного грузинского вина. Один из жителей сибирского села Курейка, которого Сталин, будучи в ссылке, как-то угостил, запомнил на многие годы вкус этого виноградного вина. Раньше он никогда ничего подобного не пробовал. Судя по тем посылкам, которые она продолжала ему отправлять уже в Кремль, в посылках в Сибирь были его любимое ореховое варенье, грузинские сладости и фрукты.

Его письма к матери дореволюционной поры не сохранились. Сама она не знала русского языка, была неграмотна, и за нее, очевидно, писали другие. Впрочем, в Грузии сейчас хранятся ее воспоминания, якобы написанные на грузинском языке ее рукой. Скорее всего, мать и сын любили друг друга, но это не мешало им иметь собственные мнения о каждом. Мать, как большинство волевых родителей, выстроивших в своем воображении будущность ребенка, до конца своей жизни не могла простить ему, что он сломал свою священническую карьеру из-за женщины или революции. Он тоже навсегда запомнил ее попреки и то, как она частенько жестоко лупила его за дерзкие и грубые шалости. После революции они почти не встречались.

Сталин никогда не приглашал ее в Кремль. Даже в гости. В сохранившихся письмах Надежды Аллилуевой к Кеке (так она ее называла) раз или два звучит нота сожаления о том, что свекровь опять не смогла приехать к ним. При этом Аллилуева сама объясняла причину – вредность для здоровья кавказской старухи московского климата. Думаю, что эту мысль внушал матери и жене Сталин. И сам он, отправляя коротенькие записки на грузинском языке примерно раз в полгода, а то и раз в год, никогда в них не звал ее в Москву.

Записки почти сплошь стандартны по смыслу, да и по форме:

«18 /IV 22

Мама – моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль.

Ведь сказано: “Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются черви могильные”.

Эта женщина – моя жена. Постарайся не дать ее в обиду.

Твой Сосо»[359].

Написано по-восточному красиво, но если вдуматься, – по-сыновьи холодно. О своей женитьбе, которая произошла еще в 1919 году, он пишет так, как восточный князь сообщает об отправке с похода домой своей новой наложницы. И все же этот литературный, но почти трепетный тон так необычен для грубого и чаще зло-ядовитого Кобы.

Судя по запискам, он любил мать, но, как многие, любил на расстоянии и только тогда, когда она напоминала о себе, в остальное же время полностью выключив ее из своей такой насыщенной событиями жизни. Как хороший сын, он позаботился о ней. Ее поселили в Тифлисе, в бывшем доме генерал-губернатора. Правда, она, по своей многолетней привычке к тесноте, занимала в нем всего одну комнату, где за ширмой у железной кровати молилась, принимала многочисленных иностранных гостей и где стены были увешаны фотопортретами ее сына. При ней находился целый штат прислуги и разноплеменных приживалок, ее старинных знакомых. Судя по тому, что ее время от времени посещал сам правитель Грузии и Кавказа Лаврентий (так она называла Берию), ее жизнь тщательно охранялась, а сама она была под непрестанным и заботливым надзором. Дважды в неделю ее посещала Нина Берия. Их сын Серго Берия позже со слов родителей вспоминал, что Екатерина Джугашвили, несмотря на свою необразованность, любила рассуждать о политике и даже как-то заявила окружающим: «Я задаю себе вопрос, что мой сын не поделил с Троцким!»[360] Короче, она жила как вдовствующая грузинская царица, любила «великосветские» сплетни и подчеркивала свою независимость. Одевалась она просто, предпочитая праздничное национальное платье: «черный платок с белыми кружевными лечаками, по суровому грузинскому обычаю, квадратом обрамлял ее строгое выразительное лицо»[361].

Время от времени ее навещала Надежда, но только однажды, в июне 1935 года, к ней привезли всех детей Иосифа. «Возможно, – вспоминала Светлана Аллилуева, – что инициатором поездки был

Берия, мы останавливались у него в доме. Около недели мы провели тогда в Тбилиси и полчаса были у бабушки… Она жила в каком-то старом, красивом дворце с парком; она занимала темную низкую комнату с маленькими окнами во двор. В углу стояла железная кровать, ширма, в комнате было полно старух – все в черном, как полагается в Грузии. На кровати сидела старая женщина. Нас подвели к ней, она порывисто нас всех обнимала худыми, узловатыми руками, целовала и говорила что-то по-грузински… Понимал один Яша и отвечал ей, – а мы стояли молча… Мы скоро ушли и больше не ходили во “дворец”, и я все удивлялась, почему бабушка так плохо живет? Такую страшную железную кровать я видела вообще впервые в жизни»[362]. В архиве Сталина есть фотография – внуки вокруг бабушки, лежащей на кровати. Видимо, она была больна и уже не вставала.

Вскоре, в октябре того же 1935 года, сам Коба неожиданно посетил мать. Для нее это было так необычно, что для подготовки визита был вначале прислан Берия. Скорее всего, как и в случае с внуками, это был прощальный визит, так как Кеке последнее время постоянно болела. Если Берия и проявлял инициативу, то, скорее всего, потому, что боялся – патрон может не застать мать живой. И действительно, прожила она после визита внуков и сына около года.

Визит сына к матери был скромно, но исчерпывающе освещен в центральной печати. Ему были посвящены две хорошо написанные статьи в «Правде», но, конечно, не без ставшего уже обычным репортерского лизоблюдства. В то время «Правду» фактически редактировал сам Сталин, через своего ближайшего помощника Мехлиса.

Первая короткая заметка была опубликована на второй странице газеты под скромным названием «Мать». Описанная в ней обстановка и эмоциональная окраска мало похожи на описание Светланы Аллилуевой: «Мы пришли в гости к матери Иосифа Виссарионовича Сталина. Три дня назад – 17 октября – здесь был Сталин. Сын. 75-летняя мать Кеке приветлива, бодра. Она рассказывает нам о незабываемых минутах.

– Радость? – говорит она. – Какую радость испытала я, вы спрашиваете? Весь мир радуется, глядя на моего сына и нашу страну. Что же должна была испытать я – мать?

Мы сидим в просторной светлой комнате, посредине которой – круглый стол, покрытый белой скатертью. Букет цветов. Диван, кровать, стулья. Над кроватью – портреты сына. Вот он с Лениным, вот молодой, в кабинете…

– Пришел неожиданно, не предупредив. Открылась дверь – вот эта, – и вошел он. Он долго целовал меня, и я тоже. – Как нравится тебе наш новый Тифлис? – спросила я. – Он сказал, что хорошо вспомнил о прошлом, как жили тогда. Я работала поденно и воспитывала сына. Трудно было. В маленьком темном домике через крышу протекал дождь, и было сыро. Питались плохо. Но никогда, никогда не помню, чтобы сын плохо относился ко мне. Всегда забота и любовь. Примерный сын!

Весь день прошел весело. Иосиф Виссарионович много шутил и смеялся, и встреча прошла радостно…»[363]

Такое впечатление, что речь идет о протокольной встрече двух старых дипломатических знакомцев, а не о свидании любимой матери с обожаемым сыном. И действительно, эта встреча, как и встреча с внуками, была публичной, напоказ! Они обставлялись и проводились как этапные политические и государственные «мероприятия». Ни внуки, ни сын не оставались ни минуты наедине с бабушкой и матерью. Как в первом, так и во втором случае ответственным лицом за «мероприятие» был Берия.

Однако Сталин не удовольствовался столь скромной и краткой информацией о сыне и его матери. Через два дня в «Правде» вновь было дано, но уже развернутое сообщение ТАСС: «…На удобном, обтянутом ковровой тканью диване за столом сидит скромно одетая пожилая женщина в роговых очках. Голова ее покрыта черным платком. Перед нашим приходом она просматривала газету. Мы пожимаем ее старческую руку. При упоминании имени сына глаза загораются радостью. В ее взоре и ласка и гордость.

– Моя встреча с Сосо… Я не видела его уже порядочно времени, нездоровится мне, чувствую себя слабой, а при встрече с ним так обрадовалась, будто крылья выросли…

Зябко закуталась в шалевую накидку. Годы берут свое… Малейшая прохлада может повлиять на ее здоровье.

– Приходит наш Лаврентий (секретарь крайкома ВКП(б) Л. Берия), – продолжает она, – и говорит, что пришел Сосо, что он уже

здесь и сейчас войдет. Открылись двери, и на пороге показался он, мой родной… Смотрю и не верю своим глазам. Он тоже обрадован… Неожиданно как-то я заметила в волосах моего сына серебряные пряди. Я даже спросила: “Что это, сын, поседел, что ли?” А он отвечает: “Ничего, мать, седина, – это не важно. Чувствую себя прекрасно, ты не сомневайся в этом”.

Потом сын-вождь попросил мать прислать орехового варенья для Светланы, расспрашивал о знакомых и близких, а затем, вместе с сопровождающими его лицами, ушел осматривать новый Тбилиси.

– Скоро Сосо и товарищи вернулись с прогулки по городу. Опять много беседовали, – продолжала мать. – Угостила я его хорошо. Не забыла дать на дорогу и банку орехового варенья для Светланы.

Но день был короток. Скоро наступила минута прощания. Подошел Сосо ко мне и крепко, крепко меня поцеловал…»[364]

Судя по газетному отчету, они действительно не виделись много лет. Так много, что он успел поседеть. В отчете не говорилось, что мать не удержалась и бросила сыну упрек: «А жаль, что ты так и не стал священником»… И здесь же Светлана Аллилуева добавляет: «Он повторял эти слова с восхищением; ему нравилось ее пренебрежение к тому, чего он достиг, – к земной славе, к суете»[365]. Может быть, действительно нравилось ее особо кавказское материнское упрямство, но он не мог не чувствовать и некую двусмысленность в этом упреке. Она же не могла не понимать, какой славы и могущества достиг ее мальчик, и все же упрекала.

Я не понаслышке знаю, как долго на Кавказе могут не общаться друг с другом самые близкие и горячо любящие родственники. Даже смерть не всегда полностью усмиряет их.

Больше мать и сын не увидятся. Он попрощался с ней навеки еще при ее жизни. Он не поехал и на похороны – в полный мах шла кровавая жатва тридцать седьмого года. Но похоронили ее по-княжески, возле церкви Святого Давида, рядом с могилой Грибоедова и княгини Чавчавадзе. Это небольшое мемориальное кладбище расположено в красивейшем месте Тбилиси, на Давидовой горе. Говорят, что позже Сталин расспрашивал чету Берия о последних днях жизни матери[366]. Значит, вспоминал.

Грех семинариста?

У меня есть веские основания утверждать, что Сталина из предпоследнего класса духовной семинарии Тифлиса исключили на двадцать первом году жизни не за революционную деятельность, как это он утверждал сам в официальной биографии, или из-за того, что не смог оплатить обучение, как об этом сказано в архивных семинарских бумагах. Напомню – за него, как за бедняка, все годы платило духовное ведомство. Почему же об этом вновь встал вопрос на последнем году обучения? Есть документы, на основании которых можно предположить, что у будущего священника где-то около 1898 года родилась внебрачная дочь, за что его, возможно, под «благопристойным» предлогом и изгнали.

16 апреля 1938 года на имя Поскребышева была направлена «совершенно секретная» служебная записка. Об особом характере этого документа говорит хотя бы то, что письмо собственноручно написал один из крупных работников НКВД СССР того времени В. Иванов. На бланке наркомата карандашом Иванов начертал:

«Служебная записка.

В ЦК ВКП(б)

Тов. Поскребышеву.

Посылаю вам письмо Михайловской М., полученное нами на имя тов. Сталина.

Прилож.: упомянутое.

В. Иванов»[367].

Вот текст послания почти 60-летнему Сталину, написанного чернилами на нескольких тетрадных листах в «косую» линейку. Все стилистические и грамматические особенности я, по возможности, сохраняю:

«Многоуважаемый товарищ Сталин.

Игрой судьбы, или игрой стечения обстоятельств я являюсь родной теткой мужа очень близкого Вам по крови человека. Если вы помните Вашу **юность и раннюю молодость** (а это никогда не забывается)[368], то Вы, конечно, помните **маленькую** черноглазую девочку, которую звали Пашей. Она Вас хорошо помнит. **Мать Ваша говорила по-грузински** и эта Паша эти слова **запомнила**: Милая дорогая **детка**.

Я познакомилась с Пашей и ее матерью в первые годы Революции. Это была высокая стройная черноокая красавица грузинка, смелым и

открытым взглядом. На мой вопрос к ее матери – почему Паша такая черненькая, так как мать ее была светлая, мать Паши ответила, отец ее грузин. Но почему же Вы одни? На этот вопрос мать Паши ответила, что отец Паши посвятил себя служению народа, и Вы это Сталин. Эта Паша послала свои детские карточки через **секретариат Вам**, но они кажется, к Вам не попали.

Откуда я все это знаю? Позавчера ко мне приходит высокая женщина в платочке скромно одетая. **Паша** как **Вы изменились, похудели**? На эти **мои вопросы** она ответила: муж **умер**, ребенок **мой умер**, мать, которая была единственным близким человеком и ту недавно похоронила. **Я одна, одна**, на целом свете, и заплакала. Я приехала в Москву, чтобы выполнить завет матери, передать свои детские карточки т. Сталину. На мой удивленный вопрос, – а разве он Вас знает? – она ответила, – даже очень хорошо, когда я была маленькая. Я внимательно взглянула на Пашу и вижу, что у ней Ваше лицо т. Сталин. То же **общее выражение** открытого смелого лица, те же глаза, рот, лоб. Мне стало ясно, что Паша близка Вам по крови. **Сестра, или дочь, или племянница**. Но оставлять ее в таком положении нельзя. В дни молодости Вы пережили не мало, и поймете, что значит нужда. А Паша, потеряв мать, впала в такое отчаяние, что забросила работу, она машинистка. Забросила свои дела, и лишилась даже площади. Я сказала Паше, что попасть к тов. Сталину трудно. Паша сказала, я хочу на него **только взглянуть**, чтобы мне вернули мою **площадь**. Паша как-то умудрилась ее потерять.

Она **тщетно пытается добиться** с Вами свидания **с 20 марта** и ее письмо к Вам, т. Сталин, и ее детские карточки, до сего времени находятся в **секретариате**. Она значится под фамилией моего племянника: **Прасковья Георгиевна Михайловская**.

Но вот несчастье, **она пропала**. Она **вчера** ушла от меня в 10 утра, и не вернулась. Весь **день и всю ночь** я прождала ее. Страшно беспокоюсь, не случилось ли несчастье с ней. Она могла попасть под трамвай, желая добиться свидания к Вам, она доведенная тщетностью этого могла покончить собой. Что с **Пашей**, где она, помогите разыскать ее. В Вашем секретариате с ее детскими карточками, может быть указан ее адрес, где она проживала **в Москве**. Там ее дальше без прописки не держат. Я предложила ей временно поселиться ко мне. Ходила в домоуправление в 6 веч. – домоуправ. **на замке**. На

следующий день несу ее паспорт в 10 утра – опять та же картина, **заперто**. Днем не могла потому предъявить, что Паша ушла с паспортом и не вернулась. Она всегда живет в **Рудни Саратовской губ**.

Ради Вашей матери, которой была близка эта девочка в прошлом, нужно найти, куда она пропала. Очень жаль, что Вы не видели Пашу, когда я ее увидела первый раз – 18 летняя красавица. Смерть ее матери очень ее изменила. Кто бы она Вам не была – племянница, сестра, но поразительное с Вами сходство доказывает, что она близка Вам по крови. К Вашему сведению сообщаю, что своей молодостью и красотой Паша не торговала, а всегда жила честным трудом и потому такой родственницей можно гордиться. Теперь я **понимаю**, почему мне всегда казалось, что где-то раньше я знала Вас. Это выражение смелого открытого лица и есть выражение Ваше и Паши, если в прошлом Паше, как и Вам, пришлось пережить немало. Необходимо разыскать, где сейчас Паша и дать ей отдохнуть.

По Вашему приказанию Пашу разыскать нетрудно. Она каждый день звонит в секретариат. [Надо] предложить ей, чтобы она пришла. Если конечно она жива **и с ней не случилось** несчастье. У меня, ее вещи, подушка и одеяло и то, что она не пришла ночевать, меня страшно беспокоит. М. Михайловская»[369]. Указан московский адрес.

Не подлежит сомнению то, что о письме было доложено Сталину. На записке Иванова рукописная резолюция: «Архив». Уже одно то, что его не уничтожили как не имеющее серьезного значения, а, напротив, направили в личный архив вождя, говорит само за себя. Письмо написано малограмотной женщиной и не очень вразумительно, но все же ясно, что она, ссылаясь на мать Сталина, напоминает ему о событиях 1898–1899 годов. Поскольку Прасковье (Паше) «в первые годы революции» было около 18 лет (именно тогда М. Михайловская впервые с ней встретилась), то и год ее рождения падает, скорее всего, на 1899-й, то есть именно на тот год, когда Сталин был исключен из духовной семинарии. Как известно, у Кобы не было ни сестер, ни племянниц, ни других близких кровных родственниц. То, что Михайловская не знает, как обозначить степень родства Паши, можно отнести на счет наивной хитрости пожилой женщины, оставляющей «свободу» выбора в этом щекотливом вопросе самому Сталину. Ссылка на то, что мать Кобы знала о существовании девочки и даже как-то принимала в ней участие, вряд ли можно отнести на счет фантазии

автора письма или женщины, претендующей на роль первой дочери вождя. Конечно, Кеке к этому времени (1938 г.) уже была мертва и не могла подтвердить или опровергнуть свидетельство Михайловской, но ссылка на фотографии и письмо к Сталину, переданные Пашей в секретариат (откуда, видимо, они были отправлены в НКВД), слишком серьезный довод, чтобы отмести всю эту историю. И конечно, то, что руководство НКВД СССР сочло необходимым в деликатной форме переслать Сталину это письмо, возможно уже после ареста Прасковьи (после ее «внезапного» исчезновения утром в апрельские дни 1938 года), говорит о многом. Исчезновение Прасковьи Михайловской и мало скрытый, но отчаянно преодолеваемый ужас малограмотной тетки ее покойного мужа, нацарапавшей послание в защиту несчастной женщины, красноречивее массы более определенных фактов. Для меня особенно убедительно прозвучала заключительная фраза об оставленных подушке и одеяле и материнское сочувствие не только к Паше, но и к Сталину, которому в молодые годы тоже «пришлось пережить немало». И это все, что пока можно рассказать о Паше, возможно, первом сталинском ребенке, испортившем ему духовную карьеру и развернувшем ее в революционное русло.

В романе Владимира Успенского, в котором густо перемешаны слухи, россказни, домыслы и факты, говорится, что на родине вождя якобы помнили о его неблаговидном поступке: «Речь шла об изнасиловании несовершеннолетней девушки, из-за чего, мол, Джугашвили выгнали из семинарии, а близкие и знакомые подвергли его презрению»[370]. Очень может быть, что именно эта история, о которой семинарское начальство по понятным причинам предпочитало не распространяться, и послужила той отправной точкой, с которой начинается реальный отсчет революционной судьбы Кобы. В конце концов, в революцию приходят столь же неисповедимыми путями, как и в любую другую сферу общественной и духовной жизни. Кавказ, как и весь Восток, чадолюбив. Детей, даже «незаконных», любят не меньше официально признанных. Бедная как мышь Кеке, может быть, пыталась хоть как-то помочь маленькой Паше, чья мать была явно не из состоятельных слоев? Кто знает? Сам же Коба вспомнил о ее существовании, скорее всего только ознакомившись с этим письмом. Дальнейшее – покрыто еще более густым мраком.

Лидия Перепрыгина – малолетняя любовница «Оськи Корявого»

В первый раз он обвенчался законным браком, по православному обряду, в 1906 году, когда ему исполнилось 27 лет, на очень молоденькой пышной грузинке, с поволокой в глазах, Екатерине Сванидзе. Говорят, что родом она была из деревни Диди-Лило, откуда были родом дед и отец Кобы. Очень может быть, что это был брак «по сговору» родителей, точнее – матери. Конечно, лишь по случайности ее звали так же, как мать Сталина. Через год от нее родился сын Яков, а через два месяца Като (Екатерина) умерла. На фотографии похорон Коба выглядит убитым горем.

В промежутках между официальными и неофициальными женитьбами и параллельно с ними Сталин не упускал случая завести любовницу. В 1910 году он жил в Баку с партийной соратницей и дворянкой Стефанией Леонардовной Петровской, с которой познакомился еще в сольвычегодской ссылке в 1908 году. Именно оттуда она последовала за Сталиным на Кавказ. Когда их арестовали, именно он просил у местного жандармского начальства разрешить официально на ней жениться[371]. Но брак не состоялся. В 1933 году, возможно, именно она проходила по «делу Слепкова»[372].

Наиболее известны его амурные похождения в сибирских ссылках, где он чувствовал себя особенно заброшенно и одиноко. Во время пребывания во второй сольвычегодской ссылке в 1910–1911 годах у него родился сын Константин от молодой вдовы Матрены Кузаковой. После революции Сталин тайно поддерживал их. Все в той же вологодской ссылке в 1912 году он отбил у своего товарища и в будущем самого близкого клеврета В. М. Молотова девушку Марусю, о чем тот не забывал до самой смерти. Там же в Вологде у него случился и более продолжительный роман с не очень красивой и не очень молодой Полиной Георгиевной Онуфриевой[373]. Были и другие более или менее длительные связи. Так что женщины его любили. Но об истории, о которой я сейчас расскажу, до недавнего времени мало кто знал.

Работая в архиве Сталина уже несколько лет, я как-то решил просмотреть документы, связанные со слухами о его провокаторской дореволюционной деятельности. В 1956 году в американском журнале «Лайф» появилась фотокопия документа, якобы доказывающая связь

Сталина с тайной царской полицией. Произошло это на фоне начавшейся борьбы за разоблачение «культа личности Сталина». Тогдашний руководитель государства Н. С. Хрущев отдал распоряжение председателю КГБ Ивану Серову разобраться с этим вопросом. В июле 1956 года Серов направил письмо на имя Хрущева, в котором, опираясь на мнение экспертов, доложил, что документ, опубликованный в «Лайф», фальшивый. Одновременно с этим Серов писал: «Кроме того, по рассказу гражданки Перелыгиной было установлено, что И. В. Сталин, находясь в Курейке (крохотная деревня в Восточной Сибири. – *Б. И.*), совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожительствовать.

В связи с этим И. В. Сталин вызывался к жандарму Лалетину для привлечения к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней.

И. В. Сталин дал слово жандарму Лалетину жениться на Перелыгиной, когда она станет совершеннолетней. Как рассказывала в мае месяце с. г. Перелыгина, у нее примерно в 1913 году родился ребенок, который умер. В 1914 году родился второй ребенок, который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время Александр служит в Советской Армии и является майором»[374].

На документе сохранились визы девяти руководящих членов партии и правительства, в частности Булганина, Кагановича, Маленкова, Молотова, Микояна, Ворошилова и других. После этого на записке Серова поставили гриф, означающий высшую степень секретности: «“Особая папка”. Общий отдел ЦК КПСС. 18 июля 1956 г.». Возможно, по инициативе Молотова было решено не обнародовать эти факты, поскольку сохранилась резолюция именно с его подписью: «В архив президиума ЦК. В. Молотов. 18.VII.56». Никто из членов ЦК никогда об этой истории не рассказывал. И это понятно. Разоблачение «культа личности» пошло по инициативе Хрущева не по линии дискредитации личности, как это произошло с Берией, а по более серьезной политической линии. Напротив, личные достоинства Сталина, в частности его бытовой аскетизм, остались для народа вне

сомнений. Свою роль здесь сыграла и «мужская солидарность» – почти у каждого члена Политбюро были свои семейные и сексуальные тайны.

Возникает вопрос: насколько достоверны сведения Серова? Действительно ли в жизни Сталина была эта девочка, был ли от нее ребенок, насколько аморальны были поступки будущего «вождя»?

В середине 1956 года быть причастным к интимной жизни Сталина было уже неопасно. Но и настаивать на своей причастности к его судьбе, и потому нагло обманывать высших чинов советской тайной полиции и государства Лидии Перелыгиной не было большого смысла. Но я обнаружил и более серьезные аргументы, подтверждающие в основном ее показания и в то же время значительно уточняющие их.

Из второй редакции официальной биографии Сталина мне еще раньше было известно, что его выслали в Курейку не в 1913-м, а в марте 1914 года вместе с другим видным большевиком Яковом Свердловым[375]. Вот что там говорится:

«3 февраля 1913 года Сталин был арестован на вечеринке, устроенной Петербургским комитетом большевиков в зале Калашниковской биржи. На этот раз царское правительство высылает Сталина в далекий Туруханский край на четыре года. Сталин вначале живет в станке Костино, а затем, в начале 1914 года, царские жандармы, опасаясь нового побега, переводят его еще севернее – в станок Курейка, к самому Полярному кругу. Здесь он проводит 1914, 1915 и 1916 годы. Это была самая тяжелая политическая ссылка, какая только могла быть в глухой сибирской дали»[376].

То, что Сталин впервые появился в Курейке в марте 1914 года, подтверждается и другими источниками. Впрочем, и сама Перелыгина сомневалась в точности даты встречи со Сталиным. Сохранилось письмо Свердлова сестре, перехваченное полицией, в котором он писал о будущем переезде в Курейку: «Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, севернее Полярного круга на 80 верст. Только двое будут на станке (в деревне. – *Б. И.*) и при нас два стражника»[377]. Курейка до сих пор существует, но в действительности она расположена несколько южнее Полярного круга. К каждому из ссыльных приставили по индивидуальному жандарму. Это был исключительный случай, так как по правилам полагалось одного жандарма на пятнадцать ссыльных. До этого и Сталин, и Свердлов так часто и дерзко убегали из мест ссылок, что их решили сослать в самый

отдаленный на тот момент пункт и приставить по персональному надсмотрщику. Жандарма, который охранял Сталина, действительно звали Иван Иванович Лалетин.

Сначала Свердлов и Сталин поселились вместе в доме братьев крестьян Тарасевых, где вместе со ссыльными проживало еще четверо. Через месяц ссыльные разъехались. Дело в том, что между Свердловым и Сталиным начались трения. Свердлов в то время писал: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили… Парень хороший; но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни. Я же сторонник минимального порядка. На этой почве нервничаю иногда, но это не так важно. Гораздо хуже то, что нет изоляции от хозяев»[378]. Спустя много лет после революции старшая сестра Надежды, Анна Аллилуева, вспоминала: «Коба рассказывал, как жил он со Свердловым в ссылке… По неписаному распорядку тот, кто отправлялся за почтой, освобождался от домашних работ.

– Любил я ускользнуть лишний раз на почту, – посмеивался Сталин. – Свердлову поневоле приходилось хозяйничать – топить печку, заниматься уборкой…»

Сталин совершенно спокойно позволял себе и ребяческое жульничество, в котором он, все так же посмеиваясь, сам признавался:

«– Сколько раз старался провести тебя, увильнуть от хозяйства. Проснусь, бывало, в свое дежурство и лежу, как будто заспался… – говорил Сталин.

– А ты думаешь, что я этого не замечал? – добродушно и весело рассмеялся Свердлов. – Прекрасно замечал»[379].

Вскоре Сталин, по собственной инициативе, перебрался в пристройку дома, принадлежавшего тоже многодетной семье, фамилия которой в разных источниках пишется по-разному, но очень похоже: «Перекрытины», «Перелыгины», «Перепрыгины». Деревенские жители, вплоть до хрущевской поры не имевшие паспортов, фамилии соседей часто перевирали, иногда насмешливо. В большинстве архивных источников пишется, и современные потомки этой семьи помнят ее написание, в транскрипции «Перепрыгины». Так буду писать и я. В семье не было взрослых, она состояла из семерых осиротевших подростков и детей: пяти мальчиков и двух девочек.

В тот же день, когда я обнаружил докладную записку Серова, зашел в букинистический отдел большого книжного магазина в

Москве, где судьба преподнесла мне еще один сюрприз. Там приобрел книгу, изданную в самый разгар войны, в декабре 1942 года в Сибири, в Красноярске. В советское время этот город стал административным центром края, в котором находилась деревня Курейка. В Красноярске располагался и архив департамента полиции, в котором хранились документы о пребывании Сталина в ссылках. Книга «И. В. Сталин в Сибирской ссылке» была написана по поручению Красноярского краевого комитета ВКП(б) уже маститым партийным историком М. А. Москалевым. Издать книгу о вожде пятнадцатитысячным тиражом без его ведома в то время было немыслимо. Вышла книга под редакцией друга Москалева, секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) К. У. Черненко – того самого, который после смерти Брежнева и Андропова в 1984 году стал на несколько месяцев Генеральным секретарем ЦК КПСС. Мне повезло еще раз. Направив запрос в бывший Красноярский партархив, а ныне Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края, я получил дополнительные сведения о приполярном периоде жизни вождя[380].

Хотя книга действительно была отпечатана в 1942 году, в продажу она не поступила. В соответствии с принятой практикой ее контрольный экземпляр направили на имя начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова. Авторы получили замечания от работников ИМЭЛ и Управления пропаганды. Доработали книгу, вновь отправили в Москву. Прошел год – нет ответа. Черненко пишет запрос: «Год тому назад направлены сигнальные экземпляры книги “Сталин в Сибирской ссылке”… до сих пор мы не получили ответа. Убедительно прошу сообщить Ваше мнение о книге и возможности ее издания»[381]. В самом конце декабря 1943 года – новый запрос[382]. Наконец, судя по письму Всесоюзной книжной палаты в Красноярск от 16 сентября 1944 года, отпечатанный тираж книги Москалева был разрешен к распространению[383]. Два года книга лежала на складах. Сам факт издания книги прошел малозаметно, совсем не так, как появление книг о Сталине Л. Берии, А. Барбюса, Л. Фейхтвангера. Наступили другие времена, и сделать головокружительную карьеру или приобрести мировую славу одной причастностью к биографическому воспеванию вождя было уже трудно. Если в предвоенное десятилетие Сталин активно занимался «ваянием» собственного образа в его различных хронологических

срезах: детство, юность, подполье, революция, Гражданская война, «Полководец», «Вождь»… то с началом войны Сталин притормозил эту деятельность. В первые годы войны сам ее ход был плачевен, а затем еще долгое время был неясен окончательный итог. Поэтому, несмотря на постоянные напоминания различных биографов и издателей его собрания сочинений, Сталин отмалчивался и ждал. И только в 1944 году, когда все явственнее стала обозначаться победа, Сталин счел нужным вернуться к дальнейшей разработке собственного гештальта. При этом сместил часть чиновников идеологических ведомств за «нерасторопность». Но сдержанное отношение Сталина к деятельности красноярских партийцев могло быть связано и с тем, что, во-первых, автор был уже знаком Сталину по предыдущим работам, во-вторых, он был по национальности евреем, в-третьих, потому, что стало очевидно – автор волей-неволей ознакомился с некоторыми щекотливыми тайнами биографии вождя.

В феврале 1940 года Сталин разразился большим гневным письмом «не для печати» в адрес журнала «Историк-марксист», в котором была опубликована статья Москалева «И. В. Сталин во главе бакинских большевиков». Статья, по его мнению, была полна ошибок, а главное, незаслуженно завышала роль Ворошилова и некоторых других бакинских деятелей в большевистской организации[384]. Его не могло не насторожить и то, что спустя два года однажды одернутый им автор вновь берется за сталинскую тематику.

А в 1942–1944 годах, в самое, казалось бы, неподходящее время, на идеологических совещаниях принимаются решения полномасштабного возрождения великодержавно-русского, пропагандистского клише и, как его неизбежного дополнения, антисемитской составляющей. Первое, что было сделано, – перекрывались всякие карьерные поползновения евреев, тем более в сфере идеологии и тем более в такой опасной близости к образу самого вождя. И хотя книгу в конце концов разрешили к распространению, она не получила никакого политического резонанса, а сам автор позже все же был репрессирован.

Как рассказал мне внук профессора Москалева, Михаил Викторович Москалев, которого я знал, когда он был студентом, его дед в 1942 году оказался в Красноярске по распоряжению правительства как человек, включенный гитлеровцами в список евреев, подлежащих немедленному уничтожению. Но в 1947 году он был арестован и

посажен в советскую тюрьму уже как «троцкист». В семье сохранилось предание о том, что в 1942 году, после выхода книги, М. А. Москалеву позвонил секретарь Сталина А. Н. Поскребышев, который сообщил об отрицательном отношении вождя к этому изданию. В семье сложилось мнение, что это и послужило истинной причиной ареста. Но мне представляется, что с мотивировками ареста историка надо еще разбираться. В 1947 году благополучно вышла другая книга М. А. Москалева – «Русское бюро ЦК РСДРП(б)»[385]. Не забудем, что именно с 1947 года началась открытая, масштабная и постоянно нараставшая, вплоть до смерти Сталина, борьба с «безродным космополитизмом». Думаю, что профессор Москалев был наказан «по совокупности» еще и за то, что почти наверняка узнал в Красноярске «лишнее».

* * *

В книге Москалева опубликованы фотографии молодых Сталина и Свердлова, фотографии и рисунки поселков, домиков и интерьеров, в которых проживал Сталин в разных сибирских ссылках и, конечно, в Курейке: фотографии музея вождя, жителей деревни, помнивших его. И книга и фотографии вышли в не очень хорошем полиграфическом исполнении, что было связано с войной и провинциальной издательской базой и что никогда в мирное время не допускалось по отношению к изданиям о вожде. Правда, внук историка рассказал, что у них в семье хранится экземпляр книги в отличном полиграфическом исполнении. Так что и во время войны делалось различие между массовым и элитным изданиями.

Накануне войны в Курейке или в областных городах встречались не только старожилы, помнившие ссыльного Сталина, но и жили Перепрыгины-Давыдовы. Явно с их слов и слов других жителей села Москалев писал в 1942 году: «К пасхе (март 1914 года. – *Б. И.*) перешел Иосиф Виссарионович к Перепрыгиным… У Перепрыгиных пять мальчиков и две девочки-сиротки, без отца, без матери. Жили бедно, скудно, день со щами, два со святым духом. Корову держали, – один только толк, что корова на дворе, а квас на столе.

Если бы не помощь Иосифа Виссарионовича, умерли бы с голоду. Он часто поддерживал их. Наловит рыбы – делится. Перепрыгины-то

было и стеснялись, а он слова не даст вымолвить: “Бери, ешь”.

У Перепрыгиных часто молодежь собиралась на вечеринку. Услышит Иосиф Виссарионович песни, откроет дверь и поет. Страсть любил песни»[386]. В пристройке, где жил Сталин, отдельного входа с улицы не было. Так что открыть дверь он мог только в единственную жилую и проходную комнату-избу Перепрыгиных.

Петь он действительно любил, особенно когда был навеселе. Но если учесть, что в Курейке было всего 8 домов, в которых проживало 38 мужчин и 29 женщин четырех-пяти фамилий, то «молодежь» – это десятка два детей и подростков, включая Перепрыгиных, а Сталину уже стукнуло 36 лет. Он был далеко не юноша. Одна из двух «племянниц» – девочек-сироток, о которых пишет Москалев, и есть малолетняя любовница будущего вождя. И рыбой он вряд ли спасал от голода Перепрыгиных, а делился ею скорее как жилец и «родственник». Более взрослые подростки сами были, как и все жители деревни, прирожденными рыбаками и звероловами. В Сибири в те времена жили бедно, грязно, но сытно.

Конечно, отношения взрослого мужчины с 14-летней девушкой-подростком не могли оставаться неизвестными населению крохотного станка. Тем более приставленному к Сталину для надзора жандарму. Действительно ли Сталин дал заверения Лалетину в том, что женится на девочке, когда она станет совершеннолетней (то есть в 1916–1917 гг.), утверждать теперь трудно. Впрочем, все мужчины в подобных ситуациях довольно легко дают обещания, а Сталин к этому времени уже шесть лет как потерял первую жену и был формально свободен. Но тот факт, что у него был серьезнейший конфликт с жандармом Лалетиным, говорит о многом. Москалев цитирует воспоминания разных сельчан, в том числе и Марьи Петровны Давыдовой, о назревавшем тяжелом конфликте. Марья Давыдова, скорее всего родственница Якова Давыдова, будущего законного мужа Лидии Перепрыгиной, о котором упоминается в записке Серова.

В 1942 году Москалев аккуратно процитировал маленький фрагмент рассказа:

«Колхозница Мария Петровна Давыдова вспоминает:

– Однажды Иосиф Виссарионович взял у моего брата ружье и хотел сходить на охоту. А охота у нас рядом, тайга начинается под окном. Жандарм Лалетин налетел на Иосифа Виссарионовича, обнажил

шашку и хотел его обезоружить. Брать ружье товарищу Сталину не разрешалось. Но товарищ Сталин не отдал ружья жандарму, а возвратил его брату. Помню, тогда жандарм порезал Иосифу Виссарионовичу руки». О том, что Кобе в горячке порезали шашкой руку, запомнили и другие жители станка. Невольно вспоминается предание о Тимуре – Тамерлане, который в молодости спасся тем, что ухватился за обнаженное лезвие сабли, занесенной над его головой. Перед войной, когда гробницу Тамерлана вскрыли, предание о «железном хромце» подтвердилось.

Другим жителям села также врезался в память этот конфликт: «Особенно ревностно выполнял приказания начальства держиморда, свирепый и жестокий охранник Иван Лалетин. Курейские старожилы помнят этого стражника с большими рыжими усами и окладистой рыжей бородой»[387].

Дело в том, что согласно инструкции охранник обязан был дважды в день посещать поднадзорного: в десять часов утра и вечером. Лалетин же «часто ходил проверять Сталина не вовремя и вваливался в его комнату без стука». Захаживал и ночью. Он очень боялся, что Сталин в очередной раз сбежит из ссылки. Во время своих визитов он должен был поднимать на ноги весь дом, так как единственный вход в жилище Сталина вел через теплый хлев, а затем через единственную и убого обставленную горницу хозяев. Вечерние и ночные посещения особенно должны были раздражать Сталина, если охранник заставал его не одного. Отношения накалились до того, что Сталин пытался распускать руки, силой выталкивал его на улицу и охранник опять обнажал оружие – шашку.

«– Как-то вечером весной 1914 года, – вспоминает колхозник Федор Андреевич Тарасев, – мы наблюдали такую картину: жандарм пятился к Енисею и трусливо махал обнаженной шашкой впереди себя, и товарищ Сталин шел на него возбужденный и строгий, с сжатыми кулаками. Оказывается, в этот день товарищ Сталин сидел, работал и не выходил на улицу. Жандарму показалось это подозрительным, он и решил проверить. Без спроса ворвался в комнату, и товарищ Сталин в шею выгнал этого мерзавца»[388].

Что так разозлило Сталина, над чем он так сосредоточенно работал, что даже срывался и набрасывался с кулаками на вооруженного жандарма? Хочу обратить внимание на достовернейший

факт – за время последней ссылки Сталин ничего серьезного не написал и даже заметно интеллектуально деградировал. Дальше смутных замыслов о продолжении работы по национальному вопросу дело не пошло. Хотя материалами коллеги его снабжали. К концу ссылки накопилось два-три мешка с книгами, большая часть которых валялась под кроватью. Но почему, собственно, мужчина – надзиратель – не может войти без стука в помещение ссыльного мужчины, даже если он занимается недозволенной интеллектуальной деятельностью? Пусть и невежливо, но вряд ли это повод для опасных драк с вооруженным охранником. В это же самое время, в той же Курейке и других местах ссылки, Яков Свердлов без каких-либо помех писал и публиковал статьи и целые политические трактаты. И не он один.

Стычки с жандармом начались только после переселения Сталина в дом Перепрыгиных в начале весны и продолжались до мая 1914 года, когда после неоднократных «настоятельных требований товарища Сталина» и Свердлова пристав Кибиров, чей пост находился в двухстах километрах от Курейки, в селе Монастырском, был вынужден заменить стражника. Возможно, это было сделано из-за опасения, что дело может дойти до кровавой развязки. Или же Коба нашел иной, одному ему известный, но убедительный подход к начальству? Так или иначе, вместо Ивана Лалетина прибыл покладистый и сообразительный молодой жандарм Михаил Александрович Мерзляков, который сам был потомком ссыльного поселенца, скорее всего уголовного. Мерзляков вообще не заходил к Сталину в дом, а ждал, когда тот явится к нему с визитом. Часто отпускал его в тайгу на несколько недель одного на охоту или рыбалку. Это разрешалось, если ссыльный направлялся вниз по течению Енисея, то есть на север. Мерзляков, обремененный большой семьей, охотно ездил вместе с Кобой в длительные «побывки» в соседние селения и поселки, где тот встречался со знакомыми ссыльными. В будущем судьба вознаградит его за проявленную деликатность. В феврале 1930 года, в разгар коллективизации, Мерзляков обратился к Сталину с письмом, в котором напоминал о былых своих заслугах перед ним и просил защитить от произвола местных властей. «Прошу тов. Сталина, – писал он, – довести до сведения нашего сельсовета о том, что **я действительно имел с Вами дружеские отношения во время службы в Туруханском и не делал противодействия**[389], которые сведения для меня нужны для

вступления в колхоз “Красный ключ”, я думаю, Вы меня выручите, **я думаю, я для Вас не был и не буду чуждым элементом, я считаю, Вы меня не забыли, какой я был**»[390]. Мало того, что он бывший жандарм и к тому же был стражником самого вождя, он попадал под разряд «кулаков» и был бы непременно репрессирован. Сталин не поленился написать простым карандашом доброжелательное письмо-воспоминание на имя местного начальства. Факт сам по себе примечательный, если учесть, что он в эти годы все больше и больше приходил в бешенство, когда даже ближайшие родственники обращались к нему с просьбами о заступничестве.

Небрежно, параллельно размышляя о чем-то еще (на бумаге следы каких-то расчетов), Сталин писал:

«В сельсовет дер. Емельяновой Красноярского района и округа.

Михаила Мерзлякова знаю по месту ссылки в селе Курейка (Турух. край), где он был в 1914–1916 гг. стражником. У него было тогда одно-единственное задание от пристава – наблюдать за мной (других ссыльных не было тогда в Курейке). Понятно поэтому, что в “дружеских” отношениях с Мих. Мерзляковым я не мог быть. Тем не менее, я должен засвидетельствовать, что если мои отношения с ним не были “дружескими”, то они не были и враждебными, какими обычно бывали отношения между ссыльными и стражниками. Объясняется это, мне кажется, тем, что Мих. Мерзляков относился к заданию пристава формально, без обычного полицейского рвения, не шпионил за мной, не травил, не придирался, сквозь пальцы смотрел на мои частые отлучки и нередко поругивал пристава за его надоедливые “указания” и “предписания”. Все это я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами.

Так обстояло дело в 1914–1916 гг., когда М. Мерзляков, будучи стражником, выгодно отличался от других полицейских»[391].

После этого письма Мерзляков превратился в «ударника» колхозного строительства и умер своей смертью. Так что Сталин мог быть благодарным. Не трогал Сталин и семью Перепрыгиных-Давыдовых, хотя письмо Мерзлякова без сомнения напомнило ему о них в 1930 году.

* * *

В своем послании Сталин не совсем искренен и точен. Из чужаков в Курейке, кроме него и Свердлова, был еще «ссыльнопоселенец из бродяг» Василий Ивасяк[392]. Сталин с ним сдружился. Не случайно именно в это время он избирает еще одну кличку – псевдоним Васька, Василий[393], которым потом будет время от времени пользоваться, особенно в период Великой Отечественной войны. И своего второго сына он назовет Василием. Вообще Коба, в отличие от многих революционеров из интеллигентов, легко находил общий язык с уголовниками, бродягами, охранниками и полицейскими, с представителями коренных сибирских народов, с таежниками и вообще с малоразвитыми и малокультурными людьми. Он легко становился для них авторитетом, о чем свидетельствует и данная ему в Сибири точная кличка: Оська Корявый. Он сам о ней рассказал Молотову[394]. И на Кавказе одной из первых его кличек была Чопур – корявый, щербатый. В тюрьмах и ссылках (в которых Сталин провел, с 1912 по 1917 год, в общей сложности *восемь* лет) живущие рядом невольно становились «социально близкими элементами», как их стали торжественно величать в Сталинскую эпоху. До революции Коба не раз предлагал привлекать их (и уголовников, и полицейских) к революционной подпольной деятельности. Никогда со времен своих отсидок и ссылок его не отвращала и не ужасала атмосфера российской тюрьмы, пересылки, этапа и самой ссылки. Он на своей шкуре изучил все слабости российской тюремной системы и поэтому со знанием дела ужесточал советскую, но уже социальную систему в целом. ГУЛАГ являл собой синтез коллективного обобщенного опыта бывших революционеров, и не в последнюю очередь – Сталина.

Жизнь в Курейке и отношения со стражником Мерзляковым были очень даже замечательные. Настолько хорошие, что Сталин, совершив перед этим пять успешных побегов из ссылок, на этот раз решительно отказывался бежать, несмотря на настойчивые понуждения и недоумения Ленина и Крупской. Васька объяснял им, что устал, болен и хочет дождаться официального конца ссылки, так как легальному легче заниматься революционной деятельностью. На самом деле именно в Курейке у него остановился туберкулезный процесс в легких. Целыми днями он занимался рыбалкой, охотой, на недели уходил в тайгу к местным полярным кочевникам, постоянно ездил вместе с Мерзляковым в большое село Монастырское и другие пункты на

встречи и вечеринки со С. Спандаряном, Л. Каменевым, В. Швейцер, членами большевистской фракции Государственной Думы, со своими кавказскими земляками из других революционных партий. И они время от времени приезжали к нему в Курейку на пароходе или на собаках по замерзшему Енисею. Вера Швейцер, отбывавшая в те же годы ссылку в «соседнем» селе Монастырском (в двухстах километрах южнее), так описала одно из своих путешествий в Курейку к Сталину: «Мчались под нескончаемый вой волков… Вот и Курейка. На берегу, там, где мелкая изломанная порогами быстрая речка Курейка впадала в бурный полноводный Енисей, разбросано было несколько деревянных домишек, стоявших далеко друг от друга. У самого Енисея на небольшой возвышенности виднелся деревянный дом, занесенный снегом. Здесь жил товарищ Сталин. Мы подъезжали. Собаки, завидев впереди жилье, бежали во всю прыть. Из домиков выбежали люди. Навстречу нам вышел товарищ Сталин. Местные жители с любопытством рассматривали полярных путешественников. Из соседнего дома лениво вышел охранник, медленно и важно подошел к нам»[395]. Она же подробно описала как будто бы благополучное сталинское жилье, жарко натопленное хозяйскими дровами, и огромного трехпудового осетра, только что пойманного Кобой в личной проруби на Енисее. Куда и зачем он должен был бежать, тем более что шла Первая мировая война? Правда, ему из-за врожденных физических недостатков фронт, похоже, не угрожал. Самым страшным была тоска одиночества, от которой, по словам Свердлова, человек впадал в мозговую спячку и доходил до состояния анабиоза. Но не похоже, чтобы Сталин переживал в Курейке нечто подобное.

* * *

С начала 30-х годов и до смерти Сталина работа по собиранию документов и воспоминаний о дореволюционной деятельности вождя велась во всевозрастающем масштабе. Этим занимались и местные партийные работники, и специально присылаемые из Москвы эмиссары. Поскольку местные жители были сплошь неграмотными, то воспоминания записывались с их слов. Это следует учитывать, так как не все, что они рассказывали, оставалось на бумаге. В июне 1936 года

были записаны воспоминания Мерзлякова, которые, как я понимаю, никто из исследователей до настоящего времени не видел. Они настолько безыскусны и полны такими характерными бытовыми деталями и многозначительными подробностями, что я решил их процитировать почти полностью. Не забудем, что здесь мы имеем дело с наблюдателем-профессионалом, с цепкой, опять-таки профессиональной памятью, и (как того требовало когда-то начальство от бывшего охранника) объективно описывающего обстановку. Я по возможности сохраняю просторечный стиль автора.

Рассказ Михаила Александровича Мерзлякова:

«В 1891 году мой отец ссыльный поселенец (свободный) со мной приехал в г. Красноярск и поселились на 25 км от Красноярска, в Зеледеевской волости с. Емельяново.

В 1914 г. я выехал г. Таруханск с целью избежать мобилизации на войну так как из Таруханского края на войну не брали. В том же году поступил в полицейское управление на должность стражника. В начале июня 1914 г. был назначен в поселок Курейка, где был в ссылке И. В. Сталин (Джугашвили). Пристав Таруханска Кибиров, при откомандировании в Курейку приказал в Курейке наблюдать и отвечать за Джугашвили, наблюдать зорко так как этот Джугашвили очень ненадежен, уже не раз бежал из ссылки. В Курейке было 8–10 домиков, проживали домохозяева следующие: Калашников Афанасий, мещанин Иванов, Перепрыгины 5 братьев и 2 сестры – все батрачили, 6 семей Тарасевых: Яков, Степан, Михаил, Федор и др.

Поселился я в доме у Тарасева Михаила. Из полит. ссыльных проживали Свердлов Я. М. и Джугашвили И. В., жили они без семей, жили в разных квартирах. И. В. Сталин у Перепрыгиных (батраков): Ионы, Дмитрия, Ивана и Георгия, сестер: Наталии и Лидии. Домик Перепрыгиных был маленький, старый, грязный. Спал И. В. на деревянной койке. Освещение состояло из керосиновой 5-и линейной лампочки.

Летом И. В. любил рыбачить и кататься на лодке, ловил рыбу переметами, рыболовные принадлежности доставал у приезжавших торгашей, покупал на месте, сам заготавливал лесу, любил ездить в местечко Половинка, что ниже по течению км на 18, туда я его отпускал одного, временем я не ограничивал, иногда он на рыбалке пробывал дней до 15.

Свердлова охранял стражник Хорев, который проживал в доме Сотникова, Свердлов любил купаться с лодки, кататься на лодке рано по утрам, ходил всегда в очках, к рыбной ловле охоты не проявлял. При мне Свердлов проживал около 2 лет и отпросился у Кибирова выехать к жене в Монастырское. Последняя там учительствовала в пансионе, где воспитывался мой сын Геннадий.

И. В. очень любили местные жители, очень часто ходили к нему, ходил он к ним, часто просиживали у И. В. целые ночи. Он любил слушать примитивную музыку и порой веселое времяпрепровождение жителей. И. В. сам готовил себе пищу, рубил дрова, чай кипятил в чайнике на железной печке. Избушка была плоха, а поэтому грязноватая, всегда был в ней дым, стекла в окошках побиты, закрывались дыры дощечками, газетами, корочками от книг, самим И. В. Жил он скромно, скудно, кормовых денег ему не хватало, местное население ему помогало, И. В. каждый раз за продукты платил жителям деньгами, помогал им деньгами в нужде, особенно батракам Перепрыгиным. Почту я задерживать не имел права и всегда ему передавал. Почта… приходила раз в месяц, ему всегда что-нибудь присылали. Присылали посылки с медикаментами, которыми И. В. делился с местным населением, были случаи, когда И. В. сам лично помогал лекарством людям, заливал раны йодом, давал порошки. В Туруханском крае, на каждых 15-ть ссыльных прикрепляли одного стражника, а к тов. Сталину и Свердлову по одному. К тов. Сталину приезжали инородцы (тунгусы) напр. Мандаков Гавриил и др. Привозили рыбу и оленье мясо, за что И. В. щедро расплачивался с ними. И. В. любил рыбу называемой пеляткой, которая водилась в при енисейских озерах.

С инородцами И. В. часто беседовал и подолгу, о чем они беседовали мне не известно. Знаю только, что им советовал мыться, бриться, стричь волосы так как последние были очень грязные. Помню, одного он побрил и снабдил мылом. Инородцы его уважали, хорошо отзывались о нем. В село Монастырское И. В. выезжал со мной раз 10 за все пребывание его в Усть-Курейке [и] моего пребывания там, в качестве стражника, приставленного лично к тов. Сталину. Летом ездили на лодке. Лодку тянули собаки, а возвращались на веслах. В дороге И. В. с нами был разговорчив, шутил. Зимой ездил на лошадях, ночевали на станках, на одном из них в 37 км от Курейки, где жил

Оденцов мы часто останавливались. С ним И. В. был знаком по иркутской тюрьме (за что и как попал Оденцов в Туруханский край не знаю). Жил Оденцов на стане Канащеля. И. В. иногда по 3 дня проживал вместе со мной у Оденцова, последний жил с семьей. С Оденцовым И. В. делились воспоминаниями об иркутской тюрьме, в моей присутствии вспоминали строгости режима иркутской тюрьмы. О политике при мне говорить стеснялись. В Монастырском И. В. встречался с политическими ссыльными, с какими, где – мне не известно, закупал там продукты, бывал там подолгу, иногда до 5–7 дней.

Где он в эти дни, у кого жил, ночевал – мне неизвестно. Сам И. В. приходил в управление, говорил мне о том, что надо ехать обратно, и мы уезжали. По дороге население к И. В. относилось хорошо; стлали ему лучшую постель (перины, заячьи одеяла), хорошо кормили. Проезжавший по Курейке служитель культа – никогда к Джугашвили не заходил. Если приезжали в Курейку начальники, купцы то останавливались у Тарасева Михаила, дом которого считался дворянской квартирой, Курейка была самая отдаленная и суровая ссылка для политических.

Стражник Лалитин[396], у которого я принял Джугашвили и оружие, мне наказывал строго наблюдать за И. В. так как он собирается бежать, но я строгость к нему не проявлял. Лалитин проверял Джугашвили каждое утро, иногда и ночами, за что И. В. просил Кибирова снять Лалитина, обижался на его и Свердлов, в результате чего Лалитина сняли и заменили мною. Мне известно, что Сталина в Курейку сослали потому, что он был серьезный политический ссыльный, для того, чтобы его лучше изолировать от других ссыльных, чтоб не мог оттуда сбежать. По моим наблюдениям И. В. бежать из Курейки не собирался так как это было безнадежно.

До Сталина и Свердлова в Курейке из ссыльных никого ни когда не было. В начале 1917 года я, возщик и И. В. поехали на лошадях в Монастырское, откуда И. В. больше не вернулся, а я получил новое назначение…

Тов. Сталин, будучи в Курейке много читал и писал, что писал и читал – мне не известно. Книгами он запасался в Монастыр[ском], там же закупал канцелярские принадлежности и, кроме того книги и журналы получал по почте. В Курейку приезжал к тов. Сталину из

станка Горошиха какой-то ссыльный, долго находился у него, фамилию ссыльного я не помню. И. В. очень любил детей, дети часто собирались у него, с ними он играл, ласкал их, бывало, расставит руки в сторону и бегает с ними по избе.

В обращении с местным населением И. В. был очень вежлив, не называл как мы: “Гришка”, “Мишка” и т. п., а называл: Григорий, Михаил, а взрослых и пожилых людей наз[ывал] по имени и отчеству. Во время читки газет иногда говорил И. В.: “Румыния снова хорохорится”. Курил всегда из трубочки с изогнутым мундштуком, курил простую махорку и иногда др. табаки. Носил черную шляпу, френч и брюки, черные диоганаливые, сапоги английского фасона – широкий носок. Мылся в курной (по черному) бане у соседа так как у Перепрыгиных своей бани не было. Зимой ходил в сапогах, а для выездов местное население давало ему унты и сокуй. Последние были сделаны из оленьих шкур. И. В. брил бороду, носил усы, на голове носил большие зачесанные назад волосы, волосы были красивые. В Курейке местных жителей заедали комары и мошка, и В. И., спасался от них в тюлевой черной сетке, от мошки не было спасения и в доме, по этому И. В. спал под пологом.

Точно не помню, но, кажется, И. В. получал кормовых по 15 руб. в месяц, я же получал 50 руб. в месяц, этих денег мне никогда не хватало, а И. В. тем более, – поэтому находился в постоянной нужде. В присутствии детей И. В. рассказывал о своем детстве, говорил, что я был капризный, иногда плакал, жилось плохо. В Курейке И. В. частенько ходил на прогулку, но далеко в тайгу не уходил так как заедали комары. На лодке катался один, в этом отношении был бесстрашный, даже местные жители удивлялись, как он в большие волны сам справлялся, его сильно бросали волны. Ширина Енисея у Курейки – 5 км., [И. В.] переезжал один на другую сторону в лавчонку за продуктами и, особенно за табаком, которого у нас часто не хватало. Пищу готовил И. В. Сталин исключительно сам. Приезжавшими купцами, начальством не интересовался, разговоров у него с ними не было.

Однажды, я слыхал анекдот, рассказанный тов. Сталиным такого порядка: о том, что у одного барина заболели зубы, и он своего слугу посылал за врачом, но забыл его фамилию, сквозь боль говорил, что фамилия врача Конев или Жеребцов, а в итоге она оказалась

Овсянников, но ведь лошадь ест овес, есть, значит, что-то общее между этими фамилиями. Мы очень крепко смеялись так как тов. Сталин рассказал очень интересно, говорил он другие анекдоты, но их я не помню…

Зимой И. В. участвовал в устройстве “катушки”, сам катался на ней и любил это время провождение. Перчаток у него не было, а чтобы не отморозить руки, он завязывал рукава, кроме того, И. В. любил кататься на лыжах.

Мне 62 года, в 1929 году я вступил в колхоз…»[397] Далее Мерзляков повествует о своих злоключения и письме Сталина в его защиту.

Воспоминания Мерзлякова позволяют объяснить многие особенности, предсказать некоторые черты и стиль поведения будущего всемогущего правителя. Ему действительно неплохо жилось, несмотря на отдаленность ссылки и суровость климата. С появлением Мерзлякова у него была почти полная свобода передвижения. Он десятки раз ездил, пусть и в сопровождении стражника (почти – друга), в различные населенные пункты и беспрепятственно встречался с соратниками и друзьями. Но особенно интересен рассказ о любви Сталина к охоте и рыбалке.

* * *

Если у него не было никакой городской, цивилизованной профессии, то охота и рыбная ловля стали его не только важным подспорьем для существования, они стали средством для воспитания и развития особых черт характера. Длительные отлучки с одним из братьев Перепрыгиных в тайгу, с оружием, умение выследить, подстеречь и убить зверя, способность терпеливо ждать, пока рыба попадется на крючок, а потом, несмотря на ее величину и силу, затащить на лед или целеустремленно переплывать в лодчонке, в одиночку (с больной рукой и легкими!) пятикилометровый неспокойный Енисей за желанной пачкой махорки – все эти качества охотника и рыболова мы без труда найдем у политика Сталина. Хозяин Кремля терпеливо, иногда годами «водил» на невидимом крючке очередную политическую жертву, «прикармливал» ее всяческими

должностями, посулами и обещаниями, то натягивал, то вновь отпускал «лесу», а затем, когда жертва думала, что все обошлось, рывком «подсекал» ее. Так действуют опытные рыбаки, когда имеют дело с крупной добычей. Иногда тактика из рыбачьей легко менялась на охотничью, но это сути не меняет. В 1917 году в Петрограде, а затем в Кремле появился грузин Коба, прошедший воспитание не только в православном духовном училище, не только в ссылках и тюрьмах и не только в конспиративном подполье, но и в сибирской приполярной тайге. Позже дочь писала: «Он вспоминал всегда о годах ссылки, как будто это были сплошь рыбная ловля, охота, прогулки по тайге. У него навсегда сохранилась эта любовь»[398].

Охотник или рыбак – это древнейшие человеческие профессии, объективно требующие навыков убийства и первично удовлетворявшие в человеке самые жгучие плотоядные потребности. Позже, в Кремле, Сталин говорил соратникам, что нет большего удовольствия, чем выследить врага, уничтожить его, а потом выпить вина. Такой «охотник» без сомнения не только понимал смысл ницшеанской мысли о преимуществах местонахождения по ту сторону добра и зла, но и собственным путем постигал ее, освежевывая очередную парную тушу и запивая удачу чаркой. И еще штрих к его бестрепетному отношению к живой плоти. Житель Курейки Ф. А. Тарасев вспоминал, что однажды, когда он уехал, его корова объелась какой-то травы и ее пришлось зарезать. «Иосиф Виссарионович с соседями прирезал нетель, а мясо прибрал и посолил, сделал все как хороший хозяин»[399]. Впоследствии именно так: «Хозяин» с большой буквы, называло его кремлевское окружение.

Став во главе государства, Сталин, как и Ленин, Троцкий, Бухарин и другие, стал вести себя как аристократ новой формации и пусть редко, но занимался охотой и рыбалкой, теперь уже проводя свободное время. Сохранились фотографии начала 1930-х годов, на которых он запечатлен с ружьем или удочкой в окружении охранников-егерей и чаще всего в сопровождении К. Ворошилова. Как-то работники Оперативного отдела ОГПУ преподнесли ему в дар альбом с большим количеством таких фотографий. Но позже он, видимо, вообще перестал охотиться. Молотов в старости вспоминал: «В Сталине от Сибири кое-что осталось. Когда он жил в Сибири, был рыбаком, а так – не увлекался. Незаметно было, да и некогда»[400]. А к чему теперь нужна

была охота? Да и времени действительно не хватало. Ведь для него отныне вся страна, на просторах которой он мог производить «отстрел» сотнями и миллионами, стала охотничьим угодьем. Он отбирал в жертвы самых значительных и ярких «особей»: из интеллигентов, бюрократов, рабочих, крестьян, партийцев… Отстреливал или рационально содержал их до поры в лагерях и зонах. Еще в Курейке пойманную однажды Мерзляковым беременную зайчиху он разумно рекомендовал не убивать, пока та не родит зайчат. Но зайчиха, не вынеся неволи, сдохла, о чем мстительно помнил Мерзляков лет двадцать. Позже Сталин так же относился к проблеме использования интеллектуальных способностей «врагов народа», давая им возможность выложиться под бдительным присмотром «на воле» или в «шарашке». Но как же все в нашем мире неоднозначно и непрямолинейно! Рационализированное зло иногда вдруг коварно и призрачно, иррационально оборачивается добром.

Во время Великой Отечественной войны его «охотничьи» инстинкты обернулись иной стороной. Несмотря на ошеломляющие удары Гитлера, несмотря на глубочайшие раны, он, как кошка, рысь или пантера, продолжал яростно сопротивляться, пока не подстерег момент Сталинграда. «Зверь Сталина» оказался сильнее и изворотливее «зверя Гитлера». Кто бы из генералов ни разрабатывал и ни осуществлял этот план, конечное решение и вся историческая ответственность за сражение лежали лично на нем, на Сталине. Он сам, своей дикой волей к власти, взвалил на себя эту ответственность. Но кровоточащие раны были нанесены, конечно, не ему лично, а телу народному. На те годы, пока шла война, «зверь Сталина» был отвлечен от терзания тела народного, что и спасло страну не только от гитлеризма, но и от многолетия «тридцать седьмого года».

В каждом человеке притаился до времени зверь, но не каждому дано, а главное, не каждый пойдет на то, чтобы вскормить его человечиной. Говорят, до сих пор на террасе его дачи в Кунцеве стоит прислоненное у окна ружье. Коба до глубокой старости любил пострелять из него в обнаглевших ворон. Это все, что осталось от его былого увлечения.

* * *

Кобу арестовывали семь раз. В тюрьмах и ссылках он был шесть раз. Бежал пять раз[401]. Он так часто убегал, что сам он и его официальные биографы при подсчетах постоянно путались. Это хорошо видно по сохранившимся архивным документам. Столь частые побеги дали основание некоторым современным исследователям подозревать его в связях с полицией. И все же – это домыслы. Не только Коба, все революционеры довольно легко убегали из мест царских ссылок. Из тюрем – редко, а вот система ссыльных поселений была еще не отработана. Не было и концлагерей. Практически не было современных средств связи, дорог, внутренних войск. Все ссыльные, у кого было желание, здоровье и немного денег, довольно легко договаривались с местными жителями, и те их охотно доставляли за две-три тысячи километров до ближайшей железнодорожной станции на собаках, на лодке или на лошадях. Много раз убегал Свердлов, весьма дерзкий и романтичный побег из Сибири совершил Троцкий. Сталин сам со смехом рассказывал, что однажды договорился с ямщиком о том, что тот вывезет его за такую плату – на каждом полустанке он должен был выставить «по пол-аршина» водки, а на каждой станции «по аршину» (то есть рюмки выстраивались в длину). Так что в тот раз Коба бежал на манер загулявшего купчишки или опереточного гусара. Учитывая это, в советское время все местное население Сибири было так или иначе задействовано в охране и надзоре за населением ГУЛАГа. Те, кто нарушал общие требования, сами становились гулаговскими сидельцами.

Возвращаясь к воспоминаниям Мерзлякова, обратим внимание на то, что уже тогда обнаруживается привычка Кобы к ночным застольям и гулянкам, во время которых он не чурался никакой компании, особенно молодежной, а пил, плясал, пел и курил свою любимую трубку. В такие моменты Оська Корявый был не только по-грузински, но и по-русски простонародно «душевным» человеком. Когда он стал Хозяином, он просто перенес в Кремль привычки и атмосферу крохотной и убогой Курейки. В Кремле все окружавшие его первые лица были много моложе (кроме Калинина) и всегда приходили на «вечерку» без жен. Молотов не раз описывал, как Сталин за столом с удовольствием вспоминал обстоятельства жизни в сибирской ссылке и любил потчевать особо избранных гостей кунцевской дачи сырой строганиной из мороженой рыбы, привезенной прямо из Сибири, нельмой или,

возможно, той самой «пеляткой». И его любовь к русской бане оттуда же, из Сибири. Согласно записи в медицинской карте, в 1915 году его поразил сильнейший приступ ревматоидного артрита, так что баня ему помогла. Из Сибири даже кинематографическая интонация его «авторитетного» для окружающих туземцев речения типа: «Румыния снова хорохорится». И рисковая смелость, которой он, без сомнения, обладал, – оттуда же. Тарасев рассказал, что однажды во время ледохода они вдвоем поехали на лодке ставить переметы. Поставив, решили отдохнуть. Когда проснулись, оказалось, что их со всех сторон окружила вода и до лодки, привязанной к дереву, надо добираться через широкую протоку. Сталин не стал паниковать, а, предварительно сняв переметы, дошел вместе с Тарасевым до лодки по горло в ледяной воде. Но безрассудно заходить далеко в тайгу он все же опасался.

В Сибири же он получил и самый главный, ключевой для формирования сталинской психологии народный «урок». В 1935 году накануне очередной и самой страшной волны репрессий Сталин вдруг резко меняет направленность официальной пропаганды. Отныне, заявляет он, «кадры решают все». Он вдруг ощутил «голод в области людей». В своей установочной речи на встрече с выпускниками военных академий 4 мая 1935 года Сталин неожиданно припомнил эпизод из своей сибирской жизни: «Я вспоминаю случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню, но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый “остался там”. На мой вопрос: “Как же так, остался?” – они с тем же равнодушием ответили: “Чего ж там еще спрашивать, утонул, стало быть”. И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что “надо бы пойти кобылу напоить”. На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: “Что ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы завсегда сделать можем. А вот кобылу… попробуй-ка сделать кобылу”. Вот вам штрих, – завершил рассказ Сталин, может быть малозначительный, но очень характерный»[402].

Вольно или невольно Сталин в своей речи «передернул» смысл простонародного отношения к жизни и смерти, к ценности человека. Мужики смиренно, как к должному, отнеслись не к гибели товарища, а

к той силе, которая погубила его, но если надо, то поможет родить новых людей. («На все воля Божья: Бог – дал, Бог – взял».) Сталин же сохранял в памяти этот эпизод, как доказательство простонародного пренебрежения человеческой жизнью, ее малой значимостью для коллектива, для народа в целом. Этот неправильно понятый сибирский «урок» Сталин распространил на всех подданных, для которых он сам выступал как вполне реальная неодолимая «высшая» сила. При этом он не только инициировал массовое уничтожение людей, но и как «Отец» пытался с помощью властных рычагов влиять на деторождение, запрещая аборты и ограничивая разводы. В 1936 году, когда вышел закон, началась нелепая кампания по прославлению его инициатора. Вот какие печатали «приветствия» в его адрес: «Преисполненные глубокой благодарностью за сталинскую заботу о семье, о детях, женщины-матери от всего сердца благодарят партию и советское правительство и лучшего друга советских женщин, отца счастливой детворы товарища Сталина»[403].

Из своего детства я помню, как часто по ночам передавали по всесоюзному радио запись юморески А. П. Чехова «Лошадиная фамилия». Так вождь до конца жизни «рассказывал» подданным через эфир все тот же чеховский «анекдот».

* * *

В Красноярском архиве сохранились записи воспоминаний жителей села, с которыми Коба общался. И все очевидцы как-то по-особенному рассказывают о Перепрыгиных. По воспоминаниям И. М. Тарасева: «Общался И. В. Сталин больше всего с Перепрыгиными и Тарасевой Ольгой Ивановной, которая всегда стряпала ему хлеб, печенье. Муку И. В. Сталин покупал в лавке (магазине). Приносил И. В. Сталин стряпать к Тарасевой О. И. потому, что Перепрыгины – девочки были маленькие и стряпать не могли»[404].

Другая жительница станка Елизавета Яковлевна Тарасева вспоминала: «Иосиф Виссарионович часто под угром (берегом. – *Б. И.*) сидел на камешке и глядел, как починяют сети. Было у меня две коровы, так Иосиф Виссарионович брал у меня молоко, сметану иногда брал, рыбу – «жить-то надо было». Сама я ходила к Перепрыгиным –

сиротам, где жил Иосиф Виссарионович. Иногда показывала Лидии, как и что надо делать.

Часто звал меня И. В. к себе: “Бабка, иди к нам чай пить”. Ну, я и хожу, раз человек приглашает, так что же. Бывало, скажет Иосиф Виссарионович: “Лида, Лида, бабушку корми хорошо”. А я скажу, – “Ну что я, голодна, что ли”.

В обращении с людьми Иосиф Виссарионович был хорош, особенно хорошо относился к перепрыгинским ребятам – что напрасно зря сказать.

Был Иосиф Виссарионович веселым. Как только соберут вечерку, так и его приглашают… и везде он участвовал. Ходит, бывало, по берегу и поет:

Уж я золото хороню, хороню.

Чисто серебро хорошо, хорошо.

И т. д.

А голос у него хороший.

Петра моего учил плясать. Снимет свои сапоги и скажет: “Ну-ка, Петя, попляши у меня”»[405].

В этих рассказах Лидия Перепрыгина выглядит хлопотливой молодой хозяйкой в доме Кобы.

А вот ключевая зарисовка, противоречащая бодрому описанию Веры Швейцер: «Осип Виссарионович жил у сирот Перепрыгиных. Изба была маленькая, темная. Зимой окна забивали досками. Русская печь дымила. Холодно. Ребята часто прибегали ко мне греться. А Осип один ходит в дыму. Сидит в пальто и жмурится. Но всегда веселый»[406]. Так что его жилье напоминало больше нору. Удивительное дело, будущий великий индустриализатор, коллективизатор и генералиссимус, будучи взрослым мужиком, не был в состоянии хоть как-то наладить свой быт, привести в порядок и почистить свое многолетнее жилье. Постепенно он опускался. Его нищета (или неряшливость?) доходила до того, что он долгое время, может быть даже много лет, пользовался одним-единственным полотенцем. Но все же как истинный «учитель народов» он уже тогда «наставлял» местных остяков и тунгусов в элементарных правилах гигиены.

* * *

В том же архиве обнаружились и две записи с воспоминаниями главной героини этого сюжета – Лидии Платоновны Перепрыгиной (Давыдовой), относящиеся к 1950 и 1952 годам. В первой записи, сделанной, возможно, в связи с реорганизацией дома-музея Сталина в Курейке, Лидия Перепрыгина подробно описала родительский дом, пристройку, в которой жил Коба, и расположение мебели в них. Похоже, что по этому плану и была воссоздана обстановка в лачуге вождя. Делавшие запись работники Норильского комбината сочли нужным добавить: «Лидия Платоновна Перепрыгина-Давыдова – вдова, имеет 8 детей, самой младшей дочери 13 лет. С некоторой долей горечи рассказала, что до сих пор ей не выдают пособия за многодетность»[407].

Обратим внимание на то, что в 1914 году, когда она сошлась с Кобой, ей в действительности было не более 13–14 лет (в архивных документах указан год рождения – 1900-й). И она уже, видимо, не в первый раз жалуется на тяжелое материальное положение. Напомню, что и Серов доложил Хрущеву о том, что Сталин ей никогда материально не помогал.

В других, более подробных воспоминаниях, записанных в сентябре 1952 года, в целом повторяется содержание других рассказчиков, но есть и любопытные детали: «Ранней весной в 1914 году на двух лошадях… были привезены из станка Костина в самую тяжелую ссылку на станок Курейка И. В. Сталин и Яков Михайлович Свердлов. Приехали в дневное время. Жители станка Курейка, хотя и не первый уже раз встречали ссыльных царским правительством людей, на этот раз были очень встревожены. По станку Курейка прошел слух, что привезли политических ссыльных… Никому из ссыльных не было столько теплого внимания со стороны жителей, как т. Сталину… До приезда т. Сталина у Перепрыгиных стоял на квартире ссыльный – т. Тобоха – пожилой старик… Среди этих детей-сирот и жил И. В. Сталин до конца (декабрь) 1916 года. У И. В. Сталина была отдельная комната, деревянная кровать, стол и табуретка… Белье носил белое в полоску и майки – тельняшки… Когда И. В. Сталин уезжал, то литературу всю не мог увезти. После, находясь в Туруханске, И. В. Сталин попросил, чтобы мы отправили в Туруханск к И. В. Сталину остальные книги. Я отправила еще два мешка с надзирателем Мерзляковым. И. В. Сталин нам сообщил, что эти два мешка книг получил… В свободное время И.

В. Сталин любил ходить на вечеринки. Всегда был веселый, любил танцевать, играть, петь песни… Ходил в гости на именины. Выпивал помаленьку, любил детей, всегда их угощал конфетами… Уехал И. В. Сталин в декабре 1916 года, вечером с надзирателем Мерзляковым. Разрешение на выезд ему привез Мерзляков из Туруханска». Так как Перепрыгина была неграмотной, то за нее расписалась: «зав. партийной библиотекой Г[ородского] К[омитета] ВКП(б)…»[408]

Помимо трогательных интимных деталей: знакомство с видом нижнего белья Кобы, хорошо известная его кавказская привычка после пира одаривать детей сладостями и очень доброжелательного на тот момент тона Лидии, обратим внимание и на то, что расстались они, судя по этому, мирно. Больше того, позже Лидия, по просьбе Кобы, отправила ему в Туруханск еще пару мешков с книгами. Так что о скором возвращении любимого и женитьбе речь как будто тогда не шла. Впрочем, непонятно, почему Коба с охранником выехали из Курейки на ночь глядя? И почему это обстоятельство так запомнилось Лидии? Зимой в Приполярье ночь практически круглосуточная. Просто проводы затянулись на весь день. Об этом вспоминали другие жители. Дело в том, что Коба выехал в Красноярск не по «вызову», а как доброволец-призывник на фронт. Это обстоятельство впоследствии он тщательно маскировал, об этом не смели говорить и большинство мемуаристов. Ведь он официально всегда был ленинцем и циммервальдцем, то есть сторонником поражения своей страны в войне империалистической, которая должна была перерасти в войну гражданскую. Судя по воспоминаниям Б. И. Иванова, записанным в 1954 году, туруханские ссыльные уже в 1916 году были знакомы с письмом Ленина о Циммервальской резолюции, но Сталин избегал открыто выражать свое отношение к ней[409]. И вдруг призыв в армию заведомого инвалида и как будто бы циммервальдца… Именно поэтому с ним как «призывником» местные жители на дорогу выпивали, то есть «гуляли».

Почему так быстро (1917 год) после отъезда Кобы Лидия выходит замуж за Давыдова? Может быть, Сталин откупился от нее или сама по себе женщина была особо дефицитна в Приполярье? В той же Курейке женщин было на треть меньше, чем мужчин, и выйти замуж даже с прижитым ребенком не было проблемой. Но все, наверное, было еще проще. Воспрепятствовать его «призыву» на войну она не имела

никакой возможности, и ждать возвращения немолодого, нищего и больного Кобы с фронта она явно не была намерена. Да и вернется ли кавказец в Сибирь, даже если останется цел? Наконец, время рождения Александра, по словам Лидии, – 1914 год, а по словам ее внука – ноябрь 1917 года, плохо согласуется со временем прибытия Сталина в Курейку и его отъезда оттуда. Так что серьезные сомнения в том, что Александр действительно был сыном Кобы, пока остаются. Правда, сам Сталин был большой мастер по части маскировки многих пунктов своей биографии, в чем мы не раз уже убеждались. Например, похоже, что по его инициативе был изменен год рождения Константина Кузакова, причем так, что тот, по официальной версии, родился на год-два раньше того времени, когда в доме вдовы Матрены Кузаковой появился ссыльный Джугашвили[410]. И дату рождения своего законного первенца Якова он перенес на год позже; в результате получилось, что он родился после смерти матери Екатерины Сванидзе. Современные историки много копий сломали вокруг вопроса о причинах переноса на год вперед и собственного дня рождения Сталина. Я сам видел, что во всех дореволюционных полицейских анкетах он честно указывал дату и год своего рождения: 6 декабря 1878 года[411]. Но после революции, когда возникла необходимость упорядочить и выстроить свою биографию заново, дата рождения была им изменена. Сталин явно долго размышлял над этим вопросом, о чем свидетельствуют его карандашные пометы под биографическими датами. А первопричина, на мой взгляд, проста – в свое время матушка Кеке пошла на маленькую хитрость, так как при зачислении в духовное училище в 1888 году Сосо мог показаться переростком. По документам ему на тот момент шел одиннадцатый год[412]. Так, возможно, наивная хитрость матери позже породила целую сеть сталинских хронологических хитросплетений и неизбежных рокировок. Получилось, что он отныне стал ровесником своему заклятому врагу Л. Троцкому. И волны истерии, которые поднимались им и его окружением каждый день рождения и особенно в каждое юбилейное десятилетие, тоже были привязаны к этой фальшивой дате. Вообще же он часто назначал своим волевым решением день «свершения» тех или иных исторических событий примерно так же, как Ленин назначил 25 октября 1917 года «социалистическую» революцию в России. Даже День Победы над Германией он решил сделать своим, личным –

назначив его и продлив войну (!) на несколько дней по сравнению с общесоюзническим днем. Примеров жонглирования датами или искусственного подтягивания к ним исторических и бытовых событий можно привести немало. Как выясняется, даже умер он не на семьдесят четвертом, а на семьдесят пятом году жизни, украв этот год у себя и у мировой истории. Продолжалась игра в очередные «эпохальные свершения и события» вплоть до конца СССР.

* * *

Поздней осенью 1916 года (по другим сведениям – 12 декабря[413]) Сталина вызвали в Красноярск под предлогом медицинского освидетельствования призывной военной комиссией. Если Лидия Перепрыгина действительно ждала от него второго ребенка, Сталин, скорее всего через Мерзлякова, сам организовал эту поездку. Пристав Кибиров почему-то выдал ему фальшивую справку, и Сталин и еще восемь «призывников» (в том числе гражданская жена Спандаряна В. Швейцер, Л. Каменев, Б. Иванов, В. Панюшкин, Филинов) ехали из Монастырского до Красноярска две тысячи километров в разгар сибирской зимы около двух месяцев (с 15 ноября до конца декабря 1916 года). Поскольку самих жителей Туруханского края в армию никогда не призывали, то ссыльных «призывников» провожали очень торжественно, как образцовых патриотов. Для девяти человек был организован целый караван из 10–12 саней. Каждый ехал в специально оборудованном и утепленном возке. Сопровождало их два стражника. Из казны всем выдали «сибирские шубы, оленьи сапоги… такие же рукавицы, шапки оленьи». По дороге их везде хорошо угощали и обустраивали. «Начальником края, приставом Кибировым, – рассказывал Иванов, – была дана телеграмма по всем этим поселкам, чтобы для нас были приготовлены постели, пуховые подушки… молоко, рыба, мясо. Встречали нас хорошо»[414]. Двигались по льду Енисея не спеша, останавливаясь во всех населенных пунктах, где их шумно встречало местное население, соратники и знакомцы. В 1951 году был восстановлен маршрут, по которому двигался веселый караван. От Курейки до Красноярска насчитали 29 населенных пунктов. В том числе – Подкаменная Тунгуска, рядом с которой за несколько лет

до того упал знаменитый Тунгусский метеорит[415]. И везде гуляли и пили. Среди путешественников оказалось два музыканта, которые всю дорогу играли на гитаре и мандолине. Обо всем этом (кроме любовницы и метеорита) поведали участники событий Б. И. Иванов и Вера Швейцер. Воспоминания Иванова, похожие на протокол допроса, хранятся в Красноярском архиве. В. Швейцер поделилась своими воспоминаниями в книге, которая вышла в 1940 году. В той самой, на которой сделала дарственную надпись Светлане Сталиной и которая до сих пор находится в библиотеке вождя: «Дорогой Светлане Сталиной от автора. Вот какова была подлинная жизнь в борьбе за партию, за коммунизм»[416].

* * *

Разумеется, в Красноярске из-за физических недостатков и болезней Сталина признали совершенно непригодным к военной службе. Кажется, только один Иванов и попал в казармы. До окончания срока ссылки оставалось еще несколько месяцев, но Сталин упросил начальство (именно упросил, сохранилось его прошение, полное почтения к полицейскому начальству), чтобы его поселили в городе Ачинске. Он почему-то очень не захотел возвращаться в Курейку, к женщине, которая имела или ждала от него ребенка и на которой он как будто бы обещал жениться. Выходит, большой любви не было.

А вот как весь этот сложный сюжет изложен в «Краткой биографии» вождя: «В декабре 1916 года Сталин, мобилизованный в армию, по этапу направляется в г. Красноярск, а затем в г. Ачинск. Здесь его застает весть о Февральской революции. 6 марта 1917 года Сталин выезжает из Ачинска, с пути шлет приветственную телеграмму Ленину в Швейцарию.

12 марта 1917 года Сталин, мужественно перенеся все невзгоды туруханской ссылки, снова в Питере – революционной столице России»[417].

* * *

В декабре 2000 года я кратко рассказал об этой истории российской журналистке Элле Максимовой. После того как интервью опубликовали в газете «Известия»[418], Максимова сообщила мне, что ей стало известно от возможного внука Сталина Юрия, что его отец Александр умер в 1987 году. Александр как будто знал о своем происхождении, но всю жизнь очень боялся репрессий. Сталин дважды пытался забрать его в Москву. Первый раз – после окончания Гражданской войны. Второй раз – в начале 30-х годов. Как я думаю, это могло быть в том самом 1930 году, когда Мерзляков своим обращением напомнил Кобе обо всей этой истории.

Первый раз ребенка не отдала мать, так как Сталин требовал, чтобы сама она оставалась в Сибири. Ведь Сталин уже был официально и счастливо женат на Аллилуевой, а появление еще одной, неграмотной, обремененной детьми таежницы в Москве, когда он уже стал одним из первых чиновников государства, было, конечно, нежелательно. Второй раз сын якобы убежал в тайгу, узнав, что его разыскивает НКВД. Рассказанной мной истории Лидии и Кобы были посвящены две газетные заметки Эллы Максимовой[419], одна из программ германского телевидения сделала об этом передачу, затем ее подхватили английские, немецкие, американские и российские издания. При этом, конечно, многое искажая, а главное, произвольно расставляя акценты.

Одновременно я вновь перечитал литературу, в которой хоть что-то говорилось о пребывании Сталина в Сибири. Известно, что новое знание по-новому раскрывает давно виденное и слышанное. Светлана Аллилуева еще в 1968 году писала: «Тетки говорили мне, что во время одной из сибирских ссылок он (Сталин. – *Б. И.*) жил с местной крестьянкой и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя»[420]. О ком здесь идет речь – о Константине Кузакове или Александре Давыдове? Константин вместе с матерью и ее старшими детьми после революции был вызван Сталиным в Москву, получил приличное образование и занимал крупные партийно-государственные должности, в частности на Центральном телевидении. Так что речь идет, скорее всего, об Александре. Известный российский биограф Сталина Дмитрий Волкогонов в 1992 году написал: «В местах своей последней ссылки, так рассказывал мне старый большевик И. Д. Перфильев, сосланный в

эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам “вождь”, разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте. Мне не удалось установить: проявлял ли Сталин заботу об этой женщине, чей путь пересекся с этапной дорогой ссыльного революционера…»[421] Здесь речь идет о сталинской «последней ссылке», то есть о Перепрыгиной. И мы теперь точно знаем – даже пальцем не пошевелил всемогущий вождь, чтобы помочь пусть даже не сыну, а той девочке, которая три года дышала с ним рядом и делила постель в прокуренной, закопченной, холодной и грязной избе.

И все же, о моральной стороне всей этой истории судите сами. Я не сторонник размашистых аллюзий, но этой житейской истории есть в чем-то близкая литературная параллель, изложенная Ф. М. Достоевским в «Бесах». Напомню содержание девятой главы романа. Интеллектуально изысканный и не очень молодой вождь тайной революционной организации Ставрогин совращает 14-летнюю девочку-подростка, неухоженную и забитую Матрешу. Конец трагичен – девочка повесилась, а для «пламенного революционера» Ставрогина это был последний шаг перед организацией убийства соратника по партии – «перерожденца и предателя». Несмотря на очевидный факт совращения Сталиным малолетней Лидии, жизнь не все литературное отражает зеркально.

Ранние браки и сексуальные связи в Российской империи, как во многих странах мира, были обычным явлением. Вспомним знаменитый рассказ няни Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина» – в первой половине XIX века в русской деревне совершенно спокойно выдавали в «тринадцать лет» за еще более молодого мужа. На Кавказе ранние браки вообще были обычным явлением. Моя бабка по отцу, родившаяся в маленьком дагестанском ауле примерно в 1895 году, была насильно выдана тоже в тринадцать лет за деда – он ее выкрал. Ее первые два ребенка умерли, так же как два мальчика умерли у Кеке и один у Лидии Перепрыгиной.

А мемориальные дома-музеи И. В. Сталина и Я. М. Свердлова были открыты в Курейке еще в 1939 году, после чего хлынул поток организованных партийными органами туристов. Сам станок начал преображаться: «Здесь имеется сельский совет, почтовое отделение, семилетняя школа, радиоузел, кинопередвижка. Работает рыболовецкий

колхоз им. Сталина… Близ Курейки в подсобном хозяйстве великолепно выращиваются рожь, овес, картофель и др. культуры. Коровы-рекордсменки дают по 25–30 литров молока в день. В станке ведется большое строительство – построен прекрасный павильон-футляр для домика-музея И. В. Сталина. Построено здание 7-летней школы и интернат для учащихся с других станков, построены жилые домики для учителей. Строится большой сельский клуб»[422]. Так восторженно писала в 1952 году в исторической справке научная сотрудница партийного архива крайкома КПСС П. Белогурова о тех самых местах, где случилось это романтическое сталинское увлечение. В справке она процитировала и стихи поэта Лисовского:

Не вставал бы светел, беспечален
Новый день для жителей станка,
Если б только не товарищ Сталин,
Живший здесь в избушке рыбака…

И это воистину так. После смерти Сталина все закрыто и заброшено. Курейка все больше возвращается в свое первобытное состояние.

1917: любовь и Октябрьская революция. Аллилуева

Сталин как до революции, так и после нее любил время от времени предаваться воспоминаниям. В 1926 году он выступил с небольшой речью в «Главных железнодорожных мастерских» Тифлиса, в которых когда-то до революции вел пропагандистскую работу. Эмоционально приподнятая речь целиком была построена на воспоминаниях пережитых личных ощущений. Вот каким «буревестником» и «мастером» революции рисовал себя Сталин перед аудиторией: «Наконец, я вспоминаю 1917 год, когда я волей партии, после скитаний по тюрьмам и ссылкам, был переброшен в Ленинград. Там, в кругу русских рабочих, при непосредственной близости с великим учителем пролетариев всех стран – тов. Лениным, в буре великих схваток пролетариата и буржуазии, в обстановке империалистической войны, я впервые научился понимать, что значит быть одним из руководителей

великой партии рабочего класса. Там, в кругу русских рабочих – освободителей угнетенных народов и застрельщиков пролетарской борьбы всех стран и народов, я получил свое третье боевое революционное крещение. Там, в России, под руководством Ленина, я стал одним из мастеров от революции»[423]. Но патетика слов почти всегда расходится с подлинной патетикой жизни.

* * *

Приехав из Сибири в Петроград 12 марта 1917 года, Коба поселился в семье старого знакомца и будущего свекра Сергея Яковлевича Аллилуева. Первый раз он встретился с семьей Аллилуевых в Тифлисе в самом конце 1903 – начале 1904 года (по другой версии – в 1905 году), после первого побега из ссылки и через два с лишним года после рождения Надежды Аллилуевой[424]. Специально акцентирую на этом внимание, так как среди многочисленных легенд и слухов, которые окутывают семейную жизнь Сталина, есть злостная сплетня о том, что он якобы был любовником Ольги Евгеньевны Аллилуевой и поэтому Надежда, будущая жена Кобы, чуть ли не была одновременно его дочерью[425]. Сталина, как древнеримских императоров, постоянно преследуют подозрения в грехе инцеста. Но с первой встречи и до весны 1917 года отношения с семейством Аллилуевых действительно были очень дружественные. Аллилуевы много раз встречались с Кобой на Кавказе, а потом, когда он был в Курейке, именно через них Коба, как и многие ссыльные большевики, получал из специального фонда помощи материальную поддержку партии и через них вел переписку с партийными лидерами. Аллилуевы же по возможности одевали его, снабжали лекарствами и деньгами. Еще в Курейке Коба получил хороший костюм, в кармане которого нашел приветственную записку от сестер. Отношения с их матерью Ольгой Евгеньевной действительно сложились теплые и доверительные. Об этом свидетельствует одно из писем, датированное 25 ноября 1915 года: «Для Ольги Евгеньевны. Очень Вам благодарен, глубокоуважаемая Ольга Евгеньевна, за Ваши добрые и чистые чувства ко мне. Никогда не забуду Вашего заботливого отношения ко мне! Жду момента, когда я, освободясь из ссылки и приехав в Петербург, лично

поблагодарю Вас, а также Сергея за все»[426]. Просмотрев не одну сотню личных писем и записок Сталина, не могу не отметить, что это довольно редкое письмо по своему искренне благодарственному тону. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, прибыв в марте 1917 года из Ачинска в Петроград, Коба прямиком направился к Аллилуевым на квартиру.

У Аллилуевых было четверо сыновей и две дочери. Самый младший ребенок – Надежда. Когда весной 1917 года у них на квартире появился Сталин, ей было только пятнадцать лет и она училась в частной гимназии. Судьба семьи Аллилуевых была довольно типична для семьи революционера. Они часто переезжали с места на место, главу семейства постоянно арестовывали, сажали и ссылали. Мать тоже была активна. Но в этой активности было нечто особенное. Время от времени она бросала детей и мужа и увлекалась каким-нибудь ярким человеком или уходила с головой в общественную деятельность. Позже стало ясно, что многое в ее поведении связано с импульсивной и не очень здоровой психикой.

Когда Коба появился на квартире Аллилуевых в Петрограде, он застал там только двух сестер. Отец в это время получил хорошую работу и целыми днями пропадал. Мать, бросив все, работала в военном госпитале, братья, повзрослев, разбрелись кто куда. Перед этим две молоденькие девушки скитались то в Москве, то еще где-то у знакомых, так как у отца не было работы, а матери и братьям было не до них. Поэтому, когда темпераментный и веселый «сибиряк» Коба появился у них на квартире, это было воспринято девушками как дар судьбы. Надежда не оставила воспоминаний, ее письма, хранящиеся в архиве Сталина, скорее всего лично им были тщательно отфильтрованы после ее самоубийства. Но ее старшая сестра, «упущенная» занятым войной Сталиным, издала в 1946 году книгу воспоминаний, литературно обработанную Ниной Бам. Книга вышла огромным тиражом – сорок тысяч экземпляров – и в том же самом году, в каком появились посмертные мемуары ее отца. Но в отличие от мемуаров Сергея Аллилуева, санкционированных лично Сталиным (они вошли в список официальной литературы о вожде), ее мемуары вышли без его одобрения. Она, видимо, «загипнотизировала» своей фамилией редакторов издательства «Советский писатель». Узнав о книге, Сталин разъярился. В «Правде» появилась разгромная рецензия будущего

академика Федосеева. Анну Сергеевну арестовали, и она просидела в одиночной тюремной камере почти десять лет. При Хрущеве ее выпустили полусумасшедшей старухой. О ее судьбе и о судьбах других членов семьи Аллилуевых с большим чувством и тактом рассказала Светлана Аллилуева.

Что же так взбесило Сталина в книге Анны Аллилуевой? Скорее всего, не то, что автор мемуаров, не будучи общественной деятельницей и тем более революционеркой, как многие мемуаристы, попыталась героизировать прошлое, преувеличить свою значимость. Это невооруженным глазом видно, даже если бегло просмотреть книжку. Специфический характер автора особенно четко проявлен в дарственной надписи: «Дорогая Светлана, у тебя есть все данные к тому, чтобы продолжать то, что сделал дедушка и что сделала я. Желаю тебе успеха в этом нужном для истории деле. Тебе это будет легче, чем нам. Твоя Аня»[427].

Это про нее Сталин сказал дочери, когда она спросила, за что посадили тетку: «Знала слишком много, болтала слишком много». И действительно, Анна Сергеевна, помимо уже процитированного диалога Сталина и Свердлова о нечистоплотном лукавстве Кобы в Курейке и необычно теплого его письма в адрес Ольги Евгеньевны, выболтала и другие любопытные детали из личной жизни вождя.

В петроградской квартире, в присутствии двух девушек Сталин, что называется, «распустил хвост» и принялся живописать о своих приключениях в Курейке (не обо всех, конечно) и об обстоятельствах своего путешествия в Красноярск. Именно тогда он высказал версию о том, что их загулы по дороге из Курейки были всего лишь прикрытием для нелегальной революционной деятельности и что на фронт его не взяли из-за страха перед его революционным авторитетом, «а потом придрались к руке». Тут же была изложена версия с детской травмой руки. В результате все очень хорошо и логично связалось в рассказе Кобы о своей необычной жизни, а он сам явно произвел большое впечатление на девушек. Коба казался им суровым, мужественным, одиноким и пусть не очень молодым, но овеянным романтикой революционером и борцом.

В рассказе он, конечно, не мог обойти и своего сибирского пристрастия к охоте и рыбной ловле, причем не без элемента бахвальства. «Они звали меня, – рассказывал девушкам Сталин о

братьях Перепрыгиных, – Осипом и учили ловить рыбу. Случилось так, что я стал приносить добычи больше, чем они. Тогда замечаю, хозяева мои шепчутся и однажды говорят: “Осип, ты слово знаешь”. Я готов был расхохотаться. Слово! Они выбирали место для ловли и не уходили – все равно, шла рыба или нет. А я иду на ловлю, ищу места: рыба идет – сижу, нет ее – ищу другое место… Это я им и сказал. Кажется, они не поверили. Они думали, что тайна осталась при мне». Коба повествовал о суровой, но прекрасной сибирской природе: бурных, как океан, реках, бесконечных лесах, ветрах и вековечной зимней тишине под «молчаливым небом севера».

В 1917 году ему уже было 37–38 лет, а он как был, так и остался романтиком, немножко поэтом и в то же время постепенно набиравшим вес партийцем, «революционером-практиком».

Пока Ленин, Троцкий, Зиновьев и другие были в эмиграции, Муранов, Каменев и Сталин, оттеснив более молодых, Шляпникова и Молотова, возглавили петроградскую партийную организацию, редакцию «Правды» и стали претендовать на выработку общепартийной позиции. А эта позиция была достаточно умеренной и «соглашательской». В том смысле соглашательской, что они готовы были идти рука об руку вместе с другими революционными и социалистическими партиями. Самое же главное – начали переговоры о новом объединении с меньшевиками. Для Сталина, как и для большинства грузин социал-демократов, раздор между большевиками и меньшевиками уже давно представлялся результатом личных амбиций лидеров движения, лишь для вида прикрываемых идейными соображениями. Троцкий в ответ на злобные выпады Сталина в период борьбы с «троцкизмом» злорадно процитировал письмо Кобы от 24 января 1911 года из очередной ссылки, которое было перехвачено тифлисской полицией. Это письмо было опубликовано в 1925 году не в меру услужливой местной газетой «Заря Востока». Тогда Сталин писал: «О заграничной “буре в стакане”, конечно, слышали: блоки Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого – Мартова – Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения – тот работай, остальное приложится. Это, по-моему, к лучшему»[428]. Подлинность этого письма

не вызывает сомнений, хотя в архиве Сталина его следов я не обнаружил.

Совершенно естественно, что Троцкий воспринимал это письмо и другие факты идейных «колебаний» Кобы как доказательства его непоследовательного ленинизма, как тенденцию к «соглашательству» с идейными противниками. В пылу борьбы он забывал свой же очень верный тезис о необходимости свободы слова и творчества в любом политическом движении, тем более в таком радикальном, как российская социал-демократия. Вслед за Сталиным, который сделал своим ударным пунктом борьбы с Троцким его закоренелый «меньшевизм», последний пытался ответить ему тем же. С позиций сегодняшнего дня то, что Коба, так же как Троцкий, а позже Каменев, Зиновьев, Бухарин, был способен критически относиться к самым почитаемым лидерам движения, говорит скорее в его пользу. В то же время это письмо отражает не только индифферентное отношение грузинских социал-демократов к разногласиям между российскими меньшевиками и большевиками. Оно психологически компенсирует определенную ущербность, которую чувствовали революционеры, непосредственно работающие в России («практики»), по отношению к тем, кто был за границей и главным образом полемизировал в печати, интриговал и тем самым раскалывал движение («теоретики»). Вплоть до конца 1920-х годов Сталин постоянно противопоставлял себя-«практика» оппонентам-«теоретикам». В последние предреволюционные годы глухие разногласия между теми, кто действовал на российской арене, проводил годы в тюрьмах и ссылках, и теми, кто в относительной безопасности руководил ими из-за границы, становились все более ощутимее. Современные историки, в том числе и зарубежные, зачарованные большевистской фразеологией и схемами советской партийной историографии, забывают, что в действительности разногласия и борьба внутри Российской социал-демократической партии шли не только и не столько в идейном, сколько в групповом, клановом, поколенческом планах. «Большевики – меньшевики», «старики – молодежь», «практики – теоретики», «эмигранты – россияне» – по этим и подобным им линиям шла борьба за влияние в партии, облекаемая в идейные разногласия. К этому добавлялись вполне естественные личные амбиции лидеров. Поэтому не было ничего странного в том, что представители старшего поколения

«практиков» оттеснили «практиков» молодых от руководства большевистской печатью и фактически партией в марте 1917 года. Затем вновь прибывшие из-за границы «теоретики» в лице Ленина и его окружения оттеснили от руководства партией всех молодых и старых «практиков». Так в партии большевиков крутилось колесо внутрипартийной борьбы за лидерство. В любых коллективах борьба за лидерство ведется по одним и тем же схемам. Но и в этой борьбе был для Сталина один пункт, уязвлявший его самолюбие. Невооруженным глазом был виден гораздо более высокий культурный и теоретический уровень партийцев, вернувшихся из эмиграции, хлебнувших там воздуха политической свободы, закончивших знаменитые на весь мир университеты, научившихся мыслить и чувствовать не провинциально. И это был один из тех психологических моментов, который исподволь воспитывал в курейском сидельце чувство зависти и озлобленности. К 1931 году, когда с ленинским эмигрантским «набором» было в основном покончено, Сталин именно это поставил себе в заслугу.

Из интервью с Эмилем Людвигом:

«**Людвиг.** Ленин провел долгие годы за границей, в эмиграции, Вам пришлось быть за границей очень недолго. Считаете ли Вы это Вашим недостатком, считаете ли Вы, что больше пользы для революции приносили те, которые, находясь в заграничной эмиграции, имели возможность вплотную изучать Европу, но зато отрывались от непосредственного контакта с народом, или те из революционеров, которые работали здесь, знали настроения народа, но зато мало знали Европу.

Сталин. Ленина из этого сравнения надо исключить. Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью… как Ленин… Всегда, когда я к нему приезжал за границу, – в 1906, 1907, 1912, 1913 годах, я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России.

Тех товарищей, которые оставались в России… гораздо больше в нашей партии и ее руководстве, чем бывших эмигрантов, и они, конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты. Ведь у нас в партии осталось мало эмигрантов. На 2 миллиона членов партии их наберется 100–200. Из числа 70 членов ЦК едва ли больше 3–4 жили в

эмиграции… Пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров, рабочего движения, литературы всякого рода, беллетристической или научной. Я знаю многих товарищей, которые прожили по 20 лет за границей, жили где-нибудь в Шарлотенбурге или Латинском квартале, сидели в кафе годами, пили пиво и все же не сумели изучить Европу и не поняли ее»[429]. Мне трудно судить о том, что все же полезней для революционера: просиживать в кафе и почитывать литературу на десятке языков или – сидеть годами по деревенским избам, больше общаясь с женской частью трудового народа?

* * *

После приезда Ленина в Петроград Сталин, в отличие от Каменева, не повел открытую борьбу за сохранение своей линии (и лидерства) на объединение меньшевиков и большевиков. Однако он продолжал вести переговоры с членами ВЦИК, а главное, сохранял с ними, в основном с грузинами Чхеидзе и Церетели, личные отношения. Я думаю, что на «примиренческую» позицию толкала Сталина не только политическая ситуация, но и нежелание вновь рисковать жизнью и относительным благополучием ради теоретических построений заграничного вождя. Поэтому Сталин вместе с Каменевым старались отстраниться от ленинского радикализма и даже придержать его особенно резкие полемические выпады. Ленина все это бесило.

Как известно, Ленин имел совершенно другой взгляд на развитие ситуации в России и на действия большевиков. В своих «Апрельских тезисах» он был радикален и непримирим: курс на социалистическую революцию и никаких политических союзников, кроме Троцкого и его сторонников, то есть «промежуточных» между большевиками и меньшевиками социал-демократов. В этой ситуации Сталин пытался лавировать. Поскольку Ленин был занят политической борьбой, партийной публицистикой и теоретической подготовкой захвата власти, то практическим руководством «Правдой» все более занимался Сталин. И хотя он формально вновь стал придерживаться ленинской позиции по отношению к другим левым партиям, а позже и по отношению к

вооруженному восстанию, он, говоря словами Евангелия, был по отношению к нему «не холоден и не горяч».

Большинство современных исследователей считают (как полагал в свое время Троцкий), что по всем животрепещущим вопросам у Сталина между мартом и октябрем 1917 года просто не было своего четко сформулированного мнения. В этом они видят проявление его политической беспринципности и теоретической беспомощности. А откуда, собственно говоря, у Сталина могло быть четко сформулированное мнение по важнейшим теоретическим вопросам исторической эпохи? Вся его интеллектуальная работа в последней четырехлетней ссылке заключалась в чтении старых газет, редких писем и вялых попыток что-то читать из серьезной литературы. Ленин, Троцкий, Зиновьев, Луначарский, Покровский и другие большевики, прибывшие из-за границы, прекрасно ориентировавшиеся в мировой политике и в мировом социалистическом движении, с легкостью вошли в революционную жизнь Петрограда. Сталин же был не просто провинциал, до того считаное число раз побывавший в столице и очень короткое время бывавший за границей, а человек, который после сибирского «медвежьего угла» враз оказался в центре революционных исторических событий. Учитывая это, упрекать его в «двуличии», непонимании ситуации 1917 года или в антиленинской тенденции, в приверженности к политической линии Каменева и т. д. несправедливо, а главное – фактически идти тем же путем, каким шли бывшие революционеры, позже сводившие счеты друг с другом. Однако все серьезные историки, писавшие об этой эпохе, оказались втянутыми в неуместную полемику о том, кто из ленинцев был «большим» большевиком. Я же не вижу причин для того, чтобы упрекать Сталина (как и других колебавшихся большевиков) в отсутствии четко выраженной политической линии. К тому же Сталин был плохим оратором, поэтому не мог и не хотел выступать перед большими аудиториями, в отличие, скажем, от Троцкого, Ленина, Каменева или Зиновьева. Он был посредственным партийным журналистом, писавшим невыразительные, дежурные статьи. И хотя он в это время постоянно печатался по-русски в центральных большевистских органах, его статьи малоинтересны и эмоционально бледны. Все, в том числе и Троцкий, утверждают, что он был хорошим тактиком и организатором. Но его организаторские способности не шли ни в какое

сравнение со способностями того же Троцкого или Свердлова и были очень специфичны – он хорошо умел вести скрытую, закулисную работу. И эти его качества очень пригодились в переговорах с меньшевиками, особенно с грузинами и особенно в то время, когда надо было спасать Ленина после неудач июня 1917 года, когда надо было подготовить для него нелегальную квартиру у Аллилуевых или помочь переправиться в другое тайное убежище. Коба был хороший и надежный конспиратор, и именно за это Ленин его ценил и неизменно поддерживал в первых рядах своей партии. Все это по-человечески сближало его с Лениным, но политически Ильич в тот момент был увлечен Троцким, и только им.

Мне кажется, эта политическая «любовь» Ленина к Троцкому накануне октябрьских событий сыграла не последнюю роль в отчуждении самых близких до того членов его партии. Выступление Каменева и Зиновьева против ленинского плана восстания, полузавуалированная их поддержка Сталиным в «Правде» отражают не только страх перед последствиями в случае неудачи, но в первую очередь их ревность и опасение остаться на вторых-третьих ролях в случае удачи альянса Ленина – Троцкого. Ведь когда в июле 1917 года Троцкий еще только замаячил на большевистском политическом горизонте, именно они, включая Сталина, были самыми решительными сторонниками немедленного захвата государственной власти под прикрытием восстания «вооруженных масс»[430]. Но уже к октябрю 1917 года происходит открытый поворот на сто восемьдесят градусов самых надежных, не раз проверенных ближайших сподвижников Ильича – Зиновьева и Каменева, при закулисной поддержке Сталина. Недаром Каменев, направивший по соглашению с Зиновьевым заявление в газету М. Горького «Новая жизнь» с протестом по поводу вынесенного 10 октября решения о вооруженном восстании, писал: «Не только я и Зиновьев, но и ряд **товарищей – практиков** (выделено мной. – *Б. И.*) находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом»… Сталин уже тогда был в негласном союзе с Зиновьевым и Каменевым. Я думаю, не в последнюю очередь благодаря этому союзу

«практиков», заключенному еще в 1917 году, Сталин пришел к власти в 1922 году, а затем успешно громил Троцкого.

Ленин знал о неустойчивых настроениях своего протеже-«практика» и поэтому дисциплинировал его важными должностями в партийной иерархии, постепенно превращая в свое доверенное лицо. Позже Ленин, припоминая колебания Сталина, насмешливо называл его «демократом» и «старым фракционером»[431]. Двусмысленную политику Сталина накануне Октября Троцкий позже называл «осторожным лавированием».

Таким образом, летом – осенью 1917 года Сталин был на виду, хотя и не стал политическим деятелем первого ряда. Он входил в состав центральных партийных и советских органов, где больше слушал и прислушивался к тому, что говорят другие.

* * *

В 1930-х годах, когда Троцкий вплотную приступил к работе над книгой о Сталине, он много страниц посвятил «загадочному» поведению Кобы в октябрьские дни 1917 года. Ни один исследователь жизни и деятельности Сталина не может обойти стороной эту «загадку». Сталин сам «задал» ее, тщательно маскируя предоктябрьский период своей жизни. Загадка же состоит в том, что неясно, где он провел время с 24 на 25 и на 26 октября 1917 года (по старому стилю). Чем он в это время занимался? Вот что по этому поводу пишет Троцкий: «В последнюю неделю перед восстанием Сталин явно маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым, с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым – с другой. Редакционное заявление 20 октября, бравшее под защиту противников восстания от ударов Ленина, именно у Сталина не могло быть случайным: в вопросах внутрипартийного маневрирования его мастерство является неоспоримым. Как в апреле, после приезда Ленина, Сталин осторожно выдвинул вперед Каменева, а сам молча выжидал в стороне, прежде чем заново ангажироваться, так теперь, накануне переворота, он явно готовил себе, на случай возможной неудачи, отступление по линии Зиновьева – Каменева. Сталин доходит по этому пути до грани, за которой открывается разрыв с большинством ЦК. Эта перспектива

пугает его. Вследствие этого Сталин спешит восстановить полуразрушенный мост к левому крылу ЦК. Застраховав себя слева, Сталин в последнюю минуту отходит в тень: он выжидает. Все новейшие историки, начиная с Ярославского, тщательно обходят тот факт, что Сталин не присутствовал в Смольном на заседании ЦК 24-го и не взял на себя никакой функции в организации восстания! Между тем этот факт, не оспоримо установленный документами, как нельзя лучше характеризует политическую личность Сталина и его приемы»[432]. «Сталин в Смольном вообще не показывался», – подводил итоги Троцкий[433]. Он прав, не было Сталина в эти дни и в редакции «Рабочего пути». Его подписи нет на документах Петроградского ВРК и других документах тех дней. О нем ни разу не вспоминает Джон Рид, написавший знаменитую репортерскую книгу о революции «Десять дней, которые потрясли мир». Рид посмертно был обвинен в фальсификации, а его книга запрещена. Не упоминают Сталина и другие очевидцы и мемуаристы. Где же он был и чем занимался в эти судьбоносные дни и часы? По моему мнению, он был на квартире сестер Аллилуевых.

* * *

Как и у всех, у него, параллельно внешней, политической жизни, разворачивалась своя личная жизнь, которая осенью 1917 года все больше и больше захлестывала его.

Когда в начале лета отец и сестры Аллилуевы решили перебраться в другую, более обширную квартиру, Коба настоятельно просил, чтобы одну из трех комнат передали ему. Прошло всего лишь несколько месяцев, как Коба покинул Лидию Перепрыгину и ее семейство, но удивительное дело, ситуация во многом напомнила Курейку. Как и в Курейке, теперь он приходил одновременно и к молодым людям и к себе домой. Приходил поздно вечером или даже ночью, причем не только по причине бурных революционных событий, но и по своей старинной житейской привычке. Даже если девушки спали, он их тормошил. «Неужели спите? – слышался голос Сталина. – Поднимайтесь! Эй вы, сони! Я тарани принес, хлеба»… «Мы вскакивали, – вспоминает Анна Аллилуева, – и, накинув платья, бежали

в кухню готовить чай». Часто, чтобы не будить родителей, рассказывала она, «мы собирались в комнате Иосифа»[434]. И тогда он вновь повествовал о Сибири и Курейке, о собаке Тишке, о том, как уважительно относились к нему остяки и с каким удовольствием сосали его остывшую трубку. Он красочно рассказывал о том, как вместе они ужинали сырой мороженой рыбой, а Тишка получал рыбью голову, или о том, как он однажды заблудился в пургу на Енисее и чудом вышел к домам, и вновь – о природе, тишине, морозах, но, конечно, ни слова о Лидии Перепрыгиной. А ведь не прошло и полгода, как он оставил ее и ребенка в такой бесконечно далекой теперь Курейке. Не прошло и полгода, как у него завязался новый и, похоже, очень бурный роман с молоденькой недоучившейся гимназисткой. И это в самый разгар октябрьских событий. Он был старше Надежды на двадцать три года. Похоже, он ничего не мог с собой поделать, его вновь неодолимо тянуло к почти детской юности и женской невинности. Наверняка хотелось после стольких лет мытарств по чужим углам, тюрьмам и конспиративным квартирам семейного тепла и стабильности.

Судя по фотографиям и воспоминаниям, девушка – не красавица, но была миловидна. Судя же по гимназически прилежным письмам, которые она писала ему уже в более зрелые годы, Надежда Сергеевна была наблюдательным человеком, но особыми талантами не отличалась. Она родилась на Кавказе, в Грузии, там же провела детство, и поэтому многие местные обычаи и традиции ей были знакомы. И хотя она была русской, в ее облике чувствовался восточный налет. Троцкий считал, что ее мать была грузинка. Русская и польская аристократия XIX века в таких случаях традиционно создавала легенды о роковых связях своих предков с цыганами и цыганками. Похожий «цыганский» миф существовал и в семье Аллилуевых.

Без сомнения, и Надежда была сильно увлечена немолодым, грубоватым, но неординарным кавказцем. К тому же он становился все более заметным политическим деятелем. Возможно, по этой причине отец, в отличие от матери, не возражал против их связи и даже против того, что в сентябре 1917 года Надежда фактически бросила гимназию. После революции и переезда правительства в Москву она стала работать в качестве секретаря Сталина в Наркомнаце, ездила с ним в Царицын, одно время работала в секретариате у Ленина. В 1919 году,

когда ей исполнилось 18 лет, они оформили свои отношения. Затем она рожала детей, училась, а главное – была официальной женой могущественнейшего человека эпохи. Судя по воспоминаниям Светланы Аллилуевой, Молотова и других, по мере того как она старела, Сталин терял к ней интерес и почти наверняка изменял. К тому же у нее был ранний климакс, она страдала приливами крови и головными болями[435]. Многие ли здоровые мужчины способны удержаться от искушения, тем более если власть и, казалось бы, безграничные возможности сами по себе, без мужских ухищрений, соблазняли приближающихся женщин?

Надежда Аллилуева и Софья Андреевна Толстая

О смерти Надежды Аллилуевой написана масса литературы. Существуют десятки версий ее гибели, в том числе и та, согласно которой, случайно или намеренно, сам Сталин ее и застрелил. Разумеется, почти каждый человек в состоянии аффекта может перейти незримую черту. И страстный венецианец Отелло, прежде чем убить жену, был вполне добропорядочным гражданином республики. Беспримерная жестокость созданных сталинским режимом фабрик рабства и смерти, иезуитская «игровая» технология сталинских судилищ как бы усиливают подозрения в причастности вождя к смерти жены. К этим подозрениям подталкивает и особое пристрастие Сталина к образу Ивана Грозного, с легкостью поменявшего в стране строгого православия с десяток официальных жен. К тому же, по воспоминаниям дочери, Сталина всю жизнь мучило чувство вины за смерть жены. Похоже, что это чувство действительно его мучило. Однако оно было связано не с тем, что Сталин якобы собственноручно застрелил супругу, а с тем, что он не предугадал возможности ее само убийства. В то же время его сводило с ума то, что она посмела покончить жизнь самоубийством, то есть ее своеволие. Внутренне приняв на себя некоторые атрибуты бога, он, как бывший семинарист, отлично знал, что самоубийство есть смертный грех, бунт против Него, дарующего жизнь. Самоубийца не только бунтует. Нередко он стремится своей смертью «наказать» или бросить тень на того, кто мог стать причиной рокового шага. Поэтому тени почти всех крупных политических деятелей, покончивших жизнь самоубийством (например,

Томский, Гамарник и др.), Сталин продолжал преследовать и после их смерти. Их злой, для него, дух вместе с ними окончательно не умирал. Но там была понятна причина самоубийства – страх перед ним, Сталиным, страх перед пытками, в том числе и пыткой-судилищем. Этот страх он перетолковывал для себя и окружающих в страх разоблачения их предательства. Но жена? По какой причине она покончила с собой? За что она хотела его наказать? У меня есть косвенные доказательства того, что он долгое время настойчиво искал ответ на эти вопросы, причем исключал мысль о ее прямой женской или политической измене. Но в ее косвенном, человеческом предательстве он не сомневался, хотя и недоумевал – за что, почему?

* * *

Надежда Аллилуева покончила с собой 8 ноября 1932 года. Через десятки лет дочь пишет об этом событии со слов очевидцев, а Вячеслав Молотов также спустя десятилетия делится своими собственными воспоминаниями. Других достоверных свидетельств сейчас нет.

Это был уже второй случай самострела в сталинской семье. Перед этим покончить с собой пытался Яков, который отделался легким ранением. Яков конфликтовал с мачехой. Говорят, его попытка само убийства произвела на Аллилуеву тяжелое впечатление. А Сталин якобы издевательски заметил: «Ха, не попал!» Это саркастическое «Ха!» или грузинское «Хе!» часто встречается на страницах книг с его пометами. Как пишет дочь, все произошло на банкете в честь XV годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй ты, пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «“Я тебе не – ЭЙ!” – и встала, и при всех ушла вон из-за стола»[436]. Свидетелями этой сцены была масса сидящих за столом людей. Дочь пишет, что Полина Молотова рассказала ей о том, как она вышла вслед за Аллилуевой во двор Кремля и в течение некоторого времени утешала ее. Но наутро Аллилуеву нашли застрелившейся у себя в спальне. По версии дочери, мотивы самоубийства – идейные разногласия, осознание того, что Сталин оказался морально «не тем» человеком, и… неослабевающая любовь к нему. Эти противоречия и привели к душевному надлому.

Молотов, который всю сцену в Кремле наблюдал сам и с которым жена, без сомнения, делилась впечатлениями от разговора с Аллилуевой, вспоминает о мотивах самоубийства иначе.

«– Причина смерти Аллилуевой, наиболее вероятная – ревность», – то ли спрашивал, то ли констатировал Ф. Чуев.

«– Ревность, конечно, – отвечал Молотов. – По-моему, совсем необоснованная. Парикмахерша была, к которой он ходил бриться. Супруга этим была недовольна, очень ревнивый человек. Как это так, почему? Такая молодая…

У нас была большая компания после 7 ноября 1932 года, на квартире Ворошилова. Сталин скатал комочек хлеба и на глазах у всех бросил этот шарик в жену Егорова. Я это видел, но не обратил внимания. Будто бы это сыграло роль.

Аллилуева была, по-моему, немножко психопаткой в это время. На нее все это действовало, что она не могла уж себя держать в руках. С этого вечера она ушла вместе с моей женой, Полиной Семеновной. Они гуляли по Кремлю. Это было поздно ночью, и она жаловалась моей жене, что вот то ей не нравилось, это не нравилось… Про эту парикмахершу… Почему он вечером так заигрывал… А было просто так, немножко выпил, шутка. Ничего особенного, но на нее по действовало.

Она очень ревновала его. Цыганская кровь. В ту ночь она застрелилась»[437].

Конечно, она ревновала. Здесь была и парикмахерша, и жена маршала Егорова, и, я думаю, не только они.

Чуев задал Молотову вопрос и о посмертном письме Аллилуевой:

«– В народе упорно говорят о письме, которое она оставила. Говорят, кроме Сталина, только Молотов читал.

– Что она оставила? Первый раз слышу. М-да. Придумают»[438].

На реальности существования предсмертной записки особенно упорно настаивала Светлана Аллилуева. Она пишет, что в первые дни Сталин не находил себе места из-за бешенства, вызванного тем, что мать оставила ему это письмо. «Очевидно, она писала его ночью, – утверждает Светлана Аллилуева. – Я никогда, разумеется, его не видела. Его, наверное, тут же уничтожили, *но оно было* (выделено Аллилуевой. – *Б. И.*), об этом говорили те, кто его видел. Оно было ужасным. Оно было полно обвинений и упреков. Это было не просто

личное письмо; это было письмо отчасти политическое. И, прочитав его, отец мог подумать, что мама только для видимости была рядом с ним, а на самом деле шла где-то рядом с оппозицией тех лет»[439].

Если кто и видел это письмо, кроме Сталина, то это могли быть только экономка К. П. Тиль, первой вошедшая в спальню Надежды, и няня, помогавшая экономке переносить тело с пола на кровать и приводить его в порядок. Затем в спальне появилось слишком много свидетелей, чтобы при них можно было посметь читать какие бы то ни было послания.

Через четыре года после самоубийства Аллилуевой, в 1936 году, была издана книга «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1910»[440]. Странный интерес проявил генсек к этому дневнику.

* * *

Это был самый тяжелый для супругов Толстых год, в течение которого Лев Николаевич особенно отдалился от жены и семьи, а затем покинул их, чтобы умереть. В предисловии, написанном сыном, С. Л. Толстым, он вспоминал, что во второй половине 1910 года отношения между супругами осложнились. Причин было много, но некоторые стали определяющими: ревность матери к секретарю Толстого В. Г. Черткову и патологические черты ее характера. «Моя мать была склонна к истерии, – вспоминал С. Л. Толстой, – а с годами она все больше утрачивала свое душевное равновесие; надо предполагать, что этому способствовал и разлад ее с отцом… не проходило дня, когда она не жаловалась бы в своих разговорах и дневниках на бессонницу, невралгические боли в разных частях тела, усталость, раздражение и т. п… а временами она теряла самообладание, так что в некоторых словах и поступках ее нельзя было признать вменяемой»[441].

Сталин прочитал и предисловие, и дневник, наполненный стенаниями мятущейся, истеричной, но вменяемой души. Однако пометы оставил только на той части дневника, где была помещена «Предсмертная записка» и следующие за ней поденные записи. Софья Андреевна, мучимая ревностью и одиночеством, всерьез задумалась о самоубийстве и поэтому изложила на письме мотивы и способы осуществления задуманного. «Перед моим воображением проходили

все способы самоубийства, – пишет она в “Предсмертной записке”, – лучше всего казалось потонуть в волнах моря; не нравилось мне самоубийство на рельсах под вагонами, хотя думала я ехать в Столбовую и там лечь под поезд… думала ехать в Тулу, просить у губернатора разрешения купить пистолет… и застрелиться прямо в висок…»

«Надо написать мужу, недавно ездившему с Чертковым осматривать лечебницу для сумасшедших женщин, что хорошо ли он изучил эту лечебницу, так как Чертков, вероятно, найдет удобным меня туда поместить… Но нет, я не дамся, у меня есть опий…»

«Я боюсь его (мужа. – *Б. И.*); боюсь его злых глаз, устремленных на меня за нарушение его радостей; этих глаз, которые теперь всегда смотрят на меня враждебно, а когда-то смотрели безумно страстно…»[442]

Софья Андреевна не покончила с собой ни одним из возможных способов. Но интересен сам ход рассуждений кандидатки на самоубийство и предпочтение, отданное пистолету. Не случайно в следующем за «Предсмертной запиской» тексте Сталин синим карандашом жирно отчеркнул:

> «Люди! обожающие Льва Николаевича, дети! знайте все, что он меня убил, убил духовно и убьет телесно: что в нем огромный ум, громадный талант, большая впечатлительность, но нет сердца. В молодости еще сильнее в нем была эта чувствительность, впечатлительность, а главное страстность; но все это притупилось. И убитая духовно, бог даст умру и телесно. Дай-то господи! Оглянись на терзающие мое сердце страдания!»[443]

В тексте, отмеченном Сталиным двойными жирными синими линиями, Софья Андреевна бросает упрек, который, возможно, показался ему знакомым или по предсмертной записке Надежды, или по тем словам, которые она бросала ему в последние дни. Их смысл был выражен фразами: «Он меня убил, убил духовно и убьет телесно», «В нем огромный ум, громадный талант, большая впечатлительность, но нет сердца». Как самый близкий к генсеку человек, Надежда Аллилуева первой почуяла в нем перемену задолго до рокового дня. Она так же, как и в первые дни знакомства, все еще видела в нем ум,

громадную впечатлительность, страстность, но у него исчезло «сердце», то есть умерла душа. Видимо, нечто похожее было в предсмертной записке Аллилуевой, или Сталину почудилось, что она перед самоубийством могла рассуждать так же, как Софья Андреевна. Вот еще фрагменты дневника, отмеченные карандашом вождя:

«А мне надо подняться духом, понять, что перед смертью и вечностью так не важны интриги Черткова и мелкая работа Льва Николаевича унизить и убить меня.

Да, если есть бог, ты видишь, господи, мою ненавидящую ложь душу, и мою не умственную, а сердечную любовь к добру и многим людям!»

Возможно, именно здесь ключ – муж ведет «мелкую работу» с тем, чтобы «унизить и убить» жену. Измена супруга воспринимается как акт унижения и как стремление избавиться от нее, нелюбимой.

Сталин отметил:

«Опять было объяснение, и опять мучительные страдания. Нет, так невозможно, надо покончить с собой»[444].

Так писала Софья Андреевна Толстая в дневнике, в котором Сталин искал ответы на вопросы, которые он задавал тени своей несчастной супруги. Но, судя по всему, окончательного ответа он так и не услышал.

«Еврейский» след в биографии вождя

Очень скоро после самоубийства Надежды Аллилуевой за рубежом поползли слухи, что Сталин снова, но тайно женился. Эти слухи проникли на страницы печати, главным образом эмигрантской. Как о вполне достоверном факте, об этом пишет и Александр Бармин, добавив, что женился Сталин на сестре Кагановича[445].

Осведомлена была об этих слухах и Светлана Аллилуева. «Нет ничего более неправдоподобного, – писала она в эмиграции, – чем распространенная на Западе версия о “третьей жене Сталина” – мифической Розе Каганович. Не говоря уже о том, что в семье Кагановича я никогда не встречала никакой “Розы”, предположение, что отца могла увлечь интеллигентная женщина-еврейка (по этой версии – врач), говорит только о полном незнании натуры отца. Для него увлечение подобного рода было просто исключено… Он не проявлял

симпатий к агрессивным дамам, делавшим попытки заинтересовать его»[446].

Память о матери, откровенно идеализированной дочерью, всю жизнь тяжело переживавшей ее самоубийство, не позволяет ей допустить мысль о возможной, третьей женитьбе отца. Конечно, она допускала, что и после смерти матери у него могли быть женщины и даже постоянные любовницы, но только не «законная» жена. О Валентине Истоминой, появившейся вскоре после смерти матери, она без малейшего признака ревности вспоминает: «Появились новые лица, в том числе и молоденькая курносая Валечка, рот которой целый день не закрывался от веселого, звонкого смеха. Поработав в Зубалове года три, она была переведена на дачу отца в Кунцево и оставалась там до его смерти, став позже экономкой (или, как было принято говорить, “сестрой-хозяйкой”)»[447].

Истомина была дородна, опрятна и молчалива[448] – поздний сталинский идеал женской функции. С 1934–1935 годов, то есть восемнадцать лет, она жила рядом со Сталиным. Ни одна женщина не была при нем столь долго, но звания жены офицер НКВД так и не удостоилась.

В отличие от отца, Светлана, как она сама подчеркивает, никогда не была антисемиткой, но оговорка, которую допускает, – отец не терпел «агрессивных дам», невольно выдает расхожий штамп и стереотип. Аллилуева хочет сказать, что отец не мог быть связан с еврейкой, так как они все «агрессивны», то есть навязчивы.

С. Аллилуева, имевшая, по собственному признанию, множество близких друзей-евреев и далеко не платонически, страстно влюбившаяся в 16 лет (как мать!) в последнем классе школы в уже зрелого кино сценариста Александра Каплера, родившая своего первого сына Иосифа от законного мужа-еврея, не допускает мысли о том, что и отец мог, оставаясь убежденным антисемитом, быть искренне увлечен просто женщиной, без родо-племенного штампа. Но разве в США убежденные расисты-рабовладельцы (в том числе и евреи) не рожали детей от черных рабынь? И даже случалось смертельно влюблялись в них! «Правая рука» Гитлера и антисемит Йозеф Геббельс был влюблен и был ответно преданно любим молодой еврейкой. Еврейкой была и первая, самая страстная любовь Муссолини, родившая ему дочь. С древнейших времен вся человеческая история говорит о том, что в

своих отношениях мужчина и женщина никогда не учитывают ни национальных, ни расовых, ни социальных, ни культурных, ни экономических, ни религиозных, ни нравственных, ни медицинских, ни каких-то иных запретов и ограничений. Точнее – они их учитывают, но только в том смысле, что они их упорно и плодотворно (в подлинном смысле слова) преодолевают. Я не знаю более серьезного аргумента в пользу первичности общечеловеческого космополитизма, основанного на первичности природной биологии. Ни Бог, ни Природа не поставили здесь запретов. Этническая история России, Европы и США – яркая тому иллюстрация. Похоже, что запреты устанавливает человек не без наущения дьявола.

Не смог обойти вопроса о третьей жене Сталина и Ф. Чуев, который задал его и Молотову, и членам семьи Кагановича. Он спросил Молотова: «Говорят, что Сталин женился на **дочери** Кагановича?» (выделено мной. – *Б. И.*). Молотов ответил: «Это из белогвардейских газет. Нет, это чушь, конечно, явная чушь…» Тут же Чуев комментирует: «Майя Лазаревна Каганович говорила мне, что это давние сплетни, и дома у них боялись, как бы они не дошли до Сталина. “А я тогда была пионеркой”, – улыбается героиня молвы. Удивительный все-таки у нас народ!» – добавляет Чуев[449]. Как мы видели на примере Перепрыгиной и других женщин Сталина, юный возраст избранницы («пионерки») был скорее стимулом, чем служил помехой. К тому же в 1935 году в семье Кагановичей неожиданно появился приемный сын Юрий, а в семье Сталина – юная Истомина. Еще при жизни вождя в сплетнях на эту тему речь шла то о дочери Кагановича, то о его сестре. А сестра у «железного наркома» действительно была, но, родив от законного мужа шестерых детей, она умерла еще в 1926 году.

Об этой истории можно было бы забыть как об очередном домысле, если бы не странная записка, отправленная за день до кончины Сталина на имя Маленкова. Мало кто знал 4 марта 1953 года, что Сталин доживает последние часы, и поэтому вряд ли кто осмелился бы выступить в роли наглого самозванца. Но именно в этот день на имя Маленкова пришла записка:

«Уважаемый тов. Маленков!

Я дочь Анны Рубинштейн (бывш. жены т. Сталина) ввиду его болезни прошу дать мне возможность его увидеть. Он знает меня с

детства.

Р. Свешникова

(Регина Костюковская дев. фамилия)

Мой адрес:…

Если нельзя его увидеть, то прошу Вас меня принять. У меня есть неотложное дело.

4. III. – 53 г.»[450].

Письмо, кажется, осталось тогда без ответа. Дмитрий Волкогонов, написавший обширную биографию Сталина, с легким недоумением процитировал его. Оставим и мы его без комментария, отнеся весь этот сюжет к тем бесчисленным тайнам, которыми так любил окружать себя наш герой. Кто она – Анна Рубинштейн? Какова ее судьба? Как согласовать нараставший с каждым годом антисемитизм Сталина и жену (правда – «бывшую») с откровенно еврейской фамилией? Имеет ли она отношение к семейству Кагановича? Я надеюсь, что эта тайна когда-нибудь раскроется. Лариса Васильева, поэтесса и известная исследовательница многовековой интимной жизни Кремля, не могла не прокомментировать слухи о третьей жене Сталина. «Сплетня о тайной жене Розе Каганович, похоже, распространялась германскими спецслужбами в антиеврейских целях»[451], – считает она. Я думаю, что фашистские и советские спецслужбы действительно к этим слухам причастны. Но для советских спецслужб нелепости служили средством для запутывания следов, попыткой отвести внимание от реального лица, а для немецких – это была политическая игра на антисемитизме[452].

Но к мотивам сталинского антисемитизма волей-неволей придется не раз возвращаться. Ведь и он никак не мог обойти «еврейский вопрос». Вернее, он был одним из тех государственных деятелей, кто наряду с древнеримским императором Нероном, средневековыми римскими папами, королем Филиппом II Испанским… Гитлером в очередной раз приступил к «окончательному решению еврейского вопроса». Этот «вопрос» занимал значительное место в политических играх, а главное, был одним из краеугольных камней его мировоззрения и историософии.

Сексуальная подоплека «дела Енукидзе»

Вне зависимости от взглядов Сталина на национальные проблемы, отношение к женщине как к реальному сексуальному партнеру и как к резервной части производительных сил его государства мало чем отличалось от обычного российского мужского прагматизма. Конечно, семья как зыбкий островок человечных отношений частично сглаживала те безумные крайности, которые допускало по отношению к женщине Советское государство, заставляя ее физически трудиться часто на более тяжелых и грязных работах, чем мужчин. И все же как христиано-крестьянская, так и мусульмано-крестьянская традиции выдвигают в женщине на передний план не интеллектуальное, а семейное, то есть сексуально-родовое начало. Другое дело, что свой обычный мужской шовинизм Сталин прикрывал лукавой демагогией. Но это та демагогия, которой в той или иной степени грешит большинство мужчин. Это очень верно подметила С. Аллилуева в своем отце: «Современная мыслящая женщина, отстаивающая свой взгляд на жизнь, казалась ему чем-то противоестественным в *его* доме. Правда, официально он нередко высказывался в пользу женского равноправия, когда надо было поощрить массовый труд. Его изречения – вроде “Женщины в колхозах – большая сила!” – украшали все деревенские клубы. Но дома он высказывался иначе.

Когда Василий сказал ему, что развелся с первой женой из-за того, что “с ней не о чем говорить”, отец расхохотался: “Ишь ты, идейную захотел! Ха! Знавали мы таких идейных… селедок, – кожа да кости!” Это было при мне; но вслед за этим отец и сын пустились в непристойную дискуссию, и я ушла», – вспоминала С. Аллилуева. «Отец вообще никогда не проявлял интереса и симпатии к образованным женщинам. Он не выносил гувернанток, которых мама брала в дом. Мама была исключением, потому что ей самой удалось душевно вырасти и развиться после замужества и превратиться из наивной гимназистки в зрелого, интеллигентного человека; отец этому ничем не содействовал. Уровень его запросов по отношению к женщинам был более упрощенным…

Говоря Василию об “идейных селедках”, отец имел в виду независимых, политически-активных женщин первых лет революции, которые постепенно исчезали в СССР в 30-е годы. Теперь мерой того, что может достигнуть женщина в стране социализма, стали трактористка Паша Ангелина, сборщица свеклы Мария Демченко,

сборщица хлопка Мамлакат Нахангова и летчица Валентина Гризодубова»[453].

Можно ли осуждать вождя за то, что он не любил «селедок», а любил женщин с четкими формами? Можно ли его осуждать за то, что он не любил специально подобранных женой непривлекательных гувернанток? Об их внешности сообщает сама же С. Аллилуева. Его можно понять даже в том случае, если он в действительности не проявил большого восторга по поводу поступления в советский вуз жены, между прочим, не закончившей гимназии. В перспективе он мог получить дипломированную жену при недоучке генсеке. Во многих семьях именно такое «интеллектуальное» неравенство становится причиной раздора. Короче говоря, не только Сталин, но и многие мужчины как в прошлом, так и в настоящем не любили и не любят женщин, демонстрирующих превосходство своего интеллекта. Возможно, эта нелюбовь была унаследована ими еще от праотца Адама, которой был соблазнен Евой, первой вкусившей от древа познания добра и зла и сделавшей тем самым первый роковой шаг, расщепивший сознание на интеллект и чувственную душу? Возможно, с тех пор начался процесс естественного отбора женских особей, поскольку мужчина, напуганный особо проницательным женским интуитивным умом Евы, теперь чаще выбирает себе не самую интеллектуальную, а самую душевную и сексуальную спутницу. Выдающийся ум редко приносит женщине семейное счастье.

Пожалуй, это единственный случай, когда можно позволить себе шутливый тон по отношению к сексуальным предпочтениям вождя.

* * *

У моего отца была любимая присказка: «У них (вождей) любая ложь на правду похожа». В этой фразе «правда» всей Сталинской эпохи. Даже сейчас очень трудно отделить домыслы, клевету и достоверные факты в судебных делах репрессированных Сталиным людей. Безгрешных людей, как известно, нет и быть не может, тем более среди тех, кто властвует. Другое дело, каков характер этих грехов. Троцкий как о достоверном факте писал, что Сталин собирал в своем личном архиве досье с компроматом на каждого крупного партийно-

государственного деятеля[454]. Потом за ним это же повторяли многочисленные исследователи. В современном архиве Сталина я таких дел не видел, и если они не уничтожены после его смерти, то, скорее всего, до сих пор хранятся в недрах архивов спецслужб или в Архиве Президента РФ. Генрих Ягода в бытность свою наркомом внутренних дел действительно собирал материалы на высших партийных деятелей, инициируя вербовку в качестве информаторов прислуги, шоферов, любовниц. С тех пор это стало устойчивой российской традицией. Когда же его самого арестовали, то при обыске нашли сотни порнографических фотографий, десятки кинофильмов такого же содержания – предметы, которые ныне продаются в секс-шопах. Материалы о сексуальных похождениях Яна Рудзутака, Авеля Енукидзе, Льва Карахана до сих пор хранятся в закрытых архивах[455]. И все же доля истины есть и в том, что Сталин также собирал у себя документы на самых крупных своих врагов. Но делал это после того, как расправлялся с ними. Он явно старался подбирать такую информацию, которая раскрывала бы будущему исследователю, сколь двуличной и гнусной была душонка осужденного врага и сколь нечистоплотен был его моральный облик, чтобы показать, как велико было терпение и великодушие вождя. До сих пор производят неизгладимое впечатление личные письма и прошения на его имя о снисхождении и помиловании приговоренных к смерти большевистских вождей.

Для того чтобы поднять на головокружительную высоту волну репрессий 1937 года, Сталин-«буревестник» начал «раскачивать» ситуацию загодя, с 1934 года. Сейчас не время говорить обо всех обстоятельствах раскачки этой волны, отмечу только, что начал он ее очень энергично.

В мае 1934 года по инициативе Сталина была образована правительственная комиссия для разработки принципиально новых учебников истории СССР. В том же году Сталин лично поручил Берии написать лживую историю о своей дореволюционной деятельности в Закавказье, которая затем была торжественно обнародована летом 1935 года. Но гребень волны «1937 года» начал разбег с убийства С. М. Кирова (1 декабря 1934 г.) и продолжился арестом и осуждением Зиновьева и Каменева (16 декабря 1934 г.), «Кремлевским делом» (январь-июнь 1935 г.), а затем – дискредитацией одного из самых

близких сталинских друзей – Авеля Сафроновича Енукидзе (зима – лето 1935 г.). Как раз к этому времени подоспела и книга Берии.

Авель был всего лишь на год-два старше Сосо, они дружили еще со времен работы в революционных организациях Тифлиса и Баку. Авель был крестным отцом Надежды Аллилуевой, то есть по традиционным понятиям почти родственником, и поэтому со Сталиным он всегда был на «ты». В архиве Сталина действительно есть папка с документами Енукидзе, явно препарированная по распоряжению хозяина. В ней содержатся документы, датированные с 1924 года, согласно которым видно, что ряд членов Политбюро, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Цурюпа, Молотов и другие, неофициально получали значительные суммы денег на отпуска и лечение. Дело в том, что Енукидзе с 1922-го и до середины 1935 года занимал должность секретаря Президиума ЦИК СССР и фактически через него проходили основные блага, которые он распределял с санкции Сталина и своего непосредственного начальника М. И. Калинина, а часто и по своему усмотрению. Как секретарь ЦИКа, он по должности подписывал все, в том числе самые подлые законодательные постановления, часто просто продиктованные Сталиным. Так, например, было подписано постановление об «упрощении» судопроизводства, принятого после убийства Кирова, после чего перестали соблюдаться даже формальные процедуры. Я не знаю достоверных случаев, когда бы Енукидзе активно сопротивлялся принятию подобных решений. Но роль неофициального защитника гонимых он выполнял исправно. Советские деятели разных калибров и члены их семей знали, что если нужны средства, теплые должности для близких, путевки, а главное – если требуется замолвить слово за репрессированного родственника, то надо обращаться к Авелю. Знали также, что он, одиноко живущий в своей квартире в Кремле, был большой любитель очень молодых женщин и что можно использовать эту его слабость.

Вторая группа архивных документов содержит переписку Сталина и Енукидзе. Особо доверенных лиц (на то время, пока они оставались таковыми): свою жену, Молотова, Бухарина, Рыкова, Кагановича, Енукидзе и других – Сталин просил писать во время своего отсутствия в Москве или во время их поездок по стране, требуя, чтобы они нелицеприятно сообщали обо всем виденном или слышанном. Среди такого рода писем Авеля Сталину находятся трогательные записки

Кобы, заботящегося о здоровье и своевременном отдыхе друга и родственника.

Третья группа документов содержит завязку «дела Енукидзе»: его брошюру «Большевистские нелегальные типографии», вышедшую в начале декабря 1934 года, с провокационными пометами Мехлиса и Сталина и объяснительную записку автора брошюры. Дело явно оформлено таким образом, чтобы доказать потомкам, что Енукидзе, находясь у государственной кормушки, симпатизировал врагам, что доверчивый вождь заботился о здоровье и отдыхе друга и во всем ему доверял и что негодяй Авель сознательно фальсифицировал историю большевиков Закавказья, с тем чтобы принизить роль Сталина и преувеличить свою. Как видим, Сталин предугадывал моральные оценки «дела Енукидзе» будущими историками и с помощью специально подобранных архивных документов пытался посмертно опорочить бывшего друга и обелить себя. С 1940 года, после окончательного уничтожения деятелей революции и Гражданской войны, Сталин почти перестал прибегать к «архивным инсценировкам». Подобная «инсценировка» означает, что ни один документ в деле не является подложным, все подлинные, но зато они так подобраны, что в целом создают лживую картину.

Возня вокруг истории большевизма в Закавказье, в которой ключевую роль сыграл Лаврентий Берия, была важным, но лишь одним слоем в «деле Енукидзе». Вторым слоем была его связь с «врагами народа», то, что он оказывал содействие их молодым родственницам и якобы им самим и даже участвовал «в заговоре» против Сталина. Последнее тем более примечательно, что Енукидзе никогда ни в одной оппозиции не участвовал. Именно за «связь» с «врагами народа» он и был на скорую руку расстрелян в 1937 году.

В марте 1935 года, когда вовсю закрутилось его «дело», был распространен проект сообщения Политбюро ЦК, которое выработали Сталин, Молотов, Каганович и Ежов. Последние трое – наиболее доверенные люди Сталина и самые беспринципные негодяи. Главный упор в сообщении делался на то, что при попустительстве Енукидзе в аппарате ЦИК окопалась контрреволюционная молодежь из бывших княгинь, дворянок, детей белогвардейцев и других враждебных групп. Многих из них, говорилось в проекте, «тов. Енукидзе лично принял на работу и с некоторыми из них сожительствовал»[456]. Сталин сделал

все, чтобы содержание этого письма стало широко известно не только членам Политбюро, но и кандидатам в члены Политбюро, особенно М. Горькому и, судя по всему, еще более широкому кругу людей. Ответное письмо Горького, гневно осуждающее Енукидзе и поддерживающее Сталина, было распространено по инициативе последнего среди партийной верхушки[457]. Наряду с этим письмом Сталин сам содействовал распространению слухов о сексуальных увлечениях недавнего близкого друга. Если по поводу обвинений в искажении истории большевистских организаций Закавказья Енукидзе в январе 1935 года сначала пытался сопротивляться, то против обвинений в моральном разложении выступить не посмел. Уже 22 марта 1935 года, то есть на следующий день после появления «проекта сообщения», Енукидзе направил письмо в Политбюро, в котором признал правильность критики в свой адрес. Но слухи продолжали шириться, и особенно после доклада Ежова на июньском пленуме ЦК. В этих «слухах» была масса пикантных подробностей, о которых даже Ежов «скромно» умолчал. Но о них 28 июня 1935 года написала в своем дневнике Мария Анисимовна Сванидзе (жена А. С. Сванидзе – брата первой жены Сталина): «Потом (Сталин. – *Б. И.*) спросил меня – “Довольна ли я, что Авель понес наказание” и улыбнулся – он знал, как я его презирала всеми фибрами души за его разложение личное, за его желание разлагать всех вокруг себя.

Я сказала то, что думала. Сказала, что я не верила в то, что наше государство правовое, что у нас есть справедливость, что можно где-то найти правый суд (кроме Ц. К., конечно, где всегда все правильно оценивалось), а теперь я счастлива, что нет этого гнезда разложения морали, нравов и быта. Авель, несомненно, сидя на такой должности, колоссально влиял на н[аш] быт в течение 17 лет после революции. Будучи сам развратен и сластолюбив – он смрадил все вокруг себя – и ему доставляло наслаждение сводничество, разлад семьи, обольщение девочек. Имея в своих руках все блага жизни, не достижимые для всех, в особенности в первые годы после революции, он использовал все это для личных грязных целей, покупая женщин и девушек. Тошно говорить и писать об этом, – будучи эротически ненормальным и очевидно не стопроцентным мужчиной, он с каждым годом переходил на все более и более юных и, наконец, докатился до девочек 9–11 лет, развращая их воображение, растлевая их, если не физически, то

морально. Это фундамент всех безобразий, которые вокруг него происходили. Женщины, имеющие подходящих дочерей, владели всем, девочки за ненадобностью подсовывались другим мужчинам, более неустойчивым морально. В учреждение набирался штат только по половым признакам, нравившимся Авелю. Чтобы оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем – шел широко, навстречу мужу, бросавшему семью, детей или просто сводил мужа с ненужной ему балериной, машинисткой и пр. Чтобы не быть слишком на виду у партии, окружал себя беспартийными (аппарат, секретарши, друзья и знакомые из театрального мира). Под видом “доброго” благодетельствовал только тех, которые ему импонировали чувственно прямо или косвенно. Контрреволюция, которая развилась в его ведомстве, явилась прямым следствием всех его поступков – стоило ему поставить интересную девочку или женщину и все можно было около его носа разделывать»[458].

Из этой гневной филиппики видно, что слухи о сутенерской роли Авеля Енукидзе широко циркулировали по Москве задолго до начала его «дела». Кстати, об этом хорошо был осведомлен и Троцкий, который хоть и находился за границей, но, как он говорил, через сеть «сообщающихся сосудов» владел достоверной информацией. Правда, он считал, что не мораль является истинной причиной падения Енукидзе, а тайное сочувствие бывшим членам оппозиции. Он ошибался, просто-напросто Енукидзе непростительно много знал личного о вожде, и о его прошлом, и о его настоящем. И в прошлом, и в настоящем он ему теперь мешал одним лишь фактом своего присутствия.

Когда Авеля расстреляли, Троцкий написал хорошую статью, посвященную его памяти: «Газетная травля против Енукидзе совершенно неожиданно началась вскоре после процесса Зиновьева – Каменева в 1935 году. Его обвинили в связи с врагами народа и в бытовом разложении. Что значит “связь с врагами народа”? Весьма вероятно, что Енукидзе, человек доброй души, пытался прийти на помощь семьям расстрелянных большевиков. “Бытовое разложение” означает стремление к личному комфорту, преувеличенные расходы, женщины и пр. И в этом могла быть доля истины»[459].

Как я уже говорил, Сталин виртуозно умел перемешивать правду и ложь, раздувать менее значимые и скрывать истинные причины

гонений. И в этом случае причины гонений на Авеля состояли не только в том, что он действительно был неудобен как высокопоставленный советский чиновник, обросший многочисленными связями. И не только в том, что он мешал начать широкомасштабную фальсификацию истории, и тем более не в том, что он действительно помогал родственникам гонимых. Это, без сомнения, делалось открыто и с согласия Кобы, а не за его спиной. Убежден, что помимо этого и Авель и Коба в свое время по-мужски сошлись на любви к юным, скорее даже – чересчур юным особам. Теперь, когда мы проследили некую тенденцию в интимной жизни Сталина, нетрудно поверить в то, что Авель поставлял девочек не только безымянным «нужным людям», но и другу молодости – Кобе.

Когда Сталин бесстрашно и безошибочно ударил Енукидзе за вполне очевидные для всех признаки «бытового и морального» разложения, он тем самым не только убрал важнейшего свидетеля, но и обезопасил себя от возможных разоблачений с его стороны. И совсем не случайно именно в том же 1935 году среди обслуги вождя появляется Валентина Истомина. Для всех становится очевидным, что он приличным образом навсегда обустроил свою интимную жизнь. Однако слухи о том, что Сталин втихомолку постоянно заводил интрижки то с артистками театров, то с танцовщицами из кордебалета, продолжают циркулировать и в наше время. Но о том, что он был склонен к педофилии, знали, возможно, только Енукидзе и Каганович. Один за свое знание «по совокупности» поплатился жизнью и честью, другой был вознагражден смертью в собственной постели и в преклонном возрасте.

* * *

Среди тех эпохальных достижений, которые Сталин ставил себе в заслугу, было «решение» в СССР женского вопроса. Вновь откроем второе издание «Краткой биографии» вождя, в которой его заслугам в решении женского вопроса уделяется почти такое же внимание, как заслугам генералиссимуса в годы войны. «Большой заслугой Сталина нужно считать тот факт, – говорится там, – что в этот период, в период первого разворота индустриализации, когда нужно было мобилизовать

все трудовые силы народа для решения великих задач, он поставил во весь рост женский вопрос, вопрос о положении женщин, работниц и крестьянок в хозяйственной и общественно-политической жизни общества и, подняв его на должную высоту, дал ему правильное решение»[460]. Далее авторы процитировали две статьи вождя, вошедшие в его собрание сочинений. В одной из них, впервые опубликованной в «Правде» 8 марта 1925 года, то есть к Международному женскому дню, начинающий вождь вдавался в своеобразный исторический экскурс: «Ни одно великое движение угнетенных не обходилось в истории человечества без участия трудящихся женщин. Трудящиеся женщины, самые угнетенные из всех угнетенных, никогда не оставались и не могли оставаться в стороне от большой дороги освободительного движения. Освободительное движение рабов выдвинуло, как известно, сотни и тысячи великих мучениц и героинь. В рядах борцов за освобождение крепостных стояли десятки тысяч женщин-тружениц. Неудивительно, что революционное движение рабочего класса, самое мощное из всех освободительных движений угнетенных масс, привлекло под свое знамя миллионы трудящихся женщин». Из этого приветствия видно, что Сталин, как и большинство политиков-мужчин того времени, рассматривал женщин в качестве «вспомогательной» силы рабочего класса. Иначе говоря, рабочий класс для него – это исключительно пролетарии-мужчины. Впрочем, в этом же приветствии он сам так и заявил: «Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки, являются величайшим резервом рабочего класса». В те годы Сталин ставил задачу: «Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующую бок о бок с великой армией пролетариата…»[461] К началу коллективизации женская часть «армии», видимо, уже была выкована. На Первом съезде колхозников-ударников Сталин по-простонародному, «по-мужицки» поставил перед съездом и сам тут же окончательно решил женский вопрос. «Женский вопрос в колхозах большой вопрос, товарищи, – по “учительски” приподняв указательный палец, заявил “великий друг детей и женщин”. – Я знаю, что многие из вас недооценивают женщин и даже посмеиваются над ними. Но это ошибка, товарищи, серьезная ошибка… Женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы

выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело… они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной. Без колхоза – неравенство, в колхозах – равенство прав. Пусть помнят об этом товарищи колхозницы, и пусть они берегут колхозный строй как зеницу ока»[462].

Грудастые передовые доярки, дородные ударницы свекловичных и пшеничных полей не только заполонили экраны кинотеатров, не только «взобрались» на бетонные постаменты, держа в руках целые снопы колосьев, но и периодически приглашались на правительственные приемы к «самому», в Кремль. На одном из них вождь позволил себе слегка, по-мужски пококетничать. «Мне вот 56 лет, – сказал он, – уже видал виды, видал достаточно трудящихся мужчин и женщин. Но таких женщин я не встречал… Только свободный труд, только колхозный труд мог породить героинь труда в деревне». Далее он чуть ли не буквально воспроизвел мнение Мальвы, героини одноименного рассказа Горького, о рабской женской доле в дореволюционной деревне, противопоставив эту долю жизни в советском колхозе. «Только колхозная жизнь могла сделать труд делом почета, только она могла породить настоящих героинь-женщин в деревне. Только колхозная жизнь могла уничтожить неравенство и поставить женщину на ноги. Это вы сами хорошо знаете. Колхоз ввел трудодень. А что такое трудодень? Перед трудоднем все равны – и мужчины, и женщины. Кто больше трудодней выработал, тот больше и заработал… Вот это и значит освобождение женщины-крестьянки…»[463]

Как известно, в колхозах женщина действительно стала основной тягловой силой. Одна из моих родственниц всю жизнь проработала в сталинском колхозе. Труд от зари до зари, «палочки» в трудовом табеле вместо продуктов и денег, дополнительный труд на подсобном участке, чтобы дети не умерли от голода.

Раздел II. Потаенные «диалоги» Сталина с классиками художественной литературы

Глава 1
«Под розой», или художественная литература в зеркале сталинской сексуальности и философии жизни

Наедине с собой, или сексуальность воображения

Для древних историков и аналитиков, от библейских пророков до античных и средневековых хронистов, роль сексуальности в движении исторического человечества не была тайной и не требовала ни особой аргументации, ни особой доказательности. Более чем за полторы тысячи лет до Шекспира и за более чем две тысячи лет до Фрейда истории любви Антония и Клеопатры, любовной ненависти Нерона и его матери, страстных отношений Калигулы и его сестер и т. д. были объектами пристального изучения именно историков, и не только с точки зрения морализующего и нравственного, но и с точки зрения политики и государственного управления. Для их читателей любовные увлечения древних царей и цариц, сексуальные пристрастия императоров, их фаворитов и фавориток вполне очевидно определяли причудливость зигзагов истории царств и королевств, а значит, и их подданных. Эта очевидность для древних исследователей и читателей в Новое время, и в особенности в XIX веке, сыграла скверную шутку с европейской исторической наукой. Увлекаясь изучением мощных социальных сил, казалось бы, только и определяющих движение человеческого общества, то есть историей экономики, внутренней и внешней политики, историей войн, духовной и материальной культуры, профессионалы стали откровенно пренебрегать изучением истории тайных и явных человеческих страстей как чем-то случайным и даже предосудительным, а главное, якобы не имеющим существенного исторического значения. Тогда же историческая наука оставила обширную область человеческой сексуальности медицине и психоанализу. Фрейд со своих позиций попытался вернуть проблемы

сексуальности в параллельное с историческим русло, написав небольшие эссе о Леонардо да Винчи, Достоевском и других известных людях. Это было смелое, яркое, пусть и двойственное с точки зрения трактовки исторических фактов раскрытие проблемы. С тех пор, вплоть до наших дней, многочисленные попытки психоаналитиков вторгаться в историю, в объяснение ее через личность государственного деятеля и его интимную биографию кажутся мне заранее заданными, клишированными психоаналитическим инструментарием, и чаще всего малоубедительными. Даже работы выдающихся психоаналитиков, содержащие интереснейшие наблюдения, такие как книга Э. Фромма о Гитлере или Д. Ранкур-Лаферриера о Сталине, оставляют ощущение искусственного приспособления легко объяснимых с точки зрения житейского быта или исторической науки фактов к хлипким конструкциям стандартного психоанализа[464]. В качестве примера сошлюсь на одну из глав книги Ранкур-Лаферриера, в которой развернуто целое психоаналитическое действо на основании того лишь, что Сталин предпочитал носить сапоги и вообще особое внимание уделял своим ногам. Мы находим здесь все мыслимые ассоциации, возникающие у автора: и битье ногами в сапогах сына (?), и простонародное выражение: «грузин-гуталинщик»(?), и «Сталин, конечно же, никому не собирался позволять *наступать* на себя»(?), и т. п. И хотя Сталин действительно до войны чаще носил сапоги, но при анализе этой знаковой привычки вождя предпочтение лучше все же отдавать более простым объяснениям. Как я уже писал, сталинское пристрастие к сапогам связано, с одной стороны, с модой эпохи военных диктаторов и диктатур. Начиная с Наполеона I в начале XIX и до середины XX века ботфорты или сапоги как часть военизированной одежды носили очень многие авторитарные политические деятели. Аналоги военизированной одежды и ее деталей носили и в древности, и в Средние века, и позже. Диктаторская власть всегда демонстрировала силу, а сила – это армия, а военная форма – ее знак. С другой же стороны, повышенное внимание Сталина к ногам связано было с патологией, но не психического, а физиологического характера, что, конечно, взаимосвязано, но не так уж прямолинейно. Можно вспомнить и другие факты, когда какие-то случайно проговариваемые слова исторического героя, его нелогичные, с точки зрения исследователя, действия, нестандартные привычки и т. д. трактуются

как ребусы, якобы скрывающие психическую патологию. Однако чем более искусно составлен психологический ребус, тем более широкий простор он дает для прямо противоположных толкований и прочтений. Пока же психоанализ в существующем виде, возбуждая интерес постановкой проблем, не приносит подлинного удовлетворения при решении задач исторического исследования. А между тем состояние исторических источников, особенно Нового и Новейшего времени, часто позволяет проникать в глубину сознания изучаемого субъекта, не покидая твердую почву факта, прямого свидетельства и их непосредственной интерпретации. Так что наука история имеет все основания вновь претендовать на свой аспект в раскрытии сексуальности, этой чувствительной точки человеческой души, на изучение ее тайного и явного влияния на историю общества.

Уже в предыдущих разделах книги я затрагивал отдельные аспекты сталинской сексуальности. Но они рассматривались там в контексте его внешней биографии, то есть в контексте публичности, в контексте его взаимоотношений главным образом с близкими женщинами. Рисунок повешенного за половые органы Брюханова, а тем более перипетии любовных связей Сталина с незрелыми женщинами раскрывают сексуальные пристрастия и предпочтения, говорят о том, какое большое значение занимало в его философии жизни сексуальное господство и особенно женщина – это реально овладеваемое и подчиняемое внешнее существо. Но внешняя, видимая для другого, даже для очень близкого человека, жизнь никогда симметрично не отражает скрытые физиологические, интеллектуальные и душевные процессы. А ведь к женщине тяготеет не только тело, чувственность души и разума. Еще в большей степени мужчина тяготеет к женщине с помощью воображаемого, через сексуальный образ, то есть неконкретно телесное. Впервоначале этот вожделенный образ даже примитивно абстрактен. Каменные «венеры» – символический концентрат женских детородных органов неолитической эпохи – прямо говорят об этом. Но речь идет не только об изображении, будь то в скульптуре, на полотне или на фото– и кинопленке. Как известно, в высокой поэзии и прозе, столь насыщенных соблазнительными намеками, эротического напряжения не меньше, чем в самых знаменитых порнофильмах нашего времени. Развитое воображение, подстегиваемое мощным словом мастера, предположим литературы, рождает приливы чувственности и

сексуальной медитации не менее мощные, чем реальные контуры тела, его запахи и ландшафт. Известно, что эротическое воображение дает мощные импульсы развития всем другим видам воображения, без которых не может быть самого творчества.

У нас есть небольшая возможность поучаствовать в сталинских эротических медитациях, перелистывая вслед за ним страницы признанных мастеров мировой литературы. И это несмотря на то, что он четырежды начертал карандашом на обложке книги Анатоля Франса запрещающий символ: «Sub rosa».

* * *

«Sub rosa» – именно так, латинскими буквами, Сталин четыре раза написал на обложке издания, на котором действительно был изображен бутон распустившейся розы. В буквальном переводе это старинное французское выражение означает: «под розой». Такое название Франс хотел дать циклу диалогов, написанных в духе античности: о Боге, Природе, Метафизике, Войне, Стыдливости, Церкви, Старости и других. Цикл был задуман в самом конце Первой мировой войны. После смерти писателя разрозненные тексты и собранные писателем цитаты были изданы с комментариями отдельной книгой во Франции, а затем и в СССР. У нас она вышла под названием: «Последние страницы. Диалоги под розой». Афористическая проза Франса произвела на Сталина глубокое впечатление. О его серьезнейших размышлениях и эмоциях по поводу раздумий Франса о Боге я уже писал. Однако Сталин был увлечен и другими его мыслями настолько, что, перечитывая предисловие французского издателя, из которого он узнал, что автор не успел дополнить книгу еще двумя диалогами о Любви и Смерти, сокрушенно заметил: «*Жаль, что не успел!..*»[465]

Откуда взялось такое маньеристское, избыточно-изысканное для современного читателя название книги? Французский издатель объяснил его происхождение, процитировав один из словарей XVIII века, в котором было сказано, что «…роза была эмблемой тайны и скромности и что в Средние века дамы, отличавшиеся при жизни скромностью, изображались на надгробиях с розой в руке».

«Тайна» была естественной средой жизни Сталина. Она окутывала все, что было связанно с ним, с людьми, его окружавшими, с его страной. Она была обязательной частью государственной, партийной деятельности и, конечно, семейной жизни. Никто не смел проникать в его истинные политические замыслы, а тем более знать их конечные цели. Они были сугубо засекречены. Поэтому, когда истинные цели наконец становились ясными для окружающих, это производило ошеломляющее впечатление. В такие моменты пропаганда и молва в очередной раз приписывали ему дар прозорливца и пророка.

Но если публичная власть, не только авторитарная, но и самая либеральная и демократичная, вынужденно, хотя бы до времени, окружает некоторые свои действия завесой тайны, поскольку они, став общеизвестными, могут потерять всякий смысл, то внутренняя жизнь любого человека, непроизвольно и бесконтрольно прорывающаяся наружу, тем более нуждается в сокрытии, то есть в самозащите. Конечно, закрытый пласт душевной и интеллектуальной жизни простирается гораздо дальше чистой сексуальности. Значительнейшая часть несексуальных эмоций и переживаний, интеллектуальных игр протекает также очень скрытно и вне общения, то есть наедине с собой. Именно там, то есть в переживании бытия наедине с собой, в этом скрытом пласте формируется индивидуальная философия жизни. Причем эту тайную жизнь никак нельзя считать только отражением жизни фрейдистского подсознания, то есть игрой бессознательного. Философия жизни – тайна, но тайна хорошо осознаваемая. Она есть плод диалога с самим собой, который неизвестно когда и как начинается, как протекает и когда заканчивается.

Реабилитируем в своих правах внутренний диалог с самим собой как с воображаемым другим, как инструмент, вырабатывающий философию жизни. «Другой» – это отражение тебя самого во всем том, что тебя же составляет и окружает. По существу, это акт волевого принуждения к диалогу любого избранного для этого объекта. К подобного рода диалогу принуждается все: проходящий вдалеке путник, морской пейзаж, звучащая мелодия, читаемый текст, отдельные персонажи повествования, действо на экране телевизора… Внутренний мир человека – это во многом мир внутренней речи. Бинтуя свой порезанный палец, мы «беседуем» с ним, а он, в свою очередь, «отвечает» нам нашим же эмоциональным голосом боли,

рациональным рассуждением о процессе лечения и физиологически согласно участвуя в действиях всего тела.

Взрослый человек находится в постоянной готовности к диалогу внутри себя, но как бы «с другим», тем более если затрагивается область сексуального. В этом случае образ «другого» в душе мужчины (в стандартной ситуации) – это образ женский. С этой точки зрения Сталин, без сомнения, был традиционно ориентированный, гетерогенный мужчина. Его явно привлекали литературные и художественные сцены, в которых женщина играла объектную сексуальную роль.

Вид реального обнаженного тела или его изображения на картине, его движения на экране, его словесное описание создают во внутреннем диалоге с ним эмоционально напряженный и часто вожделенный образ «про запас». Этот «запас» (женских или мужских) образов постоянно возбуждает и подпитывает сексуальную жизнь любого человека. Недаром в XVIII–XIX веках большинство классиков мировой литературы захватила мечта о рациональном воспитании «высоких» и «нравственных», то есть «правильных» и «здоровых», чувств с помощью реалистических или натуралистических литературных видений и ярчайших сексуальных образов. Но сама идея воспитания чувств, идея изгнания одних образов и культивирования других была реализована человечеством гораздо раньше того, чем она была поставлена крупнейшими писателями и художниками нашего времени. Великие аскеты древности, библейского и в особенности христианского мира (и не только они) умели воспитывать себя (и других) через подавление и вытеснение сексуальных образов (искушений, дьявольских соблазнов) и культивирование в себе образов, как они считали, нравственных и благодатных. В молодости Сталин изучал историю церкви и деяния ее подвижников. Но в своей жизненной практике, в борьбе с самим собой он, как и многие, оказался неспособным следовать их строгим путем. Так образовался разрыв между семинарским воспитанием, его психологическими установками и той жизнью, которой, как мы помним, жил молодой революционер, а потом вождь. Как и у многих, этот разрыв между воспитанием и реальностью порождал ханжество. Оно было неотъемлемой частью его философии жизни.

До сих пор остается глубочайшей тайной внутренняя образно-сексуальная, эмоционально-эротическая жизнь вождя «всех времен и народов». Сталин скрывал ее от других точно так же, как скрывает ее большинство людей. Но, в отличие от основной массы, он, став главой государства, тщательно маскировал ее под аскезу. На протяжении всей публичной жизни Генерального секретаря всеми средствами пропаганды подчеркивалась его особо аскетическая скромность с претензией на жертвенность во имя марксистско-ленинских идей, благосостояния советского народа и могущества социалистического государства. В сознание масс упорно вдалбливался образ Сталина как уникального вождя-аскета, почти нищенствующего (вспомним его поношенную одежду), почти монаха, бдящего ночами в кремлевской «келье» (кабинете) «о мире во всем мире». Но в то же время этот «аскет» почему-то с явным удовольствием фиксировал «на память» и всячески поощрял, когда окружавшие его люди, «соратники», эти потенциальные враги, позволяли себе сексуальные вольности, заводили любовниц, бросали старых жен. Конечно, любой ханжа втайне обожает «клубничку». Но здесь все проще – ведь в сексуальных пристрастиях и тайнах кроются самые чувствительные, стыдные слабости любого человека. Поэтому-то каждый скрывает свои истинные помыслы на сей счет, маскирует соблазнительные образы и видения не только от других, но даже как бы и от самого себя.

После угрозы смертью и мучениями близких именно сексуальные тайны позволяли успешнее всего манипулировать советским человеком и дискредитировать его. Не случайно при Сталине в СССР, в соответствии с библейской доктриной, все сексуальные отклонения были объявлены преступными и преследовались в уголовном порядке. На всех крупных политических процессах подсудимым обязательно предъявлялись обвинения в половой распущенности, особой похотливости, а то и в мерзких половых преступлениях. Незадолго до ареста стареющий Николай Бухарин женился второй раз на очень молодой Анне Лариной. Судя по воспоминаниям последней, Сталина радовала и забавляла ситуация политической облавы на увлеченного женой молодожена. На самом же процессе уже упоминавшийся профессор Д. Д. Плетнев был обвинен в том, что он якобы склонял свою пациентку к сожительству и даже укусил ее во время медицинского осмотра за обнаженную грудь. Накануне процесса и во

время его этот «инцидент» всерьез обсуждался на страницах центральной партийной печати. После убийства Троцкого в Мексике в СССР был распущен слух о том, что его якобы убил собственный садовник в порыве праведного гнева за свою поруганную дочь. Но Сталин (его разведка), видимо, так и не узнал об интимном письме 58-летнего Троцкого своей жене Н. Седовой, которое еще при его жизни было передано им в архив в Амстердаме. Это редкий документ, раскрывающий подлинные эротические чувства и видения крупного политического деятеля[466]. Впрочем, Троцкий никогда и не выстраивал свой образ под светского монаха и аскета.

Не так откровенно, как Троцкий, но и Сталин оставил доселе неизвестные свидетельства своей душевной эротической жизни. Внешне, для окружающих, даже очень близко его наблюдавших, он выглядел всегда целомудренно. Жена, потом Валентина Истомина – это почти все, что они могли видеть. Для миллионов же людей Сталин с 1932 года был монашески одинок и верен памяти погибшей супруги. И все же личный аскетизм, так демонстративно подчеркиваемый им, маскировал то самое ханжество, которое нередко есть признак вполне обычной сексуальной неудовлетворенности. Казалось бы, почему? Ведь подобно властителю древности, только захоти он, любые формы половой близости могли бы быть ему доступны, не говоря уже о женской любви. У меня нет никаких данных, говорящих о его сексуальных отклонениях или нетрадиционных половых связях. Конечно, время от времени на страницах бульварной литературы появляются домыслы о половых извращениях того или иного диктатора XX века. Процесс демонизации образов диктаторов XX века зашел так далеко, что современному человеку все труднее осознать – все они мало чем отличались от обычных людей своей эпохи как в слабостях, так и в силе. Разница, конечно, есть, но она сконцентрирована не в интеллектуальных и душевных особенностях этих деятелей. Главное – то, как эти вполне обычные человеческие особенности определяли индивидуальный стиль государственного деятеля, тем более если он, этот государственный деятель, есть крайнее воплощение диктатуры и насилия. Так ли уж неизбежно то, как это силится доказать современный психоанализ, что тираническая личность порождается сексуальными комплексами садонарциссического, некрофильского или иного рода?

Анатоль Франс и Сталин «О стыдливости»

Тот же издатель книги Франса процитировал и иное толкование средневекового французского оборота: «под розой». Он напомнил, что согласно древнегреческой мифологии бог любви Амур подарил богу молчания Гарпократу цветок скрытно распустившейся розы как знак запрета на раскрытие тайных любовных дел его матери Венеры. «Отсюда вошло в обыкновение, что к дверям помещения, где собрались близкие между собой люди для взаимного услаждения и развлечения, прикрепляли розу, как знак того, что можно говорить обо всем и с полной свободой, так как беседа останется в четырех стенах и не будет вынесена наружу. Поэтому роза является символом молчания, и выражение sub rosa означает, что не должно опасаться нескромных сплетников и переносчиков»[467]. Но именно этот средневековый завет и нарушал А. Франс своей незаконченной книгой, в частности в диалоге «О стыдливости».

В нем собраны цитаты нескольких авторов: Монтеня, Табарена, Овидия. Кремлевского читателя привлекли отрывки из «Метаморфоз» Овидия и комментарий к ним Франса. «У женщин особенные причины для стыдливости», – утверждал Франс и в подтверждение цитировал Овидия:

«Две противоположные причины побуждают женщину к стыдливости: она скрывает место, где гнездятся ее недомогания, поток своих нечистот; и она скрывает цветок своей красоты, своего тела. И она правильно поступает в обоих случаях».

> «Затем, немногие из них знают, как прекрасна нагота».
>
> «Они уверены, что красоту придает наряд, и убедили в этом мужчин»[468].
>
> Самоуверенный комментарий Франса и известную строку из Овидия Сталин выделил скобкой на полях слева. Поэтическая аналогия предмета мужского вожделения с цветком так завлекла вождя, что на следующей странице он отчеркнул резкой вертикальной чертой и даже прокомментировал такой текст: «Наконец, в материалах набросана параллель между человеком и цветком».

«Растение с гордостью показывает то, что человек скрывает».

«У многих растений орган любви – блеск и благоухание».

«В растительном мире существуют, может быть, виды столь же совершенные, как человек, но их мораль другая, чем у нас».

Сталинский комментарий: «*Оригинально весьма…*»[469]

Сталин-поэт не мог не знать, что в традициях классической поэзии, особенно восточной, женщину постоянно сравнивают с благоухающим цветком, чаще – с бутоном розы. Но в трактовке Анатоля Франса он нашел новый для себя, более обнаженный сексуальный поворот, тот самый, о котором Троцкий высказался предельно откровенно. Изображение стилизованной розы на обложке книги, рядом с которой Сталин оставил сразу четыре своих автографа, как бы намекает на объект мужского вожделения. Похоже, что, как и для большинства мужчин, именно запах определял стартовый момент его сексуального воображения. Как вспоминала его дочь, Сталин терпеть не мог искусственные запахи женской косметики и парфюмерии, которые искажают истинную конфигурацию запаха человеческой плоти. Может быть, этим и объясняется одобрительная раздумчивость его интонации: «*Оригинально весьма…*»?

Сталин в поисках сексуального в поэзии и прозе Максима Горького

Среди книг из библиотеки Сталина с его пометами есть несколько значительных авторов, которых трудно заподозрить в особом, тем более извращенном пристрастии к эротической стороне жизни. Тем не менее именно на страницах их произведений Сталин оставил убедительные свидетельства о своем интересе к сексуальным сторонам душевного бытия. Я обнаружил их не только на книге А. Франса, но и на произведениях М. Горького, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого.

Об отношениях Сталина с Горьким написано немало. Из недавних работ следует назвать книгу Е. Громова «Сталин. Власть и искусство»[470]. Тем не менее все современные оценки

взаимоотношений писателя и вождя восходят к оценкам, данным в воспоминаниях С. Аллилуевой: «В последние годы отец перечитывал Горького, но говорил о нем с раздражением. А давно, когда хотел польстить Горькому, собственноручно написал на его сказке “Девушка и смерть”: “Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гете. И. Сталин”.

Не знаю, польстило ли Горькому такое превознесение его малоудачной небольшой поэмы, но могу с уверенностью сказать, что ничто в искусстве не было дальше от понимания моего отца, чем романтическое воспевание женщины и любви. Горький писал о любви и о женщинах много, искренне, глубоко. Это была значительная часть его жизни и мировоззрения. Для отца все это было безразлично. Но так как Горького с трудом зазвали из-за границы в СССР и необходимо было привлечь его на сторону партии, отец не скупился на комплимент, над растолковыванием которого долго бились потом советские литературоведы: как ни верти, Гете был тут ни при чем»[471]. И в наше время продолжается работа по растолковыванию этих, не совсем точно процитированных Аллилуевой, строк Сталина. Внесу и я свою лепту.

В библиотеке Сталина, помимо отдельных сочинений Горького о Ленине, сборников его рассказов и публицистических заметок, находилось многотомное собрание сочинений писателя, изданное в конце 20-х годов. Из него к настоящему времени сохранились только два тома, да и то, видимо, потому, что на них были рукописные пометы и штампы личной библиотеки вождя. Второй том собраний сочинений (1927 г.) включает в себя дореволюционные рассказы писателя. Том седьмой (1929 г.) – роман «Мать». В архиве Сталина сохранился также макет неопубликованной книги «Стихов» М. Горького, подготовленный к печати в 1950 году. Я уже не раз обращал внимание читателя на то, что Сталин чуть ли не до последнего дня своей жизни с удовольствием исполнял функции верховного цензора. Несмотря на то что в 1950 году ему было уже за семьдесят лет, а неотложных государственных дел накапливалось все больше и больше, он все же счел необходимым лично просмотреть макет сборника стихотворений «пролетарского» писателя.

Почти в каждое крупное произведение Горький любил вводить небольшие стихотворные тексты. Иногда это были фольклорные записи, а иногда – стилизации под народные частушки и распевы. Помимо этого Горький сам писал стихи классическими размерами или

в форме западноевропейских баллад. Но наиболее известны ставшие хрестоматийными в советскую эпоху произведения, написанные в манере белого стиха: «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» и другие. То, что они еще до войны вошли во все школьные учебники литературы, не могло произойти без санкции Сталина. Я не буду касаться личных взаимоотношений вождя и писателя или выявлять истинное отношение к произведениям последнего. Судя по заинтересованности, с которой Сталин читал или редактировал произведения Горького, многое ему было все же по душе и даже приводило в восторг, но что-то оставляло равнодушным – обычная читательская реакция.

Макет «Стихотворений» Горького представлял собой сборник поэтических текстов, собранных работниками Института мировой литературы АН СССР, включавший белые стихи и произведения фольклорного характера. Располагались они в хронологическом порядке. Первое, на чем задержалось внимание сановного цензора, была известная поэтическая сказка «Девушка и смерть». Семидесятилетний Сталин и в 1950 году ничего не имел против строк:

> …Девушка сидит богиней вешней.
> Как земля гола весною ранней,
> Грудь ее обнажена бесстыдно,
> И на коже шелковистой, ланьей,
> Звезды поцелуев ярко видны.

В тексте этой поэмы составители решили поместить фотокопию обнаруженного ими в архиве Горького более раннего издания, на котором Сталин размашисто начертал: «Эта штука сильнее, чем “Фауст” Гете (любовь побеждает смерть). 11/X-31 г. И. Сталин»[472]. В 1950 году тремя такими же размашистыми чертами синего карандаша он выкинул из сборника фотоиллюстрацию со своей «резолюцией». Здесь же в сборнике был помещен и групповой фотопортрет: Ворошилов, Горький, Сталин в кабинете писателя, в день, «когда А. М. Горький читал свою сказку». Фотография неудачна, на ней Сталин и Ворошилов выглядят непривлекательно, и, скорее всего, поэтому он и ее несколько раз перечеркнул карандашом, тем самым запрещая печатать[473]. Е. Громов, опубликовавший эти документы, сделал вывод:

читатель Сталин в 1931 году был в подпитии и потому опрометчиво дал неадекватную оценку сказке, сравнив ее с величайшим мировым шедевром. Через двадцать лет от завышенной оценки отказался[474]. Думаю все же, вывод неточен. Не верны и оценки дочери.

Почему в 1931 году 50-летний Сталин вообще вспомнил о поэме Гете? Сказка Горького не вызывает никаких прямых ассоциаций с поэмой. В библиотеке Сталина я также не обнаружил этого произведения Гете, хотя Сталин был, без сомнения, с ним знаком. И все же сравнение возникло совсем не по пьяному недомыслию вождя. В поэме речь идет о совращении с помощью дьявольских чар невинной девушки пожилым Фаустом. В результате девушка, убившая невинный плод нечистой любви – своего младенца, погибает сама. Даже не очень развитый читатель художественного произведения почти всегда бессознательно ассоциирует себя и свои жизненные ситуации с образами и ситуациями художественного произведения. Напомню, что Сталин по крайней мере несколько раз в течение жизни был в ситуациях, похожих на историю Фауста и Магдалины. Поэтому, когда он услышал замечательную, по моему мнению, сказку Горького в авторском исполнении, то отметил не ее поэтическое превосходство, а, так сказать, превосходство философское, идейное – любовь «околдовывает» смерть. Но через двадцать лет ему уже и самому показалась нелепой та давняя реплика. В течение этих двадцати лет той же самой рукой, которой он делал такую многозначительную надпись о любви, Сталин прямо и косвенно подписал смертные приговоры миллионам соотечественников, в том числе когда-то любимым людям. При этом ни его былая любовь, ни привязанность никого не спасали. Скорее наоборот – именно они самым надежным образом предрекали от него же смерть. Смерть привиделась Горькому в традиционном образе склочной старухи, но наяву она явилась в личине седеющего мужчины, который с возрастом становился только ненасытней.

* * *

В конечном счете редактура Сталина свелась главным образом к тому, что он выкинул все белые стихи и оставил, за редким исключением, почти все, даже слабые рифмованные произведения.

Похоже, поэзию, а точнее стихи, он воспринимал только в традиционной рифмованной форме. В русской поэзии белый стих приживался трудно, и даже в середине XX века многие профессионалы и любители поэзии не считали такую форму полноценно стихотворной. Так что подход Сталина в этом вопросе был достаточно традиционный и не отражал каких-либо вкусовых пристрастий. Но исключая из сборника эти как бы неполноценные поэтические произведения, Сталин внес дополнительные предложения, написав на чистом листе макета:

«1) “Варенька Олесова”,

2) “Мальва”».

Специалисты из Института мировой литературы при подготовке сборника «Стихотворений» проигнорировали эти произведения. В то же время Сталину они почему-то сразу же припомнились.

И тот, и другой рассказы относятся к романтическому периоду творчества писателя. В каждом есть не очень значительные стихотворные вкрапления, которые Сталин и имел в виду, вспомнив о них, редактируя сборник. Второй том собраний сочинений Горького, с его рассказами, находился в той части архива вождя, который долгие годы хранился в Архиве Президента РФ, а теперь передан в РГА СПИ.

Несмотря на то что книга вышла еще в 1927 году, в 1950 году Сталин явно просмотрел это издание в очередной раз. На внутренней стороне последней обложки чьей-то рукой написано: «Поступила 9.VII.1950 г.». Видимо, именно в это время он передал ее в Институт мировой литературы со своими предложениями. В те или иные годы, но именно Сталин разрисовал лист с «Оглавлением» ставшими уже привычными карандашными росчерками и разводами, говорящими о задумчивом настроении хозяина библиотеки. В «Оглавлении» он также отметил крестиками названия этих двух рассказов и выделил рассказ «Зазубрина»[475]. На отдельных страницах тома сохранились отчетливые следы загнутых углов, а тексты вкрапленных в повествование разухабистых стихов-частушек отчеркнуты карандашом. Похоже, что вождь и эту книгу не раз перечитывал, а последние отметки сделал в 50-х годах, в связи с подготовкой горьковского сборника стихотворений.

Варенька Олесова – молоденькая приятельница родной сестры приват-доцента Полканова. Сей господин приехал к сестре в ее

деревенское имение. В разгар жаркого лета у нее умер муж. Немолодой ученый-сухарь незаметно для себя влюбляется в девушку, благоухающую полевыми цветами, лесом, раскаленным солнцем и прохладными водами реки. Точнее все же будет, если мы отметим – он влюбляется потому, что она инстинктивно его искушает, к концу рассказа доведя приват-доцента до исступления. Сталин загнул верхний угол страницы, на развороте которой описывалась первая встреча героев:

«…А вот и Варенька!

Она явилась в дверях в легком белом платье, пышными складками падавшими с ее плеч к ногам. Костюм ее был похож на детскую блузу, и сама она в нем смотрелась ребенком…

Ипполит Сергеевич молча поклонился ей и, пожимая ее руку, обнаженную до локтя, ощутил нежный аромат фиалок, исходивший от нее.

– Вот надушилась, – воскликнула Елизавета Сергеевна.

– Разве больше, чем всегда? Вы любите духи, Ипполит Сергеевич? Я – ужасно! Когда есть фиалки, я каждое утро рву их и растираю в руках, это я научилась еще в гимназии… Вам нравятся фиалки?

– Я никогда не думал над тем, нравятся они мне или нет, – пожав плечами, сухо сказал он…»[476]

Светлана Аллилуева неоднократно вспоминала об устойчивой неприязни Сталина к женской косметике и парфюмерным запахам. Даже ей, дочери, он запрещал пользоваться духами. Похоже, что в этой сцене с цветочными, то есть естественными, ароматами, исходящими от молодой женщины, Сталин нашел подтверждение своего понимания естественной женственности. В этом же рассказе Сталин отчеркнул справа и слева понравившиеся ему сентиментальные вирши местного поэта, который жеманно заявил хозяйке дома, что «хотел бы прочитать те стихи, **которые теперь слагаются у меня**…»:

Твоей спокойной красоты
Холодный блеск меня тревожит…
……
Ты осмеешь мои мечты?
Ты не поймешь меня, быть может?
……
В твоих очах – участья нет,

В словах – холодный смех мне слышен…
И чужд тебе безумный бред
Моей души…
А он так пышен!
В нем песен вихрь, в нем жизнь моя!
Он весь проникнут буйной страстью
Решить загадку бытия,
Найти для всех дорогу к счастью…[477]

Если Сталин предлагал такие стихи внести в сборник, значит, он или к старости потерял вкус к истинной поэзии, или, что более правдоподобно, его поэтическое чутье навсегда осталось на уровне 15-летнего семинариста провинциального духовного училища. Интерес к поэзии он не терял никогда, о чем свидетельствует то пристальное внимание, с которым следил почти за всеми крупными или хотя бы знаменитыми поэтами эпохи (Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Маяковский, Д. Бедный, А. Твардовский, К. Симонов и т. д.). Другое дело, что этот интерес мог иметь прямо противоположные следствия: губительно (для живой души и творчества) вознести на советский Олимп – или ужасающе опустить в бездну ГУЛАГа и смерти. Но в данном случае нас интересуют не достоинства стихотворения, в котором Горький явно пародирует салонную поэзию конца XIX века, а декларируемая в них «возвышенность» страстных чувств к женщине. Здесь Сталин перепутал, как и во многих других случаях, искреннюю страсть и жеманную патетику.

Рассказ Горького завершается описанием сексуальных медитаций героя: «…лежа на постели, он невольно представлял себе Вареньку такой, как видел ее на крыльце, с руками, поднятыми как бы для объятий, с грудью, трепещущей при блеске молний. И снова думал о том, что если б он был смелее с ней… Он читал где-то, как однажды это было, она вошла среди ночи и отдалась, ни о чем не спрашивая, ничего не требуя, просто для того, чтобы пережить момент». Наконец, описание ослепительной девичьей наготы в сцене купания и позора приват-доцента, подсмотревшего эту сцену. «Перед ним, по пояс в воде, стояла Варенька, наклонив голову, выжимая руками мокрые волосы. Ее тело, розовое от холода и лучей солнца, и на нем блестели капли воды, как серебряная чешуя. Они медленно стекали по ее плечам и груди,

падали в воду, и, перед тем как упасть, каждая капля долго блестела на солнце, как будто ей не хотелось расстаться с телом, омытым ею. И из волос ее лилась вода, проходя между розовых пальцев девушки, лилась с нежным ласкающим ухо звуком»[478]. Поскольку отчетливых письменных следов сталинского внимания к этим сценам я не обнаружил, то не буду комментировать то, что в дополнительных пояснениях не нуждается.

* * *

Рассказ «Мальва», написанный Горьким в те же, последние годы XIX столетия, пронизан солнцем, запахами моря, гниющей рыбы, белизной прибрежного песка и парящих чаек. В сущности, и этот рассказ все о той же неукротимой и непредсказуемой женской любви и ненависти, ее мстительности и о принципиально невозможной для нее свободе. Именно в любви женщина стремится к свободе, но через нее она как раз и становится порабощенной. Сколько бы раз женщина свободно ни отдавалась мужчине, неизбежно и немедленно она становится его рабой. В этом скрытая философия горьковского рассказа, хотя сам автор, скорее всего, не предполагал такого понимания. Но если Варенька Олесова – это невозможный и сугубо мужской идеал юной, одухотворенной, интеллигентной дикарки, то Мальва – яркий цветок простонародной свободной любви.

Мужик Василий Легостаев, ушедший из деревни на заработки, а затем бросивший жену и детей, несколько лет живет на морской песчаной косе, где работает караульщиком на рыбном промысле. К нему с материка раз в неделю наведывается Мальва с «зеленым глазами», «смешная и милая, как сытая кошка». Внезапно к отцу из деревни приезжает взрослеющий сын Яков. Выстраивается роковой треугольник со сценами ревности, битьем женщины и ее неприятием мужского права на ограничение женской чувственной свободы. Сталин загнул лист со словами героини: «А замужем баба – вечная раба… А здесь я ничья… Как чайка, куда захочу, туда и полечу! Никто мне дороги не загородит… Никто меня не тронет!» Василий тут же напомнил ей: «А как тронет?»[479] Мстя отцу и сыну, Мальва

демонстративно уходит к дерзкому пьянице, смелому и свободному босяку, огненно-рыжему Сережке. Таков сюжет.

Сталин синим мягким карандашом двойными вертикальными чертами отметил разбитные частушки, которые пела Мальва, разжигавшая отца и сына:

> – Милый мой… скорей иди
> Да-ах! Прижмись к моей груди!
> ……
> – Не-е жалей моих грудей,
> Двоих белых лебедей![480]

Псевдодекадентские вирши из «Вареньки Олесовой» и фривольные частушки из «Мальвы» Сталин предлагал включить в сборник стихотворений Горького. Сборник ни при жизни Сталина, ни после его смерти так и не вышел. Но гораздо важнее для понимания душевного и интеллектуального мира нашего героя – факт цепкого удержания в его памяти гетерогенных литературных образов.

Читая Салтыкова-Щедрина

Живая любознательность Сталина проявлялась даже в деталях. Он постоянно отслеживал публикации не изданных при жизни автора произведений. В то же примерно время, когда вышла книга незаконченных диалогов Франса, в СССР был опубликован сборник «Неизданный Щедрин». С момента его публикации в 1931 году он стал настольной книгой вождя[481]. В первую очередь он использовал его в качестве источника насмешливых сентенций и сатирических филиппик, направленных в адрес политических оппонентов и своих, советских бюрократов. Оппозиционно настроенные партийные и государственные деятели, в первую очередь троцкисты, обвиняли Сталина и сталинцев в бюрократическом перерождении, заменившем господство власти капитала властью советского чиновника. Карл Радек, еще будучи «троцкистом», первым взял прозу Салтыкова-Щедрина на вооружение. Как и во многих подобных случаях, Сталин сделал встречный демагогический ход: в его речах, звучавших со всех партийных трибун,

тема борьбы с бюрократизмом становится одной из основных. Именно тогда во многих довоенных выступлениях словоблудие по поводу зловредности выпестованной им же партийно-советской бюрократии сдабривается цитатами из произведений великого русского сатирика. На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, собравшемся в ноябре 1936 года, он смачно цитировал и комментировал текущую политику с помощью произведений Щедрина и Гоголя. Красочно объясняя, как зарубежные журналисты запутались между «правым» и «левым», комментируя проект Конституции 1936 года, он сослался на дворовую «девчонку» Пелагею из гоголевских «Мертвых душ», не отличающую одно от другого. Эпизод дважды прерывался громовым смехом подобострастной аудитории, хотя этот образ Сталин использовал уже раз пять или шесть в других выступлениях[482].

Основной набор щедринских цитат был почерпнут Сталиным из «Сказки о ретивом начальнике, как он сам своими действиями в изумление был приведен». В том же докладе, посвященном Конституции, потешаясь над корреспондентом одной из немецких газет, заявившим, что СССР – это не государство, а некое «географическое пространство», Сталин так перелицевал сатирическую сказку: «В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во “вверенной” ему области “порядок и тишину”, истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует? *(Общий смех, аплодисменты.)* Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе? *(Общий смех.)* И, сказав это, положил резолюцию: “Закрыть снова Америку”! *(Общий смех.)* …Этим господам (из газеты. – *Б. И.*) СССР давно уже намозолил глаза… Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует *(общий смех),* и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе?»[483]

Сталин довольно основательно исчеркал текст этой сказки и превратил в крылатые такие выражения, как «Бабушка надвое сказала», «Пишите, мерзавцы, доносы», «Горе тому граду, в котором начальник без расчету резолюциями сыплет, но еще того больше горе, когда начальник совсем никакой резолюции положить не может», и т. д. В 1949 году на юбилейной выставке в связи с 70-летием вождя и явно по его инициативе эта часть книги с пометами была представлена на всеобщее обозрение[484]. Многие авторы, пишущие о Сталине, упоминают об этом экспонате, но ни он сам, ни исследователи не цитировали других произведений Щедрина из того же сборника и также с пометами Сталина. Наиболее тщательно он проштудировал сатирические зарисовки: «Глуповское распутство» и «Каплуны».

Первый рассказ начинается с воспоминаний некоего знатного молодого человека, воспитание которого мать доверила «мосье Жоливе», нещадно колотившего его за малейшую шалость. Вскоре молодому человеку «удалось поймать… мучителя с горничной. С тех пор все изменилось. Я не только заставил Жоливе на коленях просить прощения, – повествует дворянин Простаков, – но еще завладел его любовницей…» С первой же страницы рассказа интерес вождя к сюжету стал возрастать, о чем свидетельствуют небольшие беглые отметки (ручкой и карандашом) в тексте, фрагменты которого я воспроизвожу.

Молодой человек повествует об особом, «изумительном» мастерстве француза, который, ни слова не зная по-русски, «однако ж дар убеждения такой имел, что не было, кажется, на селе ни одной **крестьянской бабы, которая бы противостояла бы ему**».

По закону избранного жанра Щедрин делает моментальный переход от скабрезной истории похотливого дворянина Российской державы к назидательной истории заката распутной Западной Римской империи, которой в конечном счете завладели «пастуховы дети», то есть дети варваров. Для России, предрекал писатель, надвигаются времена своих варваров, своих «пастуховых детей». Далее в повествовании рисуется образ Петрушки, этого грядущего господина России, а пока дворового и кандидата в любовники стареющей барыни Любови Александровны. Символом Российской империи периода упадка стала родина барыни и Петрушки – город Глупов, который «**разлагается, ибо собственное его распутство точит его**». Затем

разворачивается история совращения верного слуги «Пьера», который «лопает себе, и думает, что **так тому и быть должно**». Вдова мучается по ночам, она не спит, и «сладко» ей, когда слышит она, как Петрушка на сундуке за перегородкой ворочается. «Петруня, а Петруня! – говорит она, – встань да посмотри-ка в окно: никак **кто глядит**!» «– Петруня! А Петруня! Чтой-то словно мне робко! – шепчет она, – как бы **ты лег на полу**…» «Ох, да и светла же, тепла же была ночь темная, длинная!..» Летит взгляд Сталина и его рука с пером над страницами щедринского текста, цепляясь за что-то, эхом отзывающееся в душе: соблазнительные крестьянки, размягченная барыня, усердный, но наглый Петруня…

…Отныне «Петруня» требовал, чтобы все, включая Любовь Александровну, величали его «Петром Афанасьевичем», и во всеуслышание заявлял: «Я, говорит, у барыни первый человек есть! Я, говорит, с **барыней что желаю, то и сделаю!**» Так стал Петрушка, этот грядущий российский Хам и властитель, помыкать благодетельницу-барыню: «**Отвяжись, мол, ты, старые дрожжи**!» Но Любовь Александровна, этот символ «дряхлеющей, но еще жаждущей любви и жизни «Империи»… стремится устроить себе утеху домашнюю, такую утеху, которая была бы всегда под руками. А под руками что? Под руками Петрушка, у которого только что **черный ус над губой начинает прорезываться**… Петрушка, черноволосый, чернобровый и черноглазый; глаза у него так и искрятся, так и жгут, а пухлые малиновые губы так и манят… «Ах, чорт побери да и совсем!» – в волненьи произносит Любовь Александровна и даже повертывается на стуле». А «Петрушка властный, Петрушка, собирающийся унести на плечах своих вселенную», обладает еще и кое-каким умишком. «…Этот умишко подсказывает, что если Любовь Александровна возвысила его до себя, стало быть, они **квиты**. Отсюда: «Любка! пляши!», «**Любка! пой песни**!»

> «Не в силах простолюдин постичь, – издевается сатирик над своим братом-дворянином, – такие понятия, как **“равен” и “не равен”, “квит” и “не квит”**».

Последний кусочек фразы Сталин многократно отчеркнул еще и вертикальными линиями на полях книги. Почему? Уж не потому ли, что в эти годы и он многих «возвысил до себя» и многие из них, по его

мнению, так и не разобрались в понятиях: «равен» и «не равен», «квит» и «не квит»? Со своими «петрунями», в том числе женского пола, у Сталина был свой счет. Под конец сексуально-сатирического повествования Щедрина – очередное ядовитое сравнение великого Рима с величавым Глуповым, заставившее Сталина многократно подчеркивать щедринский текст: «**Еще намеднись у нас городничий целый овин сжег единственно для того, чтобы показать начальству, как у него команда исправно действует. Чем не Нерон! А третьеваднись земской исправник с целой стаей собак в суд вломился, – чем не Калигула! Нет уж, если мы возьмемся за дело, да начнем пересчитывать, – никакому Риму не устоять перед нами в отношении доблести!.. Но Рим, несмотря ни на величие свое, ни на доблесть сынов своих, все-таки пал от руки пастуховых детей…: Боже! Ужели та же участь предстоит и Глупову?**»[485]

*** * ***

Ныне мало кто помнит (за исключением специалистов) все подробности рассказа Салтыкова-Щедрина «Каплуны». А между тем этот рассказ, написанный в 70-е годы XIX века, положил начало беспощадному осмеянию российской интеллигенции как правого, так и левого толков. Щедрин точно подметил духовную и связанную с ней политическую импотенцию тех, кого Ленин брезгливо именовал «мягкотелыми либералами», нередко потом ссылаясь именно на произведения Щедрина. На фоне тех исторических событий, которые произошли в России с середины XIX века, и интеллигент-писатель (Щедрин), и интеллигент-революционер (Ленин) имели серьезные основания для таких крепких выражений. В своих послереволюционных речах Сталин предпочитал говорить о «гнилой интеллигенции», но и о «потенции» не забывал.

Щедрин в лучших традициях античной сатиры, для которой характерно смелое совмещение эротических и политических образов, привел к общему знаменателю качества физиологических, духовных и интеллектуальных кастратов. По этому поводу сатирик даже стишок сочинил, который и предпослал в качестве эпиграфа:

Кастраты все бранили
Меня за песнь мою,
И жалобно твердили,
Что грубо я пою…

Специалисты в области истории партии с удовольствием цитировали эту виршу в студенческой аудитории, начиная россказни о зловредности буржуазных либералов. Пишу сейчас об этом как очевидец.

«Каплуны-люди встречаются во всех слоях, на всех ступенях глуповского общества. Чтобы сделаться каплуном, нужно очень немного. Нужно выбрать идейку с булавочную головку, возлюбить ее, как самого себя, и затем, с спокойною совестью, мерить этим огромным масштабом все явления, проходящие перед глазами»[486].

Замечает это сам Щедрин или нет, но в своем сатирическом эссе он ставит все ту же «гамлетовскую» проблему русской интеллигенции, суть которой вождь моментально ухватил: «…**жгучий вопрос эпохи, идти ли на сделку с установившимися формами жизни**, признать ли, что и в них есть нечто хорошее и примиряющее, или **откровенно взглянуть на них, как на старый хлам, негодный даже для справок?**»[487] Российская интеллигенция, вне зависимости от ее умонастроения, в массе своей отвечает на «жгучий вопрос эпохи» одинаково бессильно. «Веселые каплуны (консерваторы. – *Б. И.*) курлыкают»: «Не насильствуйте, не волнуйтесь, не забегайте вперед»; «угрюмые каплуны (либералы. – *Б. И.*) курлыкают»: «Жизнь, которую мы знаем и с которой имеем дело, есть старый выветрившийся хлам; кроме того, что он отвратителен, он еще и бесполезен»… Несмотря на различие в содержании обоих курлыканий, отмечает сатирик, у них есть общее – отрицание деятельного личного участия в этой жизни. Для него каплун, кастрат есть то же, что бесплодный болтун, «курлыкающий» недееспособный человек. Это сравнение, эта писательская метафора, сближающая физиологическую импотенцию с духовной, попала в самую точку сталинского сопереживания. Деятельность и еще раз деятельность во всем, как демонстрация акта плодотворности в политической борьбе, в государственной сфере, в личной жизни, во взаимоотношениях с окружающими, как

доказательство мощной личной потенции и воли. Отсюда это брезгливо-злобное отношение сначала к дореволюционным «курлыкающим» меньшевикам и либералам, затем к «болтунам» оппозиционерам и, наконец, ко всем тем, кто хоть в чем-то критичен или подозрительно нерасторопен, а значит, не деятелен.

Замечательный образчик сталинских рассуждений о связи политики и мужской потенции, о «плюсах» и «минусах» при сложении сил содержится в тексте его доклада на XV Всесоюзной партийной конференции (ноябрь 1926 г.). Громя недавно объединившийся против него блок троцкистов и зиновьевцев, он потешал аудиторию: «Конечно, с точки зрения арифметики они должны были получить плюс, ибо сложение сил дает плюс, но оппозиционеры не учли того, что, кроме арифметики, есть еще алгебра. Что по алгебре не всякое сложение сил дает плюс *(смех),* ибо дело зависит не только от сложения сил. Но и того, какие знаки стоят перед слагаемыми. *(Продолжительные аплодисменты.)* Получилось то, что они, сильные по части арифметики, оказались слабыми по части алгебры, причем, складывая силы, они не только не увеличили свою армию, а, наоборот, довели ее до развала.

Чем была сильна зиновьевская группа?

Тем, что она вела решительную борьбу против основ троцкизма. Но коль скоро зиновьевская группа отказалась от своей борьбы с троцкизмом, она, так сказать, оскопила себя, лишила себя силы.

Чем была сильна группа Троцкого?

Тем, что она вела решительную борьбу против ошибок Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года и против их рецидива в настоящем. Но коль скоро эта группа отказалась от борьбы с уклоном Зиновьева и Каменева, она оскопила себя, лишила себя силы.

Получилось сложение сил оскопленных. *(Смех, продолжительные аплодисменты.)*»[488].

Каждый человек, непосредственно общавшийся со Сталиным периода власти, изо дня в день проходил нечто вроде теста на «потенцию». Но при этом «выбраковывался» как раз не обессилевший, а тот, кто казался опасным именно своей духовной или интеллектуальной потенцией. Патологическая подозрительность Сталина – это не признак латентной паранойи, а скорее «синдром кастрации» в том смысле, как его трактовал Фрейд. Конечно, Сталин

вряд ли был знаком с той частью психоаналитической теории Фрейда, где тот развивает идею жестокого преследования стареющим самцом, возглавлявшим древнейшее обезьяно-человеческое стадо, подросших в нем мужских отпрысков. Фрейд считал, что следы этой незапамятной угрозы кастрации до сих пор присутствуют в подсознании мужской части современного человечества[489].

Оставим психоаналитикам исследовать реальность сталинского синдрома кастрации, связывая его не только с отчетливой тенденцией жестоко подавлять волю претендующих на власть коллег-мужчин, но и с пристрастием к грубым мужским шуткам, к матерной брани, со сладострастным отношением к незрелым женщинам, с красноречивым рисунком подвешенного «Брюханова» и с не менее красноречивым текстом к нему. Но здесь же отметим очередной парадокс – я обнаружил непосредственное свидетельство того, что Сталин был знаком с психоаналитической теорией сексуальности, но не через знакомство с трудами Зигмунда Фрейда, а через… того же Щедрина и Льва Николаевича Толстого.

Даже к толпе, к «массе», он относился как мужчина к «женщине». Он почти физиологически чувствовал восхищение и тягу ее к себе и, похоже, сам испытывал высшее напряжение сладострастных сил, когда вступал с ней, то есть с толпой, с массой, в единение. Многие вожди человечества испытывают нечто подобное. При этом важна не только сила «магнетизма», исходящая от лидера, но и его особый стиль поведения – мужественного кокетства. Вспомним, как в молодости Коба мечтал быть **вознесенным** над толпой с красным знаменем в руках, как он кокетничал перед ней на трибуне Мавзолея во время многочасовых демонстраций, как он кокетливо прищуривался перед миллионами людей, глядящими на него сквозь объектив кинокамеры. В том же фельетоне Щедрина Сталин отчеркнул себе на память почти целую страницу особенного, «эротического» текста:

> «Нельзя сказать себе: выйду к толпе и увлеку ее в ту или другую сторону. Толпа не вдруг и не всю открывает грудь свою: как ни распутна она с первого взгляда, **но любит, чтоб за ней походили, чтоб к ней относились вежливо**. Надобны сверхъестественные силы, чтоб увлечь толпу сразу, а много ли найдется деятелей, обладающих этими силами? Огромное большинство деятелей – простые труженики, для которых

> толпа представляет любезнейший и сподручнейший предмет разработки, но которые и сами еще недавно были в толпе. Толпа ревниво оберегает предания прошлого и туго решается на риск, потому что уже не мало она порисковала на своем веку, но мало извлекла из того для себя пользы. Мудрено ли, что человек, имеющий дело с этой плотною массою, неслышно для самого себя проникается инстинктами толпы? Мудрено ли даже, что, вместо того, чтоб увлечь толпу за собой, он сам станет в ее ряды! Но не смейтесь ему, не порицайте его слишком поспешно, ибо он не пропал без вести. Положим, что сам он засосался на дно, положим, что он и не выплывет никогда, но мысль, им брошенная, все-таки принесет свой плод, но минутное противодействие, оказанное им толпе, все-таки сделает ее более податливою… хотя бы для последующих деятелей. В этом случае, он не более, как жертва, принесенная новому Ваалу, но жертва не бесследная, ибо кровь ее утучнила почву»[490].

Весь этот абзац отчеркнут на полях справа волнистой чертой.

Старый сатирик предвосхитил многие психоаналитические и пропагандистские разработки XX века. Говорят, что Геббельс в последние дни рейха предлагал свои услуги СССР в качестве «гения» пропаганды. Сталин много раньше Гитлера и Геббельса и в теории и на практике понял психологический исток единения «героя и толпы». У щедринской толпы «обнаженная грудь», особая «плотность», она как женщина «распутна», «порисковала на своем веку», «любит, чтобы за ней походили» и «относились вежливо». Она «туго решается на риск», поскольку ее столько раз обманывали герои-соблазнители. Поэтому она хоть «податлива», но прежде, чем отдаться очередному соблазнителю, очень «расчетлива». А герой-соблазнитель «собрал силы сверхъестественные», для того чтобы «она», этот «любезнейший и сподручнейший предмет разработки», приняла его мысль, которая должна «принести свой плод». И пусть обессиленный герой, сделав дело, сам растворится и исчезнет в ней, он все же «сделает ее более податливой» для нового оплодотворения идеями и эмоциями. То, что Салтыков-Щедрин предчувствовал в теории, вождь тысячу раз испытал на практике. Я думаю, что он любил писателя не столько за острую

критику человеческих и государственных пороков, сколько за глубинное проникновение в массовую психологию.

Щедрин, Франс и Сталин «О старости»

Щедрин провел прямую параллель между одряхлевшей Римской империей, стареющей Российской державой, разлагающимся городом Глуповым и похотливой барыней Любовью Александровной. И подобно тому как империи, для того чтобы продолжить свое существование, необходимо обновление, пусть даже и путем появления на исторической арене новых людей – «петрушек» и «иванушек», та же потребность прилива новой молодой и горячей крови испытывает любой стареющий организм. Сталин читал рассуждения Щедрина о старости, бегло подчеркивая отдельные места: «Подобно Любови Александровне, Глупов сморщился и одряхлел; подобно ей, он чувствует, что жизненные начала, которыми пробавлялся до сих пор, иссякли, и что для того, чтобы не лишиться возможности продолжать жить, необходимо, чтобы скверная, густая кровь, до сего времени поддерживавшая организм, обновилась **новою**, свежею струей, непричастною глуповскому миросозерцанию, не подкупленною ни глуповскими устными преданиями, ни глуповскою историей… Отсюда зуд во всем теле, тот возбуждающий зуд, который с особенной настойчивостью сказывается в **старческих организмах**. Ах! Был бы ты молод, размотал бы ты, по ветру развеял бы думушку черную, да и пошел бы себе, подплясывая, по дороге жизни торенной, уезжанной, а теперь вот при твоей старости, да при твоей слабости, и развеять-то некуда и размотать-то некому: засела, проклятая, в самую центру, и жжет, и точит там, а ты няньчись с ней, носи ее с собою, будь рабом своей недавней крепостной холопки!»[491]

Тема старости, как и любви, бессмертия, как и другие вечные темы, притягивающие и пугающие любого человека, волновала Сталина не только в своей всеобщей, абстрактно-исторической форме, как тема упадка и одряхления, но и вполне конкретно, как человека пожившего и пожилого.

Один из разделов упоминавшейся книги Франса посвящен старости. Франс, как и Сталин, прожил долгую жизнь, но задумался о предвестниках заката только за несколько месяцев до кончины.

Напомню, что Сталин читал книгу французского писателя в возрасте около 55 лет, но для него эта проблема психологически была актуальнее, чем для литератора, которому было за семьдесят. Большинство соратников, окружавших Сталина, да и врагов были моложе, а потому потенциально имели большие перспективы. Но еще важнее было то, что он к этим, уже вполне зрелым годам только-только почувствовал сладостный вкус безграничной власти и увидел ее столь же безграничные перспективы. Его отец в лучшем случае дожил до 45–50 лет, а сын чаще примеряет себя именно к отцу. Поэтому неудивительно, что в зрелые годы вождь при случае задумывался о старости. Да и что такое, наконец, старость, каковы ее признаки, в какие годы она подступает к человеку, чем грозит?

Франс собрал обширную литературу о старости. Составитель книги перечислил с десяток имен от Аристотеля до Казановы. В сохранившихся фрагментах диалога Франс от своего лица, «Пессимиста», обсуждает эти проблемы с неким «Оптимистом». «Оптимист» должен защищать старость, на невзгоды которой жалуется Франс. Сталин отметил карандашом эту литературную условность и углубился в чтение.

Франс описывает встречу с другом, с неким Жоржем Куртелином, который, несмотря на то что был намного моложе писателя, громко поносил свою старость, «как врага рода человеческого».

> «“Что бы вы сказали, Куртелин, – спросил я его, – если бы имели мой возраст?” У Куртелина достало ума ничего не ответить… Я тоже молчал… Но, поверьте, мое молчание есть более горькое обвинение против старости, чем гневные вопли Куртелина. Старость, по-моему, есть худшее из зол; она отнимает у человека мужественность, силу, способность к наслаждению, все блага жизни вплоть до любопытства, которое для большинства людей есть единственное основание и оправдание их жизни»[492].

Сталин с этой посылкой писателя охотно согласился, отчеркнув ее на полях. Это видно из последующей части диалога, на которой нет помет и в которой «Оптимист» пытается доказать, что у старости есть свои преимущества. И все же старость, по мысли писателя, страшна не только тем, что она лишает возможности ощущать полноту жизни, а

тем, что она вплотную приближает человека к смерти. А что там, за ней?

«Большая разница – думать, что смерть приведет нас к разгневанному богу, или вернет в небытие, из которого мы вышли.

> «– Как вы это понимаете? Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада».

«– Именно так. Всем хотелось бы жить вечно»[493].

Здесь уже далеко не в первый и далеко не в последний раз Сталин вплотную сталкивается с обсуждением вопроса о следующим за смертью выбором: гневный Бог или «Ничто», небытие или ад? Зарегистрируем вслед за Сталиным эту мысль и ее диспозицию для последующего анализа психоинтеллектуальных упражнений вождя.

Поскольку перед Сталиным лежала книга, составленная на основании черновиков и подготовительных материалов писателя, то в ней оказались собраны внутренне противоречивые тексты и положения. Это относится, в частности, к проблеме определения того, что считать старостью, с какого возраста она настигает человека, каковы особенности психики и интеллекта стариков?

> «– Определять старость? – вопрошает Франс. – Берегитесь это делать. Блез Паскаль предупредил нас, **что ошибочно давать определение тому, что ясно само по себе**».

Сталин сбоку, рядом с вертикальными линиями, приписал саркастическое: «*Хе*/»[494] Все-таки попытка определения старости содержится в следующем афоризме Франса:

> «Старости достигают немногие и пребывают в этом состоянии недолго. Этот некрасивый маленький хвостик имеет небольшое значение в жизни. Некогда это значение было еще меньше. В первобытные времена стариков не существовало. Их нет также среди диких зверей»[495].

И этот фрагмент был отчеркнут на полях вождем.

Дальше предлагается обсуждение вопроса – с какого возраста начинается старость? На этом вопросе Сталин не стал особо задерживаться, так как Франс ограничился банальностями в духе того, что годы жизни и внутренние ощущения человека решительно не совпадают. В конечном счете весь этот круг вопросов свелся к такому высказыванию: «…старее других тот, кто ближе к смерти. И это не всегда бывает тот, кто старее годами». Но все же и в этом разделе Сталин пометил, видимо, не встречавшееся ему ранее слово:

«Несколько лет назад, в экваториальном море нашли **саргассу** длиной во много сотен метров, которая прожила, может быть, много веков…»[496] Слева от текста Сталин поставил знак вопроса. Иначе говоря, его не удивил сам факт долгой жизни растения, но зато можно зарегистрировать факт очередного пробела в школьном образовании вождя. Такие диковинные для себя слова и необычные выражения он постоянно брал на заметку.

Но вот Франс приступает к характеристике душевных и умственных сил стариков. Здесь Сталин полностью солидарен с полюбившимся писателем. Анатоль Франс утверждал:

> «Старики скупы: для этого есть разумное основание. Они боятся всякой потери, не надеясь больше приобрести что-нибудь»[497].

Редкий случай – Сталин трижды согласно отмечает это нелестное для стариков умозаключение. Франс написал:

> «Умственные силы стариков понижаются одновременно с телесными. Да и может ли быть иначе? Мы это видим у самых знаменитых людей. Если восторгаются их последними произведениями, то причина заключается в том, что их известность возросла и что в деле, столь сомнительном, как литературная оценка, они приучили к своим недостаткам»[498].

И эта негативная оценка способности старости жить за счет накопленного в молодости интеллектуального капитала и заслуг одобрена Сталиным. В одном из писем 1925 года Сталин так писал о людях, еще работавших с ним бок о бок: «У нас в России процесс

отмирания целого ряда старых руководителей из литераторов и старых “вождей” тоже имел место. Он обострялся в периоды революционных кризисов, он замедлялся в периоды накопления сил, но он имел место всегда. Луначарские, Покровские, Рожковы, Гольденберги, Богдановы, Красины и т. д. – таковы первые пришедшие мне на память образчики бывших вождей-большевиков, отошедших потом на второстепенные роли»[499]. Об особом, почти ритуальном уважении народов Кавказа к своим старикам Сталин, конечно, знал. Но сам он был совершенно индифферентен к подобным традиционным взглядам. Старчество для него давным-давно ассоциировалось с усталостью, с потерей потенции, с умственным упадком, «отмиранием» и даже – с паразитированием. Вот, например, как он характеризовал стариков в целом в самом конце 1923 года, в те дни, когда самый главный «Старик», то есть Ленин, был еще жив: «Говорят иногда, что стариков надо уважать, так как они дольше жили, чем молодые, больше знают и лучше укажут. Я, товарищи, должен сказать, что этот взгляд совершенно неправилен. Не всякого старика надо уважать, и не всякий опыт нам нужен»[500]. Против этого трудно что-либо возразить – действительно, не всякий старик достоин уважения за прожитую жизнь. Но у Франса речь идет не о моральных качествах человека (при чем здесь возраст?), а о физиологии как причине разрушения жизни, о причине ее упадка. Франс писал, а Сталин отмечал:

> «Это общераспространенная глупость думать, что старики благоразумны. Они боязливы, не больше. Разум их слабеет»[501].

На самом же деле вся ценность старчества заключена в его прошлом, и там она навсегда остается. Франс замечает:

> «Мне приходилось слышать от стариков вещи, достойные внимания только в тех случаях, когда это были вещи, сохранившиеся у них от прошлого времени, воспоминания или прежние наблюдения»[502].

Высказывания Франса довольно мрачно представляют старость, стариков и их качества. Но эта мрачность снимается небольшим

анекдотом из жизни композитора Гуно, по-французски изящно рассказанным Франсом. Его соль в том, что:

> «Чем старее становишься, тем более отодвигаешь назад начало старости»[503].

Во время первой постановки оперы «Фауст» один из зрителей спросил композитора: сколько лет должно быть тем персонажам, что поют в хоре стариков и дрожанием своих членов изображают крайнюю дряхлость? Гуно, которому тогда самому было около сорока, ответил, «что они находятся в крайней старости, что им лет шестьдесят или пятьдесят пять».

«Через тридцать лет, слушая ту же оперу вместе с композитором, Жюль Симон задал ему тот же вопрос. Гуно, бывший тогда уже на склоне лет, отвечал ему: “Мои старцы – настоящие старцы. Им лет восемьдесят или девяносто”»[504]. На этот анекдот Сталин отреагировал на полях справа легкомысленным: «*Хи!*»

Но не столь легкомысленным было его отношение к этой проблеме в жизни, выходящей за границы его интимного мира. «Старость», как и ее оппозиция – «молодость», старость как последний шаг к смерти, старость как символ дряхлости и косности занимали особое место в его философии жизни. Оно сильно отличалось от того места, которое занимали в ней власть, сексуальность, Бог, революция, азарт, интрига и другие – душевные и чувственные – наполнители. В политике, как известно, возраста нет, и поэтому он принимал в расчет возраст (причем чужой) только в зависимости от политической конъюнктуры. Он с одинаковым ожесточением расправлялся и со старыми партийными кадрами, и с молодыми лидерами комсомола, и даже с детьми. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитый Указ Верховного Совета СССР о возможности приговора к расстрелу детей начиная с 12-летнего возраста. На дореволюционном Кавказе это примерно тот возраст (13 лет), когда мальчик начинает считаться мужчиной, поскольку способен держать оружие и жениться, а девочка может быть выдана замуж. А раз так, раз они взрослые, значит, они подсудны и подрасстрельны. Так что никаких моральных запретов в связи с возрастом для Сталина не существовало. Себя же, внутренне, он ощущал бодрым, вечно молодым, мощным сгустком энергии и воли. Да, он задумывался о смерти, но и о возможности бессмертия; его

мучили физические недуги, но он размышлял и о медицинских возможностях бесконечного продления жизни. Когда же надвигавшаяся старость его все же пугала, он прогонял это привидение ночными гулянками, молоденькими женщинами, сладострастным уничтожением более молодых соперников и, на худой конец, – бодряческими заклинаниями. Эти ритуальные заклинания произносили не только верноподданные. Он сам демонстрировал бодрость как основу своей философии жизни. Вот образчик одного из таких заклинаний (цитата из письма к Демьяну Бедному): «Философия “мировой скорби” не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитмен: “Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил”. Так-то, Демьян»[505].

Глава 2
Размышления по поводу помет Сталина на страницах романа Л. Н. Толстого

«Ха-ха» графу Толстому от товарища Сталина

Книга Л. Н. Толстого «Воскресение», находящаяся ныне в архиве Сталина, вышла в издательстве «ACADEMIA» с рисунками Л. О. Пастернака в 1935 году. В верхнем правом углу титульного листа сталинского экземпляра красным карандашом нарисована рамка, а в ней надпись почерком, похожим на руку вождя: «Св. Ст.» (Светлана Сталина). Возможно, он обращал внимание дочери на эту книгу или предполагал ее подарить. В 35-м году дочери было около 10 лет, слишком юный возраст для восприятия философского романа. Скорее всего, эта надпись, как и другие пометы, красным карандашом была сделана значительно позже 1935 года. Мне сначала показалось, что эти пометы принадлежат повзрослевшей Светлане Аллилуевой. Но другие пометы и надписи простым карандашом, без сомнения, сделаны рукой Сталина. В книге много бумажных закладок, но кто их туда положил – Сталин или архивисты и исследователи, сказать теперь трудно. Если большинство книг, о которых я уже упоминал, он впервые прочитал после революции, то с романами Толстого вполне мог познакомиться и раньше. Многие мемуаристы упоминают произведения Толстого, якобы

входившие в круг чтения будущего вождя. В дореволюционном публицистическом наследии Кобы я не обнаружил следов его серьезного знакомства с классиками русской художественной литературы. Гоголь и Чехов – вот, пожалуй, и все. Зато после революции, и особенно в период между серединой 20-х и концом 30-х годов Сталин читал и перечитывал по нескольку раз многие выдающиеся художественные произведения эпохи. О том, как плохо дети знают внутреннюю и интеллектуальную жизнь своих родителей, лишний раз говорит такой факт – спустя много лет после смерти отца Светлана Аллилуева заявила, что «в искусстве, кроме чистой пропаганды, отца больше всего привлекали, как жанр, сатира, юмор… Отец не любил поэтического и глубоко-психологического искусства. Я никогда не видела, чтобы он читал стихи… Не видела на его столе Толстого или Тургенева»[506]. Заявление о Толстом тем более кажется странным, если учесть сталинскую надпись на книге: «Св. Ст.». Следовательно, и пометы красным карандашом принадлежат не ей, а отцу. Эту книгу дочь никогда не видела. Наибольшее количество русской и зарубежной классики Сталин прочитал перед Второй мировой войной, когда дочь была еще очень юной и поэтому не способна была оценить интеллектуальный уровень жизни отца. В то же время, как это часто происходит во многих семьях, взрослея, дочь все более отчуждалась от родителя и все меньше имела желания и возможности заинтересованно наблюдать и вникать в его внутреннюю жизнь. Отсюда следует, что он с 1935 года этот роман внимательно прочитал дважды и с карандашом в руке.

Фигура Толстого издавна интересовала видных большевиков. Дело не только в том, что он был крупнейшим писателем и мыслителем эпохи, но и в том, что в отличие, предположим, от Ф. Достоевского, Толстой терпимее относился к социалистическим идеям в целом и до 1905 года с осторожным пониманием приглядывался к революционному движению. Толстой подметил истоки социалистических идей в евангельском христианстве и приложил свою руку художника к написанию портретов добросовестно заблуждающихся, с его точки зрения, революционеров-страстотерпцев. Антигосударственная, антицаристская, антиклерикальная направленность проповеди Толстого была близка большинству революционеров. Ленин, как известно, сочувственно отозвался на

смерть писателя в 1910 году. Сталин не мог не читать хотя бы отдельные публицистические произведения Толстого, широко печатавшиеся до революции в газетах. Наверняка он читал и какие-то художественные произведения, о чем свидетельствуют однокашники Кобы по семинарии. То же «Воскресение» сначала публиковалось частями в популярном журнале «Нива» и в различных газетах. До революции вышло около сорока изданий этого романа, впрочем, сильно исковерканных цензурой. Но Сталин, скорее всего, прочитал роман только в середине 1930-х годов в этом самом академическом издании, которое и сейчас находится в его архиве.

Очевидно, роман получил сильный отзвук в душе Сталина, вызвал серьезные раздумья и воскресил воспоминания о годах ссылок, тюрем, этапов. Воспоминаниям о пройденных этапах и тюрьмах он любил предаваться еще до революции. И после революции он иногда уносился мыслями в смрадную атмосферу тюремных камер, вспоминал совместные попойки с «благородными» уголовниками, коллег-революционеров разных партий и различных калибров. Но некоторые строчки романа не только высвечивали картины прошлого, а делали как бы прозрачными, просветляли его собственные смутные мысли по важнейшим жизненным, политическим и философским вопросам. Не все, конечно, Сталин воспринимал в романе всерьез, что-то вызывало взрывы издевательского хохота. Что ж, ведь и Ленин, говоря с уважением о Толстом «как зеркале русской революции», насмешничал над его любовью к «рисовым котлеткам», над его «революционной мягкотелостью» и дряблым «непротивлением злу насилием». Тогда Ленин писал: «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества…»[507]

Сталин, читая роман, расхохотался трижды – и каждый раз по самым существенным пунктам толстовской этики.

Первый раз – пробегая глазами знаменитое начало романа, в котором описывается весна в городе, а по существу противопоставляется животворящая естественная природа каменному индустриальному противоестеству городской цивилизации и ее бюрократии. Именно в этом месте, жирно отмеченном на полях сталинским карандашом и раскатисто крупными буквами: «*ХА-ХА-ХА*», находится ключевая для философии Толстого фраза:

> «Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священно и важно в это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом»[508].

Может быть, Ленин или другие высоколобые большевики в свое время настроили Кобу на столь веселый лад по отношению к толстовской этике, или Сталину самому почудились знакомые по семинарии ханжески нравоучительные поповские нотки, – не знаю. Второй взрыв смеха вызвал пассаж Толстого в конце заключительной части романа. Толстой описывает, как князя Нехлюдова (главного героя романа, прошедшего, рядом с Катюшей Масловой, как по крестному пути в Иерусалиме, по царским тюрьмам России) вдруг озаряет понимание способа спасения от огосударствленного зла. Остро заточенным простым карандашом Сталин подчеркнул текст, а сбоку на полях приписал «*ХА-ХА»* по такому поводу: «И с Нехлюдовым случилось то, что часто случается с людьми, живущими духовной жизнью. Случилось то, что мысль, представлявшаяся ему сначала как странность, как парадокс, даже как шутка, все чаще и чаще находя себе подтверждение в жизни, вдруг предстала ему как самая простая, несомненная истина. Так выяснилась ему теперь мысль о том, что единственное и несомненное средство спасения от того ужасного зла, от которого страдают люди, состояло только в том, чтобы люди признавали себя всегда виноватыми перед богом и потому неспособными ни наказывать, ни исправлять других людей. Ему ясно стало теперь, что все то страшное зло, которого он был свидетелем в тюрьмах и острогах, и спокойная самоуверенность тех, которые производили это зло, произошло только оттого, что люди хотели делать невозможное дело: будучи злы, исправлять зло. Порочные люди хотели исправлять порочных людей…»[509]

Странно было бы, если бы эта толстовская мысль не вызвала у Сталина, прошедшего через те же царские тюрьмы, взрыв саркастической реакции. Вся его жизнь, как и жизнь большинства революционеров, тем более большевиков, была положена на алтарь

борьбы с насилием средствами насилия же. Но не российские революционеры и тем более не Сталин первыми открыли этот способ преобразования мира. И хотя Маркс после вереницы всемирно-исторических революций прямо заявил, что насилие есть повивальная бабка истории, он тоже не первооткрыватель. Человечество коллективно вносит в мировое историческое пространство все более весомую меру насилия простым фактом своего существования. Просто жить – это значит ежеминутно, ежечасно совершать насилия над собой, над окружающими, над природой. И чаще такого рода насилие есть всего лишь способ отстаивания своего права на жизнь. Все дело в мере, и все живое, кроме человека, знает эту меру. Мера насилия, способствующая всеобщей жизни и коллективной организации, не должна превышать меру, сверх которой начинается угнетение, рабство, умерщвление. Всю свою историю человечество мечется в поисках этой меры, раз за разом все более загребая в сторону безмерного насилия.

Я не думаю, что похожие мысли сопровождали сталинский смех. Может быть, он рассмеялся потому, что отлично помнил, как порочные люди пытались вытравить из него «зло» в семинарии? Еще более порочные люди «исправляли» его в тюремных камерах, и это он помнил. То же самое было во время революции и после нее – красные пытались исправить белых, а те – красных… Но в то же время, если кто-то не будет постоянно пытаться исправлять зло насилием и наказывать, люди, как голодные крысы, сожрут друг друга заживо.

Скорее же всего, ход его мысли был такой: все это «пустяки» (любимое словечко), прекраснодушная болтовня. Надо быть «практиком» на своей земле, дело надо делать – «лес рубят, щепки летят», новое всегда строят с помощью топора, даже «царство божие на земле», и т. д.

В третий раз он рассмеялся, когда Толстой процитировал мысли Нехлюдова, раз за разом перечитывавшего Нагорную проповедь Христа, которая устанавливала, как считал Толстой, «…совершенно новое устройство человеческого общества, при котором не только само собой уничтожилось все то насилие, которое так возмущало Нехлюдова, но достигалось высшее доступное человечеству благо – царство божие на земле»[510]. Двоекратное «*ха-ха*» вам на это, Лев Николаевич, от товарища Сталина!

В остальном Сталин серьезно отнесся к роману. Характер помет позволяет выявить те проблемы, которые больше всего волновали вождя, и вопросы, на которые он в эти задымившиеся по его инициативе большой кровью годы искал в «Воскресении» ответы.

«Народ» Льва Толстого

Сталин не мог пройти мимо толстовского образа-видения, врезающегося в память навечно:

> «Из всего того, что видел нынче Нехлюдов (в тюрьме. – *Б. И.*), самым ужасным ему показался мальчик, спавший на жиже, вытекавшей из парахи, положив голову на ногу арестанта»[511].

Так, не увлажняя ханжески глаз, Толстой-Нехлюдов увидел разом и настоящее, и будущее состояние своего народа. Но главным, что отслеживал Сталин в этой теме, был мотив вины и покаяния перед обиженным народом. В разгар дискуссии политзаключенных о том, можно ли силой навязывать людям пути их освобождения из рабства, Нехлюдов задает вопрос молчавшей Катюше Масловой о том, что она (бывшая проститутка) думает о народе.

> «– Я думаю, обижен простой народ, – сказала она, вся вспыхнув, – очень уж обижен простой народ»[512].

Обижен же простой народ тем, что живет в тяжелейших, почти скотских условиях, лишенный средств пропитания, то есть земли и самого необходимого. Нехлюдов-Толстой с нарастающим удивлением как бы заново разглядывает крестьянский быт, хотя сам был потомственным помещиком и крепостником:

«– А что вы обедать будете?

– Что обедать? Пищея наша хорошая. Первая перемена хлеб с квасом, а другая – квас с хлебом, – сказала старуха, оскаливая свои съеденные до половины зубы.

– Нет, без шуток, покажите мне, что вы будете кушать нынче.

– Кушать? – смеясь, сказал старик… – Покажи ему, старуха».

> Барин поспешил уйти: «– Ну, прощайте, – сказал Нехлюдов, чувствуя неловкость и стыд, в причине которых он не давал себе отчета»[513].

Фразу о чувстве стыда Сталин также отметил на полях простым карандашом. И другую, близкую по смыслу мысль Сталин таким же способом выделил. Из моральных соображений Нехлюдов продал свою землю крестьянам по дешевке, но не испытал удовлетворения от содеянного:

«Чем он был недоволен, он не знал, но ему все время чего-то было грустно и чего-то стыдно»[514].

Стыд не оставил Нехлюдова даже тогда, когда он решил отдать оставшуюся землю крестьянам бесплатно, но:

«Мужики молчали, и в выражении их лиц не произошло никакого изменения», – подмечает Сталин вслед за Нехлюдовым[515].

Роман «Воскресение» – это по-толстовски воображенное покаяние. И первым, перед кем кается Толстой-Нехлюдов, стал «народ», представший пред ним в облике крестьянства.

Именно в те годы, когда Сталин с простым карандашом в руке штудировал «Воскресение», СССР трясло от недавних последствий коллективизации и индустриализации, вообще лишивших крестьян собственной земли и выкинувших значительную их часть в города, в жерло советской технической модернизации. Другая их часть гибла в сибирских лагерях или умирала голодной смертью в колхозах. Испытывал ли Сталин чувство вины, пусть втайне, пусть наедине с самим собой? Может быть, он, как и Нехлюдов, испытывал стыд перед крестьянами и поэтому с таким вниманием фиксировал все симптомы его моральных недомоганий? Думаю, все наоборот. Ему было важно то, что чувство стыда испытывал помещик, «частник», собственник земли. Значит, и крестьянин как «собственник» так же не имеет морального права на землю, но, в отличие от моралиста и интеллигента Нехлюдова, никакого чувства стыда не испытывает. Сталин неплохо понимал крестьянскую психологию и поэтому не проявлял по отношению к нему, крестьянину, никакого пиетета, хотя пропаганда твердила обратное. Ни в юности, ни позже Сталин не имел прямого отношения к земледельческому труду (как и к любому другому), но он сам был потомком крестьян, много жил среди них в ссылках, до революции

постоянно встречался с выходцами из деревни в индустриальных городах Закавказья. Он любил, когда со стороны в нем подмечали черты крестьянской хитрованности. Думаю, не без подсказки «крестьянскую» основательность подметили в нем и А. Барбюс, и Л. Фейхтвангер, и другие «иконописцы» прижизненного сталинского образа. В художественных фильмах он часто изображался с лопатой в руке, возделывающим свой сад-огород, обрабатывающим розы и плодовые деревья. И в жизни он иногда любил демонстрировать гостям свою любовь к сельхозработам в оранжерее и на участке. Но крестьян-народ он содержал в своем государстве как новый «всесоюзный барин»: государственная барщина, государственный оброк, солдатчина, беспаспортное крепостное состояние.

Самодовольство аристократии

Как известно, Нехлюдов в романе Толстого медленно и с трудом освобождается от моральной нечистоты своего класса. Долгий путь к «воскресению» сопровождается рецидивами, возвращениями в привычный мир довольства, уюта, культуры. Именно на описаниях барственных рецидивов задержалось внимание Сталина. Нехлюдов после мытарств с этапниками, по тюрьмам и дорогам Сибири, и «долгого лишения не только роскоши, но и самых первобытных удобств», приходит на прием в сановный дом:

> «Эта тонкая лесть (хозяйки. – *Б. И.)* и вся изящно-роскошная обстановка жизни в доме генерала сделали то, что Нехлюдов весь отдался удовольствию красивой обстановки, вкусной пищи и легкости и понятности отношений с благовоспитанными людьми своего привычного круга, как будто все то, среди чего он жил в последнее время, был сон, от которого он проснулся к настоящей действительности»[516].
>
> «И Нехлюдову, после хорошего обеда, вина, за кофием, на мягком кресле, среди ласковых и благовоспитанных людей, становилось все более и более приятно. Когда же хозяйка, по просьбе англичанина, вместе с бывшим директором департамента сели за фортепиано и заиграли хорошо разученную ими 5-ю симфонию Бетховена, Нехлюдов

> почувствовал давно не испытанное им душевное состояние полного довольства собой, точно как будто он теперь только узнал, какой он был хороший человек»[517].

Напомню, что Сталину второй половины тридцатых годов тоже были знакомы подобные чувства «довольства собой» и открытия самого себя в обстановке пиров и застолий как «хорошего человека». С годами его все больше тянуло к суррогатам великосветских раутов и «интеллигентских» вечеров с пианино, на котором играл Жданов, с певцами и артистами и т. п. аксессуарами. Но, в отличие от Нехлюдова, он этим не возвращался в привычную среду веками обустроенной жизни. В действительности все было наоборот – он был вырван силой обстоятельств из нищеты, ссылок и опасностей и вознесен на вершину людской пирамиды так, как ни графу Толстому, ни князю Нехлюдову не снилось. Не отставали от него и другие крупные советские сановники. Впрочем, опасностей там, наверху, было много больше.

Внимание Сталина задержалось еще на одном из образов благополучного класса людей. Это был Сковородников, один из тех чиновников, кто принял решение оставить без изменения, «из нравственных» соображений, несправедливый приговор Катерине Масловой:

> «Сковородников был материалист, дарвинист, и считал всякие проявления отвлеченной нравственности или, еще хуже, религиозности не только презренным безумием, но и личным себе оскорблением»[518].

Сковородникову была противна не столько сама женщина, сколько ситуация – «возня с этой проституткой», ее присутствие в Сенате, желание Нехлюдова жениться на ней. Судя по этому тексту Толстого, быть материалистом и дарвинистом, испытывать неприязнь к «отвлеченной нравственности» могли не только революционеры и большевики, но и представители «эксплуататорских классов». Сталин взял себе эту мысль на заметку, но обратил ли он внимание на то, что человек, придерживающийся таких «прогрессивных» взглядов, без всякого зазрения совести походя совершает подлость?

Карандаш Сталина отметил и художественную характеристику нового класса людей, который был представлен молодым купцом-

золотопромышленником, являвшим собой «**совершенно новый и хороший тип образованного – прививка европейской культурности на здоровом мужицком дичке**»[519].

Формула исчисления нравственности революционера

Продолжая традиции классического европейского романа XIX века, Толстой каждой фигуре придавал не только живой человеческий облик, но еще и нагружал ее (иногда сверх меры) признаками типического. Так, Нехлюдов символизировал мечущуюся, умную душу человека, стремящуюся к воскресению. Катюша Маслова – наивная, поруганная любящая душа, выбирающаяся из гнилого болота на твердую почву нравственного существования. Дети, рожденные распутной матерью Катерины, формальным образом крещеные и тут же сознательно брошенные ею на голодную смерть, – символы родины и ее народа. Образы революционеров в «Воскресении» вместе и в отдельности символизируют некие фундаментальные, как представляется Толстому, черточки типичных революционеров. При тяге Сталина к каноническим формам умозаключений он не мог пройти мимо обобщающих наблюдений Толстого, характеризующих духовный мир революционеров. Но обратим внимание на то, как Сталин трансформирует размышления писателя.

По наблюдению Толстого-Нехлюдова, среди революционеров, как и среди обыкновенных людей, было три рода: искренне боровшиеся с существующим злом, эгоистичные и тщеславные люди и большинство – любители риска, авантюрной игры своей судьбой и жизнью. Но вместе они отличались тем, «что требования нравственности среди них были выше тех, которые были приняты в кругу обыкновенных людей. Среди них считалось обязательными не только воздержание, суровость жизни, правдивость, бескорыстие, но и готовность жертвовать всем, даже своею жизнью, для общего дела». Не будем излишне придираться к непоследовательности Толстого, зачислившего в круг высоконравственных людей и тех, кто пошел в революцию из эгоизма и тщеславия. Любое сложное явление не может быть рассмотрено формально, непротиворечиво. Именно клубки противоречий являются сутью очень сложных явлений. И в этой книге о Сталине я не способен избежать вопиющих противоречий, особенно в оценках. Очень

надеюсь, что именно они откроют нечто большее в характере вождя и в сущности сталинизма.

В типографии книга Толстого была набрана мелким, убористым шрифтом, плотно расположенным на странице. Поэтому Сталин, вопреки обыкновению, после первой страницы романа вынужден был отбросить карандаш с любимым толстым грифелем и использовать карандаш тонко заточенный, оставляющий заметные, но слабые отметины. Вслед за только что процитированным текстом Сталин подчеркнул: «**И поэтому те из этих людей, которые были выше среднего уровня, были гораздо выше его, представляли из себя образец редкой нравственной высоты**; те же, которые были ниже среднего уровня, были гораздо ниже его, представляли из себя часто людей среднего уровня, притворяющихся и вместе с тем самоуверенных и гордых»[520].

Внимание Сталина сфокусировано на первой части фразы, на том, как Толстой характеризует разряд революционеров высокой нравственности, и отключается там, где речь идет о противоположном полюсе. Пока Толстой предложил всего лишь общую теорию вычисления уровня нравственности. Но вот он понуждает своего героя применить ее на практике. И Нехлюдов занялся исчисленьями уровня духовного потенциала одного из революционеров:

> «**Умственные силы этого человека – его числитель – были большие; но мнение его о себе – его знаменатель – было несоизмеримо огромное и давно уже переросло его умственные силы**».

И здесь же Сталин на полях слева тоненько приписал собственноручно выведенную формулу:

«Ум/Самомнение»[521].

Толстой так увлек Сталина своими нравственными исчисленьями революционного сознания, что недавний революционер и нынешний вождь проследил эту линию романа до самого конца.

Один из героев романа – революционер, подвергшийся строгому нравственному анализу «по Толстому», встал на путь борьбы из тщеславия, из желания первенствовать. «Сначала, – пишет Толстой, а

Сталин подчеркивает, – благодаря своей **способности усваивать чужие мысли и точно передавать их**, он в период учения, в среде учащих и учащихся… имел первенство, и он был удовлетворен». Затем, когда он перестал учиться и усваивать чужие мысли, то потерял первенство. Чтобы его вернуть, он переменил взгляды, стал красным и занял положение руководителя партии. «Раз выбрав направление, – читает Сталин далее с карандашом в руке, – он уже никогда не сомневался и не колебался и потому был уверен, что никогда не ошибался. Все ему казалось необыкновенно просто, ясно, несомненно… Самоуверенность его была так велика, что она могла только отталкивать от себя людей или подчинять себе. А так как деятельность его происходила среди очень молодых людей, принимавших его безграничную самоуверенность за глубокомыслие и мудрость, то большинство подчинялось ему, и он имел большой успех в революционных кругах. Деятельность его состояла в подготовлении к восстанию, в котором он должен был захватить власть и созвать собор… Товарищи уважали его за его смелость и решительность, но не любили. Он же никого не любил и ко всем выдающимся людям относился как к соперникам и охотно поступил бы с ними, как старые самцы-обезьяны поступают с молодыми, если бы мог. Он вырвал бы весь ум, все способности у других людей, только бы они не мешали проявлению его способностей. **Он относился хорошо только к людям, преклонявшимся перед ним**»[522].

Я теряюсь, я не знаю, как все это непротиворечиво объяснить. На кого или на какие представления проецировал Сталин характеристики Толстого? На кого-то из своих врагов? Но какой смысл искать у писателя то, о чем он и сам постоянно твердил со всех партийных трибун? Но еще в большей степени я не могу поверить в то, что он вдруг увидел собственное отражение в толстовском зеркале. Признаться, пусть и наедине с собой, что ты начетчик, перепевающий чужие мысли, способный только на то, чтобы морочить голову незрелым юнцам, что ты самоуверен и с легкостью кардинально меняешь политическую окраску, и что безобразно падок на лесть и поэтому хорошо относишься только к тем, кто преклоняется пред тобой, признаться во всем этом немыслимо, невозможно. Невозможно не только Сталину с его гипертрофированным комплексом нарциссизма, немыслимо признаться вообще любому человеку. Еще

Достоевский в «Идиоте» устами одного из героев (Ганечка) заявил, что лучше человека обвинить в каких угодно смертных грехах и преступлениях, считать его отпетым негодяем, чем заподозрить в нем отсутствие хоть каких-то талантов и способностей. Признать это – все равно что добровольно самоуничтожиться. Чувство самосохранения распространяется не только на нежную человеческую плоть, как бы она ни была безобразна, но и на душу и на интеллект, как бы они ни были ущербны. Даже если человек знает, что он не умен, уродлив и нечестен, он будет убеждать других и еще больше себя в обратном. Но так же как тело иногда невозможно сохранить без серьезного хирургического вмешательства, так и душа требует, чтобы и ее хоть иногда очищали от скверны. Неужели здесь Сталин наедине с самим собой позволил себе самокритично посмотреть на свое отражение в зеркале, подставленном семидесятилетним Толстым? В конце книги, где автором была проставлена дата ее завершения: «16 декабря 1899 года», Сталин дописал: «*70-ти лет*».

Обратим внимание на ту часть процитированного текста Толстого, в котором он сравнивает своего революционного вождя со старым самцом-обезьяной, вырывающим «все способности» у молодых особей, только бы они не мешали проявлению его способностей. В своей текущей кадровой политике Сталин точно придерживался рецепта старого самца-обезьяны. Так Лев Николаевич Толстой объяснил стареющему вождю смысл психоаналитической теории Зигмунда Фрейда и метод борьбы за либидо в обезьяно-человеческом стаде.

И снова женщина

Все романы Толстого населены большим числом женщин; иногда они играют равные с мужскими образами роли. В двух романах – в «Анне Карениной» и в «Воскресении» – женщины главные героини. В первом случае – аристократка, бегущая от серых буден и возмечтавшая о свободной любви, во втором – проститутка, стремящаяся к обыденному счастью. В русской классической традиции романа, которой следовали и Толстой, и Достоевский, и большинство известных отечественных писателей XIX–XX веков, проститутка, или «падшая женщина», женщина «легкого поведения», «содержанка», «соблазненная и покинутая» и т. д. – существо страдательное, жертва

злой воли, житейских или социальных обстоятельств. Культивирование страдальческого образа проститутки в российском общественном сознании было связано, с одной стороны, с христианской традицией, с образом Марии Магдалины – одной из первых поверившей в божественность Христа, раскаявшейся и потому причисленной к сонму святых дев. С другой же стороны, оно связано с реалиями крепостной и особенно посткрепостной России, когда женщины низших сословий становились в барских усадьбах и городских особняках жертвами сексуального насилия и соблазна, а главное – жертвами обнищания городского и сельского населения. Судя по распространенности сюжета, история соблазненной барином воспитанницы, гувернантки или молодой горничной была довольно типична, и так же типично было декларируемое сочувствие. Но, пожалуй, только Толстой спроектировал городской проститутке не крестный путь по мукам, на манер Достоевского, с параллельным духовным возрождением через сострадание к ближнему, а – каторжный этап рядом с близким человеком, дорогу в революцию. Не знаю, стала ли хоть одна представительница древнейшей профессии профессиональной революционеркой (история на этот счет отмалчивается), не знаю и того, встречал ли их Коба на своем революционном пути? Но Катерина Маслова, на мой взгляд, довольно блекло описанная 70-лет ним графом, почти не привлекла к себе внимание Сталина. Только на одной странице романа дважды зацепился его карандаш за текст. Ближе к концу этапа, когда все отчетливее проявляются признаки морального выздоровления и Нехлюдова и его жертвы – Масловой, для нее открывается перспектива новой духовной жизни, а сама она начинает высоко оцениваться праведными женами-революционерками. Сталин небрежной кривой чертой отметил на полях диалог Нехлюдова и одного из революционеров:

«– Что же я могу сказать? – сказал Нехлюдов. – Я рад, что она нашла такого покровителя, как вы…

> – Вот это-то мне и нужно было знать, – продолжал Симонсон. – Я желал знать, любя ее, желая ей блага, нашли ли бы вы благом ее брак со мной?

– О да, – решительно сказал Нехлюдов.

– Все дело в ней, мне ведь нужно только, чтобы эта пострадавшая душа отдохнула, – сказал Симонсон…»[523]

Диагноз духовного и нравственного воскресения Масловой, поставленный влюбленным мужчиной Симонсоном, вызывает интуитивное недоверие, что почувствовали, видимо, не только Нехлюдов, но и писатель и вождь. Поэтому Толстой заставляет Марию Павловну, как идеал девственной женской нравственности в романе, подтвердить диагноз:

«– Она? – Марья Павловна остановилась, очевидно, желая как можно точнее ответить на вопрос. – Она? – Видите ли, она, **несмотря на ее прошедшее, по природе одна из самых нравственных** натур… и так тонко чувствует…»[524]

Перед нами сугубо мужское умозаключение, вложенное Толстым в уста женщины. Вряд ли хоть одна «добропорядочная» женщина позволит себе простить другой женщине полноту испытанной ею сексуальной свободы, а затем признать ее нравственной, то есть равной себе. Другое дело мужчина, – когда он видит заинтересовавшую его женщину, он мыслит ее доступной для себя, то есть свободной, даже если ему известно, что это не так. Здесь лежат истоки мужской «теории» расщепления женской сущности: при невозможности навечно закрепления за собой желанного женского тела, хотя бы претендовать на «вечную» верность менее осязаемой женской души. Тело может передаваться многим, душа же – сама по себе. При любых обстоятельствах она может оставаться высоконравственной. Толстой здесь лишь художественно выразил то, о чем начинает додумываться любой подросток с момента полового созревания. Полюбивший Маслову Симонсон поступил именно так, как поступает большинство мужчин, предполагающих, что именно они силой своей любви смогут удержать при себе и тело, и душу женщины. Более рассудочным Нехлюдовым двигало великодушие, которое вечно ожидает ответной благодарности. Читая роман во второй раз уже с красным карандашом в руке, Сталин вновь задержался на взаимоотношениях любовного «треугольника»:

«Нехлюдов **предлагал ей брак по великодушию** и по тому, что было прежде; но Симонсон любил ее такою, каковой она была теперь, и любил просто за то, что любил»[525]. Вспомним, что Сталин в свое время не пошел на «брак по великодушию» с Лидией Перепрыгиной.

Недаром авторами всех господствующих социальных теорий выступают мужчины. Не случайно и то, что все прогрессистские социальные теории исходят из того же мужского оптимизма – прошлое человека и человечества, как бы оно ни было греховно и безнравственно, преодолимо и возрождение всегда возможно. Для бывшего профессионального христианина, практика-большевика и бабника Сталина толстовская мысль была близка и понятна.

* * *

В соответствии с той же «мужской» философией, когда свобода женщины рассматривается как ее сексуальная свобода для тебя, а ее нравственность как проявление любви и верности тебе, выстраивается и другой, казалось бы, противоречащий первому тезис. Мы помним, как еще Светлана Аллилуева отмечала, что Сталин публично выступал за равноправие женщин, но на самом деле не любил женщин самостоятельных, считал их по большей части существами недалекими, а в семье был сторонником патриархальных отношений между супругами. Поэтому не удивляет то, что Сталин отметил в романе и такой пассаж:

> «Хотя он принципиально и был за женский вопрос, но в глубине души считал всех женщин глупыми и ничтожными, за исключением тех, в которых часто бывал сентиментально влюблен так, как теперь был влюблен в Грабец, и тогда считал их необычайными женщинами, достоинства которых умел заметить только он»[526].

Несмотря на то что Толстой вещает здесь от имени души мало любимого им персонажа, каждый, как и Сталин, может найти знакомые мысли и ощущения. Для любовного чувства нужно, чтобы объект любви выделялся на общем фоне. А при отсутствии яркого накала у любовного объекта психологически гасится окружающий «фон». И тогда действительно все остальные женщины на время влюбленности кажутся глупыми и неинтересными.

Что бы ни твердили сторонники равноправия полов, в человеческом обществе господствуют вечные мужские идеалы женщин.

И дело здесь не в мужском шовинизме, а тысячелетиями выработанных представлениях о человеческом счастье, которое достигается в момент наиболее полного слияния «Его» и «Ее». Этот момент, это почти полное единство двоих способна выстроить именно женщина, а не мужчина. Поиски такого единства гонят наиболее активных мужчин от одной женщины к другой. Мужская мечта абсолютной совместности изложена Толстым через такой женский образ:

> «Но, раз полюбив и выйдя замуж за самого, по ее убеждениям, хорошего и умного человека на свете, она, естественно, понимала жизнь и цель ее точно так же, как понимал ее самый лучший и умный человек на свете…
>
> И ей казалось, что она действительно так думает и чувствует, но, в сущности, она думала только то, что все то, что думает муж, то истинная правда, и искала только одного – полного согласия, слияния с душой мужа, что одно давало ей нравственное удовлетворение»[527].

Даже Толстой не смог предусмотреть того, что через десять лет после опубликования этих строчек он во имя высших нравственных соображений бросит постаревшую жену, с которой ему за многие десятилетия совместной жизни так и не удалось достичь полного душевного слияния. Утопия может быть не только инженерной или социальной, но и нравственной. Мужская нравственная утопия тем и хороша, что она универсальна. Как и подавляющему большинству мужчин, она была близка и Сталину, который, конечно же, изменял жене и при ее жизни и после смерти, но в мечтах не прочь был иметь при себе верную женину душу. Она же выстрелом в висок убила ее или… отпустила на волю.

Тюрьма как зеркало Российского государства

Не может быть никаких сомнений, что, отправляя на каторгу и на расстрел миллионы людей, Сталин делал это в здравом уме, расчетливо, холодно и заранее взвешивая все последствия. Ужесточая из года в год советский тюремный и лагерный режимы, он, конечно, помнил начальную, так сказать, точку – уровень жестокости царской тюрьмы и

каторги. Советские тюрьмы по этому показателю на порядок превосходили царские. Это, по крайней мере, доказывает, что он не испытывал ни малейшего сочувствия к тем новым страдальцам, которых часто знал лично. Считается, что закоренелый убийца и садист – это человек, лишенный воображения, потому и сострадания, не способный представить себя в роли жертвы и перенести на себя чужие боли и страхи. Сталин же сам побывал в роли жертвы репрессивной государственной машины. Правда, жертвы, заслуженно, с точки зрения того, дореволюционного государства, понесшей наказание. Ведь он с товарищами делал все, что было им по силам, чтобы его разрушить.

Проведя в тюрьмах и ссылках в общей сложности около восьми лет, он наверняка встречал невинно осужденных людей, их на российской каторге всегда было с избытком. В России во все времена это были жертвы судебных ошибок, злой воли какого-нибудь негодяя или рокового стечения обстоятельств. Неизвестно, сочувствовал ли он этим людям там, в Сибири, или когда встречался с ними в камерах царских тюрем. Но то, что он особенно злобно ненавидел невинно осужденных его судьями, общеизвестно. Как утверждает дочь, ненавидя, он просто вычеркивал людей из своего сознания. Я не думаю, что Сталин был способен волевым усилием действительно забывать имена или лица убиенных и замученных по его вине. Похоже, что на это вообще никто не способен. Толстой в дневнике за 1905 год записал: «Я получил радость или оскорбление. В настоящем нет ни радости, ни оскорбления, оно начинает действовать только в воспоминании. Из бесчисленного количества впечатлений, которые я получал, я очень многие забыл, но они оставили следы в моем духовном существе. Мое духовное существо образовано из них…»[528] Душа-индивидуальность соткана из огромного количества впечатлений, над которыми мы не властны, пока их оценивает совесть, участвующая в каждом нашем поступке. Но по мере огрубения, а затем омертвления души совесть подменяется рацио, то есть расчетом. Именно это происходило с душою Сталина. Он был расчетлив и поэтому был способен переводить того или иного человека из той части своего сознания, где располагались эмоции со знаком «плюс» и люди, к которым он испытывал временное расположение и доверие, в ту часть, где сосредоточились эмоции со знаком «минус» и люди, к которым он испытывал неприязнь и которых страшился. Поскольку этот процесс не

был спонтанен, то есть душевен, как у большинства людей, а рационально регулировался рассудком, то при необходимости он легко переводил и мертвых и живых людей из одной символической «камеры» своего сознания в другую. Вспомним хотя бы историю с К. К. Рокоссовским и другими командирами Красной армии, которых он накануне войны после пыток вернул из ГУЛАГа[529]. Подлые законы, незаконные постановления и инструкции, расстрельные списки, подписанные им и соратниками, опубликованная статистика жертв Лубянки, воспоминания и другие документы – все это свидетельствует: звание генералиссимуса ему в первую очередь следовало бы присудить за беспрецедентное в истории истребление невинных людей, а затем уж за победу над Германией. Но есть ли доказательства, что все свои злодейства он совершал, находясь в здравом уме? Они есть, и они бесспорны.

Древнейшая историческая традиция пытается объяснять жестокости, творимые тиранами, психическими отклонениями, спровоцированными внезапным овладением безмерной властью. В этом наблюдении есть очень много правды. И действительно, даже в демократических системах новый государственный лидер проходит определенную адаптацию к власти через ряд промежуточных ступеней. Когда этого по каким-либо причинам не происходит, может начаться процесс формирования авторитарной личности, даже в рамках демократии. В системах же изначально авторитарных (в том числе и монархических) времени на адаптацию к власти нового правителя может практически не быть. И тогда велика вероятность рождения кровожадного монстра из человека, который до власти не казался общественно опасным и вел себя как обычный представитель своего круга. Несмотря на то что вхождение Сталина, как и всех большевистских лидеров, во власть было с психологической точки зрения стремительным и, по существу, явилось как бы одномоментным переходом из глубин стесненного подполья в разряженную атмосферу властной верховной свободы, Сталин был в какой-то степени адаптирован к ней. В период Гражданской войны он, недавний сиделец станка Курейка, занимал крупные партийные и государственные должности, распоряжался судьбами и жизнями тысяч людей. В эти и последующие несколько лет он по уровню жестокости мало чем

отличался от других лидеров Советского государства. Но, когда Коба пришел к единоличной власти, все стало решительно меняться.

Загадку рождения жестокого диктатора из обычного человека решают двумя способами. О первом я уже говорил – объявляют, что данный субъект изначально был неадекватен, и поэтому в благоприятной среде до предела развиваются его садистические наклонности. Во втором случае обвиняют окружение: трусливое, подхалимажное и продажное, которое, потакая человеческим слабостям, формирует из незаурядной личности человека-волка. К случаю со Сталиным применялись оба объяснения (Л. Троцкого, Н. Бухарина, Н. Хрущева), но мне кажется, они к нему совершенно не подходят. Я думаю, они не подходят и для объяснения большинства других случаев феномена единоличной диктатуры.

Внутренняя жизнь человека устроена таким образом, что она может расщепляться на отдельные параллельно сосуществующие отсеки. В одном из «отсеков» живет и развивается интеллектуал и беспринципный политикан, в другом – скромный семьянин, а представится случай – развратник, в третьем – вдумчивый, великодушный человек, способный многое понять и простить, но принципиально не подающий милостыни нищему, и т. д. И совсем не обязательно, что кто-то из них раз и навсегда возьмет верх над всеми остальными. Они легко могут ужиться и, как правило, мирно сосуществуют друг с другом. Все люди это хорошо знают и спонтанно отрабатывают сдвоенные или строенные качества души и все их оттенки дома, на работе, в компании, в метро или на дороге в автомобиле… Так устроен любой человек, будь он правитель или бродяга.

> Сталин, читающий роман Толстого в конце страшных 1930-х годов, наедине с книгой и ее персонажами был не чужд сопереживания и сострадания. Но оно, это сострадание, относилось не к людям из крови и плоти, а к литературным героям. В этот момент в нем оживали воспоминания, а с ними – его подлинная душа – все тот же недавний семинарист, а теперь революционер Коба, правда, уже постаревший и умудренный житейским опытом, но не утративший отзывчивости и даже сентиментальности. Сцены тюремной жизни и всей обстановки, мастерски описанные Толстым,

> были узнаваемы и вызывали живейший отклик. Сталин наверняка всю жизнь помнил, как испугался тюрьмы, когда был арестован в первый раз, и о том, как впоследствии пообвыкнув, тюрьму и этап воспринимал уже как обыденность. Для Катерины Масловой переход от распутной и, как говорит Толстой, «развратной, роскошной и изнеженной» жизни на воле к жизни в остроге сначала с уголовниками, а затем с политическими, несмотря на тяжесть условий, не казался очень ужасным. Скорее даже, эта новая жизнь была хорошей, так как приносила моральное удовлетворение. Сталин отчеркнул красным карандашом: «– Вот плакала, что меня присудили, – говорила она. – Да я век должна бога благодарить. То узнала, чего во всю жизнь не узнала бы»[530].

Каким-то странным образом тюрьма, описываемая Толстым, превращается не просто в место мучительства и страдания виновных и невинных, а чуть ли не в место особой святости, то место, где бытовые грешники, встречаясь с идейными праведниками, приобщаются к ним. Известно, что в царских тюрьмах такое иногда происходило. В те времена уголовный мир испытывал некоторое уважение к миру политзаключенных, так как и власти, и тюремщики содержали последних в чуть более благоприятных бытовых и моральных условиях. Поэтому Сталин со знанием дела лишал советские тюрьмы малейшего ореола святости, административно возвышая в лагерной иерархии уголовников («социально близкий элемент») над политическими. «Политические» зэки сталинского времени из полусвятых страдальцев за народ периода царизма превращались официальной пропагандой и условиями заключения в самых «опущенных» и затравленных «врагов народа».

Толстой рассказывает – Катюша видела, что люди, окружающие теперь ее, были много лучше и чище людей, которых она встречала на воле. Упоминавшаяся уже Марья Павловна, как и сама Маслова, страдала невинно, взяв чужую вину на себя, и теперь «была озабочена только тем, как бы помочь кому-нибудь в большом и малом. Один из теперешних товарищей ее… шутя, говорил про нее, **что она предается**

спорту благотворения»[531]. Красный карандаш Сталина по привычке зацепился за необычное выражение: «спорт благотворения».

Очищающее воздействие тюремной атмосферы, людей, ее населяющих, испытывает по воле Толстого не только Катерина Маслова, но и Нехлюдов. Еще при первом чтении Сталин простым карандашом отметил:

> «О чем бы он ни думал теперь, что бы ни делал, общее настроение его было это чувство жалости и умиления не только к ней, но и ко всем людям.
>
> Это чувство как будто раскрыло в душе Нехлюдова поток любви, не находивший прежде исхода, а теперь направлявшийся на всех людей, с которыми он встречался»[532].

Мое воображение отказывается представить – Сталин мог в эти годы, нет, не чувствовать, а хотя бы размышлять вслед за Толстым о любви, жалости, а главное – об умилении. Но если это не так – чего ради он фиксирует свою руку, внимание, эмоциональный центр на этой части текста? Может быть, и он через жалость и сопереживание близкой женщине когда-то испытал описываемую Толстым вселенскую любовь к людям? Толстой утверждает, что на такую любовь к людям способен не каждый. Осмелюсь высказать сомнение – мне кажется, что гениальное воображение художника в очередной раз завело Толстого в манящую перспективу нравственной утопии. Христианская тема любви к людям в догматической и абстрактной форме была знакома Иосифу по лекциям и проповедям семинарских учителей. Но тогда тема любви «к человецам» звучала как прелюдия проповеди любви и служения государству и его символам, включая царя, начальство и тюрьму. Думаю, и здесь, в романе, он отмечает знакомые мотивы, но звучащие теперь на прямо противоположном фоне морального оправдания революционного движения и гневного осуждения государственной машины, власти и церкви.

Как и большинство нравоучений, толстовская проповедь сильна именно критикой, отрицанием и осуждением. Его критика государственной власти, которая, как оборотень, под предлогом борьбы с людскими пороками тысячекратно умножает их, производит неизгладимое впечатление на любого читателя. По Толстому, тюрьма,

как государственный институт наказания за преступления, на самом деле выполняет прямо противоположную роль:

> «Точно как будто была задача, как наилучшим, наивернейшим способом развратить как можно больше людей, – думал Нехлюдов, вникая в то, что делалось в острогах и этапах. Сотни тысяч людей ежегодно доводились до высшей степени развращения, и когда они были вполне развращены, их выпускали на волю, для того чтобы они разносили усвоенное ими в тюрьмах развращение среди всего народа»[533].

Отчеркнуто на полях слева.

> «Единственное объяснение всего совершающегося было пресечение, устрашение, исправление и закономерное возмездие, как это писали в книгах. Но в действительности не было никакого подобия ни того, ни другого, ни третьего, ни четвертого. Вместо пресечения было только распространение преступлений. Вместо устрашения было поощрение преступников, из которых многие, как бродяги, добровольно шли в остроги. Вместо исправления было систематическое заражение всеми пороками. Потребность же возмездия не только не смягчалась правительственными наказаниями, но воспитывалась в народе, где ее не было»[534].

Здесь же с левой стороны листа, рядом с линией, отчеркивавшей последний процитированный текст, Сталин печатными буквами и тем же простым карандашом написал: *«Л. Т.»* (Лев Толстой). Так он обычно помечал авторский текст, который предполагал использовать в дальнейшем. Именно в эти годы пропаганда твердила о необыкновенных достижениях сталинских воспитателей из ОГПУ-НКВД по перековке разного рода преступников в добропорядочных граждан. Напомню, что вообще вся Советская страна объявлялась зоной переплавки старого «буржуазного» индивидуалиста в нового «коммунистического», коллективистского человека. Даже серьезные люди на Западе с интересом наблюдали за процессами, происходящими в СССР. Зигмунд Фрейд, не веривший в возможность искусственного

переформирования психики человека, тем не менее с интересом следил за всем тем, что происходило в России в этой сфере.

До революции состояние царских тюрем не было тайной ни для своих граждан, ни для иностранцев. Революционный процесс, развернувшийся во второй половине XIX века, привел к тому, что в тюрьмах появилась масса людей из дворянских и разночинных слоев, громко возмущавшаяся порядками, творившимися в них. В результате европейский мир стал более пристально наблюдать за российскими тюремными нравами, находя их жесткими и варварскими. В романе Толстой выводит двух иностранных миссионеров-проповедников. Тот из них, к которому Толстой относится доброжелательно, посещает ту же тюрьму, в которой оказалась Маслова. Но перед этим он просит разрешения на посещение тюрьмы у знакомого Нехлюдову генерала. Английский миссионер заявляет ему:

«– Я предпочитаю посещать тюрьмы вечером, – сказал англичанин, – все дома, и нет приготовлений, а все есть как есть.

> – А, он хочет видеть во всей прелести? Пускай видит. Я писал, меня не слушают. Так пускай узнают из иностранной печати, – сказал генерал и подошел к обеденному столу, у которого хозяйка указала места гостям»[535].

Интерес иностранцев к российским мерзостям был не меньшим и в XX веке. Но Сталин умело использовал их любопытство, специально приглашая различных знаменитостей, которых окружали особенной заботой, часто элементарно подкупали и водили по «потемкинским» деревням. А потом в печати появлялись их восторженные репортажи и книги. Но тюрьмы и лагеря были для иностранцев почти всегда запретной зоной. Поэтому в середине 30-х годов были организованы специальные пропагандистские акции – Максим Горький совершил торжественные поездки по Беломорканалу и на Соловки и вопреки очевидным фактам освятил своим международным авторитетом сталинскую тюрьму и каторгу.

* * *

Художник может себе позволить логические неувязки, так как именно на стыке, казалось бы, несовместимых противоречий рождается действительно непротиворечивый образ явления. Толстого не смущают противоречия, когда он, с одной стороны, утверждает, что вся тюремно-полицейская система бюрократического государства множит и множит своим насилием людские преступления, ненависть и разврат, а с другой – именно благодаря этому же насилию, но в борьбе с ним идет возрождение и воскресение падших душ. Согласно логике получается – не будь государственного насилия, не было бы возможным в результате страдания духовное воскресение. И в то же время людские пороки, искореняемые насилием, поднимают ответную, еще большую волну зла и насилия. Пометы, сделанные красным карандашом, большей частью относятся к этому глубочайшему в своем противоречии тезису Толстого. Нехлюдов наблюдает, как в колонне, идущей этапом в Сибирь, люди выбиваются из сил, страдают удушьем, подвергаются издевательствам. И охранники, которые не были злодеями, а были самыми обычными людьми, просто старательно исполнявшими свой служебный долг, не испытывали ни малейшего сострадания к заключенным. Скорее наоборот: «Они не сделали этого (не оказали помощь. – *Б. И.*), даже мешали делать это другим только потому, что они видели перед собой **не людей и свои обязанности перед ними, а службу и ее требования, которые они ставили выше требований человеческих отношений**»[536].

Сталин подчеркнул эти и следующие слова все тем же красным карандашом. На протяжении романа Толстой несколько раз возвращается к образу искусственно вымощенной камнями, лишенной растительности земли как символа государства, создающего противоестественные институты насилия над естественной человеческой природой.

> «То же самое и с людьми, – думал Нехлюдов, – может быть, и нужны эти губернаторы, смотрители, городовые, но ужасно видеть людей, лишенных главного человеческого свойства – любви и жалости друг к другу»[537].

И наконец, вывод, отчеркнутый Сталиным двумя красными вертикальными чертами на полях:

> «Все дело в том, что люди думают, что есть положения, в которых можно обращаться с человеком без любви, а таких положений нет. С вещами можно обращаться без любви: можно рубить деревья, делать кирпичи, ковать железо без любви; но с людьми нельзя обращаться без любви так же, как нельзя обращаться с пчелами без осторожности»[538].

Примечательно, что тут же за отмеченной фразой о любви к людям идет текст: «Не чувствуешь любви к людям, сиди смирно… занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми», но Сталин этот текст никак не отметил. Похоже, что себя он соотносил с толстовским пасечником, со знанием дела, любовно вычищающим из человеческого улья «трутней». А «народ» (как это полагалось в соответствии с российской интеллигентской традицией) – единственно подлинных тружеников, достойных нового царства, – он, конечно, любил. У нас всегда и все заявляют о любви к народу и о действиях исключительно во имя его интересов. На любви к народу (а не народа к ним!) настаивала не только интеллигенция (и либеральная, и консервативная), но и царское правительство, и государственная церковь. И все они в этом не были оригинальны: традиционно в России элементарное уважение к человеку по большей части подменяется «любовью к народу». Такая любовь мало что стоит любящему, так как объект любви не уточняем в своем абстрактном множестве.

Последняя отметка, сделанная красным карандашом, относится как раз к толстовскому образу «нового мира» и населяющему его трудовому народу: «“Да, совсем новый, другой, новый мир”, – думал Нехлюдов, глядя на эти сухие, мускулистые члены, грубые домодельные одежды и **загорелые, ласковые и измученные лица и чувствуя себя со всех** сторон окруженным совсем новыми людьми с их серьезными интересами, радостями и страданиями настоящей трудовой и человеческой жизни»[539].

Почти так же, такими же словами (исключая «домодельную одежду») и с той же интонацией, о народе говорили сталинские идеологи, писали литераторы, живописали художники-реалисты и школьные учителя литературы. Этот обобщенно-лучезарный лик «простого народа», как пряничная печатка перешел по наследству от аристократически мысливших интеллигентов (и славянофилов и

западников) XIX века к советским мастерам идеологии. Не только стараниями Льва Толстого, но в еще большей степени стараниями других выдающихся российских деятелей разного толка, абстрактный «народ» все в большей степени вытеснял собой единого Бога, постепенно перевоплощаясь в национальный символ – «народ-богоносец». В книгах Достоевского этот идол перерос вселенские масштабы. Как для государственных деятелей, так и революционеров разных мастей борьба во имя «народа» и для блага «народа» стала бесспорным оправданием любого, в том числе и самого безбожного, гнусного поступка против человека.

* * *

И все же мне так до конца осталось непонятным – что значила для Сталина вся эта толстовская проповедь любви? Какое практическое значение она для него имела? Или это была своего рода бесплодная тренировка духа, который давно уже не подавал признаков положительной жизни? А может быть, отец просто хотел помочь дочери написать школьное сочинение на тему: «Лев Толстой…» Подобрал для нее цитаты, отмечая их красным карандашом, а потом, за государственной суетой, забыл их ей передать? Тогда эти тексты всего лишь символизируют отеческую заботу о правильном понимании дочерью классика русской литературы. До ее взросления роль заботливого отца он действительно старался исполнять исправно. И все же это не так. Когда мы перейдем к сталинскому анализу творчества Достоевского, то убедимся, что и там одной из тем, волновавших его, была любовь к людям.

От «Учителя из Назарета» к «Учителю из Тифлиса»

Я все больше убеждаюсь, что втайне Сталин тосковал по христианству. Нет, совсем не так, как, возможно, тоскует по нему мучающаяся неверием душа. И совсем не в том смысле, что он втайне продолжал его исповедовать, вынужденно демонстрируя казенный атеизм. Но, несмотря на свою безмерную свободу и власть, он не все мог позволить себе делать и все мысли выражать открыто. Ведь даже

Господь чем-то ограничен, хотя бы бесконечным временем и бесконечным пространством. Советский вождь также был ограничен своим историческим временем и своим географическим пространством. Как и обычный человек, он не волен был менять исторические условия, а получил их по наследству. Сначала старый, а затем и новый режим каждый на свой манер успешно освобождались от ограничений, связанных с религиозной моралью. Властителю Сталину уже досталось послереволюционное, то есть вполне атеистическое, обезбоженое пространство-время России. И в этом качестве оно его полностью устраивало в публичной жизни, так как не создавало конкурентов ни со стороны Бога, ни со стороны Христа, ни дьявола. А наедине с собой он был совершенно свободен и нередко позволял себе вновь и вновь поразмышлять над учительским словом Христа. Но одно дело, когда вслушиваешься в слова Христа юношей, другое – зрелым мужем; одно дело, когда ты готовишься стать профессиональным христианином, то есть священнослужителем, другое – когда ты стал профессиональным революционером и Генеральным секретарем атеистической партии.

У Толстого христианский Бог присутствует на каждой странице романа. Не случайно Ленин обозвал писателя – «помещик, юродствующий во Христе»[540]. Сам Толстой проповедует от имени Христа, отвергая одни способы служения Ему и предлагая свои. Антиклерикализм Толстого общеизвестен. Почему и за что его отлучили от православной церкви и предали анафеме, знал любой его современник, читающий газеты или посещающий храм. Рука Сталина не отреагировала на сцены богослужения в тюремной церкви, на нелепости, по мнению Толстого, связанные с таинствами евхаристии, то есть превращения хлеба и вина в тело и кровь Бога. Не отреагировал он на глубоко прочувствованную Толстым фальшь внешней обрядовости богослужения, не затрагивающей ни чувства, ни разум ни у тех, кто служит, ни у тех, кто им внимает. Наверняка все это было хорошо Сталину знакомо. Но вот Толстой описывает миссионера из Европы господина Вольфа. Он специализируется на образованных кругах и проповедует в светских салонах нечто вроде евангелизма. Живая душа Нехлюдова, не принимающая фальши государственной церкви, еще в большей степени не способна переварить умилительную

патоку речей заезжего словоблуда. Немного послушав его, Нехлюдов поспешил покинуть салон, а Сталин отметил:

> «Нехлюдову стало так мучительно гадко, что он потихоньку встал и, морщась и сдерживая кряхтение стыда, вышел на цыпочках и пошел в свою комнату»[541].

Другого проповедника – англичанина, конфессию которого Толстой не счел нужным обозначать, Нехлюдов вынужденно сопровождает на заключительном круге своего сошествия в российскую преисподнюю. В тюрьме, среди сцен разложения и насилия, где воздух насыщен миазмами параши, дыханием туберкулезных и тифозных больных, где покойники лежат вперемешку с дровами и тряпьем, англичанин с текстами Евангелия в мешке нелеп и даже смешон. Они становятся свидетелями драки в одной из камер, и тогда англичанин счел нужным припомнить слова Христа об обидчике, которому он запретил мстить, а, напротив, предложил подставить другую щеку. Толстой заставляет православный люд ничего не знать об этой заповеди Христа и даже насмехаться над ее формулой. На предложение следовать ей Нехлюдов и англичанин слышат в ответ:

«– Этак он тебя всего измочалит.

> – Ну-ка, попробуй, – сказал кто-то сзади и весело засмеялся. Общий неудержимый хохот охватил всю камеру; даже избитый захохотал сквозь свою кровь и сопли. Смеялись и больные»[542].

Может быть, единственное, что ни под каким предлогом никогда не принимал Сталин, даже в теории, как и большинство людей на земле, была проповедь непротивления. Именно она вызвала его саркастическое «ха-ха», о чем я говорил вначале. А непринимающий эту заповедь, тем более если он как будто во всем остальном следует евангельским путем, рано или поздно сойдется с Великим инквизитором. Две тысячи лет христианство терпит моральное фиаско именно потому, что христиане везде и всегда творят насилие в равной мере, как и нехристиане. В этом смысле Толстой ближе всех вернулся к истоку вероучения и именно за это был осмеян и отлучен.

Невозможно представить себе, что при обилии церквей, бывших в России, в том числе на селе, при наличии довольно разветвленной сети церковно-приходских и воскресных школ, при регулярном богослужении в военных казармах и тюремных храмах в массе своей люди ничего не слышали о главнейшей заповеди Христа. Конечно же, не раз слыхали и знали ее с рождения, но знали умом, а не сердцем и потому ничего как бы и не слыхали. В этом массовом потоке обрядовости, когда между Богом и человеком стояла огосударствленная иерархия, крайне редко наступало просветление. Оно произошло с Нехлюдовым, который в очередной раз, принимаясь самостоятельно читать Евангелие, как-то вдруг, сразу прозрел. Такое может случиться с каждым, кто настойчиво и пытливо вопрошает Учителя из Назарета. Нехлюдов открыл наугад, «как Бог на душу положит», Евангелие от Матфея и начал читать главу XVIII. «Учитель из Тифлиса» внимательно перечитал эту главу и пометил в ней простым карандашом только третий и тринадцатый стихи:

«3. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете **как дети**, не войдете в царство небесное»[543].

> «13. И если случится найти ее (заблудшую овцу. – *Б. И.),* то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся»[544].

На этот раз «Учитель из Тифлиса» брал себе на заметку, в свой умственный арсенал, фразу, которую он слышал много раз, но которая теперь в годы его всемогущества приобретала новое звучание. «Будьте как дети», то есть надо «умалиться», как дитя, которое Христос поставил для примера перед учениками. С каждым годом в сталинской пропаганде, в его публичном лексиконе все чаще звучал призыв «к вере». Требовалось верить то в возможность построения социализма в одной стране, то в скорое построение коммунизма, то в победу на войне, то в победные марши пятилеток и т. д. Но все эти требования веры и призывы к народу означали одно – внушение веры в него, Сталина, ведущего народы за собой. Чистая вера (вера старшему), не замутненная критическим разумом, – качество детской души. И если Христос призывал взрослого очиститься от сомнений и тем самым стать подобно ребенку истинно верующим, то Сталин всю силу этой детской веры людей «в царствие небесное» направил в нужное ему

русло веры в вождя и его царство. И тогда с советскими людьми произошло то, что Толстой сказал о действиях революционеров 1905 года: «Ребячество без детской невинности»[545]. Детская глупость (ребячество) хуже глупости взрослого, поскольку она помножена на наивность и злой азарт.

То же самое и с притчей о заблудшей овце. Сталин знал, что одно из иносказательных имен Христа – «добрый пастырь». Именно в эти годы имя «Пастырь» Сталин старательно приспосабливал к своему публичному образу. Одно из произведений А. Казбеги, так же любимое вождем, как и «Отцеубийца», называлось «Пастырь». И Анри Барбюс широко использовал образ «пастыря народов» в своей книге. Если Христос в каждом враге своего вероучения видел заблудшую овцу и был особенно рад ее новообращению, то для Сталина все враги были скорее тучными баранами, которые, так или иначе, предназначены на заклание в жертву ему.

Так «Учитель из Тифлиса» пытался рационально использовать теперь уже некоторые идеи и образы «Учителя из Назарета». Толстой, который, как известно, также не избежал прельщения учить и наставлять людей, в «Исповеди» покаялся: «Теперь мне смешно вспоминать, как я вилял, чтоб исполнить свою похоть – учить, хотя очень хорошо знал в глубине души, что я не могу ничему учить такому, что нужно, потому что сам не знаю, что нужно»[546]. Похоть учительствования – не самый тяжелый порок из тех, коим всю жизнь сладострастно пре давался вождь.

* * *

Недоучка поп, изгнанный из церкви, на манер миссионера таскал в мешке по местам своих ссылок том «Капитала» Маркса. Лет через двадцать – тридцать на кунцевской даче или в кремлевском кабинете Сталин отчеркнул фразу, как будто выписанную Толстым из его биографии:

> «Он теперь изучал первый том Маркса и с великой заботливостью, как большую драгоценность, хранил эту книгу в своем мешке»[547].

Даже омертвевшая душа человека – несказанная тайна.

Глава 3
Сталин и Достоевский

Если на книге Л. Толстого «Воскресение» Сталин оставил в общей сложности более тридцати помет и замечаний, то на одном из томов романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» – больше сорока. Эта книга хранится ныне в той части библиотеки Сталина, которая находится в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшая библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Поскольку остатки сталинской библиотеки до сих пор толком не разобраны, то я был первым, кто обнаружил на этой книге пометы вождя. Сам по себе факт, что в сталинской библиотеке находятся произведения Достоевского и следы размышлений над ними, для меня не был неожиданным. О его интересе к произведениям великого писателя сообщали Светлана Аллилуева и Дмитрий Шепилов. Но воспоминания Аллилуевой на сей счет носят гипотетический характер. Вот что она пишет в одной из своих книг: «…о Достоевском он сказал мне как-то, что это был “великий психолог”. К сожалению, я не спросила, что он имел в виду – глубокий социальный психологизм “Бесов” или анализ поведения в “Преступлении и наказании”?

Наверное, он находил в Достоевском что-то глубоко личное для себя самого, но не хотел говорить и объяснять, что именно. Официально в то время Достоевский считался писателем абсолютно реакционным»[548]. Этот разговор мог состояться или в конце войны, или, что скорее, после нее и поэтому отражал уже свершившийся поворот, который произошел как во внутренней, душевной жизни Сталина, так и в его внешней жизни, то есть государственной политике. Дело в том, что Достоевского, как и Толстого, Сталин читал и перечитывал еще перед войной с Германией. Война же многое изменила не только в его оценках внешнего мира, но и в самооценках. Скорее всего, «Братьев Карамазовых» он с карандашом в руке прочитал раньше, чем «Воскресение» Толстого.

В настоящее время в библиотеке Сталина находятся три книги Достоевского: «Дневник писателя за 1873 и 1876 годы», вышедший в 1929 году, и два тома – девятый и десятый из полного собрания

художественных произведений. Именно в этих томах был опубликован роман «Братья Карамазовы», с первой по четвертую части с эпилогом[549]. На страницах «Дневника писателя» и на десятом томе собрания сочинений сталинских помет нет. После смерти вождя все эти книги были сохранены исключительно из-за того, что на них остались оттиски штампа библиотеки Сталина. Видимо, на остальных томах собрания сочинений таких штампов не было, и поэтому их выкинули из сталинской библиотеки. А помет, возможно бывших и на других книгах писателя, специалисты, принимавшие библиотеку, не заметили, как не заметили они пометы и рукописные реплики Сталина на девятом томе. Здесь, без всякого сомнения, все пометы принадлежат руке Сталина и сделаны карандашами двух цветов: сначала красным, а затем синим. Это значит, что и «Братьев Карамазовых» Сталин читал в два приема, но, в отличие от «Воскресения», читал роман Достоевского последовательно, а не перечитывал второй раз заново. Читал он его между 1927-м, то есть годом выхода, и 1941-м – годом войны. Вероятно, это произошло в середине 30-х годов, так как и характерный убористый подчерк, и стиль помет, и круг интересующих его вопросов во многом схожи с теми, которые выделяются на страницах «Воскресения» Толстого. И хотя обе части девятого тома «Братьев Карамазовых» Сталин прочитал от начала до конца, пометы оставил только на «Книге второй. Неуместное собрание» (красным карандашом) и на «Книге шестой. Русский инок» (синий карандаш). Обе части связаны с одним персонажем романа. Это старец Зосима.

«Неуместное собрание»

Опять загадка. Почему Сталин не реагирует на главы романа со всемирно известными интермедиями о Великом инквизиторе и о мятущихся душах Ивана и Дмитрия Карамазовых, казалось бы, более близких ему по своему эмоциональному накалу и умонастроению? По мнению многих критиков, Достоевскому гораздо более удались те части романа, в которых он, от имени своих персонажей, излагал богоборческие, нигилистические и социалистические идеи. И наоборот, консервативная линия – защита мира божьего таким, каким он был создан, вложенная в уста иеросхимонаха Зосимы, как и сама фигура старца выглядят слабее. Как справедливо, хотя и витиевато выразился

по этому поводу один из современных писателю критиков, «немалое мы видим в новом романе возлияние и деревянного маслица»[550]. Может быть, все дело в том, что в Сталине никогда не умирал не только романтик-революционер Коба, но и семинарист с библейским именем Иосиф, мечтавший совершить особый этико-исторический подвиг и искавший для этого подходящий образец? Вчитаемся в то, что отмечал и комментировал стареющий 55-летний партийный вождь.

В той части романа, которую автор назвал «Неуместное собрание», описывается встреча в монастыре старца Зосимы и его окружения с семейством Карамазовых и их знакомцев. Через встречи и диалоги старца с ними, а также с другими посетителями – верующими и с маловерами, с людьми из разных слоев общества, с помощью просвечивающего душу взгляда «прозорливца» Зосимы, Достоевский оттесняет читателя от отрицательно заряженного полюса богоборческого рационализма к положительному полюсу христианской гармонизации всечеловеческой любви. Удивительное дело – именно тема «любви» вновь почти болезненно влечет Сталина. Но здесь уже не та земная любовь к женщине, как у Горького или Франса, или похотливая, как у Салтыкова-Щедрина, и не рационально-философская любовь к человеку и трансцендентальному Богу, как у Толстого, а любовь безотчетная, то есть религиозная, незримо, но осязаемо, согласно Достоевскому, разлитая в божьем мире для верующего. Может быть, священник, пусть и не состоявшийся, и даже, возможно, в юношеских мечтах – монах, с жадностью ловит в лепете старца мысли о любви, о стыде и лжи, о счастье? И что же он в них находит? Вновь, как у Толстого, Сталин отмечает мотивы жгучего «стыда» перед самим собой и новый мотив – «неискренности», в том числе перед собой. Два замечания Зосимы поразили Сталина. Старший Карамазов-отец, развратник и шут, пытается ерническими речами вывести из себя окружающих, и в первую очередь монаха. Наблюдавший его какое-то время старец несколькими репликами ставит диагноз: «Не стесняйтесь, будьте совершенно как дома. А главное, **не стыдитесь столь самого себя**, ибо от сего лишь все и выходит»[551]. Федор Павлович Карамазов, потрясенный его прозорливостью, поясняет, что он действительно испытывает подобные чувства: «Именно мне все так и кажется, когда я к людям вхожу, что я подлее всех и что меня все за шута принимают, так вот давай же я и в самом деле сыграю шута, не боюсь ваших

мнений, потому что все вы до единого подлее меня!»[552] Столь настойчивая фиксация Сталина на описании чувства стыда в разных художественных произведениях говорит о том, что оно, видимо, было не чуждо для вождя времен «1937 года». И «шута» он любил разыгрывать, доходя иногда до показного самоуничижения и ёрничанья, совершенно искренне полагая, что окружающие люди, особенно оппозиционеры, много подлее его. Следы такого шутовства мы можем найти даже в официальных текстах публичных выступлений. Так, речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в октябре 1923 года, он начал с фиглярских словесных фигур: «Вы слышали здесь, как старательно ругают оппозиционеры Сталина, не жалеют сил… Что ж, пусть ругаются на здоровье. Да что Сталин, Сталин человек маленький. Возьмите Ленина… Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи. Это пишет Троцкий. И пишет он о Ленине»[553].

Вслед за многочисленными свидетельствами самого Сталина и его современников я уже не раз обращал внимание читателя на особо обостренное отношение к искренности окружающих его друзей и врагов. Обвинениями в предательстве, в неискренности, двурушничестве, в обмане, в тайном сочувствии врагу или в затаенном предательстве были пересыпаны все его речи и установочные статьи в периодической печати; они были главными обвинительными пунктами на большинстве громких процессов. Но ту же самую претензию он, оказывается, предъявлял и к самому себе!

«Главное, **самому себе не лгите**», – говорит чуть позже Зосима старшему Карамазову. Отметив эти слова, Сталин читал далее: «Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, стало быть входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям, и доходит совсем до скотства в пороках своих, а все от беспрерывной лжи и людям и себе самому. Лгущий себе самому прежде всех и обидеться может»[554]. Буквально все здесь как будто о характере самого вождя, и он, похоже, это осознает.

«И ведь знает человек, – продолжает Зосима, – что никто не обидел его, а что он сам себе обиду навыдумал и налгал для красы, сам

преувеличил, чтобы картину создать, к слову привязался и из горошинки сделал гору, – знает сам это, а все-таки самый первый обижается, обижается до приятности, до ощущения большего удовольствия, а тем самым доходит и до вражды истинной…»[555] Думаю, что Достоевский раскрыл Сталину, как и каждому, кто вникает в его речи, один из главных механизмов «беспричинного», «спонтанного» зарождения вражды. Но, так же как и Достоевский, который так тонко расписал все нюансы этого механизма, а сам грубо по-человечески ненавидел многое и многих, Сталин, поняв это умственно, в практической жизни, напротив, распалял в себе малейшие признаки обиды. Но мы всему этому все меньше и меньше должны удивляться, обратившись на мгновение для примера хотя бы к себе и вспомнив, как иногда приятно быть обиженным и лелеять мечту о мести, прикидывая меру своих возможностей. А «иноку» Иосифу была приятна «тайная» проповедь старца, сладостно воскрешавшая в душе интонацию давних семинарских учителей: «Главное, **убегайте лжи**, всякой лжи, лжи себе самой в особенности (здесь старец обращается к женщине-посетительнице. – *Б. И.*). Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту. **Брезгливости убегайте** тоже и к другим и к себе: то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается»[556].

Публицисты, близкие к официальным церковным кругам, обвиняли Достоевского в том, что он очень произвольно срисовал образ старца Зосимы с реального монаха Оптиной пустыни отца Амвросия. Для художника такие обвинения мало что значат, но Достоевского обвиняли еще и в том, что он искажает основы православия устами Зосимы, а это для христианского мыслителя гораздо существенней. Известнейший публицист и реакционный идеолог того времени Константин Леонтьев (он сам себе давал такое определение – «реакционный»), хорошо знавший отца Амвросия, в своих философских статьях и письмах утверждал, что образ Зосимы не имеет ничего общего с прототипом, а главное – писатель извратил фундаментальные идеи православия. Особенно еретичной он считал проповедь Достоевского о грядущей победе христианства во всем мире и наступлении в связи с этим общечеловеческого братства и любви на земле. Леонтьев усмотрел здесь признаки социализма и проповедь идеалистического космополитизма, не имеющего, с его точки зрения,

отношения к истинному православию. И действительно, в проповеди старца Зосимы любовь становится средством преобразования, перевоспитания порочного человека, что как бы предполагает затем и изменение социальной обстановки. По существу, здесь – зеркальное отражение прогрессистских, социалистических идей, согласно которым изменения общественных условий человеческого существования (не важно – насильственное или эволюционное) ведет и к изменению внутреннего мира человека, включая его этику, мораль, нравственность. Леонтьев очень зорко подметил взаимосвязь: «Демократический и либеральный прогресс верит больше в принудительную и постепенную исправимость всецелого человечества, чем в нравственную силу лица. Мыслители или моралисты, подобные автору “Карамазовых”, надеются, по-видимому, больше на сердце человеческое, чем на переустройство общества. Христианство же не верит безусловно ни в то, ни в другое, то есть ни в лучшую автономическую мораль лица, ни в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле»[557]. Таким образом Достоевский, оказавший огромное влияние на молодое поколение россиян, косвенным образом поддерживал революционный общественный настрой, поскольку призывал не просто к любви сострадательной, то есть пассивной и жалостливой, а к «любви деятельной», активной, преобразующей, то есть агрессивной. В отличие от проповеди Толстого, в его проповеди «любовь» волей-неволей становилась синонимом воинственного прозелитизма, направленного на коренное преобразование души человека, человечества и мира. Здесь Достоевский очень сближался с проповедью «деятельной любви» Мартина Лютера[558]. И именно это, деятельное, агрессивное, подчиняющее себе начало привлекло Сталина в проповеди Достоевского:

«Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем?

– Опытом **деятельной любви**. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного **самоотвержения любви к ближнему**, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу»[559].

Но что это за деятельная и самоотверженная любовь к ближнему, с помощью которой можно «убеждаться» в бытии Бога и в бессмертии души? Конечно же, это не та корыстная любовь, которая требовательно ждет ответной благодарности. Одна из посетительниц старца Зосимы в «припадке самого искреннего самобичевания» так прямо и сознается:

«Одним словом, я работница за плату, я требую тотчас же платы, то есть похвалы себе и платы за любовь любовью. Иначе я никого не способна любить»[560].

Сталин отметил и эту реплику. Действительно, мало кто способен совершать добрые поступки, не получая встречного тока. Но проницательный Зосима почувствовал здесь лукавство, желание посетительницы заслужить похвалу за высказанную искренность:

«Если же вы и со мной теперь говорили столь искренно для того, чтобы, как теперь от меня, лишь похвалу получить за вашу правдивость, то, конечно, ни до чего не дойдете в подвигах деятельной любви; так все и останется лишь в мечтах ваших, и вся жизнь мелькнет как призрак»[561].

Разобравшись с искренностью искренности посетительницы, Зосима предлагает развернутую характеристику того, что понимается под «деятельной» любовью: «Не пугайтесь никогда собственного вашего малодушия в достижении любви, даже дурных при этом поступков ваших не пугайтесь очень. Жалею, что не могу сказать вам ничего отраднее, **ибо любовь деятельная сравнительно с мечтательною есть дело жестокое и устрашающее**. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорей свершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная – это **работа и выдержка**, а для иных так пожалуй и целая наука»[562]. Работа и выдержка – вот качества, которые Сталин особенно ценил в себе и людях. Конечно, как и всякий человек, он иногда позволял себе ничего не делать, то есть лень. Некоторые даже отмечали в нем длительные периоды ленивой задумчивости и прострации. Временами его захлестывали эмоции (все же кавказский человек!), причем не только приступы злобы и ярости, но и искреннего веселья, юмора и радости от полноты жизни. Но в целом он был чрезвычайно деятельным человеком, поскольку больше всего на свете

любил власть. И терпением, выдержкой обладал отменной, чем резко отличался от многих своих кавказских соплеменников. Удачливый политический палач, изощренный социальный садист, осторожный и дерзкий интриган, он еще задолго до войны был убежден в особом своем предназначении, в особой исторической миссии, возложенной свыше на него. Все удачливые правители с древнейших времен и до наших дней явно или втайне считают себя любимцами богов, Провидения и даже Бога единого. Все более догадываясь, что он является ставленником и орудием «тайного замысла» высших сил, он к концу 30-х годов становился все более счастливым, а потому все более подозрительным. Его вера в себя была защищена вереницей удач и исполненных желаний, которые буквально преследовали его в последнее предвоенное десятилетие. И он очень боялся, что кто-то украдет его удачу. Отмечу, что счастье, которое он испытывал как победитель, как человек, который все может, показалось ему равным тому счастью, которое испытывает праведник, который перед лицом Бога тоже все может. Конечно, поводы для счастья разные, но чувства-то сходные. Именно поэтому Сталин не мог пройти мимо такой сентенции старца:

«Все праведные, все святые, все святые мученики были все счастливы»[563].

Церковь, государство, социализм. Рим и Москва. Запад и Восток

Об отношении Сталина к церковным организациям, особенно к православной церкви, в последние годы пишется много. В некоторых работах заметна даже тенденция сблизить позиции церкви и Советского государства времен сталинского правления, и особенно в годы Великой Отечественной войны. На самом же деле Сталин подходил к церкви, причем любой – и православной, и мусульманской, и иудейской, и к другим конфессиям, – сугубо прагматически. Придя к власти и несколько укрепившись в ней, он в середине 20-х годов перешел от хаотичных репрессивных действий времен Гражданской войны и первых послевоенных лет к политике планомерного снижения влияния церквей и конфессий на жизнь советского общества. Еще в конце Гражданской войны было принято решение о несовместимости членства в партии с религиозными верованиями. Не следует забывать и

того, что в целом религиозные конфессии отнеслись к новой, атеистической власти враждебно. В 1922 году была создана Комиссия по антирелигиозной пропаганде, во главе которой был поставлен один из ближайших сталинских клевретов Емельян Ярославский. В 1925 году под его же началом был создан Союз воинствующих безбожников, который занимался не только делом пропаганды, но и инициировал массовые антирелигиозные кампании и репрессивные действия в отношении деятелей всех конфессий. Эта шумная деятельность проходила под прямым контролем партийных и государственных органов, а все крупные мероприятия осуществлялись с санкции Политбюро ЦК и, конечно, Сталина.

В 1927 году во время беседы с американской рабочей делегацией Сталин на настойчивые вопросы о возможности совмещения веры в Бога и членства в компартии с раздражением, а потому откровенно заявил: «Партия не может быть нейтральной в отношении носителей религиозных предрассудков, в отношении реакционного духовенства, отравляющего сознание трудящихся масс.

Подавили ли мы реакционное духовенство? Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства. Бывают случаи, что кто-то из членов партии иногда мешает всемерному развертыванию антирелигиозной пропаганды. Если таких членов партии исключают, так это очень хорошо, ибо таким коммунистам не место в рядах нашей партии»[564].

Однако, как и по отношению к другим важнейшим вопросам, Сталин вел себя крайне двусмысленно и по отношению к религии. Очень характерно его письмо, направленное М. Горькому в самом начале 1930 года, то есть практически в то же время: «Вы совершенно правы, что у нас, в нашей печати, царит большая неразбериха в вопросах антирелигиозной пропаганды. Допускаются иногда сверхъестественные глупости, льющие воду на мельницу врагов. Работы в этой области предстоит уйма. Но я не успел еще переговорить с товарищами-антирелигиозниками насчет Ваших предложений»[565]. Письмо впервые было опубликовано в 1949 году среди важнейших сочинений вождя, на излете религиозной «оттепели». Это, конечно же, не случайно. Постоянные противоречия между его действиями и

словами, между публичными высказываниями и теми мыслями, о которых не знали даже самые близкие люди, до сих пор вводят в заблуждение наивного российского читателя. Среди его публичных выступлений мы не найдем развернутых высказываний антирелигиозного характера. Но через год-полтора после письма Горького и ответа ему в стране началась так называемая антирелигиозная «пятилетка» 1932–1936 годов. А среди «товарищей-антирелигиозников», с которыми вождь собирался взыскующе переговорить, самым главным был все тот же Ем. Ярославский. В современном архивном фонде Сталина есть документы, раскрывающие его деловые связи с Ем. Ярославским не столько по линии антирелигиозной деятельности, которую последний возглавлял вплоть до своей смерти в 1943 году, сколько по линии борьбы с различными оппозиционерами, особенно на почве истории партии, истории революции и биографии вождя. Все эти документы красноречиво говорят об особой, рабской преданности Ярославского своему патрону, принимавшему ее как должное.

Уничтожение молитвенных домов, мечетей, синагог, церквей и церковнослужителей продолжалось во всевозрастающих масштабах вплоть до Великой Отечественной войны. Во время войны Сталин, как всегда, без какого-либо стеснения использовал религиозно-патриотические чувства верующих граждан в своих целях, в данном случае в целях победы. Никакие сантименты, связанные с семинарским прошлым вождя или религиозный страх перед Богом, были здесь ни при чем. Но зато была вполне реальная опасность того, что немцы воспользуются случаем и привлекут на свою сторону притесняемые советской властью церковные круги. И в чем-то они не ошиблись. Важно было и более тесное сближение с веротерпимым Западом. Учитывая то и другое, Сталин пошел на общее послабление в отношениях с религиозными организациями. Не должно быть никаких иллюзий, будто бы Сталин, как бывший семинарист, явно или тайно испытывал искренние положительные чувства по отношению к церкви и ее иерархам. Известный эпизод времен войны, когда Сталин с почтением принял в Кремле священнослужителей Русской православной церкви и милостиво разрешил провести Собор, на котором наконец-то дозволил избрать патриарха, – всего лишь иллюстрация политической гибкости и изворотливости вождя. В 1944

году были созданы Совет по делам религиозных культов и Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР. Вплоть до 1947–1948 годов в стране продолжалась религиозная «оттепель», во время которой была разрешена деятельность сотен религиозных общин и учреждений разных конфессий. С 1948 года и до смерти Сталина «оттепель» вновь сменилась жесткими ограничениями и гонениями. Эта небольшая справка о политике Сталина по отношению к церкви необходима в качестве фона, о котором нельзя забывать, исследуя пометы вождя на книге Достоевского. Как человек внутренне свободный, он позволял себе поразмышлять над такими вопросами, на которые для большинства его сограждан был наложен запрет.

* * *

Одна из тем, которая веками волнует российское общество с момента принятия христианства в качестве официальной религии, – это тема взаимоотношения церкви и государства. Во второй половине XIX века она была, как никогда, актуальна и потому обсуждалась одновременно во многих плоскостях. Как известно, Греко-российская православная церковь (так она в те времена именовалась) с упразднением Петром I патриаршества возглавлялась особым церковно-государственным органом – Священным Синодом. В церковных и интеллектуальных кругах вопрос о соотношении государственной и духовной власти был предметом постоянного обсуждения и ожесточенных споров. Другим предметом, так же вызывавшим полемику в печати, и особенно в философско-публицистической литературе, был вопрос об отношении православия к католицизму и наоборот. В то же время и тот и другой вопросы дискутировались в связи с нараставшими в Европе и России социалистическими, либеральными и революционными движениями, ростом бытового атеизма. Достоевский устами Зосимы и его коллег по монастырю изложил суть этих споров и свое видение их разрешения. Сталина они также заинтересовали, и, конечно, далеко не случайно.

В монастыре разыгрывается диспут о перспективах во взаимоотношениях церкви и государства, участниками которого стали,

с одной стороны, монахи, а с другой – Иван Карамазов и либерал Миусов. Поводом для споров послужила статья Ивана Карамазова, в которой тот прослеживал связь древней христианской церкви и языческого Римского государства. Как известно, христианская церковь после нескольких веков борьбы и гонений была интегрирована Константином Великим в языческое государство с соответствующими же языческими атрибутами и традициями. С тех пор на протяжении двух тысяч лет отношения государств и церкви продолжали оставаться сложными. То, что государство несет в себе первородное зло, понимали многие христианские мыслители и подвижники задолго до утопистов-социалистов, анархистов и коммунистов. Однако если революционеры видели выход в отмирании или насильственном уничтожении и церкви и государства как орудий порабощения и насилия, то деятели церкви мечтали об иных путях. Вот и Достоевский устами Ивана Карамазова утверждал, что согласно духу христианства «не церковь должна искать себе определенного места в государстве… а, напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь…». Тем самым, по мнению автора, церковь и общество, достигнув такого перевоплощения, сделают окончательный шаг от язычества к всеобщему христианству. Один из участников дискуссии уточняет смысл статьи Ивана Карамазова и позицию того автора, с кем Карамазов спорит.

> «То есть в двух словах, – упирая на каждое слово, проговорил опять отец Паисий, – по иным теориям, слишком выяснившимся в наш девятнадцатый век, церковь должна перерождаться в государство, так как бы из низшего в высший вид, чтобы затем в нем исчезнуть, уступив науке, духу времени и цивилизации. И если же не хочет того и сопротивляется, то отводится ей в государстве зато как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, – и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтоб не церковь перерождалась в государство как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы способиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие и бу́ди, бу́ди!»[566].

Слева же, перед чертой, рукой Сталина приписано красным карандашом: «*Ф. Д.»,* то есть перед нами тот же способ, каким он отмечал особо значимые для себя тексты Толстого.

Сталин сразу почуял в этом диспуте не только древнейший спор о примате духовной или светской власти в обществе, но и некую аналогию со своим становящимся царством. Ведь отныне и в СССР традиционной церкви отводился еще более тесный угол, чем в европейских государствах. Но еще важнее был как бы заново поставленный историей вопрос о соотношении государственной (светской) и «духовной» (партийно-идеологической) власти в его советском обществе.

Участники диспута обсудили возможные преимущества, которые появились бы у того общества, которое бы сумело достичь всеобщего оцерковления. Предположили, что в таком случае церковно-общественный суд не посылал бы преступников на каторгу и на смертную казнь, не рубил бы голов, как суд современного государства, а отлучал бы преступников и от людей, и от церкви. Это, по их мнению, исключило бы бессмысленную жесткость государственного насилия и в то же время вычеркивало бы преступника из христианского братства, что для верующего человека нестерпимо. «Теперь, с другой стороны, возьмите взгляд самой церкви на преступление, – заявил Иван Карамазов, – разве не должен он измениться против теперешнего, почти языческого и из механического отсечения зараженного члена, как делается ныне для охранения общества, преобразиться, и уже вполне не ложно, в идею о возрождении вновь человека, **о воскресении его** и спасении его…»[567]

Зосима говорит почти теми же словами, что и герой романа Толстого, о бессмысленности государственной системы наказаний. По его мнению, только перед «церковью современный преступник и способен сознать свою вину, а не то что перед государством».

> «Только сознав свою вину как сын Христова общества, то есть церкви, он сознает и вину свою перед самим обществом, то есть перед церковью»[568], – уточнял Зосима, а Сталин отметил его вывод скобкой.

Многие современные писателю критики, особенно консервативного толка, упрекали Достоевского в преклонении перед

народами Европы и их культурой. В то же время раздавались упреки в несправедливом отношении писателя к западным церквям и особенно к католичеству. Как мы помним, в старших классах Тифлисской духовной семинарии преподавали «Обличительное богословие», в котором излагалась критика с позиций официального православия догматов иноверческих христианских конфессий. Достоевский заставляет прозорливца и умницу Зосиму произносить заведомые глупости, только бы доказать читателю коренное различие между Западной и Восточной церквями. Так, например, древнехристианскую идею, развиваемую потом и европейскими гуманистами, и либералами, и социалистами, и анархистами, и большевиками о том, что любой преступник и любое, даже уголовное, преступление есть в конечном счете восстание против несправедливостей существующего общественного устройства, Зосима-Достоевский приписывает мифическим «иностранным деятелям» его времени. Он даже утверждает, что, в отличие от России, в Европе общество относится к преступнику с «ненавистью и полнейшим к дальнейшей судьбе его, как брата своего, равнодушием и забвением». Не забудем, что сам Достоевский пробыл четыре года на российской каторге и ее порядки и «преимущества», так же как Сталин, в отличие от графа Толстого, испытал на себе самом. Сталин отметил очередной ход мысли Зосимы, который связал безразличие католической церкви и всего западного общества к падшему со всеобщим омирщвлением духовной жизни Запада. Зосима излагал внимающим:

> «Таким образом, все происходит без малейшего сожаления церковного, ибо во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть»[569].

Похоже, что Достоевский-Зосима придерживался хорошо знакомого многим советским гражданам мнения о возможности исчезновения преступлений и преступников в новом, окончательно оцерковленном (а у нас в «коммунистическом») обществе. Без сомнения, грядущий христианский мир Достоевского-Зосимы очень напоминает призрачные грезы о коммунистическом обществе советской

эпохи. Но об этом чуть позже. Пока же, вслед за участниками диспута и следящим за ними вождем, до конца проследим и мы за особо любимыми мыслями Достоевского о государстве и церкви, воплощенными, как ему представлялось, в различных подходах Запада и Востока, Рима и Москвы.

«Совершенно обратное изволите понимать! – строго проговорил отец Паисий, – не церковь обращается к государству, поймите это. **То Рим и его мечта**. То третие диаволово искушение! А напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле – что совершенно теперь противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. **От Востока звезда сия воссияет**»[570].

Действительно, то древний спор. На протяжении тысячелетий Вселенскую церковь потрясал диспут о первенстве церкви или государственной власти. Сталин выделил слова: «То Рим и его мечта», то есть мечта католицизма о превращении церкви во всемирное государство. Отец Паисий вполне справедливо напоминает, что в Евангелии есть место, где дьявол различными посулами искушает Христа. Согласно евангелисту Матфею, третье, наиболее великое искушение состояло в том, что он предложил Христу стать всемирным владыкой и тем самым как бы соединить в своем лице всемирную духовную и светскую власть, то есть сделать то, к чему как будто бы стремятся римские папы. Христос отверг это искушение, но именно в этот соблазн «папо-цезаризма» впали, по мнению православия, католики. Впрочем, последние обвиняли Восточную церковь в «цезаре-папизме», поскольку в православных государствах власть правителя и царя была выше власти и авторитета церкви. Достоевский видел возможность преодоления этого противоречия на пути Восточной, Русской православной церкви, которая, по его мнению, была способна переродить остатки языческих государств в мировое христианское сообщество. Отсюда и пророчество-лозунг: «От Востока звезда сия воссияет!» Но для Сталина эта формула означала нечто совсем иное и не столько символическое, сколько политическое. Дело не только в том, что советская Россия традиционно рассматривалась ее вождями, в том числе и Сталиным, как Восток, и соответственно ее всемирно-историческая миссия виделась в продвижении социализма на Запад, то

есть в Европу и Америку. Дело еще и в том, что в эти 20–30-х годах предпринимались попытки поднять колониальные народы Азии, то есть Востока против западных империй. Эти попытки предпринимались в рамках концепции экспорта революции в отдельные колониальные страны и победы социализма в мировом масштабе. Так мессианская идея русского православия в трактовке Достоевского сошлась под карандашом вождя с мессианской идеей советского социализма.

Кроме оппонентов Достоевского, и сам писатель осознавал связь своих и вообще евангельских идей с теми идеями социализма, которые захлестнули Европу и Россию в XIX веке. Ненавистный Достоевскому герой романа – либерал и западник Миусов иносказательно уличает монахов в тайном исповедании социализма. Он рассказывает им о своем разговоре в Париже с неким полицейским-сыщиком, который признался, что не так опасается социалистов и революционеров безбожников, как социалистов-христиан. «Вот этих-то мы больше всех опасаемся, это страшный народ!» – заявил сыщик Миусову. Выслушав эту историю, монах понял ее так:

«То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? – прямо и без обиняков спросил отец Паисий»[571].

И хотя Сталин почти не ввязывался в дискуссию с примыкавшими одно время к социал-демократам мыслителями типа Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве и даже с большевиками вроде А. Луначарского, А. Богданова, М. Горького и с другими «богостроителями» и «богоискателями», пытавшимися получить некий новый синтез христианства и социализма, он об этих поисках, без сомнения, имел представление. В одной из дореволюционных публикаций (1909 г.), которую Сталин признал своей, а именно в «Резолюции Бакинского комитета о разногласиях в расширенной редакции “Пролетария”» говорится, что «так называемое “богостроительство”, как литературное течение, и вообще, привнесение религиозных элементов в социализм, – является результатом ненаучного и потому вредного для пролетариата толкования основ марксизма». Бакинский комитет «подчеркивает, что марксизм сложился и выработался в определенное мировоззрение не благодаря союзу с религиозными элементами, а в результате беспощадной борьбы с ним»[572]. Так что Сталин давно знал о попытках соединения христианства и социализма и на идейном уровне относился к ним по-ленински отрицательно. Милосердный Бог,

«боженька», как издевательски отзывался на это имя Ленин, и для Сталина был «пятым колесом в телеге» его социализма. Не случайно Сталин отмечает слова Ивана Карамазова о нелепости, с его точки зрения, такого смешения:

«…что вообще европейский либерализм, и даже наш русский либеральный дилетантизм, часто и давно уже **смешивает** конечные результаты социализма с христианскими. Этот дикий вывод, конечно, характерная черта»[573].

В конечном счете весь социализм XIX века, как политическое движение, свелся к выяснению происхождения богатства и бедности и к определению путей преодоления социальной несправедливости в распределении материальных благ. Как известно, было предложено всего два-три рецепта для преодоления этого неравенства. В том числе не забывали и о самой древней библейской рекомендации:

«Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже **самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его**»[574]. На полях слева Сталин приписал: «*О-о-ох!!»,* а на полях справа: «*Ф. Д.»*.

Разве можно поверить в то, что богач, которому Христос еще две тысячи лет тому назад отказал даже в сравнении с верблюдом, пролезающим в игольное ушко, вдруг уже в наше время устыдится своего богатства? И так же, как при чтении похожего места в книге Толстого, Сталин рассмеялся. Он, как и тысячи, миллионы людей в России и во всем мире, прекрасно знал, что богатые никогда добровольно не отдадут нажитое и что есть только один способ исправить мировую несправедливость – отобрать силой и сделать так, чтобы богатых не было вообще. Все другие способы казались половинчатыми и исторически бесперспективными.

«Из бесед и поучений старца Зосимы» («Русский инок» и «народ-богоносец» по Достоевскому и Сталину)

Знал ли Сталин свой народ, которым правил, с которым беспощадно расправлялся и которого эксплуатировал во имя себя, своей власти и великодержавной гордыни? Постоянно совершенствуя

на свой лад государство, он разработал такую систему эксплуатации своего народа, какую не сумел изобрести ни один древний и современный правитель, если иметь в виду не рабов, а обычных подданных. Как я уже говорил, слово «народ» было одним из самых нагруженных в системе сталинской пропаганды и в целом – советской идеологии. Обычно, наряду с собирательным именем «советский народ», не забывали и об отдельных народах, а точнее – нациях, населявших СССР. От имени «народа», во имя «народа», именем «народа» выступала и действовала правящая партийно-государственная верхушка, противопоставляя ему, народу, «врагов народа», отщепенцев, предателей, вредителей, шпионов. Широко употреблялись словосочетания типа «простой народ», «трудящиеся», «простые труженики», которым противопоставлялись буржуазная интеллигенция, бывшие привилегированные классы, попы, «эксплуататоры». Причем первых требовалось «беззаветно», то есть безотчетно, бессознательно, инстинктивно, любить, а вторых – так же безотчетно ненавидеть. О чудовищной фальши сталинской идеологии красноречиво свидетельствует известный факт – в лагерях и тюрьмах сидели люди всех национальностей, а русских людей и «простого народа» было несравненно больше, чем каких-либо иных. Массовость репрессий достигалась за счет уничтожения самой многочисленной национальности и самых многочисленных социальных слоев, вне зависимости от национальности. «Качественность» репрессий достигалась уничтожением наиболее ярких и, как правило, талантливых или волевых, независимых, а значит, и наименее осторожных личностей любой национальной или социальной принадлежности. Необходимый темп репрессий достигался за счет планомерно спускаемых из центра разнарядок на аресты по всем регионам страны. Всей этой до тонкостей продуманной системой достигалась всеобщность, неотвратимость и избирательность «наказания свыше», подобно тому, чем постоянно грозит Господь, как утверждает большинство церквей, уличенным в преступлениях грешникам или целым народам. Как верховный распорядитель этой системы, то есть особого, невиданного прежде механизма угрозы и исполнения «наказания» всего советского народа, Сталин уже одним этим как бы уподоблял себя «богу», а народ – «пастве».

Вообще же за последние двести – сто пятьдесят лет не было в общественной жизни России слова более смутного терминологически и столь сильно эмоционально окрашенного политически, чем слово «народ». Его, то есть народ, страстно желали защищать, спасать, освобождать, за него надо было с кем-то бороться. В то же самое время от народа ждали стойкости, избавления, понимания, революции, верности, спасения, смирения, вселенской любви… Идеологическая химера, рожденная в раздробленной, феодальной Европе эпохи Возрождения, размножившаяся на необъятных просторах многонациональной России XIX века, принесла неизмеримо большие разрушения, чем все стихийные бедствия за тот же промежуток времени. Один из глубочайших наших мыслителей прошедшего XX века, Лев Шестов, по этому поводу саркастически заметил: «Русский народ все же большая “идея”, ковер-самолет, на котором не один читатель или писатель совершил свое заоблачное путешествие»[575]. К его списку я бы добавил правителей, политиков, полководцев, публицистов, идеологов, погромщиков всех мастей и калибров. И действительно, это трепетное слово толковали то расширительно, беря за основу родоплеменные признаки, географию, культуру, язык, конфессию, рынок; то, напротив, сужая до нации, отдельных классов и даже избранных слоев. Я уже обращал внимание на то, как, например, Лев Толстой (и народовольцы) ставил знак равенства между словами русское «крестьянство» и русский «народ». Ленин, говоря о народе, подразумевал то пролетариат, то пролетариат с беднейшим крестьянством, а то и совсем расплывчато – всех «эксплуатируемых», отправляя в царство Аида остальных. Николай Данилевский объявил самодостаточной культурно-исторической «личностью» славян, германцев или иной этнос. Эта идея была разно модифицирована, но одинаково с восторгом принята В. Соловьевым, Н. Бердяевым, Н. Лосским, Л. Карсавиным, С. Франком… список может быть очень длинным. Франк дал такую вот изящную формулировку: «…мы находим теперь правильное отношение не только к отдельным людям и общественным порядкам, но и к коллективным, **сверхиндивидуальным живым организмам**. То, что раньше мы в лучшем случае лишь смутно ощущали, мы теперь понимаем и видим именно, что эти сверхиндивидуальные целые суть **живые духовные существа** (везде выделено мной. – *Б. И.*), которые имеют свою

собственную ценность и судьба которых определяет нашу личную судьбу»[576]. В данном случае Франк говорит о православной церкви, но если не знать этого, то неискушенный читатель решит, что речь идет о едином многоклеточном организме. Константин Леонтьев был склонен, говоря о народе, подразумевать русскую православную, то есть духовную, аристократию. Царизм, как имперская идеология, ставил знак равенства между «народом» и лояльными подданными, а внутри выстраивал конфессиональную иерархию. А на практике, в жизни, уже тогда, еще до рождения немецкого нацизма (также питавшегося традицией философии «сверхличности», «народа-аристократа», восходящей к Фридриху Ницше, Отто Вейнингеру, Г. С. Чамберлену, Освальду Шпенглеру, братьям Юнгер, Альфреду Розенбергу…), теоретические воззрения материализовывались в завоевательные походы, в погромы, в изгнание и уничтожение малых иноверческих народов, населявших Российскую империю, в физическое уничтожение после революции целых классов и групп живых людей всех национальностей. И все во имя «народа». Во имя этого идола от сорока до шестидесяти миллионов человек потеряла великая Россия только в сталинскую эпоху. Какие еще человеческие жертвы будут ему преподнесены в будущем?

Достоевский имел свое, особое мнение по поводу того, кого наделять именем «народ», а довоенный Сталин, автор брошюры «Марксизм и национальный вопрос», внимательно к нему прислушался.

Один из разделов своего романа Достоевский озаглавил: «Из бесед и поучений старца Зосимы». В поучения старца Сталин углубился с особым вниманием. Они состояли из отдельных небольших «бесед», имевших собственные названия:

«**д) Нечто об иноке русском и о возможном значении его».**

«Русский инок» – «благолепный» хранитель неискаженного «образа Христова», который скоро явится для «спасения земли русской». В миру же богатые ушли в «уединение и духовное самоубийство, а у бедных – зависть и убийство, ибо прав-то дали, а средств насытить потребности еще не указали». Пока же «неутоление потребностей и зависть… заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются и кровью, к тому их ведут». Но проповедник верует: если ко всему человечеству придет спасение «от востока», то есть от

православной Руси, то сам русский народ будет спасен и возрожден православными «иноками», которые до времени ждут «в уединении». Так предрекал Зосима. Нетрудно понять, что Сталин увидел здесь намек и пророчество на свой счет. Ведь это он, «инок» (бывший семинарист), пребывавший до времени «в уединении» и приготовленный «в тишине» (в ссылках), «на день и час, и месяц и год» явился, «поколебавшийся правде мира». «Сия мысль великая», – сам себя возвышал Зосима, повторяя в который раз: «От востока звезда сия воссияет». Сталин отметил для себя, что Зосима-Достоевский пророчествовал в те самые годы, когда родился и возрастал во младенчестве Сосело-Осечка. Первая публикация романа была осуществлена по частям: в **1879, 1880, 1881** годы, о чем сообщалось в примечаниях[577]. Сталин все три даты старательно подчеркнул. Я уже говорил, что он любил игру в даты, но не только в игру на перестановки и подтасовки. В его бумагах встречаются иногда странные записи цифр, из которых следует, что он, может быть, пытался найти «закономерности» и скрытый телеологический смысл в вехах собственной биографии[578].

Все тот же монах Зосима выразил кредо писателя в двух обширных тирадах, выхваченных Сталиным из его длинного, как покаяние, многостраничного монолога:

> «А от нас и издревле деятели народные выходили, отчего же не может их быть и теперь? Те же смиренные и кроткие постники и молчальники восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом. Если же народ в уединении, то и мы в уединении. Народ верит по-нашему, а неверующий деятель у нас в России ничего не сделает, даже будь он искренен сердцем и умом гениален. Это помните. Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец»[579]. Как всегда, когда речь шла о важной для него мысли, Сталин на полях, слева от карандашной черты, пометил: «*Ф. Д.*».

Удивительно, каким «великим» пророком оказался писатель, предсказавший появление «спасителя» из недр церковной среды. Оттуда действительно явился некто, но не в образе кроткого юродивого «Христа ради» праведника, а в личине беспощадного «вождя». И этот самый вождь с удовлетворением отметил то место проповеди, где Зосима заявляет, что задача спасителя земли Русской состоит в том, чтобы показать пример «братолюбивого общения»: «…а хоть единично должен человек вдруг пример показать **и вывести душу из уединения на подвиг братолюбимого общения**, хотя бы даже и в чине юродивого»[580]. (Подчеркнуто синим карандашом.) Удивительно, как все же непрозорлив оказался великий писатель. Душу свою Сталин не только никогда не выводил на «подвиг братолюбивого общения», а, напротив, погреб ее под стальными плитами холодной рассудочности. Не знаю, как Ленин, но Сталин уж точно не был умом гениален, в том добром смысле, который имеет в виду Достоевский. Тем более он никогда не был искренен сердцем, а с христианской точки зрения он был отступником, атеистом и богоборцем, был гонителем церкви, его воспитывавшей и когда-то кормившей. И тем не менее не только иноверческие народы, но и «народ богоносец» принял его, терпел и массовой частью своей обожествлял. В общем, Достоевский оказался ничуть не лучшим пророком и прозорливцем, чем Лев Толстой, и не меньшим, чем он, утопистом. Но для Сталина была интересна совсем не эта, псевдопровидческая сторона творчества Достоевского. Ведь он подчеркивал карандашом строки романа спустя пятьдесят лет после их первого опубликования, когда ложность пророчества стала более чем очевидна.

В 1929-м и в последующие годы атеистической истерии говорить о православной Руси, затаенно ждущей своего вселенского исторического часа, было, по крайней мере, безнадежно, а для вождя большевистской партии и мирового пролетариата просто даже нелепо и смешно. Но для Иосифа Джугашвили, именно в эти годы прикинувшего на свои сутулые плечи хитон «Учителя народов», требовалась подходящая паства, то есть «избранный» им и для него «народ богоносец», через посредство которого он мог бы нести в мир «идеи социализма». Из всех 60 народов империи (так он их пересчитал в 1936 году) только два народа могли в теории претендовать на подобную историческую роль: евреи и русские. Но поскольку среди тех ближайших, кто не только не

принял его пастырства, а даже просто не принял его первенства, были в основном евреи, сами возмечтавшие миссионерствовать во главе с «Зиновьевым-Каменевым» или «Иудушкой Троцким», то он, ощущая уже в себе полную силу, все больше склонялся в сторону русского народа. Правда, как всегда до поры прагматично, не отказался в предвоенный и военный периоды и от использования еврейского фактора. Здесь мы впервые регистрируем глубинные, но очень давние душевные толчки, которые, постепенно материализуясь в текущую политику и идеологию, привели к пароксизмам «борьбы с космополитизмом» 1947–1953 годов.

«**е) Нечто о господах и слугах и о том, возможно ли господам и слугам стать взаимно по духу братьями».**

В этом подраздельчике романа Сталин отметил еще более многозначительный фрагмент:

«Так что неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает, умилительно плачет. Не то у высших. Те во след науки хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя бога, то какое же тогда преступление? В Европе восстанет народ на богатых уже силой, и народные вожаки повсеместно ведут его к крови и учат, что прав гнев его. Но “проклят гнев их, ибо жесток”. А Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и **смирения** его»[581].

Во всей этой претендующей на очередное пророчество тираде ключевое слово для Достоевского, как и для Сталина: «смирение». Он его и подчеркнул. То, что в исторической реальности все было наоборот, что не в Европе, а в России народ, напоенный вражеской кровью православным царем во время мировой войны, а затем еще большей, но уже братской кровью, разномастными вожаками Гражданской войны, первым в Европе восстал на богатых и образованных, – совсем не это произвело впечатление на Сталина. Он уцепился за ту якобы фундаментальную черту русского народа, которую Достоевский назвал «смирением». И странное дело, в справедливость этого качества верили и продолжают верить и сейчас, в наше время, не только те, кто, как и Достоевский, присвоили себе право приписывать «народу» как некоей сверхличности (а по существу, себе,

раз они сами принадлежат к этому народу) богоизбранничество, мессианство и другие исключительные качества. Этот завистливый «юдаизм» Достоевского был подмечен тогда же, в его время, Константином Леонтьевым, а затем Николаем Бердяевым. Напомню слова последнего: «Юдаизм в христианстве есть подстерегающая опасность, от которой нужно очищаться. А всякий исключительный религиозный национализм, всякое религиозно-национальное самомнение есть юдаизм в христианстве. Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного»[582].

Но если вся древняя библейская история евреев служит жестким, назидательным уроком Господа самовольному и «жестоковыйному» избранному для этого урока народу, то Достоевский, заискивая перед Учителем, будто первый ученик в народных классах, уверяет его в исключительнейшем смирении и кротости перед ним народа своего, русского. Но, так и не успев дождаться исторического ответа, он апостольским жестом дарует ему (и себе) титул новоизбранного «народа богоносца». Отсюда, хотя и не только отсюда, известный антисемитизм и антиполонизм Достоевского. Иудеи и славяне-католики были в его глазах потенциальными соперниками среди народов Российской империи («Востока») по части претензий на «богоизбранничество».

Вообще же вся эта сторона религиозного национализма писателя (и не только его) – сплошное недоразумение с исторической точки зрения. Русский народ, как и любой другой, был ничуть не менее «жестоковыйный», чем народ иудейский, разумеется, если не рассматривать себя и свой народ абстрактно, как некую исторически страдательную функцию. Как и многие великие народы, бывшие до него и рядом с ним, это народ-завоеватель и народ-революционер, смиряющийся только перед своими земными владыками, да и то лишь на определенных условиях. На замечание Эмиля Людвига, что русский народ триста лет терпел династию Романовых, Сталин вполне резонно ответил: «Да, но сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет: восстание Степана Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 года, революция в феврале 1917 года, Октябрьская революция»[583]. Не только кровавые бунты, стихийные народные восстания, революции, но и государственные

войны всю историю периодически сотрясали «смиренную» Россию. Количество и размах этих потрясений были ничуть не меньшими, а много большими, чем размах народных восстаний в странах Западной Европы. Достоевский, в отличие от Сталина, не знал или не хотел знать революционную историю своей страны.

Неужели Сталин мог искренне поверить Достоевскому, говорившему об особом, евангельском смирении избираемого им народа? Ведь толь ко-только не то что на его глазах, а сквозь него самого прошла многолетняя Гражданская война, где «смиренные» православные русские беспощадно дрались, вперемешку с другими, покоренными народами, на фронтах всех цветов. Вряд ли он тогда, в 30-х годах, действительно уверовал в блаженное народное смирение. Иначе он не стал бы добывать его, это самое «смирение», с такой невиданной в истории жестокостью и ненавистью. Он всю жизнь помнил и никогда даже не пытался вытеснить из своего сознания то, как его кавказские земляки, он сам и другие народы империи воспринимали русских. «В старое время, – говорил он в 1935 году, – … политика правительства состояла в том, чтобы сделать один народ – русский народ – господствующим, а все другие народы – подчиненными, угнетенными. Это была зверская, волчья политика»[584]. Даже когда он в 1936 году представлял «свою» Конституцию, опять напомнил, что русский народ воспринимался им, грузином, и после революции как народ-завоеватель: «Ныне действующая Конституция, принятая в 1924 году, есть первая Конституция Союза ССР. Это был период, когда отношения между народами не были еще как следует налажены, когда пережитки недоверия к великороссам еще не исчезли…»[585] Бывший наркомнац принимал самое непосредственное участие в разработке Конституций 1924 и 1936 годов. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и элементы пропагандистской игры: до революции были волчьи законы, а при нем, добром «пастыре народов», наступила эпоха дружбы народов.

Но личный опыт «1937 года», а затем Великой Отечественной войны заставил Сталина произнести эмоциональный парафраз речи отца Зосимы «о смирении». Цитирую знаменитый тост, произнесенный им 24 мая 1945 года на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии:

«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура».*)

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего Правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах… Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо верил в правильность политики своего Правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества – над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа! (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.*)»[586].

Так «Отец, Любимый Вождь, Гений всех времен и Учитель народов» окончательно определился в отношении избранного «народа богоносца», как архетипа сверхличностной национальной массы, в «идеальном» единстве своем якобы обладающей особо выдающимся «умом, стойким характером и терпением». Как мы помним, именно эти качества Сталин выделял и особенно ценил в себе самом. Так «Учитель из Тифлиса» обрел и наделил «народ свой» собственным образом и подобием.

Те приятные качества, которые приписываешь себе, ты ищешь и с легкостью находишь в собственном народе, в своих родителях, детях, друзьях. То, что подозреваешь в себе гнусного, с легкостью обнаруживаешь у соседа, у врагов и у других народов. И в том и другом

случае источник оценок один. Однако есть и разница: не отрекаясь до конца от своего грузинства, Сталин с годами все больше становился «русским». Об этом пишут дочь, Молотов, военачальники, об этом красноречиво свидетельствует предвоенная, военная и особенно послевоенная пропаганда. Отзвуки этой пропаганды до сих пор греют душу русским сталинистам и смущают души русским либералам. Но никто не осознает того, что не он стал русским по духу, а, напротив, в людях, причисляющих себя к русским, он стал подмечать только те качества, которые любил и ценил в себе, но востребовал от них то, что отвечало нуждам текущей политики. Разумеется, делал он это неосознанно, интуитивно, как неосознанно востребуют те или иные качества любые вожди народов: от политиков до художников и проповедников. В любом народе есть все и всего с избытком. И как только выделяется лидер (персональный или коллективный – не важно), он, востребуя те или иные качества, формирует их в устойчивые, на данный исторический момент, свойства народного характера. Меняется вызов времени, международная и внутренняя ситуация, меняются лидер, идеология, с ними всегда меняется «характер» народа. Такая смена характера не всегда происходит гладко и безболезненно, особенно на стыке поколений. Моисей водил «народ свой», а по существу, кучку беглых трусливых рабов, сорок лет по пустыне, пока не воспитал из них жестоких завоевателей, которых возглавил Иисус Навин. Гитлер завершил воспитание нескольких предшествующих поколений немцев, преобразив по своему подобию уравновешенных, миролюбивых и расчетливых бюргеров и земледельцев XVIII–XIX веков в чрезвычайно стойких, дерзких до безрассудства, беспощадных завоевателей. Отцы-основатели США наложили свой образ (американца) трудолюбивого, напористого, простованного фермера на людей разных рас, национальностей, религий, культур. Ныне этот народ сплоченно созидает, в том числе и оружием, первую всеземную империю. Русские князья и цари, разноплеменные церковные иерархи актуализировали в таком же разноплеменном православном народе те качества, которые хотели видеть в данный исторический момент в себе самих. Они формировали душевный облик народа не только по своему образу, но и на потребу текущей внутренней и внешней политике. Главным же мотивом такой политики была война, иногда оборонительная, но чаще наступательная. Большевики же с легкостью

нашли и востребовали в русском и в других народах империи, отличавшихся даже особо стойким национализмом, искреннюю поддержку космополитическим идеям мировой революции и всемирного интернационала. Любой народ – это одновременно коллективное «все» и «ничто». Его «душа», «разум» и «воля», даже физический «образ», есть проекция потребного образа первенствующих. Сталин интуитивно все это понял, избрав «народ свой».

«ж) О молитве, о любви и о соприкосновении мирам иным».

Литературный и философский метод Достоевского состоит в том, чтобы циркулярно обсуждать одни и те же вопросы, периодически углубляя и расширяя их толкование. В этой части проповеди Зосима говорит о взаимосвязи мира земного и греховного с мирами иными, божественно одухотворенными. В качестве посредника между ними, между грешным человеком и Богом служит «инок». Так что «инок» Достоевского – это как бы духовный санитар, у которого помимо молитвы – одно могучее средство. Рецепт такого средства Сталин подчеркнул и с боку приписал синим карандашом «Ф. Д.»:

«**Смирение любовью – страшная сила, изо всех сильнейшая**, подобно которой и нет ничего»[587].

Дети, птицы, животные, бесконечный океан жизни, как и смертные грешники, – все достойно молитвы и заступничества. Перед всеми инок смиренно просит прощения и не смеет отчаиваться. Православный инок Достоевского обязан, как закарпатский иудей-хасид, вечно находиться в приподнятом, радостном настроении от ощущения радости близости Бога и красоты Его творений. «Други мои, **просите у бога веселья**. Будьте веселы как дети, как птички небесные», – рекомендует Зосима[588].

И уж совсем крамольную мысль отмечает марксист Сталин, популяризатор диалектического и исторического материализма, непримиримый борец с «идеализмом» и оппортунизмом разных мастей. Зосима говорит о непостижимых тайнах, связывающих наш мир «с миром иным, с миром горним и высшим», и добавляет:

«Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле»[589].

Опровержением этого тезиса, дважды отмеченного карандашом, философ Сталин займется в ближайшие двадцать лет своей жизни.

«з) Можно ли быть судиею себе подобных? О вере до конца».

> «Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за это преступление стоящего перед ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможет стать и судиею»[590]. Слева на полях комментарий: *«Один за всех?»*

Пока Сталин «не открывал рот», пока молча, хотя и многозначительно подчеркивал и отчеркивал текст, можно было многое домысливать и толковать за него. Но вот знаки более ясные. И что же – он не понимает многого из того, о чем говорит писатель. О чем здесь толкует Зосима? «Не судите, и не судимы будете» – вот о чем он говорит, без ссылки на эту евангельскую заповедь. Правда, эта заповедь у Достоевского развернута в любимое мыслителем и бывшим каторжником направление: не судите и не осуждайте не потому, что истину знает только Бог, а потому, что «всяк перед всеми виноват». Правда и то, что Христос выразил эту мысль иначе, совсем не как формулу духовной круговой поруки. Запретив побивать камнями неверную жену и посоветовав каждому поискать бревно в глазу своем, он поставил всех перед Богом (а не перед людьми!) в равные условия. Сталин же перевел весь этот пассаж в «мушкетерское»: «Один за всех…» Здесь он демонстрирует достаточно примитивный, прямо скажем – узкий умственный кругозор. Не помогло и начальное церковное образование.

Зосима дал еще два практических совета остающемуся на земле иноку. С одним из них Сталин был давно знаком, а с появлением в Кремле следовал ему постоянно. Тем не менее Сталину, видимо, было приятно услышать такое поощрение из уст старца:

> «Делай неустанно. Если вспомнишь в нощи, отходя ко сну: “я не исполнил, что надо было”, то немедленно восстань и исполни»[591].

Конечно, старец имел в виду совсем не ту деятельность, которой занимался вождь, любивший ночную жизнь. Он говорил о терпении и

терпимости, о готовности пострадать самому даже от врага и за врага. Нет ничего удивительного в том, что кульминацией христианской проповеди в романе стала мысль о запрете мщения врагам. И эту великую христианскую заповедь отметит карандашом человек, уже тогда прославившийся необыкновенной мстительностью, завистливостью и злопамятностью. Пусть он эту заповедь никогда не принимал практически, но ведь отметил же:

«Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необоримою, даже до желания **отомщения** злодеям, то **более всего страшись** сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей»[592].

Многое, очень многое понимал товарищ Сталин, занимаясь душевными разминками и такими же гигиеническими процедурами поздно ночью на даче в Зубалове или Кунцеве. В каждом человеке множество параллельных миров, которым никогда не суждено пересечься.

«и) О аде и адском огне, “рассуждение мистическое”».

Мы вместе с Достоевским и Сталиным подошли к кульминации проповеди монаха. О каких редчайших для современного человека вещах, рассуждает в романе праведник Зосима! Сталин буквально вцепился в этот текст, правда, чуть скорректировав название. Слова «рассуждение мистическое» он карандашом взял в кавычки. Любые формы «мистики» и «поповщины» терпеть не мог Ленин, а за ним и все мыслившие большевики. И для Сталина «мистика», «идеализм» были синонимами досужей и вредной болтовни. Но то, что читал у Достоевского человек, всерьез готовившийся до зрелого, двадцатилетнего возраста стать священником, то есть попом, «болтовней» назвать не мог. Отсюда кавычки, то есть писатель, мол, выразился фигурально, а на самом деле – рассуждение философское и вполне практическое. И здесь Сталин был прав. Нет ничего мистического в том, что ад и рай были размещены писателем в одной и той же бесконечной точке – в человеческой душе. Еще читая первые разделы романа, Сталин уже там отметил рассуждения писателя об этих предметах.

Вспоминая об одном из поворотных эпизодов своей молодости, Зосима рассказал о некоем «таинственном посетителе», который признался ему в совершении давнего убийства. Он убил из чувства

мести женщину, которую любил, но которая отвергла его. Эпизод «преступления и самонаказания» для Достоевского навязчивый, кочующий из одного его великого произведения в другое. И признание в преступлении происходит почти в одних и тех же словесных и ситуационных формах. Зосима вспоминал:

«А он именно на головную боль жаловался.

Я… знаете ли вы… я… человека убил»[593].

(Отчеркнуто синим карандашом.)

Говорят, до войны Сталин много раз посещал оперу Мусоргского «Борис Годунов», а после войны настоял, чтобы ее возобновили. Его якобы очень волновал эпизод признания царя Бориса в убийстве царевича Дмитрия. Действительно ли его возбуждала сцена видений «кровавых мальчиков», утверждать теперь невозможно. Еще меньше есть прямых доказательств того, что Сталин лично сам кого-то убил в революционной молодости или в зрелые годы. Правда, есть одна любопытная психологическая зацепка. Все тот же дотошный немецкий журналист Эмиль Людвиг задал Сталину витиеватый вопрос: «Прошу Вас извинить меня, если я Вам задам вопрос, могущий Вам показаться странным. В Вашей биографии имеются моменты, так сказать, “разбойных” выступлений. Интересовались ли Вы личностью Степана Разина? Каково ваше отношение к нему, как “идейному разбойнику”? [594]» Сталин ушел от прямого ответа, предпочитая порассуждать о Степане Разине. Но Людвиг наверняка читал в эмигрантской литературе воспоминания кавказских земляков вождя о его «подвигах» в революционном подполье. Однако прямых доказательств нет. Но то, что Сталин при чтении вновь и вновь фиксируется на сценах признания в убийстве, на сценах покаяния и душевных мук, факт, как видите, бесспорный. Еще любопытней его фиксация на том эпизоде романа, где рассказчик дает оценку характера убийцы:

«…**и, будучи характера сильного, почти забывал происшедшее**; когда же вспоминал, то старался не думать о нем вовсе»[595].

Иначе говоря, по Достоевскому, человек с сильным характером способен волевым актом на время вытеснять из своего сознания, то есть памяти, тяжкие эпизоды собственной биографии. Иметь сильный характер – это значит уметь **не думать** о них, даже если они навязчиво, то есть непроизвольно, всплывают в памяти. Это не совсем то, о чем говорит Фрейд, утверждающий, что забвение – это полное вытеснение

в подсознание травмирующих психику воспоминаний. На самом же деле, как утверждает вся великая мировая художественная литература, ни один из жизненных эпизодов не покидает навсегда сознание человеческой души, явно или втайне поддерживая или подтачивая своими страстями разум и тело. На это, собственно, и рассчитана теория покаяния как способа жизненного очищения и оздоровления, а для верующего – как единственного способа восхождения в «Царство Божие». Если же психическая травма надежно вытеснена в подсознание, то добровольное покаяние, то есть осознание вины, невозможно. Тогда нужна помощь со стороны – колдуна, священника, политработника, психолога, а чаще просто душевного и родного человека. Другое дело, что, зная и помня о своей вине, мало кто способен искренне раскаяться даже наедине с собой, а тем более публично. Публичное покаяние есть глубоко травмирующий, опасный для личности акт, напоминающий рискованную хирургическую операцию. Он всегда затрагивает не только личностную, но и социальную сферы жизни, то есть многих и многое не только в тебе, но и вне тебя. Сталин это отлично знал из своей семинарской практики и потому, как инквизитор, принуждал врагов публично каяться, что приводило к саморазрушению. Недаром «таинственный посетитель» отца Зосимы признается:

> «– Решимость моя три года рождалась, – отвечает мне, – а случай ваш дал ей только толчок»[596].

(Синий карандаш.)

Его мучили вполне понятные сомнения в необходимости именно публичного покаяния. То есть вопрос о том, так ли уж необходимо свою личную, внутридушевную, психическую проблему выносить в социальную сферу. Если мучения совести уже есть наказание, и даже, как утверждается, более серьезное, чем наказание по суду, то чего же еще требовать?

«– Да нужно ли? – воскликнул (“таинственный посетитель”. – *Б. И.),* – **да надо ли?** Ведь никто осужден не был, никого в каторгу из-за меня не сослали, слуга от болезни помер. А за кровь пролитую я мучениями был наказан. Да и не поверят мне вовсе, никаким доказательствам моим не поверят. Надо ли объявлять, надо ли?»[597] В

ответ на вопрос Сталина: «**Да надо ли?**» – Зосима указует на Евангелие от Иоанна, глава XII, стих 24:

> «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода»[598].

Сталин отметил и этот стих.

Публично покаявшись, «таинственный посетитель» вскоре так же таинственно, но закономерно, с точки зрения Зосимы, и с облегченной душой умирает. Его признания таинственным образом никто не принимает всерьез, а потому он спасает свое «доброе» имя и детей от позора. Таковы плоды всенародного покаяния «таинственного посетителя».

Проблема «преступления и покаяния» все же каким-то боком касалась сталинской души. В связи с этим вспоминается одно из постоянных требований публичного раскаяния, которое он предъявлял «жестоковыйным» оппозиционерам. Он требовал их «идейного разоружения» перед народом, партией, ЦК, перед вождем. Даже в этом он как бы воспроизводил формы церковной жизни. Ему явно доставляло огромное удовольствие, когда знаменитые партийно-государственные бонзы на судилищах каялись в грехах, выворачивая из своего затравленного душевного нутра дикие смеси из правды и небылиц. Вспоминается и иное: когда послевоенный Сталин просмотрел вторую серию кинофильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный», он запретил ее к показу. Одной из главных претензий к режиссеру стали сцены раскаяния царя, с которым вождь, без сомнения, себя ассоциировал. По его тогдашнему мнению, грозный царь не мог себя вести как интеллигент-неврастеник. Но все это говорит об огромном грузе вины, с которым жил и умер нераскаявшийся вождь.

Рай

Посетитель Зосимы интересен все же не тем, что он искренне раскаивается в преступлении, а тем, как он фиксирует состояние своей души в пространстве двуполюсного мира. Того самого, уже знакомого нам мира, где есть «плюс» (Бог, добро, рай) и «минус» (дьявол, зло, ад).

«Слушаю я это и думаю про себя (рассказывает Зосима. – *Б. И.):* “Это он наверно хочет мне нечто открыть”. “**Рай, говорит, в каждом из нас затаен**, вот он теперь и во мне кроется, и хочу – завтра же настанет он для меня в самом деле и уже на всю мою жизнь”»[599]. (Подчеркнуто синим карандашом.)

Возможность достижения рая незаметно переносится Достоевским из мистической, потусторонней, в практическую, земную область. Ведь если напрячься, а главное – захотеть, то уже сейчас можно достичь рая личным самоусовершенствованием и тем самым создать рай здесь, на земле. А далее рецепт прост: братолюбивая гармония, общечеловеческая солидарность, коллективизм, равенство, советский лозунг: «человек человеку друг, товарищ и брат». И этот рецепт «реакционного» писателя Сталин берет на заметку, поскольку он мало чем отличается от декларируемых рецептов якобинцев, народовольцев, социал-демократов, большевиков-коммунистов:

> «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернули на другую дорогу»[600].

На верхнем поле листа по поводу всех этих замечательных мыслей о земном рае Сталиным написано: *«Самоусовершенствование?»*

Здесь впору задуматься каждому: у всех ли душа от рождения так тонко настроена, что сама, без ошибок и тренировок, без испытания крайних чувств и страстей, а значит, проступков, с легкостью определяет, где плюс, а где минус? Пожалуй, и впрямь предполагается абсолютная свобода в познании добра и зла, а с ней-то и возможность самоусовершенствования. Но все ли свободно, то есть по своей воле, способны пойти этим путем, да и пойдут ли вообще? А если не пойдут? Зосима точно знает, что многие, очень многие не пойдут по пути самоусовершенствования и братолюбивого единения, а, напротив, каждый постарается отъединиться один от другого. Гордыня индивидуализма, которым особенно страдают богатые и образованные безбожники, – это путь к самоубийству. А для души, согласно христианской доктрине, самоубийство предполагает безвозвратную дорогу в ад. Предостерегающе звучит голос Зосимы:

«…а между тем выходит изо всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего **впадают в совершенное уединение**». Сбоку справа на

полях Сталин прокомментировал: *«Миллион одиночек?»*[601] (Или *«одиночеств?»,* окончание написано неразборчиво.)

Авторитет гениального писателя таинственным образом начинал работать в пользу советского социализма, идеологии коллективизма и даже – сталинской коллективизации сельского хозяйства. Сталину оставалось только согласно отмечать те места в книге, которые пророчески предвещали коллективистский дух новой социалистической эпохи:

> «Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей целостности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как естественно отделились один от другого»[602].

«Верующие бабы», или спасенные из ада

В философии Достоевского женская душа имеет большую самостоятельность и ценность, чем в этике Толстого. Женская душа лишь один из способов осуществления человеческой души как таковой. Но, в отличие от мужских душ, женская душа, даже самая падшая и ущербная, находит у Достоевского большее сочувствие и сострадание. Легче впадая в грех, она легче очищается от него. Даже если женщина совершает у Достоевского смертный грех человекоубийства, он мотивирован не низменными страстями и гордыней, а притеснениями со стороны убитого и действительными страданиями женщины, вынужденной убить. Зосиме, как духовному санитару и лекарю, легче исцелить больную женскую душу, поскольку она более открыта и не склонна к тем осложнениям, которым подвержена душа мужская. Чудо прилюдного душевного и физического исцеления, и даже исцеления разума, демонстрирует старец в толпе «верующих баб». А мы помним, что греховная, то есть больная, душа, затягивающая с собой в болезнь и тело, и разум, – это душа человека, при жизни погружающаяся в ад. Поэтому Зосима выступает не только в роли наставника, лекаря и Учителя народа, но в чем-то и в роли Спасителя. Иисус исцелял бесноватых; ту же способность демонстрирует Зосима. Пусть монах не

воскрешает мертвых, но и он, как Иисус, с легкостью избавляет от мук душу матери, потерявшей ребенка. Как Спаситель, он отпускает смертные грехи кающейся убийце и благословляет младенческую чистоту девочки Лизаветы. Этот фрагмент романа также несет на себе следы сталинских размышлений.

Из толпы народа, собравшейся у крыльца кельи, выводят кликушу, то есть отечественную разновидность обуянной бесом женщины. Достоевский от своего лица рассказывает о впечатлениях детства, когда ему часто приходилось видеть и слышать таких кликуш. Он вспоминал о том, что существует мнение о притворстве этих женщин или о сговоре между ними и корыстными церковниками.

> «Но впоследствии я с удивлением узнал от специалистов-меди ков, – замечает Достоевский, – что тут никакого нет притворства, что это страшная женская болезнь и, кажется, по преимуществу у нас на Руси, свидетельствующая о тяжелой судьбе нашей сельской женщины, болезнь, происходящая от изнурительных работ слишком вскоре после тяжелых, неправильных, безо всякой медицинской помощи родов; кроме того, от безвыходного горя, от побоев и пр., чего иные женские натуры выносить по общему примеру все-таки не могут»[603].

Сталин на полях справа отчеркнул этот текст. Может быть, Сталину пришлось наблюдать таких кликуш у себя в Гори или в Тифлисе в храме во время богослужений? Хотя на Кавказе это явление встречается реже. Может быть, он вспомнил, как уже не раз испытал на себе свирепость женской экзальтации, когда его приветствовали народные массы? Кинохроники XX века сохранили многочисленные кадры бьющихся в конвульсиях женских фигур, истеричных женских лиц, молодых и не очень юных, приветствующих Гитлера, Муссолини, Сталина, Мао, битлов, проповедников разных мастей и других массовых символов мужественности. Но в России кликушество не было всего лишь обычной формой временного массового психоза женской части народа. Оно было, как справедливо поясняет Достоевский, следствием тяжелейшего положения женщины в народной крестьянской среде. По сути, это было своего рода бегство от

действительности, то есть подлинное помешательство, приостановить которое, пусть на время, была способна вера в чудо.

> «А потому и всегда происходило (и должно было происходить) в нервной и конечно тоже психически больной женщине непременное как бы сотрясение всего организма ее в момент преклонения пред дарами, сотрясение, вызванное ожиданием непременного чуда исцеления и самою полною верой в то, что оно совершится. И оно свершалось хотя бы только на одну минуту»[604].

Достоевский описывает, как после чуда минутного исцеления окружающая толпа женщин впадает в буйный восторг уже по отношению к целителю-чудотворцу.

Исцеление бесноватой – лишь начальная стадия спасения опущенных в ад душ. Прозорливец тут же, походя, спасает от соблазна душегубства одну из матерей, пожелавшую возвратить себе сына, долго не подававшего вестей, путем кощунственного акта – выставив в храме свечку за упокой его души. Здесь же он отпускает грех раскаивающейся убийце садиста-мужа и тем отворяет дверь из темницы ада очередной больной женской душе. На эпизоде о кающейся убийце и мотиве прощения Сталин опять задержался более внимательно:

«Она глядела молча, глаза просили о чем-то, но она как бы боялась приблизиться.

– Ты с чем, **родненькая**?

– Разреши мою душу, родимый, – тихо и не спеша промолвила она, стала на колени и поклонилась ему в ноги.

– Согрешила, отец родной, греха боюсь»[605].

В русском языке много слов и интонаций, передающих особо близкую степень со-чувствования. Из всех них слова «родненький», «родненькая» выражают наивысшую степень близости, сочувствия и сострадания. Эти слова мне ни разу не встретились ни в опубликованных произведениях Сталина, ни в его письмах, ни в архивных документах, не вспоминают о них и мемуаристы. Может быть, мне не повезло, и более внимательные исследователи со временем обнаружат их в лексике вождя. На сегодняшний день широко известны такие наиболее человечные его слова: «братья и сестры», «друзья мои». С ними он обратился в начале войны ко всему

советскому народу. Эмоционально потрясшие страну, они тоже были из того же, церковного лексикона. Исследуя сталинское публицистическое наследие, Михаил Вайскопф проследил контекст, в котором встречается обращение «братья и сестры» начиная с 20-х годов. Он пришел к выводу, что Сталин употреблял это «патристическое» обращение, как правило, к тем, кто ниже всех стоял по рангу после «товарищей», «граждан» и т. д.[606] Циник не тот, кто демонстративно и часто со страстью переступает через моральные ценности и запреты, а тот, кто холодно и расчетливо использует их в качестве подручных средств.

Помимо непосильной для многих борьбы с собственной неискренностью и брезгливой ненавистью к самому себе, да и к другим, старец в соответствии с христианской проповедью призывал особенно любить раскаивавшихся грешников. И эту заповедь стареющий Иосиф, видимо соскучившийся по евангельскому слогу, подчеркнул в книге. Три года женщина-убийца просит прощения у Бога, а страх посмертного наказания все так же гложет ее: «– Ничего не бойся, никогда не бойся и не тоскуй», – увещевает ее Зосима. «Только бы покаяние не оскудевало в тебе – и все бог простит. Да и греха такого нет в мире и не может быть на всей земле, которого бы не простил господь воистину кающемуся. Да и совершить не может, совсем, такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил божью любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. Веруй, что бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы со грехом твоим и во грехе твоем любит. **А об одном кающемся больше радости на небе, чем о десяти праведных**, сказано давно… Покойнику в сердце все прости, чем тебя оскорбил; примирись с ним воистину. Коли каешься, так и любишь»[607]. Следует ли напоминать, что ни одному публично или закулисно раскаявшемуся «врагу народа» Сталин не даровал ни свободы, ни жизни, ни прощения? Сотни тысяч расстрелянных «врагов» до сих пор «стоят» в фантастической очереди на публичную реабилитацию, то есть посмертное прощение по-нашенски, по-отечески. Но может быть, это он лично для себя не исключал раскаяния в душе, пред лицом Бога? Может быть, читая Достоевского, Толстого, евангельские тексты, он хотя бы в своем воображении иногда «проигрывал» такой сценарий? На этот вопрос у меня нет пока ответа.

Проведя сеанс спасения грешниц, Зосима, по воле Достоевского, на миг расслабился душой, пообщавшись с бескорыстной женщиной из народа, пришедшей взглянуть на старца и передать через него лепту – шестьдесят жертвенных копеек:

«– Спасибо, милая, спасибо, добрая. Люблю тебя. Непременно исполню. Девочка на руках-то?

> – Девочка, свет, Лизавета.
>
> – Благослови господь вас обеих, и тебя и младенца Лизавету. Развеселила ты мое сердце, мать. Прощайте, милые, прощайте, дорогие, любезные»[608], – отметил Сталин красным карандашом.

Ад

Местоположение ада, как и рая, там же – в душе человеческой. «Таинственный посетитель» понял это еще в тот момент, когда расчетливо отводил от себя подозрения в убийстве.

> «Затем с адским и с преступнейшим расчетом устроил так, чтобы подумали на слуг: не побрезговал взять ее кошелек…»[609]

Сталин чуть заметно, походя, отметил этот текст.

Мысль, что ад, как и рай, есть всего лишь крайнее состояние души, Зосиме очевидна. Наивысшее адское страдание, которое способна испытать живая душа, – это нелюбовь, точнее – невозможность любви. В том разделе проповеди, которую Зосима озаглавил «Ад и рай», он эту мысль обстоятельно разъяснил:

«Отцы и учители, мыслю: “**Что есть ад?**” Рассуждаю так: “**Страдание о том, что нельзя уже более любить**”[610]. Рукой Сталина, слева на полях: «*то есть разочарование, неверие*». Ну, здесь уж совсем упрощает «великий» философ и теоретик! Хотя в то же время это зависит от того, как на его комментарий взглянуть. Может быть, он хотел сказать: если он сам разочаровался и не верит больше в Бога, значит, и его душа должна страдать и уже при жизни находиться как бы в аду? Ничего из того, что мы знаем сейчас о Сталине, не говорит о

жестоких душевных муках совести, якобы поражавших его. Да и в романе Достоевского все намного глубже и многозначительнее. Зосима речет о том, что только раз дается человеку жизнь, чтобы заявить: «Я есмь и я люблю». Но если человек не поверил в бесценный дар «деятельной любви», если его существо «взглянуло насмешливо и осталось бесчувственным», то и отошедший от земли попадет в ад, но в ад не физический, а духовный.

> «Говорят о пламени адском материальном: не исследую тайне сию и страшусь, но мыслю, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылось бы ими страшнейшая сего мука духовная. Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри. А если б и возможно было отнять, то мыслю, стали бы от того еще горше несчастными»[611].

Отмечено на полях справа.

Сама по себе идея такого рода «виртуального» ада Сталину понятна, поскольку она мало чем отличается от тех мук совести, которыми так или иначе, пусть мимолетно, как прививкой от кори, но приходится переболеть любому на земле. Поэтому, пройдя воспитание у праведников в духе «деятельной любви», и самые черствые души обретут, наконец, рай, но в отраженном, неполноценном виде. А вот для гордых и свирепых, «приобщившихся сатане и гордому духу его всецело», ад приготовлен на веки вечные не потому, что их на это осуждает милосердный Бог, а потому, что они сами себя к аду приговаривают. Вот какими словами об этом говорит Зосима: «Для этих ад уже добровольный и ненасытимый; те уже доброхотные мученики. Ибо сами прокляли себя, проклявши бога и жизнь. Злобою гордостью своею питаются, как если бы голодный в пустыне кровь собственную свою сосать из своего же тела начал. Но ненасытимы во веки веков и прощение отвергают, бога, зовущего их, проклинают. Бога живого без ненависти созерцать не могут и требуют, чтобы не было бога жизни, чтобы уничтожил себя бог, и все создание свое. И будут гореть в огне гнева своего вечно, жаждать смерти и небытия. Но не получат смерти…»[612] Вот такого-то как раз ада Сталин не боялся. Не только не страшился, а даже предпочитал его, как одну из возможных форм

существования. Намного больше адского существования он боялся полного небытия, абсолютного **ничто**. Напомню, что в книге Франса он именно эту мысль отметил:

«Есть люди, которые больше боятся небытия, чем ада»[613].

Загубивший столько невинных душ, ставший причиной стольких смертей, он банально боялся смерти и согласен был на любые муки ада, лишь бы **быть вечно**.

*** * ***

На этом рассуждения иеросхимонаха Зосимы заканчиваются. Заканчивается и роман, действие которого прошло в городе Скотопригоньевске и его окрестностях, о чем автор сообщил в первых частях своего повествования. Сталин запомнил эту географическую ремарку и в самом конце аккуратно приписал: *«Город Скотопригоньевск».*

Ах, эти странные совпадения: в Москве, оказывается, была улица Скотопригоньевская. По ней в 30-х годах вывозили из города трупы расстрелянных людей.

Вождь против писателя

С годами отношение Сталина к Достоевскому менялось. В разрозненных бумагах Сталина, собранных с его стола во время заседаний Политбюро ЦК, есть любопытная запись, сделанная его рукой зеленым карандашом:

«Памятники:

1) Чехову

2) Толстому

3) Достоевскому

Памятник

М. Горькому»[614].

Даты нет, но перечень находится среди бумаг, относящихся к первой половине 20-х годов. Скорее всего, он сам проявлял инициативу и предлагал соорудить в Москве памятники своим любимым писателям. Как известно, памятник Достоевскому при жизни Сталина

так и не был поставлен. Я думаю, что главной причиной была сначала «сомнительная» репутация писателя, использовавшего православную лексику и страдавшего откровенно демонстрируемыми грехами антисемитизма и антисоциализма. Но и тогда книги Достоевского не входили в индекс запрещенных. Думаю, что здесь значительную роль сыграла позиция Горького. До революции он был одним из самых ярых публичных критиков творчества и политических пристрастий Достоевского. Но после революции, особенно в начале 30-х годов, он активно выступал против замалчивания и запрещения творчества писателя. В библиотеке Сталина есть экземпляр книги: «М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941 год». Книгу с дарственной надписью прислал составитель профессор С. М. Брейтбург. В книге впервые опубликовано письмо Горького в Госиздат от 29 сентября 1928 года, с предложением издать романы «Бесы» и «Братья Карамазовы». Любопытна мотивировка – несмотря на то что Достоевский «неряшливый» писатель, но это лучшие его произведения. Кроме того, его нельзя запрещать по причине, что все равно «молодежь будет читать как подпольную литературу» и т. д. Так что произведения Достоевского до войны издавали, и не раз.

Но ближе к войне, когда антисемитизм исподволь начал превращаться в фактор государственной политики и, казалось бы, напротив, должен был способствовать популярности творчества писателя, Достоевский был негласно запрещен. Рефлексирующая проза Достоевского, ее христианские и внешне антисоциалистические мотивы никак не вписывались в обновленное мировоззрение Сталина. Эволюция его мировоззрения завершилась в период войны. Закончились и внутридушевные игры с чувствами вины, покаяния, с Богом и дьяволом, с добром и злом. Эту эволюцию можно представить в виде графической линии, начальную и конечную точки которой обозначают те самые плюсы и минусы на книгах А. Франса и Г. Александрова. Напомню, как противоположно они были оценены вождем в начале и в конце этого пути. Но этот путь, длиной менее чем в десять лет (от середины 30-х до середины 40-х годов), был насыщен таким количеством убийств, сначала внутри страны, а затем на фронтах войны, первопричиной которых был он, Генеральный секретарь, глава правительства и Верховный Главнокомандующий, что всякая рефлексия, даже в качестве потайной душевной зарядки, теряла какой-

либо смысл. Поэтому нет никакого противоречия в цитировавшихся выше воспоминаниях С. Аллилуевой. Он продолжал считать Достоевского великим писателем, но уже абсолютно неприемлемым идеологически для его народа.

Я думаю, что Дмитрий Шепилов, крупный партийный функционер послевоенной формации, в общем, верно передает полученную им через Андрея Жданова послевоенную оценку Сталиным творчества Достоевского:

«…Жданов говорил примерно следующее:

Вчера товарищ Сталин обратил внимание на то, что в выходящей новой литературе очень односторонне, а часто и неправильно, трактуется вопрос о творчестве и социологических взглядах Федора Достоевского. Достоевский изображается только как выдающийся русский писатель, непревзойденный психолог, мастер языка и художественного образа. Он действительно был таким. Но сказать только это – значит подать Достоевского очень односторонне и дезориентировать читателя, особенно молодежь.

Ну а общественно-политическая сторона творчества Достоевского? Ведь он написал не только “Записки из мертвого дома” или “Бедные люди”. А его “Двойник”? А знаменитые “Бесы”? Ведь “Бесы” и написаны были для того, чтобы очернить революцию, злобно и грязно изобразить людей революции преступниками, насильниками, убийцами; поднять на щит людей раздвоенных, предателей, провокаторов.

По Достоевскому, в каждом человеке сидит “бесовское”, “содомское” начало. И если человек – материалист, если он не верит в Бога, если он (о ужас) социалист, то бесовское начало в нем берет верх, и он становится преступником. Какая гнусная и подлая философия. Да и Раскольников – убийца – является порождением философии Достоевского. Ведь “Бесы” только по своей грязно-клеветнической форме отталкивали либералов. А философия в “Преступлении и наказании” по существу не лучше философии “Бесов”.

Горький не зря называл Достоевского “злым гением” русского народа. Правда, в лучших своих произведениях Достоевский с потрясающей силой показал участь униженных и оскорбленных, звериные нравы власть имущих. Но для чего? Для того, чтобы призвать униженных и оскорбленных к борьбе со злом, с насилием, тиранией?

Нет, ничуть не бывало. Достоевский призывает к отказу от борьбы, к смирению, к покорности, к христианским добродетелям. Только это, по Достоевскому, и спасает Россию от катастрофы, которой он считал социализм.

А наши литераторы кропят творчество Достоевского розовой водицей и изображают его чуть ли не социалистом, который только и ждал Октябрьской революции. Но это же прямая фальсификация фактов. Разве не известно, что Достоевский всю жизнь каялся в своих “заблуждениях молодости” и замаливал своих грехи – участие в кружке Петрашевского? Чем замаливал? – поклепами на революцию, рьяной защитой монархии, церкви, всяческого мракобесия.

Товарищ Сталин сказал, что мы, конечно, не собираемся отказываться от Достоевского. Мы широко издавали и будем издавать его сочинения. Но наши литераторы, наша критика должны помочь читателям, особенно молодежи, правильно представлять себе, что такое Достоевский»[615].

После войны Достоевского практически перестали печатать. Лишь со смертью Сталина его творчество постепенно вернулось к советскому читателю.

Заключение
О воскрешении Григория Отрепьева в личине Генерального секретаря

В истории России лишь однажды случилось так, что на царском троне оказался человек, причастный к духовному сословию. Даже властный митрополит Филарет Романов вынужден был оставить мечту о светской власти и благословить на царство своего сына Михаила. Даже гордыня патриарха Никона, возмечтавшего диктовать свою волю государственной власти, была с легкостью усмирена царем Алексеем Михайловичем Тишайшим. Но однажды это все же произошло. Выходцем из церковного сословия был Григорий Отрепьев, он же царевич Дмитрий, он же Лжедмитрий I.

Сталин очень возмутился, когда в одном из первых проектов нового школьного учебника истории авторы, как бы сами сомневаясь в подлинном происхождении царевича, окрестили Лжедмитрия Дмитрием Названным[616]. Не важно, был ли он рожден Иваном

Грозным или нет, важнее другое – Отрепьев действительно был беглым монахом. «Рано осиротев, – пишет академик С. Ф. Платонов, – он постригся в монахи и бродил по монастырям, пока не добрался до Москвы. Там он был принят в Чудов монастырь в Кремле и познакомился с московской жизнью». Бежав из Москвы в Польшу, он расстригся, объявил себя царевичем. Затем с помощью бояр, поляков и при поддержке московского люда занял престол. На троне, вопреки распространенному мнению, идущему от пушкинского «Бориса Годунова», он не вел себя как ставленник поляков; не принял сам и не навязывал москвичам католицизма, а, напротив, вел себя вполне патриотично и по-христиански, держал поляков-католиков на расстоянии и готовил поход на магометанский Крым. Любопытно и то, что, будучи воспитан монахами и сам до зрелых годов пребывавший в этом сане, он, как пишет Платонов, не любил обрядовую сторону жизни царского двора. В то же время современники рассказывали, «что царь отличался необыкновенным умом и деловитостью, чем будто бы удивлял бояр»[617]. Отрепьев вскоре был убит, причем теми же, кто призывал его в Москве на царство.

Никакой связи между Григорием Отрепьевым и Иосифом Джугашвили нет. Между ними вообще нет ничего общего, разве что и тот и другой были воспитанниками церкви, и тот и другой отреклись от нее, оба волею случайных обстоятельств и личных качеств достигли высшей государственной власти. А дальше их жизненные линии резко расходятся: прах Отрепьева развеян пушечным выстрелом над Красной площадью, а душа предана анафеме. Прах Сталина покоится с миром и почетом на той же площади у древних стен Кремля. И в другом, еще более важном их судьбы расходятся. Несмотря на то что Отрепьев был монахом, он даже не мечтал о том, чтобы сосредоточить в своих руках духовную и светскую власть одновременно. А вот Сталину это удалось вполне. Так что известное определение Маркса о «привычке» истории повторять всемирно-исторические события дважды, сначала в виде трагедии, а затем в виде фарса, в данном случае верно, но если его перевернуть наоборот. Фарсом выглядит мимолетное царствование расстриги Григория Отрепьева, а многолетней трагедией – правление бывшего ученика православной духовной семинарии Иосифа Сталина.

Если и было в Сталине что-то подлинное, свое, то это только то, что он получил в детстве от родителей, а главное – от семинарского,

фактически монашеского образа жизни и воспитания. Хотим того или нет, но мы ничего не поймем ни в поворотах его политической биографии, ни тем более в сталинском и даже в постсталинском периоде истории страны, если не будем учитывать всегда скрыто присутствовавшего «православного» фактора. В его мышлении легко сочетались стереотипы грузинской народной культуры, поэзии, национальной литературы и истории с догмами православной церкви, с марксистскими конструкциями, с тюремной и подпольной политической романтикой, с великодержавием русской имперской истории и т. д. Но наиболее мощный, базовый пласт его душевно-интеллектуального содержания был все же заложен русской православной церковью. Точнее, он был заложен ее провинциальными учителями, официальными учебниками, столетними стереотипами, фобиями, обрядовостью и историческими традициями. Они заложили наиболее устойчивые структуры мышления, системы оценок и предпочтений. Стереотипы мышления наиболее достоверно выявляются в лексике. Сталинская же лексика, даже тщательно приглаженная и вычищенная в собрании сочинений, насыщена аллюзиями и прямыми цитатами из Священного Писания. Вот их небольшой перечень: «Раза два споткнешься, а там и привыкнешь самостоятельно шагать, как “Христос по воде”», «А вы сами разве не кричали: распни, распни большевика?», «Окружили мя тельцы мнози тучны», «Отделить овец от козлищ», «Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом» и т. д. и т. п.[618] Все его статьи, публичные речи, спонтанные высказывания в узком кругу буквально пересыпаны подобными парафразами и прямыми цитатами из Священного Писания. И даже ностальгическая любовь к церковному пению, которая преследовала его всю жизнь, была оттуда, из семинарской молодости. Молотов вспоминал: «Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Зато потом, уже в Политбюро, все мы трое пели: “Да исправится молитва Твоя…” – и так далее. Очень хорошая музыка – пение церковное»[619]. И все же, даже находясь в органичном для себя образе новоявленного «Учителя народов», он не имел ничего от подлинного, «Доброго Пастыря». Автор послесловия к одной из книг К. Маркса процитировал в 30-х годах эмоциональные строчки малоизвестного в России немецкого поэта XIX века:

Мы достаточно долго любили,
Мы хотим, наконец, ненавидеть.

Рервег

Сталин обвел их карандашом. «Русский инок», тщательно отмечавший в произведениях Толстого и Достоевского мысли о христианской деятельной любви к людям, включая врагов, в то же самое время, в те же самые годы и, может быть, в одни и те же часы и даже мгновения пылал самой темной злобой и ненавистью ко всем, даже к самым близким. Помните его: «Мягко забитый, злобно зацелованный»! Ведь и это написано в те же 30-е годы. Есть и совсем прямые высказывания о подлинном чувстве, доминировавшем в его огосударствленной душе. «Вы, г-н Уэллс, – заявил он писателю, – исходите, как видно, из предпосылки, что все люди добры. А я не забываю, что имеется много злых людей». Здесь-то он как раз не одинок. А вот как понять и как объяснить, каким образом в нем совмещалось чувство ненависти с пристальным интересом ко все покоряющей любви? Кого и когда он так долго любил, чтобы теперь так ласково ненавидеть?

Может быть, после долгих десятилетий сначала светлой христианской, а затем жертвенной подпольно-революционной любви к людям, и только Гражданская война и особенно борьба за власть раздули в его душе темный огонь ненависти? А до того он был вполне обычным, даже сострадательным человеком? Ничего подобного!

Я уже писал, что в сталинской библиотеке и архиве сейчас нет ничего такого, что послужило бы основанием для достоверного суждения о круге чтения молодого Кобы и его духовном и интеллектуальном уровне. Но есть одно исключение. Речь шла об отдельных номерах легального марксистского журнала «Просвещение» за 1911–1914 годы. В те годы, скорее всего, именно этот журнал, где несколько раз он печатался сам, был одновременно главным источником его политического и культурного образования. С десяток тонких книжечек журнала, которые Коба сохранил со времен своих ссылок, испещрены его замечаниями. Одна из статей Григория Зиновьева, с пометами Сталина, опубликованная в мартовском номере «Просвещения» за 1913 год, в очередной раз навела меня на мысль о

парадоксе совместимости несовместимого, об органическом слиянии неслиянного. То «слияние льда и пламени», что невозможно в природе, на что она ставит непреодолимые запреты, вполне совокупно в человеческой душе и разуме. Как может священник и поэт, пусть и несостоявшийся ни в том, ни в другом качестве, но прекрасно чувствующий звучание «божественного глагола», как он может одновременно пылать злобой и возжигать ею людские сердца?

Зиновьев написал небольшую заметку (точнее, рецензию на книгу Фр. Меринга, издавшего переписку Маркса) о сложных взаимоотношениях Карла Маркса и поэта Фердинанда Фрейлиграта. Сталин, скорее всего, читал этот номер журнала в Курейке в своей каморке, прикорнув у керосиновой лампы или при свете летнего приполярного солнца, сидя на бревне, валявшемся перед домом Перепрыгиных. И, как всегда, с карандашом в руке. «В течение почти целых двух десятилетий, – писал Зиновьев, – **великий основоположник научного социализма** связан был узами самой тесной дружбы с **великим поэтом, певцом революции – Фердинандом Фрейлигратом**»[620]. Далее Зиновьев рассказывает о полемике, которая разгорелась между друзьями Маркса – Рервегом и Фрейлигратом о месте поэта в социальном движении. Фрейлиграт в отличие от Маркса и Рервега настаивал на свободе поэта от партийных догм. По словам Зиновьева, Рервег отвечал на это:

> «Поэт не может стоять по ту сторону добра и зла, в предстоящей революции он должен быть по сю или по ту сторону баррикады, он должен иметь определенное знамя. Выберите другое знамя, чем мое, это я пойму. Но – только выберете, станьте определенно с нами или против нас» – таков был смысл ответа Гервега[621], который заканчивался нарочитым подчеркиванием того, что «**мои лавры, это – лавры партии**»[622]. Сталин рядом с этим текстом поставил знак NB.

Зиновьев отметил, что Маркс имел в виду не организацию, а «разумел партию в великом историческом смысле слова», то есть движение как таковое. Сталин выделил слова Зиновьева о том, что

следует различать революционера «по чувству» и революционера «по разуму»:

> «**Фрейлиграт после того, как примкнул к Марксу, остался революционером чувства, меж тем, как Маркс явил миру исполинскую фигуру человека знания, человека науки, человека, который соединил в себе пламенную страсть революционного борца с несокрушимой убежденностью прокладывающего новые пути реформатора ученого**»[623].

Зиновьев пишет, что Маркс понял причину отступничества Фрейлиграта в том, что поэт почувствовал на себе ненависть врагов социализма, тогда как ожидал по отношению к себе, поэту и революционеру, всеобщую любовь и обожание. Маркс внушал поэту: «**И тем не менее, всякий поэт, чем бы он ни был, как человек, нуждается в аплодисментах, в admiration (восхищении)**»[624].

Сам же Маркс в таком восхищении как будто не нуждался, так как привык к нападкам врагов. Один из них, продолжает Зиновьев, некто Бетта, «…усиленно старался облить грязью Маркса, изображая его “**виртуозом ненависти**”… **Маркс обыкновенно с презрением проходил мимо этого лая литературных шавок**»[625].

В следующих словах Маркса Сталин явно почувствовал перекличку с собственными мыслями и поэтому отчеркнул их на полях:

> «…Что до меня, то я привык отвечать за свою партию и видеть, как мое имя забрасывают грязью за нее. Я привык постоянно видеть, как мои частные интересы всегда страдают из-за интересов партии»[626].
>
> «Поэт остается верен своей старой точке зрения. Социалист чувства, он продолжает считать определенность – узостью, практическую обстановку борьбы в данных тяжелых условиях – жалкой прозой и грязью, о которую не стоит рук марать, партию – “клеткой”»[627].

И все же главная причина ухода поэта из движения была та, что он, в отличие от Маркса и Рервега, не хотел пылать ответной страстной

ненавистью к врагам. Да, по убеждениям он был революционером и коммунистом, но не рассудочным, как Рервег или Сталин:

> «Фрейлигрaт был революционером из поэтической интуиции, революционером лишь чувства, Маркс же – революционером из глубочайшего проникновения в историческое развитие общества и государства. Их свела революция и взаимное уважение к отваге, и твердость характера каждого из них. Когда же по всей линии победила контрреволюция, – мало-помалу наступило отчуждение и вступило сильнее то, что их всегда разъединяло. То, что постиг Маркс своим гениальным умом, того не мог постичь Фрейлигрaт своей поэтической фантазией…»[628]

Здесь Зиновьев процитировал, а Сталин отметил итог, который подвел Меринг о соотношении чувства и разума на примере взаимоотношений революционера-поэта и революционера-теоретика, так и не ставшего «практиком». Для нашего же героя, для Сталина, и для меня поучителен сам факт: в конце XIX – начале XX века крупнейшие политические деятели революционного социалистического движения рассуждают о том, как соотносятся «чувства» и «знания» (то есть разум), а главное, какое место занимает в нем «ненависть». Сталин явно уловил, что здесь, во взаимоотношениях поэта и мыслителя, лежит нечто более глубокое, чем об этом сказано у Зиновьева. Недаром он так упорно фиксируется на «чувстве», причем в особенности на чувстве ненависти. В чем же тут дело?

Может быть, нам поможет это понять то, что немецкий христианский философ начала XX века Макс Шелер, почитатель Ницше и Достоевского, назвал диковинным французским словом «ресентимент»? Оно означает состояние души, противоположное тому, которое передается французским же словом «сентимент», то есть чувствам любви, душевного тепла, благородства, высокого порыва. Ресентимент – это постоянное, но не осознаваемое воспроизведение в человеческой душе затаенных чувств и эмоций злобы и ненависти. Как утверждает Шелер, ресентимент, «не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода»[629]. В ряду тех, кого Шелер считал особо подверженным ресентименту, чуть ли не первыми стоят

«социально ориентированные священники». Он пишет, что их любовь к «сирым», «к нищим духом», к беднякам, к угнетенным на самом деле «не что иное, как замаскированная ненависть, вытесненная зависть, злоба и т. д. по отношению к противоположным явлениям – «богатству», «силе», «жизненной энергии», «полноте счастья и бытия»[630].

В связи с этим уместно напомнить, с каким сарказмом Сталин реагировал на идеи Толстого и Достоевского о желательности встречного материального и духовного движения богатого и бедного. И одновременно мы наблюдаем, как тщательно Сталин фиксирует замечания Достоевского о ненависти и брезгливости к себе, о спонтанной вражде к людям вообще, о зависти, о почти маниакальной способности распалять в себе реальные и воображаемые обиды. Но это не значит, что человек ресентиментного типа лишен понимания положительных ценностей. Совсем нет. Они, эти подлинные, положительные ценности, как бы постоянно просвечивают сквозь ресентимент. Так, по крайней мере, утверждает Макс Шелер. Как видим, Сталин действительно не утратил способности умственно, в качестве интеллектуальной физкультуры рассуждать о добре и зле, о любви, о душевных муках и т. д. Модель Шелера неплохо подошла к подлинной душевной оболочке как Сталина-поэта, так и Сталина-семинариста. Но это-то и настораживает. Разве не отыщется в душе каждого человека темный уголок, где втайне цветет плесень ресентимента? Другое дело, когда она захватывает не часть, а почти все пространство омертвевшей души, питая своим гнилым ядом самый разум.

Здесь не место вдаваться в подробности того, все ли большевистские лидеры были подвержены ресентименту, то есть действовали из чувства ненависти, зависти и мести к власть имущим, богатым и сильным мира сего или же – из подлинного чувства сострадания к угнетенным? Но то, что в Сталине, который воспитывался с юности как будущий христианский священник, но переориентировался затем на мирские, социальные проблемы революционера, чувство ресентимента было определяющим, не вызывает никакого сомнения. Именно из него, из этого чувства можно безошибочно вывести ту, с годами всевозрастающую ненависть, которая для своего удовлетворения требовала все большее количество

жертв. Обратим внимание и на то, что самые страшные годы «сталинщины» падают на зрелые годы его жизни, когда ему уже переваливает за пятьдесят. Обычно чувства человека к этим годам становятся все более сбалансированными и сглаженными. Не то с человеком ресентиментного типа. Поэтому-то на последние два десятилетия жизни приходится всевозрастающее пламя его ненависти. Именно в эти годы он и становится тем «государственным убийцей», каким его видел наяву Хрущев. У меня нет никаких сомнений, что в конце жизни он не только предполагал планово, то есть не спеша, «окончательно решить» еврейский вопрос (а попутно и другие «национальные» проблемы), но и так же планомерно, холодно и расчетливо вел дело к мировой ядерной войне, чтобы окончательно решить вопрос с капитализмом и стать мировым владыкой. Ожидания скорого всемирного финала «старого», капиталистического мира, неизбежность новой и «последней» войны всеми способами поддерживались в народе. Светлана Аллилуева вспоминала реплику близкого товарища ее братьев, которую он произнес в последний год жизни отца: «Эх, сейчас бы самое время начать, чтобы отвоеваться, – пока жив твой отец. Сейчас мы непобедимы!» Об этом жутко было подумать всерьез, – пишет она, – но очевидно, такие настроения были и в правительстве»[631]. Во всех этих замыслах Сталина не было ни грана безумия, во всяком случае, с медицинской, клинической точки зрения. Из вполне обычного чувства зависти к богатым, впервые зародившегося в его еще детской душе, из ущемленного национального достоинства в благоприятных условиях разгорелось пламя адской ненависти, пожравшее миллионы людей. Не меньшее опустошение произвело заражение этой ненавистью не только окружавших его соратников, но и нескольких поколений советских людей, страстно занимавшихся взаимным уничтожением. Но все это совсем не мешало ему думать о себе как о новом спасителе человечества, во имя его возлагающем на невидимый алтарь свою душу, разум и терзаемое болезнями тело. «Спаситель» – так на весь мир кощунственно назвал его в своей книге Анри Барбюс. К концу жизни «Спаситель» вряд ли уже помнил, что сам же когда-то подчеркнул насмешливое замечание Достоевского по психологически схожему поводу:

«**Он вполне искренне любил опять человечество**»[632].

* * *

Теперь мы можем позволить себе определить сталинизм в терминах романа Достоевского как современное воплощение идей «цезаре-папизма». Сосредоточение в одном лице Генерального секретаря верховной светской и духовной власти дало эффект, о котором не мог и мечтать Великий инквизитор, порожденный воображением писателя. Но отдадим должное и тому и другому. Если Великий инквизитор поставил вопрос о созидающей силе зла в теоретическом и историческом планах, то Сталин, «величайший практик», использовал эту силу как силу конструктивную. С помощью насилия он практически, то есть инженерно, строил мистический, призрачный социализм, вполне в духе Великого инквизитора. Возможность такого поворота в русской истории была предугадана самым серьезным критиком христианских идей Достоевского. Константин Леонтьев еще в мае 1890 года писал из той самой Оптиной пустыни, где Достоевский встретил прототип отца Зосимы: «Иногда я думаю (не говорю – мечтаю, потому что мне, вкусам моим это чуждо, а невольно думаю и беспристрастно предчувствую), что какой-нибудь русский царь – быть может, недалекого будущего – станет во главе социалистического движения (как Св. Константин стал во главе религиозного…) и организует его так, как Константин способствовал организации христианства… Но что значит “организация”? Организация значит – принуждение, значит – узаконение хронического, постоянного, искусно и мудро распределенного насилия над личной волей граждан… И еще соображение: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно без помощи мистики»[633]. Знал бы Леонтьев, к чему приведет реальное скрещивание социализма с «царизмом» в большевистской России, то проклял бы себя за свое же гениальное пророчество.

Мистическая сторона сталинской теории социализма («религиозный атеизм», как выразился тот же Леонтьев[634]) и практическая сторона организации личного царства Генерального секретаря – предметы дальнейших исследований.

Философия возвращения
Об историческом гештальте, историческом пространстве и тварях истории

Основная черта всего человеческого – искание реальности. Где ищется и находится реальность, это обуславливает все различия между людьми.

Отто Вейнингер

Пять лет его образ живет со мной. Пять лет он во мне, в центре, рядом, вокруг. Гнусное существо. Был хром и болезнен. Левая рука не разгибалась и сохла. Часто простужался – значит, был потлив. Его империя (моя родина): кровь, вонь, марши, миллионы лопат, штыков, потоки речей и океаны трупов. Сейчас моя душа насыщена всем этим. Случайный взгляд, брошенный в книгу, читает о нем. Нечаянный взгляд, брошенный в лицо прохожего, подмечает знакомые черточки. Взгляд на экран телевизора селекционирует варианты сталинских образов: вот шекспировский «Ричард III», Вахтанговский театр, Михаил Ульянов в главной роли. Он хром, расчетлив и дерзко, но осмотрительно идет к власти – как Сталин. Или кокетливый рекламный телеролик: Тамерлан грустит у рукотворного кургана человеческих черепов. Он хром и беспощаден – как Сталин. И булгаковскому Воланду Маргарита перед бесовским саммитом растирает покалеченную во время изгнания с небес ногу с такими же сросшимися двумя пальцами левой ступни и болезненным коленом, как у Сталина. В конце концов, я уже столько лет прикасаюсь к страницам книг и документов, которые листал, читал, исписал и измял Иосиф Сталин. Как бы тщательно я ни мыл руки после каждого посещения архива или его библиотеки, частицы кожного сала его покрытых рыжеватыми волосками пальцев неизбежно проникли в меня. Я тешу себя мыслью, что это всего лишь профессиональная грязь историка-архивиста. Я обнаруживаю пепел от его трубки или папиросы, который упал между страницами 28 марта 1938 года, или смотрю на пятно от подстаканника, оставленное им на страницах другой книги, и тоже знаю точную дату. Он делал десятки, сотни, тысячи закладок из тонких полосок розоватой или серой советской бумаги, которые нарезал сам или их резали его

секретари: Мехлис, Бажанов, Двинский, Таль, Поскребышев… Они же затачивали десятки цветных и простых карандашей, которыми он исчеркал, часто с огромным смыслом, сотни, возможно, тысячи страниц книг. Во всем этом мы уже не раз с вами убеждались. Везде, где он жил, у него были огромные библиотеки. Он был начитанным человеком. Ценил удачное слово и глубокую мысль. Он лично заботился о своем архиве, значит, все время думал и заботился о будущем. Из своего настоящего он пытался им управлять, то есть управлять нашими судьбами и судьбами наших потомков. И чтобы к нему самому, к его делам и эпохе мы все и те, кто за нами, относились так, как он задумал. Сталин был убежден, что его стальная воля способна взнуздать не только его настоящее, но даже наше настоящее и будущее.

* * *

Эта книга всего лишь маленький штрих, демонстрирующий всемогущество, которым обладает историк-архивист над тем, кого он воскрешает для инобытия из груды архивных документов, книг, истлевающих мыслей, чувств и ветоши прошедшей эпохи. Он способен заполнить все умственное пространство человечества гештальтами исторических героев, образами восставших или порабощенных масс. Он может воскресить сцены любви и гибели супружеской пары, жившей две тысячи лет назад в Помпеях, или восстановить из небытия точнейшие образы лежащих в растаявших руинах дворцов и городов. Воскресить не как плоть, но как лик и образ, как душу, как чувство.

С каждым новым часом, днем, с каждым новым годом, с каждым новым веком прошлое все более массивно заполняет наше настоящее и все больше вытесняет будущее. Осмотрительнее! Прошлое все чаще возвращается к нам как будущее, потому что мы сами его трусливо востребуем в качестве желанного гештальта. Нам, россиянам, не хватает государственного таланта, общественного чутья и исторического творчества, чтобы вырваться из системы бесконечного возвращения к тирании.

В этой книге «мой» Сталин – это осколок зеркала, демонстрирующий возможности исторического отображения, того зеркала, за амальгамой которого толща настоящего.

* * *

Историческое пространство решительным образом отличается от жизненного пространства человека. Жизненное пространство – это географическое (точнее, астрономическое) пространство или же, что то же, жизненная среда с ее изменяющимися во времени вещами, природой и самим человеком.

Когда Бог творил мир, а затем человека по образу и подобию своему, он не только дал ему пару ушей, нос, более или менее пышную шевелюру и все остальное, но и передал способность творчества – божественную способность творить миры и населять их несуществовавшими до него вещами и тварями. С тех пор люди творят миры деревень и городов, электроники, детской игрушки, одежды, оружия и т. д., то есть всего того, чего природа (Бог) никогда не создавала и вряд ли нуждалась в том, чтобы все это создавать. Больше того, все эти вещи в человеческом обществе эволюционируют, то есть развиваются во времени, как эволюционирует и развивается сама жизнь. Неизвестно, делегировал ли Бог человеку свою творческую энергию в полной мере, но способность человека к вещному творчеству поразительна, и она, без сомнения, «божественна».

Однако намного поразительней способность человека в творении нового и особого исторического пространства. Она сродни способности к воскрешению и частичному одухотворению своих объектов (последнее особенно важно), что намного выше творения новых, но слабо одухотворенных вещей.

Формирование исторического пространства началось в тот момент, когда пришло ошеломляющее осознание временности своего пребывания в этом мире. С каждым мигом, с течением времени все изменяется, все разрушается и умирает, и только в социальной памяти и в истории, как в ее коллективной упорядоченной форме, сохраняется и накапливается преобразованная квинтэссенция наличного бытия. Историческое инобытие, то есть бытие в истории, и есть историческое пространство. Его свойства решительно отличаются тем, что время в нем обратимо в любой миг, и не только обратимо от настоящего к прошлому и обратно, но может быть синхронизированно пространственно. В любой миг я могу перенестись в любую эпоху, любой город, общаться с любым жившим на земле человеком. И это

будет не мистическое переселение душ, медитация, не фантастическое или художественное видение, а с каждым историческим мигом все более точный, все более богатый и более сущностный Образ бывшего. Бывшего не потому, что это когда-то «было», а потому, что эта «быль» (преобразованная реальность) от поколения к поколению все более стремительно и массивно прорастает из прошлого, многократно расширяя настоящее.

Поясним: речь идет о доступной всем способности в воспоминаниях обращаться к любому эпизоду своей жизни, которой в действительности уже нет, но которая удивительным образом с каждым мигом нарастает в памяти: нашей, окружающих людей, вещах среды обитания, становясь новой пронзительной реальностью.

Вечность в человеческом измерении – это все то же Прошлое, в котором все уже было, неумолимо будет и каждый мыслимый миг – есть. Ведь только с позиции Вечности я могу разом, в единый миг обозреть и осознать всю пятитысячелетнюю (пока еще – пятитысячелетнюю) историю цивилизации. Историческое пространство не знает временности в обыденном смысле. Если говорить точнее, время там совершенно другой природы – оно неподвижно – подвижно. (Нет прощения моему косному языку!) Пространство там возрастает в ничтожных долях, но время нарастает гигантскими стоячими валами, а скорость времени равна скорости мысли. Не забудем, что «время, – как говаривал философствующий самоубийца Отто Вейнингер, – развивается только таким образом, что количество прошедшего все растет, а будущего все уменьшается, но никогда наоборот»[635]. Эта мысль в равной степени справедлива как по отношению к жизни одного человека, так и по отношению ко всему человечеству и его миру.

* * *

Было бы ошибкой думать, что переход в историческое пространство равносилен «переходу» в потусторонний мир. Историческое пространство – это, по существу, оформленное и в какой-то степени осознанное, то есть актуализированное, прошлое нашего настоящего. Это наша теперешняя общечеловеческая память. Наше прошлое и, предположим, прошлое Сталина отличается не только той

прибавкой, которой наросла история с момента его смерти. За это время наше прошлое расширилось по всем «азимутам» и стало много подробнее.

Имея различную природу, можно даже сказать, разные материи, мир прошлого и мир настоящего взаимно проницаемы и неразделимы. Больше того, все люди и вещи (и живые, и мертвые) синхронно сосуществуют в обоих мирах. Объясняя эту мысль, используем старый платоновский образ (хотя и совершенно в ином смысле) с пещерой, костром, людьми, сидящими перед ним и потому отбрасывающими тени на стены.

Точно так же, как тени непосредственно связаны с реальными людьми и вещами, имея совершенно другую материальную природу, так и объекты исторического пространства соотносятся с объектами реального мира. То, что присутствует в этом мире по отдельности и все вместе, от мельчайшей частички материи до бесконечных космических объектов в их совокупности, отбрасывает свою «тень» в прошлое в виде ретроспективного образа (гештальта). Только поэтому любой объект, существующий в настоящем, может служить для познания прошлого, то есть являться историческим источником. Он сохраняет в себе реликтовую память о предшествующих состояниях, расшифровать которую и призван исследователь.

Все, что есть здесь и сейчас, имеет свою историю, свое прошлое, свое историческое инобытие. И наоборот, то, что имеет историю, хоть как-то присутствует в материализованной форме «остатка» или «следа». Таким образом, ощутимой, неинтуитивной границы между двумя сферами реальности нет, как интуитивна граница между человеком и его тенью. На этом аналогия с платоновской пещерой заканчивается. Стоит только убрать свет, и тени исчезнут. Совершенно иначе разворачиваются события в пространстве истории после смерти человека или распада вещей.

* * *

Как известно, даже физически ничто не исчезает бесследно. (К сожалению, это не утешает.) В историческом же пространстве существование поддерживается всей социальной памятью

человечества, а возможно, и всей памятью мира (Бога). Даже когда кто-то или что-то человечеством забывается, это не означает, что они безвозвратно потеряны в бездне абсолютного времени. На смену забвению рано или поздно придет воспоминание, а за ним и воскрешение в историческом пространстве. Для каждого родившегося возвращение к вечной жизни, но уже к жизни в истории неизбежно. Неизбежно, вне зависимости от того, праведник он или тварь смердящая.

Историческая наука претендует на то, что она учит «правильно», то есть научно, достоверно вспоминать. Возможно, это и так, но историческая наука аморальна и патологически конъюнктурна. Во все времена она карала «вечным забвением» сирых и слабых, то есть основную массу людей, тех, кто не смог завладеть общественным вниманием настолько, чтобы стать объектом поклонения, стать кумиром. Способов, каким это внимание достигается, существует множество, но не многие могут ими воспользоваться. Наиболее эффективный – поставить людей в зависимость от своих действий, желаний, эмоций, страстей, то есть добиться господства над ними. Здесь тысяча нюансов – от прямого принуждения тиранической власти до эстетического и интеллектуального воздействия на них волей творческой личности. В основе всегда лежит жажда сохранить себя в человечестве, то есть воля к бессмертию. К бессмертию, но не в Боге, не в Вечном покое, то есть в подлинной, но неизведанной Вечности, а в пространстве истории, которое человечно и потому перманентно. В нем, как в потустороннем христианском мире, вечной памятью первыми награждаются или великие праведники (рай), или, что чаще, жуткие грешники (ад), а остальные (то есть те, что помельче) ждут Страшного суда. Надо надеяться, дождутся.

* * *

В историческом пространстве облик вещей, людей и явлений решительным образом отличается от их облика в физическом мире (напомним – человек и его тень). В последнем, как известно, вещи существуют в трех измерениях и в четвертом – во времени. В историческом же пространстве они имеют особое измерение –

ретроспективу. Ретроспектива – это не элементарно вывернутая наизнанку, то есть в прошлое, перспектива. Ретроспектива занимает промежуточное положение между способом существования в реальном времени (видимый мир) и в Вечности (в Боге). Как уже говорилось, в ретроспективе объекты никогда не исчезают, а могут быть лишь «забыты», то есть отодвинуты коллективным сознанием или непроизвольно вытеснены им в подсознание – в миф, в сакральное, в психоз. В отличие же от Вечности, где все достигает высшей точки и потому уже не нуждается в развитии, и где все обо всем знает и помнит, ретроспективные объекты постоянно развиваются, обогащаются и усложняются. Ретроспектива – это единственная форма и условие существования в историческом пространстве. Здесь без примера вновь не обойтись.

* * *

Гай Цезарь, родившись и натворив все, на что он был способен, с тем, чтобы надежнее войти в историю, войдя в нее, стал «жить» совершенно иной жизнью и живет ею уже более двух тысяч лет. При этом он становится все более исторической личностью. Как творение истории, он «насыщается» историзмом в том смысле, что все большее влияние оказывает на ход текущей век за веком общественной жизни. Можно даже сказать, что сейчас его образ, его гештальт намного богаче и мощнее, чем был при жизни. В самом деле, при жизни он с большим усилием добился того, чтобы стать правителем Римского государства и оказать влияние на его судьбу. Однако его историческое бытие, его «тень», его ретроспективу нельзя поставить ни в какое сравнение с жизнью телесной ни по силе влияния на умы людей, ни по охвату их количества, ни по географии, ни по времени воздействия. В Римской империи жило всего несколько миллионов, причем далеко не все даже слыхали его имя. Его действия прямо касались главным образом правящей элиты, армии, населения столицы, провинциальных властей. Но вот он убит. (Ах, эти «мартовские иды», о которых сейчас должен знать каждый школьник от Сиднея в Австралии до Якутска в Сибири!) С его именем началась гражданская война, в которую была вовлечена значительная масса населения. И с этого же мига началось его

существование в новом качестве. Дальнейшее известно. Стоит лишь обратить внимание на то, что на его «тень», на его образ, на его гештальт равнялись не только русский царь Петр I, француз Наполеон I, австрияк Гитлер, грузин Джугашвили, итальянец Муссолини, но и целый сонм правителей во всех частях света. Он, в форме исторической «твари», постоянно живет в душах сотен поколений ученых и студентов, профессоров и домохозяек, писателей и артистов. Он бесчисленное количество раз воскресает, умирает, рождается и перевоплощается в душе читателя и зрителя, в душе актеров на сценах театров и экранах кино, телевизора. Сотни тысяч скульптурных и живописных портретов. И все это многократно воспроизводится различными эпохами и народами и не гаснет со временем, а лишь бесконечно наращивает и обогащает ретроспективу императора. Иначе говоря, гештальт Цезаря эволюционирует и разрастается. А это и есть форма доступной нашему разуму вечной памяти, но не Вечного покоя. Быть может, бесконечная инкарнация в социальной памяти человечества, в его субъективном историческом пространстве и есть та форма, которая предусмотрена Творцом в качестве предельного наказания смертному? Кто знает? Но тогда человеческая память не может быть только сферой наказания. Она должна быть еще и местом искупления и вообще – воздаяния. Уж не чистилище ли она на самом деле?

* * *

Ясно, что историческое пространство формируется не только специалистами, то есть историками, оно создается всем творческим потенциалом социальной памяти человечества. Тем самым человечество не только не дает Цезарю истаять во времени, уйти в Вечный покой, оно еще и отягощает его образ фактами и связями, о которых ни он, ни его современники даже не подозревали. Воистину все тайное, все тщательно скрываемое рано или поздно становится явным.

Ретроспективное воздействие исторического «Образа» на судьбы человечества трудно оценить без учета того, что при этом ставится: моральный плюс или минус. Но в любом случае оно огромно и не

безобидно. Здесь кроется огромный соблазн для потенциального тирана и злодея любого калибра.

Иосиф Сталин только-только начал свой посмертный исторический путь. При жизни он панически боялся смерти и был готов на любые муки ада, только бы не уйти в Ничто. Но, несмотря на свои недюжинные умственные способности, несмотря на свое религиозное образование и воспитание, он никогда не задумывался над тем, что его (как и всех людей) ждет историческое «чистилище». И что там-то, в историческом пространстве, он будет полностью лишен своей знаменитой «стальной» воли. И что там он, как все смертные, может стать «игрушкой», простым «объектом» в чьих-то неподконтрольных и более сильных руках. Сильных не той беспрецедентной властью, которой он обладал при жизни сам, а просто самим фактом жизни после его смерти. На этом пути он пройдет через тысячи, миллионы человеческих душ и сознаний, и каждый будет его судить до тех пор, пока существует человечество. А это значит, что он никогда не уйдет в Ничто, в Вечный покой. Тем самым нет и не будет ни ему и ни ему подобным ни вечного забвения, ни Вечного покоя. Он получил то, чего хотел.

Обаяние зла: от культа живой к культу мертвой личности Сталина

Добро и зло как-то связаны со смыслом жизни.

Людвиг Витгенштейн

1. История и проблема морали

С прошлым надо «разговаривать». Оно мстит не за то, что мы его искажаем, преувеличиваем или умаляем. Оно жестоко мстит за то, что его замалчивают, не дают по его поводу высказаться. Обращение к прошлому, к оценке давних деяний, распутывание тайн – это одна из форм исповеди и покаяния, а исповедь может быть принята или нет. Когда она принимается, в обществе наступает момент разрядки, катарсиса, и оно освобождается от тяжкого груза, и даже омолаживается, и получает способность двигаться дальше. А двигаясь

без оглядки дальше, оно вновь и вновь приходит к очередному выбору: то добра, то зла. Человеческая история – это не только история развития и накопления материальных и культурных ценностей, но и развитие, и накопление в себе на протяжении всей истории человечества доброго и злого.

* * *

С какого-то времени в европейской исторической науке мораль и история стали не совместимы. Может быть со времен Никколо Макиавелли? Не думаю. Он только открыто высказал то, в чем и до него были убеждены все, а именно: во имя общего народного блага государственный деятель (вождь, лидер) имеет право выйти за границы добра, справедливости, порядочности. Макиавелли всего лишь доказательно оформил древний тезис – силой зла обережем слабость добра: свое государство, своих граждан, их покой, культуру. Такова инстинктивная реакция любого человека на любую опасность, боль, страх. А ведь государство может быть преступным, граждане развращены, культура деградирована, «покой» обеспечен невинной кровью. Кто об этом не знает, в особенности те, кто заглядывает в анналы древних историков? Уже они понимали, что человек в истории ничто, «объект», и чаще всего объект мнимый, если он выведен из поля «добра – зла». Вспомним хотя бы библейские книги Царств, историю Маккавеев, труды историков Древнеримской империи или Византии периодов упадка. Тем не менее общечеловеческая практика задолго до Макиавелли всегда различала государственные и частные интересы и мораль. Так думали все вожди и большинство политиков, военачальников, крепостных, рабов, патрициев и самураев… (имя им легион) задолго до Макиавелли. Но в отличие от флорентинца, они были согласны и в том, что не только князья мира сего, но и они сами, люди обычные, ради сбережения добра-справедливости имеют право и волю совершать зло: око за око, зуб за зуб. Великий немецкий поэт И. В. Гёте посвятил свою лучшую поэму Мефистофелю, этому сверхчеловеческому гению зла, который не без лукавства представлялся:

Я – часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.

Осознанно пользоваться услугами зла в благих целях стало обычной практикой именно для европейской культуры. Те общества, которые мы относим к культурам Востока, в этом смысле всегда были менее ханжескими. В Новое время Россия все больше демонстрирует принадлежность к европеизму.

Только Лев Николаевич Толстой спохватился в конце XIX века и, призывая образ Иисуса Христа, стал проповедовать непротивление злу насилием, уверяя всех, что неделанием можно обустроить человечество наилучшим образом. В «Философском дневнике» он записал в самые первые годы XX века: «В сущности, все верующие в доброго Бога не могут не верить в то, что в мире нет зла и, главное, что ни один человек не может сделать зла другому. Я не мог бы ни верить в Бога, ни жить в таком мире, где Нерон, Екатерина, глупый Николай могут делать несчастия людей. Этого не может быть. А если есть, то нет ни разума, ни Бога»[636]. Несчастия, которые причинили людям Нерон, Екатерина, Николай, всего лишь мелкие пакости по сравнению с теми, к которым причастны Сталин, Гитлер, Мао Дзэдун… Толстой не дожил до того времени, когда в XX веке миллионы людей освоили и испытали на себе такую глубину насилия-зла, до которой человечество не смогло опуститься за все предыдущие тысячи лет. А между тем не было бы сопротивления небывалому злу еще большим озлоблением и насилием, не избежали бы злой доли и те, кто не сопротивлялся.

Сейчас речь не о вечной борьбе света и тьмы, о господствующей в мире диалектике светотени. Меня как историка все более озадачивает другой вопрос: откуда это общечеловеческое, всеобщее и, без сомнения, благодатное знание? Нет, не знание того, что считали добром, а что злом и почему так считали различные категории граждан древневавилонской, британской, российской и других старых и новых империй, республик, султанатов и княжеств? Конечно, само по себе исследовать состояние морали в разных государствах и культурах очень важно, но я пока не знаком ни с одной научно-исторической работой на подобную тему. Эмпирическое воспитание и неопозитивистское умонастроение современных историков исключают подобного рода и

духа исследования как в России, так и за рубежом. Считается, что главное – описать то, что было и как это было и если твой герой достиг поставленной цели, то и средства, употребленные им, оправдывают «издержки». Разрыв между моралью личности и моралью «коллектива» наметился еще со времен древнейших проточеловеческих сообществ. С тех пор государство (любое) как высшая форма организации совместного проживания, первоначально в целях самосохранения принуждая граждан к сосуществованию (к законности), рано или поздно порабощало их самих, а во внешней жизни, по отношению к другим нациям и государствам испокон веков отрицало всякую мораль, что всегда принималось как должное. Только древние пророки на примере библейской истории впервые показали теснейшую связь личной, общественной и государственной морали, неизменно отмечая доброе и злое в каждом отдельном человеке, народе, царстве, как на базовые причины подъема и упадка государства – общества – личности. На другом конце земли люди совершенно иной культуры и религии, в Древнем Китае, Конфуций и другие мудрецы пришли к тем же выводам. Пал Древний Израиль, пало множество христианских и иноконфессиональных государств, перемешались народы, преобразилось до неузнаваемости большинство этнических типов, все более определяющей становится роль личностей (персон) в истории не только отдельных стран, но и всего мира. Именно поэтому вслед за древними историками я считаю, что если первопричиной очередного подъема в развитии государства является увеличение потенциала добра и падение заряда зла, то первопричина упадка любых государств заключена в критическом перенапряжении потенциалов между добрым и злым, ведущим к неизбежной общественной катастрофе. Все остальное, экономика, политика, культура и т. д. производны от указанной первопричины. Здесь религиозная точка зрения точнее и глубже отражает историческую реальность, хотя и ею не охватывается весь трагизм будущности человечества, связанный с противостоянием добра и зла в нашем мире.

Разумеется, у государства как такового, как у некоей организации нет и не может быть морали, но его постигают катаклизмы, когда катастрофически падает уровень морали у его руководителей. «Преступления, совершаемые государством, без сравнения хуже, жесточе всех тех, которые совершают частные люди, – утверждал Л.

Толстой. – Главное же то, что те знают, что они преступники, а эти гордятся, величаются своими преступлениями»[637].

Из работы в работу я с умыслом цитирую проникновенные слова Николая Бердяева (и эту книгу я начал с них) о радикальном разрыве между моралью личной и моралью государства, а точнее – моралью государственных деятелей, моралью «князей мира сего». Здесь Бердяев увидел «самую большую ложь мировой истории»[638]. Толстой и те, кто за ним, правы: двуличие – самая характерная черта большинства заметных государственных деятелей всемирной истории, а они только люди, точнее, каждый из них всего лишь человек, пусть и обладающий большими полномочиями. Как и все люди, они наделены достоинствами и поражены пороками, которые справедливо ассоциируются с пороками и достоинствами руководимого ими государства. Государство становится прогрессивным или преступным только в зависимости от того, какого характера поступки совершают (какую проводят политику) руководимые им вожди и подвластные им люди. Нацистская Германия – недавний тому пример. Благодаря своим руководителям и потворствующим им гражданам государство может быть преступным, двуличным, эксплуататорским или социально сбалансированным, терпимым и даже мудрым. Двуличность Советского государства заключалась в том, что его руководители обещали создать рай на земле, то есть построить социализм. Вл. Соловьев как будто предчувствовал подстерегающий соотечественников великий соблазн. По словам С. Франка, он, «критикуя учение Толстого, однажды точно подметил: хотя государство и не может создать рай на земле, но его назначение в том, чтобы предотвратить превращение ее в ад»[639]. Сталинское руководство не только не предотвращало, а, пропагандируя красоту райских кущ социализма, возводило свое государство на человеческих костях и планировало его по адским лекалам.

Только в Новое время и только европейцы почти религиозно уверовали в бесконечный прогресс человечества, рассматривая все погибшие цивилизации как восходящие ступени, ведущие от варварства к вершине современного европейского мира. Кондорсе и Гегель, каждый со своей стороны, дали философское обоснование этого оптимистического тезиса. В свою очередь, Маркс подвел под идею бесконечного прогресса одну из самых глубоких историософских моделей: модель последовательно восходящих общественно-

экономических формаций. Правда, Гегель говорил о ступенчатом прогрессе Мирового Духа, а Маркс о спиралеобразном развитии материи, преобразуемой трудом человека. Но и у того и у другого властителя дум последних двух веков исчезли такие «ненаучные» понятия, как понятия повседневного добра и зла, то, без чего жизнь человека любой эпохи теряет смысл и становится невыносимой. Гегель был слишком восторженным философом и как прижизненный «небожитель», рассматривал эти понятия всего лишь как высочайшие, а потому бесплотные абстракции, указывая и Богу подчиняться закону прогрессивного возрастания, через оплодотворение Духом избранных цивилизаций. Исторический материализм Маркса толкал его к конвертации материального добра в материальное зло и обратно, в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. От времен Макиавелли до Маркса и далее людские слезы, горе, свобода, радость, высота человеческого духа или низость морального уродства и пролитая кровь для историка постепенно потеряли всякое значение. А «князья мира сего» где насилием, а где воспитанием и подкупом нейтрализуют чувство добра и зла не только у способных профессионалов, но и у рядовых граждан. В начале XIX века в Европе Жюль Мишле, а у нас Николай Карамзин были, пожалуй, последними крупными историками, открыто высказывавшими любовь и ненависть к своим героям. Их обзывают «морализаторами» и «сентименталистами» (и они были таковыми), но у людей всегда была и будет потребность на моральную оценку поступков и личное чувство к людям и делам прошлого. Европейские историки (включая российских) не только не знают теперь, как обо всем этом писать, но не видят смысла в рассмотрении вопросов морали. «Эмоция» стало бранным словом и синонимом «истерии», ангажированности, а о действительной любви или об отвращении к предмету своего интереса нет и намека. Историческая наука все более напоминает анатомический театр, куда заходят специалисты исключительно по производственной необходимости, но, в отличие от патологоанатомов, они даже обоснованного заключения о причинах болезней и смерти общества дать не способны. Мудрый Томас Карлейль очень удачно назвал такие исторические сочинения «дистиллированными газетами»[640]. А ведь историческое повествование зародилось именно как творческий рассказ,

насыщенный метафорами, образами, поэзией, страстью, оценками, а главное, философскими и психологическими умозаключениями, ощутимо корректирующими поведение и мышление будущих поколений. История, конечно, ничему не учит, да учат историки, и учат добру или злу. Часто толчком для выбора того или иного морального полюса становятся все те же: ум, глупость, продажность, честность, но в первую очередь талант. Подлинный талант к историческому сочинительству, как в государственных и иных делах, редкость необычайная, и он выдается только в совокупности с честностью. Я много раз подмечал, как люди, имевшие бойкий писательский стиль или не дюжее трудолюбие, писали глыбы бездарных и лживых сочинений в угоду политическому режиму или из коммерческого интереса, а чаще по причине отсутствия какого-либо таланта вообще. Это имитаторы. Они и есть основные источники фальсификации истории, наносящие вред не только науке, но и всему обществу и даже человечеству. Кроме честности, искренности и таланта, противопоставить массовой фальсификации истории не только в науке, но и в художественном творчестве нечего.

Конечно же, не случайно древние хронисты, ветхозаветные и античные историки, христианские апостолы-историки и историки Древнего Китая в большинстве своем мыслили категориями добра и зла и бесстрашно брали на себя роль судей. Они чувствовали, что все, о ком они писали, в том числе и они сами, всегда находились между двумя напряженнейшими полюсами своей души. А иначе как понять, почему люди столь разных эпох, культур и верований, включая язычников и стихийных атеистов, не имевшие на протяжении столетий, а то и тысячелетий даже опосредованных контактов, оценивали примерно одинаковыми понятиями добрые и злые поступки, ощущая себя чем-то вроде магнитных стрелок в невидимых, но всеми ощущаемых токах высокого морального напряжения? Для меня ответ очевиден – в душе каждого человека от рождения есть чувствительнейший, но глубоко запрятанный механизм, дающий почувствовать ему, с чем он имеет дело, что он совершает сам, какое добро или зло совершали люди иной, даже чуждой ему, очень древней культуры.

То, о чем идет речь, рождается вместе с человеком и никогда не умирает в нем. Этот механизм, составляющий сердцевину каждой души, действует как **моральный закон**. От него невозможно укрыться

даже за самой толстой броней равнодушия и клокочущей справедливостью ненависти, его невозможно забыть даже во сне. Эммануил Кант тайну этого закона поставил вровень с тайной происхождения необъятной Вселенной. «Две вещи наполняют душу всегда все новым и все более сильным благоговением, – писал он, – чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Так написал философ, считавший (и не без основания) врожденный антагонизм между людьми благодатным двигателем общественного прогресса. Однако даже более чем через двести лет после смерти Канта никто так и не приблизился к пониманию сути морального закона, именно как закона (категорического императива), а не как прекраснодушной проповеди о пользе и вреде абстрактного добра или мелочного зла. Будем помнить, что моральный закон предписан для всех людей, без исключений, но он не есть очередное учение, подобно учению того же Канта о том, что есть добро, а что зло. Учить этому невозможно и не надо, – со времен неандертальцев (а может быть, и раньше) каждое существо, наделенное душой, уже знает, что это. Другое дело, что выбирает оно каждый раз что-нибудь одно.

2. Моральный закон есть закон выбора

Все люди, к какой бы они культуре или религии ни относились, от рождения понимают, что есть добро, а что зло и как они поступили в том или ином жизненном выборе. Примерно так же все знают, что истина есть, но никто не знает: что есть истина? Понимание разницы между добром и злом диктует любой жизненный выбор: это врожденное знание-действие, действие «морального закона во мне», который, по сути, представляет собой базовый инстинкт человека, которым тот наделен от рождения. Человек единственный из живых существ может волевым усилием подавить в себе практически любые инстинкты и позывы: самосохранения и страха смерти, голода, размножения, агрессии, альтруизма, жадности, эгоизма и т. д., и этим он отличается от животных. Но сугубо человечески осознанный, но все же инстинкт (!) выбора рационально подавить нельзя. Даже отрешение от мира и его соблазнов в самых крайних формах все равно есть **выбор-действие**, как выбор между добром или злом. На своем историческом

материале я пришел к убеждению, что **инстинкт выбора –** это самый мощный из всех инстинктов и самый ответственный, так как, подавляя или высвобождая все остальные инстинкты и желания, человек выбирает их как добро или зло для себя, для других, для потомков. Здесь ключевое слово «выбирает». Инстинкт выбора несет функцию регулятора всей духовной, интеллектуальной и физической жизни человека, с момента рождения и до смерти. Инстинкт заключен не в том, **что** конкретно выбирает человек, а в том, что сам по себе принцип **выбора** заложен в человеке, как обязательный, как принудительный механизм. Это любой выбор, в любой жизненной ситуации, во время которого внутренний анализатор помимо воли оценивает каждый поступок, слово, мысль, жест, маркируя их, как события благоприятные или нет, как добрые или злые. Оценивает помимо воли и оценивает на пределе человеческой честности (совести). Я заговорил о честности, хотя всем известно, что нет более лживого и коварного существа, чем человек. История человечества началась (в библейском варианте) с выбора любви, но одновременно и с сознательной лжи и обмана. Чаще всего и больше всего человек обманывает самого себя и лжет самому себе. Но кто тот, кому он пытается лгать или перед кем раскаивается? Для обыденного сознания это «внутренний человек», это совесть, для научного сознания это фрейдистское «сверх-Я», а для религиозного сознания это присутствие, это «дыхание Бога» (Толстой). Разные понятия обозначают одно и то же.

Здесь необходимо вспомнить о том, что во второй половине XIX века Фридрих Ницше внес существенное уточнение в формулу Макиавелли: великий человек не только может творить зло во имя утверждения добра. Он обязан перешагнуть через то и другое, обретая «божественную» свободу подлинного творца. Но не только сам Ницше, но и его могущественные адепты XX века не смогли ни на йоту выйти за границу, очерченную крайними точками: точкой «добра» и точкой «зла». Моральный закон накладывает непреодолимые ограничения на все наши действия, слова и мысли. Можно убедить себя, что тебе безразлично то, к чему приводят твои поступки, что ты свободен от всяких моральных ограничителей ради всеобщего блага, что можно уничтожить какую-то группу людей или целые народы для счастья других, но это всегда иллюзия. Моральный закон на то и закон, что не подчиняться ему нельзя. Неумолимая сила этого закона не в том, что он

ограничивает свободу воли человека, а в том, что, будучи абсолютно свободен, человек вынужден (всегда!) выбирать, **понимая**, что выбираешь. Не выбирать нельзя! Не понимать того, что выбираешь, не можешь! А вот лгать об этом можешь сколько угодно и кому угодно, начиная с самого себя. Всего этого Кант не принял во внимание, трактуя категорический императив как абсолютную общечеловеческую константу.

Любая реакция живого организма на изменения внешней или внутренней среды есть реакция выбора. Но только человек каждый жизненный миг флуктуирует между добром и злом, и эти колебания становятся тем большими, чем больше человек пытается выйти за границы добра или зла. При этом границы как некоей черты, за которую нельзя выйти, или вершины, на которую можно раз и навсегда взойти, не существует. Невозможно покинуть само поле «добра-зла». Поэтому каждый на своем жизненном пути ощущает себя подобным путнику в знойной пустыне: по мере приближения к очередной вершине добра или достижения предельной глубины зла эти полюса, как миражи, отодвигаются все дальше и дальше, причем добро восходит все выше, а зло низвергается все ниже. Нет и не будет пределов для возрастания в душе каждого человека, как и во всей человеческой вселенной, ни для подъема к вершине духа, ни для падения в бездну мерзости. С этой точки зрения история людей есть история постоянного возрастания полюсов, к которым люди, поколение за поколением, во всей полноте приносят свой жизненный опыт. Они делают свой выбор всегда осознанно и свободно, понимая, какого рода лепту и к какому полюсу они ее в данный миг подносят. Отсюда подлинная история людей есть история выбора, она началась с выбора и закончится им. Она началась с надрыва в незамутненной, цельной (животнообразной) душе первобытного человека, как первого проблеска **разумного** выбора-вопроса: взять или не брать в руку палку или камень; сорвать или не трогать плоды древа познания добра и зла? Когда-нибудь история человечества закончится расколом сознания, не способного совместить в себе предельное величие исторически накопленного добра и всю глубину совершеннейшего зла.

А пока между добром и злом существует диалектическая связь, но это не связь по типу перелива одного в другое и обратно. Это связь, к которой стремится добро, ради нивелировки, «снятия» ярости

исторического зла. Зло же по мере исторического развития человечества стремится к радикальному отчуждению от добра. По этому поводу современный французский философ Ж. Бодрийярд размышляет так: «В то время, как Добро предполагает диалектическую связь со Злом, Зло базируется на самом себе, на полной несовместимости с Добром. Зло, таким образом, оказывается хозяином положения. И принцип Зла, господство вечного антагонизма, одерживает триумф»[641].

С моей точки зрения, этот триумф всегда временный, по крайней мере до тех пор, пока добро жизни не потеряет способности «обволакивать» персонифицированное зло, удерживая его в общем поле.

3. Сила добра и очарование зла с историософской точки зрения

Как только мы пытаемся рассказать, как в конкретной исторической ситуации то или иное действие, решение или явление воплощаются в светлом или темном секторе морального поля, мы попадаем в тупик. Исторический контекст, в котором совершается выбор, бесконечно изменяет ситуацию, поскольку сам контекст – это часть исторического процесса и он сам формируется в той же системе моральных координат. Как в королевстве кривых зеркал улыбка красавицы отражается рядами жутких ухмылок, так от исторического контекста отражаются факты, каждый из которых порождает неограниченное количество вопросов, которые, в свою очередь, ставят очередные вопросы, и так до дурной бесконечности. Верными или ошибочными были решения Сталина во взаимоотношениях с Гитлером в предвоенные годы, включая подписание Пакта о ненападении? Ответ на любой из таких вопросов (а их множество) порождает череду национальных, классовых, конфессиональных или клановых исторических бухгалтерий, которые попеременно предъявляют встречные счета своим контрагентам: «наш» счет в ответ на «их» счет, и так до бесконечности. Скучная и не добрая эта бухгалтерия, ведомая век за веком в угоду сиюминутным потребностям эгоистичных политиков и записных идеологов от науки. Человеческой бухгалтерии добра или зла быть не может, а есть только **понимание** истинно доброго и истинно злого. Счет же ведется мимо нашей воли.

По поводу того, что считать добром, а что злом, высказано огромное количество мнений. Мне ближе всего релятивистская точка зрения, очень удачно сформулированная Л. Толстым, который размышлял так: «Сознавать себя можно определенной формы куском льда и водой. В первом случае солнце – зло, во втором – величайшее благо»[642]. **Но мы сознаем себя живыми существами, и поэтому для нас абсолютное благо – это жизнь, а зло – то, что ей противостоит.**

Добро – это то, что всеми людьми на земле и в прошлом, и в настоящем, и в будущем всегда принималось, принимается и будет приниматься за истинное сокровище, за высшую ценность, которой тем не менее владеют все люди. Тот, кто отнимает это сокровище, совершает зло. Самой большой ценностью для всех людей на земле является жизнь, и поэтому общечеловеческое благо, истинное добро есть то, что дает, поддерживает и преумножает жизнь. Для человека жизнь – это единство физической, духовной и интеллектуальной составляющих; это все, что развивает и расширяет сферу жизни.

Истинное зло – это то, что мешает жизни, то, что причиняет смерть. Не смерть сама по себе есть зло, а именно то, что является ее причиной, подобно змею-искусителю в райском саду. Человек, причиняющий страдания или смерть, есть источник и проводник зла. Политика Сталина (и не только его, конечно) объективно способствовала развязыванию Второй мировой войны с ее миллионами убиенных, не говоря уже о жертвах «политических» репрессий и жертвах «великих» социальных преобразований.

В человеческом мире добро не симметрично злу. Две половины единого морального поля не равны ни в количественном, ни в качественном, ни в сущностном отношениях. Жизнь как высшее проявление добра является достоянием всех, поэтому добро растворено во всех людях и присутствует даже в злодеях, как дыхание жизни (Бога). Поэтому в процессе исторического развития добро возрастает вместе с ростом жизни и всего того, что обыденно-необходимо для ее поддержания и развития. В свою очередь, зло персонифицировано, экстраординарно, и, в отличие от добра, оно слабо разлито во всем человечестве, но легко концентрируется в отдельных личностях или группах личностей, которые втягиваются в орбиту зла. Тем не менее зло, достигая необычайно высокой концентрации в отдельных людях и исполнителях их злой воли, все равно не может достичь таких

масштабов, как добро жизни во всех ее проявлениях, в повседневных заботах, в детях, в труде, а главное, в любви. Только поэтому сила добра неодолима даже самой могущественной, гениальной злой волей (гордыней!), миллионными армиями, изощренной техникой угнетения, порабощения и насилия. Однако зло имеет свою сильную сторону. Это его особая эстетика, это очарование зла (или очарование злом), которое тем сильнее, чем страшнее и чудовищнее насилие. Под очарование зла подпадают не только те, кто прямо содействует источнику зла, но часто и сторонние наблюдатели, а главное, его жертвы. Очарование злом зарождается из противоестественных, извращенных чувств, когда страх рождает восторг, боль переходит в удовольствие, отвращение вызывает болезненную любовь. К этому следует добавить тоску вечно незрелых душ по сильному и беспощадному (беспощадному по отношению к другим, разумеется) покровителю. Сталинизм (как и вообще – вождизм) – наглядный пример последнего тезиса даже в наши дни.

4. Природа культа личности живого Сталина. Очарование злом

Большое зло обладает такого рода очарованием, которое на годы, а иногда и на века сохраняет свое обаяние. Не имея возможности остановиться, пусть кратко, на самых мрачных и характерных проявлениях зла в истории человечества, затронем наиболее важную сферу для коллективной жизни людей – концентрат зла в сфере государственной деятельности на примере культа Сталина.

Как и все люди на земле, Сталин не был прирожденным злодеем. До тех пор, пока он не попал в самый центр советской политической власти, мера зла и мера добра, которой он отмерял свою дореволюционную жизнь, мало отличалась от той, которую позволяли себе люди его круга: семинаристы духовного училища в Тифлисе, революционеры-подпольщики, потом лидеры большевистской партии, захватившие власть в стране и развязавшие Гражданскую войну. Правда, все этапы этого пути сопровождались творением все большего зла, а революция и Гражданская война повязали его, как и всех участников, большой кровью. До середины 20-х годов XX века его мера добра и зла была примерно равна мере других политических лидеров второго ряда как со стороны красных, так и со стороны белых. Первый ряд, без сомнения, занимали Ленин, Троцкий, Колчак, Деникин и др.,

втягивавшие значительные массы сограждан в братоубийственную бойню. Личное и по-своему уникальное падение Сталина началось в тот момент, когда волею случая был сделан первый шаг к формированию из заурядной, малообразованной и неразвитой личности одного из самых кровавых диктаторов в истории человечества.

Если во главе партийно-государственного аппарата он оказался в результате интриг внутри Политбюро и практически случайно, то дальнейшие события развивались по классической схеме, которую с теми или иными нюансами использовали все диктаторы мира. Заключая череду временных союзов с одними партийными (властными) группировками против других, он в очень короткие сроки «сосредоточил в своих руках необъятную власть» (так написал Ленин в известном «Письме к съезду»). А ведь сказано было: «Любая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Почти все известные в истории диктаторы опирались на опыт предыдущих единоличных правителей в их борьбе с другими формами правления. Формы и методы диктаторской власти развиваются и оттачиваются по мере развития цивилизации точно так же, как совершенствуются, например, формы демократии, теократии, олигархии или тоталитаризма и т. д., о чем уже говорилось в начале книги. Не случайно Сталин именно в эти годы особенно много читал исторической литературы, проявляя заметный интерес к деяниям тиранов, диктаторов и узурпаторов. Тогда его интересовали не методы захвата (власть-то уже в его руках), а их способы пожизненного владения властью, способы их самооправдания, когда они приписывали себе права на жизнь подвластных людей и оценки историков (потомков) на этот же предмет.

Сталин получил в наследство от ленинского Политбюро систему контроля над обществом нового, особого качества. Помимо обычных управленческих и хозяйственных функций, советская система правления приобрела совершенно новые элементы: государственную партию; особо мощную тайную полицию, способную контролировать чуть ли не каждого гражданина; массовую рабоче-крестьянскую армию, лишенную кастовой чести. Необычность такой системы заключалась еще и в том, что каждая из этих сил контролировала друг друга через взаимное прорастание друг в друга. Партия имела свои ячейки во всех силовых структурах, в армии и госаппарате; спецслужбы имели своих осведомителей и особые подразделения в армии, партии и госаппарате

на всех этажах; армия выполняла не только задачи внешней обороны и нападения, но и внутригосударственные, карательные функции. А всех их контролировала небольшая группа партийных лидеров, что придавало партийным органам значительный приоритет перед другими «силовиками». Обладая огромной властью, члены Политбюро все же не представляли собой группу диктаторов или охлократов. После смерти Ленина эта форма правления стала отдаленно напоминать правление Директории времен Великой французской революции. Но стоило только одному из членов Политбюро оттеснить другие ключевые фигуры этой верхушечной власти, как он без лишних усилий и военных переворотов становился диктатором нового, невиданного типа.

К концу 20-х годов Сталин лично распоряжался уже не только всей мощью бюрократического аппарата, но и вооруженными силами, органами госбезопасности и партии. Последнее было особо важным, так как партия осуществляла не только формирование единой идеологии, но и создавала особый духовный и моральный климат в стране. Кто владел партией, тот владел моралью (совестью) и получал возможность манипулировать чувствами граждан. Началась беспрецедентная ломка глубинной общечеловеческой морали советских людей путем пропагандистского жонглирования полюсами «добра-зла». Так, без особых усилий Сталин оседлал красного «дракона о трех головах», покорив с его помощью, и физически и духовно, собственный народ. Мне достоверно известно, что на первых порах Сталин искренне предполагал без помех со стороны оппозиции и быстрыми темпами единолично осчастливить свой народ, построив для него земной рай, то есть «социализм в одной, отдельно взятой стране». Но те мероприятия, которые он при отсутствии государственного таланта и доброй воли насильственно провел (партийные чистки, коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию), стали злой насмешкой над демократическими и социалистическими преобразованиями в заждавшемся истинного обновления обществе.

Устраняя своих реальных и мнимых оппонентов, он довольно быстро заболел обычной болезнью диктаторов – страхом за собственную жизнь и опасениями потерять сладостность абсолютной власти. Год от года эти страхи нарастали и толкали к наращиванию репрессий, которые, в свою очередь, приводили к сгущению атмосферы страха. Гордыня заурядной личности, получившей в свои руки

бесконтрольную и необъятную власть, привела к страшнейшей социальной катастрофе за всю историю человечества. По своим последствиям она сопоставима с катастрофой, в которую вверг Германию Гитлер. И тот очаровал немцев своим специфическим обаянием зла. Сила этого обаяния ужасает.

Бытовая человеческая гордыня всегда порождает культ: в семье, в небольшом сообществе, в собственной душе. Но люди, внезапно овладевшие необъятной властью, загораются сатанинской гордыней, толкающей их к неукротимому самообожествлению. На протяжении всех тридцати лет правления Сталин сознательно и планомерно выстраивал культ собственной личности как «гения всех времен и народов». Главными орудиями подобного строительства стали ужас и страх, которые он наводил на своих собственных сограждан и которые очень быстро парализовали всякие позывы к сопротивлению. Ужас внушался грубо сфальсифицированными «открытыми» политическими процессами, массовыми расстрелами по приговорам внесудебных органов, «разнарядками» на массовые аресты и репрессии, спускаемыми с самого верха. По самым скромным подсчетам сталинских чекистов, за годы его правления было репрессировано более 3,3 миллиона человек. Эти цифры не внушают доверия, но и такие людские потери сопоставимы с потерями в крупномасштабной войне. Страх, который примерно каждые десять лет достигал очередного пика, теми же волнами поднимался, когда по прямому указанию Сталина забивали до отказа все новые и новые фабрики смерти и лагеря рабского труда системы ГУЛАГа. Страх, пропитавший всю общественную жизнь, многочисленные идеологические кампании, «промывавшие» не столько мозги людей, сколько освобождавшие их затравленные души от моральных запретов и табу, превращал людей в массовых истериков, мазохистов и доносителей, все более и более влюблявшихся в своего «вождя и учителя». К этому надо добавить изнуряющий труд и скудость существования. Все способствовало притуплению общечеловеческого механизма восприятия добра и зла у людей, живших в творимом вождем мире. Но нет и не будет в мире силы, способной разрушить или извлечь из человеческих душ моральный императив. Насилие над ним ведет к распадению личности, а насилие над массовым сознанием приводит к коллективным психозам. К концу правления Сталина его культ личности подпитывался уже не

только голым ужасом и страхом, а выраставшими из них суррогатной «любовью» и «уважением». Образ нового Ивана Грозного поднялся из преисподней, наполняя души народов СССР ликующим восторгом. И этот новый образ царя был вызван из бездны лично Сталиным. Кульминация восторга совпала с победой в Отечественной войне, потери от которой затмили страдания и ужас репрессий. Остроносая маска белокительного генералиссимуса и золото звезд на его погонах прикрыли позор двухлетних поражений и двадцативосьмимиллионную жертву. Ни одна страна в мире не потеряла такое количество жизней, сколько потерял СССР за годы властвования Сталина.

Но это очарование злом вскармливалось и другими средствами. Из них наиболее важным было прельщение особым, «идеальным» образом личности Сталина и картинами будущего «коммунистического» общества. Именно с интуитивного неверия большинства в коммунистическое будущее, построенное сталинскими методами, началось разрушение его империи как идеи. Однако когда Хрущев на XX съезде КПСС слегка приподнял завесу, скрывавшую реальности культа Сталина, то мир ужаснулся, но большинство наших сограждан ни на минуту не задумались о своей прямой и косвенной сопричастности к источнику зла.

5. Культ мертвой личности и его угасание

Любить и уважать образы своих покойников или возводить их в культ – это совершенно разные вещи. Культ мертвого Сталина вызрел не из прижизненного культа и уж тем более не из любви и уважения народа к его государственным делам, как это пытаются представить современные сталинисты. Не случайно посмертный культ Сталина пережил свои периоды подъема и спада. Он то вдруг приходил в упадок, а то возрастал, но всегда под воздействием двух факторов: тайны и пропаганды. После смерти кумира его культ продолжал жить механической жизнью еще три года, поскольку ни один луч правды не проникал в его смертные тайны. В этом были заинтересованы политические наследники Сталина, тщательно скрывавшие все его преступления. После «разоблачения» в 1956 году одна из сталинских масок, скрывавшая масштабы репрессий, была приподнята. И если при жизни Сталина жертвы и палачи перманентно менялись местами, что

поддерживало в обществе высокий уровень единодушной «любви» к вождю и всеобщей ненависти к «врагам», то после XX съезда общество естественным путем разделилось на антисталинистов и сталинистов. Тайна сталинской власти как власти беспредельного зла была публично приоткрыта и по воле тогдашних руководителей стала частью не менее лживой официальной пропаганды. При Брежневе произошла «мягкая» смена курса и сталинистские настроения стали оживать в части общества, одновременно встречая глухое противодействие другой его части. При Горбачеве ситуация вновь изменилась: были раскрыты многочисленные архивные документы, стали известны механизмы и масштабы репрессий, имена ранее табуированных деятелей были реабилитированы. Тут же в общественном настроении возобладали антисталинистские тенденции. Очередной поворот начался в 2000-е годы. Проводниками современного суррогата сталинизма стали наиболее сохранившиеся структуры советского прошлого, то есть спецслужбы и коррумпированные технологи политпропаганды, обитавшие когда-то в рядах демократов и антисталинстов. Коммунистическая партия и Советская армия не смогли пережить перестроечные годы, а заменившие их структуры пока неэффективны. Но под воздействием основных пропагандистских каналов образ Сталина вновь стал воздыматься в массовом общественном сознании, воспроизводя глубоко лживую, мефистофелевскую формулу о зле, творившем через насилие добро людям и победы стране. Сейчас мы находимся накануне очередного поворота к антисталинизму, но не только потому, что образ воплощенного зла замылил глаза наивным соотечественникам, но и потому, что виртуальный Сталин застит дорогу идущим ему вслед. В результате посмертный культ личности Сталина, как и во времена Хрущева, оказался сейчас под двойным ударом: с одной стороны, тех, кто пытается бороться с самой идеей «благодатной» тирании, а с другой – надеющихся перевоплотить ее (идею сталинизма с человеческим лицом) в личину нового вождя.

Развитие культа мертвого Сталина хорошо иллюстрирует диалектику добра и зла в исторической перспективе, когда череда его разоблачений и воскрешений ведет к постепенному снижению в общественном организме концентрации токсинов зла. Рано или поздно наступит время катарсиса, разрядки напряжения, вызванного трагедиями сталинской эпохи. Тогда придет новое время, и

большинство россиян будет относиться к Сталину примерно так же, как сейчас относится к хану Батыю или Ивану IV – любопытно, но и только. Ни подлинной любви, ни искренней злобы и страха. Но и тогда не сбудутся слова пушкинского Нестора: «Добру и злу внимаю равнодушно…» Из поколения в поколение в душе каждого человека все исторические герои будут все так же «бороться» за то или другое место. Поэтому небольшая группа адептов продолжит курить фимиам перед своим кумиром так же, как сейчас во Франции ничтожное количество бонапартистов покланяется праху Наполеона или монголов праху Чингисхана. Сказано было: не сотвори кумира, а я осмелюсь переиначить: не сотвори из себя кумира, все равно уйдешь в равнодушие. Так жизнь нейтрализует зло, но оставляет в подсознании народов уродующие души раны. Чем глубже каждый такой рубец, тем сильнее разрыв в поле «добра – зла», шаг за шагом приближающий окончательную гибель общества, а с ним и государства. Обозревая финальные картины существования не только национальных государств, но и отдельных цивилизаций, везде замечаешь роковой перевес полюса зла над полюсом добра, что и служит подлинной причиной разрухи, оскудения полноты жизни. Ее видно не только наблюдателю со стороны (историку), но в особенности современнику событий.

* * *

Сущность добра – это источник жизни и сама жизнь. Жизнь на земле разрастается и качественно, и количественно: развивается общечеловеческая цивилизация, которая все в большей степени способна поддерживать рост рождаемости, продолжительности жизни, уровень благосостояния, интеллект и взаимопонимание и т. д. Экспансия жизни рано или поздно перехлестнет границы земли со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но исторические провалы и пропасти зла, выкопанные Сталиным, Гитлером, Мао, Чингисханом, Нероном, Цинь Шихуанди и другими, еще не раз углубятся очередными вождями, богдыханами и фюрерами в непредсказуемое время, в неизвестной стране, во всеземном государстве или на другой планете. Так в исторической перспективе расстояние между двумя полюсами

будет расти, но диалектическая связь между ними сохранится еще очень долго. Это позволит добру раз за разом, цикл за циклом постепенно гасить жгучесть жала зла и тем снимать перенапряжение между полюсами, ведущее к всеобщей катастрофе. Но когда-нибудь настанет миг разрыва.

Здесь заканчивается книга в книге.

Книга вторая
Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр
О языковедческой дискуссии 1950 года и проблемах с нею связанных
Официальные рецензенты: доктор исторических наук С. Н. Базанов доктор исторических наук В. П. Булдаков
Издание второе

Выражаю искреннюю благодарность коллегам, взявшим на себя труд по рецензированию этой книги: Е. Ю. Зубковой, А. В. Голубеву, В. А. Невежину, С. С. Секиринскому, В. Д. Есакову, Е. В. Булюлиной.

Матери, подарившей слово

Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его.

Притч. 18, 11–22

Человек одинаков во всех народах, различны лишь имена; душа одна – различны голоса; дух един – различны звуки; у каждого народа свой язык, но материя языка – всеобща.

Тертуллиан

А кто способен нам сказать про то далекое прошлое, зарю самоочеловечившегося зверя, уже

разумного и говорящего или по пути к овладению разумом и языком? Кто или что? Язык, только язык.

Н. Марр

Язык – материя духа.

И. Сталин

Глава 1
О начале начал о начале начал и слове

На странице одного из томов первого издания Большой советской энциклопедии, принадлежавшей Иосифу Виссарионовичу Сталину (1878–1953)[643], с текстом, имевшим прямое отношение к академику-лингвисту Николаю Яковлевичу Марру (1864/65–1934), кремлевский вождь спустя несколько лет после Второй мировой войны написал: *«Язык материя духа»*[644]. Это неожиданное высказывание я решил взять в качестве камертона для новой книги о Сталине, а точнее, о шумной научно-политической кампании – всесоюзной лингвистической дискуссии 1950 года, завершившейся публикацией сталинского труда «Марксизм и вопросы языкознания». Еще в первом исследовании, посвященном интеллектуальному и духовному портрету тирана, я использовал в качестве камертона другую его сентенцию: «*Ласково забитый, злобно зацелованный*»[645]. Предполагаю, что это позволило мне тогда предварительно настроить читателя на трактовку его зыбкого, но неординарного образа. И сейчас я надеюсь на встречный интеллектуальный и душевный отзвук, поскольку фраза «*Язык материя духа*» была написана семидесятилетним стариком, организатором тотальной бесчеловечной власти и невиданных массовых репрессий против собственного народа, вульгарным материалистом не только по формальным партийным убеждениям, но и по своей житейской практике. Здесь еще одно из затемненных пространств сталинского мышления, которое я пытаюсь осветить в новой книге о нем и о Марре, очень своеобразном человеке и ученом. Анализ языка-мышления Сталина (не в понимании Марра) – главный объект моего интереса. Я первым поднял все сохранившиеся материалы о языковедческой эпопее в сталинском архиве, книжные издания с его пометами, сохранившиеся в личной библиотеке генсека, а также материалы из архива академика Марра, более полувека пролежавшие в забвении. Но сама по себе дискуссия – это хоть и значимый, но все же эпизод в истории России середины XX столетия и один из штрихов (и не самых впечатляющих) в политической биографии самого Сталина. Для меня гораздо важнее то, что вместе с героями новой книги я

пытаюсь разглядеть тончайшие нити и отдаленные цепочки, связывающие каждого из нас, родившегося на планете Земля, с древнейшим прошлым человечества и с текущим общемировым временем, с тем прошлым, когда человечество озарили первые вспышки сознания.

Все распадается, все рано или поздно фрагментируется и теряет свой облик и образ, но пока звучит слово, язык, от поколения к поколению передается знание (информация), а с ними культура, человечеству обеспечена бесконечная, по людским меркам, историческая жизнь, потому что язык действительно «материя духа».

* * *

История человечества есть история его умственного и душевного развития. Все остальное, вся мировая цивилизация: государство, материальное производство, искусство, мораль, освоение природы, наука и т. д., – это результат развития ума и души, то есть плоды познания (понимания) окружающего мира. Весь мир говорит, но сам о себе он ничего не знает. Все живое разговаривает, но понимает только подобных себе. Человек же способен понять языки и одушевленных и неодушевленных, а слова и мысли живых и давно умерших. Человек не может существовать, не стремясь понять не только окружающее, но и самого себя. Сложнее всего добиться понимания человека человеком, включая самого себя, хотя средств для этого выработано множество. Главное средство общения между людьми и общения с самим собой – Слово (Логос), чья особенная природа и сила сопоставимы с природой дыхания, с силой вневременной души, с самой жизнью.

Слово – всего лишь разновидность человеческого дыхания, а дыхание – символ жизни. Это членораздельное, прерывное и последовательное выдыхание-звук, своего рода ритмичная мелодия, с помощью которой мысль обретает плоть, материальность. Как в древнегреческом, так и в древнерусском языках слово-логос означало не только средство общения, но и саму действенную мысль. Слово по отношению к мысли – ее внешнее выражение, мысль по отношению к слову – внутреннее содержание. Однако можно дышать, не произнося слова и ни о чем не думая, но невозможно говорить не дыша. Можно

мыслить, не произнося слова даже внутренней речью, а погружаясь в не артикулируемое «созерцание сущностей» (любимое выражение старинных мудрецов). И наконец, можно выразить себя (свою мысль): взглядом, жестом, мимикой, телодвижениями, одеждой и украшениями, организацией окружающего пространства, рисунками, узелками на веревке, зарубками на палке, буквами на бумаге и отверстиями в перфоленте, электромагнитными импульсами и волнами и т. д. и т. п., то есть огромным разнообразием символов и знаков. И если все сущее вещает о себе (не ленись только расшифровывать языки природы), то и человек говорит всей своей сутью. Однако что же такое язык? Как возможно почти бесконечное разнообразие способов для выражения одной, всем понятной мысли? Почему можно простейшим словом-символом выразить глубочайшую мысль? Как люди понимают друг друга, говоря на разных языках, и почему не может понять один другого, даже беседуя на общем, родном языке? И все же понимание – это то, в чем человечество всегда испытывало дефицит.

Лингвист, археолог, этнограф, историк, организатор и руководитель множества научных и учебных заведений, путешественник академик Н. Я. Марр утверждал, что древнейший способ общения между людьми когда-то больше всего напоминал коллективный ритмический танец-песню, в котором неразъемно сливались: звук, жест, ритм, пляска, смысл, эмоция… У всех людей на земле первоначальный язык был структурно однороден и лишь «исполнялся» с некоторыми племенными различиями. Он походил на множество первичных «языковых моллюсков» (выражение Марра) и был практически нечленоразделен, и только в процессе миллионнолетней эволюции мышления-языка расцвели сотни членораздельных языков разнообразных систем. По каким-то одному ему известным причинам Марр предполагал, что в будущем все языки сойдутся в единый общечеловеческий язык.

Марр был человеком странным – возможно, гением, возможно, безумцем, возможно, шарлатаном, а может быть, и всем сразу. Как доказать длительную эволюцию протоязыка доисторического человечества, если слово-звук растворяется без следа во времени и пространстве в тот же миг, когда произносится, а первые системы письменности, фиксирующие образ-понятие-слово, были изобретены едва ли более семи-восьми тысяч лет назад? Об этом мы можем судить по письменам давно мертвых языков. Конечно, живой язык может

передаваться от поколения к поколению в течение нескольких тысячелетий, и поэтому, изучая современный язык и сравнивая его с другими языками, можно отыскать сохранившиеся очень древние рудименты, выявить его корни и разветвления предположительно тысяч за шесть-десять прошедших лет. Этим и занимается современная лингвистика, опирающаяся на сравнительно-исторические (компаративистские) методы исследования. Ну а дальше в глубь веков – абсолютное безмолвие: нет письменных источников, нет живых носителей более древних языков.

Итак, когда же человечество заговорило? С какого момента человечество стало эволюционировать не только к человеку умелому, а как человек разумный к существу все более разумеющему? Двадцать пять тысяч лет назад, когда, как предполагают некоторые ученые, возник первый звуковой (фонетический) язык? Или триста тысяч лет назад, миллион лет, а может быть, более трех миллионов лет тому назад язык этот был не звуковым, а языком мимики и жестов? А когда, наконец, человечество членораздельно заговорило, то из каких звуков речь состояла и какими смыслами была наполнена? Ничего не известно, и с такой же уверенностью можно утверждать, что язык появился исторически недавно и он с самого начала был фонетическим, а мимика и жест всего лишь дополнительные средства выражения эмоций, как считали многие, в том числе и Сталин. Остается только гадать, опираясь на косвенные, «молчаливые», главным образом археологические и палеоантропологические источники. Поэтому с начала XIX века, с того времени, когда в Европе лингвистика оформилась как позитивная наука, большинство серьезных языковедов отказалось от попыток поиска праязыка человечества, но произошло это от отчаяния и вынужденно. В конце XIX века «Лингвистическое общество» в Париже вставило в свой устав пункт, согласно которому оно заранее исключило из своего рассмотрения вопросы, связанные с проблемами происхождения языка. Таким образом, важнейший вопрос, прямо связанный с происхождением человечества, был изъят из научного рассмотрения точно так же, как до сих пор изымаются проекты вечного двигателя. На самом же деле загадка происхождения языка и мышления равнозначна проблеме происхождения нашей Вселенной; это та загадка, к которой человечество будет возвращаться раз за разом и век за веком. До разочарований конца XIX века очень

многие выдающиеся умы смело брались за разгадку происхождения слова, не всегда осознавая, что на самом деле они пытаются раскрыть древнейший исток, Начало начал человеческого мышления, то есть загадку Начала начал человеческой истории.

Два величайших мыслителя И. Кант и Ф. Гегель, возможно, были последними из тех, кто на спекулятивно-философском, умозрительном уровне попытались раскрыть эту загадку. Кант, будучи глубоко верующим в Бога рационалистом, взял в качестве рабочей модели библейскую историю происхождения человека, его мышления и речи как рабочую модель начала человеческой истории. «Итак, – размышлял Кант, – первый человек умел стоять и ходить, он мог говорить (Бытие 1, 11, 20), даже разговаривать, то есть говорить с помощью связанных понятий (стих 23), а, следовательно, мыслить. Все звуковые навыки он должен был выработать сам (ибо если бы они были врожденными, то были бы также наследственными, что, однако, опровергается опытом), но теперь я принимаю его как уже снабженного ими»[646]. Используя библейскую метафору, Кант говорит о начале человеческой истории как моменте становления человека мыслящего и говорящего, развернутого в своем глубинном антагонизме душой к добру.

Гегель решительно отверг библейскую модель в кантовской интерпретации, заявив, что человеческая история начинается с появления государства. Он утверждал, что процесс образования из семей и племен народов (то есть в первобытный период) «совершался без истории», а «связанное с этим процессом распространение и развитие царства звуков (языка. – *Б. И.*) само оставалось беззвучным и немым и происходило втихомолку». Догосударственное (дописьменное) прошлое человечества «остается скрытым во мраке немого прошлого». Он был убежден, что «быстрое развитие языка, передвижение и обособление наций получили значение и привлекли к себе интерес конкретного разума частью только при соприкосновении наций с государствами, частью благодаря тому, что у них самих начали образовываться государства»[647].

Историки Нового времени без особых размышлений приняли оба варианта разом, введя в качестве умозрительной границы понятие «цивилизация». Начальная история человечества есть длительный процесс становления человека первобытно-умелого и говорящего, а с

появлением государства началась эпоха городских сгущений и достижений, то есть цивилизаций.

Марр редко прислушивался к мнению признанных авторитетов и, совершив нечто вроде научного кульбита, используя интуицию и собственные доморощенные языковедные методы, вернулся к «преднаучной» традиции строить смелые догадки, вперив свой умственный взор в темные и бездонные пространства прошлого. И там ему привиделась первая картина вселенской драмы человеческой истории, первичный этап происхождения языка и мышления.

Lingua Adamica

Связь между дыханием (жизнью), словом и мыслью настолько очевидна, что говорят о животворящем, умном и одухотворенном слове и мертвом безмолвии. Древние греки (от Платона и до Плотина включительно) пытались обожествить мировой Универсум (Универсальный Ум), порождаемые им идеи, а затем и его Слово. В древнегреческом языке Logos означало одновременно Слово и Мысль[648]. Филон Александрийский был одним из тех выдающихся мыслителей Древнего мира, кто увидел в учении о божественном Логосе глубинное подобие ветхозаветному пониманию божественного Слова. Князь Сергей Николаевич Трубецкой посвятил учению Филона несколько разделов своего исследования: «Учение о логосе и его истории». В нем он, в частности, писал: «В отличие от Платона и от стоиков, Филон не видит в своей “идее всех идей”, или в своем Логосе, абсолютного и самобытного начала: Логос есть прежде всего способность Божества, Его энергия, сила или разум, между тем как Оно Само превыше всякой энергии, силы, разума или способности. Можно сказать, что именно в Своем Логосе, как всеобщем месте или всеобщей потенции всех идей, Божество возвышается над всеми ими»[649].

Для Филона Слово все еще орудие божественного творчества, но для основателей христианства, среди которых преобладали эллинизированные иудеи, Бог и Слово (Логос) окончательно совместились:

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога».

«И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от отца… Бога не видел никто никогда…» – так начал свое Писание евангелист Иоанн (Ин. 1, 14–18). И апостол Лука помянул «служителей Слова» (Лк. 1, 3), как живых участников евангельской истории. Никто больше из евангелистов слову не придал равнобожеского значения. Удивительно, что древняя традиция, и эллинистическая, и иудейская, сразу начали порождать высочайшие религиозно-философские идеи и познавательные абстракции.

Западноевропейская интеллектуальная жизнь издревле питалась из двух истоков: из греко-римской и ветхозаветно-иудейской. И только с конца XVII века, в период Просвещения и становления большинства отраслей научного знания, ветхозаветная, а с ней и вся христианская традиция начинают подвергаться беспощадной критике и шаг за шагом отвергаются. До начала рационалистических времен в Западной Европе господствовало убеждение, что древнейшим языком человечества – Lingua Adamica (язык Адама) – был язык первых глав Бытия, то есть язык Моисея и ведомого им по пустыне народа. И действительно, авторство книги Бытие традиция приписывает самому Богу, который открыл первому пророку тайну первых дней творения и начальной истории человечества. На каком языке Бог общался с Моисеем, точно неизвестно, возможно, вообще обошелся без того, что мы называем языком, и без всяких посредников овладел его духом и сознанием? Но всем известно, что первые библейские книги были зафиксированы на древнем, семитском языке. Поэтому до XVIII века у большинства думающих европейцев не было сомнений в том, что первым языком человечества, данным непосредственно Творцом, то есть языком Адама и Евы, был язык еврейский. Одним из первых эту мысль высмеял знаменитый философ Лейбниц. Старший современник Марра и Сталина, всемирно известный исследователь библейского фольклора Д. Д. Фрэзер в конце XIX века подвел итог уходившей наивной эпохе: «Авторы книги Бытие ничего не говорят о природе того общего языка, на котором до смешения наречий говорили все люди, а также, надо полагать, наши прародители друг с другом, со змеем и с Богом в саду Эдема. В позднейшие века возникло предположение, что первоначальным языком человечества был еврейский. Отцы церкви, по-видимому, не питали на этот счет никаких сомнений. Да и в новейшие

времена, пока языкознание находилось еще в младенческой стадии развития, делались усердные, но, разумеется, тщетные попытки вывести все разнообразные формы человеческой речи из еврейского языка как общего их источника. В этом наивном предположении христианские ученые не ушли дальше своих собратьев, принадлежавших к другим религиям и видевших в языке, на котором написаны их священные книги, не только язык первородных людей, но и самих богов. Первым человеком, которому в новое время удалось опровергнуть этот вздор, был Лейбниц, сказавший, что “в предположении о том, будто еврейский язык был первоначальным языком всего человечества, заключается столько правды, сколько в утверждении Горопиуса, опубликовавшего в Антверпене в 1580 г. книгу, где доказывается, будто голландский язык был именно тот, на котором говорили в раю”. Один автор уверял, что Адам говорил на бакском языке, а другие, впадая в прямое противоречие с Библией, возводили разноязычие в самый Эдем, держась того мнения, что Адам и Ева говорили по-персидски, змей по-арабски, а добрый архангел Гавриил разговаривал с нашими прародителями по-турецки… Надо полагать, что все такие лингвистические теории возникли под влиянием национальных симпатий и антипатий их авторов-филологов»[650].

Действительно, историческая наука и историческое языкознание без труда рассеяли многие наивные убеждения, но до сих пор так и не сумели ответить на вопрос: что же было в начале? Сознательно или не вполне осознавая это, но большинство крупнейших лингвистов, от Вильгельма фон Гумбольдта (начало XIX века) и до Ноэма Хомского (конец XX века), как бы вторит Иоанну: вначале у человечества появилась фонетическая речь, то есть слово, что и явилось основным признаком и орудием разума, а это, в свою очередь, сделало возможным формирование подлинно человеческих сообществ. Способность к языку – едва ли не врожденная человеческая особенность. Но всегда были и иные мнения.

Аристотель, Вико, Кондорсе, Гердер, археологи, палеоантропологии и этнографы Нового времени, а за ними многие ученые-дарвинисты и Ф. Энгельс подчеркивали особую роль в становлении цивилизации, освобожденной для разумной деятельности руки человека. Так что же – божественное Слово или Дело

сформировали человеческое мышление? А может быть, наоборот, просыпающийся человеческий разум сам изобрел слова, орудия труда и развил все остальные виды творчества? Известный в 20–30-х годах XX века интерпретатор марксизма, любимый ученик Г. В. Плеханова, советский философ А. М. Деборин, цитируя Марра, писал: «Ключом… к раскрытию… прошлого, “заря самоочеловечившегося зверя” и всего дальнейшего процесса становления человеческого разума, способен служить только язык»[651]. Таким образом, и с этой материалистической точки зрения понимание того, как «очеловечивающийся зверь» обрел мышление и язык, может стать ключом к раскрытию Начала начал человеческой истории.

Священное Писание (как и вообще вся библеистика) имеет непреходящее значение как для истории мировой культуры в целом, так и для современного историка и философа, который одновременно справедливо опасается пышно расцветшей псевдонаучной и псевдорелигиозной чепухи. Но я, как историк, не могу не учитывать того, что благодаря влиянию монотеистических религий в сознании даже самого рационального или крайне невежественного человека на протяжении столетий буквально роятся библейские образы, ценности, идеи или их разрозненные фрагменты и осколки. И это продолжалось даже в советские времена и происходит в современном атеистическом, по сути, мире. Европейское историческое сознание и его базовые модели зарождения общества, зарождения мышления, труда, языка, культуры, вообще – цивилизации всегда подпитывалось ярчайшими библейскими образами и трактовками. Я рассматриваю мировую религиозную мысль как основу, из которой выросла вся современная наука. И как бы справедливо ни чуралась она (наука) опасностей невежества и чванливого обскурантизма, нельзя не видеть того, что в постижении самых глубинных начал Бытия самая рациональная наука и самая интуитивная теология движут друг друга. Человеческое мышление-язык и есть одно из таких начал. Вслед за Кантом я не вижу непреодолимых противоречий между тем и другим и предчувствую эпоху синтеза «физико-теологических методов»[652].

Первая глава первой книги Ветхого Завета повествует о шести днях творения мира, когда в качестве средства созидания Всевышний пользуется Словом. По числу дней творения шесть раз повторяется формула «И сказал Бог…». Казалось бы, в первичности божественного

Слова как творческого орудия сомневаться не приходиться. Но в Начале начал книги Бытие самый первый акт творения есть именно акт, то есть действие, движение, жест: «В **начале сотворил** Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою»[653] (Быт. 1, 1). Ясно, что здесь первично не Слово, а творческое действие. И только после этого волевого, повелительного созидания-действия (творение), которое, как и всякое действие, начинается с подобия порыва, то есть с жеста и вздоха-выдоха, то есть со звука, вступает в свои права конкретно-предметное божественное Слово. Значит, в Начале начал было не расчлененное и не выразимое в первичный миг (не день!) творения даже Словом творческое действо?

Над тайной Начала начал и Слова задумывались многие великие умы человечества. И. В. Гете, который был не только гениальным поэтом, но и глубоким мыслителем (его стихотворную трагедию демонстративно ценил Сталин), устами доктора Фауста выразил всю гамму сомнений и донаучных предположений на этот счет:

Лекарство от душевной лени —
Божественное откровенье,
Всесильное и в наши дни.
Всего сильнее им согреты
Страницы Нового Завета.
Вот, кстати, и они.
Я по-немецки все писанье
Хочу, не пожалев старанья,
Уединившись взаперти,
Как следует перевести.
(Открывает книгу, чтобы приступить к работе.)
«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слово,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале Мысль была». Вот перевод,
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работу первой фразой.
Могла ли мысль в сознанье жизнь вдохнуть?
«Была в начале Сила». Вот в чем суть.

Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было Дело», – стих гласит[654].

Итак, в Начало начал Фауст последовательно подставляет: Слово, Мысль, Сила, Дело.

Гете находился под сильным влиянием своего старшего друга, одного из основателей современной европейской исторической науки и научного языкознания протестантского пастора Иоганна Готфрида Гердера. Это Гердер, написавший специальное исследование о древнееврейском языке и библейском фольклоре, в своих «Комментариях к Новому Завету» воскликнул (а Фауст переосмыслил его восклицание): «Слово! Но немецкое “слово” не передает того, что выражает это древнее понятие… слово! смысл! воля! дело! Деятельная любовь!»[655] Справедливо это замечание и для русского эквивалента.

Нет, не случайно немецкий историк и философ Гердер считается основоположником научного языкознания. За несколько лет до выхода его книги «О происхождении языка» (1772) другой философ и приятель Гете и Гердера Иоганн Георг Гаман выступил с очередной интерпретацией господствовавшей тогда богословской теории о божественном происхождении языка и мышления. Гаман опубликовал серию очерков под общим названием «Крестовые походы филолога» (1762). С точки зрения Гамана, мир – это язык, на котором божество говорит с человеком. Когда люди говорят, они переводят этот божественный язык на язык свой, человеческий. «Говорить значит переводить с ангельского языка на человеческий, то есть переводить мысль в слова – вещи в имена, образы в знаки; знаки могут быть поэтические или кириологические, исторические или символические, или иероглифические – философические или характериологические»[656]. Здесь все было правильно даже с точки зрения современной науки, кроме, пожалуй, того, что человеческое слово не только божественный дар, но и происходит от языка ангелов, а человек приспособил его под себя. Гегель, внесший неоценимый вклад в философию происхождения языка и испытавший сильнейшее влияние Гамана, процитировал одну из его идей, легшую в основу современного

научного языкознания: «Вся *способность к мышлению* основана на языке»[657]. Но вопрос в том, что понимать под способностью к мышлению и что подразумевается, когда произносят слово «язык»? Для современного читателя напомню библейскую версию происхождения языка и, соответственно, происхождения мышления, а затем и наций.

Уже в раннем Средневековье сложилось предание о Lingua Adamica, то есть языке праотца Адама. Оно несет ту мысль, что все люди не только произошли от одного корня, но и начали свой цивилизационный забег с одного уровня мышления. «Язык Адама» казался обязательной частью божественного творения мира.

Откроем первую главу Бытия: Творец рассуждает, ведет сам с собой внутренний диалог и через этот диалог пошагово, подобно углубленному в творческий процесс человеку, решает задачу миросозидания. Здесь Слово-мысль-язык-дыхание-звук тождественны, как и греческий Logos, как нерасчлененны они во внутреннем диалоге размышляющего, в глубоком одиночестве, творческой личности. Только после того как единым творческим действием-порывом воздвиг небо и землю (Космос), Он своим «говорением» творит свет и отделяет его **наименованием** (опять же говорением) от тьмы. Затем говорением сотворил и человека. Если прислушаться к мнению крупнейшего лингвиста-психоаналитика и философа XX века Жака Лакана, то евангельский логос – это язык (слово), но не речь (говорение). И уже после того, как Бог выражает себя языком-Словом, Он «пользуется речью, говоря: «Да будет свет»[658]. В этой интерпретации евангелист Иоанн не противоречит ветхозаветной традиции.

С рождением Адама у Творца появляется собеседник, и первое, что Он делает, – это дает Адаму свободно, самому изобрести свою речь: «И **сказал** Господь Бог: нехорошо быть человеку одному; **сотворим** ему помощника, соответственно ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел (их) к человеку, чтоб **видеть, как он назовет их**, и чтобы **как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.**

И **нарек человек имена** всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Быт. 2, 19–20). Похоже, что способность к языкотворчеству (к глоттогонии) была заложена в человека изначально (генетически), но язык как таковой человек изобретал сам, а для этого нужен был разум, то есть хоть какая-то способность к моторике, к

мышлению и к социальности, которые предвосхищали языкотворчество.

Так что, в отличие от Гамана, пастор Гердер не погрешил против Библии, заявив: «Уже как животное человек обладает языком… Предоставьте человеку полную свободу ощущений. Пусть он видит, и осязает, и чувствует сразу все существа, чьи речи слышит ухо. О, небо! Какая это широкая аудитория для изучения понятий и языка!.. Я спрашиваю вас, была ли мысль о том, что “именно разум, давший человеку власть над природой, явился отцом живого языка, который он перенял у звучащих существ, превратив их звуки в отличительные приметы”, была ли эта прозаическая мысль, спрашиваю я, когда-либо облечена в более благородную и прекрасную форму, чем в словах, сказанных в истинно восточном духе: “Господь Бог привел всех животных полевых и всех птиц небесных к человеку, чтобы видеть, как он наречет их, и чтобы как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей”. Можно ли было в духе восточной поэзии яснее, чем в этих словах, выразить мысль. Что *человек сам себе создал язык, сотворил его из звуков живой природы, превращенных в приметы, осознанные его могучим разумом!..* Если бы язык был сотворен ангелом или небесным духом, то все строение языка являлось бы отпечатком образа мышления этого духа… Но разве мы видим это где-нибудь в нашем языке? И вся постройка, и план, и даже фундамент этого дворца выдают его человеческую природу»[659].

Lingua Adamica – это язык, на котором не только Бог общался с Адамом и Евой, но и Змей-искуситель совращал первую человеческую пару. Это значит, что даже высшая сила, создавшая человека, отказала всем, в том числе и себе самой, прямо вторгаться не только в сознание, но и в подсознание человека, предоставляя ему полную свободу во всех его хороших и дурных замыслах, тайных намерениях и поступках. Язык (какое бы ни давать ему определение) не только обеспечивает обмен мыслями, то есть общение между людьми, он является мощнейшим барьером, оберегающим от прямого вторжения в человеческую интимность, то есть в его мышление и подсознание. Благодаря языку люди не только объединяются в сообщества, но и отъединяются друг от друга как индивиды. Язык – богатейшее средство связи одного сознания с другим, средство, которое каждый волен использовать или нет. Так что сознание не только соединяется, но и

отъединяется от других благодаря наличию языка. О благотворной изолирующей функции языка обычно не задумываются ни лингвисты, ни психологи, ни философы. Своей двойственной функцией язык поддерживает не только существование общества, но и внутреннюю целостность, самость человеческой особи, рождение личности. Для религиозного сознания изолирующая функция языка делает возможной духовно-интимную связь с Божеством, а для обыденного сознания – связь с совестью. Как истинная вера, так и совесть изначально молчаливы и неартикулируемы, но глубоко значимы. Безъязыковое мышление как высшую его форму допускает и выдающийся философ, лингвист и историк античной эстетики А. Ф. Лосев. В конце книги вернемся к обсуждению этого вопроса.

Вавилонское столпотворение, или библейская версия происхождения языков-наций

Общечеловеческий «язык Адама» вместе с сыновьями Ноя: Симом, Хамом и Иафетом (Яфетом) пережил Всемирный потоп. От сыновей Ноя «населилась вся земля». Казалось бы, все было не так уж плохо до тех пор, пока люди (эта Каинова родня!) возгордились настолько, что решили встать вровень с Богом, для чего затеяли строительство Вавилонской башни. В русском переводе Ветхого Завета этот эпизод передан в драматической тональности:

«**На всей земле был один язык и одно наречие**. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там… И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес, и **сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли**.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые построили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, **один народ, и один у всех язык**; и вот что они начали делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и **смешаем там язык их**, так чтобы один не понимал речи другого. И **рассеял** их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню).

По сему дано ему: имя Вавилон, ибо там **смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»** (Быт. 11, 1–9).

Библейская история происхождения языков и наций интересна тем, что, во-первых, она уникальна (по моему мнению, даже Фрэзер не нашел для нее достаточно близких аналогий в мировом фольклоре), а во-вторых, она предлагает модель происхождения языков и наций по типу пирамиды, поставленной на острие. Долгое время люди чувствовали себя единой семьей, поскольку все вели свое происхождение от Адама и все говорили на адамическом языке. В результате третьего общечеловеческого грехопадения (первый – грех Адама и Евы, второй – Каиново братоубийство, и каждый раз это была разновидность греха – зависти!)[660], люди разделились по племенам и нациям, главным признаком которых стал этнический язык.

На первых порах, то есть в XIX веке, лингвистика использовала библейскую терминологию и очень скоро обнаружила, что некоторые языки, даже очень древние и мертвые или географически отдаленные, на самом деле близки друг к другу по грамматическому строю, по словарному составу, по корням слов или по созвучию (фонетике) и т. д. Так появилось представление о языковых семьях, то есть о языках, происшедших от одного корня, одного давнего предка, от праязыка. Довольно быстро определили семитическую семью языков, получившую название от праотца Сима, а по имени Хама пытались обосновать хамитскую группу языков, близкую к семитической. Но до языковой семьи, образованной от имени Яфета, дело толком не дошло, так как основное внимание европейские ученые сначала уделяли изучению западноевропейских языков. Выяснилось, что многие европейские языки очень близки к древнегреческому и латинскому языкам, а все они имеют общие черты с некоторыми языками Индии, Ирана и древнего скифского ареала. Так возникло представление об индогерманской семье языков, которую некоторые исследователи стали расширять до индоевропейской языковой семьи, имея в виду не только германские, романские, но и славянские и некоторые другие наречия. Но в целом Россия, как европейская, так и азиатская, включая Кавказ, была для лингвистов XIX века почти терра инкогнита. В конце XIX – начале XX века сложились российская филологическая и лингвистическая школы, в которых самые почетные места занимали А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. Н. Веселовский, И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Р. Розен и др. Последний был одним из учителей Марра, а Бодуэн де Куртенэ оказал на него сильнейшее влияние. В 1901 году

Бодуэн опубликовал очень близкую ему по духу работу «О смешанном характере всех языков», укрепив Марра в одном из самых важных лингвистических тезисов[661]. В архиве Марра сохранилась переписка с выдающимся российским языковедом, которую они вели вплоть до того времени, пока последний не уехал в эмиграцию. Бодуэн с большим сочувствием относился к марровским поискам новых идей[662].

В научной лингвистике XIX века сразу же проявились и другие тенденции. Настойчиво велись исследования по определению основных параметров праязыка индоевропейской языковой семьи. Но поскольку со временем выяснилось, что все такие поиски гипотетически когда-то существовавшего общего языка-предка приводят к недоказуемым объективными методами результатам, то к началу XX века большая часть известных исследователей отказалась от прямых попыток обнаружить твердые и проверяемые доказательства реального строя индоевропейского праязыка. Считалось, и многие исследователи убеждены в этом до сих пор, что серьезные разговоры о праязыках будут возможны лишь в очень отдаленном будущем, когда накопится необходимый эмпирический материал[663]. Еще более сложным было отношение к гипотетическому праязыку всего человечества.

XIX век – время особо агрессивного европейского национализма и не менее агрессивного, опять-таки специфически европейского, космополитизма. Князь Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938, сын С. Н. Трубецкого), крупнейший лингвист и философ XX века, вынужденный после революции эмигрировать на Запад, обратил внимание на идейную близость крайнего национализма и космополитизма. Он утверждал, что западные, романо-германские деятели повинны как в расцвете шовинизма, так и в том, что Трубецкой справедливо называл европоцентризмом, то есть в попытке нивелирования самобытных культур различных народов на европейский лад, а главное, в желании оценивать степень их развития по меркам западноевропейской цивилизации. Последняя объявлялась образцом и высшим проявлением общемировой культуры, образчиком к которому должны стремиться все народы. Трубецкой со страстью писал о равноправии и равноценности всех самобытных культур, но все общечеловеческое низводил до уровня животного и первично-детского, то есть до примитивных, начальных этапов становления человечества и человека. Национальное же для него, как и для многочисленных

националистов разных оттенков, стало равно **личностному**. «Если только рассматривать народ как психологическое целое, – писал он, – как известную психологическую личность, надо признать для него возможной и обязательной некоторую форму самопознания»[664]. Рассматривать народ как своеобразную коллективную личность, как персону стало в Европе модным лишь с конца XVIII – начала XIX века. Постепенно и в России, начиная с работ Н. Я. Данилевского, разнообразным этническим группам (славянам, романо-германцам, семитам и др.) стали приписываться качественные свойства личности, включая особую национальную душевность и духовность. Больше того, в умах некоторых мыслителей и особенно агрессивных политиков XX века, национальное стало приобретать гипертрофированное и самодовлеющее значение по сравнению с общечеловеческим, да и просто – человеческим[665]. В XX–XXI веках идол национализма вырос до размеров вселенского Молоха, пожравшего миллионы жизней в мировых и локальных войнах, в погромах и этнических зачистках.

Казалось бы, как иначе можно трактовать известную библейскую притчу о строительстве Вавилонской башни, кроме как форму назидательного урока всему человечеству, как наказание его многоязычием и национальной рознью за завистливую ревность к всемогуществу Создателя? Но вот как перетолковал достаточно прозрачный смысл библейской притчи Николай Трубецкой:

«Совершенно отвлекаясь от вопроса об исторической подкладке библейского повествования о вавилонском столпотворении, следует признать за этим повествованием глубокий внутренний смысл. В этом повествовании Священное Писание рисует нам человечество, говорящее на одном языке, то есть лингвистически и культурно вполне однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловеческая, лишенная всякого индивидуального, национального признака культура, чрезвычайно односторонняя при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!), полная духовная бессодержательность и нравственное одичание. А вследствие этих свойств культуры – непомерное развитие самодовольства и гордыни, воплощением чего является безбожный и в то же время бессмысленный замысел постройки Вавилонской башни. Вавилонская башня – чудо техники, но не только без религиозного содержания, а с прямым антирелигиозным, кощунственным назначением. И Бог, желая

воспрепятствовать осуществлению этого замысла и положить конец кощунственному самопревознесению человечества, смешивает языки, то есть устанавливает на вечные времена закон национального дробления и множественности национальных языков и культур. В этом акте божественного промысла заключается, с одной стороны, признание того, что безбожная самопревозносящаяся техника, ярко выразившаяся в замысле постройки Вавилонской башни, есть не случайное, а неизбежное и естественное следствие самого факта единообразной, национально не дифференцированной общечеловеческой культуры. С другой стороны – указание на то, что только национально ограниченные культуры могут быть свободными от духа пустой человеческой гордыни и вести человечество по путям, угодным Богу»[666].

Разумеется, не только под пером Н. Трубецкого национальное из наказания и коллективной беды человечества, из источника вражды и бесчисленных войн превратилось в магистральный путь развития, «угодный Богу», а не в путь искупления. Трубецкой был младшим современником Марра, хорошо знал его лингвистические работы, был одним из наиболее непримиримых заочных оппонентов и, как это нередко бывает с антагонистами, по некоторым позициям оказался к нему близок[667].

Вся вторая половина XX века прошла в СССР, а затем в России в полуоткрытой борьбе за реабилитацию или окончательное забвение Марра и его «нового учения об языке». По моим наблюдениям, ни один заметный отечественный лингвист, палеоантрополог, этнограф или кавказовед не могли обойтись без определения своего отношения к трудам Марра. После 1950 года, когда его имя и труды стали почти так же запретны, как большинство произведений «врагов народа», заочная полемика с Марром или его осторожная апологетика велась чаще всего анонимно. Упоминали имена его последователей или учеников, но не его самого. Можно сослаться на иронию истории, но до падения советского строя и языковедческие публикации самого Сталина оказались под молчаливым запретом. И о том и другом авторе упоминали в редких случаях. Положение изменилось только с началом перестройки в конце 80-х годов XX века. Несмотря на то что литературы о дискуссии 1950 года накопилась к настоящему времени

изрядно, она мало что добавляет к тем изданиям, о которых упоминается в этой книге.

* * *

Марр, конечно, хорошо знал библейскую историю Вавилонского столпотворения. Уже коренным образом «перестроившись», став заправским материалистом, он продолжал отталкиваться от этого образа: «Власть неба над мыслями человека утрачивается. Наказанное некогда за дерзновение человечество, мечтавшее соорудить столп или башню для одоления небесных сил, ныне, обходясь без столпа и без башни, свободно летит на технически улучшающихся с каждым днем самим им созданных крыльях и несется в небесную высь, не сегодня завтра завладеет физически владениями исчезнувших небожителей»[668]. Марр любил образы, в особенности образ парения, на «крыльях» которого он воспарял много выше Вавилонской башни.

Четыре исследования упомянем особо

Сталин, не имея элементарной научной подготовки и не получив даже полноценного начального образования, не владея ни одним иностранным языком, кроме русского, в мае 1950 года организовал и сам принял участие в дискуссии о происхождении языков и мышления, задавшись целью развенчать своего же выдвиженца 30-х годов XX века, знаменитого лингвиста, археолога, археографа, фольклориста, кавказоведа и этнографа, первого члена ВКП(б) из среды академиков с дореволюционным стажем Н. Я. Марра. Маститые отечественные лингвисты по большей части не любят вспоминать ни о дискуссии и участии в ней своих почивших учителей, ни Марра – диссидента и мага от науки, ни «гениального» языковеда Сталина. Когда все же вспоминают о дискуссии, то образ Марра рисуют злостно-карикатурно, напирая на его «нелепость» и даже невменяемость, а неожиданные действия советского вождя осторожно представляют спасительными для советской лингвистики. Как та, так и другая оценки очень несправедливы, а главное, они не базируются на изучении архивных документов и выверенных фактах[669].

Четыре издания следует упомянуть особо, поскольку они с наибольшими подробностями освещают историю дискуссии 1950 года и проблемы лингвистики в связи с воззрениями Марра на происхождение языка и мышления.

В 1983 году Институт языкознания АН СССР выпустил монографию академика АН СССР В. А. Серебренникова «О материалистическом подходе к явлениям языка». Автор был одним из молодых и активных участников дискуссии 1950 года. Буквально накануне дискуссии он был уволен с работы за критику марризма. После участия в дискуссии карьера Серебренникова круто пошла вверх. На закате жизни, более чем через тридцать лет после событий, став маститым и признанным ученым, бдительный антимаррист обратился к теоретическим основам: к проблемам социальной природы языка, типов мышления и стадий в развитии языков мира, к вопросу о праязыке человечества и другим идеям, когда-то находившимися в центре внимания Марра и его последователей. С моей точки зрения, книга достаточно легковесна и догматична. И хотя автор время от времени бросает жесткие обвинения Марру и своим коллегам в антинаучности, но, по сути дела, часть вопросов рассматривается им в том же марровском духе[670]. Создается впечатление, что автор в конце 80-х годов XX века, обвиняя коллег в антимарксизме и возрождении марризма, тем не менее кое-что снова в нем принял, но по каким-то причинам так и не решился признаться в этом. О трудах Сталина автор упоминает вскользь и достаточно глухо. После выхода книга была встречена официальной советской лингвистикой «в штыки». Как вспоминал ответственный редактор этого издания В. П. Нерознак: «После выхода в свет книги она подверглась резким нападкам со стороны задетых в ней ученых, результатом которых стало изъятие ее из продажи»[671]. Я упоминаю этого автора еще и потому, что изгибы научных взглядов Серебренникова очень типичны для многих известных советских лингвистов XX века. К счастью, книгу Серебренникова можно и сейчас найти в публичной библиотеке.

Как антипода Серебренникову следует назвать имя крупнейшего отечественного культуролога и философа А. Ф. Лосева. В работах, вышедших после 1950 года, редко упоминая Марра, автор часто ссылался на его последователей, а главное, успешно развивал идеи о праязыке человечества, о символической функции знака, о тончайших

взаимодействиях в процессе развития мышления, языка, ритмики, пластики и даже о связи развития качества мышления с развитием общественно-экономических формаций[672]. Этим Лосев в какой-то мере подхватил теоретическую линию, начатую Марром. Интересная деталь: так получилось, что в 1930 году, на XVI съезде ВКП(б), Марр был вознесен Сталиным как ярчайшее светило советской науки, а молодой Лосев подвергся уничтожающей критике ближайшего соратника Сталина Л. М. Кагановича (фактически самим Сталиным).

Лингвисты и историки науки Западной Европы и США проделали заметную эволюцию в отношении учения Марра и лингвистических писаний Сталина. При жизни Марра его работы, в том числе на европейских языках, чаще игнорировались, а в редких случаях подвергались разгромной критике (А. Мейе и др.[673]). После дискуссии 1950 года мнения зарубежных ученых разделились. Меньшинству (в том числе крупнейшему лингвисту второй половины XX века Н. Хомскому) была ближе позиция Сталина, публично развенчавшего Марра, хотя, как они сами же отмечали, ничего нового в лингвистику Сталин не внес. Но часть западных историков лингвистики признали в Марре предшественника набиравшего силу структурализма, кинетики и других предвоенных и послевоенных течений, в его адрес зазвучали хвалебные отзывы. В монографии П. Серио (швейцарское издание 1999 года) предлагается наиболее взвешенная оценка работ Марра и марризма, но о роли Сталина в советской лингвистике 20–30-х годов ничего не говорится[674].

Как эта, так и все иные отечественные и зарубежные исследования проведены исключительно на базе опубликованных материалов, а многие зарубежные авторы пользуются информацией из «вторых рук». Письменный язык Марра сложен для понимания даже русскоязычному читателю, но он еще менее доступен для читателя иностранного. Несмотря на это, научные идеи Марра медленно, но все увереннее занимают умы европейского научного мира. Все чаще на серьезных международных научных конференциях обсуждаются вопросы, поставленные Марром более полувека назад[675].

Несмотря на значительное количество отечественных работ, вышедших в последние два десятилетия, авторы которых выступали как за и, что было гораздо чаще, против Марра и его научного наследства, наиболее всестороннее освещение оно нашло в работе

историка языкознания В. М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм» (1991). Автор очень обстоятельно подошел к рассмотрению вопроса, привлек большое количество опубликованной на тот момент мемуарной литературы и лично опросил живых участников событий. Благодаря его стараниям в 2002 году был переиздан сборник цитат из работ Марра под названием «Яфетидология» (первое издание 1933 года)[676]. Из этих книг я почерпнул важные исходные историко-лингвистические сведения. Отдавая должное работам Алпатова, не могу не отметить два существеннейших недостатка. Его исследования написаны с откровенно заданной целью: автор всеми способами (не всегда корректными) старается расписать худшие черты характера Марра, граничащие, по его мнению, с душевной болезнью. Создается впечатление, что автор таким способом пытается бросить тень не столько на Марра-человека, сколько поставить под сомнение языковедческие труды своего героя. В книге неоднократно встречаются фразы типа: «Есть ли у нас основание сомневаться в здравости рассудка Марра на самом деле? Конечно, мы вступаем здесь в область труднодоказуемого и трудноопровергаемого, но все же попробуем в этом разобраться»[677]. «Ненормальность Марра в последние десятилетие его жизни не вызывает сомнений. Однако можно ли снять с него ответственность за то несомненное зло, которое он творил в это время?»[678] При этом не приводится ни одного доказательства умопомрачения Марра и, тем более, его реальных «злодеяний». В конце концов, автор украсил свое сочинение сценой: перед смертью старый, больной и безумный академик забивается под свой рабочий стол, прячась от якобы неминуемого ареста. Откуда автор почерпнул такие впечатляющие подробности и красочные детали, понять невозможно. А если учесть то, что в последние годы жизни академика Марра Сталин ему благоволил, самолично отвечал на его записки, позволил занять номенклатурную должность вице-президента АН СССР и еще десяток других важнейших академических должностей, наградил высшими советскими наградами: орденом В. И. Ленина и Ленинской премией, похоронил с такими же почестями, которыми удостаивались лишь высшие советские вожди, его именем были названы научные учреждения и, наконец, специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) вдове Марра выделил персональную пенсию, то все приведенные бездоказательные пассажи вызывают, по крайней мере,

недоумение. Бросается в глаза нарочитая двусмысленность оценок взглядов и концепций Марра. В худших традициях сталинской «диалектики» автор после длинной цепочки уничижительных фраз и пассажей делает «разворот» и, продолжая рассуждать о тех же научных «грехах» Марра, прибавляет несколько одобряющих слов.

Очевидно и то, что в ряде случаев автор не смог разобраться в действительно сложном письменном языке Марра и в его не простых научных умозаключениях, требующих не только языковедческих, но и обширных исторических и серьезных философских познаний, а также знаний из области исторической психологии, палеоантропологии и многих других. Несмотря на то что Марр сам постоянно указывал на источники своих теоретических построений, автор не удосужился познакомиться и с ними. В 2004 году, выступая на международной конференции, посвященной лингвистической концепции Марра, Алпатов заявил: «Вопрос о научной ценности работ Н. Я. Марра редко поднимается в современной науке, а если поднимается, то историками, но не лингвистами. Тем не менее эта личность не может игнорироваться»[679]. Автор не заметил того, что выступал он именно на лингвистической конференции, правда зарубежной. С 60-х годов XX века, то есть с хрущевской «оттепели», именно лингвисты время от времени поднимают вопрос о реабилитации имени Марра, и именно лингвисты, построившие свои карьеры после дискуссии 1950 года на «развенчании» марризма, активно противятся восстановлению его имени в науке. За шесть последних десятилетий я, наверное, первый из профессионалов историков пытаюсь системно рассмотреть эту проблему.

Приговор, вынесенный Марру, Алпатов утверждает по-сталински сурово и безапелляционно: «Реабилитации не подлежит». Помимо антимарровской ангажированности, что объясняется декларируемой принадлежностью Алпатова к тому научно-политическому лагерю, который в свое время громил школу Марра во главе с «гениальным ученым» Сталиным[680], его книга написана в основном на базе опубликованных и общеизвестных источников. А между тем с середины прошлого века огромный архив Марра вполне доступен для исследователей. Архив другого главного действующего лица, то есть Сталина, был открыт для исследований в 1997 году. Но и переиздавая свою книгу в 2004 году, Алпатов не счел нужным обратиться к

первоисточникам, лишь добавив краткий обзор литературы, вышедшей после первого издания его труда. В конце обзора автор упомянул и мои статьи по данной теме, опубликованные в одном из академических журналов.

«Уже когда наша книга находилась в печати, – пишет автор, – в журнале “Новая и новейшая история” (2003. № 3–5) появились исследования Б. С. Илизарова “Почетный академик И. В. Сталин против академика Н. Я. Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г.”. Автор на основе изучения архива и личной библиотеки Сталина вводит в научный оборот ряд документов. Они кое в чем уточняют и дополняют наш рассказ. Например, мы узнали, что Сталин читал некоторые работы Марра в 30-е гг. Подтверждается версия о том, что решающую роль во всей истории с выступлением Сталина сыграло обращение к нему Чарквиани. К сожалению, у Б. С. Илизарова имеется много произвольных трактовок и фактических ошибок»[681]. Не дождавшись окончания публикации статей, а главное, выхода моей книги, автор в 2006 году опубликовал «разгромную» статью в журнале «Вопросы языкознания»[682].

Я благодарен автору, указавшему мне на ряд досадных для меня погрешностей (не везде правильно даны инициалы, не всегда точно тот или иной персонаж отнесен к той или иной лингвистической школе, опечатки и др.), но произвольных трактовок и фундаментальных ошибок я все же старался не допускать. То, что автор принимает за произвол и ошибки, на самом деле вполне продуманные и проверенные факты и оценки, правда, часто в корне противоречащие оценкам моего оппонента. Я настоятельно рекомендую читателю не ограничиваться моей книгой, но познакомиться и с работой Алпатова. Два взгляда на один объект дают особо объемное изображение, даже если один кривоват, чем всегда отличалась советская партийная литература.

Не будучи специалистом-языковедом, я после публикации своих статей приложил все усилия для того, чтобы глубже освоить основной круг идей и охватить возможно больший круг источников, связанных с деятельностью Марра, Сталина и других прямых и косвенных участников событий[683].

В этой книге я решил не ограничиваться только освещением дискуссии в свете новых архивных материалов, но пытаюсь показать те глубинные идеи Марра, которые были не поняты многими его

современниками, а затем независимо были развиты на Западе. Конечно, не обхожу вниманием и слабые стороны личности Марра, и двусмысленность его многих научных построений, при этом опираясь не только на свои и чужие умозаключения, но в первую очередь на документы. И все же, не будучи лингвистом, я не могу гарантировать, что не допускаю сам невольные узкопрофессиональные неточности. По моим многолетним наблюдениям, любой историк обречен на определенную толику ошибок, поскольку каждый историк-профессионал – это почти всегда дилетант.

Нежелание и неумение работать с историческими источниками, столь характерное для хлещущего через край околонаучного дилетантизма, много опаснее естественного дилетантизма профессионального историка. Не имея навыков вождения войск, историк со знанием мельчайших деталей пишет о войнах и древних битвах, в которых сам никогда не участвовал. Не обладая опытом государственного деятеля, историк ставит обоснованный диагноз жестоким царям и бездарным правителям. Не набальзамировав ни одну мумию древнего египтянина, не написав ни одной картины, равной хотя бы «плохонькому» офорту Гойи, ни разу не вдохнув прокуренный воздух сталинского кабинета, в атмосфере которого принимались решения, предрекавшие гибель миллионам, историк (если он подлинный исследователь), осваивая источники, через них овладевает специфическими знаниями и видением, благодаря которым он и глубже и полнее очевидца или узкого специалиста постигает былое. Подлинно историческое знание добывается в результате многоопытной интуиции и не очень мудреных, но чрезвычайно действенных профессиональных научных методов. Это система источниковедческих приемов, то есть способов познания неявного, просветления скрытого смысла. Скрытого не только потому, что участники событий сами (сознательно или нет) его искажали и затаивали, а потому, что временная дистанция и открытие нового круга источников информации, о которых современники даже не подозревали, дают качественно новое знание. К этому надо добавить и археологию смысла самого источника и его контекста, о чем не посвященные в тайны ремесла даже не догадываются.

Лингвистика – одна из самых сложных гуманитарных дисциплин, но уяснить сущность базовых проблем, научных споров, а главное, не

простых человеческих отношений в контексте давно ушедшей эпохи вполне по силам. И если действительный член Императорской академии наук Н. Я. Марр посвятил свою более чем семидесятилетнюю жизнь изучению начальных этапов и предсказанию дальнего будущего общемирового языка, то почетный академик Академии наук СССР И. В. Сталин в семидесятилетнем возрасте решил, что с ходу освоил языковедческую науку (включая сложные писания Марра), всего за три-четыре месяца 1950 года. Не только освоил, но и серией из шести небольших публицистических заметок заложил основы принципиально нового «марксистского языкознания».

Я работал над этой книгой без спешки, но увлеченно, поскольку вопросы, поднятые как действительным, так и почетным членом Академии наук, относятся к фундаментальным. Что изначально было в человеке человеческое, кем он (человек) был до того, как им стал, и кем когда-нибудь будет? Отсюда вопрос вопросов – с чего началось очеловечивание человека? Со Слова, как думали Платон и евангелист Иоанн, или с томления и катарсиса в поочередно «избранный народ» вечно незрелого Мирового Духа, как думал Ф. Г. Гегель? Или все же, как лукаво домысливал Писание гетовский Фауст, в Начале было Дело, то есть труд, что проповедовал и Карл Маркс? А может быть, все началось с творческого порыва, с Божественного Жеста, как рассказал Моисей в книге Бытие (или те, кто записал от его имени) и многие после него, включая Аристотеля, Дж. Вико, Марра, Мерло-Понти? Все эти проблемы есть проблемы понимания Начала начал и Причины причин движений времен истории человечества. Они имеют прямое отношение как к лингвистике, так и к философии, и к истории, и к повседневной жизни людей. В моем понимании прошлое, настоящее и будущее в их переливчатом единстве есть центровой объект изучения историософии человечества, тогда как ее базовый фактический элемент – исторический источник. В этой книге речь, по существу, идет о древнейших и последующих способах выражения мышления, а значит, и о первичном (древнейшем) типе исторического источника, пронизывающего все времена, включая времена будущие и последние. Пусть не всегда явно, но в конечном счете именно этим вопросам и посвящена новая книга.

Судьба как схождение и расхождение биографий. Посмертие

Реальная жизнь мало похожа на ее описание и не только потому, что любое писательство (историческое особенно) предполагает массу ритуальных приемов и условностей, которые в жизни недопустимы и безусловны. Но эти условности сжимают реальное пространство и время героя до нескольких фраз. Я сейчас напишу, например, что Марр и Сталин оба родились в дореволюционной Грузии, в ее провинции, но в разных городах и в разное время: Марр в 1864 году на окраине города Кутаиси, а Сталин в 1878 году в трущобном районе захолустного поселка Гори. Земляки, провинциалы, оба испытали в детстве и юности унижения нищетой, отцовской нелюбовью, и это их как будто роднит. Но между ними четырнадцать лет разницы в возрасте и сотни, иногда многие тысячи километров расстояний, разделявших их в параллельной, но только лишь во времени параллельной жизни. До революции они не были знакомы, хотя помимо знакомства нечаянные встречи, без взаимного опознания, все же могли происходить. Кроме того, они жили и действовали тогда на разных социальных этажах: Марр довольно быстро взошел на один из высших этажей Российской империи, Сталин вплоть до Октября 1917 года обитал на предпоследнем снизу этаже, рядом с чернорабочими, бездомными, заключенными и другими париями. Обо всем этом свидетельствуют достоверные источники. Таким образом, всего в нескольких фразах-секундах удалось уложить то, что заняло для Марра пятьдесят один год его жизни (до 1917 года) и тридцать девять лет жизни Сталина. После революции ситуация изменилась: Сталин оказался на верхнем этаже, где начал борьбу за овладение его высшим пределом, а Марру пришлось бороться за сохранение своего былого статуса.

Так или иначе, но к 1917 году оба были в зрелых годах. К этому времени в багаже Марра были значительные научные изыскания и опубликованные труды на русском, грузинском и многих европейских языках, этнографические экспедиции, плодотворные археологические раскопки, педагогическая деятельность, постоянное общение с цветом русской, кавказской и европейской интеллигенции. В багаже Сталина было несколько десятков пропагандистских газетных статей и брошюрок на грузинском и русском языках, многолетние отсидки в тюрьмах и ссылках в отдаленнейших местах империи, общение там или на нефтяных промыслах, митингах и стачках с «простым» народом и с «инородцами», а также общение с коллегами-революционерами, среди

которых встречались и подлинные интеллектуалы. До революции (да и после нее) Сталин не написал ни одной оригинальной и тем более выдающейся работы. С большой натяжкой можно признать за таковые два произведения: «Анархизм или марксизм» (1906) и «Марксизм и национальный вопрос» (1913). В первой работе популярно пересказывались основные положения диалектического и исторического материализма с заходом в историю анархизма. Я все больше склоняюсь к тому, что авторство этой работы принадлежит другу Сталина, рано умершему грузинскому меньшевику Г. Телия[684]. В постреволюционные годы Сталин будет несколько раз воспроизводить исходные положения этих заметок, апофеозом чего станет соответствующая глава в «Кратком курсе. Истории ВКП(б)» (1938). Сталинское авторство второй работы подвергал сомнению Л. Троцкий. Хорошо осведомленный о циркулировавших в партийной среде слухах, он утверждал, что в работе над этой брошюрой принимали участие В. Ленин и в особенности Н. Бухарин. В сохранившихся документах того и другого никаких сведений на сей счет нет, но следует учесть, что их архивы десятки лет находились под контролем Сталина и его аппарата. Сама же работа несколько раз переиздавалась при жизни Ленина и Бухарина и никаких комментариев с их стороны не вызывала. В очерке «Марксизм и национальный вопрос» Сталин впервые для себя затронул проблему языка и нации, к которой он будет неоднократно возвращаться. Несколько новых штрихов об этой работе я добавляю в одном из разделов книги.

Очень интересно сейчас наблюдать со стороны, из первых десятилетий XXI века, как после революции 1917 года жизненные дороги таких несопоставимых людей, как Сталин и Марр, стали сходиться, о чем они сначала даже не догадывались. В результате такого «схождения» началась цепочка важных событий в политической и интеллектуальной жизни страны, имеющая свое продолжение и в наши дни.

В декабре 1934 года Марр умер своей смертью и с невероятными почестями был похоронен в Александро-Невской лавре. Сталин пережил его на девятнадцать лет. И до 1950 года фальшивый сиятельный образ Марра был среди живых участников различных околонаучных событий, как вдруг весной-летом 1950 года стал центральной научно-политической виртуальной фигурой, с которой

вождь решил беспощадно разделаться точно так, как он разделывался с живыми. В результате Марр посмертно был осмеян, опозорен, развенчан и отправлен в забвение. Так с 1950 года судьбы Сталина и Марра «разошлись» и, казалось бы, окончательно. Но в марте 1953 года умер и «бессмертный вождь». С этого момента смерть их уравняла точно так, как она равняет всех мертвых без всякого исключения. Но она сделала еще и то, что их посмертные судьбы стали неразделимы, – теперь навсегда.

Слова «схождение» и «расхождение» взяты мной из научного лексикона Марра. Это он рассуждал о схождении, расхождении и вновь схождении языков, культур, племен. Но он имел в виду их скрещение, расщепление и новый синтез, а я говорю о совпадении или не совпадении во времени и пространстве человеческих судеб. Оба героя этой книги родились и умерли в разных местах и в разное время, но кусочек жизненного пространства, прожитый в совместном пространстве-времени, соединил их крепче кровных уз и кровавой вражды, соединил сначала в жизни, а затем в пространстве истории, то есть в посмертии. Никакое прижизненное могущество, слава и преклонение не спасают его (человека) от суждения (свободной критики) в посмертии[685]. В посмертии любой обвиняемый, а тем более униженный и оскорбленный да будет хотя бы выслушан. Историк равными мерами судит и могущественного при жизни, и слабого. Таких мер всего две – мера добра и мера зла. И если ложный приговор земного судьи уменьшает количество добра в живом человечестве, то лживый историк сжимает то же поле в историческом пространстве (в посмертии), где от века «пребывают» все, когда-либо родившиеся и умершие на земле. В том обществе, где нет справедливости к мертвым, никогда не будет справедливости и к живым. Древняя сентенция не права: о мертвых надо говорить, и говорить все или ничего.

Глава 2
Схождение линий жизни Марра и Сталина (линия Марра)

«Автобиография» Марра с моими комментариями

Сталин с особым вниманием относился к знаменательным датам, впрочем, так же, как и абсолютное большинство людей. Как утверждал сам Марр, первую свою научную статью он опубликовал в 1888 году; с нее Марр начинал отсчет научной карьеры. В 1927–1934 годы центральная советская печать периодически поздравляла академика Марра с не совсем обычным для партийной пропаганды юбилеем – с сорокалетием, а затем и сорокапятилетием научной деятельности. С тех пор и до весны 1950 года прижизненные и посмертные славословия в адрес академика-лингвиста появлялись в СССР регулярно. К сорокапятилетию научной деятельности Академия наук СССР приступила к подготовке большого парадного сборника, но Марр не дожил до его выхода в 1935 году. В сборнике помимо учеников и последователей Марра опубликовали исследования в духе теоретических воззрений Марра крупнейшие лингвисты, психологи, фольклористы, литературоведы, историки, этнографы, археологи, философы. Удачная или нет, но это была редчайшая даже для современной мировой науки попытка совместной работы гуманитариев разного профиля над проблемой истории мышления, языка и культуры человечества. Многоплановость сборника отражала разнообразие научных интересов Марра, поиск синтеза основного ядра гуманитарных наук и дисциплин. Многие из статей этого издания и сейчас представляют определенный интерес[686]. При жизни Марра в 1933 году вышел первый том его собрания сочинений, к 1937 году вышло пять томов в основном ранее опубликованных работ. Запланированные архивные публикации (еще пять томов) не удалось осуществить в связи с арестом и гибелью в сталинских застенках последователя Марра профессора В. Б. Аптекаря, готовившего это сложное издание[687].

После смерти Марра его имя присвоили Институту языка и мышления Академии наук СССР, в институте создали мемориальный кабинет, куда были переданы огромная научная библиотека и архив Марра. Его архив – это один из самых больших современных личных архивных фондов, который насчитывает почти шесть тысяч единиц хранения. Помимо того что архив Марра значителен по объему, он сложен и по своему составу, так как отражает разнообразные интересы своего хозяина, его участие в работе и организации различных исследовательских и учебных заведений.

Почти во всех крупных работах Марр оставил автобиографические заметки или реплики. В этом можно усмотреть гордыню и тщеславие автора, впрочем, вполне объяснимые для паренька из захолустья, выросшего до светила российской науки. Но мне ближе объяснение О. М. Фрейденберг (ученицы Марра): «В Марре… автобиографический поток был очень силен. Как крупного человека, его характеризует эта высокая лирика, эта способность всюду и везде рассказывать о себе, вычерпывать себя, объективизировать все личные переживания в научном и просто лирическом рассказе… Это не мания. Не тщеславие, не себялюбие: это непреодолимый позыв к самораскрытию, совершенно аналогичный тому, который делает из людей поэтов»[688]. Тяга к автобиографичности была характерна и для Сталина, хотя, по понятным причинам, в меньшей степени. Может быть, потому, что и у него когда-то билась поэтическая жилка. Впрочем, каждый человек хочет быть интересен для других, а биография – это суть и судьба человека.

Личность Марра и его новое учение о языке официально пропагандировались не только в научной и партийной печати, но и в изданиях, предназначенных для широкого читателя. В 1927 году в популярном журнале «Огонек», выходившим значительным тиражом, была опубликована автобиография Марра, над текстом которой очень основательно поработала жена – верная подруга и редактор Марра (или один из литературных сотрудников журнала), в результате чего автобиография стала удобочитаемой и понятной. Публикация воспоминаний Марра с моими комментариями избавляет меня от дополнительных изысканий в его житейской и научной дореволюционной биографии:

«Н. Я. Марр[689].

Автобиография[690].

Рождение мое, да и детство, почти легендарно, если повторять рассказы моей матери. Отец мой – старик шотландец, мать – молодая грузинка из Гурии (Озургетский уезд Кутаисской губернии). Родился я в городе Кутаиси, на правом берегу реки Рион, на так называемой “Ферме”, где отец руководил сельскохозяйственной школой. Здесь отцом был разбит огромный сад из образцов субтропической флоры. Магнолии составляли здесь целую рощу. (*В архивном фонде Марра сохранилось свидетельство о рождении сына британского подданного Иакова Марра*[691].)

Мать с очень скромным домашним образованием, отец – с университетским, естественно-историческим. Больше всего отец интересовался ботаникой. В тяжелые годы нужды он занялся насаждением на Кавказе садоводства. Он первым произвел на Кавказе удачный опыт посадки чайного дерева в Гурии.

Хотя в числе родных по отцу были и французы, и русские, и испанцы (родные его первой жены), но все мое детство прошло исключительно среди грузин. Очень рано мы переехали в город Озургеты, в дом бедного отпрыска грузинских феодалов: и здесь на память мне приходят встречи с грузинскими артистами, поэтами, как местными, так и заезжими известностями и общение с “челядью” – конюхом и сокольничими, всегда окруженными борзыми и лягавыми собаками. (*Судя по этим строкам, “отпрыск грузинских феодалов” был не так уж беден.*) Тут же, во дворе, мальчики-турки и их родители, чаще матери, захваченные с “кордона” (в нескольких верстах была турецкая граница). Все время проводил в игре в мяч и бегах, не имея в этом отношении соперников. У себя дома девушка из грузинской деревни регулярно каждый вечер, на сон грядущий, рассказывала все новые и новые, неисчерпаемые грузинские сказки, напоминающие сказки Шехеоазады (так в тексте. – *Б. И.*). А тут же, рядом – отец, с английской газетой или за чтением английской книги. Впоследствии из ядовитых заметок на полях одной из оставшихся мне от отца книг, «Речей» Маколея, я узнал, что отец был консервативных взглядов, но об этом я не мог судить тогда, в детстве, когда не читал подобных книг, да и выучился читать по-английски я значительно позже. От отца я получил единственное напутствие: «Ничего дельного из твоих рук не выйдет». Это было сказано после внимательного наблюдения над

моими играми с самодельными игрушками. У матери, наоборот, были преувеличенные надежды на ее сына. Она видела во мне все, что считала хорошим и даже идеальным. Так, например, ей, по-видимому, больше нравились белокурые, и поэтому она убеждала окружающих, что я почернел только от летнего загара, но что будто бы я был всегда белым и даже с каштановыми волосами (я себя помню всегда смуглым, даже черным).

Мать и отец не имели общего языка. Отец, кроме своего родного, английского языка, свободно изъяснялся и на французском; мать знала только грузинский. Общение на формально скрещенном языке, на своеобразной «смеси» ломаных русских и грузинских слов, положило известный отпечаток и на мой лексикон, и, в общем, я могу считать моим родным языком грузинский или даже, точнее, гурийский говор. (*Обратим внимание на понятие "скрещенный язык". Идея скрещения очень далеких друг от друга языков пришла к Марру из его детского опыта.*) Первая грамотность моя – грузинская. Затем занятия по французскому языку с отцом, с использованием грузинской транскрипции французских слов. Первые школьные занятия в уездном училище отличались шалостями и особенно отчаянными припадками смешливости, заражавшими весь класс, за что регулярно по нескольку раз в неделю оставался без обеда. Техника этого наказания была такова: у меня отбиралась фуражка, и я оставался в школе без присмотра; но это не удерживало меня, и я отправлялся домой с непокрытой головой к обеду, после чего незаметно водворялся назад в училище, в ожидании возвращения мне шапки.

Восьми лет я потерял отца. Его похоронили с большой помпой. Я с матерью остались фактически беспризорными. Все считали меня обреченным на невежество, неучем, неспособным даже читать отцовские книги. Кстати, последние настигла жестокая участь: библиотека отца была сложена на чердаке нашего дома, а затем использована частью на растопку камина, частью на оклейку стен, вместо шпалер. Родные вскоре выгнали нас из дому. За заслуги отца по сельскому хозяйству матери удалось определить меня в классическую гимназию. В гимназию я был принят, несмотря на неподготовленность, особенно по Закону Божию. В этом отношении меня спасло заявление директора гимназии, что я англичанин. (*Свидетельство о рождении, о котором говорилось выше, было передано в Кутаисскую гимназию,*

благодаря чему Марр был принят учиться на казенный счет, как сын британского подданного. В архиве Марра находится судебное дело его матери Агафьи Марр, официальной опекунши Николая, в котором содержится иск о наследстве к внукам мужа. Иск был частично удовлетворен[692]). Первая моя письменная работа по русскому языку произвела потрясающее впечатление: там было столько ошибок, сколько слогов, если не букв. Но преподаватель русского языка Благодаров почему-то обратил на меня внимание, усмотрев в безграмотном мальчугане способного ученика. Слава моя пошла по другой части, по которой обычно происходило буквально избиение младенцев, – это по-латыни. В классе, состоящем почти исключительно из грузин, никто ничего не понимал, обучаясь неизвестному мертвому языку с помощью не более известного им русского языка. Я же, неожиданно для себя, оказался лучшим латинистом. Мне приходилось писать работы за неуспевающих товарищей и исполнять их экстемпоралии по-латыни. За отказ от этого или за неудачное исполнение подвергался жестоким избиениям, а однажды даже получил удар ножом в бедро. Время от времени учителя ловили меня на месте преступления, за что я подвергался карцеру, который помещался рядом с учреждением, запах которого до сих пор остро вспоминается.

Первая прочитанная книга на грузинском языке была сборником сказок, а на русском (уже в гимназии, во втором классе) – «Робинзон Крузо». Книги открыли мне новый мир. К этому времени мать моя, молодая еще, красивая женщина, вышла замуж за мегрела. Она посильно продолжала следить за мной, но все же пансион и книги были тем миром, в котором я главным образом жил. Мой необузданный характер доставлял много неприятностей хорошо относившимся ко мне учителям. За каждую мою выходку меня могли бы вышвырнуть из гимназии с волчьим паспортом, но мне все это прощалось, так как, кроме всего прочего, меня ценили как певчего с хорошим голосом и участника гимназического оркестра (я играл на кларнете). Надо сказать, что и здесь, на спевках и сыгровках, дело не обходилось без очередных и внеочередных скандалов, отзывавшихся на моих отметках за поведение.

Я продолжал увлекаться бегом, что не привело к добру. Однажды я вывихнул ногу. Болезнь осложнилась, и, по компетентному решению консилиума специалистов, мне собирались отрезать ногу. Только по

настоянию матери, не давшей согласия на ампутацию ноги, я не остался калекой на всю жизнь и с помощью местного хирурга, своего рода костоправа, вылечился, все же почти полгода занятий было пропущено. Мать была без средств и без крова. В это время в школе ввели греческий язык, и я уже собирался бросить гимназию и сделаться телеграфистом, чтобы таким образом прокормить себя и мать. Но мать на это не согласилась. Греческую премудрость за пропущенное время пришлось догонять зимой, на рождественских праздниках, в грузинской сакле, в домике без пола и потолка, в холоде, при слабом свете жалкого костра, дрова на который родные нам не давали. Все же мне удалось возобновить занятия, и, вернувшись в гимназию, я смущал преподавателей древних языков тем, что предвосхищал вслух их толкования. Для этого я достал немецкие комментарии, по которым они сами готовились. В гимназии изучал французский, итальянский, немецкий, английский, греческий и латинский языки и, пользуясь репутацией успевающего ученика, переходил из класса в класс, занимаясь в общем больше чтением, чем подготовкой к урокам. Мои несуразные ответы, в результате ли неподготовленности или полного невнимания, обычно объяснялись одними капризами. Я увлекался литературной деятельностью на грузинском языке, писал стихи и издавал гимназическую газету, что и помогло мне освоиться с техникой грузинской речи, ставшей впоследствии предметом моей специальности. Так, например, в числе газетных статей поместил толкование названия гор. Батума, то есть смело разрабатывал вопрос из доисторической топонимики, ставшей моей специальностью в последние годы. Одновременно в числе газетных статей, в ответ известному грузинскому поэту Акакию Церетели, написавшему о событии 1 марта 1881 года (убийство Александра II) “Радостную песнь прилетевшей с севера птички”, поместил стихотворение “Призыв” к действию вместо чириканья.

Чтение классиков на французском и немецком языках сменилось чтением романтической литературы, а также Золя (“Семья Ругонов”). Большое впечатление на меня произвело прочтение в немецком оригинале популярной в то время книги Шерра “Комедия всемирной истории”. Упомяну о двукратном бегстве из гимназии. В первый раз бежал в Тифлисе, в Ботанический сад, из желания работать по ботанике. Но, оставшись без всяких средств, принужден был стать

библиотечным работником. Гимназическое начальство прислало мне рекомендательное письмо, обращенное к властям и учреждениям, с просьбой оказывать мне содействие как командированному для занятий. В другой раз я бежал из гимназии ввиду нежелания держать на аттестат зрелости, имея даже в перспективе возможность получить золотую медаль. Я так увлекся греческим языком, что хотел овладеть им вполне раньше, чем поступить в университет, где я предполагал выбрать медицинский факультет. Этому решению предшествовало чтение книги Шлейдена "Море", где имелось много цитат из греческих авторов, и я решил усовершенствоваться в греческом настолько, чтобы овладеть им. И в эпоху насильственного насаждения классицизма в гимназии, мое желание остаться в гимназии еще на год для изучения греческого языка было признано доказательством психического расстройства, и я был исключен из гимназии.

Решительный поворот от естественных наук и медицины к филологии и, в частности, к кавказоведению происходил, несомненно, под влиянием учителя истории Стоянова, занимавшегося этнографией Кавказа и путешествовавшего в Свании, и учителя французского языка Нарбута, посвятившего меня в подробности изучения романских языков и в отношение этих так называемых новых языков к латинскому.

Принятый снова в гимназию, я с успехом окончил ее и решил, вопреки всем советам, поступить на факультет восточных языков. Учителя и кое-кто из товарищей отговаривали меня. "Не зарывай, мол, талант, не губи себя, – ведь что в лучшем случае выйдет из тебя? – Учитель грузинского языка, следовательно, сельский учитель – и только". С тех пор я привык слушать всех, кто давал мне советы (а их так много), чтобы тем резче часто сделать совершенно противоположное. Еще тогда я задался целью разъяснить происхождение грузинского языка, еще тогда сопоставлялся он мною с единственно известным мне (из общения с живыми людьми) соседним восточным языком, турецким. Мысль эта, впоследствии временно отпавшая, на самом деле одна из животрепещущих научно-общественных проблем, выдвигаемых ныне яфетической теорией; для нас, впрочем, это уже не проблема, а бесспорное в основе положение, требующее лишь детальной проработки на турецком материале. (*Подробнее яфетическую теорию обсудим в других разделах. Здесь обратим внимание на то, что в своей первой статье о происхождении*

грузинского языка Марр доказывал его родство с семитическими языками, турецкий же относится к семейству тюркских. Впрочем, к тому времени, когда писалась "Автобиография", Марр полностью отказался от представления о языковых семьях.)

Занимался я в университете по трем разрядам: кавказскому, где тогда были лишь армянский и грузинский языки, арабско-персидско-турецкому и семитическому, где были языки – еврейский, арабский и сирийский, заключительный тогда в группе так называемых халдейских наречий. На второй же год занятий арабским, в 1886 году, меня поразило родство грузинского языка с семитическими. (*Чуть выше Марр говорил о своей давней убежденности в родстве грузинского языка с турецким. Он часто менял научные убеждения, считая это признаком развития научной мысли.*)

Известный ориенталист Розен (арабист) предсказывал мне полное фиаско, сказав, что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа и давно это стало бы известно. (*Крупный лингвист-востоковед В. Р. Розен – учитель Марра, принимавший участие в его карьере. В архиве Марра сохранилась их переписка.*) Не лучшее отношение я встретил к поставленной мною проблеме и в среде товарищей. Мне пришлось углубиться в изучение семитических языков и в лингвистическую литературу по этой области. В национальной среде кавказского студенчества меня поддержали прежде всего грузины, относившиеся с доверием ко мне еще по воспоминаниям из гимназии. Впоследствии, когда я в значительной степени случайно занялся раскопками городища Ани, армяне из университетских товарищей также стали поддерживать меня. С грузинами меня объединяла еще общественная мысль. Мы мечтали об освобождении Грузии на путях национального движения. Помню, как, будучи студентом, с одним моим еще гимназическим товарищем мы давали друг другу взаимные клятвы "не слагать оружия", пока не освободим Грузию. Он впоследствии стал директором банка, а я академиком.

В 1888 году появилась первая формулировка моей работы "О родстве грузинского с семитическими языками", произведенной в одиночестве, в своего рода научном подполье, напечатанная на грузинском языке в газете под заглавием "Природа и свойства грузинского языка". (*Статья была опубликована в газете "Иверия" на грузинском языке. Спустя несколько лет в той же газете будут*

опубликованы юношеские стихи Джугашвили-Сталина. Некоторые детали детства и отрочества Марра и Сталина совпадают: безотцовщина, нищенское детство, вздорный характер драчливого ребенка, болезненность и проблемы с ногой. Сталин был чуток к таким "схождениям" судьбы.) С того времени окружающие условия академической жизни не позволяли мне открыто заниматься разработкой этой проблемы до защиты докторской диссертации в 1903 году. Только в 1908 году появилось изложение так называемой яфетической теории в статье под названием "Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими". Статья представляет введение к "Основным таблицам грамматики древнегрузинского языка" и первый опыт расшифрования основ структуры глаголов в названном языке. Труд посвящен памяти моего руководителя, профессора-семитолога Розена, которому я главным образом обязан научной школой и тем, что был сохранен в научной среде университета. Он скончался дня три спустя после того, как мне удалось прочесть ему уже отпечатанное предисловие к работе "О родстве грузинского языка с семитическими". Он не раз прерывал меня во время чтения восклицаниями: "Да у вас все продумано и проработано, да у вас все ясно и доказано!" А ведь он-то и предсказывал мне фиаско.

Еще на студенческой скамье я стал невольным виновником огорчений моего профессора по грузинскому языку, который не мог переварить ни моих лингвистических, ни моих литературно-исторических выводов, и он стал дискредитировать мою дипломную работу. Он видел во мне претендента на его кафедру, хотя я на кафедру совсем не зарился, а мечтал о работе на родине. (*На самом деле Марр хотел остаться в университете и на одну из кафедр очень даже "зарился"*.) Но антинациональная политика Кавказского учебного округа, рассматривавшего изучение грузинского или армянского языка как акт национальной гордыни и всячески насаждавшего идеологические раздоры в среде народов Кавказа, также не создавали нормальной обстановки для работы. Мне было предложено Кавказским учебным округом в 1889 году совершить поездку в Сванию; но в грузинской среде я почувствовал нарастание недовольства за мое утверждение о связях грузинской литературы с персидской, о персидском происхождении фабулы гениального грузинского поэта

Шоты из Руставы, недовольства, превратившегося в бурю негодования, когда я стал выяснять факт перевода первого памятника грузинской письменности – Библии – с армянского. Пришлось вернуться в Петербург и согласиться на предложение, сделанное мне арменистом профессором К. П. Паткановым, готовиться к профессуре по армянской словесности, языку и литературе. (*Марр "забыл" упомянуть, что в 1884 году он проходил стажировку в Германии, в Страсбургском университете, где слушал лекции по античной философии всемирно известного философа В. Виндельбанда, филологов Нельдеке и Гюбшмана*[693].)

Решению окончательно заняться специально армянским я обязан гебраисту Д. А. Хвольсону, отцу ныне здравствующего профессора физики. Я занял кафедру по армянскому языку, несмотря на отказ профессора, ответственного за кафедру, от участия в моем магистерском экзамене и на просьбу депутации армян не приглашать на армянскую кафедру неармянина.

Пора прервать сообщение биографических фактов, так как они в дальнейшем связаны с лицами и учреждениями, сейчас актуальными. Следует указать только на ряд экспедиций, совершавшихся для накопления материала по различным языкам, с оговоркой, что приписываемое мне глубокое знание всех кавказских языков есть совершенно ненужная легенда, как, с другой стороны, не легенда, а подлинная действительность, что все мои творческие языковедные мысли суть не результат работ в кабинете, а зарождались и оформлялись в общении с людьми и природой, на улицах, торжищах, в пустынях и на морях, в горах и степях, у рек и родников, верхом или в вагоне, но только не в кабинете.

Проблем было много, сменявших одна другую: изучение Кавказа, его культурной истории, языка, литературы и памятников материальной культуры. Начав с грузинского и армянского языков, круг изучаемых предметов поставленной задачи постепенно расширялся целым рядом внекавказских языков, связанных один с грузинским, другие с армянским. Одна проблема, которая красной нитью проходит через все работы и остается до сих пор, – это проблема о языке, изучавшемся сначала в пределах интересов литературных, армянских и грузинских, а затем и лингвистических. Интересы историко-литературные были заменены интересами археологическими, нашедшими себе материал в

раскопках в Ани, средневековом городище Армении, имеющем исключительное значение для изучения всех народов Кавказа, хотя первоначально крепость и основное население были там армянскими. Здесь же была создана лаборатория по изучению древностей Кавказа. Однако шаг за шагом вопрос о происхождении кавказских языков вырос в проблему о возникновении звуковой речи человека.

К предельному разрешению поставленных проблем толкали меня сами материалы, знание которых у меня накопились без ограничения исследовательских интересов к одному или другому языку, а также игнорирование тех перегородок, которые были созданы господствующим учением о языке.

Разрешению поставленной проблемы, в частности, благоприятствовало и скопление на одном факультете всех основных языков Востока. Кроме перечисленных выше языков, я занимался также санскритским, древнеперсидским и пехлеви. Из основных самостоятельно-культурных языков мира, когда теория выяснила необходимость знать и их, мне приходится в последнее время дополнять свои языковедческие знания только дальневосточными языками.

Яфетическая теория, обнимающая в настоящее время все языки мира, завершилась постановкой вопроса об увязке языкознания с историей материальной культуры и общественности и положением, что как все культуры Востока и Запада, так и все языки являются результатом одного и того же творческого процесса. Отпали не только религиозные, но и национальные деления как творческие факторы создания языков. Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались созданием только различных эпох. Каждая расовая семья языков оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы. Исчезла не только изолированность грузинского языка, но даже изолированность китайского языка. И в последние моменты мы присутствуем при установлении факта, что начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же. Все слова всех языков сводятся к четырем элементам. (*В этом абзаце изложена “идея фикс” Марра*.)

Для проработки этого положения, в частности по каждому языку, требуется еще углубленная работа; одновременно требуется изучение непривлекавшихся или привлекавшихся лишь частично языков Африки и Америки. Но сейчас чисто теоретическая очередная проблема заключается в том, чтобы установить хронологию возникновения различных систем языков и нарождения в языках различных систем различных частей речи, первоначально не существовавших, в увязке лексического словарного материала с хозяйством, с историей материальной культуры и общественных форм.

Вследствие войны и прекращения сношений с Кавказом мною временно прекращены были работы над кавказскими языками и преступлено к разработке вопроса о происхождении западных языков, средиземноморских и, в частности, единственного пережитка доисторических языков Европы – баскского языка. Получив возможность съездить на Запад, во время изучения баскского языка я установил ряд признаков родства языка басков с мертвым этрусским и с яфетическими языками Кавказа, но отказался от нарождавшейся было мысли связать происхождение яфетических языков с одним баскским, так же как и от того, чтобы считать Кавказ прародиной этих древнейших языков.

Незаметно для себя, в ходе разрешения проблемы о происхождении вообще языка, то есть происхождения человеческой речи, я вскоре оказался обладающим данными, вынуждающими центр тяжести исследовательской работы перенести с мертвых языков на живые и установить даты и последовательность языковых явлений по пластам, имеющим своего рода геологические давности. Это – палеонтологический метод. Он получает свою проверку в том, что намечающиеся в процессе работы пробелы заполняются изучением на местах новых, раньше не изучавшихся языков Кавказа, языков или соседних, или сродных с грузинским и армянским. Эти же положения находят свое оправдание в языках, которые я при создании своей теории не знал и не думал изучать.

Выяснение процесса развития человеческой речи, имеющего историю движения от многочисленных несовершенных языков к менее численным совершенным языкам и намечающего пройденными этапами своего пути неизбежное в будущем слияние языков воедино, поставило новую проблему и выявило новое значение языкознания как

науки, которая должна заниматься не только прошлым языка, но и его будущим и которая должна представить себе задачей осознание и руководство процессом развития человеческой речи, происходящим уже много десятков тысяч лет и ведущим к единству человеческой речи.

Вернувшись из первой поездки к баскам, я был вынужден признать, что для углубления и систематического исследования проблемы о яфетических языках мне не охватить всех знаний, которые необходимы для исследования даже одного баскского языка, неразлучимого ни с романскими языками, ни с языками Запада вообще, так же как и с языками Востока.

Академия наук СССР, идя навстречу моему обращению, основала Яфетический институт для работ над соответственно широко поставленными нами задачами. Все языки мира оказались результатом человеческого творчества, произведением созидательной работы единого процесса, и этот процесс нельзя выяснить иначе, как проработав каждый язык не как монолитный массив, а как результат скрещения ряда слов. Изучение этого явления с точки зрения яфетической теории, нахождение места каждого из этих слоев, а не языков, установление их хронологии возможно только при большом организованном коллективе, который взял бы в свои руки все это дело, я же один оказался бы бессильным. Но, поддержанному коллективом, можно деловито засучить рукава для гигантской работы, можно строить новое и беспощадно разрушать старое, отжившее. Цель наша – единство будущего человечества как в речи, так и в хозяйстве и общественности; ясна и основная актуальная проблема по моей специальности: уточнение выяснения процесса происхождения речи и усовершенствование его отдельных видов, чтоб осознанной целесообразной техникой облегчить процесс зарождения единого совершеннейшего орудия общения человечества и коллективно-сознательно закончить то, что коллективно-инстинктивно возникло и претворялось в новые формы многими и многими тысячелетиями. А пока что, посильно двигаясь вперед, не покладая рук, трудиться в пути над подготовкой соответственных исследовательских сил для коллективов, в организованной работе которых только и перестанут индивидуальные достижения становиться бесцельными и никому не нужными».

«…Картина рыцарских времен с одним воином на ристалище». Палеонтология речи

Основатель яфетической теории в языкознании, или, как ее позже стали называть, «нового учения о языке», Н. Я. Марр стал членом Российской академии наук в 1909 году, а академиком в 1912 году, то есть в сорок восемь лет. «Великого корифея науки» И. В. Сталина (так величали его в 30-е и последующие годы XX века) избрали почетным академиком Академии наук СССР к официальному шестидесятилетнему юбилею в декабре 1939 года, то есть через двадцать семь лет после избрания Марра. За какие научные «заслуги» был избран в академики Сталин, пояснений не требует. Лет за десять до этого сталинского юбилея нельзя было даже вообразить, что Академия наук (этот оазис «буржуазной» независимости и просвещения в Советской России) позволит себе верноподданнически поднести поздравительный адрес и почетное членство пусть и главе государства, но необразованному и малокультурному человеку. Всего лишь десять лет назад академия все еще казалась нерушимым бастионом интеллектуальной свободы и политической фронды. До революции и в первое десятилетие после нее в числе действительных членов академии было около сорока человек (сплошь корифеи науки!), которые без всяких нажимов и ходатайств со стороны власти свободно избрали в свою среду очень необычного человека – лингвиста Н. Я. Марра. И это несмотря на то, что научная компетенция Марра часто оспаривалась, причем не только почетным академиком Сталиным в 1950 году, но много раньше научными противниками Марра, а потом и бывшими учениками и апологетами. Но были и те, кто всегда считал Марра гениальным ученым. Дело в том, что Марр и человек, и ученый был сильнейшим источником межчеловеческих напряжений и фокусом борьбы околоидейных и научных противоположностей. Даже сейчас его образ все еще отражает блики уходящей эпохи. При жизни у него был профиль пафосного грузина-рыцаря и лабиринтное мышление античного европейца, забредшего во дворец Минотавра.

Марр заряжал окружающих его людей высочайшим эмоциональным и интеллектуальным напряжением вне зависимости от того, в какой позиции по отношению к его личности или к его научному творчеству они находились. Даже в начале 70-х годов XX века, то есть

через четыре десятка лет после того, как основателя нового «марксистского языкознания» уже давно не было в живых, лингвист И. Е. Аничков с нескрываемым сарказмом писал о своем бывшем кумире: «Н. Я. Марр был подлинным ученым лингвистом-востоковедом, но не исключительно крупным, а рядовым. Языками древнегрузинским и древнеармянским интересовались и серьезно занимались до него и помимо него у нас, а что касается древнеармянского языка, то и исследователи в ряде других стран. В изучение этих языков он не внес ничего общепризнанного принципиально нового. Он не был тонким лингвистом… При необыкновенно развитой фантазии Н. Я. Марр был лишен подлинной творческой научной инициативы. Он был очень честолюбивым. Его не без причины беспокоила мысль, что его могут считать обязанным своим званием академика счастливому случаю. Он захотел быть заслуженно признанным крупным ученым, внесшим в лингвистику важный новый вклад, сделавшим в лингвистике переворот… Не своей более поздней яфетической теории, а своей исключительно счастливой находке Н. Я. Марр обязан был званием академика»[694]. Человеческое, слишком человеческое просвечивает здесь сквозь иронично-язвительные обороты.

Еще в 20-х годах Аничков был приветливо встречен Марром, принят на работу. Но затем его арестовали «по делу академика Платонова», и он просидел в сталинских лагерях три года, а в ссылках провел еще шесть лет[695]. Из ссылки 16 октября 1931 года Аничков написал большое письмо Марру, в котором напоминал ему о себе и о его былом высоком мнении о лингвистических идеях Аничкова и о благожелательном мнении известного французского лингвиста А. Мейе: «Как Вы, может быть, помните, еще прежде, познакомившись с моими мыслями из краткого устного изложения их мною Вам в Вашем кабинете в Публичной библиотеке, Вы сказали: “Это – яфетидология”. Со своей стороны, поэтому и обратился к Вам, что родственность моих лингвистических воззрений Вашей теории меня поразила с самой первой поры моего ознакомления с нею.

Вторично обращаюсь к Вам с просьбой, исполнить которую Вам, я надеюсь, не будет ни неприятно, ни невозможно. Похлопочите о разрешении мне вернуться в Ленинград из административной высылки в Северном Крае, для продолжения работы по лингвистике под Вашей эгидой. Я не могу не смотреть на свое трехлетнее пребывание в

Соловках и на последовавшую затем высылку в Северный Край как на недоразумение, так как я являюсь и всегда был противником контрреволюции, интервенции и всяких подпольных организаций и давно предвижу большевистскую революцию в Европе (я приговорен по ст. 58.11, предусматривающей участие в антисоветской организации).

Я, конечно, не знаю, можете ли Вы исполнить мою просьбу и, если можете, каким путем. Но думаю, что Ваше слово будет удостоено внимания. Некоторые мои однодельцы, получившие высылку из Ленинграда на 3 года, закончили свой срок и уже снова в Ленинграде. Почему бы Вам не сказать кому следует, что у Вас есть младший коллега, работа которого не лишена значения, который не может продолжать ее в условиях высылки и присутствие которого в Ленинграде не опасно? Неожиданных неприятностей кому бы то ни было мое возвращение в Ленинград не сулит. Я обязуюсь остаться аполитичным и быть осторожным. Вы имеете представление не только обо мне, но и о моей семье, и поверьте, я не сомневаюсь, что я не бросаю слова на ветер.

Я не могу продуктивно продолжать научную работу в Северном Крае, где дни коротки и нет керосина и где я не имею заработка. Тем не менее кое-какие свои рукописи я имею при себе, моя мысль работает, и я все более убеждаюсь, что регистрация и классификация твердых словосочетаний каждого языка, начиная с простейших и кончая поговорками и пословицами, открывает интересные перспективы, создает возможность всестороннего исследования возникновения, изменений и переходов из языка в язык или из языка одного социального слоя (зачеркнуто «строя». – *Б. И.*) в язык другого, семантических единиц, слов и твердых словосочетаний или идиоматизмов». Затем Аничков сообщил о работе над книгами по «Идиоматике», которые он не может напечатать, привел поощрительную цитату из письма Мейе на французском языке и приглашение опубликоваться в редактируемом им журнале, но Аничков к тому времени уже был арестован. «Впрочем, я обратился к Meillet, – продолжал автор, – только потому, что от крупных представителей индоевропейской школы скорее, чем от рядовых, отличающихся косностью, я мог ждать восприимчивости к новым идеям.

Я не располагаю данными, чтобы судить о Вашей теории во всей ее широте, но мне ясно, что моя работа может быть использована Вами. Вы сами пишите в “Яфетической Теории”: “Яфетическое языкознание… успело раздвоиться на две самостоятельные дисциплины: учение о яфетических языках… и учение о взаимоотношениях различных систем языков в их статическом состоянии, об этапах в развитии человеческой речи…” (стр. 16). Описательная Идиоматика, предпосылаемая мною Исторической Идиоматике и Семантике, дает богатый материал для выводов и обобщений, относящихся ко второму из представленных Вами отделов, сама принадлежит к этому отделу.

Моя работа доведена до стадии, когда необходимо ее коллективное продолжение. Очередная задача – создание картотек для каждого языка с разноской идиоматизмов по категориям их. Напомню Вам, что мы с Вами имели разговор о превращении моего идиоматического кабинета при Исследовательском Институте в идиоматическую секцию того же Института или Яфетического Института.

Согласитесь, что обо всем этом мне, кроме Вас, некому писать.

Позвольте мне выразить надежду встретить с Вашей стороны такое же отзывчивое отношение, которое я встретил 4 года тому назад и за которое я еще раз Вас благодарю.

С совершенным почтением

И. Аничков.

Мой адрес: Северный Край, Вельский район, Посад-Верховатье, Игорю Евгеньевичу Аничкову»[696].

Конечно, это письмо глубоко несчастного и страдающего человека, но в те годы Аничков, очевидно, не считал Марра научным ничтожеством и баловнем случая. Марр тогда не смог или не захотел ему помочь. И вот спустя более тридцати лет Аничков пишет о Марре как о бездарном выскочке и мистификаторе. И все же ему повезло, но когда в 1938 году Аничков вернулся в науку, то выяснилось, что разработанное им новое направление «идиоматика» успешно развивается в основанном Марром институте. Аничков не простил Марру того, что тот нигде официально не упоминал автора идиоматики. Обиды, ревности, зависти, злопамятства и нечестности даже в подлинных ученых, искренне декларирующих исключительное

поклонение разуму, рацио и истине, ничуть не меньше, чем в рядовом обывателе. Часто в ученом всего этого даже много больше, поскольку обиды и зависть стимулируют честолюбие, желание первенствовать. Но вспышки честолюбия должны выплавлять природный талант, а если его нет, то они лишь возбуждают злобу. Марр был обидчив и очень честолюбив.

Спустя много лет после смерти Марра Аничков нехотя признал за ним одну научную заслугу, да и та, намекал он, была делом счастливой случайности. На заре своей карьеры Марр в одном из Тифлисских книгохранилищ обнаружил перевод на древнегрузинском языке с древнеармянского – не дошедшее до нас в греческом подлиннике неизвестное творение одного из ранних отцов церкви Ипполита Римского (Анти-папы, начало III века н. э.) «Толкование на Песнь песней Соломона». Это было важнейшее открытие в ранней истории церкви, так как творчество Ипполита Римского заполняло лакуну между первоапостолами, их непосредственными учениками и следующим, третьем поколением. Вскоре это произведение, переведенное Марром на русский язык, было издано практически во всех европейских странах, а сам Марр получил мировую известность. Затем Императорская академия наук избрала его в свои ряды. Что бы ни думал на этот счет Аничков, но подлинная научная находка настоящего ученого – это не только счастливый случай. Она всегда предопределена его предыдущей жизнью и во многом выстраивает его дальнейшую научную судьбу. А научная судьба ученого – это всегда еще и его человеческая судьба. Наверняка в течение столетий манускрипт Ипполита Римского попадался на глаза многим, но никто, глядя на него, как бы его и не видел, так как не понимал то, что видит. А Марр это осознал, потому что всей своей предыдущей жизнью был подготовлен к такому прозрению. Видеть и понимать то, что не видит никто, кроме тебя, составляет суть науки в любой области знания. Но при этом необходимо еще доказать другим реальность своего прозрения. Такими доказательствами в области теории языкознания, истории языка и мышления Марр занимался всю свою научную жизнь.

Дело в том, что Марр был виртуозом проникновения в лабиринты контекста культуры, в контексты истории и языка. Он был особым умельцем, совмещающим в своем парадоксальном уме, казалось бы, несовместимое. Его историко-лингвистическим ассоциациям

позавидовал бы любой философ, поэт и мифотворец. На протяжении всей своей карьеры он постоянно демонстрировал сверхинтуитивную мощь ума, логика которого для многих коллег была и осталась до сих пор непонятна, а потому раздражающа и неприемлема. И в жизни он был не как все: говорил, двигался, писал и мыслил в собственном лабиринтном пространстве, в котором творил по своим, в чем-то нелепым, а чаще противоречивым законам. Поэтому мало кто из серьезных лингвистов-коллег начала XX века всерьез принимал его теоретические построения. А в это время историческое пространство Российской империи резко сменилось пространством революции, а за ним надвинулась слепящая мгла пространства сталинизма. Часто время внутренней жизни человека опережает или отстает от пространства истории общества. И такая нестыковка ведет к трагической несовместимости человека со своим временем в своей стране. Мыслящие люди в России, особенно накануне или после крупных социальных переворотов, очень часто не совпадают, не синхронизируются с ритмом жизни собственного отечества. Мучительное чувство расщепленности толкает некоторых к аутизму, меньшинство – к фронде, а многих к попытке мимикрировать. Неслучайно вульгаризм «перекрасился» (как и сотни других новоязовских словечек и выражений) так широко бытовал в советской публичной терминологии 20-х годов. Марр стал активно «перекрашиваться» в то время, когда был уже вполне зрелым человеком и сложившимся ученым. А постреволюционный российский исторический ландшафт окрашивался во все более и более багровые оттенки.

Похоже, что большую часть жизни Марр испытывал острое чувство несовпадения и дисгармонии. Так было до революции и так осталось после неё, несмотря на его откровенные попытки мимикрировать, слиться с её интеллектуальным и духовным фоном. Ситуация осложнялась тем, что в научном мире он всегда находился на отшибе, поскольку как ученый Марр представлял собой редкий и сомнительный для большинства трезвомыслящих коллег тип научного «мага» и «ворожея». Ольга Фрейденберг записала: «То, что его выделяло, – это его общая необычность, отсутствие условностей в его личностной компоновке. Он не был заказан»[697].

При жизни он колдовал и ворожил над своей «яфетической теорией» так, что для некоторых на всю жизнь становился божественным логопедом, дарующим немому прачеловечеству осмысленную выразительность жеста, членораздельный язык и зачатки мышления. Но другие за это же научное колдовство презрительно приравнивали его к шарлатанам и мошенникам, под стать средневековым алхимикам, претендующим к тому же на дар левитации. И он действительно обладал способностью «взлетать» над миллионами лет человеческой праистории или же искусно делать вид, что владеет таким даром. Он позволил себе открыть человечеству (а может быть, попросту придумал для него?) четыре (не больше и не меньше!) самых первых нечленораздельных слова, из косноязычного лепета которых сложились, по его мнению, все смыслы и все языки мира. «Элементов всего-навсего четыре, – толковал он непонятливым. – Объяснения их числа приходится искать в среде возникновения, технике входившего в состав коллективного магического действа пения… Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: сал, бер, йон, рош»[698].

Ну, как здесь не вспомнить захватывающе таинственную древнейшую библейскую историю о пире во дворце нечестивого царя Валтасара, из стены которого «вышли персты руки человеческой и писали против лампады на извести стены чертога: …мене, мене, текел, упарсин»[699]. Тогда начинающий пророк Даниил, наделенный, как и Марр, особо проницательным лингвистическим даром, с легкостью расшифровал послание Бога, также состоящее из четырех таинственных «словоформ». Для нас остается неизвестным, было ли Марру откровение свыше, или он своим гениальным слухом ученого-лингвиста каким-то образом уловил в современном общечеловеческом многоязычном «рёве» эти первичные комплексы, эти первоэлементы, эти четыре звуковые формы, якобы породившие все мыслимые слова. Ни он, ни его последователи не смогли толком объяснить, из какой языковой толщи и каким способом их извлекли на поверхность современности. Позже Марр давал такие очень туманные разъяснения: «Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно “сар-мат” – “сал” (А), “и-бер” – “бер” (В),

“ион-яне” – “йон” (C), “эт-руск” – “рош” (D)». Созвучия действительно напоминают названия известных племен, а племя рош упоминается в Ветхом Завете. Но при чем здесь язык? Из комбинаций и смысловых эволюций этих «первоэлементов» первоязыка Марр мог вывести эволюционные цепочки любого слова с любым значением и практически любого живого или мертвого языка. Он как будто раскапывал современный слой многоязыковых напластований, проникая во все более и более глубинные слои праязыков и первобытного мышления человечества. Новому методу, раскрывающему историю смысла слова, он дал звучное наименование «палеонтология речи». Справедливости ради надо сообщить читателю, что в середине XIX века похожее понятие (палеонтологическая лингвистика) ввел швейцарец А. Пикте. Он имел в виду изучение общепринятыми лингвистическими методами древних речевых элементов, сохранившихся в современных бесписьменных языках. Но Марр разработал собственный метод, пытаясь с его помощью пробиться сквозь древние «окаменелости» к зачаточным элементам («генам») общечеловеческого языка. Причем каждый, и посвященный и непосвященный, наблюдавший со стороны эту лингвистическую алхимию, волей-неволей подпадал под ее чары. И о чем бы до этого или потом ни писал Марр, но именно из-за этих поистине волшебных «словоформ» для лингвистов, не поддавшихся заклинаниям «мага», он был и навсегда остался крикливым выскочкой и политиканом, на старости лет лебезящим перед новой большевистской властью, самовлюбленным шарлатаном и мистификатором, под стать агроному-академику Трофиму Лысенко или шарлатану-микробиологу Ольге Лепешинской[700]. В современной библиотеке Сталина трудов Лысенко я не обнаружил, но сочинения Лепешинской, а также Марра и некоторых других известных лингвистов и психологов представлены.

Каким-то непостижимым способом свою лингвистическую «алхимию», «палеонтологию речи», Марр сумел преобразовать в романтическую научную концепцию, которая заворожила не только энтузиастов-дилетантов, но и некоторых маститых ученых различных областей знания. С помощью этих самых четырех словоформ Марр разработал целое направление, по своему методу и смыслу прямо противоположное традиционному на начало XX века методу «сравнения языков и выявления в них регулярных звуковых

соответствий»[701]. В качестве основы Марр взял не эволюцию отвлеченного от смысла звука-слова, его частей, то есть фонетику, а эволюцию в человеческом обществе смысла нарекаемого словом предмета и смысла действия с этим предметом, процесс переноса одного и того же слова на исторически разные предметы. Например, слово «перо»: перо птицы, перистые облака, стальное перо для письма, хвостовое оперенье стрелы, самолета, ракеты и т. д. При этом анализировал семантический ряд синхронно или диахронно в разных языках различных эпох. Тем самым Марр исходил из социальной значимости предметной деятельности человека, из исторической функции предмета в обществе и прослеживал эволюцию этой функции в языке. Так марровская «палеонтология речи» стала, по существу, одной из первых попыток (но не единственной) социального подхода в языкознании, когда слово и сама речь рассматриваются как своеобразное эволюционирующее в обществе «орудие труда». Марр пытался нащупать связку между социальной историей человечества, культурой и развитием языка-мышления[702]. Другое дело – насколько удачна была эта попытка и как оценивать ее в наше время? Но, как известно, в науке сама постановка вопроса может быть иногда плодотворнее натужных ответов.

Нельзя сказать, что Марр был одинок. Одновременно с ним «орудийную», социально-историческую концепцию происхождения речи, мышления и психики как знаковой деятельности человека развивал в те же годы выдающийся советский психолог Л. С. Выготский. Он умер молодым и даже в том же, что и Марр, 1934 году и так же, как он, своей смертью. Но в отличие от исследований Марра, которые тогда же были официально признаны выдающимися и марксистскими, замалчивание, шельмование и обворовывание научного наследия Выготского начнутся одновременно. Другой выдающийся мыслитель, младший современник Марра М. М. Бахтин также находился под сильным влиянием его лингвистических идей, что нашло отражение в трудах Бахтина и представителей его «круга»[703]. Под обаянием «палеонтологического метода» находился и гениальный кинорежиссер С. Эйзенштейн и многие другие, широко известные научные и культурные деятели.

Почему новая власть и Сталин, беспардонно вторгаясь в сложнейшие и запутаннейшие научные проблемы и теории, одни из них

признавали буржуазными и лженаучными, а другие марксистскими и прогрессивными, то есть своими? Несмотря на огромное количество исследований, посвященных истории советской науки, особенно гуманитарной, тема «Сталин и наука», да и сам процесс вульгаризации и растления общественных наук тоталитарной властью, таит в себе много непонятного и даже таинственного.

Недаром одним из титулов Сталина был «корифей науки». Он, несмотря на свою необразованность, действительно старался быть разносторонним человеком. Даже среди нынешних остатков его библиотеки встречается много книг, относящихся к самым различным научным сферам. В частности, я нашел там несколько разрозненных изданий по психологии и педологии (детской психологии), хотя при жизни владельца библиотеки их было наверняка гораздо больше. Еще в 1925 году, формируя свою библиотеку, Сталин выделил в ней с десяток научных рубрик. Несмотря на то что там нет специальной рубрики «лингвистика» или «языкознание», особую рубрику для книг по «психологии», куда похоже, вошли издания и по языкознанию, он выделил[704]. Сейчас в его библиотеке сохранились: журнал «Вопросы изучения и воспитания личности. (Педология и дефектология)», выходивший под редакцией академика В. М. Бехтерева, № 1, 2–3 за 1926 год, «Психология и марксизм. Сб. статей» под редакцией профессора К. Н. Корнилова и книга А. Ф. Лазурского «Психология. Общая и экспериментальная» (Л., 1925) с предисловием Л. С. Выготского. Последняя книга никогда не была даже пролистана Сталиным, так как до сих пор ее страницы не разрезаны. Наряду с этим сохранилось и несколько изданий по языкознанию. Но о них расскажем позже. Чтобы ненароком не ввести в заблуждение современного читателя, отмечу, что, несмотря на известную близость отдельных воззрений Выготского и Марра, труды первого признаны ныне всем научным сообществом. Имя Выготского упоминается здесь (как и имена других выдающихся деятелей XX века) не только для того, чтобы очередной раз обратить внимание на своеобразие интеллектуальных интересов вождя, но и для того, чтобы показать, что исследования Марра не были каким-то противоестественным вывертом, а находились в общем русле советской и зарубежной науки такого ломкого XX века.

Магия «нового учения о языке». Яфетидология

По дореволюционным и советским меркам научная карьера Марра была вполне успешной. Как сообщил Марр в автобиографии, он был сыном грузинки и шотландца садовода, работавшего по найму у грузинского князя. Плодотворность «скрещивания» различных ботанических культур, а также «схождение» столь разных человеческих культур и языков «Юга и Севера», «Востока и Запада» в самом Марре, без сомнения, повлияло и на его характер и на научные воззрения. Мысль о скрещивании и рождении новых разновидностей народов и языков самых отдаленных регионов и древнейших культур земли стала одной из фундаментальных в его будущей теории.

Помимо грузинского языка Марр хорошо овладел армянским и греческим языками, а также кавказскими наречиями. Он окончил Петербургский университет сразу по четырем разрядам восточных языков, то есть изучил несколько семитских, тюркских, индоевропейских языков. В конечном счете он оперировал не менее чем сорока, а некоторые утверждали даже, что шестьюдесятью-семьюдесятью живыми и мертвыми языками[705]. Еще до революции, помимо находки упоминавшегося древнего манускрипта, сделал открытия, имевшие сами по себе мировое значение. На территории Армении возглавлял археологические раскопки в районе озера Ван древних городов Гарни, Варнак и в столице средневековой Армении, в городе Ани. Изучал памятники Урарту и Ассирии, первым расшифровал знаменитую Ванкскую клинописную наскальную надпись, найденную его учеником, будущим академиком Орбели. За совокупность работ по Ани (раскопки велись четырнадцать сезонов) Марру присудили Большую золотую медаль имени графа Уварова, очень престижную награду Русского археологического общества. Марр постоянно выезжал в лингвистические и этнографические экспедиции в различные части России, Европы, Азии, Африки. Из Палестины привез древнейшие грузинские и армянские христианские рукописи. В частности, обнаружил на Синае, впервые опубликовал и монографически изучил арабскую христианскую рукопись о крещении армян, грузин, аланов и абхазов святым Григорием Просветителем[706]. К несомненным заслугам Марра относятся работы о средневековом армянском историке и просветителе Моисее Хоренском. По инициативе Марра была основана серия публикаций «Христианский Восток». Во многом благодаря его дореволюционным работам для российского и

европейского научного мира открылся христианский Кавказ, много столетий пребывавший за гранью истории европейского Запада. Каждая его экспедиция и научная работа, написанная на основании собранного лингвистического и археологического материалов, становилась сенсацией и превращалась в предмет ожесточенных споров, иногда насмешек. Бывало, его открытия и концепции вызывали озлобление и обвинения.

В России почти каждый крупный исследователь испытывает на себе особо завистливое озлобление «оппонентов». Несмотря на то что Марр был далек от политических и националистических течений, его с разных сторон оскорбляли и пытались запугивать задолго до революции, а шельмовать за научные взгляды начали за несколько десятилетий до дискуссии 1950 года.

Между живущими по соседству грузинами и армянами, между частью грузинской и армянской интеллигенции ведется многовековое соперничество, часто перерастающее во вражду. Как коренной житель Грузии и Кавказа, Марр хорошо знал об этом. Еще в начале научной карьеры он столкнулся с грузино-армянским противостоянием, которое сопровождало его всю жизнь. После окончания университета, уже тогда будучи признанным знатоком грузинского языка и литературы, он не получил поддержки со стороны руководителя кафедры грузинской словесности Санкт-Петербургского университета. Не мысля себя вне кавказской тематики, он переориентировался на кафедру армянской словесности. В течение двух лет в совершенстве изучил армянский язык и его древние наречия, за что в 1902 году получил степень доктора наук[707]. (По некоторым сведениям, армянский язык он знал с детства.)

Любопытные события произошли в период интенсивного изучения Марром истории армянского и грузинского языков и памятников древности. Какими-то неведомыми путями Марр оказался на должности цензора армянских изданий[708]. Даже став маститым ученым и профессором Санкт-Петербургского университета, Марр соглашался временами, но втайне выполнять оплачиваемые обязанности цензора[709]. Среди большей части прогрессивной российской интеллигенции той поры работа цензора была презираема и приравнивалась к деятельности сексота. Вскоре после того, как Марра выдвинули заведовать кафедрой армянской словесности Санкт-Петербургского университета, часть преподавателей-армян выступила

против его кандидатуры, как грузина по национальности. По их настоянию предлагалось провести «расследование» о национальных корнях Марра и знании им армянистики. Только вмешательство его учителя профессора В. Р. Розена спасло положение. К чести Марра надо отметить, что он был далек от любых проявлений национализма и шовинизма[710]. Вопреки всему, Марр получил редкую возможность работать в самом сердце древней армянской письменности и христианства в Эчмиадзине и в других известных древлехранилищах Армении. Знания Марра как армяниста получали все большее признание, а сам он стал пользоваться личным доверием со стороны российской и армянской правящей, духовной и научной верхушки. Когда в 1909 году царь Николай II дал аудиенцию главе Армянской церкви католикосу Матеосу II, именно Марр был назначен при них переводчиком[711]. Дореволюционная связь Марра с кавказским христианским духовенством очевидна. Становятся понятнее и его настойчивые попытки связать свои лингвистические, текстологические и этнографические исследования с библейской историей и ее терминологией. Но не меньшим доверием и не меньшей неприязнью наделяли Марра различные группировки грузинских деятелей.

Одним из первых поставил вопрос о необходимости совместного изучения армянской и грузинской языковой культуры известный швейцарский филолог и лингвист М. Ф. Броссе. Марр подхватил эту мысль и стал практически изучать грузинский и армянские миры в их единстве и во взаимообогащении. Постепенно этот подход он распространил на весь Кавказ, а затем и на всю человеческую цивилизацию. Сам предмет его исследования – языки, духовная и материальная культура разных племен и народов мира – стихийно формировал Марра как интернационалиста и космополита, влюбленного в родной Кавказ и Россию. И такая жизненная и научная установка получала поддержку не только со стороны большинства российских коллег-академиков Императорской академии, в среде которых было много людей смешанных национальностей, но и со стороны пришедших к власти под лозунгами интернационализма большевиков досталинского призыва.

В результате изучения истории языков и литератур Грузии и Армении Марр основал новое научное направление «армяно-грузинскую филологию». Нет возможности рассматривать более или

менее обстоятельно все то, что сделал Марр в этом направлении. Ни до него, ни после него ни один исследователь не смог внести в межэтнические проблемы Кавказа столько труда и страсти. За все это Марр еще при жизни получил и до сих пор получает признание многих ученых, как армянских, так и грузинских. Но как при жизни, так и в посмертии шовинисты разных оттенков постоянно преследовали Марра, подвергая сомнению его концепции. В значительной степени именно это послужило скрытным толчком и для начала партийно-государственной лингвистической дискуссии 1950 года. При этом она была отягощена и целым рядом других политико-идеологических обстоятельств.

В своем архиве Марр сохранил печатные материалы разных лет, в которых его обвиняли в предательстве национальных интересов, в подкупе «противной» стороной, в злостном сокрытии или искажении исторических фактов и источников. Особенно сильные атаки начались с 1909 года, после того как Марр провел серию успешных археологических и этнографических исследований, стал членом Академии наук и вполне сформулировал первый вариант своей яфетической теории, согласно которой древнеармянский и древнегрузинский языки имели семитические корни. Как считал Марр, армянский язык восходит к языкам семитских народов Урарту, грузинский к семитическим языкам Передней Азии. Затем они «разошлись», и армянский язык с приходом арийских племен получил наслоение (произошло «скрещение») индоевропейских языковых элементов, а грузинский продолжал развиваться путем синтеза картвельских и близких к нему наречий в русле семитических языков. Тем не менее оба народа всегда жили в теснейшем, взаимопроникающем единстве, которое станет очевидным. «После того как понятие наше о национальном характере грузин, в связи с первоначальным родством их с армянами, получит научное определение, – писал Марр в одном из своих конспектов, – и вместе с тем самобытность тех или иных явлений грузинской умственной и иной жизни не будет лишь пустой парадной фразой, ласкающей известное настроение»[712]. Марр утверждал, что и грузинская письменность ведет свое происхождение от древнеармянской, что первый перевод Библии на грузинский язык был сделан с армянской, что долгое время армянская и грузинская церкви были едины.

Современная лингвистика отрицает многое из того, на чем настаивал Марр в рамках своей яфетической теории, но археология и история культуры многое подтверждают.

После таких заявлений в различных кавказских изданиях стали появляться статьи, авторы которых подвергали сомнению научные выводы и оценки Марра о грузинской литературе[713]. Посыпались обвинения в том, что он ненавидит грузин и любит армян, что, согласно его теории, большинство грузинских слов имеет армянское происхождение[714], что Марр прекратил раскопки Ани из-за протеста Эчмиадзина (католикоса), недовольного этническими наблюдениями Марра, поскольку в древнем городе преобладало грузинское население[715], наконец, о том, что авторство средневековой грузинской поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Марр приписывает персам[716] и т. д. и т. п. Марр хлопотал о том, чтобы открыть на Кавказе первый археологический и культурный центр, чтобы в Тифлисе появился университет (был открыт и назван его именем после революции, а после 1950 года переименован), наконец, чтобы Грузинская православная церковь получила автокефалию (автономию) от Российской церкви. Накануне мировой войны для обсуждения последнего вопроса он бы приглашен в качестве эксперта в Предвыборное присутствие Священного Синода Российской православной церкви, но злопыхатели с разных сторон не унимались. В одном из писем к секретарю Академии наук академику С. Ф. Ольденбургу (1913 год), с которым он находился в дружеских отношениях, Марр с горечью писал: «Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, ведомой против меня в армянском обществе. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня в научных изысканиях должна быть грузинская психология, хотя бы наполовину. Но почему и у армян претензия требовать от меня националистической программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что я “Ани отнимаю у армян и передаю русским”, что в Ани я “умаляю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской” и даже турецкой»[717]. Разумеется, большинство обвинений такого рода не имели никаких оснований. В советское время от вульгарной критики с националистическим оттенком оппоненты Марра перешли к более серьезным профессиональным и идеологическим атакам, но и они

очень часто подспудно мотивировались (и мотивируются) шовинистическими чувствами. Одним из таких критиков был молодой лингвист-грузиновед, работавший в классических традициях Арн. Чикобава. В конце 20-х годов он, как и многие, выступил с критикой лингвистических построений Марра на грузинский язык с позиций сравнительно-исторического подхода в книге «Проблема простого предложения в грузинском языке». Очевидно, эта работа Чикобавы Марра задела. Став маститым и обласканным советской властью ученым, Марр решил все же «не опускаться» до открытой полемики с менее известным коллегой, но, скорее всего, именно Марр инспирировал отрицательные отзывы на книгу Чикобавы со стороны своего сторонника П. Чанашвили. В советские времена Марр, как и многие члены Академии наук СССР, уже не стеснялся использовать закулисные приемы борьбы со своими научными оппонентами. Знал бы он, к чему приведут спустя многие годы после собственной смерти эти закулисные стычки с Чикобавой, то, возможно, поостерегся бы «затаптывать» молодого драчливого коллегу. Уровень полемики, которая велась на грузинском языке, характеризуется заголовками. Чанашвили: «Грамматика или схоластика»; Чикобава: «Сенсационное открытие или несенсационное невежество» и т. д. Марр бережно собрал эти «полемические» статьи[718]. Конечно, в 1930 году, в том самом, в котором появились эти заметки, Марр не мог предвидеть того, что через двадцать лет именно Чикобава будет принят лично Сталиным, что Чикобава выскажет ему претензии к теоретическим построениям давно умершего академика и что лично от Сталина Чикобава получит задание написать застрельную статью, открывшую антимарровскую всесоюзную кампанию в «Правде».

В общем и целом археологические и лингвистические изыскания Марра, очень романтичная и смелая яфетическая концепция получили уже в российских дореволюционных научных кругах если и не одобрение, то исследовательскую поддержку. До конца своей жизни к Марру очень доброжелательно относился востоковед, академик С. Ф. Ольденбург. Как министр народного просвещения в составе Временного правительства, Ольденбург в 1917 году содействовал Марру в создании Кавказского историко-археологического института. Марр ставил вопрос об организации института еще с 1910 года, но бесконечная тяжба между армянскими и грузинскими представителями

о его местоположении безнадежно затягивала дело. Теперь институт должен был располагаться в Тифлисе, но когда весной 1918 года для создания научной базы института в меньшевистскую демократическую Грузию был направлен железнодорожный вагон с анийским научным архивом и материалами раскопок, то вагон бесследно исчез. Вскоре через город Ани прошла линия фронта, и древний город был разрушен окончательно, затем он отошел к Турции[719]. Результаты шестнадцати лет работы Марра почти бесследно пропали.

Накануне революции Академия наук уже лет десять как издавала основанную Марром серию «Материалы по яфетическому языкознанию», где печатались не только произведения основоположника, но и труды его научных последователей и учеников. Так что яфетическая теория не есть плод радикальных, «левацких» загибов по типу пролеткультовских, о чем через пятьдесят лет безапелляционно заявит Сталин и как продолжают утверждать некоторые наши современники[720]. Как уже говорилось, первоначально Марр сформулировал яфетическую теорию для доказательства родства грузинского и иберийско-кавказских языков с семитскими языками. Тогда Марр постоянно подчеркивал родственность грузинского и армянского языков и их связь с древнееврейским, с арамейским и арабским языками. В дореволюционные годы он находил сочувственное одобрение не только части светских академиков, но и в среде российских православных ученых-теологов, так как его построения подкрепляли ветхозаветные представления о родственных связях некоторых кавказских и восточных народов, Кроме того, он получил известность как знаток ранней восточнохристианской литературы.

Марр знал и любил историю и культуру своего Кавказа. Подобно древним грекам с их Колхидой и Прометеем или древним иудеям с их праотцем Ноем и ковчегом, причалившим к вершине горы Арарат, Марр считал седой Кавказ одним из древнейших центров земного мироздания и человеческой культуры. Позже он навязчиво предлагал научному сообществу переименовать индоевропейскую семью народов в прометеидскую, а вновь им открытое языковое семейство предложил именовать яфетическим (по имени одного из трех сыновей Ноя – Яфета). Он смело приводил к единству и древнегреческий и древнееврейский миры и языки: библейский рай Адама – к золотому

веку Гесиода, имя праотца Яфета – к имени отца Прометея Апету (Иапету)[721]. И это тогда, когда в западноевропейской науке больше предпочитали рассуждать о враждебной несхожести семитского и арийского «духа». Но если этнические и исторические идеи Марра в первую очередь не приняли армянские и грузинские националисты, то его лингвистические построения отвергли почти все известные зарубежные и отечественные языковеды. В ответ на это Марр в своих лекциях заявлял с чудовищной долей бахвальства и высокомерия: «Перечислить достижения нового учения об языке. Это невозможно. Легче перечислить звезды небесные, легче перечислить песок морской, чем то, что достигается новым учением о языке»[722]. Отчетливо звучит завораживающая лексика автора сказок «Тысячи и одной ночи». Многие его научные публикации содержат подобного рода заявления, но при жизни Марра, как до революции, так и после нее, никто не решился его всерьез «одернуть», настолько велика была «магия» личности, действовавшая даже на его маститых противников, в том числе и зарубежных.

Стадиальная теория развития языка и мышления. Ручная речь

В послереволюционных научных изысканиях Марр, довольно причудливо приспосабливая марксистскую терминологию, пытался опереться на философию истории марксизма с его экономическим и формационным учениями. Еще до революции он сделал отчаянную попытку фундаментально дополнить господствовавший в мировой лингвистике компаративистский (сравнительно-исторический) метод исследования и основанное на нем учение о языковых семьях. Уже лет сто, как установилось мнение, что каждая семья языков, например индоевропейская, состоит из родственных групп языков (романские, германские, славянские, кельтские, санскритские и др.), а все они восходят к одному гипотетическому языку-предку. Та же схема применялась и к другим языковым семьям, например к семитской. Она оставляла открытым вопрос о том, произошли семьи из единого общечеловеческого праязыка или каждая семья языков испокон веков имела своего особого предка. Не давала она прогнозов и на будущие времена: будет ли продолжаться дробление семей, или же они в

конечном счете сольются в единый язык? Марр одним из первых решил заполнить этот пробел. При этом он попытался учесть не только достижения современной ему лингвистики, но и других наук (этнологии, палеоантропологии, археологии, фольклористики, истории), связав их с марксистскими моделями развития человека общественного. Теперь бы мы сказали, что Марр был пионером и системного подхода.

Библейская традиция говорила о том, что человеческий род и его язык восходят к общему праотцу Адаму. Открытия палеоантропологов, сделанные к 20-м годам XX века, уже тогда продлили историю человеческого рода до одного миллиона лет. (В настоящее время говорят о трех и более миллионах лет.) К тому же в начале XX века ученые все более склонялись к полицентрической модели происхождения отдаленных предков современного человека. А Маркс, говоря о поэтапном (формационном) развитии человеческого общества, прогнозировал скорое всеединство коммунистического человечества, из чего вытекала и необходимость единого языка. Маркс, Энгельс и некоторые марксисты – П. Лафарг, К. Каутский, В. Ленин, Н. Бухарин и другие – говорили о двух культурах и разных классовых языках внутри одного общества, одной формации. Марр попытался все это аккумулировать в «новом учении». Однако, будучи немолодым ученым, он был связан своими давними, еще дореволюционными «библейскими» моделями и воззрениями. Пришлось и их вписывать в «новое учение о языке».

Без сомнения, по своему первоначальному импульсу яфетическая теория была прямым развитием библейской традиции. Поскольку европейская лингвистика XIX века говорила главным образом о двух языковых семьях: семитской и хамитской (по именам старших сыновей Ноя – Сима и Хама) и стоящей особняком индоевропейской семье, то Марр приступил к поиску следов еще одной библейской семьи, ведущей свое происхождение от третьего сына Адама – Иафета (Яфета). А так как многие языки народов Кавказа отличались своеобразием и были еще практически не изучены, Марр именно там без труда нашел отдаленных отпрысков Яфета (армян и грузин), затем подыскал и им «родственников» среди древних народов Востока («халдеев», хеттов, египтян-коптов и др.), а также тех современных народов, языки которых не вписывались в модели «индоевропеистики».

Так к яфетическим языкам были причислены языки испанских басков, коми, мордвы (Россия), вершиков (Памир), языки некоторых африканских народов. Судя по контексту, Марр рассматривал их как окраинные, «пережиточные» народы бывшего единого яфетического мира, как его рудименты. До революции Марр в соответствии с библейской моделью подчеркивал отдаленное родство, но и самостоятельность яфетической группы языков по отношению к языкам семитских и индоевропейских семей. (Обратим внимание на то, что до сих пор в теологической христианской литературе иногда используется несколько модифицированный библейско-марровский принцип классификации языков и народов[723].) Когда же Марр стал пересматривать библейскую модель в марксистском, «стадиальном» духе, он заговорил уже о том, что речь идет не о замкнутых «семьях», а об общечеловеческом единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса и о последовательных стадиях развития общечеловеческого языка.

Яфетическая группа была объявлена пережитком одной из древних стадий развития языка в целом. Семитская и индоевропейская группы – высшие стадии. В результате у него сложилась такая модель:

1. Языки системы первичного периода (китайский и примыкающие к нему по строю), у которых обнаружено «наличие окаменелостей в письменной речи».

2. Языки системы вторичного периода (угро-финские, турецкие, монгольские).

3. Языки системы третичного периода («пережившие яфетические языки», хамитские – ближневосточные и дальнеафриканские).

4. Языки системы четвертичного периода (семитические, «прометеидские» (индоевропейские)[724].

По этой схеме выходило, что живые языки более ранних этапов являются менее совершенными, «пережиточными» формами единого глоттогонического процесса, по аналогии с пережитками ранних стадий единого производственного процесса общественно-экономических формаций (рабовладение при господстве капиталистического способа производства и т. д.). А в качестве переходной формы от яфетической группы к индоевропейской Марр называл русский и славянские языки. Он отчетливо видел, как их прямые предки – древние сарматы и скифы

«вместе с иберами и ионянами – яфетидами выступают скульптурно в славянах»[725].

Позже Марр дополнил схему еще одним древнейшим этапом. Опираясь на марксистское воззрение о роли руки, труда и частной собственности в развитии цивилизации, он заявил, что на самом раннем этапе господствовала ручная, кинетическая речь, в которой участвовала и мимика, теснейшим образом связанная со способом «ручного» трудового процесса. С развитием кинетической речи, утверждал Марр, синхронно начался процесс вычленения сознания человека из природной среды и его дифференциация. Лишь на более поздних этапах кинетическая речь сначала сосуществует, а затем вытесняется линейной звуковой речью и т. д.

Несмотря на насмешки, которыми Марр был удостоен и при жизни, и особенно в период разгрома марризма в 50-х годах XX века, в этих воззрениях ни тогда, ни сейчас он был не одинок. По отдельным аспектам близких взглядов придерживались крупнейшие этнологи-эволюционисты: Л. Г. Морган, Э. Б. Тайлор, Л. Леви-Брюль, физиолог и лингвист В. Вундт, в особенности знаменитый немецкий философ Э. Кассирер, а в более позднее время не менее знаменитые – структуралист К. Леви-Строс, философ Мероло-Понти, лингвист академик Вяч. Вс. Иванов и другие. А лет за двести до них Дж. Вико писал в своем «Основании новейшей науки об общей природы наций», что первым языком был «немой язык посредством знаков или тел, имевших естественную связь с идеями, которые они должны были обозначать»[726]. Марр не раз ссылался на Вико как на своего предшественника. Дж. Вико был одним из тех авторов, на которых опирались и К. Маркс, и Ф. Энгельс, и П. Лафарг, и другие корифеи материалистического понимания истории. Обратим внимание на то, что у всех указанных авторов речь идет о языке, но не фонетическом (звуковом, членораздельном), а о языке, передающим смыслы жестами, позой и недифференцированными звуками. И в наш век математических компьютерных языков и информационных технологий расширительное толкование понятия «язык» не кажется странным. В 50-х годах этот пункт теории Марра станет одним из самых любимых для насмешек «корифея науки» (Сталина) и его вольных и невольных последователей.

Пик официальной популярности Марра совпал с выходом в 1930 году перевода с французского языка классической книги Л. Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении», которая также оказалась созвучной некоторым уже сформулированным воззрениям Марра[727]. Пусть и более осторожно, чем Марр, но и Леви-Брюль высказался в пользу первичности кинетической речи, а главное, вслед за Э. Тайлором развивал идеи о единстве эволюционного процесса и о роли «сверхъестественного» и «магического» способа мышления в формировании человеческого разума и цивилизации[728]. Марр восторженно приветствовал книгу Леви-Брюля. «Громаден и в то же время актуален для нас труд, – писал он, – одного из скромнейших и при этом наиболее революционно мыслящих для своей общественной среды научных работников современной Франции – Леви-Брюля. В предлежащей работе в целом изменчивость мышления обнажена с ослепительной яркостью». Далеко не бесспорная идея поэтапного (формационного) развития человеческого мышления уже давно была центральной в концепции Марра. С 1930 по 1934 год «труд-магический» этап в становлении мышления и языка человечества стал любимым пунктом в построениях Марра и очередным пунктом будущих развенчаний.

Марр попытался научно обосновать неразрывную связь в происхождении языка и мышления. Опираясь на воззрения Тайлора и исходя из концепции палеоантропологического полицентризма, он заявил, что на древнейших этапах все языки возникали по единым законам мышления вне зависимости от географии и исторических условий. И это заявление не лишено логики. Если человечество как вид появляется одновременно в разных частях ойкумены, то и зачатки языка и мышления (эти основополагающие признаки человеческого рода) действительно должны возникать одновременно и по одним законам. (Если же это не так и теория полицентризма не верна, то и в этом случае язык-мышление, скорее всего, зарождался синхронно пусть только у одного из видов и у одной группы приматов и в одном месте. В наше время господствует последняя версия.) Далее же Марр утверждал, что все языки возникали независимо друг от друга и из тех самых четырех элементов, которые якобы и обеспечили их разнообразие и всеединство. Затем, пройдя определенные этапы «схождения» и «расхождения» (скрещивания и расщепления), человечество пришло к

современному состоянию с его языковыми семьями. В будущем неизбежен процесс слияния всех языков в единый общечеловеческий язык. В одной из итоговых работ, в так называемом «Бакинском курсе», Марр писал: «Языки всего мира представляют продукты единого глоттогонического процесса, в зависимости от времени возникновения принадлежат к той или иной системе, сменявшей одна другую… Вначале многоязычные источники оформления и обогащения языка, залог его развития в самом ходе и развитии жизни и ее творческих сил, в развитии хозяйства, общественного строя и мировоззрения. И так человечество от кустарных, разобщенных форм общественности и хозяйства идет к одному общемировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так и язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку»[729].

До конца своих дней Марр постоянно менял и что-то дополнял в своих построениях, что также вызывало недоумение и раздражение коллег-оппонентов. Любопытное высказывание Марра по этому поводу вспомнил после его смерти академик И. И. Мещанинов: «Один ученый саркастически заметил, что в его представлении не укладывается образ ученого, который на протяжении двух лет меняет свои позиции… Николай Яковлевич ответил, что он не представляет себе такого ученого, который тридцать лет твердит одно и то же»[730]. Здесь тот самый случай, когда, как указывал тов. Сталин, «обе точки зрения правильны».

Языковед и революция

Конечно же, до революции Марр ни слова не говорил о том, что он идейный последователь К. Маркса и Ф. Энгельса и приверженец исторического материализма. Он также не был замечен ни в административных, ни тем более в политических амбициях. Но в октябре 1917 года неожиданно для многих стал членом Петроградского Совета, который возглавлял Л. Д. Троцкий. Там он должен был встречаться со многими видными большевиками и с некоторыми из них сойтись ближе. Начальные послереволюционные годы наиболее темные в биографии Марра. Я предполагаю, что Марр одним из первых академиков пошел на сближение с большевистской властью не только

по собственной инициативе. К этому его могли подталкивать и тогдашние руководители Академии наук, замеченные в сотрудничестве с Временным правительством (академик С. Ф. Ольденбург и др.), для того чтобы иметь возможность на личном уровне хоть как-то взаимодействовать с новой, враждебной властью. Впрочем, семья Ольденбургов находилась в дружеских отношениях с семьей Ульяновых еще с дореволюционных времен, и потому Ольденбург продолжал фактически возглавлять академию первое послереволюционное десятилетие. Но подавляющее число академиков не приняло советскую власть. Поэтому готовность Марра к сотрудничеству пришлась для многих как нельзя кстати.

Все послереволюционные годы у Марра были дружеские и деловые контакты с Н. И. Бухариным, А. В. Луначарским, М. Н. Покровским, А. Бубновым, А. Енукидзе, М. Горьким, А. Сванидзе, Н. Троцкой (женой Л. Троцкого) и другими высшими партийными и государственными деятелями. Тогда же он стал председателем Центрального совета научных работников, одного из первых советских объединений ученых. Вскоре после завершения Гражданской войны Марр, в отличие от многих академиков старой формации, окончательно попытался стать своим для новой власти. И дело здесь было не только в карьеристских замыслах. Как и многие открыто не выступавшие против советской власти ученые, он, без всяких дополнительных политических ухищрений, занимал в то время с десяток различных должностей и возглавлял несколько крупных научных учреждений. До начала 30-х годов крупные ученые помимо идеологического прессинга не испытывали еще того административного давления со стороны власти и не переживали того страха, который стал обыденностью после так называемого «Академического дела» и в гибельные последующие годы. Марр добровольно и сознательно не просто пошел на сотрудничество с советской властью, а демонстрировал поиски стыковок своей дисциплины и научной концепции с идеологией и политической практикой нового строя. Это его стремление совпало со встречным стремлением власти опереться на авторитетнейших ученых-академиков с целью установления контроля над своевольной бывшей Императорской академией и над российским научным сообществом в целом.

В 1918 году Марр выступил с инициативой слияния факультета восточных языков, который он возглавлял, с историко-филологическим факультетом Петербургского университета. Марр давно ставил об этом вопрос, обоснованно мотивируя объединение факультетов единством задач и методов изучения восточных и западных языков и литератур. Он же был назначен деканом нового единого факультета. Существование двух факультетов символизировало несхожесть и несопоставимость Запада и Востока, с чем Марр никогда не соглашался. До революции центром археологической работы в России была Археологическая комиссия, под руководством которой наука достигла значительных результатов, признанных во всем мире. Археологическая комиссия, обладавшая до революции значительной научной автономией, после Октября 1917 года также оказалась в оппозиции к большевистской власти. Марр, как доверенное лицо этой самой власти и как признанный археолог Кавказа, вошел в состав комиссии и даже стал ее первым выборным в советское время председателем. Но как показала практика в этом и других случаях, Марр оказался плохим политиком и не очень расторопным администратором, а потому не смог существенно повлиять на деятельность и этой организации. Кроме того, на каком бы посту Марр ни находился, какими бы проблемами ни занимался, везде и всегда он навязчиво пытался внедрить свое, особенное видение задач. В начале 1919 года Марр обратился в советское правительство с проектом создания Академии материальной культуры, которая должна была не только заменить Археологическую комиссию, но и переориентировать археологическую науку на системное изучение материальных памятников с точки зрения функционального подхода. В. И. Ленин, по свидетельству Марра, слегка подправив название, 18 апреля 1919 года подписал декрет о создании Академии **по истории** материальной культуры (ГАИМК), в основу которого был положен проект Марра. Руку Марра в этом проекте выдает довольно бестолковый текст, в особенности в той части, где сформулированы задачи академии: «Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных как монументальных, так бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской

Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия по истории материальной культуры»[731]. Академия подчинялась одному из структурных подразделений Народного комиссариата по просвещению (Наркомпроса). Следуя этой формулировке, «материальной культурной ценностью» можно было объявить все, что угодно. Из этой преамбулы очень трудно понять, чем же конкретно должна была заниматься академия? Положение спасло то, что согласно этому же декрету Археологическая комиссия в прежнем составе и с прежнем финансированием переходила в новое учреждение как ее составная часть. Помимо основной деятельности на академию возлагалась также охрана памятников старины и тем самым в ведение Марра попало еще и музейное дело. В дальнейшем Марр оказался активнейшим членом Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников в составе Наркомпроса. Вскоре по инициативе Марра в рамках ГАИМК был создан Институт археологических технологий, новаторское по тем временам исследовательское учреждение, которое должно было применять методы естественных наук для анализа и датировок древних памятников материальной (вещной) культуры. В 1924 году Марр был избран еще и директором ленинградской Государственной публичной библиотеки. Но наиболее для него важным и любимым детищем стал Институт языка и мышления АН СССР (просуществовал до 1950 года), выросший из эфемерного марровского же Яфетического института[732]. Я не буду перечислять другие учреждения, в которых Марр принимал участие или заново организовывал. Отмечу только, что он с каждым годом пользовался все большим авторитетом и доверием со стороны членов правительства ленинского набора.

В архиве Марра сохранилась переписка со значительным количеством выдающихся лиц эпохи; сохранились также следы его переписки с партийными и государственными деятелями, репрессированными в годы сталинского террора. Архивный фонд Марра – один из самых богатых по своему составу из всех известных мне персональных документальных собраний XX века. В нем насчитывается 5940 единиц хранения (для сравнения: в архиве Сталина несколько более 1700 единиц хранения). Особенно впечатляет его переписка, насчитывающая несколько сотен имен. В их числе письма «проклятых и забытых»: Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, А. С. Бубнова,

А. С. Енукидзе, Л. М. Карахана, А. И. Корка, В. И. Невского, М. Я. Рафаила, А. Сванидзе, Н. И. Троцкой, С. Н. Быковского. В описи фонда указано, что переписка Марра с этими людьми была изъята (карательными органами. – *Б. И.*) в один день – 10 февраля 1939 года, то есть спустя пять лет после смерти Марра и в самый пик господства языковедческой «школы» марристов, возглавляемой академиком И. И. Мещаниновым. Скорее всего, изъятие было связано с очередной чисткой в архивах деятелей революционной эпохи, проводившейся в связи с процессом Бухарина и его подельщиков. Н. И. Бухарин, который в конце 20-х годов был еще в полной политической силе и числился в союзниках Сталина, писал о Марре: «При любых оценках яфетической теории Н. Я. Марра необходимо признать, что она имеет бесспорную огромную заслугу как мятеж против великодержавных тенденций в языкознании, которые были тяжелыми гирями на ногах этой дисциплины»[733]. Но именно эта «антивеликодержавность» яфетической теории, которую точно подметил Бухарин, послужит главной, но скрытной причиной ее низвержения после Великой Отечественной войны. В своих работах и выступлениях Бухарин часто ссылался на Марра, поскольку «школа академика… дает историко-социологическую трактовку языка»[734]. Даже находясь в тюрьме, в своих предсмертных рукописях Бухарин помянул добрым словом лингвистическую концепцию Марра, поставив ее в один ряд с концепциями крупнейших философов и лингвистов своего времени. «Само мышление, как и язык – мы касались этого вопроса отчасти и мимоходом в другой связи, – писал он в камере на Лубянке, – есть социальный продукт. Еще в трудах Макса Мюллера, Лаз. Гейра и Л. Нуаре имелся достаточный фонд аргументов, которыми доказывалось происхождение языка и мышления из трудовой практики людей и процесс образования понятий брался именно в этой связи. Новейшие исследования по истории языка и мышления – в частности и в особенности, труды покойного академика Н. Я. Марра – дают огромный материал, подтверждающий эти положения»[735].

Наверняка в архиве Марра были документы, принадлежавшие перу и других погибших большевистских функционеров, например, таких как Г. Зиновьев, который до 1926 года возглавлял Петроградский Совет и без содействия которого Марр и Академия наук, находясь в Ленинграде, вряд ли могли обойтись. В фонде Марра отсутствуют и

письма Сталина, хотя в фонде вождя следы их переписки сохранились. Предположительно эти и другие документы были бесследно «вычищены» сразу после смерти академика, то есть в 30-х годах.

Тесные связи были у Марра и с всесильным сталинским наместником Кавказа Л. П. Берией, сыгравшим особую роль в его посмертной судьбе. В архиве Марра я обнаружил рукописную записку на грузинском языке. Привожу ее в переводе на русский язык:

«5.12.32

Вопросы или предметы для обсуждения с товарищем Берия

1. Основное дело: филиал и университет Грузинской Советской Социалистической Республики, также М-Л (Институт марксизма-ленинизма).

№ Обустройство научной части филиала и квартиры (так как предложение неполное, приведен один из возможных по смыслу вариантов перевода. – *Б. И.*).

Когда мы приглашаем научных сотрудников для укрепления тыла филиала, изыскать метод защиты от голода (случай с Абаевым).

2. КСУ[736] Комиссия, оказывающая поддержку местным научным сотрудникам в Тбилиси, отделение грузинское, Закавказья, краевое, такое, как на Украине.

3. Сын мой очень увлечен персидским словарем, готовит живой язык для окончательной редакции.

Собираюсь к нему, может, здесь можно найти персидскую Красную звезду, переслать бы ему в качестве материала, нужно, в Москве сказали, сюда, дескать, пишите, перешлют, мол, но на сегодняшний день он пока не получал.

4. Дело общественной печати о грузинской истории и языке без бумаги очень затрудняется, собирается приехать Дондуа (далее неразборчиво. – *Б. И.*) ...пока старший Карпез подготовил грузинско-русский словарь, большой грузинско-русский.

5…»[737]

Из записки следует, что у Марра были давние и прочные связи с Берией, к которому Марр обращался напрямую. Необходимо отметить, что часть проблем, которые предполагал поднять Марр, могли быть поставлены только после согласования со Сталиным. Это в первую очередь вопросы о организации в Тбилиси филиала Института марксизма-ленинизма и Тбилисского университета. И то и другое

учреждения вскоре действительно были открыты. Из записки также следует, что Марр обращался к Берии не только в связи с налаживанием быта кавказских ученых и своих сторонников (Абаев, Дондуа), но и с сугубо личными просьбами, связанными с научными интересами младшего сына. Так что Берия лично знал Марра, но имел ли он тогда представления и о его научных, особенно лингвистических воззрениях, сказать трудно. Архив Берии в настоящее время наглухо засекречен. Убежден в том, что Марр отправлял свои труды не только Сталину, Луначарскому, Покровскому и другим государственным деятелям (что подтверждается документально), но и своему земляку Берии. Отметим также, что Берия был знаком и с Чикобавой и об его противостоянии с Марром уже тогда знал наверняка. И это знакомство с Берией аукнется Марру в 1950 году.

Из большевистских лидеров наиболее доверительные отношения были у Марра с А. В. Луначарскими и М. Н. Покровским и не только в связи с обширнейшими научно-организационными функциями Наркомпроса, который они возглавляли, но и в связи с тем, что именно Марр оказывал содействие в проведении их и других кандидатур от власти в Академию наук СССР. Сохранилось несколько писем Луначарского Марру, которые он отправлял, начиная с 1918 года. Одна из наиболее интересных записок датирована 1 марта 1922 года, но она адресована не Марру, а заместителю председателя Совнаркома РФ А. И. Рыкову (заместителю Ленина):

«Дорогой Алексей Иванович.

Очень прошу Вас принять вне всякой очереди академика Марра, одного из крупнейший наших ученых. Человека черезвычайно осведомленного по целому ряду вопросов и Вас интересующих (как Председателя комитета наук) и чрезвычайно близко принимающего к сердцу все нужды этой сферы государственных задач. Я считаю разговор его с Вами до крайности необходим. Крепко жму руку.

А. Луначарский»[738].

Я процитировал копию письма Рыкову, которую Луначарский отправил Марру для ознакомления, так как на обороте сохранились небрежные каракули Марра с упоминанием имен академиков Платонова и Шахматова. Судя по всему, нарком Луначарский дорожил дружбой академика Марра, о чем можно судить по его другой записке, в

которой он извинялся за возникший между ними инцидент и где он так и пишет: «Я всегда очень дорожил Вашим отношением ко мне и думаю, что некоторые люди, которым по ходу наших внутренних взаимоотношений понадобилось раздуть значение инцидента между мною, Томашевским[739] и т. д., могли в значительной степени содействовать неправильному понимаю с Вашей стороны моих действий»[740].

Отставленный Сталиным со всех руководящих постов незадолго до смерти, в марте 1933 года, Луначарский написал последнее письмо Марру:

«Дорогой Николай Яковлевич.

Я не знаю, читали ли Вы на немецком языке лишь недавно опубликованную замечательную, написанную еще в 1845 г. Марксом и Энгельсом книгу «Немецкая идеология». Теперь она вышла на русском языке (ИМЭЛ соч., М. Э. т. IV). На всякий случай обращаю Ваше внимание на рассуждение о сознании и языке стр. 20 (начало абзаца: “Лишь теперь…”) и до конца стр. 22. Мне кажется, что здесь имеются замечательные подтверждения некоторых Ваших положений, особенно конец стр. 20, на стр. 21… Крепко жму Вашу руку»[741].

Луначарский указал Марру на впервые опубликованные на русском языке такие рассуждения классиков: «Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек имеет также “сознание”. Но и оно не имеется заранее или как “чистое” сознание. На “духе” заранее тяготеет проклятие “отягощения” его материей, которая выступает здесь в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание, язык – это практическое существующее для других людей, а значит, существующее так же для меня самого реальное сознание и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношения с другими людьми».

В дальнейшем мы обязательно воспользуемся рекомендациями Луначарского и рассмотрим эти и другие страницы из «Немецкой идеологии» под углом зрения марровской теории происхождения языка и мышления и в связи с их своеобразной интерпретацией поздним Сталиным.

Не менее дружеские чувства испытывал к Марру в те времена ведущий советский историк М. Н. Покровский. По его приглашению

Марр часто выступал на важных конференциях и совещаниях историков-марксистов как крупнейший ученый старой формации, сблизившийся с официальной историософской идеологией. К тому же именно в эти первые постреволюционные годы Марр стал активно дополнять свое «новое учение о языке» первичным этапом, точнее, целой эпохой так называемой «ручной речи», передающей смыслы жестами, то есть с помощью руки. Многие увидели здесь связь с учением Энгельса о роли руки в развитии человеческого труда и становлении цивилизации. В фонде Марра есть несколько документов о содействии замнаркома просвещения Покровского экспедиции Марра на Кавказ, о выдаче академику новейшей зарубежной литературы из фондов библиотеки Социалистической академии, но в связи с темой, стоящей в центре этой книги, я хочу привести одно из его писем полностью:

«22. IV.1926.

Академику Н. Я. Марру.

Ленинград

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич!

Очень Вам признателен за присылку Ваших отрывков о руке – прочел их с громадным интересом. Вам нужно как можно скорее переработать их в популярный очерк. Это ценнейшее дополнение к нашей материалистической истории культуры.

Задержал свой ответ потому, что захотел Вам послать № «Unter d. Banner d. Marxismus» с Вашей статьей, воображая, будто этот № у меня есть. Но, увы! И у меня его нет. Вышел ли он вообще?

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

М. Покровский.

P. S. Только что получил еще две Ваши брошюры: «Основные достижения…» и «Из переживаний доист. памятников Европы».

Еще раз спасибо! *М. П.*»[742].

Отношение Покровского к Марру было намного восторженнее, чем отношение Марра к официальному главе советской исторической науки. В знаменитой в свое время книге Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», в главе, посвященной революции 1905 года на окраинах империи, он процитировал несколько страниц из давних

репортажей Марра с Кавказа, снабдив их таким предисловием: «Порядки, которые теперь здесь устанавливались, лучше всего описать словами совершенно беспристрастного свидетеля профессора Н. Я. Марра. Вдобавок Марр сам родился в Гурии и превосходно знает ее язык и весь быт»[743]. Кстати, из этого отрывка следует, что Марр слышал тогда не Сталина, на чем позже настаивали марристы, а малоизвестного большевика Хтис-Цкалоба, при этом Марр отнесся к большевистскому оратору с иронией[744].

Марр часто выступал на конференциях, которые проводились под эгидой Общества историков-марксистов, возглавлявшегося Покровским и призванного воспитать новую плеяду ученых, порвавших с «буржуазной» исторической наукой. Покровский высоко ценил участие археолога и лингвиста Марра в этих собраниях. Делая обзор первой всесоюзной конференции 1929 года, Покровский написал в заключительной части: «Но я не могу не остановиться на одной особенности этой последней (конференции. – *Б. И.*). Она вскрыла не только гораздо более обширные кадры последователей исторического материализма в нашей стране, чем можно было ожидать, она показала, что наше мировоззрение начинает захватывать и соседние с нашей наукой области, притом такие области, где еще недавно господствовали безраздельно идеализм и психологизм. Великолепный доклад академика Н. Я. Марра показал, что к нашим материалистическим выводам можно прийти не только от изучения классовой борьбы (каковое изучение некоторые наивные люди считают основным характеристическим признаком марксизма, забывая, что такое понимание марксизма давно опровергнуто самим Марксом), но и от изучения истории человеческой речи. Все человеческое есть продукт общественной работы. “Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивидууму. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений”. Индивидуальное не начало, как казалось и кажется буржуазным историкам, а конец, итог. И отправляться в объяснении исторического процесса от индивидуального, как до сих пор делают “заслуженные”, – это заставлять историю идти вверх ногами»[745]. Речь шла об одном из основополагающих трудов Марра «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории»[746].

В последние годы жизни Марр все более приближался к верхним этажам советской власти, в результате чего он все в большей степени обрастал внешними атрибутами официального признания: государственными наградами и контактами, носившими ритуальный характер. Отношения с Максимом Горьким, известным «пролетарским» писателем, вступившим с начала 30-х годов в особенно близкие отношения со Сталиным, постепенно стали носить именно такой, ритуальный характер. Ни архив Марра, ни другие известные мне источники не дают основания утверждать, что Марр и Горький были лично знакомы до революции, но в 1920 году они совместно с другими выдающимися деятелями культуры настояли перед Советским правительством (Лениным) на реэвакуации из Москвы сокровищ Эрмитажа, вывезенных еще по распоряжению Временного правительства в связи с опасностями немецкого наступления на Петроград[747]. Затем Горький уехал за рубеж и никаких контактов с Марром не поддерживал. В архиве Марра сохранилась копия единственного послания Горького написанного, скорее всего, между 1932 и 1934 годами, любопытное не столько своим содержанием, сколько особой нарочитой тональностью – один «великий» пишет «равновеликому»:

«Копия.

Глубокоуважаемый

Николай Яковлевич, —

т. А. Г. Пригожин сообщил мне о Вашем положительном отношении к задаче создать “Историю женщины”. Я крайне обрадовался этим Вашим отношением, крепко пожимаю Вашу руку. И уверен, что с Вашей помощью дело, начинаемое Гаимкой[748], будет хорошо сделано.

Еще более радует меня намерение руководимого вами учреждения приниматься за работу создания общей истории культуры, то есть истории возникновения и развития той энергии, которая, создавая сокровища культуры материальной и опираясь на них, поставила трудовое человечество перед лицом тех открытий науки, изобретений техники и отражений действительности в искусстве, которыми труженики мира нашего должны коллективно обладать, как это диктует им исторический процесс.

Историю развития этой энергии никто еще не пробовал рассказать, изобразить так, как она этого требует. Вполне естественно, что такую работу начинают в стране, где рост этой силы принимает характер массового явления и где она понимается как самое мощное выявление органической материи, как энергия воспламенения в человеке процессами его трудовой деятельности. Мне кажется, что в работе по истории культуры следует сделать то, чего никто еще не пытался сделать, а именно: особенно резко расчленить две тенденции исторического процесса, гениально вскрытое Марксом.

Я имею [в виду] рабовладельческую “классовую” тенденцию, которая рассматривает человека только как вместилище физической силы и не отмеченную буржуазными историками культуры, смутную, но идущую из глубокой древности мечту трудового человечества о возможности преодоления всех сопротивлений со стороны сил природы интересам человека.

Тенденция эта непрерывно выражалась в мечтах о “ковре самолете”, “о сапогах скороходах”, “о живой и мертвой воде”, “о василисах премудрых”, которые создавали чудеса, о людях, которые останавливали движение солнца, течение рек и т. д. и т. п. Фольклор насыщен рассказами о чудесной силе человека, а ведь нет мечты, которая не была бы вызвана к жизни сознанной, но неудовлетворенной потребностью. Мечта трудового человечества о сказочных чудесах имеет основою своей вполне реальное и законное стремление к свободе от каторги бесчеловечного классового труда. В существе, в смысле своем, это мечта – глубоко гуманитарна и, конечно, мало общего имела с “гуманизмом” буржуазии, хотя – возможно – именно она влияла на развитие “гуманизма” эксплуататоров, первоначально подсказанного “гуманизмом” жрецов различных религий – подсказанного из тактических соображений политики церкви, пытавшейся примирить непримиримое: владыку и раба. Мечту эту мы найдем в работе средневековых алхимиков и, наконец, откроем ее в наши дни, в нашей стране, где буквально сотни и сотни малограмотных людей заняты проектами создания “вечного двигателя”. Мы должны показать, как грубо, жестоко и подло классовое общество искажало и гасило эту действительно и единственно подлинную гуманитарную “мечту”, созданную людьми труда, и как это задержало рост исследующей и создающей мысли.

Вот дорогой и уважаемый Николай Яковлевич, кое-какие мои соображения, которые мне захотелось сообщить Вам, что я и делаю. Мне думается, что всего меньше мы должны считаться с нормами, канонами и традициями буржуазных специалистов, специализм коих всегда включает в себя более или менее серьезную дозу кретинизма. Мне кажется также, что многие “научно установленные истины” не только не выветрились, умерли, оставив после себя только словесную шелуху красивых формулировок, но что вообще, чем быстрее идут процессы жизни, тем кратко срочнее бытие “истин”. Кстати: как мы видим, напр., в Германии старые истины вышвыриваются из обихода буржуазной жизни, как изношенные калоши, поспешно фабрикуются новые и – все более отвратительные по цинизму, по бесчеловечию своему.

Мы, Союз Советов, агитируем за внедрение в жизнь величайшей истины, которая прекрасно энергетирует наш трудовой народ и также мощно должно энергетировать все силы и способности мировой семьи трудящихся.

Сердечно желаю Вам доброго здоровья

А. Пешков»[749].

В архиве сохранилась только машинописная копия письма, подлинник, возможно, изъяли после смерти Горького, когда его документы стали концентрировать в доме-музее. Письмо интересно не только тем, что писатель явно оценивает академика как равновеликую себе величину, но и совместной задумкой первого гендерного исследования (история женщины) и комплексным культурологическим проектом Марра, в котором синтезировалась история духовной и материальной культуры. Ни тот ни другой проекты так никогда и не были осуществлены.

* * *

Еще до окончательного оформления «нового учения о языке» А. В. Луначарский уже называл Марра «самым великим из ныне живущих в мире филологов». Не менее восторженно о нем отзывались М. Н. Покровский, В. М. Фриче и др. В 1928 году в «Правде» к

сорокапятилетнему юбилею научной деятельности Марра появилась в высшей степени хвалебная статья Покровского. Тогда он даже поставил Марра на одну доску с Энгельсом.

«*Если бы Энгельс жил между нами,* – писал Покровский в “Правде”, – *теорией Марра занимался бы теперь каждый комвузовец, потому что она вошла бы в железный инвентарь марксистского понимания истории человеческой культуры*»[750].

Цитата из статьи Покровского была воспроизведена в 65-м томе первого издания Большой советской энциклопедии, который до сих пор хранится в архиве-библиотеке Сталина. Здесь я ее воспроизвожу так, как она выглядит и сейчас в энциклопедии. Сталину принадлежат все три вертикальные карандашные отметины на полях раздела, посвященного яфетической теории Марра.

Новый уровень отношений с Советской властью начался у Марра с появлением на ее вершине земляка-грузина, большевистского эксперта по Кавказу и национальному вопросу И. В. Сталина. Новый вождь охотно использовал авторитет престарелого академика в своих политических целях. Не один Марр сознательно стремился к сотрудничеству теперь уже со сталинским руководством и его режимом. В различных областях знания, в том числе и в лингвистике, то и дело появлялись свои добровольцы «марксистского» направления. Но признавала или нет новая власть того или иного деятеля и то или иное направление «марксистским», то есть своим, во многом зависело от расстановки политических сил, а точнее, от положения крупных политических фигур, поддерживавших их. Падение того или иного партийного вождя вело за собой низвержение очередной «деборинщины в философии, рубинщины в политической экономии, переверзевщины в литера туроведении и др.»[751]. Марра же признали за своего задолго до того, как его признал «своим» Сталин, и это ему никак не навредило. Но только в 1930 году, на XVI съезде партии, Марр был окончательно возведен в ранг вождя в своей науке, и похоже, что он возмечтал возглавить Академию наук СССР. Предпосылки для таких помыслов, без сомнения, были. В науке Марр действительно был революционером со всеми положительными и отрицательными сторонами, свойственными радикально мыслящему ученому. Именно поэтому не только для Бухарина, Луначарского, Покровского, но и для многих других знатных революционеров-большевиков 20-х годов Марр

был своим не столько по общему делу, сколько по духу. И для Сталина он легко должен был стать своим как бы сразу в трех качествах. Во-первых, по политической гибкости, во-вторых, по происхождению (грузин, земляк), в-третьих, по своему радикализму в науке. Ко всему этому можно прибавить то, что среди действительных членов Императорской академии наук выдающиеся выходцы с Кавказа были все же редкостью. Марр же был единственным академиком, полностью посвятившим себя истории, культуре и языкам Грузии и всего Кавказа. Набиравший же силу вождь никогда не забывал о своих корнях и все чаще опирался на земляков.

«Речевая революция»

Приспосабливая свое «новое учение» о языке к учению об общественно-экономических формациях и к классовому подходу, Марр и его последователи легко обнаружили резкие, революционные сломы в лексике и семантике языков революционных эпох и даже их внутренние расслоения. В связи с этим Марр заявил об открытии им нового явления – «речевой революции» как части культурной революции[752].

Человек – тончайший инструмент времени. Его слух и мышление моментально подмечают любую дисгармонию в окружающем мире. Наблюдая как бы со стороны жизнь языка и общественного сознания (а на самом деле будучи погружен в них), человек способен предчувствовать назревающие тектонические сдвиги в положении веками складывавшихся социальных слоев и классов. Так история, язык и социальная психология начинают сходиться в самых чувствительных точках человеческой цивилизации – в революционных эпохах. Это «схождение» подметили еще классики марксизма, но первым, кто рассмотрел проблему языка и революции в общей связке, был Поль Лафарг.

Еще в середине 20-х годов, когда Сталин только приступил к систематическому комплектованию своей личной библиотеки в Кремле и на даче в Зубалове, он, обдумывая ее будущую структуру, в числе персональных рубрик предусмотрел специальную рубрику и для книг Лафарга[753].

В ранних послереволюционных работах и речах вождя имя Лафарга встречается часто, так как философские и публицистические

произведения известного теоретика входили в круг чтения образованного социал-демократа и марксиста. Позже Сталин хотя и не запретил книги Лафарга, но он был объявлен «оппортунистом», сам вождь при случае критиковал его публично, а после войны произведения Лафарга уже не переиздавались. Сейчас в библиотеке Сталина сохранилось шесть наиболее известных книг и брошюр Лафарга и три тома его собраний сочинений на русском языке, выходившие с 1925 по 1931 год. На всех книгах есть штампы личной библиотеки Сталина, а на первых страницах его рукой простым карандашом указана рубрика: *«Социализм»*. Только на одной из них – «Исторический материализм Маркса» (Иваново-Вознесенск, 1923), Сталин указал иную рубрику: *«1) Маркс»*. Других помет вождя на сохранившихся в библиотеке произведениях Лафарга я не обнаружил.

В третьем томе сочинений Лафарга было опубликовано известное произведение: «Французский язык до и после революции. (Очерки по истории происхождения современной буржуазии)». В тех же 30-х годах оно под названием «Язык и революция» несколько раз переиздавалось отдельной брошюрой и считалось классическим марксистским произведением на заявленную тему[754]. Марр и его последователи часто ссылались на Лафарга[755], а некоторые фразы из этой работы стали афоризмами. Например: «Язык, подобно животному организму, рождается, растет и умирает. В течение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, ассимилируя и отбрасывая от себя отдельные слова, выражения, грамматические формы»[756]. Или еще более известное в те времена высказывание: «Подобно тому, как растение не может быть вырвано из своей климатической обстановки, точно так же и язык неразрывно связан со своей социальной средой»[757]. Основной пафос работы Лафарга свелся к тому, что революционная эпоха во Франции (с 1794 по 1831 год) породила огромное количество новых слов и выражений, не известных предыдущим временам. Лафарг пишет о том, что разные академические словари зафиксировали от 336 до 11 тысяч новых слов, новых технических терминов и новых значений. Аристократы и консервативно настроенные публицисты подняли шум по поводу того, что «словарь осквернен словами, заимствованными из жаргона, игорных и воровских притонов, кабаков… гиперболами портных, парикмахерских… языком уборщицы, проститутки, прачки,

оскорбительными для национального характера»[758]. Можно подумать, что речь идет не о французской печати и французском языке конца XVIII – начала XIX века, а о русском языке послереволюционной эпохи (1917–1927 годы) или о российской действительности постперестроечного периода (с 1993 года и до настоящего времени). Лафарг же вполне разумно связал изменения в языке с выходом на первые роли представителей нового класса (буржуазии) и с началом господства его политического, профессионального, разговорного, письменного языка и жаргонов.

Марр, как и все его современники, без труда обнаружил, что старый царский мир подвергся коренной ломке не только в результате Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны. Еще большая «перестройка» (и это слово из сталинского лексикона того времени) развернулась в эпоху индустриализации, коллективизации, экономического и физического уничтожения целых классов и социальных слоев. На месте старого мира начали возводиться конструкции совершенно иной экономической и общественной формации. В процессе Гражданской войны и последующих преобразований старое общество было полностью деструктурировано. Тогда же были сознательно уничтожены старые классы и сословия, государственные учреждения и общественные институты. В межвоенный период народились, а точнее, инженерно были «сконструированы» благодаря Сталину новые «классы» («российский пролетариат», «колхозное крестьянство», «трудовая интеллигенция» и т. д.) и соответствующие им отрасли народного хозяйства и государственные институты. Ломка и перестройка общественного здания была настолько радикальна, что люди старшего поколения, сформировавшиеся еще в дореволюционном обществе, после Гражданской войны вдруг почувствовали себя на чужбине, в другой стране. Они оказались среди людей, которые одевались, вели себя и даже жестикулировали совершенно иначе. В единый исторический миг у этих «новых советских» людей обнаружились другие этикет и этика, иная мораль, другое видение мира. Они даже говорили на особом языке и мыслили совершенно новыми категориями, новыми понятиями и даже новыми языковыми конструкциями. Язык газет, декретов, афиш, язык публичных речей, художественной литературы и поэзии, партийных собраний, театральных постановок и площадей больших

городов стал в течение всего лишь одного десятилетия совершенно иным и даже плохо понимаем теми, кто не хотел воспринимать все эти нововведения. Еще в 1917–1918 годах глубинные сдвиги в русском языке первыми почувствовали (но по-разному выразили к ним свое отношение) два великих поэта – Александр Блок (поэма «Двенадцать», «Слушайте революцию!») и Иван Бунин («Окаянные дни»). В послереволюционные годы (как и сейчас в постперестроечное время) вместе с языком стали растворяться и исчезать из общественной жизни целые социальные группы и их языки: церковной и монастырской культуры, великосветской, дворянской, купеческой, царской бюрократической, армейской и даже городской мещанской и патриархально-крестьянской культур. Начали трансформироваться и расплавляться даже наиболее консервативные традиционные национальные крестьянские культуры как западных, так и восточных народов СССР. Вроде бы те же самые люди и рождены от тех же отцов и матерей, но иная страна, иные обычаи и правила жизни, иные приоритеты, иные средства их достижения – все новое, все чудное и для многих сложившихся до революции людей глубоко чуждое. Как будто на давно обжитое место пришел новый народ-варвар, хотя не было никакого завоевания. А все дело в том, что как в начале XX века, так и в его конце в России произошла смена общественно-экономических формаций, что нашло немедленное отражение в языке-мышлении и культуре. Поэтому трудно отказать Лафаргу, Каутскому, Ленину и, конечно, Марру в способности чутко прислушиваться к языку революционных эпох[759].

Многие крупные писатели советского времени: И. Бабель («Кон армия»), М. Булгаков («Собачье сердце»), А. Фадеев («Разгром») и др., великолепно воспроизвели интонацию, лексику и грамматику нового языка новой эпохи. В первое послереволюционное десятилетие были проведены интереснейшие исследования, посвященные тектоническим сдвигам в языке россиян. Наиболее интересная и известная работа: «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926)», принадлежит перу отечественного лингвиста А. М. Селищева[760]. Но, в отличие от Лафарга, автор исследования, с трудом сдерживая негодование, привел многочисленные образцы «порчи» русского языка новой России за счет притока новых канцеляризмов, партийных языковых клише и международных калек, просторечных

выражений из языка городских рабочих окраин, деревень, юго-западных провинций и языков нерусских народов России и Европы.

Но наиболее точно уловил дух и конструктивные особенности послереволюционного языка Андрей Платонов. Удивительное дело, но именно в те годы, когда Марр много писал и выступал с высоких трибун, Платонов начал издавать свои первые произведения, герои которых мыслят «труд-магическими» категориями и объясняются на языке, очень напоминающем словесные конструкции языковеда Марра. Никто из исследователей творчества Платонова не обратил пока внимания на это разительное «схождение». Откройте любое крупное произведение Платонова, и вы прочитаете нечто похожее на марровское. Герои говорят, а сам Платонов пишет на том же языке, что и академик Марр, хотя говорят и пишут, конечно же, о разном. Я цитирую из великого романа Платонова «Чевенгур»: «Он увидел, что время – это движение горя и такой же ощутительный предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку»[761]. Чтобы не отвлекаться от главной темы, опускаю демонстрацию других «схождений» языков Марра и Платонова. Сталин еще с 30-х годов сразу же невзлюбил Платонова за его невероятный (точнее – невероятностный) язык и «труд-магическое» мышление героев, закинутых парадоксальным мышлением писателя в будущий первобытный коммунизм, время которого воистину «неразличимо» (Марр). А о нелюбви к Марру за эти же грехи Сталин публично признался только в 1950 году. Но до этого рокового для научного наследия Марра года Сталин относился к яфетическому учению заинтересованно-благосклонно, а его самого сделал прижизненным и на долгие годы посмертным кумиром.

Глава 3
Кавказ как центр мироздания

Если бы Марр не занялся языкознанием, то он тем вернее остался бы в памяти потомков выдающимся ученым, не только нашедшим старинные грузинские и армянские рукописи, раскопавшим древние города. Он остался бы в памяти потомков сделавшим открытия, каждого из которых хватило бы на целую жизнь удачливого ученого. Таких удач было по крайней мере три: обнаружил в горах Армении и описал для науки вишапы – каменные изваяния гигантских рыб или драконов; задумался над происхождением и, по существу, объяснил миру средневековую грузинскую поэму Шоты из Рустава «Витязь в тигровой шкуре»; разработал и организовал первый структуралистский проект, моделью которого послужила старинная западноевропейская поэма «Тристан и Изольда». О других вспышках удивительных прозрений у нас еще будет повод поговорить. Все открытия и новаторства, так или иначе, были связаны с Кавказом, с примыкающим древнейшим переднеазиатским культурно-историческим ареалом и с доисторической Европой. И если для Сталина после революции центром мира стала Москва, а еще точнее – собственный кабинет, где бы тот ни находился, то для Марра центром мироздания на всю жизнь остался Кавказ. Вокруг него и по поводу его он выстраивал большую часть своих многовариантных концепций.

Левиафаны Кавказа

Как-то во время археологического сезона 1909 года в развалинах средневекового армянского поселения Гарни местные жители рассказали Марру, что высоко в горах, на границе с вечными снегами, там, где располагаются летние пастбища живущих бок о бок армян, курдов и турок, встречаются каменные изваяния, которые армяне называют вишапами, то есть драконами. Вишап – слово иранского происхождения – может означать и змею[762]. Марр долгое время не верил этим разговорам, пока сведения не подтвердил бывший лесник, хорошо знавший местность. Захватив сослуживца-археолога Я. И.

Смирнова, Марр отправился вместе с ними на разведку. Конное путешествие продолжалось более полусуток через Гехамские горы в сторону озера Севан, до тех пор, пока высоко в горах они наконец не обнаружили странные каменные изваяния в местности, которую турки называли Аждага-юрт, а армяне Вишапнер – змеинова, или драконова, стоянка. Но никаких драконов и змей путешественники не увидели. На земле валялось несколько глыб черной пористой местной лавы, которые и формой головы, глазами, жабрами, хвостами и плавниками напоминали гигантские изваяния рыб. Самый большой и лучше других из сохранившихся памятников достигал в длину 4,75 метра, шириной 0,55 метра. Рядом и в ближайших окрестностях они нашли еще десятка два подобных памятников разной степени сохранности и разной величины. Все они лежали плашмя на земле, многие вросли почти целиком в почву, от некоторых остались лишь осколки с едва различимыми изображениями. Но когда часть из них откопали и рассмотрели с разных сторон, то обнаружили новые рельефные изображения. На одном вишапе были вырезаны хорошо узнаваемые христианские символы в виде распространенных в Армении крестов (хачкар) и нескольких армянских букв. По ним исследователи решили, что символы имеют позднее происхождение (XIII век н. э.) и прямо с изображениями не связаны. Самое удивительное было то, что на «голову» некоторых каменных глыб было как бы накинуто изображение шкуры с головой вола или буйвола (по некоторым интерпретациям – барана) иногда с хорошо различимыми изображениями рогов, ушей, ног, хвоста и копыт. На некоторых были высечены только мощные звериные лики анфас, а по бокам зигзагообразный орнамент. Позже Марр докладывал в Академии наук: «Эти загадочные памятники-стелы распадаются на два типа: камни одного типа представляют рыбу, это настоящие вишапы; камни другого типа имеют на себе изображение того или иного животного, чаще изображение воловьей или часто буйволовой головы. В каждом типе имеются разновидности; так, в вишапах замечаем, что прежде всего сами рыбы, высекаемые из камней, разного вида: в одних случаях широкая голова сома, в других заостренная голова местной рыбы чанара»[763]. На некоторых вишапах, на одной из сторон каменного блока, были изображены журавли или цапли и струи воды, на других – водяные змеи и вновь схематическое изображение струй воды. Сразу же стало ясно, что эти сооружения

имеют культовое значение. Но с чем конкретно их можно было связать, к какому времени и к какой культуре они относятся, все это было сплошной загадкой. Самой же большой загадкой было их местоположение: высоко в горах, где отсутствовали древние и современные населенные пункты и значительные реки: только скалы, родники, ручьи и летние пастбища. Раскопки, проводившиеся и тогда, и позже, никаких результатов не дали – ничего похожего на длительное пребывание людей вблизи вишапов не было обнаружено. Я. И. Смирнов в своем отчете об экспедиции докладывал: «Помимо изумления громадным размером этой каменной рыбы, при первом же взгляде на нее является недоуменный вопрос о ее ближайшем назначении, то есть о том, какое положение она некогда занимала: вертикальное, обычное для разного рода менгирообразных мегалитических памятников положение исключается, во-первых, как несвойственное рыбе, а во-вторых, тем, что хвост ее не имеет дальнейшего необходимого при таком положении продолжения. При более естественном горизонтальном положении рыбы надо предполагать наличность или сплошного базиса, или же двух, по меньшей мере, подставок»[764]. Позже один из молодых учеников Марра, Б. Б. Пиотровский, провел дополнительные исследования и установил, что они все же, подобно менгирам, первоначально стояли вертикально, зарытые хвостами в землю[765]. Да и подставок как будто бы не было обнаружено. Марр и Смирнов зафиксировали двадцать три памятника. Позже несколько однотипных каменных стел нашли на севере Турции и на востоке Грузии. Самое удивительное то, что аналогии этим памятникам были обнаружены и на территории Северной Монголии, о чем сделал сообщение наиболее верный последователь Марра, будущий академик и один из героев этой книги И. И. Мещанинов[766].

Поскольку рядом с вишапами не были найдены другие археологические памятники, которые могли бы пролить свет на их происхождение, то Марр в соответствии с принятой методикой постарался привлечь все известные письменные и устные свидетельства, способные пролить свет на их происхождение. Выяснилось, что слово «вишап» (грузинское написание – «вешап») присутствует во многих памятниках армянской, грузинской, осетинской, персидской и турецкой средневековой литературы и

фольклора. Переосмысленное в христианскую эпоху, оно означало злого дракона или змея и часто связывалось с подвигами архангела Гавриила или Георгия Победоносца. На основании косвенных данных и умозаключений из области палеонтологии речи и яфетидологии Марр датировал появление вишапов серединой 1-го тысячелетия до н. э., связав их с протоармянской языческой культурой Урарту, с племенными тотемами. С его точки зрения, они символизировали жертвоприношение духам воды, так как были установлены вблизи древних ирригационных сооружений. Его точку зрения поддержали Смирнов, Мещанинов, Пиотровский. После их довоенных исследований новых изысканий на эту тему практически не проводилось, и научный мир принял марровские датировки и выводы, хотя они были добыты «антинаучными», специфически марровскими лингвистическими методами[767]. В 80-х годах XX века появилось смутное сообщение об обнаружении нового вишапа с клинописной надписью времен урартского царя Аргишти, что позволяло передвинуть их датировку по крайней мере к концу 2-го тысячелетия до н. э. Но ни исследований, ни информации, подтверждающих подлинность этой находки, больше не появлялось. Думаю, что это очередная фальсификация, расцветшая пышным цветом на псевдонациональной почве при общем упадке гуманитарных наук на просторах бывшего СССР.

Марр обладал очень мощным ассоциативным воображением. Некоторые его ассоциации поражают глубиной проникновения в самые таинственные области истории человеческого мышления, но они же часто уводили его далеко прочь от проблемы. Рассматривая каменное изображение рыбы, Марр по ассоциации не мог не вспомнить гигантскую библейскую рыбу-кита, проглотившую пророка Иону. Сопоставив армянский и грузинский переводы этого места Библии, он пришел к неожиданному выводу: «Пока в отношении вишапов можем сообщить, что первые же христианские апологеты у армян старались представить их змеями, внушить народу, что в вишапе надо признать соблазнителя человеческого рода, сатану, врага и т. п. Но и они не могли скрыть, что вишапов армяне представляли как рыб. Не могли этого скрыть, так как подобное народное представление о вишапе оставило свой след в тексте Св. Писания. И сейчас в древнегрузинском переводе, например, Ионы в соответствии слову “кит” читается vешар-

i. Грузинская Библия была первоначально переведена с армянского и впоследствии исправлена по греческому подлиннику, но это чтение vешар-i не было устранено. По греческому подлиннику исправлялся с течением времени и армянский текст, первоначально переведенный с сирийского, и вот в армянском заимствованного из греческого… вытеснено первоначальное чтение vешар, но не во всех случаях – иногда читается… “рыба-вишап”. Первоначальный армянский текст через сирийский перевод, где читается… “(великая) рыба”, поскольку восходит к еврейскому подлиннику с его… “рыба”»[768]. Осуществлен армянский перевод Библии, по мнению Марра, не позднее V века н. э.

Когда размышляют о Кавказе в связи с Ветхим Заветом, то чаще всего вспоминают Ноя, потоп и Арарат, к которому причалил ковчег. В Библии праотец армян Арам упоминается как один из близких к праотцу евреев Симу. (По свидетельству поэта Валерия Брюсова, великий польский композитор Фридерик Шопен предполагал, что человечество до потопа говорило на армянском языке[769].) Трудно поверить в то, что армяне, жившие географически близко и примерно в одно историческое время с библейским народом, не были знакомы с ветхозаветными сюжетами, связанными с топографией и историей их страны, задолго до V века н. э., то есть до принятия христианства. Существует мнение, что в Библии рассказывается о том, как Ноев ковчег причалил именно к горе Арарат. На самом деле там говорится менее определенно: «И остановился ковчег… на горах Араратских» (Быт. 8, 4). Может быть, каменные рыбы, найденные в Гехамских горах, примыкающих непосредственно к вершине Арарата, – это символическое напоминание о днях потопа и границе высоты спавшей воды, а каменные шкуры животных – символические жертвоприношения в знак спасения человечества? Это может объяснить, почему так высоко в пустынных горах появились изваяния и изображения, связанные с водой. Марр же связывал их с древнейшими ирригационными сооружениями, якобы пролегавшими в этих местах. Но, как уже говорилось, более поздние исследования таковых не обнаружили. Обращаю внимание на то, что во время Всемирного потопа морские животные, рыбы и водоплавающие птицы не могли погибнуть, что подчеркивается и в Библии. Не отсюда ли цапли, водяные змеи и льющиеся струи воды, высеченные на изображениях рыб?

На том же библейском материале можно построить еще одну версию: а не являются ли эти изваяния библейскими чудовищами, Левиафаном и Бегемотом? В книге Иова Левиафан описывается как гигантская рыба-дракон или рыба-змея; этим, возможно, и объясняется переосмысление слова «вишап» в армянской и турецкой средневековой мифологии, на что указывал Марр. В свою очередь, библейский Бегемот описывается своеобразными символами, и его легко спутать с волом или другим травоядным животным: «Вот бегемот, которого Я создал… он ест траву, как вол… Горы приносят ему пищу… он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах… Возьмет ли кто его в глазах его и проколет ли ему нос багром» (Иов. 40, 10, 15, 19). Как горы могут дать речному животному (бегемоту) пищу? На некоторых вишапах отчетливо видна стилизованная голова бегемота (особенно на вишапе № 6), а шкуры буйволов и волов можно рассматривать как жертвоприношения этим мистическим животным в дохристианские времена. Цапли и змеи в основном встречаются на скульптурных изображениях «бегемотов» с накинутыми на голову шкурами жертвенных быков, возможно, потому, что они (цапли и змеи) и в природе сопровождают бегемотов. Но как горные кавказские племена, живущие вдали от тех мест, где водились бегемоты (Нил?), могли их более или менее похоже изображать в камне, остается загадкой.

Все это мои домыслы, навеянные красивыми библейскими историями, тем более что памятники Гехамских гор, открытые и описанные Марром, ничем не уступают по своему значению для истории человечества немым мегалитическим сооружениям Европы, каменным скульптурам острова Пасхи или наскальным рисункам пустыни Сахара, давно обросшие многослойной научной мифологией.

В заключение своего доклада, опубликованного всего лишь в количестве 400 экземпляров и с тех пор ставшего библиографической редкостью, Марр сказал: «Загадочные памятники-вишапы относятся к такой эпохе, о которой не существует и не может существовать никаких современных показаний, ни местных, ни иностранных… Основным и первым источником по вопросу о каменных рыбах Гехамских гор мне представляются языки первоначальных обитателей Армении и вообще всего яфетического мира. Единственно строго-научный анализ богатых яфетических языковых материалов, поддержанный археологическими

материалами и разысканиями переживаний в местных же этнографических явлениях, может нам открыть яфетический мир в отношении религиозных верований и уяснить нам взаимоотношения яфетической культуры с семитическою и классическою, и только подготовив эту почву и осторожно работая на ней, можно будет бросить действительный свет и на частный, хотя и чрезвычайно важный вопрос о наших вишапах»[770]. Здесь интересна постановка вопроса о «вскапывании» живых и ныне мертвых языков на манер археологических памятников, способных пролить свет на доисторию человечества.

Известного отечественного археолога Бориса Борисовича Пиотровского судьба свела с Марром как раз в то время, когда тот закончил рукопись о вишапах. В мемуарах, написанных на закате жизни, Пиотровский вспомнил, как чуть ли не при их первой встрече академик «вынул из ящика стола свою рукопись о каменных стелах – вишапах и стал… ее читать. Чтение было долгим, сложным и не всегда понятным»[771]. Но именно эта тема легла в основу одного из самостоятельных исследовательских направлений будущего блестящего ученого-кавказоведа и египтолога. Он вспоминал: «К юбилею “Давида Сасунского” (1937 год. – *Б. И.*) было выпущено несколько книг и среди них моя брошюрка “Вишапы”, которую я написал вместе с С. К. Карапетян. Ее задачей было краткое изложение основных положений Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова по их книге, изданной в 1931-м, но довольно сложной по форме повествования. В своей брошюре я дал небольшой новый материал, а в основном развил семантические связи дракона с водой и трансформацию божеств с течением времени. Профессор Манук Абегян, находившийся в оппозиции к юбилею, сурово раскритиковал мою книгу. Критикуя, по существу, мнения Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова, М. Абегян накинулся на меня, обвинил в недоказанности и произвольности семантических связей, придрался к опечаткам. Не признавая семантическую закономерность образов мирового фольклора, М. Абегян вдруг совершенно неожиданно и неоправданно сделал вывод о том, что “вишапы” Армении связаны непосредственно с сирийской богиней Деркето. Такую прямую связь признать трудно, а обосновать невозможно. Вся злоба, которую автору хотелось направить на Орбели и Марра, была вымещена на мне. Г. А. Капанцян сказал мне, что он с книжкой Абегяна не согласен. А сам

автор позже, когда вышла моя книга об Урарту, ее очень хвалил, как бы компенсируя выступление против моей книги о вишапах»[772].

Происхождение и точное назначение вишапов не установлены до сих пор. В любом случае их рассматривают вслед за Марром как древнейшие символы жертвоприношений.

* * *

Как и большинство людей, даже тех, кто родился на Кавказе, Сталин узнал о существовании каменных вишапов только из трудов Марра, поскольку до 1909 года о них, кроме горных пастухов, никто ничего не слышал. Спустя много лет, в 1950 году, громя «новое учение о языке», Сталин читал книгу одного из последователей Марра, известного историка древней грузинской культуры Ш. Я. Амиранашвили. Тогда Сталин исправил в его книге написание названия древних каменных тотемных столбов, найденных в Грузии с армянского на грузинский. Историк написал: «Вишапы, как теперь окончательно установлено, были связаны с горной ирригационной системой», а Сталин на полях слева поправил: «*Вешапы*»[773].

«Некто в барсовой шкуре»

Заголовок известной во всем мире поэмы Шота Руставели можно перевести на русский язык различными вариантами, что и демонстрировал Марр, много раз возвращаясь к этому грандиозному произведению грузинской литературы. Это и «Барсова кожа», и «Юноша в барсовой коже», «Витязь в барсовой шкуре», «Одетый в барсовую шкуру», «Витязь в тигровой шкуре» и др. Все названия достаточно условны, тем более если учесть, что тигры на Кавказе не водятся уже много тысяч лет. Впрочем, герои поэмы действуют главным образом в странах условного Восточного мира, включая сказочную Индию, где тигры живут и сейчас. Поэма, приписываемая Шота Руставели, очень необычна, в ней много тайн, не разгаданных до сих пор. В одном из конспектов Марра я нашел комментарий по поводу поэмы: «Загадка как “Слово о полку Игореве”»[774]. Можно ли найти между этими, очень разными произведениями связь? Кажется, нет,

кроме той, что официальная точка зрения относит и ту и другую поэму к XII веку. Вдобавок к этому можно отметить сходство обстоятельств, при которых были обнаружены оба памятника. Считается, что единственная рукопись «Слова о полку Игореве» была найдена известным русским собирателем графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Рукопись была издана в 1800 году, затем первоисточник сгорел в огне московских пожаров 1812 года. Достоверность этой истории, как и подлинность памятника, давно подвергается сомнениям, а после работ одного из крупнейших историков второй половины XX века, А. А. Зимина, отнесшего происхождение «Слова» ко второй половине XVIII века, мне кажется, стала совсем сомнительной. XVIII век (как и последующие века) прославился своими грандиозными историческими подделками, апофеозом чего стали знаменитые «Поэмы Осиана», «Велесовы книги», «Тмутараканский камень» и т. п. Удревнение и «обогащение» задним числом своей истории – давняя болезнь отдельных национально ориентированных, научно-наивных деятелей. Мало кто знает, что Сталин, занимаясь проблемами языкознания, в 1950 году также затронул проблему «Слова о полку Игореве».

И поэма Шота Руставели была обнаружена при подозрительных обстоятельствах. Как и «Слово о полку Игореве», она не оставила о себе никаких следов в тысячелетней историографии, литературе, поэзии или изобразительном искусстве грузинского народа вплоть до конца XVII – начала XVIII века. Точнее, поэма стала известна после того, как ее в 1712 году издал грузинский царь Вахтанг VI. Эта публикация была встречена крайне недружелюбно церковными кругами, вплоть до того, что патриарх Грузии Антоний I, который сам был не чужд писательства и идей просвещения, предал несколько экземпляров книги публичному сожжению, то есть анафеме. (По другой версии, утопил в реке Куре.) И было за что. Поэма написана так, как будто автор лучше знает Индию, Аравию, Китай, чем Грузию; больше того, он как будто не христианин вовсе. О том, что произведение принадлежит поэту Шоте из грузинского местечка Рустави (населенных пунктов с таким названием было несколько) и что автор по национальности месх (одно из грузинский племен), читатель узнает только из введения. В нем же упоминается грузинская царица Тамара, жившая в конце XII – начале XIII века, которой автор в лучших традициях западноевропейской рыцарской литературы посвящает свое

произведение. Как во введении, так и в тексте обширной поэмы (более 16 тысяч строк) нет ни одного слова о Христе, нет ни одного символа веры христианства, что невозможно для человека средневековой христианской культуры. Западноевропейские произведения того же времени («Песнь о Роланде», «Песнь о моем Сиде», «Песнь о Нибелунгах», «Тристан и Изольда» и др.) пронизаны христианской символикой. (Кстати, только в заключительных строках она присутствует и в «Слове о полку Игореве», зато языческих символов там в избытке.) На этом странности не кончаются. В первых двух строфах введения автор «Витязя» провозглашает свой символ веры:

Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людям дал весь мир – несметной многоцветности цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.

Бог единый, ты – прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел![775]

Похоже, здесь представлена мусульманская интерпретация божества, идея крайнего монотеизма и нет даже намека на Святую Троицу, Святой Животворящий Крест, Богородицу и т. д. Нет, правда, и упоминания имени пророка Мухаммеда. При желании можно обнаружить и влияние неоплатонизма (на что указывал Марр и некоторые исследователи). А мы добавим: влияние неоплатонизма в интерпретации Филона Александрийского («Бог единый – ты прообраз всех земных и горних тел»). Впрочем, здесь можно узреть и персидский, исламский компонент. Марр обнаружил влияние ислама в вольнодумной интерпретации бахтияров – племени, обитавшего на юге Ирана.

В том же введении к поэме автор как будто проясняет все эти странности:

Сказка персов по-грузински мною песенно дана,
Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;

Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.

Казалось бы, внесена ясность – персидская сказка была переведена на грузинский язык, а Шота Руставели в лучших традициях Новейшего времени открывает первоисточник своего вдохновения и заимствования. Средневековая эпоха такого демонстративно ревностного отношения к первоисточнику и к авторскому праву, кажется, не знает, а знает практически полное игнорирование авторов-предшественников. Средневековые авторы часто по собственному почину приписывали то или иное произведение громким именам древности. Имя Шота Руставели к таковым не относится. До 1712 года о поэме и ее авторе никто ничего не знал.

На протяжении трех столетий исследователи пытались обнаружить ту саму персидскую сказку, легшую в основу грузинской поэмы. Тщетно. Судя по всему, сюжет оригинален, он многопланов, в нем много сюжетных линий и практически нет литературных параллелей с другими памятниками той же эпохи. Согласно одной из версий, выдвинутой профессором Д. И. Чубиновым (XIX век), автор поэмы зачем-то сознательно отвлекает внимание читателя ложной «персидской» версией, в то время как даже сюжет не был заимствован, а является оригинальным. Руставели решил иносказательно прославить свою великую царицу Тамару, в которую был безнадежно влюблен. Иная версия принадлежит известному публикатору и исследователю поэмы А. С. Хаханову. Находясь в русле традиций классической филологии XIX века, Хаханов пытался найти истоки произведения в народной поэзии XII века, подобно тому как «Фауст» и «Гамлет» восходят к средневековым народным сказаниям. Обе версии очень сомнительны: в основном тексте поэмы имя Тамары не упоминается, а одна из главных героинь носит арабское имя Нестан-Дареджаны, чья судьба не имеет никакой связи с судьбой грузинской царицы. Имя другого главного героя – Тариэль (тот самый, кто был облачен в тигровую шкуру) – как будто встречается в народном грузинском песенном фольклоре, но никаких точных датировок я по этому поводу не обнаружил. Другие герои (Тинатин, Автандил и др.) носят арабские или персидские имена. Достоверно установлено, что в тексте масса арабских, персидских, армянских, турецких по происхождению слов. Со времен Марра объяснить их нахождение в тексте поэмы никто

всерьез не пытался, год за годом упорно воспроизводя устоявшиеся восторженные оценки. На Кавказе до сих пор низка культура уважения к достоверности первоисточника и к исторической критике, впрочем, и у нас с советских времен она не очень высока.

Личность и имя автора поэмы также во многом загадочны. Имя Шота (сокращенное от Ашота), скорее всего, не грузинского (христианского) происхождения, так как не встречается в святцах. По поздним преданиям, Шота получил образование в Греции, на Афоне, затем служил казнохранителем у царицы Тамары. На одной из грамот 1190 года сохранилась подпись некоего Шоты, но имеет ли к ней отношение автор поэмы, неясно. Опять же, по преданию, влюбленный поэт по приказанию своей повелительницы сочинил поэму. Затем, возможно, женился и был из ревности обезглавлен(?). По другой версии, Руставели поселился в Иерусалиме, при соборе Святого Креста, построенного грузинскими царями, где и закончил земной путь, не написав больше ни строчки. Впрочем, иные предания рисуют иные перипетии его жизненного пути. До недавнего времени на одной из колонн этой церкви (принадлежит теперь Греческому патриархату) был изображен старец в одежде средневекового сановника. Грузинская надпись гласила, что это изображение Руставели. Считается, что впервые об этом изображении сообщил грузинский митрополит Тимофей (XVIII век). Затем ее заштукатурили и вновь расчистили только в 60-х годах прошлого столетия. В 2009 году фреска была варварски частично уничтожена, что вызвало международный скандал.

В библиотеке Сталина я обнаружил книги на грузинском языке: «Две древние редакции грузинского четвероглава по трем Шатбердским рукописям (897, 936 и 973 гг.)» (Издательство АН Грузинской ССР, 1945, в серии «Памятники древнегрузинского языка»); Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с дарственной надписью Сталину[776]. Насколько я знаю, эти источники и их публикация не подвергались серьезной и независимой научной критике, история текстов до сих пор неясна.

В отличие от героев «Тристана и Изольды», так и не испытавших полного любовного единения, герои и героини «Барсовой кожи» после множества гонений со стороны злой судьбы и долгих скитаний в конце концов соединяются брачными узами. С XVII века поэма прочно вошла в контекст грузинской культуры и стала пользоваться чрезвычайной

популярностью с оттенком религиозного благоговения. Поэма переведена, частью в полном виде, частью в отрывках, на языки: немецкий (1880), французский (1885), английский, польский и армянский. Существует несколько полных переводов поэмы на русский язык: К. Д. Бальмонта, П. А. Петренко, Г. Цагарели, Ш. Нуцубидзе, Н. А. Заболоцкого и Б. Брика[777].

Интерес Марра к поэме был вызван как филологическими и лингвистическими проблемами, так и в связи с тайной ее происхождения и с необычными напластованиями христианской и мусульманской культур, своеобразной смесью грузинских, персидских, арабских и армянских поэтических традиций. По мнению Марра, на них, в свою очередь, еще раньше влияла византийская культурная среда и доисламская персидская культура. В этой поэме Марр увидел яркую иллюстрацию все более захватывавшей его идеи о взаимовлиянии, скрещивании и благотворной трансформации, казалось бы, несовместимых культур. Со времен господства колониальных христианских империй влияние христианской культуры на ислам, а тем более влияние исламской культуры на христианство практически не учитывалось и не изучалось. Еще меньше было известно о многовековой борьбе и мирном сосуществовании мусульманских и христианских народов Малой Азии, Ближнего Востока и Кавказа, выработавших общую синкретическую культуру[778]. Марр писал: «Естественно, что чуждая Кавказу исламская культура отвечала на общественные запросы христианских народов и, открывая им новые, раньше неведомые горизонты художественно-литературного творчества, оказалась источником возрождения их литературы так же, как в новой Европе знакомство с творениями античного мира послужило к развитию литературных вкусов молодых европейских народов». К списку культурных влияний на Кавказе Марр неизменно добавлял влияние турок-сельджуков[779].

С началом научной карьеры и до смерти Марр постоянно возвращался к таинственной поэме и явно наслаждался ее чарующим слух грузина языком, у которой «ритмы неугомонны до шаловливости, а то серьезны до торжественности, и, соревнуя с ними, угрожающие монотонностью созвучия богатейших рифм, порой с шумом водопада, свергаются с высот»[780]. При этом он неоднократно отмечал, что адекватно перевести поэму практически невозможно: «Грузинского

стиха нельзя перевести точно на русский, ибо у русских уже формально-логическое аналитическое мышление, тогда как у грузин тотемическое синтетически-образное мышление и в стройке самих слов»[781]. Известные трудности адекватного перевода любого иноязычного текста, в особенности художественного и поэтического, Марр связывал со стадиальностью развития языка-мышления, выделяя стадиально более ранние и поздние языковые и культурно-исторические формации. Выходило, что носители грузинского языка мыслили больше поэтическими образами, а носители русского языка обладали формально-логическим, аналитическим мышлением и поэтому, утверждал Марр, так трудно совместить в поэтических переводах две языковые культуры.

В 1910 году Марр написал основополагающую статью, как всегда озаглавив ее несколько вычурно: «Вступительные и заключительные строфы “Витязя в барсовой шкуре”», в которой отмечал, что хотя фабула поэмы обработана для грузин, «казалось бы, ревностных христиан», она «вся… проникнута свободным от христианской церковности светским духом». В этой статье Марр, сравнивая поэму с западноевропейским рыцарским эпосом, отметил, что в средневековой Грузии рыцарство и идеализированная любовь к женщине носили особый местный колорит и не могла быть заимствована из чужих литературных памятников. Он утверждал, что Руставели – автор всей поэмы, а не только вводной и заключительной частей, что пытались доказать некоторые исследователи. Марр на материале поэмы пытался дать обоснование давно разрабатываемой проблеме благотворного культурного и духовного общения мусульманского и христианского средневековых миров[782]. Марр утверждал, что в эпоху европейского Возрождения Грузия находилась под сильнейшим влиянием Персии и поэтому ее литература ориентировалась на персидские образцы. Это не значит, что грузинская литература была исключительно подражательной и состояла только из персидских переделок, но в таком контексте становится понятнее, утверждал он, формальное персидское влияние на поэзию Руставели[783]. Из введения к поэме известно, что Шота называет себя уроженцем Месхетии, а это, по мнению Марра, «дает ключ для объяснения арменизмов в речи Шоты, ибо мехский говор по непосредственному живому общению с южным соседним языком, армянским, мог содержать в себе армянские слова»[784]. Иначе

говоря, язык Руставели – это не язык книжный, а язык разговорный, в котором отразилась «народная исламская культурность». Больше того, это «среда и эпоха той культурно мусульманизированной грузинской общественности, откуда не только родился поэт Шота, но и в культурно-исторических условиях которой возникло само его творение, родилось материально и вылилось духовно само в его известные формы»[785]. Таковы были условия в Месхетии в XII–XIII веках. Но они были характерны и для остальной Грузии. (Из источников известно, что дед Тамары, царь Дмитрий, из уважения к своим подданным-магометанам ходил на пятничную службу в мечеть.)

Марр недоумевает по поводу конфессиональной принадлежности Руставели. «Руставели говорит о едином боге, – пишет он в своих заметках, – но ни слова о Троице, ни намека о Богородице… Да к тому же единый бог Шоты не имеет ничего общего и с магометанским религиозным восприятием единства, исключающим соприсутствие в нем какой бы то ни было иной положительной или доброй божьей силы в каком бы то ни было образе…

Шота игнорирует не только христианскую религию, но и грузинскую родину как территориальное явление или территориальную величину. Так для чего или для кого воевали эти витязи и вояки, дружинные всадники или ватажники? Для членов этой организации было совершенно безразлично для кого. Для тех, кого Шота, тоже ватажник, услаждал как певец своими поэтическими произведениями»[786]. Иначе говоря, по Марру, герои поэмы типичные представители ранней феодальной эпохи, с легкостью менявшие свой вассалитет независимо от территории и конфессиональной принадлежности своего патрона. Отметим, что между Западной Европой и мусульманскими странами такого типа вассалитет был редкостью (может быть, только в Испании в период арабского господства). А вот в Восточной Европе это было обычным явлением: Московское, Литовское и Польское феодальные государства постоянно обменивались вассалами и правами вассалитета не только между собой, но и с Казанским и Крымским ханствами, с северокавказскими мусульманскими родами. Нет ничего странного в том, что и на самом Кавказе феодалы и феодальные государства разных конфессий находились в тесных отношениях.

Марр стал вникать в учение Маркса об общественно-экономических формациях в преклонном возрасте, в начале 30-х годов, и, возможно, поэтому он никак не мог определиться, к какой эпохе, в конце концов, отнести время творчества Руставели. У него поэма никак не вписывалась в известные марксовы формации. То он писал, что «Шота – создание феодального общества Грузии, но феодализм этот качественно особенный, ранний, отнюдь не отмежевавшийся от родового, более того от предшествующего родовому на крови строю с тотемическим мышлением…»[787] Или указывал, что поэма имеет «свое яркое феодальное, а то и не менее яркое феодально-буржуазное (своего рода помесь) лицо в соответственной, отнюдь не массовой, а классовой речи господствовавшего слоя наличной тогда социально-экономической формации»[788]. Такого рода «перескоки» от одной формации к другой были обычным явлением для ранней, еще не закостеневшей в своем догматизме советской историософии (20-е – начало 30-х годов XX века). Но в данном случае эта запись скорее отражает неуверенность Марра относительно времени происхождения поэмы, в чем он публично почти никогда не признавался.

Многие исследователи пытались объяснить отсутствие ранних списков поэмы и даже упоминаний о ней до конца XVI – начала XVII века разрушительным монгольским нашествием на Грузию в XIV веке. (Как и отсутствие ранних списков «Слова о полку Игореве» в России.) Марр соглашался, что перелом в культуре, конечно, тогда наступил, но он был «связан с нашествием монголов не как с разрушителями вообще культуры, а разрушителями старой культуры путем последовавшей за утверждением их власти смены сословия и класса, перехода творческой роли в другую социальную среду, где прежние и литературно-художественные вкусы и удовлетворявшие их творения шли насмарку». Новые сословия якобы потеряли к поэме интерес, и она поэтому едва не погибла в забвении в последующие века. Однако, продолжал он, к XVII веку, когда был обнародован памятник, положение во всей остальной Грузии изменилось: крестьянство в массе своей оставалось христианским, а знать была мусульманская. Правда, и в ее рядах можно было подметить различные «ступени исламизации». Это удивительное скрещивание в Грузии конфессий и культур отражалось даже в одеждах, которые зачастую представляли собой причудливую помесь османских (мусульманских) и греческих (христианских) одеяний[789].

По мнению Марра, грузинская знать XVI–XVII веков в лице Вахтанга VI «сосавшая всеми порами своего общечеловеческого бытия с художественными запросами непосредственно персидскую, уже чисто мусульманскую поэзию, лицемерно измышляя всяческие небылицы, чтобы снять с поэмы певца из Рустава то, что для христианской классово-национальной идеологии грузин XVI–XVII веков являлось позорным пятном»[790].

Сразу после Февральской революции 1917 года, когда некоторым противникам Марра показалось, что его общественное положение пошатнулось, в периодических изданиях началась дискуссия о национальной принадлежности героев поэмы и принадлежности самого Руставели к исламской культуре[791]. Прежде чем окончательно прийти к выводам, которые были изложены выше и под воздействием этой дискуссии, Марр в 1918 году обратился за советом к видному востоковеду В. В. Бартольду, который в развернутой записке обрисовал ему картину исламского религиозного влияния на Кавказе в XI–XIV веках[792]. Тем не менее в последующих работах, посвященных поэме, Марр смягчил свою позицию по отношению ко времени ее написания и авторства, приблизив ее к общепринятой. Таким образом, в послереволюционных руставеловедческих работах Марр учитывал не только классовый, но и конфессиональный и лингвистические признаки для объяснения происхождения памятника и его причудливой литературной и языковой судьбы, что само по себе было новаторством.

Все же Марра постоянно грызли сомнения в отношении времени создания памятника, но этими сомнениями он не рисковал поделиться прямо и открыто. И хотя многие его руставеловедческие работы содержали глухие намеки по этому поводу, только в одном из конспектов я нашел размышление такого рода: «Проблема же такова, что или Шота жил действительно при Тамаре, и в таком случае образ Тамары, как он рисуется в национальном предании, не соответствует действительности, как неверно исторически изображение Грузии как христианской страны, или историки Тамары и современной Грузии правы, и тогда Шота жил не при Тамаре, а позднее»… Эта проблема «не решена и по сей день»[793].

* * *

По воспоминаниям очевидцев Сталин с юности хорошо знал и прилюдно читал поэму Руставели. Он любил поэзию и, как известно, сам в юности писал стихи. Еще будучи учеником Духовной семинарии в Тифлисе, он нарисовал воображаемый портрет Руставели, и этот рисунок всем очень понравился[794]. В современной библиотеке Сталина есть несколько изданий поэмы на русском языке, но только на одном имеются пометы. Это издание 1937 года с дарственной надписью дочери Сталина Светланы Аллилуевой своему брату: «Милому Васе в день рождения, Светлуха. 4 марта 1944. Примечание: Этот фолиант предназначен для создания уюта, лежа на столе»[795]. Действительно, издание помпезное, в тяжелом переводе цитировавшегося выше Пантелеймона Петренко, который грузинского языка не знал и творил по чужому подстрочнику. Предисловие к изданию написано будущим академиком, учеником Марра кавказоведом Иосифом Орбели, с которым наш герой незадолго до смерти успел рассориться. Но Орбели всю жизнь оставался благодарным своему учителю и поэтому, в предисловии особо отметил его заслуги в изучении поэмы. Повторяя мысль Марра, что Руставели был далек от религиозных пристрастий, он заключил: «Герой в изображении Руставели молится, но молится, обращаясь к небесной тверди и к ее светилам».

Светлана Аллилуева вспоминала, что отец, взяв книгу в руки, любил рассуждать о достоинствах и недостатках этого перевода[796]. В 1938 году вся страна отметила 750-летний юбилей Шота Руставели.

Герои афревразии Тристан и Исольда, или нулевые тысячелетия истории человечества

Среди учеников Марра, по мнению современных филологов и лингвистов, наиболее талантливой была Ольга Михайловна Фрейденберг[797]. Двоюродная сестра крупнейшего поэта России XX века Бориса Пастернака, она еще начинающим исследователем в середине 20-х годов познакомилась с Марром. Привыкший затягивать всех в темный омут своих научных теорий, Марр соблазнил и Фрейденберг палеонтологией речи, «новым учением о языке», яфетидологией. В воспоминаниях о Марре (я их уже цитировал) Фрейденберг писала, что пришла к нему с идеями, которые оказались созвучны его построениям. Как помнится, и Аничков заявлял о своем

научном приоритете перед идеями Марра; позже Фрейденберг также всю жизнь подчеркивала свою научную независимость. Но, в отличие от первого, она никогда не отрекалась от своего учителя, хотя в самый расцвет марризма вступала с ним в открытую полемику, а после 1950 года наотрез отказалась участвовать в его развенчании, за что и поплатилась карьерой. На закате жизни она писала в стол: «Критика теории Н. Я. Марра, которого я глубоко уважала, вызывалась чисто научными причинами. В разгар насильственного насаждения его теории я не могла предполагать, что последует за 1950 годом»[798].

Действительно ли Фрейденберг пришла к Марру с похожими взглядами на семантику мифа и трансформацию его архетипов, на зарождение классических литературных жанров, или это было не совсем так, но благодаря Марру она в 1924 году защитила первую в СССР абсолютно марристскую, не проходимую у классических филологов диссертацию. Затем была приглашена им в Институт яфетидологии руководить сектором семантики мифа и фольклора. По ее собственному признанию, это было время ее особенного творческого подъема. Перед сектором семантики Марр поставил не совсем обычную задачу: используя сюжет средневековой западноевропейской поэмы «Тристан и Изольда»[799], проследить его бытование как архетипа в культурах разных эпох и народов. До конца жизни Фрейденберг была убеждена в том, что «яфетидология оказалась тем учением, которое могло оправдать и осмыслить (ее. – *Б. И.*) давнишние интересы и труды. Так как именно она показала место семантики вещи в системе идеологии»[800].

А. Н. Веселовский, выдающийся российский филолог и фольклорист, был среди тех, кого Марр называл своим учителем и предшественником. На материале русского и фольклора других народов Веселовский разрабатывал идею «бродячих сюжетов», то есть заимствования одним народом основной схемы повествования у другого народа и наполнение ее своим национальным содержанием. Эти сюжеты и жанры, раз выделившись законченными произведениями из общего потока народного творчества, вдруг исчезали, иногда на столетия, чтобы неожиданно воскреснуть с обновленным содержанием у других народов. Но «по какому принципу совершалось это выделение, мы решать не станем, – отмахивался Веселовский, – вопросы генезиса всегда темные»[801]. Однако именно «темные»

проблемы больше всего волновали Веселовского, но еще в большей степени они интересовали Марра. Наблюдения за повторяющимися в веках образами и сюжетами привели Марра к идеям, которые, как говорится, «висели в воздухе» науки 20–30-х годов XX века.

Марр неожиданно и, если смотреть со стороны, как бы даже не мотивированно пришел к представлениям о существовании от века в мышлении всех людей устойчивых образов, говоря современным языком, общечеловеческих архетипов. Эта идея не оставляла места ни для гипотезы об уникальной выработке литературных жанров одной, предположительно античной культурой, ни для представлений о бытовании международных «бродячих сюжетов», неизвестно почему так одинаково любимых в разные исторические эпохи народами, даже не подозревавшими о существовании друг друга. Термин «архетип» принадлежит Филону Александрийскому, который понимал его как первообраз, близкий к платоновской «идее», как нечто противоположное инертной материи[802]. Он был взят за основу ранними христианскими мыслителями-иконопочитателями и стал базовым понятием магистральной христианской теологии. В XX веке понятие «архетип» вошло и в научный оборот благодаря трудам крупнейшего швейцарского психоаналитика и мистика К. Г. Юнга. Юнг известен тем, что, изучая народный фольклор и мифологию, работая со сновидениями людей разных рас, этносов и культур (начинал как ученик З. Фрейда), пришел к идее «коллективного бессознательного», в котором сконцентрирован духовный опыт предков. Этот опыт, заявил Юнг, неосознанно передается из поколения в поколение в виде архетипов, то есть универсальных образов. В конечном счете Юнг выделил такие «вечные», общечеловеческие архетипы, как «Великая Мать», «Вечное дитя», «Мудрый Старец» и др. Архетипы явлены нам, утверждал Юнг, как правило, в образах и мотивах сновидений и в мифологическом мышлении[803]. Архетип – это «пустая форма», которая при подходящих обстоятельствах наполняется новым содержанием; архетипы «являются *образцами инстинктивного поведения*»[804]. Так из божественного первообраза Филона Александрийского архетип превратился в смутную тень, от века преследующую человечество (расы, народы) из необъятных глубин «коллективного бессознательного», очень напоминающего древнегреческое царство теней (Аид). Фрейд и большинство

психоаналитиков отнеслись к концепции Юнга скептически[805], но в широких кругах она стала популярной.

Первые печатные работы Юнга на тему архетипов появились не ранее 1930 года. Марр идею архетипа разрабатывал по крайней мере с начала 20-х годов, а термин впервые употребил в печати не позже 1927 года. Конечно, вряд ли Марр был новооткрывателем этого ныне модного понятия, но он был одним из первых, кто еще до Юнга высказал саму идею скрытных общечеловеческих психических форм, причем в ином, более рациональном, чем Юнг, контексте. Если Юнг особенно подчеркивал, что бессознательные универсальные формы психики необходимо отличать от того, что приобретено с помощью языка и письменности (криптомнезии), то Марр искал и находил архетипические образования в первую очередь в языке, не явно передающем в обновленных формах былые скрытые ныне значения, то есть смыслы. Язык и письменность – явления рациональные, и, в отличие от «коллективного бессознательного», поддаются проверке, верификации. А вот к поискам архетипических структур в мировой мифологии Марр приступил еще раньше, и здесь он, без сомнений, прямо отталкивался от идей Веселовского, который, в свою очередь, находился под влиянием знаменитого немецкого этнографа и антрополога второй половины XIX века А. Бастиана. Последний высказывался в таком смысле, что человечеству в целом (не расово или национально!) присуще сходство психической организации, объясняющее наличие у разных народов появление одинаковых мифических образов и представлений[806].

Ни о каком мистифицированном «коллективном бессознательном» речи также не было. В XIX веке идея существования общечеловеческих психических универсалий высказывалась скорее как рабочая гипотеза и доказывалась описательными методами. Даже Веселовский, а затем и Юнг, которые объективно продвинулись очень далеко в этом направлении (в поиске общечеловеческих образов-архетипов), действовали скорее как аналитики и не разрабатывали каких-либо специфических или тем более формализованных методов исследования[807].

Марр шел своим путем. Он плохо владел искусством концентрировать мысль в точных и ярких формулировках на русском языке, но в своих трудах начала 20-х – середины 30-х годов понятие

«архетип» использовал очень широко и в палеолингвистических исследованиях, и в неразрывно с ними связанных исследованиях о зарождении мифологии как начальных этапах развития языка-мышления человечества. В 1927 году Марр закончил важнейший труд, который озаглавил: «Иштарь. (От богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы)». Резюмируя эту работу, отметим, что в ней он не только использовал понятие «архетип», но и дал ему свою особую трактовку. Марр утверждал, что человечество, «творя и лепя свою речь» из различных элементов, действовало удивительно согласованно и закономерно, под воздействием «коллективной воли»[808]. В качестве модели, позволяющей судить о такой согласованности, Марр избрал трансформацию образа богини Иштарь, известную из библейских и археологических источников, как одного из главных божеств шумеро-вавилонского пантеонов. Используя материалы различных мертвых и живых языков, Марр при помощи «палеонтологического анализа» пытался проследить трансформацию этого архетипа «матриархальной любви» от протомифологических времен и до литературных произведений феодальной Европы. В работе интересные и парадоксальные мысли изложены довольно бессистемно, но для нас важно то, что в этом труде он в очередной раз увязал архетип «Иштари» с архетипом, воплощением которого была «богиня воды Исольда». Это имя впервые появилось в работах Марра еще в 1923 году, когда он одним из первых советских ученых был официально командирован в Париж, где прочитал доклад, в котором поставил вопрос об истоках средневековой французской поэмы «Тристан и Изольда»[809]. На протяжении последующих лет и до самой смерти Марр постоянно возвращался к этому произведению[810]. Что же в нем так привлекало Марра?

Вернувшись из Парижа домой, в 1924 году в работе «Об яфетической теории» Марр писал: «Даже такой сравнительно поздний средневековый памятник, как роман “Тристан и Исольда”, оказался наследием эпоса, сродного с гомеровским, и вместе с ним наследием доисторического сказания тогда, конечно, не о влюбленных, а о космических героях, боге и богине любви, солнце-Тристане и воде-Исольде, доисторической Афродите… в Средиземноморье этрусской Туран[811]. В Передней Азии Иштари. Кстати, пусть возмущаются или смущаются противники яфетидологии, но факт, что все это имена

одной и той же богини любви, кроме Афродиты, то есть Исольда, и Иштарь, и Туран и др., закономерные разновидности одного и того же слова; это такой же факт, как то, что Земля вертится»[812]. Взывая к тени Галилея (не меньше!), Марр, как всегда, высказывал скорее парадоксальные захватывающие догадки, чем обоснованный факт, хотя эти догадки и обставлялись многочисленными примерами из палеонтологии речи. Уже в те годы противники Марра, а позже даже его официальные сторонники стали утверждать, что палеонтологический анализ, для которого Марр разработал целую систему оригинальных формализованных приемов, отдаленно напоминающую современный аппарат структурной лингвистики, решительно не годится, и что его выводов никто не может воспроизвести. Для того чтобы современному читателю дать некоторое представление об этих приемах, приведу небольшой фрагмент из заключительного раздела работы «Иштарь»: «Итак, Иштарь, богиня любви, вышедшая из “неба-воды”, успела переродиться в образ героини и страдательной любви – Исольду (Iseult), имеющую также независимую параллель на Востоке иранском и армянском, в Сартенике у армян, если не *I+sar+ik’e, и у персов в Bace (Wi-sa, *wi-sar, ср. bi-mta, bi-sar, собственно *Wi-sal). Всех их первоисточник доисторическое население вообще Средиземноморья быть может, вернее – Афревразия, в частности и Азербайджана»[813]. Азербайджан упомянут здесь не случайно, в 30-х годах именно там сложился идейный центр марризма. В Баку Марр прочитал свой ставший тогда же знаменитым «Бакинский курс», в котором более или менее систематично попытался изложить основы теории происхождения и развития языка-мышления.

В XIX веке во многих странах Европы началась работа над созданием универсального международного языка и письменности. Очень может быть, что и Марр увлекся этой идеей в то время, когда перед ним возникла задача графически одновременно описать фонетические и семантические переходы от одного языка в другой, независимо от языкового семейства и времени происхождения языка. Иначе говоря, если горячие головы бились над созданием будущего общечеловеческого способа общения и письменности, то Марр решал обратную задачу: создать универсальный способ описания всех языков мира, чтобы пробиться к истокам принципов общечеловеческого мышления. Мне кажется, что для этой грандиозной цели он пытался на

свой лад воплотить идеи пазиграфии, точнее, пазилалии – универсального письма с фонетическим эквивалентов символов[814]. Надеюсь, когда-нибудь и здесь наступит ясность. Только позже, когда Марр будет вовлечен в процесс создания общих основ письменности для всех народов СССР, с возможным решением этого вопроса во всемирном масштабе после мировой социалистической революции, он попытается предложить свой «универсальный аналитический алфавит».

Заполучив талантливую и восторженно к нему относившуюся О. М. Фрейденберг, Марр предложил ей и ее группе проследить развитие архетипов «Тристана-солнца» и «Исольды-воды» от раннего европейского Средневековья и до доисторических времен, то есть использовать историческую регрессию как метод, что в то время также было новаторством. Для этих целей они должны были привлечь не только традиционную аналитику, но и формальный аппарат разработанный Марром. В 1932 году Институт языка и мышления издал сборник «Тристан и Исольда. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н. Я. Марра». И если в подзаголовке работы Марра было указано, что исследование ведется в прямой исторической «перспективе»: «Иштарь. От богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы», то подзаголовок коллективного сборника предполагал обратное движение: «От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии»[815]. Впрочем, как то, так и другое заявление отражало скорее намерение, – слишком непомерными были поставленные задачи, но это были первые научные заявки на структурный анализ мифа, доведенный вплоть до его предполагаемых первоистоков. Статьи сборника «Тристан и Исольда» написаны как маститыми, так и сравнительно молодыми исследователями, главным образом искренними последователями Марра. Позже Фрейденберг вспоминала, почему она не лингвист, а филолог и литературовед взялась за эту необычную по своей цели работу: «Я задумала организовать в… секции коллективную работу над любимой давнишней темой Марра – литературоведческую работу над сюжетом Тристана и Исольды. Сама я считала, что этот сюжет с теоретической точки зрения не имеет особых преимуществ перед другими сюжетными

темами… Однако разработкой именно этого сюжета я хотела отдать благодарности Марру…»[816]

Считается, что роман «Тристан и Изольда» был создан в раннем европейском Средневековье (XI–XII века), во Франции, а в его основу легли старинные кельтские мифологические и поэтические мотивы. Предположительно он входил в цикл сказаний о рыцарях Круглого стола[817]. Несмотря на огромную популярность в Средние века, до Нового времени произведение дошло в разрозненных фрагментах. Одним из таких фрагментов увлекся немецкий композитор Рихард Вагнер, включивший в свою знаменитую музыкальную эпопею («Кольцо Нибелунгов», 1864 год) одноименную оперу о трагизме запретной любви. Только в конце XIX века француз Жозеф Бедье собрал старинные фрагменты и на их основе в 1889 году издал роман под названием «Тристан и Изольда». Вскоре роман был переведен на многие языки мира, в том числе и на русский язык (1903 год). Именно этот сводный вариант-реконструкция и был взят за основу при подготовке сборника, поскольку, как считали авторы, труд Бедье представлял собой удачный «сюжет сюжетов»[818].

Сюжет романа готически прихотлив и наполнен внутренним драматизмом. Тристан (от *фр*. «грустный»), королевич земли Лоонуа, рано осиротел и, спасаясь от козней мачехи, юношей попал в Тинтагель – ко двору своего дяди, корнуэльского короля Марка, заботливо воспитавшего его и намеревавшегося, по причине своей бездетности, сделать своим наследником. Юный Тристан оказал своей новой родине большую услугу, убив в единоборстве ирландского великана Морхульта, взимавшего с Корнуэльса ежегодную дань в сто юношей, сто девушек и сто коней. После битвы, тяжко раненный отравленным оружием Морхульта, Тристан садится в ладью и плывет наудачу в поисках исцеления, которое он получает в Ирландии же от златовласой принцессы Изольды, искусной врачевательницы. Позже, когда злокозненные вассалы принуждают короля Марка жениться для рождения законного наследника (в обход племянника), благородный Тристан добровольно ищет ему невесту и сватает златокудрую Изольду. В пути на корабле Тристан и Изольда по ошибке выпивают любовный напиток, который Изольде дала на прощание мать для обеспечения вечной любовной связи между ней и мужем. Там же, на корабле, Тристан и Изольда становятся любовниками. Перед свадьбой короля

Тристан обращается за советом к своему воспитателю Гуверналу. Тот предлагает в первую брачную ночь погасить все свечи и подложить королю Марку невинную Бранжьену, служанку Изольды. Так они и поступили, король же не догадался о подмене. Но отныне Тристан и Изольда связаны любовью (любовным зельем) так сильно, как жизнь и смерть. Они тайно продолжают встречаться, но, наконец, их изобличают и осуждают на костер. Они бегут и долго скитаются в лесу. Затем Марк прощает их и возвращает златовласую Изольду ко двору, но Тристану приказывает удалиться из королевства. Много раз от наказания и смерти их спасают верные Гувернал и Бранжьена. Наконец Тристан уезжает в Британию и совершает там ряд новых подвигов. У короля Британии есть сыновья Каэрдин и Ривален и дочь Изольда Белорукая. Однажды во сне Тристан произносит вслух признание в любви своей Изольде Златовласой. Каэрдин же уверен, что Тристан говорит о сестре, Изольде Белорукой. Он рассказывает об этом отцу, и тот с радостью отдает Тристану свою дочь, а Тристан из благодарности не смеет отказаться. Устроен свадебный пир, однако, верный своему чувству к первой Изольде, Тристан не сближается с женой. Когда же Тристан снова был смертельно ранен отравленным оружием, он просит Каэрдина, наследника короля Британии и брата жены, отправиться к возлюбленной Изольде с мольбой приехать и повидаться в последний раз. Они условились, что, если Каэрдину удастся привезти Изольду, на его корабле будет поднят белый парус, в противном случае – черный. Ревнивая жена Тристана, проведав об этом, говорит умирающему мужу, что на горизонте показался корабль с черным парусом. Тристан поворачивается к стене, трижды выкрикивает: «Изольда, дорогая!» – и умирает. Изольда Златокудрая сходит на берег, ложится рядом с телом Тристана и тоже умирает от горя. Их хоронят в двух соседних могилах по обе стороны абсиды храма в Тинтагеле. За ночь из могилы Тристана вырастает, перекидывается через часовню и уходит в могилу Изольды благоухающий цветами терновник (по другим версиям, шиповник и др.). Трижды рубят терновник, трижды он вырастает вновь. Король Марк узнает об этом чуде и запрещает его трогать[819]. Такова очень схематично переданная фабула романа. Что же необычного увидели в ней Марр и его последователи?

Бросается в глаза то, что весь роман как бы соткан из хорошо знакомых образов и сюжетных линий: это и классический «любовный

треугольник», и златокудрая красавица, и ее белокурый двойник, и любовный напиток, и роковой сигнал, передаваемый белыми и черными парусами, и служанка, заменяющая на ложе госпожу, и борьба со злыми богатырями – драконами, налагающими живую дань, и отравленное оружие. Здесь же: золото, камень, кольцо, меч и рука в виде атрибутов героев. Самозваный претендент, ложно приписывающий себе победу над чудовищем и требующий невесту героя. Фантастическая собака, верный друг или приносящая блаженное забвение (подобие древнегреческого Цербера), наконец, растительный образ (терновник) неувядаемой посмертной любви и т. д. Появление всех этих хорошо знакомых образов легче всего было объяснить заимствованиями (так и объясняли). Но какими путями такие заимствования могли происходить, если отдельные образы и сюжетные линии встречаются в столь разных культурах, существовавших в разное время и на разных частях земли? Марр объяснял все это тем, что здесь представлены образы, волновавшие человечество с незапамятных времен, с его раннего детства, когда первые расплывчатые (диффузные) проблески мысли выражаются диффузными образами и звуками, по типу тех, которые учатся различать и произносить современные младенцы. Это те образы, которые прошли с человечеством сквозь всю толщу мировой культуры, в которой они постоянно перевоплощались в зависимости от эпохи, то есть в зависимости от стадии исторического развития мышления-языка и от стадии общественно-экономического развития (формации).

Статьи сборника можно условно разделить на две почти равные части: в первой рассмотрена мифология древних, уже не существующих культур, во второй – сказки и мифы отдельных современных, главным образом восточноевропейских народов. Такая тематика, скорее всего, отражала научные интересы привлеченных к работе людей. При этом очевиден разброс в историческом времени и географическом пространстве, что в случае обнаружения архетипов в языке и мышлении столь разных народов должно было доказать справедливость высказанных Марром положений. Поскольку еще европейскими исследователями было установлено, что сюжет романа заимствован из кельтских сказаний, то именно с них и начинается разговор о трансформациях различных аспектов сюжета в кельтской традиции (ирландцев, бриттов и др.). Затем рассматривается образ

Иштарь-Исольды в древнегерманской мифологии, потом в древневосточной литературе, в «мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья», в античной культуре и даже в библейской поэтике. Вторая часть сборника посвящена анализу архетипов Тристана – Исольды в сказках и мифах народов Кавказа (Грузии, Осетии и др.), а также в русских и мордовских сказках и фольклоре. Везде, утверждали авторы сборника, можно обнаружить сходные образы, сюжетные линии и фабулы. Например, в русских народных сказках, собранных А. П. Афанасьевым (1861 год), Т. С. Пассек, проведя анализ «семантики сюжета», нашла параллели «Тристану и Исольде» в эпизодах поиска героем похищенной красавицы, обладательницы живой воды, которую он добывает в борьбе со змеем[820].

Среди материалов сборника особенно выделяется исследование О. М. Фрейденберг и статьи заменившего ее в руководстве группы палеонтологической семантики мифа и фольклора Яфетического института И. Г. Франк-Каменецкого. У меня создалось впечатление, что именно Фрейденберг на определенном этапе наиболее серьезно восприняла методику палеонтологического анализа Марра и, будучи специалистом в области античной мифологии и литературы, наиболее удачно использовала этот метод в своих исследованиях. В статье «Тристан и Исольда в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья» Фрейденберг рассмотрела как очевидные, так и скрытые параллели в сюжетных линиях и образах древнейших античных мифов, восходящих еще к протоахейскому и микенскому периодам, с образами кельтской мифологии, представленными в средневековом романе о Тристане и Изольде. Отталкиваясь от мифологического материала, она сделала вывод, уводящий внимание читателя за горизонт не только первобытного мышления, но гораздо дальше – к истокам пробуждения мышления как такового. Вывод сделан совершенно в духе учителя: «Что же дает греческий материал для палеонтологии сюжета кельтской поэмы? Прежде всего, если можно говорить об образной подпочве обоих сюжетов, то она заключается в похищении и отвоевании женского божества, глубже – золота, еще глубже – солнечного света. Настоящий герой – это царь преисподней, чаще всего отец, но часто и муж, как Менелай у Елены, как Марк у Исольды… Во всяком случае, король Марк – столько же муж Исольды, сколько и ее отец. Ирландский король, сколько Марольд

и дракон, от которого зависит овладение Исольдой. Она – золото, то золото солнечного света, солнце с золотыми лучами, солнце с золотым светом, луна с золотым сиянием – словом, тот небесный светоч, который в период космического мировоззрения метафорически должен быть отвоеван и отнят у преисподней. Для этого приходит издалека другая небесная ипостась, которая в преисподней теряет свой облик и сливается со смертью; она вступает в схватку с владыкой преисподней и водит, уводит, похищает свою световую сущность… Все перипетии происходят первоначально в одном и том же носителе **диффузного** (выделено мной. – *Б. И.*) космического образа; потом создаются противопоставления, и то мужчина царь смерти или чудовище, то царица смерти или чудовище – женщина»[821].

Обратим внимание на интерпретацию интереснейших марровских понятий: первичный диффузный звук или образ; и первичную дихотомию (парные противопоставления), запустившие, по его мнению, весь механизм мышления, в данном случае выработку осознания противоположности: жизни и смерти, мужского и женского начал, а еще раньше: неба – земли – преисподней.

В духе стадиальной теории Марра Фрейденберг попыталась на своем материале построить стадиальную семантику сюжета. Она утверждала, что за кельтским оформлением сюжета удалось «вскрыть тождество с греческим материалом». А «за греческим оформлением и за кельтским оформлением легко откапывается этап их полного тождества. Этот этап – древнейшая стадия нашего сюжета, еще единая для обоих циклов». Если же идти дальше в глубь тысячелетий, заявляла она, то выясняется, что «первичное единство обоих сюжетов, вытекающее из единства мировоззрений, восходит к доклассовой общественности, к недифференцированному труду, к условиям самого примитивного хозяйства, когда орудием производства служил каменный топор да рука (Марр. – *Б. И.*). Здесь, исходя из марровской модели первичных форм деятельности (труда), мышления и языка, Фрейденберг утверждает, что проблески сознания рождаются в процессе первичной дифференциации образов-понятий, в дальнейшем все более нарастающей от низших стадий развития человеческого общества к стадиям все более высоким. От “собирательного периода” человечество переходит в “охотничий период”, когда и создаются

первые “элементы будущего сюжета” будущих литературных произведений»[822].

И. Г. Франк-Каменецкий, один из старших последователей Марра, заменивший в Секторе семантики мифа не прижившуюся там Фрейденберг, опубликовал в том же сборнике две работы. Будучи гебраистом, он пытался обнаружить семантические параллели между образами романа и образами Ветхого Завета. Следует напомнить, что в свое время Дж. Фрэзер нашел массу параллелей в образном ряде Библии с фольклором древних и примитивных народов Нового времени. По мнению же Франк-Каменецкого, несмотря на то, что «в поэтической речи Библии космические метафоры даны во всей их первобытной неприкосновенности»[823], «аналогии» с сюжетами «Тристана и Исольды» можно обнаружить только в новелле о болезненной любви царевича Амнона к своей сестре Тамари. Древний обычай не запрещал межродственного брака, но Амнон проявил немотивированное насилие, затем гневно и с презрением отверг Тамарь, за что был убит братьями. Согласно трактовке Франк-Каменецкого, как и в «Тристане», здесь говорится о неразрывной связи любви со смертью, а «Тамарь – отражение богини Иштарь, обрекающей своих возлюбленных на смерть». Как Амнон смертельно болен любовью, так и в семантике сюжета о Тристане и Исольде герои несут в себе смерть через любовь. «В обоих случаях, – утверждал Франк-Каменецкий, – болезнь служит поводом для интимного сближения героев, и любовное соединение дано в метафоре исцеления, за которым неминуемо последует смерть»[824].

В заключение Франк-Каменецкий также уделил основное внимание интерпретации марровской модели происхождения языка-мышления из диффузного ядра через дифференциацию «смыслового пучка, как совокупности смысловых тождеств, к сюжетному построению в форме повествования». Этот процесс связан «с процессами мышления, нашедшими выражение в преодолении первоначальной аморфности звуковой речи, в постепенном выделении грамматических категорий»[825].

* * *

Читая статьи сборника трудно отделаться от ощущения, что соприкасаешься с такими глубинами доистории (Марр с гневом отвергал этот термин, справедливо полагая, что никакой «до истории» не было), до которых не дотянулись даже знаменитые этнологи XIX–XX веков (Морган, Тайлор, Фрэзер, Малиновский, Уайт и др.); до таких глубин, до которых только в середине XX века докопались палеоантропологи и с большей или меньшей долей вероятности постигли психоаналитики. Но если открытия первых предъявляют современности вещественные доказательства эволюции антропоидов и их орудий труда, которые, в свою очередь, дают убедительные, но косвенные представления о развитии мышления (но не языка!), то методы вторых скорее иллюстрируют невероятную сложность познания истории человеческой психики и мышления. А мировое языкознание как до, так и после Марра делает вид, что проблемы мышления находятся вне рамок его интересов и компетенции, – как будто мысль существует сама по себе, а язык сам по себе. Марр, критикуя тех, кого он называл «индоевропеистами» (часто неверно), неизменно утверждал: язык без мышления существовать не может, и если меняется язык, то это сигнализирует об изменении мышления и наоборот. То, о чем писал и делал заключения Марр и его последователи, невозможно доказать так, как доказывается непреложный физический факт. Но то, что они, без сомнения, показали, **это вероятность факта восходящего потока развития общечеловеческого труда-мышления-языка из первоначально недифференцированного ядра, из первоначально нерасчлененного единства (можно сказать из эмбриона) мышления-языка-деятельности.** Из того, что Марр называл «семантическим пучком», «гнездом» всех возможностей, в том числе «гнездом» всех возможных значений будущего разнообразия Слова.

Так средневековый роман XII века, препарированный французским исследователем XIX века, переносит нас усилиями Марра и марристов в нерасчлененный, невнятный, младенческий мир нулевых тысячелетий истории человечества.

* * *

Сборник статей «Тристан и Исольда» попал за рубеж и неожиданно получил положительный отклик[826]. Но с ним был связан еще ряд дальнейших событий.

Ольга Михайловна Фрейденберг отошла от Марра (что естественно для талантливого ученика) и вскоре возглавила единственную в довоенном СССР кафедру классической филологии Ленинградского университета. В блокадном Ленинграде она записала начитанные ранее лекционные курсы, написала воспоминания о Марре, вела дневниковые записи удивительной силы. Курс лекций «Введение в теорию античного фольклора» посвящен полемике с теорией происхождения языка-мышления Марра и дальнейшему развитию связанных с нею проблем. Если говорить коротко, то можно отметить, что еще в предвоенное время, соглашаясь с Марром в исходных позициях: мышление первобытного человека конкретно, нерасчлененно и образно, она пыталась полностью отвергнуть саму идею архетипа. Она соглашалась с тем, что архаичные мифические образы отражают нерасчлененность первобытного мышления, что, в свою очередь, выражалось и в языке тождеством разнородных явлений. Вслед за Марром она утверждала, что в первобытном языке разные предметы назывались одним и тем же словом, так как многообразие окружающего мира еще не осознавалось. Но, в отличие от учителя, она считала, что освоение реальности языком-мышлением шло не только в связи со стадией развития культуры и цивилизации, но и помимо нее[827]. Фрейденберг утверждала, что первобытное сознание, решительно отличаясь своим «способом» мышления от античного и последующих формаций, объективно отображало действительную реальность, поскольку в практической жизни, «в своей эмпирике ощущений», первобытный человек никогда не руководствовался мифическими образами[828]. Если бы это было не так, то человек ранних формаций не смог бы существовать, погруженный в мифологический мир, в котором отсутствуют причинно-следственные связи, а метафоры подменяют реальные светила, растения, животных и силы природы. На этом **расщеплении** реальности и мифа выросло все художественное творчество, а в конечном счете и вся цивилизация. Добавлю: расщепленность между реальным и творимым человеком миром со временем только нарастает, доказательством чему служат достижения в освоении природы и еще более впечатляющие достижения в области

конструирования виртуальных миров современным человеком. Но, трансформируясь, сама мифологичность никогда не покидает человечество. Она основа творения культуры.

* * *

В 40–60-х годах XX века большую известность приобрели работы члена Французской академии, одного из основателей структурализма, Клода Леви-Стросса. Проведя невероятно объемную и сложную работу с фольклором и мифологией американских индейцев, Леви-Стросс пришел к выводу о реальности общечеловеческих образов-структур, построенных по принципу дихотомий[829]. Особый интерес представляет параллельный анализ Леви-Стросса трагедии Софокла «Царь Эдип» и водевиля французского автора XX века Лабиша «Соломенная шляпка». В «Царе Эдипе» Леви-Стросс нашел «исходную матрицу», в которую было влито столь несходное содержание «Соломенной шляпки». В заключение Леви-Стросс писал как будто под диктовку Марра: «Материал, с которым имеют дело (сопоставляя пьесы. – *Б. И.*), настолько различен, а формальные соответствия настолько точны и детализированны, что охотнее верится в то, что некогда данная схема, одна и та же, разворачивается идентичным образом, везде порождая одинаковые конфигурации. Этой параллели – между высокой трагедией и буффонадным дивертисментом, разделенными промежутком времени около двух тысяч трехсот лет, – быть может, противопоставят концовку, которая не заимствуется. Однако разве не являются мифы вневременными, а мифы, затронутые в данной книге, разве не принадлежат к тем жанрам, которые от хода светил следуют к органическим функциям, от сотворения мира – к изготовлению горшков, от мира богов – к миру животных, от космических беспорядков – к семейным ссорам?»[830] В известных мне работах Леви-Стросса ссылок на работы Марра, Фрейденберг и др. я не обнаружил[831].

* * *

Авторы учебного пособия по русской литературе X-XVII веков вышедшего в 80-х годах XX века под редакцией академика Д. С. Лихачева, спустя полвека нашли параллели роману о Тристане и Изольде в русской «Повести о Петре и Февронии» (XV век) и даже в образе княгини Ольги из «Повести временных лет»[832]. В архиве Марра хранится листок с планом работы начинающего ученого Дмитрия Лихачева, составленным в 1926 году и озаглавленным «Регрессивные элементы воровской речи»[833]. Работа была написана и опубликована автором еще до высылки в лагерь на Соловки. В зрелые годы именно с этой работы Лихачев начинал рассказ о своей научной карьере.

* * *

Сейчас очевидно, что диапазон охваченных культур и исторических эпох авторами сборника «Тристан и Исольда» чрезвычайно узок и случаен. До сих пор, даже с учетом работ Фрейденберг, Леви-Стросса и др., не охватывается большая часть живой и отмершей мифологии человечества. Но ясно одно: история мышления (сознания) будет зондироваться вновь и вновь с помощью все более совершенных приемов и на все большую глубину. Не забудем, что одним из пионеров устремлявшихся к «нулевой» отметке языка-мышления был и Николай Яковлевич Марр.

* * *

В библиотеке Сталина до сих пор хранится сборник «Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии». Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под редакцией академика Н. Я. Марра. Издательство Академии наук СССР, Ленинград, 1932. Неясно, какими путями книга попала в его книжное собрание. Может быть, ее заказали по личному запросу вождя, или авторы и Марр сами проявили инициативу, или все дело случая? На обложке сборника стоит штамп библиотеки Сталина, а наверху его рукой, простым карандашом написано: «Ист. лит-ра», то

есть Сталин отнес сборник к разряду книг по истории[834]. Других помет я не нашел. Все это значит, что сборник он, по крайней мере, держал в руках.

Так и неразгаданная тайна четырех элементов

SAL, BER, YON, РОШ – четыре магических элемента, из которых, по мнению Марра, развились все языки мира, и не просто все языки, «а все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса»[835]. Я потратил немало усилий для того, чтобы обнаружить в его архиве какие-нибудь материалы или намеки, раскрывающие причины, заставившие Марра выделить именно эти, ни на что не похожие звуковые комплексы. Я просматривал его рукописи и заметки с тайной надеждой раскрыть наконец загадку «четырех элементов». Мне не повезло. Не повезло, может быть, потому, что архив академика очень велик, а времени для его изучения было мало. Или же четыре первичных элемента общечеловеческой первичной речи есть все же чистой воды мистификация? Не нашел я серьезных объяснений и в его опубликованных работах. В одной из поздних статей Марр написал, что когда он впервые пришел к идее возникновения речи из первичных звуков-комплексов, то сначала выделил двадцать четыре таких комплекса, затем свел их к двенадцати, а затем – к четырем. Как и почему именно эти звуки Марр определил как базовые, он нигде не пояснил; не давал он объяснений даже на прямые вопросы оппонентов во время многочисленных публичных лекций. Все это не прибавляло и не прибавляет доверия к его теоретическим построениям и к практическому поэлементному и палеонтологическому анализу. Между прочим, все послереволюционные работы Марра (типа «Иштарь» и др.) в конечном счете сводились к тому, чтобы доказать, что все языки мира, всех времен и народов, приводят к четырем первичным звуковым комплексам. Может быть, Марр думал, что это и есть доказательство? В последние годы жизни Марр был просто одержим этой идеей. Но что из этих «доказательств» следует, тоже оставалось и остается загадкой. На каком-то этапе я, подобно многочисленным недоброжелателям Марра, пытался представить эти четыре элемента плодом безудержной фантазии авантюрного академика. Но по здравом размышлении понял,

что трудно свести к примитивной выдумке ни на что не похожие звуки-первоэлементы и целую систему доказательств, при помощи которой Марр пытался обнаружить их во всех языках. Да и сама идея первоэлементов языка-мышления была необычно притягательна. Задолго до Марра она соблазняла многих.

Ни в каком умопомрачении, ни при жизни, ни после смерти, ни в 1950 году никто из серьезных людей Марра не заподозрил. Даже Сталин, легко навешивавший ярлыки на любого живого и мертвого человека, не позволил себе ничего подобного по отношению к Марру. Представить себе, что Сталин два десятилетия заставлял советских лингвистов покланяться откровенным бредням безумца, еще можно, но то, что в 1950 году он сам принял участие в развенчании на высшем государственном уровне неадекватного ученого, я не могу. Никогда вождь не позволял выставлять себя в смешном виде. Возможно, Марр был увлекающимся путаником, но не сумасшедшим. Что-то в идее первоэлементов есть здравое, впрочем, если не в самих элементах, то в логике мышления Марра. Раз за разом и на разные лады Марр писал: «Простых звуков вначале и не было, как не было и составных… а были диффузные в своей первичной не расчленяемой еще сложности и послужившие впервые сигналами для обозначения тех или иных предметов или явлений, для получения того или иного значения, чтобы стать словом»[836].

Идея первичных диффузных звуков в качестве зачатков живой речи не озадачила лингвистов его времени. Сама по себе мысль, что речь началась с каких-то коммуникативных сигналов, наподобие «мелодий», которыми обмениваются некоторые человекообразные обезьяны, или что она возникла из подражаний выкрикам животных, на которых люди переносили имена, ставшие первыми словами (типа «ку-ку» для кукушки и др.), очень не нова. Делалось предположение и о том, что речь развилась из аффектных восклицаний отдельных особей, предупреждающих стадо об опасности и других жизненных ситуациях. Все эти предположения до конца не изжиты до сих пор, хотя большинством специалистов они не принимаются. Предпринимались попытки доказать, что, наблюдая за развитием речи современного ребенка, за его лепетом, можно смоделировать происхождение речи у человечества как такового. В основе такого предположения лежала очень популярная в XIX веке идея, почерпнутая из биологии, а затем

подхваченная марксизмом и дарвинизмом: каждый современный организм в своем развитии (онтогенез) в короткие сроки и в общих чертах повторяет основные этапы развития всего вида (филогенез). Один из языковедов конца XIX века так и писал: «Индивидуальная детская речь показывает, каково было это детство ребенка у целой расы, и словарь современного человеческого ребенка в возрасте 20 месяцев соответствует приблизительно речи взрослых дочеловеческих предков ребенка»[837]. Но и эта модель для изучения происхождения речи человечества вскоре была отвергнута. Известный литературовед и лингвист Н. С. Державин заявил по этому поводу в сборнике статей, посвященном сорокапятилетию научной деятельности Марра: «Как ни соблазнительна подобного рода аналогия, нам думается, от нее все же следовало бы воздержаться… ибо в языке-речи дочеловеческого примитива отсутствует крупнейший фактор, действующий в языке ребенка, – звуковая ассимиляция с языком окружающей взрослой среды. Стало быть, процесс возникновения в языке человеческого примитива искусственных условно-речевых рефлексов (созвучных и эхолалических) гораздо более сложен, чем в языке современного ребенка, а отсюда и весь процесс, несомненно, несколько иной, и притом более сложный и длительный путь, ежели язык современного человека»[838].

Это замечание было бы справедливо, если бы предполагалось, что в онтогенезе эмбрион шаг за шагом проходит абсолютно все древние эволюционные стадии. Однако точно так же, как на развитие языка-речи современного ребенка воздействуют факторы окружающей родительской языковой среды, они (современные факторы) так же воздействуют и на развитие биологического зародыша. Тот же зародыш современного человека развивается в совершенно иных условиях по сравнению с теми, какие претерпевал зародыш «дочеловеческого примитива». Тем не менее это не мешает объективно подметить стадии развития: одноклеточных, рыб, земноводных, млекопитающих, приматов и, наконец, стадию рождения человека. Так что до определенных границ аналогия возникновения и развития языка-речи человечества с развитием речи ребенка допустима. Впрочем, Марр, используя свои знаменитые четыре диффузных звука, к аналогии с детской речью старался не прибегать.

Но в том же сборнике, посвященном научному юбилею Марра, была опубликована заметка лингвиста Л. В. Щербы (будущего академика) под названием «О диффузных звуках». Щерба обратил внимание на то, что Марр заимствовал понятие «диффузный» из физиологии центральной нервной системы, где говорится о диффузном, то есть недостаточно дифференцированном, центральном раздражении. Щерба признал, что в современной лингвистике давно ощущалась необходимость подобного понятия, тем более что близкие к нему словосочетания «нечленораздельные звуки», «нечленораздельная речь» употребляются очень давно. К явлениям такого рода Щерба отнес «недифференцированную кучу слов» русского языка типа: тфу, тьфу, фу, тпру, брр и др.

В двухстраничной заметке, ставшей ныне классической работой выдающегося лингвиста, вошедшей во все хрестоматии и в собрания сочинений академика, Щерба писал: «Все эти примеры… показывают, что “нечленораздельность” звуков или, смею думать, то, что Николай Яковлевич Марр называет их “диффузными”, состоит в отсутствии их соотнесенности, но не в потоке речи… а друг ко другу в звуковой системе данного языка. Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых **звуковых жестов** (выделено мной. – *Б. И.*) человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций – одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противополагались друг другу целиком и являлись такими образом “словозвуками”, если можно так выразиться. Это были “диффузные” или “нечленораздельные” звуки, которые были диффузными с биологической точки зрения только в том смысле, что говорящие не умели их дифференцировать, не имея к тому повода»[839]. Признаки таких «словозвуков» Щерба, как и Марр, подметил в китайском языке, который, согласно концепции Марра, сохранил в себе признаки первоначальной стадии языка-мышления. При этом ни о каком примитивизме китайского языка, его неспособности выражать мышление современного человека речь, разумеется, не шла.

Конец XIX – начало XX века – это время, когда наука вернулась к древнегреческой идее о первоэлементах, лежащих в основе

мироздания. Именно тогда атомная теория стала основой достижений современной ядерной физики, переворот в науке совершила Периодическая таблица химических элементов Менделеева, в биологии набирала силу генетическая теория. В основе концепции происхождения языка Марра, без сомнения, лежала идея первоэлементов, которые, похоже, формировались из диффузных звуков или сами являлись таковыми. Из комбинаций и перестановок этих первоэлементов порождались все звуки всех языков. Во времена Марра о геноме еще ничего не знали, но идея порождающей жизнь элементной системы была очень популярной. Связь своей концепции с генетикой Марр не отрицал, но не в том смысле, что он подобно генетикам искал врожденные программирующие первоэлементы порождения языка-мышления. По всей видимости, он считал эту проблему решенной его собственной теорией. Его интересовала связь процесса одомашнивания древних растений и животных с теми племенами, которые он относил или к яфетическим, или к другим древнейшим предкам человека. Если быть точным, то первым с этой идеей к Марру обратился начинающий гениальный генетик-растениевод Н. И. Вавилов. Вавилов в 1923–1925 годах направил несколько писем Марру, а в 1927 году встретился с ним лично, чтобы сообщить о том, что он, опираясь на «лингвистический анализ названий культурных растений», «проведенный методами Марра», и на полевые ботанические изыскания, доказал правоту академика об ареале расселения яфетических народов и древнем родстве отдельных кавказских народов с басками, с этой таинственной народностью испанских Пиренеев. Как утверждают современные исследователи, эти выводы Вавилова и сейчас используются генетиками и лингвистами[840].

До конца своей жизни Марр продолжал искать общие точки соприкосновения с исследованиями генетиков. У него была собственная точка зрения на процесс развития ключевых моментов цивилизации. В частности, он считал, что процесс одомашнивания человека и животных был обоюдным: собака не только была первым одомашненным животным, но и человек был взаимно «приручен» ею. Этот взгляд Марр распространял и на других домашних животных. По существу, речь шла о вполне очевидном симбиозе, о котором мало кто задумывался до него. Животных, с которыми взаимовыгодное сосуществование оказалось невозможным, не удалось одомашнить до

сих пор. По этому поводу Марр сделал доклад в Лаборатории генетики АН СССР в 1932 году, озаглавив его «Коллективный процесс взаимного одомашнивания»[841]. Тогда же он был опубликован. Марр даже попытался создать «Генетическую историю языка», написав на эту тему работу и сделав несколько докладов, но ничего принципиально нового по сравнению с тем, что он заявлял ранее о происхождении языка и мышления, о развитии звуковой речи и ее видов, Марр уже не сделал[842].

Но Марр дополнил к истории человечества предшествующую звуковому языку огромную эпоху со своими стадиями развития, назвав ее эпохой жестовой, или ручной, речи.

* * *

Через десятилетия после смерти Марра Б. Б. Пиотровский вспоминал: «Лекции (Марра. – *Б. И.*) были увлекательными, хотя и не до конца понятными, но они являлись аккумулятором мысли. Марр разбрасывал мысли, более понятные историкам культуры, чем лингвистам. С каждой лекции я уходил заряженный идеями, преимущественно в области семантики, учения о значении слов. Египетское пиктографическое письмо было благоприятной почвой для таких сопоставлений. Сравнивались не только семантические ряды, в которых термин “камень” переходил на “металл”, а затем дифференцированно на самый распространенный металл “медь”. Становилось ясно, что египетские термины власти оказывались связанными со скотоводством. В древнеегипетском языке термин “солнце” имел целую паутину связей, основанную на ассоциации. Солнце сопоставлялось с “птицей” (поскольку парит в воздухе), со “змеей” (по аналогии ожога с укусом), со всевидящим оком и др. Я пытался даже в словаре древнеегипетского языка выделить пучки семантических связей… амулетов и магических действий.

Наряду с лекциями Н. Я. Марра я слушал лекции И. Г. Франк-Каменецкого “Палеонтология мифа”, основанные на разборе поэтических семантических образов Библии. Это были интереснейшие лекции, развивающие идеи Н. Я. Марра…

Известный лингвист Л. В. Щерба был близким другом отца нашей семьи, и я показал ему свою статью. Он посмотрел и сказал, что к лингвистам она отношения не имеет и что Н. Я. Марр “талантливый историк, вторгшийся в лингвистику”. Я решил подождать, показать ее А. А. Миллеру… В Елисаветовской я жил с А. А. Миллером в одном доме; за ужином с традиционной жареной картошкой я решился дать ему свою статью о египетском термине “железо”. Он ее с интересом прочел, привел много этнографических примеров и настоятельно рекомендовал мне отдать ее Н. Я. Марру. Так я и поступил после экспедиции – статья была напечатана в первом выпуске “Докладов Академии наук” за 1929 г.; и я был рад, что ей была предоставлена первая страница: она открывала “Доклады”…

Я написал также небольшую работу, выпущенную отдельной книжкой, “Семантический пучок в памятниках материальной культуры”, в которой я детально, с привлечением этнографического и археологического материала разобрал росписи на додинастических египетских сосудах. В этих раскопках явно прослеживался пучок семантических связей: “вода” – “дерево” – “женщина” – “плодородие”, эти элементы древнейших изображений позднее, в историческое время, перешли в так называемую Книгу мертвых, состоящую из магических текстов (они должны были помогать в странствовании души умершего в потустороннем мире). В литературном отношении эта работа имела огрехи, но ее основная мысль была археологами принята. Н. Я. Марр с интересом относился к материалу древнеегипетского языка, где семантические связи были особенно четки из-за пиктографической системы письма. Об этом свидетельствовали его замечания на представленных мною моих тем, да и он сам написал несколько статей, используя иероглифическое письмо Древнего Египта… Н. Я. не всегда делал разницу между фонетическими и пиктографическими иероглифами»[843].

О. М. Фрейденберг, И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Ф. Яковлев, Д. С. Лихачев, Б. Б. Пиотровский, В. И. Абаев и другие молодые и вполне зрелые ученые, словно семантический «пучок», выпущенный Марром, дали науке новые смыслы.

* * *

В студенческие годы я как-то зашел в букинистический магазин в Москве между Китайгородской стеной и памятником первопечатнику Ивану Федорову. Купил третий том из собрания сочинений Марра и сборник «Тристан и Исольда». Моя спутница – студентка-филолог произнесла краткую речь о том, что на лекциях им говорили о Марре как о лжеученом типа Трофима Лысенко, но только в языкознании. Я ей поверил, но рассыпающиеся в руках книги забрал с собой и теперь нисколько об этом не жалею.

Глава 4
Схождение линий жизни Сталина и Марра (линия Сталина)

Я так и не смог выяснить, встречались ли при жизни Сталин и Марр непосредственно, беседуя лицом к лицу. Была ли дана Марру личная аудиенция, работали ли они вместе в одной из бесчисленных комиссий Наркомнаца и других советских учреждений? Пересечения на публичных форумах, без сомнения, были и неоднократно, но не о них речь. Ни в журнале регистрации посетителей кабинета Сталина, ни в других документах я не нашел сведений об их прямых контактах. Не упоминает о встречах и Марр в своих опубликованных работах; не нашел я информации на сей счет ни в архиве Сталина, ни в архиве Марра. В то же время многое свидетельствует о том, что не только Марр стремился к прямым контактам с вождем, но и Сталин хорошо знал биографию ученого, некоторые его труды и даже использовал его в своих политических играх.

Но достоверно известно, что трижды судьбы Сталина и Марра все же сошлись: в 1930, в 1932 и в 1950 годах. Первый и второй раз это произошло тогда, когда оба были живы. Впрочем, и тогда их судьбы пересеклись всего лишь по касательной. В 1950 году Марра на свете не было, но по воле новоиспеченного генералиссимуса его имя узнало все население страны, а вместе с ним политики и ученые-гуманитарии остального мира.

В 20–30-х годах Марр интересовал Сталина не столько из простых человеческих соображений (кавказовед, знаменитый земляк), сколько из соображений политических. В первую очередь Сталин пытался использовать Марра как маститого этнографа и лингвиста, способного оказать поддержку сталинской национальной и языковой политике. Во вторую очередь он использовал Марра как специалиста в области бесписьменных народов, способного решать практические вопросы разработки новых алфавитов, а главное, участвовать в разрешении вопроса о будущем едином общемировом языке и едином общемировом алфавите. Скорее всего, именно для этих целей Сталин пытался еще в 30-х годах овладеть хотя бы азами яфетидологии. Наконец, он пытался

использовать Марра не только как научно-политического вождя в области советского языкознания, но и как «своего человека», способного помочь овладеть последним бастионом «буржуазной автономии», то есть Академией наук.

Но наряду с этими вполне прагматическими моментами был еще и идеологический аспект в их заочных взаимоотношениях. С дореволюционных времен Сталин считался главным большевистским экспертом по национальному вопросу в России. До конца своих дней Сталин гордился этим званием; национальные проблемы были для него всегда в центре внимания. А национальный вопрос, как известно, для многих связан с проблемами языка, письменности и культуры.

Сталин о нации и языке

В мартовском номере журнала «Просвещение» за 1913 год была опубликована первая часть статьи Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия». К этому времени Сталину исполнилось тридцать пять лет. В подзаголовке журнала было указано, что это «Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал марксистского направления». Журнал легально издавался в Санкт-Петербурге фракцией большевиков Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с 1911 по 1914 год (один сдвоенный номер вышел летом 1917 года) и редактировался В. И. Лениным. В журнале, кроме одного стихотворения И. Бунина, басен Д. Бедного и нескольких рассказов М. Горького, ничего по-настоящему литературного не публиковалось, так как он носил сугубо пропагандистский и политико-просветительский характер. Печатались небольшие работы марксистских классиков и европейских социал-демократов, но главным образом публицистические статьи Ленина, Зиновьева, Каменева, Стеклова, Бухарина, Рязанова, Алексинского и др. Тоненький журнал в мягкой обложке легко было брать в дорогу. Возможно, поэтому в архиве Сталина сохранилась большая часть номеров, которые он, скорее всего, возил с собой еще с дореволюционных времен. Статьи всех номеров журнала испещрены сталинским карандашом, чаще подчеркиваниями. Благодаря этому журналу Сталин, находясь в ссылках и в подполье, не только следил за текущей политической обстановкой в стране и в партии, но и сам учился марксизму. В нем же он опубликовал

единственную статью, которая из всех его писаний может претендовать на достаточно высокий теоретический уровень. Статья «Национальный вопрос и социал-демократия» публиковалась в 3, 4 и 5-м номерах журнала, но в современном архиве Сталина последних двух номеров нет[844]. Статья была подписана тогдашним псевдонимом Джугашвили: К. Сталин. По официальной версии, эту работу Сталин написал во время двухмесячного пребывания в Вене (Австрия) в конце 1912 – начале 1913 года, под присмотром, а возможно, и при прямой помощи Ленина или других партийных журналистов. После смерти Ленина в его архиве нашли письмо М. Горькому, написанное в феврале 1913 года. Письмо часто цитировалось при очередном переиздании статьи. Упомянул его и Троцкий в своем предсмертном сочинении «Сталин»: «Период реакции чрезвычайно обострил в России национальный вопрос. Горький с тревогой писал Ленину о необходимости противодействовать шовинистическому одичанию. Насчет национализма вполне с вами согласен, – отвечал Ленин, – что надо заняться этим посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы. Мы на это наляжем. Речь шла о Сталине»[845]. Ни у кого никогда не возникало сомнений, что «чудесный грузин» – это Сталин, хотя в журнале в это же самое время публиковались статьи по национальным проблемам и других авторов. Австрийские авторы действительно упоминаются в сталинской статье, но их немного, и они все были переведены на русский язык; европейских языков Сталин не знал. В эти же годы он пытался изучить немецкий язык и эсперанто, но не преуспел. В статье есть ссылки на немецком языке и одна цитата, переведенная с немецкого; они, скорее всего, заимствованы Сталиным из тех же русскоязычных изданий (О. Бауэра и др.). Так что Ленин явно преувеличил. Троцкий отметил, что свое восторженное отношение к молодому Кобе Ленин выразил редкой для него характеристикой через национальную принадлежность: «Чудесный грузин». Спустя несколько десятилетий Троцкий, явно ревнуя, прокомментировал эту ленинскую оценку: «Элемент первобытности, несомненно, подкупал Ленина».

Ни в архиве Сталина, ни в других известных архивохранилищах я не нашел каких-либо черновых или подготовительных материалов, связанных с работой Сталина над этой статьей, о которых писал Ленин; они, по всей видимости, не сохранились. Поэтому данная публикация

статьи Сталина в журнале «Просвещение» с его пометами может рассматриваться как наиболее близкая к первоисточнику.

Троцкий, обладавший литературным талантом и хорошо знавший обычно блеклый публицистический стиль своего соперника, всю жизнь недоумевал по поводу этой работы Сталина. В поздней заметке «Иосиф Сталин. Опыт характеристики» он вспоминал: «Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин. Статья останавливала на себе внимание, главным образом, тем, что на сером, в общем тоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошлась рука мастера»[846]. Кроме этого, никаких прямых свидетельств об участии Ленина или кого-либо еще в этой работе Сталина нет. До настоящего времени ни эта, ни другие известные произведения Сталина не подвергались научному анализу.

* * *

Как будто в предчувствии Первой мировой войны, за несколько лет до ее начала шовинистический угар уже поразил большинство стран тогдашней Европы. Это было время, когда споры о том, что такое национальность и ее место в социальной истории Австро-Венгрии, Германии, России, Франции… потрясали всю европейскую общественность. Национальный вопрос стал играть значительную роль в политической борьбе, захватив и РСДРП(б). В журнале «Просвещение» началась публикация серии работ по национальным проблемам Н. Ильина (Ленина) «О праве наций на самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу», некоего «Н. С-к.» «К национальному вопросу: Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия» и других авторов. Под анаграммой «Н. С-к.», возможно, скрывался Н. Скрыпник, публиковавшийся в том же журнале. На ту же тему печатались статьи в других партийных изданиях. Эти публикации стали реакцией не только на националистические настроения в обществе, но и на то, что революционные партии начали раскалываться не столько по политическим, сколько по национальным признакам. Большевистская

фракция РСДРП, находившаяся под влиянием Ленина, стояла на позициях интернационализма, подразумевая тогда под ним единство всех членов партии в одной организации, невзирая на национальность. Но три социал-демократические группировки, а именно Бунд (еврейские социал-демократы), грузинские и польско-литовские эсдеки, тяготели к национальной автономии. Сталина избрали в качестве ударного партийного публициста по национальным проблемам именно потому, что его, как грузина, было труднее обвинить в великорусском шовинизме, а значит, и в антисемитизме, и в антиполонизме и т. д.

Судя по всему, статья была замечена не только Лениным и Троцким. В 1914 году она была издана отдельной брошюрой с тем же содержанием, но под измененным названием «Национальный вопрос и марксизм», что выдавало претензию автора на толкование выдвинутых положений уже в более широком теоретическом контексте. После революции Народный комиссариат по делам национальностей переиздал ту же брошюру в «Сборнике статей» своего наркома (Сталин. Тула, 1920) вновь под измененным названием «Марксизм и национальный вопрос» с авторскими корректировками и комментариями. С этого момента Сталин устремился (пока еще мелкими шажками) в ведущие марксистские теоретики. Затем статья много раз переиздавалась в различных сборниках и отдельной брошюрой, пока, наконец, под тем же названием в очередной раз не была переиздана после Отечественной войны во втором томе собраний сочинений вождя.

Подборку номеров журнала «Просвещение» Сталин возил с собой все предреволюционные годы, а после революции они осели в его библиотеке. По обычной своей привычке, он читал и перечитывал понравившиеся издания по нескольку раз и в разные годы. Точно так же он перечитывал и свои опубликованные работы, часто правил их или отмечал то, что по тем или иным причинам считал важным. Вот и на этом единственно сохранившемся номере со статьей «Национальный вопрос и социал-демократия» остались любопытные сталинские отметины. Это позволяет нам судить о взглядах Сталина на нацию и язык не только исходя из содержания, но и проследить последующие смысловые акценты вождя на свое же произведение. И хотя у меня нет твердых данных, указывающих на время и место, в которых Сталин перечитывал свою статью с простым карандашом в руке, я все же

думаю, что это происходило между 1914 и 1917 годами в приполярной деревне Курейке (Красноярский край), в которой он отбывал свою последнюю ссылку. Есть свидетельства, что он пытался там продолжить работу над национальными проблемами, для чего запрашивал через семью Аллилуевых марксистскую литературу. Но лень и апатия, охватившие кавказца в условиях Приполярья, а главное, связь с малолетней жительницей деревни Лидией Перепрыгиной не дали осуществить благие намерения. Присланные книги так и провалялись в мешках под его кроватью, но журнал «Просвещение» и свою статью он, скорее всего, перечитывал, и не раз, именно там[847]. На обложке этого номера есть странные арифметические упражнения, сделанные сталинской рукой, но чернилами. Особого смысла они не несут (например, умножал столбиком 10 000 на 3 или 20 000 на 2 и соответственно получал 30 000 и 40 000 и др.), но это говорит о том, что Сталин брал журнал в руки, может быть, и много лет спустя после революции. Именно тогда он стал позволять себе черкать по страницам книг, в том числе и библиотечных, чернилами.

Статья состоит из небольшого вводного раздела и главок: I. Нация; II. Национальное движение; III. Национальная автономия; IV. Бунд, его национализм, его сепаратизм; V. Кавказцы, конференция ликвидаторов; VI. Национальный вопрос в России. В сохранившейся части содержится введение и первые две главки. Сталин начал статью энергично: «Период контрреволюции в России принес не только “гром и молнию”, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в светлое будущее – и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение – и люди **начали расходиться по национальным квартирам:** пусть каждый рассчитывает только на себя! “Национальная проблема” прежде всего!»[848]. Все, что здесь подчеркнуто и будет дальше выделено тем же способом, принадлежит Сталину. В преамбуле Сталин вроде бы констатирует деградацию революционного движения, его раскол и разделение «по национальным квартирам». Но дальше разговор идет о том, что с революционного 1905 года в России началась стремительная ломка остатков крепостничества, наметился резкий подъем капиталистического хозяйствования, растет число городов, развиваются торговля и пути сообщений. Особенно сильные изменения, утверждает Сталин,

произошли на окраинах империи, что, с одной стороны, консолидировало их с центром и в то же время способствовало «усилению национальных чувств». В ответ на это поднялась волна «воинствующего национализма», целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», а это, в свою очередь, вызывало обратную волну, переходящую «порой в грубый шовинизм». Эта волна начинает захватывать рабочие массы. Поэтому, продолжал Сталин, только социал-демократия может противопоставить «**национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы**». И чем выше поднимается волна национализма, тем громче должен раздаваться голос социал-демократии: «**За братство и единство пролетариев всех национальностей России**»[849]. А в это время национальные и окраинные партийные организации (Бунд, Кавказ, Польша) стали включать в свои программы требования культурно-национальной автономии как в делах партии, так и в будущем государственном устройстве России. Поэтому необходимо разъяснить позицию российской социал-демократии по национальному вопросу. Здесь выясняется, что у российской, да и у европейской социал-демократии нет ясного представления о том, что такое нация? Нет его и у тех социалистов, кто ратует за культурно-национальную автономию. Поэтому первый раздел статьи так и начинается с выяснения:

«I. Нация.

Что такое нация?

Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация – не расовая и не племенная, а **исторически сложившаяся общность людей**»[850]. Последний абзац-предложение Сталин отчеркнул жирной чертой еще и на полях слева. Здесь, конечно, представлен один из главных моментов теории национальности. Весь XIX век европейцы пытались определить отправной пункт происхождения национальностей. Наивная точка зрения (особенно

ядовито критиковавшаяся в эти годы В. Лениным, а еще раньше Ф. Энгельсом) пыталась произвести каждую нацию от какой-либо семейной пары или этнически родственных групп, связывая с ними общность крови, языка и культуры. Однако уже достаточно высокий уровень развития исторической науки, а также этнографии и антропологии того времени позволил сделать заключение, которое на русском языке очень удачно сформулировал наш герой в процитированном тексте: нация – это «исторически сложившаяся общность людей». В то же время, продолжал Сталин, исторически складывались в некое единство и такие государства, как империи древнеперсидского царя Кира или Александра Македонского, которые не могут считаться нациями. Это были «случайные» объединения военной силой конгломерата племен и рас, который очень легко распадался после гибели того или иного завоевателя. Здесь от себя добавлю: здраво рассуждая, разница между случайным и не случайным насильственным объединением в общую империю народов не уловима. Да и бывают ли такого рода объединения «случайными»? «Итак, – лаконично резюмирует Сталин, – нация – не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей»[851]. Но и устойчивая общность людей не всегда создает нацию. Например, Австро-Венгрия и Россия устойчивые общности (на 1913 год, разумеется. – *Б. И.*), но их в целом нельзя назвать нациями. Это общности не национальные, а государственные. С этого момента Сталин начинает связывать понятие нации с языком: «Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целости России и Австрии не мешает существование внутри их целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не о официально-канцелярских.

Итак – **общность языка, как одна из характерных черт нации**.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации,

которая бы говорила сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и североамериканцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и североамериканцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего, потому, что они живут не совместно, а на разных территориях»[852].

Это наиболее важный для нас пункт сталинской работы 1913 года: общность языка – одна из определяющих понятия нации. Языки даже одной нации могут, оказывается, делиться на народно-разговорные и официально-канцелярские. Однако ни язык, ни признак исторически сложившейся общности людей все еще не дают однозначного определения нации, так как на одном и том же языке говорят и англичане, и североамериканцы; испанцы Европы и мексиканцы Америки, то есть люди разных национальностей и рас, проживающие на разных территориях. Мы можем вспомнить и обратные примеры, когда русские в России или русские во Франции или в Канаде говорят на совершенно разных языках и т. п. Значит, продолжает рассуждать Сталин, признак языка недостаточен и тогда он вводит еще один признак: «**общность территории, как одна из характерных черт нации**»[853].

Но и это еще не все. Если между различными частями общей территории нет внутренней экономической связи, то и люди, проживающие на ней, даже если они говорят на одном языке и имеют общую историю, не будут составлять нацию. Так было, например, в странах, прошедших эпоху феодальной раздробленности. Значит, для складывания единой современной нации необходим общий экономический рынок, связывающий все части страны крепче всех остальных уз. Так Сталин, вслед за классиками марксизма, связал зарождение современных наций исключительно с зарождением и развитием экономических связей. Обратим на этот момент особенное внимание. Для иллюстрации последнего тезиса Сталин приводит в пример историю близкой ему Грузии: «Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной

нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравляя друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии… Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»[854]. Таким образом, только капитализм и только в конце XIX века связал грузин в единую нацию. Сталин промолчал, а может быть, и не знал тогда, что в состав молодой грузинской нации вошли не только близкие по языкам картвельские, но и иные племена. Но лет через тридцать он с одобрением будет читать сочинения, в которых грузин будут непосредственно возводить к жителям Урарту и к древним хеттам.

Общий рынок и разделение труда между различными частями государства все еще не делают, по Сталину, нацию нацией. Люди говорят на одном языке, например англичане, североамериканцы и ирландцы, а принадлежат к разным нациям, так как каждая из них, обладая особым психическим складом, выработала особую, национальную культуру. Эти различия не являются врожденными, а сложились исторически под влиянием «неодинаковых условий существования». Именно так, по мнению автора, формируется «национальный характер». «Итак, **общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры**, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации», – заявил Сталин и предложил определение нации, ставшее вскоре известным всем советским людям и далеко за рубежами СССР: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[855].

Помимо того что разрядка в тексте сделана самим автором, Сталин, перечитывая это место статьи, отметил его карандашом двумя вертикальными чертами слева: чеканность формулировки определения нации явно нравилась ему самому. Затем, заметив, что нация есть явление историческое и поэтому она «имеет свою историю, начало и конец», сделал важный методологический вывод: «Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию»[856].

Все дальнейшие сохранившиеся и не сохранившиеся в архиве части статьи посвящены обоснованию и развитию сформулированных положений. Сталин отметил, что уже австрийские социал-демократы, следуя установкам II Интернационала, выдвигали отдельные похожие признаки нации. Так, Р. Шпрингер говорил «о союзе одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей», создающих особую культурную общность, не связанную с землей. Перечитывая это место, Сталин галочкой в тексте отметил собственное умозаключение по этому поводу, – он утверждал, что на самом деле Шпрингер и другие берут не сумму признаков нации, а выделяют один-единственно определяющий. Вот и другой австрийский теоретик национального вопроса О. Бауэр заявил, что ни язык, ни другие признаки не характеризуют нацию; ее якобы определяет только «национальный характер». Отсюда Сталин вышел на еврейскую проблему. По Бауэру, евреи не имеют общего языка и территории, но у них у всех благодаря «общей судьбе» выработался общий «характер». Поэтому он (Бауэр) определил нацию как «совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»[857]. (Все ссылки и цитаты даются у Сталина на русское издание книги О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия». Серп, 1909.)

Главная трудность для такой внешне стройной концепции Сталина и его партийных советчиков заключалась в анализе противоречий еврейской национальной проблемы. Внутри самого еврейства, являвшегося очень активной частью революционного, в том числе социал-демократического, движения, конкурировали две тенденции. Одна предполагала эмансипироваться в общую европейскую, а затем в мировую нацию, с окончательной потерей своей идентичности во всемирном интернационале. Другая, не менее мощная тенденция делала ставку на организацию своего национального очага в Африке, в Палестине или на иной территории, рассчитывая тем самым вернуть

себе статус «полноценной» нации. Но и интернационалистическое и сионистское направления находились под сильнейшим влиянием социалистических идей. Для интернационалистов-ленинцев было очевидно, что вообще движение к национальному исторически есть шаг назад, поскольку, по их мнению, национальность и национализм прямо связаны с капитализмом и буржуазией. И подобно тому как архаичная русская земельная община рассматривалась народниками в качестве базы будущего социализма, так ленинское крыло интернационалистов рассматривало состояние некоторых древних национальных групп как прообраз будущего общемирового национального состояния: если законы истории ведут мир к слиянию наций и тому есть наглядные примеры, то противоречащие им процессы реакционны и вредны.

Уроженец Кавказа, много поездивший по родному краю, Сталин хорошо представлял себе его национальный ландшафт: «О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках? Бауэр говорит о евреях, как нации, хотя и “вовсе не имеют они общего языка; но о какой “общности судьбы” и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках? Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера»[858]. Но эти «окостенелые остатки» влияют на «судьбу упомянутых евреев» намного слабее, чем «живая социально-экономическая и культурная среда». А «нация» Бауэра – это тот же «национальный дух» спиритуалистов, заявил Сталин. Национальный характер же вырабатывается материальными условиями жизни нации. Вывод: «Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака наций. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (нац. характер), то другой

(язык), то третий (территория, экономич. условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе»[859]. Весь абзац отмечен Сталиным двумя вертикальными чертами на полях слева.

Еще раз хочу привлечь внимание читателя к ясности и четкости сталинских формулировок, к логичности и оригинальности теоретической части этой статьи. Ни в одной из своих ранних или поздних работ Сталин не сможет написать ничего подобного. Оригинален и метод: Сталин дает определение нации не через перечисление признаков, а как их совокупный и единый комплекс, из которого нельзя исключить ни один. Здесь же он предлагает систему дополнительных понятий, связанную с понятием «нация»: «Бауэр, очевидно, смешивает *нацию*, являющуюся исторической категорией, с *племенем и народностью*, являющимися категориями этногеографическими». Заявляя о евреях как о нации, Бауэр в конце своей книги говорит, что капиталистическое общество не дает им шанса сохраниться как нации, ассимилируя их с другими нациями. Происходит же это потому, что у евреев нет своей колониальной территории, в то время как такая территория есть, например, у чехов и они (по Бауэру) должны сохраниться. И наконец, главное противоречие в книге Бауэра, на котором Сталин заостряет внимание: «В начале своей книги он решительно заявляет, что евреи вовсе не имеют *общего* языка и составляют тем не менее нацию. Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: *несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка* (курсив наш)[860].

Бауэр тут хотел доказать, что “язык – это важнейшее орудие человеческого общения, но он вместе с тем нечаянно доказал и то, что он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория»[861].

Запомним определение языка, данное Бауэром и процитированное Сталиным. Через несколько десятилетий престарелый вождь без каких-либо оговорок припишет это определение себе.

* * *

Во втором разделе статьи «Национальное движение» Сталин развивает сформулированные положения:

«Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации»[862]. Эти строчки отчеркнуты на полях справа. Большинство европейских наций, продолжал свою мысль Сталин, сложилось в период перехода от феодализма к капитализму. И именно они, эти нации, за редким исключением, образовали свои национальные государства. Но в Восточной Европе иная ситуация: «На Востоке сложились **международные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей**. Таковы Австро-Венгрия, Россия». И если в первом случаи роль объединителей взяли на себя немцы (австрийцы) и венгры, то «в России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию»[863]. Но и там начинает развиваться капитализм, который «взбудораживает» национальные чувства притесняемых наций. Итак, капитализм – главный источник, питающий и великодержавный шовинизм, и национализм подчиненной нации, а если быть точнее, то таким источником является конкурентная борьба между нациями, находящимися не в равном положении, так как «проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на этом пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..»[864]. Это восклицание: «Опоздали!», как и ряд других встречающихся в тексте оборотов, не характерных для русского литературного стиля, выдает эмоциональный характер кавказца. В эти годы Сталин, как и все другие большевики-интернационалисты, был убежден: «Рынок – первая школа, где буржуазия учится национализму»[865]. Поэтому борьба экономическая неизбежно переходит в борьбу политическую и бюрократия господствующей нации начинает стеснять свободу передвижения, ограничивать употребление национальных языков, избирательные права, сокращать национальные школы, причинять религиозные стеснения и т. д. И все

это, по мнению автора, вытекает из принципа межнациональной экономической конкуренции. В ответ на притеснения начинают раздаваться голоса о необходимости создания своего независимого отечества: «Так начинается национальное движение».

И опять в качестве иллюстрации исходных причин национального движения Сталин приводит в пример положение в Грузии, в которой, по его мнению, «нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые бы могли дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть антиармянский национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму»[866].

Удивительно, но создается впечатление, что Сталин не знает о том, что трения между грузинами и армянами начались задолго до конца XIX века, то есть до начала развития там капитализма и складывания единой буржуазной нации (по Сталину). Не замечает он и того, что весь XIX век господствующей нацией в лице колониальной администрации и армии в Грузии были русские и в соответствии с его же теорией именно между русскими и грузинами должна была бы вестись межнациональная борьба.

А что же в условиях межнациональной борьбы делать пролетариату и крестьянству? Нужно ли им идти под национальное знамя своей буржуазии? «Из сказанного ясно, – заявил будущий вождь и государственный идеолог, – что **национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой**. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба по внешности принимает “общенародный” характер, но это только по внешности. В существе своем она всегда остается буржуазной, выгодной и угодной главным образом буржуазии»[867]. Весь абзац отчеркнут еще и на левом поле страницы. Это говорит о том, что своей мысли о национальной борьбе, только «по внешности» принимающей общенародный характер, Сталин придавал особое значение. Впрочем, отмечает Сталин, и рабочие заинтересованы в свободе передвижения, в своем национальном языке и т. д. В этом они могут союзничать с национальной буржуазией, поскольку «нельзя серьезно говорить о полном развитии духовных дарований грузинского

или еврейского рабочего, когда ему не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы».

Заключительная часть раздела посвящена тому, ради чего и начиналась вся эта кампания в печати, а именно – основным принципам национальной доктрины большевиков. Она хорошо известна, поскольку в советские годы была растиражирована в самых разнообразных видах. Как и многое из того, что мы находим в большевистских программных документах, эта программа декларативна, лукава и двусмысленна. Сталин на полях справа, а затем слева отчеркнул весь текст, приводимый ниже:

«Право на самоопределение, то есть только сама нация имеет право определять свою судьбу, никто не имеет право насильственно вмешаться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезывать права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определять свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям освободиться от них.

Право на самоопределение, то есть нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна; и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и право наций, состоящей из различных классов, – две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетений наций, сделать ее невозможной и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть

национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под “национальное” знамя буржуазии…

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата – возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

Тогда национальная борьба, уйдя из политики, замкнется в хозяйственную сферу, где она будет ограничиваться конкуренцией товаропродавцов до самого конца капитализма.

Но такая борьба не заденет прямо рабочих и не представляет для них серьезной опасности»[868].

Во всех последующих публикациях статьи «Марксизм и национальный вопрос» последние два абзаца были исключены. Их пророческий тон вступал в откровенное противоречие с политической реальностью в период мировых войн, да и в последующие времена. С развитием капитализма и сталинского социализма национальная борьба не только не ушла из политики в экономическую сферу, а достигла своего апогея в связи с нацизмом, развалом колониальных империй и послевоенным сталинизмом.

Напомню, что в сталинском архиве сохранился журнал «Просвещение» только с первой частью статьи. В последующих двух номерах Сталин критиковал в основном публицистов Бунда и кавказских эсдеков за их приверженность национальной программе австро-венгерских социалистов (культурно-национальной автономии). Особенно Сталина возмутили два пункта программы Бунда: требование празднования субботы и требование права евреев на свой язык. По первому пункту Сталин высказался как истинный знаток православной гомилетики, полемизирующий с ветхозаветными иудаистскими традициями:

«Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы в законодательном порядке было обеспечено еврейскому пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать в другой день.

Надо думать, что Бунд сделает шаг вперед и потребует права празднования всех староеврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за “право субботы” будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, “дух субботний”…»

Если учесть, что спустя десятилетия Сталин напишет на полях одной из книг фразу: «Язык – материя духа», и если предположить, что этого взгляда он придерживался и в 1913 году, то его высказывания относительно современного ему языка (жаргона) европейских евреев выглядят как попытка уничтожить самый «дух» этого народа. «Социал-демократия добивается права родного языка *для всех наций*, – продолжал он, – но Бунд этим не удовлетворяется, – он требует, чтобы “с особой настойчивостью отстаивали” права *еврейского языка* (курсив наш. И. Ст.)… Не *общее* право родного языка, а *отдельное* право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются *прежде всего* за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций – вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетенных национальностей; но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд “предпочтет” вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?»[869]

Если не вспоминать сейчас о кампании 1947–1949 годов, связанной с борьбой против «космополитизма», о языковедческой дискуссии весны-лета 1950 года и о новых брезгливых репликах Сталина в адрес «жаргона», о «деле врачей-убийц», то слова о «жаргоне» и «субботе», написанные за многие годы до этих событий, как будто не скрывают в себе никакого зловещего смысла. Никому не дано заглянуть в будущее. До Второй мировой войны значительная часть левых еврейских деятелей думала о будущем своего народа примерно так же, иначе бы тогдашние большевистские лидеры, и Ленин в первую очередь, вряд ли

бы допустили специфический тон в статьях того времени, в том числе и в своих, и многозначительные кавычки своего партийного пропагандиста: «Но она (идея культурно-национальной автономии. – *Б. И.*) становится еще вредней, когда ее навязывают “нации”, существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности “нации”, не только полезные, но и вредные, – лишь бы “спасти нацию” от ассимиляции, лишь бы “уберечь” ее»[870].

В шестом номере журнала «Просвещение» за 1913 год, вторя Сталину, «Н. С-к.» писал в адрес руководителей Бунда: «Мы обвиняем их в том, что своими уступками национализму они независимо от своей воли начинают отделять еврейских пролетариев от русских, польских и т. д., вместо того, чтобы ломать те предрассудки, которые мешают окончательно слиться пролетариям всех национальностей, населяющих Россию»[871]. Эту тираду, как и ряд других, Сталин отметил карандашом на полях.

* * *

Вопреки распространенному мнению, Троцкий всегда старался быть объективным. Вот его окончательная оценка работы Сталина: «Во время своего двухмесячного пребывания за границей Сталин написал небольшое, но очень содержательное исследование “Марксизм и национальный вопрос”. Будучи предназначена для легального журнала, статья пользуется осторожным словарем. Но революционные тенденции ее выступают тем не менее совершенно отчетливо»[872]. Это единственное произведение Сталина, о котором Троцкий отозвался положительно.

В свою очередь, Сталин, читая статью Ленина «О праве наций на самоопределение», опубликованную в шестом номере журнала «Просвещение» за 1914 год, отметил в ней только одно место, то самое, где Ленин, полемизируя с Розой Люксембург по этому вопросу, бросает ядовитые реплики в адрес будущего сталинского врага, пытавшегося примирить различные группировки РСДРП: «Услужливый Троцкий опаснее врага! Ни откуда, как из “частных разговоров” (то есть

попросту сплетен, которыми всегда живет Троцкий), он не мог позаимствовать доказательства для зачисления польских марксистов вообще в сторонников каждой статьи Розы Л. Троцкий выставил польских марксистов людьми без чести и совести, не умеющими даже уважать свои убеждения и программу своей партии. Услужливый Троцкий!»[873] и т. д. Сталин отчеркнул на полях целых семь абзацев, посвященных критике (скорее – ругани) в адрес политической позиции Троцкого. Для нас же важно то, что Троцкий, который вел полемику с Лениным, внимательно следил за обстановкой в журнале «Просвещение» в те годы, когда публиковалась статья Сталина, и действительно мог что-то слышать об обстоятельствах ее написания.

Сталин придавал своей статье очень большое значение, о чем свидетельствует тот факт, что в последнем издании «Краткой биографии», которую Сталин лично редактировал, ей посвящена целая страница: «Находясь за границей, Сталин пишет работу “Марксизм и национальный вопрос”, которую Ленин очень высоко оценивал. Ленин писал об этой работе: “В теоретической марксистской литературе… основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)”[874]. Работа Сталина “Марксизм и национальный вопрос” явилась крупнейшим выступлением большевизма по национальному вопросу на международной арене до войны. *Это была теория и программная декларация по национальному вопросу.* Резко и сильно в этой работе были противопоставлены два метода. Две программы, два мировоззрения в национальном вопросе – II Интернационала и ленинизма. Сталин вместе с Лениным разгромил оппортунистические взгляды и догмы II Интернационала по национальному вопросу. Лениным и Сталиным была разработана марксистская программа по национальному вопросу, в своей работе Сталин дал марксистскую теорию нации. Сформулировал основы большевистского подхода к решению национального вопроса (требование рассматривать национальный вопрос как часть общего вопроса о революции и в неразрывной связи со всей международной обстановкой эпохи империализма), обосновал большевистский принцип интернационального сплочения рабочих»[875].

И все же, несмотря на то что работа Сталина широко известна, серьезному исследованию она до сих пор не подвергалась. Если

отвлечься от партийных проблем, которые решали социал-демократы разных оттенков того времени, и рассмотреть только ее методологию, то статья Сталина поражает своими противоречиями. Создается такое впечатление, что в ней совмещены два плохо сочетаемых принципа: один исходит из набора метафизических признаков, якобы извека присущих нации, второй принцип исходит из истории, то есть из диалектики развития человеческого общества на определенном этапе. Скорее всего, Сталин ставил перед собой задачу рассмотреть понятие нации в том же метафизическом ключе, как его рассматривали Бауэр, Шпрингер, Штрассер, Коссовский, Жордания и др., а именно как некую совокупную сверхличность, которой приписываются те или иные «объективно» присущие качества и свойства. Набор этих свойств у всех авторов разный, но только у Сталина представлена система, казалось бы, исчерпывающих признаков: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Нетрудно заметить, что такая формулировка может быть применима к любому обществу любой эпохи. В Древнем Риме исторически сложилась устойчивая общность людей (государство существовало около тысячи лет) с общегосударственным языком (латинским), с единой территорией и управлением, с общей экономической жизнью всех провинций, что постепенно приводило к выработке общего психического склада у римских граждан и ко все большей нивелировке культуры. Тех, кто не вписывался в эту «общность», тех уничтожали, или они сами растворялись и латинизировались. Такова судьба карфагенян, иудеев или многих галльских и германских племен и др. Но в статье Сталина отчетливо прослеживается и вторая линия, согласно которой нация является «не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма». Как я уже упоминал, в том же журнале «Просвещение» в одном предшествующем и в двух последовавших за сталинской работой номерах публиковалась очень известная статья Ленина «О праве наций на самоопределение». В ней Ленин излагал сходную точку зрения, прямо связывая формирование нации с развитием капитализма. Тексты ленинской статьи Сталин также прочитал с карандашом в руке. Кроме того, в том же третьем номере журнала «Просвещение», с которого

начали печатать статью Сталина, а затем в шестом номере журнала за 1913 год были опубликованы две критические заметки «Н. С-к.», посвященные Бунду и другим еврейским социал-демократическим группировкам, стоявшим на позициях «национально-культурной автономии». Эти заметки очень близки по смыслу и даже по терминологии к соответствующим частям статьи Сталина. В самом начале заметки «Н. С-к.», называвшейся «К национальному вопросу: Еврейская буржуазия и бундовская культурно-национальная автономия», Сталин отчеркнул слова Г. В. Плеханова, высказанные им по отношению к Бунду: «Приспособление социализма к национализму». Ради исторической справедливости отметим, что ни члены Бунда, ни социал-демократы Австро-Венгрии не заслуживали подобных обвинений. Действительное скрещивание национализма с социализмом произошло, но в иные времена.

Ленин выполнил обещание, данное Горькому, организовав серию статей по национальному вопросу. Почти наверняка он, как главный редактор журнала, принял участие в редактировании статьи Сталина, приспосабливая ее к собственным доктринам. Не исключено участие в ней и того, кто скрылся за инициалами «Н. С-к.». Здесь же назовем еще один и, с моей точки зрения, важнейший критерий понятия нации, упущенный Сталиным и другими социал-демократами его времени, – это самосознание. В какую бы эпоху и на какой бы территории человек ни проживал, на каком бы языке он ни говорил и в какой бы культуре он ни воспитывался, только осознание своей принадлежности (или не принадлежности) к истории, языку, культуре той или иной общности людей делает человека русским, американцем, китайцем, эфиопом… Без этого критерия и расовые признаки мало что значат. Еще меньшее значение имеют те признаки нации, которые назвал Сталин. Мое мнение: в этом вопросе нет и не может быть «объективных» критериев.

В 2013 году исполнилось сто лет со дня первой публикации статьи Сталина «Марксизм и национальный вопрос». За это время в России старая феодально-капиталистическая формация сменилась на сталинскую социалистическую, а недавно – вновь на капиталистическую. А как же нации царской России, СССР, СНГ и России новой? В соответствии с идеями статьи «Марксизм и национальный вопрос» при социализме нация как буржуазное явление существовать уже не должна, но поскольку нации продолжали

существовать и в СССР, вопреки теоретическим рассуждениям, то Сталин придумал им новый ярлык – «социалистические нации». Надо думать, что после событий начала 90-х годов XX века вдруг и опять на территории СНГ появились «буржуазные» нации? Все эти рассуждения, навеянные работой Сталина, доказывают только одно: и сталинская метафизическая, и ленинская диалектическая точки зрения на нацию не выдержали элементарной проверки временем. Пока остаются люди, сознающие свою принадлежность к той или иной нации, до тех пор она (нация) существует, вне зависимости от того, в какой исторической формации они (люди) живут, и даже независимо от того, на каком языке они изъясняются и на какой территории существуют. Все большая проницаемость государственных границ и открытость современного мира, общемировой культурный синкретизм создают ощущение наступления эры космополитизма. Похоже, Сталин подметил первые его симптомы в послевоенном мире и в СССР и в страхе объявил ему войну. Но даже самый могущественный правитель не в состоянии отменить долгосрочные исторические процессы.

Благодаря работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин вошел в круг политических теоретиков, а трактовки понятий «язык», «нация», «историческая общность», «жаргон» и др. вошли в политический лексикон и в политическую практику советского государства. Никакой прямой связи с теоретическими построениями Марра мы здесь не находим, кроме случайно брошенной фразы о языках бюрократическом и народном. Нет никаких данных и о том, что член Императорской академии Н. Я. Марр был до революции знаком с писаниями Сталина, этого мало кому известного большевистского деятеля. После революции выяснилось, что они оба не равнодушны к проблемам языка.

Общемировой язык и универсальный алфавит

Во второй половине XIX века в России почти на равных боролось несколько тенденций понимания будущего не только национального языка и алфавита, но и в области проектирования их регионального или общемирового вариантов. До конца XVII века, помимо собственного словотворчества, русский словарный состав в основном пополнялся за счет угро-финских и тюркско-татарских языков и наречий, а затем за

счет полонизмов. В ранние и Средние века с кем носители языка соседствовали, торговали и воевали, с теми и обменивались новыми понятиями-словами и символами. Неощутимо для обыденного слуха, слова (понятия, символы), подобно товару и наряду с ним, участвуют в процессе обмена между людьми и народами. Символический обмен происходил и происходит везде и всегда со времен обретения языка в нарастающем масштабе. Контактные и ассимилируемые племена стихийно вносили свою лепту не только в генетику победителей, но и в общую лексическую и ментальную копилку. Очень часто победители так выстраивали свою политику в отношении побежденных, что вынуждали пользоваться языком и алфавитом победителей в большей мере, чем родными. Язык служил орудием борьбы с другими способами мышления. Алфавит же для этих целей малопригоден.

В дореволюционной России только Петр I решился провести заметную реформу русского алфавита – кириллицы, изобретенного, как известно, с использованием элементов греческого письма. А его политика сближения с Западной Европой и заимствований культурных и технических достижений привела к тому, что в русский язык хлынул поток голландских, немецких, французских, английских и других иностранных слов. Согласно подсчетам современных исследователей, к концу XVIII века в русском языке содержалась до 40 % иноязычных слов[876]. Обладая неограниченной деспотической властью, Петр I мог бы без больших осложнений в рамках своей европеизации ввести в гражданское употребление латинский алфавит взамен кириллической письменности. Для верхушки российского общества он изменил на европейский лад почти все, но письменность, то есть алфавит, которым умела пользоваться лишь малая часть даже господствующего слоя, только чуть упростил и сократил. Я не думаю, что Петра остановила многовековая письменная и печатная традиции или традиции архаичного церковного письма и языка богослужений. Он беспощадно подминал под себя и ломал православную церковь, Боярскую думу, стрелецкое войско, староверов, сменил летоисчисление, изменил повседневный быт дворянства и другие ненавистные ему «пережитки» прошлого. Поэтому странно, что реформа алфавита была наименее радикальна, тем более что многие славянские народы: чехи, хорваты, союзные тогда ему поляки много веков пользовались латинским шрифтом. И тем не менее, казалось бы, такого логичного и

завершающего по направлению к европейской культуре шага Петр не сделал.

После Петра ни один российский правитель никаких серьезных реформ алфавита не провел, хотя общее движение к европеизации продолжалось. Наоборот, во второй половине XIX века в политических и ученых кругах начались разговоры о необходимости распространения кириллицы на бесписьменные народы империи, а также о ее дальнейшем упрощении и приближении написания слов к русской звуковой основе. В это время такие изыскания проводились почти во всех европейских странах, но на них накладывали свой отпечаток нужды колониальных империй с их тенденцией использовать язык и письменность метрополий как общеадминистративные, а значит, и как средства управления. Как никогда, язык и письменность стали использоваться не только в качестве средств общения, просвещения и передачи информации, но и как орудие господства, порабощения и эксплуатации. Западноевропейские алфавиты почти не подвергались реформированию.

Однако были в Европе империи, не имевшие значительных колоний на заморских территориях, но обладавшие обширными прилегающими к метрополии владениями на Европейском и Евразийском континентах, – это Австро-Венгрия, Турция и Россия. Подобно большинству колониальных империй, Россия, расширяясь по всем азимутам, во второй половине XIX века основное усилие направила на юго-восток Европы, туда, где проживала значительная масса славянского населения. И если раздробленная Германия жила в это время идеями пангерманизма, то Россия после работ славянофилов, и в особенности Н. Данилевского, жила идеями панславизма. В этом русле наряду с различными исследованиями и проектами «решения Восточного вопроса и вопроса о черноморских проливах», составной частью которых была проблема панславизма, зародилась идея создания искусственного общеславянского литературного языка и алфавита. Оставляя в стороне спекулятивные проекты, посвященные этой проблеме, изложу мнение профессора Оксфордского университета Карла Абеля, занимавшегося в эти же годы сравнительной лексикографией славянских языков. Почти так же, как Марр, он считал, что этносы и языки способны к «скрещению» и поэтому, например, на территории России сложились две ветви русской народности со своими

«скрещенными» языками: одна ветвь – украинская, славянорусская, и вторая – финно-славяно-русская, населявшая Московское царство. Марр также считал, что украинская речь принадлежит к группе «окающих» языков и ближе к языкам скифским. Но Абель интересен тем, что он одним из первых серьезных лингвистов написал небольшую статью, в которой размышлял о возможности создания искусственного общеславянского языка и алфавита. Поводом к ней послужила реплика русской императрицы на приеме славянских политических деятелей из Австрии, Турции, Сербии в мае 1867 года.

В статье, посвященной этому событию, Абель писал, что императрица высказала сожаление о том, что присутствующие на встрече славяне не могут изъясняться на общепонятном для всех языке и у них нет общей азбуки и общего правописания. Для Абеля это заявление стало предлогом для того, чтобы порассуждать о поставленных императрицей проблемах. Абель писал, что у славянских народов существует четыре вида кириллической письменности, а три славянских народа пишут латинскими буквами. Причем в последнем случае «звуковые оттенки, за недостаточностью латинского алфавита, передаются посредством различных крючков, черточек и точек, различно применяемых в различных наречиях»[877]. Замечание о дополнительных крючочках и черточках в латинице, используемой в алфавитах славянских народов, надо отметить особо. Абель утверждал, что для всех славян, в особенности тех, кто пользуется латиницей, самое удобное было бы в целях единения перейти на русский вариант кириллицы. Но если переход на новый общий алфавит технически не очень сложен, то совсем иное с правописанием. Казалось бы, славянские наречия близкородственны и имеют много общих корней, поэтому слова, одинаково звучащие, могли бы писаться одинаково. Но на самом деле одинаково писаться могут только те слова, которые имеют не только общие корни, но и одинаковые окончания и флексии (приставки, прилепы) разных видов. А между тем случаи полного сходства слов крайне редки, да и один и тот же корень очень часто в каждом диалекте сильно видоизменяется. Введение общего правописания привело бы к тому, что пришлось бы признать единственно правильным написание только тех слов, которые принадлежат к системе одного какого-либо из славянских языков. Исходя из истории развития славянских языков он сделал вывод: «Все,

что различает славянские наречия со звуковой и формальной стороны, есть именно тот индивидуальный вид, в каком был первоначально общий язык. Следовательно, устранение его было бы не изменением только орфографическим, но отчасти упразднением того или другого наречия. Перед нами, таким образом, не только графическое, но **лингвистическое, национальное и политическое преобразование**» (выделено мной. – *Б. И.*)[878]. Принятие проекта общеславянской письменности на основании какого-либо одного языка означало бы признать, что все другие языки «неправильны» в этом отношении, утверждал Абель. Кроме того, даже общая звуковая форма, если ее восстановить на основании когда-то существовавшего в древности общеславянского языка, ничего бы не дала для предложенного проекта. За исключением «патриотов-ученых» такой бы проект не приняло бы большинство образованных классов, так как он очень сильно затруднили бы им чтение и письмо, а неграмотный народ просто-напросто не стал бы употреблять слова в новой для него звуковой оболочке, но несущие старый смысл. «Конечно, языки подвергаются насилию, – размышлял далее Абель. – Можно было бы запретить печатать на старом языке, в школах изучать только новый и стараться постепенно ввести его в жизнь». Но для этого должны быть определенные исторические условия, позволяющие один язык поставить над всеми другими славянскими языками, как к общему, но таких условий сейчас нет. (В 20-х годах XX века такие условия появятся. – *Б. И.*) Да и сама идея постепенной смены языка глубоко порочна, заявил автор. Намного проще ввести новый язык одним актом, потому что язык для человека – это целостный мир. Легче целиком заменить этот мир на новый, чем изменять его постепенно и частями. Людей легче «привести к перемене языка… чем это ныне полагают. Устройте только, чтобы они на этом новом наречии ежедневно читали или слышали и в известной степени сами на нем говорили; иначе этот процесс, конечно, бесконечен. Нечто бессознательное, что лежит в языке и делает его частью нашего собственного Я, с органическою силою действует в пользу старого наречия, пока только перевес на его стороне; раз переместился центр тяжести на другую сторону – та же самая естественная сила устремляет к новому»[879]. Абель подразумевает здесь тот случай, когда ассимилируемые народы или

эмигранты вынужденно усваивают господствующий язык и язык новой родины как целостные системы.

В конечном счете автор пришел к следующему выводу: для того чтобы заставить все славянские народы говорить и писать на одном языке и алфавите, легче и правильнее силой навязать всем один из существующих языков и алфавитов, чем создавать искусственный, пусть даже синтетический литературный язык и общую письменность. Нетрудно догадаться, что в качестве таковых Абель предложил язык и алфавит русские. В таком случае все лингвистические проблемы снимаются, утверждал автор, но остаются проблемы национальные, а главное, проблемы политические.

В XIX веке каждая европейская империя была озабочена похожими проблемами. Но жили в том веке и такие чудаки, которые думали о будущем для всего человечества сразу, уходя мысленным взором за дальние исторические горизонты. У нас в России в одно время с самобытным лингвистом Н. Я. Марром размышлял о будущем языке и алфавите земного человечества и К. Э. Циолковский. В 1915 году родоначальник отечественной космонавтики опубликовал небольшую заметку, так и озаглавив ее – «Общий алфавит и язык»:

«Как важно людям понимать друг друга. По преданию, вначале люди имели один язык, но в наказание потеряли общий язык и заговорили на разных. Прекратилось общее согласие и деятельность, направленная к одной цели. На самом деле, может быть, и был общий, хотя и очень несложный язык, пока семья людская не была многочисленна и не расселилась по всему земному шару. Время, разделенность народов, благодаря расстояниям, естественным преградам в виде гор, морей, рек и т. п. – все более и более изменяло коренной язык каждого народа.

Изменения эти не шли в одном направлении, завися от окружающей природы, особенностей народа, устройства гортани и других причин. Прошли тысячи лет, и вот один народ перестал понимать другой. Кроме того, когда иноплеменники случайно встречались, то каждый считал другого немым.

Вражда народов основана не только на несогласии в наружности, уме, характере, обычаях, религиях, мерах, законах, но и, главным образом, на различии в языках, которое ставит надолго неодолимую преграду к сближению и взаимному пониманию. Можно сказать, что

вражда народов больше всего зависит от розни, рожденной и растущей от незнания языков. Истина одна. Нам дает ее вселенная и мудрецы, земля и небо. Если бы она была доступна всем людям, то и не было бы такого большого различия во взглядах, обычаях, вере и т. д. Некоторые народы опережают в познании истины и другие. Незнание же языков мешает распространению завоеванной каким-либо народом истины. Но доступно ли каждому знать все языки? Не лучше ли каким-нибудь образом, незаметно, без больших усилий и жертв, ввести один общий язык для всех? Для этого, прежде всего, обратимся к алфавиту, или обозначению элементарных, или начальных, звуков человеческого языка посредством начертанных фигурок.

Главных элементов звука очень немного, хотя один и тот же элемент произносится не только разными народами, но и людьми одной семьи не совсем одинаково. Положим, этих звуков будет 30. Для обозначения их мы употребим для начала наиболее распространенный алфавит – латинский; но в нем недостает некоторых букв, означающих звуки, употребляющиеся в русском языке и у других народов; мы прибавим эти буквы. Наши собственные выгоды требуют, чтобы при выборе алфавита мы соблюдали следующие правила:

1. Один элементарный звук не должен обозначаться совокупностью нескольких букв, как это мы видим во многих языках.

2. Одна и та же буква во всех языках должна произноситься приблизительно одинаково.

3. Писать и печатать мы должны так, как говорим. Маленькие несогласия в произношении вызовут и разное начертание слов, но это придает только прелесть и интерес письменной или печатной речи. Художник слова нередко пишет буквально так, как говорят мужики, дети и т. д., но разве это не придает особенную красоту и живость литературному произведению?

Чтобы приучить незаметно и без труда каждого читающего к новому алфавиту, нужно в распространенных для чтения книгах и газетах употреблять примесь этого алфавита к обыкновенному, то есть сначала употреблять примерно 10 % нового алфавита и 90 % старого. Процент нового алфавита понемногу увеличивать, а в конце концов ввести его весь, выбросив старый; молодежь всех сословий почти моментально привыкнет к новому алфавиту. Для пожилых и несогласных может употребляться исключительно старый алфавит.

Чтобы выбрать и утвердить общенародный алфавит, конечно, нужно согласие всех народных представителей. Но если мы, русские, даже без их согласия, обучим наш народ новому алфавиту, в котором почти все буквы будут латинскими, то и другие народы не только ничего не будут иметь против, но даже будут нам чрезмерно благодарны за то, что мы наш язык сделали им совершенно доступным хотя для грубого произношения. Может быть, они тогда добровольно переменят свой алфавит на другой, столь же им близкий и родной. Возможно, что и они так же, по нашему примеру, обучат свои народы общему алфавиту.

Когда мы приучим людей к новому алфавиту, то можем также приступить и к избранию и изучению общенародного языка. Изучение это должно быть таким же невольным, незаметным, не трудным, как и изучение алфавита. Взять искусственный язык, как эсперанто, имеющий, правда, наилучшие достоинства, несколько рискованно. Гораздо проще и надежнее употребить для общенародного языка какой-нибудь наиболее употребительный язык какой-либо высококультурной страны, например английский или французский. Изучив его, мы ни в коем случае ничего не потеряем. Если он и не сделается общенародным, то, во всяком случае, как очень употребительный и имеющий громадную литературу, он нам может очень пригодиться. Конечно, лучше всего выбрать общий язык на мировом конгрессе народных представителей. Но когда-то он соберется! Мы можем начать дело без него. Каждый народ может взяться за дело самостоятельно. Алфавит у нас общий уже есть; будем обозначать его буквами, например французские слова, и будем употреблять их во всех наиболее читаемых книгах и журналах – сперва в крайне незначительном количестве. Сначала будем заменять иногда только слова, потом самые предложения. Далее все в большем количестве; затем все более и более сложные фразы, все чаще и чаще, пока не вытесним окончательно свой язык и не приучимся к иностранному. Может, также изредка рядом с русским словом ставить в скобках иностранное, рядом с русской фразой – французскую, но делать это понемногу, не заваливать память, а то испортим все дело.

Вот таким образом, незаметно для самих себя, без трудов, без мук, без грамматики, без самомалейшего утомления, как младенцы, мы изучим новый язык и будем уже знать два языка: свой родной и

иностранный, который на общественном конгрессе может сделаться общенародным.

Если же это исполнится, то все люди сделаются для вас действительными братьями, доступными, понятными. Старые и в особенности новые литературные и научные богатства всех стран сделаются для вас доступными. Вы обогатите ими свою душу, ум и облегчите труд. Они дадут вам нравственное и материальное благосостояние.

Мы не будем, конечно, произносить так чисто, как французы, наша речь возбудит в них смех, но будет достаточно понятна. Недостатки же нашего знания языка совсем не будут заметны в общенародной литературе.

Мертвая орфография ставит препоны к развитию и совершенствованию языка. Но живой язык все-таки совершенствуется и все более и более не согласуется с установленной неизменной орфографией. В результате: самый культурный народ имеет самую печальную орфографию»[880].

Когда Циолковский писал эту статью, то он вряд ли предполагал, что через два-три года, а затем в течение почти двух десятилетий некоторая часть его предложений будет всерьез обсуждаться на самых высоких государственных и интеллектуальных уровнях. Проблема мирового языка и алфавита время от времени поднималась на всех континентах, в частности проблема внедрения искусственного языка эсперанто. Циолковский скептически высказался о будущем эсперанто. Надо отметить, что и Марр относился к нему отрицательно. Циолковский писал о тормозящей роли орфографии, Марр тоже постоянно об этом говорил. Но если Циолковский предполагал, что единым языком человечества постепенно станет один из современных языков Европы, то Марр утверждал, что ни один из современных языков не способен стать общим языком будущего. То же он думал и о едином алфавите: ни одна из современных систем письменности не сможет стать общечеловеческой. При этом Марр исходил из анализа накопленного человечеством опыта. Он утверждал, что тенденции к использованию какого-либо одного языка в качестве средства общения между народами можно проследить с глубокой древности. Таким языком для всего древнего Дальневосточного региона служил китайский язык, для древней Центральной Азии стали языки

шумерский и эламский. Еще более широкое распространение получил арамейский язык, ставший международным для многочисленных народов Месопотамии, Сирии, Палестины и др. Со временем на большей части Афревразии получили распространение в качестве языков международного общения арабский и латинский. Так что идея о едином языке далеко не нова. Больше того, заявил Марр, «она абсолютно неевропейская выдумка. Если не больше, то ей столько же веков и тысячелетий, сколько по исчислению отводится времени существованию древнейших письменных языков. Каждая письменная речь выводила человечество из его социальной замкнутости, выносила с его производством материальным и общественным также мышление из ущелья в ущелье, с долины на долину племенного его расселения, открывала и расширяла возможности общения своего мира с чужим, служа предпосылкой общения всего мира»[881]. Но ни один из них не стал всеобщим и неизменно заменялся на другой. (А мы продолжим: как не стал таковым французский или получивший ныне широчайшее распространение английский язык.) Марр утверждал, что будущий мировой язык будет представлять собой особенное явление.

* * *

После Октябрьской революции 1917 года надежды на скорую мировую социалистическую революцию поставили в практическую плоскость разработку единого если не языка, то алфавита как ощутимого прорыва в этом направлении. Известно, что большевики-ленинцы рассматривали Россию в качестве практической модели будущего мирового социалистического устройства. Но Россия была особым и малоисследованным регионом, в котором проживало несколько сотен народов и народностей. Сколько их было на самом деле, к какой группе и даже к какой расе они принадлежали, не знал никто. Более или менее была известна конфессиональная принадлежность в массе безымянных народов, а также системы письменности наиболее развитых и древних племен, вошедших в состав России. Значительная часть населения на юге европейской и азиатской частей империи, ее сибирских и северных губерний вообще никогда не имела своей письменности. Так сошлись прагматические

задачи идентификации возможно большего числа российских наций, а в ряде случаев задачи их искусственного формирования из массы аморфных, но родственных племен, задачи конструирования для них новых алфавитов – с идеями подготовки почвы для будущей общемировой социалистической республики. Ведь и Циолковский писал, что если мы возьмем на себя задачу перевести русскую Россию на латиницу, то очень скоро и другие народы последуют за нами. Гении часто бывают наивными.

Таким образом, появлялось обширное поле деятельности для национального и языкового строительства. Сталина как народного комиссара по делам национальностей не могли не интересовать проблемы языков, письменности и национальных образований на территории республики. Другое дело, он всерьез интересовался этим только в тех случаях, когда на повестке дня стояли вопросы организации СССР как системы вновь создаваемых национальных республик, областей и округов, то есть как национально окрашенных управленческих единиц. Кроме того, главного идеолога страны – Генерального секретаря ЦК ВКП(б) – не могла не интересовать одна из основных идей культурной революции: задача полной ликвидации неграмотности в СССР, для чего была необходима простая, но универсальная система письменности. И если часть романтически настроенных политических деятелей и ученых была воодушевлена идеями переустройства всего земного шара, то Сталин, на первых порах продолжая большевистскую традицию, поддерживал их, но в середине 30-х годов сделал осторожный, однако решительный поворот в сторону великодержавия и национального социализма.

Как и Циолковский, первые советские реформаторы решили, что мировой язык со временем сформируется сам собой, вслед за реформой алфавита и вслед за его унификацией. Откуда появилась такая уверенность, неясно, но, возможно, они исходили из истории с латинским алфавитом в средневековой Европе. Почти повсеместно латинский язык и латинский алфавит способствовали формированию не только романских, но и германских и других европейских наречий. Поскольку в наиболее развитых капиталистических европейских странах и в США ожидались социалистические революции, а в капиталистическом и колониальном мире наиболее распространенным был латинский алфавит, то и в СССР он был взят за основу. Сразу,

одним махом, перевести все народы Советской России на латинский алфавит было затруднительно, так как это грозило не только политическими осложнениями, но и ставило под угрозу управляемость страной.

В 1919 году началась так называемое движение за создание «нового алфавита» для тюркоязычных народов. Этот алфавит был разработан и унифицирован на основе латинской графики с дополнительно изобретенными буквами. Самым интересным было то, что новый латинизированный алфавит стали усиленно навязывать народам, уже имевшим алфавиты, но на арабской, а затем и народам, писавшим на старомонгольской графике. Утверждалось, что арабская графика очень сложна и мало приспособлена к тюркским языкам, что затрудняет ликвидацию неграмотности и способствует влиянию реакционного мусульманского духовенства. Центром, из которого «новый алфавит» должен был распространяться на всю страну, был избран мусульманский Азербайджан и его столица Баку. Еще в середине XIX века в Азербайджане местными подвижниками делались попытки внедрить латинский алфавит. В свою очередь, русские колониальные деятели и миссионеры пытались разработать новые алфавиты для некоторых народов Кавказа на кириллической основе. Тогда ни та, ни другая попытка не дали конкретных результатов, но выбор Баку в качестве центра реформы был не случаен. Не случайно и Марр многие свои новационные доклады прочитал в этом городе, не случайно и то, что именно там он издал свой «Бакинский курс». В 1926 году в столице Азербайджана был созван 1-й Всесоюзный тюркологический съезд, посвященный вопросам латинизации. На нем был избран так называемый общественный центр – комитет нового тюркского алфавита. После того как задачи центра были расширены, в 1930 году он был переименован в Государственный всесоюзный центр – комитет нового алфавита при Совете национальностей ВЦИК СССР (ВЦКНА). С самого начала в работе центра формально принимал участие Марр и многие примкнувшие к нему лингвисты, но работали там и его откровенные научные противники. Центральную научную позицию в комитете занимал выдающийся лингвист-кавказовед Н. Ф. Яковлев, близкий по воззрениям к марризму, однако имевший свой взгляд на будущее российских алфавитов. Латинизированный «новый алфавит» вводился постепенно и всегда специальными

правительственными постановлениями, а это значит, что внедрялся он с ведома и одобрения вождя. До 1936 года двадцать народов СССР, ранее имевших арабскую или иную письменность, перешли на латинскую графику, а пятьдесят народов и народностей впервые получили свои алфавиты на той же основе. В те же годы в Турции, возглавляемой реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком, проводившим политику сближения с западноевропейской цивилизацией и находившимся под сильнейшим воздействием советских социальных реформ, также был введен латинизированный алфавит вместо арабской графики. Под давлением советского правительства латинизированный алфавит был введен в Монголии и тогда формально независимой Туве.

1930 год стал поворотным в области латинизации народов СССР. Внешним поводом послужила статья А. В. Луначарского «Латинизация русской письменности», опубликованная в «Красной газете» в январе того же года[882]. Незадолго до этой публикации Луначарский был смещен с поста наркома по делам просвещения РСФСР. Мотивы, заставившие выступить соратника Ленина, а теперь полуопального бывшего наркома с идеей латинизации русской письменности только в 1930 году, не совсем ясны. В сталинской внутренней политике все ощутимее проявлялась тенденция отказа от идей мировой революции. Все чаще раздавались голоса, требовавшие тотальной замены введенной ранее латиницы на кириллицу. И именно в это время Луначарский, к которому Сталин относился с откровенным пренебрежением, выступает со статьей «Латинизация русской письменности», в которой высказывает радикальные идеи. Скорее всего, это было начало давно запланированной акции, которую новое руководство Наркомпроса упустило из виду.

Отметим, что некоторые восточные народы имели давнюю письменную традицию на арабской основе. Луначарский разъяснял: «И тем не менее мусульманские народности Востока, исторически усвоившие арабский шрифт, немало страдали от этого обстоятельства. Шрифт древнеарабской литературы приспособился к соответственным условиям культуры и, с трудом могущий отразить новую культуру, очень трудно усвояемую и отделяющую народы Востока от европейской культуры, шрифт этот, конечно, был вспомогательным средством для задержки всякого прогресса и пользовался при этом поддержкой всех реакционных классов и в особенности духовенства.

Наркомпрос РСФСР, встретившись с проблемой латинизации письменности всех этих народов, шел вперед с чрезвычайной осмотрительностью. Он прекрасно понимал, как легко могут быть использованы против Советской власти эти новшества, которым старались придать характер желания отторгнуть массы от их собственной культуры и от их веры. Сторонники старины всячески внушали массам, что в латинизации сказывается высокомерное отношение западных людей к Востоку с его своеобразной и “бесценной”, непонятной для “гяуров”, культурой. Значительным облегчением в этом деле было присоединение к этой реформе турецкого правительства, которое с большой энергией начало проводить у себя параллельную латинизацию. Это сразу отбило возможность для всяких пантюркистов играть политическую игру на фоне якобы верности старой культуре, чисто мусульманской и турецкой, и объяснять латинизацию шрифтов “гонением” на эту старую культуру со стороны большевиков.

Но и помимо помощи, которая была оказана таким образом нам турецким правительством, дело латинизации шло быстрым шагом, так как само население легко замечало огромные выгоды, отсюда проистекавшие. Письменность крайне упрощалась, и, приобретая ее для своего родного языка, каждый гражданин из восточных республик и наций уже тем самым перебрасывал довольно прочный мост к усвоению общего алфавита, на котором пишут огромное большинство культурных народов. При моих разговорах с представителем Японии о состоянии у них этой реформы я убедился, что там значительного количества сторонников латинизации нет. Трудный, берущий свое начало в еще более трудной китайской грамоте, алфавит японцев остается для них признаком их оригинальности, и, кроме того, на нем имеется огромное количество уже изданных книг и больших библиотек – поэтому массовый переход на латинский шрифт означал бы, по мнению образованного японца, с которым я говорил, большой экономический разрыв. “Некоторым, – говорил он, – пришлось бы учить детей обоим алфавитам для того, чтобы не ограничивать их употреблением только книг нового издания, которых в первые годы по необходимости будет недостаточно”.

По отношению к нашим восточным народам это было не так. Никаких больших книгохранилищ у них не было, да и, попросту

сказать, та литература, которая имеется на арабском языке, при всей своей исторической ценности, большой ценности практической не представляет, и народам этим все равно приходится развивать новое издательство не только потому, что надо создавать много книг на новом алфавите, но и потому, что надо создать побольше книг нового содержания. Недавняя выставка латинского алфавита восточных народов, имевшая место в залах Коммунистической Академии, показала, какие большие успехи в этом отношении достигнуты. И для нас, “инородцев” по отношению к мусульманским народам, возникло большое облегчение к изучению их языков.

Лермонтов как-то сказал, что тюркский язык является ключом для всего Ближнего Востока. Это положение остается в силе и теперь. Изучить тюркский язык через арабский шрифт было непомерно трудно, изучить же по нынешнему шрифту вовсе не трудно. А между тем каждый гражданин СССР, желающий быть по-настоящему образованным, должен, по моему мнению, изучить тюркский язык, так как на нем говорят десятки миллионов наших граждан, десятки миллионов людей, находящихся за границей нашего Союза, если принять во внимание, что отдельные языки – татарский, турецкий, узбекский и т. д. – представляют собой только не очень отличный вариант общего языка. В связи со всем этим возникает вопрос и о латинизации нашего русского шрифта. Припомним, прежде всего, как произошла и та довольно солидная реформа письменности, которая была проведена непосредственно после Октябрьской Революции и которая возбуждает до сих пор скрежет зубовный у эмигрантов.

Потребность или сознание необходимости облегчить нелепый, отягченный всякими историческими пережитками, дореволюционный алфавит возникала у всех мало-мальски культурных людей. В Академии Наук шла подготовительная работа. Кадетский министр Мануйлов, опираясь на работу комиссии академика Шахматова, уже подготовил введение нового алфавита именно этого типа, который был на самом деле введен Советским Правительством.

Советское Правительство прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, “февральское”, а не октябрьское. Я, конечно, самым внимательным образом советовался с Владимиром Ильичем Лениным перед тем, как ввести этот алфавит и

это правописание. Вот что по этому поводу сказал мне Ленин. Я стараюсь передать его слова возможно точнее.

“Если мы сейчас не введем необходимой реформы – это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины. Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский, который ведь непременно нужно будет приспособить к нашему, то мы можем наделать ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т. д. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно. Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения календаря. Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее. А в будущем можно заняться, собрав для этого авторитетные силы, и разработкой вопросов латинизации. В более спокойное время, когда мы окрепнем, все это представит собой незначительные трудности”.

Такова была инструкция, которая дана была нам вождем. После этого мы немедленно законодательным путем ввели новый алфавит. Увы, оказалось, не так-то легко осуществить его в жизни. На декрет, можно сказать, никто даже ухом не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту.

Я помню, как после выхода в свет номера “Правды”, напечатанной по новой орфографии, один доктор прибежал ко мне и заявил: “Рабочие не хотят читать “Правды” в этом виде, все смеются и возмущаются”. Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографии людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им: “Появление каких бы то ни было текстов, напечатанных по старой орфографии, будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы”.

Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому, к моему и многих

других изумлению, с этого дня – в Петербурге, по крайней мере, – не выходило больше ничего по старой орфографии. Все знают, какое большое облегчение принесла с собой эта реформа, насколько новая орфография проще и изящнее в знаках письма, как много лишних детских слез было пролито из-за нелепых трудностей, которые выброшены за борт.

У всех передовых граждан, то есть у большинства коммунистов (потому, что и среди коммунистов имеются люди, не понимающие всей серьезности этих, как они думают, “пустяков”) и среди части беспартийных, которые подобными вопросами как раз интересуются, реформа оставила чувство глубокой неудовлетворенности. В течение всего времени, когда я руководил Наркомпросом РСФСР, мы получали множество предложений о дальнейшем облегчении правописания, немало также предложений о введении латинского алфавита.

Огромный толчок идея латинизации русского алфавита (конечно, и Украины и Белоруссии) получила именно от успехов латинизации письма народов, употреблявших арабский шрифт. Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами пробужденного. В настоящее время в Главнауке работает большая комиссия, занимающаяся вопросом предварительного упрощения и упорядочения орфографии, уточнения пунктуации, а затем существует и особая комиссия с участием профессоров Жиркова, Коринского, Щелкунова и Яковлева, которым поручено формулировать принципы, подлежащие учету при установлении нового алфавита… проект кажется мне очень удовлетворительным.

Само собой разумеется, что введение латинского алфавита есть очень большая мера. Японское возражение становится здесь уместным. Для того чтобы могли пользоваться огромным количеством книг, написанных по дореволюционной орфографии, вовсе не нужно специально учиться. Каждый школьник может буквально в один день усвоить все особенности старого алфавита и преспокойно читать книги, которые еще не переизданы по новой орфографии. Совсем не то будет с переходом на латинский шрифт. Он настолько отличается и от современной и от дореволюционной письменности, что если дети в школах или неграмотные на ликпунктах будут обучены латинскому шрифту, то на первое время перед ними откроется только небольшое

количество книг, изданных начиная с того года, когда латинский шрифт будет декретирован. Все остальное для них будет за семью замками. Это, очевидно, приведет к необходимости параллельно обоих алфавитов в течение довольно долгого времени.

Постепенно книги, написанные русским алфавитом, станут предметом истории. Будет, конечно, всегда полезно изучить русский шрифт для того, чтобы иметь к ним доступ. Это уже будет польза ощутительная для тех, кто будет заниматься историей литературы, но для нового поколения это будет, во всяком случае, все менее необходимым. Процесс поглощения старого массива наших книг новосозданными книгами будет, без сомнения, довольно медленным. Я, однако, не разделяю опасений японцев в этом отношении. Примером может служить Германия. Там шрифт готический и шрифт латинский существуют параллельно. Никто не считает особой трудностью то обстоятельство, что немецкий школьник естественнейшим образом изучает оба шрифта. Мыслимо ли представить себе немца, который умеет прочесть Шиллера, если он написан латинским шрифтом, и не умеет, если готическим. Между тем разница начертаний между готическим и латинским алфавитами нисколько не меньше, чем между нынешним русским алфавитом и предполагаемым русско-латинским. Зато выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком; он особенно сильно облегчает обучение грамоте, сокращая количество букв, он дает большую убористость типографским знакам, как говорят, почти на 20 %, что представляет собой огромную экономию.

Нельзя не сказать несколько слов о хозяйственных условиях введения латинского шрифта. Пока комиссия Наркомпроса не разработала этой довольно сложной проблемы, но любопытна уже наметка такой разработки. Действительно, введение нового шрифта предполагает переоборудование полиграфической промышленности. Уже это предполагает значительный расход. К нему нужно прибавить расходы на переобучение населения грамоте, включая подготовку соответственных кадров. Затем необходимо будет сейчас же переиздание на латинском шрифте книг, в особенности наиболее жизненно необходимых. С другой стороны, начнет сказываться экономия на бумаге и на наборе.

Таковы перспективы реформы с хозяйственной точки зрения. При многочисленности населения, употребляющего русский шрифт и чрезвычайно близкий к нему украинский, белорусский и некоторые другие, надо считаться с тем, что реформа эта грандиозна, и подходить к ней нужно поэтому с большой осмотрительностью. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет. Наркомпросу РСФСР, в частности, Главнауке мы должны сказать спасибо за поднятую ими работу. По всей вероятности, однако, вскоре наступит время, когда надо будет перенести эту работу в какое-нибудь всесоюзное учреждение для того, чтобы реформа прошла не как республиканская, а как общая».

В статье Луначарский допустил несколько неточностей. Нет готического алфавита, отличного от латинского, а есть готическое начертание латинских букв. Но в целом Луначарский довольно точно передал содержание давно задуманной реформы и мнение Ленина о необходимости перехода всех народов России, включая русский, на латиницу. Действительно, еще в 1919 году Научный отдел Наркомпроса выдвинул идею всеобщей латинизации, что, по его мнению, являлось логическим шагом после реформы календаря и введения метрической меры, а главное, завершило бы реформу алфавита, начатую еще Петром I. Против этой затеи выступили многие деятели культуры, в том числе Общество любителей российской словесности. Оно создало свою комиссию, которая в декабре 1919 года выпустила заявление: «Введя новый, однообразный для всех народностей шрифт, нельзя думать о сближении и объединении всех народностей, что возможно лишь на почве живого языка, являющегося органическим выражением всего векового культурного пути, пройденного каждым отдельным народом… Сторонники реформы, стоя на международной точке зрения, настаивают на введении европейского шрифта не только для бесписьменных народностей России, но и для русского… Введение латиницы не только не облегчит, а скорее затруднит иностранцам изучение русского языка». Так что вопрос о замене кириллицы на латинский шрифт действительно обсуждался еще при жизни Ленина.

В своей статье Луначарский изложил результаты деятельности новой комиссии Наркомпроса, которая с 1929 года разрабатывала проекты реформы русской письменности на основе латинской графики. Но если в 1919 году Ленин счел такую реформу желательной, но

преждевременной, то в 1930 году Сталин отнесся к ней совершенно иначе. Сменились вожди, а с ними изменились и времена. Сталин решительно выступил против перевода русской письменности на латинскую графику, но не потому, что такое решение подрывало корни русской культуры, а потому, что он в это время был радикальнее любого самого «левого» оппозиционера, радикальнее Ленина, Троцкого и др. В конце 20-х – начале 30-х годов, после разгрома группы Бухарина, Сталин действовал на крайне левом фланге большевизма. Именно в это время он репрессивными методами проводил «социалистические преобразования»: коллективизацию, индустриализацию и культурную революцию. Тогда он был убежден, что одним решительным рывком загонит скопом все народы СССР в «социализм». На какое-то время в русле этой горячечной политики оказалась и проблема письменности будущего общества.

В Архиве Президента РФ лежит несколько любопытных документов, показывающих реакцию Сталина на статью Луначарского. Прочитав статью, Сталин позвонил новому главе Наркомпроса А. Бубнову и потребовал от него объяснений. Через несколько дней Сталину была представлена справка:

«Секретно

16 января 1930 г.

г. Москва

№ НКП 69/М

В ЦК ВКП(б) тов. Сталину

Согласно телефонному разговору представляю Вам справку Зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации.

А. Бубнов.

СПРАВКА

О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита.

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т. п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучения проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая

промышленность, представители которой дали предварительные подсчеты возможной экономии. Один переход с “и” на “і” (“и” с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 мил. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный “Домом печати”, свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым *комиссионным путем* прорабатывать эту проблему. В настоящий момент *предварительная проработка* закончена и весь материал с отзывами как представителей общественности, так и ученых-специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании Коллегии Наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита неосновательны.

Вопрос, поднятый общественностью, лишь прорабатывается в органах Наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал Наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.

И. Луппол»[883].

Ключевые слова подчеркнуты в справке, скорее всего, самим Сталиным или его секретарем, готовившим вопрос. Из этой записки становится ясным, что выступление Луначарского было заранее спланировано и оно должно было открыть давно готовившуюся кампанию в печати за перевод русской письменности на латиницу. Но что-то изменилось. Вскоре из Политбюро ЦК пришло решение:

«О латинизации.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П115/26-С

26.01.1930 г.

Тт. Курцу, Лупполу

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК от 25.01.1930 г.

26. – О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК Сталин»[884].

На том же заседании Политбюро, но одним пунктом ранее рассматривался вопрос «О языке сношений государственных учреждений Союза СССР и предприятий общесоюзного значения». Для того чтобы не вносить хаос в систему управления огромной страной, таким языком и письменностью были названы русский язык и кириллица. О правах других языков и систем письменности там ничего не говорилось.

Тридцатого числа того же года комиссия по латинизации русской письменности была распущена, но латинизация письменности других народов СССР продолжалась своим чередом. В это же время Сталин через своего секретаря Б. М. Таля обратился к Марру с рядом вопросов. О них можно судить по черновой копии записки, подготовленной Марром в качестве ответа. Возможно, вопросы к Марру были связаны с его давней идеей и докладом «На путях к интернационализации (языка)»[885], где проблема о будущем характере общемировой письменности рассматривалась с новых позиций. В начале 1930 года Марр ответил на запрос Таля:

«О латинизации алфавита. Записка в ЦК ВКП(б).

Уважаемый товарищ Таль.

Немедленно по получении Вашего письма мною были приняты меры к выяснению возможностей и сил Яфетического Института для намеченной работы по латинизации алфавита. Записка была готова, как я сообщил Вам в телефонной беседе (в Москве), но вынужден был задержать из-за наметившейся возможности организовать это дело на более широком использовании специалистов Академии наук СССР, работающих вне Яфетического Института.

При работе над производственным планом Академии наук выяснилось, что специалисты Института Востоковедения, в том числе и академики, уже работают над латинизацией письма по азиатским языкам и зарубежным. В то же время я надеялся поспеть с выпуском моей новой работы “Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык” (доклад, читанный еще летом в Глазове), где

достижения нового учения об языке еще раз побуждают трактовку вопроса о латинизации признать делом не формальным, а идеологическим. Так как выпуск работы задержался, я делаю выписку касательно письма и предпосылаю ее к готовой давно записке о том, что практически изготовит по тому вопросу Яфетический Институт (см. прил.).

В процессе давно начатых по вопросу работ пришлось принять во внимание, что и на латинице нельзя безоговорочно строить интернационального алфавита, так как латинские буквы в разных языках имеют различное значение, например: J – по-французски “ж”, по-английски “дж”, по-немецки “и” и т. д. Букв латинского алфавита не хватает для обозначения всех звуков в громадном числе языков. Между тем алфавит, претендующий на интернациональность, должен быть построен так, чтобы каждая буква получила определенное значение независимо от того, как она произносится в каком-либо, хотя бы и мирового значения, языке (речь, конечно, о тех буквах, которые имеют в различных языках совершенно отличное значение). **Кроме того, чтобы алфавит был приложим к любому языку, необходимо, чтобы он был аналитичен, то есть обладал бы способностью, оставаясь на одной и той же базе, бесконечно расширяться** (выделено мной. – *Б. И.*). Таким алфавитом, или, вернее, транскрипцией, является яфетидологический аналитический алфавит, принципы которого положены в “Абхазском аналитическом алфавите” (Лнгр. 1926, изд. Восточного Института им. А. С. Енукидзе).

При всех возникающих затруднениях в вопросах выработки общего алфавита представляется необходимым предварительно подготовить общественность к правильной установке предстоящего грандиозного предприятия.

В этих целях Яфетический Институт имеет в виду следующие работы:

1. В текущем 1930 г. Яфетическим Институтом была проведена работа по критическому разбору тюркологического абхазского алфавита, с точки зрения пригодности его для практического использования. Одновременно был затронут и вопрос о научности и практической пригодности вообще тюркского латинизированного алфавита. Окончательная сводка работы может быть закончена к 1.1.1931 г.

2. Яфетическим Институтом прорабатывался проект реформы русского алфавита на системе русской же графики. Но для того, чтобы сделать русский алфавит более доступным национальностям СССР, даже оставаясь на почве кириллицы, необходимо в нем провести существенную реформу, делая его действительно соответствующим звуковому составу русского языка. Требуется учесть особый характер звуков русской речи, дающих неправильное представление о том, будто звуки русского языка состоят из твердых согласных и твердых и мягких согласных[886].

Яфетическим Институтом прорабатывался также и вопрос о яфетидологической транскрипции и ее применении к русскому языку. Разобран проект алфавита Главнауки. Работа может быть закончена к концу ноября 1930 года.

Кроме того, Институтом намечены к доработке:

1. Перевод на яфетидологическую транскрипцию языков народов СССР.

2. Приспособление ее же для практического употребления, а именно выработка транскрипции, удовлетворяющей требованиям нового (материалистического) учения о языке и алфавита общего пользования, составленного на основе яфетидологической транскрипции.

Из указанных заданий берутся в первую очередь:

Яфетидологическая транскрипция восточнофинских языков (акад. Марр при участии аспирантов / к декабрю 1930 г.

Яфетидологическая транскрипция тюркских языков / аспирант А. К. Боровков / к январю 1931 г.

Яфетидологическая транскрипция сев. – кавказских языков / сотрудники Института В. И. Абаев, К. Д. Дондуа, С. Л. Быховская / к маю 1931 г.

«» чувашского / аспирант Н. Я. Золотов / к ноябрю 1930 г.

«» осетинского / сотр. Института В. И. Абаев / к концу октября 1930 г.

«» палеозийских / т. Улитин.

«» китайского / аспирант Института народов Советского Востока т. Врубель.

Кроме того, намечено составление библиографии по вопросу письменности. По этому заданию может быть к марту 1931 г. собрана

библиография по языкам чувашскому и восточнофинским.

Директор ЯИ, академик

«» ноября 1930 г.»[887]

Таким образом, Марр, не отвергая прямо идею латинизации, предложил радикально новое решение: внедрить так называемый аналитический алфавит в качестве общей системы письменности для всех народов мира. Публично эту идею он стал пропагандировать много раньше. А в 1926 году в Яфетическом институте Марр создал группу для установления «теоретических норм будущего общечеловеческого языка»[888]. Марр мыслил масштабами вселенских преобразований.

Из проекта записки на имя Таля видно также, что Марр к 1930 году был очень близок к главному источнику государственной власти, к Сталину. Но есть доказательства и более тесного и разнообразного сотрудничества нового вождя и старого ученого.

Любимый сталинский академик «на посту бойца научно-культурного фронта»

Летом 1930 года Марр выступил от лица советских ученых на XVI съезде партии. Ему оказали большую честь. Это был знак особого доверия власти и лично Сталина. В большом докладе вождь затронул тему национального строительства, развития национальных культур и языков. Хорошо отрежиссированный съезд громил «правых»: Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова, а в промежутках между погромными и покаянными речами съезд приветствовали известные и не очень известные представители рабочего класса, трудового крестьянства и интеллигенции. Все заканчивали свои гладко обкатанные приветствия здравицами в честь партии, рабочего класса (своего и международного), Коммунистического Интернационала и, конечно, в честь Сталина.

Когда вышел Марр, с трибуны партийного съезда опять зазвучали странные фразы. Даже здесь великий эгоист умудрился говорить главным образом о себе: «Рапортующему от общественной организации боевого стана советской науки разрешите начать со слова в пояснение того, что рапортует не партиец, а беспартийный, по диалектическо-материалистическому научному своему мировоззрению, зачатому в котле национально-общественных противоречий Кавказа и

самостоятельно выработанному им на конкретном материале живой речи и живого мышления… отсталых… национальностей… разделяет целиком и без какого-либо качественного ограничения марксистское революционное мировоззрение, эту динамическую научную теорию руководящей партии… С первых же октябрьских дней я стал по мере своих сил плечом к плечу с товарищами коммунистами и вместе с беспартийными созвучного закала помогал делу беспримерного по размаху революционного научно-культурного строительства… Осознав фикцию аполитичности и естественно отбросив ее, в переживаемый момент обострившейся классовой борьбы я твердо стою, в меру своих, омоложенных революционным творчеством, сил, на своем посту бойца научно-культурного фронта – за четкую генеральную линию пролетарской научной теории и за генеральную линию коммунистической партии»[889]. Затем Марр прочитал приветствие от имени главы ВАРНИТСО (Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР) и ни разу не упомянул имени Сталина. Отмечаю это специально, так как некоторые (в том числе Алпатов) до сих пор пишут о том, что Марр на съезде произнес подхалимскую речь на русском и грузинском языках и особенно славословил вождя. В архиве Марра сохранилось пять машинописных вариантов этой речи с его рукописными поправками, которые мало чем отличаются от той, что он произнес на съезде[890]. Обратим также внимание на то, что Марр в присутствии Сталина, а значит, с его одобрения (без предварительного просмотра текстов тогда доклады не делались) заявил о своем научном приоритете в разработке языкознания, которое оказалось «марксистским». Тогда Сталин с легкостью признал его приоритет в этом деле. В 1950 году Сталин заявит, что Марр никогда марксистом не был, и сам опубликует работу на ту же тему.

И хотя Марр не упомянул лично Сталина, ему-то как раз было за что благодарить новую власть. В том же выступлении на XVI съезде партии Марр туманно объяснил причину своей благодарности: «В условиях полной свободы, которую дает науке Советская власть, помогающая самым смелым, самым дерзким научным исканиям в области подлинного материалистического миропознания, я старался развивать и продолжаю, уже с новыми кадрами научных работников – коммунистов и стойких беспартийных соратников, развивать

теоретическое учение о языке, в области которого я веду свою научную работу»[891]. А всего лишь на полтора-два года раньше, в 1928 году, Марр, отчаявшись добиться от коллег признания своей обновленной яфетической теории, опубликовал нечто вроде научного завещания. Называлось оно: «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». Цитируя давние и новые работы, выступая в качестве своего собственного историографа, Марр почти по-детски восклицал: «А есть такое учение? Есть. Это учение так называемая яфетическая теория, которая никем не признается в “серьезных научных кругах”, и у меня даже возникло если не сомнение, то вопрошание, стоит ли продолжать лекции, восстанавливать курс в Ленинграде, Москве и где бы то ни было после бесплодной своей многолетней по основному делу деятельности и тем более заниматься непристойным делом пропаганды учения, ни для кого из лингвистов не приемлемого»[892]. Именно тогда он воскликнул, имея в виду себя: «Картина рыцарских времен с одним воином на ристалище!»

На самом же деле научный мир того времени достаточно взвешенно и беззлобно относился к его трудам. Чаще его упрекали в небрежности стиля и запутанности аргументации. Даже его искренние последователи и друзья уговаривали хотя бы раз кратко изложить свою теорию удобоваримым языком. Марра эти предложения приводили в бешенство, так как он считал, что дело тут не в форме, а в сознательном неприятии его научной идеологии. Однажды он в сердцах произнес: «Почему же трудно усвоить? Потому ли, что у меня длинные фразы в русских работах? Не верьте, товарищи. Во французских статьях моих – фразы короткие. В немецких безукоризненных, – скажу: блестящих, – переводах не чувствуется никакой трудности стиля. Наконец, пробовал их уменьшить, вот, например, сегодня. Поможет ли? Раньше не помогало. В чем дело?»[893] Таковыми были почти детские по интонации «вопрошания», между прочим, вице-президента советской Академии наук, на каковую должность он был назначен незадолго до XVI съезда партии. А такие должности в российском государстве всегда были номенклатурными. И все же по-русски Марр мог писать только так, как писал. Но он прав – дело было не только в трудностях стиля.

Еще в 1929 году Я. В. Лоя, бывший латышский стрелок, а впоследствии известный лингвист и педагог, начинавший свою

деятельность под покровительством Марра[894], а затем ставший его научным противником, так отметил положительные и отрицательные стороны марризма.

Положительные:

«1) разработка вопросов семантики;

2) общая материалистическая направленность и

3) увязывание вопросов языка с фактами истории культуры.

Но яфетидология имеет и свои теневые стороны:

1. Игра с алхимическими четырьмя элементами (сал, бер, йон, рош);

2. Вульгаризация марксистского метода, когда в каждом предложении склоняется по всем падежам слово “класс” и т. д.;

3. Авторитарное преклонение учеников перед учителем, вследствие чего совершенно теряется столь необходимый для науки критический подход;

4. Ограничение научного кругозора почти исключительно вопросами происхождения, доистории, палеонтологии речи;

5. Самовлюбленность, доходящая порой уже до нападок на языковедов-марксистов, не желающих “изменять” или “дополнять” марксизм марризмом»[895].

Характеристика вполне исчерпывающая и во многом, но не во всем справедливая. Этой работы в нынешней библиотеке Сталина нет. Но оттиск другой статьи Лоя я там обнаружил. В январе 1929 года молодой лингвист преподнес вождю с дарственной надписью свою большую обзорную статью «Против субъективного идеализма в языкознании»[896]. В ней критиковался с «марксистских» позиций ученик выдающегося российского лингвиста Бодуэна де Куртенэ, будущий академик Л. В. Щерба, тот самый, кто написал работу о первичных диффузных звуках. Помет на оттиске нет, и теперь трудно сказать, познакомился ли Сталин со статьей и если да, то когда это произошло. Но с ранее упомянутой работой Лоя он, без сомнения, был знаком, так как все перечисленные пункты этой брошюры, характеризующие Марра, вошли в тот же «эпохальный» сталинский труд 1950 года «Относительно марксизма в языкознании».

Сталин еще в начале 30-х годов был знаком с некоторыми идеями Марра и знал о той критике, которой подвергается яфетическое учение как «справа», так и «слева», но все сделал для того, чтобы оно стало

единственно «марксистским». В феврале 1929 года в Коммунистической академии прошла так называемая поливановская (по имени языковеда Е. Д. Поливанова) первая лингвистическая дискуссия, а затем в октябре-декабре 1930 года вторая дискуссия в той же академии, организованная «языкофронтом». Сами по себе обе эти дискуссии были знаками того, что в высших эшелонах власти не было полного единодушия по отношению к учению Марра как к единственно марксистскому. Различные кланы пока еще «поставляли» власти тех, кто в принципе мог бы официально представлять «марксистское» направление в области истории и теории языка и мышления. Сходные процессы шли и в других областях науки и культуры. Марра, скорее всего, поддерживала линия: Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, М. В. Фриче, а также часть старых академиков. Возможно, не все из перечисленных все еще очень влиятельных в то время людей искренне сочувствовали Марру.

Поливанов был вызван в Москву 1926 году из Средней Азии тогдашним руководителем РАНИОНа (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук) М. В. Фриче. Через два с небольшим года, в 1929 году, в Комакадемии, руководимой Покровским, с которым, как мы видели, Марр был очень дружен, Поливанов выступил с разгромным и тщательно аргументированным докладом по поводу «нового учения». Без всякого сомнения, это была заранее подготовленная акция. Самым интересным было то, что Поливанов своим выступлением фактически попытался перехватить у Марра главенство в «марксистском» языкознании. Но, в отличие от Марра, он не стал огульно отрицать все предыдущие достижения «буржуазной» компаративистики, а, напротив, рассматривал ее достижения как плодотворный подготовительный этап к лингвистике «марксистской». Конечно же, он отрицал четырехэлементный анализ и большинство залихватских формулировок и характеристик Марра. Но если смотреть из сегодняшнего дня, то без труда обнаруживается – в главном взгляды Поливанова и Марра не противоречили друг другу, а, напротив, имели много общего. Так же как Марр, Поливанов говорил о рождении речи в результате социальной коммуникации, которая необходима «для связанного кооперативными потребностями коллектива»[897]. Как и Марр, он рассматривал речь в качестве одного из «видов трудовой деятельности»[898]. Применяя более корректную

терминологию, Поливанов говорил не о «схождении» и «расхождении» языков, а о процессах «гибридизации» и «метисизации» языков, «типичных для эпох товарного хозяйства», что, по сути, одно и то же[899]. Признавая заслуги компаративистики, он также говорил о том, что она оставила за бортом социолингвистические проблемы. Более осторожно, но и он говорил о необходимости изучения семантических сдвигов, происходящих в революционные эпохи[900]. Короче говоря, Поливанов трезво и обстоятельно попытался навести мосты между европейской наукой и наукой советской. Свое кредо он выразил так: «Работа над созданием марксистского языкознания должна выражаться не в виде похоронного шествия над гробом естественно-исторической лингвистики, а в построении новых лингвистических дисциплин на том фундаменте бесспорных фактов и положений, которые даны лингвистикой как естественно-исторической дисциплиной»[901]. Но именно это и не получило официальной поддержки. Организованным большинством выступавших (включая Фриче) идеи Поливанова были отвергнуты, его подвергли остракизму, и он был вынужден вернуться в Среднюю Азию[902]. В 1938 году Поливанов погиб в сталинских застенках, но ни марристы, ни, конечно, сам покойный Марр не имели никакого отношения к его гибели[903]. Я не исключаю того, что тогдашним руководителям-сталинистам не понравился не только научный академизм одного из талантливых советских лингвистов, но и то, что в 1917–1918 годах Поливанов в качестве переводчика принимал участие в издании тайных договоров царской дипломатии, осуществлявшихся по инициативе Троцкого и при участии знаменитого матроса Маркина. Вступив в партию в 1919 году, он был исключен во время сталинских чисток. После разгрома марризма и смерти Сталина имя Поливанова вернулось в советскую науку. Марр в «поливановской» дискуссии официально не участвовал, но он, без сомнения, пристально следил за ее ходом: в архиве Марра сохранилась стенограмма этого мероприятия.

Если в процессе первой дискуссии Марр критиковался с позиций традиционного, компаративистского языкознания, прикрываемого марксистской терминологией, то вдохновители второй дискуссии попытались «перешагнуть» через концепцию Марра, сделав вид, что она является пройденным этапом «марксистского» языкознания[904]. Среди организаторов и активных участников второй дискуссии был уже

упоминавшийся ранее Лоя. Но и эта «языкофронтовская» атака «слева» очень быстро потерпела фиаско, несмотря на то что ее, похоже, поддержал видный партиец, новый нарком просвещения А. С. Бубнов. Неизвестно, интересовался ли Сталин ходом этих дискуссий, одна из которых прошла накануне XVI съезда, а другая после него. Скорее всего, он не вникал в них, но, судя по тому, как они быстро захлебнулись, именно он не дал им хода, так как считал более целесообразным поддержать Марра в качестве научного авторитета. На 1929–1931 годы приходится пик научной, политической, организационной и даже международной деятельности Марра в новую советскую эпоху. Сталин с размахом использовал его карьеристские устремления, а Марр не обманул его ожиданий.

* * *

Я уже отмечал, что после октября 1917 года Марр, по существу, единственный из старых академиков, оказался близок к верхушкам Советской власти. Больше десятилетия, вплоть до 1929 года, Академия наук СССР сохраняла свою организационную автономию и идеологический нейтралитет, что вызывало раздражение монополизирующей все и вся ленинско-сталинской власти. После революции академия в своей гуманитарной части одним фактом своего существования автоматически становилась независимым от ЦК ВКП(б) идеологическим центром. Большевистская верхушка на первых порах выбрала тактику постепенного разрушения академии путем выстраивания параллельных ей научных и идеологических учреждений, способных со временем заменить академию полностью. Такая тактика позволяла, не вызывая резких протестов зарубежных и отечественных научных кругов, перехватить инициативу и подготовить преданные власти научные кадры, работающие по ее заказам и правилам. Еще в 1919 году бывшая Императорская Академия наук была переведена в подчинение Наркомпроса РСФСР и формально стала частью советского государственного аппарата. Ему же были подчинены и гуманитарные институты. Все оставшиеся научные учреждения и институты негуманитарного профиля перешли в ведение Научно-технического отдела ВСНХ. Чуть раньше, в июне 1918 года, в Москве

была учреждена Социалистическая академия, которая первоначально должна была заниматься пропагандой марксизма применительно к общественным наукам. В том же 1918 году Петроградский филиал Наркомпроса, который тогда витиевато назывался Комиссариатом народного просвещения Союза коммун Северной области, выступил с инициативой ликвидировать Академию наук как ненужный пережиток старого общества. В 1923 году, когда Социалистическая академия была переименована в Коммунистическую, нарком Луначарский стал представлять ее в качестве единственного центра, инициирующего всю научную работу в стране. Так в очередной раз была поставлена под сомнение особая роль Академии наук. В одном ряду с этими советскими учреждениями противопоставляли себя академии такие новообразования, как Общество историков-марксистов, Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, то самое ВАРНИТСО, во главе которого Советская власть поставила академика Марра и от имени которого он выступал с приветствиями на XVI съезде партии. Все другие перечисленные советские учреждения возглавляли уже известные нам советские деятели, с которыми Марр находился в самых тесных отношениях: Луначарский, Покровский, Фриче. Однако перечеркнуть академию таким способом не удалось; в ее рядах насчитывалось всего сорок пять человек, но все они были выдающимися учеными, имевшими мировой авторитет. С лета 1925 года власть изменила тактику, и РАН передали в подчинение более высокого ранга – Совнаркому РСФСР. В том же году в недрах Политбюро ЦК ВКП(б) появляется специальная комиссия для связи с академией (во главе с А. Енукидзе), а на самом деле для выработки шагов, ведущих к ее огосударствлению и подчинению ЦК. Через два года Академии наук был навязан новый устав, резко ограничивающий круг деятельности и разделивший ее состав на два отделения: физико-математическое и гуманитарное. Численность академических вакансий была увеличена почти вдвое, для того чтобы получить возможность ввести своих людей и овладеть академией изнутри. Но до 1928 года этот план осуществить не удалось, а потому делались попытки путем перераспределения кадров организовать в Комакадемии учебно-научные центры гуманитарного профиля. Сталин и все руководство

партии и государства, включая «правых» оппозиционеров, были согласны в стремлении овладеть последним оплотом «буржуазного» вольнодумства в важнейших идеологических областях. С осени 1928 года до начала 1929 года была проведена серия мероприятий (а по сути, аппаратных интриг), позволивших навязать академии нужных власти людей. Среди них оказались и те, с которыми давно сотрудничал Марр и которых он лично рекомендовал[905], а также Н. И. Бухарин, А. М. Деборин, Г. М. Кржижановский, Д. Б. Рязанов – всего тридцать девять человек. Так в российской академической науке была запущена система номенклатурного подбора кадров, когда за основу берутся не выдающиеся научные достижения, а преданность режиму. Это привело к вырождению гуманитарной части Академии наук, вполне ощутимой и в наше время.

И все же сломать интригой и грубым административным давлением волю и совесть сорока пяти выдающихся россиян не удалось. Тогда сталинское руководство использовало испытанные уже в те годы грязные приемы по отношению к своим гражданам: шпионаж, доносительство, стравливание, раскол и, конечно, репрессии. В апреле 1929 года под предлогом проверки финансовой деятельности и пересмотра штатов была создана специальная правительственная комиссия, которая «обнаружила» два десятка добровольцев-сотрудников, от которых в адрес комиссии стали поступать подписанные и анонимные доносы. В частности, поступили «сигналы» о том, что в Библиотеке АН, в Пушкинском Доме и в Археографической комиссии хранятся печатные и архивные материалы «контрреволюционного» характера. На самом деле это были зарубежные периодические издания, архивные материалы разгромленных большевиками политических партий, манифесты об отречении от российского престола и т. д. В результате деятельности комиссии пять человек было расстреляно. Выдающиеся историки С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев сосланы на длительные сроки[906]. Некоторые так и не вернулись из ссылок. А что наш герой? Именно в эти годы карьера Марра пошла круто вверх.

Очень странно, но в опубликованных материалах о выборах в Академию наук, о ее проверке и судьбе репрессированных академиков сведений о Марре практически нет. Но в марте 1928 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило «строго секретное» постановление Комиссии по

вопросу о выборах академиков, в котором, в частности, были такие пункты:

«8. Признать необходимым, чтобы один из вице-президентов Академии наук был абсолютно советским человеком, и поручить Комиссии тов. Енукидзе подыскать подходящего кандидата.

9. Признать возможным утверждение Ферсмана вице-президентом при условии, что второй вице-президент будет абсолютно своим человеком»[907]. Вторым вице-президентом АН был фактически назначен Политбюро Марр.

Я уже отмечал, что Марр и до избрания на одну из высших должностей в академии был для власти своим человеком. Даже во время Гражданской войны и до конца жизни он постоянно выезжал в длительные зарубежные научные командировки (иногда вместе с женой), для чего специальными постановлениями Политбюро выделялась немалая валюта[908]. Тогда все заседания проводились лично Сталиным или его ближайшими соратниками.

Но Марр был полезен Сталину и как авторитетный специалист по периодически обновляемой национальной доктрине. Выступая с большим докладом на XVI съезде, Сталин в специальном разделе говорил об опасностях «уклонов» в сторону великодержавного русского шовинизма и национализма других больших наций СССР. «Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов»[909]. «Не ясно ли, – говорил он далее, – что, ратуя за один общий язык в пределах *одного*[910] государства, в пределах СССР, они добиваются, по сути дела, восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно *великорусского* языка? Где же тут интернационализм?»[911]

На том же XVI съезде в заключительном слове Сталин вновь вернулся к национальному вопросу и к национальным языкам. Сталин процитировал записку одного из делегатов, уличавшую его в противоречиях: «Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем

выступлении в Университете народов Востока в 1925 году, и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. “Вы, – говорит записка, – возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (*в одной стране*), а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (*в период победы социализма в мировом масштабе*), – нет ли тут неясности?”»[912] И действительно, в 1925 году Сталин заявил слушателям университета: «Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшила, а увеличила количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд национальностей и этнографических групп»[913]. Сталин действительно штудировал в 20–30-х годах работы Каутского, которые и сейчас находятся в его библиотеке. И он действительно скорректировал свою точку зрения к 1930 году. На том же XVI съезде Сталин разъяснял, что в 1925 году он выступал против «национал-шовинистической теории Каутского», который предрекал в случае победы пролетарской революции и объединения Австрии и Германии формирование там единой нации, включая чехов, с единым немецким языком. Опыт СССР говорит обратное, заявил Сталин. После революции процесс не пошел в сторону слияния «в одну общую *великорусскую* нацию с одним общим *великорусским* языком». Другое дело, что после победы пролетарской революции во всемирном масштабе, предрекал генсек, «**национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым** (выделено мной. – *Б. И.*)»[914]. Иначе говоря, схема Сталина 1930 года оказалась копией схемы Марра, с ее картинами «расхождения» и «схождения» национальных языков, в результате чего побеждает не один, наиболее сильный, а рождается совершенно новый, синтезированный язык. Более того, накануне съезда вышла статья Марра в широко распространяемом

политическом журнале «Юный пролетарий», в которой академик пророчил: «**Будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей**, как будущее хозяйство с его техникой, будущая внеклассовая общественность и будущая внеклассовая культура. **Таким языком, естественно, не может быть ни один из самых распространенных живых языков мира,** неизбежно буржуазно-культурный и буржуазно-классовый, как ни один из мертвых языков не смог стать международным в бывшем новом мире, дооктябрьском, да и в том бывшем мире ни один из них и не намечался вовсе как массово-международный (выделено мной. – *Б. И.*)»[915]. Сталин, готовясь к выступлению на съезде, конечно же, прочитал популярную заметку Марра, предназначенную для молодежи, и очень близко к тексту процитировал ее на партийном форуме.

В это время не только Марр, но и некоторые лингвисты утверждали, например, что в результате «скрещивания» народного латинского с германскими и кельтскими языками сложились совершенно новые, английский, французский, немецкий, испанский и другие современные европейские языки, которые затем действительно «разошлись». Никакой «победы» одного из языков, участвовавших в скрещивании, не наблюдалось. Таким образом, теория Марра очень удачно примиряла и старую сталинскую идею о том, что революция способствовала обнаружению в России более ста ранее неизвестных национальностей с их языками, которые великорусский язык никогда не вытеснит, и распространенный среди марксистов-интернационалистов взгляд о едином интернациональном мире и едином языке и едином алфавите будущего. После XVI съезда популярность Марра достигнет своего апогея. К 1950 году Сталин решительно «позабудет» обо всех своих прежних «интернационалистских» и «промарровских» взглядах.

* * *

До последнего времени строились предположения о том, общались ли когда-нибудь два корифея науки[916]. Документы архива Сталина безоговорочно указывают – да, общались, хотя бы письменно. Сейчас в архиве Марра никаких копий или иных следов писем Сталина и к нему нет. Но ответ вождя Марру, хранящийся в личном архиве Сталина,

доказывает, что в начале 1932 года Марр обратился к нему с просьбой об аудиенции. Просьба была не случайной. К этому времени Марр уже «по праву» мог претендовать на политическое признание генеральным вождем СССР, то есть Сталиным, своей роли в качестве главы отечественного языкознания и, по существу, всей гуманитарной науки. Сталин 20 января того же 1932 года вежливо отказал ему в немедленном приеме, сославшись на занятость. Вот заверенная Сталиным машинописная копия письма:

«**Копия**.

Товарищу Марр.

Очень извиняюсь, многоуважаемый Николай Яковлевич, что не имею сейчас возможности удовлетворить Вашу просьбу. Подготовительная работа к предстоящей всесоюзной партконференции поглощает у меня все рабочее время и не дает возможности заниматься другими делами.

После конференции я, конечно, смогу выкроить минут 40–50. Если это устраивает Вас, я охотно побеседую с Вами. Что касается дня приема, могу сообщить Вам об этом дополнительно приблизительно дня через два по окончании конференции.

Готовый к услугам *И. Сталин*.

_____

20.1.32 г.»[917]

Таким образом, в 1932 году официального посвящения в гуманитарные вожди непосредственно главным вождем не состоялось. Марр, не скрывая обиды, написал Сталину из Ленинграда, где он жил и трудился, ответную записку на бланке «Института народов Востока». И она сохранилась в архиве Сталина. Это было странное по стилю, да и по смыслу послание:

«Ленинград, 26.1.32.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Премного благодарен за ответ. Ваше предложение, конечно, вполне устраивает. Я буду ждать. Могу себе представить, как Вам дорога каждая минута, когда я потерял представление о времени, точно в первобытном обществе, не различавшем еще утра и вечера иначе, как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности. У Вас, однако, время расходуется на дело, на строительство, а у меня на отвлекающие от и

теоретического, и практического технически и общественного научного дела беспрестанные разговоры в комиссиях, подкомиссиях, совещаниях и т. д.

С неизменным уважением

и товарищеским приветом – *Марр*.

Адрес: 7-я линия, д. № 2, кв. 17 (тел. 5–48–43).

Тел. Авт. В-1.70.82 (только 7 и 8 в Москве. Институт народов Востока, Берсеневская наб., 120)»[918].

Неясно, переписывались ли они позже, но на копии письма Сталина Марру чьей-то рукой сделана приписка: «Письмо ак. Марра (с приложением) переданы т. Поскребышеву. 22.III.32». В это время А. Н. Поскребышев – очередной личный секретарь Сталина. О каком письме идет речь, кто его передал, а главное, о каком «приложении» здесь говорится, выяснить не удалось. Не исключено, что в марте Марр еще раз попытался напомнить о себе запиской и посылкой вождю одной из своих новых работ. Возможно, его просьба была связана с назревавшими изменениями в руководстве Академии наук СССР и ее советизацией? Быть может, Марр просил аудиенцию в связи с поднятым им еще в 1930 году вопросом о всемирном универсальном алфавите? Точно ответить на эти вопросы сейчас невозможно. Так или иначе, но вождь академика не принял. Как я уже отмечал, в журнале регистрации посетителей кремлевского кабинета Сталина фамилия Марра ни разу не упоминается[919]. Вскоре, так и не дождавшись приема, в 1934 году, прожив семьдесят лет, Марр умер.

* * *

Высокопарный тон письма Марра Сталину не только преисполнен чувством собственного достоинства и даже какой-то ходульной величавости, но оно еще написано не очень вразумительно с точки зрения общепринятого документописательства. Напомню, пишет крупнейший российский специалист в области языкознания, а его конструкции русских предложений способны смутить не только грузина-вождя, ревниво относящегося к неродному русскому слогу, но и коллег-языковедов. Смысл, кажется, ясен, но стиль витиеватый и путаный демонстративно тормозит понимание, причем так, что

читатель не сразу осознает, каким образом одной-двумя фразами его закидывают из сталинского настоящего в какую-то самую далекую прорву прошлого, затем, как головой в грядку, вновь сажают в бытие настоящего, но, не дав укорениться и там, швыряют в будущее. В нескольких строчках письма перемешаны времена и субъекты: и вчера, и утро, и завтра, и минута; вождя, автора, древнейшего примата, для которого, между прочим, время оказывается «неразличимо». В этом письме, в его стилистике, как и в большинстве научных трудов, содержится загадка личности Марра, его литературного стиля и квинтэссенция яфетической теории. В нем итог магии его исторических построений и фантастических по своей смелости языковых и семантических реконструкций. Марр действительно жил в своем, особо преувеличенном интеллектуально и эмоционально мире. Его верная ученица и научный последователь О. М. Фрейденберг вспоминала о первой встрече: «Я поняла в тот день, что ум у него отвлеченный и дальнозоркий и что очень близко лежащих перед ним предметов он без очков не видит»[920]. Да, но если даже очень пристально вглядываться в пустоту, то и «очки» не помогут. Что же видел Марр в неоглядной научной дали, в ее «яфетических зорях» (выражение Марра) и в своих ближайших политических окрестностях? Проследуем за амплитудой его взгляда.

И все же странно, что Сталин так холодно отстранил от себя в 1932 году пусть самовлюбленного выскочку, но все же академика, не раз доказавшего свою преданность новой власти, которому искренне не раз рукоплескала и старая императорская, и новая советская академия. Думаю, уже тогда, приняв политическую услужливость старого академика и поняв, что некоторые его выводы могут быть использованы в тогдашней политической доктрине, Сталин плохо понимал или совсем не понимал его научную концепцию в целом, не воспринимал его литературный стиль и тем более его невыносимо высокомерный тон. В своих устных выступлениях Марр нередко говорил о себе в третьем лице и в превосходных степенях. Говорить о себе как о «нем», о «Сталине» все чаще позволял себе и вождь. Марр, объявив себя марксистом, позволял себе в печати не соглашаться с Ф. Энгельсом по одному из самых фундаментальных вопросов исторического материализма, по вопросу о времени возникновения классов и классового общества. В 1929 году Марр опубликовал такой

пассаж: «Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляет ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках, но, само собою разумеется, поправку эту должен сформулировать не лингвист, а социолог или, точнее, социолог совместно с лингвистом»[921]. Если даже учитывать, что к тому времени Советская власть существует всего лишь двенадцать лет, это все же очень дерзкая фраза. Не только потому, что «гипотеза Энгельса» «нуждается в серьезных поправках», но и потому, что эти поправки должен внести не иной «великий теоретик-марксист», а совместно с лингвистом некий «социолог». Уж не Сталина ли (социолога!) и себя (лингвиста!) имел в виду наш академик? Сталин отважится на критику некоторых взглядов Энгельса (в частности, на русскую дипломатию) только спустя несколько лет. А «гипотезу Энгельса» Сталин припомнит Марру в 1950 году. Но, несмотря на огромное самомнение и даже дерзость, старый академик, заявивший, что он наконец-то создал новое «марксистское» учение о языке и мышлении, был полезен для новой сталинской власти и, чем черт не шутит, возможно, действительно способен дать то, что обещает. Как известно, Сталин требовал советского превосходства и приоритетов во всем. Но здесь произошла заминка, из-за которой Сталин, возможно, и отказался в 1932 году от прямых контактов с Марром. Причиной мог стать все тот же всемирный алфавит.

* * *

Вскоре после письма Марра к Талю с предложениями начать работу над внедрением нового универсального алфавита, в печати началась дискуссия, сам факт которой свидетельствует, что ее инициировали сверху. Открылась дискуссия статьей Врубеля, одного из верных учеников Марра, которого он рекомендовал Талю как специалиста, «способного приспособить» аналитический алфавит для китайской письменности. В ответ появилась большая статья ведущего специалиста по латинизации алфавитов народов СССР Н. Ф. Яковлева: «В книге 7–8 нашего журнала опубликована статья т. Врубеля “Унификация и латинизация”, где автор ставит вопрос о практическом

применении так называемой “яфетидологической транскрипции” или “аналитического алфавита”… Это одно из немногих определенных высказываний сторонников аналитического алфавита, в котором они пытаются доказать практическое превосходство аналитического алфавита над новым алфавитом, принятым у восточных народов СССР. Теперь, на основании высказываний яфетидологов Врубеля, Дмитриева-Кельда (дискуссия по вопросу об алфавите, организованная Ниязом и Иннарвосом[922]) и самого создателя аналитического алфавита акад. Н. Я. Марра, мы можем попытаться разобраться в этом вопросе. Для этого, прежде всего, посмотрим, что представляет собою так называемый аналитический алфавит.

Аналитический алфавит был создан акад. Н. Я. Марром задолго до революции. Можно смело утверждать, что составлен он был первоначально для отдельных языков: армянского, грузинского и абхазского, без оглядки на практическое его применение или хотя бы на теоретическое значение как единой универсальной, пригодной для обслуживания всех языков мира, транскрипции. Этот алфавит построен на следующей научной концепции истории звуков речи. Звуки речи развивались, согласно Н. Я. Марру, от сложных, но еще не расчлененных в своей первобытной сложности (“диффузных звуков”) африкат – к простым звукам современных языков: мгновенным (“сильным” по Марру), длительным (“слабым” по Марру). Исторически, таким образом, наиболее сложные африкаты являются и наиболее древними “доисторическими” звуками. Их “расщепление” в ходе развития языка дает новейшие “простые” звуки (по Марру, сначала сложные и неразложимые звуки).

Он делит звуки, для удобства буквенного их обозначения на простые (единицы), составные из двух звуков (десятки), в буквах слитно-двузначные, составные из трех звуков (сотни) и т. п., в буквах слитно-трехзначные построения»[923].

Здесь Яковлев обращает внимание на то, что современный аналитический алфавит Марра построен на прямо противоположных принципах по сравнению с историей развития речи, которой придерживался сам Марр. Ведь он утверждал, что речь первоначально состояла из нерасчлененных диффузных комплексов-звуков, из которых постепенно стали выделяться все более и более членораздельные звуки. В этом Яковлев увидел основной порок аналитического алфавита,

который являлся искусственной конструкцией, приспособленной исключительно для исследовательских целей. В этом алфавите делалась попытка поставить в соответствие каждому простому звуку одну и только одну букву из простых латинских, частично греческих и русских букв («как цифры для единицы»). Буквы для составных звуков также являются составными – к простым буквам добавляются знаки: нули, точки, черточки, птички, хвостики и пр. Так получаются буквы «десятки», а затем и более сложные буквы «сотни»[924]. Таким образом, этот алфавит не отражает историю развития речи, а представляет собой разработанный Марром механизм графической передачи современных звуков речи различной сложности[925]. Начиная с 1924 года аналитический алфавит Марра пытались приспособить для абхазской письменности. Абхазские руководители сами проявили инициативу и обратились за помощью к Марру по поводу латинизации своего алфавита. Но Марр убедил их в преимуществах своей транскрипции и с 1925 года аналитический алфавит без особых изменений был принят в качестве официального и для обучения в школах. Но она оказалась неимоверно громоздкой (более 70 знаков), трудно усвояемой школьниками и малопригодной для нужд печати. И теперь, когда абхазам приходится отказываться от марровского алфавита, академик и его последователи, продолжал Яковлев, предлагают применить этот алфавит для всех народов СССР, а в будущем для всего человечества? Сторонники Марра критикуют латинизацию за то, что она не приводит к унификации алфавитов народов России, а, наоборот, фактически усиливает их языковую изоляцию, так как такой алфавит способствует консервации норм национальных языков. Унификация алфавитов не ведет к большему пониманию и сближению народов. Яковлев, соглашаясь с этим, в то же время замечает, что латинизация – это всего лишь переходная ступень (?) и она, оказывается, не претендует на роль общемирового алфавита.

Последнее признание, как и вполне убедительная критика аналитического алфавита, привело к тому, что без особого шума, и, конечно же, решением Сталина, марровское предложение было отвергнуто, а через два года после смерти Марра, в 1936 году, было покончено и с латинизацией решительно и бесповоротно. До 1941 года все латинизированные письменности были переведены на кириллицу[926]. К этому времени Яковлев стал одним из самых ярких и

последовательных сторонников Марра, плодотворно развивавшим его методы на примере изучения кавказских языков. А народы, веками создававшие памятники письменности на арабском алфавите, были насильственно переучены на алфавит латинизированный и, более десятилетия прожив с ним, вынуждены были заново переучиваться на кириллическую письменность. И все это сопровождалось кампаниями, убеждавшими людей в правильности языковой политики партии и правительства. На самом деле никакой продуманной политики в этом не было, а была прихоть малообразованного диктатора, который сначала поверил в одну романтическую идею, затем чуть не соблазнился другой, а когда понял, что ни та, ни другая не решают проблемы всемирного языка и письменности, отказался от них, не очень думая о том культурно-историческом уроне, который он наносит многим народам своей страны. Попытки доказать, что Сталин, как закоренелый русификатор, повсеместно ввел кириллицу для того, чтобы обеспечить господство русской культуры, совершенно несостоятельны. Со своей национальной письменностью он милостиво оставил грузин и армян, а с латинизированной графикой – латышей, эстонцев, литовцев. С позиции же сегодняшнего дня можно утверждать, что перипетии с алфавитами можно рассматривать в качестве редких социальных экспериментов, позволяющих сделать определенные выводы.

Любой алфавит является искусственным средством, и его можно с большим или меньшим успехом приспособить или специально разработать для любого языка. Любой фонетический алфавит не сближает и не разъединяет народы, хотя и способствует консервации языков. Аналитический алфавит Марра (как и другие алфавиты такого рода) не мог быть успешно применен на практике не из-за своего несовершенства, а из-за своей бесконечной «открытости» – человеческая гортань способна произнести несколько сотен «единичных» звуков, из комбинации которых возможно синтезирование звуков второго и третьего порядка. Запомнить же такое количество знаков и символов немыслимо, поэтому никакой общемировой алфавит на фонетической основе при многообразии языков мира в принципе невозможен. Так что придется ждать рождения единого для всего мира языка или воспользоваться письменностью, близкой к китайской иероглифике. В различных частях Поднебесной китайский язык так

различается, что граждане одного государства и нации не понимают друг друга. Но иероглифическая письменность, передающая не звуки, а понятия и их комплексы, позволяет людям легко общаться письменно и сохранять единство государства и культуры на протяжении тысячелетий. Как мы помним, Марр хотел предложить китайцам свой вариант аналитического алфавита, а после 1950 года Сталин лично предложит китайцам перейти на фонетическую систему письменности. Тогда же в Китай были направлены советские языковеды для подготовки реформы, но они не преуспели.

О том, как Сталин осваивал азы яфетидологии

Вопреки утверждениям[927], Сталин имел, пусть и самые общие, представления о яфетической теории задолго до дискуссии 1950 года. Правда, если он и знакомился с работами Марра до этого момента, то, скорее всего, поверхностно. Не будучи специалистом, да и просто систематически образованным человеком, он многое принял на веру, хотя язык и стиль академика и способ его мышления были абсолютно чужды Сталину, который, как любой много практикующий редактор, любил прежде всего ясность. Но, как и многие «прирожденные» редакторы, лишенные собственного творческого начала, Сталин не понимал, что насильственно навязываемая ясность нередко ведет к обмельчанию глубины. Тексты крупнейших мыслителей и наставников человечества приобретают ясность, только если сумеешь проникнуть сквозь непроглядную толщу глубины. В своем требовании ясности Сталин исходил из элементарного желания контролировать чужую мысль. Слишком сложное и неоднозначное («заумь», по его терминологии) ускользало от буквального контроля. Поэтому ясности он требовал и добивался во всем, особенно в сфере идей, в том числе и в своих собственных писаниях.

Сейчас трудно сказать, прочитал ли Сталин сборник статей «Тристан и Исольда», но то, что он хотя бы подержал его в руках и перелистал, это вполне могло быть. Русский перевод поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре» с предисловием академика Орбели, в котором тот восхвалял Марра, Сталин читал и не раз перечитывал. Несмотря на свою занятость, Сталин предпринимал попытки читать и оригинальные произведения Марра. Судя по цитатам из работ

академика, которые Сталин приводил в своей статье 1950 года «Марксизм и вопросы языкознания», он пытался читать отдельные произведения, опубликованные в пятитомном собрании «Избранных работ» Марра, выходившие в 30-х годах. Правда, в нынешней сталинской библиотеке ни одного тома из этого собрания я не обнаружил. Неясно и то, в какие годы он знакомился с этими томами. Зато следы его усилий углубиться в лингвистические построения Марра до сих пор видны на двух отдельных работах, сохранившихся в архиве вождя. Одна из них: «Извлечение из свано-русского словаря» (Пг., 1922), вышедшая в серии «Материалы по яфетическому языкознанию. вып. X»[928]. Скорее всего, словарь был подготовлен к печати еще до революции. Об этом свидетельствует характерное указание: «Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук. Сентябрь 1917 года. Непременный Секретарь, академик С. Ольденбург». Ко всему прочему, словарь издан по правилам дореволюционной орфографии.

С «Извлечением из свано-русского словаря» Сталин познакомился очень основательно. Он вообще с видимым удовольствием копался в разноязычных словарях, и особенно в тех, где были трудные слова и термины. И в этом специфическом словаре Сталин подчеркнул карандашом десятки сванских слов и их русские переводы и толкования. Как и все работы Марра, словарь несет на себе оригинальный стиль автора. «Извлечение» было подготовлено Марром в качестве руководства для «собирателей», «посвященных в особенности лексикологической работы по яфетическим языкам». Собственно, это был даже не словарь в подлинном смысле слова. Слова в нем располагались не по алфавиту или в ином формальном порядке, а в согласии с оригинальной методой автора были «расположены гнездами по корням»[929]. К тому же, как я уже отмечал, всю жизнь Марр занимался еще и разработкой собственной системы передачи на письме всего разнообразия звуков человеческой речи («аналитический алфавит»). Эта система стала еще одним камнем преткновения на пути признания за яфетической теорией научного статуса. С синим карандашом в руке Сталин прошелся по сорока страницам этого своеобразного свано-русского словаря. Найти какую-то систему или выявить особый интерес Сталина к тем или иным словам и понятиям я не смог. Он привычно отметил в одном из слов ошибку в написании

сванского слова «форма». Сбоку написал по-грузински так, как надо, но уверенности в том, что в данном случая вождь прав, нет. И еще одна особенность: на последней странице он дважды подчеркнул слово «дьявол», хотя все остальные слова подчеркивал только один раз[930].

Другая книга Марра, также ныне находящаяся в сталинской библиотеке, – это сборник статей «О языке и истории абхазов», вышедший в 1938 году под грифом Грузинского филиала АН СССР в серии «Труды Института абхазской культуры имени акад. Н. Я. Марра, вып. X»[931]. Сборник издан под редакцией и с предисловием академика И. И. Мещанинова. В нем опубликовано двадцать пять различных работ Марра, но сталинские пометы синим карандашом есть только на статье, расположенной в самой середине более чем четырехсотстраничной книги «Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии Восточной Европы)». Между страницами этой статьи сохранились сталинские бумажные закладки. Как и во всех работах Марра, в статье развертывается широчайшая панорама связей абхазского языка с другими близкими и дальними, древними и новыми языками мира. Сталин и здесь все принимает на веру, останавливаясь на значимых для него моментах: на связях абхазского с грузинским, русским и с древними причерноморскими языками и культурами. Марр рассуждал об одной из самых любимых своих научных идей, о народах-яфетидах, к каковым, конечно же, были отнесены и абхазы. Он перечислил древнейших яфетидов, а Сталин подчеркнул их имена:

«В-третьих, со скифами непрестанно переплетаются везде **кимеры**, или **иберы**, они же **тубалы**, или **тибарены**, везде, а не на одном северном или восточном Черноморском побережье, и с доисторических эпох, а не с VII лишь века до христианской эры, эпизода военных столкновений **кимеров со скифами**»[932]. Подчеркнул марровскую связку «сколотов-колотов» с «колхами»[933]. Затем написал на грузинском рядом с русским слово «абхазы»[934]. Заинтересовался марровской этимологией слова «лошадь»: Марр сравнил скифское, абхазское, русское и немецкое слова, а Сталин отметил немецкое – «Ross»[935] («конь»).

Марр порассуждал о происхождении названия реки Волга, Сталин и это взял на заметку: «Древность этого названия… датируется эпохой **существования здесь этрусков или пеласгов**[936], тотемным словом которых является этот термин в различных разновидностях»[937].

Марр несколько страниц своей статьи посвятил этимологии русского названия легендарного княжества Тмутаракань, которое рассматривал как воплощение одного из архетипичных слов, прослеживая его сквозное существование от языков персов, древних этрусков и до славянских, турецких, чувашских, аварских и абхазских «племенных образований». Сталин внимательно прочитал эти страницы, чуть заметно черкнул карандашом под упоминанием об этрусках[938]. Затем подчеркнул слово «Тьмутаракан» самобытно транскрибированное Марром в таком контексте: «Древнерусское начертание Тьмутаракан в самом нашем термине подсказывает форму с огласовкой “е” – *Tem-utara-kan рядом также с архетипной формой ***Tom-utara-kan»**[939].

На протяжении своей научной жизни Марр несколько раз возвращался к загадке Тмутаракани и опосредованно к «Слову о полку Игореве», в котором, как известно, это легендарное княжество упоминается. Напомню – заново, по существу, интерпретируя средневекового грузинского поэта Шота Руставели, его «Витязя в тигровой шкуре», Марр один из пунктов своего исследования конспективно обозначил: «Загадка как “Слово о полку Игореве”»[940]. Иначе говоря, он ставил обе загадки в один ряд. Через много лет Сталин также попытается внести свой вклад в лингвистическую интерпретацию этой проблемы, о чем мы еще будем говорить подробно. Отметим, что Марр не изучал вопрос о реальном существовании княжества Тмутаракань. Он делал вид, что решает чисто лингвистические и этнографические задачи. «Исторического вопроса о государственном образовании мы не касаемся, – писал он, – нас интересует этнографический процесс. **На юго-востоке, несомненно, происходила трансформация яфетических племен в славянские**, в частности в русские. Тьмутаракань IX–XI вв. не могла представить исключения из этого процесса, и вопрос именно в том, какого порядка процесс тут происходил, скрещение ли уже готового русского с языками пережиточного яфетического населения или перерождение местных яфетических племенных образований в **индоевропейское русское**, и в какой стадии развития находился этот процесс трансформации. Несомненно, что процесс протекал и здесь, как везде, классово, в порядке влияния господствующего слоя с индоевропейской речью на яфетическое массовое население, в этих

путях могло совершаться скрещение индоевропейского языка с яфетическим»[941]. Марр выдвигает здесь, причем далеко не первым, идею о продвижении индоевропейских племен как «господствующего слоя» на юго-восток и «скрещивание» его с местными («яфетическими») племенами, в результате чего и сформировался русский этнос. В разных вариантах (скрещивание славян с угро-финнами, гуннами, тюркскими племенами и т. д.) эта теория, приобретая все более твердое основание, жива и до сих пор. В этом контексте стоит обратить внимание на работы П. Н. Третьякова, посвященные этнографии восточных славян и русского народа. Замечу, кстати, что Третьяков вел свои исследования в 30–40-х годах именно в русле концепции Марра. В 1948 году вышла его фундаментальная монография «Восточнославянские племена», получившая очень высокую оценку археологов и этнографов именно за творческое приложение теоретических основ яфетической теории[942]. Она была поддержана многими исследователями и, в частности, такими, как Б. А. Рыбаков, А. Л. Монгайт, Г. Б. Федоров, М. И. Артамонов[943]. В среде этнографов, так же как и в среде археологов, взгляды Марра принимались гораздо серьезнее и имели больше искренних приверженцев, чем в среде лингвистов. Впрочем, сам Марр, оставляя открытым вопрос о путях формирования русского этноса, предполагал и иной, более для него привлекательный вариант – «перерождение местных яфетических племенных образований в **индоевропейское** русское» (подчеркнуто Сталиным. – *Б. И.*). Но эта смелая идея, кажется, не находит ныне подтверждения ни в этнологических, ни в медико-генетических исследованиях. Оставляя вопрос открытым, Марр далее писал: «Нашим докладом мы так же мало считаем окончательно разъясненным вопрос по Тьмутаракани, как по черноморско-африканскому языковому родству, по которому лишь выдвигаем реально положение о родстве **коптского** ближайше с **мегрело-чанскими** языками, пережитками колхских или скифских наречий, вместо известного исторического свидетельства о родстве колхов с египтянами по речи и некоторым бытовым свидетельствам»[944]. На родственную связь колхов с древними египтянами, как известно, указывали еще древнегреческие авторы, но Марр пошел дальше. Современные лингвисты признают связи древних североафриканских

языков с некоторыми дагестанскими и северокавказскими языками, на что первым указал Марр.

На страницах работ Марра, о которых сейчас идет речь, нет ни одного сталинского критического замечания, обычного «ха-ха» или грузинского – «хе» («бревно», «дерево», то есть аналогично русскому – «дубина»). Это подкрепляет предположение о том, что Сталин знакомился с указанными работами до событий 1949-го – начала 1950 года. Но одно место все же и тогда покоробило вождя, отметившего текст, в котором академик жеманно покритиковал себя в третьем лице за давнюю незначительную ошибку[945]. И еще, если в «Извлечении из свано-русского словаря» Сталин дважды подчеркнул слово «дьявол», то в работе об абхазском языке он отметил одинаково звучащее для сванов, осетин и чеченцев слово Бог – «**Dal**»[946]. Это пока все, что можно сказать о непосредственном знакомстве Сталина с произведениями Марра до принятия решения о начале дискуссии 1950 года.

Борьба живого и мертвого

XVI съезд партии стал поворотным в судьбе Марра. Его облик запечатлевали известные фотографы, художники и скульпторы. Его именем стали называть научные и учебные заведения. После XVI съезда, как это часто случалось во все времена, а в советское особенно, аутсайдер в одночасье стал официальным лидером, полноправным вождем всей науки о языке и мышлении. Отныне и на многие годы молодых ученых-языковедов готовили почти исключительно в Институте языка и мышления АН СССР, поскольку других лингвистических центров на территории СССР практически не стало. Сразу же после съезда Марра, единственного из академиков старой формации, приняли в члены ВКП(б), а вскоре он стал членом ВЦИК. Как новоявленный научно-партийный бонза, он теперь считал необходимым ссылаться и на классиков марксизма, на Ленина и на Сталина. Но советский метод цитат и начетничества он так и не освоил. Пытался. В архиве Марра сохранилось несколько текстов, посвященных взглядам классиков марксизма-ленинизма-сталинизма на язык и мышление[947]. Какие-то из них были опубликованы, а зря, – эти «работы» производят удручающее впечатление. Сделанная в свое время подсказка Луначарского на пользу не пошла. Очень скоро, по обычаю

того времени, к Марру были приставлены бойкие писаки, легко справившиеся с поставленной задачей[948]. В последние годы жизни Марр пытался организовать из своих разрозненных работ, публикаций и лекций что-то более или менее целостное. Все попытки свелись к механическому соединению совершенно разноплановых текстов, повторявших много раз опубликованные фрагменты и примеры. Просматривая эти громоздкие конгломераты, трудно отделаться от ощущения, что к старости Марр начисто лишился способности работать систематически. От прежних озарений не осталось и следа.

После XVI съезда, в 1931 году, хвалебные слова Покровского в адрес коллеги были процитированы в первом издании Большой Советской Энциклопедии, в разделе, посвященном «яфетической теории Марра». Этот шестьдесят пятый том БСЭ сохранился в архиве-библиотеке Сталина. Спустя почти двадцать лет, возможно, ближе к 1950 году, Сталин отметил карандашом цитату из статьи Покровского прямо на полях страницы сразу тремя вертикальными чертами, что говорило о его особо пристальном внимании к ее тексту[949].

В 1928 году «Правду» еще редактировал Н. И. Бухарин, который через десять лет был расстрелян. Незадолго перед своим процессом Бухарин, согласовав вопрос со Сталиным, выступил застрельщиком разгрома исторической «школы Покровского». С тех пор Покровского много лет громили за гробом, посмертно. Так что в 1950 году Сталин тремя резкими карандашными чертами на странице энциклопедии символически отметил тройную «тень» ошельмованных им покойников: Бухарина, Покровского, Марра. Из них Марр был наименее значительной фигурой, ему и досталась третья, самая коротенькая карандашная отметина вождя. Однако в 1950 году Марру, его загробной тени, парадоксальным образом еще только предстояло взойти на посмертный эшафот. Так произошла достоверная третья, теперь уже посмертная «встреча» Марра с живым Сталиным.

К этому времени для семидесятилетнего Сталина уже не было ощутимой разницы между живыми и мертвыми. Он равно чувствовал себя владыкой и для этих и для тех. Живые для него, в его сознании, в большинстве своем были как бы потенциально мертвыми и поэтому обезволенными и обездушенными. И действительно, со второй половины 20-х годов все живые, то есть одушевленные, все в большей степени попадали в его полную и практически безраздельную власть.

Мертвые же, напротив, были для него теперь уже вечно живыми и потому находились в одном ряду с ними, особенно враги. И если при жизни они (враги) не были ему подвластны (за что и поплатились жизнью), то после смерти они уже, безусловно, «покорялись» его воле. Уж кто-кто, а он-то отлично понимал, как зыбка и легко преодолима грань (причем в любую сторону), разделяющая в его обществе миры живых и мертвых. И это относилось не только ко всем тем, кому он пока позволял дышать, но и к четверке знаменитых покойников, его злейших врагов: к Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и их оруженосцам. Все это относилось и к сотням тысяч убиенных и замученных «врагов» помельче.

Еще с довоенных времен врагов он назначал себе сам и делал это тогда, когда считал политически целесообразным. Он назначал себе врагов при удобных для себя обстоятельствах и в удобное для себя время, причем одинаково выискивал их как между мертвыми, так и между живыми. Если сейчас взглянуть на сцену любого крупного политического процесса того времени, то видно, что на каждом из них на скамье подсудимых рядом с живыми на равных правах «сидели», «свидетельствовали» и «осуждались» мертвые. Похоже, что в глазах Сталина политическая ценность врагов после их смерти только возрастала, так как мертвые «предатели» с легкостью порождали живых «шпионов», «отравителей» и «убийц». Если же по каким-то причинам знаменитые покойники не подходили на данный конкретный случай или же их просто не успели в свое время «заготовить» впрок для той или иной области политики, государственного управления, обороны, науки, культуры и т. д., то по инициативе вождя или с его санкции «изымали» какого-нибудь недавнего героя и обряжали его доселе лучезарный облик в личину давнего, но хорошо замаскировавшегося «врага». Такова, например, была посмертная судьба М. Н. Покровского или еще живого Н. И. Вавилова. Как и в случае с живыми, разоблачения покойников проходили шумно, азартно и всегда истерично. Мертвый «враг», как правило, «сам» разоблачал целое скопище живых «врагов». Так в сталинском СССР развернулся беспрецедентный процесс официального поругания мертвых. Рецидивы смертного греха надругания над мертвыми мы с легкостью обнаружим даже в нашем времени. После же Отечественной войны к смешению живого и мертвого все так привыкли, что воспитанный Сталиным

пропагандистский аппарат (а за ним и весь советский народ) готов был в любую минуту ринуться травить любого покойника, на которого мог указать своим коротким перстом «любимый» вождь. Марр, хотя и не был никогда сколько-нибудь заметной политической фигурой, тогда же, в 30-х годах, благодаря Сталину стал достаточно знатным покойником в советской научной иерархии довоенного и ближайшего послевоенного времени.

Прошли годы. Ученик Марра академик Б. Б. Пиотровский вспоминал об обстоятельствах смерти своего учителя: «15 октября (1933 года. – *Б. И.*) на заседании в Институте языка и мышления Н. Я. Марру стало плохо, произошло кровоизлияние в мозг, он долго лежал в больнице, а когда из нее вышел, то не тем активным и бодрым, каким был раньше…

В феврале 1934 г. Н. Я. выступал на пленуме Академии истории материальной культуры, но прочел лишь начало своей речи и покинул заседание. Трудно было примириться с “таким Марром”. Было ясно, что его ученики не смогут защитить яфетическую теорию, полную противоречий и гениальных догадок; по существу, это был конгломерат мыслей часто в неправильной внешней оболочке. Так оно и получилось»[950].

Незадолго до смерти Марра, после того как у него произошло кровоизлияние в мозг, осенью 1934 года Правительство СССР наградило его орденом Ленина в связи с сорокапятилетним юбилеем начала научной деятельности[951]. Президиум ВЦИК присвоил звание заслуженного деятеля науки. Известно, что все наградные дела такого уровня контролировались лично Сталиным. Не исключено, что Сталин знал о плохом состоянии здоровья Марра и поэтому спешил придать его фигуре больше советской респектабельности, предполагая посмертно возвести его в высший ранг советских научных вождей. Буквально накануне официального дня рождения Сталина, а именно в ночь на 20 декабря 1934 года, Марр умер. Его торжественно похоронили на территории Александро-Невской лавры. Тогда потерю его для страны сравнивали с потерей «любимца партии» Кирова[952]. Б. Б. Пиотровский вспоминал: «В ночь с 19 на 20 декабря скончался Н. Я. Марр. Похороны его были торжественными и на высоком правительственном уровне. Гроб с телом Н. Я. Марра был установлен в Мраморном дворце, затем его везли на грузовике, украшенном

красными флагами, в сопровождении военной охраны. Присутствовали члены правительства: Б. П. Позерн, П. Н. Королев. На кладбище был ружейный салют (троекратный)»[953].

На могильной плите выбили высказывание покойного о том, что человек, «умирая индивидуально, соматической смертью, не умирает общественно, переливаясь своим поведением в составе коллектива и творчеством в живое окружение, общественность. Он продолжает жить в тех, кто остается в живых, если он жил при жизни, а не был мертв. Коллектив живой воскрешает мертвых»[954].

Об особом отношении довоенного Сталина к Марру очень красноречиво свидетельствует то, как он отреагировал на письмо Ф. Кипарисова, занявшего на короткое время место председателя Академии материальной культуры. В июне 1935 года Кипарисов с гневом писал Сталину, что вдове академика Ольденбурга выделили пенсию в 500 руб лей, а вдове академика Марра всего 300 рублей. Он напоминал, что Ольденбург был близок к Керенскому и очень сомнительно вел себя по отношению к советской власти, а Марр всегда был верным большевиком и более выдающимся ученым. Закончил он свое большое письмо следующими словами: «Вся история может получить и некоторый политический оттенок в связи с тем, что кое-какие академические круги языковедов, теоретических и политических противников Н. Я. Марра, явно хотят взять сейчас реванш, ведя разговоры о том, что вместе, мол, с Марром умерла его пресловутая теория. Объективно ведь получается, что правительство сочло необходимым выделить Ольденбурга и поставить его выше Марра»[955]. На письме сохранилась резолюция: «Т. Молотову. Придется согласиться И. Ст[алин]». Ниже росписи: «за» – Молотов, Каганович и пометы, что т.т. Микоян, Андреев, Орджоникидзе, Ворошилов также «за». Сталин явно благоволил Марру.

Отныне мало кто из лингвистов осмеливался выступать даже с лояльной критикой трудов Марра и работ представителей его школы. Поскольку в лингвистические вожди Марр был посвящен лично генеральным вождем, то и низвергнуть его мог только он. Более пятнадцати лет культ академика Марра господствовал в советском языкознании, археологии, этнографии, исторической науке. Но в 1950 году час посмертного низвержения пробил.

* * *

Я без труда нашел могилу Марра на небольшом кладбищенском участке рядом с собором. Как место погребения этот участок стал использоваться только после февраля 1917 года. Там похоронены убитые во время февральских событий 1917 года в Петрограде казаки и жандармы, а рядом лежат умершие своей смертью чекисты, участники террора 30-х годов и мало кому известные граждане. Черный обелиск на могиле Марра с процитированной надписью приходит в упадок.

За все то, что произошло после смерти, Марр ответственности нести не может. Я утверждаю – Марр не несет ответственности за марризм и за все те события, которые произошли между 1934 и 1950 годами. За то, в чем его гневно осуждает с 1950 года и до наших дней часть историков отечественного языкознания. Осуждают вслед за Сталиным, истинным виновником господства «мифа о Марре», и в том, что само имя Марра стало столь одиозным и нарицательным. Он не несет ответственности за действия людей «школы Марра», как не несут ответственности за большевизм – Маркс, за нацизм – Ницше.

При жизни Марр действительно пошел на сотрудничество со сталинской властью. Но была ли альтернатива, и сколько старых и молодых ученых были тогда счастливы, получая такую же поддержку? Любой ученый стремится к тому, чтобы его концепция, его учение или открытие получили признание. Не любой ценой, конечно, но упрекать Марра за то, что он утвердил свое учение за счет других, нет никаких оснований. Власть в Советской России создавала такую систему отношений, где ее господство было абсолютным. На месте Марра мог быть и Поливанов, и кто-то из языкофронтовцев или лояльных компаративистов. В 1950 году Сталин начал борьбу не с Марром, а с самим собой, со Сталиным довоенным. Громя марризм, Сталин 50-х годов громил сталинизм 30-х годов. В архиве Сталина есть материалы, высвечивающие новые аспекты этого процесса.

Глава 5
Расхождение. Подготовка к дискуссии

Почему Сталин занялся проблемами языкознания? Мнения

Почему Сталин в конце 1949 года, то есть на семьдесят первом году жизни, неожиданно занялся вопросами языкознания? Ни его соратники, ни проницательные свидетели эпохи, ни исследователи нашего времени ничего определенного на сей счет не говорят. Скорее делятся предположениями и догадками.

А. И. Солженицын в знаменитом романе «В круге первом», собрав все, что было известно на этот счет к концу 60-х годов XX века, то есть слухи, сочинения вождя, собственную эмоциональную память и воображение большого писателя, раскрыл мотивацию Сталина через его внутренний монолог:

«Уж, кажется, все было сделано для бессмертия. Но Сталину казалось, что современники, хотя и называют его Мудрейшим из Мудрейших, – все-таки не по заслугам мало восхищаются им; все-таки в своих восторгах поверхностны и не оценили всей глубины его гениальности. И последнее время язвила его мысль: не только выиграть третью мировую войну, но совершить еще один научный подвиг, внести свой блистающий вклад в какую-нибудь еще из наук, кроме философских и исторических.

Конечно, такой вклад он мог бы внести в биологию, но там он доверил работу Лысенко, этому честному энергичному человеку из народа. Да и больше была заманчива для Сталина математика или хотя бы физика. Все Основоположники бесстрашно пробовали свои силы в этих науках. Просто завидно читать бойкие рассуждения Энгельса о ноле или о минус единице, возведенной в квадрат. Восхищала Сталина и та решительность Ленина, с которой он, юрист, пошел в дебри физики, и там, на месте, распушил ученых, доказал, что материя не может превращаться ни в какую энергию.

Сталин же, сколько ни перелистывал учебник “Алгебры” Киселева и ”Физику” Соколова для старших классов, – никак не мог набрести ни на какой счастливый толчок. Такую счастливую мысль – правда, совсем

в другой области, в языкознании, ему подал недавний случай с тбилисским профессором Чикобавой. Этого Чикобаву Сталин смутно помнил, как всех сколько-нибудь выдающихся грузинов: он был посетителем дома Игнатошвили-сына, тбилисского адвоката, меньшевика, и сам фрондер, уже не мыслимый нигде, кроме Грузии. В последней статье, доживи до того почтенного возраста и до того скептического состояния ума, когда начинаешь мало считаться с земным, Чикобава умудрился написать, по видимости, антимарксистскую ересь, что язык – никакая не надстройка, а просто себе язык и что будто бы существует язык не буржуазный и пролетарский, а просто национальный язык. И открыто осмелился посягнуть на имя самого Марра. Так как и тот и другой были грузинами, то отклик последовал в грузинском же университетском вестнике, серенький непереплетенный номер которого с грузинской вязью лежал сейчас перед Сталиным. Несколько лингвистов-марксистов-марристов обрушились на наглеца с обвинениями, после которых тому оставалось только ожидать ночного стука МГБ. Уже намекнуто было, что Чикобава – агент американского империализма.

И ничто не спасло бы Чикобаву, если бы Сталин не снял трубку и не оставил его жить. Его он оставил жить, а простеньким провинциальным мыслям Чикобавы решил дать бессмертное изложение и гениальное развитие.

Правда, звучней было бы опровергнуть, например, контрреволюционную теорию относительности или волновую механику. Но за государственными делами просто нет на это времени. Языкознание же все-таки рядом с грамматикой, а грамматика по трудности всегда казалась Сталину рядом с математикой.

Это можно будет ярко, выразительно написать (он уже сидел и писал): “Какой бы язык советских наций мы ни взяли – русский, украинский, белорусский, узбекский, казахский, грузинский, армянский, эстонский, латвийский, литовский, молдавский, татарский, азербайджанский, башкирский, туркменский… (вот черт, с годами ему все трудней останавливаться в перечислениях. Но надо ли? Так лучше в голову входит читателю, ему и возражать не хочется) – каждому ясно, что…” Ну и там что-нибудь, что каждому ясно. А что ясно? Ничего не ясно… Экономика – базис, общественные явления – надстройка. И – ничего третьего, как всегда в марксизме. Но с опытом жизни Сталин

разобрался, что без третьего не поскачешь. Например, нейтральные страны могут же быть (их доконаем потом отдельно) и нейтральные партии (конечно, не у нас). При Ленине скажи такую фразу: “Кто не с нами – тот еще не против нас”? – в минуту бы выгнали из рядов. А получается так…

Диалектика. Вот и тут. Над статьей Чикобавы Сталин сам задумался, пораженный никогда не приходившей ему мыслью: если язык – надстройка, почему он не меняется с каждой эпохой? Если он не надстройка, так что он? Базис? Способ производства? Собственно, так: способ производства состоит из производительных сил и производственных отношений. Назвать язык отношением – пожалуй, что нельзя. Значит, язык – производительная сила? Но производительные силы есть орудия производства, средства производства и люди. Но хотя люди говорят языком, все же язык – не люди. Черт его знает, тупик какой-то. Честнее всего было бы признать, что язык – это орудие производства, ну, как станки, как железные дороги, как почта. Тоже ведь – связь. Сказал же Ленин: “Без почты не может быть социализма”. Очевидно, и без языка… Но если прямым тезисом так и дать, что язык – это орудие производства, начнется хихиканье. Не у нас, конечно.

И посоветоваться не с кем.

Ну, можно будет вот так, поосторожнее: “В этом отношении язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем от машин, которые так же безразличны к классам, как язык”. “Безразличны к классам”! Тоже ведь раньше, бывало, не скажешь…

Он поставил точку. Заложил руки за затылок, зевнул и потянулся. Не так много он еще думал, а уже устал.

Сталин поднялся и прошелся по кабинету. Он подошел к небольшому окошку, где вместо стекол было два слоя прозрачной желтоватой брони, а между ними высокое выталкивающее давление. Впрочем, за окнами был маленький отгороженный садик, там по утрам проходил садовник под наблюдением охраны – и сутки не было больше никого.

За непробиваемыми стеклами стоял в садике туман. Не было видно ни страны, ни Земли, ни Вселенной»[956].

Солженицынский Сталин – это старый, больной, выживающий из ума диктатор, в конце жизни ищущий, чем бы ему заняться еще, и он по наитию набредает на лингвистику, поскольку «языкознание же все-таки рядом с грамматикой, а грамматика по трудности… рядом с математикой». Грузинского лингвиста Чикобаву Солженицын упоминает не случайно – Чикобава был одним из застрельщиков антимарровской дискуссии, для которых он действительно был одним из давних идейных противников. Затем писатель развертывает нелицеприятное описание того, как, по его мнению, Сталин трудился над своим очередным «эпохальным» сочинением:

«Сталин задвинул металлическую шторку и поплелся опять к столу. Проглотил таблетку, снова сел. Никогда в жизни ему не везло, но надо трудиться. Потомки оценят. Как это случилось, что в языкознании – аракчеевский режим? Никто не смеет слова сказать против Марра. Странные люди! Робкие люди! Учишь их, учишь демократии, разжуешь им, в рот положишь – не берут! Все – самому, и тут – самому… И он в увлечении записал несколько фраз: “Надстройка для того и создана базисом, чтобы…” “Язык для того и создан, чтобы…”

В усердии выписывания слов он низко склонил над листом коричневато-серое лицо с большим носом-бороздилом.

Лафарг этот, тоже мне в теоретики! – “внезапная языковая революция между 1789 и 1794 годами”. (Или с тестем согласовал?..)

Какая там революция! Был французский язык – и остался французский. Кончать надо все эти разговорчики о революциях!

“Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому качеству путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, – он редко применим и к другим общественным явлениям”.

Сталин отклонился, перечитал. Это хорошо получилось. Надо, чтобы это место агитаторы особенно хорошо разъясняли: что с какого-то момента всякие революции прекращаются и развитие идет только эволюционным путем. И даже, может быть, количество не переходит в качество. Но об этом в другой раз. “Редко”?.. Нет, пока еще так нельзя. Сталин перечеркнул “редко” и написал “не всегда”. Какой бы примерчик? “Мы перешли от буржуазного индивидуально-крестьянского строя (новый термин получился, и хороший термин!) к социалистическому колхозному”. И, поставив, как все люди, точку, он

подумал и дописал: “строю”. Это был его любимый стиль: еще один удар по уже забитому гвоздю. С повторением всех слов любая фраза воспринималась им как-то понятнее. Увлеченное перо писало дальше: “Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти, – (надо, чтоб это место агитаторы особенно разъясняли!), – и создания новой власти”, – (об этом чтоб и мысли не было!!).

С легкодумной ленинской руки в советской исторической науке признают только революцию снизу, а революцию сверху считают полумерой, ублюдком, признаком дурного тона. Но пора назвать вещи своими именами: “А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти…” Стоп, это получилось нехорошо. Так выходит, что инициатива коллективизации шла не от крестьян?..

Сталин откинулся в кресле, зевнул – и вдруг потерял мысль, все мысли, какие только что были. Загоревшийся в нем пыл исследования – погас»[957].

Перед нами Сталин (по Солженицыну), в конце жизни вполне сложившийся контрреволюционер, раз за разом перечеркивающий все начинания революционной эпохи. И пожалуй, с этими соображениями можно согласиться. Но и Солженицын при отсутствии информации не смог избегнуть упрощения в описании сталинского быта и конкретных мотивов, побудивших диктатора начать дискуссию. Это отмечали еще первые читатели, когда роман был в рукописи. В апреле 1962 года Корней Чуковский записал в своем дневнике: «Встретил Вл. Сем. Лебедева… Говорит, что в новом романе Солж. есть много ошибок, касающихся сталинского бытового антуража. “Александр Исаевич просто не знал этого быта. Я берусь просмотреть роман и исправить”»[958].

Но одно наблюдение Солженицына бесспорно – писатель зорко подметил начетнический стиль и деревянный язык сочинений новоявленного языковеда.

А вот рассуждения профессионального историка лингвистики В. М. Алпатова: «Обстоятельства, предшествовавшие появлению работ Сталина, до конца не известны. Достоверно одно: в апреле 1949 года Чикобава, травля которого была тогда в разгаре, написал письмо Сталину, переданное через первого секретаря ЦК КП Грузии К. Н.

Чарквиани, покровителя Чикобавы… Чикобава… дважды был принят Сталиным, который читал варианты текста его статьи; одновременно он давал Сталину консультации по вопросам языкознания и подсказывал нужную литературу.

Неясно, кто обратил внимание Сталина на вопросы языкознания – Чикобава или кто-либо другой? Сам Чикобава пишет, что письмо Сталину писал по предложению Чарквиани. Что тут было: инициатива Чарквиани ради помощи Чикобаве или же задание Сталина, которому кто-то указал на Чикобаву как эксперта? Этого мы не знаем.

Тем более можно лишь гадать о причинах обращения Сталина к вопросам языкознания, от которых он раньше был далек.

Версий существует много. Одну из них уже давно высказал А. И. Солженицын в романе “В круге первом”: Сталину нужно было подтвердить репутацию теоретика марксизма (которую он, кстати, перед этим не подтверждал двенадцать лет), а материалы, присланные Чикобавой, давали такую возможность… Другую, вполне правдоподобную версию высказывает автор французской книги о Марре Р. Лермит. По его мнению, Сталину нужно было на примере Марра разгромить идеи, не соответствовавшие его политике послевоенных лет. Действительно, космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере 20-х годов, но не начала 50-х, когда “отечество” и “самобытность” из бранных слов превратились в непременные эпитеты газетных статей. Мог заметить Сталин и сходство идей Марра с концепциями, которые он сам в прошлом громил. Недаром он сопоставил Марра с рапповцами и пролеткультовцами»[959]. Мнение Алпатова еще в большей степени базируется на официальных публикациях и малообоснованных догадках.

Казалось бы, уж кто-кто, а ближайшие соратники Сталина во всех его начинаниях, включая самые жестокие и кровавые, должны были знать об истинных причинах столь необычного государственного лингвистического действа? Но, во-первых, Сталин даже им никогда не раскрывал истинные цели своих дальних замыслов, а во-вторых, после войны Сталин, некогда ближайших из них, все дальше отодвигал от себя и важных государственных дел. При этом вождь лично и в письменной форме информировал всех членов партийной верхушки: Берию, Булганина, Кагановича, Маленкова, Микояна, Молотова,

Хрущева о своих готовящихся к печати языковедческих статьях. Но, насколько мне известно, только Молотов и Хрущев в случайных разговорах сочли нужным коснуться лингвистической эпопеи. На долгом закате жизни, то есть в 70–80-х годах XX века, Молотов мимоходом обмолвится: «Не зря Сталин занялся вопросами языкознания. Он считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, – главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»[960].

Получается, что ни о каком особом всемирном языке мирового коммунистического общества речь уже не шла. На повестке дня стоял вопрос о возведении новоявленной Вавилонской башни – всемирной социалистической системы, где всемировой социалистический лагерь и СССР были как бы ступенчатым подножием-пирамидой для советского владыки. Для обитателей этой башни «главным языком на земном шаре» должен был стать язык русский. Любой диктатор, замахивающийся на мировое господство всегда понимал (а Сталин тем более), что важнейшей скрепой всемирной державы является общий язык. Библейская история, живописующая о причинах и следствиях распада единства человеческого рода, как бы подталкивала их (и Сталина) к навязыванию человечеству всеобщего языка: латинского, арабского, монгольского, испанского, португальского, французского, английского, немецкого, а теперь вот и русского.

Помимо Молотова, которого Сталин после войны все решительнее отодвигал от себя и который по этой причине все менее был осведомлен о тайных пружинах сталинской власти, Хрущев, напротив, был в эти годы одним из приближенных к Сталину людей, и от него можно было бы ждать большей осведомленности. Приведу фрагмент из записи беседы Хрущева с делегатами Итальянской компартии 10 июля 1956 года, то есть уже после разоблачения «культа личности» Сталина:

«Тов. Пайетта интересуется, сам ли Сталин написал работу о языкознании.

Тов. Хрущев: Видимо, сам, при помощи языковедов. Нужно иметь в виду, что у Сталина были моменты просветления, когда он создавал весьма серьезные вещи. Например, многие положения Устава КПСС были продиктованы Сталиным, а вы сами видите, сколь в нем хорошие, чеканные формулировки»[961]. Немало людей до сих пор восторгаются

«чеканными» формулировками Сталина. И Хрущев, который, похоже, мало что понял во всей этой языковедческой сталинской затее, вспомнил о ее начинателе с нескрываемым уважением.

Как это ни удивительно, но все перечисленные авторы (включая Лермита) оказались в чем-то правы, а по существу, все они ошибались: Сталин действительно искал повод заложить еще одну основу в идеологический фундамент своей державы. Он действительно медленно, но последовательно продвигался от идей интернационализма к суррогатному национализму, а точнее – к национал-сталинизму. Присутствовал здесь и грузинский национальный фактор. Действительно, Сталин в своих лингвистических писаниях часто опускается до пустопорожней риторики. Верно и то, что он внутренне был готов к практическому осуществлению мирового господства и к тому, что «когда победит мировая коммунистическая система… – главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык русский». Но все эти проблемы и задачи – и множество других проблем и важных задач – выстроились перед ним как бы сами собой уже после того, как он пришел к решению низвергнуть Марра. А в основе большинства решений Сталина, особенно с того времени, когда он почувствовал себя «хозяином» на всем пространстве СССР и далеко за его пределами, были спонтанность и импровизация. В политической и житейской биографии Сталина сплошь да рядом можно наблюдать, как незначительный внешний толчок или мимолетное внутренне желание и соображение превращались в фактор серьезнейших внутренних и внешнеполитических событий. Ленин подметил в Сталине эту черту «спонтанности», обозначив ее в «Завещании» как «капризность». Эту черту с большим эффектом использовало ближайшее окружение Сталина, «подставляя» своих противников и искусно обращая внимание вождя на интересующие их проблемы. И не важно, что они же часто становились жертвами его внезапных капризов, которые многие до сих пор воспринимают как особую прозорливость. В Сталине все несовместимое совмещалось. Например, свои часто неудобочитаемые работы он шлифовал и оттачивал так, как не оттачивает и не полирует собственные сочинения даже профессиональный писатель или журналист. Но подлинно литературного блеска даже такая трудолюбивая шлифовка так и не давала. И наконец, формулируя вполне обычные мысли и часто плоские

рассуждения в статьях и речах, он на полях книг или рукописей, которые, как он наверняка знал, никто при его жизни никогда не прочитает, иногда оставлял странные, «обжигающие» сентенции.

Берия – Чикобава – Сталин: мотивации

На поверхностный взгляд сверхзадача, которую Сталин ставил перед собой, связанная с языками, нациями и планируемым мировым устройством, была малозаметна. Как в те годы, так и в наше время многие повторяют сталинские же слова о необходимости избавить советское языкознание от «аракчеевского режима», установившегося благодаря господству «школы Марра». Поворот, который произошел по инициативе вождя, был столь внезапным и жизненно спасительным для многих ученых-лингвистов, что даже убежденные антисталинисты это ставят ему в заслугу, хотя именно Сталин и был главным виновником «аракчеевщины».

Буквально накануне дискуссии, с конца 1948-го и почти весь 1949 год, с санкции высших партийных органов и при непосредственном участии таких функционеров, как первый заместитель заведующего Агитпропа ЦК ВКП(б) В. С. Кружков, заведующий Отделом науки Агитпропа ЦК ВКП(б) Ю. А. Жданов и главный ученый секретарь АН СССР А. В. Топчиев, в печати велась шумная «борьба» с «безродным космополитизмом» в лингвистике, с рецидивами «буржуазной» компаративистики, а главное – за окончательное главенство «марксистского учения о языке» академика Н. Я. Марра. Поскольку заведующим Агитпропом и главным редактором «Правды» был в это время секретарь ЦК ВКП(б) М. А. Суслов, то эта промарровская кампания, без сомнения, велась с его санкции. И хотя у меня нет непосредственных доказательств того, что кампания началась по прямому указанию Сталина, сомнений и о его осведомленности на этот счет быть не может. В то время ни один заметный идеологический или пропагандистский шаг не мог быть сделан без ведома генерального идеолога. Если же такое случалось по недомыслию или самоуверенности, то наказание следовало незамедлительно. Без ведома Сталина тем более не решились бы действовать такие вышколенные функционеры, как Суслов или Кружков. Ю. Жданов, сын известного члена Политбюро А. А. Жданова и уже почти зять «самого» Сталина,

буквально накануне этих событий неосмотрительно кинул пробный камень в адрес другого сталинского выдвиженца и любимца селекционера-биолога народного академика Трофима Лысенко. Сталин лично одернул сына ближайшего соратника, и тот поспешил откреститься от поспешной инициативы. По давнему неписаному правилу любая важная инициатива должна была исходить от «самого».

Конечно же, работники Агитпропа ЦК ВКП(б) действовали тогда в плановом порядке, проводя послевоенные профилактические мероприятия во всех идеологических областях, не забыли и о лингвистике. О серьезности заранее спланированной кампании говорит докладная записка Агитпропа на имя М. А. Суслова, датируемая по входящему штампу на документе 10 ноября 1949 года, подписанная В. Кружковым и Ю. Ждановым:

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Суслову М. А.

Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в течение 1949 года провел проверку научной работы в области языковедения в Академии наук СССР, в академиях союзных республик и местных научно-исследовательских учреждениях. Проверка показала, что вопросы марксистско-ленинского языковедения разрабатываются неудовлетворительно, наблюдается активизация враждебного материалистическому языковедению направления, представители которого пытаются сохранить в неприкосновенности основы буржуазной науки о языке, научная работа оторвана от практических задач развития языка и письменности народов СССР.

С целью привлечения научной общественности к обсуждению положения в области языковедения в газете “Культура и жизнь” были помещены статьи т.т. Берникова и Брагинского “За советское марксистско-ленинское языкознание” и т. Сердюченко “Об одной вредной теории в языкознании”. Эти статьи вызвали широкий отклик советской общественности и были обсуждены в институтах Академии наук СССР, в академиях союзных республик, в высших учебных заведениях и на страницах советской периодической печати.

В итоге обсуждения положения в области советского языкознания в институтах Академии наук СССР Президиум Академии наук СССР принял постановление о мерах улучшения языковедческой работы и, в частности, об организации постоянного Комитета языка и письменности народов СССР, о проведении сессий, посвященных

вопросам разработки научного наследства акад. Марра и вопросам научной работы в области практических задач развития языка и письменности народов СССР, об издании работ акад. Марра и об учреждении золотой медали и медали его имени за лучшие работы в области языковедения.

ЦК КП(б) Армении принял решение о состоянии научно-исследовательской работы в области языковедения, в котором была разоблачена группа языковедов из Академии наук Армянской ССР, стоящих на позициях буржуазной науки и выступающих против учения акад. Марра.

С целью завершения работы по рассмотрению положения в области советского языковедения и подготовки предложений по улучшению научно-исследовательской работы в этой области ЦК ВКП(б) считал бы целесообразным провести в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) совещание ученых языковедов Москвы, Ленинграда и Союзных республик.

Предлагаем следующий порядок дня совещания.

Общее положение в советском языковедении – докладчик ученый секретарь Президиума Академии наук СССР проф. Толстов С. П.

Состояние и задачи научно-исследовательской работы в области изучения русского языка – докладчик заместитель директора Института русского языка проф. Филин Ф. П.

Состояние и задачи научно-исследовательской работы в области развития языков и письменности народов СССР – докладчик сотрудник Института языка и мышления Академии наук СССР, член-корреспондент Академии наук СССР Дмитриев Н. К.

Возможный срок созыва совещания 15–20 ноября с.г.; число участников 20 человек. Просим Вашего согласия.

В. Кружков.

Ю. Жданов»[962].

По существу, перед нами бюрократический отчет о проделанной аппаратной работе по закручиванию очередных идеологических «гаек» в области лингвистики. Эта работа должна была закончиться новой волной репрессий против упрямствующих традиционалистов, а главное, серьезными кадровыми изменениями. На смену более

терпимым марристам должны были прийти более жесткие и, добавим, менее грамотные и талантливые. Не случайно в числе участников совещания и докладчиков в записке совсем не упоминается академик И. И. Мещанинов – академик-секретарь Отделения языка и литературы АН СССР и директор Института языка и мышления им. Н. Я. Марра. Примерно по той же схеме протекали кампании в других областях, в частности в биологии, физиологии, истории, литературной критике и т. д. Сначала печатались застрельные и, как правило, злобно-обличительные статьи, затем «объективности» ради давали покаянные публикации разоблаченных «вредителей», «очернителей», «буржуазных прихвостней» и т. д. После этого публиковались одобрительные отзывы на «справедливую» критику, затем безошибочно «разоблачали» группу злостных тайных врагов очередного «марксистско-ленинского» учения, затем организовывались совещания, на которых делались окончательные идеологические и административные выводы. Судя по записке В. Кружкова и Ю. Жданова, с одобрения высшего руководства к ноябрю 1949 года начальные этапы стандартной промарровской языковедческой кампании были успешно пройдены. В записке почему-то не упоминается о том, что кампания началась и была поддержана статьями в «Правде», которые систематически публиковали сначала в январе, а затем в сентябре 1949 года. И уже затем эту кампанию подхватили «Литературная газета» и «Культура и жизнь». Возможно, напоминать об этом главному редактору «Правды» (товарищу Суслову) не имело смысла. Обратим внимание и на то, что в записке говорится о необходимости проведения в ноябре того же 1949 года итогового совещания, назывались фамилии главных докладчиков и возможное число участников. Хотя записка была подана в начале ноября, но, хорошо зная, как медленно разворачивалась советская партийно-бюрократическая машина, можно предположить, что помимо названных докладчиков уже были неофициально проинформированы другие будущие участники совещания (те самые двадцать человек) из Москвы, Ленинграда и союзных республик. Эта деталь важна тем, что она объясняет промарровский уклон большинства статей, поступивших в начале дискуссии 1950 года в редакцию «Правды». Не исключено, многие ее потенциальные участники предполагали, что вместо узкого совещания в ЦК высшее руководство страны решило придать новой промаровской кампании государственный размах. Неудивительно, что

когда потребовалось получить антимарровские статьи от до смерти запуганных традиционалистов-компаративистов, то партийному аппарату и самому Сталину пришлось провести специальную закулисную работу. Понятным становится и то, почему в подавляющем большинстве вольные и невольные участники этих событий были сначала убеждены – официальная точка зрения на Марра и его учение осталась непоколебимой, то есть власть поддерживала и продолжает поддерживать марризм. Да и попробуй в этом сомневаться, если в течение всего 1949 года Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «перетряхивал» Академию наук СССР, академии союзных республик и местные научно-исследовательские учреждения, выявляя враждебные элементы, которые «пытаются сохранить в неприкосновенности основы буржуазной науки о языке». Более того, оказывается, в Академии наук Армянской ССР уже «разоблачена группа языковедов, стоящих на позициях буржуазной науки и выступающих против учения акад. Марра». Без всякого сомнения, в кругу языковедов уже стало известно о снятии с работы и возможном аресте двух крупнейших армянских лингвистов, не признающих «новое учение о языке»: академике-секретаре АН Армянской ССР Гр. Капанцяне и преподавателе Ереванского университета Гр. Ачаряне. Так что пропагандистская кампания катилась по давно обустроенной колее, ждали только сигнала, чтобы начать последний и самый главный акт. Но со дня подачи записки и до начала 1950 года никаких указаний сверху не последовало, хотя в русле подготовки к предполагаемым событиям уже упоминавшийся Г. П. Сердюченко издал брошюру в серии «Вопросы языкознания для учителя» под названием «Академик Н. Я. Марр основатель материалистического языкознания»[963].

Сердюченко, выходец с северного Предкавказья, проявлял большую идеологическую активность еще с начала 30-х годов, уже тогда уловив всю выгодность борьбы за чистоту «марксистско-ленинского языкознания» марристского толка. Конечно, к 1950 году писать и даже размышлять о космополитической идее создания единого международного алфавита и тем более языка еще было можно, но только абстрактно. Еще в конце 30-х годов пересажали и расстреляли эсперантистов и других фанатиков искусственного международного языка. К 40-му году были прекращены всякие государственные нововведения с космополитическим оттенком, связанные с внедрением

латиницы взамен традиционных алфавитов народов СССР. Все они, исключая Грузию (все же родина вождя!) и Армению (для баланса, с тем чтобы не смели даже втайне обвинить его в грузинском национализме), были переведены на кириллицу. После окончания Отечественной войны встал вопрос об унификации письменности народов Прибалтики и социалистического лагеря. Очень хотели помочь в том же духе коммунистическому Китаю, в котором была общенациональная иероглифическая письменность, но не было общенационального языка. Именно Сердюченко, «этот лингвист без языка» (так его охарактеризовал Чикобава Сталину), будет направлен ЦК в конце 40-х годов в Китай для проведения реформы аналогичной монгольской, но на основе латиницы. К этому времени латиница уже не вызывала раздражения вождя, поскольку слишком многие народы, использующие ее, вошли в состав СССР и в социалистический лагерь. Совсем не случайно перед определяющим совещанием в Агитпропе ЦК Сердюченко вместо Китая оказался в Москве и, как уже говорилось выше, принял активное участие в новой антикомпаративистской кампании.

Брошюра Сердюченко «Академик Н. Я. Марр основатель материалистического языкознания» была сдана в печать 13 января 1950 года. В брошюре вяло пересказывались основные положения «материалистического учения о языке» вне ясной связи не только с лингвистикой, но и с марксизмом. Как ни ничтожно содержание брошюры, на двух моментах мы все же задержимся. Сердюченко назвал только одну фамилию из числа противников марризма – действительного члена Академии наук Грузинской ССР «профессора А. С. Чикобаву, который, наряду с другими учеными, объявляют все учение Марра механистическим и фактически противопоставляют ему, как якобы более приемлемые, реакционно-идеалистические построения различных зарубежных языковедов»[964]. Сердюченко и представить себе не мог, что через несколько месяцев Чикобава станет известен огромному числу граждан СССР как герой – разоблачитель механициста и вульгаризатора марксизма, но уже академика Марра. Другой момент, который стоит того, чтобы на него обратили внимание, интересен тем, что брошюра Сердюченко, изданная пятнадцатитысячным тиражом «для учителей», была предназначена не столько для того, чтобы служить пособием по лингвистической теории,

сколько должна была сигнализировать о смысле и направленности затеянной кампании. Во введении, процитировав доклад В. М. Молотова, приуроченный к 31-й годовщине Октябрьской революции, в котором упоминалась дискуссия по вопросам генетики и биологии, Сердюченко написал: «Слова товарища Молотова о дискуссии по вопросам биологии советские ученые-языковеды рассматривают как руководящее указание, обращенное непосредственно и к ним, к их работе. Вскрытая в области биологии борьба между двумя направлениями – прогрессивным, материалистическим, и реакционным, идеалистическим, – несомненно, существует и в науке о языке».

Накануне 1950 года вряд ли у кого оставались сомнения в том, что эта языковедческая кампания приведет примерно к таким же последствиям, к каким привели подобные «дискуссии», прокатившиеся в биологии, философии, физике и других науках. Некоторые из наиболее ретивых «марристов», а точнее, чиновников при науке (те же Сердюченко, Филин, Дмитриев), спешили занять наиболее жесткую позицию, сулившую большие перспективы. И вдруг все изменилось буквально в одночасье, и изменилось по воле вождя. Никакого совещания языковедов в Агитпропе ЦК так и не состоялось. На докладной записке нет никаких резолюций Суслова, но зато есть помета «Архив. Гаврилов. 4.1.50 г.» и справа роспись «А. К(отова)», которая подтверждает то, что документ в первых числах января действительно попал в архив. По этой дате можно судить о том, когда Сталин, а с ним и Советская власть решительно развернулись в антимарровскую сторону – в первых числах января 1950 года.

В современном архиве Сталина (в доступной ее части) нет ни одного документа, проливающего свет на это обстоятельство. Сейчас там находится шестнадцать архивных дел, так или иначе связанных с дискуссией. Их документы охватывают период с конца декабря 1949 года по июнь 1952 года. Но основные события, ознаменовавшие собой столь решительный поворот, нашли отражение всего лишь в шести-семи делах, а сами события происходили в течение первой половины 1950 года. Остальные архивные материалы – это поздние отклики на «эпохальные» труды вождя и перепечатки его статей в различных советских и зарубежных изданиях.

Документы архива Сталина как бы предлагают современному исследователю поверить в то, что первый толчок дал, и к тому же по личной инициативе, секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Чарквиани, который направил на имя Сталина горестную записку о тяжелом положении в советском языкознании. Для убедительности Чарквиани приложил к записке копии работ уже упоминавшегося грузинского языковеда А. Чикобавы: «Стадиальная классификация языков академика Марра», «Турецкая лингвистическая теория “гюнеш дли” в связи с проблемой историзма в современной лингвистике» и фрагмент его же книги «Проблемы языка, как предмета лингвистики, в свете основных задач советского языковедения». Записка датирована 27 декабря 1949 года, хотя первая работа Чикобавы была написана более чем за полгода до этого (в записке указана дата – 21 апреля 1949 года) и явно с самого начала предназначалась для самого вождя[965]. Возникает вопрос: почему не профессиональный лингвист, а партийный функционер, к тому же не из центрального аппарата, а из республики Грузия, ставит в общегосударственном плане вопрос о неблагополучии в советской лингвистике в целом? Ссылается при этом на мнение и работы профессора Чикобавы, который с 30-х годов выступал с критикой марризма, но не был самой видной фигурой ни в научном мире вообще, ни в области лингвистики в частности? Почему, наконец, именно Чикобаву Сталин в дальнейшем использует в качестве передовой «ударной» силы против «нового учения о языке». В это время в СССР работали гораздо более именитые специалисты, и явно и тайно настроенные резко отрицательно по отношению к яфетической теории. Конечно, можно вполне здраво предположить, что Сталин сознательно использовал для посмертного развенчания грузина Марра его же земляков – Чарквиани и Чикобаву. Так он поступал почти всегда, когда ему надо было провести массовые репрессии, чистки, крутые «социалистические» преобразования или иные карательные операции. Как правило, у него для каждой республики был подготовлен свой «национальный» исполнитель. Например, для Азербайджана – Багиров, для Грузии – Берия, для Армении – Микоян, для многонациональной Украины – Косиор, Каганович, Хрущев… В Средней Азии были свои люди «коренной» национальности. Если репрессии носили особо массовый или остро политический характер, большую часть ответственности Сталин брал на себя, одновременно возлагая ее на

особо доверенных лиц: Ягоду, Ежова, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Берию. Однако ответ на подлинные причины использования грузина Чикобавы в деле развенчания грузина Марра я нашел в сталинской библиотеке и среди свидетельств участников событий.

В сохранившейся части библиотеки Сталина довольно много книг с дарственными надписями вождю и от него, но почти нет надписей третьих лиц, адресованных другим людям. Когда они все же встречаются, то это главным образом ближайшие родственники Сталина (дочь дарит книгу брату, тетка – племяннице и т. д.). Поэтому удивляет книга, обнаруженная мной в библиотеке Сталина, уже упоминавшегося профессора Чикобавы «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (Тбилиси, 1942) с дарственной надписью от автора… Л. П. Берии. По-русски на первом чистом листе аккуратно чернилами написано: «Глубокоуважаемому Лаврентию Павловичу Берия – одна из работ, выполненная в реорганизованном Вами Институте языка. С благодарностью от автора. 16.IV.1942»[966]. Почему, когда и как эта книга попала в библиотеку Сталина? Очень специальный труд объемом почти 350 страниц напечатан на грузинском, но снабжен предисловием и аннотацией на русском и английском языках. Как я уже писал, Сталин до конца своих дней говорил, читал и писал на родном языке[967]. Но на книге нет помет и явных следов интереса Берии или вождя к ее содержанию. И все же подарок – это не просто формальный жест автора в сторону всесильного земляка Берии. О какой реорганизации и о каком Институте языка пишет «благодарный» Чикобава? За что он его благодарит? Похоже, речь идет о Тбилисском институте языка и литературы им. Н. Я. Марра. Но сам Чикобава числился профессором Тбилисского университета им. И. В. Сталина. А какое отношение к языкознанию имел Берия? В научной литературе я не нашел пояснений на сей счет. Получается, что ученый-лингвист из Грузии А. Чикобава, избранный тогда же, в конце 1941 года, академиком АН Грузинской ССР, имел какие-то особые отношения с Берией? Похоже на то, что эти отношения сложились еще тогда, когда Берия был первым секретарем ЦК Компартии Грузии и фактически наместником всего Кавказа. Здесь интуиция Солженицына подвела: антимаррист Чикобава не был такой уж страдательной стороной, его «прикрывал» сам Берия. Последний, по

каким-то причинам гораздо раньше Сталина, заинтересовался проблемами языкознания, и именно Берия обратил его внимание на Чикобаву и на антимарристские работы профессора, а значит, и на всю проблему в целом. Еще в начале 30-х годов Чикобава выступил с критикой марризма, главным образом за то, что Марр выделял абхазский язык в особую группу. У Чикобавы была собственная «национальная идея»: он всячески пытался найти родство между картвельскими (грузинскими) и абхазским языками, а с ним утвердить родство всех этносов, включенных Сталиным в Советскую Грузию. Не по душе ему было и то, что Марр находил общие истоки армянского и грузинского языков. За всеми трудами Чикобавы стояла идея этнически единой и в высшей степени самобытной Грузии, и за это его можно было причислить к грузинским националистам. Но у высоких покровителей такого желания не было, а напротив, они, не лишенные того же чувства, всячески помогали ему делать карьеру. Еще в 1938 году Чикобава опубликовал «Чанско-мингрельско-грузинский словарь», то есть издание, посвященное родному наречию Берии. В 1939 году он публикует, но опять на грузинском языке монографию «Общее языкознание (ч. II)», посвященную истории языкознания и философии языка. В ней есть специальная глава «Академик Н. Я. Марр о сущности языка», в которой Чикобава открыто, беспощадно и издевательски бьет в самые чувствительные положения теории Марра: «Четырехэлементный анализ могучее средство произвольного расчленения любого сопоставления любых слов и их частей в любых языках, если только к этому представится надобность»[968]. Так писал Чикобава в 1939 году. Откуда эта смелость, на которую не решались даже самые маститые ученые? Незадолго до войны, в 1940 году, ему удалось выступить с докладом «Проблемы языка, как предмета лингвистики, в свете основных задач советского языковедения» на годичной сессии Отделения литературы и языка АН СССР. Тогда он использовал главу из своей монографии, уже переведенную на русский язык. Однако и это выступление не имело никаких грустных последствий ни для самого Чикобавы, ни для марристов. Правда, глава «школы Марра» и руководитель Отделения литературы и языка академик И. И. Мещанинов был вынужден заявить, что четырехэлементный анализ не является универсальным методом «нового учения о языке». Этим все и ограничилось, а затем наступила

война. Оттиск публикации того доклада Чикобавы также был приложен к записке Чарквиани Сталину в 1949 году. А наиболее жесткие марристы (Сердюченко и др.) не забыли Мещанинову такого компромиссного поведения.

Возвращаясь к монографии Чикобавы с посвящением Берии «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках», отметим, что в ней автор уже без всяких экивоков подходит к проблеме анализа языка с позиций компаративистики, то есть противоположно тому, «как она обычно квалифицируется в русской и зарубежной специальной литературе (П. Услар, Н. Марр, Г. Шухардт)»[969]. Шухардт (Германия) и Услар (Россия), как и Марр, были известны в качестве пионеров критики классической компаративистики в лингвистике начала XX века. Судя по всему, именно член Политбюро мегрел Берия, который продолжал курировать кавказские дела, не только передал Сталину книгу, подаренную ему Чикобавой, но и, обратив внимание Сталина на проблему в целом, с его одобрения инициировал начало общегосударственного антимарровского процесса через ЦК Компартии Грузии.

Эта версия подтверждается и воспоминаниями члена-корреспондента АН СССР историка В. А. Куманева, который в 1988 году на одном из перестроечных форумов поделился со слушателями: «Вспоминается факт, рассказанный известным языковедом академиком И. И. Мещаниновым. Когда Сталин задумал провести дискуссию по вопросам языкознания, он вначале решил в ходе ее поддержать учение академика Н. Я. Марра. С Мещаниновым посоветовались. А когда его вызвали второй раз к Сталину, там сидел Берия и малоизвестный филологам Чикобава. Все переиграли. А потом “корифей науки” заявил: “Если бы я лично не знал Мещанинова, посчитал бы его действия предательскими”»[970].

Ю. Жданов также поделился воспоминаниями, относящимися к событиям почти шестидесятилетней давности: «Берия имел косвенное отношение к дискуссии по проблемам языкознания. Именно ему профессор Арнольд Степанович Чикобава направил записку с жалобой на обстановку в этой науке, на засилие марристов, которые мешают развиваться классическому индоевропейскому языкознанию. Эта записка была передана Сталину и пущена в ход.

Честно скажу, у меня всегда был высокий интерес к работам Марра, – продолжал Жданов, – Я внутренне иронизировал над его попыткой свести все слова всех языков к четырем элементам: сал, бер, йон, рош. Но мне импонировала концепция стадиального развития языков, широта марровского подхода. У меня сложились добрые отношения с “марристами”: академиком И. И. Мещаниновым, профессором Георгием Петровичем Сердюченко и другими учеными. <…>

Но дело здесь не ограничивалось чисто научным спором или проблемами научной этики, критики и самокритики в науке. Здесь был затронут больной нерв. Дело в том, что профессор Чикобава развивал концепцию единства кавказско-иберийских языков, включая в них кабардинский, адыгейский, абазинский, абхазский.

Бывший профессор Ростовского университета Г. П. Сердюченко, много лет работавший на Кавказе, как и все марристы, на основе стадиальных представлений, не относил абхазский язык к иберийской группе. Это обстоятельство было внесено в круг споров между грузинской и абхазской гуманитарной интеллигенцией по мотивам достаточно ясным и уже не научным, а национально-политическим. Концепция марристов содействовала суверенным устремлениям в Абхазии.

И не случайным был звонок Сталина:

– Центральной фигурой у марристов является Сердюченко.

На следующий день после звонка “центральная фигура” явилась ко мне. Он находился в Москве в отпуске, прервав длительную командировку из Китая. В Китай его направили по просьбе правительства КНР для обсуждения вопроса огромной важности: можно ли перевести китайскую письменность на латинский алфавит?

Сердюченко рассказал мне об остроте этой проблемы. Дело в том, что в Китае существует масса диалектов, а их представителей объединяет традиционная иероглифическая письменность. В разных районах Китая одни и те же иероглифы читаются по-разному. Если перевести китайцев на фонетический алфавит, то они перестанут понимать друг друга, утратив общее иероглифическое письмо.

Выслушав рассказ Сердюченко, я спросил, каковы его планы. Он ответил, что в Москве накопилась масса дел и он вынужден задержаться. Я возразил ему: “Нет дел важнее китайской письменности.

Возвращайтесь в Китай немедленно!” Что он и сделал»[971]. Так Ю. Жданов спас «главную фигуру марристов» от участия в опасной дискуссии, хотя эта «фигура» была одной из самых слабых в научном отношении. Не отмечено также революционных изменений и в письменности Китая.

Воспоминания Ю. Жданова ставят точку в поисках инициаторов дискуссии 1950 года и одной из подспудных причин ее вызвавших. Так что к «заслугам» Берии можно отнести не только совершенствование ГУЛАГа, депортацию некоторых народов Кавказа, успехи «атомного проекта», научных «шарашек» и многое другое, но и начало процесса по развенчанию «мифа о Марре». Но если мегрелы Берия и Чикобава были склонены к грузинскому национализму, то Сталин после войны искусственно культивировал великорусский шовинизм. Не случайно вскоре после окончания языковедческой дискуссии в Грузии началось так называемое «Мегрельское дело», которое, как считают некоторые исследователи, позволяло Сталину держать на дальнем прицеле Лаврентия Берию (а значит, и Чикобаву, добавим мы). Но эти события выходят за рамки данной книги.

Перефразируя классика мировой литературы, зададим гамлетовский вопрос: что Берии лингвистика и что он ей? Пока его архив закрыт, однозначно ответить на этот вопрос все же трудно. Можно лишь предположить, что Чикобава и грузинские партийные деятели сумели его убедить в том, что теория Марра не только несостоятельна в научном отношении, но и, исходя из новой политической конъюнктуры, крайне вредна. Особенно же она вредит грузинскому национальному самосознанию (как оно тогда ими понималось) и противоречит набравшему силу политическому курсу на великодержавность. В 1985 году престарелый Чикобава осторожно поделился очень глухими воспоминаниями о событиях 1949–1950 годов: «Весной 1949 г. мне было поручено написать статью о “стадиях развития языка” Н. Марра… Доклад был написан по предложению тогдашнего руководителя республики – Чарквиани Кандида Несторовича, куратора 8-томного “Толкового словаря грузинского языка” (I т. – 1950 г., VIII т. – 1964 г.)»[972]. О Берии ни слова.

Записка Чарквиани Сталину написана явно не им самим, поскольку содержит профессионально грамотные суждения и обвинения в адрес Марра. В ней представлена квинтэссенция тех

претензий, которые потом были высказаны как в публикациях Чикобавы, так и в языковедческих работах Сталина и всех последующих антимарристов. Скорее всего, и эту записку составил Чикобава, а местный партийный босс лишь добавил политического «перчику». Если сопоставить стиль этой и других записок, которые тот же Чарквиани писал несколько месяцев спустя, но, по всей видимости, уже самостоятельно, то сомнения в его авторстве становятся еще более обоснованными[973].

Знакомясь с запиской Чарквиани от 27 декабря 1949 года, Сталин по ходу чтения сделал ряд помет в тексте и на полях. Чарквиани, в частности, писал:

«ЦК ВКП(б).

Товарищу Сталину.

О положении в области советского языкознания.

…знакомство с работами Марра по так называемой яфетидологии, написанными в последние годы жизни ученого, не оставляют сомнений в том, что, несмотря на все свои старания, ***Марр не смог по-настоящему усвоить теорию марксизма-ленинизма и применить метод диалектического*** *материализма в лингвистике. Это и обусловило скороспелость выводов Марра по основным вопросам языковедческой науки, его механистические ошибки, его подход к языку с позиций вульгарного материализма»*[974].

Я курсивом выделил тот текст, который Сталин отметил двойными **вертикальными** линиями на полях слева[975]. Обратим внимание на то, что в этой части записки декларируется основной идеологический тезис – теория Марра объявлялась в духе до– и послевоенных «дискуссий» механистической и вульгарно-материалистической, а сам он отлучался от марксизма. Напомню, что буквально в эти же дни в печати публично бросались обвинения в механицизме, идеализме и преклонении перед Западом всем видным лингвистам, не признававшим концепцию Марра, и даже марристам старшего поколения. В записке впервые используется та же терминология по отношению к ненавистному противнику, правда, пока еще в форме потаенного научно-политического доноса.

Следующим пунктом обвинения стал тезис о том, что Марр считал все языки классовыми, а не национальными. Автор записки процитировал соответствующее место одной из работ Марра. Этот

тезис особенно заинтересовал Сталина, и он не только отметил его той же двойной вертикальной линией на полях, но поставил еще нечто вроде буквы Z в начале абзаца, а в конце – двойную скобку «))». В самом же тексте Сталин дважды подчеркнул слова «национальные языки»:

«Z Яфетидология отвергает существование неклассовых языков, говорит Марр, все языки, в их числе и ***национальные языки*** *Европы и Кавказа, – еще раз повторяем, – классовые, притом классовые не в последнюю очередь, а прежде всего. Яфетидология и подходит к изучению языка, как и речи классовой, впоследствии считает неприемлемыми))»*[976].

Автор записки саркастически поминал основные тезисы концепции Марра, особо напирая на ее «сомнительную» терминологию типа: «труд-магический процесс» и «труд-магическое производство». Он прошелся и по поводу первичности «кинетической речи», но Сталина вновь привлекла мысль о классовости языка в интерпретации Марра и его замечания в адрес Энгельса. Чарквиани вновь и вновь цитирует и критически комментирует высказывания Марра, а Сталин отмечает на полях двойными и одинарными вертикальными линиями: *«“Товарищи! – восклицает Марр. – Нельзя же в эту пропасть тянуть марксизм против его собственной природы, против его логики и пользы не только молодежь, но нерешительно говорить о том, что внеклассового языка доселе не было. Язык был классовый с момента возникновения звукового языка, это был язык класса, завладевшего всеми орудиями производства той эпохи, в том числе и магией-производством, и отрицать руководящую роль кластеров-магов в этом деле можно, лишь перенося в те эпохи современных нам представлений и взглядов”. Нельзя сказать, чтобы Марр не чувствовал своего расхождения в этом вопросе с мнением классиков марксизма-ленинизма. Однако он настолько уверен в своей правоте, что в одном месте требует внесения поправок в “марксистскую гипотезу” о происхождении классов. Он так и пишет: “Лингвистические выводы, которые делает яфетидология, заставляют ее самым решительным образом сказать, что гипотеза Энгельса о возникновении классов в результате разложения родового строя нуждается в серьезных поправках”».*

Чарквиани передергивает марровскую характеристику: «гипотеза Энгельса» заменяется на «марксистскую гипотезу». Учел он и то, что если в самом начале 30-х годов еще можно было говорить о «гипотезе», то в самом конце 40-х следовало говорить только о «единственно верном учении». Далее автор записки «подставляет» Марра при помощи ссылок на те же самые произведения Сталина, на которые ранее марристы всегда ссылались для подкрепления своих тезисов. Но Сталина эквилибристика с его собственными цитатами явно не смущала. Он сам был большим виртуозом по этой части. Не смутил его и вывод Чарквиани, который тот сделал из одних и тех же цитат вождя: нет никаких классовых языков, а есть единый национальный язык. «Таким образом, вопреки Марру получается, что вся нация, состоящая при капитализме из различных классов, имеет один язык»[977]. Таков главный вывод записки и основной вывод будущей работы Сталина.

После этого автор предъявил Марру целый список самых тяжких для того времени политических обвинений:

– он «льет воду на мельницу расистов, в том числе и современных англо-американских империалистов»;

– напоминая о сути стадиальной концепции развития общечеловеческого языка, автор подчеркивает, что высшей стадией, по Марру, являются «индоевропейские» и «семитические» языки, вышедшие из стадии «яфетической», а все остальные объявляются «окаменевшими» и «пережиточными».

Но намного важнее вывод, грубо подсказываемый Сталину: «Схема стадиального развития языков исключает культурное и кровное родство народов, имеющие по сей день родственные связи. Он ликвидирует всякую историческую преемственность национальной культуры каждого отдельного народа. В этом отношении характерно, что Марр объявляет более близкими друг другу древние письменные языки Армении и Грузии, чем древнегрузинский язык с современным грузинским языком. Таким образом, эта схема Марра дает теоретическое оружие в руки англосаксонских империалистов, объявляющих свой язык самым передовым языком в мире. Кроме того, эта же схема может служить обоснованием антипатриотических и антинациональных взглядов всех и всяческих космополитов, отрицающих самобытность культур советских народов и их исторических связей между собой. Своей схемой Марр относит

грузинский язык к группе языков, чуть ли не окаменевших, лишенных способности развития. Эту унизительную для грузинской советской культуры, ничем не обоснованную “теорию” Марр сочинил, несмотря на то что в ранних своих работах он неоднократно подчеркивал лексическое богатство, выразительность и гибкость грузинского языка, который, по словам Марра, на протяжении своей истории успешно выдержал соревнование с такими мировыми языками, как арабский, греческий, персидский».

Не будем заниматься доказательствами того, что и так очевидно: на самом деле все работы Марра – это гимн (иногда преувеличенный) грузинскому и другим кавказским языкам и культурам. Марр действительно считал, что древнеармянский и древнегрузинские литературные языки намного ближе друг к другу, чем разговорный новогрузинский или новоармянский к своим предкам. Почему-то никого не смущает, когда заявляют, что письменный церковно-славянский язык ближе к древнерусскому, к древнеболгарскому и древнесербскому языкам, чем современные русский, болгарский и сербский. В среде армянских и грузинских интеллектуалов всегда находились яростные деятели, отрицавшие какое-либо родство и даже взаимовлияние двух тесно живущих народов. Марр же был автором первых работ, посвященных грамматике древнеармянского и древнегрузинского языков[978], и поэтому лучше других понимал, о чем идет речь.

Прочитав этот текст, Сталин вновь стал делать отметки: «Отвергнув **сравнительно-исторический** метод в исследовании как “формальный” Марр вместо него выдвинул метод палеонтологического анализа». Сведя палеонтологический метод к четырехэлементному, Чарквиани (или Чикобава?) далее писал: «Не подлежит **сомнению, что именно палеонтологический метод Марра является** чисто формальным, схематическим методом и применение его в науке не может дать положительных результатов». И еще раз буквально через строчку автор обозвал палеонтологический метод Марра страшным для того времени словом «формальный», и вновь Сталин подчеркнул это положение. И его он вспомнит, когда приступит к своей работе. Здесь же он отметил на полях цитату из своей давней речи о том, что когда-нибудь в будущем, при всемирной диктатуре пролетариата, исчезнут старые нации и национальные языки, но пока продолжается этап роста

наций и развитие их языков. На этом «обвинительный» перечень, предъявляемый покойнику, не заканчивался. В следующем пункте утверждалось:

«В практической работе по разрешению некоторых важных вопросов культурного строительства Марр неоднократно выступал с позиций космополитизма, требуя, чтобы народы жертвовали своими национальными интересами и культурными ценностями во имя общечеловеческой культуры. Так было, например, в вопросе о введении нового алфавита для многих национальностей советского общества. Известно, что Марр обосновывал необходимость введения латинского алфавита для всех советских народов, не имеющих письменности или пользовавшихся арабским алфавитом. Благодаря его стараниям абхазская письменность была переведена на чуждый для абхазского языка латинский алфавит». Надеюсь, читатель помнит, как на самом деле Марр относился к абхазской письменности? Больше того, патетически восклицал Чарквиани, Марр требовал перевести на латинский алфавит армянскую, грузинскую и даже русскую письменность. «Этот низкопоклоннический взгляд на роль латинского алфавита был целиком опрокинут последующим развитием культурного строительства в Советском Союзе», поскольку все народы СССР «отвергли» как арабский, так и латинский алфавиты и перешли на русскую кириллицу (исключая Армению и Грузию). Марр обвинялся, по существу, в том, что, скончавшись в 1934 году, еще в период остаточного увлечения идеями мировой пролетарской революции и интернационализма, он не смог посмертно перестроиться и встать на новый курс национал-патриотизма как всесоюзно-русского, так и местного грузинского.

Завершал записку Чарквиани большой пассаж в характерном духе сталинского «объективизма». После серии грубых политических обвинений и оскорблений бросалось несколько одобрительных фраз, но уже по частным проблемам, к которым питал особое пристрастие сам обличитель. Сталин различными способами отметил и их. Для будущей своей работы он многое позаимствует из этой записки, хотя и сгладит ее прямолинейный стиль политического доноса, а национализм местечково-грузинский переведет в русло национализма псевдовеликодержавного. Даже о положительных моментах научных исследований Марра он будет писать примерно в том же духе:

«Несмотря на необоснованность и неприемлемость языковедной теории Марра, мы далеки от того, чтобы отвергать все его научное наследие. ***Академик Марр вошел в историю как крупнейший ученый-кавказовед***. *Он выполнил огромную работу по языкознанию и изучению письменных документов и памятников материальной культуры, легших в основу работы для построения научной истории грузинского, армянского и других народов Кавказа. Его большая заслуга заключается в том, что так называемые яфетические народы: родственные друг другу хетты, пелазги, этруски, иберы – внесли огромный вклад в созидание мировой культуры. Хотя Марр в последние годы жизни, в соответствии со своей языковедной теорией, стал отрицать этническое родство этих народов, тем не менее его прежние работы по этим вопросам не утратили своего значения.*

Особенно велика роль Марра в изучении и издании грузинских и армянских письменных памятников, в воспитании кадров историков и лингвистов». Если весь предыдущий абзац Сталин просто отчеркнул на полях, то последний абзац выделил двумя косыми вертикальными линиями.

«В интересах развития подлинно марксистско-ленинского языкознания необходимо вскрыть неприемлемые стороны лингвистической теории Марра. ***Необходимо по справедливости оценить*** научное наследие Марра, взять оттуда все, что пригодно для советской исторической и языковедческой науки, и **отбросить** все, что противоречит марксизму-ленинизму и мешает нашим народам в развитии их социалистической культуры.

Эту работу должны были бы провести научно-исследовательские учреждения, специально занимающиеся вопросами языкознания. Однако руководители их в большинстве случаев сами являются (“*слепыми*”, добавил Сталин поверх строчки. – *Б. И.*) последователями Марра и принимают все его положения как догму. Так обстоит дело, например, в Институте языка и мышления им. Марра в Академии наук СССР. *Руководящий работник института проф. Сердюченко, проявляющий наибольшую активность в этом учреждении, в своих многочисленных статьях объявляет буржуазными учеными всех, кто не согласен с Марром. При этом он не приводит каких-либо доказательств в подтверждение правильности теории Марра и в обоснование тяжких обвинений, предъявленных языковедам»*[979].

Текст, выделенный курсивом, Сталин каждый раз двумя линиями отчеркнул на левых полях.

Подчеркнутые фразы: «**Академик Марр вошел в историю как крупнейший ученый-кавказовед**» и что «**Необходимо по справедливости оценить** научное наследие Марра, взять оттуда все, что пригодно для советской исторической и языковедческой науки, и **отбросить** все, что противоречит марксизму-ленинизму», почти теми же словами войдут в качестве заключительных в основную статью Сталина «Относительно марксизма в языкознании».

Сталин также на первых порах пытался отделить Марра от марристов.

Сталин – Чикобава

Сейчас создается впечатление, что отношение Сталина к яфетической теории и к Марру изменилось чуть ли не в одночасье в конце 1949 года, то есть именно тогда, когда он начал знакомиться с запиской Чарквиани и приложенными к ней работами лингвиста Чикобавы. Внимательно, с карандашом в руке Сталин изучил только одну из работ Чикобавы, а именно машинописную заметку объемом в половину авторского листа: «Стадиальная классификация языков акад. Н. Марра». Остальные работы Чикобавы, приложенные к записке, Сталин, скорее всего, лишь бегло просмотрел и видимых следов своего интереса к ним не оставил.

Статья Чикобавы в целом повторяет основные положения и аргументы записки Чарквиани, но она более наглядно позволяет проследить процесс освоения Сталиным специфической научной проблемы и политической ситуации, которой она была чревата. Автор записки сосредоточился на двух основных положениях, на которых, по его мнению, покоится вся теория палеонтологического метода Марра: единство глоттогонического (языкотворческого) процесса и стадиальная модель развития языков мира. Суть палеонтологического метода он свел все к тому же четырехэлементному анализу. «Благодаря элементному анализу, – писал Чикобава, – акад. Н. Марр утверждает, что “Яфет”, “Карапет”, “Прометей” лингвистически одно и то же»[980]. Случайно или нет, но автор употребил настоящее время так, как будто Марр все еще живой противник, и, что особенно примечательно, сразу

же указал Сталину на объединенных Марром три «сомнительных» к тому времени для вождя народа: евреев, армян, греков. Для пущей убедительности Чикобава добавил турок, еще один «сомнительный» со времен Второй мировой войны народ. Он подчеркнул: Марр считал, что турки родственны лидийцам, эламцам, шумерам, халдейцам, хеттам и что они «находятся в числе древнейших создателей европейской цивилизации». Нужно иметь в виду, что у Марра был совершенно особенный взгляд на связь языка и его носителя. Вопреки бытовавшему мнению о том, что народ, породивший язык, распространяясь по земле, несет его с собой, Марр утверждал нечто прямо противоположное: этносы редко меняют свою среду обитания, но зато, согласно стадиальной теории, скачкообразно переходят от одной стадии языка к другой. Иначе говоря, этносы меняют свои языки, перевоплощая старые лингвистические формы в новые. Здесь у Марра вполне очевидна аналогия с революционным переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Точно так же, как одну и ту же экономическую формацию могут переживать разные народы и культуры, в одну и ту же историческую эпоху, так и язык народа или целых групп различных по происхождению народов может решительным скачком изменяться благодаря заимствованию, насилию, но чаще благодаря внутреннему развитию очередной стадии языка. Отсюда, в частности, у него получилось, что турки, являясь, с его точки зрения, плодом смешения пришлых с потомками древнейших автохтонных переднеазиатских племен, «скачкообразно» перешли на новый глоттогонический этап, который представлен тюркскими языками. С точки зрения здравого смысла принять этот тезис Марра не просто. Но, как известно, человеческий мир настолько разнообразен, что и мы без труда можем найти, правда в других регионах, немало подобных скачкообразных переходов. Например, «забвение» частью североамериканских или латиноамериканских индейцев своих племенных языков и переход ими на языки иной «формации»: английский, испанский, португальский, французский. Современные мексиканцы, например, – это и не этнические испанцы и не ацтеки, а именно мексиканцы. То же самое происходит на наших глазах с европейским, азиатским и африканским пришлым населением и их потомками в США, Канаде и других государствах Американского континента. Послевоенная Европа и постперестроечная Россия также

оказались втянутыми в этот процесс. Или, например, метаморфозы с языками этнических евреев последних двух тысячелетий в различных частях света, и исторически одномоментное воскрешение в государстве Израиль обновленного библейского иврита, считавшегося мертвым языком.

Сходные процессы протекают во многих постколониальных странах. В них стремительно формируются общенациональные языки на основе смешения местных и европейских наречий. Сам же Сталин способствовал в 20-х – в начале 30-х годов восстанию из исторического небытия десятков неизвестных народов России, их языков и созданию для них письменности. Подвижно и текуче все: не только этносы, но и языки. Теория Марра, как и другие лингвистические, исторические или социальные концепции, какими бы глубокими они ни были, покрывает лишь часть исторической реальности, которая, конечно же, богаче любой из теоретических конструкций. Поэтому важно и то, какая из теорий охватывает более существенную ее часть. Но любая диктатура жива принципом «или – или» и смертельно боится любых форм плюрализма не только в политике, но и в науке.

Критикуя Марра уже по существу, Чикобава ставил перед вождем один обличительный вопрос за другим и сам же на них отвечал в духе времени – «разоблачительно» зло и бескомпромиссно. И, судя по пометам, по мере углубления в проблему у Сталина стал созревать план действий. Он начинает редактировать работу Чикобавы, возможно уже предполагая публиковать ее в будущем. Чикобава вопрошал Марра о причинах многообразия языков: *«Откуда эта разница пошла? Раз изначальный материал у всех языков общий, раз процесс языкотворчества единый, как возникли разные языки? Чем обусловлено различие языков? Ответ Н. Марра гласит: разные языки олицетворяют разные ступени развития; различие языков обусловлено местом, которое принадлежит тем или иным языкам (группе языков, семье языков) в едином процессе языкотворчества (глоттогонии)»*[981].

Сталин отметил этот текст двойными вертикальными линиями на полях, а следующий за ним абзац уже знакомым для нас способом – Z в начале и две скобки в конце абзаца:

«Z Разные периоды единого языкотворческого процесса Н. Марр называл стадиями развития. В пределах одной стадии развития может уместиться несколько языковых систем (то есть языковых семей).))

Чем обусловлены разные стадии? Они выражают сдвиги в языке и мышлении, обусловленное “сдвигами в технике производства” таков общий ответ.

Каковы должны быть эти “сдвиги в языке”, чтобы можно было говорить о новой стадии? Иными словами, по каким признакам выделяется “стадия языка”? *Это оказывается* (вставка Сталина. – *Б. И.*) неизвестно: ответа на этот вопрос не найти ни у Н. Марра, ни у его последователей»[982]. Чикобава повторил в общих чертах положения теории Марра примерно так, как он она была изложена в записке Чарквиани.

Вкратце пересказав уже знакомую Сталину и нам стадиальную классификацию развития языка, он аргументирует ее научную несостоятельность далеко не научными доводами: «Какое же место занимают наши языки, иберийско-кавказские языки (“яфетические языки” – по терминологии Н. Марра)? Наши языки в схеме Н. Марра стоят ступенью ниже, чем индоевропейские языки, они относятся к третичному периоду – они предшествуют индоевропейским языкам… Странно только одно: творцами металлургии являлись наши народы (яфетиды)… а в результате этого народились… индоевропейские языки».

И здесь главный антимарровский аргумент – кавказский фактор. В этом вопросе Марр попадал в эмоционально-логические «ножницы», в которые всегда пытаются загнать противника националистически ориентированные оппоненты. Если утверждается, что народ является более молодым, чем иные, то бросаются обвинения в попытке доказать то, что он по молодости своей варвар – менее культурен, менее цивилизован и развит, а это влечет за собой обвинения в тайном помышлении унизить этот народ. Если же наоборот – доказывается особая древность его, то бросаются обвинения, близкие по смыслу обвинениям Чикобавы: «Стало быть, грузинский язык не дорос до латинского: застрял на более ранней ступени развития; ранняя ступень равнозначна низшей ступени – и к этой ступени он пригвожден согласно стадиальной схеме Н. Марра»[983].

Конечно, Чикобава провоцировал национальную «память» Сталина, используя интернациональную марксистскую концепцию: согласно марксистской теории развития общественно-экономических формаций, каждая новая формационная ступень качественно выше, чем

предыдущая. С этой точки зрения отстать в формационной гонке, то есть «застрять», например, на стадии феодализма в то время, когда другие уже обосновались в капиталистической и даже «благоденствуют» в социалистической формации, позорно. Не спасало даже то, что современные «феодальные» государства (на первую половину XX века), например Китай, индийские княжества, были много древнее капиталистических государств Европы и Северной Америки. Чикобава (и Берия!) совершенно недвусмысленно доносил вождю: своей теорией Марр унижает грузинский народ. И это был один из самых «убедительных» доводов. В качестве дополнительной аргументации на той же странице в сноске Чикобава добавил: «Вместе не могут существовать новоразвившийся язык и язык, из которого он развился; между прочим, и этим отличается язык от животного организма; здесь могут сосуществовать два поколения, отец и сын, а то и все четыре поколения – от прадедушки до правнука». Это уж совсем странный аргумент для ученого-марксиста: если могут сосуществовать общества разных формаций, то почему это невозможно для народов, чей язык «застрял» на более ранней стадии? Гораздо существеннее не древность или молодость, а развитость живого языка, способность его превосходить или хотя бы быть сопоставимым по смысловым и эмоциональным полям другим развитым языкам мира. В конкуренции за овладение смыслами и значениями протекает вся историческая жизнь языка, а точнее, историческая жизнь говорящих на нем людей. На земном шаре лидирует в определенную историческую эпоху именно тот, кто ушел дальше других в познании и овладении миром во всех возможных аспектах. Сила без мощного конструктивного разума исторически бесперспективна, свидетельством чему является история мировых цивилизаций. Мощь и красота любого языка – это мощь и красота разума его использующего и обогащающего. Не случайно Марр настаивал на прямой связи развития языка и мышления. И это был основной вопрос его далеко не бесспорной теории, который оппоненты всячески обходили. Обходят и сейчас.

Критикуя стадиальную теорию языка Марра, Чикобава пытался доказать, что сама по себе яфетическая теория должна быть сохранена, но в том компаративистском духе, как ее сформулировал автор еще до революции. Так что и здесь речь шла в первую очередь об удовлетворении национального чувства за счет науки. Сталин даже

усилил эту мысль Чикобавы, перечеркнув четырьмя косыми линиями такое утверждение Чикобавы: «Яфетические языки (то есть иберийско-кавказские языки) не какая-то мифологическая стадия развития»[984]. И тогда более напористо зазвучало: «Яфетические языки – живые представители древней многочисленной группы языков, носители которых выступают в истории человечества создателями древней цивилизации Передней Азии, цивилизации, вскормившей греко-римскую древнюю цивилизацию и, следовательно, всю культуру Западной Европы». Иначе говоря, по Чикобаве, яфетическому Кавказу обязана Европа своей высокой цивилизацией.

Если теоретическая, а точнее, политическая несостоятельность «нового учения о языке» становилась все более очевидной для Сталина, то достоинства и суть компаративистики не в полной мере были ему очевидны. Не исключено, что уже тогда у него возникали мысли об ином, третьем, подлинно марксистском, в его понимании, пути. Чикобава очень наглядно продемонстрировал преимущества сравнительно-исторического метода в отличие от палеонтологического метода.

*«**Сравнительно-историческая лингвистика группирует языки по происхождению** (по генеалогическому принципу), предполагая разный исходный языковый материал. Так, например, название числа "три" звучит по-латински tres ("трес"), на древ. – индийском языке trayas "траяс"): у русского, латинского, индийского в данном случае общий исходный материал, общий корень. На грузинском языке "три" звучит "сами", на турецком – "уч": груз. "сами" нельзя свести ни к турецкому "уч", ни к латинскому "трес" – это разные корни. Их нельзя сравнивать: грузинский яз. не родственен ни с индоевропейскими языками, ни с турецким языком.*

Родственные языки образуют группу т. н. "семью языков". Таковы, к примеру: хеттско-иберийская семья (с живыми иберийско-кавказскими языками), индоевропейская семья, семитическая семья, угро-финская семья»[985]. Здесь Чикобава без тени смущения заявляет о наличии хеттско-иберийской (кавказской) языковой семьи. Хетты, как известно, были древнейшим народом Передней Азии (современники древних египтян, ассирийцев и иудеев). Большинство современных лингвистов относят их язык к индоевропейской группе (Марр так не считал). Таким образом, Чикобава «убивал сразу двух зайцев»: родной

язык возводил к древнейшему, хеттскому, а через него к индоевропейской семье народов.

«Сравнительно-историческому языкознанию меткую характеристику дал Энгельс (см. Анти-Дюринг. Изд. VI. С. 233); сравнительно-исторический метод применялся Энгельсом в его лингвистических исследованиях (Маркс называл Энгельса специалистом сравнительного языкознания)». Сталин (почти как в романе А. Солженицына), отметив на полях этот текст длинной чертой, напротив ссылки на Энгельса тут же приписал: *«Нужна цитата»*[986]. Следующий же текст отчеркнул уже двойной чертой, сочтя его особо важным: *«На точке зрения генеалогической классификации стоит Энгельс в своих работах (“Анти-Дюринг”, “Происхождение семьи, частной собственности и государства”, исследования о германских диалектах). Отсюда, между прочим, видно, насколько несостоятельно утверждение Н. Марра, будто генеалогическая классификация является расистским понятием.*

Яфетическая теория Н. Марра отбросила сравнительно-исторический метод: его заменил палеонтологический метод (анализа по элементам). Яфетическая теория Н. Марра отрицает различное по материалу происхождение языков»[987].

Отметим, что во времена Энгельса иной лингвистики, помимо сравнительно-исторической (компаративистской), в природе не было. И тем не менее именно Энгельс говорил пусть и метафорично о языке буржуазии и языке пролетариата в рамках одной нации. А теперь обратим внимание на текст, на который Сталин никак не отреагировал, но он представляет особый интерес для понимания связей теории Марра с тенденциями в мировой науке его времени, о чем сталинские марксисты даже не догадывались.

Чикобава, как и все критики Марра, особенно напирал на темные истоки четырехэлементного анализа: «На докучливые вопросы – почему именно четыре элемента, Н. Марр давал фантастические разъяснения (вроде четыре части света – четыре элемента!), договорившись, наконец, до того, что “некоторые вещи доказывать нет надобности, их можно показывать” (Н. Марр. К Бакинской дискуссии об яфетидологии и марксизме, 1932. С. 44)»[988].

Чикобава лукаво продолжал: *«Н. Марра мы не приравниваем к элементам, но сам-то Н. Марр элементам (элементарному анализу)*

придавал исключительное значение, ставил во главе угла яфетической теории именно элементы.

Характерно, что турецкие расисты ухватились за принципы элементарного анализа Н. Марра; только нашли более удобным все слова всех языков земного шара сводить не к четырем, а к одному элементу – турец. – "гюн" – "солнце": таким нехитрым способом "было доказано", что все языки произошли от турецкого языка!» Какое отношение Марр имел к «турецким расистам», современному читателю понять затруднительно. Но двусмысленное отношение друг к другу Турции и СССР перед войной и во время войны, сближение Турции с США и странами Европы после войны, вековая мечта российских правителей о черноморских проливах, а турецких – об имперском реванше в Черноморском бассейне превращали ее в реального противника. Сталин отчеркнул и этот кусок текста, все более убеждаясь, что он в свое время пригрел врага. Образ Марра в его сознании все более и более начинал приобретать отрицательные черты. На следующей странице Сталин вновь отчеркнул на полях выводы Чикобавы, а в самом тексте сделал правку:

«*Каковы выводы?*

1. Стадиальная классификация языков (учение о стадиях) Н. Марра тесно связано с палеонтологическим методом (анализ по элементам!) и с положением об единстве глоттогонического (языкотворческого) процесса яфетической теории.

2. Стадиальная классификация Н. Марра вытекающая из учения об элементах, научно не состоятельна, общественно не приемлема. (Сталин зачеркнул слова*: "общественно не приемлема". – Б. И.*). *Вопреки голословным заявлениям Н. Марра стадиальная классификация не только не подрывает принципиальных основ лженаучного расизма, но с внутренней* (*"внутренней"* – зачеркнуто Сталиным. – *Б. И.*) *неизбежностью сама ведет к антимарксистским, антинаучным расистским утверждениям.*

3. Только при знакомстве с реальным положение вещей или же при полном отсутствии чувства ответственности можно утверждать, что палеонтологический анализ (по элементам) положения об едином глоттогоническом процессе и стадиальной классификации языков в яфетической теории Н. Марра являются достижениями советской материалистической лингвистики: эти "достижения" могут лишь

дискредитировать материалистическую науку о языке – советскую лингвистику». Весь этот текст Сталин на полях слева отчеркнул одной чертой карандашом, а последующий отчеркнул уже дважды.

«*4. Корень злоключений яфетической теории Н. Марра – чудовищный антиисторизм. Воплощение этого антиисторизма анализ по элементам: он представляет собой основные моменты яфетической теории Н. Марра, как в позитивной, так и в негативной части (критика буржуазной лингвистики). От элементарного анализа последователи Н. Марра отказались в 1940 году. Положения же, порожденные этим анализом, до сих пор преподносятся как достижения материалистического языкознания. Это наблюдается не только в малоответственных выступлениях некоторых "лингвистов без языка". (Например Г. П. Сердюченко в "Литературной газете"* [! – *Б. И.*]).

Управление педагогическими вузами Министерства высшей школы обязывает подведомственные учреждения включить в программу во "Введение в языкознание" учение о стадиях, учение об единстве глоттогонического процесса Н. Марра в качестве необходимого учебного материала.

Арн. Чикобава.

21. IV.1949»[989].

Познакомившись с документами, подготовленными Чарквиани и Чикобавой, Сталин, возможно, какое-то время размышлял о порядке дальнейших действий. В необходимости кампании по разоблачению Марра у него, скорее всего, сомнений уже не было. Неясность была в том, участвовать ли ему непосредственно самому в этой кампании или руководить ею закулисно, как это он делал во время «дискуссий» по вопросам философии, генетики, кампаний по борьбе с космополитизмом, организаций «судов чести» и во время других послевоенных идеологических мероприятий.

Загадки яфетической пирамиды

Сталин понимал, что освоить азы лингвистики, а тем более профессионально оценить теорию Марра он, несмотря на свою безграничную самоуверенность, вряд ли сможет. Он вообще ничем никогда не занимался систематически, если, конечно, не принимать во

внимание власть, которую воспринимал как естественный образ жизни, а не отрасль деятельности. Поэтому он пошел по обычному для себя пути – углубился в чтение общедоступной справочной литературы, а в ней, как правило, адаптированы самые сложные вопросы.

Главным источником, с которым теперь работал Сталин, был шестьдесят пятый том Большой Советской энциклопедии (БСЭ), первого издания, вышедшего при жизни Марра в 1931 году. Шестьдесят пятый том БСЭ был по алфавиту последним и поэтому содержал статьи: «Язык (лингв.)», «Языковедение», «Яфетическая теория», «Яфетические языки». Эти статьи были написаны или самим Марром, или его последователями и учениками. Марр также входил в состав редколлегии БСЭ. В томе сохранилась закладка – типографский листок-памятка для подписчиков, на оборотной стороне которого Сталин написал простым карандашом:

«*1) Язык с…* (угол оборван. – *Б. И.*)

2) Языковедение

стр. 392.

3) Яфетическая *теория*

стр. 809».

Даты нет, но понятно, что эта закладка была сделана лично Сталиным во время работы над проблемами языкознания. Еще несколько закладок с написанными номерами страниц вложено между листами с перечисленными статьями. На статье «Яфетические языки», написанной Марром, помет Сталина нет. На страницах всех остальных перечисленных статей сохранились многочисленные рукописные пометы, сделанные одними и теми же чернилами. Значит, Сталин читал их все в одно время. Пометы есть и на других статьях этого тома, но они, возможно, были сделаны в другое время, скорее всего, раньше, чем пометы чернилами. В частности, Сталин, хотя и был хорошо знаком по первоисточнику с историей библейского Ноя и его сыновей еще со времен семинарской юности, тем не менее прочитал и эту статью в энциклопедии для того, видимо, чтобы прояснить для себя, по какой причине Марр назвал свою теорию «яфетической». Из этой статьи явствовало, что Яфет был одним из трех сыновей Ноя, потомками которого, – утверждалось там, – стала народность ашкиназим, «жившая около Арарата (ассир. Урарту)». Здесь ничего нового для Сталина,

кажется, не было, но следующий текст он отметил на полях двойной большой квадратно-круглой скобкой на полях:

«Имя Яфет принято современным языкознанием для условного обозначения группы языков (“яфетической”), весьма сложных по типу и отличных по стадии развития от языков так называемых семитов и индо-европейцев (см. Яфетические языки)»[990].

Ко времени Марра научное языкознание насчитывало по крайней мере уже лет сто – сто пятьдесят. Для того чтобы получить хотя бы самое общее представление об истории лингвистики, «великий корифей науки» прочитал в БСЭ и статью «Языковедение» (подчеркнул название), в которой кратко, как и положено в энциклопедии, излагалась история дисциплины. Автором статьи была Р. Шор – знаток зарубежной лингвистики, автор учебников и, конечно же, представительница школы Марра. Сталин статью прочитал всю, но пометы сделал ближе к концу.

Из энциклопедии Сталин узнал о попытке приложить эволюционную теорию Дарвина к эволюции языков, которую под именем компаративистики осуществил в середине XIX века А. Шлейхер. Затем он прочитал о знаменитой классификации языков Шлейхера и о его взглядах на язык и языковые семьи как на уникальное творение природы. В этой же статье рассказывалось и о младограмматиках, они также пытались отыскать естественные законы развития языков и звуковой речи, то есть законы фонетики. Младограмматики, будучи гегельянцами, утверждал автор, считали, что «дух нации» выявляется в ее языке и что язык есть продукт саморазвития «духа нации». Как и Шлейхер, они же одними из первых приступили к реконструкции истории праязыка. Автор статьи в энциклопедии не упустил случая поиронизировать над реконструкторскими увлечениями Шлейхера.

«Шлейхер был так уверен в реальности своих реконструкций, что написал даже басню на “индоевропейском праязыке”»[991], – утверждала Р. Шор. Сталин на полях слева не только отчеркнул это замечание, но и приписал «*ха-ха!*». Мы же отметим, что за этими как будто наивными попытками реконструировать гипотетический праязык стоит нечто большее, чем литературный курьез[992].

В той же статье автор упомянул известных философов, основоположников компаративистики: В. Гумбольдта, Фр. Шлегеля, Г.

Штейнталя, заложивших фундамент научного языкознания. Процитировал выдающегося лингвиста XIX века Якова Гримма: «Наш язык есть также наша история». А историю невозможно понять без сравнения и сопоставления различных культур, народов, цивилизаций. Мы также должны учесть и то, что метод лингвистической компаративистики – это всего лишь метод сравнения, сопоставления одного языка с другим и выявления у них общего и отличного. Если отвлечься от конкретного «материала», то сразу же становиться понятно – все люди, включая детей, вооружены от рождения этим «методом». Сталин взял себе на заметку основные идеи компаративистики, казавшиеся такими очевидными с точки зрения здравого смысла. А логическую простоту, ясность и лежащую на поверхности очевидность, как я уже отмечал, он ценил.

«Действительно, сравнительный метод (компаративистика. – *Б. И.*) в языкознании, – писала Шор, – исходил из двух основных допущений: из **предположения о 1) замкнутом и изолированном развитии нескольких происшедших из одного общего праязыка языков** и из предположения об 2) **единообразных, не допускающих исключения законах, определяющих это различие**»[993]. Сталин для лучшего уяснения интуитивно сформулированных постулатов лингвистической компаративистики подчеркнул их карандашом и поставил нумерацию. Шор же перечислила эти «постулаты» с целью развернуть критику в духе своего учителя, то есть Марра. Но Сталин здесь явно игнорирует критику и использует статью для того, чтобы ухватить суть сравнительно-исторического метода в языкознании.

Видимо, еще от Чикобавы Сталин узнал о существовании неких «фонетических законов», являющихся основанием для претензий компаративистов на объективность и бесспорную научность и доказательность. В середине XIX века эти законы пытались сформулировать младограмматики, чьи идеи были особенно близки Чикобаве и некоторым отечественным компаративистам. Шор, излагая историю вопроса, негативно трактует понятие фонетического закона, а Сталин, напротив, берет себе все это на заметку, отчеркивая на полях основные положения явно для того, чтобы уяснить их и использовать в положительном смысле.

«Младограмматики первоначально пытались сохранить это понятие “физиологического звукового закона”, – писала Шор. – *Однако*

очень скоро это понятие физиологически ненарушимого фонетич. закона уступает место понятию закона "исторического"»[994]. Последнее предложение Сталин отчеркнул на полях. Затем она цитирует одного из представителей младограмматиков, Дельбрюка, который как раз и пытался перетолковать фонетический закон из естественно-научного в закон исторический: «Звуковой закон не может говорить нам о том, что должно *получаться из того или другого звука всюду при всяких условиях, но* ***он констатирует лишь данный факт****, именно, что в известном языке в известную эпоху его существования произошло последовательное изменение данного звука или звукового комплекса в определенном направлении, раз были налицо все другие все нужные для этого условия в каждом отдельном случае»*[995].

И этот тезис Сталин отчеркнул еще и на полях слева. А на нижнем поле листа в качестве комментария приписал: «*Ограниченность временем и территорией*». Шор обращает внимание читателя на то, как к концу XIX века компаративистика эволюционировала от поисков естественно-научных оснований и законов к пониманию значительной «условности» и «ограниченности» своих методических приемов. И вновь цитата из работы Дельбрюка:

«"Фонетические законы – это условные формулы для выражения ***существующих фонетических соответствий*** *между отдельными языками или отдельными исторически засвидетельствованными* ***моментами*** *существования* ***одного и и того же языка****". Так разрушается основное и важнейшее положение, выдвинутое младограмматическим течением – положение о нерушимости и безысключительности фонетических законов»*[996].

Автор разворачивал всю эту критику компаративистики для того, чтобы убедительнее изложить яфетическую теорию, но Сталин, скорее всего, лишь бегло просмотрел итоговую часть статьи и не оставил на ней никаких помет.

Таким же «экономным» способом Сталин «освоил» наконец и яфетическую теорию, для чего обратился к одноименной статье самого верного ученика Марра И. И. Мещанинова в упомянутом томе БСЭ, написанной хотя и тяжеловесным, но понятным языком. Скорее всего, Мещанинов литературно переработал исходный материал, первоначально составленный самим Марром. Характер комментариев и многочисленность помет на страницах этой статьи, хорошо показывает,

как вождь «вгрызался» в яфетидологию. Поскольку статья так сильно исчеркана Сталиным, то во избежание сплошного цитирования и неизбежных повторений отмечу только самые главные моменты и комментарии к ним Сталина. Автор дал краткую справку об истории развития яфетической теории, о значении для ее становления обращение Марра к письменным и бесписьменным языкам Кавказа. Остановился на разработанной Марром специальной системе записи звуков речи бесписьменных народов. Сталин по ходу изложения отмечал перьевой ручкой в тексте и на полях все эти моменты, а когда дошел до места, где даются объяснения того, каким образом Марр передает каждый звук речи, то есть фонему, в письменной форме, то есть в виде графемы, Сталин на полях тут же воспроизводит эти термины, подобно тому как прилежный ученик, силясь запомнить сложный материал, повторяет за учителем, шевеля губами: «*фонема, графема*»[997]. Рассказав о том, что собой представляет аналитический (яфетический) алфавит, о его преимуществах и недостатках (и это Сталин отметил на полях справа черточками и галочками), Мещанинов перешел к анализу состава яфетических языков, их классификации, поведал о любимой идее Марра – о «трансформации населения на месте». Описание процессов «трансформации» этноса «на месте» особенно заинтересовало вождя, так как именно здесь Марр указывал на связь развития языка с «общественной перестройкой» и «хозяйственной деятельностью». Все эти положения Сталин буквально запечатлевал в своем сознании предложение за предложением, исчеркав текст, выделяя на полях абзацы с законченными мыслями, дополнительно отмечая галочками наиболее важные места. Точно так же он проштудировал раздел «Учение о стадиях и палеонтологический метод». Чтобы не повторяться, отмечу только то, что Сталин отчеркнул на полях и прокомментировал:

*«**Предварительной постановкой работ в новом направлении является учение о межстадиальных переходах и межстадиальных соответствиях**.* Н. Я. Марр устанавливает ступенчатое (скачкообразное) движение речи, перестраивающее стадиальное оформление на основе наследственного сохраняющегося багажа предыдущей стадии. ***Перестройка прежнего дает повод к прослеживанию каждого языкового явления в его прошлом и настоящем, что и образует основное задание палеонтологического***

анализа. Посредством этого анализа различные формы, например индоевропейской и семитической речи, приводятся к их яфетическому состоянию»[998]. Последнее предложение Сталин на полях прокомментировал так: «*назад*», то есть он правильно понял – речь идет о регрессивном методе, когда из современного и понятного извлекают неизвестные истоки и рудименты. В конце же всего раздела Сталин подвел для себя итог, отметив: «*палеонтологический анализ*»[999].

Таким же способом проработал и следующее положение статьи Мещанинова: «Анализ языкового развития в его диахроническом (вернее, разностадиальном) разрезе **заменил прежнее учение о субстрате с последующими этническими напластованиями и**, выдвинув взамен его стадиальное чередование, дал возможность использовать в новых целях предыдущие работы, характеризующие взаимоотношение яфетических языков с языками иных систем (семей)». Сталин пояснил для себя: «*Не напластование (этническое), а стадиальное чередование скачками*»[1000]. Далее Мещанинов изложил представления Марра о скачкообразном развитии языка и речи, отметив непроработанность «яфетической стадии». Взяв все это на заметку, Сталин подошел к центральной идее Марра, к пирамидообразной модели развития этносов и языков мира. Цитируемый далее текст не только отмечен Сталиным различными способами, но для наглядности снабжен им на полях рисунками двух довольно корявых «пирамидок»:

«При интересе яфетидологии к семантике (смысловой стороны языка) и идеологии естественно внимание обращалось в первую очередь на лексику (словарный состав языка), и в этой части выявились все недостатки формально обоснованных группировок. ***В части лексического состава доступные изучению группировки языков оказываются в свете Я.т.*** (яфетической теории. – *Б. И.*) ***значительно более между собой объединенными, чем это предполагается индоевропейской школой***. Проводимое последней деление на праязыки с искусственным восстановлением праоснов распределяет весь словарный запас на корни, специально будто бы присущие только данной языковой семье, совпадение же основ обычно слишком легко толкуется как заимствование слова одним языком у другого. *Поэтому, проводимое индоевропейской школой деление языков представляет собою ряд обособленно стоящих пирамид, опрокинутых вершиной вниз,*

то есть начинающихся с единицы в виде общего праязыка и разрастающихся во множество последующих ответвлений. ***Взаимной увязки между отдельными пирамидами*** *(семьями языков) не проводится, и каждая из них упирается в свой самостоятельный праязык. И если представители индоевропейской школы не настаивают на связи языка с этносом, то в искусственно построенном ими праязыке они твердо стоят на этнической основе и близки к прослеживанию пранарода, говорившего на данном праязыке и жившего в искомом месте, прародине,* ***откуда вся система перенесена переселением****. Яфетическая же теория, прослеживая общий и притом единый процесс языкового развития как надстройки над базисом производства и производственных отношений, устанавливает множественность языков вначале и последующий ход их жизни, идущий через объединение к единому будущему мировому языку. Т. о. яфетически построенная пирамида покоится на своем основании и идет вершиною кверху»*[1001]. Именно здесь, на полях рядом с текстом, рассказывающим о компаративистской модели, Сталин примитивно изобразил небольшую пирамидку, опрокинутую вершиной вниз, символизирующую компаративистский процесс развертывания пучка (веера) родственных языков от одного праязыка. Чуть ниже Сталин нарисовал пирамидку, покоящуюся на широком основании и обращенную вершиной вверх, символизирующую множественность этногенеза человечества и прогнозируемый Марром качественно новый этап в развитии человеческого рода, в процессе которого переплавятся этносы и их языки в особое всеединство. И еще один примитивный рисунок изобразил Сталин напротив следующего текста:

«Еще точнее это выражается в образе родословного языкового дерева, ствол которого дает ветки семитическую, хамитическую, урало-алтайскую и т. д…*Наглядность родословного дерева, еще окончательно не проработанного, нарушается неправильным представлением, к-рое дают ветки, исходящие из одного ствола, что самим своим внешним видом напоминает отвергнутое яфетидологией учение о праязыке».* На полях Сталин как мог нарисовал ручкой хилую «веточку», символизирующую «родословное дерево». Похоже, что эти графические упражнения помогали вождю усвоить не простые научные проблемы через зримые образы.

И последующий уточняющий комментарий Мещанинова отчеркнул Сталин на полях и под строкой: «Помещая **в низ пирамиды**, то есть в начальные эпохи языкотворчества, многообразие самостоятельных общественно группирующихся единиц, имеющих каждая свой язык, *яфетидология должна учесть и количественное множество изначальных языков при их качественной близости, далекой от того качественного отличия, которым характерны развитые т. н. культурные языки*». Здесь изложена очень интересная мысль Марра о том, что, возможно, в очень далекой древности, когда только зарождалась человеческая речь, все многочисленные праязыки человечества находились по отношению друг к другу как «диалекты» одного прапраязыка. Если это так, то марровская модель очень напоминает библейскую, на промежутке между языком Адама и вавилонским смешением языков.

Обращаю внимание читателя на примечательный факт из истории мировой науки, заставляющий задуматься о неисповедимости путей умственного развития человечества. В 20-х годах XX века во Франции в конгрегации ордена Иисуса (иезуитов) стал приобретать известность один из крупнейших географов, палеоантропологов, археологов, богословов и философов XX века Пьер Тейяр де Шарден. Он был младшим современником Марра. Его конкретный вклад в археологию был неоспорим, как в свое время и вклад Марра, и оценен научными кругами по заслугам[1002]. Достаточно вспомнить открытие им (в соавторстве) в Китае синантропа, одного из промежуточных звеньев в антропологической эволюции. Но Шарден был еще и ученым, пытавшимся проследить магистральный путь развития Вселенной через человекообразных к человеку разумному и предсказать дальнейшее развитие человечества. Его концепция синтеза науки и религии, будучи очень популярной, не вписалась в традиционную христианскую доктрину о первородном грехе Адама и Евы, за что ему было запрещено публиковать свой главный труд «Феномен человека. Преджизнь. Жизнь. Мысль. Сверхжизнь». Католический монах Шарден в существенных пунктах своей научной биографии в чем-то повторил на западноевропейский лад путь советского академика Марра. После смерти Шардена, когда в начале 60-х годов XX века книга все же вышла в свет, она была запрещена папской курией, а папа Пий XII издал энциклику, осуждающую в принципе идею полигенеза человечества. До

сих пор книга Шардена – объект самой серьезной критики со стороны видных ученых-католиков и отдельных православных богословов[1003]. В СССР она была издана тогда же, в 60-х годах, правда ограничена грифом: «Для научных библиотек». Книга высоко оценена известным православным богословом Александром Менем[1004]. Понятно, что Марр не мог ничего знать об антропологической концепции Шардена, а последний, возможно, также не знал о трудах Марра, хотя некоторые его работы были переведены еще в 20–30-х годах на французский и немецкий языки. Шарден заявил, что исток, то есть момент мутации каждого нового биологического вида, в том числе отдельных звеньев предков человека, никогда не удается зафиксировать. Поэтому вид предстает сразу, то есть «взрывообразно», как «мутон» в виде «пучка» или «веера» разновидностей и родов на древе жизни, а не явлением одной пары прапрапредков и их линии. Затем уже начинается: «Целая совокупная игра дивергенций и конвергенций»[1005], «игра» которую Марр назвал так же, но с использованием русской терминологии: процесс «схождения» и «расхождения» человеческих общностей и этносов (при этом Марр добавлял – и их языков). По мнению Шардена, уже в историческое время этот процесс привел к качественно новому этапу в эволюции человечества, который неизбежно ведет к слиянию всех рас, этнических семейств и глобальных цивилизаций – к общечеловеческому синтезу. Вот что он писал в конце того самого 1948 года, когда в СССР начал созревать замысел посмертного развенчания Марра: «Бесконечное межоплодотворение, во всех степенях. Смешение генов. Анастомы рас в цивилизациях и политических учреждениях… Рассматриваемое зоологически, человечество являет собой уникальное зрелище “вида”, способного реализовать то, в чем потерпел поражение всякий другой вид до него. Оно не просто космополитическое, оно, не разрываясь, покрывает Землю одной организованной оболочкой. Чему приписать это странное условие, если не полной смене, или, точнее, радикальному усовершенствованию, путей жизни посредством введения в действие в конечном счете единственно возможного мощного орудия эволюции – срастания в самой себе целиком всей филы?»[1006] За сходные идеи Шарден и Марр были одинаково осуждены в одну историческую эпоху, но один за сомнительность с точки зрения христианской ортодоксии, а другой за то же, но уже ортодоксии «марксистской», точнее сталинистской.

В конце раздела Сталин отметил различными способами и справа, и слева колонок с текстом еще два места, где говорилось о недостаточной проработанности яфетической теорией древнейших этапов в развитии языка и мышления человечества[1007]. В конце раздела Сталин поставил перьевой ручкой крест и далее только пробежал разделы: «Изучение семантики и семантические ряды», «Понятие классовости языка», «Учение о четырех элементах», «Практика яфетидологии», «Оценка Я.т. а) На Западе; б) В СССР». Только трижды его глаз зацепился здесь за текст, а рука потянулась за ручкой. Первый раз в том месте, где говорилось о «четырех элементах»[1008]. Второй – тогда, когда автор упомянул научных противников яфетидологии: «В СССР. Аналогичные оценкам зап. – европ. буржуазных лингвистов оценки Я.т. выступают у ряда представителей **правого крыла советской профессуры** (Ушаков, Петерсон, Поливанов)». Сталин слева на полях грозно и требовательно написал: «*Это что такое?*»[1009] Следует учесть, что не все перечисленные ученые к тому времени, когда Сталин читал эту статью, были живы, причем Поливанов, как уже говорилось, погиб в тюремном застенке. Но для нас этот сталинский жест дает возможность определить психологический настрой вождя, который внутренне уже поменял полюсами свои оценки учения Марра и его противников. Кроме того, сразу же за этим текстом Сталин отметил тремя вертикальными чертами ту самую цитату из давней статьи М. Н. Покровского в «Правде». Я предполагаю, что в этот самый момент за посмертной тенью Марра захлопнулась дверь символической тюремной камеры, только что обустроенной в сталинской душе.

Сталин: «язык – материя духа»

Усвоив, как ему казалось, основные идеи компаративистики и яфетической теории, Сталин решил прояснить для себя то, как советская наука трактует понятие «язык». Для этого он вновь обратился к тому же шестьдесят пятому тому БСЭ, к одноименной статье. Понятно, что и эта статья была написана с позиций яфетической теории. Ведь к 1949 году нового, второго издания БСЭ еще не было. Последний том со статьями на букву «я» появился уже после смерти властителя. Авторами статьи «Язык» в первом издании БСЭ были уже

известные нам: И. Мещанинов, Р. Шор и некто, подписавшийся инициалами А. Б. Статья изобилует ссылками на классиков: Маркса, Энгельса, Лафарга, Ленина и, конечно, Сталина. Похоже, что именно они, то есть цитаты классиков о языке и мышлении, и были нужны вождю. Лишь попутно он отмечал то новое, что узнавал из нее о яфетидологии. И хотя Сталин в предвоенные годы «перепахал» вдоль и поперек по нескольку раз с цветными карандашами в руке различные издания Маркса, Энгельса, Ленина, Лафарга, Каутского и свои собственные, сейчас он не хотел затруднять себя специальными изысканиями. В то же время, если у него действительно созревала мысль о том, что он сам будет участвовать в дискуссии, но выступит не как профессионал-лингвист, а как гениальный теоретик марксизма, для этого действительно требовалось прояснить то, что говорили классики относительно языкознания, языка, мышления и сознания. Зрела решимость показать всем этим академикам и профессорам, как надо по-марксистки решать задачки, в которых когда-то копался Марр, а теперь людишки из его «школы».

Авторы статьи сразу же начали с главного «марксистского» положения Марра: «Специфика языка. По определению К. Маркса и Фр. Энгельса, язык представляет собою надстроечное явление»[1010]. Марр достаточно вольно трактовал здесь классиков, так как прямого отнесения языка именно к надстройке у них нет. Противники Марра уже неоднократно обращали на это внимание, в частности, об этом же говорилось в записках Чарквиани и Чикобавы. Но для Марра отнесение языка и мышления к надстройке, то есть к наиболее изменчивой и зависящей от экономического базиса общества части социального организма, было принципиально важно. Оно позволяло привязывать революционные, «взрывообразные» семантические изменения в языке к изменениям в идеологической и политической сферах общественного устройства, то есть к социальным революциям. Для подкрепления этого положения авторы процитировали известный тезис Маркса и Энгельса (на него в свое время указал Марру Луначарский) из работы о Л. Фейербахе. Они, отмечалось в БСЭ, так разрешали проблему, определяя место языка «среди других *исторических явлений (**производственных, общественно-политических, правовых и семейных отношений**) человеческого общества:* (*“Лишь теперь, когда мы уже рассмотрели **четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических***

отношений, мы находим, что человек имеет также “сознание”. Но и оно не имеется заранее или как “чистое” сознание. На “духе” заранее тяготеет проклятие “**отягощения” его материей**, к-рая выступает здесь в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык так же древен, как сознание, язык – это практическое существующее для других людей, а значит, существующее так же для меня самого реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношения с другими людьми”. Продолжением этих мыслей Маркса является следующее его утверждение: **(**“Даже основной элемент мышления, элемент в котором обнаруживается жизнь мысли – язык – чувственная природа”**)**»[1011].

Все горизонтальные и вертикальные подчеркивания (последние передаются курсивом) и отчеркивания, вставленные в тексте «жирные» скобки, принадлежат Сталину. Кроме того, Сталин нарисовал стрелку от слов «четыре стороны первоначальных отношений» и направил ее к словам «производственных, общественно-политических, правовых и семейных». А напротив слов: «На “духе” заранее тяготеет проклятие “отягощения” его материей» – написал: «*Язык материя духа*»[1012]. Ни раньше ни позже Сталин эту мысль в такой формулировке нигде не воспроизводил. Ничего подобного нет и в его языковедческих писаниях. Но вывод примечателен. Здесь исток его лингвистической «концепции». Ведь Маркс и Энгельс, последовательно придерживаясь материализма, писали о «духе» в кавычках, то есть в метафорическом, а не в библейском смысле. Они как раз подчеркивали материальное «отягощение» идеальных представлений о человеческом «духе» (мышлении) и указывали на чувственную природу языка. Сталин же интуитивно воспроизвел дуалистическую и, по существу, библейскую трактовку сущности человеческой природы: Господь вложил душу человеческую в прах и тем, одушевив материю, сотворил чудо – человека с его сознанием и языком. И с тех пор «дух» человека, по Сталину 1949 года, материализуется в языке. О каких классовых языках и языке как части надстройки могла идти речь, когда и Маркс с Энгельсом, и библейская традиция едины в том, что «язык так же древен, как сознание» и возникает он одновременно с сознанием, задолго до социального расслоения общества. Недаром же Марр пытался критиковать Энгельса за то, что тот не заметил классов и других социальных групп (а значит, и их языков) в первобытном,

«доклассовом» обществе. Кроме того, классики практически поставили знак равенства между мышлением и языком, заявив, «что основной элемент мышления» – это язык, и именно эту мысль Сталин особо для себя выделил скобками: **(**«Даже основной элемент мышления, элемент в котором обнаруживается жизнь мысли – язык…»**)**. В сталинском послевоенном «марксизме», а точнее, в специфической смеси из марксистских, библейских, националистических (вплоть до нацистских) и других идей и стереотипов не было места для сомнений в правильности давно усвоенных постулатов. Сталин наконец-то уловил для себя суть того, в чем проявился «немарксизм» Марра, – он как тайный закоренелый «идеалист» оторвал язык от мышления, а значит, и от сознания. А о том, что в его красиво выглядевшей интерпретации на полях *(«Язык – материя духа»*) душа единственно материализуется в языке, а все остальное телесно-психическое в человеке не имеет к ней никакого отношения, марксист, материалист и бывший христианин Сталин даже не задумался. Впрочем, свою откровенно идеалистическую мысль, возникшую под впечатлением чтения марксистского текста, Сталин, как я уже говорил, никогда больше и нигде не воспроизводил. Это была мимолетная, крайне редкая яркая вспышка интеллекта у человека, вынужденного много десятилетий подряд доказывать превосходство своего интеллекта в любой аудитории и по любому вопросу. Скорее всего, об этой фразе Сталин тут же забыл.

Затем он задержался в том месте, где авторы привели табличку Ленина из его замечаний на книгу Лассаля о Гераклите. Ленин, размышляя об истории познания, пытался свести ее к различным областям знания, включая в конгломерат из историй отдельных наук, истории философии, истории умственного развития ребенка, в том числе и истории языка, чувств, психики, биологии. В табличке, которую Сталин отчеркнул волнистой линией, Ленин употребил латинское слово «ergo». На это Сталин отозвался, – крупно и нарочито уверенно написав рядом на полях на латинском же: «Cogito, ergo sum»[1013] («Мыслю, следовательно, существую»). Никакого отношения к ленинскому тексту эта его показная осведомленность не имела. Многие книги из сталинской библиотеки испещрены подобными прописными сентенциями.

В процессе дальнейшего знакомства с теорией языка по первому изданию БСЭ Сталин вновь задержался на формулировке о диалектическом различии и связи языка и мышления, отметив ее вертикальными и горизонтальными чертами: «*Т. о. необходимо исходить и из неразрывной связи Я. с мышлением как "практического, реального сознания" и* ***из качественного отличия Я. от мышления***»[1014]. Это положение, ставшее прописной истиной в советской официальной философии (идеологии), также эхом отзовется в его будущей работе. Он очень внимательно прочитал раздел, посвященный концепции Марра о языкотворческом процессе, включая «кинетический» этап и критику концепции моногенеза человеческого рода и языка. Отметил известную уже нам цитату из книги Лафарга «Язык и революция», с тем чтобы опровергнуть ее в своей будущей работе[1015]. Попытался вникнуть в специфическое толкование Марром проблемы «***возникновения и развития грамматических категорий***»[1016], в его трактовку происхождения местоимений, существительных и глаголов и вновь – в связь звуковой и кинетической речи с социальной средой[1017]. В разделе «Классификация языка» отметил критические высказывания в адрес «биогенетического сравнительного метода» индоевропеистики с его идеей восстановления семейного праязыка[1018]. И все же главным для него было выявление «методологических» марксистских основ яфетидологии, то есть именно того, что он собирался опровергать в марризме и обосновывать в собственном «языковедческом марксизме». Поэтому в разделе «Историческое развитие языка» он выделил себе на память две цитаты из классиков: *«Маркс и Энгельс намечают их* ("формы языка". – *Б. И.*) *следующим образом: "В любом современном развитии Я.* ***первобытная стихийно*** *возникающая речь* ***возвысилась до стадии национального*** *Я., отчасти благодаря истории развития Я. из готового материала, как это мы наблюдаем в случае романских и германских Я., отчасти* ***благодаря скрещению*** *и смешению народов, как в случае англ. Я., отчасти благодаря* ***концентрации диалектов*** *у какого-нибудь народа, происходящей на основе экономической и политической концентрации"* (Архив М. и Э., IV, с. 290)»[1019]. Здесь Сталин четко выделил три важные мысли, связанные с путями происхождения языков и их связи с происхождением европейских наций: из стихийно развившейся племенной речи до национальной (романские и германские народы);

через скрещивание и смешение народов, а значит, и их языков (английский язык); путем концентрации одного из диалектов под влиянием политической и экономической централизации. Для нас очевидно: Сталин вычитал у классиков то, что он вскоре будет всячески опровергать, делая вид, что не знаком с их мнением. А они допускали различные пути складывания национальных языков, в том числе и **путем скрещивания племен и их языков**, на чем особенно настаивал Марр, не отвергая и других путей, намеченных основоположниками. Другое дело, что в отношении романских языков классики ошибались, поскольку и они произошли путем смешения диалектов народной латыни с германскими и другими языками пришлых народов, но наука их времени эти вопросы еще только изучала.

Затем Сталин подчеркнул часть цитаты Энгельса из его письма 1890 года к Блоху: «Экономическое положение – это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние, во многих случаях определяют **преимущественно форму** ее, различные **моменты надстройки**»[1020]. И наконец, еще один хорошо известный тезис Энгельса в интерпретации учеников из «школы Марра»: «*В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени». И как пример абсолютной нелепости Энгельс приводит желание объяснить экономически (как ясно из контекста, из экономики современной Энгельсу Германии) «то передвижение согласных, которое делит Германию в отношении диалектов на две половины»*[1021]. Большая часть из этих цитат будет так или иначе приведена и в работе Сталина, но для доказательства прямо противоположных истин. Сталин внимательнейшим образом прочитал все цитаты из произведений Лафарга и своих собственных и даже подчеркнул слова из одной своей речи на XVI съезде партии, приведенной в разделе «Языковая политика»[1022]. В процессе дискуссии ему придется полемизировать не только с Лафаргом, но и с теми, кто привык за долгие годы видеть рядом с цитатами Марра цитаты самого вождя. В самом конце статьи из БСЭ Сталин взял на вооружение набивший оскомину к 50-м годам стереотип сталинской пропаганды середины 30-х годов:

«Очередные задачи марксистской лингвистики. Поэтому на текущем этапе социалистического строительства перед советскими лингвистами-марксистами, *наряду с проверкой и углубленной*

разработкой системы марксистского языкознания, наряду с развертыванием борьбы на два фронта – **против идеализма** и против **механицизма** – в качестве еще более важной задачи стоит преодоление одной из худших традиций науки о Я. – **отрыва теории от практики**»[1023]. Мы уже встречали эту «формулу» в записке Чарквиани, вскоре ее будут воспроизводить многочисленные критики марризма на страницах газет и других изданий.

Судя по тексту языковедческих работ Сталина, он не ограничился просмотром только шестьдесят пятого тома БСЭ. Скорее всего, он также полистал статьи, посвященные грамматике, фонетике, семантике и некоторым другим вопросам языкознания. Но в современном архиве Сталина нет других томов БСЭ. Несколько томов БСЭ сохранилось среди остатков его библиотеки, и они ждут своего исследователя[1024].

Лингвистический «заговор» Сталина

Ознакомившись с материалами, переданными от имени Чарквиани, и с дополнительной литературой, Сталин вызвал его в Москву вместе с Чикобавой и членами правительства Грузии. О том, что произошло в сталинской резиденции в Кунцеве, поведал сам Чикобава: «В начале апреля 1950 г. меня предупредили из директивного органа нашей республики, что на днях мне предстоит поездка в Москву: “Вопросы языкознания будут там обсуждаться с секретарями ЦК, и Вам следует подготовиться”.

И вот 10 апреля вечером мы (Первый секретарь К. Чарквиани, Председатель Совета Министров Республики, два министра и я) оказались в Москве на даче И. Сталина.

Обсудили лишь вопросы языка: замечания Сталина о “Толковом словаре грузинского языка” (первый том которого перед тем вышел) и вопрос о “Новом учении” Н. Марра…

Было решено провести дискуссию: дискуссионную статью поручили написать мне: “Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем. А этот ваш доклад, возвращаю”, и Сталин положил на стол папку (с докладом о стадиях языка), но тут же добавил: “Впрочем, пока оставлю у себя: посмотрим, как об этих вопросах Вы теперь напишите, а потом доклад верну”. (Сталин так никогда и не вернул доклад

Чикобавы, как и другие его материалы, в чем мы только что убедились. – *Б. И.*)

Дискуссионную статью, написать которую мне поручили 10 апреля 1950 г., И. Сталин читал два раза и делал свои замечания. Для их обсуждения мне пришлось дважды побывать на даче И. Сталина, где обсуждения эти длились по 2–3 часа.

Сталин терпеть не мог неясности. Вопросами языка он интересовался, по существу, в связи с национальным вопросом. Вопреки распространенному мнению спорить с ним можно было. Бывало, он и соглашался (“В этом Вы, пожалуй, правы!”).

О палеонтологическом элементном анализе Марра (“Гадания на кофейной гуще”, как это во время дискуссии называл Сталин) он информации не имел, но ультралевая крикливая фраза Марра его отнюдь не убеждала (“Марр много кричал о марксизме, но он не был марксистом” – его выражения на встрече 10.IV.1950 г.).

Положительно к Марру И. Сталин, видимо, не относился и до дискуссии. <…>

Наша статья “О некоторых основных вопросах советского языкознания” была напечатана в газете “Правда” 9 мая 1950 года (этим открылась известная дискуссия по вопросам советского языкознания)»[1025].

Кто помимо приглашенных из Грузии присутствовал на совещаниях у Сталина, сейчас неизвестно, но, судя по тому списку фамилий, который Сталин написал своей рукой в инициативном письме, объявлявшем членам Политбюро о начале дискуссии в «Правде», в курсе событий были: Берия, Булганин, Каганович, Маленков, Микоян, Молотов, Хрущев[1026]. Так что «дело Марра» сразу приобрело общегосударственный размах. Не ясно также, о чем спорил Сталин с Чикобавой, с чем вождь не соглашался? Возможно, это станет более понятным, когда мы подойдем к анализу опубликованных в «Правде» статей Чикобавы и других участников дискуссии, а главное, к анализу языковедческих публикаций самого вождя. Скорее всего, именно Чикобава назвал Сталину будущих антимарровских участников дискуссии, в частности В. В. Виноградова[1027], поскольку вряд ли вождь хорошо ориентировался в том, кто из языковедов каких придерживается взглядов. Все эти мероприятия проводились втайне и от аппарата ЦК, и от руководства Академии наук, с тем чтобы не

спугнуть раньше времени марристов, не дать им возможности «спрятаться под корягу» и переориентироваться. Судя по тому, с каким энтузиазмом и бесстрашием марристы стали прорываться на страницы «Правды», они скорее предвкушали свою окончательную и безоговорочную победу, чем предчувствовали погибель. Впрочем, и Чикобава, и члены руководства партии и правительства вряд ли знали обо всех помыслах вождя и в особенности о его желании непосредственно участвовать в дискуссии. Сталин же понимал, что стоит ему только намекнуть о намерении участвовать, как всех моментально охватит паралич и никакой «дискуссии» не состоится вовсе, что позже и произошло.

Таким образом, между апрелем 1949-го и апрелем 1950 года, после того как Чикобава написал свою записку, а Чарквиани направил весь комплекс документов в Москву, Сталин знакомился с существом проблемы в интерпретации Чикобавы (и, возможно, Берии), просмотрел доступную ему литературу и коренным образом изменил свое отношение к «новому учению о языке» Марра. Здесь сошлось сразу многое: и курс на великодержавность, и идея всемирной империи с ведущим русским языком, и новое понимание национальных проблем, и даже давняя «шероховатость» в личных отношениях с Марром. И еще один мотив мы должны учесть. Ознакомившись с комплексом документов, Сталин понял, что он может заложить очередной блок в создаваемую им на протяжении десятилетий идеологическую систему, или, как тогда говорили, в «марксистско-ленинское мировоззрение». Чудовищная гордыня двигала им всю жизнь, и он хотел не только власти над телами и душами людей, но и над их умами, их кругозором. А для этого он должен был доказать всем, что Сталин не только Учитель народов, величайший политический Гений, Генералиссимус, Самый Большой Друг детей и женщин, но и Гениальный Ученый.

Сталин был не только инициатором, но и разработчиком стратегии языковедческой дискуссии. Подобно средневековому римско-католическому иерарху, он отправил извещение о начале «диспута» с целью обличения очередной закоренелой идеологической «ереси». 6 мая (незадолго до Дня Победы) 1950 года Сталин написал простым карандашом послание членам Политбюро. Перепечатанный текст на бланке ЦК гласил:

«Т.т. Берии, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Рассылая статью тов. Чикобава “О некоторых вопросах советского языкознания”, считаю необходимым сказать несколько слов о нынешнем положении дел в советском языкознании.

Советское языкознание переживает тяжелое положение. Все ответственные посты в области языкознания заняты сторонниками и поклонниками Марра. Эти последние отстаивают чуть ли не каждую строчку, каждую букву произведений Марра. Ученых, в чем-либо не согласных с Марром, снимают с постов и лишают возможности высказать свое мнение по вопросам языкознания. Из языковедения изгнаны критика, самокритика. Между тем нужно сказать, что в произведениях Марра имеются не только правильные, но и неправильные положения, грубые ошибки, без преодоления которых невозможно двигать дальше советское языкознание. Понятно, что отсутствие критики и самокритики создает застой в развитии советского языкознания. Необходимо ввиду этого, скажем, на страницах “Правды”, открыть свободную дискуссию по вопросам языкознания, которая могла бы расчистить атмосферу и дать правильное направление советской лингвистической мысли.

Статья тов. Чикобавы является полемической. Я думаю, что она могла бы быть использована как одна из дискуссионных статей. Можно было бы дать “Правде” по одному вкладному листу в неделю с тем, чтобы лист был использован для помещения дискуссионных статей по языкознанию.

И. Сталин.

6 мая 1950 г.»[1028]

В тексте, поместившемся менее чем на одной машинописной странице, начинающий корифей умудрился десять раз (!) употребить одно и то же слово «языкознание» – забивал одни и те же слова, как гвозди.

Глава 6
Дискуссия

Замысел и драматургия дискуссии

Замысел Сталина был прост, даже примитивен, хотя деталями отличался от предыдущих постановок того же ряда. Для затравки дискуссию должен был начать Чикобава с резкого антимарристского выступления. Оно должно было подхлестнуть марристов и взбудоражить общественное мнение. Затем предполагалось попеременно предоставлять слово то противникам Чикобавы (марристам), то его сторонникам (компаративистам). Для того чтобы у каждой из сторон создавалось ощущение его личной поддержки или, по крайней мере, заинтересованного нейтралитета, на дачу к Сталину приглашали поочередно и Мещанинова, и Чикобаву. Предполагалось также участие и «третьей» линии, любящей лукаво рассуждать по принципу: «С одной стороны… с другой стороны…», внимательно отслеживая при этом, куда косит глаз начальства. Короче говоря, полная свобода и объективность дискуссии по-советски были обеспечены. Самое удивительное в этой истории то, что Сталину одинаково удалось обмануть и марристов, и компаративистов. До последнего момента, то есть до выхода его статьи в «Правде», они равно не сомневались в его личной поддержке, хотя в этой игре пожилой Сталин уже повторялся. И в те времена, когда он раскалывал реальные группировки оппозиционеров, и в те, когда сознательно разжигал групповые инстинкты и личные амбиции своих верных приближенных, он действовал по схожим схемам, делал вид и для тех и для этих, что втайне он только им союзник. Этот прием срабатывал безотказно, поскольку любой человек живет надеждой, в особенности когда ставка – жизнь. Но если Мещанинов и марристы были уверены в поддержке Сталина скорее в силу сложившейся почти двадцатилетней традиции, то Чикобава имел более надежную опору в лице Берии.

Сценарий предусматривал также возможность для каждой из сторон какое то время демонстративно пикироваться и при этом не давать явного преимущества ни одной из них. Затем на трибуне должен

был явиться «Он» – Сталин. И тогда вся дискуссия переходила в стадию апофеоза, в триумф «объективной истины», высказанной Гениальным Ученым, а в качестве заключительных манифестаций предполагался вал писем восторженного народа на имя вождя и покаянные послания поверженных противников, то есть марристов. Судя по документам архива Сталина и опубликованным материалам дискуссии, так все и произошло. Но что это за странная сталинская мания – чуть что устраивать фальшивые диспуты?

Известно, что только говорящий, то есть рассуждающий, обсуждающий и спорящий, способен научиться думать. У нас, в России, можно проследить целые эпохи общественной немоты, когда власть особенно плотно затыкает рты любым оппонентам как «справа» так и «слева». Такие эпохи перемежаются краткими временами безудержного и даже истеричного всенародного «говорения». И почти всегда это верный признак назревающего противостояния, бунта, революции, реформы или перестройки. В XIX веке российское политическое подполье, прежде чем стать действенной революционной силой разных направлений, родилось именно как реакция на вынужденную общественную немоту. Поэтому почти все политические партии России, в том числе и социал-демократы, начинали свою деятельность с нелегальных кружков, члены которых главным образом занимались пропагандой, то есть «говорением», спорами, диспутами. Как и все, Сталин участвовал в ожесточенной публицистической «говорильне», в политических спорах на партийных совещаниях, на съездах, на страницах нелегальной и легальной партийной печати. Царизм всеми доступными средствами сопротивлялся свободе слова. Но как в официальных государственных, так и в подпольных российских кругах была одинаково живуча убежденность в том, что «слово и дело» неразлучимы. У нас во все времена эта сакральная вера в действенность слова делала его центральным объектом борьбы, то есть дела. Во всех слоях общества никто не удивлялся, когда за открыто высказанное слово часто карали гораздо более жестоко, чем за тайное дело. Поэтому революционные события 1917 года рассматривались многими участниками и свидетелями как результат дела в первую очередь вырвавшегося из подполья неукротимого, вольного слова. Гражданская война и последующие за ней события – это также многолетняя борьба не только за власть, за верховенство, но и

беспощадная битва с тем же бессмертным свободным словом. Против него с одинаковым озлоблением бились и красные, и белые. После смерти Ленина главным организатором борьбы со свободой мысли и слова был тот самый революционер Иосиф Джугашвили, который до 1917 года вместе со всеми страстно боролся за элементарные гражданские права: за свободу собраний, свободу мнений, массовых шествий, митингов, за свободу печати. После Гражданской войны и в особенности после сворачивания НЭПа пространство свободы слова в СССР год за годом катастрофически сокращалось. Как известно, к концу 20-х годов после уничтожения оппозиций и с утверждением режима сталинизма свобода слова была окончательно уничтожена даже в рамках правящей партии. Но Сталин, будучи изощренным политическим игроком, задушив политическую и духовную свободу, использовал ее бездыханный труп в различных и многочисленных постановках, в том числе и под названием «Дискуссия». До войны такие дискуссии проводились то по отдельным вопросам истории ВКП(б), то по вопросам об общественно-экономических формациях, то по проблемам марксистско-ленинской философии, то по другим вопросам. Целью всех этих дискуссий было не разностороннее обсуждение давно всех волнующих проблем, а прямо противоположное – публичное и торжественное увековечение очередной официальной догмы. После выполнения ритуала дискуссии никакая дальнейшая критика или тем более пересмотр утвержденного «незыблемого» положения не допускались. До войны весь этот процесс, особенно в сферах истории и философии, как и во всей мировоззренческой области, Сталин держал под своим непосредственным контролем. О том, как бдительно он следил за каждой попыткой независимо от него провести обсуждение даже не очень злободневных вопросов истории, хорошо видно на примере его знаменитого хамского окрика в адрес редакции журнала «Пролетарская Революция» в 1931 году. Тогда он, в частности, писал: «Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в “дальнейшей разработке”. Почему, на каком основании?» [1029]

К 1950 году Сталин и хорошо им выдрессированный пропагандистский аппарат имели уже огромный опыт по проведению

особого рода дискуссий. Сталину надо было лишь обозначить свою личную роль в очередном ритуале, предложить вариант сценария и указать на требуемые результаты. После этого отлаженный партийно-государственный механизм действовал до тех пор, пока хозяин не подавал знак – довольно. В дискуссии по вопросам языкознания Сталин отвел себе роль не только главного арбитра, но и ведущего теоретика, выбрав из набора личин, масок и образов: «политика», «полководца», «отца народов», «кинокритика» и др., особо ему полюбившийся лик «ученого».

Страна вступила в 1950 год, самая середина XX века. Власть Сталина беспрецедентна. Никогда еще ни в одной языческой, христианской или мусульманской стране культ смертного, культ личности не достигал такой высоты, как в атеистической России. В стране безраздельно господствовала атмосфера бесстыдного идолопоклонства. Личный контроль Сталина за всеми слоями общества и в особенности за живой человеческой мыслью через все тот же партийно-государственный аппарат стал абсолютным. Любое печатное и устное слово вождя воспринималось как очередное изречение оракула. Выскажись он хоть раз публично или на любом закрытом собрании о новом понимании вопросов языкознания, и от Марра и его сторонников не осталось бы ничего, кроме опозоренного имени с каким-нибудь брезгливо «пришпиленным» к нему оскорбительным ярлыком. Но Сталин затевает публичную дискуссию, причем не в узком кругу специалистов, как это было во время дискуссий по вопросам истории СССР или всемирной истории, истории философии или по проблемам генетики, а на страницах главного пропагандистского рупора режима, на специально выделенных вкладных листах газеты «Правда». В стране все давным-давно усвоили: самая массовая газета «Правда» – это голос партии, голос Кремля, голос Сталина. То, что Сталин решил провести дискуссию именно на страницах «Правды», поднимало ее, по сравнению с другими послевоенными дискуссиями, на самую значительную политическую и государственную высоту.

9 мая 1950 года – День Победы. На первой полосе газеты «Правда» помещен большой парадный портрет Сталина, а рядом соответствующий панегирик. И здесь же в номере опубликована статья Арн. Чикобавы, а перед ней уведомление:

«От редакции. В связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание, редакция считает необходимым организовать на страницах газеты “Правда” свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области.

Статья Арн. Чикобавы “О некоторых вопросах советского языкознания” печатается в дискуссионном порядке. С настоящего номера “Правда” будет печатать дискуссионные статьи по вопросам языкознания»[1030].

В отличие от письма Сталина членам Политбюро, в уведомлении никак не проявлялась официальная позиция. «Застой» можно было понимать по-разному, и в первую очередь как слабую активность марристов первого поколения по отношению к недобитым остаткам представителей старой лингвистики. Многие марристы и вообще непосвященные восприняли начало дискуссии как очередной виток очередной послевоенной кампании по борьбе с буржуазной идеологией. Вкладыш из «Правды» с уведомлением и статьей Чикобавы, как и другие опубликованные материалы дискуссии, тогда же были собраны в архиве Сталина. Но прежде чем окончательно лечь в архив, они проходили через его руки. Сталин все внимательно просматривал. Очень многие напечатанные материалы несут на себе следы карандаша и ручки вождя. Вот и это предуведомление, никак не раскрывающее истинные намерения организатора дискуссии, отмечено кругообразным движением сталинского карандаша по поверхности газетного объявления, а внутри круга текст перечеркнут крест-накрест. Это был знак подготовки первого «сталинского удара» на новом идеологическом направлении, на открываемом им лично «языкофронте» образца 1950 года. Фигура, начертанная карандашом, очень напоминает сталинскую графику на стратегических картах времен Отечественной войны, где таким же способом он намечал предполагаемые котлы, а затем реально окруженные армии противника. Вплоть до XX съезда КПСС школьники и студенты вузов изучали знаменитые «десять сталинских ударов», в результате которых якобы и были разгромлены все армии вермахта. На учебных картах того времени все эти удары и контрудары обозначались разноцветными стрелками и перечеркнутыми крест-накрест абрисами котлов. Стареющий генералиссимус явно скучал без будоражащих

кровь страстей и нестрашных теперь опасностей мировой войны. И вот пусть и языковедческий, но все же фронт.

Опубликованную в том же номере «Правды» статью Чикобавы Сталин также перечитал и вновь на ней сделал пометы, хотя, прежде чем дать добро на ее публикацию, он трижды правил три авторские машинописные версии. Чикобава вспоминал о двух редакциях своей статьи с правками вождя. На самом же деле в архиве Сталина находятся три редакции статьи Чикобавы с замечаниями Сталина и несколько последних страниц еще одного экземпляра, на котором правки нет. С учетом правки во время первого знакомства с краткой запиской Чикобавы (о ней говорилось раньше) таких редакций насчитывается сейчас четыре и пятая правка на публикации статьи в газете «Правда». Не все правки Сталина носили существенный характер. В то же время письменные пометы Сталина не полностью исчерпывают его замечания, так как многое высказывалось им в устной форме, – Чикобава старался учесть и эти устные пожелания вождя. Об этом, в частности, говорит и то, что если самая первая записка Чикобавы насчитывала не более половины авторского листа, то одна из редакций его статьи состояла уже из 42 машинописных страниц, другая – из 60 страниц, а еще одна – из 49 страниц. По ним видно, что Чикобава изо всех сил старался написать так, как этого хочет державный редактор. Вся редакторская работа проходила между 10 апреля (время прибытия Чикобавы в Москву) и 6 мая 1950 года (дата письма Сталина членам Политбюро и дата написания последней редакции статьи Чикобавы), то есть Сталин работает со статьей Чикобавы в течение месяца. На варианте статьи объемом в 42 страницы дата не указана, на варианте в 60 страниц стоит дата – «2.V.1950 г.», на редакции в 49 страниц указана дата «6.V.1950 г.». На страницах той статьи Чикобавы, где нет даты, больше всего поправок Сталина, впрочем, и на более поздних редакциях их немало. Чего же вождь хотел от лингвиста и профессора Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина А. Чикобавы? Скорее всего, раз за разом перечитывая и правя статью Чикобавы, он добивался уяснения своей собственной позиции и вычленения проблем, которые хотел оставить за собой. Сталин пытался как можно ближе подвести текст Чикобавы к своей постепенно проясняемой для себя же позиции. Статью Чикобавы он превращал в удобный для себя плацдарм. Но в то же время Сталин явно не желал,

чтобы Чикобава, идя на прорыв, смело, открывая дискуссию с антимарристских позиций, стал не то что главным, а даже равным вождю ее участником. Он хотел оставить только за собой плоды заранее предрешенной победы, то есть окончательную формулировку лингвистических проблем и их «марксистское» разрешение. И весь этот замысел блестяще удался. Впрочем, могло ли быть иначе?

В первом варианте статьи Чикобавы (42 страницы) Сталин сначала правит только стиль, уточняет «марксистские» формулировки. Но вот автор задевает болезненный для послевоенного Сталина вопрос. Это один из тех вопросов, который и привел к изменению его отношения к Марру. Чикобава критически относясь к послереволюционной интерпретации яфетической теории, напоминал, что языки яфетической группы стадиально предшествуют индоевропейским и семитическим языкам. В этом месте Сталин дописал на тексте Чикобавы: «Стало быть, яфетические языки уже перестают быть ветвью семитических языков»[1031]. Ловя Марра на нестыковках и противоречиях, Сталин невольно выдает сам себя – значит, его давно смущало предположение Марра об общих истоках некоторых кавказских (грузинский и армянский) языков с языками семитическими? А здесь из статьи Чикобавы Сталин понял, что позже Марр отнес грузинский язык к языкам яфетической группы. Действительно, противоречие налицо.

В том же, первом варианте статьи Чикобавы Сталин взял себе на заметку его замечание о претензии марристов на то, чтобы рассматривать яфетическую теорию в качестве «общего учения о языке?»[1032]. А к рассуждению Чикобавы о том, что Марр противоречит бесспорному сталинскому определению нации, утверждая, что все языки классовые и что «соответственно отпадает вопрос о классовых языках, классовых языков не бывает», Сталин добавил: «Есть только языки национальные»[1033]. Здесь же выкинул цитату из своей работы «О диалектическом и историческом материализме».

В том месте, где Чикобава затрагивает болезненный для антимарристов вопрос о будущем мировом языке, Сталин поверх текста пишет: «Как известно, марксисты понимают это дело несколько иначе. Они считают, что процесс отмирания национальных языков и образование одного общего мирового языка будет происходить постепенно, без каких-либо искусственных… мер»[1034]. Затем на

протяжении почти десятка страниц почетный академик Сталин тщательно выправляет стиль профессора и лингвиста Чикобавы, берет себе на заметку рассуждения автора о родстве языков, отражающем родство семьи народов. Вычеркнул замечание автора о том, что все положительное в советском языкознании делается «не благодаря палеонтологии речи, а несмотря на палеонтологию»[1035]. Затем решительно сократил заключительную дежурно-положительную часть, перечеркнув такой пассаж Чикобавы: «Акад. Н. Я. Марр впервые со всей страстностью поставил фундаментальный вопрос материалистической лингвистики – о языке как надстроечной категории, развитии языка в связи с развитием производственной деятельности человека». Вместо этого сделал свою вставку: «Но у акад. Н. Я. Марра были серьезные ошибки в общелингвистических теоретических построениях. Без преодоления этих ошибок невозможно строительство и укрепление материалистической лингвистики. Если где и нужна критика и самокритика, то именно в этой области»[1036]. В заключительном абзаце вычеркнул перечисление имен великих марксистов, в том числе и своего имени[1037].

Доработав статью по замечаниям Сталина, в результате чего она выросла почти на полтора десятка страниц, Чикобава вновь принес ее вождю или передал через кого-то не ранее 2 мая 1950 года. Сталин опять с удовольствием принялся за редактирование. Здесь уже помимо навязчивой страсти к редакторской работе можно заподозрить и то, что Сталин решил использовать этот момент просто для того, чтобы лучше усвоить доводы Чикобавы, а затем подготовить свой собственный эффектный выход на публичную сцену. Я опускаю очередную редакторскую и корректорскую работу вождя и отмечу только принципиально важные моменты. Во всех предыдущих вариантах Чикобава подвергал критике идею Марра о кинетической (ручной) стадии развития речи. Сталин решил, что в этом месте интонация Чикобавы недостаточно решительна, и, исправляя ее, внес дополнительные аргументы, которые он позже воспроизведет и в своей статье: «Ясно, прежде всего, что когда говорят о происхождении языка, речь идет не о немом, “ручном” языке, который нельзя назвать языком, поскольку он является немым, бессловесным, – а о человеческом звуковом языке…»[1038] Эта фраза целиком войдет в его собственную работу. Затем Сталин счел возможным сделать вставку в текст

профессионала-лингвиста в том месте, где Чикобава, критикуя стадиальную классификацию языков Марра, говорит о китайском языке. Сталин дополняет: «…последний, как язык живой, безусловно развивается и будет развиваться в соответствии с хозяйственным развитием Китая и будет преуспевать, вопреки стадиальной философии Марра»[1039]. И хотя Марр никогда не говорил, что китайский язык, несмотря на свою древность, утратил способность развиваться, Чикобава бросает ему в этом упрек, а заодно и в пособничестве расистам: «Между тем именно стадиальная классификация акад. Н. Я. Марра, отказывая определенным языкам в способности развиваться, объективно на руку расистам». Сталин исправил конец предложения: «…помогает расизму»[1040]. Отметим еще одно место во втором варианте статьи Чикобавы, покоробившее вождя своим «оппортунизмом». Напомню, Чикобава хотел сохранить яфетическую теорию в ее компаративистском, дореволюционном варианте. Поэтому наряду с представлением о яфетической языковой семье и о характере языка как надстрочного явления Чикобава попытался сохранить и палеонтологический метод анализа речи. В свое время он также отдал ей дань и, видимо, теперь не хотел перечеркивать сделанное. Но в этом месте он написал очень коряво: «В принципе бесспорна палеонтология речи, как углубление истории, но не в порядке заменения истории языка и марксистски понятый сравнительно исторический метод». Сталин на полях нарисовал жирный восклицательный знак, затем русскими буквами по-грузински написал характерное «хе», то есть «дубина», а всю фразу отредактировал следующим образом: «В принципе бесспорна палеонтология речи, как один из способов изучения истории древнего языка, но не как средство заменить или отменить историю языка» (далее по тексту. – *Б. И.*)[1041]. Затем Сталин выкинул все развернутые выводы Чикобавы, оставив всего два кратких абзаца, добавив к ним: «…поскольку акад. Н. Я. Марр не смог подняться до правильного понимания марксизма-ленинизма»[1042].

Третья, окончательная, сильно сокращенная редакция статьи была представлена Чикобавой через четыре дня, то есть 6 мая 1950 года. Именно в этот день Сталин и направил информационное письмо членам ЦК о начале дискуссии. Но даже в этом, казалось бы, так тщательно совместно отработанном тексте Сталин умудряется править стиль, уточняет хронологию[1043]. Наконец объявление о начале

дискуссии и статья Чикобавы появляются в «Правде». Сталин вновь просматривает уже напечатанную статью и точно так же, как на газетном объявлении, ставит на ней (точнее, на цитате из работы Марра) карандашом знак котла[1044].

Как уже говорилось, статья Чикобавы была опубликована в тот день, когда страна отмечала шестой День Победы, и поэтому на первой полосе газеты «Правда» был помещен большой парадный портрет генералиссимуса. Читая статью Чикобавы, которая была озаглавлена почти так же, как будущая статья самого вождя, – «О некоторых вопросах советского языкознания», советские люди, конечно же, не подозревали, что перед ними текст, написанный профессором и отредактированный Сталиным. Изложим кратко основное содержание статьи в том окончательном варианте, который был опубликован в газете.

В преамбуле, ссылаясь на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, автор почти по-марровски заявляет о необходимости изучения языка «в его соотношении к мышлению», а изучения истории языка – «в тесной связи с историей культуры, говорящего на нем народа». Но затем Чикобава заявил, что в последнее время в различных изданиях, в том числе и в «Правде», были опубликованы материалы, в которых, по его мнению, марксизм-ленинизм в языкознании подменялся марризмом. В то же время среди советских лингвистов нет единого мнения о плодотворности языковедческих построений Марра. Он отметил, что еще в 1940 году директор Института языка и мышления АН СССР им. Н. Я. Марра и «ближайший ученик Марра» академик И. Мещанинов отказался от применения поэлементного анализа, сказав, что «анализ слов современной речи по элементам ничего не дает». Однако совсем недавно, в 1949 году, замдиректора того же института доктор Г. Сердюченко вновь заявил о необходимости проведения подобного анализа. Конечно, продолжал автор, Марр в свое время сделал большое дело, борясь с «идеалистической лингвистикой», но он так и «не смог подняться до глубокого понимания сути марксизма-ленинизма, ему не удалось овладеть методом диалектического материализма и применить его в языкознании». Отсюда, утверждал Чикобава с одобрения Сталина, происходят все ошибки Марра.

Я большую часть жизни прожил в советскую эпоху, учился в советском вузе и в аспирантуре одного из исследовательских

институтов Академии наук СССР, но ни тогда, ни тем более сейчас (2012 год) я так и не понял, что собой представляет «диалектический метод», и тем более не представляю, каким образом он может быть применен в какой-либо науке. На протяжении десятилетий профессора философии и «научного коммунизма» жевали бессмысленную жвачку перед многомиллионной молодежной аудиторией (и не только перед ней), тратя свои и чужие годы жизни на псевдообучение псевдонауке. «Диалектический метод познания», так же как «исторический и диалектический материализм» и масса других псевдофилосфских терминов, служил в качестве идеологического мусора, которым забивали любой канал, через который могла бы просочиться живая мысль. Для советских же идеологов разных времен, и в особенности для Сталина, с помощью этих понятий при желании все можно было объявить «антимарксистским», «метафизическим» и «реакционным» или, наоборот, истинно «прогрессивным» и передовым. Подобные словоформы можно было опорожнять или вновь заполнять по мере необходимости любым содержанием. Если Марр (как и многие ученые старшего поколения) в начале 30-х годов только учился такому диалектическому «ремеслу», то более молодой Чикобава и другие участники дискуссии к 1950 году вполне уже им владели.

В первом разделе статьи Чикобава изложил свое понимание яфетической теории. Он выделил в ней учение о яфетических языках, их природе и происхождении, а затем общелингвистические принципы академика Марра. Кратко проследив этапы развития яфетической теории от момента установления родства грузинского языка с семитическими и до момента распространения этого понятия на значительную группу до индоевропейских языков, объединенных Марром в «третий этнический элемент Средиземноморья» (первые два – это индоевропейский и семитический). Именно здесь Чикобава ловит Марра, как ему казалось, на противоречии: если грузинский язык входит в яфетическую группу, то какими образом он может быть отнесен в то же самое время к семитическим языкам? – задавал он вопрос. Чикобава готов был принять яфетическую теорию в ее раннем варианте именно потому, что грузинский язык попадал в особую яфетическую языковую семью и на него не падала «тень» семитизма. Поэтому до 1920 года теория Марра была хороша, но, продолжал далее Чикобава, Марр стал бесконечно расширять круг яфетических языков,

заявив, наконец, что это вовсе и не языковая семья и что поэтому «генеалогическая классификация заменяется стадиальной классификацией. Место истории занимает палеонтология речи». Последняя, с ее четырехэлементным анализом и единством языкотворческого процесса, и стала главным объектом критики автора. Особенно возмутило Чикобаву такое заявление Марра: «Язык такая же надстроечная общественная ценность, как художество и вообще искусство». «По нашему мнению, – продолжал он, – ставить знак равенства между художеством (вообще искусством), с одной стороны, и языком, с другой стороны, как надстроечными категориями никак нельзя». Но, несмотря на это, язык все же правильно отнесен Марром к надстройке. Это противоречивое утверждение Чикобавы Сталин не убрал из его статьи (или Чикобава в данном случае проявил упрямство?), но взял себе на заметку для своего будущего выступления. О том же, почему Марр отнес язык к тем же общественным ценностям, что и «художество», рассмотрим позже в связи с анализом теории «символических форм» философа Эрнста Кассирера.

Следует отметить пассаж Чикобавы, в котором критиковались взгляды Марра на общность и различие древних и новых грузинских и армянских языков, на классовый характер всех языков мира и в особенности на классовость языков первобытных племен. Именно здесь и была вставлена фраза Сталина о том, что классовых языков не бывает, а «есть только языки национальные». Затем Чикобава раскритиковал марровскую теорию происхождения общечеловеческого языка через стадию языка жестов, к стадии звуковой речи с вставкой Сталина о том, что подлинным человеческим языком может быть только звуковой язык и что язык жестов языком не является. Поскольку, продолжал Чикобава, согласно классикам от Маркса и до Сталина, основная функция языка состоит в том, чтобы быть «средством общения», то заявление Марра о «магической» функции звуковой речи на самых ранних этапах ее зарождения является антимарксистским. Также немарксистским было заявление Марра о необходимости принятия искусственных мер для ускорения глобального единства общечеловеческого мирового хозяйства и общемирового языка будущего. Как раз здесь Сталин дописал: «Как известно, марксисты понимают это дело несколько иначе…»

В следующем обширном разделе статьи Чикобава, усиливая нажим, по второму кругу вновь подверг критике идею глоттогонии как таковую, стадиальную теорию развития общечеловеческого языка, элементный анализ, идею сосуществования языков разных стадий развития (формаций). В последнем случае он сослался на тот же пример, на который ссылались марристы, взятый из истории складывания современных западноевропейских языков, но в прямо противоположном смысле. Чикобава заявил: «Народная латынь не существует рядом с итальянским языком, ведущим начало от народной латыни». Конечно, он не мог знать, что в 1940 году замечательный советский философ и литературовед М. М. Бахтин, испытавший влияние Марра, закончил книгу о творчестве Франсуа Рабле, центральной мыслью которой как раз и была история сосуществования и борьбы народной латыни с нарождавшимися новыми языками народов Европы. Книга Бахтина была впервые издана лишь в 1965 году.

Наконец, Чикобава обвинил Марра и его последователей в том, в чем они обычно обвиняли представителей компаративистского направления в лингвистике. Поскольку Марр распределил все языки по стадиям развития и наиболее древние из них, в частности китайский язык, он отнес к «окаменелостям», несущим на себе «печать отставания», то, замечал Чикобава, «теория акад. Н. Я. Марра утверждает исключительное превосходство индоевропейских и семитических языков; никакие другие языки не достигли той ступени, на которой оказались индоевропейские языки – все другие застыли на более или менее ранних, архаичных ступенях». Здесь сохранилась сталинская вставка о безусловно прогрессивном развитии современного китайского языка. В конце этого раздела Чикобава высказал свое кредо, свое понимание принципов развития языков: «Научное материалистическое понимание стадиальности возможно только в том случае, – заявил он, – если стадии будут прослеживаться в развитии каждой системы языков, в развитии каждого языка». В последующие годы он будет усиленно продвигать идею изолированного стадиального изучения отдельного языка, вне каких-либо внешних влияний, но серьезной поддержки в научных кругах не получит.

Понимая, что самый сомнительный раздел языкотворческой теории Марра – это научные основания поэлементного анализа, Чикобава в третьем, заключительном разделе статьи вновь к нему возвращается,

доказывая на конкретных примерах его полную несостоятельность. Он справедливо замечает, что Марр, вопреки утверждениям его учеников, придавал исключительное значение этому анализу и считал его основой «нового учения о языке». На вопросы же о том, каким образом они выявляются, Марр отвечал: «Наблюдение показывает, что есть всего четыре элемента. Почему, не знаю». «Это значит, – заключал Чикобава, – недоказуемая теория объявляется аксиомой». Марр видел во взглядах сторонников индоевропеизма опасности расистского истолкования данных лингвистики, но, с возмущением замечал Чикобава, «генеалогическая классификация языков не дает никаких оснований для лженаучных реакционных расистских утверждений габино-чемберленов или современных англо-американских исследователей». Об англо-американских исследователях 40–50-х годов Марр, разумеется, ничего знать не мог, но о том, что его старший современник француз Габино и младший современник немец Чемберлен закладывают основы «расовой теории», беря за основу идею превосходства индогерманской языковой семьи, был хорошо осведомлен. В заключение, чтобы не заподозрили в симпатиях к основоположникам современного «буржуазного» языкознания, Чикобава решительно отмежевался от всемирно известных языковедов Дюркгейма, Мейе, Соссюра, Пауля, обвинив их в «психологизме», а заодно укорил и покойного Марра за недостаточную борьбу с ними. Статья закачивалась теми обвинительными пунктами в адрес Марра, которые Сталин отредактировал и одобрил.

* * *

Все эти непростые идеи, имена и термины обрушились на читающий газету «Правда» разноплеменный советский народ. Не читали тогда «Правду» только малосознательная школьная молодежь (о дошкольном возрасте речь не идет вообще), малограмотные старики с дореволюционным стажем и некоторые несознательные домохозяйки. Всех остальных заставляли слушать чтение газеты бархатистые голоса по Всесоюзному радио, на политзанятиях специально выделенных лекторов: в заводских цехах и академических институтах, в городских и сельских клубах, в армейских красных уголках, чайханах, красных

юртах. Никогда раньше или позже ни один народ не соприкасался так массово с наукой, тем более такой мудреной, как лингвистика.

Сталин, академик И. Мещанинов и другие участники дискуссии

Раз в неделю, с 9 мая по 4 июля 1950 года, «Правда» выходила с вкладышем на шести полосах, где печатались материалы дискуссии. Вначале таких приложений вышло девять. И каждый раз накануне выхода очередного приложения из редакции «Правды» к Сталину направлялись письма с информацией о поступивших статьях и о предполагавшемся порядке их опубликования. Вне всякого сомнения, на первых порах работники редакции сами предварительно делали заказы заранее намеченным авторам. Затем некоторые отклики стали поступать и стихийно. Но редакция газеты, а главное, сам Сталин тщательно регулировали через очередность публикаций процесс дискуссии. После напечатания забойной статьи Чикобавы в один день, 15 мая 1950 года, на имя Сталина поступило сразу две записки из редакции «Правды» за подписью ответственного секретаря газеты Л. Ильичева. В первой содержались сведения общего порядка:

«Товарищу Сталину.

С момента опубликования в “Правде” 9 мая статьи проф. Арн. Чикобавы “О некоторых вопросах советского языкознания” редакция получила ряд статей, авторы которых излагают свою точку зрения по затронутым вопросам». Затем перечислялись авторы: Н. Чемоданов, Н. Яковлев, Г. Санжеев, П. Черных, Б. Серебренников, Т. Дегтерев. Среди этих авторов пропорционально представлены: двое ведущих марристов, двое откровенных антимарристов и двое умеренных. Обратим внимание на то, что статья Черныха была подготовлена одной из первых, и, видимо, по заказу, еще до начала дискуссии. Но опубликована она будет только в конце ее, в один день со статьей Сталина. «Общий размер научных статей, – продолжал Ильичев, – от 12 до 25 страниц. Авторы перечисленных статей оспаривают положения статьи проф. Арн. Чикобавы, некоторые авторы критикуют также ошибочные стороны учения Н. Я. Марра.

Редакция располагает сведениями о том, что над статьями для дискуссионного листка “Правды” работает проф. Ломтев (Москва),

акад. Виноградов (Москва), проф. Шанидзе (Тбилиси), акад. Булаховский (Киев), проф. Аристэ (Таллин), проф. Гарибян (Ереван), проф. Авхледиани (Тбилиси), проф. Сердюченко (Москва), проф. Абдулаев (Ташкент) и другие»[1045].

Отдельно, во втором письме, Ильичев сообщал о статье главы «школы Марра» академика Мещанинова:

«Товарищу И. В. Сталину.

Редакция “Правды” предоставляет на Ваше рассмотрение статью академика И. Мещанинова “За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра”.

Редакция просит Вас разрешить опубликовать указанную статью в номере “Правды” от 16 мая, в очередном дискуссионном листке.

15. V.50 г.

Л. Ильичев».

Последний абзац отчеркнут на полях слева. Значит, Сталин после просмотра рукописи Мещанинова лично дал разрешение на ее публикацию, не сочтя ее опасной для затеянного дела. Рукописный или машинописный экземпляры статьи Мещанинова в архиве Сталина отсутствуют. И если на них он и делал какие-либо пометы, то они, очевидно, вместе с рукописью были тогда же переданы назад в редакцию «Правды» или автору. Скорее же всего, Сталин не стал править первоначальный экземпляр работы своего тайного противника, но зато газетную публикацию он проштудировал наедине с карандашом в руке. Похоже, что в это время Сталин уже работал над своей статьей. Пометы и замечания Сталина на статье Мещанинова нашли затем отражение и в его работе. Публикацию со статьей Мещанинова в «Правде» предвосхищало очередное, внешне нейтральное уведомление, опять-таки не выражающее истинного отношения к участникам дискуссии:

«От редакции. От 9 мая с.г. в “Правде” статьей проф. Арн. Чикобава “О некоторых вопросах языкознания” открыта свободная дискуссия в целях преодоления застоя в развитии советского языкознания. В редакцию поступило ряд статей, авторы которых излагают свою точку зрения по затронутым вопросам.

Сегодня мы публикуем в дискуссионном порядке статью академика И. Мещанинова “За творческое наследие академика Н. Я.

Марра”»[1046]. Получалось все очень солидно и академично: профессор Чикобава выступил против научной концепции Марра, его последователю академику Мещанинову дали высказаться **за** него.

В работе Мещанинова ничего принципиально нового не было по сравнению с тем, что он писал ранее. Судя по всему, никакой опасности он для себя еще не чувствовал. Писал спокойно, уверенно и сдержанно. В целом, признавая недоработанность языковедческой концепции Марра, Мещанинов защищался от нападок Чикобавы, главным образом напирая на ее «марксистскую» и антибуржуазную суть, обставляя свои доводы цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Как человек, чувствующий ответственность за целую научную отрасль, академик Мещанинов построил свою статью как обстоятельный доклад, разделив его на следующие разделы:

«Оценка современного положения в советском языкознании».

«Материалистические основы учения Н. Я. Марра о языке».

«Изучение современных живых языков».

«Творческий путь Н. Я. Марра».

«Непреодоленные ошибочные положения Н. Я. Марра».

«Проблемы, требующие уточнения и доработки».

«Значение Марра для дальнейшего развития советского языко знания».

«Научные позиции проф. А. С. Чикобавы».

«Первоочередные задачи советского языкознания».

Лейтмотивом статьи стала одна из первых фраз: «Строить подлинно марксистское языкознание без Марра признаю для нас неприемлемым». Как уже не раз он это делал в своих предыдущих работах, Мещанинов отметил все действительно сильные стороны «нового учения об языке», но не обошел молчанием и слабости. К сильным сторонам отнес анализ языка в тесной связи с материальной культурой и социальной историей человечества, изучение не только грамматических форм языков, но и социальной значимости слов и выражений, то есть семантики. Вторя Марру, Мещанинов пояснял что язык – надстроечное явление и поэтому подчиняется в своем становлении и развитии «материальным условиям базиса и отражает их, а потому выступает в своем грамматическом строе и семантике своего словарного состава первостепенным историческим источником. Н. Я. Марр в своих исследованиях подходит к привлекаемому

материалу как историк и с этой точки зрения рассматривает периоды сложения отдельных языков… разных эпох и различных народов.

Он прослеживает действие скрещения отдельных языков, дающее в итоге новое качественное образование, новый язык. Если нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей (здесь Мещанинов в точности цитирует Сталина, не делая отсылки. – *Б. И.*), то и их язык представляет собою исторически сложившееся целое, без которого немыслима национальная общность. Наличие языков, не скрещенных в своей основе, Н. Я. Марр отрицает. Этому полностью соответствует его же утверждение, что национальные языки и их предшественники не могут являться расовыми… Здесь он выступает как историк, учитывающий историю развития общественных форм». Затем Мещанинов отметил, что появление индоевропейских языков связано не с расщеплением некогда единой расовой семьи, а, наоборот, эта общность возникла («сошлась») на определенной стадии развития человечества, связанной с переворотом в производстве металлов и во всем мировом хозяйстве в целом. Критикуя праязыковую теорию, согласно которой развитие шло линейно от одного праязыка к множеству языков, Мещанинов сослался на данные археологии, утверждавшей, что в древности редкие племена были широко разбросаны по лику земли и потому не могли иметь общий язык. И только в процессе длительного взаимодействия и общения этих групп, в результате которого происходило «согласовывание звуковых символов, значимостей» и «их скрещивание», появляется общий язык. Вне такого взаимодействия, утверждал Мещанинов, не мог возникнуть вообще никакой язык. Отсюда делался вывод: чем больше общих элементов имеют языки между собой и чем большую площадь распространения они охватывают, тем больше оснований утверждать, что эти явления имеют недавнее происхождение как результат «многократно происходивших скрещиваний». В связи с этим Мещанинов процитировал крылатое выражение Марра о том, что языковое «родство – социальное схождение, не родство – социальное расхождение». Поэтому отказ от идеи «праязыка» является началом нового материалистического языкознания, которое теснейшим образом связано с именем Марра. И конечно же, как и Чикобава, академик Мещанинов для подкрепления истинного «марксизма» «нового учения об языке» взывает к тем же авторитетам и к их «методам»: «Следовательно,

материалистическое учение Марра о языке не создает какого-либо нового метода, а применяет метод, установленный и развитый учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такова задача, поставленная перед собою самим Н. Я. Марром».

Сталин читал, отмечал и комментировал напечатанное в газете, причем отчетливо видно, что он настроен недружелюбно и предвзято и к Марру, и к автору, его защищавшему:

«Выводы Н. Я. Марра исходят из понимания языка как явления общественного порядка, следовательно, обусловленного сознательно трудовой деятельностью человека. Поэтому отражение реальной действительности в сознании человека кладется в основу исследовательского труда советского языковеда. В связи с этим в резком противоречии буржуазному языковедению становится Н. Я. Марром проблема об отношении языка и мышления. В основу Марром берется высказывание классиков марксизма-ленинизма: “Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с действительностью также свое мышление и продукты своего мышления”. “Непосредственная действительность мысли – это язык” (Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV, с. 17 и 434)». На текстах цитат из Маркса, дающих, на мой взгляд, серьезные основания и Марру, и Мещанинову рассматривать классика в качестве своего союзника, Сталин начертал знакомую фигуру котла. То был знакомый уже нам знак подготовки очередного сталинского удара на «языкофронте». Вслед за этим Сталин дважды отчеркнул на полях колонку со следующим текстом:

«Данная установка проникает во все работы Н. Я. Марра последнего десятилетия его жизни. По его словам, “отставание лингвиста от суждения от мышления, это – наследие европейской буржуазной лингвистики, как проклятие, тяготеющее над всеми предприятиями и по организации исследовательских и учебных дел, не только по языку. Старое учение об языке правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления. В нем существовали законы фонетики – звуковых явлений, но не было законов семантики – законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе слов. Значения слов не получали никакого идеологического обоснования” (“Язык и мышление”, 1931)». Прочитав этот, как всегда, причудливо

корявый текст Марра, посвященный его любимым идеям (приоритету законов возникновения смыслов, то есть семантики, перед законами фонетики и грамматики), Сталин не выдержал и с явным удовольствием здесь же, рядом со своими отчеркнутыми на полях линиями, карандашом написал то ли в адрес Мещанинова, то ли в адрес Марра: *«Дурак»*[1047]. Скорее всего, в адрес последнего.

Читая Мещанинова, Сталин не столько вникал в его аргументацию, сколько пытался уже здесь полемизировать с аргументацией широко цитируемого автором Марра:

«В работе 1931 года “Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык” Н. Я. Марр точно формулирует ведущую установку своих исследований следующими словами: “Материалистический метод яфетической теории – метод диалектического материализма и исторического материализма, то есть тот же марксистский метод, но конкретизированный специальным исследованием на языковом материале и на материалах, связанных с языками явлений не только вообще речевой, но и материальной и социальной культуры”». На полях слева сталинской рукой размашисто написано: *«Это декларирование».* И здесь он был абсолютно прав, с той лишь поправкой, что вся советская и в особенности гуманитарная наука по воле своего «корифея» изо дня в день занималась такого рода псевдотеоретическими декларациями и профанациями. Но в этих марровских декларациях все же был рациональный смысл – он первым ставил вопрос о системном изучении языка и мышления в связи с данными археологии и социальной истории.

«Следовательно, материалистическое учение Марра о языке не создает какого-либо иного метода, а принимает метод, установленный и развитый учением Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такова задача, поставленная перед собою самим Н. Я. Марром. **Там, где он неуклонно следует** этому заданию, он **закладывает основные положения** материалистического языкознания *и настойчиво проводит их в исследовательской работе»*[1048]. Сталин не только подчеркнул последнее предложение и дополнительно отчеркнул его часть на полях, но и не удержался от очередной язвительной реплики: «*А где отступает?»*[1049]

Сталин читал: «Так, Н. Я. Марр рассматривает языковые процессы в их социальной обусловленности. Поэтому историю языка того или

иного народа он неразрывно связывает с историей данного народа и тем самым входит в резкое противоречие с еще и поныне господствующими на Западе установками буржуазной лингвистики, изучающей язык в его современном состоянии и в его историческом *прошлом как* ***самостоятельную и саморазвивающуюся категорию***». Недаром Сталин дополнительно еще дважды отчеркнул на полях компаративистскую идею, с которой Марр и Мещанинов особенно полемизировали, опираясь на представление о неразрывной связи истории общества с историей языка и мышления. Для Сталина с его интуитивным дуализмом, так же как и для младограмматиков, язык жил особой надобщественной, «национальной» жизнью, не испытывая непосредственного и решающего воздействия со стороны социальных сил. Отсюда следует, что к этому времени в голове Сталина уже четко сложилось суждение об особой, внеформационной жизни языка как самостоятельного явления. Тем более что он в своей давней, дореволюционной, давно ставшей знаменитой работе «Марксизм и национальный вопрос» причислил язык к одному из решающих признаков нации.

Несмотря на четкий почерк Сталина, не все его пометы мне удалось дальше разобрать. Возможно, вождь стал торопиться, и это сказалось на почерке, или газетная бумага и карандаш в архиве со временем сильно выцвели. Когда Мещанинов упомянул о знаменитом «Бакинском курсе» Марра, от которого, по его словам, автор впоследствии отказался (на самом деле это не так), Сталин отметил это место в статье Мещанинова и что-то написал поверх текста[1050]. В своей статье он упомянет о том, что Марр отказался от «Бакинского курса». Но общий, в высшей степени недоброжелательный и откровенно предвзятый настрой и по отношению к Марру, и к Мещанинову без труда прослеживается при знакомстве с пометами на этом и других разделах статьи. Когда Мещанинов перешел от позитивной части к негативной оценке отдельных положений теории Марра, Сталин стал реагировать особенно эмоционально.

Мещанинов обратил внимание на то, что Марр довольно поздно примкнул к марксизму (после 1920 года), фактически на завершающем этапе формирования своей языкотворческой теории. Чикобава же, писал Мещанинов, сейчас призывает вернуться к предшествовавшему дореволюционному этапу, когда Марр не был марксистом и

рассматривал яфетические языки всего лишь как очередную языковую семью («третий этнический элемент»). «В сходном положении, – отмечал Мещанинов, – оказались и университетские лекции “Яфетическая теория. Общий курс учения об языке”, читанные в 1927 году в городе Баку и поэтому широко известные под названием “Бакинский курс”. Эти лекции, как единственное пособие, дающее общий обзор яфетической теории и основные ее установления, легли в основу преподавания университетских курсов. Раскупленные в очень короткий срок, лекции потребовали переиздания». Но, если содержательное описание устанавливаемых Марром звуковых законов и соответствий не вызывает сомнений, то «лекции в остальной своей части представляли изложение не всегда отвечающее установкам материалистического учения о языке, и сам же автор данного труда в 1931 году не дал согласия на его переиздание, находя необходимым коренную переработку. Следует отметить тут же, что по вине учеников Н. Я. Марра, отказавшихся от переиздания “Бакинского курса” как устаревшего, курс этот до сегодняшнего дня включается безо всяких оговорок в числе рекомендуемых студентами пособий».

Здесь Мещанинов допускает явные передержки, которыми тут же воспользовался Сталин, а затем и другие противники Марра. Во-первых, Марр был против переиздания «Бакинского курса» не потому, что там якобы были идеологические ошибки, а потому, что книгу издали в безобразном полиграфическом исполнении и с большим количеством технических огрехов. Сложный язык и пунктуация, а главное, оригинальная транскрипция Марра требовали много дополнительных типографских знаков и тщательной корректорской работы. Этого бакинская типография, печатавшая «Курс», в полной мере обеспечить не могла. Кроме того, Марр страдал «зудом» постоянного изменения и уточнения своих ранее сделанных выводов и установок, что не такое уж редкое явление в ученой среде. Марр был человеком увлекающимся, брался одновременно за многое, был нагружен массой должностных обязанностей, а времени на все не хватало. После его смерти Мещанинов, как главный идеолог марризма, так и не смог рационально объяснить методологические истоки четырехэлементного анализа. Недаром Чикобава постоянно напоминал, что марристы отказались от этого метода еще до войны и, возможно, именно элементный анализ Мещанинов имел в виду, говоря о

«нематериализме» учителя. Судя по тому, что Сталин напишет в своей статье по поводу «Бакинского курса», он в полной мере воспользовался критикой Марра и самокритикой Мещанинова.

Затем Сталин пометил и прокомментировал еще несколько положений статьи Мещанинова: «Таково, например, построение родословного дерева на основе мифологической классификации языков, приведенное в “Бакинском курсе” (1928 год), где завершающим высшим звеном современным состоянием языков признается **флективный строй индоевропейской речи**. Этому строю в нисходящем разрезе предшествуют один за другим флективные языки семитической группы, перед ними помещены тюркские с агглютативным строем, и еще ниже – эргативные яфетические, а в самом низу аморфные. В *итоге получилось построение, в значительной степени повторяющее общую морфологическую классификацию, которая вовсе не чужда буржуазной лингвистической школе*». Мещанинов не совсем точен, так как компаративисты действительно, выделяя различные по строю группы языков, в его время отказались от попыток построить их качественную, морфологическую или историческую классификацию. Марр же попытался это сделать в рамках своей стадиальной концепции. Но Сталин увидел тут неуверенность в позиции марристов. Отметив двумя крестами на полях предварительно подчеркнутую мысль о флективном строе индоевропейской речи, дополнительно вертикально отчеркнул на полях замечание Мещанинова о том, что и буржуазная лингвистика использует похожую классификацию, а затем здесь же строго и назидательно приписал: *«То-то»*[1051]. Он уже чувствовал, что противник не уверен, что он колеблется, что он маневрирует, что он ищет компромисса. Мне вновь не удалось разобрать то, что Сталин написал поверх пассажа Мещанинова о палеонтологическом анализе. Но там, где Мещанинов заявил в нарастающие компромиссном духе о том, что Марр прав, говоря о языке как о надстроечном явлении, и оказался не прав слишком тесно, связывая формационную теорию Маркса и стадиальную теорию развития общечеловеческого языка, Сталин вновь заметил: *«То-то»*. А когда Мещанинов, уже давно усвоивший, что простым смертным, пусть даже и академикам, сомневаться в непогрешимости классиков марксизма никак нельзя, заявил, что Марр не прав, утверждая, вопреки Энгельсу, что и

первобытное общество состояло из классов, Сталин рядом обличительно и требовательно написал вопрос: *«А где об этом говорили марристы?»*[1052]

Затем он в очередной раз подчеркнул и перечеркнул крестами (как символ сдачи противником очередных позиций) критику Мещаниновым своего учителя, который, по его мнению, слишком прямолинейно связывал глобальные изменения в человеческой речи с «**различными системами хозяйств**». А после того как Мещанинов, наращивая самокритический пафос, заговорил не только об ошибках и увлечениях Марра, но и об ошибках его последователей, то есть своих соратников, Сталин удовлетворенно отметил и это жирной чертой:

«Выступающее здесь смещение признаков синтаксических с морфологическими, отнесение синтетических языков к первобытной общине, а флективных к классовому обществу **могли смутить последователей Н. Я.Марра** и повести их на ошибочные выводы, в частности и на те, о которых пришлось упомянуть выше».

«Все же все эти ошибочные места, отдельные увлечения ведущей ролью яфетидов и т. д. являются привнесенным элементом, устранение которого выделит подлинный облик Н. Я. Марра…» Сталин опять дважды перечеркнул двумя крестами последнее предложение и на полях приписал *«ха-ха!»*, а затем почти сплошь подчеркнул заключительную часть предложения и всей статьи: «…крупнейшего советского ученого, **заложившего основы материалистического учения о языке, нанесшего сокрушительный удар по схоластическим построениям буржуазной школы языковедов. Выделить имеющиеся** в трудах Н. Я. Марра увлечения, **приведшие к смущающим построениям** и выводам, становится первоочередным заданием»[1053].

Без сомнения, Мещанинов вел себя менее напористо, чем Чикобава, но держался вполне уверенно. Не вызывает сомнений, что предчувствие гибели его не угнетало. Соблюдая осторожность, он не позволил себе резких политических и идеологических выпадов в сторону конкретных компаративистов, но и раньше он почти не позволял их без крайней нужды. Единственным исключением в данной статье стал Арн. Чикобава, поскольку он первым открыто бросил вызов Марру и марристам. Один из последних разделов своей статьи академик Мещанинов посвятил критике Чикобавы. Однако Сталин не

оставил здесь следов своего внимания. Мещанинов повторил то, что обычно предъявлялось большинству лингвистов антимарровского направления. Чикобава – за теорию «праязыка» (язык-основа), из которого якобы развились все индоевропейские языки. Чикобава определяет язык как орудие классовой борьбы и что он подобен винтовке – в чьих она руках, тот и осуществляет господство в обществе. Так Чикобава написал в своем «Курсе общего языкознания», вышедшем на грузинском языке. (От себя добавим, что образ «винтовки» Чикобава заимствовал из воспоминаний Д. Бедного, приписавшего его Сталину октябрьских времен 1917 года.) Но такое сравнение есть вульгаризация, продолжал Мещанинов, так как в языке важнее то, что он «еще и действительность мысли». «Таким образом, Чикобава не признает смешения языков и качественных в них изменений. Упор взят на эволюционное развитие. Отходя от Н. Я. Марра, он всецело склоняется в сторону буржуазного языкознания и, оставаясь на праязыковой схеме, сохраняет тем самым построенный на ней формально-логический метод». Кроме этих «грехов», Чикобава был обвинен в том, что он последователь швейцарского, а значит, и «буржуазного» лингвиста де Соссюра, поскольку вслед за ним утверждает, что «язык есть система знаков». Чикобава против понимания языка как «классового» (винтовка, она в любых руках остается винтовкой, отмечал Мещанинов). Зачем все это надо профессору Чикобаве? – задавал риторический вопрос Мещанинов и сам отвечал: «Он хочет дать свое толкование материалистического учения о языке», но фактически сам скатывается в языкознание буржуазное. Заканчивалась статья оптимистическими словами о перспективе развития истинно «марксистского» языкознания.

Люди, знавшие Мещанинова, вспоминают, что академик был трудолюбивым и умеренным человеком. Вопреки голословным утверждениям Сталина и современным критикам марризма, Мещанинов и другие последователи Марра разработали ряд значительных и оригинальных исследований в области языка и литературы (Н. Яковлев, С. Кацнельсон, В. Абаев, В. Жирмунский и др.). Мещанинов был автором большого количества работ не только в области языкознания, но и в области археологии Кавказа и России. В 1936 г. Мещанинов издал курс лекций «Новое учение о языке», пропагандировавший и развивавший идеи Марра. В 1940 году издал

монографию «Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения», а перед самой дискуссией брошюру – «Новое учение о языке на современном этапе развития»[1054]. Архив И. И. Мещанинова хранится в Петербургском филиале Архива Академии наук РФ, и, насколько я знаю, он еще никем всерьез не исследовался. Объективную научную оценку наследие Мещанинова не получило до сих пор.

Академику Мещанинову повезло и тогда, когда Марр назвал его своим научным наследником, и особенно тогда, когда Сталин в 1950 году, внезапно уничтожив его морально, сняв с руководящих постов в Академии наук, оставил ему не только жизнь, но и возможность работать и не отнял чинов и званий. Для военного и в особенности послевоенного Сталина это был уже не такой редкий случай, когда он не уничтожал физически и не отправлял в лагеря чем-то не угодивших ему руководителей, а только запугивал их до крайности и отстранял от важных дел. Конечно, здесь не было какого-то особого, наконец-то проснувшегося великодушия упившегося властью диктатора. И после войны конкретная человеческая судьба по-прежнему оставалась в полном распоряжении непредсказуемой воли вождя, целиком завися от планируемой им втайне стратегии советской общественной жизни. Сейчас его стратегия состояла в том, чтобы главный удар был направлен исключительно на Марра. И именно на нем Сталин все более концентрировался.

Накануне очередной публикации в «Правде» он вновь получает информацию:

«Товарищу Сталину.

Представляю Вам очередную вкладку “Правды”, посвященную дискуссии по вопросам советского языкознания, со следующими статьями.

1. Проф. Н. Чемоданов. Пути развития советского языкознания.
2. Б. Серебренников. Об исследовательских приемах Н. Я. Марра.
3. Проф. Г. Санжеев. Либо вперед, либо назад.

Прошу Ваших указаний.

М. Суслов.

20 мая 1950».

На пике дискуссии

23 мая 1950 года «Правда» опубликовала статьи трех авторов. Неизвестно, прочитал ли их Сталин предварительно в рукописи, но газетную публикацию просмотрел внимательно.

Первой была помещена статья декана филологического факультета МГУ профессора Н. С. Чемоданова «Пути развития советского языкознания». Когда-то Чемоданов находился в рядах языкофронтовцев, но после их разгрома примкнул к официально признанному «новому учению» и сделал неплохую научную и административную карьеру. Уже только поэтому он был вынужден выступать на стороне высшего академического начальства, то есть Мещанинова, а значит, и Марра. Его промарристская статья была намного решительнее и содержала более разнообразную аргументацию по сравнению с выступлением Мещанинова. Направлена она была целиком против аргументации Чикобавы. Чемоданов без обиняков заявил: «Застой в советском языкознании никак не связан с ошибочностью отдельных воззрений Марра… Проф. Чикобава предвзято, односторонне и потому неверно оценивает теорию Н. Я. Марра и его роль в развитии советского языкознания». Он, Чикобава, пытается вернуть всю гуманитарную советскую науку, а не только языкознание во вчерашний день. А между тем сам Марр признавал, что «по части марксистской проработки в яфетическом языкознании есть что подправить и исправить». Чикобава обвиняет Марра в том, что он, рассуждая о структуре доисторического общества, неправильно, не марксистски употреблял понятие «класс». Марр же еще во время так называемой «Бакинской дискуссии» (1932 год) объяснял своим оппонентам: «…вы имеете в виду марксистское понимание класса. Но, конечно, я не имею в виду такого, как сейчас, определения класса, когда говорю “класс”… Я ищу термин, и никто не может мне его сказать. Когда есть организация коллективная, основанная не на крови, то здесь я употреблял термин “класс”, вот в чем дело… Я брал этот термин “класс” и употреблял в ином значении; отчего не употреблять? Таково действительное положение, а не желание противопоставить мои “классы” классам в их марксистски установленном понимании». Следует напомнить, что в классическом марксизме, главным образом благодаря поздним работам Ф. Энгельса, действительно установилось

мнение о том, что в самой первоначальной, исходной исторической формации, при так называемом «первобытном коммунизме», общество было социально однородно и поэтому ни о каком наличии классов говорить не приходится. Однако уже в конце XIX века и тем более к середине XX века, благодаря археологическим и этнографическим исследованиям, была уставлена значительная и разнообразная социальная дифференциация древних человеческих коллективов, существовавших в доформационном состоянии сотни тысяч лет. Но миф о первобытном золотом веке человечества, заложенный еще в философских трудах Ж. Ж. Руссо, трансформировался в марксистскую доктрину бесклассового «первобытного коммунизма», которую в советские времена подвергать сомнению никто не смел. Советские археологи затратили немало усилий на то, чтобы как-то обойти запрет. Первым, кто столкнулся с этим табу, был Марр, чья концепция социальной доминанты в развитии языка и мышления «подпиралась» социальной дифференциацией раннего общества. Чемоданов, процитировавший слова Марра, не смог или не решился подкрепить их ссылками на факты, а потому сделал всего лишь декларативное заявление о том, что теория Марра «… является пока что лучшим, что дало развитие науки в этой области знания, и поэтому всякая попытка свести значение Н. Я. Марра на нет объективно задерживает поступательный ход науки».

Сталин отметил для себя, что и Чемоданов не все положения Марра и некоторых своих соратников принимает безоговорочно, что, на мой взгляд, вполне естественно для человека науки. Поэтому, когда Чемоданов попытался оправдать взгляды Марра на социально неоднородную структуру первобытного общества тем, что у того просто не было подходящего термина, Сталин прокомментировал: «*На каком основании*»[1055].

«В действительности несовместимыми с марксизмом, – заявил Чемоданов, а Сталин отметил, – являются взгляды самого проф. Чикобавы. Утверждая неклассовый характер языка, он пытается свести на нет марксистско-ленинское **учение о языке как общественной надстройке**». Взяв себе на заметку один из важнейших марристских тезисов о надстроечном характере языка, Сталин выделил еще два наиболее часто приводимых Марром и марристами исторических примера. Первый пример относился к языковой ситуации в

средневековых Англии и Германии, а также России XIX века. Чемоданов писал:

«*В разных исторических условиях классовые различия в языке отражаются различным образом. В средневековой Англии эксплуататоры-феодалы* ***в течение столетий говорили на французском языке, в то время как эксплуатируемый народ пользовался англосаксонскими*** *диалектами. А разве в феодальной Германии рыцарская поэзия не отражала сословного рыцарского языка? Наконец, если взять историю развития русского языка, то разве не классовые противоречия определяли различие в языке дворянства, разночинно-демократической интеллигенции и крестьянства в XIX веке и т. д.».*

Второй пример, который Сталин взял себе на заметку, относился к полиэтнической модели формирования нации, которой придерживались марристы. Чемоданов писал: «Глава буржуазного сравнительного языкознания А. Мейе рассматривает индоевропейский праязык как язык древнего народа, обладавшего наряду с единством языка общностью культуры, физического и духовного склада в далекие доисторические времена. Насколько антиисторичны подобные представления, видно, например, из того, что такой засвидетельствованный **индоевропейский язык, как хеттский**, существовал уже за полторы тысячи лет до новой эры. Праязыковое состояние индоевропейских языков надо, очевидно, отодвигать в какие-то еще более древние времена. Такое представление об этническом единстве в столь отдаленную эпоху противоречит характеристике древнего общества, даваемой историческим материализмом, **который учит нас, что для того времени в развитии человеческого общества характерна дробность неустойчивых этнических единиц**. Работы советских историков (например, Третьякова) по истории восточных славян и других народов отчетливо показывают, каким сложным является процесс образования племен и народов, какую огромную роль при этом играет скрещение, которое проф. Чикобава признает лишь частным случаем языкотворчества. Процесс образования и развития языков в доклассовом обществе, очевидно, должны были идти параллельно с процессами этногенеза и отражать их.

С другой стороны, праязыковая схема развития языков несовместима с учением товарища Сталина о сложении современных

буржуазных наций в результате смешения самых разнообразных этнических элементов». Помимо того что Сталин подчеркнул отдельные фразы, он поверх всей страницы с этим текстом размашисто и крупно написал карандашом*: «ха-ха-ха»*[1056]. Что же смешного или нелепого нашел здесь наш дотошный читатель? Может быть, он вспомнил, что сам Марр не считал хеттский язык индоевропейским, называл его яфетическим и относил к отдаленным предкам некоторых кавказских языков? Или ему, Сталину, верящему вслед за Гегелем в реальность специфического «духа нации», казалась теперь нелепой сама мысль об этническом разнообразии, лежащем в основе каждой современной нации, что ставило под сомнение саму возможность существования «духа», якобы проявляющего себя в национальном языке? Вспомним сталинское умозаключение: «Язык – материя духа». Обратим внимание также на то, что он оставил без внимания ссылку Чемоданова на недавно вышедший фундаментальный труд одного из талантливейших советских этнографов П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (М.-Л., 1948), посвященный этногенезу русского народа и восточных славян, однозначно трактующий его в русле концепции Марра.

На неоднократно прозвучавшие заявления Чикобавы о необоснованности четырехэлементного анализа Чемоданов ответил в том смысле, что сама по себе теория Марра и в этой части верна, так как у древнейших предков человека гортань была не приспособлена к речи, точно так же, как она не приспособлена к ней у современных обезьян. Поэтому звуковая речь могла зародиться только в форме диффузных звуков, и здесь Марр прав, но были ли этими первичными звуками те самые четыре комплекса, которые выявил Марр, это не доказано. Важны не эти элементы сами по себе, а указание Марра на принципиальное различие звуковой сигнализации животных и первичной человеческой речи, заявлял Чемоданов: «Следует отметить, что Н. Я. Марр всегда подчеркивал, что человеческая речь начиналась не с отдельных звуков, а со значимых комплексов. Это с самого начала определяло качественное отличие звуковой стороны человеческой речи от криков животных». И хотя сейчас никто не способен повторить поэлементный анализ Марра, но от этого он, по мнению Чемоданова, не более сомнителен, чем методы традиционной сравнительной фонетики. С последним утверждением Чемоданова вряд ли можно согласиться,

поскольку сам Марр, особенно в конце жизни, не отрицал плодотворности сравнительно-исторических методов исследования языков одной семьи (по его терминологии, одной стадии развития), одновременно подчеркивая, что его палеонтологический (поэлементный) анализ носит универсальный, а не стадиальный характер. Со своей стороны, я вынужден все же отметить, что, как бы ни старался Чемоданов убедить читателя в научной обоснованности элементного анализа, ни его предшественникам, ни тем, кто писал об этом позже, это так и не удалось. Вопрос же о том, ставит ли это под сомнение всю концепцию развития языка и мышления Марра, для меня остается открытым.

Статьи двух других авторов, Серебренникова и Санжеева, опубликованные в том же вкладном листке «Правды», Сталин также прочитал внимательно. На двусмысленной статье молодого преподавателя МГУ, будущего академика, а пока кандидата филологический наук Б. Серебренникова «Об исследовательских приемах Н. Я. Марра», заявившего сначала, что гениальный Марр основывает свою стадиальную теорию развития языка на базе марксистской теории стадиального развития общества, Сталин дважды написал раскатистое: «*ха-ха*», «*ха-ха*». Но когда затем автор, развернувшись, отметил, что четырехэлементный метод не может считаться марксистским, он нарисовал очередной круг, перечеркнутый внутри крест-накрест. Серебренников сосредоточил свою критику все на том же четырехэлементном анализе, на трудмагической теории происхождения первичного языка, на идее всеобщего скрещивания языков. Один из главных аргументов был сформулирован так: «Академик Н. Я. Марр, очевидно, забыл, что каждое слово современных языков по своей внешней форме представляет верхний ярус, покоящийся на других исторически пережитых ярусах, часто по своему внешнему облику резко отличающихся от позднейшего состояния. То, что сходно сейчас, могло быть несходным в древности». При этом он попытался использовать классические марровские примеры, цепочку «бор» – «хлеб» – «желудь» – «голова», но в прямо противоположном смысле, то есть отрицая всякую семантическую связь между ними. Критикующий кандидат наук не понимал или сделал вид, что не понимает идею академика, который намеренно отказался от сопоставления «внешней формы» слов-звуков (как это практиковалось

в классической компаративистике) и настаивал как раз на раскрытии исторических наслоений значимостей в слове (в «пережитых ярусах», по терминологии Серебренникова), а не только в их звуковом оформлении. Как водится, не обошлось и без политических обвинений – неправильный научный метод Марра, оказывается, «льет воду на мельницу врагов марксизма, которые считают марксистские положения вообще недоказуемыми. Так что это далеко не пустяк, как думают некоторые товарищи». После завершения дискуссии Б. А. Серебренников сделает блестящую научную и административную карьеру и до конца своих дней будет упорно бороться с «рецидивами» марризма[1057].

Из статьи профессора Г. Санжеева, специалиста в области монгольских языков, Сталин взял себе на заметку только ссылку на две страницы из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса[1058]. Статья Санжеева называлась «Либо вперед, либо назад». Позиция Санжеева, похоже, понравилась Сталину не столько своей аргументацией, которая в целом была близка к позиции ведущих марристов. Санжеев прямо назвал себя «учеником и последователем Марра», презрительно отозвался об «индоевропеистах», которые «часто чувствуют себя вольготно». Санжеев заключительным пассажем, скорее всего, невольно подсказал Сталину идею новой идеологической установки: «Либо вперед от Марра – под сияющие своды марксистско-ленинской науки о языке. Либо назад от Марра – в прошлое: к Марру ли 1922 г., к которому как будто бы зовет нас проф. Чикобава, или, что еще хуже, в застойное болото буржуазного языкознания. Третьего (например, марризма) пути быть не может». Автор очень уж мудрено выразился, причем так, что намекал на какое-то одному ему ведомое будущее, преодолевающее марризм. Сталин, как и сам автор, не заметил, что здесь намечены не три, а четыре возможных исхода. Но Сталину понравилась сама идея полностью отказаться и от марризма во всех его модификациях, включая и ту, дореволюционную, к которой призывал вернуться Чикобава. Санжеев одновременно с отказом от марризма призвал отказаться от скатывания «в болото буржуазного языкознания». Думается, эта своеобразная «диалектика» укрепила Сталина в мысли принять личное участие в дискуссии с обоснованием «марксистского» языкознания. За эту «подсказку» Санжеев очень скоро будет вознагражден личным посланием вождя через «Правду» и тем самым

будет причислен к героям-победителям марризма. Санжеев в первые послемарровские годы проявит себя очень активным публицистом от лингвистики, так и не преодолевшим марристской философии языка. В числе немногих ему будет дозволено интерпретировать языковедческие работы вождя.

Следующую серию из трех статей, вышедшую 30 мая 1950 года, Сталин просмотрел бегло. Оставил без знаков внимания крикливую публикацию одного из официальных марристов, ученого секретаря Президиума АН СССР профессора Ф. Филина, с ходу «повесившего» на антимарристов ответные ярлыки: «Формально-сравнительный метод дает все основания для его использования расистами, признают это его защитники или нет». И еще: «Формально-сравнительный метод сводит к нулю языковое творчество народа, его самобытность и представляет широкую возможность для всякого рода космополитических упражнений». Русист Филин громил всякого рода «домыслы» о германизмах в русском языке, что, по его мнению, равносильно идее о культурном превосходстве германцев над славянами. Филин в отличие от некоторых своих коллег-марристов хорошо улавливал направление нового, национально ориентированного политического курса, но, видимо, рассчитывал и на этот раз использовать для встречного маневра все ту же интернациональную марристскую концепцию. И эта особая способность к улавливанию новых политических веяний поможет ему не только сохраниться после разгрома «школы Марра», но и достичь значительных административных высот в постсталинское время.

На статье действительного члена АН Армении Гр. Капанцяна «О некоторых общелингвистических положениях Н. Марра» (того самого, которого В. Кружков и Ю. Жданов готовили в жертву как антимарриста) Сталин сделал несколько глухих помет. Отметил мнение армянского ученого о том, что к яфетическим языкам следует отнести семитские языки, а к прометеидским – греческий, что уже совсем фантастично. Взял себе на заметку резкий протест автора против четырехэлементного анализа, отметил сноски на работы Марра, а главное – отчеркнул знаменательную фразу Марра о том, что в далеком будущем человечество достигнет такой стадии, когда сможет обмениваться мыслями без помощи языка[1059]. Здесь перед Сталиным открывалась перспектива уличить Марра в том самом идеализме, в

котором при жизни так любил обвинять буржуазных лингвистов-компаративистов автор яфетидологии. Если возможна передача мыслей без языка, то для «подлинного» материалиста невооруженным глазом был виден отрыв мышления от его «материи». Похоже, что с этого момента Сталин решает затронуть в своей статье и эту сложнейшую проблему. Марр утверждал, что мышление без языка не только будет возможно в далеком будущем, но и то, что процесс очеловечивания в далеком прошлом начался с проблесков мышления вне фонетического языка, примерно так, как у современных глухонемых людей. Интеллектуальный опыт бывшего семинариста Сталина восставал против понимания языка вне слова. Слово же он воспринимал только как произнесенное, как звук, а язык только как язык фонетический.

Академик Капанцян поделился сомнениями, которые наверняка возникали не у него одного: «Эти мысли Н. Марра являются либо гигантским научным предвидением, либо же не менее безграничной фантазией… Ведь мы не можем отказать глухонемым в акте мышления» (Сталин откажет. – *Б. И.*). Однако продолжал он: «Я понимаю даже научную фантазию, если она имеет под собой предварительные научно проверенные данные и факты. Но вышеприведенное “научное предвидение” Н. Марра имеет скорее умозрительную подоплеку и, по-моему, совсем не материалистично, не исторично». Будучи родом с Кавказа и армяноведом, Капанцян отлично знал, какой значительный вклад внес Марр в изучение древностей Армении, Грузии и других кавказских народов. Этого не отрицал и Чикобава. Поэтому Капанцян закончил свою статью так: «Но зато роль акад. Н. Марра как армяно-грузиноведа и исследователя смежных народов Ближнего Востока, особенно яфетических народов Кавказа, огромна и неоспорима. Тут он и языковед, и филолог, и историк, и археолог, а при своей эрудиции и продукции (несколько сот больших и малых работ) являлся действительным новатором и основоположником научного нового грузиноведения и армяноведения. Эту его роль нисколько не снижает новое, более обоснованное установление генезиса грузинского языка в связи с кавказскими, данное И. Джавахишвили (“Исконный характер и родство картвельского и кавказских языков”), как и моя работа о генезисе армянского языка не как равномерно смешанного, “арио-яфетического”, как у Н. Марра, а преимущественно “азианического”». Капанцян не случайно упомянул

работу Джавахишвили, одного из давних научных противников Марра, а заодно и о собственных исследованиях. Находясь под сильным влиянием марризма, он сделал интересное наблюдения – историческое развитие языков шло поступательно от древнейших аморфных языков (китайский) через ряд промежуточных типов к современным флективным языкам, причем языковые формы исторически поэтапно распространялись в основном с востока Азии на запад Европы, вплоть до берегов Атлантического океана. Это довольно упрощенная картина (он «забыл» об арийских языках Индии и еще много о чем), но сама идея географической языковой «волны» любопытна. Одна из книг И. Джавахишвили «Введение в историю грузинского народа» (Т. 2. Тбилиси, 1937) до сих пор находится в библиотеке Сталина.

Не задержался карандаш Сталина и на статье «умеренного» марриста, единственного историка из Ленинградского государственного университета, которому было разрешено принять участие в дискуссии, А. Попова «Назревшие вопросы советского языкознания». Доктор наук, занимающийся исторической географией и топонимикой, опираясь на свой научный опыт, подчеркнул, что теория «праязыка», теснейшим образом связанная с историей переселений народов, «представляется сторонниками буржуазной школы лингвистики как сплошной поток дроблений, бесконечных переселений, завоеваний чужих территорий, поголовного истребления или поглощения соседних племен и народов». Разумеется, такие явления историкам известны, однако в процессе развития языка и мышления гораздо важнее не завоевания, а влияние постоянно действующих социальных факторов. «Ошибка проф. А. Чикобава, согласно которому национальный язык является будто бы надклассовым, связана именно с сущностью “сравнительно исторического” метода».

Наконец, «Правда» 6 июня 1950 года опубликовала статью академика В. В. Виноградова, уже намеченного Сталиным в качестве новой главы советской лингвистики вместо академика И. И. Мещанинова. О том, что большой статье Виноградова «Развивать советское языкознание на основе марксистско-ленинской теории» придавалось особое значение, говорит, в частности, то, что в этот день была опубликована только она одна, как в свое время были отдельно опубликованы «ударные» статьи Чикобавы и Мещанинова. Но знал ли сам Виноградов о грядущих административных изменениях и о своей

будущей роли? Может быть, что тогда еще и нет, а если и знал, то тем не менее проявил нарочитую осторожность (если не сказать – трусость) в своей критике Марра и его последователей и не вышел за рамки, очерченные Чикобавой. Даже по тону статья была больше лояльной, чем критической. До 1950 года судьба Виноградова несколько раз круто менялась, и поэтому его осторожность легко объяснима. В 1934 году, когда уже сложившемуся ученому исполнилось сорок лет, он был арестован и получил три года ссылки по так называемому «делу славистов». В отличие от других подельщиков, часть которых расстреляли и посадили на длительные сроки, судьба и власти были к Виноградову более благосклонны, и поэтому даже в ссылке он продолжал работать. Ссылка вскоре была заменена запретом проживать в крупных городах. Как пишет в своих воспоминаниях жена Виноградова, он в 1938 году обратился лично к Сталину и вместе с письмом направил ему две свои книги. В современном архиве и библиотеке Сталина ни этого письма, ни книг я не обнаружил. Виноградов был не столько лингвистом, сколько филологом, вел исследования языка Пушкина, Гоголя и др. В 1939 году, скорее всего, в качестве ответа на обращение к Сталину ученый по личному распоряжению Берии (?!) получил московскую прописку и два года преподавал в Московском государственном педагогическом институте. Однако с началом войны, в августе 1941 года, он вновь был выслан из Москвы в Тобольск, из которого вернулся окончательно в Москву в августе 1943 года. Через год его назначили деканом нового филологического факультета МГУ, в 1946 году избрали (минуя ступень члена-корреспондента) академиком. Тогда же с него была снята судимость. Однако в ноябре 1947 года, когда Виноградов издал свой фундаментальный труд «Русский язык», началась публичная травля, скорее всего инспирированная все тем же Отделом науки ЦК и Президиумом АН СССР. В своем труде Виноградов был очень лоялен к Марру и марристам, особенно там, где они действительно поднимали важные вопросы «грамматического учения о слове». Он цитировал и опирался на исследования таких ученых «школы Марра», как И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, Р. О. Шор, близкого к Марру академика Л. В. Щербы и др. Самого Марра он включил в один ряд с крупнейшими лингвистами мира[1060]. Все это не похоже на дежурные слова, брошенные в адрес лингвистического «вождя». Но марристам

нового поколения этого было мало, и Виноградов был вынужден покинуть пост декана[1061]. И хотя до этого времени он никогда открыто не выступал против построений Марра и даже написал несколько статей в марристском духе, выбор, выпавший на него в качестве нового главы советской антимарровской лингвистики, был не случаен. Имя Виноградова было знакомо и Сталину, и Берии и в связи с «делом славистов», и в связи с его неоднократными письменными обращениями к ним, и в качестве маститого ученого – специалиста в области русского языка и литературы. Крутая идеологическая перестройка во всех областях науки и культуры, намеченная Сталиным еще накануне войны, поэтапно проводившаяся во время войны и особенно активно в первые послевоенные годы, достигла к моменту языковедческой дискуссии своего апогея. И если славистов (в том числе и Виноградова) обвиняли, расстреливали, сажали и ссылали в 1933–1934 годах за «великодержавный русский национализм», то теперь, в 1947–1950 годах, расстреливали, сажали и травили иных за проявления «еврейского буржуазного национализма» и «космополитизма». И здесь, в выдвижении Виноградова, мы не можем не заметить «след» Берии.

Судьба Виноградова была довольно типичной для многих известных деятелей сталинской эпохи. Запугав, а иногда физически или духовно покалечив человека, перед ним внезапно открывали заманчивые карьерные, административные или научные перспективы. В подавляющем большинстве случаев эти люди становились самыми преданными режиму исполнителями. Зная теперь достоверно, что языковедческой дискуссией непосредственно руководил Сталин, можно не сомневаться, что и санкцию на участие в ней тех или иных ученых, в том числе и Виноградова, давал он лично. Об этом говорят не только информационные записки Ильичева на имя Сталина. Как вспоминала жена ученого Н. М. Виноградова-Малышева, Чикобава на следующий день после первого ночного разговора на даче Сталина позвонил ее мужу. Раньше Виноградов и Чикобава не были знакомы. Значит, фамилию Виноградова назвал ему тот, кто поручил ему связаться с академиком и объяснить ситуацию. Чикобава попросил Виноградова выйти на улицу (на войне как на войне – соблюдается строгая секретность!) и рассказал ему, что говорил со Сталиным и что «Правда» открывает дискуссию, а Виноградову предлагают выступить. И только заручившись предварительным согласием на его

антимарристское выступление (а иначе к чему такая секретность?), его вызвали к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову (всесоюзному кадровику), который уже официально предложил ему принять участие в дискуссии. И хотя Виноградов тогда уже о многом догадываться, тем не менее он, как и Чикобава, не знал о желании вождя принять личное участие в дискуссии[1062].

Несмотря на серьезную идеологическую заявку, обозначенную в заглавии, Виноградов, критикуя Марра, отделался общими словами и привычными ярлыками, не раз подчеркивая, что Марр «великий советский ученый», чьи идеи искажаются учениками, и что у Марра есть общая материалистическая направленность, но что его материализм механистичен и социологизирован. Прочитав последние характеристики, Сталин расхохотался *«ха-ха»* и дополнительно обозначил это место двумя крестами. Сталин, скорее всего, предварительно не просматривал эту статью, и она его теперь рассмешила своим опасливым академизмом и беззубостью. Из статьи Виноградова Сталин взял для своей работы только одно его замечание и цитату из работы Марра, подтверждающую такой тезис: «**Кроме того, Н. Я. Марр думал, что грамматику языка создает класс, а не народ**»[1063].

13 июня «Правда» вышла с новой подборкой из трех статей. Публикации были примиренческими и даже промарристскими. Дискуссия или выдыхалась, или же сотрудники «Правды» сознательно ее притормаживали. На статьях из этого номера Сталин только дважды сделал отметки. Первый раз на тексте академика из Киева Л. Булаховского «На путях материалистического языковедения»: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота…» Автор говорил о формировании общенационального языка (и нации) как фактора, способствующего развитию общенационального капиталистического рынка и наоборот. Это была традиционная марксистско-ленинская трактовка, соотносившая экономическое развитие общества с развитием языка, науки и культуры. В целом того же взгляда придерживались и Марр, и довоенный Сталин. Но в 1950 году Сталин думал совсем о другом и по-другому. Дважды отчеркнув этот абзац, он

приписал: *«Против Чемоданова»*[1064]. На самом же деле никакой реальной полемики с Чемодановым здесь нет. Автор решительно выступил против обвинений сторонников «праязыковой теории» в расизме. Здраво заметил: «Язык и раса не находятся между собой в прямой связи» – и указал в качестве примеров на язык американских негров и евреев в Германии. «Если фашистским и фашиствующим жуликам от науки, – писал он, – оказалось нужным из факта наличия языковых семейств сделать выводы расового и даже расистского характера, то при чем тут наука?» При этом не следует клеймить сравнительно-исторический метод как «буржуазный», тем более что лучшего пока нет. Марровская семантика, особенно в части украинского языка, не убедительна, также сомнительны его теоретические построения о «семантических пучках», поскольку здесь приходится слишком далеко углубляться в древность. Одобрительно отозвался о новой книге Мещанинова «Члены предложения и части речи» (1948), отметив интересную постановку вопросов, но спорность их решений. Согласился с одним из фундаментальных марровских постулатов: «Отражение общественно-экономических формаций в лексиконе (словаре) – факт, вряд ли подлежащий спору». Поэтому Марр «методологически правильно поступил, сосредоточивая свои поиски в первую очередь на этой области языка». И с другим важнейшим тезисом Марра он вполне согласился: «Смешанный характер всех языков мира не подлежит никакому сомнению, и страстная защита Марром этого положения вполне оправданна». Конечно, Марра следует упрекнуть в том, что он все же привлек не очень много фактов, но, по мнению академика Булаховского, «Марр не сделал этого, может быть, и потому, что, спеша с обобщениями за увлекавшими его перспективами проникнуть в глубокую древность языков, он, как исключительный полиглот и человек громадного непосредственного опыта, не находил эту работу для себя нужной». Итак, никакой ругани, никакой агрессии. Но Сталину именно их и не хватало.

На статье преподавателя Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина С. Никифорова «История русского языка и теория Н. Я. Марра» Сталин помет не оставил. Русист Никифоров в целом придерживался концепции Марра, но с учетом истории и материала русского языка. Он, конечно, в первую очередь обозначил сомнительные и спорные с точки зрения

исторического материализма построения Марра, в частности о классах и классовом характере языка в первобытном обществе. Но для более поздних эпох, когда язык уже фиксируется в письменных памятниках, утверждения Марра о классовом характере языков и памятников не вызывают сомнений. «В период раннего феодализма, когда связь между феодалами и крестьянами имела в значительной мере характер внешнего принуждения, а более тесной была связь феодалов между собой, роль общего для феодалов языка играл литературный (письменный) язык. Этот литературный язык мог быть даже чужим для данного народа». Таким был, например, для немцев латинский язык – язык не только церкви, но и теснейшим образом связанного с церковью государственного управления и вообще образованности. «Поэтому в эпоху раннего феодализма между речью господствующего класса и речью социальных низов могло существовать значительное различие не только в лексике, особенно в семантике, социально-насыщенных слов, но и в грамматической стороне языка». Классовость языка, продолжал Никифоров, особенно хорошо прослеживается на примере истории русского языка. Ф. П. Филин в книге «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» (Л., 1943), в частности, показал, что «древнерусский письменный язык в основном отражает в себе речь городового населения, уже речь социальных его верхушек – князей, их дружинников, боярства и монастырско-церковных слоев. Язык населения сельских местностей, основных масс восточных славян, представлен в письменности косвенно, лишь в той мере, в какой можно говорить об известной общности речи верхов и низов населения». Кроме того, и деловой и летописный русский язык также отражает в основном нормы господствующего класса, хотя и вырос он на базе «общерусской языковой основы». Автор отметил, что как научный противник Марра покойный профессор А. М. Селищев, так и ученик Марра профессор Ф. П. Филин «одинаково объясняют возникновение известного единства славянских языков как результат схождения человеческих коллективов».

Уже по одному тому, что Сталин не оставил никаких помет на этой примиренческой статье Никифорова, можно сделать вывод, что любые аргументы, пытающиеся примирить обе позиции, оставляли его равнодушным. Но в конце той же подборки была опубликована агрессивно промарровская заметка преподавателя Иркутского

государственного университета В. Кудрявцева «К вопросу о классовости языка». Здесь уже Сталин не удержался от комментариев. Кудрявцев задался вопросом: «**Действительно ли, что языки всех времен и народов не классовые?**» Подчеркнув, а сбоку написав: «*Да, действительно*»[1065], Сталин, работавший в это время над своей статьей, продолжил эту фразу развернутым ответом в собственной работе. Кудрявцев из самых искренних верноподданнических побуждений привел еще более верноподданническое мнение покойного М. И. Калинина из его сборника «О вопросах социалистической культуры». Калинин писал: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил – Сталин. У него надо учиться скупости, ясности и кристальной чистоте языка». Сталин не всегда доверял мнению даже ближайших соратников. Но, как я уже писал, к покойникам он относился очень серьезно, чаще более серьезно, чем к живым. Кто знает, может быть, именно эта цитата из статьи Калинина окончательно утвердила его в мысли самому взойти на дискуссионную трибуну?

Судя по последним публикациям, создавалось впечатление, что дискуссия начинает пробуксовывать. Ни с той, ни с другой стороны не хватало столь любимой Сталиным остроты в полемических выпадах, не было разнообразия в аргументации, не было лингвистической конкретики. И марристы, и антимарристы, соблюдая осторожность, редко называли конкретные имена, кроме Марра и Чикобавы. Все компаративисты делали обязательные вежливые реверансы в адрес противника. Дискуссия текла вяловато. Все как будто чего-то ждали. Да и сотрудники «Правды» со своей стороны придерживали ее темп, не выпуская на страницы газеты наиболее резких, как правило, молодых оппонентов. Не предоставлялось слово археологам, этнографам, историкам, хотя их статьи находились в редакции или было известно, что они готовы принять участие в дискуссии. Как я уже отмечал, они в большинстве были настроены промарристски. Ясно было, что скоро кто-то должен выйти и сказать решающее слово. В предыдущих дискуссиях этот кто-то подводил итоги и давал указания о том, как теперь следует думать, писать и преподавать. Иногда этим «кто-то» было все Политбюро в целом, от имени которого издавался соответствующий документ. Им мог быть и один из его членов, например А. Жданов или Маленков, а иногда и кто-то из вновь

назначенных отраслевых вождей. Поскольку академик Виноградов даже не попытался подвести итоги, значит, решающее слово было не за ним. Похоже, что не только работники ЦК, но и работники «Правды» не были в курсе и не знали подробностей финального акта дискуссии. Во всяком случае, из ее редакции продолжали поступать сводки и предложения, по характеру которых видно, что не редакция, а Сталин полностью контролировал ее ход. 17 июня 1950 года на имя Поскребышева было направлено очередное послание за подписью Ильичева, в котором говорилось о вновь подготовленной подборке и опять упоминалась статья Черных. В письме впервые давалась общая сводка о поступивших в редакцию материалах:

«С начала дискуссии редакция получила свыше 190 статей. Авторы значительной части статей (около 70) выступают в защиту учения Марра без всяких оговорок. Другая часть авторов (более 100), защищая в целом учение Марра, критикует отдельные стороны этого учения. С резкой критикой марристского учения выступают авторы 20 статей.

До сих пор в “Правде” опубликовано 12 статей»[1066].

Сводка Ильичева интересна тем, что указывает на подавляющий численный перевес марристов и на то, что в большинстве своем те, кто писал в «Правду», также не подозревали об истинных целях дискуссии. До последнего момента не знали этого и люди, возглавлявшие «Правду», то есть Суслов и Ильичев. То, что Сталин скрывал свое желание поучаствовать в дискуссии, подтверждается, в частности, свидетельством главного редактора газеты Ильичева. Спустя много лет он рассказал своему тогдашнему помощнику В. И. Болдину о том, что накануне публикации очередной подборки Сталин внезапно позвонил ему. «Сталин стал нахваливать Ильичеву, – рассказал Болдин, – некоего молодого автора:

– Он просто гений. Вот он написал статью, она мне понравилась, приезжайте, я вам покажу. Сколько у нас молодых и талантливых авторов в провинции живет, а мы их не знаем. Кто должен изучать кадры, кто должен привлечь хороших и талантливых людей с периферии?

Когда Ильичев приехал, вождь в одиночестве прогуливался по кабинету. Дал рукопись. Ильичев быстро ее прочитал, дошел до последней страницы. Внизу подпись автора – И. Сталин.

Ильичев с готовностью произнес:

– Товарищ Сталин, мы немедленно останавливаем газету, будем печатать эту статью.

Сталин сам радовался тому, как разыграл главного редактора “Правды”.

– Смешно? – спросил он. – Ну что, удивил?

– Удивили, товарищ Сталин.

– Талантливый молодой человек?

– Талантливый, – согласился Ильичев.

– Ну что же, печатайте, коли так считаете, – сказал довольный вождь.

На следующий день “Правда” вышла со статьей “Марксизм и языкознание”. Потом ее пришлось изучать всей стране»[1067].

Так благодаря «протекции» стареющего «корифея науки» статья «талантливого молодого человека» появилась на страницах «Правды». Без сомнения, готовил он ее наедине и втайне от всех.

Глава 7
И. В. Сталин «Относительно марксизма в языкознании»

Концепция

20 июня 1950 года «Правда» опубликовала большую статью Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и наконец-то статью П. Черных «К критике некоторых положений “нового учения о языке”». Возможно, последнюю точку в своей работе Сталин поставил незадолго до 18-го числа того же месяца. В этот день он направил строго секретное письмо на бланке ЦК, приложив к нему машинописные экземпляры своей работы:

«Строго секретно.

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ.

№ П 20

18 июня 1950 г.

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю статью по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера понедельника не будет замечаний, буду считать, что статья одобрена, и я буду иметь возможность направить ее в “Правду” для напечатания в дискуссионном листе, выходящем во вторник. Если же будут замечания, я готов созвать восьмерку для обсуждения.

И. Сталин»[1068].

Никаких замечаний не последовало. Может быть, за исключением Берии и Молотова, все остальные члены высшего партийного органа втайне восприняли и дискуссию, и участие в ней вождя как очередную блажь стареющего диктатора. Во всяком случае, Хрущев в воспоминаниях именно так оценивал этот эпизод последних лет жизни Сталина, оказавшегося, по его мнению, почему-то под влиянием своего

земляка Берии, «не раз у него обедавшего»[1069]. Хрущев, видимо, так никогда и не узнал о том, что Чикобава, назначенный после завершения дискуссии директором института, в котором работал, через год-полтора будет снят со всех постов за причастность к так называемому «Мегрельскому делу». По этому же делу будет снят со своего важного партийного поста и официальный инициатор дискуссии Чарквиани. Смутная угроза «Мегрельского дела» нависнет и над самим Берией. Сталинская игра с «национальными» проблемами продолжалась до последнего дня его жизни.

Сталин, конечно, не рассчитывал на замечания со стороны партийных товарищей. Впрочем, какого рода замечания могли сделать сталинские выдвиженцы, пусть и искушенные политиканы и самонадеянные чиновники, но люди малокультурные и не очень образованные? Как ни оценивай, но работа Сталина была посвящена сложнейшим научным проблемам. Да и не их это было дело разбираться в проблемах лингвистики, генетики, теоретической физики или в тонкостях поэзии, драматургии, кино или классической музыки и т. д. Сталин это понимал и после смерти Жданова все чаще явно с удовольствием и не без все возрастающего высокомерия открыто брал на себя роль высшего и единственного интеллектуального авторитета и теоретика. Ему до всего было дело, и он считал, что способен разобраться в любых или почти в любых вопросах бытия. Письмо к соратникам носило формальный характер и служило всего лишь сигналом начала главного акта дискуссии. Давно прошли те времена, когда у него в соратниках числились Бухарин, Рыков, Томский и даже Зиновьев и Каменев и когда в комбинациях с ними в ЦК действительно образовывались то антитроцкистская «восьмерка», то «семерка», то «девятка» или еще какая-либо тайная партийная группировка. Замечаний от «восьмерки» 1950 года не последовало, и «Правда» опубликовала работу Сталина в том виде, как он ее представил.

Сейчас невозможно установить точное время, когда Сталин приступил к работе над статьей. Обычно он проставлял даты только после завершения очередного труда. Но на рукописях и черновиках именно этой работы даты нет. Исходя из обстоятельств, предшествовавших появлению работы, и из ее контекста, можно достаточно уверенно предположить, что Сталин задумал ее накануне или во время первой встречи с Чикобавой 10 апреля 1950 года, то есть в

то же время, когда у него окончательно созрел замысел организации кампании по развенчанию академика Марра. О том, что решение принять личное участие в дискуссии, возникло у Сталина во время встреч с Чикобавой, косвенно подтверждается и тем, что первая проблема, которую Сталин выделяет в своей статье, возможно, и была той самой, которая вызвала у них наибольшие разногласия. Напомню: Чикобава вспоминал о том, что они спорили и, значит, не во всем соглашались. Разногласия, похоже, возникли по поводу того, считать ли язык частью надстройки над экономическим базисом общества, как это обосновывал Марр, или же нет? В сталинском официальном марксизме все общественные явления строго относились или к базису, или к надстройке и вне их не могли существовать. Чикобава здесь следовал за Марром, понимая, что отнести язык, наряду с экономикой, к базисным явлениям не позволяет здравый смысл, а пересматривать самую суть марксистской политэкономической и историософской доктрины ему не дано, да и кто бы это позволил? А Сталин уже давно себе все позволял. По мере необходимости он без особого трепета пересматривал устоявшиеся доктрины или заново обосновывал очередные «незыблемые марксистские» положения. По своей натуре он мало чем отличался от обычного партийного догматика ленинского призыва, но, в отличие от них, он был догматиком ровно настолько, насколько это было полезно ему и его режиму. Когда возникала необходимость, он не цеплялся за устоявшиеся положения, а отбрасывал их как залежавшийся хлам. Для упиравшихся противников или для замешкавшихся, не успевших перестроиться функционеров у него был заготовлен хорошо отработанный «встречный» ход – обвинение их в догматизме, начетничестве, талмудизме, механицизме и вульгаризаторстве марксизма. Всерьез возражать ему уже давно никто не смел, так как по крайней мере с середины 30-х годов он являлся единственным непререкаемым теоретиком марксизма-ленинизма в стране.

Над статьей Сталин, как всегда, работал методично и несуетливо, добиваясь четкости в постановке проблем, ясных на них ответов, а когда затрагивал особенно сложные вопросы, то упрощал их так, что они становились понятны многим и в первую очередь ему самому. При этом Сталин с легкостью обходил или лукаво замалчивал проблемы, которые не знал сам, как разрешить. У него была давно укоренившаяся

манера каждый вопрос обсуждать «циркулярно», то есть раз за разом, монотонно возвращаться к тому, что считал ключевым, но с несколько обновленной аргументацией. Именно ее очень точно описал А. Солженицын. Судя по черновикам, Сталин какое-то время искал литературную форму, в которую предполагал облечь свою работу. Он не хотел предстать перед читателями (своими подданными) пусть и самым важным, но всего лишь очередным участником научного диспута. В то же время его работа не должна была походить на официальный директивный документ или на публичную реплику-окрик властного правителя. И той и другой формой он особенно злоупотреблял до войны. Та форма, которую он избрал на этот раз, была им так же использована, и уже не однажды: в целях дипломатии от имени какого-либо печатного органа или известного журналиста ему задавали им же подготовленные или заранее согласованные с ним вопросы. В международной практике такая дипломатическая форма интервью была широко распространена, но для участия в современном научном диспуте она, похоже, использовалась впервые. Напомню также, что «самовопрошание» было распространено в средневековой церковной риторике и в современной молодому Сталину богословской литературе как на Востоке, так и на Западе. Давать интервью самому себе Сталину было очень удобно, так как открывался полный простор и в постановке вопросов, и в ответах. Такая литературно-публицистическая форма резко отделяла «верховного» от рядовых участников дискуссии. И еще один штрих отделил его от рядовых участников дискуссии – он подписал статью: «И. Сталин», без указания должностей или хотя бы почетного академического звания. Такая «скромность» паче любой гордыни.

Когда же он окончательно доработал вопросы, то решил дополнительно замаскироваться, придумав к ним не только общее название, но и такое предисловие:

«Z ***ОТНОСИТЕЛЬНО МАРКСИЗМА В ЯЗЫКОЗНАНИИ***[1070].

Z Ко мне обратилась группа товарищей из молодежи с предложением – высказать свое мнение в печати по вопросам языкознания, особенно в части, касающейся марксизма в языкознании. Я не языковед и, конечно, не могу полностью удовлетворить товарищей. Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому делу я имею прямое отношение.

Поэтому я согласился дать ответ на ряд вопросов, поставленных товарищами»[1071].

Этот текст написан Сталиным от руки карандашом на отдельном листе бумаги и наклеен на другой лист, на котором уже был напечатан на машинке первый вопрос-ответ с окончательной правкой. Никаких следов писем «группы товарищей из молодежи» в архиве нет. Кого-то такое предисловие может даже умилить – вождь честно признается в том, что он ничего не понимает в лингвистике. Но далее (до чего ловкий поворот!), ничего не понимая в языкознании, он, однако, как всем известно, большой специалист «относительно марксизма» в философии, истории, политэкономии, в военном искусстве… в языкознании. Иначе говоря, сталинский марксизм есть своего рода метанаука, наука наук, новая метафизика, а он ее неоспоримый и признанный корифей. Кто же поспорит с тем, что его слово здесь первое?

Итак, после чтения записки Чарквиани, после бесед с Чикобавой и знакомства с его материалами, изучив справочную литературу и ознакомившись через все это с выдержками из некоторых трудов Марра и классиков марксизма, Сталин счел себя вполне подготовленным, определился с формой изложения и сформулировал четыре коренных, как ему казалось, вопроса:

«Вопрос. Правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н. Я. Марра о том, что язык есть надстройка над базисом?»[1072]

«Вопрос. Правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н. Я. Марра о том, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового языка не существует?»[1073]

«Вопрос. Каковы характерные признаки языка?»[1074]

«Вопрос. Правильно ли поступила “Правда”, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?»[1075]

Затем на каждый из собственноручно написанных вопросов дал собственноручно написанные ответы, периодически корректируя их с материалами, появлявшимися в дискуссионном листке «Правды». Я специально акцентирую на этом внимание, так как в литературе на этот счет не раз высказывались сомнения – сам ли Сталин написал статью «Относительно марксизма в языкознании» или же с чей-то помощью? Если не считать той литературы, о которой говорилось выше и не иметь в виду бесед с Чикобавой и, возможно, с другими профессиональными

лингвистами, Сталин, с подачи Берии, сам лично не только организовал дискуссию, но и собственной рукой написал большую часть тех материалов, которые были опубликованы за его подписью. В архиве Сталина хранятся три варианта черновиков основной работы. Первый вариант, написанный Сталиным на разлинованных листах писчей бумаги простым карандашом, сохранился не полностью. Второй и третий (окончательный) перепечатаны на машинке, на левой стороне стандартного листа и содержат многочисленные рукописные вставки и поправки в тексте и на полях справа. Каждый из четырех вопросов прорабатывался Сталиным в виде отдельного ответа.

Многих смущает то, что сталинская работа ладно и толково написана. При этом ни одного критического научного исследования, посвященного языковедческим писаниям Сталина, нет, если не считать апологетических сочинений начала 50-х годов. Даже историк лингвистики В. М. Алпатов, посвятивший книгу очередному развенчиванию «мифа» о Марре, обошелся простым пересказом языковедческих работ Сталина, хотя, казалось бы, именно сталинские работы следовало бы наконец-то подвергнуть строгой научной критике[1076].

Не вникая в суть сталинской работы и не имея доступа к его архиву, некоторые исследователи делали даже предположение о том, что его статья есть скрытое заимствование из какого-нибудь лингвистического труда. Сначала указывали на соавторство Чикобавы. Но тот еще при жизни успел решительно опровергнуть эту версию. Кроме того, и стиль, и содержание работы, и явные противоречия со статьей Чикобавы не оставляют никакого сомнения в том, что он не имел прямого отношения к сталинскому тексту. В исследованиях последних лет особенно настойчиво указывают как на якобы главный источник идей и заимствований на книгу Д. Н. Кудрявского «Введение в языкознание» (Юрьев [Дерпт], 1912)[1077]. Работа Кудрявского, выросшая из его же цикла лекций, хороша не только ясностью стиля, но и аргументированной материалистической и социальной направленностью. Не ссылаясь ни на кого конкретно, автор определяет язык как «средство общения», «как орудие нашей мысли», подчеркивает, что «непрерывная деятельность, лежащая в основе языка, есть деятельность общественная» и т. д.[1078] Со времени выхода книги Кудрявского все эти и другие подобного рода положения в 30-х годах

довольно быстро стали общими местами советского языкознания, психологии, философии, истории, археологии. Как я уже отмечал, сходные идеи, но в ином, психологическом контексте высказывал Л. Выготский. Без сомнения, с книгой Кудрявского был знаком и Марр. Больше того, в архиве Марра сохранилась их послереволюционная переписка, из которой следует, что Марр активно вербовал Кудрявского в свои сторонники. Из эмиграции Кудрявский дипломатично отвечал на предложения Марра в том смысле, что ему трудно даются революционные идеи академика. Но в действительности существенных противоречий между его концепцией и концепцией Кудрявского о функциональной роли языка и о его связи с мышлением нет. Скорее всего, именно Марр, а не Сталин кое-что материалистическое и социальное заимствовал у Кудрявского. Например, приоритет постановки вопроса о происхождении общечеловеческого языка как такового в противовес вопросу о реконструкции праязыка семьи народов. Кудрявский практически ничего не говорит о нации как источнике языка, тогда как в сталинской работе этот вопрос центральный. Сталинская концепция «марксистского языкознания» с ее дуализмом прямо противоположна социологической концепции Кудрявского. Скорее всего, Чикобава или другие лингвисты, проводя со Сталиным на его даче языковедческий ликбез, использовали идеи и формулировки Кудрявского, элементы которых опосредованно усвоил и Сталин. В современной библиотеке Сталина ни одной работы Кудрявского я не нашел.

Рассмотрим теперь, как Сталин отрабатывал каждый из сформулированных вопросов в отдельности, а потом свел их воедино.

Первый сталинский удар по «новому учению о языке»

Мы помним, как Марр упорно настаивал на том, что язык есть надстроечное явление и как таковое меняется в зависимости от изменения базиса общества. Именно это положение позволяло обосновывать и революционную динамику, и коренную перестройку языка, а главное, приоритет общечеловеческого стадиального развития над частными семейными и национальными языковыми группировками и даже само их существование ставить под сомнение. Поэтому, задавая вопрос, правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н. Я. Марра о том,

что язык есть надстройка над базисом, Сталин написал: «Ответ. Нет, неправильно», а в окончательном варианте исправил: «Нет, неверно». Затем без особых заминок быстро и кратко изложил общеизвестные марксистские политэкономические формулировки о взаимовлиянии базиса и надстройки[1079]. Никакие изменения в базисе или надстройке особенно не воздействуют, утверждал Сталин, на язык, и в доказательство этому указывал на русский язык до и после Октябрьской революции: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что наполнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целости и остались без каких-либо серьезных изменений, сохранились именно как основы современного русского языка»[1080].

Это был первый «сталинский удар», направленный на полное и безоговорочное уничтожение концепции Марра. В 1950 году было живо немало людей, овладевших языком, как и Сталин, еще до революции. Здравый смыл подсказывал: да, изменения в обществе колоссальны, но мы родились с этим языком, выучились ему, в том числе и другим языкам, и прожили с ним (с ними) всю эпоху потрясений. В отличие от 20-х годов, в 1950 году ломка в языке первых лет революции и Гражданской войны старшими поколениями уже припоминалась слабо, а большинством родившихся в послереволюционной языковой среде не ощущалась вообще. Простой силой жизни в сознании большинства (то есть в общественном сознании) вновь была восстановлена непрерывность исторического бытия пусть и на совершенно новой основе. Сталин был как раз одним из тех, кто страшный революционный обвал уже не помнил или не хотел помнить.

Семидесятидвухлетний вождь, как человек, омывшийся большой кровью, при этом сочетавший в себе неувядающую романтичность с трезвостью и прагматичностью, искренне верил в реальность только того, что видел здесь и сейчас. Никаких революционных изменений в русском и других языках своего государства он не помнил и теперь не замечал. Советские компаративисты того времени, избегая напрямую полемизировать по поводу революционных изменений в семантике, обычно указывали и указывают ныне на стабильность грамматического строя языка как на главный его признак. Сталин так же сделал на этом упор, но одновременно решил подкрепить свои аргументы ссылками на стабильность во времени «основного словарного фонда» языка, то есть на стабильность его семантики. Современные исследователи до сих пор полемизируют по поводу сталинского источника этого понятия. На самом же деле, как я предполагаю, это понятие пытался ввести известный советский иранист, специализировавшийся на осетинском языке, и последователь Марра В. И. Абаев. Как раз накануне дискуссии вышли две его работы, посвященные «основному словарному фонду». В одной из них он доказывал, что вслед за начальным глоттогоническим этапом наступает этап выработки «основного лексического фонда», «охватывающий круг необходимых в любом человеческом обществе понятий и отношений, без которых трудно себе мыслить человеческую речь вообще, если не считать самых ранних, начальных стадий глоттогонии, о которых мы можем только смутно догадываться и которые характеризовались, повидимому, беспредельным полисемантизмом (видимо, имеются в виду четыре универсальных полисемантических элемента Марра. – *Б. И.*)»[1081]. В другой работе он писал: «Есть в языке известный ограниченный круг слов-понятий, без которых нельзя себе мыслить ни одно человеческое общество, в каких бы широтах оно ни жило и какова бы ни была его культура, техника, экономика… Перечисленные категории абсолютно необходимых в любом обществе слов-понятий образуют основной, неотчуждаемый “общечеловеческий” фонд языка…»[1082] и т. д. Я не знаю, был ли Сталин непосредственно знаком с работами Абаева, хотя, как мы видели, проблемы происхождения кавказских племен и языков его всегда интересовали. Скорее всего, идею «основного словарного фонда общечеловеческого языка» ему подсказал кто-нибудь из антимарристов, перетолковав ее в идею семантического ядра

национального языка. До Сталина ни один серьезный лингвист ничего похожего не утверждал, да и не мог этого делать. По тому, с каким рвением именно эту идею пропагандировали после дискуссии профессор П. Я. Черных и академик В. В. Виноградов, можно предположить, что кто-то из них и подсказал ее вождю. Хочу напомнить, что резко антимарристская статья Черных была заказана и подготовлена к печати одной из первых, но Сталин ее сознательно придержал и разрешил опубликовать ее позже рядом со своей статьей. Не исключено, что это было проявление особой милости к ученому, а не только использование ее в качестве дополнительного антимарровского аргумента. Добавим: никакого «основного словарного фонда», который наряду с грамматическим строем якобы составляет ядро каждого национального языка, не существует.

В том же разделе Сталин порассуждал о динамичности общественной надстройки, о ее решающем влиянии на классовую борьбу в социуме. В первом варианте он ограничился простым указанием на то, что язык, в отличие от надстройки, «нейтрален по своему существу, индифферентен к борьбе общественных сил, к борьбе классов, к характеру общественного строя»[1083]. Затем Сталин последнюю фразу зачеркнул и все заново переработал, попросту выведя язык из состава надстройки: «Язык *в этом отношении* коренным образом отличается от надстройки. Язык *порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык. Ввиду этого служебная роль языка, как средства общения людей, состоит не в том, чтобы обслуживать один класс в ущерб другим классам, а в том, чтобы одинаково обслуживать все общество, все классы общества. Этим, собственно, и объясняется, что язык может одинаково обслуживать как старый умирающий строй,* так и новый поднимающийся строй, как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых»[1084]. Обратим внимание на то, что Сталин, решительно отрицая классовую природу языка, пока еще

пишет о языке как явлении общественном. В этом месте в первом варианте была вставка, в которой говорилось в противовес Лафаргу (без упоминания имени) о том, что французский язык одинаково хорошо обслуживал любые классы до и после революции: «Французский язык так же не плохо обслуживал новые классы после французской буржуазной революции, как он обслуживал старые дореволюционные классы французского общества»[1085]. В окончательном варианте Сталин этот текст выкинул, но оставил аналогичный пассаж о русском языке до и после Октябрьской революции. Не ограничившись ссылкой на русский язык, Сталин, по своему обыкновению, решил перечислить большинство языков народов СССР. Монотонное (вновь вспомним А. Солженицына!) нанизывание примеров – один из самых излюбленных и старых его полемических приемов, должных демонстрировать особую убедительность доводов «корифея». Последовала такая рукописная вставка: *«То же самое нужно сказать об украинском, белорусском, узбекском, казахском, грузинском, армянском, эстонском, латвийском, литовском, молдавском, татарском, азербайджанском, башкирском, туркменском и других языках советских наций, которые так же хорошо обслуживали старый, буржуазный строй этих наций, как обслуживают они новый социалистический строй»*[1086]. Еще в начале своей государственной карьеры, будучи наркомнацем, он с помощниками пытался разобраться в том, на каком общественно-экономическом этапе находились различные народы России. Тогда народы западной части страны он отнес к капиталистической формации, большинство же среднеазиатских народов и часть народов Кавказа – к формации феодальной, а некоторые народы Севера – к общинно-родовому строю. В то время у большинства отставших этносов не было единого разговорного и литературного языка. Позже, в середине 30-х годов, все они по его воле разом шагнули в формацию «социалистическую». Тогда же из различных национальных диалектов и говоров для них был назначен общенациональный разговорный, делопроизводственный и литературный язык. Над вопросом о том, какой из диалектов и наречий обслуживал, например, общенациональные интересы узбеков или туркмен в эпоху раннего феодализма, Сталин в 1950 году уже не задумывался, хотя сам же когда-

то писал (вслед за Лениным), что нации формируются только в эпоху капитализма.

Продолжая развивать мысль о национальном языке, одинаково способном обслуживать все общественно-экономические формации, Сталин заявил, что язык «не отличается… от орудий производства, скажем, от машин, которые так же нейтральны, как язык, и так же одинаково могут обслуживать и капиталистический *строй* и социалистический»[1087]. В свое время Выготский (а также и Марр), используя марксистские понятия, рассматривал знак как специфическое орудие человека, а знаковую деятельность как деятельность орудийную в самом широком смысле слова. Однако в интерпретации Сталина (или его консультантов?[1088]) сравнение языка с орудием производства, тем более с машиной приобрело совершенно иной антиисторический и антимарксистский смысл. Напомню одно из общих мест марксизма: если вместе с изменениями в производственных отношениях не происходит очередная промышленная революция, которые сообща только и способны изменить способ производства на более передовой, то никакой смены общественно-экономической формации не произойдет. Сталина, уверовавшего в реальность своего социалистического общества, не смущало то, что «промышленный переворот» в СССР, начавшийся в 30-х годах, был всего лишь догоняющей промышленной модернизацией на базе устаревающей западной (буржуазной) технологии. Но он видел иное: по его «социалистическим», то есть колхозным, полям движутся такие же тракторы, что в США, на «социалистических» заводах стоят такие же станки, плавят металл примерно так же, как в Германии, и т. д. Действительно, обе «формации» так, как он их себе представлял, обслуживают одни и те же орудия производства. А был ли в СССР реальный формационный сдвиг, или же это было нечто иное, не имеющее отношение к марксистским прописям, эту мысль он не допускал. Отсюда понятна и его аналогия с языком, одинаково обслуживающим все «формации». В этом пункте Марр гораздо больший марксист, чем Сталин. После публикации статьи Сталин поймет сомнительность своей аналогии и попытается в последующих языковедческих заметках исправить положение. Однако тезис о независимости национального языка от формационных сдвигов в

базисе и надстройке общества останется в его работе как основополагающий.

«Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет, – писал далее Сталин. – За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй. Стало быть, были ликвидированы два базиса с их надстройками и возник новый, социалистический базис с его новой надстройкой. Однако если взять, например, русский язык, то он за этот большой промежуток времени не претерпел какой-либо ломки, и современный русский язык *по своей структуре* мало чем отличается от языка Пушкина»[1089].

Современный читатель может поневоле усмехнуться, прочитав следующий фрагмент, если, конечно, он не делает из Сталина кумира. Вместо аргументов, логики, фактов, вместо проникновения в суть проблемы и овладения научной традицией вождь предлагает читателю наивные взывания к истории, к революции, к общественно-экономическим формациям, к их «здравому смыслу»: «В самом деле, для чего это нужно, чтобы после каждого переворота существующая структура *языка, его грамматического строя* и основной словарный фонд (языка – зачеркнуто. – *Б. И.*) уничтожались и заменялись новыми, как это бывает обычно с надстройкой? Кому это нужно, чтобы “вода”, “земля”, “гора”, “лес”, “рыба”, “человек”, “ходить”, “делать”, “производить”, “торговать” и т. д. назывались не водой, землей, горой и т. д., а как-то иначе?»[1090] Судя по контексту, Сталин именно эти перечисленные здесь слова отнес к «основному словарному фонду» русского языка.

Сталин продолжал править напечатанный на машинке текст: «Кому нужно, чтобы (сочетание слов в предложении, составление суждений, склонения, спряжения и т. п. – текст в скобках Сталин позже зачеркнул. – *Б. И.*) *изменения слов в языке и сочетание слов в предложении* происходили не по существующей грамматике, а по совершенно другой? Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо (серьезного) *существенного* без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком *языковом* перевороте, если доказано, что (основа данного языка) *существующий язык с его структурой в основном* вполне пригодны для удовлетворения нужд нового строя?

Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно *и нужно* в течение нескольких лет, *чтобы дать простор развитию производительных сил общества*, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не создавая, *внося* анархию в общественную жизнь и не создавая угрозы распаду общества? Кто же, кроме дон-кихотов, могут ставить себе такую задачу?»[1091] Над этой частью текста Сталин поработал дополнительно, главным образом убирая конкретные лингвистические примеры и термины, правя стиль.

Какими бы высокими проблемами ни задавался человек поверхностный и в особенности дилетант, он легко выдает себя тем, что старается избегать конкретности, фактов, деталей, специфического языка дисциплины. Знакомясь с тем, как Сталин работал с первым разделом статьи, сразу же подмечаешь, как он, пытаясь подкрепить свои построения хотя бы элементарными лингвистическими или историческими примерами, сам же замечает их двусмысленность. Поэтому в дальнейших разделах он все в большей степени будет убирать ссылки на конкретные факты, тщательно шлифуя общие формулировки. Кроме того, все эти риторические вопросы, обращенные к абстракциям, а на самом деле к Марру и марристам, выдают нового «корифея науки» с головой. Разве кто-нибудь говорил о насильственном уничтожении в ходе революции старого языка и «строительстве» нового? Действительно, кому это нужно? Под «языковым строительством» Марр и другие, включая самого Сталина, понимали в 20–30-х годах разработку новых алфавитов и грамматик для бесписьменных народов СССР или замену арабского алфавита на латиницу или кириллицу для ряда восточных и мусульманских народов. Приписывая противнику вздорные мысли в 1950 году, Сталин знал, что никто его в этом не уличит.

Первый вариант первого раздела статьи Сталин сначала закончил лаконичным выводом («Вывод: известное положение о том, что язык есть надстройка над обществом, является неправильным, ошибочным»). Но затем, обдумав хорошенько и решив, что вывод делать рано и он недостаточен, Сталин эти строки зачеркнул и от руки приписал карандашом в конце листа и на его обороте:

«Наконец, еще одно коренное отличие между надстройкой и языком. Надстройка не связана непосредственно с производством,

производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредства базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменения в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе. Это значит, что сфера действия надстройки узка и ограничена.

Язык же, наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера деятельности надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим, собственно, и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы, и язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй.

Итак:

а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;

б) смешивать язык с надстройкой – значит допустить серьезную ошибку»[1092].

Так был нанесен первый разгромный сталинский удар по передовым позициям яфетической теории Марра.

Второй удар по «новому учению о языке»

На второй вопрос – правилен ли с точки зрения марксизма тезис Н. Я. Марра о том, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не

существует, прозвучал не менее категорично: «Ответ. Нет, неверно»[1093].

Сталин вновь сначала написал от руки карандашом первый вариант ответа, затем его перепечатали в двух экземплярах на машинке, после чего он принялся шлифовать текст. Опуская многочисленные редакционные правки, отметим самое существенное в рукописном и в первом машинописном экземплярах статьи.

Естественно, что в 1950 году Сталин не мог допустить даже мысли о том, чтобы в угоду Марру и его теории пересмотреть одно из фундаментальных марксистских положений о неклассовом характере догосударственного первобытного человечества. Сталин с ходу отмел всякие притязания марристов пересмотреть взгляды Энгельса на сей счет. «Не трудно понять, – писал Сталин, – что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, язык был там общий, единый для всего коллектива». Но даже здесь он не удержался и позволил себе очередной раз ошельмовать марристов, заявив, что они под классом якобы понимают «всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив»[1094]. Напомню: начало истории этого вопроса относится ко времени завершающего этапа в формировании «нового учения о языке», когда Марр, отталкиваясь от хорошо изученных мертвых и живых языков, имевших письменность, через бесписьменные живые языки, археологию и этнографические наблюдения пытался проникнуть в эпохи догосударственные и доклассовые. Вспомним статью Чемоданова, процитировавшего заявление Марра во время «Бакинской дискуссии» 1932 года о том, что у него не хватает термина, чтобы назвать социальные группы, без сомнения, существовавшие уже в первобытном обществе и вырабатывавшие, с точки зрения Марра, свои социальные языки. Дело в том, что Марр через эволюцию языка пытался нащупать фазу перехода от родоплеменной (кровной) организации человеческого общества к социально-групповой и классовой организации. И здесь он вступал в откровенное противоречие не только с марксизмом и в особенности с Ф. Энгельсом, заявлявшим, что в эпоху «первобытного коммунизма» в обществе отсутствовала частная собственность и эксплуатация, а значит, не могло быть и его деления на классы. Если в

начале 30-х годов Сталин по этому пункту теории Марра промолчал или просто не обратил на него внимания, то в 1950 году он, уже построивший в СССР «общенародное государство», в котором «социализм победил полностью и окончательно» в качестве первой фазы бесклассового коммунистического общества, подобных вольностей допустить не мог и по отношению к «первобытному коммунизму».

«Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от *языков* племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, то везде, на всех этапах развития язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения.

Я имею здесь в виду не империи рабского и средневекового периодов, скажем, империю Кира и Александра Великого или империю Цезаря и Карла Великого, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[1095].

Никаких особых доказательств того, что везде и всегда все национальные языки развивались исключительно по восходящей линии, от родовых и племенных языков, конечно же, не приводилось. Вновь тот же прием «доказательства» через терминологическую монотонность – в самом конце первого абзаца Сталин пять раз повторил однокоренные слова: «общий», «общество». Знаменательна ссылка на языки мировых империй древности. Сталин любил читать исторические сочинения и с начала 30-х годов ознакомился с трудами нескольких десятков античных, западноевропейских, российских и советских историков. Тем непонятнее его утверждение о том, что, например, империя Цезаря была непрочной и не имела своей экономической базы. Но дело даже не в этом. Разве после завоеваний Александра Великого греческий язык и греческая культура, как язык и культура завоевателей, не стали господствующими на значительной части эллинизированной ойкумены? И почему, собственно, нельзя говорить о том, что мидийский, греческий, латинский, франкский языки

или средневековая латынь использовались как общеимперские языки народов-завоевателей и их верхами? Известный французский историк и современник Сталина Марк Блок писал в своем не менее известном сочинении «Феодальное общество» о государстве франков: «Как бы ни различались языком, обычаями и нравами нижние слои населения, управляла ими одна и та же аристократия и одно и то же духовенство, благодаря чему и могло существовать огромное государство Каролингов, раскинувшееся от Эльбы до океана»[1096]. Как известно, правящая аристократия пользовалась франкским языком, а духовенство разных регионов использовало латынь. На варваризованных вариантах латыни говорило и большинство населения Каролингской державы. А разве в Испанской, Португальской, Британской или Французской колониальных империях Нового времени не было общеимперского языка, который наряду с военной и экономической мощью «титульной нации» поддерживал ее господство? Сталин в своих ранних работах сам говорил нечто подобное, когда рассуждал об Австро-Венгерской или Российской империях.

Хорошо понимая, что по отношению к многонациональным империям его высказывания звучат не очень убедительно, Сталин добавил: «Следовательно, я имею в виду не эти и подобные им империи, а те племена и народности, которые входили в состав империи, имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них»[1097]. Что здесь имеется в виду, понять затруднительно. Как эксплуатируемые составные части империй могли иметь «свою экономическую базу» и бесклассовые общие языки? Одно исключает другое. Прописи марксизма-ленинизма гласят, что единство любого государства в первую и в последнюю очередь обеспечиваются единым рынком, единым экономическим пространством. Кроме того, Сталин почему-то забыл, что в многонациональных империях этнические и национальные верхушки подчиненных наций вынуждены были осваивать не только родной язык, но и общеимперскую речь. В длительно существовавших империях процесс ассимиляции культуры и языка постепенно охватывал все большие слои подвластного населения. Сталин сам был одним из тех, кто до революции активно выступал против насильственной

ассимиляции народов Российской империи, в том числе против административного навязывания русского языка в Грузии и в других регионах Кавказа.

Несмотря на то что второй раздел работы составляет более шестнадцати машинописных страниц, Сталин здесь, по существу, на разные лады монотонно повторяет все ту же мысль, не раз воспроизведенную еще в первом разделе: классовых языков не бывает, язык во все времена обслуживал и обслуживает все общество в целом. Конечно, рассуждал Сталин сначала в черновом, а затем в первом машинописном варианте, есть диалекты, жаргоны, салонные «языки» аристократии, буржуазии, но поскольку «у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда»[1098], то их и нельзя считать языками. Вот и все доказательства. Затем эти «аргументы» он на разные лады комбинирует с теми, что были изложены раньше и т. д. Попутно Сталин парирует марристскую трактовку Маркса о том, что у буржуазии есть «свой язык», его же цитатой о «концентрации диалектов в единый национальный язык», нарочито «забывая» о других вариантах складывания общенационального языка[1099]. Затем без смущения назидательно тычет в адрес Мещанинова, не называя его имени: «Выходит, что цитирующий товарищ исказил позицию Маркса, исказил ее потому, что цитировали Маркса не как марксисты, а как начетчики»[1100]. Но в дальнейшем, дорабатывая статью во втором машинописном варианте, Сталин последовательно убирает личностное обращение к оппонентам, выделив для этой цели последний, четвертый вопрос.

До этого момента рукопись и машинописные тексты не имеют очень существенных отличий. Затем начинается более интенсивная авторская работа. В первом машинописном экземпляре Сталин сделал вставку о том, что Маркс не занимался лингвистическими исследованиями, а лишь говорил о противоположности интересов пролетариата и буржуазии. Но затем, сочтя это положение чересчур категоричным, вычеркнул его[1101]. Другая значительная вставка, вошедшая с небольшими изменениями в окончательный текст, относилась к вопросу о классовости языка (вспомним его помету на статье В. Кудрявцева): «*Очевидно, что если каждый класс имеет свой язык, то он должен иметь и свою грамматику: капиталисты – буржуазную грамматику, пролетарии – “пролетарскую”. Но разве*

бывает на свете “буржуазная” или “пролетарская” “грамматика”? У нас были в одно время “марксисты”, которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьской революции, являются “буржуазными”, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их срыть и построить новые “пролетарские” дороги»[1102].

Развивая эту мысль, Сталин добавил, что классовые языки, если бы они были возможны, неизбежно привели бы к распаду общества. Над этой проблемой он поработал усерднее, расширяя и усиливая аргументы. Это видно не только из указанной вставки, но по тому, что Сталин написал на полях в свой собственный адрес. Рядом с фразой о том, что «классовость языка есть примитивная фантазия», написал: «*По другому*», то есть изложить иначе. Затем сам себе же предложил: *«Включить о **Лафарге**»*[1103]. Во втором машинописном варианте он действительно добавит обширную вставку о Лафарге и расширит по сравнению с первым вариантом критику взглядов марристов на учение Ленина о двух культурах[1104]. Точно так же забракует часть собственной критики марризма («*не то*») и напишет себя памятку о том, чтобы *«вставить о моде на французский язык»* у английской и русской аристократии[1105].

Наконец, Сталин берется за второй машинописный экземпляр этого раздела статьи, окончательно дорабатывает его, правя стиль, внося обширные вставки, вычеркивая непродуманные реплики и фразы. Годами в советской лингвистической, учебной и популярной литературе пропагандировалась мысль о наличии во всех классовых обществах особых классовых же языков. При этом ссылались на Маркса, Энгельса, Лафарга, Ленина, Сталина. Сталин двенадцать страниц своей статьи посвятил опровержению мнений марристов о мнениях классиков на сей счет. Поскольку Сталин уже твердо установил, что «язык как средство общения *людей в обществе* (первоначально было: “нейтрален к борьбе враждебных сил в обществе…” – *Б. И.*) одинаково обслуживает *все* классы *общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам»*. Однако совсем отрицать тот очевидный факт, что люди и различные социальные группы не безразличны к языку, Сталин не мог. Поэтому он добавил: «Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые

выражения». Отсюда, заявил Сталин, появляются диалекты, жаргоны, салонные «языки», которые противопоставляются «крестьянскому языку», «пролетарскому языку». «На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода…

Думать, что диалекты и жаргоны могут развиться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, – значит *потерять историческую перспективу и сойти* («с ума» – зачеркнуто. – *Б. И.*) *с позиции марксизма*». Зачеркнул Сталин и заключительную фразу абзаца: «Наоборот, они имеют все шансы окончательно захиреть и исчезнуть»[1106] (имеются в виду диалекты). Диалекты и жаргоны нельзя считать языками, потому что у них нет своего грамматического строя и основного словарного фонда. Таким образом, очередной круг тех же самых сталинских доказательств очередной раз замкнулся.

Затем вождь занялся классиками. Известный тезис Маркса из статьи «Святой Макс», в которой классик написал, что у буржуазии есть «свой язык» и что этот язык «есть продукт буржуазии», поскольку он проникнут духом меркантилизма и купли-продажи, Сталин противопоставил другому тезису из той же работы о том, что концентрация диалектов в единый национальный язык обусловлена экономической и политической концентрацией. (Напомню, что «концентрация диалектов» и, по Марру, означала процесс их «схождения» в единый язык.) Следовательно, продолжал Сталин, Маркс никогда не признавал «язык буржуазии» полноценным языком: «Маркс просто хотел сказать, что буржуа загадили единый национальный язык своим торгашеским лексиконом, что буржуа, стало быть, имеет свой торгашеский жаргон»[1107]. Вот так-то!

Затем наступила очередь Энгельса: «Ссылаются на Энгельса (имеется в виду Чемоданов. – *Б. И.*), цитируют из брошюры “Положение рабочего класса в Англии” слова Энгельса о том, что “… английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия”, что “рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия”.

На основании этой цитаты некоторые товарищи *делают* вывод, что Энгельс отрицал необходимость общенародного национального языка, что он стоял, стало быть, за “классовость” языка. Правда, Энгельс говорит здесь не об языке, а *о* диалекте, *вполне* понимая, что диалект, как ответвление от национального языка, не может заменить национального языка. Но *эти товарищи* (было: “цитирующий товарищ”. – *Б. И.*), видимо, не очень сочувствуют *наличию* разницы между языком и диалектом…» После многоточия шла вычеркнутая позже фраза: «Ему теперь не до этого»[1108]. Что имел в виду Сталин, можно только гадать. Указав, что цитата Энгельса приведена автором (Чемодановым) «не к месту», Сталин решительно отделил язык от идей, нравственных и религиозных представлений, от принципов, которые «у буржуа и пролетариата прямо противоположные».

Так же как он расправлялся с цитатами оппонентов, извлеченными из работ Маркса, Сталин теперь опровергает и их трактовку произведений Энгельса: «Но при чем здесь язык? Цитирующий товарищ попал впросак потому, что цитирует Энгельса не как марксист, а как начетчик». Но затем он зачеркнул эту излюбленную словесную фигуру и поверх нее написал: «*Разве наличие классовых противоречий в обществе может служить доводом в пользу “классовости” языка или против необходимости единого национального языка? Марксизм говорит, что общность языка является одним из важнейших признаков нации, хорошо зная при этом, что внутри нации имеются классовые противоречия. Признают упомянутые товарищи этот марксистский тезис? (или не признают?)*»[1109]. Ну, кто в 1950 году не знал о сталинском определении нации и о ее важнейшем признаке – языке? Кто же мог позволить себе заявить, что не признает «этот марксистский тезис»? Похоже, что первоначально Сталин хотел «разобраться» с четырьмя марксистскими классиками, перечисляя их по порядку, вплоть до самого себя, по издавна сложившемуся ранжиру. После Энгельса следовало разобраться с Лафаргом или Лениным. Но приведенной только что вставкой Сталин привычный ранжир перебил. Получилось, что анализу лингвистических воззрений Ленина теперь предшествует основополагающая идея его скромного ученика Иосифа Сталина. Кроме того, марристы, как известно, особенно эксплуатировали работы Поля Лафарга. В рукописном варианте этой части статьи Сталин не упоминал Лафарга вообще, а в первом

машинописном варианте сделал на сей счет себе памятку. Теперь, поразмыслив, Сталин сразу за процитированным текстом сделал знак вставки, а на обороте листа от руки написал:

«Ссылаются на Лафарга, указывая на то, что Лафарг в своей брошюре "Язык и революция" признает "классовость" языка, что он отрицает будто бы необходимость общенародного, национального языка. Это неверно. Лафарг действительно говорит о "дворянском" или "аристократическом" языке и о "жаргонах" различных слоев общества. Но эти товарищи забывают о том, что Лафарг, не интересуясь вопросом о разнице между языком и жаргоном и называя диалекты то "искусственной речью", то "жаргоном", – определенно заявляя в своей брошюре, что "искусственная речь, отличающая аристократию… выделилась из языка общенародного, на котором говорили и буржуа, и ремесленники, город и деревня".

Следовательно, Лафарг признает наличие и необходимость общенародного языка, вполне понимая подчиненный характер и зависимость "аристократического языка" и других диалектов и жаргонов от общенародного языка.

Выходит, что ссылка на Лафарга бьет мимо цели.

Ссылается на то, что одно время в Англии английские феодалы "в течение столетий" говорили на французском языке, тогда как английский народ говорил на английском языке, что это обстоятельство является будто бы доводом в пользу "классовости" языка и против необходимости общенародного языка. Но это не довод, а анекдот какой-то… Как можно на основании таких анекдотических "доводов" отрицать наличие и необходимость общенародного языка?»[1110] Как опытный игрок, Сталин опять передергивает: никто и никогда не отрицал необходимости общенационального языка. Марр и его последователи говорили вслед за классиками марксизма о наличии в классовых обществах классовых языков. Они также заявляли о преимущественном использовании французского языка правящим слоем средневековой Англии на протяжении столетий, что общеизвестно и о чем писал в дискуссионной статье Чемоданов (и, конечно, еще раньше – Марр). Он же писал о том, что язык рыцарской поэзии в средневековой Германии также носил сословный характер. Вслед за Чемодановым напомню тривиальный факт, – русская аристократия и дворянство в XIX веке использовали как средство

внутри сословного общения французский язык. (Вспомним некоторые романы Л. Н. Толстого с обширными вставками на французском языке, которым изъясняется, как на родном, русская аристократия.) Русский же литературный и разговорный языки разночинной интеллигенции и крестьянский язык с его диалектами различались так, что крестьянство практически не понимало того, о чем рассуждает интеллигенция (особенно радикальная), а последняя написала тома книг, чтобы понять то, что говорит и думает крестьянский народ. Н. А. Бердяев с горечью писал после революции в эмиграции: «Мир господствующих привилегированных классов, преимущественно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык, был совершенно чужд народу – крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»[1111]. Недаром же Марр так настойчиво внушал непонятливым идею о неразрывном единстве языка и мышления.

Еще в начале дискуссии, взяв тезис Чемоданова на заметку, Сталин, теперь иронизируя, писал: «*Русские аристократы одно время тоже баловались французским языком при царском дворе и в салонах (некоторых губернских городов)*». Редактируя, он зачеркнул конец предложения и взял его в скобки, чтобы до крайности ограничить сферу французского языка в России. Затем продолжил: *«Они кичились тем, что говорят по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом. Значит ли это, что в России не было тогда общенародного русского языка, что общенародный язык был тогда фикцией, а “классовые языки” – реальностью?»*[1112]

В первом варианте рассуждения о классовых языках заканчивалось так: «*Классовость языка есть примитивная и несуразная фантазия, если, конечно, не думать, что буржуа и пролетарии могут объясняться друг с другом через переводчиков»*[1113]. Затем Сталин это забраковал и, как я уже отмечал, стал то же самое доказывать более развернуто, справедливо грозя распадом общества, если классы и сословия перестанут друг друга понимать.

«*Эти товарищи* воспринимают противоположность интересов буржуазии и пролетариата, их ожесточенную классовую борьбу (далее было: “непримиримость их взглядов”, затем зачеркнуто. – *Б. И.*) как распад общества, как разрыв *между враждебными классами* (было – “всех тех нитей, которые связывают эти классы в одно общество”. – *Б.*

И.). Они считают, что поскольку *общество распалось*, нет больше единого общества, а есть только классы, то не нужно и единого для общества языка, не нужно национального языка». После этих слов Сталин сделал очередную вставку простым карандашом, ровным почерком и практически без помарок: *«Что же остается, если общество распалось и нет больше общенародного, национального языка? Остаются классы и "классовые языки". Понятно, что у каждого "классового языка" будет своя "классовая" грамматика, – "пролетарская" грамматика, "буржуазная" грамматика. Правда, таких грамматик не существует в природе, но это не смущает этих товарищей: они верят, что такие грамматики появятся. У нас были в*[1114] *одно время "марксисты", которые утверждали, что железные дороги, оставшиеся в нашей стране после Октябрьского переворота, являются буржуазными, что не пристало нам, марксистам, пользоваться ими, что нужно их срыть и построить новые, "пролетарские" дороги. Они получили за это прозвище "троглодитов"...»*[1115] Неизвестно, кого конкретно Сталин обозвал «троглодитами». Скорее всего, ему вспомнилась одна из тех побасенок, которые имели широкое хождение в революционную эпоху и приписывались «левакам», пролеткультовцам, анархистам. Кроме того, Сталин, как всегда, пытался сблизить противника с каким-нибудь особенно неприятным и давно уничтоженным течением, чтобы и противник, и те, кто ему еще сочувствовал, понимали серьезность обвинений и последствий: *«Понятно* такой *примитивно-анархический* взгляд (было: "слишком примитивен и далек от марксизма". – *Б. И.*) *на общество, классы, язык не имеет ничего общего с марксизмом.* Но он, безусловно, существует и *продолжает* жить в головах некоторых наших *запутавшихся* товарищей. *Конечно,* неверно, что *ввиду наличия* ожесточенной классовой борьбы (зачеркнуто: "при капитализме") общество *якобы* (зачеркнуто: "превратилось в фикцию, что оно…") распалось на (зачеркнуто: "враждебные") классы, не связанные *больше* друг с другом *экономически* в одном обществе. Наоборот. Пока существует капитализм, буржуа и пролетарии будут связаны между собой всеми нитями экономики, как части единого капиталистического общества. Буржуа не могут жить и обогащаться, не имея в своем распоряжении наемных рабочих, пролетарии не могут продолжать свое существование, не нанимаясь к капиталистам». Далее Сталин

вычеркнул три фразы: «Отсюда необходимость общего и единого для общества национального языка при капитализме. Национальный язык нужен здесь как средство общения людей и классов внутри единого общества. Классовость языка есть примитивная и несуразная фантазия, если, конечно, не думать, что буржуа и пролетарии могут объясняться друг с другом через переводчиков». Поверх он написал: «*Прекращение всяких экономических связей между ними означает прекращение же всякого производства, прекращение же всякого производства ведет к гибели общества, к гибели самих классов. Понятно, что ни один класс не захочет подвергнуть себя уничтожению. Поэтому классовая борьба, какая бы она ни была острая, не может привести к распаду общества. Только невежество в вопросах марксизма и полное непонимание природы языка могли подсказать некоторым нашим товарищам сказку о распаде общества и "классовых" языках, о "классовых" грамматиках*»[1116].

Удивительно, что для Сталина 50-х годов именно это, то есть опасность распада общества, и было доказательством невозможности существования классовых языков. Сталин как будто начисто забыл о том, что накануне революции и в особенности во время Гражданской войны непонимание между различными классами воюющего российского общества достигло критической точки не только в сфере экономики и политики, но и на уровне мышления, языка, культуры, религии, морали, что и привело к его взрывообразному (революционному) распаду. Не случайно же одной из главных скреп сталинского общества стал десятилетиями вырабатывавшийся «общенародный» язык коммунистической пропаганды, состоящий по большей части из приспособленной общеевропейской лексики и таких же мыслительных конструкций. Так что социум – это не только по возможности гармонизированная совокупность сословий, классов, групп, этносов, наций, но и их языков, а значит, и гармонизация способов мышления. И вся эта пульсирующая совокупность может «сходиться» и «расходиться» под влиянием самых различных факторов. Вождь же все более упорно сводил вопрос к тоталитарному: один язык – одна нация.

Затем, так же как с цитатами Маркса, Энгельса и Лафарга, Сталин в окончательном варианте обошелся и с идеями Ленина, усилив тезис о том, что сторонники Марра неверно трактуют его учение о двух

культурах внутри эксплуататорского общества, обвинив их в том, что они «поплелись по стопам бундовцев»[1117]. Сталин первые фразы с рассуждениями о Ленине оставил без изменений, так как они были написаны еще в первом варианте статьи: «Ссылаются, далее, на Ленина и напоминают о том, что Ленин признавал наличие двух культур при капитализме, буржуазной и пролетарской, что лозунг национальной культуры при капитализме есть националистический лозунг. Все это верно и Ленин абсолютно прав. Но при чем тут *классовый язык*?» (было: «национальный язык?»). После этого Сталин вычеркнул почти страницу машинописного текста: «Не думают ли наши начетчики, что ввиду буржуазного *характера* национальной культуры при капитализме Ленин отрицал необходимость национального языка и признавал “классовость” языка? Бундовцы в этом именно в одно время обвиняли Ленина. Как известно, Ленин протестовал против этого, заявив, что он ведет борьбу не против национального языка, а против национальной буржуазной культуры. Странно, что эти товарищи прибегают к “аргументам” бундовцев. Но согласятся ли товарищи, любящие цитировать, заслушать следующую цитату из Ленина…»[1118] Затем шел ленинский текст, сохраненный в окончательном варианте. Вычеркнув этот текст, Сталин тем же простым, хорошо заточенным карандашом сделал две обширные вставки, вошедшие в окончательный вариант: «*Ссылаясь на слова Ленина о двух культурах при капитализме, эти товарищи, как видно, хотят внушить читателю, что наличие двух культур в обществе, буржуазной и пролетарской, означает, что языков тоже должно быть два, так как язык связан с культурой, – следовательно, Ленин отрицает необходимость единого национального языка, следовательно, Ленин стоит за классовые языки. Ошибка этих товарищей состоит здесь в том, что они отождествляют и смешивают язык с культурой. Между тем культура и язык – две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком, и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру. Разве это не факт, что русский, украинский, узбекский языки обслуживают ныне социалистическую культуру этих наций так же неплохо, как обслуживали они перед Октябрьским переворотом их буржуазные культуры? Значит, глубоко ошибаются эти товарищи, утверждая,*

что наличие двух культур ведет к образованию двух разных языков и к отрицанию необходимости единого языка». Здесь вождь чуть позже сделал знак абзаца и сделал еще одну внутреннюю вставку: *«Говоря о двух культурах, Ленин исходил из того именно положения, что наличие двух культур не может вести к отрицанию единого языка и образованию двух языков, что язык должен быть единый. Когда бундовцы стали обвинять Ленина в том, что он отрицает необходимость национального языка и трактует культуру, как "безнациональную", Ленин, как известно, резко протестовал против этого, заявив, что он воюет против буржуазной культуры, а не против национального языка, необходимость которого он считает бесспорной. Странно, что некоторые наши товарищи поплелись по стопам бундовцев.*

Что касается единого языка, необходимость которого будто бы отрицает Ленин, то следовало бы заслушать слова Ленина…» После этой рукописной вставки шла уже упоминавшаяся цитата Ленина: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам». После этих слов Сталин от руки вставил заключительную фразу: *«Выходит, что уважаемые товарищи исказили взгляды Ленина*». На самом же деле это Сталин искажал взгляды своего «учителя». Ленин говорил о том, что единство языка еще только вырабатывается в развивающихся капиталистических обществах, поскольку этого требует единый капиталистический рынок и что капитализм тем самым консолидирует разделенное сословное население феодальных государств в капиталистическую нацию, у которой закладываются свои перегородки. Никакого искажения взглядов Ленина «уважаемые товарищи» не допустили. Напротив, они строго следовали духу ленинской работы «Развитие капитализма в России», откуда и взята эта цитата.

Наконец, перечислив старших классиков, нарочито соблюдая высочайшую скромность и строжайший политический ранжир, Сталин стал объяснять, как следует понимать Сталина: «Ссылаются, наконец, на Сталина. Приводят цитату из Сталина о том, что "буржуазия и ее националистические партии были и остаются в этот период главной

руководящей силой таких наций”. Это все правильно. Буржуазия и ее националистическая партия действительно руководят буржуазной культурой, так же как пролетариат и его интернационалистическая партия руководят пролетарской культурой. Но при чем тут национальный язык? (затем исправил на *“классовость языка?”. – Б. И.*). Разве этим товарищам не известно, что национальный язык есть форма национальной культуры, что национальный язык может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру? Неужели наши товарищи не знакомы с известной формулой марксистов о том, что нынешняя русская*, украинская, белорусская и другие* культуры являются социалистическими по содержанию и национальными по форме, то есть по языку?»

Для современного читателя переведем «формулу» социалистической многонациональной культуры с языка сталинской эпохи на язык современный: говорим и поем на разных языках, но об одном и том же. Затем Сталин карандашом приписал угрожающе: «*Согласны ли они с этой марксистской формулой*?»[1119] Своим вопросом вождь окончательно «доказал» – классового языка не существует, а есть язык всенародный.

Очень тщательно проработал заключительные фразы раздела и скорректировал выводы: «Ошибка наших товарищей (зачеркнуто: “при ссылке на Ленина и Сталина”) состоит в том, что они *не видят разницы между культурой и* (было: “смешивают культуру с”) языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном *тем же языком* (было: “без изменения”) в течение *нескольких* (было: “ряда”) периодов, *одинаково* обслуживая *как новую культуру, так и старую* (было: “например, буржуазную культуру так же, как социалистическую культуру”).

Итак:

а) язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а *подтверждает* (было: “предполагает”) наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) *формула о* классовости языка есть *ошибочная, немарксистская формула* (было: “фантазия”)».

В окончательном варианте Сталин вычеркнул заключительную фразу: «Вывод: положение о том, что язык всегда был классовым, что единого общенародного языка не существует, является неправильным, ошибочным»[1120].

Третий удар

Рукописного черновика третьего вопроса: «Каковы характерные признаки языка?» – в архиве Сталина нет. Есть только два машинописных варианта, и оба со следами его работы. Наверху первой страницы первого машинописного варианта сталинской рукой написано: ***«Все надо проверить – с начало»*** (так в тексте. – *Б. И.*)[1121]. В этом разделе речь идет фактически о самом главном, о понятии – что есть язык? Казалось бы, с него и надо было начинать, так как разница между многочисленными лингвистическими направлениями и школами (как и в любой другой науке) сосредоточена именно в области трактовки центрового понятия, то есть предмета исследования. Если представление о языке свести к его грамматическому строю, отодвинув все остальное на второй план, то компаративисты XIX века будут, безусловно, правы, заявляя о медленной исторической эволюции любого языка. Если же во главу угла брать социолингвистические и историко-культурные аспекты, то правоту Марра о революционных семантических взрывах трудно опровергнуть. Как в сталинское, так и в наше время получили мировое признание с десяток научных трактовок понятия и моделей порождения и развития языка от психологических (Лакан), философских (Гуссерль, Кассирер, Мерло-Понти и др.), социологических и до формально-логических и информационно-кибернетических. Но к 50-м годам советская гуманитарная наука была наглухо изолирована от остального мира и под присмотром партийного аппарата вынуждена была вращаться в кругу давно обветшавших идей. Наш же герой, будучи в научном смысле совершенным дилетантом, бесстрашно дал «единственно правильный»: «Ответ. Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей

общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка.

Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и (“в соединении слов”, сначала это было зачеркнуто, а в окончательном варианте восстановлено. – *Б. И.*) в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе… *Следовательно*, без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество *прекращает производство*, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык (“есть” – зачеркнуто), *будучи орудием общения, является вместе с тем* орудием борьбы и развития общества»[1122] и т. д. Сталин, как колдовскую формулу, **двенадцать раз** (!) повторил связку «язык – общество». Ничего принципиально нового по сравнению с первым разделом статьи ни в плане идей, ни в плане аргументации в этом разделе не найдем. Вновь раз за разом он манипулирует понятием об основном словарном фонде, *«куда входят и все корневые слова, как его ядро. Он гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов. Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык*»[1123]. В первом варианте он несколько раз пытался сформулировать эту мысль, прежде чем остановиться на приведенном тексте. Это лишний раз доказывает, что Сталин самостоятельно формулировал основные положения статьи и сам письменно оформлял не принадлежащие ему соображения. Например, как будто внезапно открывшуюся только ему одному великую истину сообщает (в первом варианте), казалось бы, тривиальное, почерпнутое из обычного словаря или учебника: «Грамматика, грамматический строй языка представляет собрание правил об изменении слов, собрание правил о сочетании слов в предложении и, таким образом, дает человеческим мыслям облечься в материальную языковую оболочку»[1124]. На самом деле именно здесь он попытался скрыто применить открывшуюся только ему истину: «Язык – материя духа». Оказывается, именно грамматика дает

«человеческим мыслям облечься в материальную языковую оболочку». Затем, видимо, понимая, что доказать прямую связь между грамматикой и развитием человеческого мышления затруднительно, Сталин зачеркивает текст и на полях пишет: «*Не то*». Затем тут же на полях и поверх старого текста небрежно, нечетко и с помарками нехотя набрасывает явно взятое из учебника: «*Грамматика (морфология, синтаксис) есть собрание правил об изменении слов и сочетании слов в предложении*». И тут же добавляет: «*Язык получает возможность облечь человеческие мысли* в материальную языковую оболочку». После этого перечеркнул ранее написанную фразу «Не то». Значит, теперь добился желаемого. От кого и как «язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую (?) оболочку», непонятно. С небольшой редакторской правкой текст вошел во второй вариант статьи и в публикацию[1125].

Затем Сталин на нескольких страницах на разные лады говорит о великой роли грамматики и вновь и вновь об общественной надстройке и базисе, об уже давно обозначенном им месте языка в этой системе и вновь о невероятной живучести национального языка[1126]. Для того чтобы простой читатель легче уяснил связь между «словарным составом языка» и его грамматикой, Сталин прибегает к сравнениям и аналогиям. В одном случае он сравнивает словарный состав языка со строительными материалами, которые, по его мнению, сами по себе ничего не значат, но они «получают величайшее значение», когда поступают «в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложении и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер»[1127]. Такое впечатление, что Сталину кто-то устно растолковал роль грамматики, а он это толкование изложил на бумаге для миллионной читательской аудитории «Правды»[1128]. В другом случае Сталин в полном соответствии с классической компаративистской доктриной заявил, что «грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель *громадных* успехов мышления»[1129]. «В этом отношении, – уточнял он, – грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения *каких-то конкретных предметов,* а как отношения *тел*

вообще, лишенные *какой бы ни было* (зачеркнуто: “всякой”) конкретности». В окончательном варианте вернул: «всякой конкретности»[1130]. (Все же удивительно, как писатель Солженицын угадал некоторые мыслительные ходы вождя!)

Все более входя в новую роль «корифея языкознания», Сталин не удержался и в последнем варианте приписал карандашом после такого вывода: «Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд *составляют основу языка, сущность его специфики.*

Некоторые историки вместо того, чтобы объяснить это явление, ограничиваются удивлением. Но для удивления нет здесь каких-либо оснований. Устойчивость языка объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда»[1131]. По большому счету, здесь уже нечего анализировать. Сосредоточимся на нескольких любопытных деталях. Одна из них связана с известным памятником древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и с попыткой Сталина с ходу наметить основные этапы истории развития русского языка.

«Надо полагать, – написал Сталин в первом варианте статьи, – что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный, с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем.

Дальнейшее развитие производства, зарождение классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, наконец, развитие торговли, еще более нуждавшейся в упорядоченной переписке, вызвали, по всей вероятности, большие изменения в языке. За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, внося изменения в язык. И все же язык развивался и изменялся не в порядке отмены старого и постройки нового, а в порядке развертывания и совершенствования основных элементов языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и постройки нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка»[1132]. Перечитав этот машинописный текст и сделав незначительные исправления, Сталин подчеркнул начало предложения: «**И все же**…», а

на полях сам себе написал: «*Не то*». В окончательном варианте вычеркнул середину второго абзаца и после слов «нуждавшейся в упорядоченной переписке» заново написал: «*…появление печатного станка, развитие литературы, – все это внесло большие изменения в развитие языка.* За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, *а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми.*

Однако было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового. На самом деле развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»[1133]. Далее оставил без изменения. Обратим внимание на то, что Сталин не отказался от общеизвестного факта о роли скрещивания и смешения племен в процессе становления нации. Он отрицает эту роль в развитии национального языка.

Изложив свою концепцию истории языка, Сталин еще в первом варианте решил проиллюстрировать ее яркими примерами: «Взять, например, известное произведение “Слово о полку Игореве”. Оно было выпущено в свет, как говорят, в конце двенадцатого века, в период перехода от патриархального рабства к раннему феодализму. С тех пор прошло около восьмисот лет. За это время русское общество пережило феодальный строй, капиталистический строй и построило новый социалистический строй. И все же, несмотря на это, нельзя не признать близость и родство современного русского языка с языком автора “Слово о полку Игореве”. Нельзя отрицать, что минимальный словарный фонд и существенные элементы грамматического строя языка этого произведения сохранились и живут в современном русском языке»[1134]. Как большинство сталинских примеров и даже идей, и эта иллюстрация, скорее всего, взята из арсенала марристов, но с вывернутым наизнанку смыслом. Мещанинов в уже упоминавшейся работе 1948 года «Новое учение о языке на современном этапе развития» писал: «Качественное накопление в языке новых слов, внедрение новых синтаксических оборотов и грамматических форм морфологии, в особенности при взаимном влиянии языков друг на

друга и при различных путях заимствования, могут создать новый тип языка, даже с изменениями в звуковой стороне». В качестве иллюстрации он сослался на трудности современного русского читателя в понимании языка «Слова о полку Игореве». Он утверждал, что «эти примеры подтверждают обоснованность выдвигаемых положений о стадиальном анализе, устанавливающем стадиальное состояние языка и прослеживающем пути стадиальных переходов»[1135]. Сам ли Сталин прочитал брошюру Мещанинова и заимствовал из нее пример, или автор при встрече в устной форме сослался на поэму? Возможно и то, что кто-то из антимарристов перечислил вождю излюбленные доводы противников, в том числе и этот. В то же время мне стало известно, что Сталин задолго до дискуссии интересовался этим памятником. Он постоянно проявлял интерес к древнему эпосу разных народов СССР. В воспоминаниях одного из руководителей партизанского движения в Белоруссии, относящихся к сентябрю 1942 года, я нашел такие строки: «[Сталин] В заключение сказал, что некоторые русские, украинские и белорусские ученые-филологи рассматривают “Слово о полку Игореве” как памятник своей национальной культуры. В этом видны противоречия. А никакого противоречия тут нет. Этот памятник возник тогда, когда еще общеславянское дерево не разделилось на три могучие ветви: русскую, украинскую и белорусскую. Поэтому исследователи в России, на Украине и в Белоруссии, естественно, видят в “Слове о полку Игореве” истоки своего языка»[1136]. Отсюда видно, что Сталин задолго до дискуссии был знаком с памятником и уже тогда трактовал проблемы происхождения языка в компаративистском духе (разделение «общеславянского дерева» и т. д.). Правда, в статье он попытался свести происхождение памятника только к русскому народу. Такая трактовка будет господствовать в России вплоть до наших дней.

Однако Сталина явно что-то смущало в этом примере, и в первом машинописном варианте, поработав главным образом над стилем, а также попытавшись связать язык «Слова» с языком Пушкина, он вновь раздраженно написал на полях: *«Не то»*[1137]. В окончательной редакции Сталин вновь вернулся к этой части статьи и пытался использовать ее для собственной периодизации истории русского языка: «*Если взять для иллюстрации историю русского языка, то ход*

развития русского языка от древности до наших дней можно было бы набросать, примерно, в виде следующей схемы:

а) от родоплеменного языка, сложившегося еще задолго до эпохи рабства, когда русский язык мало отличался от других славянских языков, – к языку "Слово…" (конец 12 века). Это уже не родоплеменной язык, а язык разных племен, ставших русской народностью, отделившихся от других славянских языков и ставших самостоятельными. Он, вероятно, значительно отличается от старого родоплеменного языка, и по богатству словаря и по развитости грамматическ. строя. Но большинство корневых слов старого языка вошло в основной словарный фонд нового языка, а главные элементы грамматического строя старых язык. не уничтожены…» Затем поразмыслил и рядом дописал полюбившуюся мысль еще раз, обвел ее карандашом и сделал знак вставки: «*Но элементы грам. строя, почти все корневые слова "Слова" сохранились даже в совр. русск. языке*»[1138]. Но ни пункта «б», ни других пунктов больше не последовало. Сталину очень хотелось походя, как это и пристало корифею, набросать схему истории русского языка от «Слова» до Пушкина и современности. Не исключено, что кто-то из консультантов отсоветовал ему давать такого рода периодизацию, указав на спорность датировки «Слова», изобилующего тюркоязычными словами. Во всяком случае, в окончательном варианте Сталин от идеи периодизации истории русского языка отказывается и при этом вычеркивает всякое упоминание о поэме. Видно, как он колеблется и сначала простым карандашом берет весь абзац о «Слове» с двух сторон в квадратные скобки. Затем, поразмыслив, зачеркивает их, то есть решает все же оставить текст. Через какое-то время окончательно перечеркивает его жирными линиями цветного карандаша.

Вращаясь вокруг все тех же много раз высказанных идей и одних и тех же имен классиков, Сталин все в большей степени сводил свой научный трактат к привычной форме директивного документа. Если в первом и особенно во втором разделе работы он опровергал марристов путем простого перетолковывания в свою пользу тех же самых цитат из классиков, то в третьем разделе он уже решил опровергнуть одного из них. Лафарг, которого широко и положительно цитировал в 30-х годах, к 50-м годам утратил для него свой авторитет. Сталин дописывает от

руки по поводу уже не раз опровергавшейся им ранее идеи «языковой революции»: «Марксизм не признает *внезапных* взрывов в развитии языка, *внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка. Лафарг был не прав, когда он говорил о "внезапной языковой революции, совершившейся между 1789 и 1794 годами" во Франции (см. брошюру Лафарга "Язык и революция"). Никакой языковой революции, да еще внезапной, не было тогда во Франции. Конечно, за этот период словарный состав французского языка пополнился новыми словами и выражениями, выпало некоторое количество устаревших слов, изменилось смысловое значение некоторых слов, – и только. Но такие изменения ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке – его грамматический строй и основной словарный фонд. Но грамматический строй и основной словарный фонд французского языка не только не исчезли в период французской буржуазной революции, а сохранились без существенных изменений, и не только сохранились, а продолжают жить и поныне в современном французском языке. Я уже не говорю о том, что для ликвидации существующего языка и построения нового национального языка ("внезапная языковая революция"!) до смешного мал пяти-шестилетний срок, – для этого нужны столетия»*. Весь этот текст Сталин собственной рукой переписал слово в слово из второго в третий окончательный вариант статьи[1139].

Знаменательна для позднего сталинского мышления еще одна вставка о роли революций в истории общества. Еще в первом варианте он решил дать новую установку в понимании этого вопроса: «Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся "взрывами", что закон о переходе от старого качества к новому путем взрыва нельзя считать всеобъемлющим законом общественного развития. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов». Доказательством этому, утверждал Сталин, является коллективизация сельского хозяйства в СССР как пример «революции сверху». Здесь не место доказывать, что Сталин был слаб в диалектике, как и в философском мышлении вообще. Все это он сам же убедительно продемонстрировал в сборниках «Вопросы ленинизма» и в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Однако обратим внимание на то, что Сталин, выступая против революционных взрывов, демонстрирует хорошо

известный житейский феномен, – очень часто бывший революционер, добившись к зрелости личных благ и общественных высот, становится яростным, радикальным реакционером. Его радикальная «революция сверху» (новое закрепощение крестьян в колхозном строе; ГУЛАГ как современная форма государственного рабовладения; неограниченная капиталистическая эксплуатация рабочих на государственных предприятиях и т. д.), поэтапно и кроваво проводившаяся с середины 30-х годов, получила, наконец, литературное оформление. В окончательном варианте статьи Сталин эту мысль усилил, зачеркнув неряшливые и абстрактные рассуждения о законах перехода от старого качества к новому, и написал так: *«…теория внезапных взрывов неприменима не только к истории развития языка. Она не всегда применима также и к общественным явлениям базисного или надстроечного характера»*[1140]. В окончательном тексте, заменив слово «*характера*» на слово «*порядка»,* Сталин продолжил свою «антидиалектическую» и (без кавычек) реакционную мысль: «Он (закон диалектики. – *Б. И.*) обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8–10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве *нашей страны* переход от *буржуазного индивидуального* крестьянского строя к *социалистическому,* колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый *буржуазный хозяйственный* строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, то есть не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого *буржуазного строя в деревне* к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»[1141].

Лукавит «Великий» коллективизатор, индустриализатор и вдохновитель культурной революции в СССР – все эти революционные изменения хотя и проводились по инициативе сверху, но проводились они методами насилия, принуждения и вопреки воле масс. «Социалистические» преобразования 30-х годов – это серия подрывов общества, раз за разом перемалывавших и калечивших его базис и надстройки, включая языки, способы мышления и культуру народов СССР.

Затем Сталин нанес очередной и окончательный удар по марровской теории скрещивания языков: «Говорят, что многочисленные факты скрещивания языков, имевшие место в истории, дают основание предполагать, что при скрещивании происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Это *совершенно* неверно. *Скрещивание языков нельзя разсматривать* (так в рукописи. – *Б. И.*), *как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.*

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании (зачеркнуто: “скажем, двух языков”. – *Б. И.*) один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»[1142].

Напомню, Маркс допускал возможность скрещивания языков, в результате которого появляется новый (английский). Здесь Сталин воспроизвел общепринятую в среде лингвистов теорию взаимодействия языков, хотя еще во времена Марра и под влиянием его воззрений взаимовлияние, ведущее к «схождению» соседствующих языков, признавалось Н. Трубецким и с определенными оговорками А. Мейе. В наше время как о бесспорном факте сообщают о формировании на протяжении последнего столетия так называемых языков пиджинов, или креольских языков. Они первоначально возникли как подсобные языки – посредники между европейскими колонизаторами и населением Экваториальной Африки, Новой Гвинеи и Южной Америки. Ни для тех ни для других эти языки не были родными. Они были стихийно скрещены и первоначально обладали крайне упрощенной грамматикой и ограниченной лексикой. И то и другое было заимствовано из различных языков с самыми несопоставимыми строями одновременно. Сейчас таких языков насчитывается несколько десятков, и они все более уверенно приобретают статус полноценных развивающихся языков[1143]. И если такое явление происходит на наших

глазах и всего лишь на протяжении одного столетия, то не может быть никаких сомнений в том, что еще более мощные процессы «схождения» и «расхождения» языков, этносов и культур переживало человечество на протяжении нескольких миллионов лет своего развития.

Указав на то, что единственный путь – это победа одного языка над другим, Сталин решил привести в качестве примера историю русского языка: «Так было, например, с русским языком, с которым скрещивались *в ходе исторического развития* языки ряда других народов *и который* (здесь Сталин вычеркнул, видимо, надоевшую ему самому формулу об основном словарном фонде и грамматическом строе. – *Б. И.*) выходил всегда победителем.

Конечно, словарный состав русского языка пополнялся при этом за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, *обогатило и* усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствовался по внутренним законам своего развития.

Не может быть сомнения, что теория скрещивания не *может дать чего-либо серьезного* советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, *но* даже не ставит ее, – она *просто не замечает или не понимает ее*»[1144].

Четвертый сокрушающий удар

От начала и до конца статья Сталина антимарристская. Даже когда он формулировал вопросы, то обращал их лично к Марру и к его конкретным сторонникам, участникам дискуссии. Но, завершив работу над первыми тремя вопросами, Сталин решает придать ей большую масштабность, не сводить ее пафос только к личности Марра. Поэтому он убирает всякое упоминание его имени из формулировок вопросов, то есть делает их обезличенными, а в тексте вместо конкретного обращения «понимает ли это товарищ?» пишет обезличенно – «товарищи».

«Вопрос. Правильно ли поступила “Правда”, открыв свободную дискуссию по вопросам языкознания?» Сталин написал последним, что видно из его собственноручной надписи на заглавном листе архивного экземпляра: «*4) О языкознании. Перепечатка четвертого вопроса*»[1145]. Странно, но по какой-то причине в архиве Сталина в рукописи сохранился только этот ответ на четвертый вопрос. Возможно, что другие ответы Сталин первоначально надиктовал стенографистам, а затем уже работал с машинописными распечатками, то есть рукописей попросту не было. Во всяком случае, ответ на четвертый вопрос написан сталинской рукой от начала и до конца. Судя по тому, что правки на этих экземплярах очень мало, Сталин, с ходу набросав текст, видимо, остался им сразу же доволен. С психологической точки зрения и вопрос и «Ответ. Правильно поступила» очень занятны. Интересно, мог бы Сталин ответить на свой вопрос так: «Нет, неправильно поступила»? Сталин упорно продолжает играть роль стороннего наблюдателя, одного из участников дискуссии, усердно делая вид, что не он ее главный заводила. Поскольку он всего лишь один из многих, то был вправе ответить на этот вопрос «группы товарищей из молодежи» так: «В каком направлении будут решены вопросы языкознания, – это станет ясно в конце дискуссии. Но уже теперь можно сказать, что дискуссия принесла большую пользу»[1146]. Иначе говоря, дискуссия продолжается и его мнение как будто нерешающее.

Но далее этот раздел статьи и по стилю и по сути сплошной обвинительный приговор «подсудимому» Марру и его подельщикам. Как и положено, в судебном приговоре сначала идет часть, констатирующая пункт за пунктом состав преступления, а затем сам приговор:

«Дискуссия выяснила, прежде всего, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках, господствовал режим несвойственный науке и людям науки». Не могу не отметить еще раз судебно-процессуальный стиль и дух написанного Сталиным документа. Здесь и оборот «дискуссия выяснила»: аналогично – «суд установил», и термин «органы языкознания», и, самое главное, страшные для людей сталинской эпохи обличительные и обвинительные интонации вождя. Им констатировалось, что представители «нового учения» в языкознании пресекали всякую

критику своего учителя, не давали административного хода научным противникам и выдвигали только тех, кто безоговорочно принимал учение Марра, и даже «самовольничали» и «бесчинствовали». В качестве наглядного примера неслыханного бесчинства Сталин (как мы помним с подачи академика Мещанинова!) указал на переиздание «Бакинского курса» лекций Марра, якобы в свое время забракованного самим автором из-за неполноценного содержания, а не по причине безобразного полиграфического исполнения вычурного марровского языка и его сложнейшей транскрипции.

Российский исследователь М. Леушин недавно обнаружил интересный документ, имеющий отношение к «Бакинскому курсу». С 1946 года начало издаваться шестнадцатитомное собрание сочинений Сталина. Партийные деятели так были очарованы научно-лингвистическими успехами вождя, что решили, разумеется, не без его ведома, включить все его языковедческие статьи в очередной том собрания. В связи с этим Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б), под грифом которого издавались труды Сталина, обратился с запросом в Академию наук. На запрос был получен приводимый ниже ответ:

«7 января 1952 г.

№ 339–0

Директору Института Маркса – Энгельса – Ленина

при ЦК ВКП(б) тов. Поспелову.

В ответ на Ваше письмо от 2 января с.г. № 010/5 сообщаю, что книга акад. Н. Я. Марра, известная под названием “Бакинский курс” и упоминаемая И. В. Сталиным в работе “Относительно марксизма в языкознании”, имеет следующее название:

“Яфетическая теория. Изд. Вост. фак-та Азерб. гос. ун-та. Баку 1928». VIII+156 стр.

Книга отдельно больше не переиздавалась, так как сам автор был против этого. После смерти автора (1934) весь текст ее в 1936 году был перепечатан во 2-м томе “Избранных работ” Н. Я. Марра, изд. Гос. академии истории матер. культуры (стр. 3–126).

Вновь вопрос о переиздании “Бакинского курса” был поднят в Институте языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР в 1949 г. Предполагалось включить этот курс (без дополнения, составленного С. И. Ковалевым, – Избр. раб. Т. II, стр. 111–119) в однотомник избранных

сочинений Н. Я. Марра (под редакцией проф. Г. П. Сердюченко), который должен был быть пособием для студентов по курсу “нового учения о языке”, введенного (кажется, с 1948 года) в программы филологических факультетов университетов. Книга не была подготовлена профессором Г. П. Сердюченко в срок (к 1 января 1950 г.) и в июне 1950 г. была снята с плана еще до организации Института языкознания. Было снято с плана и 10-томное собрание сочинений Н. Я. Марра под редакцией акад. И. И. Мещанинова, в которое “Бакинский курс” также должен был войти.

Насколько мне известно, в 1948–1950 гг. “Бакинский курс” широко рекомендовался студентам как пособие по обязательному курсу “нового учения о языке”, и знание его требовалось на экзаменах. Более точные сведения об этом может дать Министерство высшего образования СССР. Конечно, студенты могли пользоваться только текстом 2-го тома пятитомника, так как первое (“бакинское”) издание было всегда библиографической редкостью. Дополнение С. И. Ковалева (Избр. раб. Т. II, стр. 111–119), очевидно, не рекомендовалось, но было вполне доступно студентам.

Ученый секретарь Института языкознания СССР

(*Б. В. Горнунг*)».

«Несмотря на столь авторитетное разъяснение, – пишет Леушин, – ситуация с “Бакинским курсом” Марра полна, на наш взгляд, неясностей.

В. М. Алпатов сообщает: “Единственная попытка изложить новое учение студентам, так называемый бакинский курс (1926)… был забракован самим автором, не позволявшим печатать его при жизни”, и ссылается как на источник сведений на книгу В. А. Миханковой.

Однако Миханкова утверждает лишь то, что Марр противился изданию своих лекционных курсов вообще, поскольку считал, что “не наступило еще время давать законченное изложение нового учения о языке”, перманентно им перестраивавшегося. Конкретно о “Бакинском курсе” в этом контексте нет ни слова, только значительно ниже констатируется, что “издание изобилует опечатками, искажающими временами смысл”.

Вместе с тем, по оценке Миханковой, “Бакинский курс” является “единственным составленным самим Н. Я. изложением основ нового учения о языке” и представляет собой “как бы сводку главнейших

положений нового учения о языке в тот момент, когда стало осознаваться Н. Я., что то, что говорит марксизм-ленинизм о языке, подтверждается исканиями яфетидологии”.

Таким образом, важный и значимый текст – с одной стороны, забракован автором – с другой. Существуют ли документальные свидетельства «браковки» и каковы они? На фоне отсутствия в литературе ответов на эти вопросы категорические сталинские утверждения и их основания выглядят, на наш взгляд, весьма интригующе. Более того, обрисованная выше история с “Бакинским курсом” Марра вполне может быть, по нашему мнению, связана с одной из существенных археографических загадок ушедшего века»[1147].

Никто из перечисленных авторов не обратил внимания на то, что первоисточником сталинского заявления (Марр якобы еще при жизни забраковал «Бакинский курс»), был не кто иной, как Мещанинов. Напомню его характеристику «Бакинского курса» в дискуссионной статье в «Правде»: «… лекции (“Бакинского курса”. – *Б. И.*) в остальной своей части представляли изложение, не всегда отвечающее установкам материалистического учения о языке, и сам же автор данного труда в 1931 году не дал согласия на его переиздание, находя необходимым коренную переработку. Следует отметить тут же, что по вине учеников Н. Я. Марра, отказавшихся от переиздания “Бакинского курса” как устаревшего, курс этот до сегодняшнего дня включается безо всяких оговорок в число рекомендуемых студентам пособий»[1148].

Удивительно, но еще накануне дискуссии учеником Марра называл себя именно Мещанинов. К тому же только что он дал добро на переиздание марровского курса в планируемом десятитомнике, а теперь заявил, что этот курс не вполне «материалистичен», да и сам Марр его забраковал. Напомню: читая статью Мещанинова, Сталин взял эти высказывания на заметку, а затем воспроизвел их в своей статье. Позже эти же замечания повторили Б. В. Горнунг и современный исследователь В. М. Алпатов, который приписал их уже Миханковой. Миханкова, в последние годы жизни бывшая секретарем Марра, после его смерти заведовала в Эрмитаже его мемориальным кабинетом, где хранился архив и библиотека патрона. В конце 40-х годов она издала научно-биографическую книгу о Марре, претендовавшую на серьезное

академическое исследование. Книга написана удивительно безалаберно, и очень странно, что она вообще смогла увидеть свет[1149].

Итак, вся эта история с «Бакинским курсом» восходит к широко известной статье наследника Марра Мещанинова, об истинных мотивах которого можно только догадываться. Однако остается вопрос – почему все же Марр при жизни не переиздавал свой наиболее целостный труд?

Говоря о переиздании «Бакинского курса» злокозненными марристами, Сталин делает жест, не оцененный позже Мещаниновым. Ведь такое «преступление» не могло произойти без ведома академика, поставленного возглавлять языкознание. Значит, его вина! Сталин же сформулировал это место так: «“Бакинский курс”… был, однако, по распоряжению касты руководителей (т. Мещанинов называет их учениками Н. Я. Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный “Курс” за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности тов. Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству»[1150]. Этим Сталин спас Мещанинова и его соратников от страшнейшего обвинения во вредительстве, вывел его самого из состава «касты руководителей» и учеников Марра и ни одну фамилию из числа марристов не назвал конкретно. Он знал свою систему до тонкостей и великодушно не дал ей загрызть заживо доверявших ему в течение двадцати пяти лет людей. Но одновременно теми же самыми словами он нагнал такого страха на Мещанинова, марристов и сочувствующих им, что они после опубликования работы Сталина скопом бросились отзывать свои статьи и поголовно писать покаянные письма в редакцию «Правды». По мнению Сталина, оказывается, именно марристы были виновны в зажиме «свободы критики». Пылая праведным гневом, вождь справедливо указывал, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений», а дискуссия оказалась полезной потому, «что выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги». Он явно не боялся того, что в головах некоторых ученых и простых граждан могут возникнуть некие недопустимые аналогии с его политическим режимом. Все более распаляясь, он вопрошал: почему ученики Марра «замалчивали неблагополучное положение в языкознании», почему о неразработанности проблем они заговорили только в ходе дискуссии?

«Почему они в свое время не сказали об этом открыто и честно, как это подобает деятелям науки?» Они надеются и дальше развивать «советское языкознание… на базе “уточненной” теории Н. Я. Марра, которую они считают марксистской. Нет уж, избавьте нас от “марксизма” Н. Я. Марра. Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма»[1151]. Напомню: последние две фразы Сталин в свое время вписал в один из вариантов статьи Чикобавы. Этим открывается список обвинительных пунктов, предъявленных Марру:

«Н. Я. Марр внес в языкознание… немарксистскую формулу», отнеся язык к надстройке;

«Н. Я. Марр внес в языкознание… неправильную, немарксистскую формулу насчет “классовости” языка»;

«Н. Я. Марр внес в языкознание несвойственный марксизму нескромный, кичливый, высокомерный тон…»;

«Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический…»;

«Н. Я. Марр высокомерно третирует (первоначально было – “шельмует”. – *Б. И.*) всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории “праязыка”»;

«Послушать Н. Я. Марра и особенно его “учеников”, можно подумать, что до Н. Я. Марра не было никакого языкознания, что языкознание началось (первоначально – “зародилось”. – *Б. И.*) с появлением “нового учения”»[1152].

Затем прозвучал смертный приговор яфетидологии, «новому учению о языке», стадиальной теории, четырехэлементному анализу и посмертной тени кичливого академика:

«Ликвидация аракчеевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, – таков, *по-моему,* путь, *на котором можно было бы оздоровить советское языкознание*»[1153].

На этом статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» заканчивалась. В этом виде она была опубликована в «Правде» 20 июня 1950 года.

Но, достигнув пика, уникальная для отечественной и мировой истории лингвистическая эпопея не закончилась. В течение лета 1950

года Сталин еще несколько раз публиковал в «Правде» краткие ответы на очередные вопросы.

Глава 8
Откровения «корифея языкознания»

Резонансы

Еще до того, как Сталин опубликовал в «Правде» свое произведение «Марксизм и вопросы языкознания», и еще до того, как он получил на него первые восторженные отзывы, у него не было и тени сомнения в том, что он создал очередной эпохальный и, конечно же, гениальный труд. По существу, все, что Сталин писал по этому вопросу, он делал как гонористый всезнайка, с которым к тому же никто не посмеет поспорить. Но как это ни удивительно, спорить решились – в хорах восторженных отзывов и поспешных покаяний прозвучали отдельные голоса сомневающихся. Вождь чутко их уловил и тут же отреагировал.

Сталин пользовался консультациями языковедов антимарристского крыла не столько для того, чтобы усвоить общие лингвистические идеи и разобраться в научных направлениях (с этим он, как мог, справился сам), сколько для того, чтобы сконструировать свою концепцию развития языка. Выработка «основных положений» знаменовала бы успешное «внедрение марксизма в языкознание» по-сталински. Но понимал ли он в 1950 году, что давно прошли времена Марров, Поливановых, Выготских, Покровских, Вавиловых, Бахтиных и других, смело и свободно мысливших людей, пусть и в рамках того, что именовали тогда марксизмом. Ни у одного советского лингвиста послевоенного времени не было за душой не то что своей философии языка или хотя бы глубоко продуманной частной концепции (да и не могло ее быть), но не было даже общего представления о реальной ситуации в мировой науке, находящейся по ту сторону «железного занавеса». За все годы правления Сталина были переведены всего три теоретические работы крупных лингвистов начала XX века, да и то в предвоенные годы[1154]. Объявление государственной монополии на любую научную парадигму неизбежно приводит к вырождению ее в особый псевдонаучный суррогат, в выхолощенную и очень агрессивную идеологему. Так произошло с яфетической теорией после

смерти Марра и со многими другими «марксистскими» концепциями в исторической науке, философии, литературе, биологии и т. д. Но в еще большей степени то же самое произошло со сталинской «концепцией марксистского языкознания» в последние годы его жизни, а в ослабленном состоянии продолжалось и после смерти диктатора. До последнего времени сталинские формулировки понятия языка без особых изменений воспроизводятся во всех справочных и учебных изданиях и, конечно же, без ссылок на истинного автора. Но почему-то никто не ставит или не решается ставить вопрос: в какой степени эти формулировки соответствуют не только уровню мировой науки нашего времени, но и его времени, то есть науке середины XX века? Да и имеют ли они вообще отношение к науке? Подчеркну – речь идет не только о лингвистике, а обо всей сфере гуманитарного знания, к которому почетный академик Сталин испытывал особое и вполне объяснимое пристрастие. Гуманитарным наукам во все времена угрожает нашествие дилетантов. Не случайно и Сталин оставил свой след практически во всех гуманитарных науках.

Вопрос о научном значении работ Сталина влечет за собой и другой: что, собственно, на закате сталинской эпохи, в 50-х годах XX века, могли ему предложить оторванные от мирового знания советские лингвисты, как и представители других гуманитарных дисциплин, понесшие невосполнимые человеческие потери, запуганные или духовно оскопленные официальной идеологией? Ничего, кроме давно устаревших прописей XIX века, или, как это предложил Чикобава, возвратиться к дореволюционным воззрениям Марра, к его яфетической теории, рассматриваемой в качестве ответвления традиционной индоевропеистики, использующей компаративистские методы исследования языка. Может быть, вариант Чикобавы был бы не самым худшим, скорее даже мудрым, для того времени, так как позволил бы вернуться советской лингвистике в общее русло мировой науки, не теряя при этом отдельных оригинальных разворотов и ясновидческих прозрений системной философии языка, мышления и всемирно-исторического процесса академика Марра. В это же самое время, то есть в 30–50-е годы, представители западной «буржуазной» науки, поудивлявшись и даже открыто повозмущавшись крикливыми выпадами и претензиями престарелого академика-партийца Марра, кое-что приняли к сведению, а затем развили в новые научные дисциплины

и перспективные направления: социолингвистику, кинесику, отдельные теоретические аспекты антропогенеза и этнолингвистики. Плодотворные идеи, в отличие от их авторов, не забываются. Крупнейшие европейские философы середины и второй половины XX века, идя своими путями, кое в чем подтвердили базовые теоретические установки Марра, но, что естественно, углубились в вопросы языка и мышления много дальше его.

Как бы их ни звали, консультанты Сталина были людьми, великолепно знающими конкретный материал и не менее хорошо освоившими правила жизненной игры сталинской эпохи и умеющими их использовать в полной мере. Только этими обстоятельствами, а также новыми, послевоенными идеологическими установками Сталина можно объяснить то, как настойчиво, способом методичного «вдалбливания» он пытался выдать за свою оригинальную мысль перелицованную идею марриста В. И. Абаева о существовании «основного лексического фонда» праязыка всего человечества в представление об «основном словарном фонде» отдельного национального языка. Этими же обстоятельствами можно объяснить и его безапелляционные тезисы о малой изменчивости грамматического строя языка, о несущественности для теории и истории языка семантики, кинетики, изменений исторического контекста, революционных сломов и перестроек, особенно в социальных структурах общества. Но если эти теоретические положения были подсказаны большей частью со стороны, то невозможно было скрыть то, что прямое вмешательство генерального идеолога в лингвистику знаменовало собой очередной решительный поворот от идей интернационализма к идеям национализма в текущей политике. Не поэтому ли, несмотря на предрешенный оглушающий успех публикации в «Правде», сам триумфатор все еще испытывал некоторую неуверенность и, принимая пылкие поздравления, чего-то ждал и не подавал сигнала на окончательное завершение языковедческой дискуссии. Помимо этих, для промедления у него было по крайней мере еще несколько причин.

В черновом варианте в конце статьи «Относительно марксизма в языкознании» Сталин приписал карандашом для себя, а потому небрежно составленную, несогласованную фразу, не вошедшую в опубликованный текст: «***Как внедрять марксизм***?[1155] *Не по методу*

цитат… которые цитируют всегда ***формалисты****, как начетчики, а не по…* (далее неразборчиво. – *Б. И.*)»[1156]. Видимо, автор, понимая, что цитаты классиков, включая и его собственные, много лет трактовались марристами в духе своего учителя, задумался над тем, как «внедрять марксизм» в языкознание? Подбирать новые цитаты? В этом не было ничего необычного. Такой метод «доказательств» он применял и раньше в политических схватках предвоенного времени. Но тогда он использовал свой авторитет для «единственно верной», «истинно марксистской» трактовки положений Ленина, Маркса и Энгельса. Теперь же речь шла и о трактовке его собственных сочинений. И еще несколько обстоятельств заставляли Сталина не спешить закрывать дискуссию. С одной стороны, нужно было дать сторонникам Марра возможность публичного покаяния и отречения от своего кумира, без чего политическое значение языковедческого действа умалялась. С другой же стороны, оставались некоторые важные вопросы, на которые Сталин не дал ответов, поскольку не знал их, или дал так, что сразу же после публикации понял, что написал «не то». Итак, завершение дискуссии откладывалось.

Никакое воображение сейчас не поможет представить то, что творилось в умах и душах миллионов рядовых советских читателей, раскрывших свежий номер «Правды» с дополнительными листами, где была обнародована языковедческая статья Сталина. Лишь спустя много лет кое-кто из них припоминал при случае тогдашнее и последующее свое состояние. Вот что я однажды прочитал в «Литературной газете» в самом конце 80-х годов XX в. В ней была помещена беседа писателя В. Л. Кондратьева и историка академика А. М. Самсонова в связи с публикацией книги К. Симонова «Глазами человека моего поколения». Корреспондент газеты, филолог по образованию А. Егоров отвлекся от темы и сам предался воспоминаниям: «Я – октябренок, пионер, комсомолец – до 54-го был сталинистом… Только потом понял (как и сверстники), какой узколобый марксизм, какое скверное языкознание, какую усеченную филологию нам “преподавали”. И всю оставшуюся жизнь – доселе – вытравливаешь из себя сталиниста, догматика, незнайку – это после Ленинградского университета»[1157]. Я адресую эту реплику тем, кто периодически задается вопросом: а нет ли все же в языковедческих, как и в других, работах Сталина особо глубокого, не всем доступного научного смысла, который привел к возрождению

советского языкознания и филологии? О его первой языковедческой работе «Марксизм и вопросы языкознания» я пока все, что мог, сказал. Поразмышляем над теми событиями и писаниями вождя, которые последовали за этой публикацией.

Еще не успела просохнуть типографская краска на листах «Правды» со статьей Сталина, а в ЦК раздались звонки и посыпались записки к главному редактору «Правды», одному из высших руководителей пропагандистского аппарата партии М. А. Суслову, с просьбой разрешить перепечатать сталинскую работу. Суслов тут же испросил разрешения наверху:

«Товарищу Сталину.

Редакции центральных газет обращаются с просьбами разрешить перепечатать статью товарища Сталина “Относительно марксизма в языкознании”, опубликованную в газете “Правда” 20 июня 1950 г.»[1158]. Поскольку тогда на всю огромную страну насчитывалось всего семь центральных газет, то все семь редакций и обратились в ЦК за разрешением. Но они его не получили.

И если сейчас с трудом можно представить то, о чем думали миллионы читателей «Правды», каждый в отдельности и все в совокупности, то о том, что происходило в недрах пропагандистского аппарата, узнать не сложно. Архивные документы рисуют стремительные метаморфозы, происходившие с учеными – участниками дискуссии, в особенности с теми марристами, кто послал свои статьи в газету (или еще раньше, в 1949 году, в Агитпроп ЦК), но по непонятным им причинам так и не был напечатан. Все это становится нам известно из сообщений информаторов (стукачей), действовавших в академической среде, обобщенные сводки которых Ильичев периодически представлял Сталину.

В предыдущих разделах я не случайно сравнивал психологию поведения и карандашную графику Сталина накануне и во время языковедческой дискуссии с его стилем и графикой времен войны. Сводки Ильичева с «языкофронта» очень напоминают разведданные, полученные из охваченных паникой штабов, застигнутых врасплох, а затем разгромленных частей врага. Еще накануне марристы предвкушали свою победу. После публикации статьи Чикобавы Сталину была представлена первая такая сводка за 21–25 июня 1950

года с реакцией пока еще уверенных в себе наиболее сановитых марристов:

«Отзывы читателей “Правды” о статье Арн. Чикобава “О некоторых вопросах современного языкознания”.

Акад. А. В. Топчиев – главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР.

“В части критики некоторых положений Марра автор во многом прав. Но много в его статье и неверного. Известно, что наши прогрессивные ученые признают труды Марра, написанные им в 30-х годах. То, что написано им прежде, отвергается. Наши прогрессивные лингвисты вели борьбу с Чикобавой, расходясь с ним в оценке ряда коренных вопросов языкознания, и, очевидно, они выступят на страницах “Правды” в порядке дискуссии”»[1159]. Напомню, что Топчиев в 1948–1949 годах по указанию сверху стал одним из дирижеров новой волны истерии по поводу «марксистского», тогда еще марристского языкознания. Пока же он явно не подозревает, откуда ветер дует. Через несколько дней он не мешкая, «на всех парусах» развернется «по ветру», то есть на сто восемьдесят градусов. Другой официальный маррист Н. С. Чемоданов заявил, видимо, в каком-то узком кругу, что с радостью узнал о начале дискуссии, но статья Чикобавы – это шаг назад. Необходимо дать слово лингвистам разных направлений, в том числе В. Виноградову, Т. Ломтеву и др.[1160]. Примерно то же заявил и маррист Ф. П. Филин, заместитель директора Института языка и мышления, добавив, что у Марра, конечно, есть ошибки, но не это у него главное. В сводке Ильичева представлена информация о мнении и других лингвистов, которые в большинстве признавали справедливость критики Чикобавой поэлементного анализа, но в целом продолжали считать Марра научно более состоятельным[1161].

Но вот что мы узнаем из информации, легшей на стол Сталина на следующий день после публикации уже его собственной статьи: «Из сводки т. Ильичева № 1 от 21 июля. Разговор т. Ильичева с профессором С. П. Толстовым, директором Института этнографии Академии наук.

Толстов заявил т. Ильичеву, что “статья тов. Сталина – это переворот в языковедении. Только теперь языкознание получает правильное направление, а то мы все до сих пор блуждали в трех

соснах”. (Нечего и напоминать о том, что Толстов, как и вся официальная этнография, до 20 июля 1950 года находился под сильнейшим влиянием марризма. – *Б. И.*)

Затем попросил вернуть ему его статью. Редакция вернула ему ее. Он обещал написать новую статью, исходя из указаний тов. Сталина»[1162]. Это был первый признак начала беспорядочного бегства марристов с «языкофронта» и массового отзыва своих статей, ранее направленных в редакцию «Правды».

В последующем информационном письме, озаглавленном «Отклики на статью товарища Сталина», были собраны мнения почти всех заметных советских лингвистов из разных лагерей. Сообщалось, что академик В. В. Виноградов заявил: «В статье раскрыты понятия, в которых до сего дня путались лингвисты. Взять, например, вопрос об отношении языка и надстройки. Все мы заблуждались в этом деле. Все основные вопросы развития языкознания получают теперь блестящее направление»[1163]. И действительно, кто, кроме Сталина, посмел бы заявить, что язык отныне не относится ни к базису, ни к надстройке общества. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» в главе «О диалектическом и историческом материализме», которую он сам в основном написал и отредактировал, Сталин процитировал известное место из «Критики политической экономии» Маркса: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства, от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним». Исходя из этой формулировки Маркса, можно ли было отнести язык к базису, то есть к «экономическим условиям производства»? Конечно же, нет. Поэтому Марр и связал язык с более динамичной надстройкой, с идеологией, а если брать более широко – с мышлением. Другое дело, что и экономика (как и любая другая общественная деятельность) не способна развиваться вне сферы языка, или, употребляя современные термины, без информационных и коммуникационных средств, в том числе и без образов и идей (мышления). Поэтому заявление Маркса о естественно-научных приоритетах в экономике кажется ныне чересчур

категоричным. Ко времени описываемых событий Сталин уже лет пятнадцать размышлял над тем, чтобы написать учебник по политэкономии социализма. С начала 30-х годов он с карандашом в руке проштудировал не менее десятка изданий учебника по политэкономии А. А. Богданова. Будучи в силу самому себе выделенных полномочий еще и экономистом-практиком, Сталин отлично знал о значительной доле человеческого субъективизма и, конечно же, творчества, лежащей в основе различных экономических моделей и практических мероприятий. Сразу же после завершения языковедческой дискуссии 1950 года он активизирует работу над учебником по политэкономии социализма и вновь выступит в качестве корифея, но уже этой специфической дисциплины.

О том, что язык нельзя однозначно отнести только к надстройке, наверняка понимало большинство трезвых марристов и компаративистов, но они ни под каким видом не смели об этом говорить. Сталин же в статье снисходительно сказал «можно» и – те и другие прозрели. Из той же информации Ильичева явствует, что «маррист» (теперь этот термин я сознательно беру в кавычки, так как явных марристов после публикации статьи Сталина на просторах СССР почти не наблюдалось) профессор Т. П. Ломтев (МГУ) заявил: «Многие языковеды, в том числе и я, чувствовали, что язык не является надстройкой над базисом, но никто прямо и четко не высказал этого»[1164]. Близко по смыслу высказался и академик АН Украины Л. А. Булаховский. Профессор Н. Чемоданов из МГУ с горечью признал: «Основная моя ошибка заключается в том, что я неправильно, не марксистски рассматривал язык как общественную надстройку над базисом, ошибочно отождествлял язык с общественной идеологией и понимал его как классовое явление. Я неправильно оценивал теорию Н. Я. Марра о языке как марксистскую в своей основе и считал, что она является, если освободить ее от отдельных ошибок, генеральной линией развития науки о языке… Новый гениальный труд товарища Сталина…» и т. д.[1165]

Но в большинстве своем ученые мужи спешили показательно плюнуть в спину изгоняемой из сонма гениев тени Марра, а заодно и в свое собственное прошлое. Еще поспешнее старались успеть восхищенно ахнуть перед новым «корифеем языковедения». Профессор Казанского университета А. А. Введенский заявил, прочитав

сталинскую работу: «Это документ исторической важности. С его помощью будет преодолен застой в советском языкознании». Небезызвестный уже нам профессор Г. П. Сердюченко, заместитель директора Института языка и мышления имени Н. Я. Марра, также внезапно прозрел: «Должен сказать, что мы вели советское языкознание не туда, куда надо. Это ясно показала исключительно четкая и справедливая критика Марра и его последователей товарищем Сталиным»[1166]. Всего лишь несколько дней назад он, с воодушевлением ведя советское языкознание «не туда, куда надо», не без основания рассчитывал занять ведущее место среди «истинных» последователей Марра.

Сталину сообщали: все «марристы», и не только лингвисты, понимая, чего от них ждут, не только громко каются, но и спешно отзывают свои статьи из «Правды». Из Алма-Аты пришла телеграмма С. Аманжолова: «В связи со статьей товарища Сталина признаю свою дискуссионную статью ошибочной, прошу не публиковать»[1167]. Прислал телеграмму и профессор Чиковани из Тбилиси, последовательный «маррист»: «Прошу не публиковать мою статью по вопросам дискуссии и возвратить ее обратно»[1168]. Известный уже в те годы ленинградский археолог и палеоантрополог П. И. Борисковский телеграфировал: «Статья товарища Сталина “Относительно марксизма в языкознании” заставила меня пересмотреть мои взгляды на значение работ Н. Я. Марра, так как эти взгляды оказались во многих отношениях ошибочными. Прошу в связи с этим не печатать мою статью “В защиту учения о стадиальности и палеонтологии речи”, присланную мною в “Правду”»[1169]. Прозрел и сразу же убедился в ошибочности своих старых выводов будущий академик, а тогда еще доктор исторических наук археолог А. П. Окладников. Даже ученые, не имевшие отношения к гуманитарным наукам, – физики, математики и др., и те посылали свои антимарристские верноподданнические приветствия. Вряд ли кто побуждал их к этому. Хочу здесь еще раз подчеркнуть, что термин «маррист» в моей работе носит абсолютно условный характер и относится только к тем, кто в свое время публично заявлял о приверженности к «новому учению о языке». Не менее условен и термин «компаративист» по отношению к исследователям, не придерживавшимся теории Марра. Я использую эти термины в том же самом смысле, как их применяли сами участники событий к своим

противникам, то есть всего лишь как формальные ярлыки, не имеющие прямого отношения к истинным взглядам и концепциям.

Любой, кто получал всю эту информацию о состоянии деморализованных ученых, понимал, что продолжать дискуссию не имело никакого смысла. В связи с этим 2 июня 1950 года, накануне выпуска очередного листка в «Правде», Ильичев направил напоминание:

«Товарищу Сталину.

Редакция “Правды” подготовила заключительный дискуссионный листок. В него вошли, главным образом, статьи, присланные в редакцию после опубликования в “Правде” статьи И. Сталина “Относительно марксизма в языкознании”. Кроме того, редакция представляет на Ваше рассмотрение проект сообщения “От редакции” об окончании дискуссии по вопросам советского языкознания.

Редакция просит Вас разрешить опубликовать заключительный дискуссионный листок 4 июля.

Л. Ильичев»[1170].

Отметим: вновь в недрах аппарата ЦК, в том числе в редакции «Правды», никто не подозревал о том, что вождь разохотился и готовит свою новую публикацию. В то же время никаких значительных работ в заключительном выпуске печатать никто не собирался. Это видно по тому вкладышу, который вышел 4 июля 1950 года. Помимо новой статьи Сталина, было опубликовано двенадцать небольших писем и заметок, авторы которых дружно прославляли гений вождя вперемешку с покаянными репликами бывших «марристов». В ставшем уже обычном уведомлении, «От редакции», сообщалось, что «сегодня в “Правде” публикуются статьи, поступившие в редакцию в связи с дискуссией по вопросам советского языкознания.

…В редакцию поступило более двухсот статей ученых, преимущественно языковедов, – работников научно-исследовательских учреждений и учебных заведений Москвы, Ленинграда, Украины.

Почти все участники дискуссии пришли к выводу, что наше языкознание находится в состоянии застоя и нуждается в правильном научном направлении»[1171]. Затем, кратко напомнив сталинское замечание о пользе дискуссии, об аракчеевском режиме, установившемся в советском языкознании, редакция заявила, что

дискуссия закрывается. Среди тех материалов, которые были опубликованы в этом номере дискуссионного листка, упомянем заметки-панегирики Сталину: академика В. Виноградова «Программа марксистского языкознания», «Ясная перспектива» академика из Казахстана Н. Суранбаева, приветствия академиков: В. Шишмарева, С. Обнорского, Л. Булаховского, Г. Церетели. Как и обещал Ильичеву, профессор С. Толстов прислал в редакцию текст новой статьи «Пример творческого марксизма», в которой, в частности, писал: «Нечего греха таить – я, как и большинство из нас, занимающихся этими вопросами историков, археологов, этнографов, антропологов, – сочувственно относился к теории акад. Н. Я. Марра. За шумом и треском пропаганды марристов, за резкой по форме “критикой” расизма, наложившего – это бесспорно – сильный отпечаток на языковедческую работу за рубежом, за “критикой” “праязыковой теории”, давно уже вступившей – это тоже бесспорно – в резкое противоречие с объективными историко-археологическими и этнографическими фактами, мы не сумели раскрыть псевдомарксистской вульгаризаторской сути теории Марра»[1172]. Автор, безошибочно определив новую расстановку сил на языковедческом фронте, отдавая должное вождю, решительно потеснил возможного нового претендента в малые лингвистические вожди, то есть Чикобаву: «Никто из выступавших до товарища Сталина участников дискуссии не сумел рассмотреть основного порока теории Марра. Больше того, профессор А. Чикобава, которому принадлежит несомненная заслуга постановки со всей резкостью вопроса о многих вопиющих провалах теории Марра, оценил порочное учение Марра о языке, как надстройке над базисом, как единственный положительный вклад Марра в марксистско-ленинское языкознание. Между тем, как подчеркивает товарищ Сталин, в этом положении Марра – главный порок его теории»[1173].

Здесь же опубликовано «письмо в редакцию газеты “Правда” академика И. Мещанинова: “Большинство из нас, советских языковедов, и в первую очередь я, были настолько твердо убеждены, что язык представляет собою надстроечные явления, что даже не давали себе труда вдуматься в то определение надстройки и их отношения к базису, который содержится в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Отсюда вытекает ошибочность и многих других наших теоретических положений”»[1174]. Повторил свои устные

покаяния и профессор Н. Чемоданов: «Новый гениальный труд тов. Сталина является огромным событием, поворотным моментом в развитии общественных наук»[1175].

Казалось бы, чего еще надо? Но Сталин был натурой страстной. Слишком легкая и потому формальная победа его не удовлетворяла. Как это часто бывало и в других серьезных начинаниях, он не хотел и не мог так просто взять и остановиться, перейдя к очередным эпохальным мероприятиям.

Почетный академик отвечает на вопросы аспирантки Е. Крашенинниковой

На третий день после опубликования статьи «Марксизм и вопросы языкознания», то есть 23 июня 1950 года, Сталин вместе с очередной сводкой Ильичева получил письмо, аккуратно написанное округлым девичьим подчерком, от преподавателя и аспирантки Московского городского педагогического института имени Потемкина Е. Крашенинниковой. На письме стоит дата – «22.6.50 г.». По своей ли инициативе написала молодая аспирантка это письмо? Почему и каким путем именно ее, а не чье-нибудь другое послание так быстро попало в канцелярию вождя и легло на его стол? Письмо шло меньше суток. Если я правильно разобрал регистрационный штамп – оно поступило в ЦК в 09 часов 23 июня, то есть рано утром следующего дня[1176]. Даже в те строгие времена обычная почта с такой скоростью не доставляла корреспонденцию, и еще менее вероятно то, чтобы письмо обычным порядком в течение всего лишь нескольких часов было вручено непосредственно Сталину. Каким образом аспирантка успела крайне лаконично и явно продуманно написать без единой помарки это письмо, кратко сформулировав пять вопросов, на которые как будто бы уже были даны ответы в сталинской статье? Предполагаю, что письмо в основных его пунктах было кем-то подсказано молодой преподавательнице-языковеду. Причем это могло быть сделано загодя, еще до появления первой сталинской публикации в «Правде». Нельзя исключить и того, что по первоначальному плану основное сталинское выступление в «Правде» должно было состояться в форме ответа именно на это письмо «группы товарищей из молодежи», символически возглавить которую назначили Крашенинникову. Но по каким-то

причинам сценарий был изменен. По смыслу и аргументации первое и второе послания Сталина во многом перекрывают друг друга. Похоже, что в ответах Крашенинниковой Сталин вновь, как и в предыдущем случае, сам себе задал вопросы на важные для него темы, но не от имени анонимной группы «из молодежи», а от реального подставного лица и его «товарищей». У меня почти нет сомнений в том, что «Ответ» Крашенинниковой был заранее спланирован и именно по этой причине Сталин не поставил вопрос об исчерпанности дискуссии в своей первой статье и до последнего момента не давал на это согласия по запросу Ильичева. Сразу же после выхода второй статьи не все, даже просвещенные, читатели смогли разобраться, в чем тут дело. Так, Б. Б. Пиотровский, один из молодых тогда «марристов», в своих воспоминаниях, вышедших в середине 90-х годов XX века, писал: «Исход дискуссии был неясен до 20 июня, когда **в двух номерах газеты была напечатана большая статья И. В. Сталина** (выделено мной. – *Б. И.*) в форме ответов на вопросы»[1177]. Так что для участников и наблюдателей со стороны исход дискуссии до появления статьи Сталина действительно был абсолютно неясен, а две разные его статьи, написанные на одни и те же темы, воспринимались как единое целое.

В преамбуле письма к вождю Крашенинникова с чувством писала:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Примите горячую благодарность за Вашу статью о языкознании. Мне, молодому советскому языковеду, радостно думать, что Вы придаете такое большое значение науке, которой я решила посвятить свою жизнь.

Ваша статья внесла ясность в основные вопросы теории языкознания, она, безусловно, ляжет в основу советской науки о языке. При обсуждении Вашей статьи я и мои товарищи встретили еще ряд вопросов, по которым очень хотелось бы знать Ваше мнение»[1178]. Преамбула не вошла в текст «Ответа» Сталина, но вопросы были полностью из письма перепечатаны. По привычке Сталин сам или кто-то из секретариата предварительно отчеркнул их на полях письма Крашенинниковой карандашом.

В архиве Сталина сохранилась рукопись статьи «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой» на шести листах[1179] без существенных исправлений и три ее

машинописных экземпляра с незначительными вставками и правкой автора[1180]. Над «Ответом» Сталин трудился дней пять-шесть, так как 29 июня 1950 года он направил очередное уведомление членам Политбюро о своем новом языковедческом эдикте. Вот основное содержание «Ответа» и мой комментарий к нему:

«Ответ товарищу Е. Крашенинниковой.

Тов. Крашенинникова!

Отвечаю на Ваши вопросы.

1. **Вопрос.** В Вашей статье убедительно показано, что язык не есть ни базис, ни надстройка. Правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису и надстройке, или же правильнее было бы считать язык явлением промежуточным?»[1181] Казалось бы, Сталин исчерпывающе ответил на этот вопрос в первой статье, недвусмысленно заявив, что язык нельзя отнести ни к базису, ни к надстройке. Всего лишь неделю назад он писал: «…сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична»[1182]. Но Сталин вновь обращается к той же теме, мимоходом скрытно корректируя сам себя:

«**Ответ.** Конечно, языку как общественному явлению свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе и базис и надстройка… Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями… Они состоят в том, что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности, как в области производства, так и в области экономических отношений, как в области политики, так и в области культуры, как в общественной жизни, так и в быту. Эти особенности свойственны только языку…»[1183]

Строго говоря, эти особенности свойственны не только языку. Точно так же, как язык, все общество в целом «обслуживают» и общественное производство (экономика), и политика, и культура, и наука и т. д. Другое дело, что роль экономики (общественного производства), как и любой другой сферы, в жизни каждой отдельной

социальной группы, в жизни отдельного класса людей, в жизни отдельного человека, очень разная. Она качественно отличается не только в смысле большего или меньшего вклада в ее развитие, но и в плане потребления плодов общественного производства, и это при том, что экономика действительно «обслуживает» все общество в целом. К. Маркс разработал свою знаменитую схему взаимоотношений базиса и надстройки главным образом для того, чтобы обосновать материально-производственную доминанту в историческом развитии человечества, подразумевая тогда под ней доминанту социально-экономическую. На самом же деле в качестве такой доминанты может быть избрана любая составляющая общественного организма, рассматриваемая как «способ производства», где знак, слово, символ, гештальт, эйдос используются как орудия или средства производства. Это может быть «производство» политики, культуры, быта, религии (идеологии) и – более узко – литературы, балета… Ко второй половине XX века наука вплотную подошла к тому, чтобы всю культуру человечества рассматривать как многоуровневый текст (сообщение) производимый с помощью специфических языков, грамматик, правил, символических форм. Похоже, что Марр догадывался об этом и следил за мировой тенденцией. Он, как умел, делал первые шаги в сторону будущих открытий в области семиотики, семантики, культурной антропологии, этнологии, информатики. А вот искать решающую доминанту общественного развития («главное звено в цепи» – Ленин) было свойственно не только Марксу и марксизму, но практически всем политическим, историософским и иным научным учениям XIX–XX веков, в том числе и в лингвистике. Отсюда декларации о приоритете то грамматики, то семантики, то социолингвистики и т. д. Казалось бы, Сталин, заявив, что отныне «язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек», сделал шаг к более глубокому пониманию природы языка. На самом же деле он в гораздо большей степени упростил картину, чем это делал Марр, относивший язык к динамичной «надстройке», а главное, связавший историю языка с историей развития общечеловеческого мышления, культуры и сферой материального и духовного производства.

Между тем Сталин продолжал разъяснять аспирантке: «Его (язык. – *Б. И.*) нельзя также причислить к разряду “промежуточных”

явлений между базисом и надстройкой, так как таких “промежуточных” явлений не существует.

Но может быть, язык можно было бы причислить к разряду производительных сил общества, к разряду, скажем, орудий производства? Действительно, между языком и орудиями производства существует некоторая аналогия: орудия производства, так же как и язык, проявляют своего рода безразличие к классам и могут одинаково обслуживать различные классы общества, как старые, так и новые. Дает ли это обстоятельство основание для того, чтобы причислить язык к разряду орудий производства? Нет, не дает.

Одно время Н. Я. Марр, видя, что его формула – “язык есть надстройка над базисом” встречает возражение, решил “перестроиться” и объявил, что “язык есть орудие производства”. Был ли прав Н. Я. Марр, причислив язык к разряду орудия производства? Нет, он был, безусловно, не прав.

Дело в том, что сходство между языком и орудиями производства исчерпывается той аналогией, о которой я говорил только что. Но зато между языком и орудиями производства существует коренная разница. Разница эта состоит в том, что орудия производства могут производить материальные блага, но те же люди, имея язык, но не имея орудий производства, не могут производить материальных благ. Не трудно понять, что если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были самыми богатыми людьми в мире»[1184].

Любой психиатр отметит: ирония – самый верный признак здоровой и адекватной психики. Сталин любил подтрунивать. Иногда простодушно, но чаще зло – многозначительно. А это уже настораживает, учитывая, что объект иронии не смел адекватно ответить вождю. Поэтому для большей убедительности психиатр предпочтет отмечать случаи иронии, обращенной на самого себя, то есть самоиронию. А вот с ней у Сталина было плохо. Впрочем, здесь Сталин очередной раз открыто иронизирует над Марром, который неоднократно писал нечто вроде этого: «Доисторическая речь не знает еще производства слов ни по материалу, ни по технике, а лишь по функции или по социальной связности предметов или явлений в том или ином производстве, слово с одного предмета переходило на другой предмет каждого из таких кругов без всякого изменения»[1185].

Современный пример со словом «спутник»: человек, луна, космический аппарат и т. д.

Люди действительно производят слова, и их производство с древнейших времен непосредственно связано с производством материальных и духовных продуктов, а с определенного времени одно без другого просто невозможно. Именно это «производство» и имел в виду Марр. Попутно заметим также, что Сталин стал самым могущественным и самым богатым (без преувеличения, учитывая те ресурсы, которыми он распоряжался единолично) правителем за всю историю человечества, главным образом благодаря своему не очень правильному русскому языку и намного более убедительному для многих политическому языку. Фердинанд де Соссюр, один из крупнейших лингвистов-теоретиков начала XX века, на работы которого, конечно же, опирались Марр и большинство лингвистов во всем мире и с которым они же полемизировали, писал: «Высокий уровень культуры благоприятствует развитию некоторых специальных языков (юридический язык, научная терминология и т. д.)». Наличие «специальных языков» внутри общества, в свою очередь, ведет к необходимости изучать отношения «между языком и такими установлениями, как церковь, школа и т. д., которые в свою очередь, тесно связаны с литературным развитием языка, – явление тем более общее, что оно само неотделимо от политической истории»[1186]. Политический язык самого Сталина, язык сплотившегося вокруг него правящего клана, политический язык сталинской эпохи был насыщен большим количеством завораживающих слов-понятий, магических формул, жестов и манифестаций, символических знаков-действий, которые Сталин (как и многие политики мира) десятилетиями синтезировал и «производил» на исторической арене. Сюда же надо добавить особо многозначительную символику показательных судебных процессов над «врагами народа», как над живыми символами – знаками скрытой угрозы обществу, воплощения сатанинского вредительства, измены и коварства. О том, какое воздействие оказала эта «трудмагическая» знаковая (семантическая и символическая) деятельность Сталина и его соратников – «магов» на все советское общество в фантасмагорический «период построения социализма в СССР», включая материальное и духовное производства, ныне знает каждый. Нечего и напоминать о том, что такие «болтуны» и «маги», как

Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, О. де Бальзак, блаженный Августин, да и К. Маркс, наконец, и многие другие «производили» в особо большом количестве именно слова, символы, знаки и смыслы. И если бы можно было просуммировать все то, что столетиями во всем мире благодаря им «зарабатывают» люди в процессе общественного обмена символами и смыслами, то более богатых представителей человеческого рода, чем эти «болтуны» и «маги», мы бы не нашли. Марр как будто предвидел будущее, эту саркастическую сентенцию Сталина, и в 1932 году, «отвечая» на нее, писал: «Никакой Крез, никакой британский или американский банк, никакой национальный или международный капитал не содержит такой громады накоплений, накоплений всего человечества за время его человеческого творческого существования, как язык, разумеется, неразрывно с мышлением и со всеми теми способами выявления мышления, которые получились в надстроечном мире, в процессе развития языка»[1187]. Конечно же, Сталин ни о чем подобном не думал и не подозревал о том, в «какую неоглядную даль» (Марр) шагнули уже в его время семантика и семиотика, как и все науки о языке, речи, мышлении и роли символизма в материальной культуре человечества. Тем более он и помыслить не мог то, что «вульгаризатор» марксизма, впадший в «идеализм» (Марр), в своем понимании роли «производства» и «обмена» в развитии человеческого общества в большей степени был марксистом, чем рациональный, но творчески ограниченный Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

Еще в первой статье именно сам Сталин прямо сравнил язык, слово с орудием, в том числе с орудием производства. Он писал: «Язык, принципиально отличаясь от надстройки, не отличается, однако, от орудий производства, скажем от машин, которые так же безразличны к классам, как язык, и так же могут обслуживать как капиталистический строй, так и социалистический»[1188]. Тогда же он добавил: «Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания… язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»[1189]. Здесь я хочу напомнить наш разговор о брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в которой он писал: «Бауэр тут хотел доказать, что “язык – это важнейшее орудие человеческого общения”»[1190]. Совпадение очевидное. Цитата

извлечена Сталиным из книги «Национальный вопрос и социал-демократия» известного немецкого марксиста и, согласно ленинской терминологии, «оппортуниста» О. Бауэра. Она была издана на русском языке в 1909 году. Сталинская же работа была опубликована в начале 1913 года. Как мы видим, Сталин в 1950 году от своего имени дал определение языка, ставшее затем общепринятым в советском языкознании, конечно же, не упомянув ни одного из своих предшественников. Бауэр не проводил прямой аналогии между орудийной функцией языка (знака) и орудием материального производства. И Марр этого не делал, а использовал более тонкие аналогии и рисовал более сложную картину становления орудийной функции языка и ее связи с развитием материальной и духовной культуры человечества. Он говорил о языке как об «орудии исторической», «доисторической и протоисторической общественности»[1191], то есть о становлении социальной функции языка в процессе развития человеческого общества. Он не соглашался с чересчур прямолинейными высказываниями марксистского историка М. Н. Покровского, который, как я отмечал ранее, поддержал некоторые историко-лингвистические идеи Марра. Последний в ответ заявлял: «Проф. М. Н. Покровский в “Очерках истории русской культуры” говорит: “Единственным научно ценным принципом при выделении из общекультурной массы и районов культурного развития является принцип лингвистический: культуру определяет язык, главнейшее необходимейшее орудие культурной передачи, орудие, без которого культура просто немыслима”. С такой ролью лингвистики мы как будто должны бы согласиться… С М. Н. Покровским не расходятся, очевидно, и археологи, занимающиеся историей материальной культуры». В то же время, продолжал Марр, «мы считаем несколько преувеличенным такое исключительное выдвигание лингвистики в роли строительницы истории культуры, но с положением самим мы отнюдь не спорим», поскольку язык есть «не только орудие общественности… язык сам есть создание общественности»[1192]. Так что никакой вульгарной трактовки орудийной функции языка, отождествляемого с орудием материального производства, у Марра никогда не было, хотя именно на это напирал Сталин и антимарристы, включая их современных представителей. Я не исключаю того, что Сталин, обнаружив в марровских писаниях слово «производство», мог

добросовестно заблуждаться, не улавливая многозначности применяемых терминов типа «производство», «орудие», «труд», «общественность» и т. д. Сталин понимал их так, как они трактовались в классической марксистской политэкономии. Марр же расширительно использовал эти понятия, говоря об исторически обусловленном производстве языка-мышления в процессе орудийно-производственной деятельности общественного человека и обратном влиянии мышления-языка на развитие материальной орудийной деятельности. Иначе говоря, язык, мышление и труд во всех его проявлениях, в том числе деятельность словотворческая (глоттогоническая), рассматривались Марром в единстве общественно-исторического процесса. В духе времени он не забывал указывать и на то, что «язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени потому и является “мощным рычагом культурного подъема”, что он – незаменимое орудие классовой борьбы»[1193]. В данном случае Марр скрыто цитировал самого Сталина 30-х годов. Впрочем, мысль о том, что язык, слово есть средство борьбы в сфере общественного сознания, кому бы она ни принадлежала, справедлива во все времена.

«Язык-мышление» или «мышление и язык»? Ответ Сталина и ответ Марра

Затем Сталин ответил на второй вопрос Крашенинниковой:

«2. **Вопрос**. Маркс и Энгельс определяют язык как “непосредственную действительность мысли”, как “практическое… действительное сознание”. “Идеи, – говорит Маркс, – не существуют оторванно от языка”. В какой мере, по Вашему мнению, языкознание должно заниматься смысловой стороной языка, семантикой и исторической семасиологией и стилистикой, или предметом языкознания должна быть только форма?»[1194]

В первой статье Сталин уже пытался осторожно дать оценку семантике (семасиологии), отводя им второстепенную роль в изучении языка по сравнению с грамматикой и фонетикой, следуя в этом вопросе за традиционной лингвистикой конца XIX века, а точнее – за мнением Чикобавы. Но как раз семантика (семасиология), а именно анализ «семантических пучков» и реконструкция истории значений, были любимыми детищами Марра. Судя по контексту, основной источник, из

которого Сталин черпал знания об этих областях, был пятидесятый том БСЭ первого издания. В современном архиве Сталина этот том отсутствует, но среди остатков его библиотеки он сохранился. В пятидесятом томе БСЭ о семантике сказано крайне скупо, зато отдельно и подробней сказано о семасиологии, причем трактовались эти понятия в марровском духе. Похоже, что этим и объясняется настороженное и даже пренебрежительное отношение Сталина к важнейшему и интереснейшему разделу лингвистики, которым после выступлений Сталина в 1950 году в СССР практически перестали заниматься. Автором и этих статей в БСЭ была все та же Р. О. Шор. О семантике Сталин почерпнул из БСЭ следующее: «Семантика (*греч*. semantikos – имеющий значение, выразительный), лингвистический термин, обозначающий: 1) смысловую сторону языка в целом или его отдельных элементов (слов, частей слов); 2) отдел языкознания, изучающий значение слов. См. Семасиология»[1195]. О последней говорилось подробнее: «Семасиология (*греч*. semasis – образованное от sema – знак и logos – слово, наука), раздел языкознания, изучающий значения слов и изменения этих значений». Затем кратко излагалась история дисциплины от Платона до начала XX века. В качестве вершины, которой достигла семантика к XX веку, указывалось учение Марра, связавшее изменения значений слов-понятий с историей общества и с его социальной (классовой) структурой, а мы добавим, то есть то, что позже на Западе стали называть «социолингвистикой». «Тем самым, – писала Шор, – С. приобрела особую важность среди других разделов науки о языке». Для подкрепления тезиса об особо марксистском характере семантических изысканий Марра автор процитировала то же самое высказывание классика, которое шестнадцать лет спустя процитировала Крашенинникова в письме Сталину: язык есть «практическое… действительное сознание» и т. д. Кроме того, Шор привела формулировку «закона функциональной семантики Марра» и подкрепила его наиболее яркими марровскими иллюстрациями, подтверждающими, что «при сохранении социальной функции название обычно переносится на новый предмет»[1196].

Из всего этого для Сталина стало ясно одно – речь идет о смысловой стороне слова и языка и то, что именно Марр настаивал на приоритете изучения семантики и семасиологии перед грамматикой языка. Марр даже как-то, горячась, заявил, что изучение исторической

грамматики вообще пустое занятие. Такого рода хлесткие заявления академика Марра отмечал и Чикобава в своей застрельной статье. Сталин, не рискуя вдаваться в обсуждение достоинств и недостатков семантики как науки, тем не менее, не колеблясь, и ей указал «подобающее место»:

«**Ответ.** Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкознании подобающее (! – *Б. И.*) ей место.

Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные, никоим образом нельзя переоценивать ее значение и тем более – нельзя злоупотреблять ею. Я имею в виду некоторых языковедов, которые, чрезмерно увлекаясь семантикой, пренебрегают языком как "непосредственной действительностью мысли", отрывают мышление от языка и утверждают, что язык отживает свой век, что можно обойтись и без языка»[1197].

Кусочки цитат из работ классиков марксизма, перекидываемые оппонентами через годы, как шарики пинг-понга через сетку игрового поля, как раз указывают на приоритет смыслового аспекта языка (мышления) в развитии общечеловеческой цивилизации. Сталин же уводит разговор от семантики в сторону обсуждения совсем иного вопроса – возможно ли мышление без языка? В связи с этим он привел выдержку из основополагающей поздней работы Марра «Язык и мышление», сознательно вырывая цитату из контекста. В то же время сам факт цитирования и иные конкретные отсылки Сталина к разным работам Марра говорят о том, что в процессе подготовки своих публикаций вождь не раз обращался к первоисточнику, а не только усваивал отдельные критические положения и цитаты из вариантов статьи Чикобавы, БСЭ и других работ участников дискуссии.

«Обратите внимание на следующие слова Н. Я. Марра, – продолжал Сталин, – "Язык существует лишь, поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления… Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжаний и имеет сместить и заменить полностью язык.

Будущий язык – мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы” (См. “Избранные работы” Н. Я. Марра).

Если эту “труд-магическую” тарабарщину перевести на простой человеческий язык, то можно притти (так в тексте. – *Б. И.*) к выводу, что:

а) Н. Я. Марр отрывает мышление от языка;

б) Н. Я. Марр считает, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления свободного от “природной материи” языка, свободного от “норм природы”:

в) отрывая мышление от языка и “освободив” его от языковой “природной материи”, Н. Я. Марр попадает в болото идеализма»[1198].

Сталин правильно определил самое важное положение позднего варианта концепции Марра и, конечно же, точно уличил его в «идеализме». Но, вырвав из контекста и без того запутанный и, как всегда, многослойный и аллегорический текст Марра, он представил академика в дурацком обличье. Воспроизведем то, что предшествовало цитате Марра в сталинской статье, рассчитывая на снисходительность современного читателя к специфической форме выражения неординарных мыслей великого косноязычного лингвиста. Беря на себя смелость давать столь высокую оценку научной деятельности Марра после уничижительной критики почетного академика И. В. Сталина и других выдающихся ученых, я всего лишь следую за академиком Б. Б. Пиотровским (и выдающимися лингвистами – сторонниками Марра), близко наблюдавшим и учившимся у Марра, а в преклонные годы вспоминавшим: «Лекции были трудными, так как гениальный ученый не всегда мог отделить второстепенное от самого существенного и слишком прямолинейно применял “историзм”, с чем было трудно согласиться. Но как историк культуры он развил учение о семантике, которое явно выходило за рамки языкознания»[1199].

Так все-таки гений или вульгаризатор и даже – шарлатан? Судите сами, постаравшись непредвзято вникнуть в марровский текст-ворожбу:

«Каков же будет язык, единый язык будущего бесклассового общества, а с ним роль мышления?

За многие сотни тысяч лет, миллиона три, сменились орудия производства стандартизированных языков, при учете мышления качественно четырех языков: ручного языка, победившего комплексный не дифференцированный пантомимо-мимическо-звуковой пиктографический со зрительным мышлением; локализовав мышление в правой руке, ручной язык взял верх и, стандартизированный, охватил весь мир; его сменил звуковой язык в первой стадии своего развития с тотемическим мышлением, космическим и микрокосмическим, развернутым в пределах возможностей ручной речи, на второй стадии – с формальным логическим мышлением, когда оно стало воспринимать мир аналитически, все более и более проникая в технику его построения и утрачивая чувства целого, синтез со сменой орудия мышления (всего тела, рук и лица, полости рта и звуков), орудия восприятия (сердца, ушей) и локализация мышления в правой руке (в сердце и, наконец, в голове).

На всех стадиях мышление неразлучно с языком, одинаково с ним изменчиво, но, будучи также одинаково с языком коллективно, мышление с языком расходится техникой, качеством, количественным охватом своей службы. Язык в действии обслуживает лишь актуальный коллектив, притом в различных пределах в зависимости от технических слуховых или зрительных средств распространения речи, тогда как для мышления физических пределов нет, пределы же замыкания – временны, поскольку они и во времени и в пространстве отодвигаются или совершенно снимаются с расширением и углублением опытных знаний. Язык подвержен воздействию окружения непосредственно или при посредстве слуховой передачи лишь в современности, а в прошлом, как и в будущем, его отношения реализуются только письмом, с определенной стадии закабалившим живой язык, а мышление, не имея иных способов выявления, как язык или его замена, не имеет, кроме пределов своих знаний, никаких препон для общения со всем миром и прошлым, и будущим: мышление, действуя как надстройка базиса, творило в ней, надстройке, собственно лепило то, чего никто не постигал, материально лепила мифы, зачатки мировоззрения и эпоса»[1200]. Затем уже шли те фразы, которые привел Сталин, но и они даны им в усеченном виде. Опущенную Сталиным фразу я выделил: «Язык существует, лишь поскольку он выявляется в звуках; действие мышления происходит и без выявления. **У языка, как звучания,**

имеется центр выявления, центр работы мышления имеет мозговую локализацию, но все это формально, особенно звукопроизводство, всегда сочетаемое с мышлением или с продукциею мышления. Язык (звуковой) стал ныне уже сдавать свои функции новейшим изобретениям, побеждающим безоговорочно пространство, а мышление идет в гору от неиспользованных его накоплений в прошлом и новых стяжений и имеет сместить и заменить полностью язык. Будущий язык – мышление, растущее в свободной от природной материи технике. Перед ним не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы»[1201].

А теперь попробуем изложить всю эту марровскую «труд-магическую тарабарщину» более понятным языком, не обращая внимания на сталинские характеристики.

Уже первая фраза Марра – сбывшееся пророчество: «За многие сотни тысяч лет, **миллиона три** (выделено мной. – *Б. И.*), сменились орудия производства стандартизированных языков». Доклад «Язык и мышление» был прочитан Марром на чрезвычайной сессии Академии наук СССР 26 июня 1931 года. В это время палеоантропологи утверждали, что древнейшие предки человека появились на Земле менее одного миллиона лет назад. И только через двадцать восемь лет, в 1959 году, открытие английского семейства археологов Лики обезьяноподобного человека в Африке (в Олдувайском ущелье) продлило возраст человеческого рода до 2 млн 600 тыс. лет – 3,5 млн лет[1202]. Палеоантрополог П. И. Борисковский, тот, кто в 1950 году спешно отозвал свою статью в «Правду», написанную в поддержку теории Марра, в 1977 году опубликовал теоретический раздел «Возникновение человеческого общества» для одноименного академического издания. Так вот в нем проблему происхождения и развития языка и мышления как важнейших признаков человеческого рода он вообще обошел молчанием[1203]. После выступления Сталина и до перестроечных дней эта тема была негласно «заморожена» не только в отечественной лингвистике, но и во многих других науках о человеке. И все же некоторые лингвисты, археологи и этнографы, в особенности те, кто был когда-то так или иначе связан с Институтом материальной культуры, формально открещиваясь от идей Марра, продолжали фиксировать правильность многих его предположений и наблюдений. Так, например, произошло не только с предсказанием древности

человеческого рода, но с важным предчувствием-наблюдением Марра о том, что по мере проникновения в древнейшую историю будет наблюдаться все большее сходство в предметах материальной и духовной культуры прачеловечества на всей территории обитаемого тогда мира. «При этом, – вторят Марру современные авторы (70-е годы XX века), – чем в большую древность мы опускаемся, тем ощутимее становятся черты сходства, но никогда это сходство не превращается в тождество»[1204]. Напомню – Марр говорил об огромном разнообразии первоначальных («племенных») человеческих языков и культур при их структурном и функциональном сходстве, включая «стандартизированные языки», типичные орудия труда и стандартные приемы обработки материалов, распространившиеся во всем мире. По мере же развития человечества, в результате многочисленных этнических и культурных смешений и расщеплений, качественных (стадиальных) общественно-экономических скачков, языки начинают все больше сходиться в то, что получило название языковой семьи и в иные лингвистические общности современного мира. Так что свою языковую «пирамиду» Марр действительно пытался поставить основанием на данные археологии.

Возвращаясь к адаптации других положений Марра, отметим, что, согласно его представлениям, языки (племенные, национальные) и мышление (общечеловеческое) развиваются и существуют, взаимодействуя, но в то же время обладают относительной самостоятельностью. При этом, в отличие от мышления, жизнь каждого конкретного языка (племенного, этнического, диалектов) ограничена во времени и пространстве, поскольку любой язык социален, а позже еще и национален. Рано или поздно любые человеческие сообщества распадаются, а вместе с ними трансформируются или умирают их языки. Языки, культуры, нации одинаково смертны. Бессмертие же человечества заключено во всеобщности и универсальности мышления. Человеческое мышление, развиваясь по собственным качественным этапам, вместе с тем ни чем не ограничено в исторической перспективе. Крашенинникова права: язык – это форма, мышление использует эту форму для своего воплощения. У Марра мышление, как гегелевский «дух», выражает себя в той или иной племенной или национальной языковой и культурной оболочке, обслужив конкретный «актуальный коллектив», обогащается за счет его. А когда этнос, язык и культура

умирают или перерождаются, мышление продолжает поступательно разворачиваться в общечеловеческом историческом пространстве, но уже в обновленных формах. Влияние гегельянской модели здесь налицо, вне зависимости от того, осознавал это сам Марр или нет.

Марр, не отказываясь от своей более ранней стадиальной классификации известных тогда живых и мертвых языков, разворачивает ее теперь в учение о четырех стадиях развития общечеловеческого мышления и соответствующих им четырех способах производства мышления, то есть о четырех принципах общечеловеческой коммуникации, **вне зависимости от того, на каких конкретных языках общались люди**.

На первой стадии развивается комплексный язык пантомимического типа, в котором неразрывно слиты звуки, мимика и жесты, телодвижения, то есть кинесика. Обратим внимание на то, что на этой стадии звуки входят в комплекс первичного общечеловеческого способа коммуникации. Этот принцип передачи социальной информации сопровождается возникновением пиктографического письма, так как он связан со становлением зрительного способа коммуникации и соответствующим ему типом мышления, базирующимся на правую руку. Второй принцип «производства» мышления – ручной, более специализированный язык, вытеснивший предыдущий нерасчлененный комплексный. На этой стадии произошла окончательная «локализация мышления» в правой руке, так как речевые центры локализовались в одном из полушарий мозга, связанном с правой рукой. «Говорящая рука» стала объектом внимания как со стороны «говорящего», так и «внимающего». Соответственно, «стандартизированный» ручной язык, как и предыдущий, комплексный, распространился по всей ойкумене. Эти два этапа хорошо иллюстрируются примерами из палеоантропологии и археологии. Марр считал: раз первобытное материальное производство имеет малую вариативность, то на таких же принципах должны развиваться связанные с этим типом производства языки (стандартизированные) и мышление. Со временем этот тип языка и формы мышления сменил следующий, третий, представленный еще очень примитивным членораздельным звуковым языком, которому соответствовал «тотемический» («космический», «микрокосмический», «магический») тип мышления в сочетании с «развернутым в пределах возможностей

ручной речи», то есть подкрепленный кинетикой. Здесь Марр широко использует данные этнографии и работы по первобытному мышлению, в частности исследования Э. Тайлора, Л. Моргана, Ф. Боаса и Л. Леви-Брюля. Наконец, наступает четвертая, современная стадия, когда зарождается и развивается формально-логическое и аналитическое мышление. На этой стадии происходят очень сложные и нелинейные изменения как в «орудиях» мышления, так и в «технике» языка и речи. В результате утрачивается «чувство целого», то есть исчезает монотонность языкотворческого процесса. Языки и культуры начинают синтезироваться в большие и самобытные языковые семьи. Именно поэтому они, согласно Марру, не могут иметь далекого общего предка. Одновременно этот процесс «схождения» сопровождается новым синтезом «орудий мышления». Современный человек мыслит и чувствует, передает свои мысли и чувства всем: «телом, руками, лицом, позой», «полостью рта и звуков». Происходит также новый синтез средств восприятия чувств и мыслей не столько с помощью глаз, рук и другого, сколько с помощью «сердца и ушей». Человечество начинает воспринимать мир все более и более аналитически, а мышление все больше локализуется в определенной части мозга и окончательно связывается с деятельностью правой руки и «сердца», то есть с материальным и духовным производством. Замечу, и Леви-Брюль утверждал, что, по наблюдениям, представители многих африканских и латиноамериканских автохтонных племен его времени «говорят и думают руками». Мы еще вернемся к «говорящим» и «думающим» рукам и мимической речи. Похоже, что Марр предугадал и то, что в человеческом роде господствующая праворукость оказалась связана с развитием левого полушария головного мозга, ответственного за аналитическое, вербальное мышление.

Членораздельный фонетический язык, воспринимаемый слухом, возникает на довольно поздней стадии развития человечества, а в прошлом язык был связан со зрительным способом передачи информации, в том числе с письмом, «закабалившим живой язык». Мышление же человека не связано намертво, то есть генетически (биологически), ни с каким конкретным языком, и поэтому человек «не имеет… никаких препон для общения со всем миром и прошлым, и будущим». И действительно, на каком бы языке человек ни общался и каким бы способом ни выражал свои мысли, он благодаря

универсальности мышления способен постичь любую информацию, любые знания любого общества, любой культуры прошлого и настоящего. Если бы это было не так, то тогда бы каждому новому поколению людей и тем более каждому новому народу или цивилизации пришлось начинать свою историю заново – открывать огонь, колесо и т. д. до бесконечности. На самом же деле люди разных эпох и разных культур в гораздо большей степени способны понять друг друга и обогатиться за счет понимания, чем это силятся доказать западноевропейские и доморощенные теоретики национализма и расизма, толкующие о якобы врожденных этнических и расовых «ментальных» структурах. И дело здесь не только в древних языках или письменности, которые в большинстве с успехом реконструируются, расшифровываются и читаются. Главное – это способность человека научиться мыслить и понимать все то, что понимал и мыслил другой, когда бы и где бы он ни жил. Лучше всех осознает универсальность общечеловеческого мышления историк, поскольку именно он в своей деятельности постоянно сталкивается с проблемой понимания в самых разных ее проявлениях и осложнениях.

Что же касается будущих обществ, то здесь мы знаем (и Марр об этом говорит) только то, что человек способен бесконечно развивать свои познавательные возможности, то есть мышление. Язык материален, он «существует, лишь поскольку он выявляется в звуках», жестах, на письме, а мышление может протекать «и без выявления», то есть беззвучно и без иных видимых проявлений. Марр напоминает: речевая деятельность имеет определенную локализацию в человеческом мозге, но эта локализация не имеет прямого отношения к локализации центров мышления. Мышление, с точки зрения Марра, богаче любого способа его выражения, любого языка, а главное – значительно опережает возможности фонетического языка и в своем развитии стремится освободиться «от природной материи» – изобрести и использовать новые средства и формы, усиливающие познавательные возможности человека. И опять Марр прав: перед «ним» не удалось «устоять никакому языку, все-таки связанному с нормами природы», то есть живому голосу, слуху и зрению. Во времена Марра существовали телефон, телеграф, различные искусственные языки, применявшиеся в военном деле, на железнодорожном транспорте, было немое и звуковое кино, фонограф, радио. Освобождение «от природной материи» живого

фонетического языка шло полным ходом. До появления массового телевидения, первых искусственных информационных систем и персональных компьютеров, мобильных телефонов, Интернета, космической связи было еще несколько десятилетий. Но в 1950 году вопрос о создании искусственного интеллекта все более переходил в практическую плоскость. Как известно, именно в эти годы в СССР кибернетика была объявлена «лженаукой». Отрывал ли Марр язык от мышления? Был ли он в этом вопросе идеалистом? Да, отрывал, был, но делал он это как-то уж очень прозорливо и материалистично, хотя и стилистически путано. И прямого отношения к «школярскому» марксизму эта концепция действительно не имела, хотя Марр и «пытался казаться марксистом» (Сталин), заявляя о «мышлении пролетариата… в борьбе выковывающего бесклассовое общество». Здесь вождь прав. На самом же деле Марр творчески применял исходную и очень плодотворную марксистскую идею развития «способов производства» к истории общечеловеческого языка, мышления и культуры. В западной науке второй половины XX века, особенно во Франции, эта идея найдет независимых и блестящих приверженцев.

В своих представлениях о взаимоотношениях языка и мышления Марр, без сомнения, во многом также опирался на работы своего современника, выдающегося швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Основная работа де Соссюра «Курс общей лингвистики» была переведена на русский язык за год до смерти Марра, но он, как и некоторые российские лингвисты и психологи (Выготский), был с ней знаком гораздо раньше по первоисточнику. Фразы де Соссюра, переведенные Марром, не отличаются по стилю от авторского текста. Де Соссюр был сторонником изучения социальной и орудийной функции языка и речи. Он писал о том, что графическое изображение знака (слова) ныне так тесно переплетается со словом звучащим, что исследователи приписывают изображению большее значение, чем самому слову. «Это все равно, – писал де Соссюр, – как если бы утверждали, будто для ознакомления с человеком полезнее увидеть его фотографию, нежели лицо»[1205]. Марр в том же смысле заявлял «о закабалении письмом языка» и, как де Соссюр, призывал других изучать и сам изучал письменные и бесписьменные языки в равной степени. И так же как де Соссюр, с успехом доказывал, что многие

живые бесписьменные языки древнее письменных и даже мертвых языков. Но Марр перекликался с ним и в более существенных исходных положениях философии языка. Марр, как и де Соссюр, отвергал неизбежно природную, физиологическую обусловленность возникновения фонетического языка, отдавая приоритет обществу. Марр чуть ли не плевался по этому поводу: «Все природа, даже язык создан природой, а организованный труд? А общественность? А их творческая роль?»[1206] По целому ряду важнейших пунктов де Соссюр перекликался с Марром: «Прежде всего, вовсе не доказано, что речевая деятельность в той форме, в какой она проявляется, когда мы говорим, есть нечто вполне естественное, иначе говоря, что наши органы речи предназначены для говорения точно так же, как наши ноги для ходьбы. Мнения лингвистов по этому поводу существенно расходятся. Так, например, Уитни, приравнивающий язык к общественным установлениям со всеми их особенностями, полагает, что мы используем органы речи в качестве орудия речи чисто случайно, просто из соображений удобства; люди, по его мнению, могли бы с тем же успехом пользоваться жестами, употребляя зрительные образы вместо слуховых. Несомненно, такой тезис чересчур абсолютен: язык не есть общественное установление, во всех отношениях подобное прочим… кроме того, Уитни заходит слишком далеко, утверждая, будто наш выбор лишь случайно остановился на органах речи, ведь этот выбор до некоторой степени был нам навязан природой. Но по основному пункту американский лингвист, кажется, безусловно, прав: язык – условность, а какова природа условно выбранного знака, совершенно безразлично. Следовательно, вопрос об органах речи – вопрос второстепенный в проблеме речевой деятельности… Естественной для человека является не речевая деятельность, как говорение… а способность создавать язык, то есть систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям»[1207].

Как мы видели, Марр так же расширительно толковал понятие «язык», но, в отличие от де Соссюра, указывал не столько на относительную условность выбора человечеством способов выражения понятий (звук, графика, жест и т. д.), сколько на их общественную обусловленность и историческую последовательность (стадиальность).

Тайна символа. «Философия символических форм»

Нельзя не отдать должное хваткости ума Сталина. Немолодой уже человек, вторгшийся в совершенно чуждую ему научную область, искренне пытался вникнуть в сложнейшие философские проблемы языка. Но ум, изощренный в политических интригах и дипломатических хитросплетениях, оказался недостаточно ухватистым. Его мысль скользит по годами наработанной привычной колее, управляемая «здравым смыслом» и житейским опытом. Впрочем, не у него одного. Кто не знает о том, что человек мыслит словами? Как только мы осознаем, что мы мыслим, это происходит через осознание внутренней речи. Мы можем даже «услышать» беззвучную, немую артикуляцию своей внутренней речи. Мы «говорим» сами себе и сами с собой, как с другими. Еще Гегель подметил, как интеллектуально неразвитый человек непроизвольно проговаривает свои мысли вслух. Я думаю, что и Сталин не раз слышал непроизвольное бормотание соседа по тюремной камере, а в ссылках размышления вслух таежного охотника или рыбака. Вывод: слово и мысль суть едины. Сталин примерно это и написал: «Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникали в голове человека и когда бы они ни возникали, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей свободных от языкового материала, свободных от языковой “природной материи” – не существует. “Язык есть непосредственная действительность мысли” (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н. Я. Марр и некоторые его “ученики”, то она может принести языкознанию большую пользу»[1208].

Сталин, в отличие от предыдущих разделов, много работал над отшлифовкой первой фразы этой части. И действительно, здесь многое непонятно. «Очевидные», обыденные представления не так уж

очевидны. Мыслит ли человек «языковыми терминами» и «фразами»? Тождественна ли мысль слову или фразе? А как быть с сознательной ложью? Можно изрекать одно и одновременно мыслить совсем другое. Известно крылатое высказывание Талейрана: «Язык дан для того, чтобы скрывать свои истинные мысли и намерения». (В свое время Сталин интересовался политической биографией французского дипломата.) А Гегель говорил об «игре словами» «бессодержательного мышления»[1209]. Значит, слово – это одно, а мышление – нечто иное? Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на мощнейший пласт общечеловеческой культуры сознательной лжи и обмана, насыщенного огромным содержанием. Людвиг Витгенштейн, чья философия и логика языка представляется вершиной современной мысли, записал в своем «Логико-философском трактате»: «Язык переодевает мысль. Причем настолько, что внешняя форма одежды не позволяет судить о форме, облаченной в нее мысли; дело в том, что внешняя форма одежды создавалась с совершенно иными целями, отнюдь не для того, чтобы судить по ней о форме тела»[1210]. Здесь уместно вспомнить не менее глубокое тютчевское: «Мысль изреченная есть ложь», то есть полное тождество между мыслью и ее словесным выражением в принципе невозможно. К этому следует добавить введенное де Соссюром представление об индивидуальной внутренней речи и языке как ее внешнего, социального проявления. Так можно ли мыслить «оголено», без языка как «природной материи»? Если да, то язык действительно есть «материя духа» (под «духом» имея в виду гегелевское сознание и его же «интеллигенцию», то есть разум, мышление). Напомню, так написал сам Сталин на полях шестьдесят пятого тома первого издания БСЭ. А это, по ленинской классификации, чистейший идеализм, очень смахивающий на гегельянство и даже на «поповщину».

Среди книг, которые Сталин в течение жизни несколько раз перечитывал, была работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Когда в 1935 году она в очередной раз была издана в составе второго издания собрания сочинений Ленина, Сталин трижды прошелся по ее страницам с карандашом в руке. Как известно, Ленин считал: главное отличие между материализмом и идеализмом заключено в представлениях о том, что первично: материя или дух? При этом Ленин опирался на материалистические воззрения Маркса и

Энгельса. На одной из страниц Ленин процитировал фразу Энгельса из работы «Людвиг Фейербах», а Сталин подчеркнул в ней: «Материя не есть продукт духа, а дух **есть лишь высший продукт материи**»[1211]. Точно так же он проштудировал таблицу, заимствованную Лениным из работы Геккеля, в которой сопоставлялась «монистическая теория познания» и «дуалистическая теория познания»[1212]. Особо отметил слова Ленина: «Идеализм есть поповщина»[1213]. Поэтому для публичного большевика-материалиста Сталина все сомнения давно были разрешены – «только идеалисты могут говорить о мышлении… без языка». Но наедине он мог позволить себе поразмышлять в русле идеалистического (евангельского) дуализма – а не является ли «язык материей духа», то есть дух являет себя в слове, которое было у Бога и которое было Бог (Иоанн)? Его публичная интеллектуальная и интимная духовная жизнь была столь же расщеплена и двулична, как язык его публичных высказываний и истинное содержание мышления.

Марр действительно заявлял о возможности и даже естественности мышления вне языковых форм. При жизни эти его высказывания выслушивали отчужденно и чаще – молча, а Марр, как всегда, обижался, не способный толком объяснить, что он имеет в виду и как же это возможно. Но вот в 1923 году в Германии начинает выходить трехтомная монография ученика Эдмунда Гуссерля известного философа Эрнста Кассирера «Философия символических форм». В 1925 году вышел второй том, а в 1929 году – последний. На русский язык книга была переведена только в 2002 году[1214]. В 1926 году Марр знакомится по немецкому подлиннику со второй книгой Кассирера, посвященной языку в широком смысле слова, как различным символическим формам общечеловеческого мышления, и спешит поделиться своими впечатлениями с академическими собратьями: «В последнее время мы обрели, казалось бы, союзника в лице известного немецкого ученого философа Кассирера (Cassirer), поставившего совершенно конкретно вопрос о происхождении языка, не в пример языковедам-индоевропеистам, как научную проблему. Совершенно неожиданно для нас и независимо от нас, в его построении яфетическая теория получает поразительное подтверждение целого ряда своих положений, вплоть до одинаковой их формулировки и тождественности терминов, но и у него мы не находим вовсе внимания к социальному моменту в той мере, в какой вынуждают нас его

утверждать чисто языковые факты и наблюдения. У нас возникает сомнение, может ли воспринять философ-кантианец, тем более новокантианец, яфетическое учение об языке с признанием массовой общественности, как основного творческого фактора?»[1215]

Имя Кассирера стало известно российской научной общественности еще в 1912 году после публикации перевода его первой значительной работы «Познание и действительность»[1216]. Возможно, Марр ее читал и отсюда характеристика философа – «новокантианец». В 1922 году на русский язык была переведена еще одна книга Кассирера «Теория относительности Эйнштейна», но эти проблемы Марра, кажется, не волновали[1217]. Марр не раз ездил в Европу с докладами и до революции, и после нее, особенно часто во Францию и Германию. Издал некоторые свои труды на французском и немецком языках. Среди его непримиримых официальных оппонентов был известный французский лингвист А. Мейе, жестко критиковавший Марра в зарубежной печати, чьи работы даже в те годы публиковались в Советской России. Тогда же против Марра, помимо Е. Д. Поливанова в России и А. Мейе в Европе, выступил очень талантливый их младший современник, эмигрировавший в Чехословакию князь Н. С. Трубецкой. Как и Марр, он стал заниматься кавказскими, славянскими и другими контактными с ними языками. Как и Марр, он разработал собственные универсальные способы передачи на письме звуков речи и основал новое научное направление – фонологию. Позже Кассирер высоко оценил фонологию Трубецкого[1218] и исследования другого выдающегося лингвиста родом из России – Романа Якобсона, также негативно оценивавшего труды Марра. Судя по некоторым косвенным признакам, Кассирер мог быть знаком с переводными работами Марра или хотя бы иметь о них общее представление. Трубецкой, в отличие от Марра и примерно так же, как Поливанов, не пытался пересмотреть достижения компаративистики и не порывал с фундаментальными идеями индоевропеизма, а, напротив, развивал их на все еще новом тогда языковом материале славянских и кавказских языков. Он открыто заявил, что поставил перед собой цель, систематически изучив традиционным сравнительно-историческим методом языки Кавказа, отмести все претензии яфетической теории Марра[1219]. Мне кажется, что попытка не во всем ему удалась, но эта тема для особого рассмотрения специалистами. Во всяком случае, Трубецкой, как и

Марр, не только пришел к открытию на Кавказе, в России, на Балканах представителей различных и отдаленных языковых семей, но он обнаружил новое явление – исторически сложившиеся общности языков, не состоящих в родстве, но зримо идущих к «схождению». Думаю, что здесь прослеживается не только негативное, но и позитивное воздействие взглядов Марра, на работы которого князь иногда ссылался.

Важно отметить то, что в «Философии символических форм» Кассирера академик Марр действительно обнаружил много созвучного своим взглядам. В отличие от Сталина с его наивно-прагматическим утверждением, что человек мыслит «лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз», Кассирер говорил, что человек мыслит (и тем отличается от животных) символическими формами, а не словами и фразами. Знаковыми же системами, то есть сигналами своего «языка», пользуются и животные. Человек использует сразу множество знаковых систем (языков) для оформления всего разнообразия символического мира своего мышления. Человек мыслит не словами и не значениями, которые он вкладывает в слова и в другие семиотические системы. Он мыслит образами, или, как утверждал несколько раньше Кассирера известный социал-демократический деятель П. Юшкевич, человек мыслит «иероглифами». Ленин написал свою известную книгу «Материализм и эмпириокритицизм» в том числе и для того, чтобы опровергнуть Юшкевича и близкого ему по взглядам А. А. Богданова. Кстати, когда Богданов после революции попытался обосновать свою концепцию происхождения общечеловеческого языка, Марр по ее поводу написал небольшую разгромную статью[1220]. Впрочем, много раньше их идею о том, что человек мыслит «именами» или «иероглифами», высказывал в общей форме Гегель[1221], а до него Вико. По свидетельству же Ветхого Завета, много раньше всех земных мудрецов Бог надоумил Адама наделить все окружающее «именами». Библейское «имя» – это не знак, имя – это эйдос, образ. Так что в этом вопросе Марр находился в русле мощнейшей религиозной, научной и культурной традиции, никак не вписывающейся в ленинскую полярную классификацию. Кассирер утверждал, что не только известные способы передачи информации: жест, мимика, фонетический язык, но все явления культуры: мифология, религия, искусство, история, наука и т. д. – есть различные

системы одного и того же порядка, форматирующие мысль[1222]. Поэтому «язык и мышление» не могут быть сведены лишь к фонетическому языку и связанной с ним одной из форм воплощения мышления. При всем качественном разнообразии и даже противоположности функционирования символических форм у них единая основа – символизация. Так что в 1926 году Марр не случайно помянул Кассирера. (Не могу не отметить также, что младший современник Марра, основоположник современной культурологии американец Лесли Уайт заложил ее теоретические основы на базе той же самой способности человечества к тотальной «символизации»[1223].) Но усложненно излагая отдельные глубокие мысли и провидческие догадки и даже собирая оригинальные концептуальные конструкции, Марр так и не создал систематической, хорошо обоснованной и понятно изложенной общей философии языка, мышления и материальной культуры. Сталин был прав, когда написал, что Марр «пытался создать самостоятельную теорию языка». Но он был не прав, когда заявил, что это у него не получилось из-за методологических и идейных пороков и ошибок. Парадоксально, но факт – главным пороком научных воззрений лингвиста Марра была его неспособность изъясняться обыденным русским языком и хотя бы раз систематически изложить все элементы своей философии языка, мышления и культуры. В его архиве находятся зримые следы безуспешных попыток соединить собственные труды в некую целостность. Все, что он смог сделать, – это механически объединить разные работы разных лет в некий лекционный конгломерат.

Однако концепция Марра не исчерпывается одними аспектами языка. Не меньшее значение он придавал данным археологии, этнографии, фольклористики, истории и других наук о человеке. Не случайно Сталин не дал выступить по ходу дискуссии специалистам этих областей знания, ограничив ее лингвистами и одним малозначительным историком. Между тем концепция Марра была сильна именно своей междисциплинарностью. И как только ее ограничивают одним лингвистическим аспектом, она теряет смысл. Смысл же ее – в попытке раскрыть величайшую тайну – принципы и этапы становления человеческого мышления, выражаемого символическими формами. Объективная оценка этих сторон концепции Марра до сих пор не дана, и она ни разу не рассматривалась системно.

Рассмотрим ее подробнее в последующих разделах, имея при этом в виду, что я не являюсь ни идейным сторонником, ни научным противником Марра или других ученых, упомянутых здесь. Излагая и частично адаптируя различные философские воззрения на язык и мышление, я даже не пытаюсь ставить вопрос об их истинности или ложности. Но своего личного отношения к историческим героям этих очерков скрывать не могу.

На оставшиеся три вопроса Крашенинниковой Сталин ответил очень кратко и в том же смысле, как он это сделал в первой статье. Она опять ставила вопрос о реальности классового расслоения национальных языков, о характеристике Марра как вульгаризатора марксизма и его скрытом идеализме, о формализме присущей «школе Марра», приведшего к губительному застою в советском языкознании. Здесь заслуживает внимания только одна деталь, которой нет в первой статье. Отвечая на вопрос о классовом характере языка (о чем свидетельствуют специфические слова и выражения), Сталин для большей убедительности заявил, что таких слов «до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала»[1224]. Кто и как подсчитал этот процент, откуда он почерпнул цифру или кто ее дал Сталину, мне установить не удалось. Над изложением этого вопроса он также поработал усердно. Кроме того, в последнем варианте статьи Сталин «диалектически» после положительных слов: «Да, классы влияют на язык, вносят свои слова и выражения» – добавил негативный пассаж: «Из этого, однако, не следует, что специфические слова и выражения, равно как различие в семантике, могут иметь серьезное значение для развития единого общенародного языка, что они способны ослабить его значение или изменить его характер»[1225]. В той же «диалектической» (точнее – в схоластической) манере составил и ответ на последний вопрос аспирантки, следя за тем, чтобы положительные формулировки по отношению к отдельным «хорошо, талантливо написанным» произведениям Марра не смягчили общей резко отрицательной оценки его научного наследия[1226]. Наконец, в отличие от первой публикации Сталин более жестко охарактеризовал «аракчеевский режим» и «теоретические прорехи в языкознании», прямо указав, что «ликвидация этих язв оздоровит советское языкознание, выведет его на широкую дорогу и даст возможность советскому языкознанию занять

первое место в мировом языкознании»[1227]. Для пущей убедительности Сталин, как три гвоздя подряд, «забил» три однокоренных слова в эту заключительную фразу своей статьи.

Закончив работу над ответом Крашенинниковой, Сталин 29 июня 1950 года поручил Поскребышеву направить очередное уведомление членам Политбюро:

«Строго секретно.

29 июня 1950 г.

Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

По поручению т. Сталина посылаются Вам для сведения ответы тов. Сталина И. В. на вопросы тов. Крашенинниковой (преподавателя Московского городского педагогического института имени Потемкина) в области языкознания.

Зав. особым сектором ЦК ВКП(б)

А. Поскребышев»[1228].

Ответы были опубликованы в «Правде» 4 июля 1950 года под заглавием «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой». На следующий день уже не аспирантка, а преподаватель направила академику Сталину еще одно письмо:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

От всего сердца благодарю Вас за то, что Вы ответили на мои вопросы. Ваши ответы явились еще одним вкладом в науку о языке и наряду с Вашей статьей “Относительно марксизма в языкознании” лягут в основу советского языкознания.

Я думаю, что выражу мнение всех наших молодых языковедов, сказав, что в благодарность за Ваше внимание мы отдадим все наши силы и способности делу развития советской науки о языке.

Что касается меня лично, то я обещаю Вам осенью этого года дописать и защитить свою кандидатскую диссертацию.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, за Вашу заботу о науке и пожелать Вам бодрости, здоровья и долгих, долгих лет жизни.

5. VII.50 г.

Е. Крашенинникова»[1229].

А через месяц Сталин вызвал тень Марра на языковедческое ристалище в очередной, третий раз.

Глава 9
Языки и мышление

«Ответ тов. Санжееву», или о языке «от папы и мамы»

Итак, полемика в «Правде» закончилась. Об этом было ясно заявлено редакцией в последнем дискуссионном листке. Процесс вызволения советской лингвистики из трясины «застоя» начался немедленно после первого сталинского выступления. По давно отработанному сценарию разворачивалась работа по выявлению и разоблачению «марристов» в различных областях знания и организации локальных дискуссий в научных учреждениях. Б. Б. Пиотровский, один из тех, кого тогда понуждали каяться, позже вспоминал: «После выступления И. В. Сталина И. И. Мещанинов стал “исправлять” недостатки в советском языкознании, а для других учеников Марра наступило трудное время, от них решительно стали требовать самокритики»[1230]. Однако позабудем на какое-то время о водовороте страстей, вынужденных или сознательно совершенных сомнительных поступках, о разрушенных в одночасье личных судьбах и так же быстро воздвигнутых научных и административных карьерах. Позабудем обо всем этом на какое-то время и последуем за Сталиным как за главным источником лингво-социальных протуберанцев.

В «Правду» и на имя Сталина в Кремль стали поступать письма с безусловным одобрением всего того, что он написал. Новый титул – «корифей языкознания» – сам собой добавился к другим многочисленным титулам «отца народов». Но были среди писем и такие, в которых содержалась толика сомнений или едва заметная двусмысленность, а в иных проводились неуместные сопоставления современных высказываний вождя с теми, что были сделаны им ранее. Скорее всего, по его прямому указанию помощники эти письма отслеживали. Отвечая, Сталин несколько раз упомянул, что письма были переданы ему «из аппарата ЦК»[1231]. Отобрав несколько таких писем и подготовив ответы, Сталин, по заведенному им порядку, известил товарищей по руководству о своем очередном выступлении[1232]. А 31 июля 1950 года он опубликовал новые

«Ответы» на вопросы четырех корреспондентов – Г. Санжеева, Д. Белкина, С. Фурера, А. Холопова – сначала в журнале «Большевик» в № 14, а 2 августа та же подборка появилась на страницах «Правды». Несмотря на большой тираж «Большевика», аудитория «Правды» была все же много внушительней. Огромная масса людей вновь вовлекалась в обсуждение, казалось бы, далеких от повседневной жизни, сугубо философских и специальных научных проблем. Но еще первые большевистские вожди, из среды которых вышел и Сталин, приучили свой народ к тому, что от самого абстрактного слова до самого практического и часто тяжкого дела расстояние должно быть минимальным. Подлинную же суть происходящего понимали, конечно, не все. Вопросы, к которым он счел нужным вернуться в очередной раз, относились к проблемам: о соотношении диалектов и национального языка, о взаимоотношениях языка и мышления в связи с «языком жестов» и эволюции взглядов самого Сталина в промежутке от 30-х к 50-м годам.

Первое, самое коротенькое письмо профессора Г. Д. Санжеева не содержало явной критики. Написал его специалист в области монгольских и бурят-монгольских языков, участник дискуссии, благожелательно помянутый Сталиным в предыдущей статье. В обращении к вождю, поступившем в его канцелярию 30 июня 1950 года, Санжеев почтительно попросил подробнее изложить сталинское мнение о роли диалектов и жаргонов в формировании национальных языков:

«Как и все языковеды нашей родины, я с большим волнением и восторгом продолжаю изучать Вашу работу “Относительно марксизма в языкознании”. Особенно рад тому, что Вы одобрили наше стремление изучать семьи родственных языков. К сожалению, среди некоторых языковедов и после появления Вашей работы продолжают иметь место такого рода шатания, которые смогут снова затормозить плодотворность наших усилий в области сравнительного языкознания, ибо ревнители аракчеевского режима, созданного в языкознании, постараются, возможно, проявить себя и тут.

В связи с этим я хотел бы обратиться к Вам с просьбой разъяснить следующие вопросы, хотя, конечно, мне совестно утруждать Вас нашими мелочами.

1. Правильно ли я думаю, что Ваше положение о невозможности развития диалектов и жаргонов в самостоятельные языки, безусловно, относятся только к “классовым” диалектам и жаргонам?

2. Правильно ли я думаю, что в условиях, когда “племена и народности дробились и расходились”, соответственно **могут** дробиться и расходиться языки и диалекты, а из последних **иногда** могут получиться самостоятельные языки, как это, по-видимому, случилось с многочисленными диалектами некогда одного монгольского языка, которые около XVII–XVIII вв. дали начало образованию современных монгольских языков (бурятского, халхаского, или собственно монгольского, и ойратского или калмыцкого)?

3. Иными словами, правильно ли я думаю, что согласно положениям Вашей статьи не следует территориальные диалекты смешивать с “классовыми” и что закономерность развития этих различных диалектов тоже различна?

Проф. Г. Санжеев.

Москва, 29 июля 1950 г.»[1233]

Сталин написал ответ кратко и почти без поправок:

«Товарищу Санжееву.

Уважаемый товарищ Санжеев!

Отвечаю на Ваше письмо с большим опозданием, так как только вчера передали мне Ваше письмо из аппарата ЦК.

Вы безусловно правильно толкуете мою позицию в вопросе о диалектах.

“Классовые” диалекты, которые правильнее было бы назвать жаргонами, обслуживают не народные массы, а узкую социальную верхушку. К тому же они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиваться в самостоятельные языки.

Диалекты местные (“территориальные”), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”)

русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самостоятельность, вливаются в эти языки и исчезают в них.

Бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолоться в едином языке, оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком.

1950 г. 11 июля»[1234].

Напомню, на особой роли «классовых» составляющих национального языка настаивал Марр. Он же считал, что наличие множества диалектов одного языка подкрепляет его теорию формирования общенационального языка в результате процессов их «расхождения» и их «схождения», то есть скрещения, при котором ни один из диалектов или языков, в нем участвующих, не выходит победителем. При этом языки (диалекты), этносы и культуры никогда генетически не совпадают. Марр мыслил в масштабе истории всего человечества, значительными хронологическими категориями с использованием данных антропологии, археологии и этнологии его времени. Он не был ограничен советскими философскими установками, не ставшими еще догмами, хотя после революции искренне пытался пользоваться ими, найдя в них «многое себе созвучное». Сталин же опирался на здравый смысл, на сведения, почерпнутые из школьных учебников советской и зарубежной истории, на самостоятельно освоенную в зрелые годы марксистскую литературу и на консультации лингвистов консервативного крыла. Своей любимой наукой – историей – он интересовался только в ее социально-политическом аспекте. Его знания доисторической древности человечества не выходили за рамки полученных еще в 80-х годах XIX века в Тифлисской духовной семинарии и из современной учебной и справочной литературы.

В 1952 году Санжеев опубликовал обширную статью в сборнике, предназначенном в качестве учебного пособия для студентов МГУ, в

которой развивал идеи, изложенные Сталиным в адресованном ему письме. Опустим не нуждающиеся в объяснении комплиментарные части статьи. Повторяя раз за разом основополагающие лингвистические установки вождя о стабильности «структуры», «грамматического строя» и «основного словарного фонда» языка, Санжеев воспроизвел вывод своего респондента: «Итак, в структурном отношении национальный язык существенно и принципиально не отличается от языков – родового, племенного и народности». Во всех этих случаях язык «есть орудие общения людей, орудие борьбы и развития общества»[1235]. Вслед за Сталиным там же отмечал, что жаргоны, «не имеющие своего грамматического строя», есть «общественно-бесполезные или даже вредные ответвления от общенародного языка»[1236]. Здесь, пожалуй, следует чуть задержаться и обратить внимание читателя на то, что, не говоря открыто, все участники событий понимали после политических кампаний конца 40-х годов, что под «жаргоном» понимался не столько язык классовый, предположим аристократии, уже давно уничтоженной и говорившей к тому же не только на аристократическом жаргоне родного языка, но и на иностранном языке, как на родном. Санжеев имел в виду не профессиональный жаргон советской бюрократии или «блатной» язык лагерей и тюрем. В эпоху борьбы с «безродным космополитизмом» под «общественно-бесполезным или даже вредным ответвлением от общенародного языка» в первую очередь подразумевались идиш и южнорусский (одесский) говор. В течение нескольких десятилетий работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» входила в обязательный круг чтения чуть ли не всего грамотного населения СССР. А там, как мы помним, на первых же ее страницах можно было прочитать: «Бунд, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло да того, что “празднование субботы” и “признание жаргона” объявил он боевым пунктом своей избирательной кампании»[1237]. Так что слова «жаргон», «еврейский национализм» и «безродный космополитизм» сошлись в послевоенном общественном сознании в единый семантический «пучок». В пропагандистском языке-коде послевоенной эпохи одно подразумевало другое. В этом смысле и Санжеев помянул недобрым словом «безродный космополитизм», добавив: «С жаргонами нельзя смешивать профессиональные языки,

канцелярские, письменные языки, церковные, латынь, арабский как языки науки и религии… диалекты же и говоры являются местными или территориальными ответвлениями»[1238].

Санжеев, как и многие из тех, кто после завершения дискуссии приступил к интерпретации языковедческих трудов Сталина, вынужден был их корректировать почти по всем основополагающим пунктам, но старался это делать так, чтобы, явно не критикуя вождя, по сути, все же подправлять его грубые ляпсусы. Сталин в своих статьях несколько раз заявлял, что в основу русского языка лег орловско-курский диалект. Спустя тридцать лет известный лингвист В. А. Звегинцев по этому поводу дал следующий комментарий: «Работа Сталина не обошлась без очевидных ляпсусов, когда он касался собственно специальных проблем. Так, он привел в полную растерянность русистов, когда объявил, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект»[1239]. Справедливости ради добавим, что в целом языковедческие публикации Сталина с научной точки зрения – один большой ляпсус. А вот с точки зрения политической – очередная многоходовая комбинация, преследующая сразу несколько внутренних и внешних целей. Санжеев (так же как Виноградов и Черных в последискуссионных работах), не уставая повторять сталинский тезис о курско-орловском диалекте, все же позволил себе напомнить исторический факт – решающую роль в формировании общенационального языка играет не какой-либо один диалект, а синтезированный язык крупных городов, и чаще всего язык столиц. В периоды централизации в столичные города стихийно стекаются представители всех диалектов и говоров, а в многонациональном государстве – и носители других языков. Именно там формируются нормы, которые затем распространяются на все государство. Ясно, что это диктуется нуждами государственного управления и делопроизводства, армии, рынка, а достигается с помощью унифицированных систем образования, массовых средств информации, деятельностью учреждений общенациональной культуры, науки и т. д. Так на базе многих диалектов и других компонентов формируется, как и утверждал Марр, особый общенациональный язык. Не случайно бывший правоверный «маррист» Санжеев писал, что установить, какой конкретно диалект исторически лег в основу общенационального языка, невозможно. Другое дело, когда новописьменным народам СССР

власти свыше указали на тот или иной диалект как на основной[1240]. Не думаю, что Сталин не понимал разницы между естественно-историческим процессом образования национального языка и указным, искусственным.

Никаких «победителей» и никакой преемственности по восходящей линии от родового к племенному, а от него к современному национальному языку не может быть. Марр насмешничал, говоря, что эти представления подобны «генеалогическим построениям по типу “родословия от папы и мамы”»[1241]. Кстати, многие генеалогические модели происхождения языков внутренне как бы подразумевают, что языковые семьи восходят в конечном счете к реальным человеческим парам или к родственным семьям. В Средние века и вплоть до конца XVIII века для обоснования подобных генеалогий искали опору в библейских текстах и в особенности в библейских генеалогиях, а затем уже в конкретном этнографическом и языковом материале. Но, как мы знаем, Ветхий и Новый Заветы говорят об источнике происхождения языка совершенно иное. И Марр до революции использовал библейскую терминологию в индоевропейской интерпретации, но затем, совсем не случайно, отказался от нее. Марр был прав, указывая на то, что национальные языки сложились исторически недавно, делая при этом справедливые отсылки к Ленину, связавшему формирование нации с развитием крупных промышленных городов и складыванием единого рынка централизованного государства. Санжеев, напомнив об очевидной роли столиц – Парижа, Токио, Москвы – в формировании общенациональных языков путем смешения диалектов, лавируя между высказываниями Сталина 1950 года и истиной, подвел итог: «Можно думать, что, например, так называемый московский говор и является именно одним из говоров и авангардом курско-орловского диалекта, наиболее выдвинувшимся вперед в силу исключительной роли Москвы в истории русского народа, который вобрал в себя лучшие элементы прочих говоров как курско-орловского диалекта, так и других русских диалектов. Именно в Москве курско-орловский диалект подвергся соответствующей обработке в течение длительного времени»[1242]. Мне кажется, рассуждение о «лучших» и «худших» элементах по отношению к языку вообще лишено научного смысла и почти всегда имеет конъюнктурный оттенок. Стареющим большинством новояз, молодежный сленг, всегда воспринимается негативно. А вот недавно

научившиеся говорить и мыслить новые поколения, не утратившие еще способностей к языкотворчеству, многое воспринимают как естественное развитие своего родного языка и культуры. В любом обществе идет бесконечная борьба «отцов и детей», в результате которой одновременно и развивается, и консервируется **«материя» духа**.

*** * ***

Возвращаясь к ответу Сталина Санжееву, напомним, что последний был специалистом в области монгольского и бурятского языков. Из «Ответа» видно, что Сталин об этом знал и даже каким-то образом, пусть и поверхностно, ориентировался в современной ситуации с монгольскими языками. Это наводит на мысль, что письменное обращение Санжеева могло быть также инспирировано самим Сталиным или теми, кто ему помогал. Но я совершенно точно знаю, что Сталин в силу государственной необходимости постоянно обращался к справочной и исторической литературе перед тем, как решать важные политические, дипломатические, военные или иные задачи в том или ином регионе земного шара. В его время Монгольская Народная Республика была даже не политическим сателлитом СССР, а фактически его составной частью, чуть приукрашенной суверенной символикой. В архиве Сталина есть материалы, которые весьма убедительно показывают, как Сталин и его наркомы сажали, снимали и уничтожали руководителей этой республики, служившей как бы моделью для обращения с руководителями стран будущего «социалистического лагеря». До войны Сталин последовательно уничтожил нескольких лидеров МНР, пока не остановился на Ю. Цеденбале. Поэтому вождь имел неплохое представление не только о политической ситуации в МНР, но и о ее экономике, культуре, этнографии, истории. Очень кратко обо всем этом говорилось в одном из томов БСЭ, вышедшем в 1938 году, где, в частности, упоминалось и имя профессора Санжеева как крупнейшего специалиста-монголоведа. Не могу не отметить, что одним из тех исторических героев древности, о которых Сталин отзывался в высшей степени положительно, был Чингисхан.

Особенно примечательно то, что в письме Санжееву, известному специалисту именно в монгольских языках, Сталин без тени смущения поучающе указал на современные монгольские диалекты в качестве примера «распада» некогда единого языка. Судя по «ответу» Санжеева на «Ответ» академика Сталина, профессор был человеком тонкого ума. В промежутках между комплиментарными фразами он упомянул об административном введении русского алфавита взамен древней системы «вертикального письма»[1243]. Двусмысленно в одном абзаце сказал о вредном влиянии чужой речи и языка вообще и о положительном воздействии на монгольский язык «передового русского языка»[1244]. Затем обрисовал сложную историко-лингвистическую ситуацию: «Своеобразное положение сложилось в Монголии маньчжурского периода (XVII–XIX вв.), где церковным языком издавна был тибетский (с XIV в.), официально-канцелярским преимущественно маньчжурский (особенно в VIII–XIX вв.), письменным – классическо-монгольский, в основу которого лег один из монгольских диалектов XII–XIII вв., а народно-разговорным языком – халхаский диалект»[1245]. Он сообщил, что во время войны 1941–1945 годов была предпринята попытка упростить языковую ситуацию в стране вводом русской графики для «оформления нового, современного монгольского литературного языка»[1246]. Но, отмечал Санжеев, реформа мало что решила: «Практически получается, таким образом, что монголы и буряты за последние послереволюционные годы перешли не со старых литературных языков на новые, а только со старого алфавита на новые, созданные на основе русской графики»[1247]. Иначе говоря, вместо сближения языка и письменности, их демократизации, ничего не решив, получили дополнительные проблемы для различных поколений монгольского народа. В сходном положении оказались и другие ранее реформированные языки и письменность некоторых народов СССР, перешедших, в частности, с арабской письменности на кириллицу. Как показывает история культуры некоторых народов СССР, такие «перебивки» в графике могут быть не только бесполезны, но и вести к частичной потере культурной преемственности.

Расистские и нацистские интерпретации происхождения языка и нации

Мы подошли к главному пункту всей лингвистической эпопеи, не утратившему эмоциональной остроты и в наше время. Сталин не мог не знать ни в 30-х, ни тем более в послевоенных 50-х годах о расистских и националистических тенденциях в западноевропейской науке второй половины XIX – первой половины XX века, в конечном счете вылившихся в расовую политику фашистских и национал-социалистических режимов. Этот вопрос требует особого и более тщательного рассмотрения именно в связи с марровским «новым учением о языке» и в контексте инициированной Сталиным лингвистической дискуссии 1950 года. Напомним также, что Сталин, редактируя статью Чикобавы, особое внимание уделил вопросам взаимоотношений расовой теории, интернационализма, индоевропеизма и «нового учения о языке». И они действительно имеют некое общее поле проблем. Поскольку имя Марра ассоциировалось с интернационалистическими идеями, борьба на «языкофронте» 1950 годов фактически была направлена против них. Отметим, что одной из проблем, бурно обсуждавшейся в конце XIX – начале XX столетия, была проблема биологической взаимосвязанности нации, языка и культуры и оценки факторов чистоты или ассимиляции, гибридизации и метисизации с другими нациями, языками, культурами. В зависимости от позиции по отношению к «расовой проблеме» приоритет отдавался или биологическому, или социальному факторам.

Фундаментальные проблемы происхождения народов, проблемы общей генетики и селекции будоражили умы не только биологов и антропологов, но и психологов, социологов, политиков, публицистов, историков. Книги Г. Лебона и Г. С. Чамберлена[1248], заложившие основы «расовой теории», широко издавались до революции и в России[1249]. Близких к ним взглядов придерживались и некоторые русские деятели XIX века, в частности некоторые народники. Ленин в ранней работе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократии?» с характерным сарказмом прокомментировал одну из отечественных разновидностей теории происхождения наций: «Итак, национальные связи – это продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности, гласит эта доктрина прописей, состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества,

дескать, семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство». Сталин, повторив в 1929 году основные положения своей дореволюционной национальной доктрины, процитировал этот ленинский текст[1250].

Марр хорошо был знаком со всем кругом проблем и аргументацией представителей расистского направления в культурологии и лингвистике его времени, в том числе и по первоисточникам. Это видно при знакомстве с его работами. Я уже упоминал, что выдающийся генетик-ботаник XX века Н. И. Вавилов проводил свои широкомасштабные исследования происхождения и распространения культурных растений в значительной степени под влиянием этно-лингвистических идей и аналогичных путешествий Марра. Сохранилось его письмо Марру от 9 февраля 1923 года, имеющее прямое отношение к рассматриваемой теме:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

В отделе прикладной ботаники и селекции С.-Х. ученого комитета в Петрограде (Морская, 44) мы очень интересуемся изучением вопроса происхождения и географии культурных растений. Главным образом мы подходим к этому вопросу чисто ботанически, но нередко для выяснения генезиса культурных растений много дает лингвистический метод.

Узнав от проф. Берга и от некоторых из Ваших учеников о Вашем интересе к вопросам происхождения культурных растений, мне хотелось бы быть Вам, во-первых, полезным в деле выяснения некоторых ботанических затруднений, которые у Вас могут встретиться, а затем, в свою очередь, обсудить с Вами некоторые из интересующих нас проблем. Между прочим, одно из растений, которое нас очень интересует, это вид пшеницы Тритикум дикоккум, вид вымирающий, возделывавшийся прежде в большом количестве, в особенности в Египте, в Малой Азии и в настоящее время сохранившийся в культуре только в Среднем Поволжье у чувашей, мордвы, отчасти татар, в Сербии, у армян в Армении, на Кавказе и в Персии и у басков в Испании. Этот же хлеб возделывается в Абиссинии. Словом, остались отдельные пятна культуры, связанные с народностями. Сорта, возделываемые этими народностями, ботанически довольно хорошо различимы. Например, формы, возделываемые чувашами, мордвою, ближе к формам закавказским,

армянским… Бесспорно интереснейший факт то, что эта дренажная культура связана с этнографическим составом. Распространение полбы определенно связано с распространением чувашей, мордвы и татар. Я послал Вам несколько месяцев тому назад свою работу о происхождении ржи, в которой лингвистический метод помог расшифровать одну сложную задачу. Лингвистический метод оказался при этом особенно ценным… Если бы Вас заинтересовала по приезде в Петроград эта область, был бы очень рад поделиться с Вами тем, над чем работаем.

Искренне уважающий Вас

Вавилов»[1251].

Нетрудно заметить, что многие этносы, перечисляемые Вавиловым в связи с распространением определенных видов культурных растений, совпадают с яфетическими племенами по классификации Марра. Кроме того, Вавилов сообщает об удачном использовании результатов лингвистического анализа названий культурных растений перечисленных народов, проведенный методами Марра. Исследователи научного наследия Н. И. Вавилова В. Д. Есаков и Е. С. Левина пишут: «Нам не удалось выяснить, получил ли Н. Я. Марр это письмо. Обеспокоенный задержкой ответа, Н. И. Вавилов 18 мая 1923 г. направляет ему повторное письмо аналогичного содержания, которое возвращается отправителю и содержит пометку “пришло обратно 10. VI. 25”. Очевидно, письма уже застали Н. Я. Марра в Париже. Можно предположить, что этот вопрос был обсужден Н. И. Вавиловым во время личной встречи ученых после возвращения Н. Я. Марра из заграничной командировки. Во время экспедиции в страны Средиземноморья в 1927 году Н. И. Вавилов побывал в Испании, специально посетив Басконию, и установил агрономически и ботанически поразительную связь Северной Испании с Грузией. “Я вспоминаю, – писал Н. И. Вавилов, – с каким волнением слушал академик Н. Я. Марр наш рассказ об этом”. Выводы Н. И. Вавилова, положенные в основу теории о происхождении культурных растений, широко использовались и используются этнографами и лингвистами». Не имея возможности рассмотреть эти работы подробнее, я отсылаю к источникам[1252]. Думаю, что дополнительного изучения требует и вопрос взаимосвязи вавиловской теории генезиса культурных растений

с марровской этно-лингвистической теорией. Остается открытым вопрос: понимал ли эту связь Сталин, без видимых причин уничтоживший великого советского генетика в канун войны?

Сталин с середины 20-х годов следил за расовой и национальной проблемой в «арийской» интерпретации, правда, не столько за этническим и лингвистическим, сколько за ее политическим аспектом. Став Генеральным секретарем партии, он интересовался этой проблемой уже не только как специалист по национальному вопросу, но и как ведущий государственный деятель. До войны проявлял интерес к переводной литературе об итальянских фашистах, а позже к некоторым писаниям национал-социалистических вождей и к литературе о них. Явные следы этого интереса сохранились в его библиотеке и на книге Гитлера «Майн кампф». И после победоносной войны он продолжал интересоваться личностью Гитлера и национал-социализмом[1253]. Кратко отметим, что с точки зрения расхожих расистских теорий того времени арийские племена, или, как особо подчеркивалось в немецкой лингвистической литературе – «индогерманские» племена, являются прародителями индоевропейских языков. При этом они сохраняют основной этнический фонд, самобытную племенную культуру и бессмертный «дух» арийской крови, ставший двигателем общечеловеческого прогресса. Большинство других национальных культур считались вторичными, деградирующими продуктами низшего сорта, поскольку они возникли в результате расового и национального смешения, поверхностного заимствования, подражания и даже паразитирования. Как утверждал Г. Чемберлен, а затем и А. Розенберг, для современных «арийцев» главная опасность исходит от евреев, которые, сами являясь продуктом давнего смешения семитических и арийских племен, обитают ныне в Европе, в недрах германской расы, стремясь сознательно разрушить ее этническую, языковую и культурную чистоту[1254]. Как известно, в фашистской Германии наряду с расовыми законами, защищавшими «чистоту» крови, был принят закон о защите чистоты немецкого языка. Недавно одноименный закон о языке был принят и в России. Культурологическая теория Марра от начала и до конца была антирасистской[1255], что особенно подчеркивали его вольные и невольные сторонники, особенно в годы открытой борьбы с фашизмом. То, что его теория происхождения языка и мышления оценивалась именно так, а выступление Сталина в 1950

году воспринималось последователями Марра как неожиданная доморощенная интерпретация расистских идей, видно из воспоминаний Б. Б. Пиотровского. События происходят вскоре после завершения языковедческой дискуссии, между 1950 и 1951 годами: «Осенью с участием инструктора Дзержинского райкома партии т. Богдановой, довольно плохо разбиравшейся в науке, были проведены заседания, на которых выступал я с критикой индоевропеизма, но мне это ставили в вину, считая, что я защищаю Марра. Перехлест в обсуждении “нового учения языкознания” привел к возврату давно отживших, чуждых марксизму теорий… Основное обвинение в мой адрес заключалось в том, что я выступаю против индоевропеизма и индогерманизма, то есть якобы против выступления И. В. Сталина… На другой день я пошел к тов. Веткину (партийный ленинградский деятель. – *Б. И.*), в его кабинете на полке стояла советская энциклопедия, и я предложил ему посмотреть в ней статьи “индоевропеизм” и “индогерманизм” (тогда еще синих томов на букву “И” не было [то есть второго издания БСЭ. – *Б. И.*]). Он прочел статьи и остолбенел. Я ему рассказал о листовках, которые сбрасывали фашисты армянским подразделениям Таманской дивизии, в них армяне считались чуждым для Кавказа народом. Он слушал, слушал и, наконец, спросил: “Так в чем же дело?” Я осмелел и сказал: “Ведь вы же сами констатируете в институте низкий уровень идеологической работы”. Когда мы с ним прощались, он сказал одно слово: “Интересно…”»[1256]

Что же интересного нашел тов. Веткин в БСЭ? Заглянем и мы в двадцать восьмой том Советской энциклопедии первого издания, вышедшего в 1937 году (через три года после смерти Марра), в который, как я убежден, и Сталин заглянул в 1950 году.

Там, в частности, разъяснялось, кто такие «индоевропейцы», «индогерманцы», и говорилось о соответствующих им «пранароде» и «праязыке»: «Индоевропейские, индогерманские, ариоевропейские, прометеидские представляют весьма многочисленную группу языков, распространенных в большей части Индии, Ирана, Закавказья, Средней Азии, почти во всей Европе, путем колонизации, в Америке, а также в значительной области Азии, Африки, Австралии, Океании»[1257]. Здесь же помещена карта мира, иллюстрирующая распространение современных индоевропейских языков. Говорилось о сложностях с

идентификацией армянского и хеттского языков как представителей этой семьи. В особой словарной статейке объяснялось, что «индоевропейский праязык, гипотетическая конструкция, созданная буржуазным языковедением XIX в. на основе наблюдаемых схождений древнеписьменных индоевропейских языков… Конструкция не имеет никакой исторической реальности, и всякая попытка оперировать с И.-е. п., как с действительно существующим языком, ведет к тягчайшим заблуждениям и искажению исторической действительности. Особенно усугубляются эти заблуждения, когда к И.-е. п. начинают причислять индоевропейский “пранарод” с его “прародиной”»[1258]. Говорилось, что в Германии появилась новая «наука об индоевропейских древностях», а во Франции «лингвистическая палеонтология»[1259]. Напомним, что Марр также пользовался понятием «палеонтологический анализ языка», но вкладывал в него свой смысл. В БСЭ говорилось и о фашизме, взявшем на вооружение некоторые аспекты индоевропеистики, и о том, что Марр одним из первых ученых еще в 1923 году открыто выступил против таких поползновений. Говорилось также, что его концепция «стадиального развития языка» в целом противостоит расистской идеологии[1260]. Готовя свои языковедческие работы, Сталин, конечно же, познакомился с этими статьями из БСЭ об индоевропейских народах и языках. Об этом свидетельствует то, что именно в этом томе графически представлены различные варианты индоевропейского языкового древа[1261]. Напомню, что Сталин собственноручно воспроизвел его рисунок на полях шестьдесят пятого тома БСЭ, когда знакомился с яфетической теорией.

Таким образом, Сталин понимал и тогда, в 30-х годах, и тем более теперь, в 1950 году, после войны с нацистской Германией, как тесно увязаны различные языковедческие и национальные проблемы с агрессивными идеологемами XX века. И совсем не по лингвистическому невежеству, а вполне осознанно Сталин в своих публикациях в «Правде» указал на прямую биологическую связь рода, племени, нации с их языком, выдвигая на первый план русский национальный язык, якобы восходящий к исходному корню – к курско-орловскому диалекту. Напомню, что в давней работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин, напротив, назвал складывающийся общенациональный язык в ряду других признаков только еще нарождавшейся буржуазной нации, то есть определял их

происхождение не биологически, а социально-экономически и исторически. Больше того, именно тогда Сталин, как по металлу, отчеканил: «Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей. Общность эта не расовая и не племенная».

Если оставить в стороне идеологические и конъюнктурные аспекты, вопрос о соотношении нации, языка и культуры до сих пор не может решаться однозначно. В 1926 году в СССР вышла небольшая книжка выдающегося американского этнографа, лингвиста и культуролога Фердинанда Боаса «Ум первобытного человека». Марр частенько ссылался на его труды. Каждый на своем материале, Боас на основании изучения языков и культур индейцев Америки и отсталых племен других стран, а Марр – изучая культуру народов Кавказа и других регионов, пришли к одним и тем же выводам. Приведу выдержку из замечательно написанной и хорошо переведенной книги Боаса, предварительно отметив, что он выдвинул концепцию, согласно которой раса (этносы), языки и культуры никогда не развиваются согласованно или синхронно. Каждое из этих явлений имеет собственные циклы и темпы развития. При этом, отмечал Боас, «значительные изменения в языке и культуре неоднократно совершались без соответствующих изменений в крови»[1262]. В то же время «можно показать, что в других случаях народ сохранял свой язык, подвергаясь материальным изменениям, относившимся к крови и к культуре или к той и к другой»[1263]. До наших дней не утратил своего познавательного значения общий вывод Боаса, очень важный для понимания еще одного аспекта системной концепции Марра и характера эволюции взглядов Сталина на национальные проблемы. По наблюдениям Боаса: «Тип и язык народа могут оставаться неизменными, а его культура может изменяться; неизменным может оставаться его тип, но его язык может измениться; или его язык может оставаться неизменным, а типы культуры – изменяться»[1264]. «Если это верно, – размышлял Боас, – то такой проблемы, как вышеупомянутая арийская, в действительности не существует, так как эта проблема прежде всего лингвистическая, относящаяся к истории арийских языков; предположение же, согласно которому этот язык в течение всего хода истории должен быть языком известного определенного народа, между членами которого всегда существовало кровное родство, равно как и другое предположение, согласно которому этому народу

всегда должен был быть присущ известный культурный тип, – совершенно произвольно и не согласно с наблюдаемыми фактами.

Тем не менее следует признать, что теоретическое рассмотрение истории типов человечества, языков и культур заставляет нас предполагать, что в раннюю эпоху существовали такие условия, при которых каждый тип был гораздо более изолирован от остального человечества, чем в настоящее время. Поэтому культура и язык, принадлежащие отдельному типу, должны были оказываться гораздо более резче обособленными от культуры и языка других типов, чем в нынешний период. Правда, такого состояния нигде не наблюдалось, но из наших сведений об историческом развитии почти неизбежно вытекает предположение, согласно которому оно существовало в очень ранний период развития человечества. Если это так, то возник бы вопрос: характеризовалась ли изолированная группа в ранний период непременно одним типом, одним языком и одной культурой, или в такой группе могли быть представлены разные типы, разные языки и разные культуры?

Историческое развитие человечества представляло бы более простую и более ясную картину, если бы мы были вправе предположить, что в первобытных обществах эти три явления находились в тесной взаимной связи. Однако подобное предположение совершенно недоказуемо. Наоборот, при сравнении нынешнего распределения языков с распределением типов представляется правдоподобным, что даже в самые ранние эпохи биологические единицы могли быть шире, чем лингвистические и, вероятно, шире, чем культурные единицы. По моему мнению, можно утверждать, что во всем мире биологическая единица – если не обращать внимания на мелкие местные различия – гораздо шире, чем лингвистическая единица: иными словами группы людей, являющиеся по телесному виду столь близко родственными, что мы должны рассматривать их как представителей одной и той же разновидностей человечества, обнимают собой количество индивидуумов, значительно превышающее число людей, говорящих на таких языках, о которых нам известно, что они генетически родственны друг другу»[1265]. Боас, как и Марр, считал, что в глубокой древности антропологические и лингвистические типы сближались больше, так как каждый из них «существовал в виде нескольких небольших изолированных групп, у

каждой из которых был свой язык и своя культура». Но и тогда не могло быть полного соответствия всех трех компонентов, поскольку изменения в языке, а тем более в культуре происходят значительно быстрее и радикальнее, чем изменения биологического (расового, этнического) облика людей[1266]. Боасу и Марру вторит их современник, выдающийся лингвист Ж. Вандриес: «…надо остерегаться смешивать родство диалектов, вытекающее из их сравнения, с родством рас и родством культур. Это три разные научные области»[1267]. Таким образом, не остается никаких надежд обнаружить, даже гипотетически, древнейших «пап и мам», то есть биологических родоначальников современных языковых семей, о чем не уставал повторять и Марр. Индоевропейская, перевернутая на острие языковая пирамида действительно не имеет никакого реального шанса на «схождение» в единственной точке-времени прародины, в которой прародители конкретного народа говорили бы на изначальном праязыке и творили «семейную» протокультуру.

Футурологическая же мысль Марра – Сталина о будущем едином или даже единственном языке человечества (именно так, поскольку до войны они оба проповедовали ее) имеет шанс воплотиться в жизнь только при условии, если человечество на вечные времена будет обречено жить на одной-единственной планете Земля. Тогда рано или поздно все народы, все языки и культуры естественным путем сольются на ее тесной поверхности. Нечто подобное происходит сейчас в городах-мегаполисах. Граждане Земли будут представлять собой не белую, не черную, не желтую или иную расу (как и предрекал Тейяр де Шарден), а нечто совершенно иное, с особым общим языком всеземной культуры, черты которой все явственнее проступают сквозь современную многонациональную амальгаму. Но не приведет ли это будущее глобальное «схождение» человечества к коллапсу биологии и культуры усредненных землян? Невиданное обострение национализма в XIX–XXI веках – это проявление инстинктивного, а чаще искусственно разжигаемого страха перед лицом такого «схождения». Но уже сейчас ясно, что этап будущего глобального этнического «схождения» неизбежно и как бы сам собой перейдет в очередной этап «расхождения», но на ином, межпланетарном уровне. Рано или поздно на других небесных телах начнут развиваться новые, по формулировке Сталина, «исторически сложившиеся, устойчивые общности людей»,

со своими этно-планетарными типами, языками, культурами. Устоявшийся земной тип человечества выбросит из своих недр «веера», «пучки» родоначальников новых рас, на которые будут наслаиваться волны колонизаций до тех пор, пока там не начнут складываться естественным путем самобытные этносы по типу того, как они сейчас формируются на субамериканском континенте. Иначе говоря, начнется новый этап игры дивергенций и конвергенций, расхождений и схождений. Все это и обеспечит столь необходимое разнообразие будущих человеческих «мутонов». И тогда какой-нибудь человек новой внеземной расы займется поисками своих земных пращуров и, конечно же, придет в отчаяние, запутавшись в густой сети генетических, расовых, национальных, этнических, генеалогических, культурных, языковых, географических, социальных и исторических переплетений. Но уже сейчас человечество имеет все возможности, чтобы предусмотрительно собрать и сохранить информацию о своей глобальной родословной, взяв за основу современные научные достижения в информатике и генетике, а также идею организации глобального «Народного архива»[1268]. Занимаясь проблемами происхождения языка и мышления, невозможно не услышать доносящегося из недр праматери Земли глубокого вздоха совокупного человечества, готовящегося выбросить первые анастомы новых рас. Эта футурологическая картинка всего лишь иллюстрация, демонстрирующая нелепости мифов о первых «папах и мамах» и даже изначальном этносе, якобы сохраняющем первозданную чистоту крови. На большее она и не претендует.

* * *

До войны Сталин поддерживал К. Э. Циолковского не столько как изобретателя космических ракет, казавшихся тогда забавными игрушками, которые, впрочем, можно было использовать в военном деле, сколько за головокружительные идеи космополитического космизма (заселение иных планет), столь близкие тогда идеям интернационального строительства планетарного коммунистического общества. В 1935 году они обменялись приветственными письмами, причем Сталин ответил «знаменательному деятелю науки» всенародно,

через «Правду». Но, будучи хоть и романтиком, но в еще большей степени политиком-практиком, Сталин довольно скоро перестал всерьез принимать эти идеи. Ведь даже сейчас, в XXI веке, вектор национализма кажется много мощнее вектора космополитизма (интернационализма). Еще перед войной Сталин решительно отвернулся от космополитического романтизма своих былых соратников. Война стала лучшим доказательством чудовищной силы национального «духа» при ныне существующем планетарном устройстве. И после войны Сталин продолжал сводить последние счеты со своим «интернациональным» прошлым. Однако в великой битве за будущее судьба человечества решается не только на полях межнациональных мировых и региональных войн, не только в ожесточенной драке за государственные границы и национальный суверенитет. Она еще в большей степени и на очень отдаленную перспективу решается кабинетными учеными, конструкторами, мыслителями, типологически схожими с Марром. Без всякого сомнения, Марра, как и идейных большевиков ленинского призыва, как Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского, Н. Вавилова, А. Сахарова и других «космополитов», следует включить в сонм провозвестников общечеловеческого «русского космизма». Но Марр, подойдя к самой границе земного культурно-исторического пространства, так и не перешагнул через нее.

Похвальное слово жесту

Скупой на жесты человек обычно сдержан и в других проявлениях эмоций. У Сталина были некрасивые руки и невыразительная жестикуляция. В день его кончины известный скульптор снял гипсовые слепки лица и обеих кистей рук. Я видел их в музее Сталина на его родине в Гори в 1973 году, а через тридцать лет, весной 2003 года, в Москве, на выставке, посвященной пятидесятилетию со дня смерти. Особое впечатление производят пальцы. Не знаю, видел ли поэт Осип Мандельштам живые руки Сталина вблизи. Скорее всего, наблюдал их не только на кадрах кинохроники, поскольку не столько воображением поэта, сколько зорким глазом художника он подметил в них особенное шевеление, как и всю специфическую сталинскую пластику:

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Так писал Мандельштам о тех самых пальцах «кремлевского горца», которыми был сделан роковой жест, обрекший поэта на безумие ГУЛАГа и смерть. Другой крупнейший художник сталинской эпохи, за неожиданную творческую проницательность также попавший в смертную опалу, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн в своем фильме «Иван Грозный» воспроизвел особый клюющий сталинский жест указательным пальцем, которым царь «заказывает» опричникам свою родную тетку – княгиню Старицкую. Мандельштам живо интересовался яфетической теорией происхождения общечеловеческого языка и мышления академика Н. Я. Марра. Возможно, им довелось все же встретиться на любимом обоими Кавказе, на земле «сестры Иудеи» (Мандельштам), в древней Армении, куда они оба приехали в августе 1930 года[1269]. Во всяком случае, достоверно то, что Мандельштам написал несколько замечательных произведений о яфетидах и яфетидологии, и поэтому жестовая символика вождя сказала ему много больше, чем «пудовые гири слов».

Из-за наследственной болезни Сталин левой рукой почти не владел. По той же причине был сильно ограничен и в других телесных движениях, обычно используемых людьми в процессе общения. Прохаживаясь по кабинету, покачивал в ритм собственных слов костенеющей левой рукой с зажатой в ней папиросой или трубкой. В разгар выступления на партийном съезде указательным пальцем правой руки назидательно тыкал в сторону слушающих или, без видимых причин, держал паузу, в течение которой брал стакан с водой, из которого шумно отпивал. Зал замирал, наблюдая, а страна благоговейно прислушивалась к далекому микрофону. На кадрах кинохроники видно, как, стоя на трибуне Мавзолея, он, собрав «хмурые морщинки» у глаз (Мандельштам), доброжелательно тычет тем же самым указательным

пальцем в проплывающие мимо транспаранты и в дефилирующих физкультурниц. В другой раз, во время военных парадов, видно, что он, как рысь в клетке, короткими рывками, припадая на левую ногу, мечется вдоль трибуны, замерзая или раздражаясь. Но красиво или хотя бы выразительно ни жестикулировать, ни двигаться, ни позировать не умел. И хотя у него была приятная, зачаровывающая улыбка (когда он ставил перед собой цель очаровать, о чем я уже писал, ссылаясь на свидетельства современников[1270]), он не признавал разницы между подчеркивающей, усиливающей звучащее слово пластикой и – картинным позерством. Зная о своей малой мимической и пластической выразительности, не любил чужую яркую кинетику, называя ее позерством. Экспрессивного Л. Троцкого, чья фигура во время публичных выступлений напоминала натянутую до отказа вибрирующую струну, на чьем лице горками вздымались мускулы, а правая рука в момент усиления речи делала перед лицом цепкое движение сверху вниз, Сталин с завистью называл «красивой ненужностью». И Ленин, несмотря на свою картавость и тренированную адвокатскую артикуляцию, позволял себе залповые словесно-жестовые выстрелы с резким выбросом правой руки и наклоном туловища в направление внемлющих. Скульптуры, изображающие Ленина с указующей за «коммунистический» горизонт рукой, до сих пор стоят в центрах больших и малых городов России. Муссолини, символизируя возрождаемую мощь древнего императорского Рима, во время парадных речей бугром складывал руки на квадратной груди, выдвигая до упора и без того брыкалистый подбородок. Твердая, каменная маска с внимательными глазами наполовину парализованного Рузвельта или улыбчивое овальное лицо и мягкие округлые движения пухлой рукой с дымящимся стволом ароматной сигары Черчилля – все это не только характерные детали внешности государственных деятелей, но и символы, стили и языки мышления и культур вождей и представляемых ими на тот исторический момент народов.

Ведущий государственный деятель всем своим существом, в том числе пластикой, а не только публичными речами и поступками, обречен манифестировать «свой» народ. Народ, которому навязывается очередной вождь, каким бы способом это ни происходило – насильственно или по демократическом выбору, принимает тем самым

на себя его образ или его личину как архетип, в котором он (народ) предстает в данный исторический момент перед другими народами и их вождями. И это, пожалуй, единственный способ персонификации бесконечно разнообразной, многоликой и многомиллионной народно-человеческой массы. Поэтому каждый лидер тщательно занимается своим образом с тем, чтобы людское большинство захотело узнать в нем себя. Не будет большим преувеличением сказать, что лидер – это не только «дирижер», в меру способностей гармонизирующий общество (нередко какофонично и прибегая к насилию и жестокостям), но он еще и зеркало для народа. Недаром всемирная история с древнейших времен чаще всего описывается через галереи образов исторических героев, вождей, полководцев, подвижников, революционеров и других деятелей. Через них индивидуализируется, «одушевляется» и интеллектуализируется коллективное, то есть народная масса, государство, общество, политические движения. Так гоббсовский бездушный и без-образный Левиафан-государство маскируется, прячется за идеализированные образы человеческих ликов. В фильме Эйзенштейна любимый опричник царя Федор Басманов прячет свое распаленное державной жесткостью лицо за размалеванной маской непотребной девки.

Самым жестикулирующим и позирующим оратором в XX веке был Гитлер, а самым манифестирующим в ответ фюреру народом – очарованные им тогда немцы. Имея врожденный талант, Гитлер дополнительно брал актерские уроки мимики и жеста. В его личном архиве сохранились фотографии, отражающие разные этапы усвоения Гитлером богатейшего кинетического языка. В исторической памяти человечества еще не скоро поблекнут видения марширующих толп с вытянутыми вверх руками, символизирующими римские приветствия фашистов и национал-социалистов или – людских колонн, поднимающих рот-фронтовский кулак как символ единения и силы коммунистов в СССР, в Европе, в маодзэдуновском Китае.

В отличие от бурно жестикулировавшего XX века, века мобилизованных толп и их размашистых предводителей, европейский XIX век культивировал аристократическую мимическую сдержанность и даже жестовую скупость. Вспомним правила публичного поведения английской имперской аристократии или блестящей французской салонной интеллигенции и буржуазии, распространявшиеся на

большей части образованной Европы, включая Россию. Вспомним лермонтовского Печорина, не позволявшего себе при ходьбе лишней отмашки рукой и подражавшего в этом байроновскому Чайльд-Гарольду, или нарочито холодную маску Андрея Болконского – русского аристократического героя романа Льва Толстого. Их благородство и душевная сила особо подчеркивались сдержанностью жестикуляции и мимики, что само по себе имело знаковый характер. «Простолюдин» и «инородец» как в Европе, так и в России тем всегда и выделялся, что был «вульгарен», то есть более кинетически раскован, а его «язык» тела резко отличался от пластического языка окультуренного единоплеменника. Понятно, что художественная литература отражает лишь тенденцию, и все же нетрудно подметить культуры и целые эпохи, в которых кинетика играет то более, то менее заметную роль. Например, тщательно разработанные кинетические композиции мимов, ораторов и риторов Древней Греции, блестящих адвокатов Древнего Рима, особо сдержанную пластику японского воина-самурая или просвещенного китайца, воспитанного на конфуцианских канонах. Более всеобщ язык танцев народов Древнего и Нового мира, уже в древности ставший для многочисленных народов Индии универсальным языком многонациональной культуры. Еще более универсален эмоциональный язык человечества. Знаками этого языка выступают: улыбка, смех, выражения грусти, страха, просьбы, благожелательные или агрессивные жесты и т. д.[1271] Несмотря на цивилизационную пропасть, отделявшую моряков Колумба от индейцев Америки, они сразу же применили мимико-жестовый язык общения. Бесконечно разнообразен, но и абсолютно космополитичен (и биологически, и социально, и культурно) сексуальный язык человеческого тела. Без сомнения, язык тела, причем тела любого живого существа, в котором слито все: кинетика, мимика, жест, запах, звук, прикосновение и т. д., так же древен, как сама жизнь. Даже начало мирозданию, начало самому космосу было дано, как утверждает Ветхий Завет, единым и слитным творческим порывом-движением: «*сотворил* Бог…»

В отличие от сравнительно сдержанного на жестикуляцию европейского XIX века, в XX веке, столь богатом на многие новшества и разного рода социальные и технические революции, произошла к тому же тихая кинетическая революция, связанная с развитием средств

передачи массовой визуальной информации. С конца XIX – начала XX века визуальные кинетические языки благодаря своей удивительной общепонятности быстро догоняли, а временами и опережали в своем развитии и международной распространенности языки фонетические. Если в свое время фонетические языки метрополий господствовали лишь на пространствах собственных колоний, то визуальные языки мимики, жеста, светотени и цвета различных видов изобразительной рекламы и универсальные системы ее пиктографической «письменности» стали ныне первыми общечеловеческими средствами передачи информации на уже вполне оформившемся мировом рынке товаров. Тогда же рекламу стала догонять универсальность живописи, скульптуры, графики, вырабатывавших не только всеобщие языки и семантические коды, но и впитавших в себя национальные и расовые стереотипы, вкусы и приемы визуального выражения, сделав их элементами культуры общемировой. В начале XX века даже театр благодаря революционным кинетическим экспериментам Вс. Мейерхольда и хореографическим новациям Айседоры Дункан пытался преодолеть культурно-региональную ограниченность европейского театра, танца и художественного слова. И рекламу, и живопись, и экспериментальный театр, в свою очередь, перегонял практически полностью космополитичный визуальный язык мирового кинематографа. Пластика немых героев Чаплина или Эйзенштейна, других мастеров была понятна без слов и в кинотеатрах Европы и Нового Света, и в сельском клубе сибирской деревни, и под травяной крышей африканского бунгало. Но это продолжалось до тех пор, пока слово не зазвучало и с киноэкрана, что сделало на время и кино (до появления телевидения) фактором национальной культуры. Мультипликация внезапно оживила в XX веке незапамятную эпоху анимизма, одушевляя и очеловечивая камни, море, звезды, ветер, зверей, то есть природу, животных, фантастические существа. Нечего и напоминать, что язык современной анимации понятен без слов на всех континентах как взрослым, так и детям. Специфические пиктографы и иероглифы в качестве унифицированных знаков на автодорогах всех континентов современного мира – еще один пример складывающегося ныне общемирового символического языка и его письменности.

Не думаю, что кинетическая (ручная) теория происхождения общечеловеческого языка Н. Я. Марра как-то повлияла на первых

изобретателей массовой жестовой символики тоталитарных режимов XX века или на формирование визуальных языков рекламы, автодорог, мультипликации и др. Скорее наоборот, Марр в 20-х годах зорко подметил первые признаки начавшегося мирового кинетического бума. К тому же в концепции Марра речь шла не о современном параллельном сосуществовании и взаимодействии фонетической и кинетической речи или языков, а о последовательном, стадиальном развитии общечеловеческого языка, где кинетика была исторически первична, поскольку выделилась из нерасчлененного, еще, по существу, животного языка тела. Фонетический же, членораздельный язык в концепции Марра был вторичен и даже – третичен. Напомню, по Марру, «ручной язык», «язык жестов» длительное время предшествовал стадии развития фонетических языков всего человечества. Однако Сталин ни в своей первой статье, ни в ответах аспирантке Е. Крашенинниковой и профессору Г. Санжееву ни разу не затронул проблему ручной речи (языка тела) в трактовке Марра.

Правда, еще в то время, когда Сталин занимался редактированием статьи А. Чикобавы, он пусть и закулисно, но все же высказался резко против этой фундаментальной идеи Марра. Антимарристские аргументы Чикобавы состояли в том, что, во-первых, предположение о первичности ручного языка сделал еще до Марра Вильгельм Вундт – известный философ, физиолог, психолог и, конечно же, «идеалист» (но мы напомним, что много раньше эту же мысль высказал Дж. Вико), а во-вторых, в древности ручная речь не могла иметь большого значения как средство общения, так как в темное время суток («при отсутствии света», – подчеркивал Чикобава) она бесполезна. Сталин из первого варианта статьи Чикобавы весь этот пассаж выкинул, возможно, сочтя его аргументацию не очень серьезной[1272]. Любопытно, что спустя два с половиной десятилетия после дискуссии и замечаний Чикобавы в адрес Марра известный современный отечественный лингвист академик Вяч. Вс. Иванов, в свою очередь, отметил такое преимущество ручной сигнализации у приматов, гоминид и первобытных людей, как возможность днем молча общаться жестами с детенышами при потенциальной опасности нападения хищников. «Поэтому, – замечает он, – наличие функциональных различий между звуковой сигнализацией, допускаемой только в определенных условиях, и жестовой коммуникацией может быть древнее человеческого

общества»[1273]. Иначе говоря, принципиальное функциональное различие между звуком и жестом как разными средствами сигнализации наблюдается не только у человека, но и у большинства животных и действительно относится к глубочайшей древности. Марр же попытался установить не только их отличие, но и их особые роли и последовательность в истории человечества.

Вместо вычеркнутого замечания Чикобавы в адрес Марра Сталин собственной рукой вписал в его статью текст, который я приводил ранее, но считаю необходимым процитировать теперь вновь: «Ясно, прежде всего, что когда говорят о происхождении языка, речь идет не о немом, “ручном” языке, который нельзя назвать языком, поскольку он является немым, бессловесным, – а о человеческом звуковом языке…»[1274] В опубликованной статье Чикобавы сталинский текст был воспроизведен слово в слово, без изменений, несмотря на очевидную сомнительность этого утверждения. В своем очередном «Ответе» теперь уже на письма Д. Белкина и С. Фурера, помещенном в том же номере «Правды» от 2 августа 1950 г., что и «Ответ» Санжееву, Сталин попытался развить и скорректировать свой тезис. Итак, подчеркнем: согласно первоначальному утверждению Сталина, «ручной язык» нельзя считать языком, а подлинно человеческий – это исключительно язык звуковой, фонетический.

Белкин и Фурер, авторы двух небольших посланий Сталину, судя по всему, не были связаны между собой ничем, кроме как интересующей их темой. Не были они заметными специалистами и в языкознании. Правда, Белкин в письме Сталину представился как преподаватель русского языка из Москвы, где он, скорее всего, работал школьным учителем. Видимо, он был уже достаточно зрелым человеком, лет сорока пяти – пятидесяти, поскольку сообщил, что окончил вуз в 1927 году. Белкин писал:

«Высокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Некоторые односторонне понимают Вашу мысль о том, что мышление без языка невозможно.

Прошу дать разъяснение: очевидно, Ваша мысль в такой же мере относится к нормальному языку – языку слов, как и к языку жестов, на котором говорят немые (а в отдельных случаях и люди с нормальной речью) – и не только к «внешней», но и к внутренней речи, в которой обычный язык продолжает функционировать в сокращенном виде, с

усилением за его счет роли образов (представлений – снимков с явлений действительности)?

Д. Белкин.

6 июля 1950 г.

P. S. Я педагог, преподаватель русского языка. Окончил в 1927 г. литературно-языковое отделение Харьковского института народного образования (бывший университет, теперь восстановлен как университет).

Адрес мой: Москва, 109, поселок “Стальмост”…

Белкину Д. И.»[1275].

Письмо было отправлено 7 июля 1950 года, о чем свидетельствует штамп на конверте.

Фурер, другой корреспондент Сталина, не обозначил свою профессию и возраст, но зато подписался полным именем-отчеством «Фурер Семен Шулимович», а в качестве обратного адреса указал номер «почтового ящика» в Москве[1276]. Возможно, он работал в режимном учреждении или обитал в одной из московских «шарашек». Похоже также на то, что, в отличие от предыдущих, заранее подготовленных ученых корреспондентов Сталина, авторы этих писем, и Белкин и Фурер, по собственной инициативе решили выяснить у самого вождя его мнение о роли кинетического способа общения. В вопросах и того и другого содержался откровенный намек на несогласие с мнением Сталина о фонетическом языке как единственном языке человечества.

В «личном» письме Сталину (так Фурер обозначил его), процитировав сталинские заявления о том, что без языка нет мышления и что Марра отныне надо считать идеалистом, автор задавал вопрос, интонационно очень напоминавший расхожий «еврейский» анекдот:

«Тов. Сталину И. В.

Лично.

В газете “Правда” от 4.VII.50 г. за № 185 (11657) в статье “К некоторым вопросам языкознания (ответ т. Е. Крашенинниковой)” Вы в пункте *в)* пишете:

“Отрывая мышление от языка и “освободив” его от языковой “природной материи”, Н. Я. Марр попадает в болото идеализма.

Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникали в голове человека и когда бы они ни возникали, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой “природной материи” – не существует. “Язык есть непосредственная действительность мысли” (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с “природной материей” языка, о мышлении без языка.

Короче: переоценка семантики и злоупотребление последней привели Н. Я. Марра к идеализму.

Следовательно, если уберечь семантику (семасиологию) от преувеличений и злоупотреблений, вроде тех, которые допускают Н. Я. Марр и некоторые его “ученики”, то она может принести языкознанию большую пользу”.

В связи с этим определением у меня возникли два вопроса, которые очень прошу Вас мне разъяснить:

а) немой человек не имеет дара речи, а значит, и не пользуется языком. Значит ли это, что у него не работает мысль (мышление), памятуя, что реальность мысли проявляется в языке;

б) человек раннего возраста еще до того, как научился говорить, то есть до того момента, как язык стал проводником его мысли (мышления), – можно ли считать, что у него не работает мышление (мысль).

У ребенка до овладения им полностью языком реальность мысли его не может проявляться в языке, а проявляется в его действиях, желаниях, не передающихся языком, а другими моментами. Мысль у него работает, а языком еще не владеет или владеет совершенно слабо в виде звуков и т. д.

Не будет ли верным считать, что мысли, как исключение, могут возникать в голове человека до того, как они будут высказаны в речи и возникают без языкового материала, без языковой оболочки, примером чего служат приведенные мною вопросы в пункте а) и б).

С уважением

С. Фурер.

14. VII.50»[1277].

Спустя неделю Сталин ответил по пунктам и тому и другому корреспонденту в одном развернутом послании. В архиве Сталина лежат рукопись этого ответа и машинописные экземпляры с правкой и редактурой автора[1278].

В окончательном опубликованном в «Правде» варианте «Ответ» выглядел так:

«Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру.

Ваши письма получил.

Ваша ошибка состоит в том, что вы смешали две разные вещи и подменили предмет, рассматриваемый в моем ответе т. Крашенинниковой, другим предметом.

1. Я критикую в этом ответе Н. Я. Марра, который, говоря об языке (звуковом) и мышлении, отрывает язык от мышления и впадает таким образом в идеализм. Стало быть, речь идет в моем ответе о нормальных людях, владеющих языком. Я утверждаю при этом, что мысли могут возникнуть у таких людей лишь на базе языкового материала, что оголенных мыслей, не связанных с языковым материалом, не существуют у людей, владеющих языком.

Вместо того чтобы принять или отвергнуть это положение, вы подставляете аномальных, безъязычных людей, глухонемых, у которых нет языка и мысли которых, конечно, не могут возникнуть на базе языкового материала. Как видите, это совершенно другая тема, которой я не касался и не мог коснуться, так как языкознание занимается нормальными людьми, владеющими языком, а не аномальными, глухонемыми, не имеющими языка.

Вы подменили обсуждаемую тему другой темой, которая не обсуждалась.

2. Из письма т. Белкина видно, что он ставит на одну доску “язык слов” (звуковой язык) и “язык жестов” (по Н. Я. Марру, “ручной” язык). Он думает, по-видимому, что язык жестов и язык слов равнозначны, что одно время человеческое общество не имело языка слов, что “ручной” язык заменял тогда появившийся потом язык слов.

Но если действительно так думает т. Белкин, то он допускает серьезную ошибку. Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей. История не знает ни одного

человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка. Этнография не знает ни одного отсталого народа, будь он таким же или еще более первобытным, чем, скажем, австралийцы или огнеземельцы прошлого века, который не имел бы своего звукового языка. Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время.

В этом отношении значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности – ничтожно. Это, собственно, не язык и даже не суррогат языка, могущий так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов также нельзя приравнивать к звуковому языку, как нельзя приравнивать первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой.

3. Как видно, вы интересуетесь прежде всего глухонемыми, а потом уж – проблемами языкознания. Видимо, это именно обстоятельство и заставило вас обратиться ко мне с рядом вопросов. Что же, если вы настаиваете, я не прочь удовлетворить вашу просьбу. Итак, как обстоит дело с глухонемыми? Работает ли у них мышление, возникают ли мысли? Да, работает у них мышление, возникают мысли. Ясно, что, коль скоро глухонемые лишены языка, их мысли не могут возникать на базе языкового материала. Не значит ли это, что мысли глухонемых являются оголенными, не связанными с “нормами природы” (выражение Н. Я. Марра)? Нет, не значит. Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого-то ни было содержания, то есть она не существует.

22 июля 1950 г.»[1279].

Черновой вариант «Ответа» содержал заключительную фразу, которую Сталин вычеркнул из публикуемого текста: «Пример с детьми,

приводимый т. Фурером, где он ставит на одну доску детей и глухонемых, не совсем подходит, так как у детей все же есть способность речи, есть какой-то небольшой словарь»[1280].

Рассмотрим несколько подробнее и вопросы и ответы. Сталин, будучи опытным полемистом, верно подметил общие критические моменты в письме и Белкина и Фурера. Они с разных позиций, но одинаково ставили под сомнение справедливость всей языковедческой конструкции вождя, затрагивая, казалось бы, второстепенный вопрос о способности к мышлению глухонемых людей и детей раннего возраста. Напомню, Сталин в предыдущих статьях несколько раз весьма настойчиво повторил, что человек мыслит исключительно словами и фразами и поэтому единственным человеческим языком следует считать язык фонетический, звуковой. Тем самым он в один мах перечеркнул самую суть языковедческой концепции Марра и заодно поставил под сомнение способность к мышлению детей и людей, от рождения лишенных слуха («аномальных», «безъязычных», по терминологии Сталина). В черновом варианте он сначала даже написал: «Я имею в виду нормальное человеческое общество, имеющее свой язык», а затем эту фразу вычеркнул и разделил на «нормальных» и «аномальных» («немых») людей, но не общества[1281]. Видимо, поразмышляв и поколебавшись, он все же решил признать право на способность к мышлению глухонемых людей, о чем можно судить по тому, что третий пункт своего «Ответа» он вписал последним[1282].

Важно отметить, что Марр подкреплял свою теорию стадиального развития языка человечества отнюдь не ссылками на ручную речь глухонемых людей. Уже во времена Марра и за рубежом, и в нашей стране стали разрабатываться эффективные методики, с помощью которых большинство глухонемых людей овладевали не только ручным языком, но и языком фонетическим путем обучения чтению по движениям губ собеседника неслышимых ими звуков и выработке на этой основе навыков фонетической речи. Тем самым была воссоздана (или заново создана?) переходная форма от языка жестов и мимики к языку фонетическому и – наоборот. Но Марр, в отличие от корреспондентов Сталина, имел в виду совсем не языки глухонемых или слепых людей (которые также вынуждены переводить при чтении тактильные, осязательные ощущения в слово и – наоборот), а материалы современных этнографических исследований в среде

«нормальных» людей и независимые наблюдения своего знаменитого современника, французского психолога, философа и этнолога Люсьена Леви-Брюля.

Дипломированный советский педагог того времени (Белкин) не мог не знать из курса детской психологии и о том, что ребенок на самых ранних этапах умственного развития также пользуется элементами кинетического и жестового языка, сопровождая их нерасчлененными, диффузными звуками. В связи с этим не могу не отметить того, что Марр был близко знаком не только с уже упоминавшимся Сергеем Эйзенштейном, но и с крупнейшим советским психологом Л. С. Выготским и его учеником А. Р. Лурией. В эти годы Выготский и Лурия были захвачены близкой Марру идеей – анализом сдвигов в мышлении отсталых народов СССР, связанных с радикальными, формационными преобразованиями в государстве. Кроме того, в фундаментальных работах Выготского по педологии (детской психологии) кинетический этап в становлении индивидуального человеческого мышления и речи особо оговаривался. А незадолго до смерти и Марра, и Выготского (1934 год) они вместе с Эйзенштейном и Лурией намеревались начать совместную большую работу по истории и теории киноязыка. Скорее всего, инициатором этого содружества стал Эйзенштейн, который уже в течение нескольких лет был очарован самой возможностью конструирования языка нового искусства, опираясь на парадоксальные построения Марра о расщеплении семантических пучков, о принципах мышления людей доисторических эпох, о конечном синтезе всех языков человечества в единый и др. Проживая в Мексике, он раз за разом отмечал «формационные» различия в культуре, обычаях и мышлении коренных народов. Однажды он нашел развалины дома, в котором когда-то проживал В. Гумбольдт.

В архиве Эйзенштейна сохранился билет, выданный в декабре 1932 года:

«Научно-Исследовательский Институт Национальностей СССР.

Билет № 43

На право посещения лекционного курса Н. Я. Марра “Общее учение о языке”.

Фамилия: Эйзенштейн.

Имя, отчество: Сергей Михайлович.

Дата выдачи 7/X.32.

Секретарь секции языка Дж. Ак… (подпись неразборчива. – *Б. И.*)»[1283].

Сохранился также незаконченный набросок о впечатлениях, произведенных лекциями Марра, написанный, возможно, в 1934 году. Мысли Эйзенштейна были заняты философскими проблемами киноязыка: «Work u Progess (очень неразборчиво, поэтому не точно. – *Б. И.*) мне напоминает замечательные доклады Марра. Вероятно это (свойственно. – *Б. И.*)… тем, кто опускается в глубочайшие тайники словообразования. Один научно творческими глазами ученого (ведет. – *Б. И.*) изыскания и эрудиции. Другой творческим внедрением, подкрепленным громадной эрудицией. Лекции Марра были известны своей крайней усложненностью словесного и (слово неразборчиво. – *Б. И.*) узора. Аудитория с трудом следит»[1284].

Эйзенштейн хотя и жалуется на сложность восприятия идей Марра, но в то же время был очень ими увлечен. В дневниковых записях, в черновых набросках и в особенности в теоретических работах о методе киноискусства он постоянно ссылается на его революционные научные построения. В этой книге я не могу рассматривать вопрос о влиянии Марра на творчество кинорежиссера подробно. Приведу наиболее яркие высказывания. В черновых набросках книги «Метод» (январь 1943 год) Эйзенштейн записал свои ощущения от первого знакомства с идеями Марра. Скорее всего, воспоминания относятся к промежутку между 1928 и 1930 годами: «Кругом, в Москве, а особенно в Петрограде, усиленно бурлят первые мощные потоки *яфетидологии*. Шаг за шагом Марр открывает зависимость между нашим мышлением и мышлением ранним, связь их между собой и капитальное значение языкового прошлого для проблем современного сознания»[1285].

Позже, в разгар войны и на пике съемок фильма «Иван Грозный», Эйзенштейн вспоминал: «Был момент, когда проблемы зарождающегося киноязыка… мы должны были систематически анализировать в “неплохом составе”: Александр Романович Лурия, Выготский… Марр, да – сам Николай Яковлевич Марр и я… Мы это даже начинали, но преждевременная смерть унесла двоих»[1286]. После их смерти Эйзенштейн в одиночку блестяще воплотил некоторые идеи и Выготского, и в особенности Марра, на практике обогащая и

синтезируя кинетические и фонетические языки мирового кинематографа, творя единый «семантический пучок» (Марр) из света, цвета, звуков речи и музыки, мимического искусства актеров, их жестовой экспрессии, наконец, киномонтажа. Он считал, что движение к новому языку киноискусства – это регрессивное движение к магии, к синтезу всех способов символизации, но на новом, более высоком этапе. Конечно, Эйзенштейн не был лингвистом, и его мнение для профессионала мало что значит, но я не могу высокомерно отвергать мнение творца, закономерно опережающего свое время, но уже в киноискусстве. Своим киноязыком он пытался воздействовать на рациональное мышление современного человека, пробуждая в нем древнейшие иррациональные эмоции. У него многое получилось, но разговор сейчас не об этом. Эйзенштейн не дожил до погромной языковедческой дискуссии 1950 года, поскольку умер в начале 1948 года. Из его посмертных публикаций имя Марра обычно вычеркивалось, так же как оно почти не упоминалось и в публикациях архивных документов других деятелей науки и культуры. Лишь в короткий период хрущевской «оттепели», а затем после краха сталинской империи об имени и идеях Марра начали вновь вспоминать.

* * *

Из первых строчек «Ответа» Белкину и Фуреру видно, что Сталин, познакомившись с их замечаниями, возможно, впервые осознал, что вопрос о происхождении языка не может быть ограничен исключительно языком фонетическим. Видно, как он скрепя сердце признает, что есть категория современных людей, не пользующихся звуком и слухом (фонетическим языком), использующих жестовый язык, но тем не менее способных к общению и жизни в современном человеческом коллективе. Марр в своей главной работе 1931 года «Язык и мышление» (которую зло и недобросовестно цитировал в предыдущих полемических статьях Сталин) писал: «Естественно, для старой науки об языке ручная речь вовсе не существует. Между тем ручная речь и ручное мышление в глоттогоническом (языкотворческом), особенно же логогоническом (мыслетворческом) процессе сыграла громадную роль; за время ее многотысячелетнего

существования в мышлении произошли громадные сдвиги, благодаря ей мышление оформилось; за то же время количественного и качественного роста ручной речи человечество пережило не одну ступень стадиального развития. Является вопиющим с подлинным положением дела расхождением, по вполне натуральным для буржуазной науки, когда самый факт нахождения ручной речи и ручного мышления у колониальных для нее народов рассматривается как доказательство нахождения соответственных коллективов на первобытной ступени развития или как случайный придаток, позднее возникший местами из дополнительных к звуковой речи жестов, исторически, следовательно, не обусловленных бытием. Между тем ручной язык сам по себе есть стандартизированный позднейший вид линейной речи мирового обихода, уступивший место звуковой речи весьма поздно в борьбе, борьбе женской матриархальной организации; это женский язык, лишь постепенно загнанный в отдаленные районы в результате антагонизма говоривших на них противоборствующих сторон социально-экономических образований»[1287]. Для доказательства Марр ссылался на результаты этнографических экспедиций, открывших в среде некоторых народностей Кавказа бытование так называемой женской «ручной речи», употреблявшейся в связи со смертью мужа невесткой при общении со свекровью. Было выяснено, что такой обычай все еще существовал во времена Марра среди жителей десятка деревень вне зависимости от конфессии и культурных традиций, населенных азербайджанцами, айсорами, греками, армянами, турками, грузинами. Схожие традиции были обнаружены среди жителей Персии и сирийских арабов[1288]. В нашумевшей в свое время монографии Леви-Брюля, изданной во Франции в 1931 году, давалась сводка по большинству регионов мира, где сохранились разные формы «ручной речи» от Северной и Южной Америк и до Африки и Тихоокеанских островов. Этнографы, путешественники, лингвисты, проповедники и колониальные администраторы собрали огромный материал, подтверждавший, что у многочисленных и очень разных «первобытных» народов еще в XIX веке была в полном ходу ручная, жестовая речь. Причем не только в «женской» форме, но и как полноценное средство общения, сохранявшее различные переходные формы от «ручной» к смешанной жестово-фонетической, а затем и – к чисто фонетической, глубоко

скрывающей в себе все тот же древнейший жест. Обобщая, Леви-Брюль связал особенности общения с помощью «ручного языка» с особенностями мышления людей, использующих этот язык. «Говорить руками – это в известной мере буквально думать руками, – писал он. – Существенные признаки “ручных понятий” необходимо должны, следовательно, быть налицо и в звуковом выражении мысли. Главные способы выражения оказываются одинаковыми: оба языка, столь различные по своим знакам (один язык состоит из жестов, а другой – из членораздельных звуков), близки друг другу по строению и способу выражать предметы, действия, состояния. Следовательно, если словесный язык описывает и рисует во всех деталях положения, движения, расстояния, формы и очертания, то как раз потому, что эти же средства выражения употребляются и языком жестов»[1289]. Леви-Брюль процитировал американского этнографа полковника Маллери, издавшего обширную монографию о языке жестов индейцев Северной Америки. «Можно было бы написать толстую грамматику языка жестов, – утверждал Маллери. – О богатстве этого языка можно судить хотя бы по тому факту, что индейцы двух разных племен, из которых каждый не понимает ни одного слова из звукового языка своего собеседника, могут полдня беседовать между собой, рассказывая друг другу всякие истории при помощи движений пальцев, головы, ног»[1290].

Конечно, стадиальная концепция Марра гораздо глубже простой констатации фактов и их обобщения Леви-Брюлем, но для нас важнее то, что Сталин вряд ли знал и о книге Леви-Брюля и о других этнографических и философских исследованиях XIX – начала XX века. Отсюда его пренебрежительные замечания, основанные на бытовых наблюдениях и собственном ущербном кинетическом опыте, о сугубо вспомогательной роли жеста и в отрицании самой возможности такого способа межчеловеческой коммуникации. Если до 1950 года книга Леви-Брюля оценивалась пусть критически, но в целом очень высоко, то после развенчания яфетической теории Марра исследование Леви-Брюля было объявлено «расистским», а он сам «прислужником империализма»[1291]. Книга была переиздана в России только через шестьдесят три года и без предисловия мало кому ныне памятного Марра.

Ответ Сталина на вопросы студента Холопова

В коротеньком письме студента из далекого северного поселка А. Холопова содержались наиболее существенные замечания. Фактически автор обвинил вождя в резкой смене политического курса, подметив заметное расхождение идеологии послевоенного сталинизма с идеями интернационального романтизма первых лет Советской власти. Студент Холопов писал:

«Уважаемый тов. Сталин!

По прочтении Вашей статьи “Относительно марксизма в языкознании” у меня возник один вопрос, с которым я решил непосредственно обратиться к Вам ввиду того, что (как видно из Вашей статьи) наши языковеды неправильно разъясняют марксизм в языкознании.

Вопрос заключается в следующем!

У Вас в разделе о характерных признаках языка написано: “Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещения, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них”. И далее: “Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков…”

А на XVI съезде ВКП(б) Вы говорили: “Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым”.

Из статьи Вашей я понял, что от скрещивания языков никогда не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что **при коммунизме** языки сольются в один общий. Поэтому, товарищ Сталин, если можно Вас попросить ответить, то убедительно прошу прояснить вопрос о вышеприведенном.

Студент Мурманского Государственного Учительского института

А. Холопов.

Мой адрес: Ваеньга, Мурманской обл., в/ч 40608 к.

P. S. Тов. Сталин, прошу Вас меня извинить за обращение к Вам».

На письме есть пометка: «Поступило в ОС (Особый сектор. – *Б. И.*) ЦК ВКП(б) 12.VII.50 г.»[1292].

Как большинство писем военных и первых послевоенных лет, и это письмо было без конверта, а на военно-полевой манер сложено треугольником. На оттиске почтового штемпеля дата и место отправки отпечатались неразборчиво, но зато хорошо читается надпись, сделанная той же рукой, что и текст письма: «г. Москва, Кремль. Тов. Сталину»[1293]. Для Сталина рукопись письма перепечатали на машинке. И рукопись, и перепечатки сохранились в сталинском архиве вместе с комплексом документов, относящихся к дискуссии. Нет никаких сомнений, что эти материалы (как и другие) Сталин лично направил в свой архив. Ему же принадлежат и подчеркивания ключевых слов о том, что он изменил свое мнение о возможности скрещивания языков и что в 1930 году на XVI съезде партии Сталин вместе с Марром предрекал слияние в мировом масштабе всех наций и их языков.

В общем ряду серии «Ответов» своим корреспондентам Сталин закончил писать «Ответ А. Холопову» последним, а именно 28 июля 1950 года. Над ним он размышлял больше двух недель и делал это очень обстоятельно. Независимо от того, наговаривал ли Сталин текст стенографистам или вчерне писал его сам (как в данном случае), он, как правило, приказывал важный для него документ распечатать на машинке в нескольких экземплярах, которые использовал для дальнейшей доработки. В результате получилась заметка, затрагивающая наиболее существенные проблемы как философии истории, так и вопросы текущей идеологии сталинизма, облаченные в причудливую форму «научной языковедческой дискуссии». Приведу завершающий сталинский очерк полностью в том виде, в каком он сохранился в его архиве и был воспроизведен в печати, учитывая то, что и современному читателю он вряд ли памятен:

«Товарищу А. Холопову.

Ваше письмо получил.

Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой.

Ваше письмо молчаливо исходит из двух предположений: из предположения о том, что допустимо цитировать произведения того или иного автора в отрыве[1294] от того исторического периода, о котором трактует цитата, и во-вторых, из того предположения, что те или иные выводы и формулы марксизма, полученные в результате изучения одного из периодов исторического развития, являются правильными для всех периодов развития и потому должны остаться неизменными.

Должен сказать, что оба эти предположения глубоко ошибочны.

Несколько примеров.

1. В сороковых годах прошлого века, когда не было еще монополистического капитализма, когда капитализм развивался более или менее плавно по восходящей линии, распространяясь на новые, еще не занятые им территории, а закон неравномерности развития не мог еще действовать с полной силой, – Маркс и Энгельс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной какой-либо стране, что она может победить лишь в результате общего удара во всех или в большинстве цивилизованных стран. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов.

Однако в начале XX века, особенно в период Первой мировой войны, когда для всех стало ясно, что капитализм домонополистический явным образом перерос в капитализм умирающий, когда война вскрыла неизлечимые слабости мирового империалистического фронта, а закон неравномерности развития предопределил разновременность созревания пролетарской революции в разных странах, – Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что в новых условиях развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах, что старая формула Маркса и Энгельса уже не соответствует новым историческим условиям.

Как видно, мы имеем здесь два различных вывода по вопросу о победе социализма, которые не только противоречат друг другу, но и исключают друг друга.

Какие-нибудь начетчики и талмудисты, которые, не вникая в существо дела, цитируют формально, в отрыве от исторических условий, – могут сказать, что один из этих выводов, как, безусловно, неправильный, должен быть отброшен, а другой вывод, как, безусловно, правильный, должен быть распространен на все периоды развития. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, они не могут не знать, что оба этих вывода правильны, но не безусловно, а каждый для своего времени: вывод Маркса и Энгельса – для периода домонополистического капитализма, а вывод Ленина – для периода монополистического капитализма.

2. Энгельс в своем “Анти-Дюринге” говорил, что после победы социалистической революции государство должно отмереть. На этом основании после победы социалистической революции в нашей стране начетчики и талмудисты из нашей партии стали требовать, чтобы партия приняла меры к скорейшему отмиранию нашего государства, к роспуску государственных органов, к отказу от постоянной армии.

Однако советские марксисты, на основании изучения мировой обстановки в наше время, пришли к выводу, что при наличии капиталистического окружения, когда победа социалистической революции имеет место только в одной стране, а во всех других странах господствует капитализм, страна победившей революции должна не ослаблять, а всемирно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением. Русские марксисты пришли к выводу, что формула Энгельса имеет в виду победу социализма во всех странах или в большинстве стран, что она неприменима к тому случаю, когда социализм побеждает в одной, отдельно взятой стране, а во всех других странах господствует капитализм.

Как видно, мы имеем здесь две различные формулы по вопросу о судьбах социалистического государства, исключающие друг друга.

Начетчики и талмудисты могут сказать, что это обстоятельство создает невыносимое положение, что нужно одну из формул отбросить, как безусловно ошибочную, а другую, как безусловно правильную, – распространить на все периоды развития социалистического государства. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, ибо обе эти формулы правильны, но не абсолютно, а каждая для своего времени: формула советских

марксистов – для периода победы социализма в одной или нескольких странах, а формула Энгельса – для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе социализма в большинстве стран и когда создадутся, таким образом, необходимые условия для применения формулы Энгельса.

Число таких примеров можно было бы увеличить.

То же самое нужно сказать о двух различных формулах по вопросу о языке, взятых из разных произведений Сталина и приведенных т. Холоповым в его письме.

Тов. Холопов ссылается на произведения Сталина “Относительно марксизма в языкознании”, где делается вывод, что в результате скрещивания, скажем, двух языков, один из языков обычно выходит победителем, а другой отмирает, что, следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков. Далее он ссылается на другой вывод, взятый из доклада Сталина на XVI съезде ВКП(б), где говорится, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Сличив эти две формулы и видя, что они не только не совпадают друг с другом, а исключают друг друга, т. Холопов приходит в отчаяние. “Из статьи Вашей, – пишет он в письме, – я понял, что от скрещивания языков никогда не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что при коммунизме языки сольются в один общий”.

Очевидно, что т. Холопов, открыв противоречие между этими двумя формулами и глубоко веря, что противоречие должно быть ликвидировано, считает нужным избавиться от одной из формул, как неправильной, и уцепиться за другую формулу, как правильную для всех времен и стран, но за какую именно формулу уцепиться, – он не знает. Получается нечто вроде безвыходного положения. Тов. Холопов и не догадывается, что обе формулы могут быть правильными, – каждая для своего времени.

Так бывает всегда с начетчиками и талмудистами, которые, не вникая в существо дела и цитируя формально, безотносительно к тем историческим условиям, о которых трактуют цитаты, неизменно попадают в безвыходное положение.

А между тем, если разобраться в вопросе по существу, нет никаких оснований для безвыходного положения. Дело в том, что брошюра Сталина “Относительно марксизма в языкознании” и выступление Сталина на XVI съезде партии имеют в виду две совершенно различные эпохи, вследствие чего и формулы получаются различные.

Формула Сталина в его брошюре, в части, касающейся скрещивания языков, имеет в виду эпоху до победы социализма в мировом масштабе, когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнет остается в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями, когда нет еще национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки. Именно эти условия имеет в виду формула Сталина, когда он говорит, что скрещивание, скажем, двух языков дает в результате не образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого.

Что касается другой формулы Сталина, взятой из выступления на XVI съезде партии, в части, касающейся слияния языков в один общий язык, то здесь имеется в виду другая эпоха, а именно – эпоха после победы социализма во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнет будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в

результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков.

Требовать, чтобы эти формулы не находились в противоречии друг с другом, чтобы они не исключали друг друга, – так же нелепо, как было бы нелепо требовать, чтобы эпоха господства социализма, чтобы социализм и капитализм не исключали друг друга.

Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые никогда не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случае в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, – он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, – следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

28 июля 1950 г.»[1295]

Не останавливаясь на многочисленных стилистических поправках, не имеющих большого значения для понимания обсуждаемых проблем, отметим только наиболее существенные из них. В окончательном варианте, говоря о том времени, когда все языки и нации начнут сливаться, Сталин, помимо победы социализма во всемирном

масштабе, добавил еще одно условие – когда «эксплуататорские классы будут уничтожены»[1296]. Похоже, что Сталин все же продолжал усматривать связь между классовой структурой общества и его языками (семантикой), на чем настаивал и Марр.

Довольно основательно переработал текст в том месте, где речь идет об отношении «русских марксистов» к победе социализма во всех странах сразу или в одной стране. Сталин первоначально написал его в такой редакции: «Это, как видите, два совершенно различных вывода. Если взять эти выводы Ленина в отрыве от тех исторических условий, о которых трактуют они, то нельзя не признать, что мы имеем здесь дело с явными противоречиями между ними. Какие-либо начетчики, которые цитируют формально, не вникая в дело, обязательно сказали бы, что из двух выводов Ленина следовало бы отбросить один, как неправильный и противоречащий другому. А между тем марксизм знает, что оба этих вывода правильны, но не абсолютно, а каждый для своего времени»[1297].

Надо признать, что в окончательном варианте эта же мысль сформулирована Сталиным более четко.

В последнем варианте Сталин, как опытный журналист, особенно тщательно прорабатывал концовку, понимая, что именно по ней многомиллионная, мало понимающая в теоретическом языкознании аудитория будет судить об истинном отношении вождя и к обсуждаемым вопросам, и к молодому корреспонденту[1298]. Учитывая, видимо, и без того жесткий тон по отношению к студенту Холопову и абсолютную безапелляционность своих рассуждений, Сталин снял в окончательном варианте ранее написанный заключительный абзац: «Приводить цитаты к месту и не к месту и сопоставлять их друг с другом далеко еще не значит овладеть марксизмом. Овладеть марксизмом значит уловить существо марксизма и научиться пользоваться методом марксизма при решении важнейших проблем исторического развития. Конечно, это будет много труднее, чем жонглировать цитатами, но других путей для овладения марксизмом не существует»[1299].

Несмотря на заметные попытки смягчить интонацию и злую лексику «Ответа», в нем и без этого сохранился грубый тон и двусмысленные обороты, те, которые Сталин обычно употреблял в 20–40-х годах, в периоды беспощадной борьбы с политическими

оппозициями и очередными «врагами народа». Именно в те уже давние годы он обвинял сторонников Троцкого, Зиновьева и других в талмудизме, а Бухарина и его сторонников в начетничестве, намекая одновременно и на их этническую и изначально конфессиональную принадлежность. То, что именно он больше других большевиков грешил в своих речах и полемических писаниях приемами, очень напоминающими средневековую схоластику и гомилетику, этого ему, разумеется, в 1950 году сказать никто не смел. Но в данном случае Сталин полемизировал не со своими заклятыми и грозными соратниками, а всего лишь с безвестным студентом, робко извиняющимся за свои «наивные» вопросы. «Ответы» Крашенинниковой и Санжееву были выдержаны в благожелательных тонах. «Ответы» Белкину и Фуреру составлены уже суше. Но робеющего студента Холопова вождь явно пытался раздавить своим авторитетом и окриками, превентивно затыкая рты более серьезным, главным образом научным скептикам. И действительно, лет через десять после смерти Сталина, во времена хрущевской «оттепели», некоторые из выживших марристов робко попытаются вернуться к некоторым идеям Марра, но это уже другая история.

По своей обычной редакторской привычке, Сталин внес небольшие стилистические исправления даже в окончательный машинописный вариант всей подборки[1300], затем собственной рукой, на чистом листе, как на титуле, написал общий заголовок: «Ответ товарищам. Исправлено. И. Ст.»[1301].

В тот же день, то есть 28 июля 1950 года, когда Сталин закончил работу, он по уже заведенному им порядку на бланке ЦК, то есть в высшей степени официально, направил письмо:

«Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю для ознакомления “Ответ товарищам” по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера субботы не поступит от вас замечаний, буду считать ответы одобренными. Предполагаю опубликовать их в очередном номере “Большевика”, выходящем 31 июля.

И. Сталин»[1302].

Послание напечатано на машинке, но подписано оно собственноручно вождем. Как и в предыдущих случаях, замечаний от «великих» языковедов-марксистов, подобных Берии, Молотову, Хрущеву и др., не последовало, и статья благополучно была опубликована в указанный срок и в указанном месте.

Как уже говорилось, в архиве Сталина хранится 14-й номер за 1950 год журнала «Большевик», в котором опубликован «Ответ товарищам». Там же помещена словоблудная статья одного из руководителей пропагандистского аппарата, советского философа Г. Александрова под заголовком «Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма (о трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания)»[1303]. На протяжении 50-го и последующих до смерти Сталина годов в стране многомиллионными тиражами издавались в различных, в том числе и в подарочных, в самых дешевых форматах сталинские заметки по вопросам языкознания. Ученые мужи-гуманитарии организовывали конференции и издавали сборники статей, в которых развивали идеи вождя.

Все варианты статей и отклики на них, письма членам Политбюро и публикации в различных массовых изданиях, хвалебные отзывы (других, разумеется, не было) Сталин собрал в своем архиве. На многих не упомянутых здесь публикациях сохранились следы собственноручной сталинской правки[1304].

В чем-чем, а в трудолюбии «корифею языкознания» отказать трудно.

Глава 10
Послевкусие от дискуссии

Между утверждением и крахом «сталинского учения о языке»

Дискуссия закончилась полностью и окончательно. В спешном порядке собирались конференции и совещания лингвистов, историков, философов, археологов, филологов: обсуждали труды Сталина, пинали чучело «мертвого льва» (Марра). Также спешно приступили к печатанию сборников докладов и статей, в очередной раз доказывающих несостоятельность марризма и гениальность языковедческих трудов почетного академика. Виноградов получил пост главы академического лингвистического ведомства; каждый из тех, кто публично выступил в едином фронте с вождем, удостоился важных должностей, а вскоре, высоких званий. Мещанинов, наоборот, потерял большинство постов, но сохранил академическое звание и возможность трудиться, да еще и по специальности – вождь явно мягчел. Академик Виноградов лично развенчивал своего бывшего начальника, публикуя одну статью за другой, в которых громил давние труды своего коллеги примерно одними и теми же словами: «Критикуя работы И. И. Мещанинова – одного из виднейших учеников Марра, мы стремимся к одной большой цели – устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке и помочь самому И. И. Мещанинову вступить на тот путь лингвистического исследования, на который всех нас направляет наш великий вождь и учитель – И. В. Сталин»[1305].

Подавляющее большинство «марристов» моментально «перекрасилось»; беспощадно громили своего бывшего кумира, а некоторые, покаявшись, остались на завоеванных ранее административных высотах. Совсем немногие упорствовали, например пережившая блокаду О. Фрейденберг или Н. Яковлев, создавший десяткам народов СССР письменность и грамматику. Они тут же стали изгоями. Но самое примечательное это то, что ситуация со свободой творчества в советской лингвистике и вообще в гуманитарных науках

ничуть не изменилась. Место поверженного идола занял живой идол, «труды» которого были столь же неопровержимы, как и труды предыдущего. Именно к этому времени (январь 1952 года) относится уже цитировавшееся письмо из ИМЭЛС за подписью его директора, из которого следовало, что вовсю началась работа, связанная с публикацией в очередном томе собраний сочинений вождя его языковедческих статей[1306].

Из выдающихся учеников Марра, может быть, лишь Б. Б. Пиотровскому удалось через всю жизнь пронести свое уважение к академику и сделать успешную научную и административную карьеру. Но и ему судьба преподнесла явные и скрытые опасные повороты. А что Сталин? Что наш новоиспеченный «корифей языкознания», автор «сталинского учения о языке»?

* * *

Судя по всему, Сталин еще какое-то время отслеживал настроения в ученой среде, опасаясь скрытых рецидивов марризма. Это выдает еще одну черту сталинской натуры: он всегда и везде чувствовал себя внутренне неуверенно. По хлесткому определению Троцкого, Сталин – это «серая клякса», человек, лишенный подлинно творческих способностей. Его внутреннее «я» вечно искало аргументы, подтверждающие его высокий статус во всем и перед всеми, а теперь и в науке, в лингвистике. Эти опасения поддерживались тем, что к нему время от времени поступали научные издания, авторов которых можно было заподозрить в марристических наклонностях. Конечно же, по его распоряжению их отслеживали. Нет, не устал стареющий вождь, читал все внимательно и с пристрастием. Не менее примечательно и то, что именно во время этих чтений отчетливо проявился еще один из его истинных мотивов, толкнувших на организацию истеричной языковедческой кампании: это маскируемый на людях грузинский шовинизм и не менее скрытые антиармянские настроения.

В самом начале 1950 года (в канун дискуссии) в столичном издательстве «Искусство» был опубликован на русском языке первый том обширного труда Ш. Я. Амиранашвили «История грузинского искусства». На грузинском языке эта книга вышла еще в 1944 году и,

конечно же, несла на себе следы влияния концепции Марра. Амиранашвили специализировался на истории Грузии и Ирана, был членом-кор респондентом АН СССР, с 1939 года работал директором Музея искусств Грузии. Фундаментальный труд Амиранашвили охватывал значительный период: от первобытно-общинного времени и до присоединения Грузии к России. Сталин тщательно изучил только первую главу: «Архаическое искусство Грузии и Закавказья по археологическим данным». То, что он проявил интерес именно к этой главе, не случайно, в ней речь идет о древнейшем на территории Кавказа царстве Урарту, о происхождении грузин и истоках их культуры. Амиранашвили довольно осторожно подошел к освещению этих проблем. Сталин, вначале с синим, а затем с красным карандашом в руке, отследил его мнение.

«В различных районах Грузии, – писал Амиранашвили, – открыты памятники мегалической культуры древнейшего типа, относящиеся, по всей вероятности, к эпохе позднего неолита. Профессор Л. Меликсет-Беков, изучающий мегалитические сооружения в Грузии, относит их **к IX в.** до н. э., **когда возникло Ванское царство (Урарту)**»[1307].

«Для датировки этих памятников Л. Меликсет-Беков приводит свидетельство историка XI в. Леонтия Мровели о том, что грузины лишь **в IV в.**

до н. э. впервые стали строить крепостные стены на извести, в отличие от **сухой кладки**, являющейся характерной особенностью **древнейших “циклопических” построек**»[1308]. «Социальную структуру Закавказья И. Мещанинов определяет как **родоплеменные** общины, находящиеся в процессе разложения, обозначая её как “**урартскую стадию**”»[1309].

Таким образом, автор, прикрываясь мнением авторитетов, в том числе марриста Мещанинова, намекал на то, что государство Урарту не имеет непосредственного отношения к истории Грузии.

Напомню: здесь Сталин исправил армянское написание названия древних каменных тотемных столбов в виде рыб или барельефных изображений навешенных на столбы бараньих шкур. «Вишапы, как теперь окончательно установлено, были связаны с горной ирригационной системой». Сталин на полях слева правит на грузинское: *«Вешапы»*[1310]. Кавказ – один из мировых центров, где

впервые началась выплавка металлов, в том числе железа. Автор монографии отметил, что один такой центр древней металлургии:

> «…**находился севернее древнего Элама, откуда она** распространилась **не только на Кавказ, но и в страны Западной Европы**»[1311].

«На территории Грузии во многих местах обнаружено большое количество медных топоров, форма которых родственна медному топору из Майкопского кургана и **ранним топорам сумерийской эпохи из Ура**. Таким образом, бесспорно существование в Грузии длительного периода металлической культуры…»[1312]. Рассказывая о производстве железа, Амиранашвили сослался на мнение древних: «… Амиан Марцелин и др. считали железо произведением картвельского племени **халибов**»[1313].

Сталину явно понравилось, что установлена обширная связь металлических памятников, найденных на территории Грузии, с памятниками других древнейших цивилизаций, а первые на земле выплавки железа вообще связываются с именем одного из коренных грузинских племен халибов. (На самом деле это не так.)

На Сталина также произвело хорошее впечатление и то, как автор сближал грузинский пантеон языческих богов с пантеонами других древнейших народов. Амиранашвили проводил мысль, что для всех народов Древнего Востока был единый культ женского божества плодородия: «Сумеры называли эту богиню **Нина, Нана** (Нинни, Иннина), а в Ассиро-Вавилонии ее чтили под названием Иштар и т. д.»[1314]. Нина (Нана) – одно из самых распространенных на Кавказе женских имен и доныне.

«Грузинские летописи сообщают, что статуя этой богини стояла среди других изображений богов в Армази, и приводят её сумерийское название – **Аннина**»[1315].

«Как известно, **Рея, Кибелла, Иштар, Нина** – имена одной и той же богини плодородия»[1316]. И здесь, в этом сближении имен, автор явно следовал по стопам только что табуированного вождем Марра.

На пятидесятой странице монографии Сталин подчеркнул всего одно имя, но имя это было особо значимо: «В грузинском сознании миф о непревзойденном герое Амиране занимает такое же место, какое

занимал в Месопотамии и частично в Малой Азии эпос о **Гильгамеше**. Заимствованное странами античного мира у картвельских племен, это сказание в виде мифа о Прометее заняло почетное место в религиозно-мифологическом творчестве человечества»[1317].

Так автор широко, по-марровски связал историю и культуру Грузии с древнейшими культурами мира: Шумера, Ассирии и Вавилона, Древнего Рима, Греции и Финикии сразу.

И все же на этот раз Сталин читал книгу не только из любознательности или по необходимости из цензурных и политических соображений. Очень может быть, что он читал эту книгу в разгар дискуссии или буквально сразу после нее. Он заранее знал, что ищет. Сталин уже несколько раз натыкался глазами на те общие места, в которых автор почтительно ссылался на мнение Марра и марристов. Но вот он обнаружил прямое влияние концепции Марра:

«Итак, в искусстве древней Колхиды основной темой является изображение **племенного тотема волка, которое на определенной стадии развития религиозно-магического** мышления имело доминирующее значение»[1318]. Подчеркнув определение древнейшей стадии развития мышления человека как «религиозно-магическое», Сталин на полях красным карандашом с толстым грифелем написал: «*ха-ха*».

«Тотемное животное сопровождается фантастическими атрибутами, объяснение которых нужно искать в народных сказаниях и **в религиозно-магических** обрядах и представлениях», – писал автор. Сталин на чистом верхнем поле страницы комментирует: «*Религиозно-магический чудак*»[1319].

«Как было отмечено выше, в искусстве древней Колхиды раннего периода основное место занимала космическая тематика, которая на более поздней стадии развития заменилась тотемической»[1320]. И вновь на полях справа: «*ха-ха*». И так он комментирует почти везде, где встречает слова «магический», «магия». Жирно их подчеркивает и пишет: «*Чудак*» или «*ха-ха*». К счастью для автора, это были благодушные реплики, которые символизировали доброе, хотя и критическое отношение вождя к автору научного труда, к его «марристским» заскокам. Печальных последствий для судьбы Амиранашвили они не имели. И все же пусть косвенно, но и для него стали предостережением строки из письма Сталина «К некоторым

вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой». Тогда, цитируя Марра, Сталин писал: «Если эту “труд-магическую” тарабарщину перевести на простой человеческий язык, то можно притти к выводу, что… Марр отрывает мышление от языка»[1321]… и т. д.

* * *

Одним из преемников Марра по линии археологических изысканий и исследований культуры древнего государства Урарту был его ученик историк-востоковед и археолог Б. Б. Пиотровский. В 1945 году он был избран в члены-корреспонденты АН Армянской ССР, а через год награжден Сталинской премией. В Академию наук Армении его избрали за труды по древней истории армянского народа. Престижную в те времена Сталинскую премию он получил за книгу «История и культура Урарту», вышедшую в Ереване в 1944 году. Марр был одним из ее героев. Пиотровский, занимая множество административно-научных должностей, был одновременно в руководстве Государственного Эрмитажа в Ленинграде. В конце своей длительной и очень плодотворной жизни он написал воспоминания, которые я уже не раз цитировал в этой книге. Вновь сошлюсь на мнение не только очевидца событий, но и человека прямо в них участвовавшего. Пиотровский вполне ясно намекнул на то, что проблема этно-национальной принадлежности государства Урарту стала объектом фальсификации со стороны националистически ориентированных грузинских историков еще с 30-х годов XX века. А спровоцировал их выйти на всесоюзную арену учебник истории СССР для младших классов общеобразовательной школы, изданный под редакцией профессора А. В. Шестакова.

Пиотровский вспоминал: «…в 1937 г. вышел учебник “История СССР” под редакцией А. В. Шестакова, в котором писалось: “Первое государство Закавказья называлось Урарту в районе Арарата у Ванского озера. Его повелители властвовали над грузинскими племенами. У них было много рабов, которые строили им дворцы, рыли канавы для орошения царских полей и садов. Это было государство родоначальников нынешней Грузии”.

Несмотря на нагромождение нелепостей в приведенном тексте, тезис о древнейшем государстве на территории СССР был подхвачен историками и развит дальше. А. В. Шестаков был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В. В. Струве в военно-политической Академии им. В. И. Ленина прочел лекцию “Урарту – древнейшее государство на территории СССР”, опубликованную по стенограмме. Он начал ее следующими словами: “Моя лекция обусловлена появлением учебника под редакцией проф. А. В. Шестакова – учебника, который дал нам подлинную историю СССР и начал ее не с Киевской Руси, как это было принято до сих пор, а гораздо более ранних эпох”. Вместе с тем в том же 1937 г. в издательстве Тбилисского университета вышла книга А. С. Сванидзе “Материалы по истории Алародийских племен”, где на фоне древней истории народов Передней Азии приводилась и история Урарту. А. С. Сванидзе был близок к семье И. В. Сталина и имел его поддержку, которая скоро обратилась в прямую противоположность, но до опалы он организовал журнал “Вестник древней истории”»[1322].

Как и миллионы советских людей, Пиотровский так никогда и не узнал, что Сталин принял самое непосредственное участие в выработке «концепции» учебника Шестакова. А также собственноручно много раз правил и вставлял отдельные куски текста. Этот учебник стал основной моделью для всех остальных учебных и научных изданий по истории России. Так что привязка государства Урарту к Грузии и грузинам произошла по инициативе вождя задолго до событий 1950-го и последующих за ним годов.

«Школьным учителям приходилось туго, – вспоминал далее Пиотровский, – в учебнике были лишь декларативные высказывания, а русская литература, упоминающая Урарту, была для них сложна. Мой учитель по школе В. Н. Бернадский обратился ко мне за помощью, и мне пришлось подготовить методичку лекций и приняться за написание популярной, но исторически достоверной статьи об Урарту. Она вышла в 1939 г. в издании Эрмитажа. В ней я попытался популярно изложить основные вопросы археологии, связанные с Урарту и скифами, это была моя первая обобщающая работа, она не поддерживала тезис Шестакова, но была для учителей очень полезна. В. Н. Бернадский шутил, что он не зря обучал меня истории в школе и что пришло время мне обучать учителей.

Отделение истории и философии Академии наук СССР поручило мне на весенней сессии отделения сделать доклад “Урартское государство и южное Закавказье (VIII–VII вв. до н. э.)”. Это издание было трудным, но и почетным, так как я должен был выступить наряду с академиками И. А. Джавахишвили, Я. А. Манандяном и В. В. Струве. Готовился я усердно до последнего дня…

Вел заседание Б. Д. Греков (директор Института истории СССР АН СССР. – *Б. И.*). Когда был зачитан мой доклад, то сначала С. Н. Джанашия начал задавать ехидные вопросы относительно грузин как прямых наследников Урарту, а в прениях обрушился на меня со всей силой, указывая на то, что я выступаю против истины, которая была декларирована еще Шестаковым. Мое заключение о том, что наследниками урартской культуры можно считать многие народы Закавказья, его не устраивало, и он резко требовал приоритета грузин». Далее мемуарист подробно пишет, как его выручили из затруднительной ситуации академики Джавахишвили и Мещанинов. «Джанашия был возбужден; даже позже по вопросу о потомках урартов у нас с ним примирения не произошло, и он через ЦК пытался снять мою главу из макета “История СССР”, подготовленного “Институтом истории материальной культуры”. В своем отзыве он придрался к формулировкам, совершенно не учитывая историческую перспективу и изменения, происшедшие за три века. Армян называл “новой окавказившейся народностью”. В конце отзыва он писал: “Задача советского халдоведа в том и заключается, чтобы вскрыть исторические корни Урарту, выявить его живых наследников”. Через семь лет после этого отзыва Джанашия прислал мне с авторской надписью свой учебник “История Грузии”, где продолжал урартов именовать халдами, а на карте иберам отдал урартскую территорию с озером Ван, а арменов оттеснил на ассирийскую территорию в среднем течении Тигра и Эфрата.

Внешне мы с Джанашия сохраняли самые добрые отношения. Действительно, благодаря его энергии археологические работы в Грузинской ССР получили значительное развитие»[1323].

В одной из книг из библиотеки Сталина я нашел карту, изображавшую древние государственные образования на территории Кавказа и прилегающих к нему земель Междуречья. Сталин аккуратно обвел карандашом территорию, на которой значилось государство

Урарту. Только наметанный глаз опытного картографа или историка мог бы определить, какие территории современной Грузии или Армении входили когда-то, по мнению вождя, в территорию Урарту.

* * *

В 1951 году, намного позже того времени, когда Сталин познакомился с книгой Амиранашвили, вышел солидный академический сборник работ специалистов в области древнейшей истории: А. П. Окладникова, Т. С. Пассек, С. Н. Руденко, С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского и др. Была там и большая статья Пиотровского, названная кратко – «Урарту». Сборник и статья попали к Сталину, скорее всего, «по наводке». «Доброжелатели» из редакции газеты «Правда», видимо, лучше простых читателей были осведомлены о втором пласте кампании против «школы Марра». На титульном листе сборника, находящегося в архиве Сталина, красуется инвентарный номер и штамп: «Библиотека “Правды”».

Сборник открывается небольшим «Введением», написанным Г. Б. Федоровым в обычных академических традициях того времени – безудержное восхваление достижений русской науки и ее представителей и обязательная ругань в адрес науки буржуазной. Но престарелого вождя интересовало не это. Его подозрение вызвало упоминание, к тому же со ссылкой на авторитет Ленина, давно упраздненного им института:

> «В 1919 г. по декрету, подписанному Лениным, была создана Государственная академия истории материальной культуры, преобразованная затем в **Институт истории материальной культуры Академии наук СССР (ИИМК АН СССР)**»[1324]

Без сомнения, Сталин помнил, что этот институт, одно время возглавлявшийся Марром, после его смерти в 1934 году был фактически упразднен под видом преобразования в Институт археологии (до и после этого целый ряд известных археологов был расстрелян или посажен). Получалось, что автор проявляет скрытое недовольство проведенной реорганизацией и косвенно поминает

добром уже год опального Марра, да к тому же связывает его с именем Ленина. На следующей странице автор перечислил особо выдающихся современных советских археологов:

«За выдающиеся достижения в области археологических исследований удостоены Сталинской премии крупнейшие советские ученые Б. А. Рыбаков, С. А. Киселев, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, А. П. Окладников, С. П. Толстов и другие»[1325]. Фамилию Пиотровского Сталин обвел карандашом, а сбоку поставил грузинскую букву *«N.»,* заменявшую ему знак NB. Автор «Введения» очень старался всех похвалить за видимые достижения в науке, но особенно восхвалял Пиотровского, что бдительный вождь моментально заметил. Федоров счел нужным еще раз упомянуть, что Пиотровский был награжден Сталинской премией: «Член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, доктор исторических наук, лауреат **Сталинской премии Б. Б. Пиотровский…**»[1326] И наконец, когда автор, явно преувеличивая, присвоил Пиотровскому честь перворазработчика истории Урарту, Сталин взорвался:

> «Глубокие и разносторонние исследования позволили Б. Б. Пиотровскому **впервые в науке восстановить историю образования, развития и гибели Урарту**».

Помимо этих помет, Сталин обвел слово «впервые», поставил рядом с крестиком знак «*?*» и зло написал: *«ха-ха…»*[1327] Не исключаю того, что он уже давно знал (возможно, через Джанашия) о взглядах Пиотровского на происхождение грузин и жителей Древнего Урарту и на соответствующую главу из учебника Шестакова. По всему видно, что Сталин, интересовавшийся историей Урарту, что-то знал о длительной эпопее открытия и изучения этой цивилизации. Все подобные преувеличения лишь множили подозрения вождя.

Почитаем теперь статью Пиотровского глазами разозлившегося вождя-грузина. Он отмечает все, что наводит на мысль о древнеармянском происхождении в именах царей, названий местностей и других терминах урартской культуры.

Рассказывая о находке бронзовых листов с изображением осады ассирийцами городов Урарту, Пиотровский писал: «Над изображением пояснительная надпись: “Город Сугуниа, Арама Урартского”»[1328].

Даже для непосвященного имя явно звучит по-армянски. И древнее название озера Ван звучит в ассирийской надписи сомнительно: Пиотровский пишет: «Сверху пояснительная надпись: “Статую (изображение мое) у моря страны Наири я поставил, жертвы богам моим я принес”»[1329]. «От Сугуна я ушел, спустился к морю Наири (**озеру Ван**), мое оружие омыл я в море, жертву принес я моим богам». В надписи еще несколько раз упоминается имя урартского царя Арама, и каждый раз Коба-Сталин делает пометку. Пиотровский пишет, что ассирийская надпись имеет также отношение «…к походу в 858 году до нашей эры, предпринятому против того же урартского царя Арама». Цитирует текст с названием тогдашней столицы: «**К Арзашку, царскому городу Арама Урартского**, я приблизился»[1330].

Наибольшего расцвета Урарту достигло в конце VIII века до н. э. при царе Руса. Сталина привлекло это имя своим созвучием с армянскими и русскими словами или по каким-то иным причинам. Пиотровский, упоминая о нашествии ассирийского царя Саргона, пишет, что «…**урартский царь Руса** следивший за действиями своего противника, выступил в поход и зашел в тыл ассирийцам»[1331]. Имя царя Руса Сталин дополнительно обвел карандашом. Подчеркнул наименование резиденции царя «**Тушпу**», отметил рассказ древнего источника о созидательной деятельности царя:

> «Текст рассказывает: “Царь Руса, правитель их (то есть урартов), по желанию сердца своего указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду, воду изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бесчисленные арыки от своего русла и воистину оросил нивы…”»[1332] Отметил другие наименования иных древних стран и богов[1333]. Но подлинная «идеологическая диверсия» началась с главы «Первые находки памятников Урарту».

Пиотровский цитирует легендарный рассказ средневекового армянского историка о любви армянского царя и библейской Семирамиды деятельности, которой и приписывались памятники Урарту.

«В “Истории Армении”, написанной армянским средневековым историком **Моисеем Хоренским**, приводится легенда об армянском

царе Ара Прекрасном и об ассирийской царице Шамирам»[1334].

Одному из современных историков «было поручено обследовать и описать замечательные памятники в районе озера **Ван**, приписываемые Моисеем Хоренским царице Шамирам – **Семирамиде**»[1335]. Сталин явно ждал, что Пиотровский наконец-то проговорится и открыто объявит Урарту исторической предшественницей Армении. Тем более что дальше автор повествовал о клинописных текстах Урарту. И каждый раз, когда автор упоминал клинописные таблички, наскальные надписи и тексты, Сталин подчеркивал и буквально вскрикивал: **«**На каком языке?**», «**Какой язык?**», «**Язык?**»,** «На каком языке?» и так почти двадцать раз![1336]

Среди уникальных наскальных памятников Урарту есть так называемая «Дверь Мхера». Изображение двери высечено на глухой скале, и она, разумеется, никуда не ведет. «Она высечена на склоне горной гряды Зым-зым-дага, – пишет Пиотровский, – и ванцы называют ее “Мхери-**дура**”, то есть “Дверь Мхера”. Мхер был одним из героев древнего **армянского** эпоса о четырех поколениях сасунских богатырей…»[1337] От дважды подчеркнутого слова *«армянского»* Сталин направил стрелку к знаку «*?», а от* слова «*дура*» идет другая стрелка и комментарий: «*это турецкое*». Выходит, считал себя знатоком не только армянского, но и турецкого языка.

Как мы помним, Коба не возражал, когда Амиранашвили сближал древнейшие восточные, греческие и римские легенды с древнегрузинским эпосом. Но когда похожее, хотя и гораздо менее смелое, сближение попытался сделать Пиотровский в рамках армянской истории, он возмутился. Пиотровский предположил, что легенда о «Двери Мхера» и горе «Зымзым-даг» проникла в Западную Европу и трансформировалась там в знаменитый сказочный «Сезам – открой дверь». (Точнее было бы сказать, проникла через арабские сказки «Тысяча и одна ночь».) «Сюжет этой легенды проник и в Западную Европу, причем в ней гора, скрывающая сокровища называется созвучно **“Зымзым”: …Земси или Сезам (то есть кунжут)**». Сталин на полях справа начертал: «*ха-ха-ха*»[1338]. Возмущаясь «армянской экспансией» в область истории Урарту, Коба тем не менее не забывал и о великорусской гордости и приоритетах. Когда историк отметил, что одна из надписей – это «первая из урартских клинообразных надписей, открытых в пределах России и

попавшая в свод урартских текстов и Закавказья, составленный в 1898 году видным русским ассирологом М. В. Никольским»[1339], Сталин одобрительно отметил этот пассаж косыми линиями.

По мере чтения становилось все более очевидным, что Пиотровский однозначно трактует культуру Урарту как протоармянскую. И так же по мере дальнейшего чтения Сталин всё более раскалялся.

«Во второй четверти VIII века до нашей эры после непродолжительной войны с мелкими племенами Закавказья к Ванскому царству была **присоединена вся Араратская равнина**, и административный урартский центр был перенесен уже на **левый берег Аракса**. На прибрежной в то время скале, господствовавшей над всей равниной, Аргишти построил свою крепость, назвав ее Аргиштихинили. **Позднее на этом же месте** был расположен **Армавир, древняя столица Армянского** царства»[1340]. На полях справа «*N.*» и вновь: «*ха-ха*».

«Толпы пленных и скот угонялись из Закавказья в **центр Урарту – Биайну**».

«На протяжении почти всего VIII века до нашей эры Аргиштихинили был **крупнейшим**, если **не единственным**, административным центром в Закавказье»[1341]. Таким образом по воле Пиотровского и вопреки тому, что до этого читал Сталин у Шестакова и грузинских историков, в Закавказье VIII века до н. э. все меньше места оставалось для цивилизации древнегрузинских племен. Лишь однажды Пиотровский глухо упомянул хеттов, впрочем, никак не связав их с протогрузинскими племенами. Но Сталин и на это чутко отреагировал: «Под **страной Хате следует разуметь мелкие хеттские княжества в северной Сирии**»[1342].

Автор статьи подводил итоги, так ни разу не упомянув грузинские племена и не определившись в отношении языка урартских текстов. Я не знаю, чувствовал ли Борис Борисович Пиотровский весной-летом 1951 года, какая туча собирается в Кремле, чтобы пасть на его голову? Наверное, нет. Действительно большую опасность мало кто предчувствует.

В конце 30-х годов Пиотровский возглавил экспедицию, которая раскопала развалины последней столицы Урарту

> город Тейшебаини на холме Кармир-блур, близ Еревана. Упоминая об экспедиции, он писал: «Раскопки этой крепости, производящиеся **Академией наук** Армянской ССР и **Государственным Эрмитажем**, дали богатейший материал, характеризующий культуру последнего периода истории Урарту»[1343].

Судя по зигзагам, линиям и стрелкам, Сталина потрясла «противоестественная» связь между Эрмитажем и Академией наук Армении. В гневе он так и написал на верхнем поле листа: *«Какая между ними связь?»*

Пиотровский сам, не подозревая того, как бы все больше дразнил Кобу – «коммуниста-интернационалиста», «Вождя и Учителя народов», «корифея советского языкознания». В предпоследнем абзаце своего труда он писал, а Сталин подчеркивал: «С падением последнего оплота урартской власти в Закавказье, с разрушением скифами города Тейшебаини, заканчивается целый этап развития общества, когда **значительная часть Армении входила в состав древневосточного рабовладельческого государства Урарту**». Но что-то, видимо, сработало в душе историка. Возможно, ему помогла годами вырабатывавшаяся интуиция, вовремя предостерегающая об опасностях советского идеологического минного поля? Или он был осведомлен, что, как человек близкий когда-то к академику Марру, находится под особым подозрением? Скорее же всего, он, как и многие в стране, знал об антиармянских и грузинофильских настроениях вождя и поэтому сделал единственно правильный шаг. В самом последнем абзаце Пиотровский написал: «В процессе распада этого большого государства Передней Азии, на основе слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, при освоении его культуры возникли **современные народы Закавказья – армяне и грузины, создавшие в последних веках до нашей эры свои** государства»[1344]. Справа на полях Сталин поставил знак «*N.*», а слово «возникли» дополнительно обвел карандашом. Уф-ф! Можно сказать, пронесло.

Среди сохранившихся книг библиотеки Сталина я нашел только одну, имевшую отношение к древней истории или культуре Армении. Это армянский народный эпос «Давид Сасунский» с дарственной надписью переводчиков[1345].

В начале 70-х годов прошлого века, будучи аспирантом Института истории СССР, я несколько раз слышал яркие выступления Б. Б. Пиотровского. Мог ли я или кто иной подозревать, что в 1951 году его судьба могла быть прервана одной чертой мягкого синего карандаша? Не подозревал об этом и лауреат вполне заслуженной Сталинской премии.

* * *

После войны работы Пиотровского были положены в основу главы об Урарту известного учебника В. И. Авдиева «История Древнего Востока». Авдиев сам преподнес Сталину еще первый вариант учебника, точнее, стенограмму лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940/41 учебном году. В довоенных лекциях Авдиев отдал дань яфетической теории. Тогда он рассказывал слушателям: «Весьма возможно, что протохетты и близкие им по языку палайцы родственны другим древнейшим племенам Передней Азии, которых современные исследователи называют “азианическими”, вводя в эту группу Северную Месопотамию, и халдов, обитавших на территории Армении; по-видимому, они родственны и “яфетическим” племенам Кавказа. Наряду с более древними племенами, населявшими эти области Малой Азии и Северной Сирии, здесь, начиная со второго тысячелетия до н. э., обитали и другие племена, резко отличающиеся по своему языку от племен “азианической” группы. Некоторые ученые полагают, что в начале второго тысячелетия до н. э. здесь произошло крупное переселение племен. Однако нельзя объяснять все явления истории одними лишь миграциями племен и народов. Изменения языка и культуры могут в значительной степени объясняться теми крупными сдвигами, которые происходили в процессе изменения социально-экономических отношений (Марр! – *Б. И.)*. Если древние племена протохеттской группы родственны по своему языку хурритам (харрийцам) и субарейцам, то более поздние хеттынеситы и близкие к ним по своему языку лувийцы говорили на языке очень близком к языкам народов так называемой индоевропейской группы. Целый ряд слов в этом позднехеттском языке дает близкие аналогии к словам латинского, греческого, древнеиндийского и даже древнеславянского

языков. Таковы хеттские местоимения quis, quit, вполне соответствующие латинским quis, quid, хеттское uq, аналогичное греческому ἐγμ, наконец, хеттское существительное kimmant, чрезвычайно близкое греческому *χειμών* и даже русскому “зима”»[1346]. Так Авдиев попытался совместить марризм с вполне очевидными показаниями индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Примечательно, что в России, еще до дискуссии, не лингвисты, а археологи, палеоантропологи, этнографы (Третьяков) и представители других гуманитарных дисциплин пытались найти связующее звено между различными подходами в исторической этнолингвистике[1347].

* * *

До конца жизни Сталин сохранял неподдельный интерес к проблемам языка. 5 сентября 1952 года он принимал партийно-правительственную делегацию Монгольской Народной Республики во главе с Цеденбалом. В официальном протоколе записано: «В заключение беседы Сталин поинтересовался развитием грамматики в МНР.

Цеденбал говорит, что с введением русского алфавита грамотность сильно возросла и теперь до 90 % населения грамотные.

Сталин подтверждает, что старый алфавит затруднял рост грамотности, что звуковой, фонетический алфавит имеет все преимущества и что лет через 10–12 все будут грамотными. История культуры показывает, что сначала была система иероглифов. Это препятствовало распространению грамотности среди населения и переход к фонетической системе обеспечил широкое распространение грамотности. У мусульман тоже был сложный алфавит, а с переходом на русский алфавит грамотность быстро двинулась вперед»[1348]. Но перевести многосотмиллионный китайский народ на использование русского алфавита он не успел или – не решился, несмотря на усиленную просьбу Мао Дзэдуна к «вождю мирового пролетариата» дать ему какой-нибудь мудрый совет на все времена. Сталин совет, конечно, дал, но это уже другая, не языковедческая история. Даже в древние и Средние века уровень грамотности в Китае был выше, чем в

странах Европы. Грамотное население современного Китая пользуется хоть и упрощенной, но все той же древнейшей иероглифической письменностью. А вот Япония без всякого давления перешла на параллельный фонетический алфавит с использованием старинной графики. И кто, кроме вождя, посмеет однозначно ответить на вопрос – чей путь лучше?

* * *

Только через несколько лет после смерти Сталина, в хрущевскую «оттепель», идеологическая узда чуть ослабла, да и то ненадолго. Как известно, при Хрущеве началась первая антисталинистская кампания, которая затронула в числе прочих наук и лингвистику, точнее «сталинское учение о языке». Напомню, Хрущев как-то заявил, что у «Сталина были минуты просветления» и что он, возможно, сам написал языковедческие статьи. Но в общем русле советского антисталинизма в аппарате ЦК КПСС конца 50–60-х годов началось движение в сторону реабилитации Марра и развенчания теперь уже трудов-брошюрок Сталина. Вышло несколько публикаций (конечно же, как всегда, заказных) бывших учеников и последователей Марра (В. И. Абаев и др.), в которых отмечались его заслуги в различных областях знания и в особенности в области кавказоведения. К. И. Чуковский, оставивший интереснейший дневник интеллектуальной жизни сталинской и постсталинской эпох, записал в годы «оттепели», что к нему однажды пришли в гости Татьяна Винокур, Крысин и Ханпира: «Талантливые молодые лингвисты, Ханпира[1349] – задиристый, постоянно готовый уличать, резать правду-матку в глаза… Рассказали, что их институту заказаны чуть ли не три тома, чтобы разбить учение Сталина о языке – его, как сказано в предложении ЦК, “брошюру”. Пять лет называли его статьи “Гениальный труд корифея науки товарища Сталина” – и вдруг “брошюра”! В. В. Виноградов, громче всех восхвалявший “гениальный” труд – теперь в опале»[1350].

Робкие статьи, робко напоминавшие о Марре, опубликовали, конечно же, не в «Правде» или «Большевике», а в малотиражных научных изданиях. В Грузии верные «марристы» приступили к подготовке сборника его неизданных трудов; начались разговоры о

переиздании сочинений Марра и разработке обновленной антибуржуазной, советской концепции происхождения языка и мышления. Последним вопросом занялись бойкие философы, которые успели побывать в «марристах», затем в столь же искренних антимарристах и – наоборот (например, А. Г. Спиркин). Но как во времена господства «школы Марра», так и после языковедческой дискуссии 1950 года, а теперь уже и после очередного поворота, так никто всерьез и не рассмотрел идеи Марра и работы его последователей, а главное критиков, в особенности критические реплики Сталина. Советская пропаганда всегда назойливо подменяла собой гуманитарную науку, даже в либеральные времена. Когда Хрущева сняли с руководящих постов, то начался новый этап, теперь уже брежневского «застойного» дряхлеющего сталинизма. Вместе с ним (дряхлеющим сталинизмом) все остались на тех местах, на которых застала их смерть Сталина. Академик Виноградов, крупный ученый, внесший вклад в отечественную филологию, был настолько травмирован роковыми переломами своей судьбы, что совершил на старости лет очередной малопочтенный поступок: на знаменитом судебном «процессе Синявского и Даниэля» выступил в качестве эксперта со стороны обвинения и «научно» подтвердил антисоветский характер их литературных произведений. Алпатов, достаточно объективно описавший политический «слалом» Виноградова, как и других антимарристов в лингвистике, всячески подчеркивая политическую расторопность престарелого Марра (в чем тот действительно был замечен), стыдливо обошел этот вопрос.

Советский (российский) ученый, власть и мораль – особенная, ждущая своего часа проблема. В этой книге я обозначил ее всего лишь через авторскую интонацию. После Фауста губительный жар соблазнов, иссушающих дар талантливого человека, в полной мере испытали в XX веке главным образом немецкие и советские ученые, взнузданные каждый своим тоталитаризмом.

Язык-мышление или мышление и язык?

Сложнее всего объективно оценить лингвистическую часть наследия Марра. Наибольшие сомнения вызывают исходные предпосылки его четырехэлементного анализа. Надеюсь, рано или

поздно истоки этого «таинства» будут открыты. Желательно, чтобы этим вопросом заинтересовался кто-то из специалистов, владеющих аппаратом математической логики или изучающих проблемы пазиграфии/пазилалии. Очень может быть, что ответ лежит на поверхности. Но есть еще одно, более существенное сомнение, выводящее нас на глубинную проблему, связанную с возможностью познания прошлого. Ее неожиданным образом высказал Пиотровский. Вспоминая о марристской реконструкции семантических цепочек, воспроизводящих ассоциативные ряды, якобы свойственные мышлению древнего человека (рука-вода-женщина-небо и т. д.), Пиотровский писал: «В вопросах семантики я сам понял неправильность семантического отождествления и стал считать, что все семантические связи основаны на ассоциативной способности нашего мышления, а не на его качественном отличии в древности»[1351]. После этого замечания большую часть работ Марра, и не только его, можно отправить в макулатуру. Однако не будем торопиться. В молодости Борис Борисович сам был потрясен, когда на совершенно ином, чем у Марра, материале сумел обнаружить рудименты подобных семантических рядов в мышлении древних египтян. Тогда он собственными глазами проследил их (буквально!), изучая рисунки древнеегипетских иероглифов на папирусах, настенную заупокойную живопись в гробницах, мифологию. Тогда он не предполагал, что все эти наблюдения могут быть всего лишь отражением его же воображения. Его реплика выводит нас на одну из фундаментальных проблем: проблему возможности познания (понимания) прошлого. Откуда возникла уверенность, что в принципе можно узнать (понять) то, что делал, чувствовал, как мыслил давно умерший человек, да еще иной эпохи и другой культуры? Не есть ли все историческое знание (в самом широком смысле слова) сплошное домысливание, мифотворчество, подобно тому как первобытные жрецы-маги вещали голосами потусторонних духов или античные историки сочиняли патетические речи давно умерших героев? Нет, конечно. Не во всем, но в самом существенном мы их (мертвых) понимаем и понимаем так, как они понимали себя и друг друга при жизни. Дело в том, что в своей основе все люди всех эпох одинаковы. Человеческий род, культура, цивилизация – это единство. В основе его лежит единство принципов биологической и психической организации, а значит, единство

исходных принципов мышления, чувствования и языка, языка как глубинной логики в витгенштейновском смысле или символизации в смысле Кассирера. Вот и младший современник Марра, ученик А. Мейе, сам выдающийся лингвист Ж. Вандриес отметил: «Не будет ошибочным и утверждение, что существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу»[1352]. Все национальные языки производны от общечеловеческой основы языкотворчества. Так, таинственным образом, через науку мы возвращаемся к библейскому Бытию – оказывается, способность к глоттогонии (словотворчеству) заложена во всем человечестве, а многообразие языков есть практическое следствие этой способности*. Отсюда одна из фундаментальных предпосылок взаимопонимания всех людей, родившихся на земле, вне зависимости от конкретного языка общения, культуры и эпохи. Но об этой изначальной способности писал и Марр, трактуя ее не как врожденную, а исторически развитую способность к глоттогонии.

Другая фундаментальная предпосылка, позволяющая надеяться на адекватное понимание людей прошлого (да и современных иноязычных культур), заложена в синкретизме общечеловеческого языка.

В большинстве своем отечественные и зарубежные лингвисты и философы склонны отдавать приоритет в происхождении языка звуку (фонеме), то есть голосу и слуху. Вспомним, с каким пренебрежением Сталин, с подачи Чикобавы, отзывался о языке жестов. После работ Марра старый спор разгорелся с новой силой. Что первично: звук, а затем зрение (письмо, жест) или наоборот – первично зрение (мимика, жест), а затем слово-звук и т. д.? Эту полемику можно проследить во многих работах, выходящих и в наше время. Но оба взгляда наиболее четко были сформулированы Р. Якобсоном и О. Фрейденберг. Первый настаивал на первичности для человеческого сообщества звукового способа коммуникации, вторая – на первичности зримого, то есть образа. Вандриес и здесь попытался найти компромисс: «У всех народов в большей или меньшей степени жест сопровождает слово, мимика лица одновременно с голосом передает чувства и мысли говорящего. Мимика – это зрительный язык. Но письмо – так же зрительный язык. Как и вообще всякая система сигналов. Зрительный язык, по всей вероятности, так же древен, как и язык слуховой»[1353]. Но концепция Марра много глубже. Он нигде не говорил о первичности

кинетического языка. Он только утверждал, что язык жестов предшествовал языку словесному и оба они прошли ряд трансформаций. Первичен же был комплексный «способ» передачи информации, когда все еще не расчленено: жест, дыхание, звук, танец, ритм, мимика, пение… В этом смысле языки тела совместно с говором народов – это один-единственный язык человечества, из которого в разных сочетаниях расщеплялись подобно пучку, а затем вновь сходились и вновь расщеплялись все естественные языки человечества.

Через десять лет после смерти Марра во Франции вышла книга философа Мориса Мерло-Понти «Феноменология восприятия». Ее темой стало размышление о человеческом теле как источнике всех значений, всех смыслов, включая значения слов, эмоций, движений. Автор писал: «Поведение моего тела наделяет окружающие меня объекты значением для меня и для других. Смысл жеста не содержится в жесте как физическое или физиологическое явление. Смысл слова не содержится в нем как звук. Но тем-то и определяется человеческое тело, что оно присваивает себе в бесконечной серии разрозненных актов ядра значений, которые превышают и преображают его естественные способности» и т. д.[1354] Тело: мысль, жест, слово – все является носителем смыслов. Именно они элементы всеобщего языка человечества. Так ведь это и есть язык Адама и Евы. Не помня и не думая о нем, мы все продолжаем изъясняться на этом изначальном языке, по-своему (национально) реализуя неисчерпаемые возможности Слова. Никакого другого общечеловеческого протоязыка мы никогда не сыщем. По той же причине никогда объективно не зафиксируем и праязык лингвистической семьи. Все отличие между людьми заключено только в «способе употребления своего тела» как орудия коммуникации, в том числе словесной. И сейчас, перечитывая Витгенштейна, я не могу согласиться с его афоризмом: «Границы моего языка определяют границы моего мира». Мой язык есть одно из порождений моего тела, и именно оно (его коммуникативность) определяет границы моего мира. Даже лишившись языка, у человека остается возможность жеста, дыхания, наконец, как **знака** своего присутствия. С отказом последних функций, с последним вздохом, прерывается связь с миром и его смысл.

* * *

Хочу напомнить о том, что, по свидетельству С. Эйзенштейна, Л. С. Выготский и А. Р. Лурия предполагали провести совместные исследования с Марром. Никто из них не был лингвистом, но если Эйзенштейна увлекала мысль о киноязыке и с ней он пришел к академику, то выдающиеся психологи имели в своем багаже результаты уникального исследования. Идею этого эксперимента предложил Выготский. В начале 30-х годов более молодой и физически крепкий Лурия с коллегами (Выготский страдал туберкулезом) отправился в Среднюю Азию (Узбекистан и Киргизию), чтобы проверить гипотезу Выготского о влиянии внешних социокультурных факторов на качественные структуры восприятия и мышления. Как считали исследователи, коренное население Средней Азии переживало тогда серьезную социокультурную ломку: часть населения отдаленных от центра кишлаков «застыло» в предфеодальной и феодальной формации, другая часть под влиянием социальных преобразований (коллективизация, культурная революция, изменение условий труда, быта, уровня овладения грамотностью, влияние пропаганды) должна была как-то на них отреагировать. Не буду обстоятельно комментировать результаты исследований и отсылаю читателя к материалам, опубликованным Лурией спустя тридцать лет, что было связано с особыми причинами[1355]. Сама по себе концепция Выготского целиком лежала в русле марксизма-ленинизма и даже раннего сталинизма. Вообще все социологическое направление в гуманитарной науке, включая постмарксистскую философию (Дюркгейм) и лингвистику, признавало общественные процессы решающими факторами в развитии мышления и языка. Ни Марр, ни Выготский не были в этом оригинальны. Но Марр мыслил масштабно, целыми формациями и для подтверждения своих выводов пользовался сомнительными «палеонтологическими» методами. Психологи использовали достаточно простой метод тестирования, предварительно разбив население на различные группы в зависимости от внешних факторов: грамотность, работа в колхозе, ведение натурального хозяйства и т. д. Вывод: в результате решительных краткосрочных социальных и культурных преобразований (революций!) человеческая психика способна в кратчайший срок переходить от примитивного воспроизведения конкретных форм практической деятельности и непосредственных впечатлений на различные уровни вербально-

логического и даже абстрактного мышления, отражаемого и в языке. При иных условиях такие коренные изменения могут протекать, и действительно длятся, столетиями. Но при всех изменениях биологическая и физиологическая основа людей практически не изменяется.

Как известно, сотрудничество с Марром не состоялось из-за его смерти и кончины Выготского, а Лурия своевременно не опубликовал результаты исследований и никогда больше не пытался их повторить и сопоставить в исторически изменившихся условиях. Во второй половине 30-х годов Сталин резко поменял идеологические и пропагандистские акценты. Если до этого он неустанно повторял мысль о многоукладности жизни различных народов СССР, то с подоспевшим триумфом сталинского социализма в отдельно взятой стране все народы разом и целиком должны были вступить в фазу «социалистической формации». Конечно, следовало изживать «родимые пятна и пережитки» предшествующих формаций, но этими вопросами уже вовсю занимались структуры, не имеющие отношения к психологии и лингвистике.

Опять вспоминается проза Андрея Платонова, его повесть «Такыр», описывающая судьбу «женщины Востока», пережившей в кратчайший срок ментальный и духовный скачок от «говорящего орудия» (рабыни) до женщины эпохи паровозов и электрических ткацких станков.

И все же – можно ли мыслить без языка?

*** * ***

В ответе Холопову Сталин несколько раз упомянул XVI съезд партии, на котором, как уже говорилось, не только он высказывался по проблемам будущей судьбы наций и их языков, – на нем с приветственным словом от имени научных работников страны и явно по инициативе Сталина выступал и академик Марр. Однако XVI съезд оказался уникальным не только в этом «промарристском» отношении. Сразу после основного доклада Генерального секретаря с «организационным отчетом ЦК» выступил секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович. Если в предвоенный период В. М. Молотов был «правой

рукой» Сталина, то тогда же его «левой рукой», без сомнения, был Каганович. Говорят, он обладал недюжинными организационными способностями и совершенно беспощадной душой. Он настолько был предан вождю или же так его боялся, что не посмел заступиться даже за своего родного брата, покончившего с жизнью в преддверии ареста в 1941 году.

На XVI съезде партии в обширном докладе Каганович говорил о многих вещах, например об индустриализации, о коренной перестройке всех пролетарских организаций, о сельском хозяйстве, о росте культуры. Человек, не имевший даже среднего образования, учил уму-разуму сидящих в зале дореволюционных академиков, партийцев ленинского призыва, закончивших российские и зарубежные университеты. В середине доклада Каганович запланированно отвлекся и заявил: «По линии культуры, по линии литераратуры, особенно в национальных республиках, обострилась классовая борьба, и нужна величайшая бдительность на этом фронте». Приведя в качестве примера обострения классовой борьбы какую-то нелепую опечатку из статьи в «Правде», переведенной на туркменский язык, Каганович заявил: «А вот пример из области философской литературы. В “Правде” была помещена рецензия о семи книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием “Диалектика мифа”, разрешенная к печатанию Главлитом, является самой откровенной пропагандой наглейшего нашего классового врага… Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесного произведения». Опуская большую часть цитат, которые в интерпретации оратора действительно звучали диковато, даю заключительную часть его научного пассажа, начиная с последних цитат из книги А. Ф. Лосева: «Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит – гений. Раз гений, значит – неравенство. Раз неравенство, значит – эксплуатация»; «Иной раз вы с пафосом долбите: “Социализм возможен в одной стране”; не чувствуете ли в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас на душе: не-ет!».

«И это выпускается в Советской стране, – продолжал Каганович. – О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности… Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране

пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: “Правильно”.)»[1356].

Судя по дальнейшим выступлениям, сталинское партийное руководство было всерьез обеспокоено в 30-х годах неожиданно проявленным вольнодумством во многих гуманитарных областях и в особенности в области философии истории языка и мышления. Когда начались прения по докладам, Кагановича поддержал А. И. Стецкий, заведующий Агитпропотделом ЦК ВКП(б), обозвавший «некоего профессора Лосева» «мракобесом»[1357]. Другой активный идеолог от партийной литературы того времени В. М. Киршон пошел дальше всех. «Этот Лосев, – гремел он с трибуны, – помимо всяческих других откровенно-черносотенных монархических высказываний, между прочим, сообщает: “Пролетарские идеологи или ничем не отличаются от капиталистических гадов и шакалов, или отличаются, но еще им неизвестно, чем собственно они отличаются”.

Коммунист, работник Главлита, пропустивший эту книжку, в которой нас в лицо называют капиталистическими гадами и шакалами, мотивировал необходимость ее разрешения тем, что это “оттенок философской мысли”. (Смех. Голос: “Оппортунизм на практике”.) А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке (Аплодисменты. Смех.)»[1358]. Тайно постриженный в монашество, принадлежавший к религиозно-философскому учению «имяславия», фрондерски настроенный Лосев действительно позволял себе двусмысленные высказывания в адрес власти, пользуясь тем, что рассматривал современную идеологию (любую) и науки (все) как составные части древнейшей общечеловеческой мифологии[1359].

Для академика Марра выступление на съезде совпало с высшим пределом в его административной карьере, а для философа, историка античной эстетики и выдающегося теоретика-лингвиста Лосева злая реплика Кагановича оказалась роковой. Отсидев несколько лет в лагерях, он только после смерти Сталина с трудом вернулся к полноценной научной деятельности и достиг выдающихся успехов. Но я напомнил о реплике Кагановича и судьбе Лосева не только для того, чтобы отметить особую роль XVI партийного съезда и советских руководителей в истории языкознания задолго до 1950 года.

Еще в своих ранних работах Лосев был солидарен с Марром в одном из центральных вопросов философии языка и мышления, а именно – возможно ли мышление без языковой оболочки и, если возможно, как оно соотносится с национальными языками, то есть национально-языковым выражением мышления? В 1927 году Лосев опубликовал одну из своих новаторских работ «Философия имени». В ней, в частности, писал: **«Разумеется, в развитии субъекта нормального человека сплошь и рядом мы можем встретить так называемое бессловесное мышление; и вообще в нашей обыденной жизни сколько угодно можно мыслить, не употребляя слов. Однако такое бессловесное мышление есть не недостаток слова, недоразвитость его, но, наоборот, преодоление слова, восхождение на высшую ступень мысли. Здесь, кроме случаев действительной недоразвитости и патологии, мы не упраздняем слово, а поднимаемся над ним; и оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания. Это не упразднение слова, но утверждение на нем и надстройка над ним еще более высоких степеней мысли**» (выделено мной. – *Б. И.*)[1360]. Напомню, в своих дискуссионных статьях 1950 года Сталин особенно высмеивал мысли Марра о высшей бессловесной форме мышления, к которой в конечном счете придет все человечество. Но Лосев был не только в чем-то ранним единомышленником Марра, он был в определенном смысле продолжателем и самостоятельным разработчиком других идей Марра. В последние годы жизни Марр настойчиво пытался связать тип мышления, строй языка и общественно-экономическую формацию. Но эти попытки выглядели как политически ангажированные, вульгаризирующие не только фундаментальные проблемы лингвистики, но и сам формационный подход к истории человечества. Марр не знал и не понимал марксизм. После смерти Марра некоторые его последователи успели продвинуться в этом направлении, но не слишком далеко. И только в 70-х годах прошлого века Лосев представил серию работ, впервые продемонстрировав глубинную связь различных ступеней развития архаических и последующих обществ со строем их языка и типами мышления[1361].

Пройдя через сталинские лагеря и многолетние гонения за давние научно-идеологические «шалости», в 70-х годах Лосев был крайне

осторожен и демонстрировал принадлежность к марксистско-ленинской идеологии. Рассматривая этапы в развитии общечеловеческого мышления и языка, он, в отличие от Марра, не настаивал на пересмотре догмата Ф. Энгельса о бесклассовой природе первобытного общества. Марр же утверждал, что язык зародился в жреческой среде, выделившейся из первичного человеческого стада как особенное орудие магического воздействия на окружающий мир. Лосев, демонстративно отмежевавшись от взглядов Марра на классово-сословную природу языка, главную идею стадиального развития языка и мышления человечества не только поддержал, но и развил и, как мне представляется, доказал на конкретном историческом и языковом материале.

Как и Марр, Лосев считал, что язык развился из нечленораздельных диффузных звуков, которые в «палеоазиатских» языках приобрели свойства «аморфных звуковых комплексов» или «чувственных пятен». Как и Марр, Лосев считал, что изначально человек не выделял себя из первобытного коллектива и лишь постепенно, благодаря общественно-экономическому развитию и не в последнюю очередь благодаря языку, человек стал мыслить себя индивидуальностью, что отразилось и в языке (соответствующие местоимения и др.)[1362]. Но у Лосева стадии развития общечеловеческого языка существенно отличались от механистических построений Марра. Взяв в качестве эмпирической основы материалы ныне живых архаических языков, Лосев для древнейшего периода истории языка и мышления выстроил следующую восходящую классификацию:

– инкорпорированный строй языка-мышления, в котором отсутствует любая морфология, различение частей речи и членов предложения. Всё предложение является, в сущности, одним словом. Вещи в человеческом сознании воспринимаются «только размытыми и бесформенными пятнами», как поток «магического», чародейского мира[1363] (Марр называл этот этап «труд-магическим». – *Б. И.*);

– прономинальный и посессивный строй языка, связанный с развитием разделения труда, с «гибелью первобытной собирательско-охотничей экономики» и с зарождением скотоводства, земледелия и ремесла. В связи с этим происходят изменения в логике мышления и в грамматике языка, развивается морфология, человек начинает

различать сущность и явление, а с ними и части речи. Человек учится абстрагировать, в связи с чем появляется представление о вещи как «носителе разного рода свойств и признаков». Появление личных место имений символизирует первые этапы выделения индивидуума из общей племенной массы, а зарождение глаголов-имен говорит о зарождении флективного строя. Этот период связывается Лосевым с периодом тотемизма и фетишизма[1364];

– эргативный строй характерен тем, что его язык-мышление способен «выразить действующего субъекта», на что не были способны предыдущие формации. Это было время, когда «человек уже начинал чувствовать себя действующим началом, а не просто только пассивным орудием в руках неведомых, непреодолимых сил и вполне стихийных сил природы и общества»[1365]. Эргативный строй языка и мышления явился выразителем новой идеологии анимизма, когда человек научился отличать идею вещи от самой вещи;

– номинативный строй знаменовал собой переходную ступень от первобытно-общинной формации к рабовладельческой. Лосев считал, что номинативный строй языка и связанный с ним тип мышления характерен дальнейшим выделением личности в качестве активно действующего субъекта истории. С ним связан переход от матриархата к патриархату. В языке и мышлении хотя и сохраняются элементы мифологии, но вместе с тем мифология уже «отходила в туманное прошлое и заменялась более рациональным мировоззрением, и в частности греческой натурфилософией»[1366].

В дальнейшем Лосев попытался продолжить изучение формационных качеств в развитии языка и мышления в связи с культурной и общественно-экономической историей в таких фундаментальных трудах, как многотомная «История античной эстетики», в двухтомной «Истории античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития», в «Эстетике Возрождения», и в других выдающихся работах. Лосев подхватил теоретическую линию Марра (не прямолинейно, конечно), не только развивая стадиальный подход к изучению языка-мышления. В отличие от послевоенного Сталина, Лосев продолжил интернациональную, общечеловеческую направленность в трактовке происхождения языка и мышления. Не случайно, прежде чем перейти к критике Марра и к размежеванию с ним, он счел нужным заявить: «Наше исследование языка и мышления

хочет служить делу общечеловеческой солидарности, но не делу общечеловеческого антагонизма». Не знаю, можно ли считать критикой в адрес Марра текст, который я сейчас приведу? Скорее это попытка оградить себя от обвинений в приверженности к научному направлению, табуированному Сталиным и его последователями в языкознании в 1950-е и последующие годы. Свое стадиальное исследование Лосев начинал еще в начале 40-х годов, когда имя Марра и его учеников было в полной силе, а закончил в 50-х годах XX века уже после развенчания марристов. Скорее всего, поэтому Лосев, публикуя указанную работу в 1982 году[1367], счел нужным обезопасить себя следующим пассажем: «Став на точку зрения социально-исторических объяснений, наше исследование тщательнейшим образом избегло тех ошибок, в которые впал Н. Я. Марр и его ученики. **Марр ведь тоже стремился объяснить язык и мышление из общественной практики** (выделено мной. – *Б. И.*). Но для этого он пускал в ход совершенно некритические представления о классовой борьбе, расширяя и сужая понятие класса до таких размеров, что оно не только выходило за пределы марксизма, но и превращалось в прямую его противоположность. Напротив того, в течение всего нашего исследования мы ни разу не столкнулись с таким положением дела, где было бы необходимо говорить о каких-нибудь классах. И это произошло потому, что мы твердо стоим на марксистско-ленинском учении о доклассовости всего первобытного общества, то есть, конкретно говоря, общинно-родовой формации. В противоположность Марру, находившему классы чуть ли уже не в первобытном стаде, мы внимательнейшим образом прослеживаем назревание классового общества только в период развала всей общинно-родовой формации, так что, например, на греческой почве о классах можно говорить никак не раньше второй четверти I тысячелетия до н. э. Язык есть явление общественное. Но язык никак не есть явление классовое; а тем более было бы неразумно говорить о классовой структуре языков периода общинно-родовой формации»[1368]. Однако на работы учеников Марра, как своих предшественников в рамках общей с ними научной парадигмы, в частности, на труды академика Мещанинова, Лосев не упускал случая указать[1369].

Примерно в те годы, когда Лосев написал свои первые дерзновенные сочинения, а затем был отправлен в лагерный барак

размышлять дальше о сложнейших проблемах бытия, Витгенштейн, также написавший несколько гениальных работ, в которых доказывал, что мышление и язык суть едины, в конце концов, вынужден был их разнести, оставив мышлению более высокую форму постижения бытия. «Осмысливание осуществляется в сфере душевного… – писал он. – Это как бы сон нашего языка»[1370]. И еще: «Теперь становится ясным, почему я думал, что мышление и язык одно и то же. А именно мышление есть вид языка. Так как мысль, конечно, тоже есть логический образ предложения и, таким образом, также и некоторый вид предложения»[1371]. Значит, вопреки неверящим, можно «мыслить без языковой оболочки» – «логическим образом»?

Еще не так давно (в начале XX века) наука была уверена, что атом – мельчайшая и конечная частица бытия, но очень скоро выяснилось – существуют не только еще более элементарные, но и более глубинные структуры материи. Я думаю, так и в познании основ познания: расщепляемое лингвистами слово подобно «атому», но за ним (или над ним, если верить Лосеву) находятся более глубинные «смысловые поля», «многомерные состояния мышления», «семантические переходы, туннели и пучки» и т. д., ведущие к последующим ступеням-основам мышления. Но если это так, то у нас нет оснований сомневаться в том, что в будущем откроется: язык человечества (Слово) действительно может существовать не только в современном качестве, но и в свободной «от языковой материи» форме.

И если нам кажется, что мы в своей научной гордыне идем от Начала в бесконечность, то на самом деле мы со своим ненасытным любопытством стремимся к познанию Начала-начал.

Я все больше убеждаюсь в том, что, в отличие от почетного академика Сталина, академик Марр был подлинным и дерзновенным ученым, допускавшим не только очевидные ошибки, но и совершавшим значительные научные прорывы.

Вместо заключения: о понимании (Астрально-лингвистическая сказка)

В несуществующей точке Мирового Исторического Пространства нежданно-негаданно сошлись четверо. Люди как люди, но один притопал своими стопами из XI века, другие же были из веков

помоложе. Пришел-то он аж из XI века христианской эры, да в лаптях, и одет был в новгородскую домотканую рубаху. Другой быстро ли, медленно ли, но все же скорее быстро, чем медленно прибыл точно в срок из того места, где все еще помнили русский диалект всемирового языка. Не исключено, что он появился из XXXI века, но достоверных сведений на этот счет нет. Двое других вообще ниоткуда не прибыли, а жили себе в начале XXI века, но один говорил только по-русски, а другой басовито выпевал слова исключительно на японском языке.

Страшно им не было, но и веселиться причин не находилось, поскольку чувствовали они себя не столько людьми, сколько «носителями языка». Так называли их некоторые лингвисты и почти все космополиты, которые в XX веке оказались враз безродными, в XXI веке продолжали ими оставаться, а к XXXI веку только у них единственных и осталась Родина, так как человечество заселило весь Космос, а за его пределы пока не выходило. Так что Родина была одна и для всех везде. Весь или не весь Космос заселило человечество, но обозримые астральные пределы обжило. Для языковедов, даже самых что ни на есть патриотов, люди всегда были именно «носителями языка». Они больше обращают внимание на шумы, производимые голосовыми аппаратами, чем на то, что происходит в национально обустроенных головах и расово окрашенных телах. Но бывают исключения и в среде лингвистов.

Люди есть люди, и если нет повода для драки (а чего делить-то, раз у путников не было в наличии даже общего времени и пространства?), они попытались найти хотя бы общий язык. Перво-наперво натянуто улыбнулись (знамо дело, заулыбаешься тут!), потом подняли обе руки вверх с открытыми ладонями, мол – безоружны (новгородец подал пример, остальные даже не догадались, зачем это?), и разом заговорили. Конечно, никто никого не понял. Помолчали, в задумчивости озираясь на все четыре стороны света. Первым опомнился японец (всем известно, что японоязычные смекалисты и всегда вежливо улыбаются), подхватил валявшуюся на дороге палочку для японской еды (откуда взялась?) и на чистейшей звездной пыли нарисовал, как мог, карту Европы, поставил точку на том месте, где обычно указывается город Париж. От него провел стрелку к Москве, а внизу изобразил автомобиль. Автомобиль, конечно, был похож на японские автомобили, лучше которых, как хорошо было известно в

России XXI века, во всем мире не было. Поэтому мудрое российское правительство запретило их ввозить, – вот когда станут хуже наших, то милости просим[1372].

Русскоязычный гражданин из XXI века, то есть современник японца сразу все понял: мол, приехал тот на своем праворульном авто из Парижа и прямиком в Москву, и очень ему, японцу, здесь нравится. Пуще заулыбался горделивый русскоязычный, затем ткнул в то место, где была указана Москва, и пальцем, запачканным тончайшей алмазной пылью (алмазы у его ног были особо ценными – чернее черного) показал на себя: а я, мол, тут, в Москве, обитаю. Так рисовали они друг перед другом разные картинки, помогали себе жестами, строили рожи, когда хотели изобразить, как им было весело или неприятно, и каждый все время что-то лопотал на своем языке. Совершенно не зная языка собеседника, они очень быстро стали понимать друг друга. Почему? – пока соображай сам.

Мужик из XI века таращился ясными очами, притоптывал новыми лаптями, которые скрипели на сверкающей звездной пыли, как на экологически чистом крепко морозном снегу, и никак не мог решить – бежать ли ему восвояси или тут вот, на месте, опустившись на колени и помолиться? Свел ли его Всевышний с ангелами небесными или черт навел на него плешивых и косых супостатов? (Это он о гражданине из XXXI века и японце, третий-то был кучеряв и почеловечней.) В речах третьего он улавливал чем-то знакомые звуки, даже слова и междометия, но и они произносились совсем не так, как их произносили в родном Великом Новгороде или в дальнем граде Киеве (бывали и там, не смотри, что лапотник). Хотя рожи у всех были разные (косоватый больше напоминал печенега или хазарина, но хлипок), одеты двое были одинаково – в портах и тонких кафтанчиках из неведомого материала скушной расцветки, а на ногах дорогие кожаные башмаки – знать ярлы, хоть и не варяги. А вот третий уж точно получеловек, куст не куст, а поверх торчит голова человечья. Пока он так размышлял, подал голос гость из будущего. Говорить-то он говорил, его было отчетливо слышно, но губы не шевелились – чудеса…

Для японца слова пришельца зазвучали примерно так же, как песня канарейки: тон был необычен, но приятен. Кроме улыбки мимика казалась японцу временами гротескной и смешной, а его одежда напоминала волну взлетающих лепестков сакуры, несущей на себе

совершенно лысую голову, расовую и половую принадлежность которой определить было затруднительно. На русскоязычного собеседника голова и одежда пришельца произвели примерно такое же впечатление, но в словах и в интонации почудилось много узнаваемого, хотя общий смысл речи русскоязычный улавливал с трудом. Невесть как у пришельца из-за спины выскочил золотистый чертенок, который сноровисто стал рисовать и чертить удивительные фигуры и знаки. Фигуры сначала были совершенно непонятны всем, но во многих знаках даже японец узнал кириллицу (и новгородец распознал, грамотный был, кусок бересты с костяным писалом всегда при нем). Японец же видел их на дорожных указателях и вывесках, проезжая Украину и Россию, а еще раньше встречался с ними, бродя по Интернет. RU. Русские буквы, которых стало меньше, чем было в веке XXI (не говоря о веке XI), были узнаваемы, хотя залихватскими завитушками чем-то стали напоминать руническую или персидскую вязь.

Из всего того лопотания пришельца и текста, что золотом чертенок выжег на обширной площади, сплошь замощенной многогранными алмазными булыжниками (пыль еще раньше сдуло солнечным ветром), русский человек из XXI века понял не так уж мало. Вот что он понял, а потом пересказал мне, а я понял его так:

«Из-за жуткой перенаселенности на Земле все исконные расы и нации перемешались и стали как во времена ветхозаветного Ноя одним народом и с одним языком. Люди были вынуждены заселить естественные и искусственные спутники Солнечной системы и близлежащие галактики. Так появились новые этносы, получившие названия по месту обитания: “земляне”, “марсиане”, “юпитерианцы”, “ураниты”, “плутониты” и даже “таукитяне”. Появление последних прозорливо предсказал рапсод XX века Владимир Высоцкий. (“А мы по-русски называем его бардом”, – подумал про себя русскоязычный. “Ну, извини, запамятовал”, – откликнулся, не раскрывая рта, инопланетянин.) Век за веком межпланетные и межгалактические войны идут своим чередом, несмотря на то что все люди помнят о своем общем земном происхождении и говорят пусть и на разных диалектах, но диалектах одного земного языка-предка».

Из речений и письмен понятно было также то, что пришелец человек ученый, специалист по истории землян, а еще больше

увлекается историей России-СССР XX века. («Теперь ясно, откуда у “сакуры” знание старорусского для него языка», – промелькнуло в голове москвича. «Помолчи, – моментально откликнулся тот. – Мы давно обходимся без языка вообще. Очищенное от всяких материальных оболочек мышление, то есть чистое сознание, не нуждается ни в каком оформлении. Если я захочу, я могу, как сейчас, мыслить прямо в твоей голове. А если я позволю, то ты можешь мыслить во мне. Знал бы ты, о чем сейчас думает новгородец! Но внемли далее».) Конечно, он мог бы не устраивать этой встречи в средостении Мирового Исторического Пространства, а сразу перенестись в XX век. Но (и здесь пришелец, по-куриному зябко, погрузил свою яйцевидную голову в благоуханные «лепестки сакуры») он боится, что его разоблачат как этрусского или аморейского шпиона и приговорят к высшей мере социальной защиты. Его же очень интересуют идеи и истинные знания двух всекосмически известных лингвистов: академика Н. Я. Марра и почетного академика И. В. Сталина.

Перед подготовкой празднования первого тысячелетнего юбилея Всесоюзной языковедческой дискуссии 1950 года все космополиты Вселенной разделились на два лагеря – на марристов и сталинистов. Марристы утверждают, что мышление без языка возможно, а в доказательство приводят реально достигнутые успехи прямой трансляции из мозга в мозг символов и образов, то есть «очищенных от языкового материала» мыслей (так формулировал Марр). Сталинисты же утверждают, что мышление без языка есть чистейший идеализм и поповщина, «что голых мыслей не бывает» (так отчеканил сам вождь!), а марристы шельмуют истинных природных космополитов, научившись разглагольствовать с закрытым ртом, тайно используя горловые колебания и корпускулярно-волновую технику красноречивых взоров. В свою очередь, марристы утверждают, что их кумир был прав, когда предсказывал появление на Земле единого языка человечества с общей культурой и единой нацией. Сталинисты же обвиняют марристов в предательстве идей космической соборности, в намерении граждан созвездий Девы и Рака во главе с венерианцами выйти в гиперпространство и установить преступное общение с антимирянами, используя тайный словарь непроизвольных жестов, аннигилирующий

сокровенные и интимные мысли истинных космополитов. «Чушь, чушь и чушь!» – гудел в мозгу всех троих пришелец.

Таукитяне (самая мощная сталинистская нация, освоившая наиболее обширное и дикое созвездие) утверждают, что древнесоветский вождь, как величайший гений всех времен и народов, правильно предсказал сохранение наций и их языков вплоть до полной и окончательной победы тау-коммунизма во вселенском масштабе. Тау-коммунизм же смог пока победить только в одной отдельно взятой таукитянской державе (плутониты не в счет!). Но враг истинного космополитизма (венерианцы) будет разбит, победа будет за нами! – так заявляют навеки укорененные в родную космическую пыль таукитяне.

«Дело идет к новой череде межзвездных войн, – продолжал печально шелестеть в мозгах зачарованных слушателей незваный гость из будущего. – Всемирная академия абсолютно научных, истинно исторических и околооккультных наук, находящаяся под контролем сталинистов, направляет своего тайного эмиссара в Москву на кунцевскую дачу вождя в начальные дни мая 1950 года, чтобы задать вопросы и получить ответы от него самого в форме писаных истин».

Переждав, пока чертенок угомонится и зароется в пестрый ворох его платья, пришелец продолжил: «Я вызвал вас из небытия не только для того, чтобы попросить найти в Японии или в России кого-нибудь, кто взялся бы посидеть в архивах и библиотеках, порыскать по вашему убогому интернет-пространству и написать правдивую историю о языковедческой дискуссии, о Сталине, Марре, других ее участниках и тех проблемах мировой истории, которые, так или иначе, с нею связаны. Японца я вызвал потому, что они, японцы, единственные из ваших иностранцев до сих пор считают Марра гениальным ученым (правильно!) и учтиво отдают дань лингвистическим писаниям Сталина (а это уж слишком!). Но все же лучше, если за это дело возьмется кто-нибудь из России. Покопается в архивах, почитает подлинные рукописи академиков, их учеников и противников». Тут русскоязычный встрепенулся и мысленно спросил: «А чего сам-то не займешься? Тысячу лет человечество помнит об этих людях и их заочной всесоюзной перепалке, а что там случилось, толком не знает? Даже воевать собирается за чистоту истинно космополитических идей?» «Все архивы, имеющие к этому вопросу прямое отношение, бесследно исчезли к середине XXII века, – отвечал заказчик. – Существует

обоснованное предположение, что Высшая историческая справедливость, в лице “Особого совещания для проведения суда над особо лютыми диктаторами”, медленно, но неумолимо стирает все следы правителей, изуверски искалечивших души народов. От них остается только то, что прошло многократное очищение общечеловеческой моралью многих поколений потомков. Языковедческая дискуссия 1950 года никого из объективных исследователей не интересовала, и незатребованные документы, несмотря на все старания лучших архивистов Земли, постепенно превратились в труху. Информация, которая переносилась на новейшие по тем временам носители, неведомо как размагничивалась и расфокусировывалась. Известно, что, если в мертвый материал не вдохнуть живую душу и если душа не отдаст часть своей жизненной силы истаявшим в вечности судьбам, они безнадежно затеряются в общей массе духов.

Современник не способен оценить истинную значимость событий, которая может стать понятной спустя десятки или даже тысячи лет. Никто не думал, что в начале четвертого тысячелетия лингвистика вновь, как во времена расцвета сталинизма в СССР, станет фактором большой, теперь уже вселенской политики.

Пока в XXI веке все еще сохраняются первоисточники, подыщи автора, и пусть он напишет исторический труд, а я прослежу за тем, чтобы этот труд не затерялся в веках. Возможно, это спасет человечество от очередного витка лингвистических войн и смысловых конфронтаций. Я утверждаю, – здесь молчаливый оратор прибавил силу звука, ударившего по незащищенным мозговым нейронам его слушателей, – издревле все войны человечество затевало по причине непонимания. Только в четвертом тысячелетии нашей эры мы, марристы, осознали, что в основе раздоров лежат проблемы лингвистики, хотя первый библейский пророк еще во втором тысячелетии до нашей эры привел в назидание притчу о горе-строителях Вавилонской башни. Не имеет никакого значения, на каком языке люди говорят, главное – способны ли они понять друг друга?» Такова была суть длинной речи «сакуры».

В ответ мой приятель (а это был именно он) пообещал подыскать историка, желающего подзаработать на будущем. Тогда гость заторопился восвояси. Площадь, сиявшая неземным светом, погасла.

Стремительно придвинулся первоначально невидимый горизонт, пока не накрыл всех четверых непроглядной тьмой над бездной. Но в те неуловимые мгновения, пока времена в Мировом Историческом Пространстве все еще совмещались, новгородец успел возопить: «А я-то зачем тебе был нужен, чудище бритоликое? Я ничего не понял! Бу-бу-бу, бу-бу-бу… и видения, видения: драконы, изрыгающие вонь и слякоть, и серебряные стрелы величиной с гору, и разноцветные железные жуки на колесах без спиц, наглотавшиеся людских голов, и – золотистые черти-скорописцы, и еще всего столько, на что и глядеть не выносимо… Истинный апокалипсис!» «Это был научный эксперимент, – шелестел слабеющий голос истаявшего пришельца, – я позвал всех вас, потому что вы мои прямые предки. От тебя, мой далекий новгородский пращур, мы все происходим, не считая 350 миллионов близких и отдаленнейших родственников, родившихся и умерших в течение двух тысяч лет после твоей смерти. И японец твой прапраправнук. Откуда ты можешь знать, что в 1905 году один из твоих прямых потомков отправился на войну с императорской Японией, оставив в Подмосковье жену и кучу детей? Там он попал в плен и, прежде чем вернуться домой, завел себе японскую подругу и новых деток. Чтобы получить возможность перечислить тебе других твоих дальних правнуков разных земных и космических наций и рас, мне пришлось бы запастись лишним десятком лет.

Я вижу, что даже эти слова и образы не укладываются у тебя в голове. Те двое соображали получше, но не потому, что они толковее тебя. Они более или менее все хорошо понимали до тех пор, пока я им показывал события, происходившие до их смерти. Когда же я начал прямую трансляцию образов из их будущего, то, как и тебя, их стали терзать “бредовые” видения, сквозь которые едва пробился общий и чаще неясный для них смысл. Для того чтобы действительно понять человека будущего времени (не культуры!), ты должен прожить день за днем все те две тысячи лет, которые пережило человечество (именно все человечество!) после твоей смерти. Чтобы понять своих праправнуков из XXI века, недостаточно знать русско-московский или японо-токийский языковые диалекты их времени. Нужно прожить вместе со всеми народами Земли всю ту культуру, которую они создавали на протяжении тысячелетия. Труднее всего постичь не слово и язык, а смыслы, символы и образы, наконец, идеи, которые каждое

поколение людей добавляет в общечеловеческую копилку познания мира. Никто не способен постичь будущее, не пережив его, но все способны понять прошлое, пережитое предками. Обрати внимание, – когда мы неожиданно для всех сошлись, то даже этих мгновений вечности было достаточно, что бы появились проблески взаимопонимания. Конечно, меня быстрее и лучше стали понимать те, кто моложе тебя. Но если бы мы прожили с тобой сообща не мгновения, а год-другой, многое бы познал и ты».

Здесь неожиданно защебетал японоязычный потомок, который все лучше и лучше улавливал смысл далекой общечеловеческой символической речи. Известно, что русские потомки японцев всегда плодотворно учились у продвинутых иностранцев. (См. комментарий известного специалиста по этому вопросу писателя Валентина Пикуля, развернутый им в полновесный роман.)

«Кузен, – вежливо обратился он и произнес японское слово “Вы” с большой буквы. – Вы бесконечно правы: между Колумбом и аборигенами Нового Света лежали несколько тысяч лет цивилизации, хотя они и сошлись в едином для них времени. Васко да Гама обнаружил в Индии цивилизацию, отставшую от европейской лет на триста. Голландцам, первыми из европейцев прибывшим на парусных кораблях в нашу страну, мы сразу дали понять, что если мы и отстали, то не настолько, чтобы пойти в услужение “длинноносым дьяволам”. Результат – индейцы Америки были обращены в рабство и частью уничтожены, индийцы на столетия попали в колониальную зависимость, а мы, японцы, не только сохранили себя, но, подучившись, превзошли и европейцев, и американцев. А все потому, что американские индейцы не поняли, да и не могли понять, с чем они столкнулись в лице европейцев, хотя испанский язык и языки индейцев и те и другие освоили очень быстро. То же самое можно сказать и о коренных племенах Черной Африки. Мышление, культура и язык не так уж и связаны между собой».

«Вы бесконечно правы, мой японский собрат, – еще разок успел шелестнуть пришелец. – Как историк с большим марристким стажем (не путать с историком лингвистики!), я решаю одну и ту же противоречивую задачу: стремлюсь понять тех, кого давным-давно нет на Земле, и понять часто вопреки тем словам и письменам, которые они оставили, и понять больше того, что они о себе понимали».

«А я ничего не понимаю! – опять возопил новгородец. – Изыди, сатана!»

«Господи, зачем я его вызвал с такого дальнего того света? – трусливо запричитал пришелец и окончательно отключил прямую трансляцию мыслей. – Он теперь отправится в отдаленный карельский скит на вечное покаяние и, значит, никаких потомков после себя не оставит. Не будет ни меня, ни 350 миллионов его близких и дальних праправнуков».

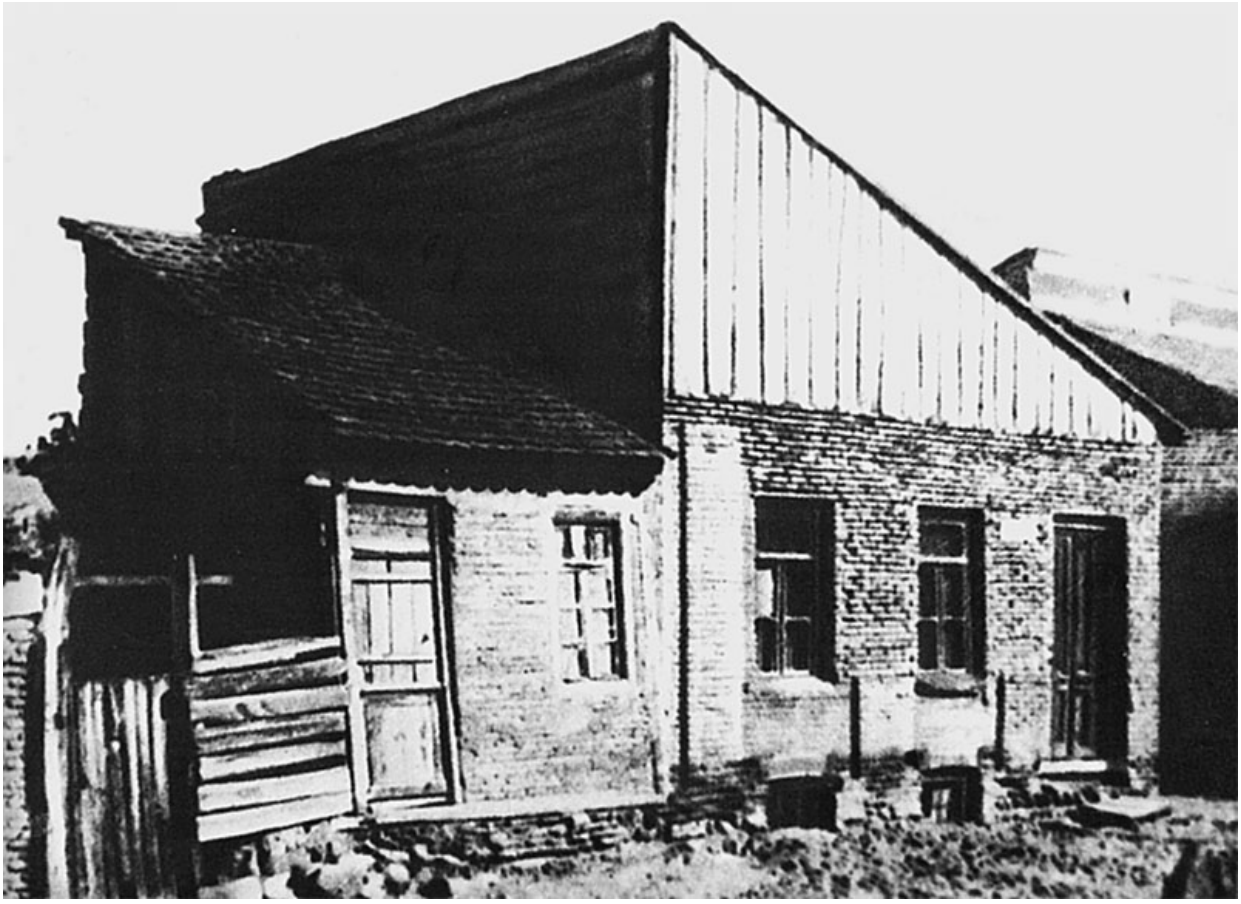
Так размышлял изнеженный интеллигент-маррист, окончательно и бесповоротно отрывая мышление от языка. Но, прибыв в целости и сохранности на свое место обитания, он сообразил, что новгородец был не дурак (дураков в нашем роду отродясь не было!) и остался в миру, приписав свои видения и голоса лишнему глотку самоедской сомы[1373], выпитой накануне.

* * *

Мой приятель сделал мне заказ на эту научную книгу по той простой причине, что других знакомых историков, да еще работающих в Академии Исторических Наук, у него не нашлось. Тогда же он заявил мне: «Напишите, посмотрим. Если подойдет, напечатаем». Только работая над книгой, я узнал, что он повторил слова товарища Сталина, сказанные им маститому грузинскому лингвисту Арн. Чикобаве. Именно с этих слов вождя началась описанная здесь языковедческая дискуссия 1950 года в центральной советской газете «Правда». Кто же он, мой заказчик, повторивший слова вождя, произнесенные им в узком кругу более полувека назад? Если мне дозволят опубликовать эту книгу еще при жизни, значит, «там» решили, что она получилась.

Иллюстрации

Иллюстрации к книге «Тайная жизнь И. В. Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма»

Дом в Гори, где родился И. В. Джугашвили

Екатерина Георгиевна, мать И. В. Джугашвили

И. В. Джугашвили в 1894 г.

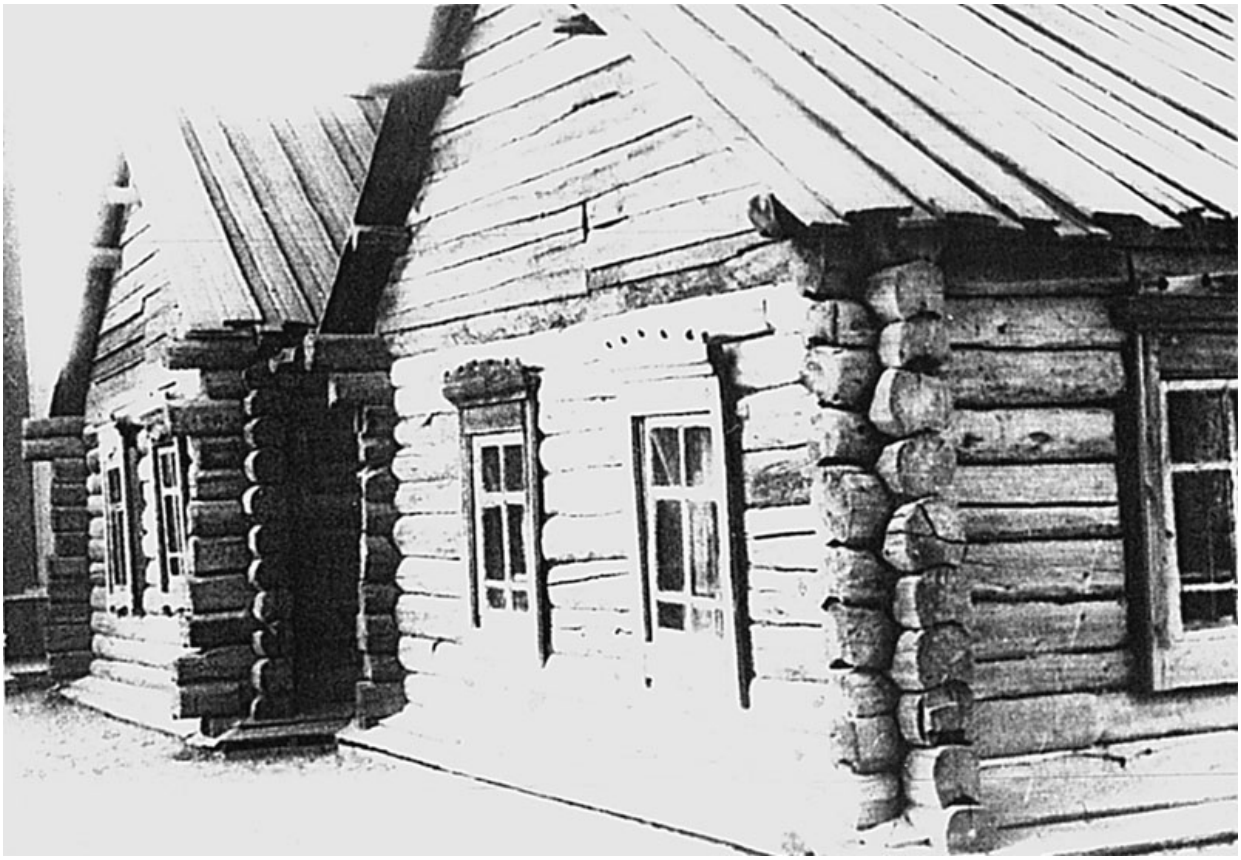

И. В. Сталин в 1902 г.

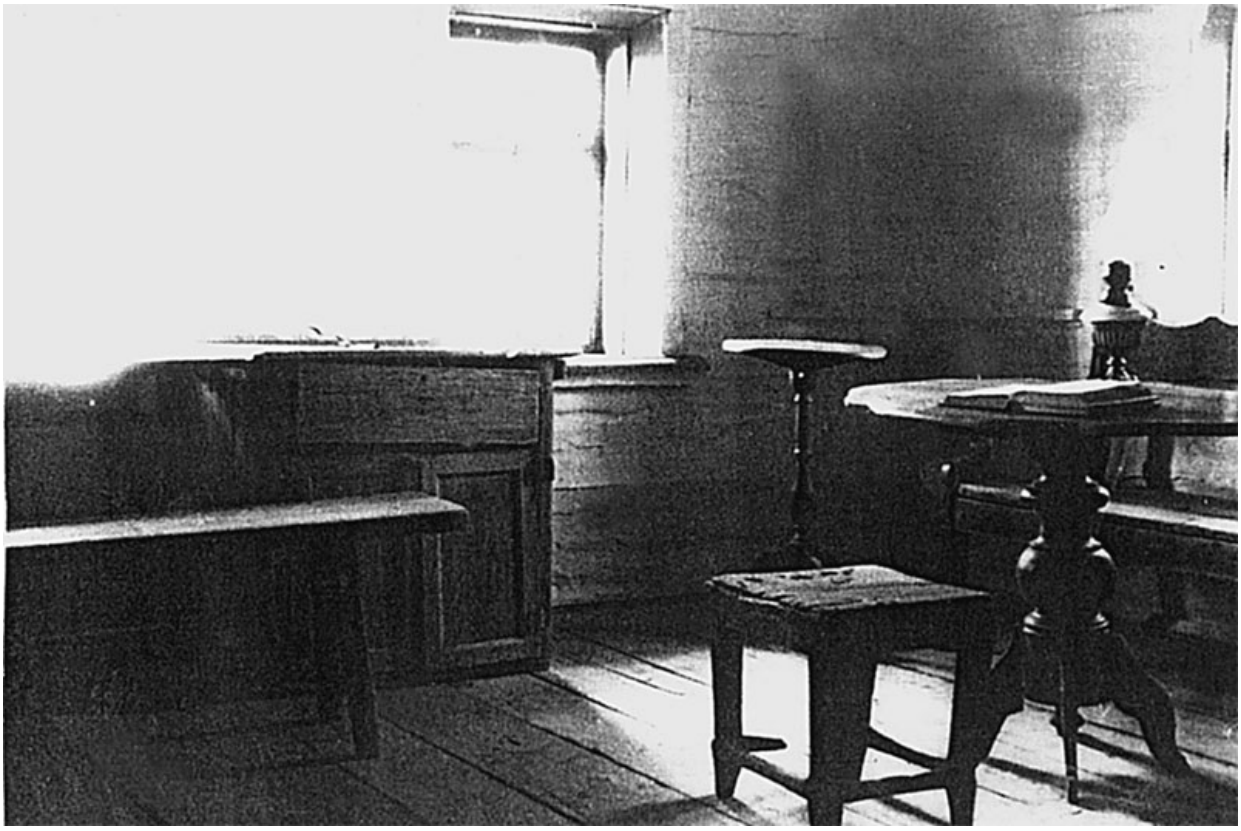

И. В. Сталин во время его туруханской ссылки.

1913–1916 гг.

Макет дома Перепрыгиных в Курейке, в котором жил И. В. Сталин

Восстановленный интерьер комнаты, где располагался И. В. Сталин в доме Перепрыгиных

И. В. Сталин в туруханской ссылке (рисунок)

Лидия Перепрыгина (Давыдова), любовница И. В. Сталина. Курейка. 1913–1916 гг.

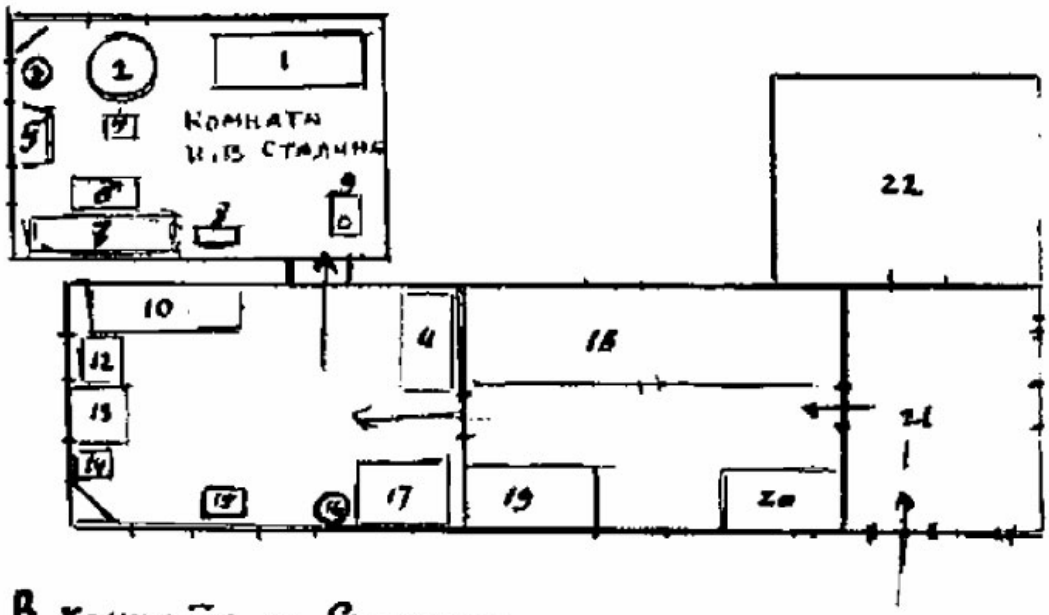

Александр Давыдов. Возможно, он был внебрачным сыном И. В. Сталина

Лидия Платоновна Перегрымова (Давыдова)
проживающая в станице Ангутата
рассказала:

В 1916 г. мне было 15 лет. До 1916 года я помню в нашем доме семью Иосиф Виссарионовича Сталина. В 1917 году я вышла замуж за Давыдова из Ангутихи и с тех пор живу в Ангутихе.

Расположение мебели и домашн. утвари и хозяйственных помещений было следующее:

В комнате т. Сталина:

1. Кровать, 2. круглый стол, 3. маленький круг. стол, 4. Табурет
5. Комод, 6. стол, 7. диван, 8. скамейка, 9. чугунн. печь.

В I-ой комнате Перегрымовых:

10. Кровать, 11. Кровать, 12. Сундук, 13. стол, 14. Табурет,
15. Табурет, 16. Круг. кадка, 17. Русская печь

Во II комнате Карандашовых:

18. Отгороженное место для телки
19 — " — — " — — " — Кур

Первая страница опроса Л. П. Перепрыгиной (Давыдовой), проведенного в 1950 г., в котором описывается ее дом и пристройка, в которой жил И. В. Сталин

ОСОБАЯ ПАПКА

Сов. секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
2680
СНЯТ С УЧЕТА-БС

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

4 июня 1956 г.
№ 1406-с
гор. Москва

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

По сообщениям ТАСС от 20 апреля и 20 мая с.г. в американском журнале "Лайф" был помещен фотоснимок находящегося в распоряжении редакции подлинника документа "Особого отдела департамента полиции" царской России о И.В.Сталине о том, что он являлся агентом жандармского управления.

При этом в журнале "Лайф" изложено содержание письма от 12 июля 1913 года № 2988 за подписью заведующего Особым отделом департамента полиции ЕРЕМИНА в адрес начальника Енисейского охранного отделения А.Ф.ЖЕЛЕЗНЯКОВА.

Комитетом госбезопасности проведена проверка этого сообщения и установлено следующее:

ЕРЕМИН с 1910 года по июнь 1913 года действительно служил заведующим Особого отдела департамента полиции, а затем был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата в приведенном документе из журнала "Лайф" не совпадает на месяц.

Проверен также журнал исходящей корреспонденции Особого отдела департамента полиции за 12 июня 1913 года, по которому документ за № 2988 не отправлялся. Все номера исходящей корреспонденции за июнь месяц 1913 года не четырехзначные, а пяти и шестизначные.

Документ за подписью ЕРЕМИНА адресован начальнику Енисейского охранного отделения Алексею Федоровичу ЖЕЛЕЗНЯКОВУ.

В.Абакумов

Первая страница совершенно секретного донесения Н. С. Хрущеву за подписью председателя КГБ при Совете министров СССР И. Серова

И. В. Сталин на палубе крейсера «Червона Украина» Черноморского флота. 25 июля 1929 г.

И. В. Сталин, А. И. Рыков, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев

На многих фотографиях И. В. Сталин запечатлен работающим над книгами

Сталину – Кобеци
с крепким поцелуем.
28/XII 08 г. Целую. Коба.

Ленину
13/IV 1912 г.
Петроград

Протоколы Объединительнаго Съѣзда Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи,

состоявшагося въ
Стокгольмѣ въ 1906 г.

БИБЛИОТЕКА
№ 965.
И. В. Сталина.

МОСКВА. 1907.14

АНАТОЛЬ ФРАНС

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ

ДИАЛОГИ ПОД РОЗОЙ

«ПЕТРОГРАД»

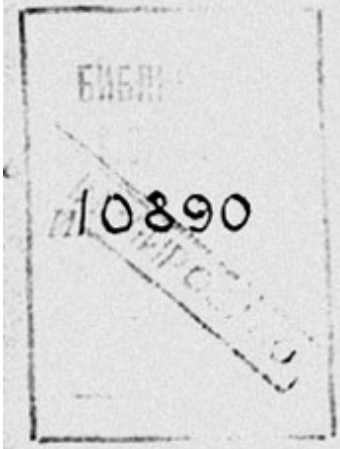
Книги из библиотеки И. В. Сталина

Иллюстрации к книге «Почетный академик И. В. Сталин и академик Н. Я. Марр. О языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных»

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
В. 60

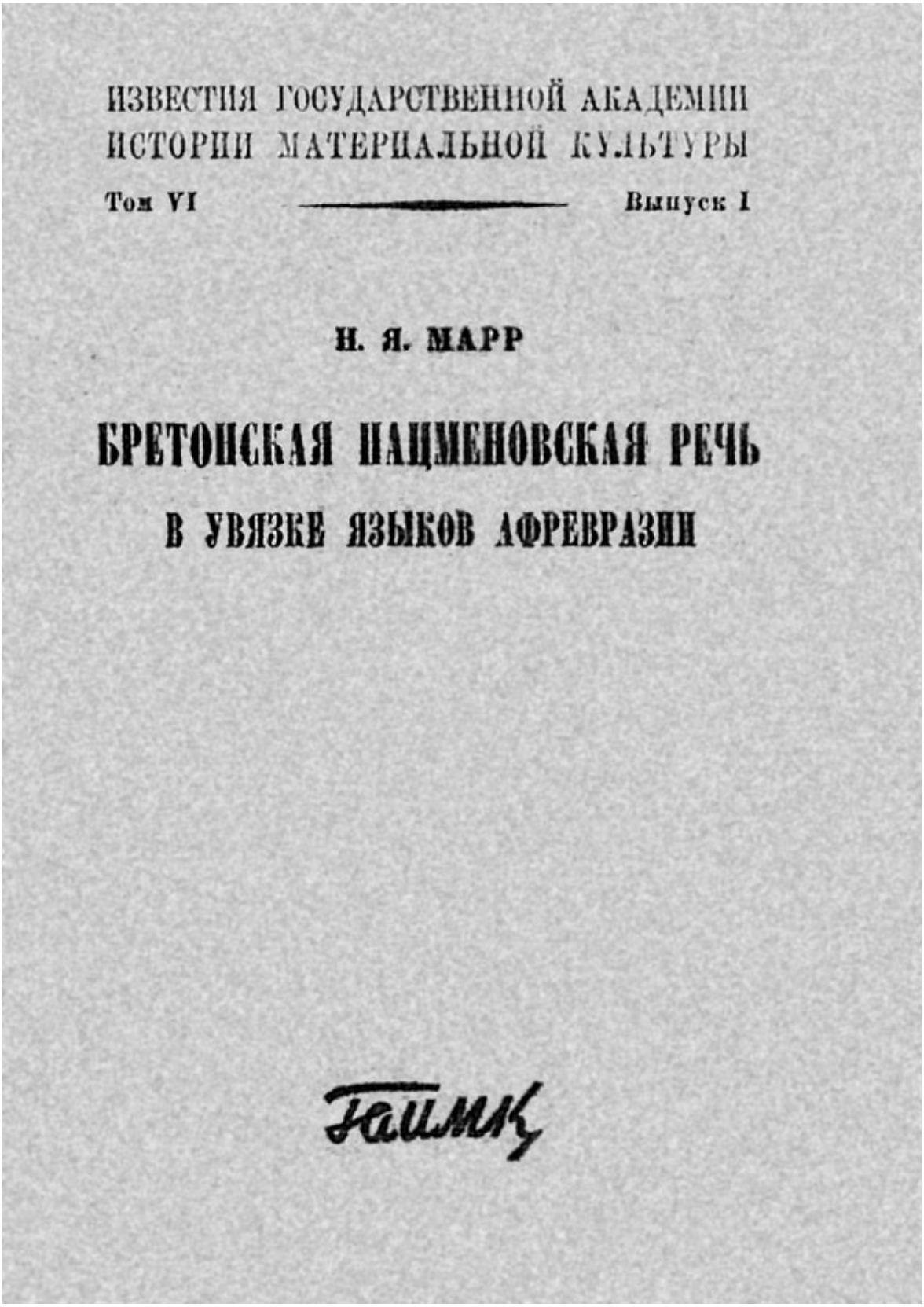
Н. Я. Марр

Язык и современность

СОЦЭКГИЗ-ГАИМК
Ленинград
1932

Обложка работы Марра Язык и современность

Обложка брошюры Марра

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
Выпуск 89

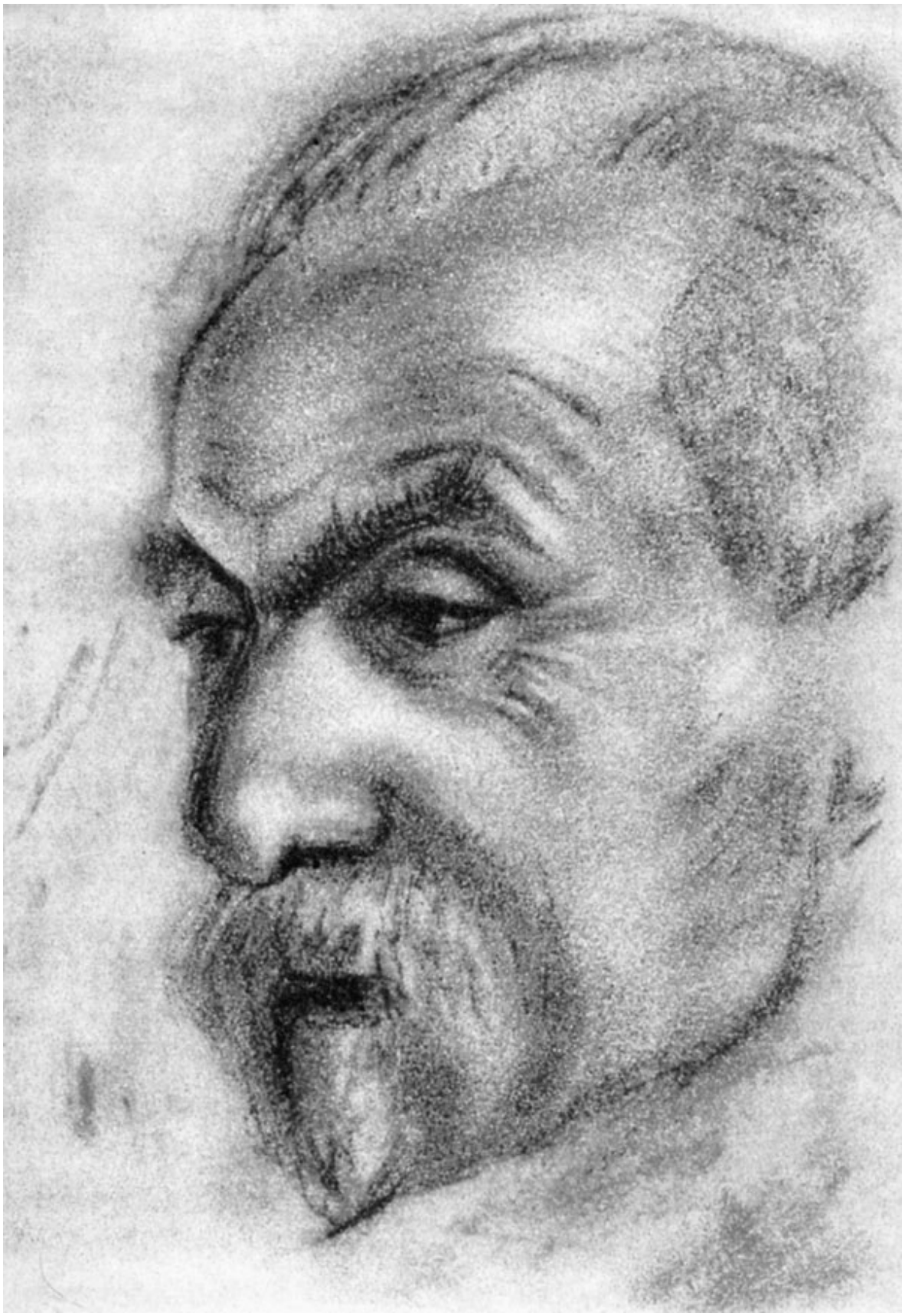
Н. Я. МАРР

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЕЗДКЕ В ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

БИБЛИОТЕКА
5058

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1934

Обложка брошюры Марра

Портрет Мара. (Рисунок карандашом художника И. Бродского)

К о п и я.

Товарищу Марр.

Очень извиняюсь, многоуважаемый Николай Яковлевич, что не имею сейчас возможности удовлетворить Вашу просьбу. Подготовительная работа к предстоящей всесоюзной партконференции поглащает у меня все рабочее время и не дает возможности заниматься другими делами.

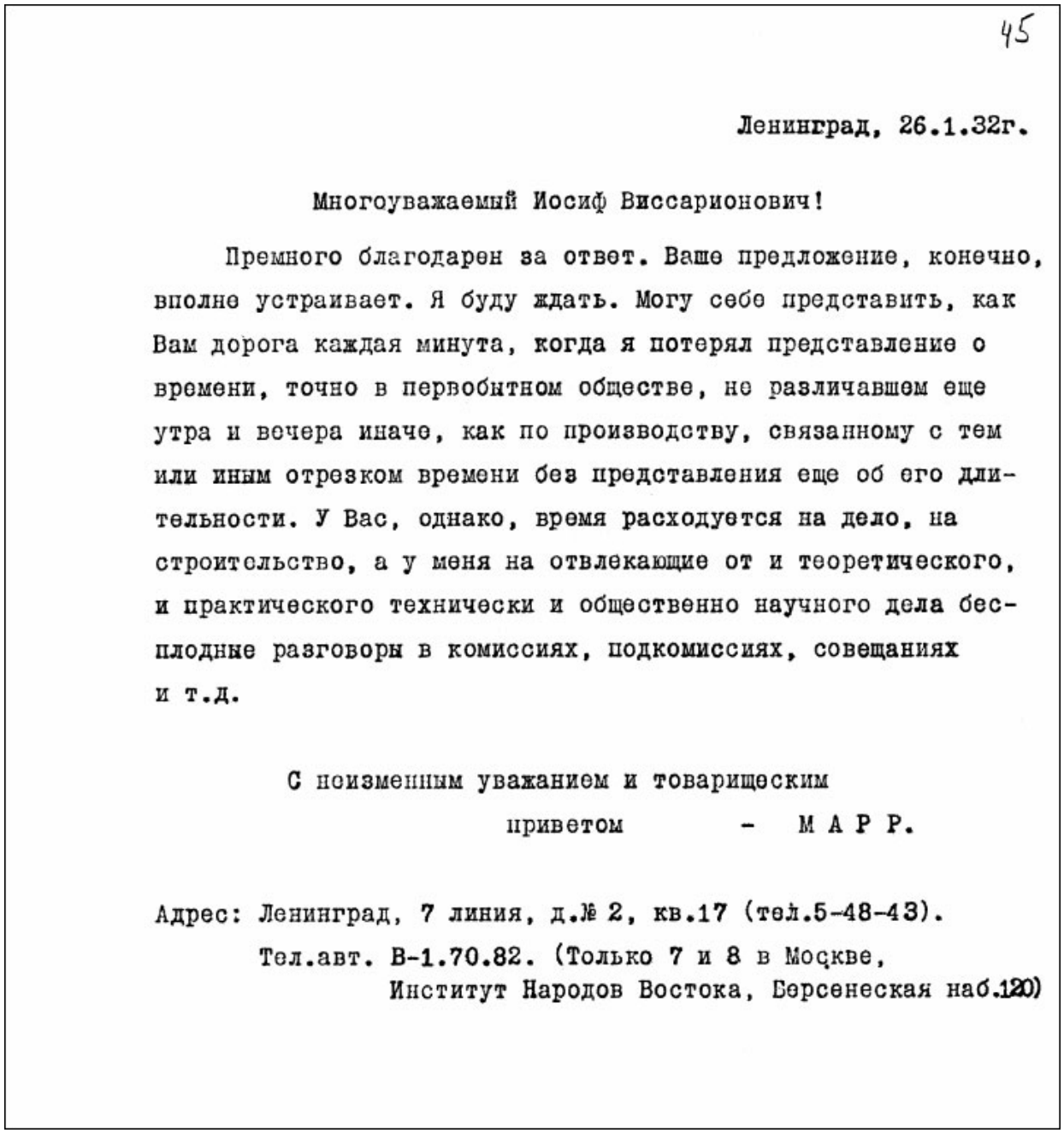
После конференции я, конечно, смогу выкроить минут 40-50. Если это устраивает Вас, я охотно побеседую с Вами. Что касается дня приема, могу сообщить Вам об этом дополнительно приблизительно дня через два по окончании конференции.

Готовый к услугам [signature]

20.I.32 г.

Письмо ак. Марра (с приложением) передано в Госкредитиздат 24/III.32

Записка И. В. Сталина академику Н. Я. Марру

45

Ленинград, 26.1.32г.

Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Премного благодарен за ответ. Ваше предложение, конечно, вполне устраивает. Я буду ждать. Могу себе представить, как Вам дорога каждая минута, когда я потерял представление о времени, точно в первобытном обществе, не различавшем еще утра и вечера иначе, как по производству, связанному с тем или иным отрезком времени без представления еще об его длительности. У Вас, однако, время расходуется на дело, на строительство, а у меня на отвлекающие от и теоретического, и практического технически и общественно научного дела бесплодные разговоры в комиссиях, подкомиссиях, совещаниях и т.д.

С неизменным уважанием и товарищеским приветом - М А Р Р.

Адрес: Ленинград, 7 линия, д.№ 2, кв.17 (тел.5-48-43).
Тел.авт. В-1.70.82. (Только 7 и 8 в Москве, Институт Народов Востока, Берсеневская наб.120)

Ответ академика Н. Я. Марра И. В. Сталину

ГАИМК
Кабинет Н.Я. МАРРА
№ 1082, л. 1

17.2.30

Семантический ряд в палеонтологических терминах

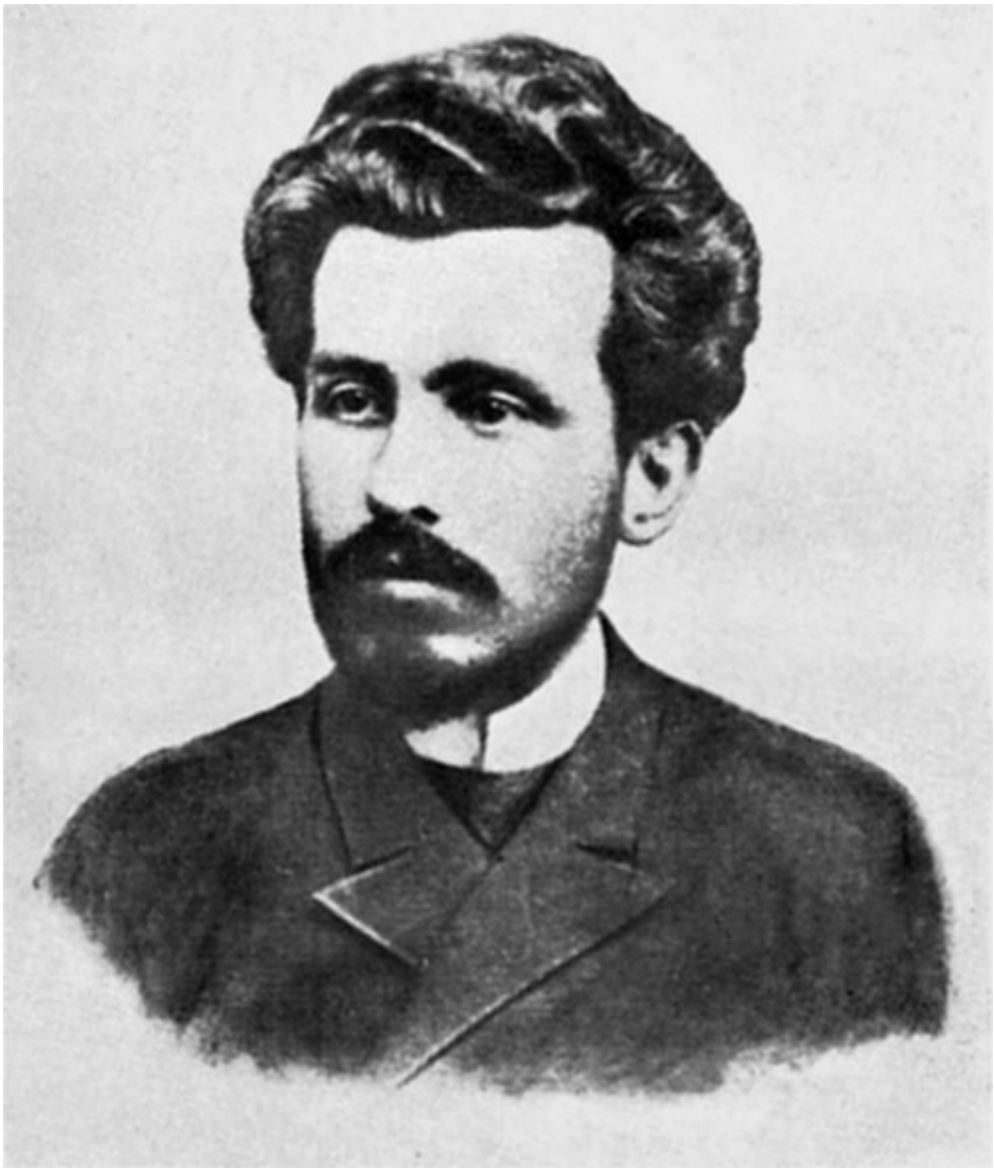
[была создана

[Марр, 47 утверждает: по времени расовых представл. в науч. мировоззр

[техника ?

[языки : ...

Схема яфетической теории. Автограф Марра

Академик Н. Я. Марр

стемы; но в Я. теории еще не использованы основы этого учета гласных в применении к языкам с наибольшим развитием гласных модальностей, особенно к соответствующим представителям индо-европейской (прометеидской) системы; ибо эти языки пока не вовлекаются специалистами в круг языков, разрабатываемых по новому учению о языке. Яфетидология, настаивая на преимуществах выработанного ею письма, в то же время не отрицает необходимости некоторой его перестройки и дополнений, в особенности при применении его к языкам неяфетических систем и тем более при его практическом использовании в широких массах («Абхазский аналитич. алфавит», 1926).

Выделяя кавказские языки в одну общую группировку, Н. Я. Марр в ряде работ до 1924 вел яфетидологию по пути расширения круга яфетических языков, по старой терминологии — яфетической семьи языков. В эту группу оказались включенными не только наличные представители живой речи населения Кавказа и их вымершие представители в виде древнелитературного грузинского и древнелитературного армянского, но и языки исчезнувших насельников края, в том числе клинописный халдский, язык доармянского населения б. турецкой Армении. Территориально обособленно вошли в ту же группу живые языки басков на Пиренеях и вершиков на Памире, а также один из мертвых языков Италии — этрусский («Классифицированный перечень», 1920).

Для объяснения разбросанности этих языков Н. Я. Марр выдвинул предположения о древнейшем переселении племен из приараратского окружения, затем об едином этническом субстрате на всем Евразийском материке, лишь частично сохранившемся на Кавказе, Памире и на Пиренеях, и стершемся в других местах в связи с появлением индо-европейцев и семитов. Развивая эти положения, он перешел к выяснению пережитков яфетического субстрата в языках нового населения Европы («К вопросу об яфетидизмах в германских языках», «Яфетидологический подход к палеонтологии семитических языков», 1922 и др.).

Коренной ломкой в прежнем направлении работ явился синтез выявившихся противоречий, приведший к утверждению, что различие языковых структур в Европе и Азии, выразившееся в наличии яфетических языков, с одной стороны, и индо-европейских и семитских языков, с другой стороны, объясняется не сменой этнических составов, несших каждая свою систему речи, а трансформацией населения на месте («Индо-европейские языки Средиземноморья», 1924). Отказавшись от необходимости прослеживания арийского вторжения и тем самым от решающей роли этноса в развитии языков, Н. Я. Марр изменяет направление своих работ и для выяснения происходящих процессов трансформации речи усиливает подход к языку, как явлению социального порядка. Происшедшую в Европе общественную перестройку, давшую в языке новое структурное оформление индо-европейской речи, Н. Я. Марр ставит в связь с развитым земледелием и обусловленным им переходом в новую археологическую стадию веков металла («О происхождении языка», 1926 и др.).

С вопросом о трансформации языковых систем тесно связан новый подход к изучению наличных языковых структур с их распределением не по праязыкам, а по системам, преемственно чередующимся в процессе их внутренней перестройки, обусловленной в свою очередь сменами внутри общественных группировок и изменениями в хозяйственной деятельности. В связи с этим выдвинулось на первый план задание изучения единого процесса развития речи («Основные достижения яфетической теории», 1925 и др.). Тем самым яфетидология принуждена была выйти из сравнительно узкого круга исследования языков только яфетической стадии и обратиться в общее учение об языке.

Основные положения Я. т. как системы материалистич. лингвистики. Дальнейший ход работ Я. т. в связи с этим пошел по двум направлениям: 1) по углублению анализа самих яфетических языков, т. е. установлению тех характеризующих признаков, по к-рым данный язык должен быть отнесен к числу включаемых в яфетическую стадию, и 2) по установлению общих норм развития языков вообще в их трансформационных чередованиях.

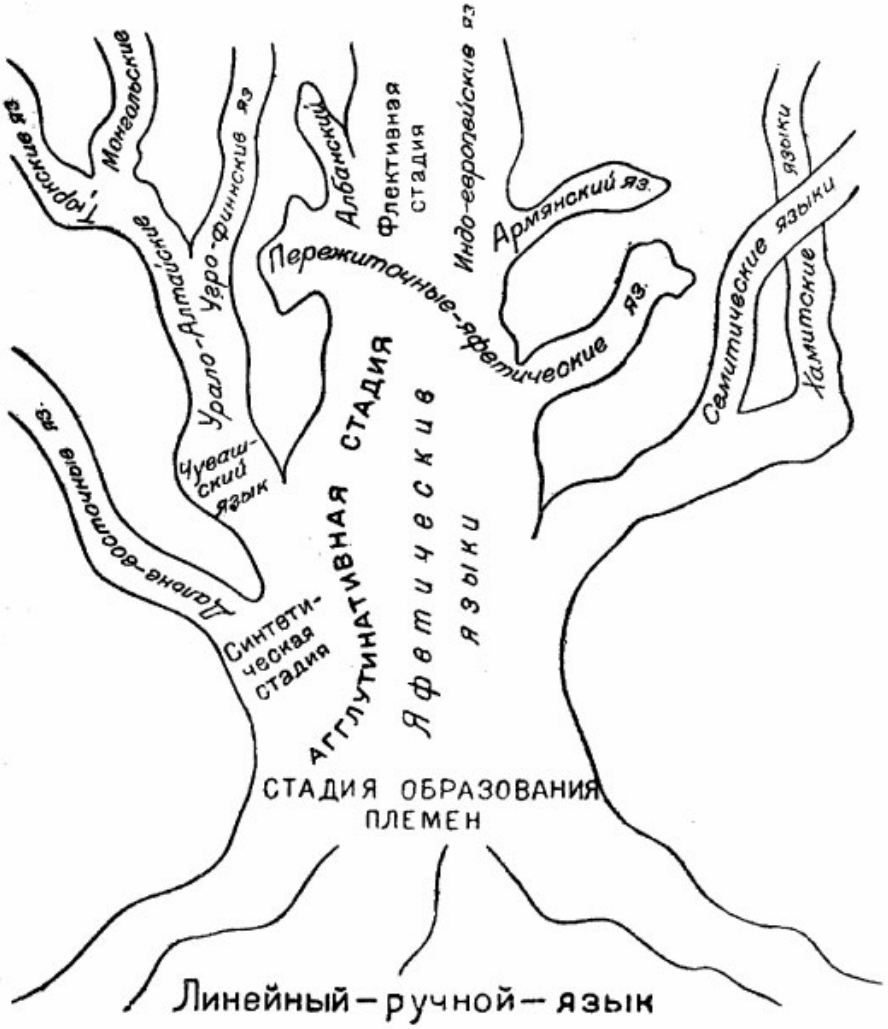
Учение о стадиях и палеонтологический метод. Подход к общему процессу развития речи в путях его трансформационного движения выдвинул учение об языковых стадиях, т. е. о тех этапах, к-рые проходит язык и по которым группируются многообразные его представители прошлого и настоящего. Сделанная Н. Я. Марром попытка увязать языковые стадии с социально-экономическими формациями является лишь предварительной и требует, по его же словам, более углубленного подхода («Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории», 1929). Усиление аналитической работы вызвано углублением изысканий о мышлении и его технике в материалистической языковедной постановке. На этом этапе своего развития яфетидологии приходится отмежевываться больше всего от индоевропеистики как своей противоположности, хотя изжитой идеологически, но еще не утратившей значения даже у нас в Союзе ни в школе ни в прессе.

Предварительной постановкой работ в новом направлении является учение о межстадиальных переходах и межстадиальных соответствиях. Н. Я. Марр устанавливает ступенчатое (скачкообразное) движение речи, перестраивающее стадиальное оформление на основе наследственно сохраняющегося багажа предыдущей стадии. Перестройка прежнего дает повод к прослеживанию каждого языкового явления в его прошлом и настоящем, что и образует основное задание палеонтологического анализа. Посредством этого анализа различные формы например индо-европейской и семитической речи приводятся к их яфетическому состоянию.

Анализ языкового развития в его диахроническом (вернее разностадиальном) раз-

Пометы Сталина на странице 65 тома БС (1 изд.)

Заключу эту часть родословным деревом связанных с яфетической речью, как доисторической, языков в том виде, как это представляется пока, начав не с корней, разбегающихся в различные стороны и сплетающихся с действительно начальным языком, линейным или ручным, еще не звуковым, а сверху, однако, не с конечной вершины, до которой пока человечество не доросло, а с наличного завершения, совершенного типа, индоевропейского, возглавляющего сейчас это родословное дерево.

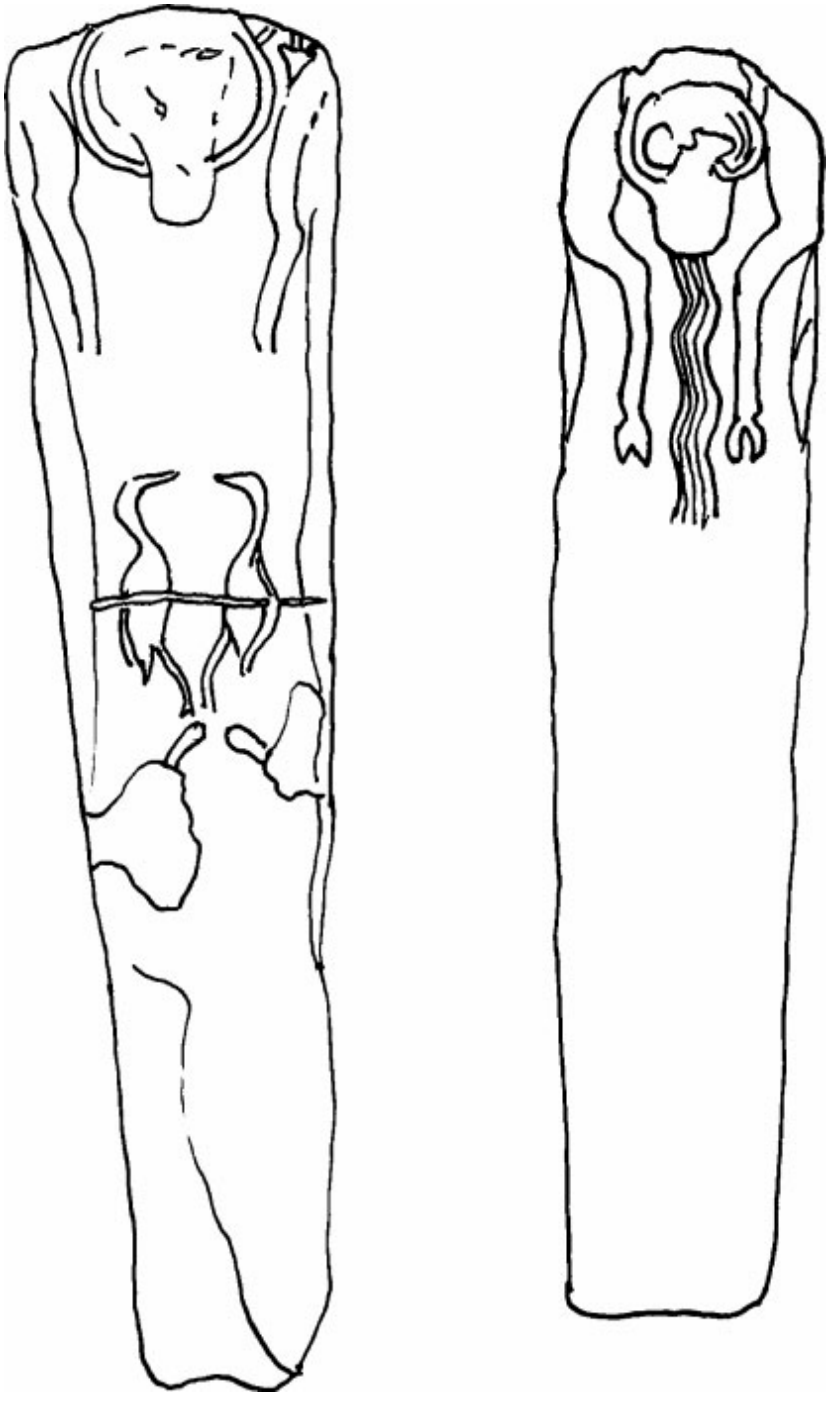
Итак:

1) **Вершина,** теоретически имеющая венчать все предшествующие стадии развития языка, — единая речь, общечеловеческая.

2) Ниже наличное завершение — индоевропейская семья языков.

3) Ниже, справа от ствола, отставший от его роста сучок: пережиточно наличные, известные с исторических эпох яфетические языки, стоящие на различных

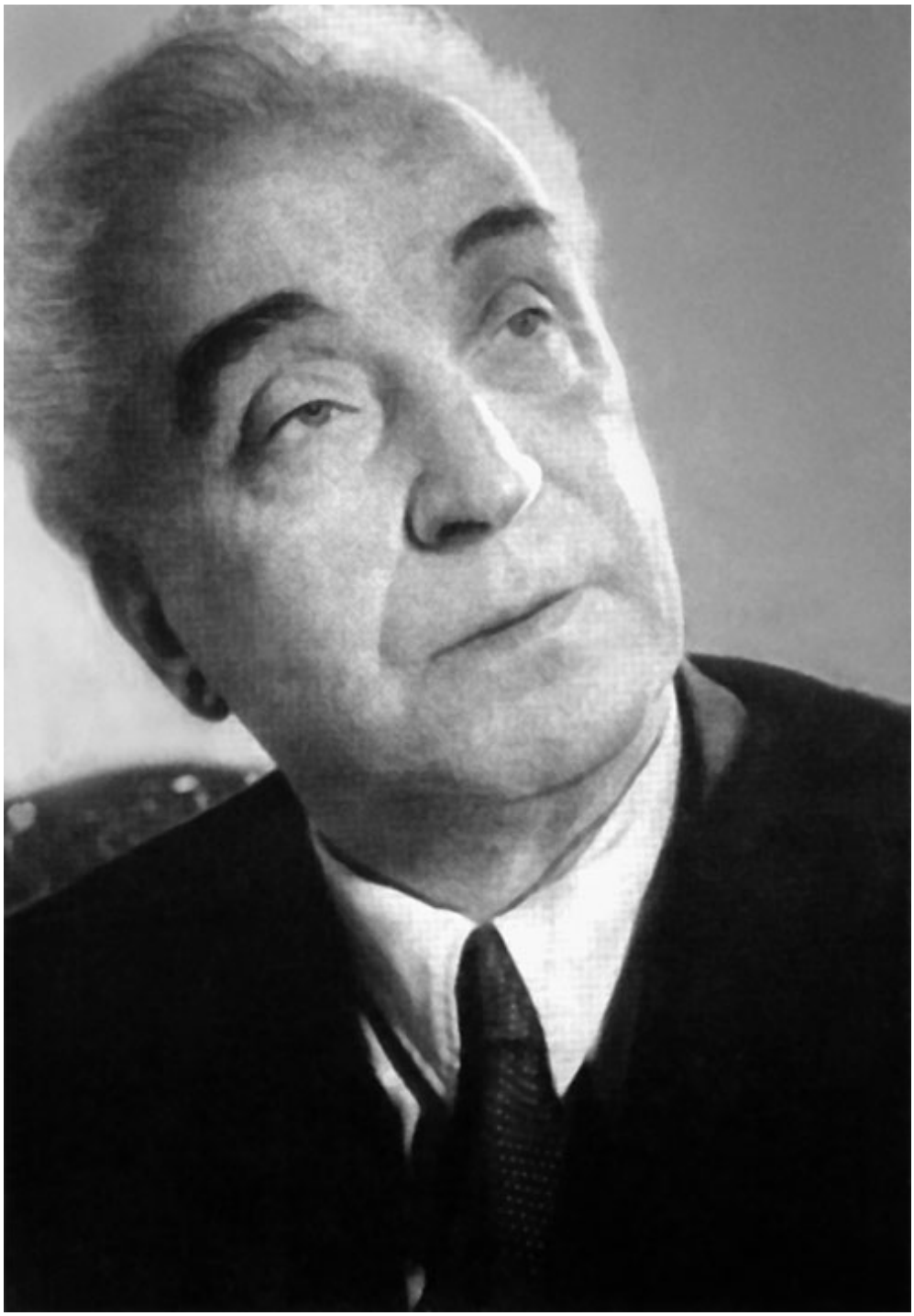
Схема развития языков (ранний вариант Марра)

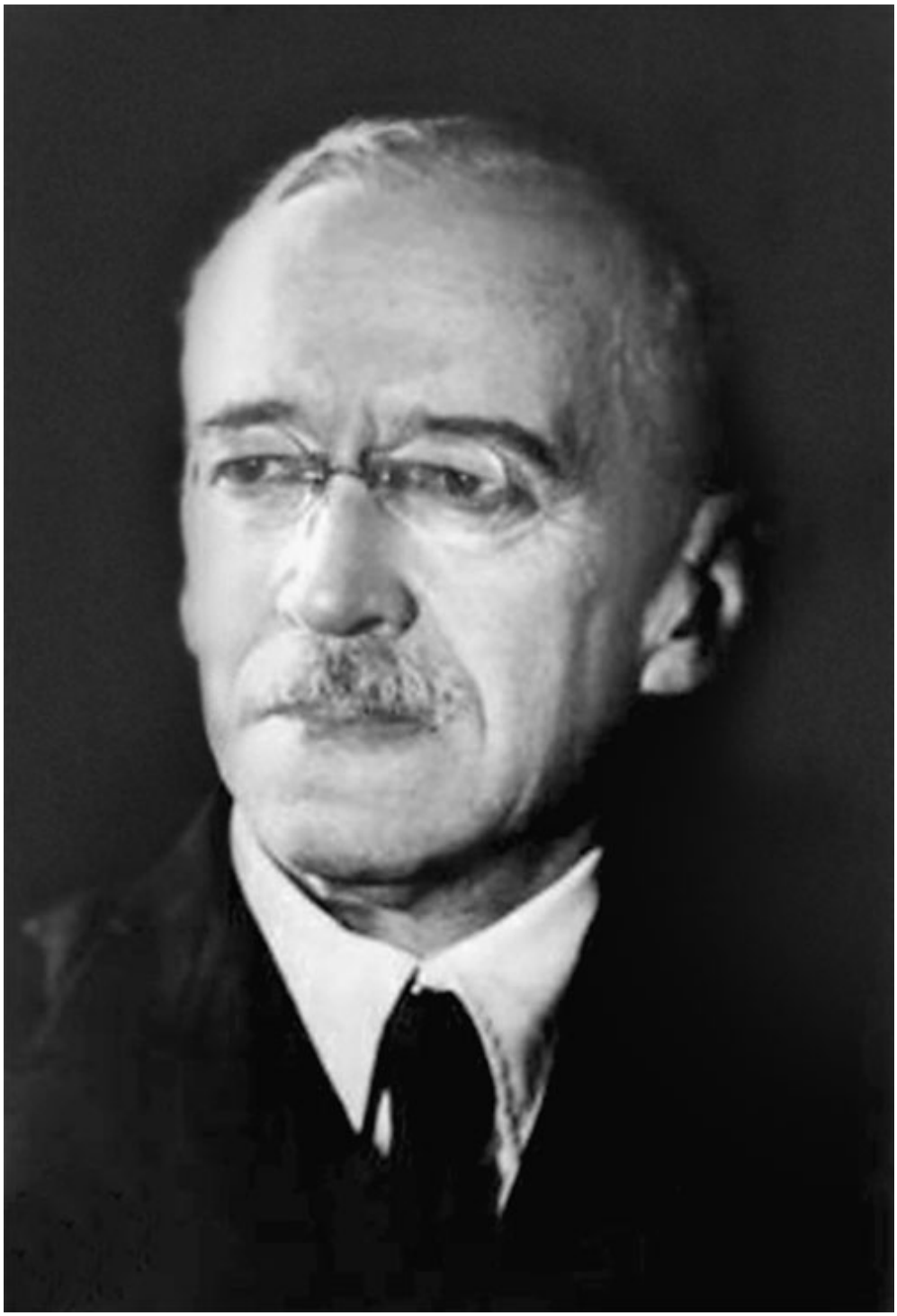
Вишапы

Диплом почетного академика И. В. Сталина

Академик В. В. Виноградов

Академик И. И. Мещанинов

---

notes

Примечания

1

См. например: *Пригодич В.* «Малина-кАлина», или Жизнь Сталина. Заметка первая // http://prigodich.8m.com/html/notes/n068.html; *Его же.* «Калина-мАлина», или Жизнь Сталина. Заметка вторая // http://www.law-students.net/modules.php?
file=article&name=News&sid=45; *Савельев А.* Портрет вождя на фоне чтения: книга о Сталине-читателе // Библиотека в школе. 2013. N 4. С. 54–56 и др.

2

Дружинин П. А. Яфетические зори в Российской академии наук // Независимый филологический журнал. № 119. 2013.

3

См.: *Добренко Е.* Споря о Марре // Независимый филологический журнал. № 119. 2013; *Тактарова А. В.* Возможности использования лингвистической теории Н. Я. Марра в современных научных исследованиях // Современная филология. Уфа, 2011. С. 192–194; *Соколовский А.* Два академика // История. № 10. 2013. С. 40–42.

4

Сталин И. В. Соч. Т. 8. М., 1948. С. 175.

5

См.: *Бердяев Н.* Творчество и объективизация. Минск, 2000. С. 261.

6

Булгаков М. Соб. соч. в пяти томах, т. 3. М., 1990. С. 513.

7

Два взгляда из-за рубежа. *Жид А.* Возвращение из СССР. *Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. М., 1990. С.196, 201.

8

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 1990. С. 237.

Радзинский Э. С. Сталин. М., 1997.

10

Сталин И. В. Соч. Т. 9. М., 1948. С. 283.

11

Кьеркегор С. Повторение. М., 1997. С. 7–8.

12

Барбюс А. Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир. 2-е изд. М.,1936. С. 17.

13

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 99.

14

Ракоши М. «Видел, как возникает культ личности» //Источник. № 1. 1997. С. 114.

15

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 145. С. 251.

16

Сталин И. В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 122.

17

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 251. Л. 25.

18

История ВКП(б). Краткий курс. Госполитиздат, 1952. С. 339.

19

См.: *Васильев Г.* Ленин и Сталин о роли научного предвидения // Под знаменем марксизма. 1939. № 2. С. 41–62.

20

О Ленине. М., 1945. С. 10.

21

Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935. С. 213.

22

Моммзен Т. История Рима, т. III. ОГИЗ, 1941. С. 394.

23

Там же. С. 384.

24

Бердяев Н. Указ. соч. С. 129.

25

СталинИ. В. Соч., т. 1, М., 1946. С. 122.

26

Бердяев Н. Указ. соч. С. 129.

27

Лоренц К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Оборотная сторона зеркала. М., 1998.

28

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. XII.

29

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 235.

30

Тарле Е. Наполеон. М.: ОГИЗ, 1942. С. 5, 6.

31

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом //Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 414–415 и др.

32

Вригт фон Г. Х. Три мыслителя. СПб., 2000. С. 99.

33

Указ. соч. С. 247–248.

34

Сталин И. Соч., т. 13. С. 119.

35

Сталин И. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом. 3 июля 1934 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 3.

36

Маркс К. Собрание исторических работ, изд. С. Скирмунта. б. г. и м. изд. // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 208. Л. 143.

37

См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

38

См.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 9.

39

XI съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1922. С. 33 //Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. «Библиотека И. В. Сталина».

40

Там же.

41

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 81.

42

Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 288.

43

Сталин И. В. Беседа с председателем Американского газетного объединения «Скрипс-Говард ньюспейперс» г-ном Рой Говардом // Правда. 6 марта 1936 г.

44

Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., М., 1979. Гл. 2.

45

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 27.

46

См.: История СССР, т. 2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма / Под. ред. М. В. Нечкиной. 3-е изд., М., 1954. С. 327.

47

Лоренц К. Указ. соч. С. 230–231.

48

Соловьев В. С. Несколько слов в защиту Петра Великого // Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1989. С. 418.

49

Бердяев Н. Указ. соч. С. 97.

50

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 558.

51

Маркс К. Собрание исторических работ.

52

Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 9.

53

Троцкий Л. Указ. соч. С. 79.

54

Толстой А. Праздник идей, мыслей, образов // Собр. соч. в 10 томах. М., 1959. Т. 10. С. 218.

55

Платонов С. Ф. Иван Грозный. *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М.: изд-во УРАО, 1998.

56

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 79.

57

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С.120.

58

Сталин И. В. Краткая биография. 2-е изд. испр. и доп. М., 1948.

59

Здесь и далее все подчеркивания в цитатах и фрагментах текстов принадлежат Сталину.

60

Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 28.

61

Там же. Л. 30.

62

Там же.

63

Там же. Л. 37.

64

Там же. Л. 30–31.

65

Там же. Л. 31–32. См. также: *Волобуев О., Кулешов С.* Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М.: изд-во АПН, 1989. С. 157.

66

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 32–33.

67

Там же, с. 41.

68

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 1. Ед. хр. 2510.

69

Как утверждают некоторые мемуаристы, Сталин всю Гражданскую войну проходил с томиком Ницше в кармане. Как и в случае с Макиавелли, сам факт знакомства с теми или иными идеями ничего не доказывает до тех пор, пока не обнаруживается прямая реакция на них.

70

Сталин И. В. Соч. Т. 6. М.,1947. С. 11.

71

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 358. Л. 76.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 316.

73

Указ. соч. С. 151.

74

РГА СПИ. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 36.

75

РГА СПИ. Ед. хр. 350.

76

РГА СПИ. Ед. хр. 121. С. 537. Ед. хр. 132. С. 138. Ед. хр. 158. С. 34.

77

Микоян Анастас. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999. С. 356.

Микоян Анастас. Указ. соч. С. 576.

79

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 2. 4-е изд. М., 1996. С. 446.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 305.

81

К шестидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина. М., 1940. С. 177.

82

РГА СПИ. Ед. хр. 188, 266, 183.

83

Там же. Ед. хр. 380. С. 278.

84

И. В. Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 113–128.

85

И. В. Сталин. Краткая биография. С. 18.

86

Указ. соч. С. 65, 92, 93, 95; И. В. Сталин сам о себе. С. 127.

87

И. В. Сталин сам о себе. С. 117.

88

И. В. Сталин. Краткая биография. С. 96; РГА СПИ. Ф. 71. Оп. 10. Ед. хр. 261. Л. 93.

89

И. В. Сталин. Краткая биография. С. 118, 131, 162, 238, 242.

90

Малашенко Л., Экшут С. Весь синклит // Родина. Дайджест. Сборник разных лет. Пилотируемый номер. 1998. С. 8–10.

91

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 25. Л. 100.

92

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 111.

93

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 73. Л. 151.

94

См.: Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 160.

95

Барбюс А. Сталин. 2-е изд. М., 1936. С. 354–355.

96

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 31, 31 об. Пользуюсь случаем выразить благодарность историку В. А. Невежину, указавшему мне на этот документ.

97

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 27. Л. 30.

98

Из воспоминаний А. Л. Мясникова, участника консилиума у постели И. В. Сталина // Литературная газета. 1989. 1 марта.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 14.

100

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 46.

101

Иванов В. Красная площадь // Новый мир. М., 1937. Кн. 11. С. 259–261.

102

«Агент английской разведки случайно встретил Вас…» // Источник. 1996. № 3. С. 162.

103

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 109.

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 304.

105

До сих пор в литературе утверждается, что рост Сталина не превышал 160 сантиметров. См.: *Ранкур-Лаферриер Д.* Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. Пер. с англ. М., 1996. С. 75.

106

Там же. С. 37.

107

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1496. Л. 166–167.

108

См.: Сталин. Сборник статей к пятидесятилетию со дня рождения. 2-е изд. М.-Л., 1930. Фото.

109

Чуковский К. Дневники 1930–1969. М., 1995. С. 86.

110

О деле так называемого «Московского центра» // Известия ЦК КПСС. № 7. 1989. С. 69.

111

Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 47.

112

«Меня встретил человек среднего роста…» Из воспоминаний скульптора М. Д. Рындзюнской о работе над бюстом И. В. Сталина в 1926 г. // Голоса истории. Музей революции. Сб. научн. трудов. Вып. 23, кн. 2. М., 1992. С. 116.

113

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 82.

114

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 83.

115

«Меня встретил человек среднего роста…». С. 113.

116

Указ. соч. С. 116.

117

Указ. соч. С. 115.

118

Сталин И. В. Краткая биография. С. 120–121.

119

Бармин А. Указ. соч. С. 304.

120

См.: *Ранкур-Лаферриер Д.* Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. Пер. с англ. М., 1996. С. 109.

121

РГА СПИ. Ф. 558. Оп 11. Ед. хр. 1289. Л. 23.

122

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 544.

123

См.: *Радзинский Э.* Указ. соч. С. 36; РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 7 об.

124

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 166.

125

См.: *Радзинский Э.* Указ. соч. С. 69, 36, 30.

126

В. Молотов вспоминал: «Рука у него была нормальная, но ее держал вот так. какая-то операция. видимо, была в детстве. Он под фаэтон попал…» // Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 297.

127

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 4. Ед. хр. 675. Л. 1–23.

128

Там же. Оп. 11. Ед. хр. 1483. Л. 100 об. Есть серьезные основания предполагать, что акт был фальсифицирован, как это считает А. А. Фурсенко: «Историк А. А. Фурсенко рассказывает» // Вопросы ИЕИТ. № 2. 2000. С. 131, 142.

129

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 1482. Л. 1–2.

130

Там же. Ед. хр. 1279. Л. 18.

131

Там же. Ед. хр. 1482. Л. 4–6.

132

Логинов В. Тени Сталина. Генерал Власик и его соратники. М., 2000. С. 18.

133

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 98.

134

Там же. Ед. хр. 1289. Л. 22.

135

Микоян А. Указ. соч. С. 357.

136

РГА СПИ. Ед. хр. 1289. Л. 6.

137

Там же. Л. 6 об.

138

Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2. 3-е изд. М., 1994. С. 254.

139

«Конечностно-поясная, или ювенильная, форма (мышечная дистрофия Эрба) встречается часто. Первые симптомы появляются, как правило, в 14–16 лет, прогрессируют сравнительно быстро: значительное ограничение работоспособности наступает в 20–25-летнем возрасте. Слабость и атрофия мышц наблюдается сначала в мышцах таза, затем в проксимальных отделах ног – в дальнейшем процесс распространяется на мышцы плечевого пояса. Иногда парезы в ногах и руках появляются одновременно… Мышцы лица и сердечная мышца чаще не поражаются. Интеллект не страдает» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2. 3-е изд. М., 1994. С. 254).

140

Там же. С. 32.

141

Алиллуева С. Указ. соч. С.10.

142

«Заменить вас некем». Письма М. Горького И. В. Сталину // Источник. № 5. 1999. С. 115–116.

143

Бармин А. Указ. соч. С. 321.

144

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 792. Л. 146.

145

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 128 об.

146

«Заменить вас некем». Письма М. Горького И. В. Сталину. С. 116–117.

147

Аллилуева С. Только один год. С. 312.

148

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950. М., 1997. С. 441.

149

Троцкий Л. Указ. соч. С. 55.

150

Из переписки Н. В. Валентинова-Вольского с Б. И. Николаевским // *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 214.

151

Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997. С. 304.

152

РГА СПИ. Там же. Л. 4.

153

Там же. Л. 47.

154

«Неврозы… – группа заболеваний, в основе которых лежат временные, то есть обратимые, нарушения нервной системы, возникающие под влиянием психотравмирующих воздействий. Появлению Н. способствуют ослабление защитных сил организма, длительное переутомление. Они чаще развиваются у лиц с акцентуациями характера (усиление его отдельных черт). Основными клин. формами Н. являются неврастения, истерический невроз и невроз навязчивых состояний» // (Краткая медицинская энциклопедия. Т. 2, 3-е изд. М., 1994. С. 42).

155

Там же.

156

Врач и его пациент. Воспоминания И. А. Валединского о И. В. Сталине // Голоса истории. Редкие материалы в фондах Музея революции. Сб. научных трудов, вып. 23, кн. 2. М., 1992. С. 122.

157

«Организм Сталина вполне здоровый». Послесловие публикатора // Источник. № 2. 1998. С. 71.

158

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 134.

159

РГА СПИ. Там же. Л. 16 об.

160

«Организм Сталина вполне здоровый», с. 72.

161

Врач и его пациент. Воспоминания И. А. Валединского о И. В. Сталине. С. 125.

162

Бородулин В. И., Тополянский В. Д. Дмитрий Дмитриевич Плетнев // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 43.

163

См.: *Ранкур-Лаферриер Д.* Психика Сталина. С. 189.

164

Из переписки Н. В. Валентинова-Вольского с Б. И. Николаевским. С. 215–216.

165

Микоян А. Указ. соч. С. 563.

166

Из письма Н. Седовой-Троцкой в редакцию «Социалистического вестника» от 18 мая 1959 г. // *Валентинов Н. В.* Наследники Ленина. М., 1991. С. 211.

167

Смит Д. М. Муссолини. М., 1995. С. 107–108. Выражаю искреннюю благодарность М. Вайскопфу, обратившему мое внимание на это место в книге Смита.

168

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1483. Л. 1–23.

169

РГА СПИ. Ф. 71. Оп. 10. Ед. хр. 261.

Микоян А. Указ соч. С. 354.

171

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11.

172

Сходное описание обстоятельств смерти вождя оставил П. В. Мозгачев – заместитель коменданта дачи Ближняя, который работал в охране Сталина с 1938 г. Правда, Хрущева, приехавшего по вызову охраны вместе с Берией и Маленковым, он не упоминает. См.: *Шефов А.* Две встречи // «И примкнувший к ним Шепилов». М., 1998. С. 156.

173

Эту версию первым выдвинул А. Авторханов вскоре после кончины Сталина. С тех пор она в разных модификациях часто воспроизводится в некоторых исследованиях (См.: *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина // Новый мир. № 5. 1991. С. 184–233. *Его же*. Еще раз о «Загадке смерти Сталина» // Новый мир. № 12. 1991. С. 235–242).

174

Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 265.

175

Указ. соч. С. 264.

176

Кончина. Из воспоминаний А. Л. Мясникова, участника консилиума у постели И. В. Сталина // Литературная газета. 1 марта. 1989.

177

РГА СПИ. Ф. 78. Оп. 8. Ед. хр. 140. Именно это издание, которое хранилось в советское время в закрытых хранилищах, воспроизведено массовыми тиражами в России в постперестроечное время

178

Бармин А. Указ. соч. С. 337.

179

Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. С. 337–381.

180

См.: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф.Чуева. М., 1991. С. 249, 432.

181

Фейхтвангер Л. Москва. 1937. М., 2001. С. 86.

182

Так в тексте.

183

Сталин И. В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 227–329.

184

Там же. С. 316.

185

РГА СПИ. Ф. 558. Оп.11. Ед. хр. 1637.

«И примкнувший к ним Шепилов». М., 1998. С. 154.

187

Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день… // Московские новости. 18 сентября 1988.

188

Молотова спрашивали: «Сталин немецкий знал немножко?

– В Европе бывал. Понимал.

– Когда Риббентроп говорил, он понимал?

– Нет, не понимал. И я не понимал» // Сто сорок бесед с Молотовым. С. 257.

189

Бармин А. Указ. соч. С. 307.

190

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 268–269.

191

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 211. Л. 40.

192

Там же. Ед. хр. 1. Л. 17.

193

Российский государственный архив новейшей истории (РГА НИ). Ф. 5. Оп. 16. Д. 745. Л. 122.

194

Сталин И. В. Краткая биография. М., 1948. С. 11.

195

Радзинский. Э. Указ. соч. С. 49.

196

Сталин И. В. Краткая биография. С. 9.

197

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. 4-е изд. М., 1996. С. 51.

198

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281.

199

Сталин И. В. Указ. соч., т. 2. С. 403.

200

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990, С. 113–114.

201

Яковлев А. Цель жизни. 2-е изд. М., 1968. С. 184–185.

202

ГРА СПИ. Ф. 558. Оп.1. Ед. хр. 2510. Л. 2–3.

203

Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день… С. 16.

Микоян Анастас. Указ. соч. С. 351.

205

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 700. Л. 82–83.

Аллилуева С. Указ. соч. С. 20.

207

Красиков С. Возле вождей. М., 1997, С. 85.

208

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 296.

209

Шарапов Ю. Указ. соч.

210

Бармин А. Указ. соч. С. 317.

211

Красиков С. Указ. соч. С. 91.

212

Шефов А. Две встречи // «И примкнувший к ним Шепилов». Правда о человеке, ученом, воине, политике. М., 1998. С. 157.

213

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1487. Л. 106–108.

214

Шефов А. Две встречи. С. 151–159.

215

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1487. Л. 124.

216

РГА НИ. Ед. хр. 745. Л. 126.

217

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Справка о приеме личной библиотеки И. В. Сталина в Центральный партархив.

218

РГА НИ. Ед. хр. 745. Л. 125.

219

Медведев Ж., Медведев Р. Бумаги Сталина: жизнь после смерти? // Книжное обозрение. 11 ноября 1999. С. 19.

220

Шарапов Ю. Указ. соч.

221

Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Краткий путеводитель. М., 1993. С. 237.

222

Максимова Э. Личный фонд Сталина становится общедоступным. Но почему лишь частично? //Известия. 1999. 30 октября. С. 6.

223

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1486. Л. 136.

224

Там же. Л. 148–149.

225

Антонов-Овсеенко А. Берия. М., 1999. С. 445.

226

РГА СПИ. Ед. хр. 1487. Л. 109.

227

Там же. Л. 122.

228

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 335.

229

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1288.

230

Там же. Ед. хр. 1545, 1546, 1547.

231

Сталин И. В. Соч. Т. 15. 1941–1945. М., 1997; т. 16. 1946–1952. М., 1997.

232

Шохина В. Моя маленькая сталиниана // Независимая газета. 1998. 5 марта. С. 7.

233

Мероприятия отличаются большой скромностью… «О подготовке к 70-летию И. В. Сталина» // Источник. 1996. № 5. С. 79.

Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992.

235

Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 193.

236

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 84. Л. 1, 3.

237

См.: О деле так называемого «Московского центра» // Известия ЦК КПСС. № 7. 1989. С. 68.

238

«О так называемом «кремлевском деле» // Известия ЦК КПСС. № 7. 1989. С. 86–93.

239

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 293.

240

Там же. Ед. хр. 332.

241

Там же. Ед. хр. 4.

242

Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 15–16 и др.

243

Шпеер А. Воспоминания. Смоленск-Москва, 1997. С. 226.

244

Сталин И. В. Краткая биография. С. 239.

245

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 52.

246

Сталин И. В. Краткая биография. С. 163.

247

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 76. Л. 11.

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 319.

249

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45. С. 345.

250

Аллилуева С. Только один год. С. 123.

251

Троцкий Л. Портреты революционеров. Московский рабочий, 1991. С. 181.

252

Шефов А. Две встречи. С. 157.

253

Сталин И. В. Избранные сочинения в 3-х томах. Т. 1. М., 1999. С. 3–4.

254

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939. С. 25. «На правах рукописи» // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина (ГОПБ ОР БС).

255

РГА СПИ. Ф. 558. Оп 1. Ед. хр. 2218; Вопросы истории. № 11. 1953.

256

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 913. Л. 1.

257

См., например: *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 216, 283 и др.

258

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 186; Ед. хр. 2719; РГА НИ. Ф. 5. Оп. 16. Ед. хр. 745. Л. 124.

259

Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Книга первая. Пер. с грузинского Н. Тихонова. М., 1947. С. 107.

260

История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма // Под ред. М. Н. Нечкиной. 3-е изд., испр. и доп. М., 1954. С. 327.

261

Барбюс А. Сталин. 2-е изд. М., 1936. С. 21.

262

Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 97.

263

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1279. Л. 51.

264

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 113–114.

265

«Имя это ко мне подходит». И. В. Сталин о своем псевдониме // Источник. № 5. 1999. С. 79; В. В. Похлебкин в книге, переполненной домыслами, приводит версию происхождения этого псевдонима от фамилии Е. С. Сталинского – переводчика и издателя поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Тифлис, 1888–1889). Однако между выходом книги и появлением псевдонима проходит 20 лет, и усмотреть здесь прямую связь достаточно трудно. В данном случае я склонен верить самому Сталину. См.: *Похлебкин В.* Великий псевдоним. М., 1996. С. 81–89.

266

См.: РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 905. Л. 99.

267

Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 52.

268

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 704. Л. 15–19.

269

Жгенти Б. Александр Казбеги // *Казбеги А.* Избранные произведения. Пер. с груз. Тбилиси, 1955. С. 5–15.

270

Сталин И. В. Краткая биография. 2-е изд. М., 1948. С. 8.

271

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 113.

272

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1278. Л. 2, 3, 7.

273

Казбеги А. Избранные произведения. Тбилиси, 1955. С. 239–240.

274

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 827. Л. 17–18. Письма М. Шолохова Сталину были опубликованы в журнале «Родина» в 1992–1994 гг.

275

Казбеги А. Указ. соч. С. 289.

276

По воспоминаниям Кетеван Орахелашвили // *Антонов-Овсеенко А.* Берия. М., 1998. С. 67.

277

Казбеги А. Указ. соч. С. 287.

278

Указ. соч. С. 257.

279

Указ. соч. С. 219.

280

Сталин И. В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 39.

281

Казбеги А. Указ. соч. С. 258–259.

282

Сталин И. В. Краткая биография. С. 7.

283

История СССР. С. 338.

284

Мохевец (от «хеви» – ущелье) – грузины-горцы, живущие в верховьях Терека и прилегающих ущельях.

285

Казбеги А. Указ. соч. С. 306.

286

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1278. Л. 2.

287

Казбеги А. Указ. соч. С. 314, 318.

288

Указ. соч. С. 268.

289

БСЭ. 1-е изд. М., 1937. Т. 13.

290

БСЭ. 2-е изд. Т. 21.

291

Там же. Т. 19. С. 364.

292

Казбеги А. Указ. соч. С. 436.

293

Правда. 2 января. 1991.

294

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Библиотека журнала «Источник». [Берлин-Москва], 1993.

295

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1995. С. 28.

296

Указ. соч. С. 55.

297

РГА СПИ. Ф. 558. Оп.11. Ед. хр. 917. Л. 1.

298

Роберт Слассер, автор книги «Сталин в 1917 году» (М., 1989), также выразил сомнение в авторстве одной из статей, опубликованной в третьем томе сочинений Сталина (см. с. 52–54).

299

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 911. Л. 15; Ед. хр. 910. Л. 5 об.

300

Сталин И. В. Соч. Т. 1. М., 1946. С. 10.

301

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 905. Л. 99–100.

302

См.: *Сталин И. В.* Соч. Т. 1. С. 399.

303

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 910. Л. 132, 133.

Очень обстоятельно мемуарную литературу использовал А. В. Островский: «Кто стоял за спиной Сталина?» (СПб.-М., 2002). Книга Островского очень похожа на достопамятный по советским временам жанр расширенной «биографической хроники». Отдавая должное его исследованию, открывшему массу неизвестных деталей в дореволюционном периоде жизни И. Джугашвили, в той части, где он опирается главным образом на мемуаристику сталинской эпохи, он кажется наименее убедительным. Автор лишний раз показал, что эти мемуары ничего не добавляют нового ни в плане идейной эволюции Сталина, ни в плане многих неясных пунктов его биографии: истинных причин изгнания из семинарии, его детских и юношеских недугов и пристрастий, ранних этапов идейной эволюции, конкретного содержания революционной деятельности, личных взаимоотношений и т. д. Особенное недоумение вызывает тот факт, что автор практически проигнорировал мемуары грузинских революционеров, уничтоженных или «забитых» Сталиным, которые публиковались с начала 20-х и до начала 30-х годов, таких как А. Енукидзе, Ф. Махарадзе, И. Орахелашвили, Б. Мдивани и другие. Сталин большую часть этих мемуаров собрал в своей личной библиотеке.

305

Сталин И. В. Указ. соч. С. 11.

306

Указ. соч. С. 13.

307

Указ. соч. С. 22–23.

308

Указ. соч. С. 33.

309

Сталин И. В. Соч. Т. 2. С. 129.

310

Указ. соч. Т. 1. С. 53.

311

Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 256–264.

312

Сталин И. В. Соч. Т. 1. С. 85–86.

313

Указ. соч. С. 179.

314

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 40.

315

Сталин И. В. Соч. Т. 1. С. 269.

316

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 27–31.

317

Указ. соч. С. 50–51.

318

Указ. соч. С. 51–52.

319

Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. М.: Изд-во АН СССР, 1937 // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

Аллилуева С. Только один год. М., 1995. С. 337.

321

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 706. Л. 31.

322

Чавчавадзе И. Повести и рассказы. Пер. с грузинского Е. Гогоберизде. М., 1937. С. 20 // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

323

Указ. соч. С. 3–4.

324

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 387. В архивной описи допущена ошибка при переводе названия брошюры.

325

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 326. Здесь также неверно указано название.

326

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 5. С. 305.

327

Там же. С. 538–542.

328

Там же. Ед. хр. 6.

329

РГА СПИ. Оп. 11. Ед. хр. 159.

330

Там же. Оп. 3. Ед. хр. 186. С. 27.

331

Там же. С. 40.

332

Там же. С. 32.

333

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр.7.

334

Там же. С. 54–55.

335

Там же. С. 22.

336

Там же. С. 93.

337

Там же. Оп.11. Ед. хр. 159. Л. 4–8.

338

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 51. С. 280.

339

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 50. С. 467–472.

340

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 382.

341

Там же. С. 29.

342

Там же. С. 30.

343

Там же. С. 55.

344

Там же. С. 79.

345

Там же. С. 80.

346

Там же. С. 81.

347

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 151–152.

348

Там же. С. 55.

349

Леонидзе Г. Сталин. Детство и отрочество. С. 9–10, 13.

350

Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 241.

351

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 121.

352

Аллилуева С. Указ. соч. С.152.

353

Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 356. Л. 22.

354

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 313.

355

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939. На правах рукописи. С.17 // Государственная общественно-политическая библиотека. Библиотека И. В. Сталина.

356

Там же.

357

См.: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.-М., 2002. С. 94.

358

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 111 и др.

359

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Родина, 1993. С. 6.

360

Берия С. Мой отец Берия. М., 2002. С. 37.

361

Федоров Е. Картлинская повесть. Л., 1940. С. 122. На правах рукописи // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 730.

362

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 154.

363

Дорофеев Б. Мать // Правда. 23 октября. 1935.

364

Беседа с матерью товарища Сталина // Правда. 27 октября. 1935. С. 3.

365

Аллилуева С. Указ. соч. С. 121.

366

Берия. С. Указ. соч. С.38.

367

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 775. Л. 9.

368

В скобках текст зачеркнут. Все подчеркивания принадлежат автору письма.

369

Там же. Л. 10–13.

370

Успенский В. Тайный советник вождя. Роман-исповедь в пяти томах. Т. 1. СПб., 2000. С. 26.

371

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1290. Л. 31–32.

372

См.: *Ильинский М.* Нарком Ягода. М., 2002. С. 197.

373

В 1949 году у нее была изъята книга П. Когана «Очерки по истории западноевропейских литератур» (Т. 1. М., 1909) с пометами Сталина и две открытки с репродукциями произведений Родена и «игривыми» посланиями Сталина Онуфриевой (РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1657. Л. 14).

374

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1288. Л. 15–16.

375

В первом варианте биографии Сталина, написанной И. Товстухой, об этом периоде сказано кратко: «1913, 1914, 1915, 1916 гг. Сталин проводит в туруханской ссылке, в селе Курейка» (*Сталин.* Сб. статей к пятидесятилетию со дня рождения. М-Л.: Госиздат, 1929. С. 19).

376

И. В. Сталин. Краткая биография. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1948. С. 55.

377

Цит. по кн.: *Городецкий Е., Шарапов Ю.* Свердлов. М., 1971. С. 97 (ЖЗЛ).

378

Там же. С. 98.

379

Аллилуева А. С. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С.115 // Библиотека И. В. Сталина.

380

Благодарю работников Центра хранения документов новейшей истории Красноярского края.

381

ЦХИДНИ КК. Ф. 26. Оп. 13. Д. 297. Л. 65.

382

Там же. Л. 128.

383

Там же. Оп. 14. Д. 445. Л. 227.

384

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1509. Л. 82–84. В том же письме, за те же «ошибки» Сталин разносит и статью Е. Н. Городецкого «Сталинская школа революции», опубликованную им в «Правде» от 4 февраля 1940 г.

385

Москалев М. Русское бюро ЦК РСДРП(б). М., 1947.

386

И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск: Краевое изд-во, 1942. С. 147–148.

387

И. В. Сталин в сибирской ссылке. С. 142–143.

388

Указ. соч. С. 143.

389

Здесь и далее подчеркнуто Сталиным карандашом.

390

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 79.

391

Там же. Л. 81. Это письмо Сталина было опубликовано по «отпуску» в книге Москалева в подстрочном примечании. (См.: И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942. С. 144–145.)

392

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 144.

393

Там же. Л. 139.

394

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 241.

395

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия», 1940. С. 20–21 // Библиотека И. В. Сталина.

396

Таково написание фамилии в тексте.

397

ЦХИДНИ КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 356. Л. 11–23.

398

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 96.

399

ЦХИДНИ КК. Д. 349. Л. 5.

400

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 258.

401

И. В. Сталин. Краткая биография. С. 44.

402

Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 64.

403

Сталинская забота о женщине, матери, ребенке. Свердловск, 1938. С. 47–48.

404

ЦХИДНИ КК. Д. 347. Л. 2.

405

Там же. Д. 340. Л. 1, 2.

406

Там же. Д. 354. Л. 7.

407

Там же. Д. 353. Л. 1–3.

408

Там же. Д. 354. Л. 1–4.

409

Там же. Д. 368. Л. 3–5.

410

См.: *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997. С. 73–75.

411

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1289. Л. 87, 111, 126. В декабре 2001 года на одном из совещаний грузинские коллеги мне рассказали, что в Гори найдена метрическая книга, подтверждающая дату рождения Сталина: 6 декабря 1878 года.

412

Косвенно это подтверждается в записке уже упоминавшегося Книжника-Ветрова, где говорится, что отец Сталина забрал его из первого класса духовного училища помогать по сапожному делу, когда тому исполнилось 12 лет (РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1279. Л. 40).

413

Городецкий Е., Шарапов Ю. Указ. соч. С. 97.

414

ЦХИДНИ КК. Д. 368. Л. 5–8.

415

ЦХИДНИ КК. Д. 294. Л. 1.

416

Швейцер В. Сталин в Туруханской ссылке. Воспоминания подпольщика. Титульный лист.

417

И. В. Сталин. Краткая биография. С. 56–67.

418

Сибирский потомок Сталина // Известия. 8 декабря 2000.

419

Сталин – мой дед // Известия. 20 января 2001; Тайна родословной Юрия Давыдова // Время МН. 1 февраля 2001.

420

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 330.

421

Волкогонов Д. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. 4-е изд. М., 1996. С. 41.

422

ЦХИДНИ КК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 289. Л. 20.

423

Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 175.

424

Алилуев С. Пройденный путь. М.: ОГИЗ, 1946. С. 108 // Библиотека И. В. Сталина; *Аллилуева А. С.* Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С. 38 // Библиотека И. В. Сталина.

425

Васильева Л. Кремлевские жены. Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. 2-е изд, исправленное. М.,1999. С. 203–204.

426

Аллилуева А. С. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1946. С. 117 // Библиотека И. В. Сталина.

427

Аллилуева А. С. Воспоминания. Титульный лист.

428

Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 88.

429

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 120–121.

Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 135–174.

431

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 257.

432

Троцкий Л. Д. Кем и как был совершен Октябрьский переворот // Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991. С. 327.

433

Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 328. Мой учитель Е. А. Луцкий, посвятивший свою научную жизнь поминутному изучению истории октябрьских событий, считал, что 24 октября было два заседания руководящего ядра партии, на втором из них присутствовал Сталин. У меня нет оснований не соглашаться с ним по поводу количества заседаний ЦК, но присутствие Сталина – всего лишь предположение, не подкрепляемое документально. См.: *Луцкий Е. А.* Мемуарные источники о заседании ЦК РСДРП(б) 24–25 октября 1917 г. // Советские архивы. 1980. № 4. С. 26–31; *Его же.* Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 24–25 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 81–90.

434

Аллилуева А. С. Указ. соч. С. 188.

435

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Изд-во «Родина», 1993. С. 177.

436

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 88.

437

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 250.

438

Там же.

439

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 92.

440

Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1910. М.: Сов. писатель, 1936 // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 59.

441

Указ. соч. С. 7.

442

Указ. соч. С. 71–72.

443

Указ. соч. С. 76.

444

Указ. соч. С. 77.

445

Бармин А. Указ. соч. С. 312.

446

Аллилуева С. Только один год. С. 331.

447

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. С. 101.

448

Аллилуева С. Только один год. С. 331.

449

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 253.

450

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1486. Л. 135.

451

Васильева Л. Дети Кремля. 2-е изд. М., 1999. С. 108.

452

В 2010 г. я рассказал телекорреспондентам о письме Костюковской и попросил поискать ее следы. Выяснилось, что реальное лицо А. Рубинштейн умерла в Ленинграде в 1950 г., в том же году автор письма перебралась в Москву. Мне кажется, человек, проживший почти всю жизнь в другом городе, вряд ли может претендовать на роль очередной жены вождя (см. «Аргументы и факты»: www.komprinfo.ru).

В 1999 г. Серго, сын Лаврентия Берия, в телевизионном интервью рассказал, что вскоре после смерти Аллилуевой Сталин якобы снова женился на племяннице Кагановича, но об этом никто не знал, кроме ближайших соратников. От этого брака были дети, семья жила в отдельном доме недалеко от сталинской дачи в Кунцево. Фильм повторно показали в 2012 г. Подтверждения этой информации в других источниках я не нашел, но она, похоже, ближе всех к истине.

453

Аллилуева С. Указ. соч. С. 336, 337.

454

Троцкий Л. Портреты революционеров. Моск. рабочий, 1991. С. 241.

455

См.: *Радзинский Э.* Сталин. М., 1997. С. 338.

456

См.: «Заменить вас некем». Письма М. Горького И. В. Сталину // Источник. № 5. 1999. С. 117.

457

Там же.

458

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. Изд-во «Родина», 1993. С. 182.

459

Троцкий Л. Указ. соч. С. 233.

460

Сталин И. В. Краткая биография. М., 1948. С. 120.

461

Сталин И. В. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 48–49.

462

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ. 1939. С. 419–420.

463

Сталин И. В. Речь на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства. 10 ноября 1935 г. // Правда. 11 ноября 1935.

464

Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М., 1992; *Ранкур-Лаферрьер Д*. Психика Сталина. Психоаналитическое исследование. М., 1990.

465

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 11.

466

Цитата из письма Троцкого от 19 июля 1937 года жене (второй) Наталии Седовой, не требующая комментариев: «С тех пор, как приехал сюда, ни разу не вставал мой бедный х Как будто нет его. Он тоже отдыхает от напряжения тех дней. Но сам я, весь, помимо него, с нежностью думаю о старой, о милой п Хочется пососать ее, всунуть язык в нее, в самую глубину. Наталочка, милая, буду еще крепко-крепко е тебя и языком, и х Простите, Наталочка, эти строчки, кажется, первый раз в жизни так пишу Вам. Обнимаю крепко, прижимаю все тело к себе. Твой Л.» // Родина. Дайджест. Сборник разных лет. Пилотируемый номер. 1998. С. 29.

467

Там же. Л. 9.

468

Там же. Л. 63.

469

Там же. Л. 64.

470

Громов Е. Сталин. Власть и искусство. М.,1998.

471

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 338.

472

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 383. Л. 10а.

473

Там же. Л. 40а.

474

Громов Е. Указ. соч. С. 93–95.

475

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1617. С. 328.

476

Там же. С. 94–95.

477

Там же. С. 124–125.

478

Там же. С. 166, 168.

479

Там же. С. 210.

480

Там же. С. 211–212.

481

О любви Сталина к сатире Щедрина упоминает и С. Аллилуева (Только один год. С. 337).

482

Сталин И. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1939. С. 522–523.

483

Там же. С. 519–521.

484

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. Л. 226–304.

485

Там же. Л. 13–29.

486

Там же. Л. 61.

487

Там же. Л. 64.

488

Сталин И. В. Соч. Т. 8. М., 1948. С. 243.

489

Фрейд З. Психология. Религия. Культура. М.,1992. С. 206.

490

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 231. С. 72–73.

491

Там же. С. 29–31.

492

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 39.

493

Там же. Л. 41.

494

Указ. соч. Л. 42.

495

Там же.

496

Указ. соч. Л. 43.

497

Указ. соч. Л. 44.

498

Там же.

499

Сталин И. В. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 45.

500

Сталин И. В. Соч. Т 6. М., 1947. С. 17.

501

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 370. Л. 45.

502

Там же.

503

Там же.

504

Там же.

505

Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 273.

506

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 337.

507

Ленин В. И. ПСС. Т. 17. С. 210.

508

Толстой Л. Воскресение. Роман. ACADEMIA. 1935. С. 11 // РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 353.

509

Указ. соч. С. 406.

510

Указ. соч. С. 407.

511

Указ. соч. С. 378.

512

Указ. соч. С. 368.

513

Указ. соч. С. 199.

514

Указ. соч. С. 194.

515

Указ. соч. С. 207.

516

Указ. соч. С. 393.

517

Указ. соч. С. 395.

518

Указ. соч. С. 258.

519

Указ. соч. С. 393.

520

Указ. соч. С. 346.

521

Указ. соч. С. 368.

522

Указ. соч. С. 369.

523

Указ. соч. С. 373.

524

Там же.

525

Указ. соч. С. 342.

526

Указ. соч. С. 370.

527

Указ. соч. С. 366.

528

Толстой Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. 22. М., 1985. С. 197.

529

Например, Рокоссовскому во время «следствия» выбили девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног. Но это не помешало ему в бытность министром обороны Польши санкционировать массовые расстрелы польских офицеров. См.: *Залесский К. А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 389–390.

530

Толстой Л. Н. Воскресение. С. 339.

531

Указ. соч. С. 340.

532

Указ. соч. С. 344.

533

Указ. соч. С. 379.

534

Указ. соч. С. 380.

535

Указ. соч. С. 394.

536

Указ. соч. С. 322.

537

Указ. соч. С. 323.

538

Указ. соч. С. 324.

539

Указ. соч. С. 311.

540

Ленин В. И. Указ. соч. С. 209.

541

Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 244.

542

Там же. С. 401.

543

Там же. С. 404.

544

Там же. С. 406.

545

Толстой Л. Н. Избранное. Ростов-на-Дону, 1998. С. 288.

546

Там же. С. 14.

547

Толстой Л. Н. Воскресение. С. 364.

548

Аллилуева С. Только один год. М., 1990. С. 337.

549

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 и 1879 годы. М.-Л.: Госиздат, 1929; *Его же.* Полное собрание художественных произведений, тт. IX, X. М.-Л.: Госиздат, 1927. Братья Карамазовы // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

550

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том XV. Л.: Наука, 1976. С. 488.

551

Достоевский Ф. М. Полное собрание художественных произведений, т. IX. М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 45 // Государственная общественно-политическая библиотека. Библиотека И. В. Сталина.

552

Там же.

553

Сталин И. В. Соч. Т. 10. М., 1949. С. 172–173.

554

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 46.

555

Там же.

556

Указ. соч. С. 59.

557

Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 317.

558

См.: *Кюнг Г.* Великие христианские мыслители. СПб., 2000. С. 245.

559

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 58.

560

Там же.

561

Указ. соч. С. 59.

562

Указ. соч. С. 60.

563

Указ. соч. С. 57.

564

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 133.

565

Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 176–177.

566

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Т. 1. Части 1 и 2. М.-Л.: Госиздат, 1927. С. 64 // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

567

Указ. соч. С. 65.

568

Указ. соч. С. 66.

569

Указ. соч. С. 67.

570

Указ. соч. С. 68.

571

Указ. соч. С. 69.

572

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 167.

573

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 71.

574

Указ. соч. С. 311.

575

Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Ницше: pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 485.

576

Франк С. Сочинения. Минск-М., 2000. С. 242.

577

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 321.

578

См. напр.: Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 24. Л. 29.

579

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 310.

580

Указ. соч. С. 300.

581

Указ. соч. С. 311.

582

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 27.

583

Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 110.

584

Сталин И. В. Речь на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства // Правда. 6 декабря. 1935.

585

Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. ОГИЗ, 1939. С. 513.

586

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: ОГИЗ, 1947. С. 196–197.

587

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 315.

588

Там же.

589

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 316.

590

Там же.

591

Указ. соч. С. 317.

592

Указ. соч. С. 317.

593

Указ. соч. С. 300.

594

Сталин И. В. Соч. Т. 13. М., 1951. С. 112.

595

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 302.

596

Указ. соч. С. 303.

597

Указ. соч. С. 305.

598

Указ. соч. С. 305.

599

Указ. соч. С. 298–299.

600

Указ соч. С. 299.

601

Там же.

602

Там же.

603

Указ. соч. С. 49.

604

Там же.

605

Указ. соч. С. 53.

606

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001. С. 88–92.

607

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 52.

608

Указ. соч. С. 54.

609

Указ. соч. С. 301.

610

Указ. соч. С. 318.

611

Указ. соч. С. 318.

612

Указ. соч. С. 319.

613

Франс А. Указ. соч. С. 41.

614

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 22. Л. 57.

615

Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 93–94.

616

Сталин И., Жданов А., Киров С. Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» // Правда. 8 августа 1934.

617

Платонов С. Ф. Учебник русской истории. СПб., 2001. С. 147–150.

618

Подробнее см.: *Вайскопф М.* Указ. соч. С. 156, 163.

619

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 133.

620

РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 21.

621

Имеется в виду Рервег.

622

Там же. С. 22.

623

Там же.

624

Там же. С. 24.

625

Там же. С. 25.

626

Там же. С. 26.

627

Там же. С. 27.

628

Там же.

629

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 10.

630

Указ. соч. С. 91.

631

Аллилуева С. Только один год. С. 135.

632

Достоевский Ф. М. Указ. соч. С. 87.

633

Леонтьев К. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993. С. 502.

634

Указ соч. С. 503.

635

Вейнингер О. Последние слова. Киев, 1995. С. 147.

636

Толстой Л. Н. Философский дневник. 1901–1910. С. 164.

637

Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 170.

638

Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 97.

639

Франк С. Русское мировоззрение. СПб.,1996. С. 465.

640

Карлейль Т. Этика жизни. Знамение, 1999. С. 402.

641

Бодрийярд Ж. Прозрачность зла. М.,2006. С. 205.

642

Толстой Л. Н. Указ. соч. С. 210.

643

После революции Сталин официально указывал дату и год рождения – 21 декабря 1879 г., но в действительности он родился 18 декабря 1878 г.

644

Здесь и далее курсивом передается рукописный сталинский текст со всеми его грамматическими и стилистическими особенностями.

645

Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма.5-е изд. М., 2013.

646

Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. М., 1994. С. 74.

647

Гегель Г. В.Ф. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.-Л., 1935. С. 3–12, 51–75.

648

На многозначность этого слова указывает и лучший знаток античной философии и филологии А. Ф. Лосев: «Термин logos является носителем нескольких десятков значений в греческом языке… Самое главное – это то, что в этом термине отождествляется все мыслительное, все словесное, так что “логос” в этом смысле означает и “понятие”, и “суждение”, и “умозаключение”, и “доказательство”, и “науку” с бесчисленными промежуточными значениями, а с другой стороны, и “слово”, “речь”, “язык”, “словесное построение” и вообще все, относящееся к словесной области. На европейской почве это является единственным и замечательным отождествлением мышления и языка, так как всякий другой европейский язык для той и другой сферы имеет свои специальные обозначения» (Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1968. С. 532–533).

649

Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. Философско-историческое исследование. СПб., 2009. С. 147.

650

Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1986. С. 164.

651

Деборин А. М. Новое учение о языке и диалектический материализм. (К 45-летию ученой деятельности Н. Я. Марра) // Академия наук СССР. XLV академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935. С. 22.

652

Кант претендовал на разработку «физико-теологических методов, которыми можно прийти от рассмотрения природы к познанию Бога». *Кант И.* Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Собр. соч. в восьми томах. Т. 1. М., 1994. С. 445.

653

Здесь и далее в библейском тексте все выделено мной. – Б. И.

654

Гете И. В. Страдания юного Вертера. Фауст. М., 2004. С. 184–185.

655

Указ соч. С. 633.

656

Цит. по: *Басин Е. Я.* Искусство и коммуникация. М.: МОНФ, 1999 // http://www.philosophy.ru/edu/ref/basin/glava72. html

657

Гегель Г. В.Ф. О сочинениях Гамана // *Гегель Г. В. Ф.* Работы разных лет в двух томах. Том 1. М., 1970. С. 619. Курсив автора текста.

658

Лакан Ж. Семинары. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Книга 2. (1954/1955). М., 1999. С. 403.

659

Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. 2-е изд. М., 2007. С. 133, 145–146. Курсив автора текста.

660

Первый раз люди позавидовали мудрости и всезнанию Господа, вкусив от древа познания; второй раз – брат приревновал, то есть позавидовал брату; третий раз люди позавидовали вселенскому могуществу Бога. Так началась история, то есть прогресс. Зависть и антагонизм – это то, что Кант объявил основным двигателем общественного прогресса.

661

См.: *Бодуэн де Куртенэ.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 366–367.

662

Указ. соч. Т. 2. С. 17.

663

См., напр.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 200–201 и др.

664

Трубецкой Н. Об истинном и ложном национализме // *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 107.

665

Швейцарский славист и историк лингвистики П. Серио с восторгом пишет об этом очень спорном тезисе Трубецкого, явно подхваченном им и некоторыми русскими эмигрантскими мыслителями из пропагандистского арсенала итальянских и немецких националистов и этатистов 30-х годов XX века. Серио так характеризует евразийство Трубецкого и др.: «Евразийство стало, таким образом, метаморфозой органицизма XIX века, вернувшегося в Европу в виде ареальной лингвистики с ее геокультурными тенденциями, причем внутренняя связность этого течения мысли скреплялась одной мощной метафорой: “Народ подобен личности”» // *Серио П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–1930-е гг. М., 2001. С. 321.

666

Трубецкой Н. Вавилонская башня и смешение языков // *Трубецкой Н*. Наследие Чингизхана. С. 309.

667

К такому же выводу пришел и Патрик Серио. Указ соч. С. 168–170.

668

Марр Н. Я. Яфетидология. Жуковский-М., 2002. С. 438.

669

См., напр.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

670

Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. С. 33–36 и др.

671

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология // Сост. В. Н. Базылев и В. П. Нерознак. Под общей ред. д-ра фил. наук проф. В. П. Нерознака. М., 2001. С. 568.

672

См.: *Лосев А. Ф.* Знак, символ, миф. Труды по языкознанию. Изд-во моск. ун-та, 1992; *Его же.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; *Его же.* История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992 и др.

673

См.: *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 2004. С. 3, 83.

674

См.: *Серио П.* Указ. соч. С. 164–190.

675

См.: *Дебакер Л.* (Лувенский ун-т, ISTI-Брюссель, Бельгия) Миф, язык и культура (к палеонтологии речи Н. Я. Марра) // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. Серия «Мыслители», вып. 8. СПб., 2001.

676

См.: *Марр Н. Я.* Яфетидология. Жуковский-М., 2002.

677

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 74. Более ранняя работа Горбаневского М. В. «В начале была слово…» (М., 1991) написана с тех же нарочито антимарровских позиций, хотя и менее обстоятельна. См. также другие работы Алпатова, посвященные марризму, мало что добавляющие по существу.

678

Алпатов В. М. Указ. соч. С. 77.

679

См.: *Алпатов В. М.* Что может дать наследие Марра? // Colloque international. Un paradigme perdu: la linguistique marriste en URSS (années 1920–1950). Centre de conférences de Crêt-Bérard (au-dessus de Vevey), 1–3 juillet 2004 // http://www2.unil.ch/slav/ling/colloques/04Marr/prog.html#VA

680

Член-корресподент АН РФ В. М. Алпатов в настоящее время член Бюро Московского городского комитета Коммунистической партии РФ. Похоже, что партийная дисциплина, обязывающая обелять любые действия Сталина, в том числе и на поприще науки, оказала сильное искажающее воздействие на позицию во всем остальном вполне достойного ученого. – *Б. И.*

681

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 277.

682

Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 3–15.

683

См. также: *Илизаров Б. С.* К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. № 5. 2004; *Его же.* Ответ Сталина на вопросы студента Холопова в ходе языковедческой дискуссии 1950 года // Новая и новейшая история. № 5. 2009.

684

Материалы первых двух томов собраний сочинений Сталина требуют тщательного источниковедческого анализа. Изучая архив Сталина, у меня сложилось впечатление, что Сталин сознательно приписал себе авторство нескольких дореволюционных работ репрессированных им коллег по партии, в частности Л. Б. Каменева. Предполагаю, что два письма (1904 г.) Ленину и Крупской сфальсифицированы в 30-х годах XX века. Но для доказательства или опровержения моих предположений необходимо провести специальные исследования. – *Б. И.*

685

Проблема «посмертия» рассмотрена мной в книге: *Илизаров Б. С.* И Слово воскрешает… или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам «Народного архива». М.-СПб., 2007. С. 327–383.

686

См.: Академия наук СССР. XLV академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935.

687

См.: *Марр Н. Я.* Об истоках творчества Руставели и его поэме. Тбилиси, 1964. С. 249.

688

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 435–436.

689

Комментарий *курсивом* принадлежит мне. – *Б. И.*

690

Огонек. № 27 (223). 3 июля 1927 г.

691

См.: Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее: СПб. ФА РАН). Ф. 800. Оп. 3–7. Ед. хр. Г-1.

692

Там же. Ед. хр. Г-2-Г-12.

693

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. А-2092; Оп. 3–7. Ед. хр. Г-21.

694

Аничков И. Е. Очерк советского языкознания // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 445, 446, 447.

695

См.: Сумерки лингвистики. С. 449–569. И. Е. Аничков был осужден по так называемому «делу Платонова». См.: *Бахтин М. М.* Беседы с С. В. Дувакиным. М., 2002. С. 169.

696

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1–2. Ед. хр. В-1300. Л. 1–2.

697

Сумерки лингвистики. С. 436.

698

Марр Н. Я. Язык // Сумерки лингвистики. С. 181.

699

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Изд-во Моск. Патриархии. М., 1988. С. 851, 852.

700

См. напр.: *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 33, 65.

701

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. С. 14.

702

Наиболее ярко свое представление о задачах нарождавшейся науки семантики Марр выразил в работе «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 3. Язык и общество. М.-Л., 1934. С. 174–175.

703

См.: *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М., 1990. С. 514–520, в особенности с. 521–523; *Волошинов В.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995. С. 208–209, 229–325.

704

См.: *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. Портрет на фоне его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004. С. 154.

705

См.: *Филин Ф. П.* Мой путь в науке // Сумерки лингвистики. С. 514. Судя по цитатам и ссылкам на огромном количестве языков мира, В. П. Филин не очень преувеличивает.

706

Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XVI.

707

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 4–7. Ед. хр. Г-37.

708

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.-Л., 1948. С. 33.

709

В архиве Марра сохранилось секретное письмо от 26 февраля 1904 г., написанное ректором Санкт-Петербургского университета А. Ждановым о том, что к нему обратился начальник Санкт-Петербургского жандармского управления с просьбой командировать владеющего армянским языком в связи с «проводящемся в сем управлении дознанием, присовокупляя, что труд этот будет оплачен». Жданов просит его дать согласие.(СПб., филиал Архива АН РФ. Личный фонд Н. Я. Марра. Ф. 800. Оп. 2–3. Ед. хр. В-359. Л. 1, 1 об.).

710

В архивном фонде Марра сохранилась анкета, разосланная М. Горьким, Л. Андреевым, Ф. Соллогубом, об отношении к антисемитизму в России и ответы на нее // СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 855.

711

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 4–7. Ед. хр. Г-67.

712

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэме. Сб. статей. Тбилиси, 1964. С. 57.

713

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 5. Д-8, 18, 19, 20.

714

Там же. Д-133–135,

715

Там же. Д-175–177.

716

Там же. Д-189 и др.

717

Цит. по кн.: *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. С. 143.

718

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д-221, 222, 223.

719

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. С. 232–235.

720

См.: *Звегинцев В. А.* Что происходит в советской науке о языке // Сумерки лингвистики. С. 475.

721

См.: *Марр Н. Я.* Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры // Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 49.

722

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 421/1. Л. 849.

723

См.: Азбука христианства. Словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряда // Сост. А. Удовенко. М.: МАИК «Наука», 1997.

724

Марр Н. Я. Почему так трудно стать лингвистом теоретиком // Сумерки лингвистики. С. 195.

725

Марр Н. Я. Об яфетической теории // Избранные работы. Т. 3. С. 27.

726

Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций // Философия истории. Антология. М.,1995. С. 31.

727

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. Б.м.: «Атеист», 1930.

728

Книга Э. Тайлора «Первобытная культура» впервые вышла на русском языке в 1872 году.

729

Марр Н. Я. Яфетическая теория // Избранные работы. Т. 2. С. 107–108.

730

Мещанинов И. И. Воспоминания о Н. Я. Марре // Проблемы истории докапиталистических обществ Государственной академии истории материальной культуры (ПИДО), 1935. № 3–4. С. 157.

731

Декреты Советской власти. Т. V. М., 1971. С. 448–449.

732

См.: Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов. Т. V. М.-Л., 1963. С. 118–119.

733

Бухарин Н. И. Методология и планирование науки и техники. М., 1989. С. 81.

734

Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988. С. 293.

735

Бухарин Н. И. Тюремные рукописи Н. И. Бухарина. В 2-х книгах. М.,1966. С. 180. См. также с. 197.

736

КСУ – Комиссия содействия ученым.

737

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 1, 1 об.

738

Там же. Оп. 3. Ед. хр. 573. Л. 2, 2 об.

739

Томашевский Б. В. – известный литературовед и филолог.

740

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 576. Л. 5.

741

Там же.

742

Там же. Оп. 3. Ед. хр. 759.

743

Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 528.

744

Там же. С. 530.

745

Покровский М. Н. Всесоюзная конференция историков-марксистов // Избранные произведения. Лекции, статьи, речи. М., 1987. С. 449.

746

См.: Труды Первой всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. II. М., 1930. С. 267–292.

747

См.: *В. И. Ленин и А. В. Луначарский.* Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 174–175 и др.

748

Государственная академия истории материальной культуры.

749

СПб. ФА АН РФ. Ф. 800. Оп. 2–3. Ед. хр. В-744. Л. 1–3. В конце письма кем-то карандашом приписано примечание о том, что письмо писано на машинке, а подпись поставлена А. М. Горьким (А. Пешковым).

750

Текст, отмеченный Сталиным, передается курсивом.

751

Филин Ф. П. Борьба за марксистко-ленинское языкознание и группа «Языкофронт» // Сумерки лингвистики. С. 115.

752

Марр Н. Я. Яфетидология. Жуковский-М., 2002. С. 436.

753

Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина. С. 224–225.

754

Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. Очерки происхождения современной буржуазии. М.-Л., 1930.

755

В частности, см. заметки Марра о Лафарге в его архиве (Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 611).

756

Лафарг П. Сочинения. Т. 3. М.-Л., 1931. С. 211 // Российская государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

757

Там же. С. 213.

758

Там же. С. 215.

759

Хочу вернуть давний долг благодарности – в студенческие годы я дополнительно посещал блистательные семинары и научный кружок ныне покойного А. Г. Волкова на филологическом факультете МГУ. Тогда он предложил мне тему для доклада «Русский язык революционной эпохи» и обратил внимание на проблему: Марр, история и язык. – *Б. И.*

760

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стеротипное. М., 2003.

761

Платонов А. Чевенгур. Рига, 1989. С. 56.

762

См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М., 1963. С. 518.

763

Марр Н. Я. и Смирнов Я. И. Вишапы. М., 1931. С. 92–93.

764

Там же. С. 61.

765

Пиотровский Б. Б. Вишапы. Каменные статуи в горах Армении. Л., 1939. С. 4.

766

Мещанинов И. И. Каменные статуи рыбы – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. Записки Коллегии востоковедов. Л., 1926. С. 401–409.

767

См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 518.

768

Марр Н. Я. и Смирнов Я. И. Вишапы. С. 102–103.

769

Брюсов В. Я. О книге А. В. Амфитеатрова «Армения и Рим».

770

Там же. С. 104–105.

771

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 78. 11. Указ. соч. С. 160.

772

Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 23 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1618.

773

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. Тбилиси, 1964. С. 104.

774

Две древние редакции грузинского четвероглава по трем Шатбердским рукописям (897, 936 и 973 гг.). Изд-во АН Грузинской ССР, 1945; *Шота Руставели.* Витязь в тигровой шкуре // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина (ГОПБ ОР БС).

775

Здесь и далее перевод П. Петренко.

776

См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. http://bibliotekar.ru/ber/index.htm // www.wikiznanie.ru; http://www.russianplanet.ru; wikipedia.org и др.

777

См.: СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. А-1315. Л. 1.

778

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 29.

779

Там же. С. 110. См. также с. 111.

780

Там же. С. 115.

781

Марр Н. Я. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» // Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии. Кн. XII. 1910. С. I-XLVI.

782

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 62–63.

783

Там же. С. 100.

784

Там же. С. 101.

785

Там же. С. 113, 114.

786

Там же. С. 114.

787

Там же. С. 119

788

Там же. С. 105.

789

Там же. С. 160–161.

790

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 5. Ед. хр. Д-189–196.

791

СПб. ФА РАН. Ф.800. Оп 1. Ед. хр. 165.

792

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. С. 172.

793

Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М.: Худ. лит-ра, 1939. С. 25. На правах рукописи // ГОПБ ОР БС.

794

Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре. М.: Изд-во АН СССР, 1937 // Там же.

795

Аллилуева С. Только один год. М.,1900. С. 337.

796

См.: *Брагинская Н. В.* Мировая безвестность: Ольга Фрейденберг об античном романе (Препринт WP6/2009/05). М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009 и др.

797

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 8.

798

Фрейденберг О. М. Воспоминания о Марре // Сумерки лингвистики. Антология. М., 2001. С. 438.

799

Марр и его последователи писали «Исольда». Такое написание имени имело особое значение. Современное написание «Изольда».

800

Веселовский А. Из введения в историческую поэтику (Вопросы и ответы) // *Веселовский А. Н.* Мерлин и Соломон. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. М.-СПб., 2001. С. 725.

801

Лосев А. Ф. Поздний эллинизм.

802

См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D1%85%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BF

803

Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 73.

804

См., в частности: *Леви-Стросс.* Путь масок. М., 2000. С. 292 и др.

805

См.: *Веселовский А.* Избранное: Историческая поэтика. М., 2006. С. 501.

В русле этих исследований находилась также знаменитая «Золотая ветвь» известного английского религиоведа и этнолога Джеймса Фрэзера (1854–1941). Посвятив жизнь изучению фольклористики и истории религии, Дж. Фрэзер собрал огромный фактический материал, позволивший ему с помощью сравнительно-исторического метода показать связь между современными религиями и первобытными верованиями, выявить земные истоки религиозного миропонимания. На русском языке книга впервые была издана в 1928 году (1–4-й выпуски). – *Б. И.*

807

Марр Н. Я. Иштарь. От богини матриархальной Афревразии до героини любви феодальной Европы // Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 307.

808

См.: СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 1. Ч. 2. Ед. хр. 232.

809

См.: *Марр Н. Я.* Избранные работы, Т 3., М.-Л., 1934. С. 39, 102, 348.

810

Марр Н. Я. Об яфетической теории // Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 2–3.

811

В эти же годы, занимаясь этрусским языком, Марр сделал очередное «нелепое» предположение о том, что этруски являются выходцами из Малой Азии. Недавние генетические исследования, проведенные в Италии, подтвердили это, но о Марре никто даже не упомянул.

812

Марр Н. Я. Иштарь. С. 350.

813

См.: *Королев К.* Универсальный язык и универсальная письменность // Языки как образ мира. М.-СПб., 2003. С. 556–557.

814

Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии. Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора под ред. академика Н. Я. Марра. Л.,1932 // ГОПБ ОР БС.

815

Сумерки лингвистики. С. 440.

816

См.: Средневековый роман и повесть. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М., 1974. С. 621

817

Фрейденберг О. М. Целевая установка коллективной работы над сюжетом «Тристан и Исольда». С. 12 // ГОПБ ОР БС.

818

Бедье Ж. Роман о Тристане и Изольде. / Пер. с фр. А. Веселовского. Предисл. А. А. Смирнова. М., 1955. Помимо первого издания 1903 года, роман переиздавался в 1913 и 1938 годах.

819

Пассек Т. С. Мотивы Триста и Исольды по материалам русской сказки. Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исольда. С. 203 // ГОПБ ОР БС.

820

Фрейденберг О. М. Тристан и Исольда в мифологемах эгейского отрезка Средиземноморья. Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исольда. С. 109 // ГОПБ ОР БС.

821

Там же. С. 110–111.

822

Франк-Каменецкий И. Г. Иштарь-Исольда в библейской поэзии // Указ. соч. С. 71.

823

Указ. соч. С. 74.

824

Франк-Каменецкий И. Г. Итоги коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольды. Там же. См. также с. 271–273 // ГОПБ ОР БС.

825

Margaret Schlauch. Romanic Review. Vol. XXIV. № 1, January March, 1933. P. 39–45.

826

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 18–20.

827

Указ. соч. С. 49–50.

828

См.: *Леви-Стросс К.* Путь масок. М., 2000. В особенности с. 283–298.

829

Указ. соч. С. 297.

830

Одна из лучших современных специалистов в области истории мифологии и научного наследия Фрейденберг, Н. В. Брагинская, устанавливает теснейшую связь воззрений Леви-Стросса с идеями ученицы Марра // См.: *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.,1978. С. 534, 540, 543.

831

См.: История русской литературы X–XVII вв. Под ред. Д. С. Лихачева; Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов; Глава 6. Литература XVI века. 2. Агиография.

832

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 6. Ед. хр. Е-289.

833

См.: Труды Института языка и мышления. Т. 2. Тристан и Исольда // ГОПБ ОР БС.

834

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 2. М.-Л., 1936. С. 16.

835

Там же.

836

Цит. по: *Державин Н. С.* Изучение языкового развития ребенка русской речи // Академия наук СССР. XLV академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935. С. 111.

837

Указ. соч. С. 111–112.

838

Щерба Л. В. О «диффузных звука» // Академия наук СССР. XLV академику Н. Я. Марру. М.-Л., 1935. С. 451–453.

839

См.: *Есаков В. Д., Левина Е. С.* Страницы жизни Николая Ивановича Вавилова (по его письмам) // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988–1989. М., 1989. С. 270–271.

840

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. II. Ед. хр. 457.

841

Н. Я. Марр. Генетическая история языка. 1) Становление языка и мышления, создание звуковой речи, ее видов и систем и проблема ее дальнейшего развития. Лекция, читанная в Ленинграде и Тифлисе. Приложения // Там же. Ед. хр. 451.

842

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 48, 58, 61, 75–76, 160.

843

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281.

844

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. С. 441.

845

Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 395–396.

846

См.: *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. 3-е изд. М., 2004. С. 287–316.

847

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 50.

848

Указ. соч. С. 51.

849

Там же. С. 52.

850

Там же.

851

Указ. соч. С. 52–53.

852

Указ. соч. С. 53. Разрядка везде принадлежит Сталину.

853

Там же.

854

Указ. соч. С. 54.

855

Там же.

856

Указ. соч. С. 55.

857

Там же.

858

Указ. соч. С. 56.

859

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 281. С. 57.

860

То есть Сталина.

861

Там же.

862

Указ. соч. С. 57–58.

863

Указ. соч. С. 58.

864

Там же.

865

Указ. соч. С. 59.

866

Там же. С. 60.

867

Указ. соч. С. 61–62.

868

Сталин И. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Партиздат ЦК ВКП(б), 1934. С. 31.

869

Указ. соч. С. 30.

870

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 222. С. 74.

871

Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 440–441.

872

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 251. С. 41–42.

873

Ленин В. И. Соч. Т. XVII. 3-е изд. С. 116.

874

Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1948. С. 54–55.

875

В 80-х годах XX века в русском языке насчитывали более 19 тысяч слов иностранного происхождения. См.: Словарь иностранных слов. Изд. 7-е, переработ. М., 1980.

876

Абель Карл. О возможности общеславянского литературного языка // Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. № 9. 1885. С. 392.

877

Указ. соч. С. 394–395.

878

Указ. соч. С. 395–396.

879

Циолковский К. Э. Общий алфавит и язык // Образование Земли и солнечных систем. Калуга, 1915. С. 11–13.

880

Марр Н. Я. Яфетидология. С. 444.

881

Луначарский А. Латинизация русского алфавита // Красная газета от 6 и 7 января 1930 г.

882

Архив Президента РФ (АПРФ). Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 54, 56.

883

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. II. 1930–1939. Каталог. М., 2001. С. 14.

884

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 923.

885

Там же. Ед. хр. 990. Л. 1–3.

886

Возможно, опечатка и следует читать: «Состоят из твердых и мягких гласных»? – *Б. И.*

887

Башинджагян Л. Г. Институт языка и мышления имени Н. Я. Марра // Вестник АН СССР. 1937. № 10–11. С. 258.

888

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1935. С. 183–184.

889

СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 654. Л. 1–6.

890

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 июня – 13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. С. 183.

891

Марр Н. Я. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком. С. 201.

892

Марр Н. Я. Язык и мышление // Избранные работы. Т. 3. С. 98.

893

В архиве Марра есть один из его научных отчетов за 1925–1926 гг. //СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп. 6. Ед. хр. Е-296.

894

Лоя Я. В. Основные направления в языковедении // Сумерки лингвистики. С. 55–57.

895

Лоя Я. В. Против субъективного идеализма в языкознании. Б. м., 1929. Отдельный оттиск // Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина.

896

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 57.

897

Там же. С. 59.

898

Там же. С. 87.

899

Там же. С. 187–205.

900

Там же. С. 185.

901

Есть сведения, что Поливанов злоупотреблял наркотиками и по этой причине вернулся в Среднюю Азию. – *Б. И.*

902

См.: *Леонтьев А. А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; *В. Ларцев.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988; *Алпатов В. М.* История одного мифа. С. 87–91; *Его же.* История лингвистических учений. Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 245–253. Мне представляется, что резкое противопоставление взглядов Поливанова и Марра в работах Алпатова неубедительно. – *Б. И.*

903

Алпатов В. М. История одного мифа. С. 95–100.

904

См.: Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 66.

905

См.: «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Вестник Архива Президента РФ. 1999. № 3; «Осталось еще немало хлама в людском составе». Как начиналось «дело Академии наук» // Вестник Архива Президента РФ. 1997. № 3; То же. 1997. № 4; См.: Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. Сост. В. Д. Есаков. М., 2000 (публикации документов).

906

Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 3. С. 122.

907

См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Т. II. 1930–1939. Каталог. М., 2001. С. 384, 423; Академия наук в решениях Политбюро РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 128–129.

908

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). М., 1930. С. 76.

909

Сталин И., Каганович Л. Отчет… С. 77.

910

Здесь и далее выделено в тексте «Отчета».

911

Там же. С. 84.

912

Сталин И. Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1933. С. 137.

913

Сталин И., Каганович Л. Отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). С. 85.

914

Марр Н. Я. Яфетидология. С. 443.

915

См.: *Алпатов В. М.* Указ. соч. С. 94.

916

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 773. Л. 44.

917

Там же. Л. 45.

918

См.: Исторический архив. 1995. № 2.

919

Фрейденберг О. М. Воспоминания о Н. Я. Марре //Сумерки лингвистики. С. 429.

920

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 75.

921

Яковлев Н. Ф. Аналитический или новый алфавит? // Культура и письменность Востока. X. 1931. С. 43–44.

922

Научно-исследовательский институт языкознания и Институт народов Востока.

923

Указ. соч. С. 45.

924

Агамали-Оглы С. В защиту нового тюркского алфавита. [Баку], 1927; *Яковлев Н.* Итоги унификации алфавитов в СССР // Советское строительство. 1931. № 8(61); Письменность и революция. М.-Л., 1933; Алфавит Октября, М.-Л., 1934; *Мусаев К. М.* Алфавиты языков народов СССР. М., 1965.

925

Десятичный принцип аналитического алфавита очень напоминает так называемую универсальную Десятичную классификацию Дьюи, разработанную в эти годы для библиотек.

926

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм., М., 1991. С.183.

927

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 212.

928

Там же. С. 8.

929

Там же. С. 39.

930

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 213.

931

Там же. С. 242.

932

Там же. С. 241.

933

Там же. С. 243.

934

Там же.

935

Там же. С. 243–244.

936

Здесь и далее подчеркнуто Сталиным.

937

РГАСПИ. Там же. С. 248.

938

Там же. С. 250.

939

Марр Н. Я. Об истоках творчества Руставели и его поэмы. Тбилиси, 1964. С. 104.

940

РГАСПИ. Там же. С. 253.

941

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1948.

942

См.: *Рыбаков Б. А.* Рецензия на книгу П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вестник Академии наук СССР. 1948. № 8; *Монгайт А. Л.* Обсуждение книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вопросы истории. 1948. № 9; *Федоров Г. Б.* Обсуждение книги проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» // Вестник древней истории. 1948. № 4; *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении восточных славян // Вопросы истории. 1948. № 9.

943

РГАСПИ. Там же. С. 254.

944

Там же. С. 252.

945

Там же. С. 251.

946

Марр Н. Я. 1929. Марксизм и языкознание, в частности яфетическая теория – начатая статья (04), рукопись // СПб. ФА РАН. Ф. 800. Оп 1. Ч. 2. Ед. хр. А-3048; *Марр Н. Я.* 1930. Заметки о происхождении звуковой речи в связи с чтением «Диалектики природы» Ф. Энгельса // Там же. Ед. хр. А-3041; То же. Ед. хр. А-3052; *Марр Н. Я.* 1932. Выписки из Маркса – Энгельса. Соч. Т. IX //Там же. Ед. хр. 144; *Марр Н. Я.* 1933. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин об языке. Заметки к работе // Там же. Ед. хр. 544; *Марр Н. Я.* 1933. Маркс и вопросы языка // Известия ГАИМК. Вып. 82 и др.

947

См.: *Быковский С. Я.* К. Маркс и языкознание // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 82. М.-Л.: ОГИЗ, 1934. С. 21–48; *Кацнельсон С. Д.* Вопросы языкознания в «немецкой идеологии» Маркса и Энгельса // Указ. соч. С. 49–116.

948

РГАСПИ Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 824.

949

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 116.

950

Политбюро ЦК РКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В трех томах. Том 2. 1930–1939. М., 2001. С. 471. № 90/67.

951

Алпатов В. М. Указ. соч. С. 110.

952

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 123.

953

Цитируется по надписи на обелиске, стоящем на могиле Н. Я. Марра. Кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. – *Б. И.*

954

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. С. 175.

955

Солженицын А. И. В круге первом. Т. 1. М.,1988. С. 168–170.

956

Указ. соч. С. 172.

957

Чуковский К. Из дневника 1955–1969 // Знамя. № 12. 1992. С. 174.

958

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

959

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 268–269.

960

Хрущев Н. С. «У Сталина были моменты просветления». Запись беседы с делегацией Итальянской компартии // Источник. № 2. 1944. С. 88–89.

961

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 164. Л. 101–102. См. также: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005. С. 526–527.

962

Сердюченко Г. П. Академик Н. Я. Марр – основатель советского материалистического языкознания. М.: Учпедгиз, 1950.

963

Сердюченко Г. П. Академик Н. Я. Марр – основатель советского материалистического языкознания. С. 63.

964

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250.

965

Чикобава А. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942 // Российская государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И. В. Сталина. (РГОПБ ОРК БС).

966

См.: *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004.

967

РГАСПИ. Там же. Л. 94 об.

968

Чикобава А. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. С. XVI.

969

Куманев В. А. За правдивое освещение прошлого // Вопросы истории. № 6. 1988. С. 59.

970

Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов-на-Дону, 2004. С. 296–298. Недавно опубликованы новые косвенные свидетельства о причастности Берия к дискуссии. См.: *Дружинин П.* Яфетические зори в Российской академии наук.// Новое литературное обозрение. 2013. № 119. http://magazines.russ.ru/nlo/2013/119/d37-pr.html

971

Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 508, 507.

972

См. отчет Чарквиани о проведенной антимарристской компании в Грузии, который также находится в архиве Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1265).

973

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 1–2.

974

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 3.

975

Здесь и далее подчеркивания в тексте принадлежат Сталину, а текст, отмеченный Сталиным на полях, передается курсивом.

976

Там же. Л. 4–5.

977

См.: *Марр Н. Я.* Грамматика древнеармянского языка. Этимология. СПб., 1902; *Его же.* Грамматика древнегрузинского языка. Л., 1925.

978

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1250. Л. 5–12.

979

Там же. Л. 16.

980

Там же. Л. 17.

981

Там же. Л. 18.

982

Там же Л. 19–22.

983

Там же. Л. 22.

984

Там же. Л. 24.

985

Там же. Л. 25.

986

Там же.

987

Там же. Л. 27

988

Там же. Л. 28–29.

989

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 809.

990

Там же. С. 403.

991

См. басню, составленную А. Шлейхером на индоевропейском языке // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1958. С. 104.

992

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 406.

993

Там же. С. 407.

994

Там же. С. 407.

995

Там же. С. 408.

996

Там же. С. 810.

997

Там же. С. 812.

998

Там же.

999

Там же. С. 813.

1000

Там же. С. 813–814.

1001

См.: *Старостин Б. А.* От феномена человека к человеческой сущности // *Шарден Пьер Тейяр де.* Феномен человека. М., 1987.

1002

См.: *Гильдебранд Дитрих фон.* Тейяр де Шарден на пути к новой религии // Новая Вавилонская башня. Избранные философские работы. СПб., 1998.

1003

См.: *Мень А.* Пьер Тейяр де Шарден: христианин и ученый // *Шарден П. Т.* Божественная среда. М., 1992.

1004

Шарден Пьер Тейяр де. Феномен человека. М., 1965. С. 205 (для научных библиотек).

1005

Там же. С. 237–238.

1006

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 19. С. 815.

1007

Там же. С. 817.

1008

Там же. С. 823.

1009

Там же. С. 378.

1010

Там же.

1011

Там же.

1012

Там же. С. 379.

1013

Там же. С. 379.

1014

Там же. С. 381–382.

1015

Там же. С. 383.

1016

Там же. С.384.

1017

Там же. С. 386–387.

1018

Там же. С.388.

1019

Там же.

1020

Там же.

1021

Там же. С. 389–390.

1022

Там же. С. 390.

1023

В бывшей библиотеке ИМЭЛ. – *Б. И.*

1024

Чикобава А. С. Когда и как это было // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 510–512.

1025

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 2.

1026

Медведев Р. А. Сталин и языкознание // Сумерки лингвистики. С. 548.

1027

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 1, 2, 2 об.

1028

См.: *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // *Сталин И.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: ОГИЗ, 1940. С. 351.

1029

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 1.

1030

Там же. Л. 128.

1031

Там же. Л. 129.

1032

Там же. Л. 134.

1033

Там же. Л. 139.

1034

Там же. Л. 144–152, 159, 160, 162.

1035

Там же. Л. 162, 162 об.

1036

Там же. Л. 163.

1037

Там же. Л. 81–82.

1038

Там же. Л. 103.

1039

Там же.

1040

Там же. Л. 114.

1041

Там же. Л. 118.

1042

Там же. Л. 26, 38.

1043

Там же. Л. 167.

1044

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 3.

1045

Там же. Л. 5.

1046

Там же.

1047

Там же.

1048

Там же.

1049

Там же. Л. 5 об.

1050

Там же.

1051

Там же.

1052

Там же.

1053

Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Л.,1936; *Его же*. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940; *Его же.* Новое учение о языке на современном этапе развития. Л., 1948 и др.

1054

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 7.

1055

Там же.

1056

См.: Сумерки лингвистики. М., 2001. С. 567–568.

1057

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 8–9.

1058

Там же. Л. 10.

1059

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947. С. 15.

1060

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов». 30-е годы. М., 1994. С. 81, 85, 130–131, 167–169, 180.

1061

Малышева-Виноградова Н. М. Страницы жизни В. В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 4. См. также: *Алпатов В. М.* История одного мифа. 2-е изд. М., 2004. С. 141, 174–175, 244.

1062

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 13.

1063

Там же. Л. 17.

1064

Там же. Л. 18.

1065

Там же. Л. 19.

1066

См.: *Млечин Л.* Смерть Сталина. Вождь и его соратники. М., 2003. С. 16–17.

1067

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 1.

1068

Огонек.1989. № 37. С. 27.

1069

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 35.

1070

Знаки абзаца, текст, написанный Сталиным от руки, передаются курсивом, текст, перепечатанный на машинке, передается обычным шрифтом, в скобках дается текст, вставленный Сталиным от руки в машинописный текст позже.

1071

Там же. Л. 35.

1072

Там же. Л. 121.

1073

Там же. Л. 128.

1074

Там же. Л. 152.

1075

Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. 2-е изд., доп. М., 2004. С. 184–189. Упомянутые автором работы предшественников (*Кузнецов П. С.* Еще о гуманизме и дегуманизации // Вопросы языкознания. 1966. № 4; *Звегинцев В. А.* Что происходит в советской науке о языке? // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001) также содержат лишь пересказ статей Сталина с гипотетическими рассуждениями об их источниках.

1076

См.: *Звегинцев В. А.* Что происходит в советской науке о языке? // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М., 2001. С. 487; *Медведев Р. А.* Сталин и языкознание // Там же. С. 548; *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 195.

1077

Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. Юрьев [Дерпт], 1912. С. 7, 8, 28.

1078

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 35 об., 36.

1079

Там же. Л. 37–38.

1080

Абаев В. И. О взаимоотношении иранского и кавказского элемента в осетинском // Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 116.

1081

Абаев В. И. Происхождение и культурное прошлое осетин по данным языка // Там же. С. 16.

1082

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 39.

1083

Там же. Л. 39–40.

1084

Там же. Л. 40.

1085

Там же. Л. 40.

1086

Там же. Л. 42.

1087

В сборнике статей «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина» (МГУ, 1952), предназначенном для прославления языковедческих работ Сталина, А. Чикобава ссылается на известную работу Выгодского «Мышление и речь» для подкрепления тезисов вождя (С. 68). – *Б. И.*

1088

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 43–44.

1089

Там же. Л. 44–45.

1090

Там же. Л. 45–46.

1091

Там же. Л. 46, 46 об.

1092

Там же. Л. 47, 121.

1093

Там же.

1094

Там же. Л. 121, 47–48.

1095

Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 425.

1096

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 48–49.

1097

Там же. Л. 122–123.

1098

Там же. Л. 123.

1099

Там же. Л. 124.

1100

Там же. Л. 112.

1101

Там же. Л. 115.

1102

Там же. Л. 116.

1103

Там же. Л. 117.

1104

Там же. Л. 119.

1105

Там же. Л. 50–52.

1106

Там же. Л. 53–54.

1107

Там же. Л. 55.

1108

Там же. Л. 56.

1109

Там же. Л. 56, 56 об.

1110

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 111.

1111

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 56 об.

1112

Там же. Л. 58

1113

Там же. Л. 57.

1114

В опубликованном тексте «в» отсутствует.

1115

Там же. Л. 58.

1116

Там же. Л. 59.

1117

Там же.

1118

Там же. Л. 60–61.

1119

Там же. Л. 61–62.

1120

Там же. Л. 128.

1121

Там же. Л. 128–129, 63–64.

1122

Там же. Л. 130–131, 64–65.

1123

Там же. Л. 130–131.

1124

Там же. Л. 65–66.

1125

Там же. Л. 131–136, 65–70.

1126

Там же. Л. 130.

1127

Там же. Л. 131, 67.

Вряд ли этим консультантом был В. В. Виноградов. Роль грамматики он определял следующим образом: «В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и типах; 3) учение о предложении и его типах, о его компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцеплений предложений, о сложном синтаксическом целом (о фразе)» (*Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.-Л., 1947. С. 4.). Эти определения не имеют ничего общего со сталинским.

1129

Там же. Л. 132.

1130

Там же. Л. 70.

1131

Там же. Л. 136–137.

1132

Там же. Л. 71–72.

1133

Там же. Л. 137–138.

1134

Мещанинов И. И. Новое учение о языке на современном этапе развития. Л.,1948. С. 37.

1135

Дневник П. К. Понамаренко. С. 19. Машинописную копию дневника любезно предоставил д.и.н. В. А. Невежин. – *Б. И.*

1136

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 137.

1137

Там же. Л. 142 об.

1138

Там же. Л. 138, 138 об, 73, 73 об.

1139

Там же. Л. 74, 139.

1140

Там же. Л. 74–75, 139–140.

1141

Там же. Л. 75–76.

1142

См.: *Панов Е. Н.* Знаки, символы, языки. Коммуникация в царстве животных и в мире людей. 5-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 113, 133.

1143

РГАСПИ. Там же. Л. 76–77.

1144

Там же. Л. 143.

1145

Там же. Л. 144.

1146

Леушин М. Сталин и Марр: три архивных документа // Логос. № 4. 2001. С. 86–90.

1147

Мещанинов И. За творческое развитие наследия академика Н. Я.Марра // Правда. 16 мая 1950.

1148

Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. 3-е изд., испр. и доп. М.-Л., 1949. С. 467.

1149

РГАСПИ. Там же. Л. 145–146.

1150

Там же. Л. 148.

1151

Там же. Л. 148–150.

1152

Там же. Л. 85.

1153

Звегинцев В. А. Указ. соч. С. 490.

1154

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1252. Л. 151.

1155

Здесь и далее все подчеркивания в цитатах принадлежат Сталину. Текст, отчеркнутый им на полях, передается курсивом.

1156

«Глазами человека моего поколения». Размышления К. Симонова о И. В. Сталине // Литературная газета. 18 мая 1988. С. 6.

1157

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1255. Л. 20.

1158

Там же. Ед. хр. 1256. Л. 29.

1159

Там же.

1160

Там же. Л. 30.

1161

Там же. Л. 1.

1162

Там же. Л. 2.

1163

Там же.

1164

Там же. Л. 18.

1165

Там же. Л. 3.

1166

Там же. Л. 4.

1167

Там же. Л. 16.

1168

Там же. Л. 23.

1169

Там же. Ед. хр. 1255. Л. 23.

1170

Там же. Ед. хр. 1253. Л. 37.

1171

Там же. Л. 37.

1172

Там же.

1173

Там же. Ед. хр. 1256. Л. 24.

1174

Там же.

1175

Там же. Ед. хр. 1253. Л. 3.

1176

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 261.

1177

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 3.

1178

Там же. Л. 30–36.

1179

Там же. Л. 7–29.

1180

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой. М.,1950. С. 73.

1181

Там же. С. 22.

1182

Там же. С. 73, 74, 75.

1183

Там же. С. 76–77.

1184

Марр Н. Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества // *Марр Н. Я.* Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 49.

1185

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 59–60.

1186

Марр Н. Я. Язык и современность. Изв. ГАИМК. Вып. 60. С. 26.

1187

Сталин И. В. Указ. соч. С. 17.

1188

Там же. С. 46, 47.

1189

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 302.

1190

Марр Н. Я. Об яфетической теории // Там же. С. 13.

1191

Марр Н. Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 56.

1192

Марр Н. Я. Язык и мышление // Там же. С. 90.

1193

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 78.

1194

Большая советская энциклопедия (БСЭ). 1-е изд. Т. 50. М., 1944. С. 734.

1195

Там же. С. 735–737.

1196

Сталин. И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 78–79.

1197

Там же. С. 79–80. В том же 1950 г. вышло очередное издание книги Энгельса «Анти-Дюринг». Сталин выделил: «Процитируем (из книги Дюринга. – *Б. И.*) лишь следующее: “Кто способен мыслить только при посредстве речи, тот еще не испытал, что значит *отвлеченное и подлинное* мышление”. Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями; так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи. Во всяком случае, по дюринговским мыслям и по выражающему их языку можно видеть, как мало эти мысли приспособлены к какому бы то ни было языку…» (РГАСПИ, ф. 558,оп.3, ед. жр.3, с.79). Спор о способности мыслить без языковой оболочки очень давний. – *Б. И.*

1198

Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 54.

1199

Марр Н. Я. Язык и мышление. С. 120–121.

1200

Там же. С. 121.

1201

Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. С. 6 и др.

1202

Борисковский П. И. Возникновение человеческого общества // Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977. С. 28 и др.

1203

Там же. С. 5.

1204

Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 63.

1205

Марр Н. Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 55.

1206

Соссюр Ф. де. Указ. соч. С. 48–49.

1207

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 80–81.

1208

Гегель Г. В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977. С. 303.

1209

Витгенштейн Л. Мысли о философии // Путь в философию. Антология. М., 2001. С. 16.

1210

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 142. С. 71.

1211

Там же. С. 287.

1212

Там же. С. 304.

1213

Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1–3. М.-СПб., 2002.

1214

Марр Н. Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 55–56.

1215

Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб., 1912.

1216

Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна. Пг., 1922.

1217

Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 586–587.

1218

См.: *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 233–234 и др.

1219

См.: *Марр Н. Я.* К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова // *Марр Н. Я.* Указ. соч.

1220

Гегель Г. В.Ф. Указ. соч. С. 300.

1221

См.: *Кассирер Э.* Указ соч. С. 440–723.

1222

Уайт писал: «Способность свободно и произвольно порождать значение и наделять им предмет или явление и, соответственно, способность усваивать и различать это значение мы называем способностью к символизации». (*Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 51 и др.)

1223

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 83.

1224

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 27.

1225

Там же. Л. 28–29.

1226

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 87.

1227

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1253. Л. 6.

1228

Там же. Л. 76.

1229

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 261.

1230

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. С. 91, 100.

1231

РГАСПИ. Ф.558, оп.11, Ед. хр.1254, л.12

1232

Там же. Л. 1–2.

1233

Там же. Л. 13–14, машинопись.

1234

Санжеев Г. Д. Образование и развитие национальных языков в свете учения И. В. Сталина // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. МГУ, 1952. С. 334.

1235

Там же. С. 335.

1236

Сталин И. В. Соч. Т. 2. М., 1954. С. 292.

1237

Санжеев Г. Д. Указ. соч. С. 335–336.

1238

Звегинцев В. А. Указ. соч. С. 489.

1239

Санжеев Г. Д. Указ. соч. С. 370.

1240

Марр Н. Я. Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества. С. 57.

1241

Звегинцев В. А. Указ. соч. С. 360.

1242

Санжеев Г. Д. Указ. соч. С. 354–355.

1243

Указ. соч. С. 356.

1244

Указ. соч. С. 337.

1245

Указ. соч. С. 347.

1246

Указ. соч. С. 366.

1247

Лебон Г. Психология народов и масс. Изд-во Ф. Павленкова, 1898; *Чамберлен Г. С.* Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе. 5-е изд. СПб., 1910.

1248

До революции писали Чамберлен, а в наше время – Чемберлен.

1249

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // *Сталин И. В.* Соч. Т. 11. М., 1949. С. 337.

1250

Есаков В. Д., Левина Е. С. Страницы жизни Николая Ивановича Вавилова (по его письмам) // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1988–1989. М., 1989. С. 270–271.

1251

Указ. соч. С. 271. При этом авторы ссылаются на следующие работы: *Гамкрелидзе Г. В., Иванов Вяч. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и культуры. Тбилиси, 1984. Т. 11. Гл. 4, 6; *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского народов. Л., 1972. С. 18–19.

1252

См.: Неизвестный Гитлер. М., 2005.

1253

Розенберг А. Миф XX века. Таллин, 1998.

1254

См. напр.: *Марр Н. Я.* Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества // Избранные работы. Т. 3. М.-Л., 1934. С. 48.

1255

Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 272.

1256

БСЭ. Т. 28. 1-е изд. М., 1937. С. 386.

1257

Там же. С. 391.

1258

Там же.

1259

Там же.

1260

Там же. С. 394.

1261

Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л., 1926. С. 72.

1262

Указ соч. С. 73.

1263

Указ. соч. С. 75.

1264

Там же.

1265

Там же. С. 77.

1266

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Перевод под ред. Р. О. Шор. М., 1937 // Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. М., 1956. С. 401.

1267

См.: *Илизаров Б. С.* И Слово воскрешает… или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и одно развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам «Народного архива». М., 2007.

1268

См.: *Мандельштам О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990. С. 396.

1269

См.: *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. 3-е изд. М., 2004.

1270

См.: *Бутовская М. Л.* Язык тела: природа и культура. М., 2004.

1271

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 136–137.

1272

Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976. С. 27.

1273

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1251. Л. 81–82.

1274

Там же. Л. 10.

1275

Там же.

1276

Там же. Л. 11–12.

1277

Там же. Л. 15–17, 48–55.

1278

Там же.

1279

Там же. Л. 55.

1280

Там же.

1281

Там же. Л. 54.

1282

Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Ед. хр. 2544.

1283

Там же. Ед. хр. 1119. Л. 1.

1284

Там же.

1285

Эйзенштейн С. М. Метод. Том I. М., 2002. С. 136.

1286

Марр Н. Я. Избранные работы. М.-Л., 1934. С. 107.

1287

Там же. С. 108–109.

1288

Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 128.

1289

Там же. С. 126–127.

1290

См.: *Шемякин Ф. Н.* Теория Леви-Брюля на службе империалистической реакции // Философские записки. Т. 5: Вопросы психологии. М.-Л., 1950. С. 148–175; *Шаревская Б. И.* Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии // Советская этнография. № 3. 1953. С. 9–26.

1291

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1254. Л. 6, 7, 7об., 8.

1292

Там же. Л. 9.

1293

Здесь и далее разрядка в тексте заметки принадлежит Сталину.

1294

РГАСПИ. Там же. Л. 18–25, 100–114.

1295

Там же. Л. 37.

1296

Там же. Л. 71–72.

1297

Там же. Л. 64–65.

1298

Там же. Л. 70.

1299

Там же. Л. 13–48.

1300

Там же. Л. 40.

1301

Там же. Л. 12.

1302

Там же. Л. 87.

1303

Там же. Л. 87, 91, 103.

1304

Виноградов В. В. Академик И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945 // Вопросы языкознания. 1952. № 1. С. 149.

1305

См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 154. Л. 115.

1306

Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М.: Иск-во, 1950. С. 22 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1618.

1307

Там же.

1308

Там же. С. 23.

1309

Там же.

1310

Там же. С. 24.

1311

Там же. С. 25.

1312

Там же. С. 49.

1313

Там же. С. 46–47.

1314

Там же. С. 47.

1315

Там же.

1316

Там же. С. 50.

1317

Там же. С. 42.

1318

Там же. С. 43.

1319

Там же. С. 43.

1320

Сталин И. В. К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой // Правда. 4 июля 1950.

1321

Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995. С. 156.

1322

Там же.

1323

РГАСПИ. Ф. 558. Оп.3. Ед. хр. 246. С. 4.

1324

Там же. С. 5.

1325

Там же. С. 8.

1326

Там же.

1327

Там же. С. 75.

1328

Там же.

1329

Там же.

1330

Там же. С. 76.

1331

Там же. С. 77.

1332

Там же. С. 77, 78.

1333

Там же. С. 79.

1334

Там же. С. 81

1335

Там же. С. 82, 84, 85, 86, 87, 89, 96.

1336

Там же. С. 85.

1337

Там же. С. 85.

1338

Там же.

1339

Там же. С. 87.

1340

Там же. С. 88.

1341

Там же. С. 89.

1342

Там же. С. 94.

1343

Там же. С. 112.

1344

Давид Сасунский. Армянский народный эпос / Пер. В. А. Державина, А. С. Кочеткова, К. А. Ликсперова и С. В. Шервинского. Под ред. и с предис. акад. И. А. Орбели. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939 // ГПОПБ ОР БС.

1345

Авдиев В. И. История Древнего Востока. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1940–1941 учебном году. На правах рукописи. М., 1940. С. 94 // ГПОПБ ОР БС.

1346

В 1948 году Авдиев прислал в подарок Сталину первый том монографии «Военная история Древнего Египта» и первое официальное издание учебника «История Древнего Востока». За этот учебник Авдиев в 1951 году получил Сталинскую премию первой степени. Об истории Урарту там было сказано глухо. Поэтому в предисловии ко второму изданию автор счел нужным отметить: «Особое место во втором издании учебника занимают разделы, посвященные истории Урарту…» Когда в марте 1953 года учебник вышел вторым изданием, вождь уже не успел с ним ознакомиться. – *Б. И.*

1347

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 352. Л. 99.

1348

С Эриком Осиповичем Ханпира судьба свела меня в 70–90-х годах прошлого века. Чуковский очень точно охарактеризовал взрывной характер этого яркого человека и высококвалифицированного лингвиста. См. также: *Эр. Хан-Пира.* Перед рассветом // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология. М.: Academia, 2001.

1349

Чуковский К. Дневник. 1955–1969 // Знамя. 1992. № 12. С. 162.

1350

Пиотровский Б. Б. Указ. соч. С. 262.

1351

Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М.-Л.: ОГИЗ, 1937. С. 391–391.

1352

Здесь излагается концепция «универсальной грамматики», разработанной выдающимся американским лингвистом Ноэмом Хомским. См. его: Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005. Новейшие веяния в вопросах происхождения языка людей и наиболее убедительная критика концепций Хомского см.: *Д. Бикертон.* Язык Адама. Как люди создали язык. Как язык создал людей. М., 2012.

1353

Вандриес Ж. Указ. соч.

1354

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 252 и др.

1355

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экс пе риментально-психологическое исследование. М., 1974; *Его же.* Этапы пройденного пути. Научная биография. Изд-во МГУ, 1982.

1356

XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М.-Л., 1931.

1357

Там же. С. 271.

1358

Там же. С. 279.

1359

См.: Сб. статей «Алексей Федорович Лосев». М., 2009.

1360

Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990. С. 32–33.

1361

См.: *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.

1362

Там же. С. 381–382.

1363

Там же. С. 382–383.

1364

Там же. С. 388–390.

1365

Там же. С. 983.

1366

Там же. С. 400.

1367

Речь идет «О типах грамматического предложения в связи с историей мышления» – работе, опубликованной в сб.: *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. С. 280–403.

1368

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. С. 402–403.

1369

Там же. С. 249.

1370

Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.-СПб., 2003. С. 382.

1371

Витгенштейн Л. Дневники. 1914–1916. С. 105.

1372

Это позволяет более точно установить дату встречи – зима-лето 2009 года.

1373

Сома – настойка из галлюциногенных грибов, популярная в древности у народов Северо-Восточной Европы.